

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

ЦАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛХVII.

1890.

ЯНВАРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, № 80.

1890.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ	3
О. И. Успенскій. Патриархъ Іоаннъ VII Грамматикъ и Русь-Дро- миты у Симеона Магистра	1
Н. М. Влaговѣщенскій. Десятая сатира Ювенала	35
В. М. Шимкевичъ. Задачи современной зоологіи	72
И. И. Филевичъ. Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Вла- димирокое наслѣдіе (<i>продолженіе</i>).	95

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

П. А. Сырку. Glasnik zemaljskog muzeja u Bosni i Hercegovini. Sa- gajevo. 1889	136
Н. В. Помяловскій. Cours d'épigraphie latine. Par <i>Vené Cognat</i> . Paris. 1889.	156
И. А. Кожеко. <i>А. А. Тимовъ.</i> Лѣтопись Двинская. Москва. 1889.	167
А. Д. Каришентъ. Новѣйшія послѣдованія о Физиологѣ.	172
И. М. М. Дѣятельность земства по устройству есудо-сберегательныхъ товариществъ. <i>И. А. Соколовскаго.</i> С.-Пб. 1890	208
В. И. Модестовъ. Отвѣтъ на рецензію г. Зылинскаго	212
— Книжныя новости	230
Т. И. Филипповъ. О началахъ русскаго воспитанія	1
— Наша учебная литература (разборъ 14 книгъ).	12

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Пятидесятилѣтіе Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей	1
— Наши учебныя заведенія: Университетъ св. Владимира въ 1888 году	5
И. И. В. О черногорскомъ гражданскомъ уложеніи, его направленіи и методѣ его состояніи	13
Л. Л-ръ. Письмо изъ Паржа	37

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

L. Mueller. De Accii fabulis	1
---	---

Редакторъ **Л. Майковъ.**

(Вышла 3-го января).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛХVII.

1890.

ЯНВАРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографіи В. С. Балашева. Изд. Екаторининскаго кан., № 80.

1890.

Екатерининскій ул., № 80.
2008.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (16-го октября 1889 года). Объ учрежденіи стипендіи при С.-Петербургскомъ 2-мъ реальномъ училищѣ.

Попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа донесъ министерству народнаго просвѣщенія, что правленіе общества вспоможенія прикащикамъ и сидѣльцамъ въ С.-Петербургѣ представило директору С.-Петербургскаго 2-го реальнаго училища капиталъ въ 1.000 р., съ тѣмъ, чтобы на счетъ процентовъ съ этого капитала при названномъ училищѣ была учреждена одна стипендія въ память чудеснаго избавленія Государя Императора, Государыни Императрицы и Августѣйшихъ Дѣтей отъ опасности 17-го октября 1888 года.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу о семъ министра народнаго просвѣщенія, въ 16-й день октября 1889 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи и повелѣлъ искренно благодарить жертвователей отъ Имени Ихъ Величествъ.

2. (16-го октября 1889 года). Объ учрежденіи стипендіи при вновь открытомъ Дерптскомъ правительственномъ двухклассномъ училищѣ для дѣвочекъ.

Попечитель Дерптскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Капустинъ донесъ министерству народнаго просвѣщенія, что супруга его, Софья Николаевна Капустина, желая сохранить память объ учрежденіи, сто лѣтъ тому назадъ, императрицею Екатериною II первыхъ русскихъ училищъ въ Прибалтійскомъ краѣ, пожертвовала капиталъ

въ триста рублей, для учрежденія на проценты съ сего капитала одной стипендіи при вновь открытомъ Дерптскомъ правительственномъ двухклассномъ училищѣ для дѣвочекъ, съ наименованіемъ оной „стипендіею императрицы Екатерины II“.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія докладу, въ 16-й день октября 1889 года, Высочайше соизволилъ какъ на учрежденіе означенной стипендіи, такъ и на предоставленіе министерству народнаго просвѣщенія права утвердить положеніе объ оной.

3. (17-го ноября 1889 года). О закрытіи Гольдингенской гимназій.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта о закрытіи Гольдингенской гимназій, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о закрытіи Гольдингенской гимназій, мнѣніемъ положилъ:

1) Предоставить министерству народнаго просвѣщенія сдѣлать распоряженіе о закрытіи, въ теченіе трехъ лѣтъ, Гольдингенской гимназій, съ прекращеніемъ, начиная съ будущаго 1890—1891 учебнаго года, приѣма учениковъ въ это заведеніе и съ сохраненіемъ въ ономъ, впредь до закрытія, преподаванія на нѣмецкомъ языкѣ.

2) Прекратить, съ 1-го января 1890 года, отпускъ одной тысячи пятисотъ девяносто девяти рублей, ассигнуемыхъ курляндскому дворянству, по § 17 смѣты министерства народнаго просвѣщенія, въ пособіе на содержаніе упомянутой гимназій.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

4. (20-го ноября 1889 года). Объ измѣненіи нѣкоторыхъ параграфовъ устава Дерптскаго университета.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ измѣненіи нѣкоторыхъ пара-

графовъ устава Дерптскаго университета, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ измѣненіи нѣкоторыхъ параграфовъ устава Дерптскаго университета, мнѣніемъ положилъ:

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ статей Высочайше утвержденнаго 9-го января 1865 года устава Императорскаго Дерптскаго университета постановить:

1) Деканъ избирается попечителемъ учебнаго округа изъ профессоровъ соотвѣтственнаго факультета и утверждается въ должности на четыре года министромъ народнаго просвѣщенія. По истеченіи четырехлѣтняго срока службы, деканъ можетъ быть оставленъ, съ разрѣшенія министра, въ должности на слѣдующее четырехлѣтіе. Въ случаѣ болѣзни или отсутствія декана, обязанности его исполняются старшимъ, по званію, членомъ факультета, а если такихъ членовъ нѣсколько, то тѣмъ изъ нихъ, который ранѣе назначенъ въ занимаемую должность.

2) Ректоръ избирается министромъ народнаго просвѣщенія изъ ординарныхъ профессоровъ университета и назначается Высочайшимъ приказомъ на четыре года. По истеченіи четырехлѣтняго срока службы, ректоръ можетъ быть оставленъ, съ Высочайшаго соизволенія, въ той же должности на слѣдующее четырехлѣтіе.

3) Проректоръ избирается на три года, изъ ординарныхъ профессоровъ, попечителемъ учебнаго округа и утверждается въ должности министромъ народнаго просвѣщенія.

4) При открывшейся вакансіи профессора, министръ народнаго просвѣщенія или замѣщаетъ ее по собственному усмотрѣнію лицомъ, удовлетворяющимъ условіямъ, указаннымъ въ статьѣ 46 уст. Императорскаго Дерптскаго университета, или предоставляетъ университету избрать кандидата на вакантную должность и представить его на утвержденіе. Въ послѣднемъ случаѣ деканъ соотвѣтствующаго факультета немедленно объявляетъ о вакантной каедрѣ во всеобщее

свѣдѣніе, дабы желающіе явиться кандидатами на нее могли заведѣть о томъ факультету, при чемъ члены факультета и совѣта имѣютъ право предлагать извѣстныхъ имъ ученыхъ. Срокъ такихъ заявленій и предложеній полагается трехмѣсячный, со времени объявленія объ открывшейся вакансіи. Въ случаѣ неизвѣнія въ виду кандидата, факультетъ, по истеченіи указаннаго срока, доводитъ о семъ, чрезъ ректора, до свѣдѣнія попечителя учебнаго округа.

5) По обсужденіи ученыхъ и преподавательскихъ достоинствъ каждаго кандидата, факультетъ подвергается баллотированію всѣхъ кандидатовъ, при чемъ тотъ изъ нихъ, который получитъ наибольшее число голосовъ, считается кандидатомъ факультета. Факультетъ представляетъ о немъ совѣту, съ приложеніемъ подробныхъ протоколовъ тѣхъ засѣданій, въ конкхъ обсуждалось достоинство кандидатовъ, отдѣльныхъ мнѣній по сему дѣлу, общаго списка кандидатовъ и количества полученныхъ каждымъ изъ нихъ голосовъ при баллотированіи. Если никто изъ кандидатовъ не получитъ большинства голосовъ, а равно когда голоса раздѣлятся между нѣсколькими кандидатами поровну, то баллотированіе повторяется между кандидатами, получившими, сравнительно съ прочими, болѣе избирательныхъ голосовъ. Разсмотрѣвъ представленные факультетомъ документы, совѣтъ даетъ свое заключеніе объ избранномъ въ факультетѣ кандидатѣ посредствомъ баллотированія и затѣмъ о послѣдствіяхъ онаго представляетъ попечителю округа, съ приложеніемъ какъ всѣхъ документовъ, переданныхъ изъ факультета, такъ и особыхъ мнѣній членовъ совѣта, если таковыя были заявлены. Попечитель представляетъ дѣло, вмѣстѣ со своимъ мнѣніемъ, министру народнаго просвѣщенія. Если кандидатъ факультета не получитъ въ совѣтѣ большинства голосовъ, то баллотированію подвергаются всѣ лица, предложенныя членами факультета и предъявившія свои права на вакантную должность.

6) Профессоръ, прослужившій двадцать-пять лѣтъ по учебной части, можетъ продолжать службу, при университетѣ, если объ этомъ будетъ ходатайствовать попечитель и на удовлетвореніе такого ходатайства послѣдуетъ разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія. Для другихъ лицъ по учебной части университета необходимо въ подобныхъ случаяхъ разрѣшеніе попечителя.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

5. (20-го ноября 1889 года). О правах по воинской повинности окончивших курсъ въ двухклассныхъ русско-киргизскихъ училищахъ Уральской области.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о правахъ по воинской повинности окончившихъ курсъ въ двухклассныхъ русско-киргизскихъ училищахъ Уральской области, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о правахъ по воинской повинности окончившихъ курсъ въ двухклассныхъ русско-киргизскихъ училищахъ Уральской области, мнѣніемъ положилъ:

Въ дополненіе приложенія къ статьѣ 53 устава о воинской повинности (свод. зак. т. IV, кн. I изд. 1886 г.), постановить:

„Двухклассныя русско-киргизскія училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ Уральской области причисляются, для окончившихъ въ нихъ полный курсъ ученія, къ третьему разряду учебныхъ заведеній по отбыванію воинской повинности“.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

6. (20-го ноября 1889 года). О правахъ по воинской повинности штатныхъ помощниковъ классныхъ наставниковъ въ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ правительствомъ или имѣющихъ утвержденныя правительствомъ уставы.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о правахъ по воинской повинности штатныхъ помощниковъ классныхъ наставниковъ въ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ правительствомъ или имѣющихъ утвержденныя правительствомъ уставы, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о распространеніи дѣйствія пункта 8, статьи 63 устава о воинской повинности на помощниковъ классныхъ наставниковъ въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ, мнѣніемъ положилъ:

Статью 63 общаго о воинской повинности (свод. зак. т. IV, кн. I по прод. 1889 г.) дополнить слѣдующимъ правиломъ:

„Постановленія, изложенныя въ пунктѣ 3 сей статьи о льготѣ по отбыванію воинской повинности штатнымъ воспитателямъ и помощникамъ ихъ въ учебныхъ заведеніяхъ, содержащихъ правительствомъ, или уставы конхъ правительствомъ утверждены, распространяются на штатныхъ помощниковъ классныхъ наставниковъ, служащихъ въ означенныхъ учебныхъ заведеніяхъ“.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

7. (21-го ноября 1889 года). Объ открытіи I и II классовъ при Минскомъ реальномъ училищѣ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ открытіи I и II классовъ при Минскомъ реальномъ училищѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ открытіи I и II классовъ при Минскомъ реальномъ училищѣ, мнѣніемъ положилъ:

1. Учредить при Минскомъ реальномъ училищѣ I и II классы.

2. Отпускать ежегодно, начиная съ 1-го января 1890 года, въ добавленіе къ суммѣ въ 3,885 руб., ассигнуемой изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе Минскаго реальнаго училища, по пяти тысячъ семисотъ сорока восьми рубликовъ, со внесеніемъ сего расхода въ подлежащія подраздѣленія смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

II. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ, по положенію комитета г. министровъ, вслѣдствіе представленія г. министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволяя, въ 1-й день текущаго декабря, пожаловать бывшаго ученика Новооскольскаго уѣднаго училища, сына крестьянина Филиппа Вубликова, серебряною медалью съ надписью „за спасеніе погибавшихъ“ на Владимірской лентѣ для ношенія въ петлицѣ.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (22-го октября 1889 года). Положеніе о стипендіи при Люблинской мужской гимназій въ память чудеснаго избавленія Ихъ Императорскихъ Величествъ и Августѣйшихъ Дѣтей Ихъ отъ опасности 17-го октября 1888 г.

(Утверждено г. министрами народнаго просвѣщенія).

§ 1. Въ память чудеснаго избавленія Государя Императора, Государыни Императрицы и Августѣйшихъ Дѣтей Ихъ отъ опасности угрожавшей имъ при крушеніи Императорскаго поѣзда на курско-харьковско-азовской желѣзной дорогѣ 17-го октября 1888 г., учреждается при Люблинской мужской гимназій одна стипендія на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго для сей цѣли жителями г. Красностава и 18-ти гимнннхъ обществъ Красноставскаго уѣзда капитала въ одну тысячу шестьсотъ пятьдесятъ руб., съ присвоеніемъ наименованія: „стипендія 17-го октября“.

Примѣчаніе. Въ случаѣ закрытія или преобразованія Люблинской мужской гимназій, стипендія переходитъ въ учрежденіе, которое ее замѣнитъ.

§ 2. Означенный капиталъ остается навсегда неприкосновеннымъ, а на содержаніе стипендіата поступаютъ, за удержаніемъ государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 г., только проценты съ этого капитала.

§ 3. Стипендіальный капиталъ обезпеченъ на недвижимости въ г. Красноставѣ подъ № 164/34.

§ 4. Могушіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ стипендіи приобщаются къ стипендіальному капиталу.

§ 5. Стипендіатами назначаются исключительно дѣти жителей Красновоставскаго уѣзда, христіанскихъ исповѣданій, по выбору педагогическаго совѣта Люблинской мужской гимназіи и съ утвержденія попечителя Варшавскаго учебнаго округа.

§ 6. Стипендіаты пользуются стипендіею до тѣхъ поръ, пока остаются въ гимназіи, на сколько поведеніемъ и прилежаніемъ будутъ таковой достойны.

§ 7. О каждой выданной стипендіи публикуется въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ и въ одной изъ наиболѣе распространенныхъ варшавскихъ газетъ.

§ 8. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

2. (22-го октября 1889 года). Положеніе о стипендіи при С.-Петербургскомъ второмъ реальномъ училищѣ въ память чудеснаго избавленія Августѣйшей Семьи отъ опасности 17-го октября 1888 года.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ представленнаго правленіемъ общества вспоможенія прикащикамъ и сидѣльцамъ въ С.-Петербургѣ капитала въ одну тысячу рублей учреждаются при С.-Петербургскомъ 2-мъ реальномъ училищѣ одна стипендія Имени Ихъ Императорскихъ Величествъ въ память чудеснаго Ихъ избавленія при крушеніи желѣзнодорожнаго поѣзда 17-го октября 1888 года.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ двухъ билетахъ государственной комиссіи погашенія долговъ 6%, займа, хранится въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ С.-Петербургскаго 2-го реальнаго училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ сего капитала въ размѣрѣ 60 руб. выдаются стипендіату для взноса платы за ученіе.

§ 4. Въ стипендіаты избираются сыновья и родные братья дѣйствительныхъ членовъ общества вспоможенія прикащикамъ и сидѣльцамъ въ С.-Петербургѣ, христіанскаго вѣроисповѣданія.

§ 5. Право избранія стипендіатовъ принадлежитъ правленію этого общества, которое представляетъ къ приѣмнымъ экзаменамъ трехъ кандидатовъ и назначаетъ стипендію тому изъ нихъ, кто лучше выдержитъ приѣмное испытаніе.

§ 6. Въ случаѣ, если изъ представленныхъ правленіемъ общества

кандидатовъ къ экзаменамъ, ни одинъ не выдержитъ испытанія, то доходъ съ стипендіальнаго капитала за этотъ годъ обращается училищемъ на образованіе новыхъ такихъ же стипендій. На тотъ же предметъ поступають и всѣ другіе могушіе быть по какимъ-либо причинамъ остатки отъ этого капитала.

§ 7. Если почему-либо общество прекратитъ свое существованіе, то назначеніе стипендіатовъ предоставляется педагогическому совѣту училища, но на полученіе этой стипендіи имѣютъ право дѣти бѣднѣйшихъ прикащиковъ, христіанскаго вѣроисповѣданія, по удостоверенію купеческой управы, или учрежденія, ее замѣняющаго.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія С.-Петербургскаго втораго реальнаго училища въ другое какое-либо учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается по усмотрѣнію общества, пока оно существуетъ, а за закрытіемъ его, по усмотрѣнію начальства С.-Петербургскаго учебнаго округа, въ то учебное заведеніе, которое будетъ соотвѣтствовать нуждамъ отечественной торговли и промышленности.

§ 9. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

3. (22-го октября 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени вдовы потомственнаго почетнаго гражданина Юліи Ивановны Вагановой при Александровскомъ Тюменскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Капиталу въ двадцать тысячъ руб., пожертвованному вдовою потомственнаго почетнаго гражданина Юліею Ивановною Вагановой на учрежденіе стипендій при Александровскомъ Тюменскомъ реальномъ училищѣ присваивается, съ Высочайшаго соизволенія 16-го октября 1889 г., наименованіе: „капиталъ потомственной почетной гражданки Юліи Ивановны Вагановой“.

§ 2. Означенный капиталъ заключается въ 4% облигаціяхъ внутренняго займа 1887 г. и хранится въ Тюменскомъ окружномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ названнаго училища, составляя неотъемлемую собственность заведенія и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Изъ процентовъ съ этого капитала, составляющихъ ежегодно, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 г., сумму въ семьсотъ шестьдесятъ руб., ежегодно употребляется до шестисотъ руб., на взносъ платы за уче-

ніе въ названномъ реальномъ училищѣ сорока стипендіатовъ (со пятнадцати руб. на каждого). Если въ послѣдствіи, по распоряженію правительства, плата за право ученія въ Александровскомъ Тюменскомъ реальномъ училищѣ будетъ возвышена, то пропорціонально увеличенію платы должно уменьшиться и самое число стипендій.

§ 4. Право пользованія означенными стипендіями предоставляется способнымъ къ наукамъ и бѣднѣйшимъ ученикамъ изъ уроженцевъ Сибири, исключительно православнаго вѣроисповѣданія и преимущественно принадлежащимъ къ купеческому и мѣщанскому сословіямъ, или происходящимъ изъ таковыхъ, въ случаѣ же неизбѣжна кандидатовъ изъ названныхъ сословій свободныя вакансіи замѣщаются дѣтьми крестьянъ, чиновниковъ и духовенства, съ соблюденіемъ строгой послѣдовательности означеннаго здѣсь порядка словности.

§ 5. Выборъ стипендіатовъ предоставляется педагогическому совѣту Александровскаго Тюменскаго реального училища; въ случаѣ же большаго, противъ опредѣленнаго, количества кандидатовъ, въ стипендіаты избираются по жребію лучшіе по способностямъ ученики.

§ 6. Пользующіеся этими стипендіями воспитанники называются стипендіатами Юліи Ивановны Базановой.

§ 7. Остатокъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала и всѣ деньги, могущія образоваться отъ незамѣщенія въ помянутомъ учебномъ заведеніи стипендій, по окончаніи cadaго года обращаются въ государственныя процентныя бумаги и присоединяются къ пожертвованному капиталу, пока не составитя сумма, процентовъ съ коей будетъ достаточно для образованія еще одной стипендіи въ одномъ изъ высшихъ, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта Александровскаго Тюменскаго реального училища, техническихъ учебныхъ заведеній для окончившихъ курсъ въ названномъ училищѣ даровитыхъ стипендіатовъ Ю. И. Базановой.

§ 8. Означенная стипендія также называется стипендіей потомственной почетной гражданки Ю. И. Базановой и должна обеспечивать какъ взносъ за право слушанія лекцій, такъ и содержаніе и обмундировку стипендіата; стипендія эта въ случаѣ нѣсколькихъ на нее кандидатовъ замѣщается по жребію.

§ 9. Храненіе стипендіальнаго капитала, наблюденіе за тиражами, замѣнъ вышедшихъ въ тиражъ облигацій другими государственными процентными бумагами, соотвѣтствующей доходности, и присоединеніе къ капиталу, обозначенному въ 7 п. курсовой раз-

ницы въ полной ея суммѣ, могущей производя при покупкѣ процентныхъ бумагъ взаимнѣ вышедшихъ въ тиражъ, возлагается на педагогическій софѣтъ, училища.

§ 10. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

14. (25-го октября 1889 года). Положеніе о стипендіи имени дворянина Ивана Владиславовича Роецкаго при Императорскомъ университетѣ св. Владиміра.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Дворянинъ Киевской губерніи Леонардъ Михайловичъ Янковскій, исполняя волю умершаго дворянина Ивана Владиславовича Роецкаго, учреждаетъ при Императорскомъ университетѣ св. Владиміра одну стипендію въ треста двадцать три руб. годичнаго дохода, подъ наименованіемъ „стипендія имени Ивана Роецкаго“.

§ 2. Для обезпеченія означенной стипендіи г. Янковскій представляетъ шесть тысячъ восемьсотъ руб., заключающіеся въ 5% облигаціяхъ 1-го восточнаго займа за №№ 38695, 42765, 99477, 99721, по 100 руб., №№ 112733, 122881, 134282, 148986, 150141, 165155, 168296, 267708, 292636, 314474, 317736, 357523, 427159, 446433, 446434, 446435, 446436, 446437, 446438, 446439, 446440, 446441, 446442, 446443, 448241, 454631, 465072 и 465072 по 100 руб. Стипендіальный капиталъ хранится въ Киевскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя собственность университета св. Владиміра.

§ 3. Стипендія назначается правленіемъ св. Владиміра по соглашенію съ учредителемъ Леонардомъ Михайловичемъ Янковскимъ и съ утвержденія попечителя учебнаго округа.

§ 4. Стипендіатомъ имени Ивана Роецкаго можетъ быть студентъ университета св. Владиміра польскаго происхожденія, католическаго исповѣданія безъ различія сословій, хорошаго поведенія и хорошихъ успѣховъ въ наукахъ.

§ 5. Стипендіатъ имени Ивана Роецкаго обязанъ подчиняться относительно своихъ научныхъ занятій правиламъ, установленнымъ для стипендіатовъ министерства народнаго просвѣщенія.

§ 6. Содержаніе стипендіатамъ имени Ивана Роецкаго производится правленіемъ въ сроки, назначенные для сего правилами для прочихъ стипендіатовъ университета.

§ 7. Стипендіатъ лишается стипендіи въ случаяхъ: 1) выбитія его изъ университета св. Владиміра и 2) неуспѣшности въ научныхъ

занятіяхъ стипендіата, если нѣтъ къ тому особыхъ уважительныхъ причинъ, засвидѣтельствованныхъ непосредственнымъ начальствомъ.

§ 8. Остатокъ отъ содержанія стипендіата, по случаю незаимѣненія стипендіи въ какомъ-нибудь полугодіи, выдается въ одновременное пособіе стипендіату при окончаніи курса университета.

5. (21-го ноября 1889 года). Положеніе о стипендіи при Иллукстскомъ городскомъ училищѣ въ память событія 17-го октября 1888 года.

(Утверждено г. министрами народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 16-го октября 1889 года на счетъ процентовъ съ капитала чотыреста руб., пожертвованнаго женою тайнаго совѣтника Софьей Николаевной Капустиной, учреждается при Иллукстскомъ городскомъ училищѣ стипендіа, съ присвоеніемъ оной наименованія „стипендіа въ память событія 17-го октября 1888 года“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 4 билетахъ 2-го восточнаго займа, по сто руб. каждый, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ Якобштадтскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ названнаго училища.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ части, подлежащей, по закону 20-го мая 1885 года, поступленію въ казну, выдаются ежегодно избранному стипендіату въ день 17-го октября.

§ 4. Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ Иллукстскаго городского училища изъ числа бѣднѣйшихъ и достойнѣйшихъ учениковъ онаго, безъ различія сословія и вѣрснословіанія, и по представленію учителя-инспектора утверждается директоромъ народныхъ училищъ.

§ 5. Могущіе образоваться отъ временнаго незаимѣненія стипендіи или по какимъ другимъ причинамъ остатки причисляются къ стипендіальному капиталу.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

6. (23-го ноября 1889 года). Положеніи о стипендіи при Московской 3-й гимназій имени бывшаго воспитанника оной Александра Герасимовича Коммиссарова.

(Утверждено г. министрами народнаго просвѣщенія).

§ 1. На капиталъ въ семь тысячъ рублей, заключающійся въ

свидѣтельствахъ государственной комиссіи погашенія долговъ на государственную желѣзнодорожную непрерывную доходную ренту, учреждается при Московской 3-й гимназіи стипендія имени бывшаго воспитанника означенной гимназіи Александра Герасимовича Коммиссарова.

§ 2. Изъ процентной суммы выдается стипендіату 300 рублей въ годъ, а остатокъ употребляется на пособіе ему же, въ случаѣ поступленія его въ университетъ, но въ размѣрѣ не свыше 100 руб., если же оставшаяся сумма будетъ превышать эту цифру, то излишекъ употребляется на вносъ платы за ученіе за кого-либо изъ бѣднѣйшихъ воспитанниковъ Московской 3-й гимназіи по усмотрѣнію педагогическаго совѣта гимназіи.

§ 3. Стипендія назначается одному изъ бѣднѣйшихъ учениковъ христіанскаго исповѣданія, хорошаго поведенія и имѣющему по главнымъ предметамъ баллъ не менѣе 3.

§ 4. Избраніе кандидата на стипендію принадлежитъ пожизненно Михаилу Герасимовичу Коммиссарову, а затѣмъ правленію „Общества вспомошествованія недостаточнымъ ученикамъ Московской 3-й гимназіи“, въ случаѣ же закрытія Общества—педагогическому совѣту гимназіи.

§ 5. Если успѣхи стипендіата по главнымъ предметамъ будутъ аттестованы въ концѣ полугодія ниже балла 3 и при этомъ неуспѣшность его не можетъ быть объяснена какими-нибудь особыми неблагопріятными обстоятельствами, отъ него самого не зависѣвшими, то онъ лишается стипендіи по постановленію педагогическаго совѣта. Равнымъ образомъ стипендіатъ долженъ быть лишень стипендіи и въ случаѣ полученія балла за поведеніе ниже 4.

7. (6-го декабря 1889 года). Положеніе о стипендіи имени умершаго кронштадтскаго 2-й гильдіи купца Николая Ивановича Сидорова, при Кронштадтской мужской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. При Кронштадтской мужской гимназіи учреждается стипендія имени умершаго кронштадтскаго 2-й гильдіи купца Николая Ивановича Сидорова, на счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу рублей, внесеннаго, согласно духовному завѣщанію покойнаго Сидорова, родною сестрою его, женою потомственнаго почетнаго гражданина, Ольгою Ивановною Кудравцевою, и заключающагося въ государственномъ 5⁰/₁₀₀ банковомъ билетѣ въ одну тысячу рублей.

§ 2. Капиталъ этотъ, составляя неотъемлемую собственность Кронштадтской мужской гимназіи, остается навсегда неприкосновеннымъ и хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ специальныхъ средствахъ гимназіи.

§ 3. Избраніе стипендіата, изъ учениковъ гимназіи, при хорошихъ успѣхахъ и отличномъ поведеніи, на упомянутую стипендію, принадлежать пожизненно сестрѣ умершаго купца Сидорова, потомственной почетной гражданкѣ Ольгѣ Ивановнѣ Кудрявцевой, а послѣ нея педагогическому совѣту названной гимназіи.

§ 4. Стипендіату, оставшемуся въ томъ же классѣ на второй годъ, стипендія можетъ быть сохранена только по особо уважительнымъ причинамъ, признаннымъ таковыми педагогическимъ совѣтомъ гимназіи, и не иначе какъ съ согласія О. И. Кудрявцевой.

§ 5. Могущія остаться отъ уплаты за право ученія стипендіата деньги выдаются на руки родителямъ стипендіата на учебныя пособія.

§ 6. Въ случаѣ временнаго несамѣщенія стипендіи, остатокъ отъ стипендіальной суммы присоединяется къ основному капиталу и, по мѣрѣ накопленія, обращается въ государственныя процентныя бумаги, для увеличенія, на будущее время, размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе этою стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обяательствъ.

8. (12-го декабря 1889 года). Положеніе о стипендіи, имени Василія Филипповича Перласова при Рижской женской Ломоносовской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года на счетъ процентовъ съ капитала въ семьсотъ руб., завѣщаннаго куческимъ приказчикомъ Василіемъ Филипповичемъ Перласовымъ, учреждается при Рижской женской Ломоносовской гимназіи стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ трехъ 5% билетахъ государственнаго банка, одинъ въ 500 руб. и два по 100 руб., остается навсегда неприкосновеннымъ и хранится въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ названной гимназіи.

3. Проценты съ стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ части, подлежащей, по закону 20-го мая 1885 года, поступленію въ казну, выдаются одной изъ бѣдныхъ и способныхъ ученицъ Рижской жен-

ской Ломоносовской гимназій, отличающейся успѣхами въ наукахъ и хорошимъ поведеніемъ.

§ 4. Право выбора стипендіатки принадлежитъ попечительному совѣту гимназій.

§ 5. Могущіе образоваться остатки отъ временнаго незамѣщенія стипендіи или по какимъ-либо другимъ причинамъ обращаются въ пособіе избранной затѣмъ стипендіаткѣ.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

9. (14-го декабря 1889 года). Положеніе о стипендіи имени горійскаго гражданина Александра Мелхиседековича Теръ-Акопова при Гори-Анастасіевской женской прогимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, учреждается при Гори-Анастасіевской женской прогимназій стипендія имени горійскаго гражданина Александра Мелхиседековича Теръ-Акопова на счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу пятьсотъ руб., завѣщаннаго имъ съ этою цѣлю.

§ 2. Вслѣдствіе на означенный капиталъ, внесенный вѣчнымъ вкладомъ въ Тифлисское отдѣленіе государственнаго банка, за № 25259, хранится въ Горійскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Гори-Анастасіевской женской прогимназій.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ части, подлежащей, по закону 20-го мая 1885 года, поступленію въ казну, употребляются на взносъ платы за ученіе избранной стипендіатки.

§ 4. Право выбора стипендіатки изъ дочерей бѣдныхъ горійскихъ армянъ, состоящихъ воспитанницами прогимназій, принадлежитъ вдовѣ завѣщателя Екаторинѣ Степановнѣ Теръ-Акоповой и брату ея Аугару Мелхиседековичу Теръ-Акопову пожизненно, а по смерти ихъ право это переходитъ къ Горійской городской думѣ.

§ 5. Могущіе образоваться остатки отъ уплаты за одну стипендіатку употребляются на взносъ платы за ученіе или части ея другой ученицы прогимназій, избранной согласно § 4.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

10. (14-го декабря 1889 года). Положеніе о стипендіи имени крестьянина Черниговской губернии Ефрема Ивановича Козько при Анапскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія):

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г., на счетъ процентовъ съ капитала въ двѣсти руб., пожертвованнаго крестьяниномъ Черниговской губернии Ефремомъ Ивановичемъ Козько, учреждается при Анапскомъ трехклассномъ училищѣ стипендія имени жертвователя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ двухъ сторублевыхъ 5⁰/₁₀₀ облигаціяхъ Восточнаго займа 1877 г., остается неприкосновеннымъ, хранится въ Новороссійскомъ уѣздномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ названнаго училища.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на пособіе стипендіату, а именно: на плату за ученіе, на покупку книгъ и учебныхъ пособій.

§ 4. Если ко времени окончанія стипендіатомъ курса отъ процентныхъ денегъ останется какая-либо сумма, то таковая можетъ быть выдана ему на руки, если будетъ въ томъ надобность.

§ 5. Въ стипендіаты избирается одинъ изъ бѣднѣйшихъ учениковъ означеннаго городского училища, отличающійся хорошими успѣхами и поведеніемъ.

§ 6. Право избранія стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту училища.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

11. (14-го декабря 1889 года). Положеніе о стипендіи имени умершихъ Павла и Андрея Герасимовичей Камаринныхъ при Рижскомъ городскомъ училищѣ Императрицы Екатерины II.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г., на счетъ процентовъ съ капитала въ пятьсотъ руб., пожертвованнаго вдовой коммерціи совѣтника Александрой Яковлевной Камариной, учреждается при Рижскомъ городскомъ училищѣ Императрицы Екатерины II стипендія имени умершихъ Павла и Андрея Герасимовичей Камаринныхъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ одномъ пяти-

процентномъ билетѣ 5-го займа въ пятьсотъ рублей, оставался навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ Рижскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ означеннаго училища.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на плату за ученіе избраннаго стипендіата.

§ 4. Право выбора стипендіата изъ числа учениковъ православнаго исповѣданія означеннаго училища принадлежитъ А. Я. Камариной пожизненно, а по смерти ея переходитъ къ ея наслѣдникамъ.

§ 5. Могущіе образоваться остатки отъ временнаго незамѣщенія стипендіи или по какимъ другимъ причинамъ причисляются къ стипендіальному капиталу.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Брошюру: „Руководство къ правильному употребленію знаковъ препянанія. Составилъ учитель И. К. Гаяъ. Изданіе 4-е, исправленное и дополненное. 1889. Въ 8-ку стр. 76. Цѣна 30 коп.“—допустить къ употребленію въ видѣ учебнаго пособія въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Фаустъ. Трагедія Гете. Переводъ П. Голованова. Москва. 1889. Въ 16-ю д. л. стр. 212. Цѣна 1 руб.“—допустить въ учебныя бібліотеки старшаго возраста мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ на ряду съ другими переводами первой части Фауста.

— Книгу: „Латинская грамматика. По Штегмаху составилъ В. Никифоровъ, преподаватель шестиклассной прогимназіи въ Москвѣ. М. 1890. Въ 8-ку стр. III+300. Цѣна 1 руб. 25 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства по латинскому языку въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Великіе римскіе писатели. Очеркъ классической литературы римлянъ. Г. В. Штолля. Изданіе О. И. Бакста. С.-Пб.

1889. Въ 8-ку стр. II+4+376. Цѣна 2 руб.“—допустить въ качествѣ учебнаго пособия въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Изданіе: „Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемая графомъ И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Выпускъ первый. Классическія древности Южной Россіи. Съ 145 рисунками въ текстѣ. Изданіе 2-е. С.-Пб. Въ 4-ку стр. V+118. Выпускъ второй. Древности Скиво-Сарматскія. Съ 147 рисунками въ текстѣ. С.-Пб. Въ 4-ку стр. 161. Цѣна каждаго выпуска по 1 руб.“—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для выдачи въ видѣ награды ученикамъ старшихъ классовъ.

— Книгу: „Святый равноапостольный Князь Владиміръ, просвѣтитель Руси. 900-лѣтіе Руси. И. П. Матченко. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку стр. 378“—одобрить для пріобрѣтенія въ ученическія бібліотеки (для среднихъ и старшихъ классовъ) среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Учебникъ нѣмецкой грамматики, изложенной сравнительно съ грамматикой русскаго языка для среднихъ учебныхъ заведеній. Въ трехъ концентрическихъ курсахъ. Составилъ А. А. Аллендорфъ, инспекторъ Нижегородскаго дворянскаго института. Изданіе 4-е, исправленное. Москва. 1889. Въ 8-ку стр. XVI+228. Цѣна 1 руб.“—одобрить въ качествѣ руководства при преподаваніи нѣмецкой грамматики въ среднихъ и старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Синтаксисъ нѣмецкаго языка, изложенный сравнительно съ синтаксисомъ русскаго языка. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Августъ Гофманъ, директоръ С.-Петербургской 7-й гимназіи. Изданіе 2-е, исправленное. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку стр. XII+100. Цѣна 70 коп.“—одобрить въ качествѣ руководства при преподаваніи нѣмецкаго языка въ старшихъ классахъ гимназій и реальныхъ училищъ, а также женскихъ гимназій.

— Книгу: „Основные понятія о нравственности, правѣ и обществѣ. Курсъ заповѣдній для вадетскихъ корпусовъ, на основаніи утвержденной военнымъ министромъ программы, составленъ по порученію главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку стр. 144. Цѣна 1 руб.“—одобрить для ученическихъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній старшаго возраста.

— Книгу: „Очеркъ ученія о предсказаніи погоды (Синоптическая метеорологія), съ однимъ рисункомъ, съ 18-ю листами чертежей и вспомогательными таблицами. Составилъ М. Поморцевъ. С.-Пб. 1889“—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ институтовъ и для ученическихъ старшаго возраста библіотекъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюру: „Надо ли бояться грома и молніи? Популярное объясненіе этихъ явленій, мѣры предосторожности во время грозы, полезныя совѣты слабонервнымъ людямъ, боящимся грома и молніи, и первоначальная помощь пораженнымъ молніею или оглушеннымъ громомъ. Составилъ И. К. Гапъ. Вильна. 1888. Стр. 22. Цѣна 20 коп.“—допустить для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: Г. Нидерле. Грамматика греческаго языка, обработанная для русскихъ гимназій. Часть I. Этимологія. Съ чешскаго перевелъ И. Мейеръ. Изданіе 4-е. Москва. 1889. Въ 8-ку стр. 283. Цѣна 1 руб.“—одобрить въ видѣ руководства по греческому языку въ гимназійхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „В. В. Латышевъ. Очеркъ греческихъ древностей. Пособіе для гимназистовъ старшихъ классовъ и для начинающихъ филологовъ. Часть 2-я. Богослужебныя и сценическія древности. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку стр. 326. Цѣна 1 руб. 25 коп.“—одобрить какъ учебное пособіе по греческой словесности и рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ (старшаго возраста) библіотекъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ преобразовать съ 1-го іюля 1890 г. Тифлискую 4-хъклассную мужскую прогимназію въ 6-тиклассный составъ, съ увеличеніемъ размѣра платы за ученіе въ сей прогимназіи съ 40 до шестидесяти руб. въ годъ съ каждаго ученика.

ПАТРИАРХЪ ІОАННЪ VII ГРАММАТИКЪ И РУСЬ- ДРОМИТЫ У СИМЕОНА МАГИСТРА.

Благосклонный читатель можетъ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ отнестись къ сдѣланному нами заглавію. Послѣдній изъ иконоборческихъ патриарховъ, низложенный въ 842 году, и лѣтописецъ X вѣка, у котораго сохранилось между прочимъ одно изъ не поддающихся объясненію мѣстъ о древней Руси, — что между ними общаго, въ какомъ направленіи могутъ быть сближаемы эти имена? — Чтобы ввести читателя въ разсматриваемый здѣсь вопросъ, позволимъ себѣ нѣсколько вступительныхъ словъ.

Подразумѣваемое мѣсто о Руси у Симеона Магистра не стоитъ въ связи съ контекстомъ рѣчи и, слѣдовательно, представляетъ собою вставку. Существенная особенность этой вставки состоитъ въ томъ, что она чужда лѣтописнаго характера и носитъ два выразительныя качества: а) этимологическое объясненіе именъ и мѣстъ, б) миеологическія воспоминанія, идущія въ дополненіе къ этимологіи. Имени Русь дано сравнительно больше мѣста, чѣмъ другимъ. Такъ какъ этимологія слова Русь разрѣшена весьма просто (отъ нѣкоего сильнаго Росса), а классическая миеологія не представляетъ матеріала, пригоднаго для новаго имени, то автору занимающаго насъ мѣста пришли на помощь въ этомъ случаѣ особыя воспоминанія, почерпнутыя изъ таковаго же источника, что и древніе мѣны. Едва ли кто рѣшится, конечно, утверждать, что лѣтописное изложеніе, какъ оно дошло до нашего времени, закрѣпило письмомъ всю традицію о Руси въ Византіи. Нельзя также не упомянуть, что рядомъ съ лѣтописнымъ изложеніемъ могло особо развиваться народное воззрѣніе, въ образованіи котораго всегда участвуетъ элементъ сверхъестествен-

часть сслхун, отд. 2.

наго и чудеснаго. Былъ ли въ Византіи матеріалъ для такихъ воззрѣній на Русь, гдѣ фантазіи представлялось бы свободное поле для произведенія чудесныхъ повѣствованій, отвѣтъ на это находимъ какъ у Симеона Логовета, такъ и у другихъ писателей (разумѣется сказаніе о Влакхерской Богоматери). Но можно ли надѣяться отыскать слѣдъ подобныхъ же воззрѣній и помимо упомянутаго сказанія—это задача научнаго изслѣдованія, часть которой разрѣшается въ настоящей статьѣ.

Мы думаемъ, что извѣстіе о Руси, читаемое у Симеона Магистра, имѣетъ для себя объясненіе въ воспоминаніяхъ, которыя не сохранили византійскою лѣтописью. Слѣды такихъ воспоминаній, по видимому, открываются въ народномъ преданіи о чародѣѣ, колдунѣ, который имѣлъ сношенія съ нечистою силой и обладалъ сверхъестественными качествами, словомъ—въ преданіяхъ о патріархѣ Іоаннѣ.

Нѣкоторую увѣренность въ томъ, что сближеніе повѣсти о чарахъ Іоанна съ мѣстомъ о Руси у Симеона не бесплодная догадка, находимъ въ томъ обстоятельстве, что не поддававшееся объясненію мѣсто представляетъ на нашъ взглядъ удовлетворительный смыслъ, если при толкованіи его отправляться не отъ матеріальнаго возобладанія надъ Русью какого-то народа, а отъ дѣйствія сверхъестественныхъ силъ.

Само собою разумѣется, новая попытка объясненія одного изъ важныхъ мѣстъ о древней Руси даетъ поводъ къ нѣкоторымъ заключеніямъ общаго характера, о значеніи которыхъ предоставляемъ судить компетентнымъ лицамъ.

I.

Патріархъ Іоаннъ.

Всѣ источники, касающіеся первой половины IX вѣка, относятся къ Іоанну весьма несочувственно; иначе впрочемъ и не могли говорить о немъ люди, видѣвшіе въ немъ причину всѣхъ бѣдствій, какія испытала церковь при Львѣ V, Михаилѣ II и Теофілѣ. Іоаннъ былъ главнымъ виновникомъ того, что восточная церковь въ 814 г. вновь потеряла свои устои, съ такимъ трудомъ и послѣ долгихъ испытаний пріобрѣтенные постановленіями VII вселенскаго собора; Іоаннъ снова внесъ въ Восточную имперію смуту, броженіе умовъ и ожесточенную борьбу партій. Всѣ сохранившіеся писатели не могли

хладнокровно говоритъ объ Іоаннѣ и одинъ за другимъ повторяли на его счетъ рѣзкія укоризны и тяжкія обвиненія. Одно изъ болѣе общихъ мѣстъ, о которомъ распространяются писатели, это сношенія Іоанна съ духами, преданность магіи, волшебству и гадавіямъ, непотребная жизнь и нечестіе. Конкретныхъ фактовъ къ характеристикѣ Іоанна передается весьма мало, общія же мѣста не позволяютъ сдѣлать никакихъ заключеній ни въ порицаніе, ни въ пользу Іоанна. Стбитъ прочесть хотя бы продолжателя Теофана, который не можетъ ступить шагу безъ демонской силы, безъ гаданій и предсказаній, чтобы понять, что упреки въ магіи и волшебствѣ скорѣе могутъ относиться къ характеристикѣ времени и вѣроваіи общества IX и X вѣковъ, или даже тѣхъ писателей, которые такъ настойчиво выставляютъ ихъ, чѣмъ къ Іоанну. Старательно подбираемыми обвиненіями въ сношеніяхъ съ нечистою силой для историка терпятъ всякое значеніе, или даже съ основательностью могутъ быть истолкованы въ пользу обвиняемаго, такъ какъ сношенія съ духами часто приписывались самымъ выдающимся историческимъ дѣятелямъ.

Іоаннъ былъ уроженецъ Константинополи. Трудно сказать, былъ ли онъ грекъ по происхожденію или анатолиецъ: писатели даютъ довольно разнорѣчивыя показанія объ его отцѣ, то вывода его изъ рода *Μοροχαρσάκιων*, то *Μοροχαρδακίων*; Симеонъ же Магістръ называетъ его Панкратіемъ Скіастомъ. Мы думаемъ, что Іоаннъ былъ по происхожденію анатолиецъ и едва ли могъ похвалиться знатностью рода, потому что неродовитость, по крайней мѣрѣ разъ, была причиною того, что его не выбрали въ патриархи. Это былъ человѣкъ высокаго образованія и начитанности, дѣлавшій карьеру безъ рекомендацій и сильной поддержки. Въ первый разъ онъ выступаетъ на общественное поприще при царѣ Львѣ V Армянинѣ и дѣлается близкимъ довѣреннымъ лицомъ этого иконоборческаго императора. Тогда Іоаннъ былъ еще молодымъ человѣкомъ, послалъ званіе апостола¹⁾ и обратилъ на себя вниманіе царя своими чисто теоретическими качествами. Объ этомъ имѣется свидѣтельство неизвѣстнаго автора, писавшаго о Львѣ Армянинѣ, значеніе котораго для эпохи мало оцѣнено. Мы

¹⁾ *Incerti auctoris, Vita Leonis Armeni ap. Migne, t. 108, p. 1024.* Апостола и послы составляли высшую степень въ церковныхъ чинахъ. Любопытныя данныя о чинахъ церковныхъ собраны въ трудѣ *Huberti, Arcieratichov. Liber pontificalis ecclesiae Graecae. Parisiis. 1676, см. p. 37;* сравн. *Православный Собресдыникъ 1868, ч. II, III* (О чинахъ патріаршей Константинопольской церкви).

считаемъ тѣмъ болѣе умѣстнымъ привести его слова, что вѣдь имѣемъ единственное реальное свидѣтельство о побужденіяхъ, руководившихъ Львомъ V возвратиться къ иконоборческой системѣ и о первыхъ его мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ устраненію постановленій VII вселенскаго собора. Левъ Армянинъ высказывалъ мнѣніе, что иконоборческіе императоры были счастливы въ войнахъ съ варварами и язычниками, кончали жизнь спокойно и со славою погребены въ общей царской усыпальницѣ, въ храмѣ свв. Апостоловъ; между тѣмъ какъ иконопочитатели или не своею смертью умирали, или изгоняемы были изъ царства. Не лучше ли итакъ послѣдовать примѣру первыхъ? Мы допускаемъ возможность этого психологическаго момента въ вопросѣ о почитаніи иконъ и находимъ совершенно аналогичный случай критическаго отношенія ко всей христіанской доктринѣ у крестоносцевъ, которые, истощивъ усилія въ борьбѣ съ исламомъ, наконецъ пришли къ сомнѣніямъ въ правотѣ всего своего дѣла: да гдѣ же Христосъ? переверъсь явно на сторонѣ магометанъ, — можетъ быть на сторонѣ ихъ и истина?

Итакъ, когда Левъ V находился въ нравственномъ колебаніи между двумя системами, онъ сблизился съ молодымъ анагностомъ Іоанномъ, который также не чуждъ былъ подобныхъ сомнѣній, хотя и по другимъ причинамъ. Онъ взялъ на себя заботу разрѣшить свои и царевы сомнѣнія путемъ научнаго изслѣдованія вопроса о поклоненіи иконамъ. Упомянутый выше авторъ исторіи Льва передаетъ объ этомъ слѣдующее. „Іоаннъ въ сообществѣ съ нѣкоторыми грубыми невѣждами уполномоченъ былъ царемъ пересмотрѣть старыя книги, скрывающіяся въ монастыряхъ и церквахъ. И собравъ множество книгъ, старательно изслѣдовали ихъ, но ничего не нашли, чего влостно добивались, пока не попали на синодикъ Константина Исавра и Каваллина. Найдя въ немъ для себя основаніе, начали и въ книгахъ отыскивать главныя положенія, которыя глупо и бессмысленно приводимы были (на соборѣ), отиѣчая знаками тѣ мѣста, которыя, по ихъ мнѣнію, могли убѣдить неразумную толпу, что въ древнихъ книгахъ есть запрещеніе поклоняться иконамъ. Затѣмъ они привлекли на свою сторону епископа Константина, сына одного священника (изъ башмачнаго ряда?) и учителя грамматикки Касмату, и законовѣда на Сфоракиѣ, учащаго юношество и нѣкоего преступника, бѣжавшаго въ монастырь и постриженнаго подъ именемъ Антонія, бывшаго потомъ игуменомъ въ монастырѣ Митрополитовъ и на-

конецъ епископомъ Силейскимъ...¹⁾ Когда Левъ спросилъ его, можно ли подтвердить книгами поклоненіе иконамъ, онъ отвѣчалъ: Объ этомъ нигдѣ не написано, но говорятъ, что таково древнее преданіе*. Эти любопытныя подробности, не находимыя у другихъ писателей, касающихся того же времени, объясняютъ намъ точку отправленія для втораго періода иконоборческой эпохи и ставятъ очень опредѣленно мотивъ возобновленія борьбы противъ иконопочитателей. Этотъ мотивъ для Льва V и его сотрудниковъ заключался въ постановленіи собора 754 года, отвергнушаго иконопочитаніе потому, что въ Священномъ Писаніи и въ сочиненіяхъ отцовъ не найдено прямого на то оправданія. Іоаннъ анагностъ и его сотрудники занимались такимъ образомъ теоретическимъ обоснованіемъ этого положенія.

И они боролись противъ истины, начавъ съ пятидесятницы собирать книги; въ іюлѣ мѣсяцѣ привлекли на свою сторону Автонія и до декабря держали дѣло въ тайнѣ. Когда же ихъ спрашивали, то они лживо отвѣчали: царю наговорили, что онъ недолго процарствуетъ, поэтому онъ приказалъ намъ рассмотреть книги*²⁾. Приведенное мѣсто даетъ намъ возможность судить о мѣрахъ, какія принимались иконоборческими императорами до публичнаго объявленія своей воли. Левъ V, слѣдовательно, сталъ готовиться къ борьбѣ съ іюня 814 года; семь мѣсяцевъ продолжалась кабинетная работа Іоанна; къ началу 815 года царь открыто сталъ высказываться противъ иконъ. Но ему предстояла не легкая задача: за православіе стоялъ патриархъ Никифоръ, Феодоръ Студитъ, Теофанъ; только послѣ пасхи въ 815 году поставленъ былъ новый патриархъ изъ иконоборцевъ Феодоръ Касситера.

Весьма вѣроятно, что Іоаннъ принималъ важное участіе въ дальнѣйшихъ событіяхъ; къ сожалѣнію, житія патриарха Никифора, Феодора Студита и Теофана весьма скудны упоминаніями о немъ. Незамѣтно даже, чтобы Іоаннъ слишкомъ быстро шелъ въ служебной карьерѣ. Онъ состоялъ настоятелемъ дворцоваго монастыря Сергія и Вакха, пользовался расположеніемъ царя Михаила Косноязычнаго (820—829 гг.), который цѣнилъ его умъ и образованіе и довѣрилъ ему воспитаніе

¹⁾ Все мѣсто крайне повреждено. Касимата было свѣтское имя Автонія до постриженія, слѣдовательно, и въ серединѣ стоящія слова относятся къ нему же. *Συμεον Magister, Leo, c. 4,* называетъ Константина пресвитеромъ башмачнаго ряда, онъ же въ монастырѣ Автоній.

²⁾ Известно, что въ дворцовой библіотекѣ хранились пророчесвенныя книги, съ которыми цари сообразовались въ своихъ дѣйствіяхъ.

своего наследника, будущаго царя Теофила (829—842 гг.). Къ нему какъ къ тонкому діалектику посылали болѣе вліятельныхъ исповѣдниковъ православія на исправленіе, послѣ чего или заключали ихъ въ темницу, или смсали ¹⁾. Литературное и ученое имя, которое признаютъ за нимъ и его недоброжелатели ²⁾, приобрѣтено имъ вѣроятно въ этотъ ранній періодъ дѣятельности.

Возвышеніе его начинается съ тѣхъ поръ, какъ онъ получилъ званіе синкелла при патріархѣ Аптоніи (821—832), по смерти котораго занялъ патріаршескую кафедру ³⁾. Это званіе открывало ему дорогу къ высшимъ почестямъ и давало вліяніе на свѣтскія и духовныя дѣла. Важное значеніе званія синкелла, по нашему мнѣнію, объясняется тѣмъ, что онъ былъ посредникомъ между свѣтскимъ и духовнымъ правительствомъ. Если назначеніе въ синкеллы зависѣло отъ императора, то понятно, что свѣтская власть имѣла въ этомъ духовномъ чинѣ представителя своихъ интересовъ. Въ росписи чиновъ и мѣстъ, которую находимъ въ концѣ сочиненія Константина Порфиророднаго „De Cerimoniis“ ⁴⁾, синкелламъ Рима и Константинополя отведено высшее мѣсто даже передъ Болгарскимъ архіепископомъ, который считался въ свою очередь по мѣсту выше всѣхъ византійскихъ митрополитовъ и архіепископовъ. Іоаннъ въ званіи синкелла играетъ уже политическую роль; ему поручается важная миссія на Востокъ, онъ участвуетъ въ примиреніи Теофила съ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ генераловъ его Мануиломъ.

Какъ въ лѣтописяхъ, такъ и въ литературѣ житій, Іоанну усвоется характеръ необыкновеннаго человѣка. Его сношенія съ духами, чернокнижество, чародѣйство и тому подобныя качества, конечно, не могутъ находить себѣ объясненія въ томъ, что онъ принадлежалъ къ партіи иконоборцевъ. Гергенпрѣтеръ, приводя и объясняя занесенныя въ лѣтопись сказанія о сверхъестественныхъ чертахъ въ жизни патріарха Фотія ⁵⁾, находитъ возможнымъ при этомъ нашего Іоанна и знаменитаго ученаго конца X и начала XI вѣка Герберта или папу Сильвестра II. По господствующему у большинства современниковъ ихъ воззрѣнію, всѣ эти лица повинны въ одномъ и томъ же

¹⁾ *De Boor*, Theophranis Chronographia II, p. 24, 29 (Vita Theophranis).

²⁾ Vita Theodori abbatis Studii, Nova Patrum Bibliotheca VI, p. 293, c. 32
 ἄτε γραμματικῆς ἐμπειρίας ὡν ὑπὲρ τοὺς λοιποὺς.

³⁾ Хронологію установить не возможно, объ этомъ будетъ рѣчь впереди.

⁴⁾ Constantini, De Cerimoniis Aulae Byzantinae, p. 727, 780.

⁵⁾ *Hergenröther*, Photius Patriarch I. 325.

грѣхѣ, и объясненіе сложившейся о нихъ молвы нужно искать въ ихъ необыкновенныхъ и поразительныхъ для большинства званіяхъ. Особенность сказаній объ Іоаннѣ состоитъ въ томъ, что онъ проявляетъ свою демоническую силу, между прочимъ, въ международныхъ отношеніяхъ.

Съ его именемъ соединено одно любопытное сказаніе, которое едва ли не относится къ исторіи русско-византійскихъ отношеній. Разъ дикое языческое племя съ тремя предводителями во главѣ опустошало и грабило Ромѣйскую землю. Царь и народъ были въ отчаяніи. Тогда Іоаннъ успокоиваетъ царя, совѣтуя не терять присутствія духа и исполнить одно его предложеніе, которое состояло въ слѣдующемъ: Между мѣдными статуями, поставленными вдоль Эврипа, въ Ипподромѣ, была одна съ тремя головами, которую онъ по своей тайной наукѣ относилъ къ вождямъ того племени. Итакъ, приказавъ приготовить три желѣзныхъ молота и вручивъ ихъ тремъ сильнымъ людямъ, въ ночной часъ въ свѣтской одеждѣ онъ приходитъ съ этими людьми къ той статуѣ. Произнеся чародѣйственныя слова, посредствомъ которыхъ перевелъ силу тѣхъ вождей въ статую или, лучше, овладѣлъ посредствомъ чаръ присущею статуѣ силой, приказалъ каждому сильно бить молотомъ. Двое изъ людей сильнымъ размахомъ молота отбили у статуи двѣ головы, третій же только повредилъ голову, не отдѣливъ ее отъ статуи. Соответственное тому случилось съ вождями. Произошла между ними жестокая усобица, въ которой одинъ одѣржалъ перевѣсъ, отрубивъ головы двумъ другимъ. Итакъ, спасся одинъ, но и то не вполне благополучно, а племя это, будучи ослаблено, въ позорномъ бѣгствѣ удалилось на свои мѣста ¹⁾.

Воспитанникъ Іоанна царь Теофилъ, призвавъ своего учителя на высокій постъ патриаршаго синкелла, возвелъ его потомъ въ санъ патриарха. Вообще не расположенные къ похваламъ въ пользу Іоанну писатели, отдаютъ ему справедливость въ томъ отношеніи, что это былъ не только рѣдко ученый человѣкъ, но и хорошій администраторъ, и дипломатъ, и искусный діалектикъ ²⁾. Нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ при Теофилѣ пользовался громаднымъ вліяніемъ и игралъ важную роль въ государственныхъ дѣлахъ.

Самымъ любопытнымъ свидѣтельствомъ общественной роли Іоанна

¹⁾ Cont. Theoph. IV, c. 7; Symeon Mag., p. 709 (Migne), c. 13.

²⁾ Cont. Theoph. III, c. 9 πολιτικός; γὰρ αὐταξίας τοῦτον πλήρη τυγχάνοντα, ἐτι ἢ μὴν καὶ τὸ πρὸς τοὺς ἀντιρρητικούς λόγους κερκημένον δραστήριον... Vita Theodori Studii, c. 32.

служить посольство его въ Багдадъ къ калифу, Мотассему. Объ этомъ посольствѣ имѣется довольно обстоятельный разказъ у писателей, который и приведемъ сполна. Продолжатель Теофана, сказавъ объ отличномъ расположеніи, которымъ Теофилъ отличалъ Іоанна, продолжаетъ:

„Ради чего царь снарядилъ его посломъ къ архонту Сиріи, снабдивъ его и другими роскошными предметами, которыми славится Ромейское царство и которые приводятъ въ изумленіе иноземцевъ, и вручивъ золотой казны больше четырехъ кентинаріевъ. Дорогие предметы назначены въ подарокъ эмиру, золото же въ личное распоряженіе Іоанна, на приемы и представительство: ибо посолъ долженъ былъ сорить золотомъ какъ пескомъ по своему усмотрѣнію, дабы внушить мысль, что казна посланшаго неистощима. Послу даны были два сосуда изъ золота и драгоценныхъ камней—въ просторѣчій называютъ ихъ умывальными чашами—чтобы вслѣдствіи возвеличить и облечь его въ блескъ. Онъ же, прибывъ къ Багдаду, произвелъ величественное впечатлѣніе и своимъ острымъ умомъ, и пророчесственнымъ даромъ, и своимъ богатствомъ, и роскошью. Посланцамъ калифа и другимъ посѣтителямъ онъ щедро раздавалъ подарки, какіе могъ только дарить царь ромеевъ. Вслѣдствіе чего имя его сдѣлалось почетнымъ и знаменитымъ. Еще только достигнувъ варварскихъ предѣловъ, онъ поразилъ всѣхъ, которые посланы были для встрѣчи его и для освѣдоженія о здоровьи царя, наградивъ ихъ царскими дарами. Прибывъ же къ калифу и представившись ему, передалъ ему царскую грамоту и послѣ приѣма отправился въ отведенное ему помѣщеніе. Горя желаніемъ болѣе и болѣе возвысить ромейское вліяніе, всѣмъ къ нему приходящимъ по какой бы то ни было причинѣ дарилъ по серебряной чашѣ, наполненной золотомъ. Разъ, угощая у себя варваровъ, онъ внушилъ слугѣ объявить о пропажѣ одной изъ тѣхъ умывальныхъ чашъ, которая была выдана ему для стола на этотъ случай. Когда же началось сильное смятеніе, и варвары, жалѣя о пропажѣ такой прекрасной и дорогой чашы, стали въ безпокойствѣ разыскивать ее и употребляли всѣ старанія обнаружить вора, тогда Іоаннъ приказалъ подать другую чашу и прекратилъ поиски и смятеніе слѣдующими словами, приведшими въ изумленіе сарацинъ: „пусть пропадетъ и эта!“ Вслѣдствіе этого и эмиръ, платя тою же щедростью и не желая уступить въ великодушіи, честилъ его съ своей стороны дарами, за которые онъ впрочемъ мало обращалъ вниманія, и освободилъ изъ темницы до сотни плѣнныхъ, которыхъ, раз-

одѣвъ въ великолѣпныя одежды, препроводилъ къ Іоанну. Этотъ же очень похвалилъ и одобрилъ великодушіе предлагающаго даръ, но отказался принять его, объяснивъ: пусть они живутъ спокойно и на свободѣ, пока не будетъ произведенъ размѣнъ плѣнными и пока содержащіяся въ плѣну сарацины не будутъ возвращены въ замѣнъ этихъ. Такой поступокъ привелъ въ изумленіе калифа. Съ этихъ поръ онъ относился къ послу не какъ къ чужестранцу, но приблизилъ его къ себѣ и часто приглашалъ для бесѣды, показывалъ ему свои сокровища и прекрасныя зданія и придворныя церемоніи и такъ чтилъ его до почетнаго отправленія его назадъ. Прибывъ къ Теофилу и сдѣлавъ ему донесеніе о своемъ посольствѣ, онъ убѣдилъ его построить по сарацинскому образцу дворецъ Врійскій, который по формѣ и архитектурнымъ украшеніямъ вполнѣ воспроизводитъ сарацинскій стиль. Архитекторомъ этого дворца, построеннаго по плану Іоанна, былъ нѣкто Патраки, носившій санъ патриція. Только въ томъ отступилъ онъ отъ первоначальнаго плана, что около царскаго покоя устроилъ храмъ во имя Владычицы нашей Богородицы, а въ притворѣ дворца трехпрядѣльный храмъ, превосходный по красотѣ и изяществу: средній прядѣлъ въ честь архистратига, а боковыя во имя жень мученицъ“.

Въ приведенной выдержкѣ изъ греческаго писателя сохранились любопытныя данныя о сильномъ вліяніи, проникавшемъ въ Византію съ востока. Извѣстно изъ другихъ источниковъ, какъ много заботился царь Теофилъ о придворномъ этикетѣ, какъ по его имени назывался знаменитый тронъ, на которомъ возсѣдали цари X вѣка при торжественныхъ приѣмахъ иностранцевъ. Есть основанія думать, что постройки времени Теофила и нововведенія въ придворномъ церемоніалѣ произведены не безъ вліянія патриарха Іоанна, который вывезъ изъ Багдада разнообразныя наблюденія, и о постройкахъ котораго, поражавшихъ современниковъ, сохранилась память въ X столѣтіи.

Вскорѣ по возвращеніи изъ этого посольства Іоаннъ былъ возведенъ въ патриархи. Но почти не возможно возстановить хронологію ни посольства въ Багдадъ, ни избранія въ патриаршее достоинство. Гиршъ (в. 348) полагаетъ, что первое событіе относится къ концу 833 года, но такъ какъ Вейль (II, 297), на котораго онъ дѣлаетъ ссылку, не нашелъ въ арабскихъ источникахъ извѣстій о греческомъ посольствѣ, то и приводимая имъ дата имѣетъ относительную вѣроятность. Что касается полученія патриаршескаго досто-

ниства, установить для этого дату препятствуетъ неопредѣленность хронологіи патріарха Антонія, время патріаршества котораго опредѣляется то въ 16, то въ 15, то наконецъ, въ 13 и 12 лѣтъ. Эта неустойчивость хронологіи по отношенію къ Іоанну даетъ разницу на четыре года, опредѣляя вообще періодъ его возведенія въ патріарха между 834 и 837 годами. Безъ всякихъ колебаній можно принять только заключеніе, что Іоаннъ былъ патріархомъ во вторую половину царствованія Θεοφила. Въ смыслѣ общаго вывода о личномъ характерѣ Іоанна имѣло бы мѣсто то соображеніе, что жестокія мѣры противъ иконопочитателей скорѣй относятся къ первой, чѣмъ ко второй половинѣ царствованія Θεοφила. Во всякомъ случаѣ, что касается преемника Іоанна по патріаршеству Меѳодія, то въ послѣдніе годы Θεοφила онъ пользовался извѣстною свободой, которая дала ему возможность подготовить и успѣшно провести переворотъ въ пользу возстановленія православія.

Смерть царя Θεοφила была большимъ ударомъ и для патріарха Іоанна. Во всякомъ случаѣ для него не могло быть тайной, что императрица Θεодора и вся ея довольно многочисленная семья, получившая важное значеніе при дворѣ и имѣвшая въ своихъ рукахъ разныя административныя посты, тайно сочувствовала православію, ходатайствовала передъ царемъ въ пользу смягченія суровыхъ мѣръ противъ иконопочитателей и держалась партіи самаго виднаго тогда представителя иконопочитація, неуклоннаго борца и мученика, будущаго патріарха Меѳодія. Все заставляетъ думать, что система, поддерживаемая царями армянской династіи, не достаточно укоренилась даже въ высшихъ классахъ; царская дума, синодъ, весь служебный штатъ официально стоялъ на сторонѣ иконоборчества, но въ службѣ, въ домашней жизни преобладали вліянія противоположной системы. Стоитъ только взглянуть на переписку Θεодора Студита, чтобы понять, какимъ сильнымъ вліяніемъ пользовался онъ въ среднемъ классѣ общества и среди женщинъ всѣхъ слоевъ. При всей искренности вражды къ иконопочитателямъ, царь Θεοφилъ долженъ былъ мириться съ очень хорошо ему извѣстнымъ положеніемъ вещей, что въ его же собственномъ дворцѣ, его жена и дѣти кланяются иконамъ, что мать Θεодора, хотя и жившая въ отдѣльномъ дворцѣ, часто приглашала къ себѣ его дочерей и внушала имъ любовь и благоговѣніе къ иконамъ. Такимъ образомъ, хотя Θεοφилъ до конца жизни не измѣнилъ принятой системѣ и не хотѣлъ дѣлать послабленій иконопочитателямъ, но онъ долженъ былъ также замѣчать,

какъ ненадежно положеніе иконоборческой партіи и какъ трудно искоренить приверженцевъ православія. Весьма любопытно, что въ послѣдніе годы жизни онъ держалъ у себя на глазахъ Мееодія и вслѣдствіе разъ бралъ его съ собою, если ему нужно было на продолжительное время оставить столицу. О судьбѣ Іоанна по смерти Теофила источники даютъ скудные свѣдѣнія.

Едва ли можно довѣрять извѣстію, что регентство для управленія имперіей назначено было еще самимъ Теофиломъ; въ выборѣ лицъ, стоящихъ во главѣ регентства, замѣтно вліяніе царицы Теодоры, по всей вѣроятности, она назначила регентство изъ Мануила и Теоکتяста. Царь Теофилъ долженъ былъ дать въ управленіи мѣсто своему воспитателю патриарху Іоанну; это избавило бы его притомъ отъ заботъ о судьбѣ поддерживаемой имъ системы, словомъ не нужно было бы прибѣгать тогда къ тому средству, какое приписываютъ ему лѣтописцы: будто онъ взялъ клятву отъ Теодоры и членовъ регентства, что они не возстановятъ православіе и не удалятъ патриарха Іоанна. Такъ или иначе, по смерти Теофила патриархъ Іоаннъ потерялъ вліяніе и ни разу болѣе не выступилъ онъ въ защиту своего положенія. Извѣстно, что современныхъ извѣстій не сохранилось о времени послѣ царя Теофила. Хотя лѣтописецъ Георгій пережилъ это время, но его лѣтопись закончена 842 годомъ и притомъ конецъ ея дошелъ до насъ въ весьма испорченномъ видѣ. Вся традиція о событіяхъ съ 842 года черпается изъ лѣтописцевъ X и XI—XII вв.: продолжателей Теофана и Георгія, Симеона Магистра, Льва Грамматика, Скилицы-Кедрина, Зонары. Такъ какъ въ настоящее время вопросъ о развитіи лѣтописной традиціи IX и X вѣковъ довольно уже выяснился, благодаря прекраснымъ частію нѣмецкимъ (Гиршъ, де Бооръ), частію русскимъ (Муральтъ, Куникъ, Васильевскій) изслѣдованіямъ, то я могу прямо объяснить, что у лѣтописцевъ второй половины X вѣка большинство извѣстій о времени послѣ царя Теофила, не почерпнутыхъ изъ продолжателя Георгія, заимствовано у Генесія. Такимъ образомъ, лѣтописная традиція о событіяхъ 842 и ближайшихъ лѣтъ сводится въ сущности къ изученію сейчасъ названнаго писателя.

Генесій писалъ исторію по предложенію Константина Порфиророднаго и, какъ говоритъ въ предисловіи, писалъ на основаніи свидѣтельства очевидцевъ и устнаго преданія. Главное отличіе его отъ другихъ и вмѣстѣ громадное преимущество заключается въ томъ, что онъ поставленъ былъ въ благоприятныя условія сообщить хорошія

свѣдѣнія о занимающемъ насъ періодѣ по фамиліи преданіямъ. Авторъ лѣтописи, извѣстный подъ именемъ Генесія, былъ сыномъ того Константина Армянина, который начальствовалъ отрядомъ царскихъ тѣлохранителей, былъ любимцемъ и довѣреннымъ лицомъ при Михаилѣ III и который игралъ выдающуюся роль въ событіяхъ, стоящихъ въ связи съ низверженіемъ патріарха Іоанна. Нѣкоторые писатели передаютъ его имя (Іосифъ), а въ рукописныхъ членіяхъ продолжателя Георгія, приводимыхъ Гиршемъ (ss. 39, 48, 118 Апт. 2), Генесій прямо названъ сыномъ Константина Армянина. Такимъ образомъ, Генесій могъ сообщить очень хорошія извѣстія объ этомъ времени на основаніи наблюденій и личнаго опыта своего отца. Важность Генесія для исторіи лѣтописной традиціи о событіяхъ 842 года видна еще изъ того, что онъ есть старшій по времени лѣтописецъ, закрѣпившій письменное и устное преданіе и давшій первый матеріалъ для слѣдовавшихъ за нимъ опытовъ лѣтописи того же времени (продолжатель Теофана, Симеонъ магистръ, Левъ грамматикъ). О судьбѣ Іоанна по смерти Теофила Генесій сообщаетъ слѣдующее.

Когда члены регентства согласились между собою относительно восстановленія православія, царица Θεодора позволила православнымъ собираться во дворцѣ канцлера для предварительнаго обсужденія вопроса и подготовки матеріала къ предполагаемому собору. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ этихъ собраніяхъ не принималъ участія патріархъ. Такимъ образомъ, когда предварительная коммиссія пришла къ рѣшенію возвратиться къ постановленіямъ VII вселенскаго собора, неминусемо долженъ былъ выступить на очередь вопросъ о главѣ церкви, о предсѣдателѣ будущаго собора. Итакъ, посылаютъ къ нему знатныхъ людей, начальствующихъ царскою стражей, чтобы удалить его изъ патріархіи, но онъ не сдавался. Хотя они пытались (силой?) низвести его, но онъ коварно заставлялъ ихъ уступить и оставить его. Даютъ объ этомъ знать посланнымъ и возбуждаютъ большее противъ него раздраженіе. Итакъ, отправляется къ нему патрицій Варда спросить, почему онъ не оставляетъ патріархію. А онъ измыслилъ оправданіе, показавъ свой животъ, исколотый оружіемъ и объяснивъ, что эти раны нанесли ему посланные язычники. Чувствуя сильную боль, а, продолжалъ онъ, просилъ извиненія, что не могу сейчасъ же оставить патріархію, пострадалъ же я особенно отъ Константина Армянина, начальника тагмы экскувитовъ. Сказавъ далѣе нѣсколько теплыхъ словъ въ защиту своего

отца, Генесій продолжаетъ: „Когда было раскрыто, что эта театральная сцена измышлена съ злымъ намѣреніемъ, остроумный разсѣдователь возгорѣлъ гнѣвомъ; почему онъ по заслугамъ лишился церковной власти, а тому кого онъ оклеветалъ способствовалъ получить торжественно похвалу“.

Процессъ противъ патріарха Іоанна въ приведенномъ спидѣтельствѣ Генесія возбуждаетъ противъ себя важныя сомнѣнія. Очевидно, писатель желаетъ оправдать начальника тагмы экскувитовъ и потому передаетъ все дѣло съ нѣкоторыми умолчаніями. Изъ предыдущаго легко понять, что желательво было скрыть Генесію. Очевидно, ему непріятно было констатировать фактъ, что отецъ его очень сурово обошелся съ патріархомъ и нанесъ ему раны. Было ли что подобное, и получилъ ли Константинъ инструкціи, которыя его уполномочивали силой взять патріарха и употребить противъ него оружіе, еслибы онъ сталъ сопротивляться, конечно трудно высказаться объ этомъ со всею рѣшительностью. Но въ источникахъ есть достаточный намекъ, позволяющій возстановить этотъ эпизодъ въ неблагоприятномъ смыслѣ для отца нашего писателя.

Ближайшимъ къ Генесію лѣтописцемъ нужно считать продолжателя Теофана, четвертая книга исторія котораго (Михаилъ и Теодора) также написана при Констанціѣ VII и по его предложенію. Фактически разказъ его мало отличается отъ вышеприведеннаго, но по нѣкоторымъ подробностямъ, въ особенности по отсутствію того деликатнаго сыновняго чувства, которое должно было руководить перомъ Генесія, эти подробности позволяютъ бросить на процессъ патріарха Іоанна болѣе обильный свѣтъ. Призвавъ друнгарія стражи Константина, царца поручаетъ ему отправиться къ патріарху и извѣстить его, что по просьбѣ благочестивыхъ людей правительство намѣрено приступить къ возстановленію иконъ. Вслѣдствіе этого патріарху предлагается или дать согласіе на это рѣшеніе правительства, или въ случаѣ несогласія, оставить патріаршій престолъ и удалиться изъ города. Константинъ былъ принятъ въ ессальской палатѣ патріаршаго дворца. Пораженный словами Константина, патріархъ ничего другаго не сказалъ ему, какъ только что ему нужно обдумать хорошенько это дѣло, и съ этими словами отпустилъ его. Но въ то же мгновеніе скватилъ ножъ и нанесъ себѣ раны въ животъ съ такимъ разчетомъ, чтобы не причиняя себѣ опасности для жизни, пустить достаточно крови, и тѣмъ возбудить къ себѣ состраданіе въ толпѣ. Смятеніе и шумъ распространился по патріархин и

достигъ царскаго слуха, предупредивъ возвращеніе друнгаріи: молва гласила, что патріархъ убитъ по личному приказанію царицы. Отправленный для производства слѣдствія патриціей Варда безъ труда обнаружилъ, что раны сдѣланы умышленно, и все происшедшее было восстановлено по показаніямъ слугъ, при чемъ представлено и орудіе, при помощи котораго произведено пораненіе. Посему Іоаннъ обвиненный въ покушеніи на свою жизнь, лишенъ престола и сосланъ въ помѣстье Психа.

Изъ слѣженія явѣстій Генесія и продолжателя Теофана получается возможность восстановить съ довольно приближенной точностью то, что происходило въ патріархіи. Друнгарій Константинъ явился къ патріарху съ отрядомъ царской стражи, которая состояла изъ зычниковъ, по всей вѣроятности, изъ варяговъ. Что здѣсь не обошлось безъ грубой расправы, можно заключать изъ слѣдующаго. Продолжатель Теофана даетъ весьма живое наблюденіе, замѣтованное или изъ дѣла о патріархѣ Іоаннѣ, или изъ описанія очевидца. Изъ его описанія слѣдуетъ, что около патріархіи собралась толпа народа, которую очевидно пріивлекла свита друнгарія Константина, что о происшествіи въ патріархіи толпа узнала еще прежде, чѣмъ удалился Константинъ. Изъ этого легко заключать, что въ патріархіи происходили довольно шумныя сцены и можетъ быть вооруженная схватка между патріаршими служителями и варягами. Весьма вѣроятно, что царица не желала прибѣгать къ насилию и не предвидѣла кровавыхъ послѣдствій. Слѣдствіи замѣтъ дѣло и назначили для производства слѣдствія брата царицы, патриція Варду. Что слѣдствіе произведено было не безпристрастно, и что нашлись такіе свидѣтели, которые показали, какъ патріархъ схватилъ ножъ и нанесъ себѣ раны съ расчетомъ, это уже не требуетъ особенныхъ объясненій.

Симеонъ Магистръ и Левъ Грамматикъ не даютъ никакихъ новыхъ данныхъ для разъясненія занимающихъ насъ обстоятельствъ. Въ лѣтописи Скилицы-Кедрина нѣтъ значеніе одна добавка къ традиціи, что слѣдствіе Варды кончилось тѣмъ, что онъ силой взялъ Іоанна изъ патріархіи.

Изъ разсмотрѣнія явѣстій о процессѣ противъ патріарха Іоанна можемъ вывести заключеніе, что онъ оставался на патріаршемъ престолѣ до тѣхъ поръ, пока православные не подготовили вопроса о возвращеніи къ постановленіямъ VII вселенскаго собора. Если что остается неяснымъ въ его судьбѣ, это то, что онъ не принялъ ни-

какихъ мѣръ къ борьбѣ съ православными. Въ объясненіе этого можно сказать только одно, что онъ позналъ неуѣднность борьбы и созналъ громадное преобладаніе приверженцевъ противной церковной партіи. По практикѣ, выработанной длиннымъ періодомъ борьбы иконоборцевъ и иконопочитателей, можно заключить, что Іоаннъ не имѣлъ основаній сомнѣваться въ извѣстнаго рода снисхожденіи къ нему, еслибъ онъ согласился признать совершившійся фактъ и раскаяться въ своемъ заблужденіи. Такъ VII вселенскій соборъ принялъ въ общеніе съ церковью председателя иконоборческаго собора 754 г., когда онъ отвергъ свои прежніе заблужденія. То же могло случиться и съ Іоанномъ, еслибъ онъ считалъ возможнымъ для себя примиреніе съ православіемъ.

Православный соборъ, состоявшійся въ февралѣ 842 года, возвратившись къ постановленіямъ VII вселенскаго собора, восстановилъ иконопочитаніе и низложилъ патріарха Іоанна. Ему назначенъ былъ для проживанія одинъ монастырь, въ которомъ онъ и жилъ спокойно, отказавшись отъ борьбы съ иконопочитателями, но не измѣнивъ собственныхъ убѣжденій. Есть извѣстіе, въ вѣрности котораго нельзя сомнѣваться, ибо оно записано у многихъ писателей, что на Іоанна сдѣланъ былъ доносъ, будто онъ въ своемъ монастырѣ приказалъ выколоть глаза на одной иконѣ. Царица приняла было очень суровое рѣшеніе наказать его лишеніемъ зрѣнія, но по ходатайству нѣкоторыхъ приближенныхъ замѣнила этотъ приговоръ тѣлеснымъ наказаніемъ.

Интереснѣе свѣдѣнія объ Іоаннѣ, заключающіяся въ письмѣ патріарха Меоодія къ Іерусалимскому патріарху, составленномъ, какъ можно судить по содержанію, въ началѣ 846 года, то-есть, въ послѣдній годъ жизни Меоодія. Въ этомъ письмѣ, высказавъ благодарность Іерусалимскому патріарху за братское согласіе и единеніе церквей и за припятіе постановленій послѣдняго Константинопольскаго собора, Меоодій касается и положенія своей церкви.

По видимому, Іерусалимскій патріархъ высказывалъ мнѣніе въ пользу предоставленія церковныхъ должностей тѣмъ священникамъ, которые хотя и уклонились въ иконоборческую ересь, но затѣмъ чистосердечно раскались въ своихъ заблужденіяхъ, отреклись отъ еретическихъ мнѣній и обаялись до конца жизни соблюдать постановленія православнаго собора. Относительно этихъ церквей можетъ сдѣлать снисхожденіе, но не можетъ этого допустить по отношенію „къ послѣднему и первому влѣйшему врагу истины Іоанну“. На эти

слова Меѳодій писалъ: „Вотъ уже прошло три года и начался четвертый, но мы не можемъ засвидѣтельствовать въ нихъ никакого плода раскаянія, который бы обнаружился или въ смиренномъ словѣ, или въ строгой и спокойной жизни. Никто изъ нихъ не покинулъ надменной гордости, которую усвоилъ отъ злыхъ еретиковъ, никто не образовался и не удалился отъ святаго мѣста, которое онъ подвергалъ поруганію“¹⁾).

Изъ приведеннаго мѣста слѣдуетъ, что Іоаннъ былъ живъ въ началѣ 846 года; довольно рѣзкія слова патріарха Меѳодія могутъ относиться именно къ нему, какъ къ самому видному представителю партіи иконоборцевъ. Ясно, что Іоаннъ не желалъ вступать ни въ какія соглашенія съ иконопочитателями.

Не сохранилось данныхъ о времени смерти его. Продолжатель лѣтописи Георгія, въ заключительныхъ главахъ царствованія Михаила III (Муральтъ, 746, Migne, с. 32, р. 896), передаетъ одинъ изъ возмутительныхъ поступковъ этого царя. Михаилъ III приказалъ открыть гробницу Константина Копронима и патріарха Іоанна (тутъ же узнаемъ, что послѣдній погребенъ былъ въ архіерейскомъ облаченіи), и продержавъ нѣкоторое время взятые тамъ трупы въ государственной тюрьмѣ, въ одинъ изъ дней конскаго ристалища въ ипподромѣ устроилъ невиданный спектакль: обнаживъ трупы, приказалъ бичевать ихъ, а потомъ кости ихъ предать сожженію. Такова судьба послѣдняго иконоборческаго патріарха.

Прозваніе грамматика, полученное патріархомъ Іоанномъ, указываетъ на нѣкоторую извѣстность его въ литературныхъ и ученыхъ кружкахъ. Ему принадлежитъ руководство по грамматикѣ, пользовавшееся значеніемъ и въ позднѣйшее время. О литературномъ значеніи Іоанна нѣкоторыя свѣдѣнія, очень впрочемъ скудныя, можно почерпнуть у Nicolai, Griechische Literaturgeschichte, III, 162; Legrand, Bibliographie Hellénique, II, 183.

II.

Русь-Дрошты.

Личный характеръ Іоанна VII возстановить въ высшей степени трудно, такъ какъ сохранившіяся извѣстія завѣдомо пристрастны къ

¹ *Pitra, Iuris ecclesiastici Graecorum Historia et Monumenta*, II, р. 355. У *Миля*, *Patrologiae cursus* t. 100, р. 1292; напечатано это письмо безъ конца.

нему. Въ настоящее время не легко представить себѣ, съ какимъ ожесточеніемъ релігіозныя партіи VIII и IX вѣковъ истребляли литературныя произведенія, могущія или служить противникамъ, или повредить друзьямъ. Одни акты VII вселенскаго собора могутъ представить поразительныя тому доказательства. Во всей литературѣ, имѣющей отношеніе къ Іоанну, обойдется умолчаніемъ важнѣйшій моментъ его жизни, когда ему пришлось стать лицомъ къ лицу съ патриархомъ Меодіемъ. Можно безошибочно заключать, что онъ искренно былъ убѣжденъ въ правотѣ своихъ воззрѣній и безъ колебаній выносилъ невзгоды, которыя постигли его съ 842 года. Чуть ли не единственный намекъ на его попытку бороться съ православными сохранился въ Паннонскомъ житіи св. Кирилла. Въ самомъ дѣлѣ, это любопытнѣйшій остатокъ, по всей вѣроятности, обильнаго числа повѣстей, касавшихся воззрѣній послѣдняго иконоборца. Преніе Кирилла съ Аніемъ, конечно, имѣетъ особый интересъ въ вопросѣ о происхожденіи и составѣ Паннонскихъ житій, но оно едва ли сохранилось вполне. Для насъ имѣетъ въ немъ значеніе та мысль, вкладываемая Іоанну, что его согнали съ престола насиліемъ, а не убѣдили въ ложности его мыслей, ибо никто не могъ сравняться съ нимъ въ діалектикѣ. Мысль эта соответствуетъ существу дѣла, на сколько оно выясняется изъ разсмотрѣнія уцѣлѣвшихъ данныхъ; въ свою очередь дѣятельность Кирилла и Меодія, падающая на періодъ послѣдней борьбы иконоборцевъ и иконопочитателей, въ этой части житія Кирилла явно выдаетъ элементъ вниманія къ важному вопросу половины IX вѣка. Можно думать, что и нѣкоторые другія данныя Паннонскаго житія, какъ казарская и сарацинская миссія, по источникамъ своимъ обличаютъ наблюденія IX вѣка (путешествіе Петроны къ казарамъ и постройка Саркела; путешествіе патриарха Іоанна въ Багдадъ).

Но есть одно обстоятельство въ преданіяхъ о патриархѣ Іоаннѣ, которое, какъ намъ кажется, можетъ имѣть отношеніе къ извѣстному темному мѣсту о Руси у Симеона Магистра. Какъ можно убѣдиться изъ предшествующаго, личность патриарха Іоанна была для современниковъ загадкой. Не только важнѣйшія обстоятельства его жизни, но и его частныя личныя отношенія, его домашнія занятія обставлены характеромъ таинственности. Прежде всего напомнимъ приведенную выше повѣсть о трехъ предводителяхъ языческаго племени, которые своими набѣгами и опустошеніями привели въ смущеніе царя Теофила, и сила которыхъ была ослаблена чарами па-
часть сслхъи, отд. 2.

тріарха Іоанна. Существовали далѣ особыя сказанія объ его миссіи въ Багдадъ. Кромѣ того разказа, который выше приведенъ нами, продолжатель Теофана (III, с. 26) указываетъ другія повѣсти о томъ же предметѣ, по которымъ, Іоаннъ тайно, переодѣтый пилигримомъ, подъ видомъ нищаго явился въ Багдадъ и свидѣлся съ генераломъ Мавуиломъ. Его домашняя жизнь облечена также покровомъ таинственности: онъ часто удалялся въ загородный дворецъ своего брата, гдѣ у него были особыя тайныя подвѣнные покои и гдѣ былъ его чародѣйственная лабораторія (ibid. IV, с. 8). Преданія о такомъ необыкновенномъ человѣкѣ тѣмъ болѣе могли давать лицу воображенію, что онъ занималъ и высокое положеніе. Такъ какъ мы не претендуемъ объяснять историческій фактъ, а желаемъ представить попытку объясненія особаго рода традиціи, особаго таинственнаго элемента въ византійскомъ преданіи о Руси, то не считаемъ необходимымъ много останавливаться на законности перехода отъ чаръ Іоанна къ чарамъ, которымъ подпала Русь.

Знакомясь съ преданіемъ объ Іоаннѣ, мы вспоминали одно изъ древнѣйшихъ свидѣтельствъ о Руси, служащее и повинѣ предметомъ недоумѣнія и спора. Это извѣстное мѣсто Симеона Магистра въ исторіи Льва, VII, гл. 13:

Ῥώς δὲ, οἱ καὶ Δρομίται φερόμενοι ἀπὸ Ῥώς
 τινὸς σφιδροῦ διαδραμόντες ἀπηχρήματα τῶν
 χρησαμένων ἐξ ὑποθήκης ἢ θεοκλυτίας
 τινὸς καὶ ὑπερσόντων αὐτοῦς ἐπικέκληνται.
 Δρομίται δὲ ἀπὸ τοῦ ὀξέως τρέχειν αὐτοῖς
 προσγίνετο. Ἐκ γένους δὲ τῶν Φράγγων
 καθίστανται.

Мы съ намѣреніемъ не дѣлаемъ пунктуациі въ первой части при веденнаго мѣста, такъ какъ при объясненія его русскіе ученые (Куникъ, Гелеевъ и др.) слишкомъ много различаются именно разстановкой знаковъ. Оставляемъ далѣ въ сторонѣ, положеніе занимаемое этимъ мѣстомъ въ старомъ спорѣ русскихъ научныхъ школъ. Посмотримъ, какое значеніе этого мѣста въ контекстѣ исторіи Симеона Магистра. Глава 13-я имѣетъ такое содержаніе: „Въ 18-й годъ идетъ на столицу флотъ агаринскій съ Триполитомъ. Триполиты же названы оттого, что составились изъ трехъ племенъ: изъ колонистовъ арабскихъ, тирскихъ и сидонскихъ. Также и Эгейское море получило названіе отъ стремленія воды, несущейся какъ коза. Подобно и Стро-

видъ наименованъ по положенію мѣста и Лампсакъ отъ снвнїа свѣта, который почью воссиялъ по волѣ боговъ, когда фокейцы основывали его и молились. И Имвръ получилъ названіе отъ Имвра сына Аноа“. Всего объяснено такимъ образомъ 24 слова. Затѣмъ слѣдуетъ гл. 14-я: „Итакъ посылаетъ царь противъ него Евстаѳіа, другаріа флота, съ кораблями и войскомъ“. Очевидно, вся эта филологическая экскурсія не вѣжета съ содержаніемъ повѣствованія и должна быть разсматриваема въ качествѣ вставки начитаннаго въ подобныхъ тонкостяхъ переписчика или читателя лѣтописи Симеона. Ближайшее заключеніе отсюда то, что приведенное мѣсто о Русь не должно и не можетъ быть объясняемо изъ Симеона Магистра, такъ какъ оно не ему принадлежитъ. Нѣкоторыя изъ грамматическихъ объясненій не имѣютъ противъ себя никакихъ возраженій, на сколько они представляютъ собой филологическое объясненіе слова: нѣкоторыя основываются на народныхъ сагахъ и должны служить выраженіемъ преданій устнаго или письменнаго. Между попытками объясненій словъ мало понятныхъ посредствомъ личнаго или мѣстнаго имени укажемъ на не менѣе любопытное объясненіе слова Влахерны у писателя Генесія.

Regum Lib. IV, p. 1150 (ap. Migne). Βλαχέρνας· ἀπό τινος ἀρχηγού Σκόθου Βλαχέρνου ἀναραθέντος ἐκείσε κερήμεστα.

Было бы конечно несправедливо, еслибы мы послѣдовали въ этомъ объясненіи за невинѣстимъ толкователемъ. Но съ другой стороны, такое объясненіе могло составиться въ опредѣленную эпоху, когда оно могло считаться вѣроятнымъ и убѣдительнымъ для читателя, то-есть, когда возможны были случаи поняшенія скиѣскихъ вождей въ Константинополѣ.

Итакъ, обращаясь къ толкованію, данному слову Ῥώς, мы прежде всего считаемъ важнымъ выдѣлить грамматическій элементъ изъ того, что не имѣетъ ничего общаго съ словопроизводствомъ. Толкователю предстояла задача объяснить слово Ῥώς, Русь, которую онъ называетъ дромитами (δρόμιται). Прежде всего онъ толкуетъ Ῥώς, и не при посредствѣ словопроизводства, такъ какъ этимологическое значеніе слова было ему неизвѣстно, а отъ личнаго имени: ἀπό Ῥώε τινος σφοδρού ἐπικήληται. Но все, что говорится помимо указанныхъ словъ и что включено между подлежащимъ и сказуемымъ, обличаетъ въ толкователѣ знаніе какихъ-то особенныхъ преданій о Русь, на которыя онъ и дѣлаетъ краткое указаніе, каковы и всѣ подобныя указанія

толкователя на историческіе и религиозныя факты или просто по преданію дошедшія до него сказанія.

Давно уже догадывались, что вся сущность приведеннаго мѣста заключается именно въ этомъ добавленіи, въ этой вводной между подлежащимъ и сказуемымъ вставкѣ. Но всѣ предложенныя доселѣ попытки объясненія любопытнаго мѣста не разрѣшали сомнѣній. Академикъ Куникъ былъ довольно близокъ къ пониманію реальнаго смысла, заключающагося въ этой вставкѣ, но онъ оставилъ на своемъ переводѣ столько ясныхъ признаковъ сомнѣнія и неуверенности, что занимавшіеся толкованіемъ того же мѣста послѣ него имѣли полное основаніе отнестись недовѣрчиво къ его переводу. Одинъ изъ болѣе видныхъ противниковъ его въ возвращеніи на древнюю исторію Россіи, Гелеоновъ даетъ не переводъ, а изложеніе и притомъ весьма свободное. Сопоставимъ объясненія къ нашему мѣсту названныхъ ученыхъ.

Kunik. Die Berufung, 413: Die Rös, welche auch Dromiten heissen, haben ihre Namen von einem gewaltigen (?) Rös erhalten, nachdem (weil ?) sie den Feindseligkeiten (? wörtlich den Misshälligkeiten) deren entgangen waren, welche einen Götterspruch oder ein Orakel eingeholt (?? sich zu Nutzen gemacht ???) und über sie ein Uebergewicht erlangt (sie besiegt ?) hatten.

Гелеоновъ, Вараги и Русь, II, 479: Русь, они же и Дромити, прозвались своимъ именемъ отъ нѣкоего храбраго Роса, послѣ того какъ имъ удалось спастись отъ ига народа, овладѣвшаго ими и угнетавшаго ихъ, по волѣ или предопредѣленію боговъ.

Не смотря на множество знаковъ сомнѣнія, переводъ академика Куника все же передаетъ понятія, заключающіяся въ греческомъ оригиналѣ, чего нельзя сказать о русскомъ изложеніи. Неправильность перевода у перваго мы усматриваемъ только въ концѣ, именно въ выраженіи: über sie ein Uebergewicht erlangt hatten; въ русскомъ же изложеніи находимъ не оправдываемою греческимъ текстомъ всю мысль о томъ, что русскимъ удалось спастись отъ ига народа, овладѣвшаго ими и угнетавшаго ихъ, по волѣ или предопредѣленію боговъ.

Для объясненія любопытнаго текста, дѣйствительно представляющаго немаловажныя затрудненія, главнѣйшимъ препятствіемъ служили: разнообразное пониманіе синтаксическаго строя предложенія и несогласіе въ толкованіи отдѣльныхъ выраженій. Итакъ, прежде всего предлагаемъ принять, что взаимная зависимость словъ въ предложеніи должна остаться безъ всякой перемѣны. Нѣсколько частныхъ замѣчаній могутъ касаться значенія словъ. Во всей вставкѣ главнымъ словомъ какъ по положенію, такъ и по смыслу должно считать диабра-

μότης: ово главное по положенію, ибо управляетъ послѣдующими словами, главное и по смыслу, ибо даетъ особенное значеніе всей вводной рѣчи и находится во внутренней связи съ δροῖται и съ объясненіемъ этого термина ἀπὸ τοῦ ὀξέως τρέχων. Непосредственнымъ къ нему дополненіемъ служить ἀπλήρημα, которое въ свою очередь опредѣляется рядомъ съ нимъ стоящимъ τῶν χρησαμένων. Что касается значенія упомянутыхъ словъ, въ этомъ отношеніи существенное затрудненіе состоитъ въ томъ, чтобы раскрыть ихъ техническій смыслъ: слова употреблены не въ прямомъ обиходномъ значеніи и служатъ обозначеніемъ не реальныхъ предметовъ, а отвлеченныхъ понятій, относящихся къ кругу вѣрованій или религіозныхъ воззрѣній. Уже то обстоятельство, что нѣкоторыхъ словъ текста о Русп не найдешь и въ лучшихъ греческихъ словаряхъ, служитъ достаточнымъ указаніемъ, что эти слова взяты изъ спеціальнаго словаря.

Обыкновенное значеніе слова ἀπλήρημα устанавливается довольно легко, ибо ясно его производство. Отсюда, наприимѣръ, синодѣнія разсматриваются какъ ἀπλήρημα дневныхъ заботъ. Употребительно выраженіе ἀπλήρημα въ смыслѣ вліянія или ученія: ταῦτα Προδίκου ἐστὶ ἀπλήρημα или Ἀριστοτελικὰ ἀπλήρηματα. Такии мѣста могутъ дать русскій переводъ для ἀπλήρημα: слѣдъ, отголосокъ, вліяніе, ученіе. Но что слова подобнаго производства имѣли болѣе широкое значеніе, видно изъ слѣдующаго мѣста у продолжателя Теофила: καὶ ἄλλ' ἄττα προετίθει βλάσφημα καὶ ἀπλήρη κατὰ τῆς εἰκόνης Χριστοῦ, то-есть, онъ присовокупилъ и другія богохульныя и гнусныя слова противъ иконы Христа ¹⁾). Въ лѣтописи Теофилакта Симокатты находимъ употребленіе этого слова въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Разъ, въ одномъ сраженіи съ персами, въ критическій моментъ битвы, по греческимъ рядамъ громкимъ эхомъ раздается голосъ, новѣлѣвающій нападеніе на непріятельскую конницу. При разслѣдованіи потомъ оказалось, что этого приказанія никто не дѣлалъ ²⁾). Здѣсь ἀπλήρημα находимъ уже въ сверхъестественной обстановкѣ, ибо слово употреблено для выраженія дѣйствія промысла, божественной воли. Слово это несомнѣнно имѣло и еще болѣе тѣсный смыслъ, какъ можно заключать изъ упо-

¹⁾ Theoph. Contin. lib. III, c. 14

²⁾ De Boor, Theophylacti Simocatae, lib. II, § (p. 76) θεῖα τις δῆσαι καταβείτῃσε τοῦ ἀλλοφόλου ἑτεροπεία ποιομένη τὴν μάχην, φωνὴ περιπέτατα Ῥωμαίους μεγάλη τῷ ἀπλήρηματι ἐγκλησομένη τὴν ἵππων κεντεῖν τὴν πολεμίων. Иже неатель заключеть, что это было θεῖα τινα μελετήματα.

требленія его въ древнихъ медицинскихъ сочиненіяхъ, гдѣ оно имѣетъ смыслъ ῥωμή¹⁾). Итакъ, было бы затруднительно выбрать то или другое значеніе для слова ἀπήχημα; очевидно, надлежащій смыслъ оно получаетъ отъ слѣдующаго опредѣляющаго τῶν χρησαμένων. Для толкованія этого послѣдняго слова въ смыслѣ оракула (изреченіе оракула) не встрѣчается никакихъ возраженій, за исключеніемъ того соображенія, что слово оракулъ должно быть замѣнено соотвѣствующимъ христіанскому воззрѣнію терминомъ. Христіанскій писатель, говорящій о Русѣ, пользуясь языческимъ терминомъ, все же не могъ разумѣть въ дѣйствительности оракулъ, онъ долженъ былъ подразумѣвать обнаруженіе неземной сверхъестественной силы: божественной или демонской. Такимъ образомъ, выраженіе διαβρούτες ἀπήχηματα τῶν χρησαμένων то же, что διαβρούτες τὰ ἀπήχη χρησαμένων или τοὺς ἀπηχεῖς χρησαμούς. Воззрѣніе автора не склоняется ни исключительно въ пользу божественной воли, ни въ сторону демонской силы; онъ разсуждаетъ какъ прилично христіану XV вѣка, останавливающемуся въ недоумѣніи передъ непонятными вещами. Въ самомъ дѣлѣ, византійское міровоззрѣніе, сильно проникнутое суевѣріемъ, на каждомъ шагѣ допускало участіе неземныхъ силъ въ жизни человѣка. Съ одной стороны, предсказатели и пророки, съ другой—вѣщатели, чародѣи и колдуны постоянно тревожили умъ, и никто не могъ рѣшить—отъ Бога или отъ демона случаются выходящія изъ ряда вонъ вещи. И въ нашемъ текстѣ вопросъ рѣшается на двое. Θεολογία и ὑποθήκη выражаютъ собою двоякость воззрѣнія на ἀπήχηματα τῶν χρησαμένων—или сила божественная, или демонская: ὑποθήκη будетъ обозначать чаролѣйство, или колдовство, внушенное нечистою силой, а θεολογία—позволеніе какого-либо несчастія посредствомъ воли Божіей или съ помощью имени Божія. Но авторъ не рѣшается прямо приписать это тому или другому началу, слѣдственно въ томъ воспоминавіи, которое имѣлось у него въ виду, не было ясныхъ признаковъ участія воли Божіей; значить Русь избѣжала такого рода несчастій, которыя не имѣли прямой связи съ религіозными воззрѣніями.

Послѣднія слова, ὑπεροχόντων αὐτοῦς, оставшіяся неясными и для академика Куника, должны быть объяснены также въ зависимости отъ того тѣснаго спеціальнаго круга воззрѣній, въ которомъ вообще

¹⁾ *Ideler, Physici et medici graeci minores, Berolini 1842, I, s. 249 ἀπήχημα δὲ ἔστιν κατ' ἑνίους ἢ ἐκ τῶν ἀντικειμένων τοῖς κεκληθῆσι μερασίν τοῦ κρανίου γενομένη ῥωμή, διχα τραματός τῶν ἐπεκατημένων.*

вращается авторъ нашей вставки. Если ὑπερέχειν нельзя понимать въ иномъ смыслѣ, какъ „имѣть перевѣсъ, пересиливать, преодолевать“, въ чемъ, впрочемъ, и не было сомнѣнiя у толкователей, то этимъ еще не рѣшается вопросъ о переводѣ. Какая логическая зависимость приведенныхъ двухъ словъ?

Мы не думаемъ, чтобы возможно было здѣсь давать мѣсто такому толкованiю, что надъ Русью кто-то получилъ матеріальный перевѣсъ или побѣдилъ ее. Правильнѣе будетъ держаться отвлеченныхъ воззрѣнiй греческаго оригинала и объяснять и эти слова изъ того же поущенiя или чародѣйства, о которомъ рѣчь выше. Русь не вполне миновала насланиа божьею волей или колдовствомъ несчастiя, она все-таки поплатилась нѣкоторыми лишенiями, на которыя и указываютъ послѣднiя слова. Αἰτός не къ чему нельзя относить, какъ къ Ῥώς, ὑπερούχωνъ соответствуетъ другому родительному χρῆσαμένῳ, и слѣдовательно, оба слова стоятъ въ зависимости отъ ἀκτῆματι. Русь избѣжала послѣдствiй или влiянiя поущенныхъ богомъ или наслапныхъ нечистою силою чаръ, которыя обнаружили надъ нею свою силу. Она избѣжала — и это нужно понимать въ буквальномъ смыслѣ — то-есть, удалилась съ той арены, на которой могла дѣйствовать наущенная на нее сила, послѣпнно переимѣнила мѣсто, почему и названа дромитами. Такимъ образомъ, по нашему толкованiю, мѣсто о Руси-Дромитахъ будетъ возможно перевести слѣдующимъ образомъ. Русь, знаменитые Дромиты, названы отъ нѣкоего сильнаго Росса, избѣжавъ влiянiя поущенныхъ Богомъ или нечистою силою наслапныхъ и овладѣвшихъ ею чаръ (напастей).

Воззрѣнiе, которое внушило неизвѣстному греку вставить о Руси приведенную мысль, можетъ имѣть для себя объясненiе въ какомъ-то не отмѣченномъ греческою лѣтописью случаѣ, или просто въ устномъ преданiи, что Русь однажды спаслась отъ дѣйствiя подземной силы, что на ней не только оправдались угрожавшiя дурными послѣдствiями предсказанiя. Никакъ нельзя, да и не должно, оставлять безъ вниманiя, что быстрота бѣгства Руси, согласно тому же воззрѣнiю, была причиной прозванiя Руси дромитами. Что это мѣсто осталось единственнымъ въ литературѣ и не повторено у писателей, какъ современныхъ Симсону Магистру, такъ и такихъ, которые имъ пользовались, можно объяснить или вставнымъ характеромъ этого мѣста, не во всѣ списки Симеона внесеннымъ, или тѣмъ обстоятельствомъ, что другiе писатели не знали того случая, который послужилъ Симеону основанiемъ для извѣстныхъ выраженiй о Руси.

Сдѣланное нами объясненіе мѣста о Руси у Симеона Магистра отличается отъ другихъ толкованій того же мѣста тѣмъ, что мы основываемъ свое толкованіе византійской лѣтописью. Можно думать, что тотъ грекъ, который всталъ въ лѣтопись Симеона любопытное мѣсто о Руси, зналъ нѣчто объ отношеніяхъ Руси къ Византіи изъ преданій, или читалъ объ этомъ какое-нибудь древнее сказаніе.

Выше мы обратили вниманіе на разказъ продолжателя Теофана о чародѣйствѣ патріарха Іоанна. Чары его направлялись на трехъ вождей погнѣрнаго и жестокаго языческаго племени, которые опустошали своими набѣгами Ромейскую страну и довели царя Теофила до отчаянія. Считаемо излишнимъ и праздымъ настаивать, что первѣнное языческое племя это не можетъ быть никакимъ другимъ народомъ кромѣ Руси. Предполагая, что сказаніе составлено было въ объясненіи существующаго и всѣми наблюдаемаго факта—присутствія въ константинопольскомъ ипподромѣ статуи съ тремя головами, изъ которыхъ двѣ отвалились, а одна една держалась, мы не сомнѣваемся, что и самое объясненіе этого факта могло видоизмѣниться согласно времени и обстоятельствамъ. Какъ вообще измѣнялись толкованія пророчествъ, предсказаній и разныхъ символическихъ предметовъ, прообразующихъ судьбу Константинополя, въ смыслѣ завоеванія города аварами, болгарами, русскими, арабами, норманнами, сельджуками и турками, смотря по тому, какой изъ названныхъ народовъ болѣе угрожалъ Византіи, такъ и сказаніе о статуѣ съ двумя головами отсѣченными могло примѣняться къ разнымъ врагамъ имперіи. Болѣе или менѣе правдоподобнымъ мотивомъ къ объясненію для исследователя здѣсь остается только время, въ которое возникло то или иное объясненіе.

Что касается разказа о чарахъ патріарха Іоанна, это сказаніе совпадаетъ съ временемъ самаго сильнаго напряженія враждебныхъ нападений Руси на имперію. Оно составилось не позже X вѣка и не ранѣе царствованія Теофила, который по имени названъ въ сказаніи, чего, конечно, нельзя терять изъ виду, такъ какъ для составителя легко было не называть имени царя. Итакъ, есть полная вѣроятность изъ трехъ вождяхъ языческаго племени усматривать русскихъ вождей. Въ сказаніи нужно отличать два элемента: а) видимый фактъ—статуя на ипподромѣ и б) сверхъестественный фактъ—вліяніе обряда посвѣченія головъ на статую на судьбу лицъ, которыя чародѣйственною силой поставлены въ соотношеніе съ этою статуей. Этотъ послѣдній элементъ выясняется въ сказаніи слѣдующимъ образомъ.

Іоаннъ, приступая къ посѣченію головъ на статуѣ, произнесъ нѣкоторыя чародѣйственныя слова, имѣвшія цѣлью перевести въ статую присущую вождямъ силу (καὶ ἑαυτὸν ὁ Ἰωάννης τοῦ στοιχειωτικοῦ λόγου ὑπέκρινεν καὶ τὴν ἐνοῦσαν τοῖς ἀρχαῖσι δύναμιν εἰς τὸν ἀνδριάντα μεταγαγῶν) или лучше уничтожить своими заклинаніями ту силу, которая находилась въ статуѣ (ἢ μᾶλλον τὴν οὖσαν πρότερον ἐν τῷ ἀνδριάντι καταβαλὼν ἐκ τῆς τῶν στοιχειωσάντων δυνάμεως). Но обрядъ посѣченія головъ былъ не вполне удаченъ, а потому и чары не имѣли полного эффекта. Между вождями возникла сильная распря и вычлалась междоусобная война, въ которой погибли двое и сваясь только одинъ изъ нихъ, да и то съ значительными опасностями (τρίτου μόνου διασωθέντος μὲν, οὐχ ὑγιᾶς δά). Такъ это племя, къ ничтожеству обратившись, въ бѣгствѣ и съ опасностями ушло въ свои мѣста.

Ставъ въ связь мѣсто о Руси у Симеона Магистра съ сказаніемъ о чародѣйствѣ патріарха Іоанна у продолжателя Теофана, мы не можемъ уклониться отъ объясненій по поводу тѣхъ заключеній, которыя логически отсюда слѣдуютъ въ приложеніи къ первымъ страницамъ Русской лѣтописи.

Если только мы не ошибаемся въ объясненіи мѣста у Симеона Магистра, то ядѣсь получается прежде всего слѣдъ византійскаго преданія о Руси до-Рюриковской. На подобныя слѣды нападали уже давно и въ разныхъ направленіяхъ, но, къ сожалѣнію, все это слѣды слишкомъ слабыя и мало опредѣляющіе даже общее направленіе утраченныхъ фактовъ. Если придерживаться той исторической рамки, въ которую традиція помѣстила движеніе Руси на югъ, опустошеніе византійскихъ областей, междоусобную войну трехъ вождей, погубивъ двухъ изъ нихъ и знаменитое бѣгство оставшагося въ живыхъ, то въ этомъ получается слѣдъ знакомства Византіи съ Русью при Теофилѣ и патріархѣ Іоаннѣ, то-есть, до 842 года. Но само собою разумѣется, при этомъ возникаетъ весьма настойчиво вопросъ: оправдывается ли, хотя до нѣкоторой степени, притязаніе идти по несмысленнымъ слѣдамъ въ до-Рюриковскую глубь византійско-русскихъ отношеній?—Въ этомъ и состоитъ величайшая невыгода русской исторической науки въ нынѣшнемъ ея положеніи, что она никакъ не можетъ не сознавать потребности расширять свои задачи въ ширь и въ глубину, никакъ не можетъ допустить, что Русское государство сложилось тѣмъ путемъ, какой обозначенъ у первоначальнаго лѣтописца. Что сколько-нибудь выикалъ въ первыхъ страницы лѣтописи, необхо-

димо приходилъ къ выводу, что въ нихъ много недоразумѣній и неясностей.

Что не 862 годомъ начинается Русское государство, это не подлежитъ сомнѣнію, но что было до этого времени—на этотъ вопросъ отвѣчаютъ лишь неясныя слѣды и обрывки традицій, находимыя какъ въ греческой, такъ и въ русской лѣтописи. Было бы малодушіемъ отказываться отъ попытокъ вновь и вновь затрогивать старые вопросы съ тѣмъ, чтобы въ нихъ внести больше ясности; тѣ слѣды и обрывки традицій, о которыхъ мы сейчасъ упомянули, могутъ стать когда-нибудь ясными свидѣтельствами опредѣленныхъ фактовъ и отношеній.

Попытка идти по неяснымъ слѣдамъ въ глубь до-Рюриковскихъ отношеній находить для себя оправданіе съ двухъ сторонъ.

Извѣстно, что при царѣ Теофілѣ неоднократно отправляемы были греческія посольства къ Западному императору. Одно изъ нихъ имѣетъ для насъ особенный интересъ, потому что предметомъ переговоровъ были здѣсь, между прочимъ, русскіе, тогда въ первый разъ являющіеся подъ этимъ именемъ.

Слѣдствія какъ о посольствѣ, такъ и о Руси сохранились только въ латинской лѣтописи (Pertz I, p. 434) подъ 839 годомъ. Такъ какъ мѣсто о Руси извѣстно интересующимся древнею русскою исторіей, то мы можемъ ограничиться сдѣланнымъ указаніемъ и прямо обозначить его сущность. Царь Теофілъ просилъ, между прочимъ, императора Людовика Благочестиваго оказать благосклонную внимательность и дать свободный пропускъ черезъ свою имперію русскимъ (Rhos); эта просьба объяснена тѣмъ обстоятельствомъ, что путь, которымъ пришли эти русскіе въ Константинополь, занятъ варварскими и чрезвычайно жестокими племенами и представляетъ серьезную опасность для нихъ, еслибъ они возвращались тѣмъ же самымъ путемъ. Оставляя въ сторонѣ ту часть извѣстія латинскаго лѣтописца, которая составляетъ предметъ спора нашихъ историческихъ школъ, ограничиваясь критическими замѣчаніями къ самому посольству, какъ факту, вошедшему въ лѣтопись. Прежде всего, слѣдуетъ счтать не подлежащимъ сомнѣнію, что византійская лѣтопись, упоминающая о посольствахъ Теофіла на западъ, пропустила занести то, о которомъ говоритъ латинская лѣтопись, слѣдовательно ни о прочихъ предметахъ переговоровъ, ни объ Руси, мы не можемъ находить никакихъ данныхъ въ лѣтописи византійской. Затѣмъ, для всякихъ заключеній и выводовъ объ имени Русь и объ обстоятельствахъ, которыя принудили ее просить содѣйствія царя Теофіла къ

возвращенію черезъ владѣнія Западнаго императора и присоединиться къ отправленному изъ Византіи посольству на западъ, представляется только латинское изложеніе содержанія письма Теофила къ Людовику. Противъ достовѣрности самаго факта, занесеннаго въ латинскую лѣтопись, нельзя указать возраженій, ибо въ немъ отмѣчены имена византійскихъ пословъ, точно обозначено время прибытія посольства и наконецъ указанъ имѣвшій мѣсто въ Ингельгеймѣ родъ разслѣдованія по поводу тѣхъ лицъ, которые назывались Русью.

Во главѣ посольства стояли Θεодосій, епископъ Халкидонскій, и спаарій Теофанъ. Безъ особенно серьезныхъ причинъ подвергать сомнѣнію эти имена мы не можемъ. Съ нѣкоторою долей вѣроятности можно было бы приводить противъ показанія латинскаго лѣтописца извѣстія, записанныя у продолжателя Теофана (III, с. 37) и у Генесія (III, р. 1081, ар. Migne, t. 109) о посольствѣ къ Германскому императору патриція Θεодосія Вавуцка съ цѣлю переговоровъ о союзной войнѣ противъ сарацинъ. Но въ пользу самостоятельности этого извѣстія и независимости этого посольства отъ того, которое представлялось императору Людовику въ 839 году, говорятъ уже то обстоятельство, что патриціей Θεодосій въ качествѣ византійскаго посла упомянутъ въ Венеціанской хроникѣ (Pertz, SS. VII, р. 17), онъ представлялся въ Венеціи дожу Петру, поднесъ ему знаки достоинства спаарія и провелъ въ Венеціи цѣлый годъ. Далѣе, извѣстно, что этотъ посолъ умеръ, не окончивъ своей миссіи на западѣ (Генесій, р. 1084).

Въ виду этихъ обстоятельствъ, должно считать не подлежащимъ сомнѣнію, что упомянутое въ византійской и венеціанской лѣтописяхъ посольство различно отъ того, о которомъ записано въ *Annales Bert.* а. 839. Новѣйшіе изслѣдователи, изучавшіе отношенія двухъ имперій въ IX вѣкѣ, приходятъ къ выводу, что въ послѣдніе годы жизни Теофила снаряжены были на западъ два посольства: одно сейчасъ же послѣ пораженія, понесеннаго греками при Амориіи въ сентябрѣ 838 года, другое въ 841 году. Греки записали только о послѣднемъ, а франкская лѣтопись упоминаетъ о первомъ¹⁾.

Итакъ, тѣ обстоятельства, которыми поставили Русь въ необходимость присоединиться къ византійскому посольству, отправленному

¹⁾ *Simson*, Ludwig der Fromme, II, 202, Ann. 5; *Harnack*, Das karoling. u. das Byzant. Reich, а. 72; *Gaquet*, L'empire byzantin, р. 327—328; ср. *Ann. Bert.* а. 842 и *Wail*, Gesch. der Chalifen, II, 315.

на западъ, и которыя побудили царя Теофила просить 'для нихъ' свободнаго пропуска черезъ владѣнія Западнаго императора, должны были имѣть мѣсто въ 838 году. Въ виду отсутствія положительныхъ лѣтописныхъ извѣстій о событіяхъ, происходившихъ при Теофилѣ на сѣверъ отъ Чернаго моря и принимая въ соображеніе фикцію, закрѣпленную первоначальнымъ русскимъ лѣтописцемъ, что Русская земля начала прозываться своимъ именемъ съ того времени, какъ началъ царствовать Михаилъ, сынъ Теофила, мы должны или пожертвовать латинскимъ извѣстіемъ на томъ основаніи, что оно ничѣмъ не можетъ быть подтверждено и объяснено, или показать по мѣньшей мѣрѣ основанія, которыя могли бы подорвать означенную фикцію русскаго лѣтописца. Въ такомъ положеніи доселѣ стоитъ вопросъ о до-Рюриковской Руси.

Легко однако понять, что фикція русской лѣтописи сводится въ своихъ началахъ къ тому положенію, что въ періодъ происхожденія русскаго лѣтописнаго свода византійскія свѣдѣнія о Руси не восходили далѣе Михаила III, иначе говоря, что русскій лѣтописецъ, изучавшій византійскую лѣтопись ради ознакомленія съ древнею исторіею Руси, не нашелъ въ ней никакихъ свѣдѣній до царствованія Михаила. Мы могли бы совершенно сблизить положеніе древняго лѣтописца съ ролью изслѣдователя новѣйшаго времени; какъ тотъ, такъ и другой, находя въ византійской лѣтописи первыя упоминанія о Руси въ царствованіе Михаила, имѣлъ основаніе сказать, что при этомъ царѣ начинается русская исторія, такъ какъ лѣтописцы при этомъ царѣ записываютъ извѣстія о походахъ Руси. Но несомнѣнно, что точка зрѣнія какъ древняго, такъ и новаго изслѣдователя будетъ вѣрна только въ той степени, въ какой справедливо положеніе, изъ котораго они отправляются. Въ смыслѣ исторической критики это положеніе далеко не безусловно вѣрно, ибо, съ одной стороны, могла утратиться та лѣтопись, въ которой было записано о Руси въ царствованіе предшественниковъ Михаила, съ другой — нельзя ожидать, чтобы всякая лѣтопись, въ особенности веденная не официально, отиѣчала всѣ событія. Неточность фикціи первоначальнаго лѣтописца высказывается особенно съ той стороны, что въ распоряженіи его были такіа преданія о Руси, которыми онъ принужденъ былъ пожертвовать во имя предвзятой теоріи о началѣ русской исторіи при Византійскомъ царѣ Михаилѣ. Извѣстно, что въ русской лѣтописи событіямъ, подтверждаемымъ византійскою, предшествуетъ цѣлый рядъ преданій или свѣдѣній, которыя, съ одной

стороны, не укладываются въ искусственныя хронологическія рамки, съ другой же, по внутреннему смыслу выступаютъ за пограничную черту, проведенную самимъ лѣтописцемъ.

Новѣйшій изслѣдователь, въ смыслѣ находящагося въ его распоряженіи лѣтописнаго византійскаго матеріала, едва ли находится не въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ составитель первоначальнаго свода. Последнему навѣрное не было извѣстно то мѣсто латинской лѣтописи, которое упоминаетъ о Руси подъ 839 годомъ, едва ли были извѣстны упоминаванія о Руси въ житіяхъ Сурожскомъ и Амастридскомъ. Преимущество его было въ томъ, что онъ могъ располагать нѣкоторыми документами (договоры) и преданіями, сохранившимися до его времени въ самой Руси. По нашему крайнему разумѣнію, задача современной критики должна направиться къ тому, чтобы свести и суммировать тѣ преданія вошедшія въ первоначальную лѣтопись, которыя не находятъ для себя объясненія въ доступной нашему лѣтописцу византійской лѣтописи. Эта сторона будущей критической работы облегчается тѣмъ соображеніемъ, что первоначальный лѣтописецъ, подкупленный извѣстіями о Руси при Михаилѣ III, не далъ себѣ большого труда, тщательно ознакомиться съ предыдущимъ царствованіемъ, въ числѣ отмѣченныхъ лѣтописью дѣяній котораго составитель первоначальнаго свода могъ бы, напротивъ, заинтересоваться дѣятельностью Петра на сѣверѣ—постройкой Саркела и реформами въ управленіи Херсонисомъ.

Такимъ образомъ, если современный изслѣдователь можетъ отыскать въ византійской лѣтописи, описывающей время предшественниковъ Михаила, нѣкоторые слѣды знакомства Византіи съ Русью, то это не будетъ посягательствомъ на первоначальный сводъ, а продолженіемъ разработки того же матеріала, который доступенъ былъ и безымянному автору нашего свода. Выше мы сдѣлали сближеніе между мѣстомъ о Руси у Симеона Логовета и новѣстью о чарахъ патріарха Іоанна, изъ чего получается прямой выводъ о слѣдахъ сношеній Руси съ Византіей при царѣ Теофілѣ. Уже то обстоятельство, что этихъ слѣдовъ такъ мало должно служить побужденіемъ пользоваться ими для освѣщенія того факта, о которомъ говоритъ франкская лѣтопись. Новѣсть о чарахъ патріарха Іоанна и посольство 839 года хронологически совпадаютъ, и оба указанія могутъ восполнять и объяснять одно другое. Нужно искать посредствующаго между ними звена, память о которомъ могла сохраниться или въ тѣхъ произведеніяхъ, мѣсто и значеніе которыхъ доселѣ еще не

опредѣлено (Сурожское и Амастридское житіа, Записка готскаго топарха), или въ той части первоначальнаго русскаго свода, которая построена на основаніи преданій, восходящихъ далѣе времени царя Михаила.

Что касается первоначальнаго русскаго лѣтописнаго свода, то первыя страницы его, которыя не могутъ быть провѣрены византійскою лѣтописью, ждутъ еще кропотливыхъ критическихъ изслѣдованій, нужду которыхъ такъ ясно понимали изслѣдователи начала нынѣшняго столѣтія. „Пусть будущій испытатель русской исторіи“, говорилъ Шлецеръ (Шесторъ, II, 149), — „постарается особенно византійское лѣтосчисленіе, начиная съ 800 года, привести въ возможную извѣстность и свѣрить его потомъ съ показаніями русскихъ временниковъ. Правда, это будетъ тяжкій трудъ, но за него приняться должно, этого требуетъ честь русской исторіи; когда-нибудь да должно очистить ее отъ невѣрныхъ годовыхъ чиселъ, которыя до сихъ поръ одинъ списывалъ у другаго безъ всякаго размысленія. Развѣ не стоитъ труда стараніе опредѣлить съ нѣкоторою по меньшей мѣрѣ вѣроятностью истинное начало великихъ происшествій въ верхнемъ сѣверѣ, отъ которыхъ возникло Русское государство. Ну, если изъ сихъ, по видимому, пустыхъ изысканій выйдетъ пріятное слѣдствіе, что... Александръ I... доживетъ до торжественія тысячелѣтія своей имперіи! Большая часть годовыхъ чиселъ и показаній времени, находящихся въ русскихъ лѣтописяхъ до Рюриковой смерти не вѣрны, она явно противорѣчатъ отчасти одно другому, отчасти существу описываемыхъ происшествій“. Шлецеръ писалъ, когда еще не было хронографіи Круга и Муральта, но вопросъ о первыхъ страницахъ лѣтописнаго свода нисколько не подвинутъ названными учеными.

Позволимъ себѣ небольшую экскурсію въ область лѣтописнаго свода съ тѣмъ, чтобы выяснитъ нѣкоторыя обстоятельства по отношенію къ знаменитому выраженію: Поченшу Михаилу царствовать начаса прозввати Русская земля. Что эта мысль пришла лѣтописцу вслѣдствіе обращенія его съ византійскою лѣтописью или, говоря прямѣе, заимствована изъ чтенія этой лѣтописи, а не составляетъ результатъ изученія мѣстнаго преданія, достаточно доказывается дальнѣйшими словами: „о семъ бо увѣдахомъ, яко при семъ царя приходиша Русь на Царьградъ, яко же пишется въ лѣтописаніи гречествѣи. Тѣмже отселе почнемъ и числа положимъ“. Древнѣйшій лѣтописецъ принималъ на себя этимъ два обязательства, кото-

рыя однаково трудно было ему исполнять. Впервыхъ, ему необходимо было во что бы то ни стало свести всѣ жившія до его времени на Руси преданія къ опредѣленной системѣ, представивъ ихъ историческими фактами и указавъ имъ свое мѣсто. Повторныхъ, онъ долженъ былъ предпринять неблагодарную и превышающую его научныя средства работу по отношенію къ византійской хронологіи. Последнее обстоятельство особенно важно, и на немъ нельзя не остановиться. Пусть будетъ его руководителемъ въ этомъ отношеніи Георгій Амартолъ, знакомство съ которымъ у начального лѣтописца легко можетъ быть доказано, еслибы даже не было на это прямого указанія. Чтѣ могъ дать лѣтописецъ Георгій въ смыслѣ хронологіи? Царствованіе Михаила у него начинается 6339 годомъ отъ сотворенія міра и 839 отъ Р. Х. Прежде всего дата отъ Р. Христова, соотвѣтствующая 6339 году отъ сотворенія міра, должна дать по настоящему 831 годъ, и слѣдовательно, все счисленіе Георгія на 11 лѣтъ отстываетъ отъ дѣйствительнаго византійскаго, такъ какъ Михаилъ вступилъ на царство въ 842 г. Дата 839, хотя и ближе къ дѣйствительной, не могла служить для начального лѣтописца точкой отсчета вслѣдствіе своего несогласія съ первой, да и не служила, потому что онъ поставилъ 852 годъ при словахъ: „Поченшу Михаилу царствовать“. Допустимъ, что онъ могъ обратиться къ Симеону Магистру для провѣрки хронологіи Георгія. У Симеона начало царствованія Михаила обозначено 6335 годомъ отъ сотворенія міра, то-есть, 827 христіанской эры, вторая же дата у него показана 835. Такимъ образомъ, первое его хронологическое показаніе на 15 лѣтъ отличается отъ дѣйствительнаго, второе на 7. Развѣ можно допустить, чтобы первоначальный лѣтописецъ былъ въ состояніи распутаться въ этой хронологической неурядицѣ? Во всякомъ случаѣ, онъ не могъ не допустить ошибки, ставя первый годъ. Будемъ ли думать, что онъ имѣлъ въ виду разные періоды царствованія Михаила — съ матерью и безъ матери, во всякомъ случаѣ показанный у него 852 годъ не соотвѣтствуетъ ни этимъ періодамъ, ибо Михаилъ 15 лѣтъ царствовалъ съ матерью, 10 лѣтъ одинъ и еще годъ съ небольшимъ съ Василіемъ Македоняниномъ. Уже первая дата, взятая первоначальнымъ лѣтописцемъ, была неправильна, а вслѣдствіе того и послѣдующія даты не могли быть на своемъ мѣстѣ. Между тѣмъ, связавъ себя невѣрнымъ исходнымъ годомъ, взятымъ у греческаго лѣтописца, составитель свода долженъ былъ считать для себя

безусловно необходимымъ располагать дошедшія до него извѣстія въ хронологическомъ порядкѣ.

Если для византійской хронологіи опъ могъ воспользоваться тѣми датами, которыя поставлены у Георгія, то для русской ему предстояло самому дать хронологію. Судя по тому, что многіе годы оставлены пустыми (853—857; 870—875; 888—897), что нѣкоторыя извѣстія повторены два раза подъ разными годами, что болѣе живые типы и болѣе выдающіяся преданія представлены въ лѣтописи съ опредѣленнымъ характеромъ повторности,—можемъ сдѣлать заключеніе, что традиція дошла до составителя свода въ пѣсьма пѣмскихъ чертахъ, утративъ уже реальныя условія мѣста и времени. Что эта традиція, лишешая хронологіи, помѣщена лѣтописцемъ между 852 и 879 годомъ, основаніемъ тому служилъ просто исходный годъ его лѣтосчисленія; еслибы поставленъ былъ 842 вмѣсто 852, то, по всей вѣроятности, и всѣ событія между 852 и 879 годомъ отодвинулись бы назадъ на 10 лѣтъ. Но какъ основное положеніе лѣтописца, что съ началомъ царствованія Михаила начала прозываться Русская земля, навѣяно было знакомствомъ съ византійскою лѣтописью, которая отмѣтила при Михайлѣ о походѣ русскихъ на Константинополь, то оно не можетъ быть разсматриваемо какъ непрерываемое положеніе, а какъ выводъ изъ наблюденій нѣкоторыхъ фактовъ. Конечно, Русская земля начала прозываться своимъ именемъ не ради того, что Русь ходила на Константинополь, и не со времени этого похода: такая точка зрѣнія можетъ быть вѣрна по отношенію къ византійцу, а не къ русскому.

Мы пришли теперь къ постановкѣ самой важной части вопроса. Слѣды традиціи, нашедшіе себѣ мѣсто на первыхъ страницахъ лѣтописи, не представляютъ ли признаковъ, по которымъ можно было бы ихъ сблизить съ разсмотрѣнными выше данными о Руси, относящимися ко времени царя Теофила? Конечно, на первомъ мѣстѣ должно быть въ этомъ отношеніи поставлено сказаніе объ Аскольдѣ и Дирѣ. Оно чуть ли не было самымъ опредѣленнымъ и реальнымъ фактомъ, воспоминаніе о которомъ еще живо хранилось до лѣтописца. Это доказывается уже тѣмъ, что это имя нѣсколько разъ появляется въ лѣтописи. По словамъ Шлецера (II, 98), въ русскихъ временникахъ Аскольдъ упоминается восемь разъ, и четыре раза лѣтописи снаряжаютъ его въ походъ на Византію. Почему лѣтописецъ приурочилъ преданіе о походѣ Аскольда и Диры къ 866 году? почему черезъ десять лѣтъ снова Аскольдъ идетъ на Цареградъ? Конечно, потому,

что существовало нѣсколько сказаній объ этихъ походахъ, и притомъ съ различными подробностями. Подъ 866 г. византійская лѣтопись занялась о походѣ Руси на Константинополь: это было первымъ для русскаго лѣтописца опорнымъ пунктомъ, къ которому онъ могъ причислить преданіе объ Аскольдѣ и Дирѣ. Въ сущности, нѣтъ никакихъ основаній думать, что въ 866 году именно Аскольдъ и Диръ были подъ Константинополемъ, ибо греческая лѣтопись не назвала вождей русскаго флота. Но что особенно для насъ важно, это извѣстіе подъ 876 годомъ. „Родн же нарицаемѣи Руси, иже и Кумани, живяху во Евксинополѣ, и начаша плѣновати страну Римлянскую, и хотяху поити въ Константиноградъ; но възбрани имъ вышній промыслъ, паче же и приключися имъ гнѣвъ Божій, и тогда возвратишася тѣмъ князи ихъ Аскольдъ и Диръ“. Едва ли можно сомнѣваться, что здѣсь мы имѣемъ традицію о какомъ-то другомъ военномъ предпріятіи Руси. Разница между первымъ и вторымъ фактомъ очевидна: о первомъ записано на основаніи византійской лѣтописи, что доказываетъ и имя Орифонта (то-есть, Оорифы) и Черная рѣка и выраженіе „безбожная Русь“; второй же фактъ записанъ на основаніи мѣстнаго преданія, которое имѣло особую окраску; „Русь начала опустошенія въ византійской области и хотѣла ийти на Константинополь“, но промыслъ Божій не допустилъ ее. Нельзя не догадываться, что въ русскомъ преданіи не было данныхъ ни о ризѣ Влахернской Богоматери, ни даже о морской экспедиціи на Константинополь, а было нѣчто другое, можетъ быть, сближающееся съ извѣстіемъ подъ 864 г.: „убиенъ бысть отъ Волгаръ Асколдовъ сынъ“ и „оскорбишася Новгородци, глаголюще“... Во всякомъ случаѣ, по нашему крайнему разумѣнію, то, что записано подъ 876 годомъ, скорѣе сближается съ разобраннѣмъ выше мѣстомъ о чарахъ патріарха Іоанна, чѣмъ съ записаннымъ въ первоначальной лѣтописи подъ 866 г. Отголоскомъ того воззрѣнія, которое нашло себѣ мѣсто въ византійской лѣтописи въ повѣсти о чарахъ Іоанна можно признать не ясное преданіе, дошедшее до первоначальнаго лѣтописца о соперничествѣ между Рюрикомъ и Асколдомъ и Диромъ и о насильственной смерти послѣднихъ. Но все это должно быть отодвинуто тогда ко времени Θεοφιλα. Впрочемъ, были уже высказываемы мнѣнія, что одинъ походъ Руси слѣдовало бы помѣтить 852 годомъ (Шлецеръ, II, 96).

Въ заключеніе, обращаясь къ извѣстію франкской лѣтописи о Руси, бывшей въ 839 г. при дворѣ Людовика Благочестиваго, мы часть солхун, одт. 2.

позволяемъ себѣ выразить догадку, что у составителя первоначальнаго свода могли находиться въ распоряженіи преданія, восходящія къ этой эпохѣ, но что онъ не могъ принять ихъ въ свой сводъ безъ передѣлки, которой требовала созданная имъ фикція о началѣ Руси при Михаилѣ. Преданіе объ изгнаніи варяговъ и о призваніи князей, записанное подъ 862 годомъ, есть свободная передѣлка голаго факта, который, по византійскому преданію и латинской лѣтописи, имѣлъ мѣсто при Теофилѣ. Этотъ фактъ есть борьба туземнаго славянскаго населенія съ иноплеменцами. Последніе не сразу получили преобладаніе, и не разъ подвергались опасности ихъ господство въ славянскихъ земляхъ. У составителя свода были въ распоряженіи довольно живыя на этотъ счетъ свидѣтельства: сказаніе о Владимѣ храбромъ, о возмущеніи новгородцевъ, о самостоятельной дѣятельности Аскольда и Дира, все это были сказанія, не имѣвшія дать и посвящія въ себѣ слабыхъ указанія на реальные факты, которые, можетъ быть, и давали матеріалъ для нѣскольکو иной постановки вопроса о происхожденіи Русскаго государства. Но для составителя свода преобладающимъ надъ этими преданіями былъ явдмый фактъ — упроченіе господства иноплеменцевъ надъ славянами. Фикція призванія родилась у него ради объясненія этого факта, ради примиренія преданія съ наблюдаемой въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣковъ дѣятельностью. Освобожденіе славянъ изъ-подъ власти иноплеменныхъ завоевателей нельзя было игнорировать, и оно нашло себѣ выраженіе въ лѣтописи. А какъ варяги возвратились, объ этомъ нѣкоторые слѣды сохранило византійское преданіе въ соединеніи съ латинскою лѣтописью. Въ 838 году часть варяговъ, вытѣсненная изъ Новгорода, при содѣйствіи Византійскаго императора, пробиралась къ своимъ родичамъ въ Скандинавію, чтобы собрать новыхъ искателей приключеній и сдѣлать новую попытку утвердиться въ Россіи. Само собою разумѣется, истинная цѣль оставалась тайной для византійскаго и германскаго двора. Что варяги достигли своей цѣли, въ этомъ убѣждаетъ новое ихъ господство надъ славянами, начавшееся уже послѣ 840 года. Въ такомъ видѣ находимъ возможнымъ соединить обрывки преданія о до-Рюриковской Руси, согласуя византійскія, латинскія и русскія указанія.

Ф. Успенскій.

ДЕСЯТАЯ САТИРА ЮВЕНАЛА.

Здѣсь поэтъ указываетъ на всю тщету и неразуміе тѣхъ молитвенныхъ желаній, съ которыми такъ усердно обращались къ своимъ богамъ люди языческой древности. Земныя блага, которыхъ они въ особенности жаждали, поэтъ перечисляетъ въ слѣдующемъ установленномъ имъ порядкѣ: богатство (ст. 12—27), высокое общественное положеніе, соединенное съ политическимъ могуществомъ (28—113), даръ краснорѣчія (114—132), воинская слава (133—187), долгоденствіе (188—288) и тѣлесная красота (289—345). Достиженіе этихъ благъ, при помощи легко доступныхъ боговъ („*di faciles*“), должно было, по словамъ Ювенала, приносить молящимся скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. Для подтвержденія этой парадоксальной теоріи, онъ приводитъ длинный рядъ примѣровъ, заимствованныхъ, какъ изъ мнѣнческой области и близкихъ къ ней преданій старины глубокой, такъ и изъ современной ему исторіи, при чемъ указывается на печальную судьбу: Кассія Лонгина, Севекч и Латерана, Селна, Демосеена и Цидерона, Аппибала, македонскаго Александра и Ксеркса, Нестора, Пелея, Лаерта и Пріама, Креза, Помпея и Юлія Цезаря, „который подвелъ подъ свой бичъ укрощенныхъ квиритовъ“, и, наконецъ, на судьбу пострадавшихъ за свою красную наружность: Лукреціи, Виргиніи, Спора, Ипполита, Беллерофонта и К. Силія. Все это лица, взятія изъ области исторіи и вымысла, жертвы коловратной, вымоленной у боговъ судьбы, которая неразумною толпою считалась верховъ человеческого благополучія. Да и вообще, прибавляетъ сатирикъ (ст. 97), „какая же слава и какое счастье многоцѣнны на столько, чтобы, при всѣхъ благопріятныхъ условіяхъ, не примѣшивалась къ нимъ равная мѣра зла?“

Такова отвлеченная отъ жизни мораль разсматриваемой сатиры, которая, въ противоположность другимъ соціаліямъ Ювенала, исключительно вращается въ области этики, съ устраненіемъ не только патріотическаго элемента, но часто и мѣстной окраски. Она живо напоминаетъ тѣ вербѣдія и въ новой литературѣ аскетическія поученія, гдѣ отъ всѣхъ и каждаго требуются такіа добровольныя лишенія и жертвы, какія очевидно не по силамъ обыкновенному человеку. Притомъ, эта мораль не отъ міра сего представляетъ собою въ десятой сатирѣ, особенно на первый взглядъ, не болѣе, какъ общія мѣста, какими были наполнены трактаты древнихъ ареталоговъ и декламациі, столь обычныя въ школахъ римскихъ риторовъ. Источника этой аскетической этики, частію проникшей и въ другія произведенія Ювенала, слѣдуетъ искать также въ нашиншемъ его увлеченіи крайними и парадоксальными положеніями стоической доктрины, которая, между прочимъ, много повредила и сатирамъ Персія.

Безучастіе и холодность къ такимъ парадоксамъ, какъ древняго, такъ и новаго общества хорошо уясняется умною французскою поговоркою: „qui dit trop ne dit rien“. Римскій моралистъ какъ будто и самъ чувствовалъ, что зашелъ слишкомъ далеко въ своемъ абстрактномъ мышленіи, такъ какъ въ концѣ сатиры (ст. 346) задаетъ такой вопросъ отъ лица своего подразумеваемаго возражателя: „Итакъ, людямъ ничего не остается для ихъ желаній?“

Не смотря, однако, на рѣзкіе недостатки десятой сатиры Ювенала, она и до сихъ поръ еще многими считается лучшимъ изъ того, что имъ оставлено потомству: такова чарующая сила художественнаго изложенія! И дѣйствительно, ни въ одномъ изъ его твореній не встрѣчается столько грандіозныхъ эпизодовъ, съ такимъ яркимъ колоритомъ, написанныхъ притомъ такою умѣлою и, мѣстами, вдохновенною кистью. Читатель невольно увлекается этими литературными перлами даже тамъ, гдѣ рѣзко бьетъ въ глаза ихъ явная парадоксальность. Что, напримѣръ, можетъ быть выше описанія внезапной катастрофы, постигшей Тиберіева соправителя и друга, Сеяна, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, непостоянства народной толпы, которая такъ неистово топтала трупъ своего еще вчерашняго кумира,—того страха, который обуялъ ее при мысли о мстительныхъ инстинктахъ расходившагося кесаря, при чемъ каждый имѣлъ ослепительный поводъ бояться за свою личную безопасность. Какъ рельефно и живо разказана затѣмъ скандальная исторія Мессалины, которая вздумала сочетаться законнымъ бракомъ („legitime“) съ красавцемъ Силиемъ еще при жизни своего мужа,

престарѣлаго и слабоумнаго кесаря Клавдія Онь, по словамъ поэта, „последнимъ узналъ о своемъ семейномъ позорѣ“.

Въ литературномъ отношеніи много и другихъ выдающихся мѣстъ въ десятой сатирѣ. Впрочемъ, относительно изложенія она еще болѣе, чѣмъ другія произведенія Ювенала, отличается рѣзкою неровностью. Рядомъ съ высокими строемъ рѣчи и украшеннымъ языкомъ, которому такъ усердно учились римскіе авторы въ школахъ своихъ риторовъ, здѣсь не мало встрѣчается рѣзкихъ слѣдовъ вульгарнаго, чисто народнаго говора, нисколько не стѣсняющагося условными и обязательными, по нашимъ понятіямъ, формами приличія. Эта полная свобода рѣчи, при чемъ объекты ея, каковы бы они ни были, обозначаются безъ всякой аллегоріи и, какъ говорится „verbis propriis“, наиболѣе проявляется у Ювенала тамъ, гдѣ онъ особенно сильно чувствуетъ безобразіе окружавшей его среды. И теперь нерѣдко случается, что не только простой, но и образованный человѣкъ, въ сильномъ припадкѣ гнѣва, отступаетъ отъ своего обычнаго тона, но такіа ненормальныя проявленія взволнованнаго чувства могутъ въ нашъ вѣкъ выходить наружу только при особенныхъ условіяхъ и не возможны въ литературѣ, которая въ данномъ случаѣ находится подъ охраною не только закона, но и общественнаго мнѣнія. Въ древности такого запрета не было, и уже одно это показываетъ, что въ нее не вошли тѣ нравственные элементы, которыми руководится новая жизнь. Необузданный дивизмъ у такого искренняго и честнаго моралиста, каковымъ былъ Ювеналъ, служить лучшимъ тому доказательствомъ. Особенно несовозвѣтными являются его выходки противъ женщинъ, какъ и у насъ въ старинной аскетической письменности. Ювеналъ извѣстный мизогинъ. Старается объяснить это тѣмъ, что онъ не былъ счастливъ въ супружеской жизни, хотя для такого предположенія вѣтъ никакихъ основаній. Но извѣстно даже, былъ ли онъ женатъ.

Необикновенная сила, которою отличается десятая сатира даже въ наименѣе симпатичныхъ ея мѣстахъ, на примѣръ, въ эпизодѣ о разныхъ неудобствахъ старости, явно, кажется мнѣ, противорѣчитъ общепринятому мнѣнію, будто она носитъ на себѣ слѣды старческой болтливости, какъ слѣдствія преклонныхъ лѣтъ своего автора, къ которымъ относится ея обнародованіе. Вопервыхъ, старчество такихъ выдающихся людей, каковымъ былъ Ювеналъ, тутъ не при чемъ, а затѣмъ ничто не мѣшаетъ думать, что первоначальная редакція этой сатиры относится ко времени Домиціана, когда поэтъ, по словамъ

его древнихъ біографовъ, еще тайлъ, изъ осторожности, свои произведенія или знакомилъ съ ними только ближайшихъ своихъ друзей. Затѣмъ, при изданіи ихъ, въ царствованіе Траяна, онъ могъ дополнить и десятую сатиру разными вставками, на которыя многіе смотрятъ, какъ на неудачные плеоназмы.

Уже выше указано на обиліе историческаго элемента въ разсматриваемой сатирѣ. При этомъ нельзя не обратить вниманія на большое знакомство поэта съ массою историческихъ преданій и вообще съ трудами древнихъ бытописателей. Но еще замѣчательнѣе его умный скептицизмъ и критическое отношеніе къ разнымъ баснословнымъ традиціямъ, внесеннымъ въ классическую исторіографію не только Геродотомъ, но и другими болѣе поздними историками, которые такъ простодушно вѣрили разнымъ сказкамъ. Ювеналъ и тутъ не измѣняетъ себѣ, обвиняя, и не безъ причины, въ пропагандѣ ихъ лживую Грецію („Graecia mendax“, ст. 174).

Особенно многихъ приводили въ восторгъ заключительныя слова сатиры (ст. 346—366), которыя представляютъ какъ бы общій выводъ изъ предпосланныхъ поэтомъ указаній на непрочность земныхъ благъ и на тщету человѣческихъ стремленій. Высокая мораль доблестваго и мощнаго сатирика достигаетъ здѣсь своего апогея и приближается, какъ уже не разъ было замѣчено, къ святинѣ христіанскаго ученія. Думается, говорить Видалъ (*Juvenal et ses satires*, стр. 243, гдѣ приведены и самыя слова французскаго оратора), что это отрывокъ изъ знаменитой проповѣди Массильона „sur la fausseté des gloires humaines“. Намъ же, кромѣ того, въ словахъ Ювенала слышатся здѣсь изъ глубины вѣковъ какъ бы голосъ Владиміра Мономаха, который въ простыхъ, но трогательныхъ словахъ также говорилъ своимъ дѣтямъ, что „Божье блюдо не лучше человѣческаго“, и училъ ихъ „смерти не бояться, ни войны, ни звѣря, но мужское творить дѣло“.

„Во всѣхъ земляхъ, отъ Гадеса (Кадикса) до Авроры и Ганга только немногіе люди, отстранявъ туманъ заблужденія, въ состояніи отличать истинныя блага отъ тѣхъ, что такъ много съ ними разнятся. Да и чего мы боимся и чего желаемъ со смысломъ? что принимаешь ты на столько удачно, чтобы не раскаяться потомъ въ своей попыткѣ и въ томъ, что молитва твоя исполнена? Легко доступныя боги сгубили цѣлыя семьи, но ихъ же возжеланію: люди стремятся къ тому, что должно причинить имъ вредъ, и въ мирное,

и въ военное время. Для многихъ смертоносно жгучее обиліе краснорѣчія, а вотъ тотъ когитъ, понадѣявшись на свои силы и дивныя ишшицы. Но еще больше людей давятъ деньги, собранныя съ чрезвѣрныхъ стараніемъ, и богатство (цезъ), превосходящее всѣ отцовскія наслѣдія на столько, на сколько британскій вѣтъ больше дельфина. И вотъ, въ лютую пору, по повелѣнію Нерона, цѣламъ когорты оцѣпила (домъ) Лонгина и обширныя сады богача Сенекки, а затѣмъ осадила пышныя палаты Латерановъ; ну, а на чердаки-то, вѣдь рѣдко заходятъ центуріоны (воины). Неси съ собою хотя бы немного мелкихъ сосудовъ, но въ чистаго серебра, все же, отправись въ путь ночью, ты будешь бояться вивжала и обуха, будешь дрожать отъ тѣни тростинки, чтó колеблется при лунномъ свѣтѣ; а путникъ съ пустыми руками расцѣпываетъ себя хоть передъ разбойникомъ.

Ст. 23. Почти первая и наиболѣе извѣстная во всѣхъ храмахъ молитва — это богатство, молитва о томъ, чтобы наши достатки росли, чтобы нашъ (денежный) ларь былъ самымъ большимъ на цѣломъ форумѣ. Но, вѣдь ладъ-то пьется не изъ глиняной посуды, бойся его, когда берешь въ руки покаяль съ вставными драгоценными каменьями, когда сетинское искрится въ широкой золотой чашѣ. Итакъ, неужели ты хвалишь то, что одинъ изъ мудрецовъ (Демокритъ) осмѣивалъ всякій разъ, какъ выдвигалъ и высовывалъ ногу изъ-за порога, а другой, его протвникъ по авторству, оплакивалъ? Впрочемъ, для всякаго легка критика (цензура), выражаемая суровымъ смѣхомъ, а вотъ, нужно удишиться, откуда у другого-то (illi, у Гераклита) доставало глазной влаги. Демокритъ имѣлъ обычай надирать свои легкія постояннымъ смѣхомъ, хотя въ тѣхъ городахъ (гдѣ онъ жилъ) не было ни претексты, ни трабен, ни лекторскихъ вязанокъ, ни лектики, ни трибунала. Что же, еслибъ онъ увидалъ превыспренняго претора въ юпитеровской туникѣ, чтó стоитъ на своей высокой колесницѣ, въ самой середницѣ пыльнаго дярка, и тащить на себя отъ самыхъ плечъ, вышитую золотомъ тогу, словно навѣсы изъ сарранской (тирской) ткани, да еще притомъ огромную корону съ такимъ круглымъ обхватомъ, что для нея не хватило бы никакой шем. Потому-то и держитъ ее надъ консуломъ вспотѣвшій рабъ, а для того, чтобы этотъ консулъ не слишкомъ восхищался собою, на той же съ нимъ колесницѣ везется (другой) рабъ. Прибавь теперь еще птицу (орла), чтó висится надъ скипетромъ изъ слоповой кости, здѣсь трубачей, а тамъ, спереди, длинныя ряды офиціаловъ, да при удилахъ квиритовъ въ бѣлоснѣжныхъ тогахъ,—тѣхъ, кого

друзьями сдѣлала открытая въ кошельѣ (консула) спортула. Даже и въ ту пору (въ свое время) Демокритъ находилъ поводъ къ смѣху, при всѣхъ своихъ встрѣчахъ съ людьми, а мудрость его показываетъ, что великіе люди, высокіе образцы для грядущихъ поколѣній, могутъ рождаться даже въ отечествѣ барановъ и въ густой атмосферѣ. Смѣялся онъ надъ заботами толпы и надъ ея радостями, а иногда и слезами, самъ же посылалъ въ петлю (къ чорту) грозную Фортуну и показывалъ ей кукишъ. Итакъ, люди стремятся къ тому, что или излишне для нихъ, или губельно, и ради чего всякому дозволено („*fas est*“) обставить колѣна боговъ воцараемыми молитвенными табличками.

Ст. 56. Иныхъ стремглавъ низвергаетъ (въ бѣдну) подверженное великой зависти могущество; топить длинная и отиѣченная славою страница съ почетными титулами. И вотъ, ихъ статуи сходять (съ своихъ подножія) и влекутся слѣдомъ за веревкой. А за тѣмъ разаяшія топоръ рубить самыя колеса триумфальныхъ колесницъ, в ломаются голени у невинныхъ коней. Уже шипитъ огонь, уже, при помощи мѣховъ, плавится (пылаетъ) въ горнѣ обожаемая народомъ голова и трескается огромный Сеянъ, а потомъ изъ этого лива, что былъ вторымъ (послѣ кесарева) въ цѣломъ мірѣ, выйдутъ горшки, тазы, сковороды и ночная посуда. Обставь (украшь) твой домъ лаврами, веди въ Капитолій большаго намѣленнаго быка: Сеяна влекутъ крѣчьми на позорщце. Всѣ въ восторгѣ. „Какія были у него губы, какое ли по! Повѣрь мнѣ, я никогда не любилъ этого человѣка. За какое же, однако, преступленіе онъ погибъ? кто былъ на него доносчикомъ? какими показаніями, какими свидѣтелями подтвердилъ онъ (свое обвиненіе)? Ничего такого не было. Съ Капрен (Капри) пришло многорѣчивое и длинное посланіе. „Прекрасно! больше я ни о чемъ не спрашиваю. Но что же Ремова толпа?“ Она, какъ всегда, слѣдуетъ за Фортуной и ненавидитъ осужденныхъ. Еслибы Норція (Фортува) порадила Этруску (Селну), еслибы находившаяся людъ охранию (безопасенная) кесарева старость была придавлена, то та же самая толпа и въ тотъ же самый часъ провозгласила бы Сеяна Августомъ. Уже прежде, съ тѣхъ поръ, какъ мы никому не продаемъ нашихъ голосовъ, она сложила съ себя правительственныя заботы; ибо тотъ самый народъ, который когда-то раздавалъ власть военачальниковъ, лекторскія лозы, легионы, словомъ, все, — теперь онъ сдерживаетъ себя и озабоченно алчетъ только двухъ вещей: хлѣба и вѣршищъ въ царкѣ. „Слышно, что еще многимъ придется погибнуть“. „Въ томъ нѣтъ

сомнѣнія; печечка, вѣдь, не маленькая". „У Марсова жертвенника повстрѣчался со мною мой (пріятель) Врутидій, и такой блѣдненькій. Боюсь я (сказалъ онъ мнѣ), чтобы нашъ побѣжденный „Аяксъ не задумалъ казнить за то, что его худо оберегали!" „Побѣдимъ, же слома голову (къ Тибру) и примемся топтать ногами кесарева врага, пока онъ еще лежитъ на берегу". „Но пусть это видятъ наши рабы, чтобы кто-нибудь изъ нихъ не отрекся и не потащилъ въ судъ своего запуганнаго господина, обмотавъ его шею веревкою".

Таковы тогда были рѣчи о Сеянѣ, таковъ былъ и тайный шопотъ въ народѣ. Ну, такъ хочешь ли, чтобы тебя чествовали (привѣтствовали), какъ Сеяна? хочешь ли имѣть столько, сколько онъ имѣлъ и однимъ раздавать высшія курульныя должности, а другихъ ставить военачальниками, хочешь ли считаться опекуномъ кесаря, что возсѣдаетъ съ толпою (стадомъ) своихъ калдеевъ на августѣйшей скалѣ Капрейской? Ты навѣрное желаешь командовать легиономъ, когортою, отборными всадниками или преторіанскимъ лагеремъ? Да и почему не желать этого? Вѣдь и тѣ, что не хотятъ убивать кого попало, не прочь имѣть къ тому возможность. Но, однако, какая же слава и какое счастье многоцѣнны на столько, чтобы къ нашимъ радостямъ не примѣшивалась въ равной съ ними мѣрѣ и злая доля? Чего же ты больше желаешь — облечься ли въ претексту вотъ этого человѣка (Сеяна), котораго волочатъ (крючьями по улицамъ), или быть властнымъ лицомъ гдѣ-нибудь въ Фидепахъ и Габіяхъ, или въ сацѣ оцѣтаго въ лохмотья эдила, творить въ пустыющихъ Улубрахъ судъ и расправу надъ (рѣчными) мѣрками и разбивать посудину, что меньше (узаконеннаго размѣра)? Итакъ, ты признаешь, что Сеянѣ не вѣдалъ о томъ, чего ему слѣдовало желать, ибо, стремясь къ чрезмѣрнымъ почестямъ и къ чрезмѣрному богатству, онъ строилъ (готовилъ) для себя высокую многоярусную башню, какъ бы съ тѣмъ, чтобы паденіе съ нею было выше, и тѣмъ ужаснѣе была бы пропасть у этой поколебленной и готовой обратиться въ руину башни. Что же, однако, погубило Крассовъ, Помпеевъ и того, кто низвелъ подъ свой бичъ укрощенныхъ квинтовъ? Высокое положеніе, къ которому они стремились всѣми способами и великіе молитвенные обѣты, которымъ вняли влорадные боги. Также изъ влорадителей и тиранновъ только немногіе нисходятъ къ Церерину зятю (Плутону), помимо насильственной смерти, безъ ранъ и отъ безкровной (сухой) смерти.

Ст. 114. Краснорѣчія и славя Десмосеона или Цидерона начинаютъ желать и (особенно) желаютъ (въ своихъ молитвахъ) цѣлне квин-

кватрѣ даже тотъ, кто чтитъ пока еще скудную Минерву (науку) однимъ только ассомъ, за кѣмъ еще слѣдомъ ходитъ дворовый мальчуганъ, оберегатель крохотной школьной сумки. Но вѣдь отъ краснорѣчія погибли оба эти оратора, того и другаго сгубилъ широкій и обильный потокъ таланта. Вѣдь это у таланта были отрублены руки и голова, и никогда еще ораторская трибуна не обогрѣлась кровью какого-нибудь малкаго стряпчаго. „O fortunatam natam me consule Romam! (о счастливый Римъ, возродившійся въ мое консульство!)“ Онъ (Цицеронъ) могъ бы пренебречь книжалами Антонія, еслибы всегда выражался такъ же плохо. И (потому) я предпочитаю эту его смѣшную поэмю тебѣ славной памяти божественная вторая Филиппика (что развертываешь ближайшею къ первой). Ужасная смерть похитила и того, кому удивлялись Аѳины, чье краснорѣчіе текло бурнымъ потокомъ и обуздывало многочленные народныя сходбища. Да, и онъ (Демосенъ) родился при гнѣвѣ боговъ и для злой судьбы, — тотъ, котораго отецъ, словно ослѣпшій отъ сажи пылающей массы, прямо отъ угольевъ и клещей, отъ наковальни, что готовить мечя, и отъ грязнаго вулкана (изъ грязной кузницы) послалъ (въ науку) къ ритору.

Ст. 133. Военная добыча, прикрѣпленный къ трофейному обрубу панцырь, повисшее съ наломаннаго шлема забрало, колесница безъ дышла, вымпелъ побѣжденной триремы и скорбный пѣвчичекъ наверху (триумфальной) арки — все это считается выше всякаго человѣческаго благополучія: вотъ къ чему стремились римскіе, греческіе и чужеземные (варварскіе) воители, вотъ причина подъятыхъ ими на себя трудовъ и опасностей. На столько жажда славы больше, чѣмъ жажда доблести; да и кто же раскроетъ для нея свои объятія, если отнять (слѣдующія за нею) награды? И однако это славолубіе, хотя бы и немногихъ людей, едва не подавило когда-то нашу родину, эта ихъ страсть къ похваламъ и титуламъ, что прильнуть потомъ къ стрегущимъ ихъ прахъ каменнымъ надгробіямъ, а для того, чтобы разделить ихъ (эти надгробія) достаточно зловредной силы безплодной смоковницы, такъ какъ и самимъ могиламъ предопредѣлена своя судьба. Възвѣсь (прахъ) Аннибала: сколько либровъ (фунтовъ) найдешь ты въ этомъ величайшемъ полководцѣ? И вотъ онъ, кого не виѣщаетъ омываемая Мавританскимъ океаномъ Африка, что придвинулась къ теплomu Нилу, а затѣмъ къ народамъ Эіоііи и къ высокимъ слонамъ (Индіи)! Онъ присоединяетъ (къ Карфагенскому государству) Испанію и быстро переходитъ (перескакиваетъ) Пиринен. Природа противопоставила ему снѣжныя Альпы: онъ раздвигаетъ (разводитъ) горныя

скалы и разрываетъ ихъ укусомъ. Вотъ уже онъ владѣеть Италией и однако стремится все дальше и дальше. Ничего не сдѣлаю, говоритъ онъ, пока (если) я не сокрушу, вмѣстѣ съ моими карфагенскими воинами, (римскихъ) воротъ и не водружу знамени посреди Субуры. О, какое обличіе и какой же оно заслуживало бы картинки (марриатуры), еслибы (при триумфальномъ вѣздѣ Ганнибала въ Римъ) гетулскій звѣрь (слонъ) несъ на себѣ криваго полководца! Какой же, однако, конецъ? О, слава! вѣдь онъ же самъ, побѣжденный, быстро удаляется въ ссылку, и тамъ этотъ великій и достойный удивленія кліентъ сидитъ у царской палатки все время, пока военному десиоту угодно бодрствовать!

И конецъ этой душѣ, которая когда-то переполошила все чело-вѣчество, причинять не мечи, не камни, не стрѣлы, а перстень, этотъ иститель за Канны и за столько пролитой крови. Ступай, безумецъ, слѣши чрезъ суровые Альпы, для того, чтобы понравиться школьникамъ и сдѣлаться темою для ихъ декламацій!

Одного земного шара недостаточно Пелльскому юношѣ; онъ, несчастный, мечется въ узкихъ предѣлахъ міра, словно запертый на скалистой Гіарѣ или на крошечномъ Серифѣ. И однако, войдя въ городъ, укрѣпленный глинобитчиками, онъ удовольствуется саркофагомъ. Одна только смерть поучаетъ, какъ ничтожно человеческое тѣло!

Вѣрятъ, что когда-то Аевонъ былъ переплытъ на парусахъ и всему, на чтѣ въ исторіи отваживается лживая Греція; вѣрятъ тому, что цѣлое море было устлано тѣмъ же флотомъ и подложено подъ колеса (боевыхъ колесницъ и повозокъ); мы придаемъ вѣру и тому, будто недостало глубинахъ рѣкъ, что эти рѣки были выпиты за иудійскими (персидскими) обѣдами, и всему, чтѣ воспѣваетъ Состратъ, парящій на своихъ мокрыхъ крыльяхъ. А какимъ возвратился, покинувъ Саламанъ, тотъ варваръ, который свирѣпо бичевалъ Кора и Евра, не испытавшихъ ничего подобнаго въ пещерѣ Эола, тотъ, кто заключилъ въ оковы самого Нептуна? Все же это милостивѣе, чѣмъ еслибъ онъ счелъ его достойнымъ клейменія. И такому-то чело-вѣку захотѣлъ бы служить кто-нибудь изъ боговъ? Но какимъ же онъ воротился? вѣдь на одномъ суднѣ, вѣсь котораго медленно двигался по кровавымъ волнамъ и сквозь густые ряды труповъ. Вотъ какъ наказала его столько разъ желанная имъ слава!

Ст. 180. Подай для жизни просторъ, подай, Юнитеръ, долгодѣіе! Этого только одного желаешь ты и съ поднатымъ вверхъ чело-мъ и болѣзненно блѣдный. Но какихъ; однако, постоянныхъ и великихъ

вошь преисполнена долгая старость! Прежде всего взгляни на это уродливое, гнусное лицо, утратившее сходство съ самимъ собою, на эту безобразную шкуру, вмѣсто кожи, на эти отвислыя ланиты и на такія морщины, какими у обезьянъ исцарапаны старыя (въ старости) щеки, тамъ, гдѣ Табрака разстилаетъ свои гѣбистыя рощи. Между юношами не мало различій: одинъ красивѣе того, а этотъ другаго; этотъ на много сильнѣе, чѣмъ тотъ: старики же всё на одно лицо и, вмѣстѣ съ голосомъ, дрожать у нихъ всё члены, голова плѣшивая, а носъ мокрый, словно у младенца. Такому жалкому старцу приходится разжевывать хлѣбъ беззубыми (безоружными) деснами, онъ до того тяжелъ для жены, дѣтей, для самого себя, что возбуждаетъ пренебреженіе къ себѣ, даже въ томъ ловителѣ наслѣдствъ, что съ острова Косса. При оцѣпенѣлости нѣба (вкуса), для него не существуетъ того же, (какъ для другихъ) наслажденія отъ вина и пищи, вѣдь о любви онъ давно уже забылъ, а если и попытается, то .

. . . .

. Да и на что другое можеть надѣяться этотъ захирѣлый и сѣдой....? Что же, если это либострастіе старика, которое, при всемъ своемъ бесиліи, притязаетъ на любовь, по справедливости, является подозрительнымъ?

Теперь обрати вниманіе на утрату другаго чувства; ибо, какое же удовольствіе (для старика) отъ пѣвнн киварѣда, хотя бы это былъ отличный (артвсть), хотя бы самъ Селевкъ, или одинъ изъ тѣхъ, что обыкновенно блистаютъ своими вышитыми золотомъ лацернами? Что въ томъ, въ какой части театра сидятъ тотъ, кто едва слышитъ горнистовъ и совокунные трубные звуки? Нужно кричать, чтобъ его ухо почувствовало, о чемъ приходѣ докладываетъ слуга или когда онъ увѣдомляетъ, который часъ. Кромѣ того, малѣйшій остатокъ крови въ этомъ уже охолодѣвшемъ тѣлѣ только развѣ и нагрѣвается что отъ лихорадки. Со всѣхъ сторонъ и цѣлымъ строемъ насаказываютъ на старика всякаго рода болѣзни, и еслибы ты спросилъ меня, какъ онѣ прозываются, то я скорѣе бы выпутался (отдѣлался), перечисливъ сколько у Опіи перебывало любовниковъ, сколько большихъ Фемизонъ вводитъ въ одну осень, сколько своихъ компаніоновъ обманулъ Базилъ, а Гирръ—отданныхъ ему въ опеку (сиротъ), сколько мужичинъ въ одинъ день истоцаетъ длинная Мавра, и сколько учениковъ

. ; скорѣе бы, хотя и бѣгло пересчиталъ тебѣ всѣ тѣ виллы, которыми владѣеть теперь тотъ, подъ чьешъ бритвой, въ ту пору, какъ я былъ еще юношей, скрипѣла моя жесткая борода.

У одного слабость въ плечѣ, у другаго въ крестцѣ, а у этого въ бедрахъ; тотъ потерялъ оба глаза и завидуетъ кривымъ, а вотъ этотъ принимаетъ своими блѣдными губами нищу изъ чужихъ рукъ. Привыкнувъ въ созерцаніи обѣда разводить свой ротъ, онъ только развѣиваетъ его, словно ласточкинъ птенецъ, къ которому, сама голодная, прилетаетъ мать, съ полнымъ клювомъ.

Важнѣе, однако, всякаго тѣлеснаго изъяна слабоуміе, при которомъ онъ (старикъ) не узнаетъ болѣе ни имени своихъ рабовъ, ни лица друга, съ которымъ ужиналъ еще въ прошлую ночь, ни тѣхъ, кого онъ произвелъ на свѣтъ и взростилъ, такъ какъ жестокомъ завѣщаніемъ не дозволяетъ имъ быть своими наследниками. Все его добро несется къ Фіалѣ: такъ много значить дыханіе ея артистическаго рта, — то, что она столько лѣтъ выставила передъ камеркою своего лупанара!

Но пусть душевныя силы сохраняютъ свою бодрость, все же старцу приходится провожать похороны своихъ дѣтей, смотрѣть на пылающій костеръ любимой жены или брата, на урны, наполненныя сестринимъ пепломъ. Въ томъ-то и состоитъ кара, дарованная людямъ долговѣчнымъ, что, при непрестанно возобновляющихся семейныхъ невгодахъ, они проводятъ свою старость (старѣютъ) въ обильномъ плачѣ, въ постоянномъ горѣ и въ черной (траурной) одѣжѣ.

Царь Пилосскій (Несторъ), если въ чемъ-нибудь вѣрять великому Гомеру, былъ вторымъ, послѣ вороны, экземпляркомъ долголѣтія. Вотъ подлинно счастливецъ, что отсрочилъ свою смерть на столько вѣковъ, уже по пальцамъ правой руки считалъ свои годы и столько разъ пилъ молодое (новое) вино! Прошу, однако, прислушаться, какъ онъ жалуется на свою судьбу, на слишкомъ длинную нить (своей жизни), видя горящимъ на кострѣ отважнаго и уже бородатаго Антилоха, какъ у всякаго встрѣчнаго друга (союзника) спрашиваетъ, зачѣмъ онъ дожилъ до такой поры и какими содѣяннымъ преступленіемъ заслужилъ свое долголѣтіе?

Точно такъ (жалуется) и Пелей, оплакивая похищеннаго смертью Ахилла, и другой (старецъ), которому суждено было скорбѣть объ неакійскомъ плавателѣ. Вудь Троя еще цѣла, Приамъ переселился бы къ тѣнямъ Ассарака (своихъ предковъ) съ большою помпой, Гекторъ и остальные братья понесли бы его гробъ на своихъ плечахъ (шеяхъ) среди плача трояковъ, при чемъ нервыми заголосили бы, раздравъ на себѣ одежды, Кассандра и Поликсена. (Такъ было бы), еслибъ онъ угасъ въ иное время, когда Парисъ еще не начиналъ снаряжать свои

корабли (чтобы плыть съ ними подъ Троею). Какую же пользу принесло ему (Пріаму) долголѣтіе? Ту, что онъ увидѣлъ, какъ все рухнуло, увидѣлъ паденіе Азіи отъ огня и желѣза. Тогда этотъ дрожащій (отъ старости) воетель, отложивъ къ сторону свою тиару, взялся за оружіе и палъ передъ жертвенникомъ всевышняго Юпитера, словно старій вождь, которымъ уже пренебрегають неблагодарный пахарь, протанувъ подъ его властный ножъ свою хилую и жалкую шею. И эта смерть Пріама, какова она ни на есть, все-таки человѣчья, а жена, что его пережила (Гекуба), залаяла собачьей пастью.

Ст. 273. Слѣшу къ нашимъ (вождямъ), умалчивая о царѣ Понтійскомъ (Митридатѣ) и о Крезѣ, которому краснорѣчивый голосъ праведнаго Солона такъ настойчиво совѣтовалъ прозрѣть въ самый конецъ его долгаго жизненнаго поприща. Вотъ откуда изгнаніе, темница, Минтурскія болота и тотъ хлѣбъ, который (Марій) какъ милостиню выпрашивалъ въ покоренномъ имъ Кароагенѣ! Что могли бы природа и Римъ выставить на всей землѣ болѣе счастливаго, чѣмъ этотъ гражданинъ, еслибъ онъ испустилъ свой великій духъ въ то время, когда, приведя толпы илѣбниковъ, намѣревался, среди всяческихъ военныхъ торжествъ, сойдти съ своей теvтонской (тріумфальной) колесницы? Прозорливая Кампанія подарила Помпею лихорадку, которой ему слѣдовало желать, но всенародныя молитвы множества городовъ одолѣли (его смерть). И вотъ, злая судьба, какъ его, такъ и Рима, снесла эту сбереженную (въ битвахъ) голову, когда онъ былъ побѣжденъ (Цезаремъ). Лентулъ не испыталъ такой душевной пытки (муки), такой кары не испыталъ и Цетегъ, тотъ, что свалился не искалѣченнымъ, да и самъ Катилина улегся цѣльнымъ трупомъ.

Ст. 289. Заботливая мать, завидя храмъ Венеры, сдержанно (умѣренно) нашептываетъ пожеланія красивой наружности для своихъ мальчиковъ, а для своихъ дѣвочекъ погромче, и молится всласть. „Къ чему же“, говоритъ она,—, бранить меня за это? вѣдь радуется же Латова тому, что ея Діана красавица?“ Но Лукреція, (примѣръ Лукреція) не позволяетъ желать того красиваго лица, какое она имѣла, а Виргинія охотно взяла бы у Рутилы ея горбъ, отдавъ ей свое красивое лицо. Сыпъ же съ изыщнымъ тѣломъ постоянно держитъ въ страхѣ своихъ несчастныхъ родителей: до того рѣдко въ ладахъ красота съ цѣломудріемъ!

Хотя бы суровая семья, въ подражаніе древнимъ сабинянамъ, пе-

редала ему святые нравы, хотя бы, сверхъ того, природа благосклонно и щедрою рукою присвоила ему цѣломудренный характеръ и лицо, горящее скромнымъ румянцемъ стыдливости—что же больше этого можетъ предоставить юношѣ природа, болѣе могущественная (въ дѣлѣ воспитанія), чѣмъ всѣ приставники и всякія ихъ о немъ заботы?—все-таки не возможно (красавцу) оставаться мужчиной. Ибо расточительное нечестіе развратниковъ отваживается искушать (подкуномъ) самихъ родителей: такъ велика вѣра въ подарок!

Ни одинъ еще тираннъ не холостилъ въ своемъ жестокомъ замкѣ безобразнаго юношу; вѣдь въ тѣхъ, что еще носятъ претевсту, Неронъ ставрилъ (похитилъ) не кривоногого какого-нибудь отрока, или съ вобомъ, или такого, у котораго одинаково раздуты и горбъ, и брюхо. Ступай теперь и наслаждайся красотой твоего сына! Но кого же (однако) ожидаютъ большія опасности? Онъ сдѣляется публичнымъ прелюбодѣемъ и (вѣчно) будетъ страшиться наказаній, которыми у него въ долгу разгнѣванные мужья, и его звѣзда не будетъ счастливѣе Марсовой на столько, чтобы онъ никогда (подобно Вулкану) не попадалъ въ сѣти. А эта скорбь ихъ (мужей) иногда всыскательнѣе, чѣмъ то, что предоставлено ей закономъ. Тотъ убиваетъ кинжаломъ, другой сѣчетъ до крови, а въ иныхъ прелюбодѣевъ проникаетъ и голова. И вотъ, твой Эндиміонъ (сначала) сдѣляется любовникомъ обожаемой имъ матроны, а вслѣдъ за тѣмъ, когда дастъ ему денегъ Сервилія, онъ, уже не любя, сдѣляется и ея прелюбодѣемъ, сниметъ все, чѣмъ украшено ея тѣло; да и въ чемъ можетъ отказать мокрому... какая бы то ни было женщина, будь она Оппія или та, что еще хуже Катуллія? Вотъ откуда женщина беретъ всю свою мораль!

„Но какой же вредъ отъ красоты для юноши цѣломудреннаго?“ А какую пользу припесли даже Ипполиту его строгія правила? какую Беллерофонту? Вѣдь та (Федра) вся побагровѣла, какъ пренебреженная; отказомъ Ипполита (сдѣлаться ея любовникомъ), да и Стенобея раскалилась дѣбѣла не меньше, чѣмъ эта крѣпянка, и обѣ онѣ вострепнулись: женщина особенно свирѣла тогда, когда ея ненависть подстреваетъ стыдъ.

Выбирай, какой, по твоему мнѣнію, слѣдовало бы подать совѣтъ тому, за кого рѣшила выйти замужъ жена кесаря? Вотъ онъ (Силій), лучшій и самый красивый изъ всѣхъ патриціевъ, быстро влечется, несчастный, къ своей гибели (влюбленными) глазами Мессалины; уже давно воссѣдаетъ она, съ приготовленнымъ свадебнымъ покрываломъ, открыто стелется въ ея садахъ (виллѣ) тирское брачное

ложе; по старинному обычаю, будетъ отсчитанъ (въ приданое) милліонъ сестерцій и, вмѣстѣ съ рукоприкладчиками (свидѣтелями брачнаго договора), придетъ и птисагадатель. Ты думалъ, что все это не многимъ только вѣренна тайна? Нѣтъ, она хочетъ выйдти замужъ законнымъ порядкомъ. Скажи же (Силій), что тебѣ болѣе нравится? Если не захочешь повиноваться (Мессалинѣ), то тебѣ придется погибнуть еще до фонарей (раньше сумерекъ); если же допустишь преступленіе, то дастся тебѣ небольшая отсрочка, пока это извѣстное городу и всему народу дѣло дойдетъ до ушей кесаря: онъ вѣдь послѣднимъ узнаетъ о своемъ семейномъ позорѣ. Между тѣмъ, повинуйся велѣніямъ (Мессалины), если тебѣ только такъ дорога твоя немногодневная жизнь. Что бы ты однако ни придумалъ болѣе для тебя легкаго и удобнаго, все-таки тебѣ придется отдать подѣ съкиру эту красную и бѣлую шею.

Ст. 348. „Итакъ, людямъ ничего не остается для ихъ желаній?“ Если хочешь моего совѣта, то предоставь самимъ богамъ взвѣшивать все, подобающее намъ, все, что для насъ полезно; ибо, вмѣсто пріятнаго, боги дадутъ тебѣ то, что наиболѣе для тебя пригодно. Человѣкъ имъ дороже, чѣмъ самому себѣ. Влекомые возжелѣніями нашей души, слѣпою и сильною страстью, мы стремимся къ брачнымъ узамъ и къ тому, чтобы наши жены рожали намъ дѣтей, но (только) имъ (богамъ) извѣстно, какія будутъ это дѣти и какова жена. Для того, однако, чтобы чего-нибудь (разумно) требовать у боговъ и ради этого приносить въ капищахъ жертвы изъ звѣринаго нутра и священныхъ рубцовъ отъ бѣлаго поросенка, слѣдуетъ молить ихъ о томъ, чтобы у насъ въ здоровомъ тѣлѣ была здоровая душа. Требуя для себя крѣпкаго духа, непричастнаго страху смерти, духа, который конецъ живаеннаго поприща считаетъ (желаннымъ) даромъ природы, можетъ переносить какія угодно тяготы, не знаетъ, что такое гнѣвъ, ничего не желаетъ и вѣруеть въ то, что скорби Геркулеса и его тяжкіе труды (подвиги) лучше (предпочтительнѣе), чѣмъ любовныя наслажденія, (роскошныя) пиры и пуховики Сардананапа. Я указываю тебѣ на то, что ты самъ можешь себѣ дать. Несомнѣнно, что единственный открытый намъ нуть къ безмятежной жизни—это путь добродѣтели. Никакой божеской власти не имѣешь ты, Фортуна, надъ людьми, если только они живутъ по разуму: это мы, мы (напрасно, по недомыслию) дѣлаемъ тебя богиней и водворяемъ на небѣ.

Пригъчанія къ X сатирѣ.

Ст. 4 — 10. Сатира начинается аллегоріей, которую, какъ уже замѣчено схолиастомъ, обозначена, сообразно съ древними понятіями, вселенная, въ направленіи отъ запада къ востоку. „Gades“ теперешній Кадисъ. „Aurora“ (‘H^{ος}), богиня утренней зари, „Ganges“ (съ греческимъ окончаніемъ винит.), рѣка и теперь еще удержавшая свое названіе (Гангъ).

5. Выраженію „dextro pede“ слѣдуетъ привести въ связь и съ нашимъ повѣрьемъ, по которому вставаніе съ постели правою или лѣвою ногою составляетъ въ первомъ случаѣ хорошую, а во второмъ — дурную примѣту, за которою слѣдуетъ удача или неудача. Очевидно, это повѣрье существовало и у римлянъ, что видно также изъ такихъ выраженій, какъ „dextro pede adire“, или „aggredi“, у Вергилія (Aen. VIII, 302).

8. Боги называются здѣсь „faciles“, слишкомъ, или легко доступными; то-есть, готовыми исполнять и неразумныя людскія желанія. Слѣдующія вѣтъми слова „positura“ и пр. уже въ схоліяхъ объяснены правильно (positura in pace et in bello). Люди, говоритъ поэтъ, стремятся къ тому, что повредитъ, то-есть, можетъ повредить, и на гражданскомъ, и на военномъ поприщахъ. Слово „toga“ Гейнрихъ менѣе удачно объясняетъ „homoeres urbani“.

10—27. Здѣсь сатирикъ выясняетъ на отдѣльныхъ примѣрахъ вѣрность своего убѣжденія въ томъ, что кажущіяся блага нерѣдко заключаютъ въ себѣ корень зла и большія неудобства. Въ примѣрѣ опасности отъ краснорѣчія, онъ выставляетъ Демосоена и Цицерона, а непоумѣрнаго развитія физической силы — Милона Кротона, котораго онъ, однако, не называетъ, разумѣя его подъ указательнымъ мѣстомъ. „Ille“. Исторію этого атлета разъясняетъ Геллій; въ своихъ „Аттическихъ ночахъ“ (XV, 16). Онъ называетъ его „athleta illustris“ и относитъ къ I олимпіадѣ. Эту же исторію въ сокращенномъ видѣ передаетъ и схолиастъ въ своемъ пригъчаніи къ 9 ст.

12. Еще чаще, продолжаетъ поэтъ, — подвергается опасности богатство, такъ какъ оно постоянно держитъ въ страхѣ своихъ обладателей, давить, или душить ихъ („strangulat“), возбуждая въ другихъ зависть и хищническія вистыны. Упоминаемый (въ 14 ст.) китъ названъ „британскимъ“, можетъ быть, потому, что римляне въ ту пору) когда писалась сатира, были очень озабочены разными смут-

ними, тревожными и преувеличенными слухами о Британіи (гдѣ велась война), при чемъ, какъ остроумно замѣчаетъ Вейднеръ, и объемъ китовъ этой загадочной страны могъ представляться имъ, по слухамъ, страшно преувеличеннымъ. Впрочемъ, и помимо этого, сравненіе поэта китовъ съ дельфинами вполне правильно.

Ст. 15, относительно стиля, нельзя назвать удачнымъ. Вейднеръ думаетъ, что родит. „Neronis“ находится здѣсь въ зависимости; отъ „Iussu“. Ничто, конечно, не мѣшаетъ, въ виду не всегда соблюдаемой поэтомъ точности въ своихъ выраженіяхъ, принять такую конструкцію: *temporibus diris Neronis eiusque iussu*. Привода примѣры объ опасностяхъ, соединенныхъ съ богатствомъ, сатирикъ могъ припомнить „суровое время“ Нерона, когда, по его приказанію, цѣлыя когорты осаждали жилища разныхъ богачей, и притомъ, какъ видно изъ разсматриваемаго мѣста, иногда единственно съ цѣлью грабежа, или конфискаціи ихъ имуществъ, для чего, конечно, придумывались разные предлоги.

Въ слѣдующихъ двухъ стихахъ жертвами своихъ богатствъ, при Неронѣ, поэтъ называетъ Лонгина, Сенеку и Латерана. Первый изъ нихъ С. Cassius Longinus, извѣстный юристъ, былъ въ тридцатомъ году по Р. Хр. консульскимъ замѣстителемъ (Coe. suffectus), а при Клавдіи консуломъ. Постигшее его несчастіе Ювеналъ имѣлъ право приписать корыстолюбію Нерона, такъ какъ въ это время бывший консулъ доживалъ свой вѣкъ слѣпымъ старикомъ, и уже по одному этому не могъ быть крамольникомъ. Лонгину было поставлено въ вину то, что между портретными статуями и бюстами, украшавшими его жилище, находилось также изображеніе убійцы Цезаря, К. Кассія, съ подписью „глава партіи“ (Tac. Ann. 16, 7). Онъ сосланъ былъ на островъ Сардинію, гдѣ каждый день ожидалъ своей казни, но, къ счастью, пережилъ Нерона и при Веспасіанѣ воротился изъ своего изгнанія. О колоссальномъ богатствѣ Сенеки, воспитателя Нерона, см. въ моемъ примѣчаніи къ 213 ст. МЦ сат., а о Латеранахъ въ примѣчаніи къ 146 ст. той же сатиры. Для избѣжанія (въ 16 ст.) не особенно красивой, въ стилистическомъ отношеніи, такъ-называемой zeugma, слѣдовало бы здѣсь „Longinum“ замѣнить чтеніемъ Longini, что предлагалъ еще Руперти. Замѣтимъ еще, что объясненіе Гейнриха выраженія „clausit“, въ смыслѣ заточенія Лонгина, очень неудачно. Наконецъ, нельзя не обратить здѣсь вниманіе на прилагат. „praedives“, которымъ квалифицируется Сенека. По своему этимологическому составу оно совершенно соотвѣт-

стаетъ нашему пребогатый, подобно тому, какъ *graeclagus*—пре-славный, *graeacutus*—преострый, *graealtus*—превысокій, и т. д. Во всѣхъ подобныхъ словахъ предлогъ *grae*(=ante) буква въ букву от-вѣчаетъ нашему пре, то-есть, предъ, что съ особенною ясностью видно въ словахъ *graeedere*—предшествовать, *graeatio*—предисловіе. Въ указанныхъ прилагательныхъ „grae“ значитъ *grae caeteris, aliis*, равно какъ и въ русскомъ языкѣ въ подобныхъ соединеніяхъ пре—передъ другими, передъ прочими. Подъ „*horti*“, конечно, здѣсь нужно понимать виллы, которыя обыкновенно были окружены садами.

18. Подъ „*cohors*“ (*graeoria*) разумѣются здѣсь преторіанцы, а подъ „*coenacula*“ то, что французы называютъ мансардами. Описание таковой квартиры мы уже встрѣтили въ III сат., ст. 199 и слѣд.

19. Подъ „*argentum purum*“ Вейднеръ понимаетъ гладкое серебро, въ противоположность съ *arg. caelatum*. Почему, однако, дорожные разбойники должны были предпочитать гладкое серебро негладкому, то-есть, украшенному рельефнымъ чеканомъ? Казалось бы, на оборотъ, да и еще разумнѣе думать, что они не относились критически къ объектамъ своей норонской добычи, а брали, что попало. По моему мнѣнію, означенное выраженіе слѣдуетъ принимать въ дословномъ его смыслѣ, то-есть, въ значеніи чистаго серебра, а подъ нимъ разумѣть серебро безпримѣсное, или, по нашему, высокопробное, то-есть, дорогое. Такое пониманіе оправдывается и другими выраженіями разсматриваемаго текста, напримѣръ, словами „*rauca, vascula*“ Смыслъ ихъ таковъ: человекъ богатый, отпра-вляясь въ путь, дрожитъ за свой багажъ, потому что, хотя бы онъ несъ съ собою и немного сосудовъ, и притомъ маленькихъ, по они изъ чистаго серебра.

25. „*Arca*“ означаетъ здѣсь денежный ларь, или сундукъ, какіе мѣняли или банкиры (*argentarii*) выставляли на римскихъ фору-махъ (сколіастъ, почему-то, упоминаетъ исключительно Форумъ Траяна), но здѣсь разумѣются не одни эти промышленники. Рим-скіе капиталисты, ради безопасности и процентовъ, отдавали имъ свои деньги, которыя также хранились, вѣроятно, въ сундукахъ. Въ 27 ст. „*setinum*“ (то-есть, *vinum*) я перевелъ „сетинское“, по ана-логии съ „шампанское“ и проч. Оно получило свое названіе отъ города „*Setia*“, въ Кампаніи, и принадлежало къ лучшимъ продуктамъ рим-скаго винодѣлія.

28—53. Выводятся два извѣстные философа, Демокритъ и Гера-клитъ, изъ которыхъ одинъ постоянно смѣялся, а другой плакалъ,

наблюдал жизнь своихъ современниковъ. Кромѣ недостаточной за-мѣтки въ сколияхъ, хорошимъ комментариемъ къ этому мѣсту служить давно уже указанныя слова Сенеки (*De ira*, II, 10). Въ 30 ст. „*contagius auctor*“ = *auctor contagiae sententiae*. Два слѣдующіе затѣмъ стиха (31 и 32) общимъ приговоромъ объявлены слабыми, и потому не принадлежащими Ювеналу, хотя въ нихъ онъ выражаетъ свое личное, въ сущности правильное и умѣстное убѣжденіе, по которому смѣшная и огульная критика, при сужденіи о людяхъ, такъ же не нормальна, какъ и постоянная плаксивость. Демокритъ, прибавляетъ поэтъ, еще больше нашелъ бы лица для своего суроваго смѣха („*rigidi censura sasihni*“); слабымъ могъ наблюдать наши нравы и порядки, и затѣмъ переходитъ къ Риму.

36—53. Первые десять стиховъ этой очевидно искаженной переписчиками тирады, до сихъ поръ еще не разъяснены, какъ слѣдуетъ. Гейприхъ считаетъ ее главнымъ свидѣтельствомъ (*Hauptstelle*) о *populus cogensis*, хотя у Діонисія Галикарнасскаго (Веберъ дѣлаетъ изъ него длинную выписку) она описана гораздо подробнѣе и съ большою точностью, а Вейднеръ видитъ въ словахъ поэта описаніе триумфальной процессіи. Думаемъ, что не столько по небрежности поэта въ редакціи этого мѣста, сколько вслѣдствіе испорченности примитивнаго текста, рѣчь тутъ перепутанная, съ подробностями о той и другой изъ означенныхъ церемоній. Единственный выходъ изъ этой путаницы является въ догадкѣ, что уже въ концѣ періода республики программа помпуй помпы была распространена разными заимствованиями изъ ритуала триумфальныхъ процессій и другими добавлениями. Все это дѣлалось, конечно, изъ видовъ политическихъ: кесари считали нужнымъ развлекать народъ зрѣлищами, до которыхъ онъ былъ такъ набоженъ. (Ср. XI, 193 и т. д.). Изъ „Римской археологіи“ Діонисія (7, 72) видно, что въ этой помпѣ участвовали, между прочимъ, сатиры, силены и разныя божества, изображенія которыхъ участники процессіи несли на своихъ плечахъ. При этомъ, однако, древній авторъ ни словомъ не упоминаетъ, какъ у Ювенала (ст. 41 и 42), о рабѣ, который, по древнему обычаю, обязанъ былъ говорить триумфатору, „*ne sibi placeret*“, разныя колкости; да притомъ такой сисетакль, при открытіи игръ въ циркѣ, окончателно не имѣлъ бы никакого смысла. Къ неточностямъ текста слѣдуетъ отнести и то, что въ одномъ мѣстѣ председательствующій на описываемомъ торжествѣ называется преторомъ (ст. 3), а въ другомъ консуломъ (ст. 41).

Обращаемся къ другимъ подробностямъ текста. Преторъ назы-

вается (36) „*sublimis*“. Это былъ бы плеоназмъ, въ виду предшествующихъ словъ, еслибъ указанное прилагательное не имѣло здѣсь двойнаго смысла, то-есть, физическаго и отвлеченнаго, какъ и у насъ слово „высокопоставленный“. Въ виду же спеціальнаго значенія этого выраженія въ нашемъ языкѣ, я замѣнилъ его словомъ „превыспренній“. Оно притомъ, какъ у Ювенала, имѣетъ здѣсь ироническій отгѣнокъ, равно какъ и выраженіе „Юпитеровская туника“, въ которую одѣтъ преторъ. Какъ уже вѣрно замѣтилъ схоластъ, это *tunica palmeta*, то-есть, вышитая золотимъ узоромъ, на подобіе пальмовыхъ листьевъ. Поверхъ этой туники надѣта на немъ широчайшая тога, также съ золотыми вышивками (*toga picta*), въ видѣ занавѣса, или драпировки (*aulaea*), которую „онъ тащитъ отъ самыхъ плечъ“. Все это также ироническая гипербола. „Сарранскою“ называется эта тога потому, что восточное названіе Тира, откуда привозились въ Римъ пурпуровыя ткани, было Сарра. Слѣдуетъ прибавить, что уже въ схоляхъ выраженіе „*aulaea togae*“ очень умѣло сопоставлено съ словами Цицерона „*velis amictos, non togis*“, которыми онъ, между прочимъ, характеризуетъ шестую категорію сообщниковъ Каталина (*In. Cat. II, 10*). Далѣе, въ словахъ о коронѣ, или вѣнкѣ триумфатора такая же гипербола, какъ и въ другихъ частяхъ разсматриваемаго мѣста, а искусственное разъединеніе словъ „*publicus*“, подъ которымъ разумѣется государственнй рабъ, и „*servus*“ также можетъ указывать на порчу текста.

43. „*Da*“, очевидно, значить здѣсь *adde*, и потому страннѣе кажется объясненіе Вейднера: „*denke dir nun noch*“.

45. „*Officia*“= *officiales*, какъ назывались при кесаряхъ чиновники, находившіеся въ непосредственномъ распоряженіи высшихъ властей. Слово это составилось по аналогіи съ *ministra* (*ministri*) и т. д. Я перевелъ его оффіціалами (для избѣжанія слова чиновникъ), и тѣмъ съ большимъ правомъ, что оно уже давно вошло въ нашъ языкъ и означаетъ въ настоящемъ случаѣ то же, что оффіціальныя лица. Съ другой стороны, подъ квяритами (*Quirites*, этимъ древнимъ словомъ вѣрѣдко обозначаются граждане, *cives*) разумѣются здѣсь кліенты. О спортулѣ („*sportula*“) см. мой „Двѣ публичныя лекціи“ о Ювеналѣ (С.-Пб., 1860), стр. 39.

50. Подъ „отечествомъ барановъ“ разумѣется здѣсь Фракія, откуда былъ родомъ Демокритъ, изъ города Абдеры. Такою же незаиндиною репутацией, на счетъ слабого умственнаго развитія своихъ обитателей,

пользовалась въ древнемъ мірѣ и Беотія, какъ у насъ, почему-то, Пошехонье.

53. „Mandare laqueum“ хорошо объясняется словами Плавта: „gestim capre et suspende te“. Оскорбительныя издѣвательства и насмѣшки выражались у римлянъ не только словами, но и жестами, какъ и у теперешнихъ итальянцевъ (впрочемъ и у всѣхъ другихъ народовъ, особенно южныхъ). Къ такимъ жестамъ принадлежало и упомянутое здѣсь „medium ostendere unguem“ (или digitum), равносильное нашему показыванію кукиша. Иногда такой жестъ заключалъ въ себѣ и циническій смыслъ, откуда у Персія „digitus infamis“ (II, 33).

55. „Genae insectare deorum“ значитъ дословно воцѣпъ, или навоцѣпъ колѣна боговъ, разумѣется, на ихъ статуяхъ, въ смыслѣ возлагать въ храмахъ восчанія таблички на ихъ колѣна, съ разными молитвенными пожеланіями и обѣтами (vota, tabellae votivae). „Fas est“ — всякому позволено, сказано проиически. Не извѣстно, почему Вейднеръ замѣнилъ это общепринятое выраженіе словами „nes fas“. Замѣчательно, что и самъ онъ, въ своемъ примѣчаніи, не обращаетъ на нихъ никакого вниманія.

Ст. 56—114. Все это мѣсто также служитъ поясненіемъ 54 ст.; гдѣ говорится, что „supergaesa aut perniciose petuntur“, то-есть, что люди иногда обращаются къ богамъ съ молитвами о томъ, что для нихъ излишне или даже губительно. Здѣсь указывается на непрочность и опасность высокаго положенія, до котораго человекъ достигаетъ въ государствѣ, и сначала въ примѣрѣ приводится извѣстная катастрофа, постигшая Селена, а затѣмъ и другія выдающіяся положенія, къ которымъ люди стремятся, взывая о томъ къ богамъ и себѣ на пагубу.

58. „Hologum pagina“ значитъ цѣлая страница, исписанная почетными титулами. Здѣсь могутъ разумѣться не только лѣтописныя, или историческія указанія, но также бронзовыя или мраморныя доски, на которыхъ они обозначались. Слово „mergit“ совершенно соотвѣтствуетъ здѣсь нашему „тонить“. Конечно, и въ вѣмецкомъ языкѣ легко подыскать подобное выраженіе, и потому переводъ Вейднера stüzt sie, который онъ выставляетъ въ своемъ примѣчаніи, какъ наиболѣе подходящій въ данномъ случаѣ, нельзя считать особенно удачнымъ.

63. Очень живую характеристику Селена и его отношеній къ Тиберію представилъ также Тацитъ въ самомъ началѣ IV кн. своей „лѣтописи“. Онъ, между прочимъ, говоритъ, что этотъ вренецникъ

и всемогущий начальник преторианцев опуталъ и привязалъ къ себѣ (devinxit) кесаря не столько своею хитростью, сколько гнѣвомъ боговъ на Римское государство. Для того, чтобы властвовать безраздѣльно, онъ уговорилъ Тиберія переселиться на островъ Капрю (Капри). Это былъ также человекъ хитрый, хотя и легкій („facilis“). Онъ продолжалъ и въ новой своей резиденціи выказывать Сеяну всевозможные знаки вниманія, но эти милости къ зарвавшемуся честолюбу кончились разомъ, такъ что его неожиданное паденіе произвело въ Римѣ великую смуту. Ювеналъ вообразилъ этотъ патетическій моментъ вполне художественно и исторически вѣрно. О немъ подробно повѣствуетъ также Діонъ Кассій въ своей „римской исторіи“ (въ началѣ 58 кн.). Здѣсь онъ передаетъ и содержаніе той „verbosa et grandis epistola“ (ст. 71), которая пришла съ Капри и была прочитана въ сенатѣ. Она рѣшила судьбу Сеяна, хотя и была написана сдержанно и въ ней ни слова не говорилось о его казни. Кесарь, очевидно, дѣйствовалъ осторожно, въ виду того, что его недавній любимецъ имѣлъ въ Римѣ не мало приверженцевъ. Дѣло, однако, устроилось само собою. Лишь только окончилось чтеніе „эпистола“, какъ тѣ самые люди, которые за минуту предъ тѣмъ пресмыкались передъ Сеяномъ, при появленіи его въ сенатѣ, разомъ и круто переменявъ свой тонъ—они смеялись, чего хочетъ кесарь—стали осипать своего патрона ругательствами, а потомъ, тутъ же наложивъ на него цѣпи, прямо изъ сената повели въ темницу (Tullianum), при чемъ били его и разорвали тогу, которою онъ старался прикрыть свое лицо. Къ этимъ внезапно овзвѣрившимся сановникамъ уже на улицѣ присоединились массы народа, который, прибавляетъ Діонъ, не любилъ Сеяна за его многочисленную казнь. Народъ мигомъ кинулся стаскивать изображенія Сеяна съ ихъ пьедесталовъ и тутъ же разбивать ихъ на мелкіе куски. Такихъ статуй было въ Римѣ множество. Изъ словъ Ювенала видно, что вѣкоторыя изъ нихъ были растоплены въ горнахъ. Прибавимъ еще, что дѣти Сеяна были казнены одновременно съ отцомъ, при чемъ молодая дочь его не была заключена въ темницу, а прямо отдана палачу, который забилъ ее до смерти. Жена его, Анквата, узнавъ о смерти своихъ дѣтей, добровольно лишила себя жизни. Къ означеннымъ подробностямъ катастрофы Ювеналъ прибавляетъ еще что трупъ Сеяна волочили по улицамъ, и что онъ валялся (цѣлые три дня, какъ вѣдомо изъ другихъ источниковъ) на берегу Тибра, при чемъ народъ издѣвался надъ тѣмъ самымъ человекомъ, которому, словно божеству, еще на канунѣ приносилъ жертвы. Все это истори-

чески вѣрно. Въ 62 ст. „сperat“ = сperitat, а далѣе „ex facie secunda“ и въ сколіяхъ объясняется „secundus a Caesare Tiberio“.

Съ 65 до 86 ст. сатирикъ придаетъ своей рѣчи диалогическую форму, чтобы живѣе представить антипатичное ему настроеніе толпы, ея непостоянство и быструю замѣну одного чувства другимъ. Свой взглядъ онъ ясно формулируетъ въ 73 ст., говоря, что толпа („turba“) „sequitur fortunam, ut semper, et odit dampnatos“. Начальныя слова указаннаго мѣста обыкновенно понимаются въ смыслѣ приглашенія гражданъ отпраздновать казнь Селана, какъ радостное событіе, при чемъ зданія украшались зеленью и приносились жертвы. Не слѣдуетъ, однако, забывать и стариннаго объясненія этихъ словъ, представленнаго Веберомъ. Онъ понималъ ихъ въ смыслѣ восклицанія: вотъ и украшай, какъ Селпъ, твой домъ лаврами, веди въ Капитолій бѣлаго быка! То-есть: стремись, какъ онъ, къ триумфальнымъ почестямъ! Таковы были дѣйствительно права триумфаторовъ, которые могъ присвоить себѣ всесильный временщикъ, а „обыкновенные смертные едва ли ими пользовались“. Эпитетъ быка „cretatus“, то-есть, намѣленный, объясняется тѣмъ, что жертвенныя животныя обыкновенно были бѣлаго цвѣта, при чемъ неотвѣчающія ему части ихъ тѣла назывались мѣломъ.

Въ 73 ст. сатирикъ называетъ римскій народъ Ремовою толпою, подобно тому, какъ Норсіи обозначаетъ высшіе ея классы названіемъ „Romulidae“ (I, 31), а затѣмъ выраженіе „Nortia-Tusco“ = Fortuna Sefano, такъ какъ Селпъ былъ родомъ изъ Этруріи (Тосканы), изъ города Volsinii (теперешней Больсени), гдѣ означенная богиня, римская Фортуна, пользовалась особеннымъ культомъ. О ней упоминаетъ и Т. Ливій (VII, 3): „Volsinlis templum Nortiae, Etruscae deae“.

Ст. 77 и слѣд. замѣчательны тѣмъ, что ясно обозначаютъ политическія убѣжденія Ювенала. Видно, что онъ не былъ почитателемъ той неурядицы, которою ознаменовалось послѣднее время республики. „Съ того времени, какъ мы никому не продаемъ нашихъ голосовъ“ значитъ здѣсь: со времени монархической реформы, когда были ограничены права избирательныхъ комицій. „Vendere suffragia“ = ferre s. Слѣдующее затѣмъ „rauem et circenses“ одно изъ наиболѣе популярныхъ выраженій и въ ноломъ мѣрѣ. Зрѣлищами и раздачею хлѣба кесари, какъ извѣстно, старались привлечь на свою сторону немущіе классы римскаго населенія. Послѣдній выдавался изъ казенныхъ складовъ или даромъ, или за ничтожную цѣну безпрепятственно, по предъявленіи марокъ (tesserae frumentariae).

82. Уже выше замѣчено, что, въ видахъ уничтоженія Сепиновыхъ статуй, ихъ также плавилъ въ горнахъ. Сюда же относятся слова діалога „ *magna est fornacula*“, возбудившія много недоразумѣній. Такъ, Веберъ понималъ подъ этимъ выраженіемъ самого распаленнаго гнѣвомъ Тиберія. Уменьшительныя, какъ здѣсь „*fornacula*“ (печечка), такъ и слѣдующее „*pallidulus*“ (блѣдиенькій), употребляются въ латинскомъ языкѣ, какъ и у насъ, съ ироническимъ смысломъ. Разговаривающій намекаетъ, что, кромѣ Сепиновыхъ статуй, попадутъ въ „печечку“ и другія, такъ какъ придется, кромѣ Сеяна, заплатить и его клеветамъ, которые также были почтены статуями. Ихъ, какъ видно изъ Ювенала же (1, 130), въ Римѣ было множество, и онѣ часто воздвигались людямъ самымъ ничтожнымъ.

Вслѣдъ затѣмъ называется одна изъ такихъ предполагаемыхъ жертвъ, Врутидій Нигеръ, который дѣйствительно не избѣгъ своей участи. О немъ упоминаетъ Тацитъ (Ann. III, 66), какъ о человѣкѣ очень даровитомъ, но въ то же время крайне честолюбивомъ. Въ 22 году онъ былъ эдиломъ и, считаясь хорошимъ риторомъ, много подвизался въ декламацияхъ на вымышленныя темы. Одною изъ такихъ былъ „споръ Улисса съ Аяксомъ объ оружіи убитаго Ахилла“, при чемъ первый, какъ значилось въ преданіяхъ, остался побѣдителемъ, а второй впалъ въ бѣшенство и лишилъ себя жизни. Вѣроятно, на эту тему существовала извѣстная публичнѣ рѣчь Врутидія. О ней-то и упоминается (ст. 84) въ словахъ, о встрѣчѣ съ нимъ на одномъ изъ форумовъ или на Марсовомъ полѣ, у жертвенника Марса. Начиная съ сходиастовъ и до сихъ поръ неизмѣнно повторяется, что подъ „побѣжденнымъ Аяксомъ“ слѣдуетъ понимать Тиберія, а въ лицѣ подразумеваемаго Сеяна—Улисса. Гейнрихъ даже находитъ, что эта аналогія очень идетъ къ дѣлу. Какая же, однако, аналогія? Какимъ образомъ, послѣ указанной сцены въ сенатѣ и уличной расправы, Тиберій могъ считать себя побѣжденнымъ Аяксомъ? Да и Сеянъ, котораго онъ перехитрилъ, не имѣлъ никакого основанія, по крайней мѣрѣ, въ данномъ случаѣ, считаться Улиссомъ, типомъ человѣка ловкаго и прозорливаго. Изъ этого видно, что рассматриваемое мѣсто, не смотря на всѣ усилія уяснить его, до сихъ поръ еще остается темнымъ.

Ст. 85. Летучіе и боязливые разговоры между встревоженными горожанами оканчиваются словами „*сугgamus praecipites*“, то-есть, приглашеніемъ бѣжать во всю прыть (стремглавъ) къ берегу Тибра, гдѣ, какъ уже замѣчено, вадался трупъ Сеяна, и топтать его ногами

„для того, чтобы видѣли это рабы“. Тиберій, какъ извѣстно изъ Тацита, охотно пользовался ихъ доносами въ процессахъ о государственной измѣнѣ, которые разсматривались въ сенатѣ.

Съ конца 88 ст. и до конца разсматриваемаго эпизода сатирикъ опять говоритъ отъ своего лица. Здѣсь (въ 93 ст.) встрѣчаются два чтенія: „angusta“ и „augusta“, изъ которыхъ то и другое имѣетъ свое основаніе, но я послѣдовалъ второму изъ нихъ. Тиберій „сидѣлъ“ на Капрѣй „съ цѣлымъ стадомъ халдеевъ“. Такъ собственно назывались жители Вавилоніи (страны между Тигромъ и Евфратомъ). Въ Римѣ они промышляли своимъ искусствомъ предсказывать будущее по звѣздамъ, и потому ихъ именемъ обозначались также астрологи. Тиберій, какъ извѣстно, былъ очень суевѣренъ, и потому еще въ бытность свою на островѣ Родосѣ изучалъ астрологію подъ руководствомъ Фразибула. Онъ постоянно находился при немъ и на Капри, вербуя новыхъ субъектовъ въ „халдейское стадо“, и тѣхъ изъ нихъ, которые оказывались не подходящими, прямо со скалъ сбрасывалъ въ море, для того, чтобы они не болтали о кесаревыхъ секретехъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, повѣствуетъ объ этомъ Тацитъ (Ann. VI, 20, у Гааза 26 и слѣд.).

Далѣе (ст. 94) слѣдующія слова „*Vis certe*“ и пр. значатъ: „ты конечно, или навѣрное хочешь“ и пр. Здѣсь не вопросъ, а утвердительная (аффирмативная) форма рѣчи. „*Pila*“ (*pilum*—метательное копье) совсѣмъ здѣсь неумѣстно, а слѣдуетъ читать *pilum* или *pilus*, отъ *pilus*, какъ назывался отрядъ пѣхоты, подъ которымъ здѣсь, можетъ быть, разумѣется цѣлый легіонъ. Особенно почетною считалась служба въ „*primus pilus*“ и званіе „*primipilus*“. Подъ „*equites egregii*“, можетъ быть, слѣдуетъ понимать *equites illustres*, которыхъ еще Августъ выдѣлялъ въ сословіи всадниковъ отъ остальной ихъ массы, такъ какъ въ эту массу подъ конецъ республики проникло много людей ничтожныхъ, благодаря своему „*census equester*“. Вѣроятно, они составляли конвой и охрану кесарей. Подъ „*castra domestica*“ еще схолиастъ разумѣлъ с. *praetoria*, то-есть, начальство надъ преторіанцами, котораго добился Сеянъ на свою голову. Есть и другое объясненіе этихъ словъ, выставленное еще Веберомъ и повторенное Вейднеромъ (вообще комментарий его къ разсматриваемому мѣсту довольно сомнительнаго свойства), по которому, они должны означать „домашній лагерь“ Сеяна, какъ бы его домашнюю гауптвахту, или личныхъ его тѣлохранителей. Такое объясненіе не особенно удачно.

Ст. 97. Слова „*sed quae praesclaga*“ и пр. схолиастъ объясняетъ:

„Quid iuvat tanti aestimare bona, si cum his et mala perveniant“.

Дѣлаемый поэтомъ, конечно, мало убѣдительный для его современниковъ, выводъ изъ этихъ словъ состоитъ въ томъ, что гораздо безопаснѣе, а потому и лучше быть дуумвиромъ или эдиломъ въ какомъ-нибудь маленькомъ городѣ, въ родѣ Фиденъ или Габій, чѣмъ, подобно Саяну, носить претексту, занимая высокій постъ въ Римѣ. Изъ слѣдующихъ словъ видно, что названные мелкіе чиновники, состоя на службѣ, въ родѣ нашихъ городничихъ, въ провинціальныхъ захолустьяхъ, имѣли, между прочимъ, полицейскій надзоръ за правильностью купли и продажи, какъ видно также изъ аналогическаго мѣста у Персія (I, 130, гдѣ см. мое примѣч.). Гораций въ своей пятой сатирѣ (I кн., ст. 34 и слѣд.) свѣтется надъ важничаньемъ такого городничяго, пренебрежительно называя его „scriba“. Гипербола „rannosus“ (лохматый, въ лохмотьяхъ) употреблена здѣсь въ смыслѣ жалкій эдилъ.

Ст. 104—107. Сравненіе высокаго поста съ высокою башней, откуда паденіе, чѣмъ выше она, тѣмъ опаснѣе, очень наглядное и удачное. Это мысль абстрактная, и потому мнѣніе Вейднера, что „turgis“ значить здѣсь „Palast“ никуда не годится. Дворецъ Саяна не могъ быть многоэтажнымъ, потому что такіе дома строились въ Римѣ, какъ и теперь, для отдачи ихъ въ наемъ. „Unde“ = ut inde eo altior“ и пр., какъ справедливо замѣтилъ Вейднеръ, а „praeseps“ имѣеть здѣсь (какъ и у Ливія, б, 47, 5 или у Стація Silvae I, 4, 5) значеніе существительнаго, вмѣсто praecipitium или praecipitatio (Гейнрихъ). Наконецъ „guina“ означаетъ здѣсь готовое обрушиться, или превратиться въ руину, слѣдовательно, непрочное владеніе. Вмѣсто родятъ „impr. guinae.“ съ большимъ правомъ могъ бы здѣсь стоять творит. impr. guina (quum imprellitur guina).

Въ 109 ст., конечно, разумѣется Юлій Цезарь, а подъ „зятемъ Цереры“ — Плутонъ, владика подземнаго царства, который похитилъ дочь ея, Проверпину. Въ 113 ст. „sicca mors“ (сухая смерть) сказано въ смыслѣ безкровная.

Ст. 114—134. Примѣромъ Цицерона и Демосоеена указывается опасность отъ краснорѣчія, котораго римляне такъ усердно добивались въ школахъ своихъ риторозъ. „Quinquatria“ (festa), или Quinquatres (feriae) назывались школьные праздники въ честь Минервы, которые справлялись весною, въ теченіи пяти дней. Рѣчь здѣсь о начальной школѣ, программа которой ограничивалась чтеніемъ и письмомъ. Здѣсь Минерву, то-есть, науку, можно было добывать за

пять ассовъ, слѣдовательно, это была, какъ у насъ говорится, грошова наука. Слѣдующее мѣсто очень напоминаетъ слова Горациѣ въ 6-й сатирѣ 1-й книги, гдѣ также рѣчь и о школьной платѣ. Переводъ и примѣчаніе къ этому мѣсту см. въ моей книгѣ о Горациѣ, стр. 28.

Ст. 120—125 относятся къ Цицерону, о насильственной смерти котораго сохранилось нѣсколько древнихъ преданій. Главное изъ нихъ принадлежитъ Титу Ливию, который разказываетъ (Ерѣ. 120), что при первомъ появленіи триумвировъ (Цезаря, Антонія и Лепида) въ Римѣ, Цицеронъ бѣжалъ сначала въ Тускуланумъ, а потомъ окольными путями также въ свою Форміанскую виллу, близъ Каэты откуда думалъ отправиться куда-нибудь моремъ, но снова воротился, въ Formianum и рѣшился предать себя въ руки судьбы, сказавъ: „*motiar in patria saepe a me servata*“. Затѣмъ явились подосланные Антоніемъ центуріоны. Онъ горѣлъ желаніемъ отмстить знаменитому оратору за его безпощадныя „филиппики“. У Цицерона были отрублены обѣ руки и голова, которая (какъ говоритъ Плутархъ, въ концѣ его біографіи), была, по приказанію Антонія, выставлена на рострахъ (ораторской трибуны, на форумѣ). По другимъ извѣстіямъ, собраннымъ Вейднеромъ, въ его „*Quellenbuch zur alten Geschichte*, III Abtheil., S. 246, у Цицерона была отрублена только одна рука, Дионъ Кассій называетъ и убійцу Цицерона: то были центуріонъ Герпейи и хилярхъ (тысящій) К. Помпидій.

Ст. 122 принадлежитъ Цицерону и заимствованъ изъ его утраченнаго стихотворнаго разказа „*De temporibus suis*“ (meis), гдѣ онъ описалъ свое консульство (онъ цитируется иногда и подъ заглавіемъ *de consulatu*) и неумѣренно прославлялъ свои подвиги, въ особенности, какъ и въ своихъ рѣчахъ, открытіе и подавленіе заговора Катилины. Ювеналь, какъ видно, считалъ Цицерона плохимъ поэтомъ и указанный стихъ неудачнымъ. Въ пемъ ему, очевидно, не нравилось какофоническое повтореніе однихъ и тѣхъ же звуковъ (*patam-patam*). И дѣйствительно надъ этимъ стихомъ, дакъ и вообще надъ стихотвореніями Цицерона, къ которымъ онъ имѣлъ большую слабость, въ древности глумились не мало. Его приводитъ не разъ и Квинтиліанъ (I. O. IX, 4, 41 и XI, 1, 24) въ числѣ такихъ выраженій „*quae non desierunt carpere maligni*“. Раторъ Сенека также замѣчаетъ въ своихъ декламацияхъ: „*Ciceronem eloquentia sua in carminibus destituit*“. Еслибы, прибавляетъ сатирикъ, „филиппики“ Цицерона были такъ же плохи, какъ его стихи, то онъ избѣжалъ бы

мечей Антонія. Филиппиками эти рѣчи противъ него названы по аналогіи ихъ съ знаменитыми рѣчами Демосоеена противъ Македонскаго царя Филиппа. Указывается здѣсь преимущественно вторая („*volveris a prima quae proxima*“) филиппика (асѣхъ ихъ было 14), такъ какъ здѣсь съ необыкновенною силою слова выставлены всѣ пороки Антонія и представлена вся его безправственная жизнь. Особенно знамениты ея слова: „*Defendi rempublicam adolescens, contempsit Catilinae gladios, non pertimescam tuos*“.

Съ конца 126 стиха рѣчь о Демосоеенѣ, судьба котораго, говоритъ поэтъ, такъ же была печальна, какъ и Цицеронова; и по той же причинѣ. Слово „*theatrum*“ употреблено здѣсь въ смыслѣ *concio* (народное собраніе), можетъ быть, потому, что аенняне иногда совѣщались объ общественныхъ дѣлахъ въ своихъ театрахъ. Отецъ Демосоеена былъ оружейный мастеръ, или просто кузнецъ, чѣмъ и объясняется смыслъ ст. 130—132.

Ст. 133—187. Говорится о неудобствахъ, какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ и для государства (ст. 142), сопряженныхъ съ воинскою славою, при чемъ, для примѣра, указывается на Аннибала, Александра и Ксеркса. Поэтъ начинаетъ перечисленіемъ *insignia*, то-есть, отличительныхъ и символическихъ знаковъ этой славы. Они назывались трофеями „*troraem*“ и первоначально представляли собою деревянный обрубокъ, съ поперечною перекладиною или съ сучьями, водруженный на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была одержана побѣда. На такомъ незатѣйливомъ монументѣ развѣшивались или прикрѣплялись непріятельскіе доспѣхи. Впослѣдствіи это были великолѣпные памятники изъ бронзы и мрамора, которые обыкновенно воздвигались внѣ поля битвы. Ювеналъ, какъ любитель старины, имѣетъ здѣсь въ виду примитивные трофеи. Ср. Аен. XI, 5. Сюда же принадлежали въ болѣе позднѣе время и триумфальныя арки (ст. 137), украшенныя скульптурными рельефами и статуями. Къ послѣднимъ принадлежитъ и упомянутый здѣсь „*tristis carpinus*“.

Ст. 138. „*Induperatur*“, старинная форма, вмѣсто *imperator* = полководецъ.

Ст. 144. „*Naesuri*“, говорится о титулахъ, которые „повиснутъ“, то-есть, будутъ красоваться на могильныхъ памятникахъ, называемыхъ здѣсь „стражами праха“, Однако, прибавляетъ поэтъ, для распатанія и уничтоженія этого надгробнаго величія достаточно силы какой-нибудь безплодной смоковницы. Это дерево „*figus*“ или *carpinifigis*, дикая смоковница; какъ у Персія (I, 25, гдѣ это слово, впро-

чемъ, употреблено въ иносказательномъ смыслѣ, о чемъ см. въ примѣчаніи въ моему изданію, на стр. 84), роста на скалахъ и камняхъ, по словамъ древнихъ авторовъ, расщепляется и портится ихъ своими корнями. Ср. Марціала (X, 2, 9): „Marmora Messalae, findit, carpitibus“. Вотъ почему и Проперцій (въ концѣ своей пятой элегии 4 кн.) заявляетъ желаніе, чтобы могла у вѣрбичной имъ женщины сильно нагнетала дикая смоковница. Мѣсто у Горация (Ерод. 5, 17) сюда не идетъ.

Ст. 147. Слова „exprende Hannibalem“ и соотвѣствующія имъ (въ 170 ст.) „mors sola fatetur“ и пр. нельзя назвать удачными, по весьма поватной причинѣ, даже для поэта языческой древности. Въ слѣдующемъ затѣмъ опредѣленіи границъ Африки „Мауританскій“, то-есть, Атлантическій океанъ означаетъ ее западную границу, а Ниль — восточную. Южная граница „довольно оригинально“ обозначается „народами Эіопин и большими слонами“.

Ст. 153. О томъ, что Аннибалъ прокладывая себѣ путь черезъ Альпы, разрушалъ въ непроходимыхъ мѣстахъ скалы укусомъ, говорить также Ливій (XXI, 37). Вообще видно, что этотъ слухъ былъ очень распространенъ въ древности, по не принадлежить ли онъ также къ тѣмъ сказкамъ, въ изобрѣтеніи которыхъ, немного ниже поэтъ обвиняетъ греческихъ историковъ? Не на этомъ ли основаніи Полибій умалчиваетъ объ этомъ слухѣ?

Ст. 156. „Subuga“ и теперь носитъ свое древнее названіе (via di Subuga) и стоитъ здѣсь вмѣсто Рима, какъ pars pro toto. Это была одна изъ самыхъ веселыхъ и шумныхъ улицъ, между Эсквилинскомъ и Целиемъ. О соблазнахъ этой мѣстности говоритъ Церсій (V, 32), а Ювеналь, какъ стонетъ, также неблагопріятно отзываясь о ней (III, 5). Марціалъ (XII, 18) называетъ ее „clamosa“.

Ст. 157. Аннибалъ дѣйствительно лишился одного глаза во время труднаго своего пути по болотистымъ мѣстностямъ сѣверной Италіи (Liv. XXII, 2). Какое зрѣлище, говоритъ патристически настроенный сатирикъ, представилъ бы собою воссѣдающій на слонѣ („Getula bellua“) кривой полководецъ, при своемъ триумфальномъ вступленіи въ Римъ. Здѣсь рѣчь о томъ страшномъ моментѣ, когда Аннибалъ находился отъ него всего въ трехъ миляхъ.

Ст. 160—167. Послѣ своей неудачи Аннибалъ бѣжалъ въ Малую Азію и явился кліентомъ къ „Византскому тиранну“, Прузью. Кольцо („annulus“) съ скрытымъ въ немъ ядомъ, которымъ отравился Аннибалъ, называется здѣсь „мстителемъ за Канны“, гдѣ столько было

убито римских всадниковъ, что золотыми ихъ кольцами, какъ виѣшними знаками принадлежности къ этому благородному сословію, онъ наполнялъ цѣлне четвериси (*modios*), при отсылкѣ ихъ въ Кароагенъ. О школьныхъ декламаціяхъ, сюжетами которыхъ были великіе люди древности, а равно и мнѣнческіе герои, мы уже говорили, въ примѣчаніи къ 150, 161 и 169 стих. VII-й сатиры, гдѣ также рѣчь и объ Аннибалѣ. Какъ видно, его подвиги были любимой темой въ школахъ („*ut ruogis placeas*“, ст. 167). Съ другой стороны, такіе темы могли и надобѣдать ученикамъ, какъ, напримѣръ, Персію „*moriturū verba Catonis*“ (III, 45, гдѣ мое примѣчаніе на стр. 190).

Съ 168—173 стихъ переходъ къ другому знаменитому воеводу, Александру, котораго поэтъ называетъ пеллейскимъ юношей, такъ какъ онъ былъ родомъ изъ Пеллы, столицы Македоніи. Гиаръ (*Guarus* и *Guari*) и Серифъ, небольшіе и пустынные острова въ Эгейскомъ морѣ, служили, при кесаряхъ, мѣстомъ ссылки, какъ видно изъ Ювенала же (I, 73). Подъ словами „*a figulis munita urbs*“ разумѣется здѣсь Вавилонъ, укрѣпленный кирпичными стѣнами. См. объ этомъ у Н. А. Астафьева: Древности вавилоно-ассирійскія. С.-Пб. 1882 (начальная глава). „*A figulis*“ я перевелъ, „стѣнобитчиками“, такъ какъ обычная значеніи сл. *figulus* (дѣщичикъ, гончаръ и т. п.) не подходитъ къ нашему мѣсту.

Ст. 173—188. Рѣчь о Ксерксѣ и его неудавшемся походѣ на Грецію. Ювеналъ скептически относится къ тѣмъ сказкамъ, которыми украшены преданія объ этомъ событіи, воспроизводитъ ихъ по Геродоту (VII, 21 и слѣд.). Какъ не любитель грековъ, сатирикъ обвиняетъ при этомъ ихъ историковъ въ дерзкой лживости („*quidquid Graecia mendax audet in historia*“). Къ числу такихъ вымысловъ онъ относитъ „*vellicatus Athos*“ (ст. 177), то-есть, прорытый Ксерксомъ и пройденный на парусныхъ судахъ Аеовъ, затѣмъ, устланный кораблями и какъ бы подостланный подъ колеса поволокъ море, при чемъ разумѣется Геллесовъ, соединенный цѣлою массой судовъ, съ перекинутыми черезъ нихъ досками, на подобіе плашкоутнаго моста. „*Solidum*“ обыкновенно принимается въ смыслѣ *solidation stage*. Не значить ли, однако, здѣсь это выраженіе цѣлое море, по аналогіи съ *solida luna*? Наконецъ, поэтъ считаетъ баснословнымъ преданіе о томъ, что въ рѣкахъ оказался недостатокъ въ водѣ, которая будто бы была выпита мидянами (персами) за ихъ обѣдами. Святая эти слова поэта за „*ein trefflicher Zug*“, Гейнрихъ придаетъ имъ такой смыслъ: въ то время, какъ Мидійскій царь проваля за

своими обѣдами („Medo prandente“), люди его и скоть довольствовались тѣмъ, что выловали всѣ рѣки“. Такое странное объясненіе, разумѣется, не можетъ быть принято. Очевидно, слова текста являются очень понятною гиперболою, выдуманною греками, для обозначенія несмѣтной массы войскъ, съ которыми Персидскій царь вторгнулся въ нихъ предѣлы. Здѣсь же сатирикъ указываетъ на какого-то „Сострата, какъ на распространителя такихъ хвастливыхъ сказокъ. Схолиастъ, называя его повтомъ, прибавляетъ: „hic regis Xerxis facta descripsit“, а слѣдующія вѣдѣтъ слова „maddis alis“ объясняетъ совершенно вѣрно, принявъ второе изъ нихъ (alae) въ смыслѣ подмышки. „Maddis autem“, говоритъ онъ, ideo, quia omnes, qui cum sollicitudine recitant, pesasse est, ut alae eius (?) sudent“. Это значитъ: всѣ, которые рецитируютъ, необходимо потѣютъ подъ мышками (отчего же только тутъ?). Еще болѣе странно, что Вейднеръ, вѣроятно, на основаніи этого объясненія, сдѣлалъ въ разсматриваемому стиху такое примѣчаніе: „Cantat“ = recitat, dacher der Schwels (maddis alis)“. Прибавимъ еще, что глаголь „cantat“ не даетъ никакого повода думать о рецитацияхъ. Какой же, однако, смыслъ этихъ словъ? Когда о поэтѣ говорятъ, что онъ паритъ на мokrыхъ крыльяхъ, то это значитъ, что онъ летаетъ тяжело и не высоко, то-есть, что онъ тяжеловѣсный или просто плохой поэтъ. Потому законническая фраза сатирика вполне понятна. Состратъ, говоритъ онъ, воспѣваетъ равныя баснословныя преданія, паря на мokrыхъ крыльяхъ.

Ст. 180. Рѣзко ироническій тонъ, съ которымъ Ювеналь относится къ преданію о бичеваніи Ксерксомъ Кора и Евра (названія вѣтровъ сѣверо-западнаго и юго-восточнаго) объясняется высокоумнымъ отношеніемъ грековъ и римлянъ вообще къ народамъ востока и понятнымъ чувствомъ собственнаго надъ ними превосходства. „Enposigeaus“ греческое прозвище Нептуна (колебатель земли).

Ст. 188—288. Описываются невыгоды и тягости долголѣтія, о которомъ неразумные люди также усердно молятъ боговъ. Здѣсь прежде всего обращаютъ на себя вниманіе спорныя выраженія „gesto vultu“ и „pallidus“, которыя въ схолиахъ не особенно точно объясняются словами „laetus et tristis“. Новыми учеными они понимаются въ смыслѣ: здоровый и больной, молодой и старый, смѣлый и боязливый, и т. д. „Recto (какъ бы erecto) vultu“ соответствуетъ нашему „съ поднятымъ челомъ“ и, какъ кажется, означаетъ человека бодрого, полнаго силъ, а „pallidus“, въ противоположность ему, человека болѣзненно блѣднаго.

Ст. 193—195. Дословный смысл этого темнаго мѣста тотъ, что сама обезьяна, и притомъ самка, выцарапываетъ на своихъ старыхъ щекахъ глубокія морщины. Оно, по всей вѣроятности, ислажено переписчиками, если же нѣтъ, то объясненія его слѣдуетъ ждать отъ натуралистовъ, а не отъ филологовъ. „Тавгаса“ малоизвѣстный городъ на сѣверной окраинѣ Африки, къ западу отъ Карсагена. Здѣсь, можно думать, водилась порода особенно морщинистыхъ обезьянъ.

202. „Коссъ“, какъ видно, принадлежалъ къ той очень многочисленной въ древнемъ Римѣ категоріи искателей наслѣдствъ (*sartatoges, hereditetae*), которые, конечно, умѣли уживаться съ тѣми, отъ кого они ждали богатыхъ милостей. Кого здѣсь разумѣетъ Ювеналъ подъ этимъ прозвищемъ, осталось неизвѣстнымъ.

208. Здѣсь ясный намекъ на *pefanda Venus*, на то, что римляне называли *fellatio*.

Ст. 209. Говорится объ утратѣ стариками другаго органа, или чувства (*damnum alterius partis*), то-есть, слуха.

Ст. 211. Вейднеръ читаетъ здѣсь „*citharogedo*“, согласно это слово съ предшествующимъ „*cantante*“, вмѣсто обычнаго „*citharogedus*“, которымъ избѣгается неестественное разъединеніе означенныхъ словъ; но *cantante* можетъ здѣсь стоять и самостоятельно, въ смыслѣ а *cantante, cantore, cantu*, или подразумѣвая *quodam* — когда кто-нибудь поетъ. Затѣмъ, здѣсь стилистическая и бытовая неточность въ словѣ „*lasegna*“. Оно здѣсь неумѣстно, ибо это была верхняя одежда, въ какой артисты не могли являться на эстрадѣ. Для этого у нихъ была *palla* или длинная одежда, въ родѣ сирми (*stigma*), какъ видно изъ Горация (А. Р. 216): „*Tibicen traxit vagus per pulpita vestem*“.

Ст. 215. „*Concentus*“ здѣсь совокупная и, конечно, очень громкая игра цѣлаго хора трубачей или рожечниковъ (*tubicines* и *cornicines*), которою нерѣдко начинались и заканчивались римскіе концерты и другія музыкальныя торжества. Въ слѣдующемъ стихѣ подъ „*puer*“ нужно понимать номенклатора (*nomenclator*), то-есть, слугу, который докладывалъ о входящихъ гостяхъ и другихъ посѣтителяхъ. Онъ же обыкновенно докладывалъ и о времени. Въ древности не было часовъ съ боемъ и о времени узнавали по солнечнымъ и водянымъ часамъ (*solaria* и *clepsudae*). Послѣдніе могли быть и въ домахъ, а первые выставлялись на площадяхъ и улицахъ, жуда, вѣроятно, нерѣдко приходилось бѣгать рабамъ съ означенною цѣлью.

Ст. 220. Разумѣется, не стоитъ останавливаться на всѣхъ скупъ часть ослухи, отд. 2.

ченныя здѣсь именованъ и ратоборствовать за чтенія Гянциа или Опсиа. Отмѣтимъ „Фемизона“, вѣвѣстнаго врача при Августѣ, „Базила“, который (VII, 145) выводится бѣднымъ адвокатомъ, а здѣсь—обманщикомъ своихъ компаньоновъ по торговымъ дѣламъ (socii). Объ опекунѣ Гиррѣ ничего неизвѣстно, а Мавра упоминается также въ шестой сат. (307). Наконецъ, Гамиллу и Марціаломъ (VII, 62) выданъ тотъ же аттестатъ, которымъ клеймится его здѣсь Ювеналъ.

Въ 223 ст. „exsorbet“ собственно значитъ „сосеть“, или, еще ближе, „высасываетъ“. Значить, „длинная Мавра“ то же самое, что и Фіала (въ 238 ст.).

Ст. 226 составляетъ повтореніе 25 ст. I сат. подъ бывшимъ перульникомъ, у котораго, въ молодости своей, брылся Ювеналъ, и появившимъ потомъ въ знать, можетъ быть, разумѣется здѣсь Циннамъ, не разъ осмѣянный Марціаломъ (VI, 17, VII, 64).

Ст. 233. „Dementia“ обозначаетъ здѣсь старческое слабоуміе, соединенное съ безпамятствомъ, доходящимъ до exhereditatio, то-есть, отстраненія отъ наслѣдства („vetat“) собственныхъ дѣтей. „Eduxit“ едва ли здѣсь употреблено вмѣсто educavit (воспиталъ). Оно скорѣе соответствуетъ нашему „взростилъ“ или еще ближе „вывелъ въ люди“.

Ст. 238. Роль Фіалы понятна и безъ объясненія. Она ввучила ее, прибавляетъ въ слѣдующемъ стихѣ Ювеналъ, въ бытность свою проституткой, или, какъ онъ выражается, когда стояла передъ каморкою („сарсег“, или cella) своего лунапара („fornicis“). Такія каморки, съ циническими надписями, выпарапаннныи на ихъ стѣнахъ, можно и теперь видѣть въ Помпеѣ. Вмѣсто „in sarcege“, полагаю, было бы умѣстнѣе ad sarcegem, ибо „stare“ стоитъ здѣсь вмѣсто техническаго prostare (откуда prostibulum), какъ въ III сат. ст. 65.

Ст. 240. „Ut vigeant“ и пр.—Pone, ut non sit demens, qui diu vixerit, tamen.... Вслѣдъ затѣмъ, въ примѣръ печальнаго долголѣтія, приводится Несторъ, царь Пилосскій, съ ссылкой на Илиаду (I, 250 и слѣд.), который „dextra computat annos“ (249). Здѣсь вмѣстѣ въ виду древній счетъ по пальцамъ, при чемъ до 100 онъ производился по пальцамъ лѣвой руки, затѣмъ до 1000—правой, а затѣмъ опять возвращались къ лѣвой рукѣ, и т. д. „Novum mustum“ и пр. схолиастъ объясняетъ „qui multos auctumnos vidit“.

Ст. 253. „Antilochi barbam“=A. barbatum. Онъ былъ убитъ Мемнономъ.

Ст. 256. „Нае eadem“, то-есть, queritur, а далѣе подъ „altius“ разумѣется Лаертъ, который оплакивалъ „Ithacum“, то-есть, своего

сына, Улисса, десять лѣтъ странствовавшего по морямъ, при возвращеніи своемъ на родину (островъ Итаку), по разрушеніи Трои.

Ст. 258—72. Эпизодъ о Пріамѣ принадлежитъ къ наиболѣе выдающимся. „Ассарахъ“, мѣстечскій его предокъ, считался сыномъ Лаомедонта. Далѣе слѣдуетъ описаніе троянскаго погребальнаго обряда, при чемъ плачь Кассандры и Поликлены напоминаетъ причитанія римскихъ плакальницъ (*praeficae*) того отдаленнаго времени, когда эту обязанность принимали на себя, какъ и здѣсь, ближайшія родственницы покойнаго. Впослѣдствіи, какъ и у насъ въ старину, это были нерѣдко наемныя женщины. Ювеналово описаніе сходно съ тѣмъ мѣстомъ Одиссеи, гдѣ рѣчь о похоронахъ Гектора.

Ст. 265. Цицеронъ (l. c.) приводитъ отрывокъ изъ Эпизодической „Андромахи“, гдѣ хоръ поетъ:

Haec omnia vidi inflammati,
Priamo vi vitam evitari,
Iovis aram sanguine turpari.

Можно думать, что въ старинной латини *evitari* = *egiri*.

Ст. 272. О превращеніи жены Пріама, Гекубы, въ собаку разсказывается въ своихъ метаморфозахъ Овидій (XIII, 566).

Ст. 273—289. „*Rex Ponti*“, Митридатъ, прожилъ 69, лѣтъ, и смерть его была насильственной. Крестъ также, до плѣненія своего Киромъ, считалъ себя счастливейшимъ человекомъ. Извѣстныя обращенныя къ нему слова Солона о томъ, что никто не можетъ считать себя таковымъ до самаго наступленія смерти (ст. 274) очень часто повторялись древними авторами, хотя хронологія не совсѣмъ на сторонѣ этого преданія. Въ 278 ст. къ „*transeo*“ нужно подразумѣвать *sentio*, то-есть, прохожу молчаніемъ.

Ст. 276. Здѣсь имѣется въ виду Марій, который, преслѣдуемый Суллою, скрывался одно время въ Минтурнскихъ болотахъ (получившихъ свое названіе отъ *Minturna*, города на границѣ Лаціума и Кампаніи), а затѣмъ на развалинахъ Каррагена... Въ это время ему было около 70 лѣтъ. Еслибы, продолжаетъ поэтъ (ст. 240), Марій умеръ вслѣдъ за своимъ триумфомъ надъ кимврами, то могъ бы дѣйствительно считаться счастливейшимъ человекомъ въ цѣломъ мірѣ. О подвигахъ его въ эту войну упоминается и въ VIII сат., ст. 249 и слѣдующ. Всѣ эти подробности о Маріи могли быть заимствованы изъ біографіи его, написанной Плутархомъ.

Ст. 283. Эпизодъ о Помпеѣ, то-есть, объ устроенныхъ ему орденахъ въ Кампаніи (главнымъ образомъ въ Неаполѣ) совершенно

совпадаетъ съ словами Цицерона (Tusc. I, 86) на ту же тему и съ тѣмъ же правоученіемъ: „Utrum igitur, si tam esset extinctus, a bonis rebus, an a malis discessisset? При этомъ нужно помнить, что болѣзнь и извѣдываніе Помпея непосредственно предшествовали столу роковой для него битвѣ при Фарсалѣ.

Ст. 287. Лентулъ и Цетегъ, сообщники Катилины, были задушены въ темницѣ, по приказанію Цицерона, а самъ Катилина палъ въ битвѣ при Писторіи (въ 62 г.), теперешней Пистойѣ. Всѣ они умерли, прибавляетъ Ювеналъ, съ уцѣлѣвшими головами и прочими членами своего тѣла. Это мѣсто едва ли можно считать удачнымъ, то-есть, подходящимъ къ общему смыслу разсматриваемаго отрывка.

289—345. Рѣчь объ опасностяхъ отъ тѣлесной красоты. Здѣсь, въ 291 ст., очень спорное выраженіе „usque ad delicias votorum“. Приведенные Вейднеромъ объяснительные примѣры вовсе сюда не идутъ, а комментарий (заимствованный имъ у Британника), „usque ad inertias“ отличается большимъ произволомъ. Другія (старинныя) объясненія собраны у Руперти. Мнѣ кажется, что приведенное выраженіе Ювенала вполне соответствуетъ одному изъ извѣстныхъ оборотовъ нашей обыденной рѣчи „вслась“. „Сегодня я наработался вслась“, сказалъ мнѣ когда-то одинъ изъ моихъ ученыхъ друзей, котораго я засталъ за его письменнымъ столомъ. Точно также употребительно выраженіе: поговоряться вслась, и т. д. По аналогіи этихъ примѣровъ, можно также сказать (а можетъ быть, и говорится) молиться или намолиться вслась. Вотъ почему я и ввелъ это выраженіе въ мой переводъ.

293. Лукреція и Виргинія достаточно извѣстны, какъ жертвы своей красоты. Что же касается до горбатой Рутилы, то она, можетъ быть, современница Ювенала.

299. Относительно къ „domus veteres imitata Sabinos“ см. въ моихъ лекціяхъ о Ювеналѣ, стр. 46.

304. „Non licet esse viro (читается также viros и viris) потому, что „puer“ aut pathicus fit aut castratur“.

308. При ссылкѣ на Нерона, по всей вѣроятности, имѣются здѣсь въ виду отношенія его къ Спору, о чемъ дѣлается намекъ и въ I-й сат. (ст. 62), гдѣ упоминается „lascivata amica“. Ср. Suet. гл. 28 и D. Cass. 63, 12. Онъ называется здѣсь „praetextatus“. Подъ этимъ словомъ разумѣется человекъ одѣтый въ претексту (toga praetexta). Отъ обыкновенной тоги она отличалась только тѣмъ, что по краямъ была

обшита широкимъ золотнымъ позументомъ. Сначала это была царская одежда (атрусскаго происхожденія), присвоенная потомъ высшимъ правительственнымъ лицамъ и въ некоторымъ жрецамъ. Въ указанномъ стихѣ имѣется въ виду юноша или отрокъ, посаджій протексту, такъ какъ она составляла также, до извѣстнаго возраста, принадлежность и дѣтей обоюгаго пола изъ римской знати. Кромѣ того, это слово имѣло и другія значенія.

310. „I nunc“. — Этотъ оборотъ, столь употребительный у римскихъ поэтовъ, со времени Овидія, также очень обыченъ и въ нашемъ языкѣ; ступай себѣ, проваливай и пр.

313. Злополучный инцидентъ изъ преданій о любви Марса и Венеры прелестно разказанъ въ Одиссеѣ, въ формѣ былины, которую на Алкиноевомъ пиру „лирой греми сладковучною, вѣлъ Демадокъ вдохновенный“ (VIII, ст. 266 и слѣд., въ переводѣ Жуковскаго). Латинизмъ въ словахъ „Nec erit felicitior astro Martis = nec erit eius (то-есть, красиваго юноши) astrum felicitius astro Martis“. Значить: звѣзда его не будетъ счастливѣе Марсовой на столько, чтобы онъ никогда не попадалъ въ сѣти (въ силки). Странное и вовсе не идущее къ дѣлу примѣчаніе Вейднера о планетѣ, носящей названіе Марса, едва ли заслуживаетъ опроверженія.

315. Скорбь опозоренныхъ мужей, говорить поэтъ, изобрѣтаетъ для прелюбодѣевъ болѣе жестокаго наказанія, чѣмъ тѣ, какія для подобныхъ случаевъ установлены въ законахъ. Въ числѣ этихъ изобрѣтеній упоминается здѣсь и „mugilis“ (или mugil), то-есть, голавль. Незавидная роль этой рыбы въ любовныхъ инцидентахъ уяснена уже въ схолияхъ къ 317 ст.: „Piscis grandis capitis, postremis (?) exilis, qui in podicem moechorum deprehensorum solebat immitti“. Въ одномъ изъ кодексовъ читается здѣсь „postremus“, что во всякомъ случаѣ новизнѣе. Кромѣ того, предложена была поправка: „grandis capite, in postremis exilis“. Изъ словъ Катутла (XV, 17) видно, что такую же роль иногда играла и рѣдька (garphalus). Гораций (Sat. I, 2, 41) подробнѣе говоритъ о тѣхъ возмездіяхъ, которымъ подвергались въ Римѣ любители чужихъ женъ.

318. Имя Эндиміона употреблено здѣсь въ нарицательномъ значеніи, въ смыслѣ красавца. Упоминаемая далѣе Катутла можетъ быть, та самая, къ которой обращены лицемерныя слова Марціала (VIII, 53): „о, какъ бы я желалъ, чтобы ты была менѣе красива и болѣе стыдлива“.

324. „Immo“ и проч. Даже, то-есть, даже скорѣе слѣдовало бы спро-

сять „quid profuit“, и т. д. Упомянутый затѣмъ „Hippolitus“ пренебрегъ, какъ извѣстно, любовью своей мачихи, Федры, дочери Критскаго царя Миноса, почему она и называется критяною (Cressa). Еврипидъ, Сенека, Овидій и старинные французскіе драматурги увѣковѣчили поэтическое о ней преданіе, которое въ недавнее еще время такъ оживила гениальная Рагелъ. Менѣе прославлено аналогическое и смутное преданіе о Беллерофонтѣ (коринескомъ героѣ царской крови) и Степобои, дочери Юбата и жены одного изъ Аргивскихъ царей.

326. Въ чтеніи этого стиха большое разномысліе. Одни, какъ Вейднеръ, читаютъ здѣсь „haec“ и относятъ это мѣстоименіе къ „gerulsa“, принимая это слово за существительное, другіе (например, Гейприхъ) стоятъ за „haec“ и, ставя послѣ „fastidita“ точку съ запятой, читаютъ „gerulso“, въ смыслѣ ablat. absol. participii (quam accidisset gerulsa). Гораздо было бы лучше, еслибы Гейприхъ, вмѣсто неудачнаго gerulso удержалъ gerulsa, также въ значеніи причастія. Принимая его интерпункцію и указавшее значеніе формы gerulsa, мы считаемъ нужнымъ также, вслѣдъ за схолиастомъ, удержать „haec“, которое имѣетъ здѣсь усиленно указательное значеніе (употреблено δακτυλῶς), какъ въ 205 ст. VII сат., гдѣ „hic“ несомнѣнно указываетъ на не названнаго Сократа, между тѣмъ какъ здѣсь указаніе на яма, къ которому относится „haec“ (Cressa) не умолчано, а находится тутъ же, въ слѣдующемъ стихѣ. Замѣчу еще, что въ глаголахъ „egubuit“ и „excaudit“ поэтъ, какъ мнѣ кажется, имѣлъ въ виду преднамѣренную антитезу, которую и старался выразить въ моемъ переводѣ, и что „se concussere ambae“ (въ 328 ст.) значить здѣсь „и обѣ встрепенулись“. Этотъ переводъ, во всякомъ случаѣ, ближе къ тексту, чѣмъ wurden rasend и тому подобныя. Наконецъ „rudor“ (въ 329 ст.) означаетъ здѣсь стыдъ, происходящій отъ сознанія совершеннаго преступленія или отъ сдѣланной ошибки, что, по мнѣнію поэта, заставляетъ женщину ненавидѣть того, кто былъ къ нимъ поводомъ.

Съ конца 299 до 345 ст. приводится печальная исторія Кая Силія, такъ хорошо разказанная Тацитомъ въ его анналахъ (XI, 26 и слѣд.). Дѣло въ томъ, что имъ плѣнилась столь извѣстная своими похождениями Мессалина и еще при жизни своего законнаго супруга, престарѣлаго и слабоумнаго кесаря Клавдія, задумала вступить въ бракъ съ этимъ красавцемъ („formosissimus“), съ соблюденіемъ всѣхъ, установленныхъ римскимъ ритуаломъ обрядовъ („legitime“). Ювеналъ и здѣсь очень вѣрно и безъ всякаго преувеличенія изобразилъ равныя подробности этого неслыханнаго скандала, о которомъ Клавдій дѣй-

ствительно узналъ послѣднимъ („ultimus“) послѣ чего участники его неминуемо должны были погибнуть. Упоминаемые (въ ст. 334) сады принадлежали въ прежнее время Лукуллу (horti Luculliani), а потомъ Валерію Азіатику, отъ котораго перешли къ Мессалинѣ. По Тациту, ова удалась туда уже послѣ брака, опасаясь отщепенія Клавдія

335. Здѣсь обозначено приданое Мессалины въ миллионѣ сестерцій: къ „decies centena“ нужно добавить millia sestercium и разумѣются здѣсь не sestercii, а sestercia (sestercium=1000 сестерцій). Подъ „Signatores“ разумѣются свидѣтели, которые подписывали брачныя условія (рукоприкладчики).

355. „Tomacula“ схолиастъ объясняетъ: „pinguia quaedam viscera“, стало быть, нѣчто въ родѣ нашихъ рубцовъ, а также сосиски или колбасы изъ свиного мяса, которое римляне очень любили. Это было дешевое кушанье, обычное въ римскихъ тавернахъ, какъ видно изъ Марціала (1,41), гдѣ онъ сокращенно пишетъ „tomacula“.

366. Прекрасное двуступіе, которымъ заканчивается сатира, повторяется и въ XIV сат. въ ст. 310 и слѣд. Такія повторенія не рѣдкость у Ювенала и приписывать ихъ позднѣйшимъ искаженіямъ или вставкамъ нѣтъ никакой нужды: таковъ былъ обычай поэта. Кромѣ того, отиѣтимъ въ стихѣ 365 вариантъ „habes“ и „abest“, при чемъ каждое изъ этихъ чтеній имѣетъ своихъ послѣдователей. Въ первомъ случаѣ смыслъ такой: ты, Фортуна, не имѣешь въ себѣ ничего божественнаго (вовсе не божество), если мы разумны, а во второмъ — всѣ боги за насъ и проч. Какъ въ стилистическомъ отношеніи, такъ и со стороны общей логической послѣдовательности, второе изъ означенныхъ чтеній, кажется мнѣ, удобнѣе перваго.

III. Благонѣжескій.

ЗАДАЧИ СОВРЕМЕННОЙ ЗООЛОГИИ ¹⁾.

Unsere Pflicht Arbeit, unsere Recht
freie Forschung — unsere Genugthu-
ung Feststellen eines Körnchens Wahr-
heit zum Wohle des Menschen — unsere
Hoffnung — Erkenntniss!

Eimer.

I.

Въ различные періоды развитія нашей науки господствовали различныя направленія. Строго говоря, прочный и нормальный ростъ каждой науки, конечно, основывается на гармоническомъ и пропорциональномъ ростѣ всѣхъ ея частей. Однако это положеніе применимо только при разсужденіи о громадныхъ періодахъ. Обыкновенно же въ ту или другую историческую эпоху работающая мысль устремляется въ ту или другую область данной науки, придавая тѣмъ самымъ этой отрасли значеніе преобладающей. Обусловливается подобное явленіе, конечно, не личными симпатіями и склонностями работниковъ даннаго времени, а болѣе глубокими законами развитія науки, выдвигающими на очередь вопросы того или другаго свойства. Еще не такъ давно Дарвинъ и Уэллсъ, опираясь главнымъ образомъ на данныя біологическаго и зоогеографическаго характера, создали понинѣ господствующую теорію и тѣмъ самымъ сосредоточили вниманіе ученаго міра на этихъ отрасляхъ зоологической науки.

Однако, какъ ни прочно были поставлены основныя положенія знаменитой книги Дарвина, они никогда не получили бы характера

¹⁾ Вступительная лекція, читанная въ 1889 г. въ О.-Петербургскомъ университетѣ.

осязательности, если бы не были блистательно подтверждены данными морфологии, эмбриологии и палеонтологии. Развѣ не былъ бы правъ любой скептикъ (а таковымъ долженъ быть каждый изслѣдователь), сказавъ: Если вы утверждаете генетическую преемственность формъ, то прежде всего покажите мнѣ ее во-очію? Теперь, благодаря успѣхамъ трехъ вышеупомянутыхъ отраслей зоологии, мы съ повѣстной гордостью укажемъ на такія блестящія приобретѣнія, какъ теорія конечностей, теорія единства развитія, генеология копѣтныхъ и т. п. Вотъ почему переживаемый нами періодъ въ зоологии можетъ быть охарактеризованъ, какъ періодъ преобладанія сравнительной анатоміи и эмбриологии.

Въ эти области направлено наибольшее количество рабочихъ силъ, здѣсь работали даровитѣйшіе умы нашего времени, на этомъ поприщѣ впервые русская зоология въ лицѣ Бэра, братьевъ Ковалевскихъ, Мечникова и др. вышла изъ сферы мѣстныхъ фаунистическихъ интересовъ и сразу заняла почетное мѣсто въ всемірнонаучномъ братствѣ. Знаніе добытыхъ въ этой области результатовъ является обязательнымъ для общеобразовательныхъ цѣлей.

Но современный зоологъ уже опять-таки сдѣлалъ еще шагъ впередъ. Его не удовлетворяетъ уже, напримѣръ, объясненіе прогресса въ животномъ мірѣ борьбой явленій наследственности и индивидуальности; возникаетъ вопросъ о причинахъ этихъ явленій. Между тѣмъ морфология не даетъ отвѣта на подобные вопросы. Вѣдь яйцо куриное, говоритъ Негели, на столько же отличается отъ лагушечьяго, на сколько сама курица отличается отъ лагушки. Отличія эти, очевидно, молекулярнаго характера. Зоология такимъ образомъ на нашихъ глазахъ вступаетъ въ новый періодъ развитія, которому и принадлежитъ будущее.

Идти по этой дорогѣ придется зоологу вмѣстѣ съ химикомъ и фیزیологомъ. Временно разошедшіися въ разныя стороны отрасли естествознанія, разошедшіися въ силу неизбежныхъ при историческомъ развитіи условій спеціализаціи, встрѣчаются опять на поприщѣ рѣшенія величайшихъ мировыхъ задачъ.

Надо сознаться, что въ данномъ направленіи покуда сдѣлано очень мало: мы имѣемъ одні гипотезы и попытки. Пусть эти попытки неудачны, пусть эти гипотезы ложны, но онѣ бросаютъ нѣкоторый свѣтъ впередъ, освѣщая тотъ путь, по которому направится работа будущаго.

II.

L'Œuvre
La vie, c'est le germe et le germe,
c'est la vie.

Pasteur.

Приступая къ изученію одной изъ отраслей биологій, весьма естественно задаться вопросомъ о границѣ между міромъ неорганическими или, правильнѣе, неорганизованными, и міромъ организованными. Чѣмъ отличаются явленія, наблюдаемыя въ животныхъ и растеніяхъ, отъ явленій такъ-называемой мертвой—*sit venia verbo*—природы? Не существуетъ ли какихъ-либо глубокихъ отличій въ химическомъ отношеніи между тѣлами того и другаго міра? Наконецъ, тѣ ли же самыя силы работаютъ въ организмѣхъ, съ какими мы имѣемъ дѣло въ нашихъ лабораторіяхъ?

Одинъ изъ замѣчательныхъ мыслителей нашего вѣка опредѣляетъ жизнь, какъ „опредѣленное сочетаніе разпородныхъ измѣненій, одновременныхъ и послѣдовательныхъ, въ соответствіи съ внѣшними сосуществованіями и послѣдовательностями“.

Не будемъ пугаться нѣсколько тяжеловѣсной формы этого опредѣленія; каждое слово его внесено на основаніи дѣлаго ряда строгихъ логическихъ умозаключеній и ни одно слово не можетъ быть отброшено безъ нарушенія полноты самого опредѣленія. Но тѣмъ не менѣе послѣднее подчеркнутое нами свойство на столько характерно для организмовъ, что оно одно указываетъ на сущность различія между живою и мертвою природою.

Въ самомъ дѣлѣ, чтó можетъ быть характернѣе для живаго существа, какъ его отзывчивость на измѣненія въ окружающей средѣ, будь то измѣненіе температуры или прикосновеніе съ другимъ тѣломъ?

Положимъ, разсуждаетъ далѣе Спенсеръ, котораго я только что цитировалъ, неорганизованныя тѣла также подлежатъ измѣненіямъ въ зависимости отъ измѣненій среды. Это знаетъ каждый изъ ежедневнаго опыта. Но стоитъ прослѣдить за дальнѣйшею судьбой вызваннаго въ живомъ тѣлѣ измѣненія, чтобы убѣдиться въ различіи явленій: каждое измѣненіе живаго тѣла вызываетъ неизбѣжно другія измѣненія, притомъ эти послѣднія удивительнымъ образомъ стоятъ въ соответствіи съ окружающими условіями.

Прикоснитесь къ любой части тѣла какого-нибудь высшаго животнаго, — вы вызовете опредѣленное измѣненіе въ нервномъ веще-

ствѣ, это измѣненіе черезъ рефлекторный аппаратъ передается мышцамъ, и результатомъ передачи будетъ вполне цѣлесообразное движеніе ноги или другой части тѣла, къ которой вы прикоснулись: животное отдернетъ ее. Поднимите температуру окружающей васъ среды,—вы вызовете вполне цѣлесообразное выдѣленіе пота, являющееся конечнымъ членомъ цѣлаго ряда измѣненій, вызванныхъ перемѣной температуры.

Ничего подобнаго не замѣтите при измѣненіяхъ, вызванныхъ въ мертвыхъ тѣлахъ: опредѣленное измѣненіе среды вызываетъ въ нихъ только опредѣленное измѣненіе химическихъ и физическихъ свойствъ, но на этомъ дѣло и останавливается. Иначе и быть не можетъ, ибо сама жизнь есть не что иное, какъ „безпрерывное приспособленіе внутреннихъ отношеній къ вѣшнимъ“. Гдѣ есть жизнь—тамъ есть приспособленіе, и на оборотъ, приспособленіе есть вѣрный признакъ жизни.

Другая прежде всего бросающаяся въ глаза особенность организмовъ—это ихъ ростъ. Спенсеръ не совсѣмъ правъ, говоря, что ростъ не болѣе, какъ характерная черта, а отнюдь не особенность организмовъ.

Безусловно вѣрно, что растутъ кристаллы, растутъ геологическое отложение, растутъ многія неорганизованныя тѣла, но ростъ организма глубоко отличается отъ роста кристалла и тому подобныхъ тѣлъ. Де-Кандоль называетъ ростъ организмовъ формативнымъ или пластическимъ, ибо онъ приводитъ къ образованію формъ. Кристаллы образуются согласно извѣстному порядку соединенія опредѣленныхъ частицъ, но никогда кристаллизующееся вещество не переходитъ изъ одного кристаллическаго состоянія въ другое. Созданная человекомъ машина напоминаетъ организмъ по координированности движеній, но созданіе машины, обладающей пластическимъ ростомъ и способностью воспроизвести другую собѣ подобную машину, въ силъ человека.

Конечно, пластическій ростъ, какъ частный случай движенія, есть все-таки результатъ предварительной внутренней физической и химической работы. Возьмите растеніе въ стадіи сѣмени, которое, какъ показалъ Фавръ, способно при извѣстныхъ условіяхъ пролежать со времени ледниковаго періода до нашихъ дней въ состояніи покоя и обратите вниманіе, какъ это дѣлаетъ Де-Кандоль, при какомъ измѣненіи этихъ условій покой смѣняется дѣятельностью. Нужно воздѣйствіе жидкости, воздѣйствіе кислорода, а для дальнѣйшаго роста нужно

воздѣйствіе свѣта. Въ растеніяхъ видоизмѣненіе физическаго и химическаго движенія, повидяному, ограничивается исключительно движеніемъ пластическимъ, но въ животномъ организмѣ существуетъ другое видоизмѣненіе тѣхъ же силъ: движенія нервныя. Недавній споръ между Готье, съ одной стороны, и Ришэ и Герценомъ—съ другой, невольно наводитъ на мысль, что всѣ попытки разсматривать нервныя движенія (въ широкомъ смыслѣ), какъ нѣчто не подлежащее закону преемственности силъ, основаны частью на дурно понятыхъ наблюденіяхъ, частью на недоразумѣніяхъ.

Впрочемъ, нервныя движенія не есть обязательная принадлежность организма и для нашей цѣли вполне достаточно установить, что пластическій ростъ, будучи видоизмѣненіемъ процессовъ, вызванныхъ внѣшними вліяніями, есть частный случай внутренняго измѣненія организма въ соотвѣтствіи съ измѣненіемъ внѣшнихъ условій. Мы пришли, хотя другимъ путемъ, къ тому же Спенсеровскому опредѣленію жизни, съ коего начали. Если дѣйствующія внутри организма силы суть тѣ же естественныя силы природы, которыя дѣйствуютъ и внѣ его, если тѣ частные случаи кажущихся исключеній, на какіе указываетъ, напримѣръ, Бунге и другіе виталисты, не болѣе какъ результаты неполноты нашихъ свѣдѣній, то почему же синтетическое созданіе организма составляетъ до сихъ поръ непреодолимую задачу?

Допустимъ, что различіе между живой и мертвой плазмой чисто молекулярнаго характера, но мы не въ состояніи создать и мертвой плазмы. Вопросъ сводится, конечно, не къ тому, на сколько велики или малы успѣхи химіи бѣлковыхъ веществъ, а къ тому, можемъ ли мы надѣяться при современномъ направленіи связанной отрасли химической науки на желанное торжество синтеза?

Предоставимъ отвѣтить на этотъ вопросъ самимъ химикамъ. Послушаемъ Пастера. Всѣ окружающіе насъ предметы могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: одни изъ нихъ имѣютъ плоскость симметріи, то-есть, могутъ быть раздѣлены на двѣ симметричныя половины, другіе—на оборотъ—являются диссимметричными. Тѣло человѣческое симметрично, но отдѣльныя части его—рука, ухо, глазъ и т. п. диссимметричны. То же можно сказать о молекулярной симметріи химическихъ соединений: въ природѣ есть вещества съ диссимметрической группировкой атомовъ и съ симметрической. Извѣстны вещества, которыя, будучи совершенно тождественны по составу, тѣмъ не менѣе различно относятся къ поляризованному лучу: одни откло-

няют его влѣво, другія—вправо. Изученіе кристаллической формы подобныхъ веществъ показало, что и кристаллы ихъ диссимметричны, при чемъ уже по направленію геміэдрическихъ плоскостей можно судить, влѣво или вправо будетъ отклонить растворъ данной соли поляризованный лучъ. Для многихъ соединений мы не знаемъ ихъ диссимметрическихъ двойниковъ, хотя а priori возможно ихъ существованіе: мы знаемъ только лѣвую бѣлковину, только лѣвый хининъ, но не знаемъ правыхъ. Рядомъ съ подобными веществами мы встрѣчаемъ въ природѣ соединенія симметрическія, не оказывающія никакого вліянія на поляризованный лучъ. Интересно, что иногда эти вещества бывають тождественны по составу съ диссимметрическими и въ такомъ случаѣ въ составъ ихъ входятъ кристаллы двойкіе: правые и лѣвые.

Обратимся теперь къ организмамъ и увидимъ замѣчательную особенность: большинство веществъ, входящихъ въ составъ животныхъ и растений, диссимметричны. „... Когда солнечный лучъ падаетъ на зеленый листъ“, говоритъ Пастеръ, — „и углеродъ угольной кислоты, водородъ воды, азотъ аммоніака и кислородъ той же кислоты и той же воды образуютъ составныя части растенія, обуславливающія его ростъ, тогда образуются тѣла диссимметричныя. На оборотъ, если вы начнете соединять самими разнообразными способами тѣже самые элементы — будь вы наиболѣе искусный изъ химиковъ — вы получите всегда соединеніе, не представляющее диссимметрію“.

Синтезъ, происходящій въ вѣдрахъ организма, даетъ диссимметрическое соединеніе; синтезъ нашей лабораторіи, то-есть, синтезъ мертвой природы, даетъ соединенія симметрическія.

Въ чемъ же причина этого различія? Пастеръ полагаетъ, что химикъ не располагаетъ тѣми диссимметрическими силами, которыя находятся въ распоряженіи природы.

Соленондъ, земля съ ея электрическими токами по схемѣ Ампера, сама солнечная система съ ея движеніемъ въ сущности тѣла диссимметрическія. Подобно тому, какъ диссимметрическія соединенія организмовъ есть продуктъ дѣятельности силъ диссимметрическихъ, само мірозданіе—проявленіе тѣхъ же силъ. Тайна микрокосма и тайна макрокосма задернуты общею завѣсой. Заставьте работать въ вашихъ лабораторіяхъ диссимметрическія силы магнетизма, сѣта и т. п., обратитесь къ диссимметрическимъ соединеніямъ и вы приблизитесь болѣе къ живой природѣ. Итакъ, организованный міръ отличается

отъ міра неорганизованнаго двумя особенностями: во-первыхъ, присущей всѣмъ организованнымъ тѣламъ въ живомъ состояніи способностью реагировать соотвѣтственными и внутренними измѣненіями на измѣненія внѣшнія; во-вторыхъ, преобладаніемъ диссинметрическихъ соединеній въ составѣ организмовъ.

Различіе между животнымъ и растительнымъ организмомъ теряется при изученіи нѣзвѣданныхъ представителей того и другаго царства, ибо, конечно, жизнь явилась изъ одного источника, только послѣдствіемъ раздѣливаемаго на два гигантскихъ потока. Тѣмъ не менѣе, если отвлечься отъ отдѣльныхъ исключеній, каковы грибы, пазіомодныя растенія и т. п., то различіе между этими потоками можетъ быть характеризовано двумя, однако отрицательнаго свойства, чертами: ни одно животное не можетъ создать синтетически крахмала и бѣлка, что дѣлаетъ большинство растеній; ни одно растеніе не обладаетъ способностью превращать физическія и химическія движенія въ нервы, что дѣлаетъ значительное большинство животныхъ.

Какъ слѣдствіе перваго положенія вытекаетъ и различіе ролей растительнаго и животнаго міра въ эволюціи природы: синтезъ характеризуетъ первый міръ, анализъ — второй.

III.

La fécondation est la condition de la continuité de la vie. Par elle le générateur échappe à la mort.

Van-Beneden.

Основная составная часть организмовъ, даже болѣе — единственное способное къ жизни въ указанномъ смыслѣ вещество — это протоплазма, то-есть, смѣсь бѣлковыхъ соединеній, для коихъ не только рациональная, но и эмпирическая формула не установлена. Въ какой же формѣ является протоплазма въ природѣ? Покуда у насъ нѣтъ одинъ вполне достовѣрный отвѣтъ: въ формѣ клѣтокъ, то-есть, въ формѣ участковъ разнообразной формы, содержащихъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ особое измѣненіе той же плазмы — ядро.

Роль этого послѣдняго, какъ увидимъ, на столько важна въ жизни клѣтки, что тѣ случаи, когда описывались клѣтки безъядерныя, заслуживаютъ особаго вниманія. Къ нѣкоторымъ изъ этихъ случаевъ, какъ, наприимѣръ, къ описаннымъ Геккелемъ монерамъ, мы, ка-

жется, въ правѣ отнести скептически, въ другихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ клетками и организмами утерявшими ядро. Исключеніе составляютъ едва ли не одніе бактеріи, но и тутъ затруднительно сказать, имѣемъ ли мы дѣло съ безъядерными организмами или съ ядрами, почти лишенными плазмы?

Оставляя въ сторонѣ бактерій, мы приходимъ къ заключенію, что единицей современнаго организованнаго міра является клетка. А ргіогі, конечно, должны были существовать организмы болѣе простые, чѣмъ клетки, но мы не можемъ сказать и здѣсь, какъ и по отношенію къ бактеріямъ, въ чемъ состояло упрощеніе: въ отсутствіи ядра или въ отсутствіи плазмы?

Клѣточная теорія — одно изъ капитальнѣйшихъ пріобрѣтеній нашего столѣтія, когда и было собственно закончено ея построеніе, начало котораго нужно отнести чуть ли не къ XVII столѣтію. Всѣ попытки поколебать это прочное зданіе до сихъ поръ оставались безуспѣшными.

Можно выставить, какъ основное положеніе современной морфологии, что каждый организмъ представляетъ собою или клетку, или колонію клетокъ. У простѣйшихъ животныхъ, гдѣ одноклѣточность является преобладающей, но гдѣ встрѣчаются однако и колоніи, каждый членъ послѣднихъ сохраняетъ извѣстную долю независимости и потенциально каждый членъ обладаетъ основными свойствами клѣтки: раздражимостью, способностью къ движенію, питанію и размноженію. У высшихъ животныхъ каждая особь точно также проходитъ стадію одноклѣточного организма или яйца—*omne vivum ex ovo*; точно также путемъ дѣленія этой первичной клѣтки образуется колонія клѣтокъ, но далеко не всѣ члены колоніи остаются равнозначущими. Развиваятѣ или другія изъ основаныхъ свойствъ въ ущербъ прочимъ, иначе говоря специализируясь и раздѣляя физиологическій трудъ между собой, клѣтки высшаго организма слагаются въ агрегаты однородныхъ клѣтокъ или ткани, и весьма часто совершенно терять свою самостоятельность. Способность къ воспроизведенію новой особи сохраняется за немногими клѣтками, половыми.

Если каждая клѣтка колоніи простѣйшихъ обладаютъ способностью къ воспроизведенію новой особи, то очевидно, что подобную колонію мы можемъ разсматривать, какъ агрегатъ половыхъ клѣтокъ, а каждое простѣйшее животное, какъ свободную половую клѣтку. Конечно, можно указать на необходимость слиянія двухъ половыхъ клѣтокъ у высшихъ животныхъ—мужской и женской, для

образованія новой особи, но это указаніе въ сущности нисколько не противорѣчитъ нашему положенію. Съ одной стороны, во многихъ случаяхъ при размноженіи высшихъ животныхъ особъ можетъ развиться на счетъ одной женской кѣтки безъ участія мужской, партеногенетически, какъ выражаются зоологи. Но и мужская кѣтка потенциально обладаетъ способностью къ воспроизведенію новой особи, что особенно хорошо видно на растеніяхъ, на примѣръ, на хвойныхъ, гдѣ мужской элементъ обладаетъ способностью къ простанію, какъ и женскій. У животныхъ мужская кѣтка слѣшкомъ специализировалась, но все-таки при извѣстныхъ условіяхъ обладаетъ способностью пачать дѣлиться, то-есть, развивать колонію. Съ другой стороны, у простѣйшихъ также существуетъ процессъ, аналогичный оплодотворенію, процессъ состоящій въ полномъ или временномъ сліяніи двухъ или болѣе особей, при чемъ эти особи иногда одинаковы, а иногда представляютъ значительное различіе въ величинѣ, формѣ и т. п., напоминающее различіе между женскою и мужскою половую кѣткою у высшихъ животныхъ.

Морфологическая сторона оплодотворенія сводится къ сліянію двухъ кѣтокъ, а равно ихъ ядеръ. Морфологическая сторона аналогического процесса у низшихъ мало изучена, но при временномъ сліяніи ядра двухъ особей также приходитъ въ тѣсное соприкосновеніе. Аналогія полная: что же касается до сущности того и другаго процесса, то они оба покуда остаются тайной. Фразы въ родѣ: обновленіе соковъ, усиленіе производительной способности и т. п. остаются ничего не объясняющими фразами.

Продолжимъ нашу аналогію дальше: всѣ виды размноженія простѣйшихъ могутъ быть сведены къ простому дѣленію. Простѣйшее животное не умираетъ: оно дѣлится. Конечно, механическая смерть возможна, но принципиально каждое простѣйшее является бессмертнымъ. Обратимся къ высшимъ животнымъ. Смерть тамъ составляетъ естественный, фізіологически необходимый процессъ, но опять-таки умираетъ не вся особь. Ея половыя кѣтки размножаются, создаютъ новое поколѣніе, однимъ словомъ переживаютъ особь. Но вѣдь половыя кѣтки этого новаго поколѣнія повторяютъ то же самое и т. д. до безконечности, на сколько это слово прилѣпимо къ жизни нашей планеты. Половыя кѣтки высшихъ животныхъ, подобно простѣйшимъ, являются бессмертною частью организма, нитью, связующею яды смертныхъ поколѣній.

IV.

Ohne Hypothese und Theorie
gibt es keine Naturforschung.
Weismann.

Консервативный элемент природы живаго организма составляет способность половой кѣтки создавать особь, тождественную съ особью, которой эта кѣтка принадлежала, иначе говоря, наследственность.

Полная тождественность однако никогда не достигается, ибо одновременно дѣйствуетъ другой могучій факторъ: стремленіе къ индивидуальности. Поэтому весьма естественны вопросы, въ чемъ лежитъ причина явленій наследственности и индивидуальности? Какія свойства организмовъ наследственны, какія нѣтъ? Первая попытка научно отвѣтить на эти вопросы принадлежитъ Дарвину. Причину явленій наследственности, конечно, нужно искать въ молекулярномъ составѣ половыхъ кѣтокъ, что Дарвинъ и дѣлаетъ. Онъ предполагаетъ, что половыя кѣтки есть комплексъ мельчайшихъ частицъ, отдѣлившихся отъ всѣхъ кѣтокъ организма. Если каждая подобная частица есть носительница всѣхъ свойствъ той кѣтки, отъ которой она произошла, то понятно, что половая кѣтка будетъ носить въ себѣ въ скрытомъ состояніи свойства всѣхъ кѣтокъ организма. Эта гипотеза, на которую самъ Дарвинъ смотрѣлъ какъ на временную, въ настоящее время имѣетъ только историческое значеніе. Можно доказать, что незначительная величина половыхъ кѣтокъ прямо противорѣчитъ этой гипотезѣ, хотя бы каждая предполагаемая частица не превосходила своею величиной минимальной бѣлковой молекулы.

Для насъ гораздо важнѣе, какъ смотрѣлъ Дарвинъ на вопросъ о происхожденіи индивидуальныхъ уклоненій и передачи ихъ по наследству. „Изъ фактовъ, приведенныхъ въ этой главѣ“, говоритъ Дарвинъ, — „мы можемъ заключить, что измѣчивость органическихъ существъ при одомашненіи, не смотря на свою общность, не составляетъ однако необходимаго спутника развитія или размноженія, но зависитъ отъ условій, которымъ подвергались родители“. „Нѣкоторыя измѣненія являются вслѣдствіе прямого дѣйствія окружающихъ условій на весь организмъ или только на нѣкоторыя части его, а другія измѣненія обуславливаются косвеннымъ образомъ, черезъ нарушеніе производительной системы такимъ же образомъ,

какъ обыкновенно случается съ организмами при удаленіи изъподъ вліянія естественныхъ условій⁴.

При этомъ Дарвинъ допускаетъ наследственную передачу всѣхъ сказаанныхъ измѣненій. Очевидно, что признаки, приобретенные подъ непосредственнымъ вліяніемъ вышнихъ условій, весьма естественно съ точки зрѣнія изложенной выше гипотезы переносятся въ половыя клѣтки странствующими частицами, оторвавшимися отъ клѣтокъ, подвергнувшихся измѣненію. Съ этой точки зрѣнія возможна наследственная передача даже механическихъ поврежденій.

Отмѣтимъ при этомъ, что Дарвинъ первоначальный импульсъ къ измѣненію организмовъ полагаетъ въ ихъ самихъ, то-есть, во вышнихъ условіяхъ, при чемъ иногда „всѣ или почти всѣ особи измѣняются одинаковымъ образомъ“. „Но гораздо чаще случается, что измѣненныя условія, дѣйствуютъ ли они непосредственно на организацію, или черезъ воспроизводительную систему, вызываютъ неопредѣленныя, колеблющіяся измѣненія“.

Эти послѣдствія и составляютъ необходимый матеріалъ для формирования новыхъ особенностей подъ вліяніемъ борьбы за существованіе.

Обратимся къ гипотезѣ Негели, представляющей вторую попытку объяснить явленія прогресса въ органическомъ мірѣ молекулярно-физиологическими измѣненіями плазмы.

Чрезвычайное несоотвѣтствіе въ величинѣ мужскихъ и женскихъ клѣтокъ, несколько не вліяющее на одинаково постоянную и въ общемъ равносильную передачу особенностей какъ отца, такъ и матери, заставило Сакса и Негели сдѣлать допущеніе, что не вся плазма половой клѣтки есть носительница наследственныхъ свойствъ, но только нѣкоторая часть ея. Негели назвалъ эту часть идиоплазмой, а прочую часть, имѣющую значеніе питательнаго запаса, — стереоплазмой. Если идиоплазма есть носительница наследственныхъ свойствъ организма, то каждое такое свойство стоитъ въ причинной связи съ опредѣленнымъ молекулярнымъ построеніемъ самой идиоплазмы. Всего удобнѣе, по мнѣнію Негели, представить себѣ идиоплазму въ видѣ сѣти параллельныхъ рядовъ микроскопически невидимыхъ тѣлецъ или мицеллъ, при чемъ каждое измѣненіе въ расположеніи мицеллярныхъ рядовъ соответствуетъ тому или другому наследственному измѣненію свойствъ организма. Чѣмъ выше организмъ, чѣмъ разнообразнѣе и многочисленнѣе его наследственные свойства, тѣмъ сложнѣе строеніе идиоплазматической сѣти.

Вышнія условія, конечно, вліяютъ на организмъ, но чаще всего

измѣненія, возникшія подѣ влияніемъ этихъ условій, существуютъ только, покуда существуютъ сами условія. Правда, вѣншія влиянія при извѣстной степени напряженія и концентрации въ теченіи долгаго времени могутъ вызвать наследственные измѣненія, но эти наследственные измѣненія носятъ всегда характеръ приспособленія къ средѣ и условіямъ жизни. Главныя же импульсы прогрессивныхъ измѣненій лежатъ, вопреки Дарвину, въ самихъ организамахъ, въ свойствахъ ядіоплазмы къ прогрессивному совершенствованію подѣ влияніемъ внутренняго побужденія.

Для того, чтобы объяснить передачу измѣненій, происходящихъ въ организмѣ по наследству, Негели допускаетъ, что всѣ части ядіоплазмы организма находятся въ непрерывной связи, такъ что всякое, даже строго локализованное, измѣненіе мицеллярныхъ рядовъ провведетъ перетасовку мицеллъ во всемъ организмѣ, ergo и въ половыхъ клѣткахъ. Поэтому всякое измѣненіе мицеллярныхъ рядовъ неизбежно вызоветъ измѣненіе свойствъ слѣдующаго поколѣнія, хотя иногда эти измѣненія могутъ долгое время, даже въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній оставаться въ скрытомъ, латаргическомъ состояніи, но при благоприятныхъ обстоятельствахъ могутъ проявляться со всей силой. Отсюда понятны явленія перемежаемости поколѣній, когда, напримѣръ, въ двухъ слѣдующихъ другъ за другомъ поколѣніяхъ одного и того же вида проявляются поочередно совершенно различныя, но тѣмъ не менѣе постоянныя свойства и особенности организаціи. Оплодотвореніе, то-есть, смѣшеніе мицеллярныхъ рядовъ отца и матери, а равно и скрещиваніе, то-есть, смѣшеніе мицеллярныхъ рядовъ двухъ видовъ, особенно способствуетъ проявленію зачатковъ, находившихся въ скрытомъ состояніи.

Самый ростъ организма есть процессъ вѣдренія новыхъ мицеллъ безъ измѣненія въ расположеніе рядовъ. Поэтому ростъ не ведетъ къ измѣненію свойствъ слѣдующаго поколѣнія. Но малѣйшее измѣненіе въ расположеніи выражается въ появленіи или исчезновеніи того или другаго признака; а такъ какъ это измѣненіе распространяется каждый разъ на всѣ клѣтки организма, то потенциально каждая клѣтка послѣдняго можетъ воспроизвести новую особь или новую часть тѣла. Отсюда понятны явленія возстановленія утерянныхъ органовъ, явленія размноженія при помощи дѣленія и почкованія у высшихъ животныхъ, когда часть животнаго вырастаетъ въ новую особь.

Не будемъ вдаваться въ дальѣйшія детали изложенія этой те-

орин. Онѣ составляютъ логическое развитіе вышеназженныхъ основъ ея. Главнѣйшее отличіе биологической стороны этой теоріи отъ таковой Дарвина, конечно, лежитъ въ привидѣніи внутренняго импульса къ прогрессу, тогда какъ внѣшнія вліянія вызываютъ только явленія приспособленія, а борьба за существованіе имѣетъ чисто отрицательное значеніе, въ смыслѣ фактора; способствующаго вымирацію промежуточныхъ стадій.

Молекулярная сторона теоріи Негеля отличается отъ Дарвиновой допущеніемъ потенциальной идентичности свойствъ всѣхъ клѣтокъ организма при условіи ихъ взаимной связи. По поводу взгляда Негеля на значеніе внѣшнихъ условій и на главный импульсъ къ прогрессу весьма остроумное замѣчаніе дѣлаетъ Вейсманъ. Чтобы убѣдиться въ неудобствѣ Негелевыхъ воззрѣній, стоитъ ихъ приложить къ какому-нибудь конкретному случаю. Вейсманъ беретъ для примѣра группу китовъ, имѣвшихъ несомнѣнно предками наземныя формы. Нѣтъ ли одной системы органовъ у китовъ, которая не несла бы очевидныхъ чертъ приспособленія къ водной жизни. Стоитъ намъ мысленно отнять у китовъ эти характерныя черты, вызванныя приспособленіемъ, получается „не болѣе, какъ общая схема млекопитающаго; но вѣдь она была представлена и ранѣе появленія китовъ ихъ предками“. Отсюда мы должны заключить, что внутреннее стремленіе къ совершенствованію не принимало никакого участія въ созданіи китообразныхъ, а отвести послѣднее всецѣло на долю внѣшнихъ условій и приспособленія къ нимъ.

Въ животномъ царствѣ крайне многочисленны случаи ретроградациі или упрощенія животныхъ, особливо подъ вліяніемъ паразитизма, — явленіе, возможное только при условіи приостановки дѣятельности этого внутренняго импульса. Допущеніе этой внутренней силы, оказывается, вноситъ большую путаницу въ пониманіи отдѣльныхъ фактовъ, но также мало помогаетъ общему разумнѣю прогресса, какъ и старое натурфилософское воззрѣніе на этотъ предметъ Ламарка и Эразма Дарвина. По мнѣнію дѣда гениальнаго творца современной генетической теоріи, то „живое волокно“, отъ котораго произошли всѣ теплокровныя животныя, было одарено способностью „совершенствоваться въ силу своей собственной врожденной дѣятельности“. Съ другой стороны, для торжества гипотезы Негеля необходимо доказать взаимную связь всѣхъ клѣточныхъ элементовъ животнаго организма, то-есть, необходимо доказать

гипотезу Гейдманна, на что очень мало надежды. Въ животномъ организмѣ рядомъ съ элементами, стоящими между собою въ связи, на которые ссылается Гейдманнъ, имѣются элементы совершенно свободные и прямо противорѣчащіе своимъ присутствіемъ, какъ это замѣчаетъ Келликеръ, увоманутой гипотезѣ. Мало того: цѣлый рядъ соображеній говоритъ за то, что идиоплазма Негели представлена ядернымъ веществомъ. Роль ядра при оплодотвореніи на столько громадна, что не невѣроятны случаи, когда только одно ядро и играетъ роль оплодотворяющаго элемента, какъ это описалъ Страсбургеръ. Опытныя изслѣдованія простѣйшихъ показали, что оторванные части этихъ животныхъ только въ томъ случаѣ обладаютъ восстановительной способностью, если содержатъ въ себѣ ядерное вещество. Келликеръ цѣлымъ рядомъ соображеній показалъ, что ростъ и формировка организмовъ главнымъ, хотя не исключительнымъ, образомъ зависятъ отъ дѣятельности ядеръ. Если же мы, въ силу этихъ соображеній, допустимъ, что идиоплазма представлена ядернымъ веществомъ, то отсутствіе всякой связи между отдѣльными участками идиоплазмы, то-есть, ядрами клѣтокъ, дѣлается очевиднымъ, и очевидна также бездоказательность одного изъ главныхъ положеній Негели. Оставимъ пока въ сторонѣ вопросъ о внѣшнихъ вліяніяхъ. Къ нему мы еще вернемся. Если же мы допустимъ, что между отдѣльными частями идиоплазмы нѣтъ никакой связи, то какими образомъ объяснить механизмъ передачи наследственныхъ свойствъ?

Последнюю и новѣйшую попытку отвѣтить на этотъ вопросъ дѣлаетъ Вейсманнъ. Мы видѣли выше, что половыя клѣтки являются какъ бы непрерывною, не умирающею нитью, связующею рядъ смертныхъ организмовъ. Стоитъ допустить, какъ это дѣлаетъ Вейсманнъ, что ядерное вещество половыхъ клѣтокъ, являющееся носителемъ наследственныхъ свойствъ, передается изъ одного поколѣнія въ другое безъ кореннаго измѣненія, и намъ станетъ понятенъ механизмъ передачи наследственныхъ свойствъ. Извѣстное постоянство молекулярнаго строенія ядернаго вещества половой клѣтки, или зародышевой плазмы, по терминологіи Вейсманна, есть необходимое условіе постоянства наследственной формы. Для теоріи Вейсманна нѣтъ логической необходимости доказывать непосредственную преемственность половыхъ клѣтокъ, для нея достаточно допущеніемъ преемственности и непрерывности зародышевой плазмы, молекулы которой могутъ быть разсѣяны въ ядрахъ той или другой ткани. Не надо смѣшивать

повятія идіоплазмы Негели съ зародышевою плазмой Вейсманна. Послѣдняя есть идіоплазма половыхъ кѣтокъ, а идіоплазма прочихъ кѣтокъ организма, хотя и есть производное той же зародышевой плазмы, но является значительно упрощенною. Зародышевая плазма заключаетъ въ себѣ свойства идіоплазмы всѣхъ будущихъ кѣтокъ организма. Свойства эти распредѣляются впоследствии между отдѣльными кѣтками организма, что обусловливается распредѣленіемъ между этими кѣтками различныхъ молекулъ зародышевой плазмы.

Если гипотеза Вейсманна объясняетъ передачу наследственныхъ свойствъ, то какъ же объяснить передачу признаковъ, приобретенныхъ организмомъ? Вейсманнъ разрушаетъ узелъ: приобретенные подъ влияніемъ вѣшнихъ воздѣйствій признаки вовсе не передаются. Покуда мы имѣемъ дѣло съ простѣйшими, гдѣ размноженіе равнозначуще съ послѣдовательнымъ дѣленіемъ, передача благоприобретенныхъ особенностей остается возможною. Разъ возникаетъ половое размноженіе, зародышевая плазма становится вѣ условій передачи подобныхъ признаковъ. Тысячелѣтія отдѣльныя народности говорятъ все тѣмъ же языкомъ, однако дѣти остаются все-таки одинаково и безразлично воспріимчивы къ изученію языка своего или иноземнаго. Тысячелѣтія самки многихъ животныхъ въ поколѣвія въ поколѣвія лишаются дѣвственной плены, однако потомство попрежнему рождается самъ.

Если не вѣшнія условія и не внутренній импульсъ Негели даютъ толчокъ къ измѣненію высшихъ животныхъ, то чѣмъ же эти измѣненія обусловливаются? — Перетасовкой молекулъ при оплодотвореніи, то-есть, при слияніи двухъ зародышевыхъ плазмъ. Если размноженіе идетъ дѣвственнымъ путемъ, безъ оплодотворенія, — нѣтъ мѣста для индивидуальныхъ колебаній.

Посмотримъ, какъ прилагается гипотеза Вейсманна къ конкретнымъ случаямъ. Возьмемъ случай кажущейся передачи признаковъ, приобретенныхъ долговременнымъ упражненіемъ, напримѣръ, сильно развитаго крыла птицы. Казалось бы, тутъ мы имѣемъ примѣръ передачи признака, не наследованнаго отъ родителей. На самомъ дѣлѣ нѣтъ. Въ силу указанной перетасовки молекулъ при оплодотвореніи появляются въ потомствѣ данной пары особи съ склонностью къ дальнѣйшему развитію крыла рядомъ съ особями, лишенными этой склонности, или даже съ особями, склонными къ ослабленію крыла. Между тѣмъ борьба за существованіе дѣлаетъ свое дѣло. Первые особи выживаютъ, вторыя и третья — гибнутъ. Такъ изъ поколѣвія

въ поколѣніе, а въ результатѣ постепенное, но неуклонное развитіе крыла.

Возьмемъ обратный примѣръ. Крыло птицы при одомашненіи слабѣетъ. Этой судьбѣ подвержены всѣ органы, остающіеся безъ употребленія.

По толкованію Вейсмана, здѣсь происходитъ обратное явленіе. Родятся особи съ болѣе сильными и съ болѣе слабыми крыльями, какъ это имѣло мѣсто и въ натуральныхъ условіяхъ, но тамъ борьба за существованіе устраняла послѣднихъ. При одомашненіи этотъ могучій факторъ перестаетъ дѣйствовать. Переживаютъ одинаково особи съ слабыми и съ сильными крыльями, одинаково успѣшно скрещиваются и плодятся. Отсюда постепенное ослабленіе крыла у потомства, ослабленіе кажущееся на первый взглядъ вызваннымъ неупотребленіемъ, а на самомъ дѣлѣ обусловленное приотставкой борьбы за существованіе.

Извѣстно, напримѣръ, что осѣдлыя птицы и другія животныя въ мѣстностяхъ, не посѣщавшихся человекомъ, не обнаруживаютъ по отношенію къ послѣднему никакой боязни. Съ появленіемъ человека черезъ нѣсколько лѣтъ дѣлаются пугливыми, какъ и всюду. Дарвинъ объясняетъ это обстоятельство возникновеніемъ новаго инстинкта. По Вейсманну, дѣло объясняется иначе: между птицами, напримѣръ, существуютъ особи, отъ природы одаренныя рефлекторнымъ аппаратомъ, то болѣе чувствительнымъ, то менѣе. Перыя болѣе способны развитъ пугливость до высшей степени, вторыя менѣе способны. Съ появленіемъ человека начинается истребленіе птицъ, при чемъ менѣе пугливыя отъ природы истребляются съ болѣею успѣшностью, а болѣе пугливыя имѣютъ болѣе шансовъ оставить потомство и т. д.

Наконецъ, еще одинъ примѣръ. Извѣстно, что у муравьевъ, пчелъ и другихъ, кромѣ самцовъ и самокъ, имѣются рабочія особи, то-есть, самки съ недоразвитыми половыми органами, нормально не дающія потомства. Тѣмъ не менѣе существенная роль въ жизни общины принадлежитъ именно рабочимъ. Есть нѣкоторые инстинкты, напримѣръ, рабовладѣльческій, которые по самой своей сущности могли возникнуть только послѣ обособленія въ общинѣ рабочей стаи, какъ говорятъ зоологи. Но эти инстинкты весьма часто распространяются только на рабочихъ и могли возникнуть только у рабочихъ. Спрашивается, какъ эти инстинкты могли передаться потомству, въ воспроизведеніи коего рабочіе не принимаютъ участія? Что они не пере-

даются чрезъ подражаніе, это доказывается случаями основанія новой общины иногда одною самкой, какъ показала Леббокъ, самкой, которая, сама будучи лишена многихъ изъ этихъ инстинктовъ, даетъ потомство, обладающее ими.

Съ точки зрѣнія Вейсмана эта передача понятна. Означенные инстинкты есть результатъ молекулярнаго измѣненія зародышевой плазмы, которое распространяется на всѣ стазы, то-есть, и на самцовъ, и на самокъ, и на рабочихъ. Но у половыхъ особей эти инстинкты остаются въ скрытомъ, летаргическомъ состояніи, а у рабочихъ получаютъ полное развитіе. Всякое измѣненіе зародышевой плазмы, ведущее къ полезному для вида измѣненію инстинкта отдѣльныхъ рабочихъ особей, даетъ перевѣсъ данному виду въ борьбѣ за существованіе и, слѣдовательно, даетъ шансы на переживаніе потомства, обладающаго именно этими измѣненіями. Опыты показываютъ, что изъ оплодотвореннаго яйца пчелы развиваются смотря по условіямъ, то самки, то рабочія ¹⁾; слѣдовательно, зародышевая плазма обѣихъ стазъ тождественна, и все дѣло въ условіяхъ. Означенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы выяснитъ суть и значеніе точки зрѣнія Вейсмана.

Посмотримъ теперь, какія возраженія могутъ быть противопоставлены изложенной гипотезѣ.

Прежде всего нужно ли допускать концентрацію всѣхъ идиопластическихъ свойствъ будущихъ кѣлокъ организма въ половой кѣлкѣ и дальнѣйшую разсортировку этихъ свойствъ по отдѣльнымъ кѣлкамъ, какъ это дѣлаютъ Вейсманъ и Негели?

Съ одинаковымъ, если не съ большимъ правомъ мы можемъ допустить, что сущность развитія сводится къ видоизмѣненію основныхъ свойствъ половой кѣтки, свойства, можетъ быть, весьма ограниченныя въ числѣ, при чемъ самое видоизмѣненіе можетъ происходить то въ томъ, то въ другомъ направленіи, смотря по условіямъ ихъ дифференцированія. Свойства мышечной и нервной кѣтки, не смотря на ихъ различіе, могутъ быть рассматриваемы какъ результатъ не распределенія различныхъ свойствъ, потенциально существовавшихъ въ половой кѣлкѣ, а видоизмѣненія основныхъ свойствъ этой кѣтки. „Всѣ алилиновыя краски“, говоритъ Гатгекъ, — „вѣдь не заключены же одновременно въ самомъ анилинѣ, но могутъ быть рассматри-

¹⁾ Самцы у пчелы развиваются изъ не оплодотворенныхъ яицъ.

ваемы, какъ производныя одного основнаго вещества, получаемыя черезъ небольшія измѣненія⁴.

По видимому, правъ Вейсманнъ, утверждая, что прямыя воздѣйствія виѣшнихъ условій не передаются по наслѣдству. Въ самомъ дѣлѣ почти всѣ случаи передачи механическихъ поврежденій сомнительны, а передача болѣзней объясняется въ одномъ случаѣ ихъ инфекціоннымъ характеромъ, а въ другомъ передачей наслѣдственнаго предрасположенія къ болѣзни, составляющаго не благопріобрѣтенную особенность, а органическое свойство зародышевой плазмы. Однако, Броунъ-Секаръ описалъ случай передачи по наслѣдству энцефаліа у морскихъ свинокъ, вызванной ударами молотка по головѣ.

Наконецъ, не слишкомъ ли далеко зашелъ Вейсманнъ, поставивъ виѣшнія вліянія въ слишкомъ узкія рамки? Вѣдь онъ хотя и допускаетъ вліяніе виѣшнихъ условій на половыя кѣтки и черезъ это на потомство, но эти вліянія будто бы вовсе не ведутъ къ возникновенію индивидуальныхъ уклоненій, и лишь ведутъ къ образованію климатическихъ варіететовъ, при чемъ всѣ индивидуы данной мѣстности подчиняются измѣненію одинаково.

Не ставятся ли такимъ образомъ половыя кѣтки въ условія слишкомъ различныя отъ условій, принимаемыхъ для всѣхъ кѣтокъ организма?

IV.

„И только тогда, когда прогрессъ организмовъ будетъ генетически связанъ съ прогрессомъ вообще, можно будетъ справедливо сказать, что онъ истолкованъ“.

Спенсеръ.

Разберемся въ важномъ вопросѣ объ измѣненіи организмовъ подъ вліяніемъ виѣшнихъ условій. Ни одно существо не стоитъ внѣ этихъ вліяній и каждый атомъ вещества находится подъ вліяніями иныхъ, нежели другой.

Возьмемъ идеально однородное тѣло, но и оно представляетъ едва ли не наименѣе устойчивую форму; периферическія части этого тѣла будутъ въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ центральныя. Отсюда неизбежная неустойчивость и стремленіе къ разнообразію.

Возьмемъ другой случай, когда разнородное тѣло составлено изъ однородныхъ внутри самихъ себя частицъ. Но и въ этомъ случаѣ

приведенное разсужденіе применимо къ каждой однородной частицѣ и здѣсь стремленіе къ разнородности есть неизбежное слѣдствіе „взаимодѣйствіи между организмами и переменчивымъ ихъ окружающимъ“, говоря словами Спенсера.

Выставленный Негели принципъ стремленія къ совершенству является лишнимъ и ненужнымъ. Каждое измѣненіе организма есть результатъ внѣшнихъ воздѣйствій, хотя путь для ихъ дѣятельности можетъ быть двойкъ: въ одномъ случаѣ дѣйствіе это непосредственно, въ другомъ внѣшнее воздѣйствіе вызываетъ внутреннее молекулярное измѣненіе, обуславливающее въ свою очередь измѣненіе свойствъ организма. Но исходный импульсъ въ томъ и другомъ случаѣ одинаковъ. Уничтожьте мысленно въ организмахъ способность воспринимать внѣшнія раздраженія—вы уничтожите самую жизнь. Устраните мысленно внѣшнія вліянія—вы устраните измѣчивость и прогрессъ.

Изложенное разсужденіе одинаково применимо какъ къ высшимъ, такъ и низшимъ организмамъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ наследуются только тѣ измѣненія, которыя вызваны молекулярными измѣненіями. У простѣйшихъ означенныя измѣненія происходятъ въ самомъ организмѣ, а у высшихъ—въ половой клеткѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы оторвемъ кусочекъ тѣла простѣйшаго животного, то этотъ дефектъ не только не наследуется, но животное восстанавливаетъ недостающую часть. Совершенно точно также, какъ ящерица восстанавливаетъ отрубленный хвостъ, а тритонъ отрубленную конечность. Напрасно ожидать какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, полученія потомства съ соответствующими дефектами.

Пойдемъ дальше. Извѣстно, напримѣръ, одно простѣйшее животное (амѣба), обладающее способностью переносить засуху, при чемъ ея поверхностный слой образуетъ подобіе панциря, предохраняющаго внутреннія части. Напрашивается невольное объясненіе, что именно самое высыханіе вызвало подобную особенность въ строеніи амѣбы, но подобное заключеніе на самомъ дѣлѣ врядъ ли логично. Не естественно ли думать, что между различными особями этого вида переживали неоднократно засуху только тѣ, у которыхъ плазма имѣла уже предрасположеніе къ означенному приспособленію, а прочія особи гибли. Означенная особенность поверхностныхъ слоевъ плазмы, конечно, имѣетъ въ концѣ концовъ своею причиною внѣшнія вліянія, но было бы слишкомъ сильно утверждать, что эти внѣшнія вліянія и есть именно высыханіе. Иначе говоря, непосредственное дѣйствіе высыханія врядъ ли передается по наследству и у простѣйшаго

животного; что же касается до его косвенныхъ послѣдствій, то они могутъ быть весьма разнообразны и трудно сказать, каковы именно. Неоднократное высыханіе есть одно изъ условій для выработки сказанной особенности, а отнюдь не причина ея возникновенія.

Говоря вообще, мы и по отношенію къ простѣйшимъ животнымъ можемъ допустить наслѣдованіе только такихъ видоизмѣненій, которыя вызваны молекулярными измѣненіями. Если отдѣляющаяся отъ инфузоріи въ видѣ почки частица ея тѣла обладаетъ способностью воспроизвести тѣ органы, которые были характерны для особи-матери, то это только потому, что самое существованіе сказанныхъ органовъ обусловлено молекулярными свойствами плазмы, присущими какъ цѣлому, такъ и частямъ его.

Примѣнимъ вышесказанное къ высшимъ животнымъ. Въ силу независимости половыхъ кѣтокъ отъ иннервациіи и другихъ кѣлочныхъ элементовъ, необходимо, чтобы то или другое воздѣйствіе отразилось на самихъ половыхъ кѣткахъ, дабы быть переданнымъ потомству. Извѣстно, что алкоголизмъ и зачатіе въ пьяномъ видѣ отражается на потомствѣ. Мы не можемъ представить себѣ въ данномъ случаѣ иного дѣйствія, какъ непосредственнаго вліянія алкоголя, находящагося въ крови, на половую кѣтку. Не къ разряду ли подобныхъ явленій мы должны отнести и тѣ наслѣдственныя уклоненія, которыя получаютъ у растеній вслѣдствіе измѣненія питанія? Не вызывается ли наслѣдственность энилепсін въ случаѣ Броуна-Секара какимъ-либо измѣненіемъ въ крови, вліяющимъ на половыя кѣтки?

Трудно отвѣтить на эти вопросы. Во всякомъ случаѣ необходимо повтореніе этихъ опытовъ и въ дальнѣйшее развитіе.

Извѣстны разнообразныя измѣненія въ половой сферѣ при одомашненіи, включая сюда полную потерю плодовитости, часто сопровождающую одомашненіе животныхъ. Покуда эти случаи мало разработаны и недостаточно выяснено, какой собственно факторъ при этомъ имѣетъ преобладающее значеніе ¹⁾, но во всякомъ случаѣ и этого достаточно, чтобы утверждать зависимость половыхъ элементовъ отъ внѣшнихъ условій. Если это такъ, то, не отрицая, что процессъ оплодотворенія, а еще болѣе скрещиваніе, то-есть, опло-

¹⁾ Нѣкоторые изъ приводимыхъ Дарвиномъ въ этомъ отношеніи примѣровъ могутъ имѣть совершенно иное объясненіе, напримеръ, прекращеніе борьбъ за существованіе и др.

дотвореніе другимъ видомъ, дѣйствительно усиливаетъ проявленіе индивидуальныхъ уклоненій и скрытыхъ свойствъ, какъ это утверждаютъ Негели и Вейсманнъ, мы врядъ ли можемъ считать эти процессы за единственный источникъ индивидуальныхъ уклоненій.

Вышеизложенное разсужденіе примѣнимо, какъ къ простѣйшимъ животнымъ, такъ и къ половымъ клѣткамъ высшихъ.

Вейсманнъ утверждаетъ, что при безполомъ размноженіи и при развитіи яйца безъ оплодотворенія индивидуальные уклоненія и прогрессъ не имѣютъ мѣста, чему приводятъ и примѣры. Было бы весьма желательно изслѣдовать въ этомъ отношеніи личинокъ одного двукрылаго, которыя, по открытію проф. Вагнера, партеногенетически развиваютъ въ себѣ новое поколѣніе личинокъ. По словамъ Вагнера, индивидуальные уклоненія у этихъ личинокъ громады. Интересно посмотрѣть, есть ли эти уклоненія у личинокъ втораго поколѣнія. По гипотезѣ Вейсманна, это партеногенетически развившееся поколѣніе должно до мелочей повторить личинку-мать, что болѣе чѣмъ сомнительно. Впрочемъ, если мы допустили зависимость половыхъ клѣтокъ отъ пѣчинныхъ условій, то не имѣемъ никакого права утверждать, что эта зависимость приведетъ только къ огульнымъ измѣненіямъ всѣхъ особей данной мѣстности, а не къ индивидуальнымъ уклоненіямъ.

Формулируемъ сказанное: 1) Внѣшніе факторы вліяютъ на организмы или непосредственно, или вызывая молекулярныя измѣненія въ плазмѣ простѣйшихъ организмовъ и половыхъ клѣтокъ высшихъ.

2) Только вліянія втораго рода какъ у простѣйшихъ, такъ и у высшихъ передаются по наслѣдству, при чемъ они и служатъ главнымъ импульсомъ для возникновенія индивидуальныхъ уклоненій.

3) Оплодотвореніе и скрещиваніе усиливаютъ проявленіе индивидуальныхъ уклоненій, возможныхъ и при безполомъ, а также и партеногенетическомъ размноженіи.

Дѣйствительно ли явленія полового и безполого размноженія такъ далеки одно отъ другаго? Не представляютъ ли они въ сущности различныхъ ступеней одного и того же восходящаго процесса?

Въ колоніяхъ простѣйшихъ животныхъ каждая клѣтка потенциально можетъ произвести новую колонію. У высшихъ животныхъ эта способность весьма рѣдко сохраняется, наприимѣръ, у губокъ, за отдѣльными комплексами клѣтокъ неполового характера. Затѣмъ, во многихъ случаяхъ клѣтки, происшедшія изъ одного эмбриональнаго листа, сохраняютъ способность производить клѣтки, хотя и другихъ тканей, но того же листа. Отсюда явленія размноженія дѣленіемъ

и почкованіемъ у высшихъ животныхъ ¹⁾). Наконецъ, воспроизводительная способность элементовъ высшаго животнаго еще болѣе ограничивается: животное можетъ воспроизвести утраченный органъ, но не себѣ подобную особь. Еще шагъ, ограниченіе идетъ дальше: человѣческій организмъ можетъ возстановить ткани, разрушенныя при пораненіи, но не можетъ возстановить органъ. Но за то способность воспроизведенія новой особи у высшихъ животныхъ сохраняется за небольшимъ количествомъ кѣтокъ, называемыхъ половыми. Интересно, что при развитіи половыхъ кѣтокъ на счетъ элементовъ какой-нибудь специализированной ткани, равно какъ во всѣхъ вышеупомянутыхъ процессахъ бесполого размноженія и возстановленія органовъ и даже иногда просто при размноженіи специализированныхъ кѣтокъ, эти послѣднія утрачиваютъ черты специальной дифференцировки, упрощаются, возвращаются къ первичному индифферентному состоянію.

Если морфологически передъ тѣмъ какъ обратиться въ половую кѣтка возвращается къ первичному состоянію, то весьма вѣроятно, что она возвращаетъ и свои основныя физиологическія свойства, которыя необходимы какъ матеріалъ для развитія специальныхъ свойствъ элементовъ будущаго поколѣнія. Если возможна редукція кѣтки къ ея основнымъ и первичнымъ свойствамъ, то является вопросъ, есть ли необходимость допускать гипотезу разсортровки первоначально сконцентрированныхъ въ половой кѣткѣ свойствъ по отдѣльнымъ кѣткамъ организма? Наконецъ, если мы допускаемъ, что однѣ кѣтки организма совершенно утратили способность къ редуцированію первичныхъ свойствъ, другія сохранили эту способность отчасти, а третья — сполна, разъ мы допускаемъ, что эти послѣднія могутъ послѣ возврата къ первичному состоянію дать начало новому поколѣнію, то въ правѣ ли мы столь рѣзко, какъ это дѣлаетъ Вейсманнъ, противопоставить зародышевую плазму идіоплазмѣ прочихъ кѣтокъ и въ правѣ ли мы только за первую признавать способность къ наследственной передачѣ свойствъ?

Не правъ ли Негели, утверждающій, что потенциально каждая кѣтка организма способна воспроизвести новый и тождественный первому организмъ? Но именно только потенциально, ибо на дѣлѣ воспроизводительная способность кѣтокъ представляется, какъ мы видѣли, различныя степеня ограниченія.

¹⁾ Тѣ случаи, когда при бесполомъ размноженіи преемственность эмбриональныхъ листовъ нарушается (Сальпы, Мшанки), основаны, очевидно, на неполнотѣ и неточности нашихъ свѣдѣній.

Ограничимся изложеннымъ. Настоящее направленіе зоологіи достаточно обрисовано. Оно, какъ видите, бьетъ прямо въ корень явленій, заглядываетъ въ глубь таинственныхъ процессовъ жизни и размноженія. Покуда даже врядъ ли мы можемъ говорить о направленіи. Покуда это не болѣе, какъ отдѣльныя попытки хоть издали подойти къ великой задачѣ: „найти разрѣшеніе явленіямъ природы въ механикѣ атомовъ“, какъ выражается Дюбуа-Реймонъ. Какъ ни отдаленна эта цѣль, но она мыслима. Мы можемъ представить себѣ такую степень совершенства нашихъ знаній, когда мы, сконцентрировавъ всѣ явленія окружающаго міра въ математической формулѣ, будемъ въ состояніи опредѣлять скорость и направленіе каждаго атома вселенной. Достигнувъ этого идеала Лейбница и Лапласа, мы однако „не болѣе, какъ систематизируемъ нашъ опытъ“, говоря словами Спенсера, — „вскольکو не расширивъ его предѣловъ“. Пусть мы будемъ въ состояніи, продолжаетъ Дюбуа-Реймонъ, воссоздать не только Цезаря, но и Цезаря въ моментъ перехода черезъ Рубиконъ, соединивъ всѣ атомы составляющіе тѣло героя со всѣми имъ присутствующими силами и движеніями.

Но поймемъ ли мы, почему данное состояніе атомовъ въ тѣлѣ Цезаря вызвало опредѣленные ощущенія, мысли и стремленія? Можемъ ли мы уразумѣть, почему мысль можетъ явиться результатомъ движенія атомовъ? Дюбуа-Реймонъ отвѣчаетъ отрицательно. Даже допустимъ, что мы истолкуемъ въ сѣ явленія организовавшаго міра „въ терминахъ матеріи, движенія и силы“, но вѣдь такое истолкованіе есть „приведеніе нашихъ сложныхъ символовъ мысли къ простѣйшимъ“. „Символы останутся все-таки символами“, ибо всѣ явленія суть проявленія „силы, природа которой останется навсегда непонятною и предѣловъ которой во времени и пространствѣ нельзя себѣ представить“.

Не для того, чтобъ оборвать крылья вашей начинающей работать мысли, привожу эти слова философа, но для того, чтобы преувеличенное мнѣніе о силахъ человѣческаго разумѣнія не сдѣлало васъ слишкомъ поспѣшными въ выводахъ первостепенной важности, слишкомъ неосторожными въ обращеніи съ заключеніями положительной науки, ограниченной въ своихъ средствахъ въ силу ограниченности самой человѣческой природы.

В. Шинисевичъ.

27-го октября 1889 г.

ВОРЬБА ПОЛЬШИ И ЛИТВЫ-РУСИ ЗА ГАЛИЦКО- ВЛАДИМІРСКОЕ НАСЛѢДІЕ ¹⁾.

Очеркъ военныхъ дѣйствій 1340—1387 гг.

1341—1345—1349 гг.

Мы видѣли, что до 1344 г. Галицкая Русь оставалась подъ управленіемъ Дѣтка совершенно независимой отъ Казимира. Подъ 1347 г. находимъ обращеніе императора Іоанна Кантакузина къ Любарту по дѣлу о подчиненіи галицкаго епископа Кіевской митрополіи ²⁾, слѣдовательно, дѣло о Галицкой енархіи касалось Любарта, а не кого-либо другаго. Что это дѣйствительно такъ, то-есть, что обращеніе императора имѣеть смыслъ не извѣщенія о церковныхъ отношеніяхъ владимірскаго епископа, енархія котораго могла входить въ предѣлы Галицкой митрополіи, видно изъ того, что императоръ поручаетъ Любарту озаботиться присылкой въ Царьградъ изъ званнаго церковную смуту галицкаго архіерея. Конечно, въ такомъ случаѣ Любартъ долженъ былъ имѣть дѣйствительную власть въ Галичѣ, быть не только владимірскимъ, какъ титулуеть его императоръ, но и галицкимъ княземъ. Кто же владѣлъ Галичиной съ 1344 по 1347 г., какова была роль Дѣтка до 1344 г.? Неужели край, которому судьба судила быть яблокомъ раздора между сосѣдями, былъ нмѣ временно оставленъ безъ всякаго вниманія, предоставленъ въ безконтрольное владѣніе боярина, хотя бы и виднаго; неужели Дѣтко былъ второй Володиславъ и счастливѣе первого,

¹⁾ *Продолженіе*. См. декабрьскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за 1889 г.

²⁾ *Acta patriarchatus Constantinopolitani*, ed. Miklosich, Viindobonae 1860, I, 265 № 119, и Р. И. В. VI, прил. № 6.

удерживая власть въ своихъ рукахъ въ теченіе четырехъ, а быть можетъ, и цѣлыхъ семи лѣтъ? Объ отплатѣ Дмитрію и дѣтямъ или родственникамъ его „книженія дѣля“ ничего не знаемъ, а врядь ли можно допустить, что тотъ, кто имѣлъ право считать себя законнымъ властителемъ Галичины — ибо власть Дѣтка во всякомъ случаѣ была бы сочтена за узурпацію — оставилъ бы боярскую державность безъ всякаго наказанія. По крайней мѣрѣ, можно быть увѣреннымъ, еслибы это былъ Казиміръ, онъ бы напомнилъ Дмитрію „diabolisam suggestioem“, а если не Янъ, то Длугошъ, въ назиданіе потомству, описалъ бы подробно учиненную надъ русскимъ бояриномъ расправу. Но ничего о судьбѣ „провивора или капитана русскаго“ не сообщаютъ намъ польскіе памятники. — Отчего, однако, Дмитрій, къ которому обращаются сосѣдніе государи, очевидно фактически, по крайней мѣрѣ, признавая его власть, титулуется себя лишь „provisor seu capitaneus“, блюститель или воевода? Скромность мало подходитъ къ узурпаторамъ, да еще столь бурнаго времени, очень мало гармонируетъ она и съ извѣстнымъ намъ по лѣтописямъ характеромъ галицкаго боярства.—Дмитрій, очевидно, не считалъ себя правителемъ самостоятельнымъ, онъ „блюлъ“ галицкое достояніе для кого-то другаго, онъ былъ чей-то намѣстникъ, чей-то воевода. Чей же? ¹⁾

Повторяемъ, борьба Любарта съ Казиміромъ была бы лишена всякаго смысла, еслибы Любартъ не защищалъ свое право и свое владѣніе. Приведенныя выше показанія ²⁾, будучи единственно удовлетворительнымъ объясненіемъ этой упорной борьбы, по своей категоричности именно тамъ, гдѣ ея всего менѣе можно бы ожидать, не могутъ быть не признаны несомнѣнными. Имъ противорѣчатъ лишь тенденція, а боится поставить ихъ на надлежащее мѣсто лишь ничѣмъ необъяснимая червѣнитсльность откинуть вѣковую традицію.— „Маловажное на видъ обстоятельство“, какъ говоритъ Шараневичъ, — союзъ Дмитрія Дѣтка съ Данииломъ Острожскимъ, составляющее галицкаго историка не отвергать безусловно показаній

¹⁾ Пись не должно удивлять, что въ приведенной нами грамотѣ торжескихъ купцамъ Дѣтко изымаетъ прежнихъ князей своими предшественниками. Совершенно также выражается Сынто Мальшынскій въ документѣ замѣнъ монастыри Сованскаго за село Ярымовды: cum manimentis et privilegiis ducum Rusviae praedecessorum nostrorum. Шараневичъ, *Rus wewnętrzných stosunków Galicyi wschodniej w XV w.*, Львовъ, 1869, стр. 57, пр. 84.

²⁾ См. гл. 1-я.

польскихъ анналистовъ о широкихъ размѣрахъ Казимира набѣга 1340 г. ¹⁾), является весьма существеннымъ подтвержденіемъ единства и солидарности Галицкой и Владимірской земель, составлявшихъ одно цѣлое и въ описываемое время, и по всей вѣроятности, основнымъ камнемъ значенія Острожскихъ, утвержденного грамотою Ягайла, гдѣ упоминаются „старыя службы“ Острожскихъ Любарту, послужила именно эта заплата его правъ на Львовскую землю, зависимость которой отъ Любарта Гедиминовича, по смерти Юрія-Болеслава, въ виду всего сказаннаго, не можетъ подлежать сомнѣнію ²⁾).

Почему ничего не слышимъ за это время о Любартѣ, достаточно объясняютъ событія литовскія. „Брачныя связи дѣтей Гедимина ввели литовскій княжескій родъ въ семейный кругъ владѣтельныхъ династій въ двухъ сосѣднихъ съ Литвою государствахъ, упрочили союзы съ этими государствами и намѣтили политическія цѣли, къ

¹⁾ *Шараневичъ*, Исторія, 158. *К. Горжицкий*, Роѣзсzenie, 26 полагаютъ „несомнѣннымъ“, что союзникъ Дмитрія не имѣетъ ничего общаго съ современнымъ ему Даниломъ Острожскимъ: do dziś dnia, говоритъ Горжицкий, istnieje w Galicyi wieś Ostrow, może być że tam wznosił się ongiś gród naszego Daniela“. Разовъ убедительный! Какой же смелъ извѣютъ въ такомъ случаѣ грамоты Острожскихъ, въ которыхъ упоминаются „старыя службы“ Любарту. Архивъ Сангушкова. Львовъ, 1887, I, № 5.

²⁾ Не придаемъ значенія надписи на колоколѣ львовской церкви св. Георгія относящейся къ 1341 г. и называющей княземъ Дмитрія: „въ лѣто 6849 соляны бы колоколъ сіа стну Юрью при князи Дмитрии игуменомъ съвѣнмьеть“, *Зубрицкий*, Повѣсть, 78 пр. 44. Догадки Андрияшева и Ваглевича кажутся намъ неосновательными: упомянутый князь Дмитрій не могъ быть Датко, какъ думаетъ *Андрияшевъ*, Очеркъ исторіи Волынской земли, 210, пр. 3, ибо въ одно-временной грамотѣ торжескихъ купцамъ онъ не называетъ себя княземъ; не могъ быть и потомкомъ Льва Даниловича, какъ полагаетъ *Вазилевичъ*, А. Гр. и 3, III, 59, ибо генеалогія Даниловичей намъ извѣстна, а Унескій синодикъ (у *К. Стадницкаго*, *Synowia*, II, 260) съ совершенно одинаковымъ основаніемъ можно читать и по столбцамъ, и въ строку подч. рядъ, да и вообще опираться на синодикъ мудрено. Не знаемъ, на какомъ основаніи Ваглевичъ называетъ колоколъ теребовльскимъ. Колокола, конечно, могли перевозиться, но Зубрицкий, разсказывающій о немъ весьма подробно, именно этой подробности не сообщаетъ. Отъ очевидно несостоятельнаго объясненія надписи въ „Повѣсти“ Зубрицкий самъ отказался потомъ, *Анон. Гнезн.*, 84. Безъ сомнѣнія, упоминаемый въ надписи князь былъ Любартъ, называющій себя Дмитріемъ въ договорѣ съ Казимиромъ 1366 г.: „се язъ князь великій Дмитрій“, Архивъ Сангушкова, I, № 1, и въ грамотѣ львовлянамъ 1379 г.: „Wir grosser Furste Deme-tyr“, А. Гр. и 3, III, № 30. Дмитріемъ же называетъ его и императоръ Іоаннъ Кантакузинъ въ указанномъ выше посланіи.

которымъ должно было стремиться великое княжество Литовское¹⁾. Мы видѣли, что предшлѣдній Пясть шелъ самъ на встрѣчу этимъ стремленіямъ Литвы, и еслибы обстоятельства развивались дальше въ своемъ естественномъ направленіи, рѣшительно нельзя было бы ожидать какихъ-либо осложнений на польско-русской границѣ по смерти Юрія II. Но радуется дѣволъ кровопролитію, „подвизая свары и зависть, братоненавидѣнье“, и тѣмъ съ большимъ правомъ можемъ мы указать этотъ взглядъ древняго лѣтописца на усобную рать, что такъ именно смотрѣлъ на нее и Димитрій Дѣтко.

Въ 1341 году при осадѣ одной изъ крѣпостей погибъ Гедиминъ. Для Литвы наступило время испытанія прочности тѣхъ основъ ея государственнаго устройства, какія были заложены Гедиминомъ. „По мѣрѣ увеличеніи своихъ владѣній Гедиминъ раздавалъ въ управленіе членамъ своего семейства отдѣльныя области, входившія въ составъ Литовскаго государства, признавая за ними права удѣльныхъ князей, зависящихъ отъ главы рода“²⁾.

Не смотря на опасное положеніе и юность государства, внезапная смерть Гедимина не вызвала въ немъ никакихъ внутреннихъ потрясеній: лѣтописцы ничего особеннаго по смерти Гедимина не отмѣтили. Изъ такъ-называемыхъ литовскихъ лѣтописей выносятся впечатлѣніе, какъ будто Гедиминъ умеръ спокойно „у великой старости своей“, окруженный оплакивающими его сыновьями, между которыми онъ раздѣлялъ свои владѣнія³⁾. Дѣйствительно досадно, что средне-вѣковые лѣтописцы лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ обнаруживали собственный взглядъ на внутреннюю жизнь народовъ и государствъ. Только внѣшніе факты казались имъ заслуживающими вниманія, и благодаря этому, мы осуждены оставаться въ мучительной неизвѣстности на счетъ состоянія умовъ общества послѣ неожиданной смерти основателя Литовскаго государства. Наружное спокойствіе въ Литвѣ приходится признавать по неволѣ, и въ немъ нельзя не видѣть самаго краснорѣчиваго признанія величія духа и ума Гедимина, какъ будто продолжавшаго царить надъ своею державой и по смерти, обезпечивая ей внутренній миръ, при наличности всѣхъ обстоятельствъ, способныхъ его нарушить. Но объясняя себѣ такимъ образомъ внутреннее состояніе Литвы въ періодъ времени отъ смерти Гедимина до

¹⁾ Антоновичъ, очеркъ, 76.

²⁾ Ibid и пр. 1.

³⁾ Лѣтописецъ: Даниловича, 27, Попова, 27, Быховца, 17.

1345 года, мы, конечно, должны дѣлать надъ собою усиліе, подавляя естественно возникающіе въ нашемъ умѣ вопросы. Во всякомъ случаѣ нельзя не задуматься надъ положеніемъ Любарта. „Писатели польскіе“, говоритъ К. Стадницкій ¹⁾, — „начиная съ Длугома и кончая Нарушевичемъ, какъ будто состязались въ томъ, кто успѣшнѣе запутаеъ скудными свѣдѣніи о немъ въ документахъ“, и благодаря этому, личность Любарта до сихъ поръ остается во многихъ отношеніяхъ исторической загадкой. Мы не имѣемъ намѣренія распутывать ее, отмѣчаемъ лишь факты, которые, надо замѣтить, врядъ ли могутъ быть разъяснены до такой степени, чтобы всякія сомнѣнія падали сами собою. Но если кое-что слѣдуетъ класть на рутину, на общій естественный ходъ, — а въ развитіи историческихъ событій врядъ ли можно отвергать ихъ значеніе — то въ положеніи Любарта, въ его неприсутствіи на занимающей насъ галицкой сценѣ мы должны усматривать наиболѣе яркое доказательство крѣпости общественнаго сознанія на счетъ необходимости и естественной неотвратимости перехода всѣхъ западно-русскихъ земель подъ власть Гедиминовичей. Если, какъ указано выше, въ 1331 году былъ рѣшенъ вопросъ о галицко-владимирскомъ наслѣдїи, при чемъ Любартъ, по наиболѣе правдоподобному предположенію Ржежабка ²⁾, не получилъ никакого удѣла, то показаніе литовскихъ лѣтописей о принятїи Любарта „во Владимиръ и въ Лудзъ и во всю землю волинскую“ (ограничиться названіемъ столицъ одной Волыни лѣтописцу показалось недостаточнымъ) можетъ быть понимаемо только въ такомъ смыслѣ, что Любартъ былъ признанъ наслѣдникомъ всѣхъ владѣній тогдашняго волинскаго князя, и въ такомъ случаѣ девятилѣтняго промежутка, въ связи съ предшествовавшимъ ходомъ исторїи и тѣмъ поворотомъ, о которомъ думалъ было оказавшійся неспособнымъ стать русскимъ польскій ренегатъ, Юрій-Болеславъ, поворотомъ, долженствовавшимъ особенно уяснить галичянамъ ихъ отношеніе къ католической Польшѣ, было, думается, совершенно достаточно для того, чтобы въ умѣ Любарта не могло возникнуть даже тѣни сомнѣнія на счетъ отношеній къ нему части западно-русскаго міра, не бывшей подъ его властью до гибели Юрія-Болеслава. Мы видѣли, что событія 1340 года вполне оправдали увѣренность волинскаго Гедиминовича, который все время до 1345 года могъ имѣть гораздо больше основаній желать выясне-

¹⁾ Synowie, II, 154 пр. 227:

²⁾ Сагор., 211, пр. 81.

нія своихъ отношеній къ остальнымъ частямъ Гедимянова наслѣдія, и ихъ правителямъ, особенно, если принять во вниманіе его, ранее удаленіе на югъ. Галичину береган для Любарта представители страны, твердо убѣжденные, что въ этомъ именно заключаются истинные интересы ихъ родины. Поддерживали ихъ, какъ мы видѣли, и воляницы, а Любартъ смотрѣлъ на это и награждалъ, какъ за службу. Однимъ словомъ, мы считаемъ совершенно достаточнымъ отмѣтить, что въ первый и послѣдній годъ занимающаго насъ патилѣтія: въ смерти Гедимина и въ окончательномъ установленіи въ Литовскомъ государствѣ новаго порядка—мы усматриваемъ причины, воиелѣ объясняющія отсутствіе Любарта на галицкой сценѣ.

Надо имѣть въ виду и то обстоятельство, что усиленное отраженіе попытки Казимира въ 1340 году могло еще усилить увѣренность Любарта въ твердости его положенія въ Галичинѣ.

Вотъ почему въ поведеніи Любарта мы не видимъ ничего страннаго: онъ не зналъ, не могъ знать Казимира, не могъ знать и о тѣхъ плавахъ, какихъ положилъ себѣ достигнуть Римъ черезъ польскаго короля. А между тѣмъ роль курія въ занимающей насъ борьбѣ приобретаетъ все большее и большее значеніе. Съ полнымъ основаніемъ слѣдуетъ смотрѣть съ этого времени на Римъ, какъ на одну изъ воюющихъ сторонъ. Въ декабрѣ 1343 года Климентъ VI отдаетъ Казимиру десятую часть всѣхъ церковныхъ доходовъ „на усмиреніе татаръ, русскихъ и литовцевъ“¹⁾, а вслѣдъ за тѣмъ десятина доходовъ епархій: Гвѣзненской, Краковской, Познанской, Куявской, Плоцкой, Любушской и Камянской, то-есть, со всей Польши, даже со включеніемъ областей, давно отторгнутыхъ отъ Польскаго государства, уступается Казимиру на два года. Привываются къ участию и рыцари, и видя для кого изъ духовныхъ лицъ не дѣлается ни малѣйшаго исключенія. Все это предписывается въ виду усиленныхъ просьбъ не одного лишь Казимира, но и представлений другихъ достойныхъ вѣры лицъ²⁾.

¹⁾ Theiner, M. P. I, № 604.

²⁾ Ib. № 605: cum itaque sicut ad notitiam nostram tua et aliorum fide dignorum relatione pervenit et facti otiam evidentialia manifestat, prefati pagani et infidèles videlicet Tartari, Rutheni et Litvani hostes fidei christiane regnum tuum et subditos aggrediantur multipliciter et frequenter impugnent ac multa dampna. intulerunt hactenus et inferre conentur, et tum ob hoc, tum pro honore S-te Romane ecclesie in ipsis partibus defendendo multa subieris et subire te oporteat onera expensarum, ad que supportanda nequis sufficere per te ipsuin . . . а потому обращаемся къ намъ съ просьбой объ уступкѣ церковныхъ доходовъ, и мы, видя, quod fidei

Кого же? Думаемъ, отвѣтъ дается многократнымъ упоминаніемъ въ документѣ объ интересахъ римской церкви. Обращаемъ на это особенное вниманіе. Именно здѣсь и видны тѣ скрытыя пружины, которыя обнаружили рѣшительное вліяніе на ходъ дѣйствій, сообщивъ ему столь замѣтный культурно-религіозный характеръ. Постараемся представить себѣ положеніе Галичины въ послѣдніе годы правленія Юрія-Болеслава. Тринадцать лѣтъ прошло съ того времени, какъ обращеніе его въ католицизмъ открыло куріи радостныя надежды на расширеніе предѣловъ ея власти на томъ востокѣ, который именно въ это время получалъ для Рима особенное значеніе. Извѣстный намъ характеръ Юрія-Болеслава могъ еще болѣе усилить эти надежды, и если въ послѣдніе годы его правленія замѣчается появленіе проводниковъ тевтонизма ¹⁾, то тѣмъ съ большимъ основаніемъ мы можемъ допустить, что не мало появилось въ Галичинѣ монаховъ нищенствующихъ орденовъ, энергія которыхъ къ тому времени далеко еще не остыла.

Конечно, ихъ сообщенія должны были находить въ Римѣ полную вѣру, а сами они должны были тѣмъ настойчивѣе обращаться туда, что новый поворотъ дѣла въ Галичинѣ грозилъ полнымъ уничтоженіемъ всѣхъ ихъ трудовъ и усилій. Съ большой вѣроятностью можно предположить, что тѣ же вліянія дѣйствовали и на Казимира, указывая ему возможность поправленія столь неудачно начатаго дѣла, и повидно, Казимиръ долженъ былъ съ готовностью поддаваться ихъ внушеніямъ, тѣмъ болѣе настоятельнымъ, что обстоятельства не терпѣли ни малѣйшей проволочки. Надо было пользоваться не установленнымъ положеніемъ дѣла въ Литвѣ, и дѣйствительно Казимиръ употребилъ для этого всѣ свои усилія. Въ 1343 году ему удалось закончить продолжительный споръ съ рыцарями. По Калишскому миру Казимиръ уступилъ ордену земли: Хелминскую, Михаловскую, оставилъ въ его рукахъ Пешану, Орловъ, Муржиново и Кузвинъ, отказался отъ правъ и даже титула князя поморскаго, обязался хлопотать утверженіе этого мира какъ у своего преемника Людовика, такъ и у польскихъ чинновъ! Вотъ на какія уступки готовъ былъ Казимиръ для достиженія своихъ цѣлей на счетъ Руси, и даже въ настоящее время польскіе историки не рѣшаются его осудить, оправ-

orthodoxe ac eiusdem Romane ecclesie honoris defensio in hac parte tangitur tuis supplicationibus inclinati ustupae .z. церковные доходы, слѣдующіе со всѣхъ духовнымъ лицъ безъ всякаго исклеченія.

¹⁾ Грамота Самюу 1339 г.

дивая уступчивость именно отношеніями къ Русь, татарамъ и Литвѣ¹⁾! Вотъ и все, что можно сказать съ полной достовѣрностью объ интересующемъ насъ періодѣ борьбы. Обзорѣніе отиѣченнаго періода мы должны закончить указаніемъ на фактъ, котораго мы не можемъ разъяснить. Въ 1345 году, 9-го мая Казиміръ далъ въ Краковѣ сандецкимъ гражданамъ грамоту на право безпошлиннаго прохода съ товарами изъ Сандеча въ Русь черезъ Бѣчъ, Змигородъ и Саноку²⁾. Выходитъ, что крайній западный городъ Галицкаго княжества, получившій въ 1339 году грамоту отъ Юрія-Болеслава, въ 1345 году находился въ рукахъ Казиміра. Когда же онъ перешелъ къ нему? На этотъ вопросъ мы не можемъ дать отвѣта, за полнымъ отсутствіемъ какихъ бы ни было указаній³⁾. Можемъ сказать только, что болѣе раннее отторженіе Санока находитъ себѣ подтвержденіе въ нѣкоторыхъ особенностяхъ, какія замѣчаются въ позднѣйшихъ явленіяхъ жизни этого города и его округа. Его судебные акты предшествуютъ таковымъ другихъ округовъ на 12 лѣтъ: они сохранились съ 1423 года, тогда какъ самыя раннія перемышльскіе лишь съ 1436 года, львовскіе—съ 1454 года. Здѣсь же, по всей вѣроятности, раньше 1435 года послѣдовало отдѣленіе города отъ земства, равно какъ до этого же года акты пишутся по латыни, и самая реформа судопроизводства не кажется здѣсь поразительной: въ актахъ галицкихъ и львовскихъ введеніе судебной реформы 1435 года сопровождается торжественными заголовками, въ саноцкихъ ничего подобнаго нѣтъ⁴⁾. Къ тому же 1345 году относится упоминаніе папы о какомъ-то мирѣ, заключенномъ Казиміромъ со „схизматиками“⁵⁾. Сопровождался ли этотъ миръ какими-нибудь договоромъ, не знаемъ; извѣстные намъ договоры къ этому времени никакъ отнесены быть не могутъ. Во всякомъ случаѣ нельзя не сказать, что обстоятельства благоприятствовали Казиміру. Онъ желалъ вести борьбу, средствъ для нея

¹⁾ Шуйскій, *Dzieje Polski*, 1, 238. Его не замѣчанія о Калишскомъ мирѣ, вызванныя нѣсколькими односторонними освѣщеніемъ факта у Каро, впадаютъ, кажется, въ другую крайность (см. *Opowiadania*). Для насъ, впрочемъ, это вопросъ посторонній. О Калишскомъ мирѣ см. также Шайноха, *Dzieła*, V, 136.

²⁾ Код. Малопольскій, *Mon. med. aevi III*, № 218.

³⁾ Относіть присоединеніе Санока къ Польшѣ въ 1340 году нельзя, какъ потому, что обстоятельства этого года не даютъ для этого никакихъ основаній, такъ и потому, что напекое ишьмо 18-го октября 1345 г. составляетъ предполагать какія-то дѣйствія на польско-русскомъ пограничьи, именно въ 1345 г.

⁴⁾ *Ks. Łyski*, А. Гр. и З, XI, предисловіе.

⁵⁾ *Theiner*, *M. P. I*, № 628.

у него не хватало, и вотъ его поддерживаетъ папа, объединяя Польшу для достиженія успѣховъ на счетъ Руси: за десять лѣтъ до того времени, когда мазовскія войска шли на Русь въ союзъ съ польскими, Плоцкая епархія давала Казимиру денежные средства на борьбу, къ доставленію ихъ, по папскому приказу, были признаны и давно отпавшія части Польши, никогда потомъ къ ней не возвращавшіяся, папа до такой степени проникся воинственностью, что миръ со схизматиками наполнялъ его негодованіемъ, хотя только опасность со стороны Іоана Богемскаго побудила Казимира къ его заключенію. Русскія руки связаны были литовскими дѣлами 1345 года. Какъ отнесся Либартъ къ отторженію крайняго западнаго угла своихъ владѣній, не знаемъ,—о событіяхъ до 1349 года намъ рѣшительно ничего неизвѣстно. Вѣроятно, обѣ стороны выжидали лишь удобнаго случая—одна для дальнѣйшихъ захватовъ, другая для возвращенія отнятаго. Какъ бы ни было, фактъ болѣе ранняго отторженія Сапока заслуживаетъ особеннаго вниманія въ томъ смыслѣ, что указываетъ на правленіе польскаго вавора и территорію борьбы, происходившей, очевидно, на самой русско-польской границѣ, въ сѣверо-западномъ углу Галичины.

1349—1352—1366 гг.

1348 г. Литовцы потерпѣли поражение отъ рыцарей на рѣкѣ Стравѣ. Казимиръ не замедлилъ воспользоваться этимъ ¹⁾. „Съ многочисленнымъ и хорошо устроеннымъ войскомъ, состоявшимъ изъ конницы и пѣхоты, двинулся Казимиръ сначала на Луцкъ, потомъ завладевъ Владимиръ, Берестье и наконецъ Холмъ, гдѣ встрѣтилъ наибольшее сопротивленіе. Многіе города сдавались добровольно. Съ мольбами обратились къ нему русскіе князья, и король милостиво принялъ ихъ въ подданство, оставивъ имъ, по припятіи присяги на вѣрность, ихъ права. Со славой и торжествомъ войска и народа вернулся побѣдитель въ Краковъ“. — Такъ начинается Длугошъ, печальный, впрочемъ, въ его изложеніи, для памяти Казимира, 1349-й годъ ²⁾. — Нельзя сомнѣваться въ томъ, что дѣйствія этого года

¹⁾ Cruenta ea clade debilitatos Lithuanos invasit Casimirus R. P. *Raynald*, 1349, 24. На самомъ дѣлѣ поражение литовцевъ было вовсе не такъ значительно. См. *Л. Стадницкій*, *Olgerd i Kiojstut*, 48 сл. и *Антоновичъ*, *Очеркъ*, 105, стр. 1. Превеличивать успѣхи было въ примыхъ интересахъ рыцарей.

²⁾ IX, 234.

были для Казимира благоприятны, но должно сказать, что составить себѣ о нихъ болѣе или менѣе определенное представленіе весьма трудно, вслѣдствіе крайней запутанности относящихся сюда показаній. Оставляя въ сторонѣ сообщеніе Длугоша, можно имѣть въ виду донесеніе Казимира папѣ; извѣстіе Новгородской 1-й лѣтописи и прибавленіе къ королевскому титулу *dominus terrae Russiae*, чего не употреблялъ Казимиръ еще въ началѣ этого года ¹⁾). Всѣ эти свидѣтельства въ сущности устраняютъ сомнѣніе лишь въ общемъ успѣхѣ Казимира, но дана никакихъ сколько-нибудь ясныхъ указаній на счетъ подробностей. Что касается донесенія Казимира объ обширныхъ приобретеніяхъ, въ которыхъ можно учредить 7 епископствъ и 1 архиепископство (2), объ успѣшномъ началѣ миссіонерской дѣятельности — крещеніи какого-то князя ³⁾, то донесеніе это невольно напоминаетъ разказъ Длугоша о занятіи Казимиромъ Лудка, Владимира, Бреста и Холма. Еслибы прибавить сюда Галичину, о которой, естественно, Длугошу упоминавать было не вачѣмъ, съ Галичемъ, Перемышлемъ и Львовомъ, то получимъ какъ разъ 7 епископскихъ резиденцій, предположивъ, что Казимиръ могъ имѣть въ виду и Брестъ. Но такой размѣръ завоеваній оказывается рѣшительно невозможнымъ на томъ простомъ основаніи, что для него у Казимира не могло быть времени: еще 24 августа Казимиръ находился на русской границѣ въ Сандомирѣ, очевидно, только готовясь къ выступленію, и въ грамотѣ, данной этого числа торнскимъ купцамъ, упоминаетъ о Владимірѣ какъ еще не подлежащемъ его власти. Въ началѣ декабря (*Sabbato infra octavam S. Andree*) въ томъ же Сандомирѣ, слѣдовательно, уже на обратномъ пути, Казимиръ снова даетъ грамоту тѣмъ же купцамъ и называетъ въ ней Владиміръ „своимъ городомъ“. Походъ такимъ образомъ могъ продолжаться съ небольшимъ два мѣсяца. Пройти осенью громадное разстояніе длугошевскаго маршрута, да еще съ многочисленнымъ войскомъ, даже не встрѣтивъ нигдѣ никакого сопротивленія — а Холмъ, и по Длугошу, потребовалъ сильной бомбардировки — рѣшительно не возможно ³⁾. Но въ такомъ случаѣ извѣстіе

¹⁾ *Хара*, II, 284, стр. 2.

²⁾ *Theiner*, M. P. I, № 702. Документъ данъ 14 марта 1351, но такъ какъ событія 1350 г. были для Казимира неблагоприятны, то, очевидно, сообщеніе объ успѣхахъ можетъ относиться лишь къ 1349 г.

³⁾ Нельзя упускать изъ виду характера мѣстности и состоянія путей. Мы имѣемъ показаніе о позднѣйшемъ походѣ поляковъ и угровъ: 15 дней шла война отъ Люблина къ пролежавшей неподалеку литовской границѣ, *Kwartalnik*, 1889, II, 208.

въ документѣ папской канцеляріи, заимствуемое изъ сообщенія Казимира, потеряетъ для насъ значеніе, а слѣдовательно, и относительно событій 1349 г. мы принуждены руководиться главнымъ образомъ соображеніями.

Замѣтимъ прежде всего, что связанные съ 1349 г. переговоры между Кейстутомъ и куріей о принятіи христіанства не могли обусловливаться военными дѣйствіями Казимира, какъ думаетъ Антоновичъ ¹⁾.

Папскія письма Казимиру и гнѣзневскому архіепископу помѣчены 16-мъ сентября; Кейстуту—19-мъ числомъ того же мѣсяца ²⁾, между тѣмъ военныя дѣйствія врядъ ли могли начаться раньше половины сентября въ виду того, что, какъ мы видѣли, еще 24-го августа Казимиръ былъ въ Сандомирѣ. Мы отвергаемъ лишь связь обращеній Кейстута къ папѣ съ военными дѣйствіями Казимира, и заслуживаетъ вниманія обстоятельство, что въ письмѣ къ Казимиру папа вовсе не приписываетъ ему сообщенія о столь радостномъ для куріи намѣреніи литовскаго князя, ограничиваясь лишь указаніемъ на то, что король этому содѣйствовалъ (*tuo cooperante studio*). Но это лестное для Казимира добавленіе объясняется заключеніемъ письма, гдѣ папа старается по возможности усилить ревность Казимира для дальнѣйшаго содѣйствія обращенію невѣрныхъ. Нельзя не имѣть въ виду, вопервыхъ, того, что литовскія дѣла 1348 г., а быть можетъ, слухи о преготовленіяхъ Казимира могли побудить Кейстута сдѣлать диверсію въ Римѣ, а, во вторыхъ, не слѣдуетъ забывать о необыкновенной отзывчивости куріи къ малѣйшимъ намекамъ на готовность завязать съ ней сношенія. Такъ, въ 1355 г., по поводу лишь „нѣкоторой надежды“ на обращеніе литовцевъ, папа посылаетъ письма Людовику Венгерскому, Владиславу Опольскому и Сомовиту Мазовскому ³⁾, само собою разумѣется, что были отправлены письма къ литовскимъ князьямъ. На этотъ разъ посредничество Казимира было признано неудобнымъ и, конечно, справедливо, но повторилось то же, что было въ 1349 году, хотя папа даже не могъ сколько-нибудь опредѣленно указать основаній, вызвавшихъ его надежды. Такимъ образомъ, въ переговорахъ Кейстута съ куріей въ 1349 г. вовсе не слѣдуетъ усматривать результатъ дѣйствія Казимира въ этомъ году, и ужъ рѣшительно нельзя приписывать ихъ военнымъ его успѣхамъ.

¹⁾ Очеркъ, 90.

²⁾ *Theiner*, M. P., I, № 691—693

³⁾ *И.*, № 746—748.

Въ 1350 г. лѣтомъ мы видимъ Казимира во Львовѣ. Онъ улаживаетъ претензіи торжскихъ купцовъ, укрѣпляетъ городъ, но о дѣятельности его въ другихъ, якобы приобретенныхъ имъ въ предыдущемъ году, мѣстахъ, ничего не слышимъ, а дѣйствія литовцевъ какъ въ этомъ, такъ и въ слѣдующемъ 1351 г. показываютъ, что они употребили всѣ силы на возвращеніе земли Львовской, что само собою предполагаетъ, что другія земли, якобы захваченныя Казимиромъ, находились въ ихъ рукахъ. Въ 1350 г. литовцы опустошаютъ Луковскую, Радомскую, Сандомирскую земли ¹⁾, по другимъ извѣстіямъ, они въ то же время опустошали Русь, то-есть, Галичину ²⁾ и до такой степени угрожали Львову, вѣрнѣе львовскому замку, ибо городъ былъ взятъ и опустошенъ ³⁾, что Казимиръ долженъ былъ спѣшить на выручку его, при чемъ успѣхъ его былъ незначителенъ ⁴⁾. Свидѣтельства большой важности, и ихъ надо твердо держать въ памяти, для правильного представленія военныхъ дѣйствій 1350—1351 годовъ. Въ борьбѣ за извѣстную территорию дѣйствіями обыкновенно сосредоточиваются или исключительно на ней, или около нея въ ту или другую сторону, смотря по успѣхамъ борющихся сторонъ. Территорія войны 1350 — 1351 годовъ рѣшительно исключаетъ всякую возможность считать въ числѣ Казимировыхъ приобретеній въ 1349 г. Волынь, какъ важную съ Луцкомъ и Владимиромъ, такъ и сѣверную съ Берестемъ, дѣйствія происходятъ далеко отъ Волыни, имѣя въ виду Галичину. Кромѣ львовскаго замка, дѣйствительно устоявшаго противъ литовцевъ, мы не видимъ и признака какихъ-нибудь польскихъ укрѣпленій или сопротивленія въ другомъ мѣстѣ ⁵⁾. Еслибы мы не

¹⁾ Яз., М. Р. Н., II, 630.

²⁾ Лѣтоп. Мах., ib., 885: 1350 circa festum beati Bartholomey Littwani vastaverunt Russiam, multos deduxerunt, plures occiderunt.

³⁾ Лѣтоп. Львовск. ib., III, 251: anno dni 1351 vastata fuit antiqua civitas Leopolicensis scilicet tertia infra octavam (мѣсто не разобрано) per infideles protunc Lithuanos, ubi multi christiani fuerunt interempti.

⁴⁾ Ib., II, 885: 1351 Kazimirus cum magna potentia processerat Livoviam, set infirmus rediit, parum profecit.

⁵⁾ Андрияшевъ, Очеркъ, 212: „укрѣпляетъ (Казимиръ) и снабжаетъ сильнымъ гарнизономъ Берестье, какъ, такъ сказать, ключъ къ Волыни“, конечно, въ Шаравецкѣмъ, Исторія, 168, буквально повторяющимъ Кромера (XII, 212), въ свою очередь повторяющаго Длугоша. Рѣшительно не понимаемъ возможности сомнѣній относительно Берестя. До 1382 года этотъ городъ оставался во владѣніи Бѣлуга. Во время его борьбы съ Ягайломъ онъ служилъ убѣжищемъ Вируть. Со времени окончательнаго распределенія земель между Гедиминовичами удалъ

имѣли никакихъ указавій на права Любарта на Галичину, мы могли бы затрудниться объясненіемъ; при существованіи прямыхъ свидѣтельствъ, затрудненіи исчезаютъ. Очевидно, широкій захватъ Казимира наше- ствіа въ 1349 г., вышедшій за предѣлы собственной Галичины, на- шедшій отголосокъ и въ Новгородской 1-й лѣтописи ¹⁾ вовсе не былъ столь же широкимъ прочнымъ завоеваніемъ: все, кромѣ Львовской земли, немедленно же отошло къ литовцамъ, какъ только польскія войска возвратились съ похода. Если они временно и заняли нѣко- торые города, то во всякомъ случаѣ даже не пытались удержать ихъ въ своихъ рукахъ ²⁾.

Такимъ образомъ можетъ быть объяснено упоминаніе о Владимірѣ, какъ городѣ, принадлежащемъ Казимиру въ документѣ, извлеченномъ Каро изъ торискаго городского архива, если только документъ этотъ несомнѣнно подлинный ³⁾. Онъ данъ, немедленно по возвращеніи съ похода и вѣроятно подъ влияніемъ упованія отъ первыхъ успѣховъ. Надо думать, здѣсь же и тогда же сочинялась реляція папѣ о приобрѣ- теніи территоріи для *septem diffusis episcopatus cum suo metropolitano*. О достовѣрности реляціи нечего и говорить. Со стороны Казимира, предвидѣвшаго необходимость обращаться въ Римъ за помощью, это

Кейстута тянулся узкою полосой, охватывая Литовское государство съ сѣверо- запада и включая въ себя сполна три поддѣльных воеводства: троцкое, подлш- ское и брестское. *К. Стадницкій, Olg. i Kiejt., 23, пр. 37*). Такое распределеніе земель Кейстута вполне соответствовало военному его значенію, — но даромъ рыцари называли его „начальникомъ войскъ литовскихъ“. Безъ сомнѣнія, Кей- стутъ принималъ дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ 1350—1351 го- довъ, но оно обуславливалось солидарностью дѣйствій Гедиминовичей и общими значеніемъ предпріятія Казимира въ 1349 году.

¹⁾ Полн. Собр., III, 84: въ лѣто 6857 приде король Краковскій со многою силою и взяша дестю землю волынскую и много зло христіаномъ сотвориша, а церкви святія претнораша на латынское богумераско служеніе. Тоже въ Су- приньской. Замѣчаніе о корякахъ есть, конечно, отголосокъ поддѣльныхъ дѣй- ствій поляковъ. Интересно въ Густинской, II, 350: въ томъ лѣто Волынь хо- таше отлучитися отъ короля Казимира, но мечомъ укрочены быша, по невозъ же и Литва о Волынь съ ляхами много которахуея, доведе въ свою власть вримша.

²⁾ Показаніе Длугоша подъ 1351 годомъ о гарнизонахъ, сдававшихся лишь послѣ осады, при полномъ безучастіи Казимира, теряетъ значеніе послѣ разка- ванныхъ имъ же подъ 1350 годомъ успѣховъ Литамъ и представляютъ обычный у Длугоша прихвѣръ ангажированности съ одной, тенденціознаго отношенія къ Ка- зимиру — съ другой стороны. Нельзя забывать, что все это разкавывается послѣ взвода съ Баричкой. Ср. *Шуйскій, Оповід., 2*.

³⁾ *Каро, II, 284, пр. 2.*

былъ столь же дипломатическій шагъ, рассчитанный на поддержаніе папскаго рвенія, какой мы указывали въ 1349 году въ письмѣ папы къ Казимиру, по поводу готовности Кейстута принять христіанство. Дѣйствительно, съ 1351 года папа предоставилъ Казимиру десятую часть церковныхъ доходовъ на 4 года ¹⁾, при чемъ предписалъ духовенству непремѣнно скоро собрать ее ²⁾.

Въ слѣдующемъ 1352 году мал 15-го Клементъ VI поручаетъ гвѣзненскому архіепископу и епископамъ—краковскому и вродлавскому пронокидывать крестовный походъ противъ нехристіанъ ³⁾. Надо поэтому думать, что свѣдѣнія о положеніи дѣла курія получала не только отъ Казимира. Остается отмѣтить еще одно обстоятельство, не достаточно ясное. Въ договорѣ Казимира съ литовскими князьями встрѣчаемъ упоминаніе о Кременцѣ, который дается Юрію Наримунтовичу „отъ князей литовскихъ и отъ короля“ ⁴⁾. До 1349 года Казимиръ не могъ имѣть никакого отношенія къ Кременцу, положеніе дѣла въ 1350—1351 гг. было, какъ мы видѣли, вовсе не таково, чтобы вліяніе Казимира могло распространиться въ эту сторону, слѣдовательно, свои права на Кременецъ—если вообще можно говорить въ этомъ случаѣ о правахъ—Казимиръ могъ основывать лишь на успѣхахъ 1349 года, а это обстоятельство отчасти указываетъ направленіе Казимирова предпріятія въ 1349 году. Оно было обращено на Львовъ и отсюда въ прямомъ направленіи къ востоку дошло до Кременца ⁴⁾.

¹⁾ *Theiner*, M. P., I, № 702: Regem oportet stipendiarios de necessitate tenere prout tenet et fortalitia fortificare et etiam communire... въ противномъ случаѣ nedom dicte terre, sed etiam tota Polonia per potentiam et insultum Tartatorum et Litwanorum vastari poterunt et etiam desolari.

²⁾ *Ib.*, № 703.

³⁾ *Ib.*, № 713. Это посланіе буквально сходно съ известнымъ намъ посланіемъ Бенедикта XII въ 1340 году.

⁴⁾ Передача Кременца Юрію „отъ князей литовскихъ и отъ короля“ по договору 1352 года представляетъ первое упоминаніе объ этой личности, возбуждавшей не мало споровъ. Мы считаемъ вопросъ исчерпаннымъ и блестятельно рѣшеннымъ Ржемабкомъ, *Сбор.* 1883 г., стр.: 136—141 и 194—204. Упомянутый въ договорѣ Юрій есть Юрій Наримунтовичъ. Ржемабекъ доказалъ это такъ блестятельно, что никакихъ сомнѣній въ этомъ быть не можетъ, но онъ врядъ ли правъ, полагая, что только съ 1352 года Юрію стала принадлежать и Велзь, *ib.*, 196. Не на оборотъ ли, не вѣрнѣ ли предполагать, что Юрій раньше, чѣмъ въ Кременцѣ, сидѣлъ въ Велзѣ, не слѣдуетъ ли разувѣть навѣрно его подъ загадочнымъ Дрого Дубницкой хроникъ, столь рѣшительно и усѣбно защищавшимъ Велзь отъ венгерско-польскаго войска въ 1352 году? Предоставленіе Юрію

Вотъ что съ наибольшою вѣроятностью можно сказать объ этомъ предпріятіи. Длугошъ долженъ былъ сообщить ему специально волынское направленіе, ибо иначе онъ оказался бы въ явномъ противорѣчіи съ самимъ собою, но я извѣстнѣмъ, находящимся въ третьей главѣ хроникѣ Яна, нельзя придавать значеніе, ибо здѣсь въ числѣ приобрѣтеній Казимира помѣщено Берестье, вотъ почему и въ свидѣтельствѣ Яна о 1349 годѣ приходится видѣть позднѣйшія наслоенія, закрывшія историческую дѣйствительность, которая открывается лишь изъ сопоставленія фактовъ послѣдующихъ.

Мы видѣли, что главный союзникъ Казимира — курія дѣлала все, что могла для того, чтобы обезпечить Казимиру успѣхъ. Положеніе было, однако, слишкомъ грозно, и вотъ Казимиръ заключаетъ со всѣмъ невыгодный договоръ съ Людвигомъ Венгерскимъ ¹⁾, заклю-

Белга доказываетъ, какое важное значеніе придавали литовцы западнымъ окраинамъ своихъ владѣній. Юрій былъ человекъ вполне надежный, и въ глазахъ поляковъ явился главнымъ виновникомъ событій 1376: *sceleris auctor*, Яноп. Кулявск., М. Р. Н., III, 212. Когда именно Белга былъ данъ Юрію, не знаемъ, какъ не знаемъ, когда отошелъ отъ него Кременецъ. По договору 1352 года онъ былъ данъ Юрію на два года, въ чьи руки перешелъ онъ потомъ? Можно полагать, онъ достался Казимиру, по крайней мѣрѣ въ 1361 году въ числѣ присутствующихъ при пожалованіи Казимира Ходку Выбельскому, А. Гр. и З. I, № 5, находивъ пана Ясоту, воеводу кременецкаго, но когда это случилось, не извѣстно.

¹⁾ Договоръ съ Людвигомъ сообщенъ впервые *Ж. Стадницкимъ*, *Synowie*, II, 231, по рукописи музея Оссолинскихъ. Въ болѣе исправномъ видѣ онъ приведенъ у *Омалки*, *Rok* 1386, 135, но Смолякъ не упоминаетъ о документѣ у Стадницкаго, выдавалъ свое сообщеніе за собственное открытіе въ бумагахъ Нарушевича (*układ o Wnfi Szwernoná z г. 1352 kladu jest tylko z krótkiego streszczenia u Sommersberga*). Конечно, предоставленіе Людовику права выкупить Русь, въ случаѣ, еслибы у Казимира родился наследникъ, доказываетъ только крайню тягостное положеніе Казимира и корыстность Людовика (ср. *Breyherz*, *Wladyslaw Opolski*, 50, здѣсь же въ примѣчаніи сказано, что также смотритъ на это и *Mattiesz*, *Jahresbericht des II Obergimn.*, in *Lemberg*, 1886 г. Объясненіе смысла договора у Стадницкаго, *Synowie*, II, 49, грѣшитъ явнымъ пристрастіемъ къ Людовику, не говоря уже о невѣрности взгляда на отношенія Казимира къ Руси). Для насъ самое главное — дата документа. Обмолочено отослать его къ 1352 г. (у Смоляка въ текстѣ документа 1350. Опечатка?) Вѣрно ли? Невыгодность договора для Польши заставляетъ скорѣе отнести его ко времени предшествующему участію Людовика въ борьбѣ, ибо таковое было куплено цѣною договора (только *A. Huber*, *Ludvig I*, *Arch. f. öst. Gesch.*, 1885, 66, стр. 15, относитъ его ко времени по возвращеніи Людовика); между тѣмъ документъ данъ въ Будѣ in octava festi Paschas, то-есть, во всякомъ случаѣ, данъ ли онъ въ 1350, 1351 или 1352 г., въ началѣ апрѣля; тогда какъ въ 1352 г. Людовикъ выступалъ на помощь Казимиру уже 22-го февраля, а 12-го марта былъ въ Савою. Эти даты

дынаеть рыцарямъ Добржинскую землю, отъ которой она по калишскому миру совершенно отказались ¹⁾, жертвуетъ своимъ для закрѣпленія за собою чужого, давая такимъ образомъ первый поводъ образованію сгубившихъ потомъ Польшу конфедераціи! ²⁾ Возникшіи какъ разъ около этого времени вопросъ о мазовскомъ наследствѣ доставилъ Казимиру новыхъ союзниковъ. 18-го сентября 1351 года онъ заключилъ съ Сомовитомъ и Казиміромъ Мазовскими договоръ, по

подтверждаются документомъ Людовика у *Фейера* IX, 2, 142. *Нарушевичъ*, издавіе Туровскаго, III, 190, относитъ договоръ къ 1350 г. Рѣшить вопросъ не берусь. Источникъ, на который недавно было обращено вниманіе исследователей — Дубницкая хроника (*Historiae Hungariae Fontes Domestici*, vol. III, ed. *M. Flotigiana*, Лейпцигъ 1884 г. — Интересующій насъ ея отрывокъ помѣщенъ цѣлкомъ *А. Лескинымъ*, въ *Кwartalnikъ*, 1889, II, 208—218), хотя довольно подробно касается событій 1351—1852 гг., не даетъ относительно занимающаго насъ вопроса никакихъ ясныхъ указаній. То, что, по словамъ хроники, происходило въ Люблинѣ въ 1351 г., заключаетъ въ себѣ темный намекъ на какія-то условія между Людовикомъ и поляками. Можетъ быть, что лишь въ слѣдующемъ году они были окончательно сформулированы. Возможно, что въ 1351 году Людовикъ былъ въ Польшѣ, чтобы утвердиться въ правахъ наследника: въ такомъ случаѣ, какъ время, выбранное имъ для этого, такъ и то обстоятельство, что и признанія правъ наследствъ ему еще было мало, и онъ потребовалъ документа на счетъ Руси — весьма характерно. Что касается отрывка указанной хроники, то онъ считается теперь произведеніемъ, написаннымъ участникомъ событій, или по крайней мѣрѣ, со словъ участника (*A. Nyber*, *Ludvig I*, 17, прим. 4; ср. *Kwartalnikъ*, какъ выше, 207). Надо однако имѣть въ виду, что отрывокъ вставленъ между 4 и 6 главами біографіи Людовика, написанной *Kukulld*, и представляеть невозможную для очевидца путаницу не только названій, но и обратнаго маршрута Людовика въ 1352 году. Что авторъ его находился подъ вліяніемъ разказовъ Туроча, свидѣтельствуетъ упоминаніе о возвращеніи Людовика съ литовскаго похода въ 1345 г. Въ общемъ, несомнѣнно, разказъ Дубницкой хроники заслуживаетъ вниманія по нѣкоторымъ подробностямъ, дѣйствительно живымъ и находящимъ себѣ документальное подтвержденіе (подробности плѣна Любарта). Но считать его разказомъ оригинальнымъ, а не компилациею, врядъ ли можно, какъ въ виду указанныхъ неточностей, такъ, главнымъ образомъ, потому, что событія 1351 г. вовсе не предполагають участія Людовика. Расчлененіе одного факта на два — очень частый приемъ компиляторовъ; думаю, что онъ нашелъ себѣ мѣсто въ данномъ отрывкѣ: походъ 1352 г. раздѣленъ на два: въ 1351 и 1352 г., а подробности распределены совершенно произвольно; вотъ почему я не считъ возможнымъ воспользоваться имъ при изложеніи событій 1351 г.

¹⁾ *Каро*, II, 293: So viel trübe Erfahrungen er (Казимиръ) auch in Folge von Verpfändungen mit dem Orden gemacht hatte, so erforderte doch ein nachdrucksvoller Krieg gegen die Litthauer und Russen, trotz der Unterstützung von Seiten der Kirche noch so ausserordentliche Mittel....

²⁾ *Каро*, ib.

второму, обивался освободить князей отъ чешскаго верховенства, а въ случаѣ неоставленія по себѣ мужскаго потомства предоставить Мазовіи полную независимость ¹⁾. Только благодаря этому, удалось Казиміру добиться содѣйствія угровъ и мазуровъ.

Въ 1352 году двинулись союзныя польско-венгерско-мазовскія войска противъ Литвы-Руси. Походъ въ изложеніи отдаленныхъ отъ мѣста дѣйствія писателей принялъ грандіозные размѣры ²⁾. Казиміръ могъ рассчитывать на значительное расширеніе приобрѣтенія 1349 г. Надежды его однако не сбылись. Всего вѣроятнѣе, союзники шли по двумъ путямъ: черезъ Люблинъ направлялись войска польско-мазовскія, съ юга венгерскія. Главныя дѣйствія сосредоточились около Белва, защищаемаго какимъ-то воеводой Дрозге. Къ подробностямъ военныхъ дѣйствій слѣдуетъ отнести плѣнъ Любарта, о чемъ прямо упоминается въ перемирномъ договорѣ. Въ дубницкомъ отрывкѣ находимъ объясненіе связи „Любартова вѣства“ съ отношеніями къ венгерскому королю Кейстуту. Благодаря посредничеству послѣдняго, Любарту удалось освободиться изъ плѣна, а Кейстутъ долженъ былъ отправиться съ Людовикомъ для принятія крещенія; черезъ три дня, однако, Кейстутъ бѣжалъ, отпустивъ на свободу венгерскихъ заложниковъ. Безъ сомнѣнія, это одна изъ живыхъ подробностей отрывка, вполне подтверждаемая неяснымъ указаніемъ перемирнаго договора и соответствующая характеру и приемамъ Кейстута, которые онъ практиковалъ въ отношеніи къ рыцарямъ. Надо думать, венгры дѣйствовали не особенно усердно ³⁾ и скоро повернули назадъ, встрѣчая большія затрудненія какъ со стороны мѣстнаго населенія, истребляшаго запасы, чѣмъ вызванъ былъ въ венгерскомъ войскѣ ужасный голодъ, и даже предававшего свои села огню ⁴⁾, такъ и со стороны

¹⁾ Код. Маа., № 72.

²⁾ У Вилльма, *Карамз*, IV, прим. 353, совершенно бачисловно: Людовикъ доставляеть Казиміру сорокъ тысячъ и союзники заходятъ сѣмкомъ далеко. Но другимъ, и притомъ болѣе достовернымъ, сѣмкомъ далеко заходятъ латовцы: 1352 Rex Litoviae cum auxilio Tartarorum innumerabili per Russiam transiens animo destruendi Cracoviam, и: In Martio 1352 Tartari et Ruteni pagani cum multis legionibus contra regem Cracoviae intrant Poloniam, Sa. gr. prus. II, 787, 742.

³⁾ In dominica ramis palmarum (1-го апрѣла) videns rex se nihil posse proficere, disposuit ad Hungariam remeare. Дубницкія хроника, *Kwartalnik*, какъ выше.

⁴⁾ Пробывъ въ деревню Дубровиду, Людовикъ не нашелъ никакихъ запасовъ, media autem nocte unus ruthenus curiam incendit et cum difficultate rex et omnes sui mortis periculum evaserunt, quia strictissimus erat exitus per unum parvum pontem de curia prenotata. Можно ли, въ виду подобныхъ фактовъ, сомнѣваться въ народномъ характерѣ войны?

татаръ, отряды которыхъ приходилось встрѣчать Людовику. Съ поляками и мазурами военныя дѣйствія продолжались, вѣроятно, до осени: 23-го августа 1352 г. Казиміръ находился еще въ предѣлахъ литовско-русской территоріи¹⁾, да и перемиріе по договору назначается отъ Покрова. Перемирный договоръ²⁾, доказываетъ, что, за исключеніемъ Львовской земли, Казиміръ не приобрѣлъ никакихъ другихъ владѣній. Въ составъ ея, безъ сомнѣнія, входили земли Галицкая и Перемышльская, ибо договоръ опредѣляетъ области совершенно точно, а земли эти изъ числа литовскихъ владѣній не показаны³⁾. Перемиріе продолжалось не долго, какъ и слѣдовало ожидать, ибо Литва отъ своихъ правъ не отказалась, и заключенный договоръ былъ лишь временнымъ⁴⁾. Нарушенъ онъ былъ даже раньше срока. 1353 года Любартъ, поддерживаемый братьями, нападаетъ на Галичяну⁵⁾. Набѣгъ принялъ обширные размѣры; такъ какъ въ сентябрѣ литовцы появляются около Завихоста, а испуганный Казиміръ укрѣпляетъ Плоцкъ⁶⁾. О дальнѣйшихъ событіяхъ польскія свидѣтельства ничего не упоминаютъ до 1366 года. Вѣроятно, объ успѣхахъ Казиміра говорить было трудно. Предоставленный собствен-

¹⁾ А. Гр. и З., V, № 3. Вѣроятно, мимо Щебрешина возвращался Казиміръ навадъ. Въ данномъ близъ этого города пожалованіи иѣмецкаго права салу Отвинову (Домбровскаго уѣзда) сказано: *actum prope Szczebressuano oppido ruthenicali*, а не просто *Szczebressuano* или *oppido nostro*.

²⁾ Дата этого важнаго документа вездѣ отмѣчается невѣрно—1340 (А. З. Р. I, № 1 и *Inspeciumum*, 371); опредѣляется она приблизительно точно на основаніи генеалогіи мазовскихъ князей: *Каро*, II, 296, пр. 2; *Ржасжабекъ*, *Часов.*, 195.—*Андриашевъ*, *Очеркъ*, 215, прим. 1, имѣетъ это въ виду, но отодвигаетъ договоръ къ 1354 г. (ср. *ibid.*, 211, прим. 2), *Антоновичъ* и *Стадницкій* ошибочно относятъ его, первый къ 1347 г., *Очеркъ* 77, прим. 2; второй къ 1340—1345 г., *Суповицъ*, II, 32—36. Близкое къ истинѣ мнѣніе высказалъ *М. Смирновъ*, *Споръ*, прим. 15 и 16; тоже у *Зубрицкаго*, *Анонимъ Гнезн.*, 16; весьма вѣроятное объясненіе отсутствія даты, *ibid.*, 67, прим. 72.

³⁾ Не занимать намъ королевы земли, ни его люди, што его слушаютъ; королеви держати *львовскую землю исполна*, а намъ, держати володимѣрскую, луцкую, беласкую, холмскую, берестинскую исполнаитъ. А. З. Р. I, № 1.

⁴⁾ На два года: „отъ Покрова Богородицѣ до Ивана дне до Еунагъ, а отъ Ивана дне за два лѣтъ“. Такъ смотрѣлъ на это и Казиміръ, и въ пожалованіи Рѣнова Яну Накославу 1354 г., января 19-го, онъ говоритъ о Рум: *quam factente domino gubernamus*. *Cod. d. P. I*, 209.

⁵⁾ По *Другошу*, IX, 246, на Галичъ, по лѣтоп. *Маховск.*: *eodem anno 1353, post festum Trinitatis Litwani vastaverunt Lamburg, multos occiderunt*. *M. P.* Ч. II, 865.

⁶⁾ *Другошъ*, IX, 246.

нымъ силамъ, не безопасный со стороны ордена, Казиміръ очутился снова въ трудномъ положеніи. Это лучше всего доказываетъ письмо папы 1355 года (февраля 12-го), снова жертвующаго Казиміру десятую часть церковныхъ доходовъ на четыре года ¹⁾, хотя двумя мѣсяцами раньше тотъ же Иннокентій VI, послыа Казиміру горячія пожеланія сломить вражескую гордость, говоритъ о собственныхъ удручающихъ нуждахъ и съ видимымъ неудовольствіемъ соглашается уступить Казиміру лишь половину десятины, тутъ же выражая надежду, что король возвратитъ ее при благоприятныхъ для него обстоятельствахъ ²⁾. Такой тонъ папы въ обращеніи къ Казиміру долженъ быть отмѣченъ, его не было ни въ письмахъ Бенедикта, ни въ письмахъ Климента VI, особенно преданнаго Казиміру; но быстрая его перемѣна — всего черезъ два мѣсяца — доказываетъ, что были основательныя причины, заставившія папу измѣнить отношеніе къ дѣламъ польскаго короля, зависѣвшія, очевидно, не отъ личнаго расположенія папы, а вытекающія изъ общей политики куріи. Строгое предписаніе духовенству аккуратно и возможно скоро уплатить королю указанную десятину показываетъ, что его нужды не терпѣли ни малѣйшаго отлагательства. Въ сентябрѣ слѣдующаго 1356 года Иннокентій VI по жалобѣ Казиміра обращается къ рыцарямъ со строгимъ выговоромъ за то, что они поддерживаютъ невѣрныхъ противъ короля, убѣждая ихъ соединиться съ Казиміромъ, что было бы вполне достойно ихъ призванія ³⁾. Тогда же онъ снова побуждаетъ всѣхъ польскихъ прелатовъ всемѣрно содѣйствовать королю ⁴⁾. Папа дѣлалъ все, что только могъ дѣлать, тѣмъ не менѣе бороться было Казиміру не подъ силу. Казиміръ самъ созналъ это и сдѣлалъ такой поворотъ, котораго трудно было ожидать. Какой именно — указываетъ полное негодованія письмо папы отъ 24-го января 1357 г., отправленное къ польскому королю по жалобѣ рыцарей, сообщившихъ куріи, что послѣдній заключилъ миръ съ литовцами, сталъ данникомъ татарскаго хана и теперь угрожаетъ имъ татарами. Папа заявляетъ, что онъ едва вѣритъ такимъ слухамъ ⁵⁾.

¹⁾ *Theiner*, M. P., I, № 742.

²⁾ *Ibid.*, № 739.

³⁾ *Ibid.*, № 769.

⁴⁾ *Ibid.*, № 770.

⁵⁾ *Ibid.*, № 776: *sano carissimo fili licet nos de sincere fidei tue constancia firmam in domino fiduciam obtinentes premissa credere non possumus, nec in mentem nostram facilliter cadere valeat, quod talia in eterni Regis sancteque romane ecclesie*

Легко понять негодование папы, принесшаго для Казимира столько жертвъ; но трудно было подѣйствовать на польскаго короля упреками. Всѣ средства, которыя могли быть въ распоряженіи Казимира, были имъ испробованы, и всѣ они лишь весьма незначительно приблизили его къ завѣтной цѣли: Львовская земля находилась лишь во временномъ его обладаніи, а будущіе шансы борьбы были неизвѣстны и скорѣе не въ пользу Казимира, въ виду натянутыхъ его отношеній къ рыцарямъ и собственнаго безсилія. Казимиръ рѣшилъ войти въ сношенія съ татарами. Хватаясь за все, что могло облегчать ему достиженіе цѣли, нища вездѣ союзниковъ и дорого платя за ихъ содѣйствіе (говоримъ о Людовикѣ Венгерскомъ), отчего не могъ Казимиръ обратиться къ татарамъ. Конечно, онъ отлично зналъ положеніе Литвы, принужденной вести постоянную борьбу съ орденомъ, не безопасной отъ Москвы и находившейся въ сомнительныхъ отношеніяхъ къ татарамъ. Отношенія къ Галичинѣ соединяли литовцевъ и татаръ въ борьбѣ съ Казимиромъ, доставляя вмѣстѣ съ тѣмъ литовцамъ въ лицѣ татаръ чрезвычайпо важный военный контингентъ, что обнаружилось особенно въ 1352 году. Въ то же время татары, равнодушные ко внутреннимъ дѣламъ страны, довольствуясь, по обыкновенію, данью, отчего не могли бы получать ее съ Казимира? Чтобы закрѣпить за собою Галичину, Казимиру необходимо было отнять у литовцевъ всякую возможность возвратить ее себѣ, и надо сказать, что послѣдняя комбинація Казимира едва ли не вѣрнѣе другихъ вела его къ цѣли. Вѣдь только поворъ татарскаго данничества, да ужасъ, которымъ было окружено имя татаръ, могли удерживать Казимира отъ попытки войти съ ними въ непосредственныя сношенія. На сколько мы знаемъ Казимира, онъ былъ слишкомъ философъ, чтобы отступить отъ вѣрнаго, по видимому, расчета изъ-за какихъ-нибудь условностей, а ужасъ былъ преодолѣнъ. Пашелся смѣлый человекъ, не убоавшійся взять на себя опасную миссію, и дѣло было сдѣлано ¹⁾.

matris tue nec non apostolice sedis offensam et ipsius catholice fidei prejudicium Regia serenitas attemptaret; solus tamen eorum auditus nos terruit et si vera forent, ad magnam regii nominis infamiam cederent grandique nos et sedem predictam doloris immensitate turbarent.

¹⁾ Думаю, что этия словацакомъ былъ Янъ Пакославъ. Въ пожалованіи ему Рашона (1354 г. 19-го января) Казимиръ говоритъ: *pro communi bono regni nostri Polonie et terre Ruskie pacem et tranquillitatem ordinans, ad Tartaricas nationes descendere non exravit, vitam suam non preposterans ad honorem et comodium Regnorum eorundem fideliter exponendo. Cod. d. P. I, № 119.* Въ такомъ случаѣ переговоры съ татарами Казимиръ завелъ сейчасъ по заключеніи перемирія съ

По крайней мѣрѣ послѣ этого на театрѣ борьбы наступаетъ полное затишье, продолжавшееся ровно десять лѣтъ. Правда, положеніе оставалось прежнее: Владимиръ, Луцкъ, Холмъ и Белзь въ рукахъ Любарта, Берестье—Кейстута, но миръ давалъ полную возможность Казимиру укрѣпиться въ своемъ приобрѣтеніи и дѣйствительно на это Казимиръ обратилъ все свое вниманіе. Борьба прекратилась сама собою, но уже то обстоятельство, что она продолжалась послѣ 1352 г., ясно указываетъ ея причины. Въ самомъ дѣлѣ, договоръ 1352—1353 года былъ, по видимому, для литовцевъ весьма выгоденъ: Владимирская, Луцкая, Холмская, Велзская и Берестейская земли „исполна“ оставались въ ихъ владѣніи, и еслибы литовцы не имѣли никакихъ правъ на остальные земли галицкаго наслѣдія, то причину продолженія борьбы оставалось бы дѣйствительно, вмѣстѣ съ Длугошемъ, объяснять лишь жадностью и користолюбіемъ главнаго ея дѣятеля—Любарта. Врядъ ли, однако, въ такомъ случаѣ, его бы столь энергично поддерживали другіе князья—Кейстутъ и Ольгердъ, имѣвшіе и безъ того не мало дѣла. Причина, очевидно, лежала не въ личности Любарта, а въ защитѣ литовскаго права отъ чужого захвата ¹⁾.

Мы старались представить ходъ борьбы за отмѣченный промежутокъ времени на основаніи данныхъ, наименѣе подлежащихъ сомнѣнію и естественной послѣдовательности фактовъ. Съ 1349 по 1356 годъ борьба происходила почти безъ перерыва, при чемъ, по видимому, естественный перерывъ—перемиріе 1352 года не составляетъ никакой грань: оно временно закрѣпляетъ за Казимиромъ приобрѣтеніе, сдѣланное имъ тремя годами раньше и нарушается за долго до истеченія срока. Непрерывность и завязтость борьбы являются такимъ образомъ характерными ея чертами, которыя отличаютъ ее и послѣ. Положеніе сторонъ также обрисовывается вполне. Съ одной стороны Казимиръ и Римъ, съ другой—два Гедимировича, принужденные сообразовать свои дѣйствія съ сомнительными отношеніями къ рыцарямъ и татарамъ. Отношенія къ первымъ совершенно ясны. Набѣги рыцарей были явленіемъ постояннымъ: „принимая въ расчетъ только болѣе крупныя, тѣ, подробности которыхъ записаны

литовцами. Нечего удивляться, что это сдѣлалось извѣстнымъ намъ сравнительно поздно: Казимиръ не имѣлъ надобности извѣщать его объ этомъ; а поговоровъ о немъ, вытекающее изъ ужаса предъ татарами, котораго, какъ видно, не чуждъ былъ и Казимиръ, должно было разсѣяться, въ виду примыхъ выгодъ, въ чемъ Казимиру не трудно было убѣдить папу.

¹⁾ Ср. обложка Длугоша, IX, 245, 308.

въ лѣтописяхъ Ордена, мы насчитываемъ¹⁾, говорить Антоновичъ, — „до семидесяти походовъ на Литву со стороны прусскихъ крестоносцевъ и болѣе тридцати со стороны Ливоніи въ промежутокъ времени съ 1346—1377 г.“²⁾ Лишь вѣрѣдка встрѣчаются годы отдыха; между прочимъ, спокойно прошли для Литвы 1349—1352 года³⁾, обстоятельство давшее, какъ мы видѣли, возможность принимать участіе въ борьбѣ съ Казиміромъ и Кейстуту: время, выбранное Казиміромъ для завоеванія Галицкой Руси, было такимъ образомъ удачно лишь по видимому, и этимъ объясняется необходимость того страннаго напряженія, тѣхъ жертвъ, какія долженъ былъ принести Казиміръ для достиженія своей цѣли.

Не столь ясны отношенія Литвы къ татарамъ. Съ значительной вѣроятностью можно полагать, что отношенія эти до занимающаго насъ времени не были установлены: Литва только еще начинала утвердяться въ тѣхъ земляхъ, гдѣ было татарское господство, еще только начиналась дѣятельность Коріатовичей въ Подоліи, а предстоявшее выясненіе отношеній Любарта къ хану изъ-за Галичинъ не могло еще опредѣлиться и на первый разъ дѣла были оставлены въ прежнемъ состояніи, благодаря Дѣтву и Данилу Острожскому. На галицкой почвѣ сходились интересы татаръ съ интересами литовскихъ князей; неудивительно поэтому, что въ борьбѣ противъ Казимира принимаютъ участіе и татары. Этотъ союзъ былъ въ такой степени естественъ, что неудача переговоровъ Ольгерда съ ханомъ, начавшихся въ 1349 году⁴⁾ обусловливалась лишь усиліями Семена Ивановича Московскаго⁴⁾ и къ 1351 году была поправлена, — въ это время татары дѣйствуютъ, безъ всякаго сомнѣнія, за одно съ литовцами. Соображенія, которыми на время удалось Семену Ивановичу вооружить Чалибека противъ Ольгерда, открывали лишь будущее: что они въ значительной степени были вѣрны, показала въ скоромъ вре-

¹⁾ Антоновичъ, Очеркъ, 98.

²⁾ Стадницкій, Olg. i Kiejst., 109.

³⁾ Антоновичъ, Очеркъ, 116, пр. 1.

⁴⁾ Н. Молчановскій, Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ. Кіевъ. 1885, стр. 192, пр. 1: По словамъ Никоновской лѣтописи, ч. III, стр. 187, Семенъ Ивановичъ такъ отговаривалъ Чалибека отъ союза съ Ольгердомъ: „Ольгердъ улусъ твой всѣ выскел і в половъ вывелъ а еще хочеть и насъ вѣхъ вывести в себѣ в полонъ, а твой улусъ пустъ до конца сотворити: и тако убогатыи Ольгердъ Годимановичъ хочеть тѣбе противень быти“. Чалибекъ „разгнѣвался zelo яко огнь“ и выдалъ литовскихъ пословъ Семену Ивановичу.

мени побѣда Ольгерда на Синихъ водахъ, но теперь въ виду посатательства Казимира, Ольгердъ могъ снѣло повторить хану резоны, приведенные раньше Дѣткою, и ханъ не могъ не найдти ихъ осно-вательными. Союзъ такимъ образомъ обусловливался вовсе не уступкой татарамъ Подольской земля, на которую якобы „король польскій заявлялъ претензіи, какъ на бывшій галицкой удѣлъ“¹⁾. Дѣйствительныя его основанія были извѣстны Казимиру, чрезъ него стали извѣстны и папѣ: не что иное, а лишь занятіе Казимиромъ Галичини²⁾ вызвало этотъ союзъ, который Казимиръ потомъ старался разорвать. Съ обѣими этни силами — рыцарями и татарами — приходилось считаться и Казимиру, но его счеты имѣютъ совершенно другой характеръ. Безъ сомнѣнія, только крайняя нужда могла побудить Казимира къ закладу земель рыцарямъ; такой же характеръ крайности, на которую приходится рѣшаться, носить на себѣ и его союзъ съ татарами въ 1354 году. Прибавимъ сюда отношенія къ Людовику и курии, и положеніе обѣихъ борющихся сторонъ представится болѣе или менѣе ясно. Договоръ 1352 года не прервалъ борьбы: она прекратилась сама собою лишь послѣ того, какъ измѣнились отношенія Литвы къ татарамъ, прекратилась на время, чтобы затѣмъ послѣ синеводской битвы возобновиться съ прежнею завязтостію³⁾.

¹⁾ Антоновичъ, Очеркъ, 126. Что въ данномъ случаѣ можетъ быть рѣчь не о Подольи, а лишь о галицкомъ Поддѣстровьѣ, ясно доказалъ уже К. Стамидицкіи, Synowie, I, 132. До Подолья Казимиру было еще далеко, да и у Кромера: *Romaniam inferiorem que Podolia dicitur*, XII, 213. Какъ и въ настоящее время, Галичина дѣлилась на три части: Покутье, въ обширномъ смыслѣ — все пространство къ югу отъ Днѣстра до Карпатъ, въ болѣе узкомъ — уголъ между Черемошемъ и Прутомъ; Подгорье — западная часть Покутья, прилегающая къ Карпатскимъ горамъ и Подолье — къ востоку отъ рѣки Стрипы, (то-есть, лѣтописное Повонье). *Шараневичъ*, Русь, 105, пр. 91.

²⁾ *Thiesler*, M. P. I, № 702: Tartari, qui Ruthenis dominabantur civesdem occasione hujusmodi provocati (то-есть, занятіемъ Галичини Казимиромъ) facta confederatione cum Litwanis continue hostiliter dictas terras invadunt. Не знаю, почему Антоновичъ, Очеркъ 126, пр. 1, датирующий тоже посланіе папы, не обратилъ на это вниманіе.

³⁾ Потому-то и не было заключено никакого договора. Извѣстные намъ договоры можно относить лишь къ 1352 и 1366 гг. Договоръ 1358 г. между Кейстутомъ и Соновитомъ назовскимъ не имѣетъ никакого отношенія къ борьбѣ на югъ и опредѣляетъ границы лишь сѣвернаго угла литовскихъ и назовскихъ владѣній — округомъ Гродненскаго съ одной, Выдзинскаго и Гоніондскаго съ другой стороны, *Kod. Max.* № 80.

1366—1370 гг.

Въ наступившее послѣ 1356 г. десятилѣтнее затишье Казиміръ успѣлъ нѣсколько возстановить истощенныя въ непрерывной борьбѣ силы, успокоилъ папу, возмущеннаго его отношеніями къ татарамъ, и снова получалъ отъ него поддержку по прежнему ¹⁾, и узнавъ на дѣлѣ пользу союза съ ближайшими участниками борьбы, рѣшилъ не только обезопасить себя со стороны рыцарей, но даже воспользоваться ихъ силами для общихъ цѣлей на счетъ Литвы.

Въ 1365 г. осенью мы видимъ его въ Мариенбургѣ. Причины поѣздки къ Магистру хронисты не указываютъ съ точностью. Изъ сообщений ихъ мы узнаемъ, что гроемейстеръ Внрихъ фонъ Книпродде показывалъ Казиміру орденскіе магазины, наполненные всевозможными запасами. Казиміръ могъ только удивляться хозяйственности и могуществу ордена и выразилъ радость, что не послушался совѣтовъ враждебныхъ рыцарямъ. Можно думать, что дружественное настроеніе представителей обоихъ государствъ не ограничилось словесными завѣреніями; вѣроятно, былъ заключенъ наступательный союзъ противъ Литвы, по крайней мѣрѣ, условленъ былъ планъ дѣйствій на будущій годъ. Такое предположеніе подтверждаютъ послѣдовавшія скорѣе обстоятельства. „Собрался наконецъ Казиміръ съ духомъ“, говоритъ Кромеръ ²⁾,— „для возвращенія той части Руси, которую потерялъ 13—14 лѣтъ назадъ скорѣе по причинѣ отпаденія русскихъ, нежели благодаря силамъ литовцевъ“.

Въ томъ же году двинулись на Литву и рыцари, отвлекшіе Ольгерда и ознаменовавшіе свой набѣгъ тѣми „превосходными подвигами“, столь восхищавшими папу, о которыхъ мы упоминали выше. Совпаденіе краснорѣчивое не менѣе прямого документа. Временный союзъ ордена съ Казиміромъ былъ въ сущности весьма желателенъ для рыцарей. Устроившись въ Поморской землѣ, они съ спокойной увѣренностью смотрѣли на Литву, какъ на вѣрную въ близкомъ будущемъ добычу ³⁾. Правда, послѣ Литвы очередь была за Польшей, по теньеръ отчего было не содѣйствовать движенію Казиміра на Русь.—Руководители орденской политики были, конечно, хорошо знакомы съ

¹⁾ 1363 г. Урбанъ V объявляетъ индульгенцію на 12 лѣтъ для всѣхъ готовыхъ содѣйствовать Казиміру въ его борьбѣ: quod ipse pro regni sui Polonie quod prope naciones perversas infidelium consistit, defensione fidelium eget subsidiis adjuvari: *Theiner*, M. P. I, № 888.

²⁾ De rebus, XII, 218.

³⁾ *Шайноха*, V, 135.

положеніемъ дѣлъ на Руси, благодаря обширнымъ и постояннымъ торговымъ сношеніямъ, могли, слѣдовательно, знать, что, содѣйствуя наступательному движенію Казимира, они рѣшительно парализуютъ тотъ слабый остатокъ силъ, какой еще представляла Польша сама по себѣ.

Вѣды именно русскія дѣла Казимира доставили рыцарямъ выгоды Калышскаго мира, и не было никакихъ основаній предполагать, что дальнѣйшій ходъ дѣлъ въ томъ же направленіи не предоставитъ ордену еще большихъ выгодъ. Все это въ достаточной степени рисуетъ политическій круговоръ Казимира, о чемъ—къ слову сказать—любятъ распространяться польскіе историки. Казимиръ считалъ измѣнниками отечества всѣхъ недовольныхъ Калышскими условіями ¹⁾, завѣтной цѣлью его была Русь—степи Подолья, берега Чернаго моря ²⁾ (?). Не такъ давно—въ 1358 г.—именно туда—въ подольскія и причерноморскія степи приглашалъ рыцарей Ольгердъ; теперь ордену представлялась возможность замѣнить себѣ польскимъ государемъ. Политическіе планы Казимира могли такимъ образомъ исходить не только изъ венгерскаго Вышеграда, но и изъ нѣмецкаго Мариенбурга. Какъ бы ни было, во всякомъ случаѣ въ 1366 г. планамъ этимъ благопріятствовали и другія обстоятельства: именно въ это время прекратились не безразличные для Казимира споры между императоромъ и королемъ венгерскимъ. Ободренный всѣми этими обстоятельствами Казимиръ, какъ сказано, двинулся на Русь. Подробности борьбы намъ неизвѣстны. Обстоятельство весьма важное: успѣхи Казимира 1366 г. были якобы блестятельны. Онъ шагнулъ далеко, ступивъ на землю, выходящую даже за предѣлы бассейна Вислы, ибо къ нему, по обыкновенной версій, перешли не только Городло, Любомль, Влучимъ, но Турійскъ, Ратно и Коширъ. Такъ, по крайней мѣрѣ представляются результаты похода 1366 г. въ договорѣ, приводимомъ въ извлеченіи Парушевичемъ, единственномъ документѣ, на которомъ основывались до послѣдняго времени всѣ наши свѣдѣнія о событіяхъ этого года ³⁾. Если повѣрять этому документу, то необходимо предположить, что Казимиръ зашелъ такъ далеко, занялъ земли своимъ войскомъ, ибо ни по какому другому праву, кромѣ права завоеванія, онъ не могъ бы предъявлять на нихъ своихъ притязаній, никакого другаго права не могли признать и литовцы, и

¹⁾ Ib.

²⁾ *Ольшва*, Rok 1366, стр. 70.

³⁾ *Historya*, Лейпцигск. изд. 1837, IX, 244 слл.

тѣмъ не менѣе о борьбѣ не слышимъ. Литовцы, говоритъ Нарушевичъ, не представили Казимиру никакого отпора, быть можетъ, вслѣдствіе затрудненій со стороны рыцарей,—догадка правдоподобна, но случай все-таки былъ бы безиримѣрный.

Въ военныхъ дѣйствіяхъ 1352 г. мы видѣли солидарность Гедиминовичей; ея нельзя упускать изъ виду, ибо распредѣленіе литовско-русскихъ силъ подъ ихъ властью по тремъ фронтамъ — польскому, нѣмецкому и московскому могло предполагать болѣе или менѣе нерѣшительными и слабыми дѣйствія на одномъ изъ фронтовъ, по дѣлало невозможнымъ совершенное открытіе ея для вражескаго вторженія. — Уже поэтому услѣхи, предполагаемые документомъ у Нарушевича, кажутся сомнительными. Но сомнѣніе должно перейти въ прямое недоувѣріе, въ виду новаго документа, напечатаннаго недавно и представляющаго договоръ между Казиміромъ и Любартомъ, договоръ, который, по времени ни къ какому другому году, кромѣ 1366, отнесенъ быть не можетъ ¹⁾. Въ этомъ договорѣ опредѣляются границы владѣній Казимира и Любарта, указывающія въ то же время и территорію борьбы, затѣмъ опредѣляются взаимныя торговыя и политическія отношенія. Обѣ стороны обязываются не измѣнять торговыхъ трактатовъ и къ купцамъ относиться по старинѣ, помогать другъ другу противъ враговъ, при чемъ—последнее обстоятельство, будучи обоимъ, считается съ положеніемъ Любарта: онъ обязанъ не помогать братьямъ противъ короля, но въ то же время не будетъ помогать королю противъ братьевъ ²⁾. Для насъ самое важное въ документѣ—это граничная линія: „къ Володимірю отступается по толѣ: по Оуймицѣ ³⁾, по Пѣсчаный Бродъ ⁴⁾ по Еоуфимиково село ⁵⁾, отъ

¹⁾ Архивъ Сангушковъ, I, № 1.

²⁾ Тѣмъ образомъ союзъ направленъ противъ третьяго лица, думаю—татаръ. Договоръ былъ заключенъ послѣ Синеводской битвы, то-есть, когда татары не могли уже оказать Казимиру какихъ-нибудь услугъ, но могли иногда тревожить его набѣгами.

³⁾ Въ 20 верстахъ къ востоку отъ Владимира.

⁴⁾ Конечно, не Пѣсчаны и Бродъ, ибо ниже: „а отъ Пѣсчана бродъ“.

Песчанка? — къ востоку отъ Турійска, ib., прии.—Песчаный бродъ упоминается еще ib., № 139, и положеніе его можетъ быть опредѣлено по смежнымъ мѣстамъ, тамъ же указываемымъ: онъ находился или въ южной части Ковельскаго уѣзда (всего втроегиде,—по картѣ генеральнаго штаба, тамъ же оверо Песчаное и рядомъ Гунчій Бродъ), или въ сѣверной части Лудкаго, въ обонъхъ случаяхъ недалеко отъ р. Стохода.

⁵⁾ Мѣстности съ этими или подходящимъ названіемъ я не нашелъ; но указана она и издателями акта.

Еоуфимкова села до Маркова става ¹⁾, отъ Маркова става по Львовскую дорогу къ Скоморохамъ ²⁾, а отъ Пѣсчана броду по Пинской мостъ ³⁾, а оттолѣ по Турью, поколѣ Турья прошла⁴⁾.

Хотя указанная здѣсь граница и не представляеть полною закрученности, во всякомъ случаѣ она не оставляетъ никакого сомнѣнія, что сѣверные предѣлы земель, отошедшихъ къ Казимиру не переходили за Стоходъ (въ его направленіи отъ запада къ востоку) съ одной и верховьевъ Турин—съ другой стороны. Если предположить, принимая во вниманіе документъ Нарушевича, что рассмотрѣнный договоръ представляетъ лишь предварительныя условія мира, опредѣленныя Казимиромъ и Любартомъ и требующія, по положенію Любарта, окончательнаго утвержденія со стороны другихъ литовскихъ князей, какъ это мы видѣли въ документѣ 1352 года, и что представлялъ бы въ такомъ случаѣ договоръ у Нарушевича, то какъ бы ни было, надо признать, что въ главномъ—въ уступкѣ земель, окончательный договоръ не могъ очень разниться отъ предварительныхъ условій. При сравненіи же обѣихъ ясно, что по договору несомнѣнной подлинности Казимиръ получаетъ лишь округъ, простирающійся ко Владимиру съ весьма небольшимъ протяженіемъ къ востоку и сѣверу; по документу же Нарушевича пріобрѣтенія его переходять за Припять; мало того, предполагаются нѣкоторыя, по крайней мѣрѣ, права Польскаго короля на земли, находящіяся въ значительномъ разстояніи къ сѣверу и къ югу. Въ обезпеченіе владѣній Кейстута и Ольгерда, говорится въ заключеніи Нарушевичева документа, король на будущее время отказывается отъ всякихъ правъ на Брестъ и Каменницу, а въ Подляшѣ на Дрогичницъ, Мельникъ, Бѣльскъ, равно на землю Кобринскую, составлявшую владѣніе Ольгерда ⁴⁾. Но, спрашивается, какое право могъ имѣть когда-либо Казимиръ на указанныя здѣсь владѣнія? Въ настоящее время намъ извѣстны чуть ли не всѣ документы времени Казимира; ни одинъ изъ нихъ, однако, не указываетъ не только на дѣйствительное его господство въ сѣверной части Волыни или Подляшья, но не даетъ даже основаній предполагать временнаго притязанія на нихъ съ его стороны. Есть пожалованія

¹⁾ При слияніи обѣихъ Луговъ.

²⁾ На р. Вугъ, около Стенитка.

³⁾ Къ сѣверо-востоку отъ Владимира.

⁴⁾ Rex nihil juris habiturus unquam in Keystuti arces, in Brost, Kamienica Dohobicskuz, Mielnik, Bielak; Kobryn Magni ducis.

Казиміромъ земель въ Подоліи, напримѣръ, села Пылавцы (Летичевскаго уѣзда) Щукоцкому, но эти документы несомнѣнно поддѣльны ¹⁾, и нѣтъ рѣшительно никакого признака дѣятельности Казиміра въ указанныхъ областяхъ. А между тѣмъ все вниманіе послѣднихъ годовъ царствованія Казиміра было обращено именно въ эту сторону. Больше 3000 гривенъ израсходовалъ король въ короткое время на Владимірскій замокъ, на смертномъ одрѣ съ безпокойствомъ устремлялъ туда свой заботливый взоръ, отправивъ съ Венцеславомъ Танчинскимъ, завѣдывавшимъ укрѣпленіями, 600 гривенъ за 4 дня до смерти ²⁾. Мы знаемъ, съ какою горячею заботливостію относился Казиміръ въ Галицкой Руси, какъ не оставлялъ ничего, что могло бы содѣйствовать болѣе крѣпкой связи новопріобрѣтенныхъ земель съ Польшей; возможно ли, чтобы завоеванія 1366 года, въ теченіи 4 лѣтъ жизни Казиміра, были имъ оставлены рѣшительно безъ всякаго вниманія? Договоръ 1366 года, приводимый Нарушевичемъ изъ короннаго архива, не имѣетъ никакой даты (ни мѣста, ни времени), къ 1366 году онъ отнесенъ Нарушевичемъ лишь по соображенію его данныхъ съ показаніями Длугоша, при чемъ въ передачѣ содержанія договора Нарушевичъ прямо старается примирить и согласовать оба источника ³⁾, въ распредѣленіи земель заключаетъ въ себѣ ни съ чѣмъ не сообразныя невозможности; какимъ же образомъ можно придавать ему значеніе и вѣру. Въ польско-литовскомъ спорѣ за западно-русскія земли выдвигались поляками такіе аргументы, которые могли свидѣтельствовать лишь о незнаніи литовцами ихъ собственной исторіи или о необыкновенномъ нравственномъ преобладаніи надъ ними поляковъ. Что сказать, если оба предположенія сохраняютъ силу и по настоящее время, если подобныя документы приводятся безъ оговорокъ и разъясненій въ русскихъ изслѣдованіяхъ и теперь? Договоръ, приведенный Нарушевичемъ, мы считаемъ не заслуживающимъ рѣшительно никакого вниманія: онъ представляетъ позднѣйшую и притомъ весьма грубую поддѣлку ⁴⁾. При сопостав-

¹⁾ *И. Молчановскій, Очеркъ, 188, пр. 1.*

²⁾ *Иль, М. Р. Н., II, 644.*

³⁾ *Historya, XI, 246 пр. 2.*

⁴⁾ Характерно замѣчаніе К. Стадницкаго, *Synowie, II, 43: Spory dłuголетnie, które się toczyły między Litwą a Polską nie mogły mieć miejsca co do Wołynia, bo ktoś wbrew oczywistości śmiał by zaprzeczyć że Kazimierz ziemię tę zawojował, „очевидность“ достигалась документами, приведенными у Нарушевича!*

леніи съ несомнѣнной подлинности документомъ она очевидна. Замѣчательно, что о Нарушевичевомъ документѣ не упоминаетъ и описатель короннаго архива Кромеръ.

Въ указаніи результатовъ Казимірова предпріятія въ 1366 г. мы должны поэтому ограничиться лишь разсмотрѣннымъ несомнѣннымъ договоромъ между Казиміромъ и Любартомъ. Результаты эти заключались лишь въ приобрѣтеніи Казиміромъ Владимира съ небольшимъ округомъ, а дѣятельность его въ послѣдніе годы жизни доказываетъ, что онъ всѣ силы обратилъ на то, чтобы сдѣлать этотъ городъ базисомъ дальнѣйшихъ приобрѣтеній или по крайней мѣрѣ окончательно упрочить его за собою. Говорить о какихъ-нибудь другихъ успѣхахъ Казиміра мы рѣшительно не имѣемъ ни малѣйшаго основанія.

Былъ ли договоръ временнымъ перемиріемъ, или имѣлъ значеніе окончательнаго? Скорѣе можно предполагать первое, какъ потому что онъ былъ заключенъ только между Казиміромъ и Любартомъ, безъ участія другихъ литовскихъ князей, такъ и потому что въ немъ находится, правда несовсѣмъ ясное, упоминаніе о какомъ-то срокѣ ¹⁾. Изъ письма Урбана V къ гнѣзненскому архіепископу ²⁾ мы узнаемъ, что въ 1369 году „договоръ между Казиміромъ съ одной и нѣкоторыми схизматиками и невѣрными“ съ другой стороны, былъ послѣднимъ неожиданно нарушенъ, что, по врожденной злокозвенности, они произвели страшный набѣгъ, при чемъ разрушили нѣкоторые города въ предѣлахъ Краковской епархіи, по самой неопредѣленности панскихъ выраженій заставляетъ предпологать, что окончательнаго договора отъ лица всѣхъ литовскихъ князей, какъ въ 1352 году, заключено не было, и что набѣгъ 1369 г. могъ быть произведенъ Кейстутомъ, который не чувствовалъ себя связаннымъ договоромъ, заключеннымъ между Казиміромъ и Любартомъ, хотя своимъ набѣгомъ несомнѣнно дѣйствовалъ въ пользу послѣдняго. Это обстоятельство является лишь подтвержденіемъ всегдашней солидарности дѣятелій Гедиминовичей. Во всякомъ случаѣ, набѣгъ 1369 г. представляетъ отдѣльный эпизодъ, не измѣнившій до смерти Казиміра взаимнаго отношенія враждебныхъ сторонъ.

¹⁾ „оъ (?) на годъ минеть Дмитріевъ день“ (26 октября). Предположеніе, что срокъ этотъ относится лишь въ условію взаимной помощи (ib., пр.), не имѣетъ за себя никакихъ основаній. Думаю, срокъ скорѣе относится ко всему договору. Тенетъ во всякомъ случаѣ неменъ, вѣроятно, здѣсь пропускъ.

²⁾ *Tłociniet*, M. P., I, № 882.

1370—1377 г.

1

5-го ноября 1370 года умеръ Казиміръ ¹⁾. Лишь только, говоритъ Янъ,—смерть Казиміра сдѣлалась извѣстною, Кейстутъ съ Любартомъ начали на Владимірскій городъ и, несмотря на полную возможность защищаться въ новыхъ укрѣпленіяхъ, начальникъ владимірскаго гарнизона, Петрашъ Турскій изъ Лапчицы, сдалъ его безъ всякаго сопротивленія литовцамъ, которые немедленно разрушили помій каменный городъ, довольствуясь старымъ деревяннымъ ²⁾),—поступокъ, совершенно естественный въ виду того, что единственно этотъ каменный городъ былъ оплотомъ польскаго владичества на Волыни. 600 гривенъ, отправленныхъ Казиміромъ на смертномъ одрѣ для укрѣпленій Владиміра, не дошли по назначенію и были возвращены въ королевскую казну ³⁾. Ударъ за ударомъ посыпались на Польшу, не давая полякамъ возможности опомниться: одновременно съ занятіемъ Волыни литовцами, понагъ въ руки Бранденбургскаго маркграфа Сантока; въ то же время велъ себя подозрительно Мазовскій Сомовитъ, не явившійся на коронацію для возобновленія присяги и захватившій, кромѣ того, подъ свою власть четыре города ⁴⁾. Его связи съ Литвой вызвали даже вмѣшательство папы Григорія XI въ 1371 году ⁵⁾. Поляки обваруживаютъ полную апатію: ополченіе на выручку Сантока собиралось дѣлively, литовцамъ не было оказано никакого сопротивленія ⁶⁾. Людовику, вообще равнодушному къ польскимъ дѣламъ, событія на отдаленной окраинѣ государства могли казаться не заслуживающими особаго вниманія. Для него, династа по преимуществу, Сомовитъ долженъ былъ являться гораздо болѣе опаснымъ; но равнодушіе поляковъ, окружавшихъ Елизавету, къ дѣ-

¹⁾ Мы не дѣлаемъ никакого перерыва, потому что дальнѣйшій ходъ борьбы представляетъ естественное продолженіе предшествовавшаго.

²⁾ Янъ, М. Р. Н., II, 643.

³⁾ Ib.

⁴⁾ *Друготъ*, подъ 1370, IX, 323.

⁵⁾ *Шуйскій*, *Orowid.*, 79.

⁶⁾ Разказъ Друготна о посольствѣ Елизаветы къ Кейстуту (подъ 1370, X, 330) сомнителенъ. Объясненіе Каро, что Людовигъ былъ занятъ европейскими дѣлами, а Елизавета, по женскому легкомыслію, наслаждалась властью и сопротивляясь, оставленнымъ братомъ (G. P., II, 376), не можетъ удовлетворить насъ; у Елизаветы вѣдь были совѣтники, да и она сама не чужда была политическаго пониманія. См. *Шайноха*, *Dzieła*, IV: *Siostra Kazimierza W. we Włozzech*.

ламъ на востокъ, заслуживаетъ вниманіе. Вѣдь если вѣрить Длугошу, литовцы, увлеченные успѣхомъ, дошли до Сандомира. Показаніе Длугоша ¹⁾, впрочемъ, не подтверждается Яномъ, который совершенно молчитъ о литовскомъ набѣгѣ.

Семь лѣтъ литовцы спокойно владѣли возвращенными отъ поляковъ землями, и замѣчательно—ни разу вниманіе поляковъ не обращалось въ эту сторону.

1372 г., октября 10-го, Людовикъ передалъ Русь, то-есть, Галичину, Владиславу Опольскому ²⁾. Другаго правителя, болѣе подходящаго для его цѣлей, врядъ ли удалось бы ему найти. Возможныя со стороны поляковъ недоразумѣнія, въ случаѣ назначенія какого-нибудь венгерца, устранялись въ данномъ случаѣ тѣмъ, что Владиславъ, хотя и не любимый шляхтой, былъ все-таки польскій князь—Пясть, и этотъ титулъ вполнѣ покрывалъ, по крайней мѣрѣ на видъ, дѣйствительную сущность вещей — передачу Галичины венгерскому намѣстнику. Для насъ, впрочемъ, интереснѣе пока вопросъ о границахъ Руси, переданной Владиславу въ управленіе. Мы видѣли, что Владимірскій округъ отошелъ къ Любарту немедленно послѣ смерти Казимира, затѣмъ до 1377 г. мы не имѣемъ никакихъ свидѣтельствъ объ отношеніяхъ Владислава къ Белвско-Холмской землѣ; очевидно, она не была ему подвѣдома. Остается слѣдовательно Русь въ предѣлахъ договора 1352 г. Только въ 1377 г. Владиславъ учреждаетъ въ Белзѣ складъ соли и другихъ товаровъ, причемъ „литовцы“, то-есть, русскіе, находившіеся подъ властью Литвы, должны были запасаться солью въ Белзѣ и не посѣщать Галицкую Русь ³⁾. Очевидно, здѣсь они были опасными гостями. Такимъ образомъ Холмско-Белвская земля не состояла ни въ какихъ отношеніяхъ къ Польшѣ, при жизни Казимира. Въ ней спокойно правилъ Юрій Наримунтовичъ. Семилѣтнее правленіе Владислава представляетъ во внутренней жизни Галицкой Руси эпоху чрезвычайно важную. Мы уважемъ ея значеніе при обзорѣ внутреннихъ дѣлъ страны, теперь продолжимъ очеркъ затихшей, но еще не оконченной борьбы за Галичъ. Мы уже указывали на равнодушіе поляковъ къ дѣламъ, происходившимъ на восточной

¹⁾ X, 331. Разказъ Длугоша о чудѣ, на чемъ, между прочимъ, Стадницкій основываетъ его достоверность (Synowie, II, 47 пр. 75), представляетъ, очевидно, легенду, связанную съ литовскими набѣгами. Подобный же разказъ встречаемъ у Выховца, при описаніи нападенія Ягайла, стр. 28.

²⁾ А. Гр. и З., III, № 20.

³⁾ *Bakiński-Lipiński, Starożytna Polska*, II, 2, 1177.

границѣ государства. Людовикъ не считалъ нужнымъ обращать на нихъ особенное вниманіе, но, можно думать, онъ не совсѣмъ успѣлъ ихъ изъ виду, постаравшись затруднить литовцевъ борьбою съ рыцарями, на которыхъ Людовику дѣйствовать было не трудно. Не мало обстоятельствъ тѣснѣйшимъ образомъ связывало Людовика съ рыцарями. Въ юные годы онъ воевалъ съ кельбскими подъ орденскими знаменами; хозяйственный и меркантильный по натурѣ, Людовикъ не могъ въ зрѣлые годы не отдавать въ этомъ отношеніи справедливости рыцарямъ; не говоримъ уже о его пѣмцевскихъ симпатіяхъ вообще. — Вотъ почему при Людовикѣ орденъ пользовался широкими торговыми правами въ Польшѣ, въ значительный ущербъ польскимъ, особенно краковскимъ купцамъ. Поэтому-то рыцари вспоминали съ особеннымъ умиленіемъ времена Людовика: „О, еслибы жилъ еще король Людовикъ,—не нанесла бы намъ никакой кривды!.. То-то былъ король справедливый, всегдашній нашъ милостивецъ и защитникъ... днемъ и ночью молимся о его душѣ“¹⁾. Такому королю было, конечно, не трудно пользоваться услугами рыцарей для того, чтобы причинять затрудненія литовцамъ. — Если ограничиться лишь свѣдѣніями, сообщаемыми Длугошемъ²⁾, то можно полагать, что, начиная съ 1371 до 1376 г. не проходило ни одного года безъ набѣга рыцарей на владѣнія Кейстута, при чемъ вѣкторые изъ этихъ набѣговъ были направлены именно на Русь, близкую къ владѣніямъ Любарта. Такъ въ 1373 г. Валгскій командоръ напалъ на сѣверную Волинь и дошелъ до Каменницы. Такимъ образомъ Кейстутъ былъ совсѣмъ лишенъ возможности содѣйствовать брату, а съ собственными средствами Любартъ могъ и не рѣшиться выступить на борьбу, въ виду силъ соединенныхъ государствъ—Польскаго и Венгерскаго, такъ что набѣгъ литовцевъ 1376 г. произошелъ въ этомъ году только потому, что не могъ быть произведенъ раньше.

Соединенныя силы Любарта, Кейстута и Юрія Наримунтовича черезъ Люблинскую землю внесли въ ноябрѣ страшное опустошеніе въ Сандомирскую область. Набѣгъ былъ жестокой, и безчисленное ипожество народа было уведено въ плѣнъ³⁾. Литовцы дѣйствительно какъ будто старались выместить старыя обиды. Не мало было ихъ,

¹⁾ Voigt, Cod. dipl. Prus., IV, 139, цитата по Шайможи, V, 138.

²⁾ X, 345, 349, 352, 356, 360, 368; Ср. впрочемъ Boldt, Der deutsche Orden u. Litauen 1370—1386. Königsb., 1873, стр. 21 сл.

³⁾ Ячъ, М. Р. Н., II, 675. По лѣтв. Малопольск., ib., III, 201, уведено было 23 тысячи человекъ.

и притомъ весьма существенныхъ, если имѣть въ виду дѣятельность Владислава въ Галицкой Русѣ.

Людвигу пришлось, наконецъ, обратить серьезное вниманіе на восточную границу. Опъ обращается къ польскому духовенству съ предложеніемъ оказать матеріальное содѣйствіе къ предстоящему походу, но результаты не вполне отвѣчали его надеждамъ: всего лишь 200 гривенъ получилъ Людвигъ отъ архіепископа въ Сандомірѣ, куда прибылъ черезъ Саноцкія горы, вѣроятно, въ началѣ іюня 1377 г. ¹⁾.

Двумя отрядами двинулись войска на Русь: поляки подъ предводительствомъ Сендзивая изъ Шубина пошли на Холмъ, венгерцы на Велзь, гдѣ съ главными своими силами заперся Юрій. Съ венгерскими войсками находился, вѣроятно, и Владиславъ Опольскій.— Въ теченіе недѣли, по сообщенію польскихъ анналовъ, управились поляки съ Холмомъ, послѣ чего присоединились къ венграмъ. Скоро между осаждающими произошли крупныя недоразумѣнія, могшія печально отразиться на исходѣ всего предпріятія ²⁾; но явился для переговоровъ Кейстутъ, и военныя дѣйствія прекратились. Литовцы обязались сдать Велзь и возвратитъ плѣнныхъ, захваченныхъ, очевидно, въ предыдущемъ набѣгѣ. Только теперь такимъ образомъ были приобрѣтены отъ Литвы земли Велзская и Холмская, но даже теперь предѣлы польскихъ завоеваній не дошли еще до границъ, указываемыхъ въ договорѣ у Нарушевича ³⁾. Походъ былъ предпринятъ Людвигомъ не даромъ: весь лѣвый берегъ Буга теперь оказался въ полной его власти, а у Юрія была отнята всякая возможность возбуждать новыя для поляковъ затрудненія. вмѣсто отнятыхъ у него земель, ему былъ данъ Любачевъ и сто гривенъ изъ соляныхъ доходовъ въ Вокнін ⁴⁾.

Военныя дѣйствія 1377 г. представляютъ поворотный моментъ въ исторіи занимающей насъ борьбы. Въ дѣйствіяхъ литовцевъ не видимъ уже той энергіи и единства, какими всегда отличались они раньше. Юрій мужественно защищаетъ въ Велзѣ, но со стороны

¹⁾ Время похода — июль—августъ, *Ржежабекъ*, въ *Савор.*, 200, пр. 59, на основаніи ш. гг. рг. II, 116.

²⁾ Кромеръ, XIII, 228.

³⁾ Длугошъ, Кромеръ и гятоп. Кузавск., называютъ Велзь, Холмъ, Городло, Грбовецъ и Всеволозь (не волынской, *Смадницкій*, *Synowie*, 1, 35 пр. 47, по доложенію его неважѣтно); Янъ говоритъ вообще о землѣ Велзской и Холмской.

⁴⁾ Янъ, М. Р. Н., II, 679; *Ржежабекъ*, въ *Савор.*, 199.

Любарта не получаетъ поддержки. Кейстутъ является въ польско-венгерскій лагерь какъ разъ тогда, когда въ немъ обнаружилась вражда и нестроеніе, и тѣмъ не менѣе не думаетъ ни пользоваться. Все это такъ рѣзко отличается отъ прежняго образа дѣйствій литовскихъ князей, что могло произойти лишь вслѣдствіе важныхъ причинъ.—Дѣйствительно весной 1377 г. умеръ Ольгердъ ¹⁾).

Въ дѣятельности трехъ Гедиминовичей нельзя не замѣтить строгаго и выдержаннаго распредѣленія ролей. Кейстутъ является по преимуществу борцомъ съ нѣмцами, Ольгердъ занимается дѣлами русскими и татарскими, Любартъ стоитъ на стражѣ интересовъ Литвы со стороны Польши. На трехъ фронтахъ державы Гедимина мы видимъ по его смерти трехъ его сыновей, унаслѣдовавшихъ отъ отца, какъ показываютъ ихъ дѣла, его великій духъ. Дѣятельность ихъ представляетъ рѣдкій, едва ли не единственный въ исторіи примѣръ не только стойкости и мужества, но и такихъ истинно братскихъ отношеній, которыя въ болѣе извѣстныхъ намъ отношеніяхъ Ольгерда и Кейстута вызываютъ общее удивленіе историковъ. Картина, однако, не полная, ибо въ ней недостаетъ третьяго брата. Удалившись на югъ еще при жизни отца, онъ остался на мѣстѣ до самой кончины. Сорокъ лѣтъ провелъ въ неустанной борьбѣ. Сознаніе важности занимаемаго имъ поста, непрерывныя опасности со стороны врага не давали Любарту никакой возможности принимать участіе въ другихъ литовскихъ дѣлахъ — вотъ почему молчатъ о немъ восточно-русскіе и нѣмецкіе историки. И западно-русскій лѣтописецъ въ трогательной характеристикѣ отношеній Ольгерда и Кейстута ²⁾ не даетъ Любарту мѣста, принадлежащаго ему по нелицеприятному свидѣтельству историческихъ фактовъ, а столь вообще многословный Длугошъ сумѣлъ быть сжатымъ; въ его характеристикѣ: „мужъ двуличный и коварный“ — вотъ и все, что сказалъ Длугошъ о личности Любарта ³⁾).

Такъ заплатила Любарту исторія, продолжаетъ платить той же монетой и донинѣ, ибо и въ новѣйшихъ трудахъ—даже русскихъ—встрѣчаемъ упоминаніе объ „отчужденіи Любарта отъ братьевъ, которые не прочь были отхватить у него частицу его богатой земли“ ⁴⁾).

¹⁾ *К. Стадницкій*. Olg. i Kiejst., 157, пр. 348.

²⁾ *Латоп. Повеса*, 28.

³⁾ IX, 306: *vir ambiguae fidei et dolositatis plurimae*.

⁴⁾ *Андришевскій*, Очеркъ, 216.

Все это лишь плодъ недоразумѣній и недостаточно яснаго представленія дѣла. Говоря выше о Берестѣ, мы указывали на естественность постояннаго участія Кейстута въ русско-польской борьбѣ; но не только Кейстутъ принимаетъ въ ней дѣятельное участіе. Въ интересахъ обоихъ братьевъ дѣйствуетъ и Ольгердъ; всѣ три Гедиминовича обращаютъ усиленное вниманіе на западную границу, и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ нельзя усмотрѣть ни тѣни какого-нибудь соперничества, зависти или чего подобнаго. Договоръ 1352 г. сохраняетъ намъ весьма характерную и дорогую черту взаимныхъ отношеній Гедиминовичей: „а на счетъ Любартова плѣненія, предоставляемъ рѣшеніе панамъ угорскимъ... если плѣнилъ его король по кривдѣ (несправедливо), Любартъ будетъ правъ, и я князь Кейстутъ буду правъ передъ угорскимъ королемъ; если же правъ окажется король, мы дадимъ ему брата Любарта въ плѣнъ“. Трудно сказать, который изъ братьевъ въ данномъ случаѣ старается очистить другаго отъ магійсшаго подозрѣнія въ коварствѣ даже со стороны врага и въ такомъ дѣлѣ, какъ бѣгство изъ плѣна во время военныхъ дѣйствій; во всякомъ случаѣ, оба брата выступаютъ здѣсь за одно, каждому рыцарская честь другаго столь же дорога, какъ и своя. Какъ будто идеальныя понятія о рыцарской чести, ослабѣвъ на западѣ—вспомнимъ плѣненіе Казиміромъ Карла Люксембурга и бѣгство послѣдняго изъ плѣна,—нашли себѣ мѣсто въ сердцахъ Гедиминовичей! Послѣ 1352—1353 гг. мы видимъ постоянное участіе Кейстута въ дѣлахъ Любарта, то вмѣстѣ съ нимъ, то отдѣльно отъ него, но всегда съ одною цѣлью—содѣйствія и помощи. И теперь, въ 1377 г., только что потерявъ одного брата, съ которымъ былъ едино, Кейстутъ тѣмъ не менѣе является въ союзный лагерь враговъ хлопотать о дѣлѣ другаго брата.

Но богатырскія силы героя надломлены постигшимъ его ударомъ. Не предводителемъ грознаго набѣга, какъ бывало, не на выручку осажденнаго и отчаянно отбивающагося въ Белѣй племянника является Кейстутъ въ непріятельскій лагерь. Нѣтъ! Безъ войска, вѣроятно, въ сопровожденіи лишь небольшой свиты, является онъ для переговоровъ, а затруднительное положеніе союзниковъ ускоряетъ заключеніе мира. Мы не знаемъ, какое еще доказательство пужно для подтвержденія истинно-братскихъ отношеній не двухъ лишь, а трехъ Гедиминовичей во все продолженіе ихъ княженія? Бездѣйствіе литов-

цевъ въ 1377 г. объясняется такимъ образомъ совершенно естественно, нося на себѣ явную печать преслѣдующаго ихъ злаго рока ¹⁾).

1377—1387 гг.

Объ отношеніи Холмско-Белзской земли къ Польшѣ съ 1377 г. не находимъ опредѣленныхъ указаній въ лѣтописныхъ свидѣтельствахъ; документы не представляютъ никакихъ данныхъ о дѣятельности въ ней поляковъ. Въ 1377 г., іюля 26-го, то-есть, еще во время пребыванія здѣсь мадыарско-польскаго войска, Людовикъ жалуетъ братьямъ Дмитрію и Яну города Горай и Красникъ ²⁾, а Владиславъ Опольскій прибавляетъ еще Щебрешичъ ³⁾. Вѣроятно, ко времени непосредственно по заключеніи мира относится грамота того же Владислава Белзу, о которой мы упоминали выше, но о позднѣйшей дѣятельности правителя Галичины въ Холмско-Белзской землѣ ничего не знаемъ. Чтò означаетъ это отсутствіе свѣдѣній, трудно сказать; но мы не рѣшаемся сопоставлять это умолчаніе съ таковымъ же въ 1340 г. относительно Галичины, въ 1349 г. относительно Волни ⁴⁾. Во всякомъ случаѣ, если о Белзѣ встрѣчаемъ упоминаніе, относящееся ко времени мадыарскаго господства, какъ о городѣ, подлежащемъ власти угровъ ⁵⁾, то Холмъ еще въ послѣдній моментъ борьбы ⁶⁾ и потомъ во время дипломатической борьбы между Польшей и Литвой въ XV вѣкѣ возбуждалъ характерныя сомнѣнія ⁷⁾.

¹⁾ Кромерж, XIII, 228, упоминаетъ еще о двукратномъ набѣгѣ литовцевъ послѣ 1377, но намъ не пришлось встрѣтить подтвержденія его показаній. Во всякомъ случаѣ смерть Ольгерда составляетъ въ исторіи русско-польской борьбы рѣшительный переломъ, хотя даже тогда трудно было предвидѣть окончательный ея исходъ.

²⁾ Грабовскій-Пржезднцкій, *Zbiórka*, 1, 141.

³⁾ *Staroż. Polska*, II, 2, 809.

⁴⁾ Переговоры съ куріей объ учрежденіи епископскихъ кафедръ въ сущности ничего не уясняютъ въ данномъ случаѣ уже потому, что въ нихъ упоминается о Владимірѣ, находившемся безъ всякаго сомнѣнія во власти Литвы. Мы угадываемъ лишь на неопредѣленность отношеній Холмско-Белзской земли къ другимъ землямъ державъ Людовика. Надо, однако, сказать, что, быть можетъ, такая неопредѣленность входила въ планы послѣдняго.

⁵⁾ Въ грамотѣ Эверика Вебека, 22-го января 1384 г., въ подписяхъ находимъ (*Ladislao*) filio Roca capitaneo postro de Belz. А. Гр. и З, II, 19.

⁶⁾ Ничемъ въ виду сопротивленіе польской власти западно-русскаго боярина Крупы. Объ этомъ загадочномъ, но весьма характерномъ эпизодѣ будетъ сказано ниже.

⁷⁾ К. Стадницкій, *Synowie*, 1, 27.

Походъ Людовика на Русь не остался безъ важныхъ послѣдствій не только по отношенію къ Литвѣ. Познакомившись съ положеніемъ дѣлъ на Руси и выждавъ послѣ этого нѣкоторое время, Людовикъ нашелъ, что посредничество Опольскаго въ присоединеніи Руси къ Венгрии болѣе не нужно. 13-го января 1379 г. Владиславъ отказывается отъ управленія Русью ¹⁾, официально констатируя дѣло, рѣшенное въ концѣ предыдущаго года ²⁾. Обширныя пожалованія и роль, предоставленная Владиславу въ Польшѣ, свидѣлствуютъ, что Людовикъ могъ имѣть въ виду недовольство поляковъ его дѣйствіями, и что подъ конецъ своего правленія, обезпечивъ себя съ ихъ стороны все, чего желалъ, готовъ былъ и не церемониться съ ними ³⁾. Немедленно по удаленіи Владислава, Людовикъ занимаетъ Русь мадыарскими гарнизонами ⁴⁾. Судя по тому, что и въ пограничныхъ съ владѣніями Любарта городахъ видимъ мадыарскихъ начальниковъ, должно думать, что занята была вся Русь. Со стороны поляковъ никакихъ противоудѣйствій не видно.

11-го сентября 1382 года умеръ Людовикъ. Мадыарскіе начальники волыпскихъ городовъ сдаютъ ихъ Любарту. Это было послѣднимъ извѣстнымъ намъ дѣломъ главнаго героя польско-русской борьбы. Состояніе, въ которомъ мы видѣли Кейстута въ союзномъ лагерѣ подъ Велвошъ, не можетъ дать и приблизительнаго понятія о томъ невыразимо трагичномъ положеніи, въ какомъ долженъ былъ очутиться Любартъ, когда гнусная расправа Ягайла падъ Кейстутомъ окончательно уничтожила равновѣсіе литовскихъ силъ, какъ разъ въ то время, когда содѣйствіе Кейстута въ борьбѣ съ Польшей могло имѣть особенно важное значеніе ⁵⁾; и надо было обладать дѣйствительно богатырскимъ духомъ, чтобы даже послѣ этого сдѣлать попытку къ возвращенію потеряннаго. Дальнѣйшія дѣйствія были бы однако бесполезными, и мы уже не видимъ Любарта во главѣ за-

¹⁾ А. Гр. и З, III, № 27.

²⁾ Добрынская земля была пожалована Владиславу 8-го декабря 1378 г. *Ів., V, № 14.*

³⁾ Вопросъ о правленіи Владислава въ Польшѣ вызываетъ разногласія, но онъ для насъ посторонній; ср. *Шуйскій*, *Orowind.*, 110—111 и *Брейтеръ*, *Владиславъ Опольскій*, гл. IV. Впрочемъ, доводы послѣдняго намъ не кажутся убѣдительными.

⁴⁾ *Литъ, М. Р. Н.*, 680, *Длугошъ*, X, 374, *Кромеръ*, XIII, 229 ограничиваются общими словами, не перечисляя занятыхъ уграми городовъ.

⁵⁾ Кейстутъ былъ удушенъ, по всей вѣроятности, около 15-го августа.

надно-русскихъ полковъ, ведущаго ихъ на самую русско-польскую границу поить коней въ Вислѣ! Вынужденное бездѣйствіе послѣднихъ лѣтъ его жизни, тотъ нѣтъ-ли предвидѣнный поворотъ литовско-русской исторіи, начало котораго происходило на его глазахъ, долженъ былъ невыразимо таготить литовско-русскаго богатыря, всю жизнь прожившаго на Руси, всѣ силы посвятившаго ея интересамъ. Все это, вѣроятно, и ускорило его кончину. Если онъ и не видѣлъ торжества поляковъ, то во всякомъ случаѣ долженъ былъ чувствовать, что всѣ его труды и усилія пропали безъ пользы. Онъ умеръ до 1386 г., представивъ собою наглядный примѣръ гармоническаго сліянія Литвы-Руси какъ разъ въ то время, когда судьбѣ угодно было рѣзко и безжалостно повернуть ихъ исторію на совсѣмъ другой путь.

Какая по истинѣ трагическая судьба!

Съ удаленіемъ Либарта съ исторической сцены, борьба за галицко-владимірское наслѣдіе, собственно говоря, прекращается.

Правленіе Маріи, послѣ отказа ея отъ польской короны, представляетъ время нѣтъ-ли не маскируемаго господства угровъ въ Галичинѣ. Въ церковныхъ дѣлахъ оно, какъ увидимъ ниже, ознаменовалось довольно важными фактами и продолжалось до 1387 г. Событія этого года бросаютъ ретроспективный, но яркій свѣтъ на взаимныя отношенія къ Галичинѣ Польши и Литвы.

18-го февраля 1386 г. Литовско-Русскій государь „Яковъ Ондревичъ“, какъ называетъ его надпись на колоколѣ, пожертвованномъ имъ виленской церкви св. Параскевы ¹⁾, соединился брачными узами съ Польскою королевою Ядвигой. Нѣтъ-ли не подготовленное, а потому неопосредствованное, безпримѣрное въ исторіи счастье засіяло теперь на потуснѣвшемъ польскомъ горизонтѣ! Въ концѣ того же мѣсяца послѣдовала злокозненная смерть несовершеннолѣтнаго Венгерскаго короля Карла Неолонитавскаго, вызвавшая восстаніе въ южныхъ провинціяхъ государства. Вновь ставшая королевою Марія и виновница преступленія Елизавета отправились туда для его усмиренія; здѣсь разыгралась надъ ними ужасная драма. Захваченныя въ плѣнъ сторонниками Карла, онѣ шесть мѣсяцевъ оставались въ плѣну, а въ февралѣ 1387 года Елизавета, въ присутствіи дочери, была задушена. Судьба Марія

¹⁾ М. Смирновъ, Ягелло-Яковъ-Владиславъ. Одесса. 1868, стр. 173.

еще нѣкоторое время вызывала самыя тревожныя опасенія. Какія чувства должны были волновать ея сестру Ядвигу, когда до нея дошли вѣсти о катастрофѣ въ далматскомъ Новоградѣ, едва ли можно себѣ представить; но о чемъ думали въ это время малопольскіе виновники недавняго краковскаго брака, на это указываютъ послѣдовавшія въ мартѣ того же года событія.

Увѣрившись—именно въ исторіи брака—въ возможности безцеремоннаго обращенія съ Ядвигой, малопольскіе паны, не обращая вниманія на ея душевное состояніе, въ отсутствіе Ягайла, увлекаютъ королеву на Русь. 1-го марта прибыли въ Городокъ (около Львова). Этого числа Ядвига выдала львовянамъ документъ на свободный проѣздъ въ Львова въ Городокъ и обратно ¹⁾, скрѣпленный отдѣльнымъ согласіемъ пановъ, спутниковъ Ядвиги ²⁾. Переговоры продолжались недолго. 8-го марта Ядвига съ панами была уже въ городѣ, гдѣ и подтвердила всѣ его права и вольности, даже безъ различія національности. Уничтоженіе повинностей, наложенныхъ „нѣкимъ лицомъ“ по смерти Казимира „не по праву и справедливости“ ³⁾, являлось отвѣтомъ на проски Владислава Опольскаго ⁴⁾. Польской „амазонкѣ“ ⁵⁾ не удалось однако завершить дѣло одиными польскими силами, пришлось призвать на помощь литовскихъ князей,—только они, очистивъ для поляковъ Галичъ, вмѣстѣ съ тѣмъ фактически устранили изъ Галичины послѣдняго посторонняго претендента ⁶⁾. Другими словами, борьба была завершена случайностью,

¹⁾ А. Гр. и З., III, № 40.

²⁾ Ib., № 41.

³⁾ Ib., № 42.

⁴⁾ Ib., II, № 14 и 15. Что кое-гдѣ эти проски могли имѣть успѣхъ, видно изъ сопоставленія документовъ: ib., II, № 13 и ib., VI, № 1. Быть можетъ, они не остались безъ вліянія и на упорное сопротивленіе Венедикта въ Галичѣ, хотя оно могло обуславливаться и значительностью собравшихся здѣсь венгерскихъ силъ. Во всякомъ случаѣ предположеніе Вагнеленча о двойной игрѣ Владислава Опольскаго (ib., III, 73, пр.) вѣроятно.

⁵⁾ *Golembiowski*, *Rapowanie Władysława Jagiełły*, 77: «pod niebytność Władysława, królowa, jak Amazonka druga, zgromadziwszy hufce, na Ruś szeregową wkrocza». Въ какой степени могла принадлежать Ядвигѣ активная роль и какъ идетъ къ ней въ ея душевномъ состояніи, сравненіе съ амазонкой, нечего объяснять.

⁶⁾ Князь гарантировалъ Венедикту не только безопасность, но и милость великаго князя, и дѣйствительно, Ягайло подтвердилъ ему владѣніе нѣвніями въ Жидачевскомъ, Львовскомъ и Белзскомъ округахъ. *Golembiowski*, ib., прибавл. 132, стр. 501. Смыслъ документа невярно переданъ въ *Inventarium*, 250.

которой никакъ нельзя было предвидѣть до роковаго Краковскаго брака.

Когда Ягайло вернулся изъ своей миссіонерской поѣздки въ Литву, дѣло было уже сдѣлано; ему оставалось только подтвердить его отъ своего имени ¹⁾; но столь поспѣшная экспедиція малопольскихъ пановъ съ Ядвигой на Русь, именно во время отсутствія Ягайла, неудовольствія, возникшія между супругами, причину которыхъ указываютъ именно въ дѣйствіяхъ Ядвиги на Руси ²⁾, негодование литовскихъ князей, котораго отчасти не могъ не раздѣлять и Ягайло, и которое дало поводъ къ слухамъ объ отдѣленіи Галичины отъ Польши, вызвавшимъ со стороны Ягайла — впрочемъ уже тогда, когда польская корона была за нимъ обезпечена — торжественное опроверженіе ³⁾, все это, повторяемъ, бросаетъ яркій свѣтъ на отношенія Галичины къ Польшѣ и Литвѣ. Въ этомъ заключительномъ эпизодѣ даже К. Стадницкій видитъ „верхъ (arcydzieło) дипломатіи, осмотрительности, расчета и необыкновенно ловкаго уловленія момента со стороны коронной рады“ ⁴⁾.

Не будемъ спорить. Отиѣтимъ только, что въ обоихъ указанныхъ документахъ, опровергающихъ слухи объ отдѣленіи Галичины отъ Польши, явно сказываются тонъ, языкъ и слогъ польской канцеляріи, которые она тогда только еще выработывала въ присяжныхъ грамотахъ, отбираемыхъ отъ литовскихъ князей на вѣрность Ягайлу и „коронѣ“, и которые затѣмъ въ полномъ блескѣ стилизаціи сказались въ Городельскомъ актѣ.

Такъ завершилась окончательно борьба за Галичину. Дальнѣйшее, какъ напримѣръ, обѣщаніе вѣчной вѣрности королю Владиславу и его сыну со стороны русской (то-есть, львовской, галицкой и перемышльской) шляхты, данное въ 1404 г. въ Галичѣ ⁵⁾, или такое же обѣщаніе, данное 9-го октября 1425 г. представителями Львова ⁶⁾,

¹⁾ А. Гр. и З. III, № 44. Грамота армянамъ, ib., № 45; предоставленіе львовянамъ права самимъ собирать войта, ib., № 46.

²⁾ Каро, III, 69; К. Стадницкій, Synowie, II, 131.

³⁾ 30-го сентября 1388, А. Гр. и З., II, № 17; снова возобновлено 1-го октября 1389, ib., III, № 50.

⁴⁾ Synowie, II, 129.

⁵⁾ Даниловичъ, Skarbiec, № 785.

⁶⁾ А. Гр. и З., IV, № 73. Замѣчательно: все — латини; А. Мосбахъ, Posątk Unii Lubelskiej. Познань. 1873, стр. 4, говорятъ однако по этому поводу: „to też stolica Czerwonej Rusi objawiając swoje mocne przywiązanie do Polski... Ota „сто“

все это только естественныя слѣдствія событій 1387 года, давшія возможность, въ дальнѣйшемъ развитіи, подвести Галицкую Русь по Едлинской конституціи въ 1433 г. наравнѣ со всѣми другими польскими землями подъ одинъ законъ и одно право ¹⁾).

Галицкая Русь еще долго служила предметомъ спора, но уже не между Польшей и Литвой, а между Польшей и Венгріей. Еще въ 1440 г. избранный на венгерскій престолъ Владиславъ Ягайловичъ обѣщалъ созвать чины обоихъ государствъ для окончательнаго рѣшенія вопроса. Предполагаемый съѣздъ однако не состоялся. Венгерско-польскій споръ за Галичину, будучи исключительно дипломатическимъ, ничѣмъ не отражался на судьбахъ Галицкой земли, ни въ чемъ не нарушалъ выпавшаго на ея долю хода исторической жизни, почему онъ и не представляетъ для насъ никакого значенія.

III. **Омеленчъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

лица⁶, конечно, не вышла съ Русью рѣшительно никакой другой связи, кромѣ торговой прібыли.

¹⁾ Voll. legg., 1, 83.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

ГЛАВНИКЪ ХИМАЛЪЕКОЕ МУЗЕЈА У БОСНИ І НЕВСЕОВИНИ. Urednik *Kosta Hofmann*, vladin savjetnik. Knjiga I—III. Sarajevo. 1889.

Со времени занятія Босні и Герцоговины австро-венгерскимъ правительствомъ общественная жизнь въ этихъ областяхъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ ея проявленіяхъ, замѣтно оживилась. Такое оживленіе можно наблюдать и въ мѣстной литературѣ, которой, собственно говоря, до окупаціи не существовало. Не говоря уже о томъ, что эти двѣ провинціи сдѣлались сравнительно доступными для изученія, по крайней мѣрѣ австро-венгерскимъ подданнымъ, а также и иностранцамъ, не проникнутымъ антипатіями къ австро-венгерскимъ вождѣніямъ относительно этихъ провинцій и вообще завѣдомо благонамѣреннымъ въ смыслѣ сказанныхъ вождѣній,— мѣстныя литературныя силы имѣютъ въ настоящее время почти полную возможность проявлять себя въ повременныхъ и неповременныхъ изданіяхъ, поощряемыхъ и вспомоствуемыхъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ и дѣляхъ мѣстнымъ окупаціоннымъ правительствомъ. Такимъ образомъ существуетъ уже нѣсколько изданій повременныхъ, какъ напримѣръ, Сараевскіи Листъ, Босанска Вила (иллюстрированное), духовный Дибро-Босанска Источникъ и др. Мало того: привлечены къ литературной дѣятельности общими направленіемъ и мѣстныя мусульмане, которые до окупаціи и не помышляли объ этомъ, по крайней мѣрѣ въ той формѣ, въ какой они проявляютъ свою литературную дѣятельность въ настоящее время, а именно въ изданіяхъ на своемъ родномъ сербскомъ языкѣ. Благодаря такому настроенію нѣкоторыхъ мусульманскихъ предста-

вителей, мы имѣемъ теперь весьма интересный сборникъ произведеній мусульманско-сербскаго народнаго творчества „Народно Благо“ Мехмедъ-бега Капетановича Любушкаго, изданный въ двухъ видахъ латиницей (въ правительственной типографіи вѣдливоиѣмъ составителя) и кириллицей (изданіе типографіи Шиндлера и Лешнера), и нѣсколько другихъ. Кромѣ того, благодаря сочувствію и содѣйствію мусульманъ, г. Б. Германъ могъ составить свой огромный и весьма интересный сборникъ „Narodne pjesne muhamedovaca u Bosni i Hercegovini“, два тома котораго вышли въ свѣтъ: первый еще въ 1888 г. второй—въ 1889, въ Сараевѣ. Преслѣдуютъ ли политическія цѣли нѣкоторыя боснійско-герцеговинскіе литературные дѣятели, или имѣютъ въ виду какія-либо другія тенденціи,—это совершенно другой вопросъ, и до науки онъ собственно не касается, если не видно вліянія его на такія изданія, какъ „Narodne pjesne“ и т. п.

Къ такого рода изданіямъ я отношу и Гласникъ земаљскогъ музеја у Босни и Херцеговини, начавшій съ начала 1889 года выходить въ Сараевѣ подъ редакціей того же г. Косты Германа съ двулитернымъ заглавіемъ и статьями, то-есть, латинскимъ и кирилловскимъ правописаніемъ, но статьи печатаются тою или другою азбукою, понятно, по желанію авторовъ, хотя латиница стоитъ на первомъ мѣстѣ. Оно и понятно; редакторъ считаетъ себя хорватомъ, да къ тому же въ Австро-Венгріи латиница, какъ извѣстно, дается предпочтенію. По видимому, это скорѣе оффиціальное изданіе Юснійско-Херцеговинскаго земскаго (земаљскогъ) или, по просту, народнаго музея въ Сараевѣ, выходящее одинъ разъ въ три мѣсяца. До сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, вышли уже три книжки за январь-сентябрь, напечатанныя довольно аккуратно въ земской типографіи, гдѣ находится и администрація Гласника, а редакція—въ зданіи земской влады (мѣстнаго правительства). Въ видахъ распространенія цѣна Гласника очень умѣренная, 2 гульдена за годовой экземпляръ. Книжки эти заключаютъ въ себѣ 50 большихъ и малыхъ статей разнороднаго характера. Книжка I-я состоитъ изъ слѣдующихъ 23 статей: I) Читателямъ Гласника, II) О значеніи имени Босна—д-ра Людевита Талоди съ приложеніемъ „Слана врела (Соляныя взринцы) у Босни и Херцеговини“—Рикера ¹⁾, III) Монастырь Панаджуръ-учителя Петра Марковича; IV) Поповъ у Херцего-

¹⁾ Рубрика русскія означаютъ, что эти статьи напечатаны латиницей, а сербскія—статьи, напечатанныя кириллицей.

винни-игумена Христофора Михайловича; V) Къ (Prilog) исторіи Сараева—
 Мустафы Хилия; VI) Соло Прашчиѣак и погола печина (поцера)—
 священника Косты Ковачевича; VII) Могилы (Gromile) на Гласницѣ—
 д-ра Киро Трухелки; VIII) Летпис (летѣи миш) у Херцеговини—
 Отмара Райзера; IX) Кукводство у мухамеданъ—Косты Германа. X.
 Африкански новци од туча (бронзовия монеты), наѣени (найдѣнныя)
 на Вранкамену код (у) Круне—Киро Трухелки; XI) „Къ (Napadno)
 флорѣ южной Босни и Герцеговини“ — Алоиза Адамовича; XII)
 Пребиваѣе четирију врста европейских лешинара (четырехъ видовъ
 европейскаго орла) у Босни и Херцеговини—Отмара Райзера; XIII)
 Интересная турецкая монета, чеканенная въ Сараевѣ—д-ра Киро Тру-
 хелки; XIV) О материалѣ богумилскихъ стеѣака (каменныхъ плитъ)—
 Вацлава Радимскаго; XV) Новые гады (bube, razeznici, kalopteri)
 въ пещерахъ южной Босни—Виктора Алфольбека; XVI) Ениграфске
 пртице (очерки) из Босне и Херцеговине: Криви натпис (кривая
 надпись) хорцога Стјепана на цркви у Горажду—Натписи на Вла-
 љевини.—Натпис код Крста—д-ра Киро Трухелки; XVIII) *Phileremus*
renicillata Gould—Отмара Райзера; XVIII) Ђуприѣа (мостъ) у Ви-
 шеграду—Косты Германа; XIX. Очерки нѣкоторыхъ ботаническихъ
 отношеній въ оккупированныхъ земляхъ — Франца Флаш; XX)
 Серпентина Босне и ѣихове утвори, особито истива (Боснійскіе сер-
 пентини и ихъ спектры, въ особенности морская глина) — В. Ра-
 димскаго; XXI) Смѣсь: Герцогскій родникъ.—Ископанѣ предисториј-
 скихъ гробова (Раскопки доисторическихъ погребальныхъ могилъ) у
 Босни и Херцеговини у год. 1888.—Ровныя могилы (*Flachgräber*) у
 Сретеша въ Босни.—Краѣев гроб (королевская могила).—Пожерт-
 вованія земскому музею; XXII) Новѣйшия изданія книгъ, и XXIII)
 Перениска редакци. 2-я книжка заключаетъ въ себѣ слѣдующія 20
 статей: I) Ривница рода „Храничи“ (прозвище Косача)—Ем. Лилъка;
 II) Рушевине (развалины) дворца Јајце војводе—свѣщ. К. Кова-
 чевича; III) Воевода Тома—учит. Петра Мирковича; IV) Манастир
 Озрен—игум. Тимоеоя Витановича; V) Черти жизни пресмыкающихся
 (gmazova), водящихся въ Босни и Герцеговинѣ—Оттона Томанин;
 VI) О босанској музици — Карла Сакса; VII) Благайскія волчія
 ягоды (*Vlagaјеva maslinica*)—I. Сеуника (*Seunik*); VIII) Старобосан-
 ска листина (грамота) од године 1688—Вида Вулетиѣа-Вукасовича
 IX) Турецкіе генералъ-губернаторы (*Otomanski valije*) въ Босни —
 Карла Пеѣцъ (*Peetz*); X) Челенка са маѣарскимъ грбом (Перо съ вен-
 герскимъ гербомъ) — К. Германа; XI) Новые роды и виды (*vrste i*

varijeteta) *Otiorrhynchus*'a въ южной Боснии и Герцеговини—Викт. Апфельбека; XII) Два херальдичка споменика (памятника) из Босне—К. Трухелки; XIII) Грамота бана Матвѣя Корвина; XIV) Старобосански натпис код хана Чоршулића—Вида Вулетича-Вукосовича; XV) Какъ найдено и взято гѣздо орла золотистаго — Отмара Райзера; XVI) Мач од туча, изваѣен (мечь стальной, вынутый) из Дрине — К. Германа; XVII) Кто срисовалъ фойницкій гербъ (ко је био сликaг fojnickog grbovnika)?—К. Трухелки; XVIII) Два римска надписа у Гламочу—К. Трухелки; XIX) Смѣсь: Нова предѣсторійска насеобина (населеніе) код Сараева — Фр. Фіалы; Тертиби-зиба (название турецк. книги) въ Далмаціи—Вида Вулетича-Вукосовича; Љельени (Олени)—у Босни и Херцеговини — Мехмедъ-бега Капетановича Любушкаго; Пожертвованія Земскому музею; и XX) Отвѣты редакціи. Въ 3-й книжѣ, выходящей 18 статей, заключается слѣдующее: I) Маѣарски кирилским писменнма (Маѣарскій письменный памятникъ кирилловскими буквами) — Ф. Миклошича; II) Старый мостъ въ Мостарѣ — Мустафы Хилми-эффенди; III) Полово у Херцеговини (продолженіе изъ 1-й книжки); IV) Старинная боснійская грамота—Вида Вулетича-Вукосовича; V) Опис и постанак (Описание и происхождение) имена Љуточ-планине у Крајини — К. Ковачевича; VI) Два старобоснійскія надписа—К. Трухелки и Фомы Драгичевича; VII) Народна предање о „Накића кули“ — Г. Свѣтлича; VIII) Довсторическіе предметы съ Гласница (прод. съ 1-й кн.) — К. Трухелки; IX) Два римска камена из околине сребреничке—В. Радимскаго; X) Черты жизни пресмыкающихся и пр. (продолж. съ 2-й к.); XI) Ускршња шарена (пасхальныя крашенныя) јаја—Г. Свѣтлича; XII) Олово — К. Германа; XIII) Ћелија (келія) у селу Ратаји — Юв. Чокича; XIV) Отривок изъ лѣтописи фратра Никола Лашваннина—дра Трухелки; XV) Тетовираље (татуированіе) коже код католика у Босни и Херцеговини — Леопольда Глика; XVI) Къ (Prilozil) археологѣи Босни и Герцеговини — Фр. Фіалы; XVII) Смѣсь: Пјесна о освојењу Кандије—Хусейна еффенди Карабеговича; Народныя сказки—Ив. Зовко; Љетошња ископања (лѣтнія раскопки) на Гласници—Трухелки; Антропол. конгресъ въ Вѣнѣ его же; XVIII) Отвѣты редакціи.

Какъ видно изъ этого перечня, Гласникъ заключаетъ въ себѣ 33 статьи, напечатанныхъ кириллицей; остальныя—латиницей, кромѣ трехъ послѣднихъ мелкихъ сообщеній, но притомъ такъ, что за каждою статьей, напечатанною латиницей, слѣдуетъ статья кириллицей;

въ смѣси не всегда соблюдается такое чередованіе: тутъ замѣтки иногда сдѣланы сначала кириллицей; въ корреспонденціяхъ 1-й книжки есть одинъ отвѣтъ на турецкомъ языкѣ.

Нельзя однако думать, чтобы программа Гласника волюй установилась; здѣсь встрѣчаются статьи почти по всѣмъ отраслямъ знанія, за исключеніемъ belletristiki или изящной литературы, математики и педагогики. Судя по первымъ тремъ книжкамъ, можно думать, что не существуетъ и строго распределенныхъ отдѣловъ Гласника.

Цѣль и направленіе Гласника объясняется въ первой статьѣ: „Къ читателямъ“: „Съ теченіемъ времени приходитъ пора, чтобы и этимъ землямъ (то-есть, Босніи и Герцеговинѣ) открылись двери новой жизни, лучшему состоянію и прогрессу; мы, идя по слѣдамъ другихъ, добыли себѣ и земскій музей“. Такъ начинается эта статья. Цѣль этого музея всего яснѣе выражена въ слѣдующихъ словахъ: „Уже съ давнихъ поръ явился общій интересъ къ тѣмъ цѣлямъ, которыя преслѣдуются этимъ земскимъ учрежденіемъ. Постепенно, одинъ за другимъ, стали появляться въ равныхъ мѣстахъ областей видные дѣятели, въ сердцахъ которыхъ зарождалось желаніе, чтобы открыть народу его прошедшее, чтобы изъ него черпать уроки для будущности народа, изучать и нынѣшнее состояніе земли и народа, чтобы по всѣмъ угламъ Босніи и Герцеговины, подобно трудолюбивымъ пчелкамъ, собирать всякіе остатки отъ прошедшаго, по которымъ можно было бы судить о жизни и дѣлахъ нашихъ дѣдовъ и тѣхъ древнихъ народовъ, которые до насъ были на нашей роднѣ; собирать всякаго рода произведенія искусства, которыя намислила остроумная голова и сдѣлала умѣлая руки нашего народа, и всѣ данныя, по которымъ можно судить, о дѣлахъ и обычаяхъ, однимъ словомъ— о состояніи образованія народа въ этихъ земляхъ и при этомъ также и естественныя отношенія послѣднихъ“ (стр. 1). Для того, чтобы выполнить эту задачу, было образовано музейное общество, которое должно было озаботиться устройствомъ музея. Такимъ образомъ былъ открытъ въ 1887 г. земскій музей, который утверждёнъ на широкомъ основаніи и снабжёнъ богатыми средствами для того, чтобы достигнуть свою цѣль, „чему частное стараніе указаннаго общества оказало полную заслугу, приготовивъ ему почву“. Въ настоящее время музей обратилъ уже на себя общее вниманіе всего населенія Босніи и Герцеговины, такъ что по мнѣнію редакціи, онъ „сдѣлается общимъ любимцемъ всего насе-

ленія этихъ областей. Такимъ образомъ и дѣло самого музея устроено и урегулировано до нѣкоторой степени собравно съ его внѣшними объемомъ и потребностями. При немъ и для его улучшенія и увеличенія дѣйствуетъ частное музейное общество въ Сараевѣ, съ своими выдающимися членами во главѣ. Равнородныя коллекціи музея хранятся, пополняются и описываются нарочно поставленными музейными хранителями, людьми знанія и дѣла" (стр. 2). „Научное изученіе нашихъ древностей и другихъ сторонъ нашей культурной жизни“, говоритъ далѣе редакція, —, не должно оставаться въ стѣнахъ музея. Этому изученію нужно дать возможность выйдти наружу, въ свѣтъ, чтобы наша земля и просвѣщеніе, и просвѣщенный умъ могъ пользоваться имъ“. Чтобы достигнуть этого, основанъ Гласникъ, цѣль котораго редакція объясняетъ такимъ образомъ: „Издавая Гласникъ нашего музея, мы имѣемъ въ виду двоякую цѣль. Впервыхъ, мы желаемъ имѣть публичный органъ, черезъ который можно было бы научно изучать и описывать каждый предметъ, поступающій въ музей, для всесторонняго ознакомленія съ нимъ области, и народъ. Вторыхъ, желаемъ еще, чтобы этотъ органъ былъ поучительнымъ (руководящимъ) изданіемъ для нашей образованной публики, поучительнымъ по тѣмъ предметамъ и вопросамъ, которые входятъ въ кругъ знанія и дѣйствій самого музея, или которые стоятъ съ нимъ въ связи" (стр. 2). Но тотчасъ же за этимъ редакція дѣлаетъ такую оговорку: „Задача нашего музея состоитъ не въ томъ только, чтобы дѣйствовать чисто научно; кромѣ этого, на него падаетъ и культурная, просвѣтительная задача—быть пробудителемъ между сынами отечества и въ особенности между молодыми поколѣніями, чтобы они радѣли освоить долгѣ всесторонне изучать и познавать свое отечество и въ этомъ познаниіи учиться любить и цѣнить его, и чтобы за одно съ культурнымъ развитіемъ шло развитіе умственныхъ, душевныхъ и матеріальныхъ силъ. Двоякая цѣль музейнаго Гласника будетъ собравна съ этою двоякою задачей музея: матеріально-научною и нравственно-культурною. Ни чисто научный органъ, ни чисто популярно-поучительный, — каждый самъ по себѣ, не согласовался бы съ установленіемъ земскаго музея въ его цѣлкупномъ объемѣ" (стр. 3). Сообразно съ этимъ Гласникъ имѣетъ двоякое назначеніе: „Впервыхъ, онъ будетъ служить научной дѣлн, и въ виду этого мы будемъ помѣщать основательныя статьи изъ всѣхъ областей и отраслей знанія, которыя имѣются въ виду музея. Этимъ мы желаемъ помочь разумѣнію областей и жизни въ

нихъ и навлрены къ такому труду пробуждать воли и всѣ умственныя силы для нашего дома, нашей монархіи и для широкаго свѣта. Намъ желательно, чтобы въ этомъ дѣлѣ оригинальныя работы нашихъ сотрудниковъ охватывали слѣдующія отрасли знанія и искусства: 1) древнюю и новую географію; 2) исторію; 3) археологію времени доисторическаго, иллирскаго, римскаго, боснійскаго (богомилскаго) и османскаго; 4) памятники искусства; 5) геральдику, приказы, печати и монеты равныхъ временъ; 6) оружіе; 7) памятники народнаго и литературнаго языка; 8) этнографію; 9) естественные предметы, а именно: геологію, зоологію, ботанику, минералогію и метеорологію; 10) исторію народной письменности; 11) библиографію книгъ и статей, трактующихъ о Босніи и Герцеговинѣ; 12) статистику. Къ этому мы будемъ еще прилагать разныя нужныя замѣтки всякаго рода, и замѣтки о дѣйствіяхъ самого музея и музейнаго общества" (тамъ же). За этимъ слѣдуетъ довольно интересное замѣчаніе слѣдующаго рода: „Изъ этихъ статей Гласника мы въ концѣ каждаго года слѣлаемъ выборъ отдѣльныхъ статей, которыя мы въ отдѣльномъ годичномъ отчетѣ переведемъ на нѣмецкій языкъ и напечатаетъ, чтобы такимъ образомъ дать возможность всемірной образованной публикѣ имѣть вѣрныя свѣдѣнія о Босніи и Герцеговинѣ изъ самаго источника. Мы увѣрены" объявляютъ редакция, — „что этимъ окажемъ большую услугу наукѣ, какъ общей собственности всего міра, и вмѣстѣ съ тѣмъ приносимъ значительную пользу Босніи и Герцеговинѣ" (стр. 3—4). Въторныхъ, „Гласникъ предвѣщается для нашей домашней читающей публикѣ съ цѣлію практическаго ей поученія и ради нуждъ самого музея" (стр. 4).

Обращаясь ватѣмъ съ приглашеніемъ о помощи музею къ священникамъ, помѣщикамъ крупнымъ и мелкимъ, народнымъ учителямъ, купцамъ и ремесленникамъ и вообще ко всякому передовому, развитому сыну народа, редакция обѣщаетъ всѣмъ этимъ лицамъ въ замѣнъ этого, что Гласникъ дастъ имъ указаніе, какимъ образомъ они съ своей стороны могутъ помочь всестороннему наученію странъ; какимъ образомъ искать и хранить древности и древніе, памятники всякаго рода; какъ отмѣчать все, что важно и достойно вниманія. Кроме того, Гласникъ обѣщаетъ еще „открывать имъ охотно страницы журнала, чтобы и они перомъ отмѣчали и описывали все, что слѣдуетъ записывать и знать, и такія статьи по возможности оплачивать... Боснія и Герцеговина", замѣчаетъ еще редакция, — „необлудятъ многими, еще неввѣстными красотою и драгоцѣнностями

съ нашей духовной точки зрѣнія. На вашей обязанности лежитъ, народныя книжники, чтобъ и своею долею труда поддерживали Гласникъ музея, чтобъ такимъ образомъ онъ постепенно сдѣлался дѣйствительнымъ зеркаломъ Босніи и Герцеговины¹⁾ (тамъ же).

Слѣдуетъ обратить вниманіе на одну еще замѣтку, которую дѣлаетъ редакция, нѣсколько противорѣча себѣ, если припомнить ея заявленіе, сдѣланное выше о богатствѣ средствъ музея. „Что же касается буквъ, которыя мы будемъ употреблять въ Гласникѣ, заявляемъ, что намъ изъ матеріальныхъ соображеній не возможно начать Гласникъ въ двухъ отдѣльныхъ изданіяхъ—латиницей и кириллицей, потому что это былъ бы двойной расходъ. Мы будемъ печатать статьи въ Гласникѣ попеременно, то латиницей, то кириллицей, и постараемся не нарушать равноправности обѣихъ нашихъ азбукъ. Впрочемъ мы охотно будемъ удовлетворять каждому нарочному желанію, въ этомъ смыслѣ, высказанному тѣмъ или другимъ изъ нашихъ сотрудниковъ или подписчиковъ“ (стр. 5).

Я остановился такъ долго на этой profession de foi редакціи Гласника въ виду того, что это изданіе представляетъ довольно много отчасти своеобразныхъ особенностей и находится въ исключительныхъ условіяхъ, какъ и самая провинція, отраженіемъ (или какъ редакция выражается: зеркаломъ) состоянія которой онъ служить, по крайней мѣрѣ въ предположеніи.

Что же касается другихъ статей журнала, то я ихъ буду разсматривать не въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ расположены, а въ систематическомъ, по отраслямъ знанія. Прежде всего я обращусь къ статьѣ „О значеніи названій Босна“, о которой уже существуетъ статья Карла Сакса: *Ueber die Entstehung des Namens von Bosnien und den ursprünglichen Umfang des bosnischen Banates*¹⁾.

Всѣмъ признано, что названіе Босна, позднѣе Боснія, приуроченное къ странѣ, явилось отъ рѣки, текущей чрезъ территорію этой страны, и вообще замѣчается, что старое банство Босна совпадаетъ вполне съ природною областью Боснии. Это названіе является уже довольно рано, а именно съ X вѣка, въ формѣ *Bosona* и *Bosina*, а у славянъ съ XIII в. *Восьна*, *Босна* (XIV в.) и *Босана* (XV в.)²⁾, а съ

¹⁾ См. *Mittheilungen der k. k. geographischen Gesellschaft in Wien* 1888.

²⁾ *Miklosich*, *Monum. serbica*, pp. 30, 101, 265 и др. *Даничић*, Рѣчник изъ низневнихъ старина ерскихъ, I, стр. 69; а въ послѣднемъ примѣрѣ является и въ Подробныя приуроченія этого названія см. у *Даничића*, *Rječnik hrvatškoga ili srpskoga jezika*. I. U Zagrebu. 1881, стр. 558.

XVII в. Восна ¹⁾; форма *Bosnia*, откуда и русское *Боснія*, является только съ прошлаго столѣтія; у сербовъ оно встрѣчается очень рѣдко: *Боснија земна и херцеговина* ²⁾. Авторъ статьи занимается разъясненіемъ двухъ вопросовъ: 1) славянскаго ли происхожденія названіе *Босна*, и 2) если не славянскаго, то въ какомъ явнѣйшѣ слѣдуетъ искать его корни? Данничичъ совершенно справедливо говоритъ, что это названіе, „безъ сомнѣнія, осталось отъ стараго, чуждаго языка“ ³⁾. Судя по его формѣ въ славянскихъ памятникахъ, можно разложить его на *Бос—ъна*, которое можно считать прилагательнымъ, какъ видно изъ его склоненія: *Босна* и *Босномъ*, разумѣя *земля*. Впрочемъ, въ устахъ народа является *Босни* вм. *Босној*; но форма *Босни* является, несомнѣнно, по аналогіи съ именами существительными. Чтобы объяснить это названіе, авторъ обращается къ „скуднымъ остаткамъ добоснійской исторіи“, а именно къ исторіи илирскаго племени *'Ариаѳа*, называвшагося иначе *'Архадіои* и *'Ардіаѳои*; на нихъ во второй половинѣ IV вѣка дѣлають нападеніе кельтское племя *скордисковъ*, обиталище которыхъ нужно искать близъ *либурновъ* (въ сѣверозападной *Босніи*) или къ югу отъ отъ средняго теченія *Савы*. Что же касается мѣстонахожденія *ардейцевъ*, то оно опредѣляется на основаніи извѣстія *Страбона* (VII, 5): „*Ардей* δὲ ὄρος ἐστὶ μέσον τέμνον τὴν Δαλματικὴν, τὴν μὲν ἐπιβαλάτιον, τὴν δ' ἐπὶ θαλάσσειαν ἐν θ' ὄ Νάρων κοταμὸς καὶ οἱ περὶ αὐτὸν Δαρίοι καὶ 'Αρδιαῖοι καὶ Πηλαῖοι, ὧν τοῖς μὲν κτήματα νῆσος ἢ Μέλινα Κόρκυρα καλούμενη, καὶ πόλις, Κνιδίων κτίσμα· τοῖς δὲ Ἀρδιαῖοις ἡ Φάρος, Πάρος λεγόμενη πρότερον, Παρίων γάρ ἐστι κτίσμα“ ⁴⁾. Такимъ образомъ, отсюда видно, что *ардейцы* обитали въ южной части *Герцеговины*, недалеко отъ морскаго берега, выше *Ривонійскаго* (*Воторскаго*) залива ⁵⁾. Среди этого народа, на разстояніи 80 стадій отъ моря, находилось торговое мѣсто *Нарона*; далѣе, внутрь страны отъ этого мѣста, по словамъ *Скилакса*, находится великое озеро, которое упираеть въ предѣлы *лакирскаго* племени *ауторіатовъ* (по автору: *Ау-Тага*—народъ по р. *Тарѣ*). На этомъ озерѣ есть очень плодородный островъ около 120 стадій; изъ этого озера течеть *Наронъ* ⁶⁾. Отсюда еще ближе опре-

¹⁾ *Даничић*, op. c., ibid.

²⁾ У *Богшича*, Народна нѣсма изъ старијихъ највише приморскихъ записа I, *Београд* 1878, стр. 322; *Даничић*, *Rječnik*, I, стр. 559.

³⁾ *Rječnik*, I, стр. 559.

⁴⁾ Географія *Страбона* въ перев. *Мищенко*. М. 1879, стр. 318.

⁵⁾ Ср. *Strab.*, VII, 5; перев. *Мищенко*, стр. 317.

⁶⁾ *Scylax*, c. 24.

дѣляются мѣста ардейцевъ; они находились около ауторіатовъ, которые обитали по верхнему и среднему теченію Нарона (Неретвы). Что же касается озера, то нашъ авторъ считаетъ несомнѣннымъ, что оно было образовано отъ стоковъ воды, наполнявшей съ давнихъ временъ три равнины—Бѣлополье, Бихачское и Мостарское болота, которыя составляли одну котловину. Островъ составляла высшая точка Хума. Впослѣдствіи это озеро уничтожилось вслѣдствіе того, что р. Наронъ прорвала себѣ дорогу къ морю. Вскорѣ послѣ 360 года до Р. Х. ардейцы и ауторіаты, которые, по словамъ Страбона, были самымъ большимъ и самымъ сильнымъ племенемъ иллирскимъ, вступили между собою въ борьбу, продолжавшуюся постоянно изъ-за соли, которая на ихъ мѣжѣ собиралась изъ воды, выходящей весной изъ одной долины. Они было уговорились, чтобы вмѣстѣ добывать ту соль, но нарушили этотъ уговоръ и потомъ вступили въ бой. Изъ этой борьбы вышли побѣдителями ауторіаты, которые почти совсѣмъ погубили ардейцевъ. Впослѣдствіи и ауторіаты уничтожены были кельтами. Такъ или иначе, но весь вопросъ тутъ въ соли: у древнихъ народовъ онъ былъ почти всегда однимъ изъ самыхъ важныхъ; соль служила не только для приправы пищи человѣка и животныхъ, но играла важную роль и въ торговлѣ, какъ мѣнковой предметъ; какъ замѣчаетъ Сuida, еракійцы продавали своихъ рабовъ за соль ¹⁾; для ауторіатовъ, жившихъ въ мѣстахъ неплодородныхъ, соль была жизненнымъ вопросомъ ²⁾. И у славянъ соль былъ важнымъ факторомъ ³⁾. Оскудѣніе соли въ Герцеговинѣ и Далмаціи въ средніе вѣка служило поводомъ къ столкновеніямъ.

Такимъ образомъ выходитъ, что на сколько Херцеговина была бѣдна солью, на столько была и есть теперь богата ею Боснія, какъ видно изъ сообщенія г. Рикерта (стр. 11—12) въ приложеніи къ статьѣ г. Талоца. Въ до-римскія времена въ восточной Босніи жило извѣстное иллирское племя палинопцовъ; нѣкоторыя отрасли этого племени, именно—диционы и южнѣе ихъ десидіаты, съ которыми сосѣднили ауторіаты, жили въ предѣлахъ области Соля (Sale, Sau, Soy, Soro),

¹⁾ Suidae Histor., 61, 85; ἀλένητον ἀνδράποδον. Sale emptum mancipium. De hominibus nihill, ac barbaris: quod mercatores, sale in mediterranea, mancipia emebant. Thraeces iam sole mancipia vendebant.

²⁾ Appiani Ἰλλυριτζή, с. III, 14.

³⁾ Miklosich, Lexicon, p. 659; Schleiden, Das Salz. Leipz. 1875; Schrader, Linguistische Forschungen zur Handelsgesch. u. Waarenkunde. Jena. 1866, I, стр. 66, 121.

которая лежала вдоль рѣки Спречи и вмѣстѣ съ тѣмъ въ порѣчьи Босны. Въ половинѣ X вѣка, по словамъ Константина Багрянороднаго, здѣсь находилась крѣпость τὸ Σαληνές¹⁾; южные славяне называли эту область Соли. Въ титулѣ Боснійскихъ королей является название Соли, напримѣръ: „ми Стефанъ Дабича... король срьблемь...сюрѣ, Соли и Подрииню“ и пр.²⁾. Еще въ 1225 году Возна, S6 и Uzoga (Usoga) являются территориями мадырскими. Территорія Ozoga (Uzoga) была великимъ банствомъ, а часть этого банства, простиравшаяся между Дриномъ и Босной, составляла банство S6. Это мадырское названіе явилось изъ славянскаго Соли (=соль, соли). Турки называли Соли Тувлой (=соль). Такимъ образомъ историческія данныя показываютъ, что названіе „колыбели настоящей Босны, порѣчьи р. Босны, всегда соединено было съ словомъ соль“ (стр. 10). Мало того, мы и теперь находимъ слово Босну съ значеніемъ соли. Бос, Босс, - а, - ес въ гегскомъ сѣверномъ нарѣчьи албанскаго языка — *saliera, vassetto nel quale si mette il sale che si pone in tavola, luogo dove si fanno evaporare le acque salse per estrarne il sale*³⁾; или *Bogssa — salinum*⁴⁾. Отсюда выходитъ, что стародавнее значеніе Босны — соленая земля. Слѣдовательно, Босна происхожденія ерако-иллирскаго.

Заслуживаетъ нѣкотораго вниманія статья „Къ исторіи Сараева“ (*Prilog istoriji Sarajva*) Мустафы Хилии (стр. 17—20)—не потому только, что она составлена сербомъ-мухамеданиномъ, но и по самому предмету. Нужно замѣтить вообще, что первоначальная исторія Сараева, столицы Босніи, города, самаго живописнаго послѣ Константинополя на Балканскомъ полуостровѣ, довольно темна: почти никакихъ историческихъ данныхъ о его началѣ не извѣстно⁵⁾. Авторъ замѣтки приводитъ, главнымъ образомъ, преданіе мусульманъ о Сараевѣ, свѣдѣнія о городѣ, заключающіяся въ Вакуфъ-намѣ, и двѣ арабскія надписи изъ Сараева, относящіяся къ лицамъ того времени,

¹⁾ De administr. imperio, c. 108 apud. *Migne*, Patr. gr. t. 113, ст. 297—298.

²⁾ *Miklosich*, Mon. serb., pp. 225—226, 231, 248.

³⁾ *Rossi*, Vocabularia della lingua epirotica-italiana. Roma. 1875, p. 237.

⁴⁾ *Blanchus*, Dictionarium latino-epiroticum. Romae. 1685, p. 139.

⁵⁾ Нѣкоторыя подробности по исторіи и нынѣшнему состоянію Сараева см. у *Ашбота* (*Asbóth*), Bosnien und die Herzegovina. Wien. 1888, стр. 11—163. Кроме того, нѣсколько замѣтокъ о нынѣшнемъ Сараевѣ есть у *Гильбердина* въ т. III Собранія сочиненій. С.-Иб. 1873, стр. 48—59; а также у *Клича*, Воспа. Podatci o zemljerisu i poviesti Bosne i Hercegovine. U Zagrebu. 1872, стр. 145—150.

когда возникъ городъ. Мустафа Хилми относить устроение города ко времени, весьма близкому послѣ завоеванія Босніи турками, а именно два года спустя послѣ того, къ 1465 г., при главномъ содѣйствіи газы-Хузрефъ-бега. Обращая вниманіе на форму названія города, онъ передаетъ слѣдующій народный разказъ объ основаніи Сараева:

„Въ войскѣ султана Магомета II (1451 — 1520 гг.), завоевавшего Боснію, былъ одинъ крымскій воєвода, по имени Кирай-ханъ. Когда султанскія войска дошли до Шехитлауки, отдаленной на два часа разстоянія отъ Сараева, съ восточной его стороны, противъ стараго городища Ходидеда, гдѣ стояли боснійскія войска, стали стрѣлять изъ пушекъ въ Ходидеда; но весьма трудно было взять его вслѣдствіе неудобствъ мѣстности. Тогда отдѣлился отъ султана Кирай-ханъ и дошелъ до того мѣста, гдѣ нынѣ стоитъ Сараевская крѣпость. Тамъ тогда стояла та же самая башня, которая стоитъ и въ настоящее время, подъ названіемъ „ичкала“ (чит. ак-калэ), то-есть, бѣлый бастионъ. Кирай-ханъ пошелъ на приступъ и сталъ бить изъ пушекъ на Ходидеда. Въ короткое время онъ успѣлъ занять его, и когда султанъ встрѣтился съ ханомъ, то поцѣловалъ его въ чело, поздравилъ съ побѣдой, и приказалъ написать имя Кирай-хана на камнѣ надъ воротами Колиной, а въ память побѣды построить „сарай“ (дворецъ) на полянѣ, подъ башней. Этотъ „сарай“ построенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь казармы. Съ того времени стали строиться много другихъ домовъ и осталось названіе новому городу „Сарайво“, но не какъ иностранцы говорятъ „Сараево“. Что же касается Кирай-хана, то онъ погибъ въ одной битвѣ у Сараева, гдѣ и сложилъ свои кости“ (стр. 18—19).

Статья „Монастирь Панаджуръ“ (Monastir Panadjur) — небольшая замѣтка (стр. 13—15) о развалинахъ, извѣстныхъ въ народѣ подъ названіемъ „андипа“ (урочище), которыя, по преданію, суть остатки извѣстнаго въ боснійское время монастыря Панаджуръ (ярмарка), съ церковью святаго Георгія. Интересно народное преданіе, связанное съ именемъ этого святаго. Разказываютъ, что въ боснійское время жилъ король, имени котораго народъ не помнитъ; разъ онъ заболѣлъ и болѣлъ долгое время. Всѣ лѣкарственныя травы, воды и источники онъ испыталъ, но ничто ему не помогло. Однажды одинъ человѣкъ разказалъ, что онъ былъ очень боленъ и отравился къ „святинѣ“, на Петровецкомъ полѣ, выкупался и сразу выздоровѣлъ. Это побудило короля сдѣлать то же. Это было въ Юрьевъ день. Во хвалу и благодарность Богу, что онъ вы-

здоровѣлъ, онъ построилъ у этой „святыни“ монастырь, который называлъ храмомъ св. Георгія. Эта легенда, несомнѣнно, имѣетъ связь съ повѣрьемъ о цѣлебномъ значеніи росы въ Юрьевъ день. Приведено еще нѣсколько другихъ повѣрій, связанныхъ съ этою мѣстностью.

Что сказано о предыдущей статьѣ, то же можно сказать и о замѣткѣ „Село Праціякъ и его пещера“ (стр. 21—23). Здѣсь особенно интересны сообщенія о пещерѣ, служившей въ давнія, можетъ быть, даже доисторическія, а также и въ послѣдующія времена жилищемъ для людей, какъ доказываютъ равные остатки, въ ней находимые, какъ напримѣръ, кусокъ копья и другіе предметы. Разказываютъ между прочимъ, что по утрамъ можно видѣть тутъ слѣды, похожіе на слѣды дѣтскихъ ногъ. Кромѣ того передаютъ, что изъ нея доносятся голоса поющихъ церковныя пѣсни; если брошены на канунѣ предметы, то на другой день ихъ уже нѣтъ; вилы ихъ собираютъ. „Въ глубинѣ пещеры и теперь есть вилы и вилушки, которыя у выхода изъ пещеры устриваютъ хороводы, но вмѣсто прежнихъ своихъ пѣсень плачутъ и причитываютъ по старымъ временахъ и по юнакахъ первыхъ времени; плачутъ, что родъ людской такъ испортился, что въ народѣ сдѣлались обычными ругань, кражи, поджоги, прелюбодѣяніе и равныя другія беззаконія, которыя не даютъ имъ выходить изъ пещеры. Впрочемъ, вилы надѣются, что народъ исправится, и тогда онѣ опять выйдутъ въ свои горы, къ чистымъ горнымъ источникамъ, и снова заключать побратимства съ юнаками, которые тогда появятся и снова начнутъ свои юнацкія дѣла“ (стр. 23).

Не могу не припомнить при этомъ румынское преданіе о смѣлыхъ или красивыхъ людяхъ, слышанное мною въ дѣтствѣ въ Бессарабин, отъ садовника Киприановскаго монастыря Георгія Вужора изъ села Капріаны. Смѣли, по его словамъ, были красивые люди, герои, отличавшіеся необыкновенною силой и добродѣтелями; они изъ-за грѣховъ людей оставили землю и поднялись на небо; оттуда не вернуться до тѣхъ поръ, пока люди не исправятся.

Изъ другихъ замѣтокъ историческаго характера отмѣчу замѣтку о мостѣ у Выпограда (на р. Дринѣ). Составитель замѣтки, г. К. Германъ, даетъ краткое описаніе моста, можно сказать, самаго красиваго и вмѣстѣ съ тѣмъ самаго крѣпкаго въ Босніи, и приводитъ двѣ турецкія надписи въ стихахъ, въ подлинникѣ и переводѣ; по этимъ надписямъ, а главнымъ образомъ по первой, составленной поэтомъ Вади, современникомъ построенія моста, онъ указываетъ годъ его постройки 1571 г.; другая, болѣе поздняя, относитъ построеніе къ 1577 г. Стро-

тель моста — знаменитый Мехметъ-паша Соколовичъ или Соколи, какъ называютъ его турки, боснякъ, родомъ изъ Вышеграда или его окрестностей ¹⁾. Этотъ грандиозный мостъ, несомнѣнно, построенъ не въ одинъ годъ и, разумѣется, простыми мастерами. Къ сожалѣнiю, г. Германъ совсѣмъ не приводитъ народныхъ преданiй объ этомъ пресловутомъ мостѣ; онъ говоритъ только, что „о главномъ мастерѣ, руководившемъ постройкою этого моста, мы не имѣемъ никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣнiй; народъ передаетъ, что имя его было Митаръ или Раде, что онъ мостъ строилъ самъ, и что нѣсколько разъ быстрая Дрина сваливала отдѣльныя части, съ трудомъ сдѣланныя, пока не успѣлъ все-таки укрѣпить своды“ (стр. 80). Между тѣмъ сербская народная поэзія представляетъ цѣлый рядъ данныхъ объ этомъ мостѣ, какъ о другихъ, наиримѣръ, о старомъ мостѣ у Мостара ²⁾. Впрочемъ г. Германъ дѣлаетъ два-три библиографическихкія указанія, которыми я въ данномъ случаѣ воспользуюсь.

По народному преданiю, вышеградскій мостъ, какъ и старый мостарскій, построенъ римлянами ³⁾. Но кромѣ этихъ, и о другихъ мостахъ существуетъ рядъ народныхъ сказанiй и народныхъ пѣсней. Какъ разказъ, такъ и пѣсни интересны въ томъ отношенiи, что они примыкаютъ ко второй редакціи южнославянско-румынскихъ балладъ о замуравиванiи или задѣлыванiи живыхъ людей въ основанiя новыхъ построекъ; эту редакцію составляютъ баллады о построенiи мостовъ, между тѣмъ какъ первую—баллады о построенiи зданiй и крѣпостей.

Пѣсень о построенiи вышеградскаго моста существуетъ нѣсколько, но нѣтъ известна только одна ⁴⁾. Въ ней передается, что Мехмедъ-паша (Соколовичъ), жившій при трехъ султанахъ, накопилъ три громады всякаго добра. Задумался онъ, что ему дѣлать съ столькимъ богатствомъ: раздавать ли его сиротамъ, то-есть, бѣднымъ, или

¹⁾ Такое же описаніе этого моста г. Германъ представляетъ и въ словѣхъ „Narodnih pjesna muhamedovaca u Bosni i Hercegovini“. Knj. I. Sarajevo. 1888, стр. 587—589; ср. *Asbóth*, Bosnien und die Herzegovina, стр. 128.

²⁾ Объ этомъ мостѣ см. сербскую газету „Босанска Вила“, изд. въ Сараевѣ, 1888, № 8, стр. 126—127.

³⁾ Тамъ же, стр. 126; № 10, стр. 157.

⁴⁾ *Нѣбжани*, Narodne pjesne muhamedovaca u Bosni i Hercegovini. Knj. I. Sarajevo. 1889, стр. 68—72. Г. Захарія Богдановичъ сообщаетъ, что одна такая же пѣсня была известна покойному В. Петрановичу. *Босанска Вила* 1888, № 8.

высыпать его въ Дрину, или же строить богоугодныя заведенія въ Босніи. Въ концѣ концовъ задумалъ

Ноћу gradit po Bosni haire,
Najnaprijed na Drini ćupriju ¹⁾.

Послѣ этого паша пишетъ письмо водчему Дмитрію:

„Oj čuješ li, Mitre neimare,
Hrani konja od Mitrova dana,
Od Mitrova do Gjurjjeva dana,
Kad ti, Mitre, Gjurjgov danak dogje,
A ti haide gradu Višegradu,
Da sagradiš na Drini ćupriju,
Ti povedi de trista majstora
I hiljadu djece irgatina,
Što će studen kamen dobićati“ ²⁾.

Но Дмитрій, получивъ письмо пашы, отвѣтилъ ему въ свою очередь такими письмомъ:

„O bora mi, Soko Mehmed paša,
Koliko je polje višegradsko,
Da je tovar do tovara blaga,
Još na tovar po tri kese blaga,
Još i uz to tvojeg haznatara,
Što će brojit nebrojeno blago,
Jedva bi se bradila ćuprija“ ³⁾.

Получивъ такой отвѣтъ, Мехмедъ-паша пишетъ водчему другое письмо:

„Koliko je polje višegradsko,
Biće tovar do tovara blaga,
Još na tovar po tri kese blaga,
I evo ti Muja haznatara,
Što će brojit nebrojeno blago;“

¹⁾ Хочу строить по Босніи богоугодныя заведенія, и прежде всего мостъ на Дринѣ.

²⁾ Слышишь ли, водчій Дмитрій? Выкорми своего коня съ Дмитрова дня, съ Дмитрова до Юрьева дня. Когда, Дмитрій, придетъ Юрьевъ день, — ты тогда возьми въ городъ Вишеградъ, чтобы ты построилъ на Дринѣ мостъ; ты возьми съ собою триста мастеровъ и тысячу чернорабочихъ, которые будутъ таскать неотесанный камень.

³⁾ Эй, эй, Соколъ Мехмедъ-пашы, если по всему вишеградскому полю насыпать все груды золота, и еще на каждой грудѣ по три суны золота, и еще сверхъ того (поставить) и твоего хазнатара, который безъ счету давалъ бы золота, то едва ли возможно построить мостъ.

Veće hajde grada Višegrada,
Da se gradi na Drini ćuprija* 1).

Видѣлъ Дмитрій, что отказаться не можетъ, но долженъ былъ исполнить желанія наши. Когда наступилъ Юрьевъ день, онъ собралъ триста мастеровъ и тысячу чернорабочихъ, сѣлъ на своего коронастаго вороного и приѣхалъ, не медля, съ ними въ Вышеградъ. Здѣсь онъ погналъ своего вороного въ Дрину, чтобы видѣть, глубока ли рѣка, и возможно ли построить мостъ. Какъ только лошадь дошла до середины рѣки, она остановилась и дальше ни шагу, не смотря на то, что Дмитрій былъ ее сапогами и шнорани; тогда онъ сталъ ее бить трехремесною плетью, но и это не помогло. Паша, видя, все это, обращается къ архитектору и говорить ему:

. Na ti, Mitre, moja hamajliju! 2)

Схватилъ Дмитрій ладонку и повѣсилъ ее коню на шею. Въ ту же минуту выскочила лошадь на берегъ, вытащивъ съ собою вилубыгорку, которая своею русою косою опутала переднія ноги вороного коня, желая утопить Дмитрія и его вороного. Какъ только Дмитрій увидѣлъ ее, онъ тотчасъ вынулъ саблю, чтобы отсѣчь ей голову,

„A ona ga Bogom pobratila:
Bogom brate, Mitre neimare,
Pusti mene u Butkove st'jene,
Kad ti staneš gradiu ćupriju,
Ja ću tebi na jardumu biti“ 3).

Смиловался Дмитрій надъ нею, пустилъ ее и сталъ строить мостъ

„Gradio je sedam godina,
Što je Mitar a dan naćinio,
Ovo nešto noćom batalilo“ 4).

1) Будутъ по всему вышеградскому полю все груды золота, и еще на каждой груды по три сунки золота; вотъ тебѣ и Муш назначенъ, который будетъ давать безъ счету золота; только ты уже поѣхай въ городъ Вышеградъ, чтобы построить мостъ на Дринѣ.

2) На тебя, Дмитрія, моя ладонка!

3) А она его именемъ Божиимъ сдѣлала братомъ (и укротила его гнѣвъ): Ради Бога, братецъ зодчій Дмитрій,пусти меня въ Будковы стѣны. Когда ты будешь строить мостъ, я буду къ твоимъ услугамъ.

4) Строилъ онъ его (мостъ) семь лѣтъ, ибо что Дмитрій строилъ за день, то ночью почему-то обрушивалось.

Тогда наша говорить:

„Kam' ti, Mitre, tvoja posestrima,
Što je rekla na jardumu biti,
Kad ti staneš graditi ćupriju?“ ¹⁾

Какъ только услышалъ это Дмитрій, онъ сталъ звать свою по-сестрину:

„Sad ti meni na jardumu budi“ ²⁾.
„Bogom brate, Mitre neimaš!
Ne mogu ti na jardumu biti,
Ne dadu mi moje sestriñice.
Već pošetaj niz polje zeleno,
Te uhvati Stojū i Ostoju,
Te uzidaj u ćupriju kulu,
Staće tebi na Drini ćuprija“ ³⁾.

Такъ и сдѣлалъ Дмитрій, и мостъ на Дринѣ удержался. Но по истеченіи девяти лѣтъ пришла мутна и бурливая Дрина и нанесла длинную сосну, которая ударилась о мостъ такъ, что мостъ распался. Испугался Соколъ Мехмедъ-паша, что падеть мостъ. Между тѣмъ Дмитрій говорить ему:

„O boga mi, Soko Mehmed paša,
Ti nijesi Drine darovao;
Već nasiplji na ćupriju blago,
Pa ti uzmi srebrnu lopatu,
Pa ti daruj tu premutnu Drinu“ ⁴⁾.

Этимъ Дмитрій хотѣлъ выпытать отъ пашы, жалѣеть ли онъ золото, истраченное на постройку моста. Какъ только услышалъ Соколъ Мехмедъ-паша слова Дмитрія, онъ сразу принесъ много золота и сдѣлалъ съ нимъ то, что совѣтовалъ ему Дмитрій. Видитъ послѣдній, что паша не жалѣеть золота и говорить ему:

„Dosta već je, Soko Mehmed paša,

¹⁾ Дмитрій, гдѣ твои посестрина, которая обѣщала быть къ твоимъ услугамъ, когда ты будешь строить мостъ.

²⁾ Теперь ты приходи ко мнѣ на помощь.

³⁾ Увѣрю тебя Богомъ, архитекторъ Дмитрій, не могу я къ тебѣ придти на помощь: не пускаютъ меня мои сестрицы. Но ты отправляйся на зеленое поле и схвати тамъ Стою и Остою, зайдѣлай ихъ въ башню моста, и тогда станетъ на Дринѣ мостъ.

⁴⁾ Ей, ей, Соколъ Мехмедъ-паша, ты не задарилъ Дрины. Но насыпай по мосту золота и возьми затѣмъ лопату серебрянную и носи дары премутной Дринѣ.

Nasadi mi bradvu naorako,
Pa me sprusti na tanko tenefe,
Da riješem vitku omoriku¹⁾.

И это сдѣлалъ наша, и Дмитрій разсѣкъ сосну; тогда изъ послѣдней пошла кровь и послышался голосъ:

„Osta danas na Drini सर्पिजा,
Osta danas, osta do vijeka“²⁾.

Несомнѣнно, что этимъ заключалась первоначально пѣсня. Послѣ того весь конецъ пѣсни, несомнѣнно, добавленъ впоследствии, — подъ влияниемъ разныхъ экономическихъ обстоятельствъ. Здѣсь позднѣйшій пѣвецъ разказываетъ, что наша установилъ налогъ съ проходящихъ по мосту по два бѣлыхъ динара и съ проезжающихъ по четыре динара; но если у послѣднихъ не было установленной суммы, то снимали съ ихъ коней нологи и попоны. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока одинъ извозчикъ не осудилъ эту мѣру нашу, сложивъ о томъ пѣсню. Наша, который заставлялъ извозчика повторить свою пѣсню, велъ этому народному протесту и отиѣнилъ налогъ.

Не только по этому концу, но и по другимъ мѣстамъ видно, что пѣсня потеряла нѣкоторыя измѣненія, какъ можно заключить отчасти и по разказамъ о мостѣ, которые явились, несомнѣнно, послѣ разложенія, можетъ быть, первоначальной редакціи пѣсни. Вотъ самая полная редакція разказовъ.

350 лѣтъ тому назадъ жилъ православный старикъ-сербъ Соколовичъ въ селѣ Рованцахъ (община Соколовчи, котарь Вышеградскій) въ Босніи, и у него было четыре сына, всѣ женатые. Въ одинъ годъ, на канунѣ Рождества, онъ говоритъ молодымъ членамъ своего семейства: „Завтра кто какъ встанетъ, пусть припомнитъ хорошо, что ему снилось ночью, и тогда разкажетъ мнѣ, и я вамъ все истолкую“. На другой день по утру стали пѣть весело, какъ въ Рождество у сербовъ. Затѣмъ каждый, кто только помнилъ сонъ, отправлялся къ старику разказать его, чтобы тотъ истолковалъ сонъ. Послѣ всѣхъ пришла самая младшая невѣстка, которая была беременна, и говоритъ старику, что ей снилось, что изъ ея чрева выросла сосна, которая своими вѣтвями покрыла весь міръ. Старикъ сказалъ ей на это: „Дай Богъ, чтобы это было на счастье, моя невѣстка; но едва ли ты родишь вла-

¹⁾ Будетъ уже довольно, Соколъ Мехмедъ-наша. Зацѣпи мнѣ сзади сѣкиру и сплети на тонкихъ бичевкахъ и к разсѣву данную сосну.

²⁾ Остается теперь мостъ на Дринѣ; остается теперь, остается на вѣки.

дыку земля" ¹⁾. Немного времени прошло, младшая невестка старика родила мужское дитя, прекрасное, какъ золотое яблоко. Дитя росло, какъ изъ воды, то-есть, не по днямъ, а по часамъ. Когда оно немного выросло, то никакъ не садилось на голую землю: если не находило, что подложить подъ собою, то снимало свою шапку съ головы и на шапкѣ и садилось. Въ старыя времена былъ обычай, что цари объѣзжали свои земли въ тайнѣ, въ простой одеждѣ. Такъ и султанъ разъ выѣхалъ изъ Стамбула для объѣзда своего царства. Тогда онъ объѣхалъ и Боснію, гдѣ, въ одномъ мѣстѣ, въ горахъ у стада цѣлаго рода видѣлъ маленькаго Соколовича; султанъ о чемъ-то спросилъ его; мальчикъ отвѣчалъ очень бойко и умно. Это произвело впечатлѣніе на султана, которому мальчикъ очень понравился; султанъ спросилъ, какъ его имя, какъ зовутъ его родителей, все это занясалъ въ своей книгѣ и пошелъ дальше. Когда султанъ возвратился въ Стамбулъ, то послалъ приказъ боснійскимъ властямъ пригласить къ нему маленькаго Соколовича ²⁾. Послѣдній немедленно явился въ Стамбулъ. Султанъ взялъ его къ себѣ, какъ сына. По прошествіи нѣсколькихъ дней султанъ повелъ молодого Соколовича въ свою казну, и чтобы его задобрить, показалъ ему всѣ свои деньги и сказалъ ему: „Вотъ, возьми себѣ денегъ, сколько хочешь и какихъ хочешь!“. Дитя вмѣсто того, чтобы взять денегъ, бросилъ свой ножикъ съ ремня на деньги, и сказалъ: „Если съ кучи бралось, то она не была бы такою; на нее постоянно бросалось, и потому она выросла такою большою“. Царь съ своими визирями диву дались и очень удивились мудрости молодого босняка; султанъ теперь совсѣмъ принялъ его къ себѣ и сталъ посылать его въ школу. Маленькій сербъ прошелъ, какъ по водѣ, всѣ школы. Послѣ того прошло немного времени, и султанъ потурчалъ молодого Соколовича и записалъ его въ войско. Соколовичъ и здѣсь выдвинулся и мало по малу дошелъ до чина паша. Какъ визирь, онъ былъ самый храбрый полководецъ султанскаго войска, такъ что его имя записано золотыми словами въ турецкой исторіи. Мехмедъ Соколовичъ въ бояхъ всегда выходилъ побѣдителемъ и много земель завоевалъ туркамъ и такимъ образомъ сдѣлалъ царство Турецкое сильнымъ.

У Соколовича былъ сынъ, котораго онъ любилъ больше всего на свѣтѣ. Когда онъ отиравался въ походѣ, то не могъ быть въ раз-

¹⁾ Ср. подобный рассказъ Геродота (I, 108) о Кирѣ, царѣ Персидскомъ.

²⁾ *Босаяска Вила* 1888 г., № 10, стр. 168.

лукъ съ сыномъ, ни сынъ съ нимъ, и всегда поэтому отправлялись они вмѣстѣ. Разъ, въ одномъ жаркомъ бою съ непріятелемъ погибъ вивиревъ сынъ. Когда отецъ получилъ это печальное извѣстіе, то отъ жалости свалился съ коня и едва самъ не пошелъ за сыномъ; только бывшіе около него нѣсколько солдатъ изъ конницы спасли его. Съ того дня вивирь постоянно былъ печаленъ по своему снѣ, и разъ ему пришло на мысль сдѣлать что-нибудь большое въ память своего сына, чтобъ притомъ осталась память и о немъ самомъ. Онъ вспомнилъ свою родину и родное мѣсто; онъ задумалъ сдѣлать что-нибудь на пользу своему народу, а по себѣ оставить память. Для этого онъ выпросилъ у султана большую казну и фирманъ, чтобъ онъ могъ въ нововозвоенныхъ мѣстахъ налагать большой харачъ и подушную подать для построенія моста на Дринѣ у Вышеграда. Онъ зналъ, что эти земли очень богаты. По прїѣздѣ въ Вышеградъ вивирь прежде всего построилъ домъ для мастеровъ и рабочихъ для моста; тамъ они всѣ жили на всемъ содержаніи бесплатно, какъ во время работы, такъ и послѣ. Этотъ домъ народъ называлъ и называетъ его и до сего дня Камонати ханъ (камонный домъ, гостиница). Послѣ этого онъ сталъ строить мостъ и строилъ его семь лѣтъ. Потомъ онъ построилъ въ своемъ родномъ селѣ церковь и джамію (мечеть); первую турки послѣ его смерти разрушили, а мѣсто, на которомъ она стояла, и теперь называется Влахиця; джамія и теперь стоитъ, и ей принадлежитъ, какъ вакуфъ, земля около дринскаго моста, и эта земля отдается джаміей въ аренду.

Относительно мастера или водчаго, построившаго мостъ, преданіе говоритъ, что онъ назывался Раде, и что онъ дважды строилъ мостъ, но оба раза весной сильная вода до половины разрушала его. Когда несчастнаго Раде сильно стала разбирать грусть вследствие большихъ потерь и непріятностей, онъ сѣлъ разъ на полуразрушенной башнѣ моста и хотѣлъ броситься въ страшныя волны мутной Дрины, чтобъ такимъ образомъ положить конецъ своему безконечному мученію. Обуреваемый такими мыслями, онъ сталъ проклинать и нарекать на Дрину:

„Хеј проклега Дрино вазовита!

Бе остарјех на теби радећи,

И онег ме хоѣш да прогуташ?“¹⁾

¹⁾ „Ей проклята Дрина волниста! Я состарился, работал на тебя, и ты все-таки хочешь меня проглотить..?“

Далѣе остатокъ пѣсни прибавляетъ, что

Истом Раде скочятъ шведиѣше,
 Док се Раду нешто попричуло,
 Ввику вила из Буткова Рила:
 Чу ли мене, немшаре Раде!
 Ти не можешъ начинитъ буриѣ,
 Док не наѣшъ, Стоју и Остоју
 И то, Раде, брата и сестрицу,
 Па увидяј у дрискову буриѣ,
 Тако не ти остатъ ижековита...!'¹⁾

По голосу вила Раде рѣшился искать того, о комъ она сказала ему, и дѣйствительно нашелъ и сдѣлалъ по ея велѣнью, и такимъ образомъ мостъ остался на вѣки. По этому преданію, Стоя была беременна, и когда ее задѣлали въ башню моста, то постоянно ударяло молоко изъ груди. Вслѣдствіе того народъ вѣритъ, что осадки, образующіеся у рѣшетки сводовъ отъ водяныхъ паровъ Дрины или отъ дождей, пробивающихся сквозь помость моста, которые окрашиваются въ бѣлый цвѣтъ,—это отвердѣвшее молоко изъ Стоинной груди; этому молоку приписываютъ цѣлебную силу. Когда какая-нибудь женщина не имѣетъ достаточно молока для вскармливанія дитяти, то беретъ эти осадки и пьетъ ихъ съ водою, и тогда сразу является достаточно молока²⁾.

III. Сварну.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Corpus d'Épigraphie Latine. Deuxième édition entièrement refondue et accompagnée de planches et de figures par René Cagnat. Paris. 1889.

Интересъ, возбужденный въ послѣдніи десятилѣтія древнею эпиграфикою, богатыя открытія въ этой области, послѣдовательное появленіе Corpus Inscriptionum Latinarum и Corpus Inscriptionum Atticarum, все болѣе и болѣе выдвигаютъ занатія древними надписями изъ тѣснаго кружка специалистовъ — эпиграфиковъ и дѣлаютъ ихъ досто-

¹⁾ При этомъ Раде хотѣлъ соскочить въ воду; но вдругъ ему что-то приснилось,—это вила съ Бутковой Рилы закричала къ нему: „Самшагъ ли мене, водчій Раде; ты не сможешь построить моста, пока не найдешь Стою и Остою, и то, Раде, брата и сестрицу. Ты изъ задѣлай въ дрисковъ мосту и такимъ образомъ онъ останется на вѣки“.

²⁾ Босанска Вила, 1888, № 11, стр. 174—175.

яніемъ лицъ, вообще интересующихся развитіемъ древняго міра. Это обстоятельство объясняется и то явленіе, что во многихъ университетахъ, какъ западныхъ, такъ и русскихъ, читаются курсы греческой и латинской эпитафистики и разбираются надписи. Этимъ же обстоятельствомъ оправдывается и появленіе въ 1886 году труда г. Канья, поставившаго себѣ задачей подготовить неспеціалиста къ чтенію латинскихъ надписей и пользованію ими. Что трудъ этотъ вышелъ на встрѣчу дѣйствительной потребности, видно изъ того обстоятельства, что черезъ три года онъ является во второмъ, совершенно переработанномъ изданіи, на которое, въ виду его достоинствъ, считаемъ необходимымъ обратить вниманіе русскихъ читателей, интересующихся древнимъ міромъ и приемами его изученія.

Укажемъ вкратцѣ отношеніе книги г. Канья къ явленіямъ однороднымъ. Однимъ изъ первыхъ трудовъ, поставившихъ себѣ задачей дать обзоръ эпитафическаго матеріала, распредѣлить его на отдѣлы и указать читателю на важнѣйшіе памятники, былъ трудъ италіанскаго ученаго Zaccaria, вышедшій въ 1770 г. въ Римѣ, подъ заглавіемъ: *Istituzione antiquario — lapidaria o sia introduzione allo studio delle antiche latine iscrizioni in tre libri proposta*. Въ этой книгѣ авторъ указываетъ прежде всего на ту пользу, которую могутъ извлечь изъ надписей: хронологъ, географъ, историкъ, антикваръ, критикъ; затѣмъ рассматриваетъ встрѣчающіяся въ надписяхъ ономакологию и переходитъ къ обзоръ отдѣльныхъ категорій надписей, дѣля ихъ на посвятительныя, юридическія, общественныя, историческія, почетныя и надгробныя. Послѣ этого авторъ говоритъ о стилѣ надписей, ихъ языкѣ, орфографіи, орнаментикѣ, о томъ, какъ ихъ списывать и читать, какъ исправлять невѣрныя копія, какъ дополнять утраченное, какъ опредѣлять время надписи и какъ разрѣшать аббревиатуры. Для своего времени книга Цаккарія была явленіемъ не зауряднымъ и долго пользовалась вполне заслуженною извѣстностью. Нынѣ, конечно, она имѣетъ интересъ только историческій, потому что не удовлетворяетъ современнымъ требованіямъ и содержитъ въ себѣ весьма мало матеріала, не всегда при томъ, достаточно повѣреннаго. Нѣсколько иного характера трудъ другаго италіанца, и доселѣ цѣнимый въ Италіи: говоримъ о сочиненіи Steph. Aug. Morcelli: *De stilo inscriptionum latinarum* 1819 (перевоздавался нѣсколько разъ). Въ немъ авторъ имѣетъ въ виду потребности практическія: указаніемъ особенностей стила древнихъ латинскихъ надписей, онъ хочетъ научить составлять новыя, столь распространен-

ныя въ Италиі и до настоящаго времени. Онъ дѣлитъ всѣ надписи на шесть классовъ: священныя, почетныя, эпитафій, историческія, элогіи и общественныя или юридическія. Въ каждомъ классѣ онъ приводитъ по нѣскольку примѣровъ, которые подвергаетъ обстоятельному разбору и указываетъ при этомъ на приемы, общіе тому или другому классу. Въ видѣ приложения, разбираются надписи на монетахъ, геммахъ, вазахъ и т. д. Въ трудѣ Морцелли собрано весьма много эпиграфическаго матеріала, разсѣяно не мало тонкихъ замѣчаній, преимущественно относящихся къ архитектоникѣ и стилю надписей, но все же онъ мало пригоденъ вслѣдствіе отсутствія критики и своеобразной постановки задачи. Въ 1852 году (такъ называемое второе изданіе 1874 г. есть только перепечатка заглавнаго листа—*Titelausgabe*) вышла книга Zell: *Anleitung zur Kenntniss der römischen Inschriften*, про которую можно сказать, что она представляется шагомъ назадъ въ сравненіи даже съ трудомъ Цаккарія: полное отсутствіе критики, отсталость въ сужденіяхъ и взглядахъ, легкомысліе и примивъ невѣжественныя ошибки въ разработкѣ матеріала, собраннаго далеко не полно, характеризуютъ это печальное произведеніе, которое способно скорѣе слутать, чѣмъ чему-нибудь научить неопытнаго читателя. Одновременно съ первымъ изданіемъ труда г. Кауля, появилась статья Гюбнера: *Römische Epigraphik*, вошедшая въ издаваемый подъ редакціей Ив. Миллера сборникъ: *Handbuch der klassischen Alterthumswissenschaft*. Написанная съ рѣдкимъ знаніемъ дѣла, статья эта въ сжатомъ видѣ знакомитъ читателя съ исторіей эпитафій и съ различнаго рода надписями и ихъ особенностями; она распадается на два отдѣла, изъ коихъ первый разсматриваетъ алфавитъ и особенности письма, а также и языкъ латинскихъ надписей, а второй посвященъ частнѣйшему обзорѣ различнымъ ихъ отдѣловъ: надписей надгробныхъ, помянутыхъ, почетныхъ, начертанныхъ на сосудахъ, штемпелей, и документовъ. Сообразно съ задачей предпріятія Ив. Миллера, Гюбнеръ имѣлъ въ виду не столько дать введеніе въ латинскую эпитафику, сколько представить сжатый очеркъ современнаго состоянія этой науки и обзорѣе того матеріала, которымъ она располагаетъ. Поэтому и при ней, появленіе труда, который заданъ бы цѣлью представить введеніе въ латинскую эпитафику, предназначаемое для непосвященныхъ и начинающихъ, оказывается вполне законнымъ и умѣстнымъ.

Г. Кауля не безызвѣстенъ въ ученой литературѣ: первый его

трудъ: *Explorations épigraphiques et archéologiques en Tunisie* (Paris 1882) обнаружилъ въ немъ хорошую подготовку, вынесенную изъ школы знаменитаго Léon Renier, а вышедшее въ томъ же году изслѣдованіе о косвенныхъ налогахъ у римлянъ (*Études historiques sur les impôts indirects chez les Romains jusqu' aux invasions des barbares, d'après les documents littéraires et épigraphiques*) было увѣчено Французскою Академіею и отмѣчено критикою, какъ трудъ тщательный и методическій, необходимый для всякаго, желающаго изучать римское государственное хозяйство. Затѣмъ г. Канья продолжалъ и продолжаетъ участвовать въ періодическихъ изданіяхъ: *Revue archéologique*, *Bulletin épigraphique*, *Revue de philologie*, помѣщая въ нихъ отдѣльными изслѣдованіями и замѣтками по поводу частныхъ вопросовъ и данныхъ изъ римской древности и эпитафій; съ прошлаго 1888 года онъ предпринималъ очень полезную работу, помѣщаемую имъ въ видѣ приложенія къ *Revue archéologique*, подъ заглавіемъ: *L'année épigraphique*; въ ней онъ приводитъ, перѣдко *in extenso*, греческія и латинскія надписи, особенно замѣчательными по содержанию, публикуемыя въ различныхъ современныхъ изданіяхъ, но рѣдко малодоступныхъ. Потребность въ такомъ сводѣ чувствовалась давно, и ея удовлетвореніе составляетъ большую заслугу г. Канья.

Изъ только что сказаннаго видно, что авторъ, посвятившій себя спеціальному изученію римской эпитафій, былъ вполне подготовленъ къ тому, чтобы дать общій ея очеркъ, и слѣдуетъ признать, что онъ исполнилъ свою задачу весьма удовлетворительно: въ его книгѣ читатель найдетъ вѣрнаго и надежнаго руководителя въ области, требующей извѣстныхъ техническихъ приемовъ и спеціального подготовленія, встрѣтитъ обстоятельное указаніе на литературу предмета и рѣшеніе вопросовъ, представляющихся въ значительномъ количествѣ лицу, впервые приступающему къ изученію латинскихъ надписей. Если и есть въ книгѣ недочеты, то они не на столько существенны, чтобы ослабить общее хорошее впечатлѣніе, производимое ею.

Прежде чѣмъ укажемъ нѣкоторые изъ нихъ, ознакомимъ читателей поподробнѣе съ ея содержаніемъ: послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ замѣчаній о надписяхъ и эпитафій вообще, и послѣ краткаго перечня важнѣйшихъ эпитафическихъ сборниковъ и изданій, авторъ въ первой части даетъ обзоръ алфавитовъ, употребляющихся въ латинскихъ надписяхъ. Онъ начинается съ алфавита арканческаго, который полагаетъ отъ древнѣйшихъ памятниковъ до Цезаря, когда начинается такъ называемый монументальный алфа-

вить, въ которомъ обращается особенное вниманіе на соотвѣтствіе и изящество начертаній. Въ этой области мы имѣемъ капитальный трудъ Гюбнера: *Exempla scripturae epigraphicae*, хотя и извѣстный г. Канья, но недостаточно имъ утилизированный: въ алфавитѣ, какъ и въ другихъ частностяхъ надписей, сверхъ условій времени, матеріала, личности рѣщика, играетъ большую роль и мѣстность, налагающая нерѣдко характерные признаки на надписи. Все это съ большою обстоятельностью разобрано Гюбнеромъ и могло бы, не безъ пользы для читателя, быть отмѣчено и въ общемъ обзорѣ: правда, кое-что изъ этихъ особенностей упоминаетъ г. Канья при обзорѣ начертаній отдѣльныхъ буквъ, но эти отрывочныя и разбросанныя отмѣтки не даютъ возможности составить общее понятіе. Вслѣдъ за монументальнымъ алфавитомъ онъ переходитъ къ обзорѣ курсива, и даетъ образчики двухъ почерковъ, наиболѣе извѣстныхъ и полныхъ: въ Помпеяхъ (на такъ называемыхъ граффитахъ), и въ Дакинѣ, на восковыхъ дощечкахъ, найденныхъ въ золотыхъ копяхъ городка *Alburnus matior*. Нельзя не пожалѣть при этомъ, что г. Канья не привелъ въ точномъ снимкѣ хотя бы нѣсколькихъ строкъ курсива для того, чтобы дать понятіе о соединеніяхъ буквъ и о трудности ихъ чтенія. Послѣ общихъ замѣчаній авторъ переходитъ къ обзорѣ начертанія каждой буквы въ отдѣльности: какъ уже было замѣчено выше, онъ при этомъ даетъ не мало детальныхъ указаній, но они, будучи разбросаны, не позволяютъ составить общей картины того или другаго приема написанія. Въ доказательство приведемъ лишь одинъ примѣръ: всякому, занимавшемуся палеографіей латинскихъ надписей, знакомъ характерный почеркъ, встрѣчающійся какъ на камнѣ, такъ на бронзѣ и на диннитахъ, и отличающійся тонкими, высокими чертами, тѣсно сближающимися одна къ другой и отбѣняемыми поперечными, весьма толстыми штрихами: это тотъ почеркъ, который у палеографовъ извѣстенъ подъ названіемъ *scriptura à penicillo*, *Pinzelschrift*. Читатель книги г. Канья не составитъ о немъ надлежащаго понятія, хотя указанія на нѣкоторыя его особенности и найдетъ подъ отдѣльными буквами (напримѣръ, P, L). Отмѣтимъ еще одинъ пропускъ: это полное отсутствіе указаній на особенности такъ называемаго Дамасова шрифта (*litterae Damascanae*), введеннаго каллиграфомъ Фуриемъ Діонисіемъ Филокаломъ и встрѣчающагося на многочисленныхъ элогіяхъ папы Дамаса, IV-го вѣка. Вслѣдъ за обзорѣемъ начертаній отдѣльныхъ буквъ, авторъ разсматриваетъ ихъ связь, причемъ недостаточно обращаетъ вниманія на причудливыя и характер-

ныя дигатуры, въ обиліи попадающіяся на британскихъ и германскихъ надписяхъ. Послѣ краткаго обзорѣнія строчныхъ и надстрочныхъ знаковъ, авторъ переходитъ къ обозначенію цифръ: чиселъ цѣлыхъ и дробей.

Второй отдѣлъ книги посвященъ обзорѣнію элементовъ, общихъ различнымъ группамъ надписей, и начинается съ ономастологін. Сперва авторъ говоритъ о *tria nomina*, то-есть, о *praenomen*, *nomen* и *cognomen*, затѣмъ переходитъ къ обозначенію родства, трибы, родины и мѣста жительства. Въ слѣдующихъ параграфахъ находятся указанія на передачу этихъ трехъ именъ отъ отца къ дѣтямъ и, въ частности, на названія дѣтей законныхъ, на названія незаконнорожденныхъ, усыновленныхъ, натурализованныхъ иностранцевъ, рабовъ, отпущенниковъ. По поводу этихъ указаній авторъ касается многихъ частныхъ, напримѣръ, названія *patrus*, полиониміи, столь употребительной во вторую половину имперіи, окончаній на *anus*, формулы: *qui et*, отпущенниковъ женщинъ и т. д. Всѣ его указанія сопровождаются удачно подобранными примѣрами и необходимыми ссылками, какъ на источники, такъ и на ученую библиографію. Тому, кто знаетъ, что многіе вопросы римской ономастологін и въ настоящее время находятся еще въ зачаточномъ состояніи, не покажется удивительнымъ, что въ этомъ отдѣлѣ труда г. Канья обнаруживается довольно значительное количество пробѣловъ и недомолвокъ. Только въ немногихъ изъ нихъ виноватъ авторъ, большинство же такого свойства, что при настоящемъ состояніи разработки эпиграфическаго матеріала удовлетворительно рѣшены быть не могутъ; нѣкоторые только что еще поставлены. Такъ, мы не будемъ укорять г. Канья за неполноту данныхъ, относящихся къ римскимъ женскимъ именамъ, за недостатокъ обстоятельности и надлежащей группировки въ *cognomina*, и т. д., но рѣшимся выразить сожалѣніе о томъ, что, при изложеніи вопроса о трибахъ, онъ мало воспользовался приносимыми имъ, слѣдовательно ему знакомыми, трудами Кубичка (*Kubitschek*): *de romanorum tribuum origine ac propagatione* (*Vindob.* 1882) и *imperium romanum tributim descriptum* (*ibid.* 1882), выставившаго вопросъ о трибахъ въ новомъ свѣтѣ; точно также есть основаніе пожалѣть, что авторъ мало воспользовался капитальными мемуарами Моммзена помѣщенными имъ въ *Ephemeris epigraphica* и въ журналѣ *Herpete*, относительно обозначенія родины и мѣстожительства.

Несравненно богаче содержаніемъ и поучительнѣе вторая глава книги г. Канья, посвященная обзорѣнію служебной карьеры римскихъ часть ССЛХІІ, отд. 2.

государственныхъ дѣятелей, для которой надписи представляютъ богатѣйшій и незамѣнимый матеріалъ. Начиная съ знаменитаго мемуара Боргеаи: *Memoria sopra la iscrizione del console L. Burguleio Optato Ligariano* (*Oeuvres*, IV, 103), ученые эпиграфисты и антиквары съ усердіемъ занимались всѣми деталями вопроса о римскомъ *sigis honoium*, и въ монографіяхъ Моммзена, Генцена, Л. Ренье, де Росси, Лабуса, Фуланетто, Цумпта и многихъ другихъ содержится не мало любопытнѣйшихъ данныхъ по исторіи римскаго служилого люда. Г. Канья добросовѣстно воспользовался результатами этихъ работъ и представилъ прекрасно составленный очеркъ движенія по службѣ лицъ сенаторскаго ранга, всадническаго и низшихъ, причемъ каждый изъ этихъ отдѣловъ дробить на частнѣйшіе параграфы: такъ, говоря о сенаторской карьерѣ, онъ разсматриваетъ ее сперва за періодъ до Діоклетіана, и присоединяетъ къ ней обзоръ за этотъ же періодъ карьеры всаднической; затѣмъ переходитъ къ періоду послѣ Діоклетіана, когда замѣчается стремленіе слить обѣ эти карьеры во-едино, что и происходитъ окончательно при Константинѣ В., послѣ котораго *sigis honoium* дѣлается однимъ, хотя дойти до него можно было двумя путями, смотря по тому, было ли лицо, его искавшее, *clarissimus*, то-есть, сынъ сенатора, или нѣтъ. Перехода наконецъ къ обзоръшю должностей низшихъ, авторъ группируетъ ихъ по слѣдующимъ отдѣламъ: административныя должности, поручавшіяся отпущенникамъ, какъ въ Римѣ, такъ и въ провинціяхъ; должности военныя въ легионахъ и во флотѣ; административная карьера въ муниципіяхъ и колоніяхъ; должности въ коллегіяхъ и корпораціяхъ. Въ виду дробности матеріала, авторъ придалъ изложенію этихъ отдѣловъ форму таблицъ, въ которыхъ онъ перечисляетъ въ алфавитномъ порядкѣ извѣстныя должности, съ указаніемъ мѣстностей, гдѣ онѣ встрѣчаются. Таблицы эти составлены очень тщательно и нуждаются лишь въ весьма немногихъ дополненіяхъ и поправкахъ: такъ, въ первомъ отдѣлѣ желательнѣе было бы видѣть перечисленіе отпущенниковъ Цезарскаго дома, носившихъ названія по роду своихъ занятій съ предл. а (*a manu, a pedibus, a regionibus Urbis* и пр.), также какъ и съ *supra* (*supra cubicularios, supra medicos* и др.); въ отдѣлѣ должностей флотскихъ мы замѣтили пропускъ названій: *δεκάνοι τοῦ πρακτωρίου στόλου, rationalis, suboptio, victimarius*; въ отдѣлѣ должностей муниципальныхъ слѣдовало бы упомянуть, напримѣръ, объ *asiarcha, praetor Etruriae*; въ культѣ Мнеры объ *antistites, decem primi hieroceryces*, и пр.

Третья глава посвящена не менѣе интересному вопросу—о титулатурѣ римскихъ Цезарей и лицъ Цезарскаго дома. И овъ, подобно предыдущимъ, разработанъ въ сравнительно недавнее время, преимущественно въ трудахъ Моммзена. Г. Капля разсматриваетъ сперва титулатуру и имена императоровъ при ихъ жизни, титулатуру лицъ Императорскаго семейства, и наконецъ титулатуру Цезарей и ихъ родственниковъ послѣ ихъ смерти. Въ видѣ особаго экскурса прибавлено нѣсколько замѣчаній о такъ-называемыхъ разурахъ или намѣренныхъ, произведенныхъ еще въ древности, уничтоженіяхъ названій Цезарей на общественныхъ памятникахъ. Къ этой главѣ, въ видѣ справочнаго указателя, приложенъ хронологическій перечень Римскихъ императоровъ, съ точнымъ обозначеніемъ ихъ *nomina* и *cognomina*, счета ихъ трибунской власти, ихъ консулатовъ и *acclamations impregatoriae*. Этотъ, составленный съ большою тщательностью, указатель, для котораго авторъ воспользовался, сверхъ надписей, и монетами, а также принялъ во вниманіе и результаты новѣйшихъ изслѣдованій Штоббе, Моммзена и Гиршфельда, принесетъ существенную пользу при справкахъ.

Послѣдній и самый обширный отдѣлъ книги г. Капля, занимающій около трети всего сочиненія, посвященъ обзорѣнью различныхъ категорій надписей и особенностямъ, характеризующимъ каждую изъ этихъ категорій. Прежде всего авторъ говоритъ о надписяхъ, посвященныхъ различнымъ божествамъ, затѣмъ переходитъ къ надписямъ почетнымъ, развившимся изъ такъ-называемыхъ злогій и помѣщавшимся преимущественно на базисахъ статуй, которыя воздвигались выдающимся личностямъ; слѣдующій отдѣлъ разсматриваетъ надписи, находившіяся на общественныхъ зданіяхъ и сооруженіяхъ (въ частности, на мѣловыхъ столбахъ, и на межахъ). Четвертый параграфъ посвященъ надписямъ надгробнымъ, пятый—общественнымъ и частнымъ документамъ. Въ числѣ ихъ мы находимъ обзорѣніе формулъ, характеризующихъ законы и плебисциты, сенатскіе указы (очень жаль, что авторъ не привелъ подробнаго перечня всѣхъ, сравнительно немногочисленныхъ, сохранившихся до нашего времени, памятниковъ этого рода, ограничиваясь только латинскими текстами), императорскія повелѣнія (затѣмъ помѣщены и указы объ отставкѣ римскихъ ветерановъ—*tabulae honestae missionis*), расписанія магистратовъ, списки консуловъ и триумфаторовъ, календари, документы, относящіеся къ освященію храмовъ и жертвенниковъ, протоколы и списки жреческихъ коллегій, списки различныхъ отдѣловъ римской

армін, акты в документи муниципальные (напримѣръ, *lex patriei faciundo, cenotaphia Pisana, tabulae patronatus, tabulae alimentariae*). акты, относящіяся къ коллегіямъ, и, наконецъ, документы частныя,

Въ послѣднемъ параграфѣ авторъ разсматриваетъ надписи на различныхъ предметахъ движимости, которыя извѣстны въ эпитафійкѣ подъ общимъ названіемъ: *Instrumentum*. Сюда входятъ надписи на мраморныхъ глыбахъ и металлическихъ слиткахъ, на кирпичачъ и черепицахъ, на водопроводныхъ трубахъ, на вазахъ, лампочкахъ, глиняныхъ, стеклянныхъ и металлическихъ предметахъ для частнаго употребленія, на оружіи (такъ-называемыя *glandes missiles*), на вѣсахъ и мѣрахъ, на драгоценностяхъ, штемпеля и печати, такъ-называемыя *tessegae*, оракулы и заклинанія, надписи на мозаикахъ и на игральныхъ доскахъ.

Изложеніе г. Канья заканчивается дополнительною главою, въ которой говорится о приемахъ восстановленія текста надписей, сохранившихся не вполне, и о критикѣ надписей.

Въ видѣ приложения, въ концѣ книги присоединенъ алфавитный перечень наиболѣе часто встрѣчающихся условныхъ знаковъ и сокращеній.

Изъ всего вышесказаннаго можно видѣть все богатство содержанія книги г. Канья. Мы уже замѣтили, что разработка ея стоитъ вполне на уровнѣ современнаго развитія эпитафійческихъ штудій и что вслѣдствіе этого разсматриваемая книга оказывается вполне надежнымъ руководителемъ.

Нѣкоторыя, сдѣланныя нами мимоходомъ, частныя замѣчанія касались, главнымъ образомъ, того, чего въ этой книгѣ нѣтъ и что было бы желательно въ ней видѣть. Здѣсь мы ихъ дополнимъ въ надеждѣ увидѣть это полезное изданіе, при новой его обработкѣ, болѣе подробнымъ и обстоятельнымъ. Прежде всего, является весьма желательнымъ, чтобы авторъ въ началѣ книги представилъ, хотя бы и краткій, очеркъ хода развитія латинской эпитафійки, начиная съ эпохи Возрожденія до послѣдняго времени, и, въ частности, до появленія *Corpus Inscriptionum Latinarum*. Задача эта не особенно трудна, при существованіи такихъ капитальныхъ трудовъ, какъ *de Rossi: Le prime raccolte d'antiche iscrizioni compilate in Roma tra il finire del secolo XIV ed il cominciare del XV inventate et dichiarate* (Roma. 1822), *Henzen: Ueber die von Cyriacus von Ancona gesammelten Inschriften der Stadt Rom; über die stadtrömischen Inschriftensammlungen aus der Epoche nach Cyriacus bis auf Jac. Mazochi,*

и такого прекраснаго обзорѣнія, какъ: *Histoire de l'épigraphie Romaine depuis les origines jusqu'à la publication du „Corpus“, rédigée sur les notes de Léon Renier par M. R. de la Blanchère (Paris. 1887).*

Между тѣмъ, ознакомить читателя съ историческимъ развитіемъ такой дисциплины, какъ эпиграфика, кажется намъ особенно важнымъ потому, что ознакомленіе это предостережетъ его отъ многихъ ошибокъ и многіе отдѣлы выставитъ въ надлежащемъ свѣтѣ.—Затѣмъ мы порекомендовали бы почтенному автору ввести въ свое изложеніе и краткій очеркъ Христіанской эпиграфики до VI вѣка, такъ какъ она во многихъ пунктахъ стоитъ въ этотъ періодъ въ непосредственной связи съ языческой. Пособіемъ при этомъ, сверхъ капитальнаго труда де Россія, *Inscriptiones christianae urbis Romae*, могло бы служить прекрасное введеніе Леблана въ его *Inscriptions chrétiennes de la Gaule*.—Наконецъ, третье и послѣднее наше desideratum состоитъ въ томъ, чтобы авторъ привлекъ въ большей мѣрѣ греческія надписи изъ періода греко-римскаго и ознакомилъ бы читателя по-подробнѣе съ употребляющеюся въ нихъ терминологіей.

Въ такомъ трудѣ, какъ рассматриваемый, въ которомъ содержится указаніе на массу самыхъ разнообразныхъ данныхъ, совершенно естественно встрѣтить нѣкоторыя частныя недомолвки, неточности въ деталяхъ и т. н., но строго судить ихъ не возможно въ виду обширности задачи, взятой на себя авторомъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

На стр. 51 г. Канья замѣчаетъ, что имена на аз, апас, іпас и апас суть происхожденія умбрскаго, и приводитъ имя Маэсенас, который, какъ извѣстно, происходилъ изъ древнѣйшаго этрусскаго рода.

На стр. 64 такія соединенія, какъ *Caecilia Q. Cretici, Metella Stajia* авторъ объясняетъ черезъ опущеніе словъ: *filia* и *clig*. Проще и вѣрнѣе въ этихъ родительныхъ видѣтъ такъ-называемый *genetivus possessivus*, но нуждающійся, для своего объясненія, въ слитіи сѣ.

На стр. 90 и сл.: г. Канья даетъ очеркъ движенія по государственной службѣ римскаго гражданина и, въ частности, говоритъ о такъ-называемой сенаторской карьерѣ. Очеркъ этотъ, въ общемъ вѣрный и точный, недостаточно рѣзко отгѣняетъ періоды республиканскій и императорскій, вслѣдствіе чего о первомъ читатель получаетъ весьма смутное представленіе. Хотя огромное большинство надписей, упоминающихъ о *cursus honorum* того или другаго лица, и относится къ періоду императорскому, однако тѣмъ важнѣе и лю-

большаго числа немногихъ эпиграфическихъ данныхъ, которыя принадлежатъ эпохѣ республиканской и дать введеніе къ нимъ правильному уразумѣнію представляется весьма важнымъ. Кстати замѣтимъ, что форма *quaestoricus*, приводимая авторомъ въ значеніи: бывшій квесторъ, встрѣчается весьма рѣдко (намъ извѣстенъ всего лишь одинъ случай, и то не на городской надписи, въ С. I. L. IX, 338), болѣе же употребительною является форма *quaestorius*.

На стр. 225: существующій нынѣ обломокъ надписи на колоннѣ, воздвигнутой въ честь Дулиа, г. Канья склопенъ относить ко времени Августа; съ большимъ вѣроятіемъ можно думать, что она или составлена, или реставрирована въ царствованіе Клавдія, большаго любителя и знатока древности.

Стр. 248: было бы весьма интересно видѣть перечисленіе хотя бы главнѣйшихъ названій, которыя въ различныхъ мѣстностяхъ придавали гробницамъ, и вообще обратять большее вниманіе на различіе формулъ, обусловленное мѣстностью. Слѣдовало бы поподробнѣе коснуться и любопытной формулы, встрѣчающейся преимущественно на надгробныхъ надписяхъ и, главнымъ образомъ, въ Галліи — *sub ascia dedicare*. Вообще, въ виду того, что надгробныя надписи составляютъ среди другихъ подавляющее множество, онѣ заслуживаютъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія и детальной классификаціи; особо слѣдовало бы разсмотрѣть и отдѣлъ стихотворныхъ эпитафій, представляющихъ массу своеобразныхъ особенностей.

Стр. 262. Упомянутая объ эдиктѣ Діоклетіана, устанавливавшемъ тахішій цѣны предметовъ купли и продажи, авторъ ссылается на Рейнака: *Traité d' épigraphie grecque*; слѣдовало бы привести и изданіе его, сдѣланное Ваддингтономъ, и мемуаръ Моммзена въ его *Epigraphische Analecten*.

Стр. 270. Напрасно г. Канья признаетъ совершенно невѣроятное предположеніе Борманна, будто извѣстный *monumentum Ancusianum* относится къ разряду такъ-называемыхъ *laudationes funebres* — *une conception ingénieuse*. Это предположеніе не имѣетъ за собою никакихъ солидныхъ основаній и особымъ остроуміемъ не отличается.

Стр. 286. Заслуживали бы упоминанія открытыя въ недавнее время списки *equites singulares*, прекрасно изданные покойнымъ Генценомъ въ *Bullettino della Commissione archeologica comunale in Roma*.

Стр. 291. По поводу *tabulae alimentariae* не лишне бы было указать на капитальные мемуары Генцена (*Tabula alimentaria Baebia-*

погит. Romae. 1845, съ дополненіями въ *Annali del' Instituto* 1849) и Дешардена (*Disputatio historica de tabulis alimentariis*. Paris. 1854).

Заканчивая здѣсь наши замѣтки или, выражаясь точиѣе, придирки, пожелаемъ почтенному труду г. Канья наиболѣе широкаго распространенія среди публики, интересующейся древними памятниками вообще, и эпиграфическими въ частности.

И. Шенниковъ.

А. А. Титовъ. Лѣтопись Двинская. Москва. 1889.

Наданіе „Лѣтописи Двинской“ принадлежитъ тому же почтенному труженнику А. А. Титову, о другомъ подобномъ трудѣ котораго — о „Лѣтописи Великоустюжской“ — было сообщено въ майской книгѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1889 годъ К. Н. Бестужевымъ-Рюминимъ. Подобно „Лѣтописи Великоустюжской“, „Лѣтопись Двинская“ есть сводъ изъ нѣсколькихъ рукописныхъ двинскихъ лѣтописцевъ, составленный А. А. Титовимъ. Материалами для составленія сводной Двинской лѣтописи послужили три списка: 1) рукопись конца XVIII вѣка, „съ небольшими вариантами противъ напечатанной Н. И. Новиковымъ въ XVIII томѣ Россійской Виблюэки“; событія въ этой рукописи продолжаются до 1706 года; 2) рукопись, принадлежащая поморскому наставнику М. Б—ову, событія въ этой рукописи доходятъ до 1750 года; эту рукопись составитель свода слыхалъ съ рукописью № 32, принадлежащей археографической комиссiи; пробѣлы первыхъ двухъ лѣтописцевъ пополнены изъ третьей рукописи, конца XVII и начала XVIII вѣка, полученной составителемъ отъ товарища предсѣдателя Архангельскаго статистическаго комитета Г. О. Минейко; эта послѣдняя рукопись содержитъ въ себѣ событія до 1701 года включительно. Нынѣ изданный сводъ Двинской лѣтописи обнимаетъ время отъ 1342 до 1750 года включительно, и такимъ образомъ, событія простираются здѣсь на цѣлихъ 45 лѣтъ далѣе сравнительно съ Двинскою лѣтописью, изданною Н. И. Новиковимъ, извѣстія которой прекращаются на 1705 г. Кромѣ того, во многихъ случаяхъ событія и до 1705 г. разказаны въ новомъ наданіи съ болшею полнотою; есть и такія, о которыхъ въ Новиковскомъ наданіи совершенно не упоминается, или упоминается кратко. Съ особенною подробностью описана въ новомъ изданіи дѣятельность перваго архіепископа Холмогорскаго и Важскаго Афанасія, занимавшаго эту кафедру въ теченіе девятнадцати съ половиною лѣтъ съ

1682 года. Лѣтописецъ характеризуетъ этого пераго холмогорскаго архипастыря слѣдующимъ образомъ: „Висть убо вастырь изацннй, писаніа довольннй, сказатель громогласенъ, рѣчнстъ, но прецногу остроразсудителенъ, чина церковнаго опасннй хранитель, рещитель къ вѣрѣ, на расколъ разрушитель, трудолюбивъ, много зданій каменныхъ созда: церковь соборную Преображенія, въ ней иконостасъ новнй старцрскимъ добрымъ мастерствомъ, священныя сосуды и евангеліе, книги и облаченіемъ наполенн благолѣвотнѣ, при семъ же колокольницу каменную и домъ свой архіерейскій съ довольными потребы и приказы и церковь сѣнную все каменное зданіе изацно содѣла" (стр. 127—128). Строительная дѣятельность его и особенно заботы объ украшеніи храмовъ описаны съ большою подробностью, и эти подробности сами по себѣ заслуживаютъ вниманія; такъ на стр. 74: „Преослащенный и первопрестольннй Аванасій, архіепископъ Холмогорскій и Важескій, соизволивъ душеспасательно люборачительствомъ своимъ, первую свою соборную каменную церковь во имя Боголѣвнаго Преображенія Господня новопостроенную ¹⁾ украсить вновь же салтыми иконами, якоже церковь восточная во вселеннй украшается. Призвавъ Холмогорскаго града боголѣвенскаго протоіеря Феодора Васильева сына Струнина, верѣйшаго искуснаго икографа иконнаго писани, съ нимъ дядю его, а своего архіерейскаго дому сына боярскаго Алексѣя Иванова сына Струнина, къ нимъ же а прочнхъ совокунилъ, и любительно бесѣдовавши съ нимъ обще объявилъ свое желаемое намѣреніе, чтобы во весь иконостасъ, окроивъ ивѣстныхъ иконъ, написали бы на дскахъ по ивѣрѣ иконостаеса, каковъ будетъ содержаться ивѣроу, а знаменнть и писать на оныхъ дскахъ такнхъ переводамъ, яко же зрятся старогреческія письма. А писать въ домѣ его архіерейскомъ, на что уготованы особливныя на то построенныя покои и свѣтлицы, также и пища имъ всѣмъ, у того дѣла трудившимся, общаа его дому архіерейская, братская, отъ ключника и во время и отъ его самаго трапезы поданная; къ тому-жъ для увеселенія и потѣшенія съ

¹⁾ На стр. 58—60 въ примѣченіи конѣцномъ весьма любопытныя свѣдѣнія о расходахъ и матеріалахъ для построенія этой церкви: „сколько же къ тому строенію принятъ изъ государева каюванья, остальныхъ у Архангельскаго города отъ городоваго и гостинныхъ дворовъ строенія припасовъ, и что куплено къ тому каменному строенію, и во какой цѣнѣ, и что за работу масторамъ начисляемъ изъ доновой и колѣйной архіерейской казны, иячно-жъ"; на этихъ слѣдуетъ подробное перечисленіе. Составитель, къ сожалѣнію, не отвѣчаетъ, откуда эти свѣдѣнія заимствованы.

погреба отъ вина и отъ другихъ питей въ подобное время повеленіе, яко же тако и бысть¹⁾). Здѣсь же находимъ и размѣры вознагражденія за иконописныя работы того времени; есть указанія и на качества тогдашняго золоченія, на стр. 82: „Правдничныхъ иконъ числомъ 22, мѣрою въ вышину по 2 аршина, шириною по аршину по 3 вершка; на золоченье золота краснаго большой руки пошло 100 листовъ да въ пробѣлъ малой руки пошло 300 листовъ. Апостольскихъ, пророческихъ и праотческихъ иконъ—числомъ по 20 на сторонѣ да по срединѣ—всѣ мѣрою вышиною по 3 аршина, шириною противъ правдничныхъ; на апостолы въ пробѣлъ золота краснаго большой руки пошло 14 тетрадей, въ которыхъ по золотому въ тетради числомъ по 60 листовъ да малой руки пошло сто листовъ. На всѣ на тѣ иконостасныя иконы золота двойника пошло 900 листовъ да серебра пошло 600 листовъ“.

Этому первому архіепископу Холмогорскому не разъ приходилось встрѣчать Петра Великаго во время его путешествій на Двину; такъ, на стр. 63 находится описаніе встрѣчи и пребыванія Петра въ Холмогорахъ въ 1693—1694 гг., когда Аѳанасій удостоился получить слѣдующіе царскіе подарки: „въ 25 число (Августа), великій государь пожаловалъ преосвященнаго Аѳанасія архіепископа стругомъ своимъ, на которомъ прибылъ къ городу, со всякою судовою снастію“ (стр. 68). Въ сентябрѣ 1694 года такъ читаемъ „великій государь пожаловалъ преосвященнаго Аѳанасія каретомъ въ сто рублей“ (стр. 70). Во время пребыванія Петра на Двинѣ Аѳанасій часто имѣлъ возможность видѣться съ царемъ и бесѣдовать съ нимъ, на стр. 69: „сентября 6-го, въ среду, великій государь у преосвященнаго изволилъ хлѣба кушать съ боярами и сержантами ближними. А во время кушанья государь изволилъ милостиво и благоразсудительно и утѣшительно бесѣдовать съ преосвященнымъ архіепископомъ и съ боярами своими о царственныхъ

¹⁾ По окончаніи церковныхъ работъ, иконописцевъ въ награду за ихъ трудъ „изволилъ отпустить преосвященный Аѳанасій на изволихъ изъ своей архіерейской кнѣзи изволихъ карбасъ въ Соловецкій монастырь помолиться Соловецкимъ чудотворцамъ и дать своей архіерейской лестви къ архимандриту Фирсу, со възнавленіемъ, что по его архіерейскому благословенію отпущены съ милости его архіерейской оныя иконописцы за многой ихъ трудъ къ соборной Преображенской церкви. И потому его архіерейскому отпуску, по прибытію, въ монастырь отъ архимандрита Фирса всякъ тако учинено, каждому по достоинству, подобающая честь съ воздавленіемъ награжденія. Изъ семъ же отпусковъ были и столары купно отпущены обще.....“ (стр. 95—96).

бытностихъ и о боярскихъ и великихъ людей, также и о мірскихъ простыхъ людѣхъ и въ работѣ пребывающихъ и о домовныхъ и всякихъ заводоѣ. Зданія, также и о водномъ путешествіи морскомъ и рѣчнымъ кораблями и иными всякими судами со многими искусствомъ" ¹⁾. Часто и Аванасій бывалъ у царя, а также путешествовалъ въ Москву; всѣ важнѣйшія событія изъ жизни этого достойнаго архипастыря тщательно отмѣчены лѣтописцемъ. Изъ преемниковъ Аванасія никто не удостоился такихъ лестныхъ похвалъ, какими онъ былъ прославленъ. Нужно, впрочемъ, прибавить, что послѣ него за время отъ 1702 по 1740 г. на каедрѣ Холмогорской смѣнили другъ друга семь лицъ.

Кромѣ разказовъ о дѣлахъ церковныхъ, которыми богата Двинская лѣтопись, важное мѣсто занимаетъ смѣна правительственныхъ лицъ, имѣвшихъ близкое отношеніе къ мѣстному населенію. Среди записей важнѣйшихъ мѣстныхъ событій отмѣчены въ лѣтописи и важнѣйшія общерусскія событія, о которыхъ доходили частные слухи или официальные извѣщенія—биталія подъ Добрынь, подъ Лѣсными, подъ Полтавою, взятіе городовъ Выборга, Риги и друг.; внесены также въ лѣтопись манифестъ о присягѣ „что быти въ наслѣдіе царства царевичу и великому князю Петру Петровичу“; о заключеніи Нейштадтскаго мира и принятіи императорскаго титула; о началѣ „въ посадѣхъ магистратовъ“ въ 1723 г.; о коронованіи Екатерины I; о смерти Петра Великаго; о вступленіи на престолъ преемниковъ Петра Великаго Екатерины I, Петра II, Анны Ивановны и Елизаветы Петровны; о провозглашеніи Петра Федоровича наслѣдникомъ престола и проч. Подъ 1747 г. читаемъ: „Въ Холмогоры пріѣхалъ изъ Москвы обучавшійся въ Московской Законоспасской славяно-греко-латинской Академіи посланный туда въ 1738 году студентъ Алексѣй Либеровскій, и въ Холмогорахъ въ славяно-латинской архіерейской школѣ

¹⁾ Въ 1697 г. „въ четвертую недѣлю святаго и великаго поста благочестивѣйшій великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всѣхъ великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, изволяя предъ походомъ своимъ въ службу быти въ кельи у преосвященнаго архіепископа въ ноца не со многими своими ближними людьми“ (стр. 100). Въ 1702 г. мая 16-го, „по литургіи въ Соборѣ, бывъ у преосвященнаго Аванасія архіепископа часа съ полтора“ (стр. 125) 29-го іюня того же года во время освященія церкви въ новой крѣпости на Двинѣ великій государь пожаловалъ преосвященнаго савкосомъ „и велѣлъ имѣти въ томъ обличеніи; съ того года началась савкосы“ (стр. 126).

первой началъ обучать чтенію, риторикѣ, логикѣ и физикѣ" (стр. 178).

Тексту новонаданной лѣтописи предшествуетъ подробное съ обозначеніемъ годовъ оглавленіе, а за нимъ предисловіе (I—XXIII), въ которомъ составитель свода сперва описываетъ рукописи, послужившія ему матеріаломъ при составленіи Двинской лѣтописи, а затѣмъ излагаютъ краткую исторію Холмогоръ, „какъ такого пункта, около котораго сосредоточивается все историческое прошлое Двинскаго края, изложенное въ отрывочныхъ погодныхъ запискахъ лѣтописцевъ". Среди этого изложенія событій, касающихся Холмогоръ, помѣщенъ и списокъ воеводъ, управлявшихъ Двинскимъ краемъ съ 1587 по 1705 г. Последнія страницы предисловія посвящены краткому описанію Сійскаго монастыря, въ которомъ, какъ извѣстно, находился подъ строгимъ заключеніемъ „застриженный въ монашество" Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ, впоследствии патріархъ Филаретъ.

Къ лѣтописи приложенъ указатель и снимокъ съ древней иконы преподобнаго Антонія Сійскаго. Относительно наданія Двинской лѣтописи можно повторить нѣкоторые изъ уврековъ, сдѣланныхъ составителю по поводу изданія лѣтописи Великоустюжской. При новомъ своемъ изданіи г. Титовъ также не означилъ сходства и различія рукописей, бывшихъ въ его рукахъ,—что даетъ поводъ предполагать о совершенномъ ихъ сходствѣ; только хронологическія данныя отмѣчены въ примѣчаніяхъ. Остается не объясненнымъ: почему не указано различіе между изданнымъ вновь лѣтописнымъ сводомъ и ранее напечатаннымъ въ „Россійской Вивліюнкѣ", и почему составитель не воспользовался тѣми мѣстами Новиковскаго изданія, которыя могли часто служить къ исправленію ошибокъ и нѣкоторыхъ пропусковъ въ рукописяхъ, послужившихъ основаніемъ для свода. Хорошо также было бы въ новомъ изданіи отмѣтить до 1705 г. тѣ мѣста, которыя восполняютъ прежде изданный списокъ Двинской лѣтописи. Составитель ограничился только краткимъ замѣчаніемъ относительно всего вышесказаннаго, а именно: „Мы имѣли въ рукахъ списокъ конца XVIII вѣка съ небольшими вариантами противъ напечатаннаго Н. И. Новиковымъ". Уже выше было сказано, что въ Новиковскомъ изданіи нѣтъ многихъ подробностей относительно путешествій Петра Великаго и архіепископа Афанасія, но есть за то и въ Новиковскомъ изданіи такія мѣста, которыя необходимо было воспользоваться составителю новаго свода, и если не въ текстѣ, то въ примѣчаніяхъ указать разночтенія. Во всякомъ случаѣ, своимъ изданіемъ

г. Титовъ, безъ сомнѣнія, обратитъ вниманіе русскихъ историковъ на Двинскую лѣтопись и они съ признательностію отнесутся къ составителю новаго свода этого любопытнаго памятника.

Им. Козловъ.

Новѣйшія изслѣдованія о Физіологѣ.

REVUE DES PHYSIOLOGES von D. г. *Friedrich Lambert*. Strassburg. 1889.

В. Мочульский. Происхожденіе Физіолога и его начальныя судьбы въ литературахъ востока и запада. Варшава. 1889.

Вопросъ о начальныхъ судьбахъ Физіолога обладаетъ какою-то таинственною способностью привлекать къ себѣ постоянно новое вниманіе изслѣдователей: быть можетъ, немаловажную роль играетъ здѣсь то обстоятельство, что прошедшее нашего памятника задержано почти непроницаемою завѣсой. Возможно, что эта-то загадочность и неясность основныхъ вопросовъ литературной исторіи Физіолога и задѣваетъ упорную любовательность изслѣдователей.... Какъ бы то ни было, мы съ удовольствіемъ встрѣчаемъ изслѣдованіе, добросовѣстно идущее на встрѣчу дѣйствительной потребности—освѣтить, сколько возможно, темный, глухой уголокъ литературной старины. Трудъ Лаухерта заслуживаетъ вниманія во многихъ отношеніяхъ.

Правда, новыхъ точекъ зрѣнія онъ не вноситъ въ интересующую насъ область: но за то онъ является первою попыткой широкаго, полнаго и всесторонняго разсмотрѣнія литературной исторіи Физіолога, начиная начальными судьбами его и кончая заморающими отзвуками его въ наши дни. Дѣло въ томъ, что ранѣе появлявшіеся труды касались преимущественно частныхъ вопросовъ литературной исторіи Физіолога: такъ появлялись монографіи о старо-французскихъ бестиаріяхъ (*Guillaume le Clerc de Normandie, Philippe de Thaun* и пр.), древне-англійскомъ, англосаксонскомъ, о сарійскомъ и вѣиопскомъ переводахъ Физіолога и т. д. Общіе вопросы затрогивались при этомъ лишь мимоходомъ въ тѣхъ введеніяхъ, которыя предносилась обыкновенно издаваемому тексту Физіолога или бестиаріа. Лаухертъ первый рѣшился написать полную исторію Физіолога. Трудность задачи точно подзадоривала ученаго германиста—собрать во-едино всѣ ресурсы, представляемые современною наукой въ распоряженіе ревностнаго изслѣдователя: и дѣйствительно, авторъ разсматриваемой книги

углубился во всё мелочи, во всё разбѣгающіяся подробности смутной исторіи Физиолога. Многіе вопросы, не поддающіеся пока окончательному разрѣшенію, требовали новаго пересмотра; многіе пробѣлы въ разслѣдованіи прошедшихъ судебъ Физиолога останавливали на себѣ вниманіе исследователя, рѣшившагося соупутствовать загадочному памятнику въ его причудливыхъ сказаніяхъ отъ живописныхъ береговъ Нила до ледовитаго прибрежья Исландіи. И надо отдать полную справедливость автору, вложившему много труда и знаній на тщательный пересмотръ спорныхъ вопросовъ литературной исторіи Физиолога.

Постараемся указать сначала въ немногихъ словахъ главное содержаніе любознательной книги Лаухерта, послѣ чего уже остановимся съ особымъ вниманіемъ на тѣхъ именно отдѣлахъ его труда, которые такъ или иначе затрогиваютъ наши собственные взгляды на литературное прошедшее Физиолога ¹⁾. Трудъ Лаухерта распадается на два крупныя отдѣла: первый отдѣлъ посвященъ историческому обзору начальныхъ судебъ Физиолога въ древне-христіанской письменности; во второмъ отдѣлѣ авторъ касается исторіи Физиолога въ романо-германскихъ литературахъ. Отмѣтивъ съ самаго начала, что автору остались неизвѣстны славянскія версіи Физиолога, имѣющія громадное значеніе для разрѣшенія многихъ существенныхъ сторонъ вопроса о генетическихъ отношеніяхъ между наличными рецензіями Физиолога: лишь въ концѣ своего труда Лаухертъ указываетъ, притомъ изъ третьихъ рукъ, на славянскія и румынскія версіи Физиолога ²⁾.

Но разумѣемъ здѣсь памятники Физиологами намъ не представляются; они являются типическими представителями поздняго Бестіарія ³⁾.

Во второмъ отдѣлѣ своего труда авторъ касается вопроса о происхожденіи Физиолога ⁴⁾, причемъ рассматриваетъ по пути и ранѣе высказанныя гипотезы о родинѣ Физиолога, первичномъ его составѣ и

¹⁾ Съ книгой Лаухерта мнѣ пришлось ознакомиться много спустя послѣ того, какъ передана была моя работа о Физиологѣ („Матеріалы и замѣтки по литературной исторіи физиолога“) для напечатанія въ издаваніяхъ Общества любителей древней письменности. Пользуюсь случаемъ поговорить о прекрасной книгѣ Лаухерта.

...²⁾ Geschichte des Physiologus, p. 307 sq.

³⁾ Подробныя указанія приведены ниже, при разсмотрѣніи статьи г. Мочудскаго.

⁴⁾ Geschichte des Physiologus, p. 40—66.

характеръ и т. п. Въ тѣхъ замѣчаніяхъ, которыя направлены къ выясненію вопроса о генеалогіи текста, особое вниманіе останавливаютъ на себѣ старанія автора выдѣлить, среди валичныхъ греческихъ рецензій, сравнительно древнѣйшій типъ Физіолога ¹⁾. Далѣе авторъ подробно пересматриваетъ древніе восточные переводы Физіолога, именно: эіопскій, армянскій, сирійскій и арабскій ²⁾. Здѣсь же авторъ пытается представить по возможности полное обзорнѣе слѣдовъ Физіолога въ древней патристической литературѣ ³⁾. Наконецъ авторъ касается латинскихъ изводовъ Физіолога ⁴⁾, новогреческихъ обработокъ физиологической саги ⁵⁾ и т. п.

Подробному разсмотрѣнію указанныхъ вопросовъ авторъ предпосылаетъ краткое обзорнѣе содержанія физиологическихъ сказаній, анализъ которыхъ имѣетъ въ виду предложить данныя для прансторіи Физіолога ⁶⁾. Намъ пріятно поражаетъ здѣсь слѣдующее обстоятельство: желая ознакомить читателя съ содержаніемъ Физіолога, авторъ останавливается на относительно древнѣйшемъ изводѣ его, сохраннымъ преимущественно восточными рецензіями.

Замѣтимъ, что ранѣе Лаухерта подобнаго рода попытки ознакомленія съ содержаніемъ Физіолога сводились болѣею частью къ изложенію баснословно-зоологическихъ сказаній вообще, при чемъ почти не принималось во вниманіе, относятся ли упомянутыя сказанія къ физиологическому или бестіарному циклу ⁷⁾. Въ той части своего труда, которая посвящена пересказу физиологическихъ сказаній, Лаухертъ указываетъ раніе прецеденты извѣстныхъ зоологическихъ подробностей отдѣльныхъ сказаній Физіолога. Но указаніе параллельныхъ мѣстъ въ твореніяхъ греко-римскихъ писателей слѣдано за много лѣтъ до появленія книги Лаухерта: такого рода указанія можно найти еще у перваго издателя греческаго физіолога—Понція изъ Леоны; затѣмъ — у Леона Алляція (въ комментаріяхъ къ издан-

¹⁾ Geschichte des Physiologus, p. 66—68.

²⁾ О. с., p. 79—88.

³⁾ О. с., p. 68—79.

⁴⁾ О. с., p. 88—99.

⁵⁾ О. с., p. 99 sq.

⁶⁾ О. с., p. 1—40.

⁷⁾ См., напримеръ, *Eduard Kulloff*, Die sagenhafte und symbolische Thiergeschichte etc., p. 216 sqq., также: *Adolf Kressner*, Ueber die Thierbücher des Mittelalters (въ *Archiv's Herrig's* LV B., 3 u 4 Heft, p. 260 sqq). Последній трудъ, по видимому, остался неизвестенъ Лаухерту.

ному имъ Шестидневу псевдо-Евстазія) и др., а въ новѣйшее время классическими въ этомъ отношеніи работами являются комментаріи Иппо (Hippreau) къ Бестиарію Вильгельма Норманскаго, замѣчанія Berger de Xivrey къ латинскому Бестиарію, комментаріи Маттеи къ изданному имъ греческому бестиарію ¹⁾, наконецъ пространныя замѣчанія Ланда къ обнародованному имъ сирійскому Физиологу, а также комментаріи Кафе, Кресснера и др. Въ указанномъ отдѣлѣ своего труда Лаухертъ вовсе не принялъ во вниманіе устныхъ источниковъ физиологической саги, на что въ новѣйшее время особенное вниманіе обратилъ Эбертъ ²⁾. Въ результатъ такого упущенія явились замѣтныя неточности ³⁾. Не входя въ излишнія въ настоящей замѣткѣ подробности, остановимся на одномъ примѣрѣ. Известно, что физиологическое сказаніе объ единорогѣ не имѣетъ прецедентовъ въ баснословно-зоологическихъ трактатахъ греко-римскихъ писателей. Лаухертъ думаетъ помочь дѣлу, принимая наивное объясненіе Бохарта (I, p. 141), будто сага объ единорогѣ возникла слѣдующимъ образомъ ⁴⁾: Эліапъ (Nat. an. XVI. 20) говоритъ, что единорогъ такъ свирѣвъ къ своимъ единороднымъ, что даже не щадитъ самки. Только въ извѣстный періодъ полового возбужденія (ἄρα ἀφροδίτης τῆς σφετέρας) онъ становится кротокъ по отношенію къ самкѣ. Вотъ это-то замѣчаніе, будучи не вполне понято, и послужило будто источникомъ сказанія, что единорога можетъ усмирить лишь непорочная дѣва ⁵⁾. Однако этотъ разказъ въ такой именно формѣ приводитъ только Эліапъ, писавшій свою исторію животнымъ около первой половины третьяго вѣка, а Физиологъ сложился, по убѣжденію самого Лаухерта, около первой

¹⁾ Трудъ *Mattei* (Vita brevis animalium, — см. Ποικίλα Ἑλληνικά seu Varia Graeca, Mosquae, 1811) остался автору неизвестенъ (Geschichte des Physiologus, p. 102).

²⁾ См. *Ebert*, Allgemeine Geschichte der Litteratur des Mittelalters etc., III Band (1887), p. 76.

³⁾ Замѣтимъ однако, что авторъ обращался къ аналогичнымъ сюжетамъ индійскихъ сказаній (p. 85 sqq); но въ этомъ послѣднемъ отношеніи Лаухертъ имѣлъ предшественника еще въ лицѣ *Hippreau*, Le bestiaire divin. Caen, 1852, p. 56 и p. 64).

⁴⁾ *Lauchert*, Geschichte etc., p. 24.

⁵⁾ Ibidem: «Ich glaube mit Bochart (I, S. 941) ganz bestimmt, dass wir in dieser Erzählung die Quelle haben, aus der durch Missverständniss die Erzählung des Physiologus hervorging, dass sonst wilde Einhorn lasse sich nur durch eine Jungfrau fangen».

четверти втораго вѣка ¹⁾). Этого, казалось бы, достаточно, чтобъ искать другихъ основаній для истолкованія саги объ единорогѣ: быть можетъ, здѣсь умѣстно вспомнить талмудическія преданія объ Асмодеѣ-Китоврасѣ. Дѣло въ томъ, что единорогъ, по толкованіямъ талмудистовъ, скрываетъ въ себѣ символическій образъ Асмодея ²⁾: поэтому, легко могло случиться, что черты послѣдняго перенесены были на перваго и послужили основой физиологической саги. Дѣйствительно, талмудическія представленія говорятъ объ Асмодеѣ, что онъ любитъ сообщество чистыхъ дѣвъ: „Если не на лонѣ неба, то на лонѣ дѣвы Асмодей проводятъ свою жизнь“ ³⁾. Эта послѣдняя черта сближаетъ единорога-Асмодея съ индѣйскимъ Гандарвой ⁴⁾. Въ такихъ чертахъ намѣченъ былъ генезисъ разсматриваемаго сказанія въ известномъ трудѣ А. Н. Веселовскаго. Съ другой стороны, Ф. И. Буслаевъ находитъ вполне умѣстнымъ физиологическое сказаніе объ инорогѣ-Китоврасѣ сблизить, черезъ иконографическую символику, съ индѣйскими сказаніями о Гандарвѣ: по его словамъ, „инорогъ древнехристианской символики и средневѣковыхъ Физиологовъ вполне соотвѣтствуетъ индѣйскому Гандарвѣ“ ⁵⁾. Итакъ, ходячія преданія объ Асмодеѣ перенесены были на то животное, которое скрывало въ себѣ его символическій образъ. Всего легче предположить, что такое перенесеніе совершилось именно въ Александріи, гдѣ талмудическія преданія были въ большомъ ходу и могли повліять на Физиолога, возникшій именно въ Александріи ⁶⁾.

Перехожу теперь къ самой существенной и наиболѣе самостоятельной части труда Лаухерта: я разумѣю здѣсь тотъ отдѣлъ его книги, гдѣ авторъ пытается опредѣлить сравнительно древнѣйшій типъ Физиолога и возстановить основной греческій текстъ. Вполнѣ естественно, что автору пришлось при этомъ подробно коснуться вопроса о генетическихъ отношеніяхъ между наличными рецензіями Физиолога ⁷⁾.

¹⁾ Geschichte etc., p. 65.

²⁾ См. А. Н. Веселовскій, Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 109, стр. 257 слѣд.

³⁾ А. Н. Веселовскій, о. с., p. 116.

⁴⁾ О. с., p. 225 и p. 229.

⁵⁾ См. Отчетъ о XVI-мъ приеудженіи награды графа Уварова, I, p. 65—66.

⁶⁾ Болѣе подробныя указанія можно найти въ упомянутомъ моемъ изслѣдованіи, именно въ анализѣ XXII главы Физиолога.

⁷⁾ См. Geschichte des Physiologus, p. 66—68 и p. 79 sqq. Критически возстановленный греческій текстъ Физиолога обнародованъ авторомъ въ приложеніяхъ (p. 229—279).

Извѣстно, что первая попытка разрѣшить названный вопросъ сколько-нибудь точнымъ образомъ принадлежитъ Ланду ¹⁾, выводы котораго повторены были Гоммелемъ ²⁾. Дальнѣйшую разработку затронутого вопроса, преимущественно по отношенію къ латинскимъ рецензіямъ, представили работы Манна ³⁾. Ландъ свелъ всѣ сравнительно-древнѣйшіе изводы Физіолога къ двумъ группамъ, при чемъ классификацію свою основывалъ главнымъ образомъ на распоряженіи филологическаго матеріала. Древнѣйшій типъ Физіолога сохранили, по Ланду, слѣдующіе тексты: греческій списокъ, хранящійся въ Парижской національной бібліотекѣ и означенный въ извѣстномъ изданіи Пятра чрезъ А ⁴⁾; вѣтвѣнскій переводъ, извѣстный Ланду лишь по указанію Пятра; далѣе, латинская рецензія типа Верискаго кодекса С (№ 318, 14 в.), и арабскій переводъ (по списку Вельгійской королевской академіи). Къ болѣе поздней семьѣ Ландъ отнесъ армянскій и сирийскій переводы Физіолога, а вѣтвѣнскую рецензію типа А, В ⁵⁾. Гоммель передвинулъ армянскій Физіологъ изъ второй группы въ первую, считая его скорѣе какъ бы переходнымъ типомъ отъ древнѣйшаго извода къ болѣе позднему ⁶⁾. На нашъ взглядъ, армянскій Физіологъ слишкомъ дифференцированъ, чтобы возможно было помѣщать его въ первой группѣ: на это указалъ еще Ландъ, съ этимъ согласенъ и Лаухертъ ⁷⁾. Противъ классификаціи Ланда можно возразить лишь слѣдующее: рецензія, сохранныя греческимъ кодексомъ А, представляется на столько дифференцированной, что ее смѣло можно признать представительницею переходнаго типа: съ нею близокъ не только армянскій Физіологъ, какъ указываетъ Лаухертъ ⁸⁾, но и латинская рецензія типа А, В. Между тѣмъ

¹⁾ Land, *Otia Syriaca*, t. IV, 1875, p. 192.

²⁾ Hommel, *Die aethiopische Uebersetzung des Physiologus*, 1877, p. XXXVII sqq.

³⁾ Mann, *Der Physiologus des Philipp von Thaan etc.* (въ *Anglia*, VII, 3, p. 443 sq; p. 446 sq); его же *Der Bestiaire divin des Guillaume le clerc (Franz. Studien*, VI, 2, p. 19 sqq). Этою послѣднею работою Лаухертъ, какъ самъ онъ пишетъ, воспользоваться не успѣлъ (*Gesch. d. Physiologus*, p. 309).

⁴⁾ С. 2426, XV в. См. *Pitra, Spicilegium Solesmense*, III, p. 938.

⁵⁾ А — лат. код. Вюртембергской бібліотеки (№ 10074, X в.); В — Бериской бібліотеки (№ 233, VIII в.).

⁶⁾ Hommel, о. с., p. XXVIII (eine art brücke zwischen der 1. und 2. gruppe).

⁷⁾ Land, о. с., p. 119: „Verum postquam armenica illa gallice reddita sunt, luculenter apparet, ea esse multo recentiora, hec illic truncata etc.“ Того же мнѣнія Лаухертъ (о. с., p. 80): послѣднему не мѣшало бы сослаться на приведенныя слова Ланда.

⁸⁾ Lauchert, о. с., p. 66 и p. 80.

Маннъ считаетъ латинскую рецензію типа А, М ¹⁾ представительницей главнѣйшаго типа, считая, при этомъ, рецензію С позднѣйшимъ видоизмѣненіемъ рецензій типа А, М ²⁾. Въ особую группу выдѣляетъ Маннъ такъ-называемую гёттвейхскую латинскую рецензію (G), изданную Гейдеромъ ³⁾. Эта рецензія, представляющая много общаго съ рецензіей типа А, В, сохраняетъ иногда болѣе древнія черты рецензій типа С: иногда же расходится съ обѣими названными рецензіями. Къ этой рецензій, какъ показывалъ еще Гейдеръ, а затѣмъ Маннъ ⁴⁾, восходятъ древне-верхне-нѣмецкіе переводы Физіолога (XI—XII вв.).

Но всѣ указанные выводы не были проверены точнымъ, построичнымъ слученіемъ содержанія отдѣльныхъ главъ во всѣхъ сравниваемыхъ рецензіяхъ Физіолога. Далѣе: не всѣ, даже обнаруженные рецензіи приняты были во вниманіе ⁵⁾; не будемъ говорить о славянскихъ рецензіяхъ Физіолога. Наконецъ, вслѣдствіе того, что сравнительный методъ прилагался не вполне строго, въ результатѣ оказались, какъ мы видѣли, значительныя колебанія взглядовъ. Необходимо детальное слученіе отдѣльныхъ рецензій между собою по намѣченнымъ группамъ, при чемъ недостаточно принимать во вниманіе одно лишь внѣшнее сходство въ содержаніи, хотя бы и до извѣстныхъ мелочей включительно, но слѣдуетъ обращать особое вниманіе на языкъ, стиль и характеръ символической экзегезы разсматриваемаго сказанія. Чрезвычайно важнымъ моментомъ является въ извѣстныхъ случаяхъ совпаденіе нѣкоторыхъ мелочныхъ подробностей по текстамъ различныхъ семей. Лаухертъ привлекъ къ сравненію забыттыя греческія рецензіи ⁶⁾, куда присоединилъ и впервые обнаруженный имъ греческій текстъ Физіолога ⁷⁾; онъ тщательно, по видимому, проверялъ выводы Ланда ⁸⁾, при чемъ внесъ сюда не-

¹⁾ М = фрагментарный лат. Физіологъ, однородный съ редакціей типа А, В. Изданъ у Манн, *Classici auctores*, t. VII, Romae, 1885, p. 589 sqq.

²⁾ См. Franz. Studien, VI, 2, p. 19—20; *Anglia*, VII, 8, p. 448—449.

³⁾ Heider, *Archiv für Kunde oesterreich. Geschichtsquellen*, 1850, 2 Bd., p. 550 sq.

⁴⁾ Манн, *Die althochdeutschen Bearbeitungen des Physiologus* (Paul und Braune—Beiträge, XI, p. 310 sq).

⁵⁾ Тѣхъ, наиримѣръ, греческіе тексты, означенные у Липтра чрезъ В, Г, Д.

⁶⁾ Именно: В (= код. Парижской нац. библ., 1140 А, XIV в.); Г (= код. той же библ., 2509. XIV в.) и Δ (= код. 2027, XIII в.).

⁷⁾ Cod. Theol. 128.

⁸⁾ Результатами работъ Манна онъ не пользовался, какъ было уже замѣчено выше.

вѣстнаго рода поправки: но, все же, и у него сравниваемый материалъ былъ неполонъ ¹⁾, значеніе нѣкоторыхъ текстовъ было увеличено, детальнѣйшій анализъ произведенъ не въ полной мѣрѣ, а потому и выводы получались не всегда точные.

Прежде, нежели перейти къ подробной оцѣнкѣ относящихся сюда взглядовъ Лаухерта, позволимъ себѣ оговорить вкратцѣ тѣ результаты сравнительнаго анализа наличныхъ рецензій Физиолога, которые кажутся намъ наиболѣе правдоподобными ²⁾. Сравнительно древнѣйшій типъ Физиолога сохранили преимущественно восточныя рецензии а затѣмъ латинская рецензія типа С. Славянскіе представители этой группы сохранились въ спискахъ XV—XVI вѣковъ ³⁾. Изъ списковъ греческаго Физиолога разсматриваемый типъ сохраненъ не кодексомъ А, какъ думали Ландъ и Гоммель, но кодексомъ Г (за вычетомъ позднихъ интерполляцій, внесенныхъ въ этотъ текстъ): съ этимъ согласенъ и Лаухертъ ⁴⁾. Но кодексъ Г фрагментарный (въ немъ всего XII главъ), искаженный притомъ интерполляціями. На этомъ основаніи Лаухертъ во главѣ греческихъ представителей древнѣйшаго извода Физиолога полагаетъ обнаруженный имъ вѣнскій списокъ ⁵⁾. На нашъ взглядъ, такое предпочтеніе вѣнскаго списка волилъ неточно. Въ числѣ списковъ первой группы, представляющихъ уже видоизмѣненный текстъ, можно назвать греч. кодексъ А, греч. списокъ Лаухерта, арабскій переводъ (и его утраченный сирійскій прототипъ) ⁶⁾ и сирійскіе фрагменты Тихзена ⁷⁾. Наконецъ,

¹⁾ Славянскіе изводы ему, естественно, не могли быть извѣстны, ибо они пока еще не изданы; латинскія рецензіи, обнаруженные Манномъ, ускользнули отъ его вниманія и т. д.

²⁾ Подробныя основанія приведены въ упомянутой моей спеціальной работѣ (во второмъ отдѣлѣ первой главы).

³⁾ Именно: списокъ, сохранившійся въ Толк. Палея Тр.-Сергіевой дщери, № 729, XV в., и издаваемый мною въ моей работѣ; списокъ, сохранившійся въ сборникѣ Кирило-Бѣловорскаго монастыря, № 68, XV в. (приготовленъ къ печати г. Михайловымъ): на этотъ списокъ мое вниманіе обращено было Н. С. Тихомировымъ; наконецъ, въ сборникѣ Ноуг. Сов. библиотеки (нынѣ С.-Петерб. дух. академіи), № 1458, XVI в. (фрагментарный).

⁴⁾ *Geschichte des Physiologus*, p. 66—67.

⁵⁾ *Ibid* Лаухертъ, въ сожалеанію, не описалъ своего кодекса сколько-нибудь точными образомъ: суда по вѣсту находженія, по заглавію и началу I главы, это тотъ кодексъ, который въ свое время былъ описанъ Ламбеціемъ (№ CCCXX, *in folio*, f. 182—196. См. *Petri Lambecii Commentariorum lib. V*, p. 591 sqq.

⁶⁾ См. *Hommel*, о. с., p. XXXVII.

⁷⁾ Ср. *Lauchert*, о. с., p. 81—84.

хорошими представителями древняго извода являются эеіонскій переводъ и, въ большинствѣ случаевъ, латинская рецензія типа С.

Волею поздній изводъ (вторая семья рукописей) сохранили слѣдующіе тексты: армянскій, сирійскій (Лейденскій), латинской рецензіи А, В, М. Reg. ¹⁾ и пр. Латинская рецензія типа А, М развилась изъ греческой рецензіи типа А, Υ (= текстъ Лаухерта): изъ рецензіи А, М выродилась рецензія типа В, Reg. Обособленную, третью группу представляетъ гёттвейхская рецензія (вмѣстѣ съ древне-нѣмецкими переводами ея). Гелезисъ этой рецензіи представляется намъ въ такихъ чертахъ: редакторъ ея вмѣлъ передъ собою рецензію типа С, которую обработалъ на основаніи рецензіи типа В, Reg. Наконецъ, въ четвертую группу мы выдѣлили различныя позднія рецензіи Физіолога, именно: В, Δ и пр. Поздними считаетъ названные тексты и Лаухертъ, хотя подробныхъ основаній въ подтвержденіе высказываемыхъ имъ взглядовъ не приводитъ ²⁾. Далѣе: такъ-называемый Физіологъ псеудо-Елифанія, издаанный въ 1587 году Понціемъ изъ Леоны, составленъ самимъ Понціемъ, который въ основу своей выборки полагалъ главнымъ образомъ рецензію типа Δ ³⁾. Это послѣднее обстоятельство совершенно ускользнуло отъ вниманія Лаухерта. Греческая рецензія типа Δ сохранена и славянскими списками (русской рецензіи XVI вѣка) ⁴⁾. Замѣтимъ, что выборка Понція также дословно переведена была у насъ въ концѣ XVI вѣка, но видимою, въ Западной Руси ⁵⁾. Наконецъ, къ рецензіи типа Δ склонялся и тотъ славянскій списокъ Физіолога, который положенъ былъ отчасти въ основу Вестіарія Ягича-Новаковича ⁶⁾.

Итакъ, во главѣ всѣхъ греческихъ рецензій Физіолога Лаухертъ поставилъ обнародованный имъ вѣнскій списокъ (Cod. Theol. 128) ⁷⁾. Эта рецензія положена въ основу возстановляемаго Лаухертомъ древ-

¹⁾ Этотъ текстъ (Reg.) изданъ Манномъ (Franz. Studien, VI, 2. p. 35 sq.): Лаухерту онъ остался неизвестенъ.

²⁾ Geschichte des Physiologus, p. 67.

³⁾ Этотъ текстъ издается въ Приложеніяхъ къ вышеупомянутому нашему изслѣдованію.

⁴⁾ И этотъ текстъ издается нами въ указанныхъ приложеніяхъ.

⁵⁾ Подробности объ этомъ яже, при разсмотрѣніи статьи г. Мочульского.

⁶⁾ Лаухертъ обозначаетъ разсматриваемый кодексъ черезъ W: но такое обозначеніе усвоено уже было Номмелемъ для вѣнскаго списка эеіонскаго перевода, почему я предпочитаю обозначать списокъ Лаухерта чрезъ V (=Vindobonensis).

⁷⁾ Подробныя указанія приведены въ нашемъ изслѣдованіи.

нѣйшаго чтенія Физіолога: здѣсь во многихъ отношеніяхъ мы расходимся съ авторомъ разсматриваемой книги.

Замѣтимъ, что Лаухертъ отнесся чрезвычайно строго къ извѣстному изданію Питра: „Греческій Физіологъ изданъ Питрой безъ всякой критической провѣрки, при чемъ внесена въ него масса подробностей, заимствованныхъ изъ списковъ болѣе позднихъ рецензій“ ¹⁾. Въ отличіе отъ названнаго изданія, изданіе самого Лаухерта должно „представить древній Физіологъ безъ позднѣйшихъ наслоеній“ ²⁾. Желая возстановить первичный обликъ Физіолога, авторъ руководствуется слѣдующаго рода соображеніями: сличая греческіе тексты Физіолога съ древними переводами, возможно рѣшить для каждаго отдѣльнаго случая, какого рода разночтенія представляются болѣе древними или болѣе подходящими къ первичной редакціи (die ursprüngliche oder wenigstens die ältere noch erreichbare Fassung). Въ результатъ такого сличенія оказалось, что вѣнскій текстъ ближе прибликается къ древнимъ переводамъ, нежели рецензія типа А: поэтому вѣнскій текстъ положенъ въ основу возстановляемаго Лаухертомъ первичнаго облика греческаго Физіолога. Въ другомъ мѣстѣ авторъ яснѣе оговорилъ свои критическіе приемы: именпо, онъ обращаетъ преимущественное вниманіе на близость греческаго текста къ эоипскому переводу и, въ отдѣльныхъ случаяхъ, къ фрагментарному сирійскому переводу Гухзена ³⁾. Въ частности, свои выводы авторъ провѣрялъ слѣдующимъ образомъ: если кодексъ V расходился съ кодексомъ А, но разночтенія перваго раздѣляли древніе переводы Физіолога, то эти разночтенія удерживались въ основномъ текстѣ; традиціи вѣнскаго текста слѣдовалъ Лаухертъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этотъ текстъ, не совпадая съ чтеніемъ рецензіи А, отклонялся и отъ чтенія древнихъ переводовъ, если при этомъ эти послѣдніе расходились между собою. Съ другой стороны, предпочтеніе дѣлалось въ пользу Парижской рецензіи не только для отдѣльныхъ разночтеній, но и для цѣлыхъ главъ, если къ этому побуждали единогласныя свидѣтельства всѣхъ прочихъ переводовъ: въ такихъ случаяхъ

¹⁾ Geschichte des Physiologus, Vorrede, p. VII. На нашъ взглядъ, хотяція нападки на изданіе Питра справедливы далеко не въ той мѣрѣ, какъ это обыкновенно утверждается. Впрочемъ, многіе серьезные излѣдователи съ глубокимъ уваженіемъ отзываются о трудѣ Питра (например, Kolloff, Casus, Goldbeck, Mann и др.).

²⁾ Ibidem.

³⁾ Geschichte des Physiologus, p. 66.

авторъ никогда не руководствовался слѣпнымъ произволомъ, но полагался лишь на тщательное сличеніе восточныхъ и латинскихъ рецензій¹⁾. Что касается распорядка матеріала, то въ этомъ отношеніи Лаухертъ слѣдовалъ традиціи зоіопскаго перевода и греческаго кодекса А, ибо въ кодексѣ Г послѣдовательность главъ перебита: именно, главы—8-я (περί ἔποκος), 27-я (περί χορώνης), 12-я (περί μόρμηκος), 25-я (περί ἄλλου καὶ χροκοδείλου), 19-я (περί γυός), 21-я (περί γαλῆς), 23-я (περί χάστορος), 24-я (περί βαίνης) и 46-я (περί οὐάγρου καὶ κίθρηου) вывачены изъ соответствующихъ мѣстъ и помѣщены, въ приведенномъ порядкѣ, вслѣдъ за послѣдней по традиціонному счисленію главой Физіолога (гл. 49: περί σοκρίνου). Эти главы, выпавшія на соответствующихъ мѣстахъ традиціоннаго распорядка, предлагаютъ, въ большинствѣ случаевъ, чтеніе значительно дифференцированное (in einer weniger guten Fassung). Это послѣднее обстоятельство побудило автора выставить такого рода предположеніе: отиѣченныхъ девяти главъ недоставало уже въ прототипѣ вѣнскаго списка, вслѣдствіе чего переписчикъ внесъ ихъ изъ болѣе поздней и менѣе исправной рукописи²⁾.

Если догадка Лаухерта справедлива, то остальные главы, то-есть, тѣ, которыя содержались уже въ самомъ прототипѣ кодекса V, должны оказаться болѣе или менѣе пригодными къ внесенію въ основной текстъ. На дѣлѣ выходитъ иначе. Такъ, Лаухерту пришлось выкинуть изъ восстанавлиаемаго имъ основнаго текста еще слѣдующія главы кодекса V: главу 13-ю (сирены)³⁾; главу 20-ю (мраволевъ)⁴⁾; главу 26-ю (ихневмонъ)⁵⁾; главу 28-ю (горлица)⁶⁾; главу 39-ю (тиса)⁷⁾ и прочее. Наконецъ, относительно послѣдней главы вѣнской

¹⁾ *Lauchert*, о. с., Vorrede, p. VIII: „ich gehe dabei nie nach blinder Willkür vor, sondern mit sorgfältiger Vergleichung der orientalischen und lateinischen Uebersetzungen“.

²⁾ *Ibidem*: „Es wird also anzunehmen sein, dass dieselben in der Hauptvorlage dieser Handschrift fehlten, und dann aus einer vollständigeren aber sonst schlechteren ergäntzt wurden“.

³⁾ Относительно этой главы Лаухертъ (о. с., p. 245) замѣчаетъ: „Nach P (=код. A) gegeben, womit die Uebersetzungen übereinstimmen. In V vollständig abweichend“.

⁴⁾ Текстъ этой главы въ V сильно диверсифицированъ (о. с., p. 253: „V bietet hier offenbar einen überarbeiteten Text“).

⁵⁾ См. *Lauchert*, о. с., p. 257.

⁶⁾ Эта глава восстанавливается Лаухертомъ на основаніи чтенія кодексовъ А и Г (о. с., p. 258).

⁷⁾ См. *Lauchert*, о. с., p. 268.

рецензии (сар. 49: *καὶ ἀσπίδης*) авторъ самъ призналъ, что впервые встрѣчаетъ ее въ греческомъ текстѣ Физиолога ¹⁾, а стало-быть, и въ восточныхъ переводахъ. Итакъ, негодными оказались не только тѣ главы, которыя внесены были, по догадкѣ Лаухерта, писцомъ вѣнскаго списка изъ какой-либо поздней рукописи, но и нѣкоторыя изъ такихъ, которыя взяты были изъ непосредственнаго прототипа кодекса V. Но и этимъ дѣло не ограничивается.

Оказывается далѣе, что конецъ описательной части сказанія о фениксѣ и вся символическая часть этой же главы представляются въ чтеніи кодекса V на столько дифференцированными, что Лаухертъ принужденъ былъ внести названныя части сказанія о фениксѣ изъ того же кодекса A ²⁾. Подобнымъ образомъ возстановленъ конецъ символической экзегезы сказанія о ежѣ (гл. XIV) на основаніи рецензии A ³⁾: то же самое приходится отмѣтить для сказанія о ласкѣ (гл. XXI) ⁴⁾, о единорогѣ (гл. XXII) ⁵⁾ и пр.

Такого рода частичнымъ искаженіемъ въ текстѣ отдѣльныхъ главъ уже труднѣе объяснить на основаніи тѣхъ именно соображеній, которыя удобно было прилагать къ цѣльнымъ сказаніямъ, внесеннымъ, по гипотезѣ автора, изъ какой-либо поздней рукописи. Здѣсь приходится уже нѣсколько призадуматься и предположить, не заключалъ ли уже самый прототипъ кодекса V отмѣченныхъ искаженій: иначе вѣдь придется признать, что писецъ кодекса V въ то же время былъ и редакторомъ своего подлинника, видоизмѣняя его по своему произволу и проч.

Оставляя вопросъ о значеніи искаженій, видимо принадлежавшихъ уже прототипу вѣнскаго кодекса, остановимся на оцѣнкѣ тѣхъ разночтеній кодекса V, которыя внесены Лаухертомъ въ критически-очищенный текстъ греческаго Физиолога. Начнемъ наши замѣчанія съ 22-й главы Физиолога: эта глава представляется весьма характерною для различенія различныхъ редакцій нашего памятника. Эеіонскій Физиологъ, описывая единорога, говоритъ о немъ, что онъ представляется весьма кроткимъ животнымъ. Отсюда Гоммель заключаетъ,

¹⁾ *Lauchert*, о. с., р. 279.

²⁾ *Lauchert*, о. с., р. 238: „V weicht nach den Worte: τὸ δὲ κτεῖνον ἔρχεται εἰς Ἠλίου πόλιν von allen andern Texten vollständig ab“.

³⁾ О. с., р. 247

⁴⁾ *Lauchert*, о. с., р. 254: „Die Auslegung nach P gegeben: in V offenbar weniger ursprünglich“.

⁵⁾ О. с., р. 255.

что относительно этой подробности эеионскій переводъ діаметрально расходится съ греческими текстами ¹⁾. Дѣйствительно, въ надписи Питра читаемъ: *δρμότατον δέ ἐστι κάνο*. Но славянскій наводъ примыкаетъ къ эеионскому и читаетъ „кרותъ же зѣло“ (Т. Палея, № 729, л. 168; сб. Кир. Бѣл., № 68, л. 390). То же чтеніе даетъ латинская рецензія типа С: „mansuetum valde“. Но представители болѣе поздней редакціи (II группы) читаютъ согласно съ дифференцированной греческою рецензіей (А): такъ, армянскій Физиологъ (Салиер: „très conragoux“), латинскія рецензіи А, В, D, E, M, Reg., G (ascetinum nimis), нѣмецкій Физиологъ („unte ist ulle chüne“) ²⁾ и пр. Не смотря на согласное чтеніе представителей древняго навода, Лаухертъ въ восстанавливаемомъ имъ греческомъ текстѣ удерживаетъ чтеніе вѣнскаго списка, предлагающее чтеніе однородное съ кодексомъ А (*δρμότατον δέ ἐστι κάνο*). Но мы можемъ сослаться на несомнѣнный прототипъ славянскаго и эеионскаго переводовъ, извлеченный нами изъ греческаго сборника XV вѣка ³⁾ и обозначенный нами чрезъ Σ: этотъ кодексъ (f. 562 г) читаемъ *κράβτα τοο σφόδρα* ⁴⁾.

Далѣе: всѣ представители древняго типа заключаютъ символическую экзегезу сказанія о пантерѣ такого рода замѣчаніемъ: *Οὐδὲν οὖν ἀσκόπως ἐλάλησαν περί κτεινῶν καὶ θηρίων αἱ γραφαί* (Σ, f. 560) ⁵⁾, Такъ заключаетъ главу и славянскій ввводъ: „ничсо же оубо не испытавшя книги гѣна со явѣри и со птицѣ“; точно также и эеионскій переводъ (Hommel: „Und nichts unbegründetes ist in der heiligen Schrift über die Thiere und Vögel geschrieben“); далѣе: латинская рецензія С ⁶⁾ и проч. Даже модифицированный представитель древняго типа (кодексъ А) сохранилъ приведенное заключеніе; мало того, его удержалъ и болѣе исправный представитель второй семьи (латинскій

¹⁾ См. Hommel, Die aethiopische Uebersetzung, p. 68, прим. 132.

²⁾ Нѣмецкій Физиологъ цитую по изданію *Маслама*.

³⁾ Этотъ греческій списокъ, оправдывающій всѣ согласныя отступленія славянскаго, эеионскаго и древняго латинскаго (С) переводовъ отъ дифференцированного чтенія А, V, положенъ въ основу нашего исслѣдованія о Физиологѣ.

⁴⁾ Замѣтимъ, что съ этими подробностями совпадаетъ и описаніе единорога у Эліана (περί ζῶων, XVI, 20): (λέγουσι δέ) τῶν μὲν ἄλλων αὐτῷ ζῶων προσιόντων φέρειν καὶ κρῆον εἶναι....

⁵⁾ Также и код. Γ: Οὐδὲν οὖν ἀσκόπων ὡς εἴρηται περί κτεινῶν καὶ θηρίων εἶπον αἱ ἄγια γραφαί.

⁶⁾ С: „Hanc nihil Scripturae sine similitudine (sic) nobis dixerunt“.

кодексъ А). Но болѣе поздніе тексты второй группы заканчиваютъ вторую главу обычною формулою: „bene de panthera Physiologus dicit“ (B, Red). Что же предложилъ намъ Лаухертъ въ своемъ „критически-возстановленномъ греческомъ текстѣ“? Указанное чтеніе плохихъ представителей позднаго извода (κατὰς οὖν εἶπαν ὁ Φυσιολόγος κατὰ τοῦ πανθηρῶς)!) ¹⁾

Важно, далѣе, обратить вниманіе на наличность въ вѣнскомъ текстѣ нѣкоторыхъ особенностей, характеризующихъ обыкновенно поздніе изводы Физіолога. Дѣйствительно, изучая послѣдніе (извѣстныя латинскія рецензін, армянскій Физіологъ, сирійскій, лейденскій и др.), не трудно придти къ убѣжденію, что здѣсь традиціонный текстъ прежде всего и преимущественно видоизмѣнялся путемъ распространенія символической части сказаній. Въ свою очередь, это распространеніе достигалось путемъ внесенія лишнихъ, къ дѣлу не относящихся священныхъ цитатъ; а въ текстахъ сильно дифференцированныхъ присоединяется къ символической эвзегезѣ аллегорическое истолкованіе мелкихъ, зачастую незначущихъ подробностей описательной части сказанія. Слѣды перваго приѣма мы именно находимъ въ вѣнской рецензін. Такъ, новые священные тексты, неизвѣстные древнимъ переводамъ, внесены въ символическую эвзегезу слѣдующихъ главъ: третьей (харадръ) ²⁾, одиннадцатой (змѣя) ³⁾, пятнадцатой ⁴⁾ и пр. Всѣ эти особенности удержаны Лаухертомъ въ возстановляемомъ имъ древнѣйшемъ греческомъ чтеніи....

Обращаясь къ описательной части физиологическихъ сказаній, найдемъ и здѣсь замѣтные слѣды позднѣйшихъ наслоеній, которые однако удерживаются иногда авторомъ безъ всякой оговорки. Укажемъ два, три примѣра. Въ сказаніи о словѣ ись представители древняго типа говорятъ просто объ охотникахъ (славянскій Физіологъ: „ловци же видаше слоново естество...“ эіопскій: „die jäger aber“; греческіе тексты: οἱ οὖν κολλητοί ⁵⁾ и т. д.). Между тѣмъ, вѣнскій текстъ къ сказанію о словѣ приурочиваетъ индійцевъ (οἱ οὖν Ἰνδοί): ясно, что мы имѣемъ дѣло съ поздней подстановкой ⁶⁾.

¹⁾ Lauchert, o. c., 249

²⁾ Текстъ въ I посланіи ап. Петра (II, 22).

³⁾ Именно, Матѳ. V, 23; Коринѳ. XI, 29.

⁴⁾ Лук. XIII, 32.

⁵⁾ Такъ даже подмеченный А.

⁶⁾ Лаухертъ однако ничѣмъ не оговариваетъ указанное чтеніе кодекса V (o. c., p. 272), приводя разночтеніе лишь по рецензін А.

Въ главѣ объ онагрѣ отиѣтимъ такого рода интерполляцію (текста V): повѣствуя о привычкѣ онагра оскоплять мужское порождение, вѣн-ская рецензия сообщаетъ слѣдующее: ἀν τούτου καὶ οἱ Πέρσαι εὐνοῦ τὸ εὐνοουχίζειν. Приведенную интерполляцію заподозрилъ и Лаукертъ ¹⁾. Но за то непонятнымъ для насъ образомъ удержано авторомъ изложе-ніе первой половины описательной части сказанія объ онагрѣ по чтенію вѣнской рецензій: и это на томъ основаніи, что будто бы начало сказанія въ кодексѣ А искажено (entstellt) ²⁾. Сравнимъ то и другое чтеніе. Парижскій текстъ такимъ образомъ начинается ска-заніе: ὁ φυσιολόγος ἔλεγε περὶ τοῦ ὀνάγρου ὅτι ἔστιν ἀγαλάρχης, καὶ ἐάν γεννήσῃσιν αἰνομόδες ἀρρενικά, ὁ πατήρ αὐτῶν θλάει τὰ ἀνατραῖα αὐτῶν ἵνα μὴ στερηθῶσιν. Это чтеніе восходитъ къ древнѣйшей традиціи, какъ показывается славянскій переводъ ³⁾, греческій кодексъ E и пр. Даже представители поздней рецензій сохранили именно такое тра-диціонное начало главы, какъ показываютъ переводы армянскій и латинскій (рецензій типа A) ⁴⁾. Съ другой стороны, вѣнскій кодексъ совершенно иначе начинается главу, а его-то чтеніе и удержано Лаукертомъ какъ восстанавливающее древнюю версію.

Вообще, Лаукертъ зачастую удерживаетъ чтеніе вѣнской рецензій, хотя оно вовсе не восстанавливаетъ относительно древнѣйшій обликъ Физиолога, какъ показывается согласное чтеніе древнихъ переводовъ. Случается, что Лаукертъ въ одной и той же главѣ удерживаетъ такое чтеніе надписи V, которое расходится съ общепринятымъ, а чтеніе, подкрѣпляемое согласнымъ свидѣтельствомъ древнихъ изво-довъ, признаетъ за интерполляцію. Такъ, напри-мѣръ, въ первой главѣ (левъ): вѣдѣсь отдано предпочтеніе кодексу V, читающему: βταν καθεῶσθ... ὁ λάων, κλέωσ ἀγροκναῖ, хотя основное чтеніе пред-

¹⁾ Geschichte des Physiologus, p. 240. Обширная интерполляція искажаетъ и повесть символической части сказанія: здѣсь им нѣтъмъ дѣло съ весьма поздней вставкой, ибо анонимный авторъ ея поучаетъ, въ какомъ именно смыслѣ слѣ-дуетъ понимать символическое толкованіе всего сказанія объ онагрѣ (εὐνοουχισμός γάρ... χωρεῖται). И Лаукертъ отиѣтилъ эту интерполляцію скобками.

²⁾ Gesch. d. Physiologus, p. 239.

³⁾ Т. Иаека № 729, а. 160: „Физиологъ рече ш дивинимъ (sic) шсга шшо стадоу настоухъ есть аще же родать коумескъ полъ то всѣмъ лона програмуоуть и проч.

⁴⁾ Арм. переводъ см. Cahier, Nouveaux Mélanges, p. 124: Лат. кодексъ A читаетъ: „Masculus est gregis primus in eor (sic); et si genuerit grex masculos pater eorum confringit necessaria eorum etc.“.

ставляется нимъ (... ἀρρηκτοῦσαν αὐτοῦ οἱ ὀφθαλμοί—Σ) ¹⁾. Съ другой стороны, въ концѣ символической экзегезы заключены въ скобки слѣдующія слова: *ὅπως οὖτως τὸ κεκλινημένον γένος τῶν ἀνθρώπων*, хотя эту цитату согласно удерживаютъ всѣ древніе тексты. Далѣе, въ концѣ главы второй (*σαύρα*) удержаны заключительныя слова кодекса V (*καὶ ἀπάλασι.. ἀπὸ οὐο*), не оправдываемыя общепринятымъ чтеніемъ. Въ главѣ третьей (харадръ) въ символической экзегезѣ, вслѣдъ за священною цитатою (псал. 67, 19), удержана нелѣпная интерполляція кодекса V (*καὶ ὕμεις ἡμᾶς ἀκοχατέστρα, τῇ νόσφ τῆς εἰδωλτρίας ἀσθενούντας*). Эта интерполляція вовсе не оговорена Лаухертомъ, хотя общепринятое чтеніе нисколько ее не оправдываетъ. Въ концѣ символической экзегезы сказанія о ношномъ вранѣ (гл. V) удержана авторомъ повдняя интерполляція кодекса V (*ἡγάτηρα δὲ τὸ σκότος.. ἡγαπημένην*): здѣсь мы имѣемъ дѣло съ повднею парафразою символическаго истолкованія даннаго сказанія, выше уже протолкованнаго въ самомъ кодексѣ V ²⁾.

Сказаніе объ ехиднѣ (т. X) цѣлкомъ внесено по вѣнской редакціи; на томъ основаніи, что чтеніе послѣдней буквально совпадаетъ съ чтеніемъ древнихъ переводовъ: ³⁾ но это утверженіе не вполне точно. Точно также удержано мѣстами чтеніе кодекса V, не подкрѣпленное древними свидѣтельствами, въ слѣдующихъ главахъ: XI, XIV, XV, XVI, XVII, XVIII ⁴⁾ и т. д.

Итакъ, авторъ, удерживая въ возстановляемомъ имъ текстѣ извѣстныя разночтенія кодекса V, не всегда справляется съ древними переводами: съ другой стороны, онъ выбрасываетъ не мало существенныхъ подробностей, необходимыхъ по смыслу и засвидѣствованныхъ общепринятымъ чтеніемъ. Замѣтимъ еще, что внесенныя изъ парижской рецензіи дѣлѣя главы на мѣсто заповѣрныхъ самимъ авторомъ далеко не всегда пригодны для характеристики древнаго

¹⁾ Ср. вѣлосск. переводъ: sind seine „geöffnet“, слав. изводъ: „бдѣта смѣ учи“.

²⁾ Отнѣтитъ также нелѣпное чтеніе, удержанное въ текстѣ IX-й главы (*Lauscher*, p. 240): *ἐμρασπματικόν* (лат. *scēra spiraticón*).

³⁾ *Ibidem*.

⁴⁾ Въ сказаніи о ряхи (т. XVIII-я) Лаухертъ исключаетъ заключительное замѣчаніе, завершающее собою символическую экзегезу данной главы (*Δ: καὶ μόνον ἄφρονε ἀφ᾿αἰν αὐτόν*); это сдѣлано на томъ основаніи, будто здѣсь мы имѣемъ дѣло съ неушимъ повтореніемъ (*eine schlechte Wiederholung*). Но это замѣчаніе, необходимое въ видахъ символической симметріи, удержано всѣми древними переводами.

чтенія, ибо нельзя забывать, что кодексъ А сохранилъ дифференцированную рецензію.

На основаніи всего вышесказаннаго, мы рѣшаемся предположить, что вѣнскій списокъ греческаго Физиолога неудачно выбранъ Лаухертомъ для восстановленія основнаго чтенія. Въ заключеніе замѣтимъ, что стиль и языкъ кодекса V представляется довольно изысканнымъ ¹⁾.

Обращаясь къ разсмотрѣнію остальныхъ взглядовъ Лаухерта, остановимся прежде всего, на его опредѣленіи характера физиологической экзегезы. На нѣтъ взглядъ, въ толкованіяхъ Физиолога древнѣйшаго типа преобладаетъ типологическая экзегеза, между тѣмъ Лаухертъ усматриваетъ въ нихъ мистическую экзегезу ²⁾. Замѣтимъ, что въ данномъ случаѣ Лаухертъ повторяетъ устарѣвшіе взгляды Иппо (Hippocrite). Можно бы еще говорить объ аллегорической экзегезѣ въ широкомъ смыслѣ слова, какъ дѣлаетъ это, напримеръ, Hommel ³⁾, но никакъ не о мистической. Противъ послѣдняго взгляда особенно вооружается Mann ⁴⁾, а затѣмъ извѣстный знатокъ средневѣковой литературы Эбертъ ⁵⁾.

Что касается вопроса о роднѣ Физиолога, то авторъ вполне сочувствуетъ гипотезѣ Ланда и Гоммеля, связывающей Физиолога съ Александріей ⁶⁾. Желая прочнѣе обосновать названную гипотезу, Лаухертъ старается показывать, будто наклонность александрійскихъ катехетовъ къ аллегорическому методу истолкованія стоитъ отчасти въ извѣстной зависимости отъ вліянія египетской символики. Такого рода домыслы не представляются новымъ: его настойчиво приводилъ уже Hommel ⁷⁾. Но дѣло въ томъ, что едва ли возможно при-

¹⁾ Напримеръ, гдѣ древній маводъ говоритъ просто: „ὁ ψαλλὸς λέγει; ὁ Δαυὶδ λέγει κτλ.“, тамъ V выражается такъ: ὁ μακάριος ἱεροψάλλης Δαυὶδ μελωδῶν λέγει; ὁ μακάριος προφήτης Δαυὶδ ψάλλον φησί; φησὶν ὁ θεολόγος καὶ προφήτης Δαυὶδ. κτλ. Вѣдето простого реченія φῶσις (= „вещь“; „natura“ ⁶⁾) зачастую встрѣчаемъ: φωνικὴ ἐνεργεία и т. д. Въ интерполяціяхъ кодекса V встрѣчаемъ слова, въ древнихъ изводахъ намъ не встрѣтившіяся: σκληραγωγία (строгий уставъ); ἀνάκλιμα (видъ); χακοδαίμων (въ значеніи не злополучный, а лукавый); ψευδοχριστός; φρικτός, κρίμα κтл.

²⁾ Geschichte des Physiologus, p. 1 (mystische oder moralische Anlegung). Cp. p. 46.

³⁾ Hommel, o. c., p. XII.

⁴⁾ Mann, Franz. Studien, VI, 2, p. 17: Diese Deutung aber ist nicht eine mystische oder allegorische oder moralische... sondern zuerst und vor allen Dingen *typologische*.

⁵⁾ Eberl, Allgemeine Geschichte, III, p. 76.

⁶⁾ Lauchert, o. c., p. 41.

⁷⁾ Hommel, o. c., p. XII—XIII и XLII.

водитъ александрійскую школу катехетовъ въ непосредственную, преемственную связь съ ученіями древнеегипетской старины. Александрійская школа, рассматриваемая какъ проявленіе особой, мѣстной дидактической гомиліи, получила аллегорическій методъ истолкованія въ наслѣдство отъ іудейской александрійской школы богослововъ ¹⁾.

Не особенно твердо разработанъ Лаухертомъ вопросъ объ авторѣ Фізіолога. Для ясности дальнѣйшаго изложенія, здѣсь необходимо сдѣлать нѣсколько пояснительныхъ замѣчаній. Многіе наслѣдователи ²⁾ принимали, что относительная, естественно-историческая часть дошедшаго до насъ Фізіолога восходитъ къ школьному зоологическому руководству, собранному александрійскими риториками въ цѣляхъ украшенія ватѣйливыми подробностями своихъ рѣчей ³⁾. Этотъ языческій сборникъ баснословно-зоологическаго матеріала попалъ въ руки александрійскихъ богослововъ, которые воспользовались имъ въ цѣляхъ символической экзегезы истинъ христіанскаго вѣрученія.

Такого рода попытки эксплуатаціи бестіарнаго матеріала могли быть разбросаны въ проповѣдяхъ, въ экзегетическихъ трактатахъ, въ различнаго рода богословскихъ сочиненіяхъ и т. п.: вотъ эти-то толкованія и могъ собрать неизвѣстный компиляторъ въ одно цѣлое, которое послужило зерномъ христіанскаго Фізіолога ⁴⁾. Итакъ, дошедшій до насъ Фізіологъ является плодомъ коллективнаго творчества цѣлага ряда христіанскихъ богослововъ (Hirreac, Kolloff, Land, Hommel, Mann, Springer, Ebert и др.).

Иначе смотреть на дѣло Лаухерть. Редакторомъ христіанскаго Фізіолога было единичное лицо (unser Verfasser) ⁵⁾. Этотъ составитель Фізіолога могъ опираться на предполагаемый языческій зоологическій трактатъ, хотя, прибавляетъ Лаухерть,—возможно обойдѣтся

¹⁾ См. *Нарсоуз*, Исторія первобытной христіанской проповѣди, 1885, р. 207—288. Объ іудейской школѣ см. *Uebertoeig*, *Grundriss*, II, р. 30, также см. *Baur*, *Kirchengeschichte*, 3-е изд. (1883), р. 18—19, 30 sq; о христіанской школѣ—р. 178—179, 182, 278 sqq. Ср. *Vacherot*, *Histoire critique de l'école d'Alexandrie*, tome 1, 125—167.

²⁾ Имено: *Kolloff*, *Land*, *Hommel*, *Mann* и др.

³⁾ См. *Land*, *Otia Syriaca*, р. 127. *Hommel* (о. с., р. XIII) предпочитаетъ видѣть въ предполагаемомъ трактатѣ не школьное руководство, но популярно-зоологическій сборникъ (ein populäres Compendium der Zoologie).

⁴⁾ *Land*, о. с., р. 128.

⁵⁾ *Lauchert*, о. с., р. 42.

и безъ этой гипотезы ¹⁾. Поэтому, подъ словомъ „физиологъ“ слѣдуетъ разумѣть не книгу, какъ это принято думать, но извѣстнаго автора-натуралиста ²⁾. Въ подтвержденіе своего домысла Лаухертъ ссылается на заглавіе эеіонскаго Физиолога, хотя извѣстно, что заглавіе и эпилогъ эеіонскаго Физиолога принадлежать переводчику (Hosmel). Далѣе, Лаухертъ пытается опереться на случайные заголовки извѣстныхъ рукописей. Такъ, одинъ греческій списокъ называетъ авторомъ зоологической части Физиолога Соломона, а символической—Василия Великаго ³⁾. „Итакъ“, заключаетъ Лаухертъ,—, по одному преданію подъ Физиологомъ разумѣтся Соломонъ“. Думая опровергнуть свою догадку, авторъ цитуетъ Амвросія (Epist. 32), который сообщаетъ, что Соломонъ „испыталъ природу животныхъ и толковалъ про вѣррей, птицъ, гадовъ и пресмыкающихся“ ⁴⁾. Основанія возводимой авторомъ постройки такъ шатки, что самъ онъ чувствовалъ всю ея несостоятельность ⁵⁾. Тогда авторъ пытается утилизировать обломку другаго греческаго кодекса, именно изданнаго имъ вѣскаго списка: этотъ послѣдній называетъ Аристотеля. Лаухерту это на руку: „вѣдь Аристотель былъ естественновѣдомъ по преимуществу, стало-быть, на него и ссылается въ качествѣ авторитета нашъ памятникъ“. Въ такомъ случаѣ „непосредственнымъ источникомъ Физиолога могъ быть въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь утраченный псевдо-Аристотелевскій трактатъ о животныхъ“ ⁶⁾. Замѣтимъ, что въ автору до-христіанскаго Физиолога давно уже прочли Соломона и Аристотеля Жидель, а за нимъ кн. Вяземскій ⁷⁾: въ новѣйшее время къ нимъ присоединился Аренсъ ⁸⁾. Кстати замѣтимъ, что работа Аренса ускользнула отъ вниманія Лаухерта. Обѣ эти гипотезы (объ авторствѣ Соломона и Аристотеля) высказаны были еще въ XVI-сто-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Lauchert, о. с., p. 43.

³⁾ Именно, codex Ambros. C. 2.

⁴⁾ О. с., p. 44.

⁵⁾ Ibidem.: „Es mag aber immerhin erst im Laufe des Mittelalters dieser Name mit dem Physiologus in Verbindung gebracht worden sein“.

⁶⁾ Ibidem.

⁷⁾ Gidel, Nouvelles Études sur la littérature grecque moderne, 1878, p. 416—417. Кн. Вяземскій, О литературной исторіи Физиолога, стр. 74—77 (см. Памятника древней письменности за 1878 г.).

⁸⁾ Karl Ahrens, Zur Geschichte des sogenannten Physiologus, Ploen, 1886, p. 11—18.

лѣтинъ Понціемъ изъ Леоны. Но и подобныя взгляды серьезнымъ исследователямъ представляются несообразными¹⁾; видимо, и самъ Лаурхертъ не былъ доволенъ ими²⁾. Что касается вопроса объ авторѣ христіанской редакціи Физиолога, то этотъ вопросъ признается правдынымъ³⁾. Но и здѣсь Лаурхертъ имѣетъ въ виду единичное лицо, которое съ самаго начала не обозначило себя, такъ какъ книга предназначалась для учебныхъ школьныхъ цѣлей („zu Unterrichtszwecken bestimmt war, ein bescheidener Schulbuch sein sollte). На нашъ взглядъ, такое опредѣленіе неточно: не ближе ли къ истинѣ другое замѣчаніе автора, что Физиологъ былъ популярно-богословскимъ трактатомъ⁴⁾.

Продолжая разсмотрѣніе взглядовъ Лаурхерта, мы съ особымъ удовольствіемъ останавливаемся на его отрицательномъ отношеніи къ гипотезѣ Питра, будто первичный обликъ Физиолога сохраненъ латинскими фрагментами (Майн) и сирійскими фрагментами (Тизена)⁵⁾. Далѣе, Лаурхертъ отвергаетъ и гипотезу о библейскомъ циклѣ животныхъ, которую особенно поддерживали Kolloff и Cagus⁶⁾.

Въ высшей степени любопытна та часть труда Лаурхерта, которая посвящена опроверженію взглядовъ Кабе и Питра на сектавское происхожденіе Физиолога⁷⁾. Здѣсь нельзя не оцѣнить умѣстности вступительныхъ заключеній автора, имѣвшихъ въ виду ознакомить читателя съ общими понятіями о происхожденіи и характерѣ гностическихъ воззрѣній⁸⁾: только послѣ этого рѣшается авторъ ввести читателя во всѣ детали мелочнаго анализа заподозрѣнныхъ мѣстъ Физиолога. Авторъ наставляетъ на необходимости различать въ гностицизмѣ двѣ особыя разновидности, такъ - сказать, гностицизмъ

¹⁾ *Mann*: „merkwürdig, ausserordentlich gewagt“; *Körting*: „durchaus unstatthaft“.

²⁾ *Geschichte des Physiologus*, p. 44: „Doch kann die Sache nur als Hypothese hingestellt werden“.

³⁾ *O. c.*, p. 65.

⁴⁾ *O. c.*, p. 46: „Der Physiologus ist eine populärtheologische Schrift“.

⁵⁾ *O. c.*, p. 44—45.

⁶⁾ *Ibidem*.

⁷⁾ *O. c.*, p. 47—64. Заимѣнь однако, что многое въ этомъ направленіи подготовлено уже Ландомъ (*Otia Syriaca*, p. 129 sqq.)

⁸⁾ Любопытны здѣсь указанія автора на тѣ выраженія Священнаго Писанія, злоупотребляя которыми стремились своему догматичному гностицизмѣ (*Lauchert*, *o. c.*, p. 49—52).

официальнаго характера (*φεοδωτικὸς γυῖος*) и гностицизмъ, ясно не опредѣлившись.

Перехода къ Физиологу, авторъ обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что заподозрѣнныя въ немъ выраженія имѣютъ отношеніе къ гностическимъ воззрѣніямъ именно древнѣйшей формациі¹⁾. Но аналогичныя, неясныя въ догматическомъ смыслѣ выраженія встрѣчаются и въ твореніяхъ отцовъ церкви—Климентя Римскаго, Лустана Философа, Поликарпа Смирнскаго, Игнатія Антиохійскаго, св. Ипполита, особенно у Оригена и пр.²⁾. Любопытно, что много выраженія Физиолога, сблѣзняющія Кайе и Питра, встрѣчаются въ самомъ Священномъ Писаніи³⁾: отсюда Лаухертъ заключаетъ, что Питра самъ не отличался твердымъ знаніемъ Священнаго Писанія. Проведя широкую аналогію между Физиологомъ и извѣстными твореніями отеческими, Лаухертъ пришелъ къ убѣжденію, что различнаго рода обоюдныя выраженія указываютъ лишь на неустойчивость догматики первыхъ вѣковъ⁴⁾. Такого рода данныя служатъ хорошею хронологическою датой для опредѣленія приблизительной эпохи составленія Физиолога: авторъ относитъ его къ первой четверти II вѣка⁵⁾.

Мы вполне признаемъ основательность указанныхъ доводовъ автора. Несомнѣнно одно: въ памятникахъ древне-христіанской письменности, слагавшихся въ эпоху отъ втораго до третьаго вѣка, слѣдуетъ съ особою осмотрительностью указывать опредѣленные слѣды сектантскихъ воззрѣній. Достаточно вспомнить тѣ преувеличенія, которыя были внесены въ историческое изученіе хотя бы, напримѣръ, апокрифовъ. Въ этихъ памятникахъ смѣшаннаго, обоюднаго характера усматривали опредѣленные слѣды сектантскихъ воззрѣній, хотя на самомъ дѣлѣ извѣстная неопредѣленность догматическаго содержанія названныхъ памятниковъ вполне опредѣляется эпохой ихъ сложенія, когда христіанская догматика строго еще не установилась. Вотъ почему, напримѣръ, тѣ самыя выраженія, по которымъ въ особенности заключали объ ихъ еретическомъ происхожденіи, встрѣчаются въ совершенно православныхъ памятникахъ. На основаніи такихъ неопредѣленныхъ выраженій заключали о гностическомъ происхожденіи псевдо-Евангелія Θомы, или о сходствѣ Евангелія Нико-

¹⁾ Geschichte des Physiologus, p. 54.

²⁾ О. с., p. 51, p. 55, p. 61 и passim.

³⁾ О. с., p. 60 sqq.

⁴⁾ О. с., p. 53 и p. 56.

⁵⁾ О. с., p. 65.

днмова съ воззрѣніями офитовъ, хотя на первую часть этого послѣдняго Евангелія (въ его первоначальной редакціи) ссылались еще св. Іустинъ и Тертуллианъ ¹⁾. Дѣло однако въ томъ, что апокрифы представляются памятниками преимущественно легендарнаго, нежели догматическаго содержанія: между тѣмъ это послѣднее занимаетъ главное мѣсто въ толкованіяхъ Физіолога ²⁾. Ясно поэтому, что на характеръ послѣдняго неустойчивость догматики II и III вѣковъ должна была оставить особенно замѣтные слѣды, при чемъ надо принять во вниманіе и особенности мѣстной, александрійской дидакалической гомиліи, оказывавшей самое непосредственное вліяніе на содержаніе нашего памятника.

Съ указаннымъ отдѣломъ труда Лаухерта тѣсно связанъ вопросъ объ отзвукахъ Физіолога въ патристической литературѣ ³⁾. Здѣсь особенно важнымъ представляется намъ указаніе аналогій между содержаніемъ символической экзегезы сказанія о львѣ и др. и нѣкоторыми догматическими положеніями Іустина Философа (ум. 168 г.).

Лаухертъ заключаетъ, что послѣдній пользовался Физіологомъ ⁴⁾, хотя допускаетъ и такого рода возможность, что тотъ и другой черпали изъ общаго источника. Последнее кажется намъ болѣе правдоподобнымъ. Извѣстно, что Физіологъ слагался въ Александрію; но и въ сочиненіяхъ Іустина сказывалось направленіе, отличающее александрійскую богословскую школу. Птакъ, во всякомъ случаѣ догматическое содержаніе Физіолога восходитъ къ эпохѣ Іустина мученика.

Далѣе авторъ старается собрать по возможности, всѣ несомнѣныя слѣды Физіолога въ отеческихъ твореніяхъ ⁵⁾. Но не всѣ указанна авторомъ цитаты имѣютъ безспорное отношеніе къ Физіологу. Такъ, особенно ясны слѣды Физіолога видятъ Лаухертъ въ твореніяхъ Климента Александрійскаго. Последнему хорошо было извѣстно фзиологическое сказаніе объ ехиднѣ (Strom. IV, 16). Обратимся къ отиѣченной цитатѣ ⁶⁾. Заходить рѣчь о людяхъ суетныхъ, и ихъ

¹⁾ А. Иваллоузъ—Платонозъ, Ереси и расколъ верныхъ трехъ вѣковъ христіанства, 1877, р. 40 вѣд.

²⁾ Здѣсь нестати будетъ замѣтить, что экзегетическія толкованія Физіолога оказываются иногда въ нѣзбѣжной связи съ содержаніемъ апокрифическихъ памятниковъ. Такъ въ символической экзегезѣ сказанія о ивѣ (гл. XVIII) встрѣчаются нѣкоторыя подробности апокрифическихъ Дѣяній ап. Павла и Феклы.

³⁾ Geschichte des Physiologus, р. 68 вѣд.

⁴⁾ Lauchert, о. с., р. 65 и р. 69.

⁵⁾ О. с., р. 69 вѣд.

сравниваетъ Климентъ съ порожденіемъ ехидны: ἐνθεν καὶ γεννήματα ἔχιδνῶν τὰς τοιοῦτας ἐλάλει τοὺς φίληδόνους, τοὺς γαστροὶ καὶ αἰδοίαις δουλεύοντας, καὶ τὰς ἀλλήλων διὰ τὰς κοσμικὰς ἐπιθυμίαις ἀποτέμνοντας κεφαλὰς. Этими словами Климентъ намекаетъ на всеобщее баснословно-зоологическое сказаніе объ ехиднѣ, а вовсе не на опредѣленную редакцію этого сказанія въ Физиологѣ. Дѣло въ томъ, что подобный мотивъ можно было заимствовать у Плинія и многихъ другихъ ¹⁾. Важно указать не основной мотивъ сказанія, общій для цѣлаго ряда однородныхъ источниковъ, но услѣдить такіа подробности сказанія, которыя извѣстны только изъ Физиолога, или только въ послѣднемъ получили соответствующее символическое выраженіе. Такъ, въ данномъ случаѣ Физиологъ главное вниманіе сосредоточилъ на особой подробности сказанія объ ехиднѣ, о которой Климентъ ничего не упоминаетъ: именно, что порожденіе ехидны прогрызаетъ утробу своей матери. Этотъ именно мотивъ положенъ въ основу физиологической экзегезы („Такъ точно фарисеи убили своего Отца Небеснаго Христа“).

Въ видахъ того же указанія на заимствованія Климента изъ Физиолога авторъ обращаетъ вниманіе на другое твореніе того же писателя (Cohortatio ad gentes), гдѣ рѣчь идетъ о сиренахъ. Но въ указанномъ мѣстѣ ²⁾ Климентъ имѣетъ въ виду сиренъ не Физиолога, но Гомера, о чемъ прямо и говоритъ: φύσιν μὲν οὖν τὴν συνήθειαν, φύσιν μὲν... Σειρήνας μουσικὰς. Что дѣло идетъ именно о сиренахъ Гомера, видно изъ дальнѣйшихъ подробностей: слѣдуетъ описаніе обиталища Сиренъ, прямо заимствованное изъ Одиссеи ³⁾. Вотъ это описаніе: νῆός ἐστι πονηρὰ, ὅσποῖς καὶ νεκροῖς σε σαρκευμένη ἄδει δὲ ἐν αὐτῇ πορνίδιον ὄραϊον, ἡδονῆ, πανδήμῳ τερπόμενον μουσικῇ. Здѣсь сирена, согласно понятіямъ христіанскаго богослова, не могла уже представляться мнѣстическимъ существомъ, но обратилась въ простую прелестницу. Далѣе даже приводится гомеровскій стихъ, передающій рѣчь сиренъ, пытавшихся сманить Одиссея ⁴⁾. Климентъ поясняетъ, что прелестница (ἡ κόρνη) просто хотѣла заполучить въ свои руки (σφε-

¹⁾ См. *Migne*, tom. VIII (1857), p. 1308.

²⁾ См. *Plinii Nat. hist. lib. X*, cap. 62 (editio *Caroli Mayhoff*, p. 198) „viperas mas carpat inserit in os, quod illa abradit voluptatis dulcedine“. Ср. *Horas Apollo, Hieroglyph. lib. II*. ὅταν συγγίνηται τῷ ἄρρηνι, στόμα στόματι ἐμβάλλει, καὶ μετὰ τὸ ἀπολευθῆναι, ἀποδοκοῦσα τὴν κεφαλὴν τοῦ ἄρρηνος, ἀνίρρει.

³⁾ *Cohortatio ad gentes*, cap. XII (см. *Migne*, tom. VIII, p. 240).

⁴⁾ *Odysa.*, M., v. 46 sqq.

τερῖςται) „великую славу вейцевъ“. „Но ты“, продолжаетъ Климентъ, — „предоставь ей питаться мертвечиной, а самъ плыви мимо пѣния. Если только захочешь, ты избѣгнешь погибели: привязанный къ столбу ¹⁾, спасешься отъ вселчскаго соблазна ²⁾“. Спросимъ теперь: гдѣ же тутъ „ясные слѣды Физиолога?“

Точно также, далѣе Лаухертъ указываетъ, что Клименту было извѣстно физиологическое сказаніе о гіенѣ (Paedagogi liber II, cap. X) ³⁾. Въ указанномъ мѣстѣ о гіенѣ говорится слѣдующее: τὴν δὲ βαίαν ἀναλλὰξ ἀμαίβειν τὸ ἄρρον εἰς τὸ θῆλο παρ' ἑτοσ ἕκαστον αἰνίττεσθαι δὲ μὴ χρῆν ἐπι μοχαίτις ὄρμην τὸν τῆς ὕβριος ἀκεχόμενον. И здѣсь мы видимъ слѣды знакомства съ баснословно-зоологическою сагой вообще, а не съ физиологическою въ частности. Такъ, приведенную черту сказанія о гіенѣ опровергаетъ, со словъ Аристотеля, еще Плиній ⁴⁾, но Элианъ принимаетъ это сказаніе съ серьезною наивностью ⁵⁾. Такого рода сказанія принадлежали къ обиходу популярно-зоологическихъ представлений, какъ вѣрно замѣтилъ Плиній: поэтому Клименту басни такого рода могли быть извѣстны со школьной скамьи...

Мы могли бы указать неточности и въ дальнѣйшихъ цитатахъ Лаухерта, еслибы не побоялись злоупотреблять далѣе вниманіемъ читателя. Во всякомъ случаѣ, даже отмѣченные натяжки въ разсматриваемомъ отдѣлѣ прекраснаго труда Лаухерта свидѣтельствуютъ лишь о ревностныхъ усиліяхъ автора освѣтить затронутый вопросъ во всѣхъ мелочахъ...

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о томъ отдѣлѣ разсматриваемой книги, который посвященъ изученію романо-германскихъ рецензій Физиолога.

Вторая законченная представляется глава о германскихъ Физиологахъ ⁶⁾. Мы не можемъ согласиться лишь съ характеристикой

¹⁾ Именно: Δεῦρ' ἄγ' ἰὼν, κολύαιν' Ὀδυσσεῦ, μέγα κῆδος Ἀχαιῶν κτλ.

²⁾ Въ подлинникѣ трудно переводимая игра словъ (ἐύληψ). Дѣло въ томъ, что ἐύληψ можно понимать въ смыслѣ намека на шачту (ἐύλον νήϊου), въ которой привалялъ себе Одиссей, или понимать въ смыслѣ креста, какъ употребляется ἐύλον въ Новомъ Заветѣ.

³⁾ См. *Migne*, t. VIII, p. 500.

⁴⁾ Nat. Hist., VIII, 44 (ed. *Mayhoff*, p. 81): „Pyaenis utramque esse naturam et alternis annis maris alternis feminis fieri, vulgus credit, Aristoteles negat“.

⁵⁾ Παρὶ ζώων I, 25 (editio *Hercheri*, vol. I, p. 16): „Если ты сегодня встрѣтилъ гіену самца, то на слѣдующій годъ увидишь ее самкой .. ежегодно мѣняются они полъ“.

⁶⁾ *Geschichte des Physiologus*, p. 110—128.

исландскаго текста, который, по Лаухерту, представляется Физиологомъ въ собственномъ смыслѣ слова ¹⁾ (eine Physiologustibersetzung): намъ онъ представляется скорѣе Бестиаріемъ. Является ли дошедшій до насъ исландскій Бестиарій обработкой утраченнаго, полнаго исландскаго Физиолога—утвердительно рѣшать едва ли возможно.

Глава о романскихъ Бестиаріяхъ разработана не столь удовлетворительно. Прежде всего, насъ поражаетъ у Лаухерта отсутствіе указаній на Бестиарій Жерпэза ²⁾, на Физиологъ Леонардо да Винчи ³⁾, на провансальскіе фрагменты, обнаруженные Кресснеромъ ⁴⁾. Затѣмъ авторъ не воспользовался результатами предшествующихъ работъ, вслѣдствіе чего многіе выводы его нельзя признать точными.

Такъ, по поводу Бестиарія Вильгельма Норманскаго Лаухертъ замѣчаетъ, что составитель его, кромя латинской рецензій типа β, пользовался Исидоромъ и пр. ⁵⁾. Оказывается однако, что всѣ распространенія и дополненія, находящіяся въ Бестиаріи Вильгельма, внесены прямо изъ распространенной латинской рецензій Физиолога (типа β): такая именно редакція издана Манномъ ⁶⁾. Въ рѣшеніи вопроса о редакціяхъ Бестиарія Петра Пикардскаго Лаухертъ расходится съ Кафе. Дѣло въ томъ, что названный Бестиарій сохранился въ двухъ редакціяхъ: одна редакція, сохранныя въ спискѣ XIII вѣка, состоитъ изъ 71 главы и предлагаетъ, помимо сказаній физиологическаго цикла, массу постороннихъ вставокъ; другая редакція, сохранныя списками XIV—XV вв., предполагаетъ очищенный текстъ, то-есть, сказанія по преимуществу лишь физиологическаго цикла (anciens articles du Bestiaire, по выраженію Кафе). На этомъ основаніи, за древнѣйшую редакцію Кафе принималъ редакцію XIII в. ⁷⁾, между тѣмъ Лаухертъ стоитъ за обратное предположеніе ⁸⁾. Лаухерта не смущаетъ то обстоятельство, что если принять его догадку, то приходится признать, что Бестиарій Петра Пикардскаго переработанъ былъ въ томъ же столѣтіи, въ которомъ онъ былъ составленъ. По взгляду Лау-

¹⁾ О. с., p. 120.

²⁾ Обнаруженъ *Полемъ Мейеромъ* въ *Romania*, 1872, p. 421 sqq.

³⁾ См. *Springer*, Ueber den Physiologus des Leonardo da Vinci (*Sitzungsberichte der k. s. Gesellschaft der Wissenschaften* XXXVI, 1884, p. 244 sqq.).

⁴⁾ Трудъ Кресснера былъ уже раньше упомянутъ нами.

⁵⁾ *Geschichte des Physiologus*, p. 145—146.

⁶⁾ См. *Franz. Studien*, p. 35 и p. 89—100.

⁷⁾ См. *Mélanges d'archéologie etc.*, II, 1861, p. 97.

⁸⁾ *Lauchert*, о. с., p. 137 sqq.

херта, обработка XIII вѣка, внесшая въ Вестіарій постороннія вставки, пропала безслѣдно, не оставила замѣтныхъ слѣдовъ въ литературныхъ памятникахъ и дошла до насъ въ единственномъ спискѣ; между тѣмъ древняя редакція постоянно переписывалась и дошла до насъ въ спискахъ XIV—XV вв. ¹⁾). Лаухертъ далѣе не допускаетъ, чтобы Вестіарій Петра Пикардскаго восходилъ къ интерполированной латинской рецензій Физіолога: но такого рода рецензій давно обнаружены Манномъ (не говоря уже про списки латинскаго Вестіарія XII—XIII вв.). Однако именно такого мнѣнія придерживается Маннъ ²⁾). Наконецъ, намъ кажется, что именно редакція древняя, XIII вѣка, оставила слѣды на содержаніи провансальскаго Вестіарія. Попробуемъ обосновать наше мнѣніе: для этого мы будемъ останавливаться на тѣхъ подробностяхъ пикардскаго Вестіарія, которыя, по Лаухерту, внесены въ него редакторомъ XIII вѣка ³⁾). Въ концѣ сказанія о львѣ Петръ Пикардскій сообщаетъ слѣдующее: „левъ не трогаетъ человѣка, если послѣдній на него не взглянетъ, но стоитъ человѣку взглянуть на льва, чтобы онъ бросился на него и пр.“ То же самое передаетъ провансальскій Вестіарій, вставляя лишь такого рода подробность: человѣкъ, избѣгающій смотрѣть на льва, можетъ пройти мимо него семь разъ сряду ⁴⁾). Далѣе, въ главѣ IX-й пикардскій Вестіарій разказываетъ (по Исидору, *Etym.* XII, cap. VII, 15), что журавли ночью поочередно держатъ стражу, дабы не задремать; сторожъ держитъ въ одной лапѣ камень. То же самое читаемъ въ провансальскомъ Вестіаріи: „у журавлей природа такая, что собираются они въ большія став; по природѣ она склонны къ сонливости: поэтому одинъ изъ нихъ бодрствуетъ, когда другіе спятъ; а чтобы стражъ не задремалъ, онъ беретъ въ лапы маленькіе камешки“ ⁵⁾). Далѣе, объ аспидѣ пикардскій Вестіарій сообщаетъ слѣдующую по-

¹⁾ *Geschichte des Physiologus*, p. 198.

²⁾ *Evans. Studien*, VI, 2, p. 105.

³⁾ *Geschichte des Physiologus*, p. 140 sqq.

⁴⁾ = *que passer y pot set vetz.*

⁵⁾ = *Gruas an tal natura que s'ajuston en grans tropels; e lur natura fa las trop dormir e la una fay la garda can las outras dormo; e per tal que la garda no s'adorma, ela met a sos pes de petitas peiretaseta.* Ср. пикардскій вестіарій: «*Uns oiseaus est qui est apelés grue, sia mont de parvéance (= prudence) en soi. Physiologes nos dit que là où auques (= plusieurs) en a ensemble, il i a toz dis une qui le autres gaitte (= garde).... et cèle qui gaitte, per ce que èle ne vient pas dormir, si prent petites pierêtes en sos piés etc.*». Итъкъ, прованс. разказъ буквально переведенъ съ пикардскаго.

дробность: „Physiologes nos dit d'une beste qui est apelée aspris, et ce est li serpens, qui garde le baume; si n'ose nus aprochier l'arbre dont li baume dégoute, tant com il velle etc“. Эту же черту упоминаетъ и провансальскій Бестиарій (aspis es la serp que garda lo basme etc.). Вообще, въ провансальскій Бестиарій внесены всё специально принадлежація пикардскому Бестиарію вставки, какъ-то: Аргусъ (Argus le vacher—т. 25); кротъ (т. 56), волкъ (т. 45) и пр. О волкѣ, напримѣръ, здѣсь сообщается слѣдующее: если человѣкъ столкнется съ волкомъ, и послѣдній первый взглянетъ на человѣка, то у послѣдняго отнимается голосъ. То же самое повѣствуетъ о волкѣ провансальскій Бестиарій: la natura del lop es que can vo (увидитъ) hom enans (раньше) s'om lo veua, el li tol (лишаетъ) lo parlar. E si l'ome lo ve enans, l'ome li tol la forsa.“ Замѣтимъ, что провансальскій Бестиарій относится къ XIII в., а пикардскій Бестиарій составленъ былъ около 1200 года ¹⁾. Итакъ, едва ли справедливо утверждение Лаухерта, что распространенная редакция рассматриваемаго Бестиарія не пользовалась извѣстностью (die vielleicht gar nicht weiter bekannt wurde). Слѣдуетъ замѣтить еще слѣдующее: говоря о провансальскомъ Бестиаріи, Лаухертъ весьма глухо оговариваетъ ²⁾, что этотъ Бестиарій заимствуетъ кое-что у старо-французскихъ Бестиаріевъ.

Мы съ сожалѣніемъ расстаемся съ прекрасною работою Лаухерта: мы указывали лишь кое-какіе недочеты, почти не касаясь многочисленныхъ достоинствъ рассматриваемой книги. Если читатель пожелаетъ составить себѣ ясное и опредѣленное представление о многовѣковой исторіи Физіолога во всѣхъ ея многообразныхъ развѣтвленіяхъ, то мы смѣло рѣшаемся рекомендовать добросовѣстную и умную книгу Лаухерта.

Обращаемся къ статьѣ г. Мочульскаго: читая брошюру послѣдняго, намъ иногда казалося, что мы обязаны благодарить автора за его серьезное желаніе ознакомить русскаго читателя съ наиболее важными результатами выдающагося труда Лаухерта. Къ этому убѣжденію склонило насъ и то обстоятельство, что эпиграфомъ рассматриваемой статьи выбрана довольно объемистая цитата изъ Лаухерта. Но, съ другой стороны, авторъ лишь мимоходомъ упоминаетъ книгу Лаухерта и только одинъ разъ точно цитируетъ ее (мы разумѣемъ

¹⁾ *Mann—Frans. Studien*, p. 104.

²⁾ *Geschichte des Physiologus*, p. 155.

опредѣленное указаніе на страницу), говоря о зависимости александрийской гомилы отъ вліянія египетской символики ¹⁾). Во всѣхъ другихъ случаяхъ авторъ какъ будто говоритъ отъ себя лично, тѣмъ болѣе, что онъ вноситъ кое-что изъ другихъ источниковъ (кн. Вяземскаго), а также и отъ себя. Между тѣмъ, для насъ несомнѣнно, что авторъ имѣлъ въ виду именно книгу Лаухерта. Въ этомъ не трудно убѣдиться, остановившись на любой страницѣ статьи г. Мочульскаго, гдѣ притомъ нѣтъ указаній на книгу Лаухерта. Избѣгая ненужныхъ недоразумѣній, мы позволимъ себѣ показать, на двухъ, трехъ примѣрахъ, въ какой именно мѣрѣ имѣлъ въ виду книгу Лаухерта г. Мочульскій. На стр. 65 г. Мочульскій касается вопроса объ авторѣ Физиолога: „Онъ не былъ ни Таціанъ, ни древній еретикъ. Весьма возможно, что авторъ въ началѣ не назвалъ себя, что не должно казаться страннымъ, такъ какъ книга первоначально предназначалась для цѣлей научныхъ и была, по всей вѣроятности, книгой школьною“. Такъ именно выражается о томъ же предметѣ и Лаухертъ (р. 65): „Es genüge uns, constatirt zu haben, dass derselbe (=der Verfasser) weder Tatian noch sonst ein alter Ketzler war. Das wahrscheinlichste ist, dass der Autor von Anfang an sich gar nicht nannte, was besonders dann ja nicht befremden könnte, wenn das Buch ursprünglich zu Unterrichtszwecken bestimmt war, ein bescheidenes Schulbuch sein sollte...“ Обращаясь къ вопросу объ отавузахъ Физиолога въ твореніяхъ отеческихъ, г. Мочульскій (стр. 66) начинаетъ рядъ указаній съ Іустина мученика: „Въ Dial. с. Тгурф. с. 36 дается такое же объясненіе пс. 23, какое находимъ и въ Физиологѣ, при описаніи перваго свойства льва. Очевидно, оба черпали изъ одного источника, который намъ неизвѣстенъ“. То же самое читаемъ у Лаухерта (р. 68—69): „Im Dial. с. Тгурф. с. 36 wird dieselbe Auslegung von Ps. 23 gegeben, wie im Physiologus zur ersten Eigenschaft des Löwen... Immerhin könnten ja beide auch aus einer gemeinsamen ältern Quelle geschöpft haben, die uns aber wenigstens nichtmehr vorliegt“. Мы могли бы продолжать наши сличенія до безконечности.. Вообще же, г. Мочульскій передаетъ сущность цѣлыхъ отдѣловъ книги Лаухерта, забывая указать источникъ. Мы въ правѣ поэтому не входить въ разсмотрѣніе этихъ заимствованныхъ отдѣловъ статьи г. Мочульскаго,—иначе намъ пришлось бы буквально повторить наши замѣчанія о книгѣ Лаухерта. Такимъ образомъ, мы ограничимся указаніемъ, какія именно страницы

¹⁾ Происхожденіе Физиолога, стр. 60; здѣсь отиѣчена стр. 42 книги Лаухерта..

книги Лаухерта имѣютъ въ виду извѣстныя отдѣлы статьи г. Мочульскаго. Рѣшая вопросъ объ авторѣ естественно-исторической части Физиолога, г. Мочульскій ¹⁾ имѣлъ въ виду стр. 43—44 книги Лаухерта. Въ рѣшеніе этого вопроса внесены кое-какія подробности изъ статьи кв. Вяземскаго, о чемъ скажемъ послѣ. Пересматривая гипотезы о родинѣ Физиолога ²⁾, о древнѣйшемъ облигѣ его ³⁾, отвергая гипотезу о библейскомъ циклѣ физиологическихъ сказаній ⁴⁾ и пр., авторъ имѣлъ въ виду все ту же книгу Лаухерта ⁵⁾. Далѣе авторъ указываетъ „всѣ вѣроуचितельныя пункты, которые затрогиваются и выясняются въ Физиологѣ“ ⁶⁾: здѣсь внесено г. Мочульскимъ одно добавленіе, которое мы рассмотримъ въ другомъ мѣстѣ. Отдѣлъ объ отзвукахъ Физиолога въ патристической литературѣ ⁷⁾ буквально передаетъ содержаніе пятой главы первой части труда Лаухерта ⁸⁾. Далѣе, г. Мочульскій основательно отвергаетъ домыслы Кайе и Петри о еретической основѣ Физиолога ⁹⁾: приводимыя здѣсь данныя заимствованы изъ третьей главы первой части труда Лаухерта (р. 47—64) и т. д. Замѣтимъ, что даже относительно мелочныхъ подробностей авторъ рассматриваемой статьи придерживался взглядовъ Лаухерта. Такъ, время перевода латинскаго Физиолога г. Мочульскій опредѣляетъ на основаніи главы о муравьѣ. Дѣло въ томъ, что въ символическое истолкованіе третьяго свойства муравья латинскій переводчикъ внесъ перечисленіе извѣстныхъ ему еретиковъ. Послѣднимъ среди нихъ упомянуть епископъ Фотинъ изъ Сиронія († 366); между тѣмъ вовсе не упомянуть Несторій, осужденный въ Ефесѣ (въ 431 году). Стало быть, латинскій переводъ возникъ въ промежуткѣ 397—431 годовъ ¹⁰⁾. Авторъ привелъ указанныя соображенія какъ бы лично отъ себя; между тѣмъ, буквально повторены они у Лаухерта ¹¹⁾, при чемъ

¹⁾ Происхожденіе Физиолога, стр. 53—55.

²⁾ Тамъ же, стр. 58—59.

³⁾ Тамъ же, стр. 60.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 62.

⁵⁾ Geschichte des Physiologus, р. 41—43; р. 44—45; р. 45—46.

⁶⁾ Происхожденіе Физиолога, стр. 64—65. Ср. *Lauchert*, о. с., р. 46—48: Theologischer Gehalt des Physiologus.

⁷⁾ Происхожденіе епистола, стр. 66—69.

⁸⁾ *Lauchert*, о. с., р. 68—79.

⁹⁾ Происхожденіе Физиолога, стр. 64—65.

¹⁰⁾ Происхожденіе Физиолога, стр. 74.

¹¹⁾ *Lauchert*, о. с., р. 89.

послѣдній указалъ, что церковно-историческія даты собраны проф. Фридрихомъ.

Итакъ, поблагодаривъ автора за основательное ознакомленіе русскаго читателя съ результатами повѣйшихъ западныхъ работъ о Физиологѣ, перейдемъ къ разсмотрѣнію тѣхъ отдѣловъ статьи г. Мочульскаго, гдѣ авторъ болѣе самостоятельно перерабатываетъ извѣстные отдѣлы книги Лаукерта, а затѣмъ знакомитъ насъ съ результатами собственныхъ изысканій.

Свою статью г. Мочульскій начинаетъ обвиненіемъ русской науки „въ полное невниманіе къ Физиологу“ ¹⁾. Исключеніе сдѣлано лишь въ пользу кн. П. П. Вяземскаго. Въ другомъ мѣстѣ авторъ старается показать, что „такое невниманіе нашихъ ученыхъ къ данному произведенію является далеко незаслуженнымъ“. Вполнѣ соглашаясь съ авторомъ въ послѣднемъ, мы не можемъ раздѣлять перваго его мнѣнія. Начнемъ съ того, что извѣстная статья кн. П. П. Вяземскаго вызвала живой отзывъ покойнаго А. А. Котляревскаго ²⁾. Но и много ранѣе того вопросъ о Физиологѣ поднятъ былъ въ цѣломъ рядѣ ученыхъ статей: названнаго вопроса касался въ извѣстной статьѣ о духовныхъ стихахъ Ѳ. И. Буславевъ ³⁾, гдѣ съ обычною глубиной обслѣдованъ былъ вопросъ о господствѣ bestiарнаго стили въ древнерусской старинѣ, обстоятельно оцѣненъ былъ Bestiarій Дамаскина Студита и т. в.; прекрасная характеристика Физиолога, въ отличіе отъ Bestiarія, представлена была въ извѣстной рецензіи Н. С. Тихонова ⁴⁾: здѣсь впервые намѣчены были весьма отчетливо общіе пути литературнаго прошлаго Физиолога и пр. Извѣстныя подробности средневѣковой исторіи Физиолога оговорены г. Колмачевскимъ ⁵⁾, при чемъ указаны были и доступные въ то время славянскіе тексты Физиолога (въ сущности — Bestiarія), и притомъ почти тѣ самыя, конми авторъ статьи о начальныхъ судьбахъ Физиолога думаетъ пополнить свѣдѣнія о валичныхъ рецензіяхъ Физиолога. Наконецъ, вопросъ о Физиологѣ затронуть былъ въ работахъ гг. Ватална ⁶⁾, Успен-

¹⁾ Прохождение Физиолога, стр. 51.

²⁾ См. *Критическое Обзоріе* 1879 г., № 7.

³⁾ См. *Русскую Рѣчь* 1861 года.

⁴⁾ Отчетъ о XIX-мъ присужденіи награды гр. Уварова, стр. 57—64.

⁵⁾ Животный эпосъ на западѣ и у славянъ. 1882, стр. 36—44.

⁶⁾ См. очеркъ послѣдняго о древне-русскихъ азбуковникахъ (*Фил. Зап.* 1878, вым. IV, стр. 46—68).

сваго ¹⁾, гр. Уварова ²⁾ и др. Еслибы авторъ разсматриваемой статьи ознакомился подробнѣе съ вышеуказанными работами, хотя бы, напримѣръ, съ замѣчаніями о Физиологѣ Н. С. Тихонравова, то онъ не принялъ бы поздній славянскій Бестиарій, изданный сперва Ягичемъ, а затѣмъ Новаковичемъ, за Физиолога, ибо Бестиарій является лишь однимъ изъ видовъ Физиолога ³⁾. Физиологъ трактуетъ не о животныхъ только, но еще о нѣкоторыхъ камняхъ и растеніяхъ; затѣмъ, Физиологъ занимается преимущественно фантастическими существами ⁴⁾, такъ что ни соловью (16-е слово бестиарія Ягича), ни волу (23-е слово) и т. п. въ рецензіяхъ Физиолога, въ строгомъ смыслѣ слова, мѣста не полагается. Еслибы авторъ статьи не отнесся столь пренебрежительно къ русской наукѣ, то онъ оцѣнилъ бы по достоинству указаніе А. Н. Веселовскаго на славянскій Физиологъ въ собственномъ смыслѣ слова (хотя бы и фрагментарный): а это указаніе сдѣлано было болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ.

Главною задачей своего изслѣдованія авторъ признаетъ разслѣдованіе начальныхъ судебъ Физиолога, при чемъ обѣщаетъ перенести вопросъ о происхожденіи Физиолога изъ области гаданій „на реальную почву“. „Для этого“, замѣчаетъ г. Мочульскій ⁵⁾,— „мы обратимся къ самому Физиологу и въ немъ самомъ поищемъ свидѣтельство“. На самомъ дѣлѣ, авторъ обращается не къ Физиологу, а къ книгѣ Лаухерта, при чемъ опирается на довольно неудачную, какъ указано было выше, попытку Лаухерта извлечь кое-какія указанія изъ случайныхъ обмолвокъ рукописей. Авторъ такъ рабски придерживается нѣмецкаго источника, что, говоря о Соломонѣ, цитуетъ упомянутое уже замѣчаніе Амвросія (Epist. 32) ⁶⁾. На сколько рискованно такое довѣріе къ случайной обмолвкѣ какого-нибудь кодекса, можно судить по тому, что различные рукописи называютъ различными имена. Впрочемъ, къ заимствованному у Лаухерта авторъ вноситъ кое-что новое. Такъ, подтверждая свои „данныя“ объ авторствѣ Соломона, авторъ ссылается на извѣстную статью хронографа, въ которой повѣствуется о судьбѣ книги Соломона о природѣ. Тутъ же авторъ поясняетъ, что

¹⁾ Толковая Библия, 1876, стр. 115—129 и др.

²⁾ См. Древности (Труды Моск. Археолог. Общ. I, 2, 1867), статью: „Недремлющее око Спасова“.

³⁾ Ср. *Maaila—Frans. Studien*, p. 23 и рецензіи *Тихонравова*, стр. 59.

⁴⁾ См. *Carus*, *Gesch. d. Zoologie*, p. 112; *Maaila*, о. с., p. 16—17.

⁵⁾ Происхождение Физиолога, стр. 53.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 54. *Ca. Geschichte des Physiologus*, p. 43—44.

указанная статья русскаго хронографа находится въ греческомъ хронографѣ Кедрина (I часть, стр. 165, по Вонискому изданію) ¹⁾. При чемъ тутъ—спросить читатель—и статья хронографа, и ссылка на Кедрина? Разгадка въ томъ, что на эту же статью, какъ на „разрѣшающую всѣ сомнѣнія, возбужденныя относительно появленія Физіолога“, ссылался еще кн. П. П. Вяземскій ²⁾, и не только ссылался при этомъ на Кедрина по тому же Вонискому изданію, но и приводилъ цѣликомъ всю цитату Кедрина яко бы о Физіологѣ Соломона... Это смутное преданіе о приписываемой Соломону книгѣ о природѣ, содержаніе которой будто „перешло въ ученіе греческихъ естествовѣдцовъ и философовъ, что отчасти согласуется съ показаніями самаго Физіолога“ ³⁾, и оказывается „руководящею нитью“ для негadatельнаго рѣшенія вопроса объ источникахъ Физіолога. Позволимъ себѣ усомниться, чтобы такой путь представлялся „перенесеніемъ вопроса на реальную почву“: рѣшить вопросъ объ источникахъ можетъ, на нашъ взглядъ, лишь тщательный, добросовѣстный анализъ извѣстныхъ подробностей описательной части фیزیологическихъ сказаній, что и составило нѣкогда предметъ прекрасныхъ работъ Ипшо, Кафе, Ланда, Каруса, Коллоффа и др. Для насъ столь же мало убѣдительно и другое утвержденіе уважаемаго автора, будто достаточно „отбросить подставное имя Соломона, чтобы остановиться на греческихъ и восточныхъ древностяхъ, какъ на источникахъ, легшихъ въ основу Физіолога“ ⁴⁾. Повторяемъ: къ уразумѣнію источниковъ приводить лишь тщательное сличеніе подробностей извѣстнаго фیزیологическаго сказанія съ тѣми баснословно-зоологическими свѣдѣніями, которыя разсѣяны въ твореніяхъ Плинія, Ктесія, Эліана, Арріана, Антигона Каристія, Геродота и т. д.

Отмѣчая дальнѣйшія неточности въ статьѣ г. Мочульского, остановимся на его домыслѣ, будто Физіологъ предшествовалъ Шестодневамъ: „нашъ памятникъ есть скорѣе первая попытка тѣхъ экзегетическихъ сочиненій, которыя возникли позже, какъ гомилія къ твореніямъ міра“ ⁵⁾. Несообразность этого утвержденія очевидна:

¹⁾ Происхожденіе Физіолога, стр. 55.

²⁾ О литературной исторіи Физіолога, стр. 74—77.

³⁾ Но Физіологъ этихъ показаній о книгѣ Соломона, понятнымъ образомъ, и не знаетъ, тѣмъ менѣе оныхъ подтверждаетъ. Дало въ томъ однако, что все это утвержденіе г. Мочульского действительно буквально перешло изъ статьи кн. Вяземскаго (о. с., р. 78)...

⁴⁾ Происхожденіе Физіолога, стр. 55.

⁵⁾ Стр. 62.

стояло автору внимательно вчитаться въ книгу Лаухерта, чтобъ избѣжать столь странной неточности ¹⁾.

Мы уже говорили, что обзорѣніе вѣроучительныхъ пунктовъ, затронутыхъ Физиологомъ, имѣло въ виду соответствующій отдѣлъ книги Лаухерта. Но здѣсь авторъ кое-что видоизмѣнилъ. Такъ, рассматривая сказаніе о куропаткѣ (гл. XVIII древней рецензіи), авторъ замѣчаетъ, будто въ образѣ ея разумѣется человекъ, „который прійдетъ въ раскаяніе и обратится ко Христу и его церкви“ ²⁾. Но подъ куропаткой Физиологъ дрепного тина разумѣетъ діавола: „такъ и діаволъ въсхищаетъ родъ младенически. Еѣа же моужество ставоуть... единаго іако оурода штавать діавола“ ³⁾. Именно эту символическую экзегезу сказанія о куропаткѣ приводятъ древній греческій Физиологъ, эеіопскій, даже армянскій и сирійскій изводы и т. д. Замѣтимъ, что древняя экзегеза засвидѣтельствована и св. Ипполитомъ, который въ образѣ куропатки видитъ антихриста: „той бо призовѣ вса люди жидѣвскыя къ себе ѿ всѣхъ стрѣ расѣланныя. чюжаа твора аки своа чада и пр.“ ⁴⁾. Чѣмъ же объясняется неточность, допущенная здѣсь г. Мочульскимъ? Обращаемся, для разъясненія нашего недоумѣнія, къ книгѣ Лаухерта: послѣдній, дѣйствительно, указываетъ мѣсто подобное, но лишь какъ одну изъ подробностей символической экзегезы сказанія о куропаткѣ. Приведемъ подлинныя слова Лаухерта: „Только слабые становятся добычей діавола, — надъ твердыми власть его ничтожна: сказаніе о китѣ, третье свойство сказанія о змѣѣ; когда человекъ достигаетъ зрѣлости (zur Einsicht kommt), то онъ отвращается отъ діавола и устремляется ко Христу и его церкви: сказаніе о куропаткѣ“ ⁵⁾. Итакъ, Лаухертъ останавливается на извѣстныхъ сказаніяхъ Физиолога и выбираетъ изъ нихъ тѣ подробности, которыя говорятъ о сѣтяхъ діавольскихъ, о средствахъ, дарованныхъ человеку для преодоленія козней дьявольскихъ и т. д.; при этомъ Лаухертъ указываетъ то сказаніе, откуда заимствованы имъ извѣстныя частныя подробности. Такимъ образомъ, эти указанія иногда не имѣютъ въ виду основной символической парал-

¹⁾ *Lauchert*, о. с., р. 45: „Der Physiologus ist auch kein Vorläufer der später beliebt werdenden exegetischen Schriften über die biblische Schöpfungsgeschichte etc.“

²⁾ Происхожденіе Физиолога, стр. 64.

³⁾ Т. Палея Тр.-Серг. заары, № 729, л. 166.

⁴⁾ Слово св. Ипполита объ Антихристѣ, г. *Неструева*, стр. 83—86 (§§ 54—55).

⁵⁾ *Geschichte des Physiologus*, р. 47.

леви, скривающейся въ данномъ сказаніи, такъ и въ данномъ случаѣ. Центральный символическій намекъ сказанія о куронаткѣ относится къ діаволу: это оиъ напоминаетъ куронатку; люди угодоблены тѣмъ итенданъ, коихъ похищаетъ куронатка=діаволь. Приди въ возрастъ (ἐκβαίν αὐτήθωλον=zur Einsicht gelangt) ¹⁾ люди=птенци покидаютъ діавола и называютъ истинныхъ родителей = Христа и церковь. И только поздніе изводи Физиолога (напримѣръ, греч. рецензія тива Δ) измѣняютъ традиціонную символическую экзегезу: эти изводи содержатъ въ себѣ увѣщаніе къ челоуѣку не ослабѣвать въ дѣлахъ милосердія, но стремиться къ исполненію всѣхъ заповѣдей Господнихъ и т. д.

Позволимъ себѣ остановиться, далѣе, на рѣшеніи вопроса объ авторѣ христіанскаго Физиолога. Разбирая книгу Лаухерта, мы уже говорили о необходимости имѣть въ виду коллективное творчество въ разрѣшеніи даннаго вопроса; впрочемъ, Лаухертъ былъ на столько остороженъ, что не считалъ возможнымъ останавливаться на какомъ-либо опредѣленномъ лицѣ. На нашъ взглядъ, объ авторѣ Физиолога можетъ быть рѣчь только въ смыслѣ компилятора, собравшаго чужія истолкованія фізіологическихкихъ сказаній. Между тѣмъ г. Мочульскій признаетъ возможнымъ принять, что настоящимъ редакторомъ дошедшаго до насъ Физиолога былъ Елифаній ²⁾: до него Физиологъ существовалъ лишь въ видѣ тѣхъ фрагментовъ сирійскаго Физиолога, которые обнаружены были Тихзенемъ. Какъ извѣстно, эти фрагменты не сохранили символическихъ угодоблений. Но мы уже знаемъ, что гипотеза о первоуродствѣ названныхъ фрагментовъ давно уже оставлена. Съ другой стороны, Елифаній и не могъ быть редакторомъ Физиолога въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ это авторъ статьи; дѣло въ томъ, что еще ранѣе Елифанія мы находимъ въ отеческихъ твореніяхъ сказанія, вошедшія въ Физиологъ, буквально съ тѣми же символическими намеками, какъ и въ названномъ памятникѣ. Такъ, фізіологическую экзегезу извѣстныхъ сказаній Физиолога найдемъ у св. Ипполита (левъ, куронатка) и т. д. Забѣгнемъ, что даже тѣ исследователи, которые признавали Елифанія редак-

¹⁾ Δ не въ раскаяніе, какъ передаетъ г. Мочульскій.

²⁾ Происхождение Физиолога, стр. 71: „Весьма возможно, что Елифаній имѣлъ уже подъ руками Физиологъ съ указаніемъ на Св. Писаніе, и, съ своей стороны, обработалъ эти толкованія, тѣмъ и создалъ особую редакцію греческаго Физиолога, которая и послужила основой для весьма многихъ древнихъ переводовъ и дальѣйшихъ переработокъ“.

ромъ Физіолога, считали нужнымъ оговорить, что Физіологъ, въ качествѣ вполнѣ сложившагося памятника, существовалъ задолго до Епифанія ¹⁾). Въ подтвержденіе, вѣроятно, своей гипотезы, г. Мочульскій замѣчаетъ далѣе, что лучшіе изъ греческихъ списковъ Физіолога сохранились съ именемъ Епифанія: таковы, будто бы, греческіе списки Парижской національной бібліотеки, за №№ 390 и 924 ²⁾). Но оба эти списка вовсе не заключаютъ въ себѣ рецензій Физіолога въ собственномъ смыслѣ слова: въ нихъ мы находимъ позднюю новогреческую поему, переработавшую bestiарное содержаніе въ политическихъ стихахъ. Эта поэма восходитъ къ XII вѣку ³⁾). Наконецъ, въ заглавіи этихъ кодексовъ вовсе не упоминается имя Епифанія ⁴⁾).

Намъ остается разсмотрѣть, что новаго вносить статья г. Мочульского въ вопросъ о славянскихъ рецензіяхъ Физіолога.

Мы расходимся съ уважаемымъ авторомъ въ оцѣнѣ славянскаго текста Ягича, вторично изданнаго Новаковичемъ ⁵⁾); этотъ памятникъ кажется намъ позднимъ Bestiarіomъ или, во всякомъ случаѣ, выродившимся Физіологомъ. Г. Мочульскій, помимо сербской рецензій Bestiarія, указываетъ еще болгарскую, сохранившуюся въ сборникѣ М. С. Дринова (XVI в.). Обѣ эти рецензій, по замѣчанію автора, „представляютъ полное между собою согласіе, говорящее о томъ, что онѣ имѣли одинъ и тотъ же источникъ“. Итакъ, обѣ эти рецензій, по мнѣнію г. Мочульского, заключаютъ въ себѣ „славянскій Физіологъ древняго типа“ ⁶⁾). На чемъ же основываетъ авторъ свое утвержденіе? Только на томъ обстоятельстве, что оба текста сохранили „символическія толкованія“. Но этого еще слишкомъ недостаточно, чтобы характеризовать извѣстную рецензій, какъ относящуюся къ древнему типу Физіолога: надо знать, каковы эти толкованія, — преобладаетъ ли въ нихъ типологическая экзегеза, или мелочное, аллегорическое истолкованіе второстепенныхъ подробностей описательной части сказанія; затѣмъ, необходимо принять во вниманіе инвентарь входящихъ въ памятникъ сказаній, и, мало того, распорядокъ этого

¹⁾ См. *G. Heider*, Ueber Thier-Symbolik. Wien. 1849, p. 84.

²⁾ См. *Le Physiologue, poème sur la nature des animaux, en grec vulgaire etc.*, publié par *Em. Légrand* (Collection de monuments pour servir à l'étude de la langue néohellénique, № 16, Paris, 1878).

³⁾ См. *Gidel*, Nouvelles Etudes, p. 407 и p. 409.

⁴⁾ См. *Gidel*, o. c., p. 406; ср. *Pitra*, Spic. Sol., III, p. 888.

⁵⁾ См. *Starine* XI (1879), p. 181—203.

⁶⁾ Происхожденіе Физіолога, стр. 76.

материала; наконецъ, важно обращать вниманіе на подробности содержанія самой описательной части сказаній и т. п. Только прилагая указаннныя приемы, можно думать, что сдѣланный выводъ болѣе или менѣе правдоподобенъ. Иначе можно принять за изводъ Физиолога всякое произведеніе, трактующее о свойствахъ всякихъ животныхъ съ назидательной точки зрѣнія. Такъ было, напримѣръ, съ чешскою дидактическою поэмой, изданною подъ видомъ Физиолога Палацкиа¹⁾,

Наконецъ, всѣ старо-французскіе Вестіаріи сохраняютъ аллегорическія истолкованія, даже самый гибридный среди нихъ, именно якардскій Вестіарій: и однако никому не приходило въ голову принимать ихъ за рецензіи Физиолога. Мало того, Любовный Вестіарій Фурнивалля новѣйшіе изслѣдователи даже вовсе исключаютъ изъ числа Вестіаріевъ въ строгомъ смыслѣ слова: отъ послѣднихъ онъ заимствовалъ одно лишь названіе и форму, между тѣмъ какъ содержаніемъ своимъ онъ примыкаетъ къ совершенно иному кругу идей²⁾. Мы знаемъ, что Физиологъ древняго типа трактуетъ о животныхъ, камняхъ и растеніяхъ строго опредѣленнаго цикла, въ извѣстномъ, разъ навсегда установленномъ порядкѣ; естественно-историческія подробности сказаній, съ болѣе или меньшимъ однообразіемъ, повторяются во всѣхъ древнихъ переводахъ; число сказаній ограничено сорокадевятью; въ толкованіяхъ преобладаетъ типологическій характеръ и т. п. Все это не приложимо къ Вестіарію Ягича-Новаковича. Разсматриваемый памятникъ пользовался позднею рецензіей Физиолога (типа Δ): но, сверхъ этого, Вестіарій пользовался и иными источниками, ибо сказанія о соловьѣ, волѣ, воинѣ и пр. не знаютъ даже позднія редакціи Физиолога. Г. Мочульскій отчасти указалъ совершенно вѣрно, что разсматриваемые имъ тексты славянскаго Вестіарія „находятся въ самой тѣсной связи съ псевдо-Епифаніевскимъ греческимъ текстомъ“. Но это указаніе справедливо лишь потому, что выборка Повція составлена главнымъ образомъ на основаніи той же поздней греческой рецензіи типа Δ, славянскимъ изводомъ коей пользовался и Вестіарій Ягича. Выше мы указывали на списокъ славянскаго перевода (русской рецензіи) греческаго Физиолога типа Δ: если наши замѣчанія справедливы, то указанный нами церковно-славянскій

¹⁾ См. *Sazorie muzea královsti českého*, 1776, II, 127 sqq. Здѣсь описано 69 животныхъ, изъ коихъ только немногія живутъ *отдаленное* отношеніе къ Физиологу (подробныя указанія приведены въ нашемъ изслѣдованіи).

²⁾ *Mann—Franz. Studien*, VI, 2, p. 78.

списокъ XVI вѣка уяснить намъ темныя мѣста въ тѣхъ сказаніяхъ сербскаго Вестіарія, которые заимствованы изъ предполагаемой нами поздней рецензій Физіолога. Укажемъ хотя бы одинъ примѣръ. Въ толкованіи сказанія о зубрѣ (гидронъ древней рецензій) славянскій Вестіарій заключаетъ мало вразумительныя мѣста. Именно, въ сербскомъ изводѣ его читаемъ: „вода бо несть звѣроу на тебѣ богатство; завитие бо звероу твою леньость“. Въ греческой рецензій типа Δ этому соответствуетъ слѣдующее: Ὁ ξηανός κωταρός ἐπιτηνάσται τὸ μέγανος τοῦ κλοῦτου... ἐπιλεχόμενος ὁ ἀνδρῶπος εἰς τὰς ἡδονὰς τοῦ βίω ἀμαλαί τῆς πίστεως. Это чтеніе удержалъ въ своей выборкѣ и Полицій, который только выкинулъ слово κωταρός. Въ церковно-славянскомъ переводѣ, по списку XVI в., читаемъ: „рѣка акіяньск ѣ богатство; да въ шлеташа чикѣ небрежѣ ѡ вѣрѣ“... ¹⁾).

Принимая во вниманіе все вышесказанное, смѣемъ думать, что сербскій и болгарскій тексты сохранили Вестіарій славянской редакціи, восходящій отчасти къ Физіологу поздняго извода (типа Δ) ²⁾.

А. Карпѣвичъ.

Дѣятельность земства по устройству соудо-свиригательныхъ товариществъ.

И. А. Соколовскаго. С.-Петербургъ. 1890.

Лежащее передъ нами новое, весьма любопытное изслѣдованіе г. Соколовскаго является какъ бы естественнымъ продолженіемъ того труда его, о которомъ мы уже имѣли случай говорить въ № 9 журнала за минувшій годъ. Познакомивъ читателя предварительно

¹⁾ Остается указать источники бестіарныхъ сказаній не филологическую цикла. Въ подробности входить здѣсь не мѣсто. Замѣтимъ однако, что о соловьѣ упоминаетъ поздній Вестіарій Даванина, хотя здѣсь приводится много рода подробностей о соловьѣ. Вестіарій Ягача сообщаетъ, что соловьи поочередно бодрствуютъ ночью: не есть ли это отголукъ средневѣковаго сказанія о журавляхъ? Впрочемъ, о соловьѣ упоминаетъ еще въ своей церковной хроникѣ Михайла Главка: когда соловей засыпаетъ свои яйца, онъ бодрствуетъ всю ночь.. (См. его βιβλον χρονικήν, парижск. изд. 1660 года, partem I, p. 43).

²⁾ Мы только-что дописывали послѣднія строки, какъ получили новое изслѣдованіе о Физіологѣ: можно подуматъ, что свроецкую науку обукао какое-то энциологическое повѣтріе! Итъонъ къ виду изслѣдованіе Robert Reinsch: Le bestiaire (Leipzig, 1890). Райшишъ перенздаетъ Вестіарій Вильгельма (p. 219—441), которому предшествуетъ огромное введеніе (p. 1—218). Исслѣдованіе Лаухерта автору осталось не извѣстно: вообще Райшишъ устраняетъ изъ своего труда разсмотрѣніе греческаго Физіолога (p. 57). За то поравнительною новостью является разсмотрѣніе чешскаго Вестіарія (p. 53—54), сербскаго (p. 174—182) и даже русскаго (p. 182), но здѣсь разумѣется отрывокъ эмалосоевской книги Христоороовича.

съ литературою вопроса о сельскомъ краткосрочномъ кредитѣ, г. Соколовскій, въ настоящее время, представляетъ результаты предпринимавшихся въ нашемъ отечествѣ попытокъ устройства этого кредита и какъ бы сводъ наблюдений и мнѣній о немъ тѣхъ лицъ и учреждений, которыя близко стоятъ къ этимъ попыткамъ и соединяютъ въ себѣ знаніе потребностей народной среды съ извѣстною степенью образованія.

Материаломъ для этого новаго изслѣдованія г. Соколовскаго послужили по преимуществу доклады и отчеты земскихъ управъ, также журналы и протоколы земскихъ собраній и отчасти изданные нѣкоторыми земствами сборники ихъ постановленій.

Обозрѣніе земской дѣятельности по отношенію къ ссудо-сберегательнымъ товариществамъ авторъ призналъ болѣе удобнымъ сгруппировать по географическимъ областямъ, распредѣливъ всѣ губерніи, въ которыхъ введены земскія учрежденія, на 8 группъ въ слѣдующей послѣдовательности: губерніи сѣверо-западнаыя, сѣверныя, сѣверо-восточныя, центральныя промышленныя, центральныя земледѣльческія, восточныя, южныя и малороссійскія. Между тѣмъ, дѣлая общіе выводы земской дѣятельности по устройству сельскаго мелкаго краткосрочнаго кредита, авторъ отмѣчаетъ въ этой дѣятельности три главные періода, при чемъ географическая группировка совершенно исчезаетъ. Поэтому, казалось бы, едва ли была надобность ее создавать. По нашему мнѣнію, было бы удобнѣе для читателя еслибы самое изложеніе дѣятельности земскихъ учреждений въ этомъ отношеніи было расположено также въ хронологическомъ порядкѣ, по тѣмъ же періодамъ, которые отличаются въ заключеніи въ дѣятельности земскихъ учреждений. Авторъ принимаетъ слѣдующіе три періода. Первый — продолжается со времени открытія земскихъ учреждений (въ 1864 году) до образованія комитета ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществъ въ 1871 году. Въ этомъ періодѣ, по замѣчанію автора, мысль о необходимости правильнаго устройства кратковременнаго кредита для крестьянскаго населенія высказывалась весьма рѣдко и выражалась въ немногихъ проектахъ, болѣею частью не осуществившихся (стр. 322). Съ учрежденіемъ только что упомянутаго комитета о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, и особенно петербургскаго его отдѣленія, начинается второй, наиболѣе оживленный періодъ земской дѣятельности по устройству народнаго кредита. Въ этотъ періодъ, продолжавшійся до 1883 года, земства способствуютъ учрежденію

часть сслухш. одт. 2.

ссудныхъ товариществъ, отпускають возникающимъ товариществамъ болѣе или менѣе значительныя суммы для выдачи первоначальныхъ займовъ (авторъ приложилъ въ концѣ своего труда весьма обстоятельный и любопытный сводъ этихъ первоначальныхъ займовъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ), наблюдаютъ за дѣятельностью этихъ товариществъ, распространяютъ о нихъ свѣдѣнія среди населенія, ходатайствуютъ передъ правительствомъ объ измѣненіи тѣхъ или другихъ статей устава и т. д. Результатомъ этой дѣятельности явилось однако разочарованіе и даже недовольство товариществами, отчасти вслѣдствіе неаккуратной уплаты ими выданныхъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ первоначальныхъ займовъ. Наступилъ, съ 1883 года, третій періодъ дѣятельности земства — періодъ поисковъ новыхъ формъ народнаго кредита (стр. 332), продолжающійся, конечно, и по настоящее время.

Нельзя не согласиться, что крайне неутѣшительно послѣ двадцатипятилѣтней почти дѣятельности придти въ заключенію, что дѣйствовали не такъ, и что надо откаться отъ прежняго образа дѣйствій. Пожелаемъ болѣе усиліи дѣятельности земствамъ въ этомъ отношеніи въ будущемъ и предложимъ имъ съ этою цѣлью поближе ознакомиться съ трудами г. Соколовскаго; это предохранитъ ихъ во многомъ отъ безплодныхъ попытокъ и нежелательныхъ улеченій, особенно, если они сдѣлаютъ необходимое, по нашему мнѣнію, заключенію изъ новаго труда г. Соколовскаго. Въ этихъ видахъ мы позволимъ себѣ, въ заключеніе нашей замѣтки, яснѣе выразить то, что, по нашему мнѣнію, само собою вытекаетъ изъ интереснаго изслѣдованія г. Соколовскаго, но о чемъ онъ самъ однако не упомянулъ.

По положенію о земскихъ учрежденіяхъ 1864 года, устройство какихъ-либо банковъ и тѣмъ болѣе ссудо-сберегательныхъ товариществъ имъ не предоставлено. Во всемъ положеніи ни разу даже не встрѣчаются эти слова. Правда, въ ст. 2 встрѣчается общее выраженіе, что они завѣдуютъ имуществами и капиталами земства, но это, конечно, не даетъ права открывать банки. Только закономъ 17-го мая 1871 года въ первый разъ предоставлено земскимъ собраніямъ, какъ губернскимъ, такъ и уѣзднымъ, учреждать кредитныя установленія для пріема вкладовъ и выдачи краткосрочныхъ ссудъ подъ учетъ векселей и подъ залогъ движимыхъ цѣнностей, при чемъ принимаются въ руководство новѣйшіе уставы акціонерныхъ обществъ и обществъ взаимнаго кредита (но не ссудо-сберегательныхъ товариществъ).

Такимъ образомъ земства, не имѣя по закону права сами учре-

ждать ссудо-сберегательныя товарищества, основанныя на началѣ взаимности, при чемъ всѣ члены связаны взаимною другъ за друга отвѣтственностью (учрежденіе таковыхъ товариществъ, сходныхъ въ началахъ своихъ съ Рождественскимъ ссуднымъ товариществомъ и Феллинскою сберегательною кассою, предоставлено закономъ городскимъ и сельскимъ обществамъ и частнымъ лицамъ; см. уставъ кредитный, стр. 57, изданіе 1887 г.), могли только, пользуясь правомъ распоряженія своими суммами, помогать деньгами вновь возникавшимъ товариществамъ и распространять свѣдѣнія въ народѣ объ ихъ полезности. Земство это и сдѣлало. Деньгъ оно роздало въ долгъ не мало, какъ видно изъ цифръ, приведенныхъ г. Соколовскимъ, и съ трудомъ ихъ получаетъ. Оно пыталось руководить товариществами и организовать правильный контроль надъ ними, — но это не удалось въ виду недостатка или полного отсутствія въ деревняхъ лицъ, способныхъ къ выполненію этихъ обязанностей (стр. 328), а также потому, что земство не имѣетъ на это права. Земства вслѣдствіе распространяли свѣдѣнія о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, разсылали брошюры о нихъ по волостнымъ правленіямъ, разъясняли пользу товариществъ черезъ своихъ гласныхъ, волостное начальство, духовенство и т. д.; земства обращались даже къ сельскимъ сходамъ съ предложеніями учредить товарищества, общая при этомъ и ссуду (стр. 326). Словомъ, земства вслѣдствіе проводили учрежденіе такихъ товариществъ. И что же? По заявленію г. Соколовскаго, сельскіе сходы почти повсюду, гдѣ только дѣлались имъ такія предложенія, отнеслись къ нимъ несочувственно (стр. 326), хотя ничѣмъ не мотивировали свое нежеланіе устраивать товарищества. Они не высказывали мотива, но онъ, по нашему мнѣнію, очевиденъ: то было нежеланіе круговой отвѣтственности, безъ которой ссудо-сберегательное товарищество не мыслимо; для сельскихъ сходовъ вполне достаточно круговой отвѣтственности по уплатѣ всякаго рода податей и сборовъ. Но они высказывались въ пользу устройства простыхъ волостныхъ кассъ и сельскихъ банковъ, что совершенно понятно, если припомнить, что товарищества, основанныя на началѣ самостоятельности, не подъ силу крестьянскому населенію. Казалось бы, что такое заявленіе заслуживаетъ полного вниманія; возможно скорѣйшее осуществленіе его, въ видахъ поддержки сельскаго населенія и освобожденія его отъ зависимости кулаковъ, весьма желательно. Мало того, такія заявленія указываютъ настоящій путь для земской дѣятельности, до сего времени въ сферѣ на-

роднаго кредита пытавшейся учредить то, что населенію нежелательно. Мы думаемъ, что лучше озаботиться дѣйствительнымъ устройствомъ по деревнямъ вспомогательныхъ и сберегательныхъ кассъ, хотя бы по правиламъ 1859 года, нежели, увлекаясь поисками новыхъ формъ народнаго кредита, оставлять сельскія общества безъ всякихъ кредитныхъ учреждений. Лучше что-нибудь, нежели ничего.

Изданный въ 1883 году законъ о порядкѣ учрежденія сельскихъ банковъ и ссудо-сберегательныхъ кассъ опредѣлялъ ясно характеръ дѣятельности земскихъ учреждений въ дѣлѣ народнаго кредита.

И. И.

Отвѣтъ на рецензію г. Зѣлинскаго.

Въ ноябрьской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія появилась рецензія на новое (полное) изданіе моихъ „Лекцій по исторіи римской литературы“. Она заняла въ журналѣ четыре печатныхъ листа безъ одной странички и, вѣроятно, представляетъ собою самую длинную рецензію, какая когда-либо появлялась на страницахъ почтеннаго журнала. Вступать въ какую бы то ни было полемику съ авторомъ ея у меня нѣтъ желанія. Но мнѣ нельзя оставить помянутую рецензію и безъ всякаго отвѣта. Въ этомъ мнѣ объясняетъ не столько ея черезчуръ наступательный характеръ, сколько то обстоятельство, что она нашла себѣ мѣсто на страницахъ журнала, къ которому всѣ мы привыкли питать уваженіе.

Но прежде, чѣмъ начать самый отвѣтъ, который долженъ объяснить нравственное и ученое значеніе рецензіи, мнѣ необходимо разказать маленькую исторію. Во введеніи къ своему новому изданію „Лекцій“ я счелъ нужнымъ высказать свой взглядъ на практиковавшійся у насъ въ послѣдніе годы характеръ преподаванія классической филологіи и написалъ между прочимъ, основательно или неосновательно, слѣдующія строки: „Во всѣхъ русскихъ университетахъ преподаваніе классической филологіи въ послѣдніе годы все болѣе и болѣе теряетъ научный характеръ и обращается въ преподаваніе школьное, не способное ни возбудить охоты къ занятію въ слушателяхъ, ни быть стимуломъ къ усовершенствованію для преподавателей. Дошло до того, что нѣкоторые преподаватели, забывъ про характеръ университетской науки, умудряются читать по шестнадцать часовъ въ недѣлю: явленіе не бывалое и свидѣтельствующее

о крайнемъ пониженіи уровня университетскаго преподаваніи въ филологіи! (стр. IV). Указывая на чтеніе по шестнадцать часовъ въ недѣлю, и имѣлъ въ виду не кого другаго, какъ г. Зѣлинскаго, читавшаго лекціи въ С.-Петербургскомъ университетѣ сначала въ качествѣ приватъ-доцента, а потомъ въ званіи экстраординарнаго профессора. Намекъ мой былъ понятъ г. Зѣлинскимъ. И вотъ онъ теперь выступилъ съ рецензіей... Какъ же эта рецензія написана?

Она написана въ духѣ, какого и нужно было ожидать отъ нея, и, скажу напередъ, написана человѣкомъ, говорящимъ о предметѣ, съ которымъ онъ еще не имѣлъ возможности освоиться или просто ознакомиться, не только во всей его совокупности, но и въ отдѣльных частяхъ, и потому обо всемъ рассуждающимъ вкривь и вкосъ, не имѣющимъ для вѣрной оцѣнки обсуждаемыхъ явленій нужнаго глазомѣра.

Предварительно замѣтимъ, что рецензія раздѣляется на двѣ части: общую и спеціальную. Въ первой рецензентъ, такъ-сказать, устанавливаетъ свою точку зрѣнія на мою книгу; во второй разбираетъ ее по отдѣльнымъ, имъ самимъ придуманнымъ, рубрикамъ. Въ предисловіи, составляющемъ первую часть рецензіи, дѣлается заявленіе о томъ, что подвергаться разбору будетъ только третій, послѣдній, курсъ моихъ „Лекцій“, а двухъ предшествующихъ будетъ говорить только изрѣдка. Общанія своего рецензентъ однако не выдерживаетъ и говоритъ о первыхъ двухъ курсахъ не меньше, чѣмъ о послѣднемъ.

Въ началѣ своей статьи рецензентъ рассыпается въ похвалахъ мнѣ всякаго рода: говоритъ о томъ, что „русская публика имѣетъ полное основаніе быть признательною“ мнѣ за мой трудъ, что въ особенности должна быть мнѣ благодарна учащаяся молодежь, что „въ настоящее время всѣмъ, желающимъ ознакомиться съ римской литературой, можно будетъ рекомендовать „Лекціи“ г. Модестова“; говоритъ далѣе о томъ, что читатель найдетъ въ моей книгѣ „богатые матеріалы“, хвалитъ меня за живость изложенія, надѣется, что книга, написанная съ любовью къ предмету, будетъ внушать любовь къ тому же предмету и читателямъ. Въ заключеніе дѣлается слѣдующее извлеченіе: „Если это удастся г. Модестову, то будетъ съ его стороны культурной заслугой, передъ которою поблекнуть научныя заслуги самихъ ученыхъ монографій по тому же предмету“ (стр. 180).

Но читатель не долженъ сбиваться съ толку этою похвалою. Ее

рецензентъ расточаетъ автору только для того, чтобы придать себѣ видъ безпристрастія и имѣть право относиться къ столь хвалимому имъ труду тѣмъ съ большимъ злоязычіемъ. Первымъ дѣломъ его рецензіи было высказать сожалѣніе, что я не исправилъ своей книги въ новыхъ изданіяхъ сообразно съ указаніями прежняго моего рецензента, г. Верта. Точь-въ-точь примѣръ изъ басни Крылова. Пою я, видите ли, и живо, и интересно, и хорошимъ голосомъ, да вотъ жаль, что не хочу сообразоваться съ замѣчаніями человека, который, не смотря на свое иностранное происхожденіе и воспитаніе, не смотря на соответственное тому знаніе русскаго языка, училъ меня, какъ слѣдуетъ переводить съ латинскаго не только прозой, но и стихами, и выражаться по русски. Тотъ фактъ, что я замѣчанія г. Верта всѣ до одного оставилъ совершенно безъ вниманія какъ при выходѣ 2-го, такъ и 3-го изданія перваго курса „Лекцій“ (къ которому они собственно относились), мой новый рецензентъ объясняетъ исключительно моимъ „самолюбіемъ“. Это ошибка. Замѣчанія г. Верта были мною на страницахъ этого журнала разобраны отъ перваго до послѣдняго и опровергнуты также отъ перваго до послѣдняго. Я признаю, что, не смотря на ихъ крайне рѣзкій и придирчивый характеръ, вызванный полемическими цѣлями, они обличали въ авторѣ ихъ несомнѣнно лучшую школу филологическаго образованія, тѣмъ какую обличаютъ полемическія замѣчанія г. Зѣлинскаго, но все-таки мнѣ учиться у г. Верта было нечему, а учиться у него русскому языку было бы даже страшно и неразумно.

Но характеръ расточаемыхъ въ началѣ рецензіи похвалъ становится еще виднѣе, когда рецензентъ, высказавъ сожалѣніе о томъ, что для меня наставленія г. Верта пропали даромъ, непосредственно затѣмъ приводитъ изъ моего послѣдняго изданія „Лекцій“ четыре опечатки, ничтожныя и легко исправимыя читателемъ опечатки, и совершенно неожиданно ставитъ по этому поводу передъ собою вопросъ, слѣдуетъ ли меня послѣ этого отнести „къ ученымъ, или къ дилетантамъ“? Вопросъ этотъ, не вызванный никакимъ логическимъ мотивомъ, тѣмъ болѣе, что подавшія къ нему поводъ опечатки призываются за таковыя и самимъ рецензентомъ, тотчасъ же и сопровождается отвѣтомъ, къ которому, какъ видно, авторъ рецензіи неудержимо стремился съ той минуты, какъ только взялся за перо, и для котораго, не взирая на всю свою неподготовленность, взялся за рецензію.

Г. Зѣлинскій не только объявляетъ мой трудъ произведеніемъ дилетанта, но и сопровождаетъ свое рѣшеніе очень милымъ обраше-

ниемъ ко мнѣ. Онъ говоритъ: „Пусть г. Модестовъ открыто объявить себя дилетантомъ,—тогда критика охотно и съ благодарностью отиѣтитъ всѣ достоинства его труда, а къ недостаткамъ отнесется снисходительно, какъ, неизбѣжнымъ въ сочиненіи дилетанта. Тогда разомъ прекратится для него грустное положеніе человѣка, своими же не признаннаго“ (стр. 197).

Дѣлая ко мнѣ такое обращеніе и высказывая свое внутреннее неудовольствіе на меня въ столь оскорбительныхъ выраженіяхъ, г. Зѣлинскій беретъ на себя, какъ всякій видитъ, слишкомъ много. Онъ словно и не подозреваетъ, что за это минутное удовольствіе ему придется не дешево поплатиться. И въ самомъ дѣлѣ, если я въ своей наукѣ дилетантъ, то кто же онъ, г. Зѣлинскій, не представившій по этой наукѣ ни одного труда и литературнымъ образомъ совершенно къ ней не прикосновенный? Если мой трудъ, о которомъ идетъ рѣчь, главный трудъ моей жизни, потребовавшій отъ меня многолѣтнихъ и напряженныхъ усилій, подготовленный или сопровождавшійся рядомъ моихъ специальныхъ работъ и поставившій меня лицомъ къ лицу со всей областью филологической науки, есть трудъ дилетанта, то чтѣ же слѣдуетъ сказать о трудахъ г. Зѣлинскаго? Развѣ это не школьныя упражненія на заданныя темы? Развѣ это, дѣйствительно, не дѣтскія упражненія какъ по замыслу и исполненію, такъ и по своему ученому значенію? Я всегда такъ о нихъ думалъ и высказывался въ частныхъ разговорахъ, но, конечно, никогда не позволилъ бы себѣ высказать этихъ сужденій публично, еслибы не былъ вызванъ задорною выходкою моего рецензента.

Но если выходка о моемъ дилетантизмѣ груба и задорна, то чтѣ сказать о томъ, что г. Зѣлинскій мнѣ приписываетъ „грустное положеніе человѣка, своими же не признаннаго“? По какому праву онъ позволяетъ себѣ дѣлать такое заявленіе? Отъ имени какихъ ученыхъ онъ говоритъ это? Кто это свои, меня не признающіе? Позволю себѣ замѣтить ему, что вѣдь не Бавій и Мевій опредѣляли значеніе *Виргилія*, не *Пантілій*, *Деметрій* и *Тигеллій Гермогенъ*, неотвязчивые порицатели *Горація*, выражали голосъ современниковъ и потомства о поэтическомъ талантѣ *Меценатова* друга, а

Plotius et Varius, Maecenas Virgiliusque.

Г. Зѣлинскій затронулъ вопросъ очень щекотливый для того, чтобы мнѣ можно было о немъ распространяться, но все-таки я въ правѣ сказать, что мои ученые труды оцѣнивались много разъ и въ русской, и въ иностранной печати, людьми очень компетентными и

очень извѣстными: Герлахомъ, Клазономъ, Гавъ, Овидію, Г. Гауптомъ, Помяловскимъ, Цвѣтаевымъ, не говоря о многихъ другихъ, и находили себѣ полное признаніе. И кто же говоритъ о моемъ яко бы грустномъ положеніи челоѣка, не признаннаго своими? Говорятъ челоѣкъ, написавшій нѣсколько ничтожныхъ, никѣмъ не читаемыхъ opuscula, которыя встрѣчены нѣмецкою критикой съ презрительнымъ отрицаніемъ въ нихъ всякаго значенія (достаточно указать на рецензіи Власа (Blass) въ Deutsche Literaturzeitung 1885, Цахера въ Wochenschrift für klass. Philologie 1886 и Любке въ Berl. Phil. Wochenschrift 1886) и не нашли себѣ ровню никакого признанія въ русской наукѣ.

Свою черезчуръ безцеремонную вылазку противъ меня г. Зѣлинскій старается смягчить столь же безцеремоннымъ заявленіемъ, что онъ присоединяетъ къ дилетантамъ Сентъ-Вѣва, Тэна, Марта, къ которымъ дальше (стр. 215) онъ причисляетъ, называя популяризаторами, также Низара и Гастона Буассье. Такимъ образомъ профессора Сорбонны и Collège de France, учрежденій, гдѣ въ теченіе столѣтій находила себѣ пріютъ высшая наука, и члены Академіи подписей, многотомныя изданія которой представляютъ какъ бы живую исторію самой науки, — дилетанты, а люди, написавшіе кое-какъ двѣ сомнительныя диссертациі, — настоящіе ученые? Что жь это такое? Куда же дѣвался смыслъ челоѣческой?

Душевно сожалѣю, что вызывающій тонъ рецензіи заставилъ меня ввязаться въ крайне непріятную полемику и отвѣчать на колкости, отъ которыхъ я считалъ было себя уже избавленнымъ въ ученыхъ преніяхъ. Но мнѣ предстоитъ еще длинная работа. Всѣ тѣ любезности, какія наговорилъ мнѣ г. Зѣлинскій, составляютъ только прелюдію къ его рецензіи.

Но вотъ начинается самая рецензія. Она заключена въ семи главахъ или рубрикахъ, по выраженію рецензента, и растянута болѣе чѣмъ на три съ половиною печатныхъ листа. Нѣтъ никакой возможности отвѣчать на нее шагъ за шагомъ, какъ я дѣлалъ это въ свое время по отношенію къ рецензіи г. Верта. Для этого потребовалось бы написать не менѣе десяти печатныхъ листовъ. По неволѣ приходится остановиться лишь на выдающихся пунктахъ и на нихъ выяснить въ деталяхъ характеръ пріемовъ рецензента.

Въ первой главѣ говорится о „Характеристикахъ цѣлыхъ періодовъ и отраслей литературы“ въ моемъ сочиненіи. Рецензентъ счи-

тасть нужнымъ заявить, что „характеристики вообще составляютъ сильную сторону“ моего труда; но, желая проявить и на этомъ полѣ свою критическую способность, онъ упрекаетъ меня въ томъ, что я при оцѣнкѣ имперіи не воспользовался новыми трудами, при чемъ указываетъ „именно на два труда, будто бы мнѣ оставшіеся неизвѣстными. Какіе же это неизвѣстные мнѣ труды? Это, видите ли, Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms Фридендера и 5-й томъ „Римской исторіи“ Моммзена. Что мнѣ сказать на эту выходку? Удовольствуюсь замѣчаніемъ, что о книгѣ Фридендера, которую; благодаря русскому переводу, читала масса образованныхъ людей въ Россіи, я писалъ отчетъ изъ Берлина въ министерство народнаго просвѣщенія (онъ напечатанъ), какъ только вышелъ первый томъ ея (1862 г.), и затѣмъ указывалъ на нее постоянно въ своихъ статьяхъ и сочиненіяхъ, когда только говорилъ о римской исторіи. Что же касается до 5-го тома „Исторіи“ Моммзена, то я посвящалъ ей двѣ рецензіи тотчасъ по его выходѣ (одну въ Новостяхъ, а другую въ Нови). Сочиненіе Фридендера указывается мною въ „Лекціяхъ“ (стр. 565), какъ книга, которой принадлежитъ „первое мѣсто“ между сочиненіями, рекомендуемыми мною для знакомства съ эпохой, при чемъ упоминается и о русскомъ переводѣ сочиненія. На 5-й томъ „Римской исторіи“ Моммзена я не указываю потому, что онъ, говоря исключительно о провинціяхъ, не имѣетъ прямого отношенія къ политическимъ и общественнымъ условіямъ, подъ влияніемъ которыхъ развивалась литература I столѣтія нашей эры, служащая предметомъ моего 3-го курса „Лекцій“. Г. Зѣлинскій съ упрекомъ указываетъ на то, что я не рекомендую еще исторіи имперіи, написанной Шиллеромъ. Но цитата, которую онъ дѣлаетъ изъ моей книги по поводу моей оцѣнки спеціального сочиненія этого историка-имперіалиста о Неронѣ, полагаю, достаточно объясняетъ, почему я въ числѣ другихъ общихъ сочиненій не счелъ нужнымъ рекомендовать г. Шиллера. Для пущей важности г. Зѣлинскій называетъ его Geschichte der römischen Kaiserzeit почему-то „единственною научною исторіей“. Но онъ ошибается. Трудъ Шиллера вызываетъ очень много возраженій и вообще заставляетъ желать очень многого и въ изложеніи фактовъ, и въ сужденіяхъ. Одно уже его сужденіе о Тацитѣ, который, по его мнѣнію, durchaus parteilich geschrieben, wenn auch nicht absichtlich die Wahrheit gefälscht hat, показываетъ, въ чемъ должна была проявиться научность взглядовъ этого очень посредственнаго историка.

Дальше мы увидимъ, что важнѣйшимъ критеріемъ научности у г. Зѣлинскаго служитъ время выхода книги, такъ что болѣе поздняя книга или изданіе автора у него обыкновенно являются и болѣе авторитетными.

Вторая глава, носящая заглавіе „Характеристика отдѣльныхъ писателей“, начинается также похвалою мнѣ, и похвалою немалою. „Рубрика эта“, пишетъ мой рецензентъ, — „несомнѣнно лучшая изъ семи. Говоря подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ прочитанныхъ имъ произведеній автора, г. Модестовъ даетъ намъ новое изображеніе его личности, его особенностей, какъ чловѣка и писателя“ и т. д. Въ дальнѣйшихъ строкахъ этой главы не мало пустословія, но сколько-нибудь рѣзкихъ выходовъ рецензентъ, противъ своего обыкновенія, здѣсь не дѣлаетъ, хотя и считаетъ себя въ правѣ давать мнѣ совѣтъ относительно соблюденія сдержанности въ отзывахъ о Моммзенѣ. Этими онъ хочетъ сказать, что у меня нѣтъ достаточно сдержанности въ заявленіяхъ объ ученомъ, къ которому я всегда относился съ любовью и полнымъ уваженіемъ, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольно рѣзко расходился съ нимъ въ мнѣніяхъ.

Въ 3-й главѣ — „Пересказъ содержанія отдѣльныхъ сочиненій и переводъ выдержекъ изъ нихъ“ — рецензентъ тоже не прочь высказать мнѣ въ общемъ одобреніе, что доказывается слѣдующею фразой: „Что касается вѣрности передачи содержанія, то она почти во всѣхъ случаяхъ удовлетворительна“ (стр. 205). Но за то въ этой главѣ онъ дѣлаетъ много частныхъ возраженій, большею частью лишенныхъ значенія, но вообще очень придирчивыхъ, и если кое-гдѣ удачныхъ, то нерѣдко грубо ошибочныхъ. Особенно обращаетъ на себя вниманіе придирчивость къ размѣрной правильности моихъ стиховъ, въ какихъ я часто передавалъ стихи подлинника. Такъ, онъ находитъ, что у меня „очень часто (?) естественное удареніе прямо противорѣчитъ размѣру стиха“, и приводитъ въ доказательство четыре гексаметра, изъ которыхъ однако ни одинъ не подтверждаетъ его обвиненія. Вотъ эти стихи:

Какъ это вани умы, что до сихъ норъ такъ вѣрно умѣли
(изъ Эввіа)

Нó сладко намъ сознать, что мы сами избѣгли гѣхъ бѣдствій
(изъ Лукреція)

Вотъ и тебя за Виргиліемъ вслѣдъ, Тибуллъ, несправедливо
(изъ Домитія Марса)

Родъ свой отъ древнихъ вѣсти и на видъ выставлять лица вредковъ
(изъ Ювенала)

Спрашивая: гдѣ же въ этихъ гекзаметрахъ чувствуется насиліе естественному ударенію?

Здѣсь проявляется у рецензента излишняя придирчивость, соединенная съ недостаточнымъ знаніемъ русскаго языка. Но гораздо хуже и непростительнѣе то коварство, съ какимъ онъ во многихъ мѣстахъ мой пересказъ содержанія какъ бы неумышленно выдаетъ за переводъ и, подставивъ къ какому-нибудь слову пересказа текстъ подлинника, находитъ неточность перевода. Но за то г. Зѣлинскій тутъ попадетъ по временамъ въ непріятнѣйшій для себя просакъ. Такъ, подставивъ къ одному изъ моихъ выраженій въ передачѣ содержанія известной сатиры на Клавдія, приписываемой Сенека, *postulat advocatationem*, что соотвѣтствуетъ моему выраженію требуетъ отсрочки (судебной), онъ вдругъ восклицаетъ: „Съ какихъ поръ *advocatio* значить отсрочка?“ Да съ тѣхъ самыхъ поръ, отвѣчу я, съ какихъ образовался въ Римѣ юридическій языкъ. Г. Зѣлинскому неизвѣстно, что значить *postulare advocatationem*, и онъ говоритъ въ объясненіи этихъ словъ такіа вещи, въ которыхъ нѣтъ ровно никакого смысла, между тѣмъ *postulare* или *petere advocatationem* значить именно требовать (судебной) отсрочки, что дѣлалось обыкновенно отвѣтчикомъ или его адвокатомъ, въ видахъ совѣщанія съ друзьями и юристами. Г. Зѣлинскому не зачѣмъ было даже ходить за справками къ юристамъ, а стоило только обратиться къ хорошему словарю. Приведу ему въ поученіе кое-что изъ Форчеллини. *Advocatio . . . item pro mora et dilatione iudicii. Nam qui parum instructi sibi videntur ad respondendum, advocatationem, i. e. advocandi amicos jus petere a iudice solent spatiumque consulendi. Слѣдуютъ примѣры. Такъ, Sen. praef. 3 excerpt. Controv. pr. fin. Tanta illi perturbatio fuit, ut advocatationem peteret. Cic. ad fam. VII, 11: Ego omnibus, unde petitur, hoc consilli dederim, ut a singulis interrogibus binas advocatationes postulent, h. e. (замѣчаетъ Форчеллини) binas dilaciones, и т. д. Мало того, изъ этого юридическаго значенія слова *advocatio* получило и вообще значеніе отсрочки. Нинс (говорится далѣе у Форчеллини) *translate pro quacumque mora sumitur. Такъ, у Сенеки въ Consol. ad Marc. 10: Nimis magnam advocatationem dedi: festinandum est.**

Итакъ, не хорошо выставлять пересказъ своими словами за переводъ, но еще хуже обращаться съ рѣзкими выходками тамъ, гдѣ и для не рѣзкихъ выходокъ нѣтъ никакого основанія. Это замѣчаніе имѣетъ силу и по отношенію къ другимъ возраженіямъ въ этой главѣ;

но останавливаться на нихъ было бы слишкомъ долго и по крайней незначительности самихъ возраженій не стоить.

Главу 4-ю своей рецензіи, озаглавленную „Біографіи писателей“, г. Зѣлинскій начинаетъ такъ: „До сихъ поръ памъ ни разу не пришлось поставить вопросъ объ источникахъ, которыми пользовался г. Модестовъ. Это дѣйствительно представлялось излишнимъ: ясно было, что этими источниками были именно сочиненія древнихъ авторовъ, о которыхъ онъ писалъ“. Прошу читателя замѣтить это заявленіе рецензента: оно намъ можетъ пригодиться.

Вслѣдъ за этимъ, сдѣлавъ заявленіе, что изученія сочиненій самаго древняго писателя мало для того, чтобы написать его біографію, а требуется еще и многое другое, о чемъ мой рецензентъ рассуждаетъ столь же пространно, какъ и пустословно, онъ переходитъ къ вопросу о томъ, какими новыми пособіями (по его терминологіи: источниками) я пользовался для этой цѣли, и находитъ, что я больше всего обязанъ Вэрю, ятѣмъ Тейфелю, но не въ томъ-де его изданіи, которое предпочитаетъ самъ г. Зѣлинскій, и которое однако не принадлежитъ Тейфелю. При этомъ мой великодушный рецензентъ признаетъ, что я „большое количество мѣстъ изъ древнихъ авторовъ, на которыя ссылается Вэръ въ своихъ примѣчаніяхъ, прочелъ самъ въ подлѣпникѣ и внесъ пайдешныя въ нихъ подробности въ свой текстъ“. Далѣе повѣствуется, что я пользовался и специальными трудами о томъ или другомъ писателѣ, введеніями къ ихъ ученымъ изданіямъ и сочиненіями, какъ онъ выражается, „французскихъ популяризаторовъ“, какъ-то: Нивара, Буассье, Марта и др. Къ этому рецензентъ прибавляетъ слѣдующее: „Что касается такъ-называемой текущей литературы, то я, разумѣется, не могу утверждать, чтобы г. Модестовъ не читалъ ея, но во всякомъ случаѣ видимаго вліянія на его вложеніе она не оказала“ (стр. 215). Затѣмъ раздаются обычныя въ этой рецензіи похвалы и порицанія, а въ заключеніе, дѣлаются возраженія, но большею частью такіа мелочныя и придирчивыя и въ то же время такъ мало основательныя, что нѣтъ нужды отвѣчать на нихъ, еслибъ и была охота: вслѣдъ и безъ моего разъясненія можетъ видѣть, что эти возраженія сдѣланы лишь для увеличенія рецензіи. Я считаю пужнымъ только поправить или дополнить рассужденіе рецензента о пособіяхъ, которыми я пользовался какъ при составленіи біографій, такъ и вообще въ продолженіе своего труда.

Я пользовался всѣмъ, что наука съ эпохи возрожденія пред-

ставляла выдающагося въ томъ или другомъ отношеніи, для чего Кіевская университетская бібліотека, при помощи которой я главнымъ образомъ выработалъ свои курсы, давала мнѣ богатныя средства. Къ этому я могу прибавить: все, что только появлялось въ наукѣ стоющаго вниманія на всѣхъ главныхъ языкахъ Европы, мною тотчасъ же въ эту бібліотеку или въ мою частную выписывалось. Конечно, силы человѣка ограниченны, и я, при всей напряженности труда, о которомъ г. Зѣлинскій, читающій лекціи съ утра до вечера, не имѣетъ понятія, не могъ сдѣлать всего, что слѣдовало. Что же касается предшествовавшихъ мнѣ исторій литературы, то рецензентъ дѣлаетъ большую ошибку, начиная ихъ съ Вера. Подъ моими глазами не рѣже, чѣмъ Вержъ, находилась *Bibliotheca latina* Фабриція, служившая для самого Вера капитальнымъ пособіемъ, и многое, что рецензентъ считаетъ заимствованнымъ мною изъ Вера, заимствовано нами изъ того или другаго общаго источника. Поэтому то, что г. Зѣлинскій говоритъ о моей зависимости отъ Вера, есть явное заблужденіе, въ значительной степени умышленное. Вержъ, какъ и Тейфель, какъ и Бернгарди, разумѣется, служили для меня большимъ облегченіемъ въ работѣ своими указаніями на прежніе труды и вообще на научный матеріалъ,—иначе и быть не могло, да и не должно было быть; но что моя исторія литературы есть такой же самостоятельный трудъ, каковы труды моихъ славныхъ предшественниковъ, трудъ, написанный по особому плану, обладающій особымъ характеромъ расположенія, обработки научнаго матеріала и изложенія и независимый по своимъ возрѣніямъ какъ на дѣло вообще, такъ и на массу частныхъ вопросовъ науки, это знаетъ всякій, кто читалъ его или писалъ о немъ, вплоть до рецензій Г. Гаупта, помѣщенной въ *Berl. Philologische Wochenschrift* 26-го октября 1889 г. Да это неволью призналъ и самъ рецензентъ, только что заявившій, что источниками моими были по преимуществу сочиненія древнихъ авторовъ. Но по этому вопросу намъ еще придется объясняться съ рецензентомъ.

Слѣдуетъ глава 5-я—„Ученымъ свѣдѣніи объ отдѣльныхъ сочиненіяхъ“. Въ этой и въ двухъ слѣдующихъ главахъ г. Зѣлинскій сгруппировалъ наиболѣе, какъ онъ думаетъ, сильные обвинительные пункты противъ моей книги. Въ чемъ же онъ меня тутъ обвиняетъ? Вотъ въ чемъ: „Г. Модестовъ отличается полнымъ равнодушіемъ къ тому, что волнуетъ новѣйшую науку. Напрасно мы стали бы искать у него намековъ на вопросы, которые были предметомъ оживленнаго

обсужденія со стороны ученыхъ и спора между ними за послѣднее двадцатилѣтіе" (стр. 222).

Если мой рецензентъ говоритъ правду, то дѣйствительно взводить на меня очень сильное обвиненіе. Но ничего болѣе недобросовѣстнаго и болѣе вызывающаго по отношенію ко мнѣ г. Зѣлинскій не высказалъ. Онъ, который знаетъ о движеніи науки, составляющей мою спеціальность, главнымъ образомъ только то, что вычиталъ въ нѣмецкихъ предисловіяхъ къ *Schulausgaben* латинскихъ авторовъ, считаетъ себя въ правѣ обвинять меня въ томъ, будто я не слѣдилъ за наукой въ теченіе двадцатилѣтія! Возможно ли, мыслимо ли даже преступленіе, мнѣ навязываемое при моихъ немалочисленныхъ работахъ, которыя въ послѣдніа двадцать лѣтъ мною сдѣланы и изданы? Онъ объ этомъ не подумалъ, какъ не подумалъ и о томъ, что утѣрять, будто мое послѣднее изданіе „Лекцій“ есть простоа, „дословная“, но его выраженію, перепечатка прежнихъ изданій, значитъ рисковать быть уличеннымъ въ явной клеветѣ. Въ предисловіи къ своей книгѣ я, пранда, заявилъ, что сущность содержанія, какъ и сущность моихъ личныхъ взглядовъ, остались въ этой книгѣ неизмѣнными. Но какъ же можетъ быть иначе? Вѣдь всякій знаетъ, что сущность науки не можетъ измѣниться не только въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, но даже и въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, какъ всякій, работавшій своимъ умомъ, ученый знаетъ и то, что сущность дичныхъ взглядовъ, выработанная многолѣтнимъ трудомъ и долгимъ размышленіемъ, у людей науки остается также неизмѣнною. Г. Зѣлинскій, который наукой занимался еще мало, а своимъ умомъ работалъ еще меньше, думаетъ, что новая статья въ журналѣ или введеніе къ новому изданію автора должны непременно передѣлывать и взглядъ автора на исторію литературы. По отношенію къ самому г. Зѣлинскому, который еще никакихъ прочныхъ взглядовъ не имѣетъ, такая теорія, можетъ быть, вполне приложима, но по отношенію ко мнѣ она нелѣпа. А между тѣмъ на основаніи этой-то, по истинѣ нелѣпой, теоріи мой рецензентъ и построилъ свое обвиненіе, будто я отпощусь съ полнымъ равнодушіемъ къ движенію науки. Нѣтъ, я не только слѣдилъ за этимъ движеніемъ (какъ ни были неблагоприятны для этого мои обстоятельства въ послѣднее десятилѣтіе), но и отиѣчалъ все, что мало-мальски обращало на себя вниманіе или готовило почву къ дальнѣйшему движенію вопроса. Новые успѣхи италійской діалектологін, открытіе новыхъ надписей древнѣйшаго періода латинской письменности и усилія къ лучшему

пониманію древнихъ памятниковъ латинскаго языка, начиная съ гимна Братъевъ Арвальскихъ, всѣ, обращавшія на себя вниманіе попытки къ обновленію текста латинскихъ поэтовъ до-цицероновскаго времени, новыя отрывки Исторій Саллустія, найденныя въ Орлеанскомъ палимисестѣ въ 1886 г. и изданныя въ 1887, эти и подобныя вопросы, волновавшіе науку съ 1876 года, когда вышло второе изданіе 1-го курса „Лекцій“, во 1888 г., когда вышло послѣднее изданіе, мною отмѣчены и, на сколько нужно, вошли въ самый текстъ моего изложенія. Я не говорю уже о томъ, что всякая новая книга, всякое новое изданіе, представляющія собою движеніе въ научномъ вопросѣ, подлежащемъ вѣдѣнію исторіи римской литературы, мною указаны. То же, что не указано, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, таково, что могло быть пропущено безъ всякаго ущерба для дѣла. Нерѣдко случалось даже, что новая книга, нарочно мною выписанная для своей бібліотеки, какъ интересная по заглавію или по указанію критики, но на самомъ дѣлѣ оказывавшаяся маловажною, не была мною отмѣчаема. Но простаго взгляда на бібліографію моего труда достаточно для того, чтобы видѣть, что ученая литература въ надлежащихъ мѣстахъ указана мною до послѣдняго дня. Трудъ мой вышелъ весной 1888 года, а у меня указаны книги и журнальныя статьи, появившіяся въ свѣтъ не только въ концѣ 1887 г., но и въ первые мѣсяцы 1888 г. (см. напримѣръ, стр. 387, 728, 739, 743). Г. Зѣлинскій нашелъ заявленіе моего предисловія объ обновленіи книги слишкомъ скромнымъ. Я и не хотѣлъ себя приписывать большаго, чѣмъ сколько далъ; но того, что я далъ, отнимать у меня не слѣдуетъ. Между тѣмъ какъ поступаетъ мой рецензентъ? Онъ заявляетъ буквально слѣдующее: „По какому бы вопросу мы ни справились въ книгѣ г. Модестова, мы можемъ быть заравѣе увѣрены, что ничего въ ней не найдемъ“. Что это такое — насмѣшка надъ читателемъ, голосъ безсильной злобы, или упомянутіе?

Выходки, какова только что указанная, лишаютъ рецензію г. Зѣлинскаго всякой серьезности, такъ что отвѣчать на нее становится уже ниже достоинства автора.

Въ главѣ, о которой идетъ рѣчь, есть нѣсколько частныхъ возраженій и замѣчаній. Эти возраженія и замѣчанія, какъ и тѣ, что дѣлались раньше, до того ничтожны по своему содержанію, такъ пусты, мелочны и придирчивы, что отвѣчать на нихъ я не сталъ бы и тогда; еслибъ они и не были уснащены по мѣстамъ самыми раз-

вяными колкостями. Г. Зѣлинскій можетъ быть увѣренъ, что, еслибъ я хоть завтра приступилъ къ новому изданію своихъ „Лекцій“, то нѣтъ всей его рецензіи я не могъ бы воспользоваться и тремя словами для исправленія своей книги. Онъ приписалъ бы это, вѣроятно, моему самолюбію. На самомъ дѣлѣ это было бы просто уваженіе къ достоинству науки и къ человѣческому смыслу.

Самое несносное въ полемикѣ моего рецензента — то, что онъ постоянно говоритъ о вещахъ, которыхъ не знаетъ, или знаетъ о нихъ лишь кое-что, знаетъ случайно, безъ связи съ историческимъ развитіемъ вопроса, знаетъ зачастую лишь изъ какой-нибудь ссылки, встрѣтившейся ему при его поискахъ за возраженіями. Такова, напримеръ, его защита правописанія Вергилій вмѣсто Виргилій, которое я защищаю. Для него Вергилій хорошъ только потому, что у нѣмцевъ въ послѣднюю четверть столѣтія вошло въ большую моду писать Vergilius. Нѣмецкая мода, нѣмецкая манера—это для него заковъ и пророки. Если такъ у большинства нѣмецкихъ филологовъ, то значить, и разсуждать нечего, и этого уже предостаточно, чтобъ имѣть право бросать оскорбленія въ людей, которые имѣютъ свой взглядъ на дѣло и твердо стоятъ на немъ потому, что изучали его во всѣхъ подробностяхъ. Вопросъ о правописаніи имени творца Энеиды выросъ на моихъ глазахъ. Онъ былъ поднятъ въ 1861 году на франкфуртскомъ филологическомъ съѣздѣ, но получилъ особенное развитіе, когда въ дѣло вмѣшались Ричль въ Rhein. Mus. 1867 г. и Корсенъ въ 1-мъ томѣ, 2-го изданія, своего громаднаго труда: Ueber Aussprache, Vocalismus und Betonung der lat. Sprache (Дейпцигъ, 1868). И тотъ, и другой стали на сторону Vergilius, хотя Ричль совсѣмъ не одобрялъ (въ той же самой статьѣ) тѣхъ, которые и по нѣмцки вздумали писать Vergil. Съ тѣхъ поръ правописаніе Vergilius въ Германіи одержало рѣшительную побѣду. А извѣстно, что для нашихъ филологовъ германскія нововведенія равняются предписанію начальства. Я возсталъ противъ внесенія къ намъ латинской формы—Vergilius и тѣмъ паче противъ русской—Вергилій. *Victrix causa diis placuit, sed victa Catoni.* Въ своемъ предисловіи къ 1-курсу „Лекцій“ перваго изданія (1873) я изложилъ положеніе вопроса и, приведши доказательства въ защиту латинской формы Vergilius (важную греческую надпись, правописаніе грамматика Присциана, въ высшей степени авторитетное мнѣніе Шухардта и пр.), требовалъ удержанія по крайней мѣрѣ въ русскомъ языкѣ традиціонной формы Виргилій. Затѣмъ въ предисловіи ко

2-му курсу „Лекцій“ (1875) я подынял этотъ вопросъ снова и, приведши въ дополненіе къ прежнимъ доказательствамъ новыя соображенія, просилъ нашихъ учителей о сохраненіи Виргилія. Не оставилъ я этотъ вопросъ безъ вниманія и въ новомъ изданіи „Лекцій“. Я представилъ, такимъ образомъ, несомнѣннымъ доказательства, что этотъ вопросъ мной изученъ и имѣ близокъ. А что знаетъ о немъ г. Эйлинскій? Онъ знаетъ только то, что большинство нѣмецкихъ филологовъ ищетъ теперь Vergiliusъ и Vergil, и что имъ слѣдуютъ одинъ французъ, одинъ италіанецъ, два англичанина и два чеха. Онъ знаетъ еще — и это уже верхъ его премудрости въ данномъ вопросѣ—примѣчаніе Тейфеля въ параграфѣ 224,2 его Исторіи римской литературы, гдѣ между прочимъ сказано: „das früheste datirbare Beispiel für Virg. ist aus S. V n. Chr.“. И этихъ-то поверхностныхъ и жалкихъ знаній для него достаточно, чтобы грубо наброситься на мнѣе чловѣка, который изучалъ вопросъ въ его основаніи и болѣе двадцати-пяти лѣтъ слѣдитъ за его движеніемъ.

Послѣ подобныхъ, ничего не стоящихъ возраженій, мой рецензентъ приходитъ къ такому заключенію: „эта рубрика (то-есть, ученныя свѣдѣнія объ отдѣльныхъ сочиненіяхъ) самая неудовлетворительная до сихъ поръ“. Хороша критика, но хороша и логика!

Новая глава (6-я): „Критика текста“. Критикой текста въ исторіяхъ литературы, какъ извѣстно, не занимаются, но тамъ указываются важнѣйшія рукописи, въ которыхъ текстъ того или другаго писателя дошелъ, и важнѣйшія изданія, въ которыхъ онъ печатался. Въ моей книгѣ обыкновенно указывается то и другое. Что касается печатныхъ изданій, то, имѣя въ виду указать своимъ слушателямъ на исторію текста древняго автора, я обыкновенно начиналъ съ editio princeps, то-есть, съ перваго по времени изданія, а затѣмъ указывалъ на тѣ изъ послѣдующихъ изданій, которыя въ исторіи текста или въ объясненіи автора представляли новую ступень, и доводилъ этотъ перечень до послѣдняго критическаго изданія. Рядомъ съ этимъ я обращалъ вниманіе на изданія, богатые комментаріями, какъ старинныя, такъ и новыя, и для чисто практическихъ цѣлей студентовъ указывалъ имъ также на лучшія школьныя изданія нѣмецкія, французскія, англійскія и даже русскія, если таковыя по какому-нибудь автору имѣются и не очень плохи. Что же дѣлаетъ г. Эйлинскій? Онъ безъ всякой церемоніи заявляетъ, что мои обзорныя критическія изданія перешли въ новое изданіе „Лекцій“ „безъ всякихъ измѣненій“. Я приглашаю читателя только взглянуть въ мою часть сохвн., отд. 2.

книгу, чтобъ увидѣть, какая масса указываетъ въ ней новѣйшихъ изданій, и именно изданій восьмидесятыхъ годовъ вплоть до 1888 (времени выхода „Лекцій“), тогда какъ предшествовавшее изданіе 1-го курса „Лекцій“ относится къ 1876, а 2-го—къ 1875 г. Рѣшительно не понимаю, къ чему г. Зѣлинскому требовалось такое отважное извращеніе истины, и это тѣмъ не понятнѣе, что читатель, къ которому обращена рецензія, имѣетъ возможность каждую минуту убѣдиться, что онъ имѣетъ дѣло съ явной и систематическою клеветой на автора. Всѣ детальныя разсужденія рецензента, исказшаго возможности придратъ къ какому-нибудь библиографическому пропуску въ моей книгѣ, оставляю безъ вниманія. Не было бы ничего страннаго въ томъ, еслибъ я въ книгѣ, гдѣ библиографическія указанія считаются многими сотнями, пропустилъ указаніе на какую-либо рукопись или печатное изданіе, на которыя, быть можетъ, лучше было бы указать, чѣмъ не указать; но полагаю, что и того, что мною указано, болѣе, чѣмъ достаточно. Не нужно забывать, что книга моя—не монографія, а исторія всей римской литературы. Помѣщать же въ нее свѣдѣнія, какія г. Зѣлинскій въ данномъ случаѣ беретъ на прокатъ изъ предисловія къ изданіямъ отдѣльныхъ авторовъ, было бы не только неумѣстнымъ, но и чудовищнымъ дѣломъ.

Я подошелъ, наконецъ, къ послѣдней главѣ рецензіи, носящей названіе: „Библиографія“. Опять, значить, рѣчь о библиографіи. На пустословіе, которымъ наполнена эта глава, я уже отчасти отвѣтилъ въ разныхъ мѣстахъ своего отвѣта. Г. Зѣлинскій старается увѣрить своихъ читателей, что значительная часть или, какъ онъ выражается, отъ трети до половины сообщаемыхъ мною библиографическихъ данныхъ заимствованы мною изъ Вара. Я уже говорилъ о своемъ отношеніи къ моимъ предшественникамъ по исторіи римской литературы и заявлялъ, что Варъ, Тейфель и Беригарди, равно какъ Фабрицій, ихъ общій источникъ, дали мнѣ не мало библиографическихъ указаній, но говорить, что Варъ оказалъ мнѣ больше услугъ, чѣмъ, напримѣръ, Тейфель, значить говорить, что вздумается. Несомнѣнно однако то, что огромная часть моей библиографіи добыта мною самимъ черезъ непосредственное знакомство съ книгами, диссертациями и статьями въ спеціальныхъ журналахъ нѣмецкихъ, французскихъ, италянскихъ и англійскихъ (отчасти и американскихъ). Этого непосредственнаго знакомства съ ученою литературой, вполне осязательнаго для каждаго, знакомаго съ моимъ трудомъ, не отвергаетъ и самъ рецензентъ; но ему хочется увѣрить своихъ читателей, что я гораздо болѣе знакомъ со старыми книгами, чѣмъ съ новыми.

„Гораздо лучше известны ему“, говорит онъ, — „старыя изданія авторовъ, словарь Baylus'a (онъ такъ называетъ знаменитый Dictionnaire historique et critique знаменитаго скептика Бэля—Bayle!) и т. п. Вотъ почему отъ его разсужденій такъ отзывается старинной; новыхъ вопросовъ онъ совсѣмъ не касается; старыя, давно рѣшенныя, обсуждаетъ вновь; въ такихъ пунктахъ, по которымъ существуютъ новыя изслѣдованія, ссылается на ученыхъ XVII и XVIII вѣковъ и даже на гуманистовъ и т. д.“ (стр. 254).

Мѣсто это очень характеристично. Оно превосходно раскрываетъ, съ какого рода ученыхъ я имѣю дѣло. Г. Зѣлинскій полагаетъ, что если существуютъ новыя изслѣдованія, то на старыя можно махнуть рукой. Нечего сказать, хороша была бы моя исторія римской литературы, еслибъ я держался такой, по истинѣ ребяческой, теоріи! А что такое новое изслѣдованіе безъ старыхъ? Тому, кто наукой занимался серьезно, хорошо известно, что въ массѣ случаевъ новыя изслѣдованія суть только пережевыванія старыхъ, но съ тою разницею, что старыя написаны съ большимъ умомъ и съ самымъ сочнымъ знаніемъ, а въ новыхъ мы зачастую встрѣчаемъ умъ мелкій и ограниченный, знаніе сухое и, въ добавокъ, поверхностное. Вотъ тотъ самый Бэль, котораго г. Зѣлинскій называетъ Baylus, представляетъ такую сокровищницу знаній, изъ которой сотни гелертеровъ черпали полными горстями и черпаютъ до сихъ поръ, не считая только нужнымъ упомянуть этого. Въ моихъ правилахъ—поступать иначе, и потому я его упоминаю. Г. Зѣлинскій сослался бы, конечно, на того, кто обобралъ Бэля, Сомиза, Кавобона, Липсиа и т. д., да и назвалъ бы, пожалуй еще, трудъ его капитальнымъ; я же считаю дѣломъ добросовѣстнаго ученаго указывать на источники, а не на плагіатора. Да кромѣ того, какъ профессоръ, я долженъ былъ знакомить своихъ слушателей съ историческимъ развитіемъ научныхъ вопросовъ, а не набивать имъ головы измышленіями такихъ филологовъ, сочиненія которыхъ, не смотря на ихъ новизну, не даютъ ничего, кромѣ убѣжденія въ томъ, что филологическая наука уже пережила свои лучшія времена и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе впадаетъ въ александризмъ, подрывающій вѣру въ ея дальнѣйшую жизненность. Въ наукѣ надо умиѣть отдавать каждому свое. А кто въ нашей наукѣ заслуживаетъ большей чести, чѣмъ великіе филологи XVI и XVII столѣтій, эти Скалгеры, Сомэзы, Кавобоны, передъ которыми преклонялись Нибурны и Вольфы, но которыхъ не хотятъ знать нынѣшніе борзописцы?

Но это все-таки грубая несправедливость приписывать мнѣ знакомство, только съ старинною литературой. Мнѣ нѣтъ нужды

увѣрять знакомаго съ моею книгой читателя, что масса моихъ библиографическихъ указаній очень велика, и эти указанія, очень часто сопровождаемыя оцѣнкой трудовъ и нерѣдко выписками относящихся къ дѣлу мѣстъ, доходить по своей новизнѣ дѣйствительно до послѣдняго дня. Да и самъ г. Зѣлинскій, забывъ о томъ, что не разъ отрицалъ существованіе въ моей книгѣ новѣйшей литературы, вдругъ замѣчаетъ: „Около половины всѣхъ ссылокъ состоитъ изъ голыхъ заглавій книгъ и статей семидесятихъ и восьмидесятихъ годовъ, всегда съ обозначеніемъ года и мѣста ихъ изданія, какъ замѣчаетъ самъ авторъ въ предисловіи (стр. II), нрѣдка съ прибавленіемъ *epitheton ornans* въ родѣ солидный трудъ, превосходное изданіе и т. п.“. Такимъ образомъ выходитъ, наконецъ, и по признанію самого рецензента, что въ моей книгѣ указывается огромная учебная литература семидесятихъ и восьмидесятихъ годовъ (читатель помнитъ, что г. Зѣлинскій отрицалъ у меня всякій намекъ на движеніе науки за послѣднее двадцатилѣтіе). Но теперь ему хочется выставить дѣло такъ, что я здѣсь указываю книги, которыхъ не видалъ. Доказательства, которыя мой рецензентъ приводитъ въ подтвержденіе своей клеветы, до того сумбурны, что неприлично на нихъ и останавливаться. Сюда у него идетъ и то, если я, указавъ отдѣльныя статьи учебнаго, указываю затѣмъ и сборники, въ который онѣ вошли; сюда идетъ и то, если у меня въ новомъ изданіи опечатка противъ прежняго изданія, и то, если указываемая статья или книга противорѣчатъ тѣмъ взглядамъ о предметѣ, которыхъ я держусь лично (значить, я долженъ былъ скрывать книги съ противоположными мнѣ взглядами?), и то, если я, указавъ важное сочиненіе, не указываю другихъ, за нимъ слѣдовавшихъ, о которыхъ моему рецензенту удалось получить свѣдѣніе изъ *Jahresbericht*, какъ онъ самъ объ этомъ заявляетъ, и еще что-то, чего я и понять не могу, какъ аргумента противъ меня, а не противъ самого рецензента. Впрочемъ, о своемъ отношеніи къ библиографіи послѣднихъ лѣтъ я высказался въ предисловіи къ своей книгѣ до того ясно и категорично, что если веду теперь рѣчь объ этомъ предметѣ, то только благодаря неукротимому задору моего рецензента.

Въ заключеніе рецензентъ даетъ мнѣ совѣтъ, какой отдѣлъ въ своей книгѣ, при слѣдующемъ изданіи, я долженъ оставить неприкосновеннымъ, какой подвергнуть исправленію, какой сократить и какой, наконецъ, совсѣмъ выпустить.

Давать совѣты, когда ихъ не просятъ, вообще есть дѣло дурнаго тона, но обыкновенно считается верхомъ неприличія, когда навязываютъ

вается съ своими совѣтами тотъ, кто давать ихъ не имѣеть права. Я, хотя и гораздо старше г. Зѣлинскаго и гораздо больше его работалъ, ни за что не сталъ бы обращаться къ нему съ совѣтами. А еслибъ онъ обратился ко мнѣ за ними, то я посовѣтывалъ бы ему недурныя вещи. Я посовѣтывалъ бы прежде всего имѣть побольше скромности, которая обязательна для всякаго ученаго, а для начинающаго тѣмъ паче; я посовѣтывалъ бы ему прежде, чѣмъ выступать съ полемикой противъ другихъ, поработать, побольше освоиться съ наукой, ближе узнать ея прошлое, отъ котораго до насъ дошло столько первоклассныхъ сочиненій, такихъ сочиненій, гдѣ несравненно шире кругозоръ, глубже взглядъ, непосредственнѣе знаніе, выработанныѣ и яснѣе языкъ, чѣмъ въ массѣ филологическихъ сочиненій нашего времени. Я посовѣтывалъ бы ему, дажѣ, не считать учеными только такія книги, которыя написаны сухо и трудно читаются, и не относиться ко всякой ясно и хорошимъ языкомъ написанной книгѣ, какъ къ книгѣ, написанной дилетантомъ или популяризаторомъ. Ученые, какъ Марта и Гастонъ Буассе, пишутъ такъ, какъ должны писаться книги, и какъ онѣ будутъ писаться и въ Германіи, когда она достигнетъ высоты и утонченности французской культуры. До сего времени такъ писали въ Германіи только самые выдающіеся филологи, какъ Отфридъ Мюллеръ въ прежнее время, а теперь Моммзенъ, еще пожалуй Риббекъ. Во Франціи и въ Англии такъ пишутъ или стараются писать всѣ,—иначе въ этихъ странахъ высшей европейской культуры книга не находитъ читателей. Это не значитъ, что люди, пишущіе ясно и изящно, меньше знаютъ, чѣмъ тѣ, которые пишутъ цѣлую жизнь, никѣмъ не читаемые, а значитъ только, что у нихъ шире кругозоръ, тоньше умъ, развитѣе вкусъ, сильнѣе пониманіе. У насъ въ Россіи умные ученые книги, слава Богу, тоже пишутся не на нѣмецкій манеръ. Нашъ умъ хотя и меньше культивированъ, чѣмъ умъ западныхъ народовъ, но у насъ несомнѣнно есть и здравый смыслъ, и природный вкусъ, не выносящій ни призрачной школьнической учености, ни грубой заносчивости въ людяхъ, разсуждающихъ о наукѣ, хотя бы они обладали премудростью всѣхъ латинскихъ и греческихъ грамматикъ.

Два слова въ заключеніе.

Г. Зѣлинскій придаетъ своей рецензій, по видимому, не малое значеніе. Такиій урокъ, данный ему, нѣсколько лѣтъ назадъ, уже упомянутыми нѣмецкими филологами (г. Зѣлинскій издаетъ свои труды по нѣмецки или по латыни), Власомъ, Цахеромъ и Лубке,

не принесъ ему пользы. Буквально разбитый рецензіей такого компетентнаго лица, каковъ берлинскій профессоръ Власъ, онъ въ отвѣтъ ему, сдѣлавъ очень жалкую мину, прежде всего наираетъ на свою молодость, которая, по его мнѣнію, должна была бы защитить его отъ слишкомъ суроваго приговора. Съ тѣхъ поръ прошло три года. Г. Зѣлинскій сдѣлался старше, но съ годами не приобрѣлъ солидности. Отвергнутый нѣмецкою наукою, къ которой онъ хотѣлъ примкнуть, онъ теперь пробуетъ пристать къ русской наукѣ. Но путь, который онъ избралъ для этого, едва ли упрочить тутъ его права гражданства. Неумѣстныя претензіи, задоръ и поверхностное знаніе у насъ также мало дѣйствительны, какъ въ Германіи. Къ тому же г. Зѣлинскому не достаетъ для того, чтобы быть русскимъ ученымъ, факультетскаго образованія. Отсутствіемъ этого послѣдняго въ моемъ рецензентѣ объясняется и та крайняя поверхность въ обсужденіи научныхъ вопросовъ, которую онъ привелъ въ негодование нѣмецкихъ ученыхъ, и этотъ неумѣстный и ничѣмъ не оправдываемый задоръ, которому мы теперь сдѣлались свидѣтелями. Отсутствіемъ правильнаго факультетскаго образованія объясняется и его непониманіе той простой и всякому изъ насъ понятной вещи, что университетъ и гимназія—не одно и то же, непониманіе, весьма не отрадно для насъ сказавшееся въ томъ, что, одна оставивъ школьную скамью, онъ сталъ читать по шестнадцать часовъ въ недѣлю въ университетѣ. Убѣжденный, что филологъ не можетъ читать такого количества лекцій безъ замѣтнаго пониженія уровня преподаванія даже въ томъ случаѣ, еслибы онъ обладалъ знаніями Нибура, я взялъ на себя смѣлость отиѣтить этотъ фактъ въ предисловіи къ своей книгѣ, какъ фактъ очень печальный. Г. Зѣлинскій думаетъ иначе; но русская ученая среда не даромъ сторонится отъ такихъ филологовъ.

В. Модестовъ.

Книжныя новости.

Представительство сельско-хозяйственныхъ интересовъ и мѣстные органы управленія сельскаго хозяйства. *П. И. Исакова.* С.-Пб. 1889.—Брошюра г. Исакова посвящена очень важному и для настоящаго времени особенно интересному вопросу. Громадныя жертвы, принесенныя государствомъ для поданія сельскаго хозяйства на земляхъ частныхъ владѣльцовъ, не привела, какъ вѣдано, къ ожидавшимся результатамъ: выкупныя ссуды, дешевый государственный кредитъ, или, вѣрнѣе, пособіе, запретительныя ввозныя пошлины, поощреніе крупнаго винокуренія, регулированіе желѣзнодорожныхъ тарифовъ и тому подобныя мѣры не способствовали развитію частновладѣльческаго сельскаго хозяйства, которое остается

въ существенныхъ основашихъ такихъ же, какъ и при крѣпостномъ правѣ. Одни говорятъ, что имѣть ово и быть не можетъ, въ виду отсутствія сбыта для продуктовъ плодотворительной системы, низкой цѣны хлѣба, не окулающей затратъ на улучшенія въ сельскохозяйственной техникѣ; другіе идутъ еще дальше, утверждая, что вообще предпринимательное, крупное хозяйство у насъ не мыслимо, какъ по отсутствію во владѣльцахъ нужныхъ для того качествъ, такъ и по обще-экономическимъ причинамъ, и что у насъ держаться можетъ лишь одно малое хозяйство, гдѣ въпросъ о прибыляхъ имѣетъ второстепенное значеніе. Г. Исакъ не разделяетъ этихъ взглядовъ и видитъ причину отсталости нашихъ хозяевъ въ ихъ разрозненности, въ недостаткѣ общенія между ними и въ отсутствіи руководящаго плана въ общей сельскохозяйственной дѣятельности Россіи. Обзоръ нѣе западныхъ странъ съ этой стороны показываетъ дѣйствительно, что въ этомъ отношеніи наши сельскіе хозяева занимаютъ послѣднее мѣсто. Во Франціи въ настоящее время существуетъ 302 сельскохозяйственныхъ общества и 615 коммунъ—малыхъ деревенскихъ сельскохозяйственныхъ обществъ, состоящихъ преимущественно изъ крестьянъ, въ Бельгіи 117 коммунъ, въ Цислейтанской Австріи насчитывается 970 общественныхъ центровъ, посвящающихъ свою дѣятельность сельскому хозяйству вообще и отдѣльнымъ его отраслямъ, въ Пруссіи, Саксоніи и Баваріи, кромѣ мѣстныхъ обществъ, существуютъ еще и центральные органы сельскохозяйственныхъ союзовъ. Авторъ почему-то не касается Англіи. Наибольшее развитіе сельскохозяйственныхъ обществъ получили въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ ихъ насчитывается въ настоящее время до 2000. Что касается Россіи, то у насъ почти отсутствуетъ коллективное обсужденіе сельскохозяйственныхъ интересовъ. Даже включая 41 общество Остзейскаго края, жилищаго особою жизнью, въ концѣ 1888 года въ Россіи было всего 104 самостоятельныхъ обществъ и 40 отдѣловъ ихъ. Притомъ большая часть губернскихъ и уѣздныхъ обществъ существуютъ только на бумагѣ: въ 1879 году были доставлены министерству государственныхъ имуществъ свѣдѣнія о дѣятельности только 24 обществъ; тоже и въ 1884 году. Сношенія этихъ обществъ съ центральнымъ ведомствомъ сельскаго хозяйства ограничиваются однимъ доставленіемъ отчетовъ. Кромѣ обществъ, у насъ существуютъ еще временныя собранія хозяевъ—сельскохозяйственные съѣзды, мѣстные и общіе. Наибольшее число этихъ съѣздовъ приходится на 1871—1876 гг.; съ начала же 80-хъ годовъ они почти совсѣмъ перестали собираться. Главнѣйшею причиною этого явленія авторъ считаетъ издавіе, 30-го мая 1880 года, положенія объ окружныхъ и центральныхъ сельскохозяйственныхъ съѣздахъ, со введеніемъ котораго дѣйствіе прежнихъ съѣздовъ было приостановлено. Съѣзды эти, въ составъ которыхъ должны были входить представители администраціи и сельскохозяйственныхъ обществъ, однакожъ успѣха не имѣли: изъ 12 съѣздовъ, которые должны были собираться въ 1880 году, въ дѣйствительности собрались только 8. Надежды на сближеніе съ хозяевами также не осуществились, такъ, въ съѣздахъ принимало участіе не болѣе $\frac{1}{3}$ того числа лицъ, изъ которыхъ они должны были состоять. Общій съѣздъ, въ виду неудачи окружныхъ, созванъ не былъ, и затѣмъ въ 1881 году было совсѣмъ приостановлено дѣйствіе правилъ 1880 года. Неудача бывшихъ съѣздовъ и обществъ не лишаетъ однакожъ автора надежды на возможность ихъ развитія. Наиболѣе пригодною формою общенія сельскихъ хозяевъ онъ считаетъ уѣздные съѣзды. Ихъ развитію мѣшало, по его мнѣнію, отсутствіе общей руководящей

мысли и взаимной связи между ними. Въ видахъ устранения этихъ недостатковъ г. Исавовъ предлагаетъ программу занятій уѣздныхъ съѣздовъ. Кромя уѣздныхъ, должны существовать еще губернскіе сельскохозяйственные центры, которые должны объединять уѣздные и служить представителями общихъ нуждъ и потребностей сельскаго хозяйства въ губерніяхъ. Наконецъ, при министерствѣ государственныхъ имуществъ долженъ быть организованъ, по образцу прусской сельскохозяйственной коллегіи, сельскохозяйственный совѣтъ, проектомъ будущаго положенія о которомъ г. Исавовъ и заканчиваетъ свою брошюру. По проекту его, совѣтъ является постояннымъ, органически связаннымъ съ министерствомъ учрежденіемъ, представляющимъ ходатайства, дающимъ заключеніе о сельскохозяйственныхъ мѣропріятіяхъ, пользующимся правомъ инициативы по всѣмъ сельскохозяйственнымъ вопросамъ и состоящимъ въ преобладающемъ большинствѣ изъ свободно выбранныхъ представителей мѣстныхъ обществъ. Авторъ полагаетъ, что централизація интересовъ сельскаго хозяйства окажетъ значительное вліяніе на развитіе сельскаго хозяйства. Въ сожалѣнію, въ виду прежнихъ опытовъ, трудно раздѣлять такіа надежды. Громадное большинство частновладѣльческихъ земель, именно около 85%, эксплуатируются не владѣльцами, а сдаются въ аренду крестьянамъ, и большая часть владѣльцевъ никакой сельскохозяйственной дѣятельности не причастна; а гдѣ нѣтъ мѣстной дѣятельности, что же тамъ объединять?

— Въ теченіе декабря мѣсяца, въ редакцію Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія поступили еще слѣдующія книги:

Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. XI—XVII. Академика А. Н. Веселовскаго. Выпускъ пятый. С.-Пб. 1889.

Указатели къ первому, второму и третьему выпускамъ Выпековъ Мнѣй Чтимихъ, собранныхъ Всероссійскимъ митрополитомъ Макаріемъ Сентябрь. С.-Пб. 1889. (Изданіе археографической комиссіи).

Указатели, дополненія и примѣчанія къ VII тому Русской Исторической Библютеки. С.-Пб. 1889. (Изданіе археографической комиссіи).

В. Д. Смирновъ. Крымское ханство подъ верховенствомъ Османской Порты въ XVIII столѣтіи. Одесса. 1889.

Въ вациту Богдана Хмельницкаго. Сочиненіе Геннадія Елрлова. Историко-критическія объясненія по поводу сочиненія П. А. Кулиша „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“. М. 1890.

Сборникъ политическихъ экономическихъ статей Н. Я. Данилевскаго. Изданіе Н. Страхова. С.-Пб. 1890.

Отчетъ о научныхъ занятіяхъ за границею въ лѣтнее вакаціонное время 1889. г. Орд. проф. Императорскаго Варшавскаго университета І. Переволфа. Варшава. 1889.

Общій очеркъ состоянія народныхъ училищъ Таврической губерніи за 1888 г. Составленъ директоромъ народныхъ училищъ А. Дьяконовымъ. Бердянскъ. 1889.

О НАЧАЛАХЪ РУССКАГО ВОСПИТАНІЯ ¹⁾.

Мм. гг! Одна изъ главнѣйшихъ обязанностей просвѣщеннаго чело-
вѣка есть вниманіе къ общественному воспитанію: ибо отъ его на-
правленія весьма много зависить образъ мыслей и нравственность
будущихъ поколѣній, а съ тѣмъ вмѣстѣ и весь будущій ходъ народ-
ной жизни. Кто способенъ отвлекаться отъ вліянія текущихъ обсто-
ятельствъ и смотрѣть на настоящее въ связи съ прошедшимъ и бу-
дущимъ; кто притомъ, по любви къ отечеству, его потребности вклю-
чаетъ въ число своихъ собственныхъ нуждъ: тотъ, безъ сомнѣнія, не
можетъ остаться равнодушнымъ къ ходу народнаго образованія и не
рѣшится сложить съ себя всѣ заботы о немъ, предоставивъ ихъ исклю-
чительно тѣмъ, кому оно поручено правительствомъ; тому, вмѣстѣ съ
съ важною этого дѣла, откроется и трудность, и многосложность
его; тотъ пойметъ, что вести его съ успѣхомъ и уберечь отъ вред-
ныхъ вліяній можетъ только дружное и согласное дѣйствіе воспита-
телей и общества. И потому не удивляюсь, мм. гг., что вы такъ
благоклонно приняли приглашеніе нашей гимназій и поспѣшили къ
намъ, хотя, безъ сомнѣнія, знали напередъ, что за трудъ своего по-

¹⁾ Эта рѣчь была сказана 8-го октября 1854 года на актѣ первой Москов-
ской гимназій преподавателемъ русскаго языка и словесности Т. И. Филиппо-
вымъ, нынѣ государственнымъ контролеромъ. Въ свое время она была напеча-
тана въ брошюрѣ, никогда не поступавшей въ продажу, подъ заглавіемъ: Отчетъ
о состояніи 1-й Московской гимназій и рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ
собраніи 1-й Московской гимназій и рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ
собраніи 1-й Московской гимназій 8-го октября (М. 1854), и перепечатывается нынѣ, какъ
полезный по основательности соображеній матеріалъ при обсужденіи вопроса о
преподаваніи русскаго языка и словесности въ гимназійхъ, изложенный притомъ
образцовымъ слогомъ.

сѣщенія вы будете вознаграждены лишь ощущеніемъ исполненнаго долга. Но какъ свойственно было вамъ, во исполненіе своихъ обязанностей къ просвѣщенію, почтить насъ своимъ присутствіемъ, такъ еще свойственнѣе намъ на такое высокое вниманіе ваше отвѣчать глубочайшею благодарностью. Считаю себя счастливымъ, что вслѣдъ за достойнымъ начальникомъ нашимъ и я имѣю возможность выразить вамъ чувства нашей признательности и увѣрить васъ, что ободренные вашимъ сочувствіемъ къ нашимъ занятіямъ, мы обратимся къ нимъ съ большою надеждою на успѣхъ и съ новою ровностью, чтобы тѣмъ оправдать и милости, вновь оказанныя намъ правительствомъ, и ваше вниманіе, и довѣріе къ намъ общества, свидѣтельствуемое числомъ нашихъ воспитанниковъ.

И если попеченіе объ общественномъ воспитаніи въ такое время составляетъ долгъ просвѣщеннаго члена общества, то въ настоящее время не дѣлается ли этотъ долгъ обязательнѣе, нежели когда-либо прежде? Западная образованность, за которую мы такъ рѣшительно слѣдовали въ дѣлѣ знаній, искусствъ и общежитія, въ наше время выразила себя въ такихъ печальныхъ явленіяхъ, которыя объ самомъ существѣ ея даютъ весьма невыгодное понятіе. Лучшие представители нашей словесности уже издавна съ замѣчательною провицательностью и предусмотрительностью старались обратить вниманіе общества на существенные недостатки западнаго просвѣщенія и на различіе его началъ отъ основныхъ началъ просвѣщенія русскаго; но привычка относиться къ западу съ безотчетнымъ уваженіемъ, воспитанная въ насъ его полуторавѣковымъ вліаніемъ, мѣшала рѣшительности нашего сужденія, такъ что ясныя, какъ день, доказательства и мнѣнія казались намъ сомнительными предубѣжденіями въ пользу своего. Наконецъ, послѣднія событія сильнѣе и рѣшительнѣе всякихъ разсужденій раскрыли намъ глаза на самихъ себя и на западъ и, можно сказать, устыдили медленность нашего мышленія и наше равнодушіе къ своей народной сущности. Мы много употребили усилій для того, чтобы въ дѣлахъ внѣшней мудрости сравняться съ западомъ. Опасаться за распространеніе въ нашемъ отечествѣ нужныхъ знаній нельзя: за будущее успѣхи нашего народнаго образованія ручается съ избыткомъ и постоянная заботливость объ немъ правительства, и развитая уже любозпательность общества. Намъ теперь должно подумать о другомъ: какъ бы привести въ ясность наши неопредѣленные отношенія къ европейскому просвѣщенію, какъ отдѣлить въ немъ нужное и полезное для насъ отъ того, чего намъ должно избѣгать,

какъ лишняго и даже вреднаго. Нужно, наконецъ, привести во всеобщее сознаніе то, что насъ отдѣляетъ отъ запада и что составляетъ основныя начала нашей самобытной жизни, и потомъ, приведя эти начала въ живое сознаніе, поставить ихъ краеугольнымъ камнемъ русскаго воспитанія.

Въ воспитаніи усматриваются двѣ дѣли, тѣсно между собою связанныя: первая имѣетъ въ виду развитіе общихъ человѣческихъ свойствъ независимо отъ случайныхъ условій, вторая достигается примѣненіемъ общихъ началъ воспитанія къ историческимъ условіямъ: первая имѣетъ въ виду человѣка, вторая гражданина. Въ первомъ случаѣ основаніемъ дѣлу служить религія: она воспитываетъ въ насъ тѣ вѣчныя, всеобщія стихіи духа, которыя необходимы всякому человѣку безъ различія мѣста, времени и народности. Хотя она собственно приготовляетъ насъ къ жизни, ожидающей человѣка по ту сторону гроба, но тѣмъ не менѣе въ ней находится единственное руководство и для нашего земнаго пути: ибо только тотъ способенъ пройти безпреткновенно нуть земной жизни, кто видитъ въ ней приготовленіе къ вѣчности, а не заключаетъ въ ея тѣсныя предѣлы всѣхъ своихъ ожиданій. Науки и искусства суть цвѣты человѣческой дѣятельности; онѣ не только украшаютъ и услаждаютъ нашу жизнь, но и составляютъ существенную ея принадлежность, безъ коей нѣтъ полноты жизни; однако, благо человѣку и народу, который въ составѣ своей жизни отводитъ имъ принадлежащее имъ мѣсто и не теряетъ изъ виду ихъ отношенія къ высшей духовной дѣятельности человѣка—религіозной. Въ противномъ случаѣ изъ орудій блага онѣ становятся источникомъ частнаго и общаго зла, разрушаютъ внутренній міръ человѣка и благосостояніе общества.

Мы знаемъ, что западъ стоитъ во главѣ человѣчества въ дѣлѣхъ знаній и искусствъ, однако замѣчаемъ тамъ крайнее смущеніе совѣсти въ отдѣльныхъ лицахъ и страшное колебаніе всѣхъ общественныхъ основъ въ государствахъ. Причины тому очевидны. Оторвавшись отъ истинныхъ началъ жизни, проповѣданныхъ Евангеліемъ, западный человѣкъ ищетъ для нея новыхъ основаній и, разумѣется, не находитъ: ибо ихъ нѣтъ. Все, что бы ни создалъ человѣкъ самъ отъ себя въ замѣплъ отвергнутой имъ истины, все будетъ ложь: до истинныхъ законовъ человѣческаго естества не можетъ возвыситься наше поврежденное умствованіе,—они открыты только божественному вѣдѣнію. Итакъ, въ основаніе русскаго воспитанія должно положить ученіе христіанское: оно одно можетъ указать человѣку, въ чемъ

состоитъ истинное просвѣщеніе, истинная добродѣтель и истинное счастье; безъ него онъ нигдѣ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть ни счастливъ самъ, ни полезевъ другимъ.

Но, говоря о христіанскомъ воспитаніи, мы не должны забывать и того, что оно должно быть не какое иное, какъ предлагаемое православною церковью: ибо единственная и неизмѣнная хранительница правой вѣры въ то же время есть по необходимости и единственная сокровищница истиннаго разумѣнія вещей и чистыхъ нравственныхъ понятій. Кромѣ исключительной истины и чистоты своего ученія, православіе дорого русскому народу и по безчисленнымъ благодѣніямъ, которыми оно оказало ему въ теченіе его исторіи. Православію мы обязаны всѣмъ: оно спасало насъ въ древній періодъ нашей жизни отъ тысячи бѣдъ, татарскихъ, литовскихъ, польскихъ и т. д.; оно охраняло насъ отъ западныхъ искушеній и доселѣ сохраняетъ невредною нашу народность отъ иноземныхъ вліаній; и въ годину настоящихъ искутаній оно — причина нашей брани, оно же и наша защита, и наше упованіе. Оно и до конца жизни нашего народа да будетъ ея неизмѣннымъ основаніемъ, источникомъ нашего величія и славы, нашею первою похвалою.

Вторая цѣль воспитанія состоитъ въ примѣненіи общихъ его началъ къ той средѣ, въ которой Провидѣніе судило жить человѣку. Конечно, внутреннее воспитаніе должно возносить человѣка надъ всѣми случайными условіями его быта, по оно должно достигать этого, не разрушая его законныхъ связей съ отечествомъ, обществомъ и семьей; напротивъ того, своею силой и священнымъ дѣйствіемъ своимъ оно должно укрѣплять и освящать ихъ. Въ сущности нѣтъ ничего противоположнаго христіанскаго ученія объ этомъ предметѣ ученіямъ нашего времени о всемірномъ гражданствѣ: христіанство, воспитывая человѣка въ любви къ своему народу и всему окружающему, стремится распространить эту любовь на все человѣчество; ученія космополитическія, внушая безразличную любовь ко всему, доводятъ до полнаго равнодушія къ своему и чужому. И потому за общими началами воспитанія, образующими человѣка, необходимо должно слѣдовать (я говорю не о хронологической послѣдовательности, а о мѣрѣ важности) воспитаніе народное, связующее человѣка съ его мѣстными, временными и вообще историческими условіями. Этой цѣли воспитанія преимущественно предъ другими предметами способствуетъ отечественная исторія, отечественная словесность и отечественный языкъ. Преподаваніе двухъ послѣднихъ предметовъ въ этомъ заведеніи по-

ручено высшимъ начальствомъ мнѣ; позвольте, мм. гг., представить вамъ краткій обзоръ моихъ занятій, указать на объемъ ихъ и на приворочленіе моего преподаванія къ вышеупомянутой цѣли народнаго воспитанія.

Я начинаю свои занятія съ четвертаго класса и отъ моихъ товарищей принимаю воспитанниковъ, знакомыхъ уже съ теоріею нашего языка. Въ первый годъ нашихъ занятій они ее повторяютъ, при чемъ рядомъ съ нею идетъ классъ языка церковно-славянскаго. Очевидная важность изученія его, какъ языка богослужебнаго, понятна всѣмъ: знакомство съ нимъ открываетъ воспитаннику весь вѣншій смыслъ Св. Писанія и богослуженія, по мѣстамъ затруднительный, а иногда и вовсе непонятный для людей, по навыку, а не научно знающихъ этотъ языкъ. Такимъ образомъ онъ становится у насъ въ Россіи весьма важнымъ вспомогательнымъ предметомъ и въ религіозномъ образованіи. Но, кромѣ этого всѣмъ извѣстнаго значенія, церковно-славянскій языкъ имѣетъ еще другое: его судьба тѣсно связана съ самыми коренными вопросами въ исторіи нашего племени. Обязанный своимъ происхожденіемъ принятію славянскими племенами православной вѣры, онъ впоследствии явился главнымъ орудіемъ ея храненія. Западные наши соплеменники, рано отторгнутые отъ православія насиліемъ римскаго духовенства, скоро утратили славянское богослуженіе и такимъ образомъ лишились послѣдней связи съ своими православными родичами. Въ теченіе многихъ вѣковъ славяне жили во взаимномъ отчужденіи, позабывъ свое племенное и религіозное единство; каждый изъ славянскихъ народовъ былъ занятъ своею судьбой, выработывалъ свою отдѣльную народность подъ вліяніемъ различныхъ историческихъ обстоятельствъ. Нашему столѣтію принадлежитъ честь того великаго умственнаго движенія въ племенахъ славянскихъ, которое привело ихъ къ ясному уразумѣнію ихъ исторіи и черезъ то къ сознанію ихъ ископнаго родства и бывшаго нѣкогда единовѣрія. Церковно-славянскій языкъ получилъ такимъ образомъ особую важность, какъ орудіе утраченнаго религіознаго единства. Сверхъ того, въ его древнѣйшихъ свойствахъ каждое изъ славянскихъ нарѣчій находитъ что-нибудь свое, что естественно должно усиливать еще болѣе ихъ стремленія ко взаимности, какъ къ чему-то не новому, уже бывшему, слѣдовательно, законному. Церковно-славянскій языкъ становится, стало-быть, нѣкоторымъ средоточіемъ, около котораго собираются эти стремленія.

Далѣе: совмѣщая въ себѣ множество свойствъ, разбросанныхъ по

различнымъ славянскимъ нарѣчіямъ, и такимъ образомъ дѣлаясь ихъ средоточіемъ, по силѣ словопроизводства, по богатству звуковъ и древнѣйшихъ формъ подходя ближе всѣхъ нарѣчій къ языку древне-славянскому, церковный языкъ является полнѣйшимъ и преимущественнымъ представителемъ нашего племени въ ряду языковъ индоевропейской семьи и въ этомъ обнаруживаетъ свое новое, можно сказать, всемірно-историческое значеніе. У насъ въ отечествѣ онъ имѣетъ особенную важность по своей тѣснѣйшей связи съ нашимъ языкомъ, проходящей черезъ всю исторію сего послѣдняго. Я не говорю уже о древнемъ періодѣ нашей словесности, когда языкъ церковно-славянскій такъ сливался съ языкомъ устнымъ, народнымъ, что эти двѣ стихіи никакъ почти нельзя разнять въ древне-русскихъ письменныхъ памятникахъ; но даже впоследствии, въ новый періодъ нашей словесности, церковно-славянскій языкъ не переставалъ и не перестаетъ обогащать нашъ языкъ своими сокровищами и охранять его отъ вторженія иноплеменныхъ выраженій. Въ эпоху преобразованія Россіи, когда къ намъ пестежь растворились двери всему чуждому,—и въ языкъ нашъ вошло много варваризмовъ, смутившихъ его чистоту. Чтобы положить предѣлъ этому наплыву и вывести нашу рѣчь изъ хаотическаго состоянія, великій учредитель нашего новаго языка прибѣгнулъ къ языку церковно-славянскому, какъ оплоту его чистоты. И послѣдующіе великіе писатели наши не уклонялись отъ вліянія этого языка: и не только духовные витія, которымъ свойственно украшать свою рѣчь славянскими реченіями и возвышенный слогъ которыхъ такъ близко подходитъ къ торжественному строю рѣчи ц.-славянской, но и на лучшихъ представителяхъ нашей свѣтской литературы его вліяніе отразилось очень замѣтно: наприимѣръ, на Державинѣ, Карамзинѣ, Жуковскомъ и особенно на Пушкинѣ.

Познакомившись съ церковно-славянскимъ языкомъ, мы переходимъ къ изученію древне-русскаго языка, которону посвящается отдѣльный классъ. Здѣсь мы знакомимся съ русскимъ языкомъ на всемъ пространствѣ древняго періода его исторіи: отъ языка первобытной нашей письменности, встрѣчаемаго въ проповѣди митрополита Иларіона, лѣтописи Нестора, Словѣ о полку Игоревѣ, богатырскихъ гѣсняхъ, до языка схоластическихъ писателей, который мы видимъ въ силлабическихъ виршахъ Симеона Полоцкаго и его современниковъ и въ произведеніяхъ духовнаго краснорѣчія того времени. А между тѣмъ рядомъ съ этимъ практическимъ изученіемъ нашего языка

идеть преподаваніе риторики, цѣль котораго собственно состоитъ въ томъ, чтобы познакомить воспитанниковъ съ общими правилами построенія рѣчи, но оно не остается безплоднымъ и по отношенію къ языку: отрывки, приводимые въ примѣръ риторическихъ правилъ изъ лучшихъ нашихъ писателей отъ Ломоносова до Пушкина и Гоголя, знакомятъ воспитанниковъ съ языкомъ и слогомъ новаго періода русской словесности.

Такимъ образомъ, по сколько можно умѣстить въ тѣсныя предѣлы отиѣреннаго намъ времени, мы изучаемъ исторически языкъ нашего народа отъ начала нашей письменности до послѣдняго времени. И пусть изученіе это не особенно глубоко: оно важно, какъ сѣмя, отъ котораго ожидать плодовъ должно въ будущемъ. Во всякомъ случаѣ, и въ этомъ ограниченномъ размѣрѣ оно есть залогъ патриотическихъ убѣжденій въ воспитанникѣ; оно сближаетъ и роднитъ его съ его народомъ и отечествомъ: ибо языкъ есть образъ народа или, лучше сказать, самъ народъ, выразившій себя въ своемъ словѣ. Вамъ извѣстны, мм. гг., печальныя слѣдствія того могущественнаго вліянія, которое имѣлъ на наше общество языкъ французскій; пристрастіе къ этому языку находится въ прямомъ противорѣчій съ патриотическимъ воспитаніемъ, ибо оно переноситъ наше сочувствіе отъ своего къ чужому. „Любить отечество и имѣть пристрастіе къ чему-либо внѣ отечества“, говоритъ ревнитель русскаго слова ¹⁾), — „значитъ не любить отечества. Любовь къ отечеству требуетъ любви ко всему, что относится къ цѣлости отечества. Вѣра, законы, нравы, обычаи отечественные суть предметы, которые сердце каждаго сына отечества должно обнимать всюю крѣпостью, какъ свое родное, природное. Особенно же языкъ отечественный, которымъ выражаются мысли и чувствованія, внутренній характеръ и духъ соотечественниковъ, которымъ изображены законы и вѣра отцовъ, которымъ прославляется Богъ въ странѣ отечественной, сей языкъ требуетъ любви твердой, постоянной, пламенной, которая бы въ употребленіи и слышаніи его находила свое пріятнѣйшее удовольствіе и утѣшеніе“. И потому повторяю еще разъ, не смотря на необширный объемъ историческаго изученія русскаго языка въ гимназіяхъ, послѣдствія его должны быть самыя благотворныя. И вы увидите, мм. гг., что просвѣщенныя распоряженія правительства, клонящіяся къ усиленію преподаванія отечественнаго языка, увѣнчаются полнымъ успѣхомъ и

¹⁾ Протоірей Кочетовъ

поселятъ въ юношества сознательное уваженіе ко всему, что носитъ на себѣ печать нашей народности. Юноши наши будутъ говорить и по французски и по англійски, и на всѣхъ другихъ языкахъ, но уже не изъ тщеславнаго щегольства своимъ мнимымъ образованіемъ, но въ нужныхъ случаяхъ, чтобы помочь незнакомству иностранцевъ съ нашимъ языкомъ.

Затѣмъ мы переходимъ къ теоріи словесныхъ произведеній, сначала прозаическихъ, потомъ поэтическихъ. Главное вниманіе при семъ обращается на объясненіе внутренняго построения словесныхъ произведеній, на условія, конимъ подлежатъ различные роды ихъ. Теоретическое изученіе словесности сопровождается примѣрами, которые берутся преимущественно изъ писателей отечественныхъ и изъ произведеній иноземныхъ, усвоенныхъ русской словесности переводами нашихъ знаменитыхъ писателей. Было время, когда въ преподаваніе словесности преимущественно передъ практическимъ знакомствомъ съ нею изучали правила и законы ея видовъ, отчетливо разъясняли взаимное различіе ихъ и особенныя ихъ свойства, но не знакомили достаточно воспитанниковъ съ живыми примѣрами, столь важными для смысла теоріи, и тѣмъ придавали какую-то мертвенность нашему предмету, въ сущности живому и привлекательному. Такой методъ, убивающей духъ предмета, противодѣйствуютъ современныя мнѣнія о преподаваніи, совѣтуя въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ обогащать воспитанниковъ преимущественно чтеніемъ и личнымъ знакомствомъ съ образцовыми произведеніями словесности. Еслибы выбирать изъ этихъ двухъ методъ, то, безъ сомнѣнія, должно предпочесть послѣднюю первой; но и относительно ея нельзя обойтись безъ нѣкоторыхъ замѣчаній: она въ свою очередь, переступая заковыя границы, вредитъ надлежащему познанію предмета. Въ наше время такъ не трудно встрѣтить молодаго человѣка съ большою начитанностью, которая не столько радуется за него, сколько печалится: этотъ способъ чтенія всего безъ разбора и отчета приводитъ читателя къ крайнему смѣшенію понятій. Всѣ роды словесныхъ произведеній съ особенностями назначенія каждаго изъ нихъ и съ особенностями условій, свойственныхъ каждому изъ нихъ, сливаются въ головѣ неразборчиваго читателя въ одну хаотическую груду: онъ читаетъ и поэму, и ораторскую рѣчь, и сатиру, и басню, выщипывая изъ нихъ какія-нибудь общія мысли и занимаясь общностью ихъ содержанія, упуская вовсе изъ виду частную красоту каждаго рода, ему только свойственную. Отъ этого такой упадокъ и такое смѣше-

ніе художественныхъ понятій въ наше время; отъ этого и наша критика такая, какая она есть. Да и въ отношеніи къ обогащенію мышленія, такая метода болѣе вредить, нежели приносить пользы, ибо мышленіе обогащается не столько простымъ знакомствомъ со многими предметами, сколько уразумѣніемъ отношеній, между ними по природѣ существующихъ, и умѣніемъ всякой вещи указать ея мѣсто, существомъ ея опредѣляемое.

Наконецъ, въ заключеніе гимназическихъ занятій проходитъ курсъ исторіи русской словесности. Запасъ свѣдѣній, заготовленный предыдущими занятіями въ классѣ и собственною начитанностью учениковъ, здѣсь пополняется и приводится въ стройный порядокъ; тѣ писатели, съ которыми ученики познакомились изъ отрывковъ, изучая исторію языка или прилагая примѣры къ правиламъ риторики и пятйки, вновь предстаютъ предъ ними, но уже въ полнотѣ своей дѣятельности, поясняемой притомъ теоретическими замѣчаніями. Многообразная духовная жизнь нашего народа, выразившаяся въ его словесности, раскроетъ здѣсь воспитаннику свой смыслъ, по скольку... онъ можетъ воспринять его, и обійметъ его могуществомъ своего вліянія.

И древній періодъ нашей исторіи, въ теченіе котораго возростали коренныя начала русской жизни, явится ему во всемъ своемъ величіи и святинѣ. Тамъ пройдутъ передъ нимъ и глубокомысленные церковные витія первыхъ трехъ вѣковъ нашего христіанства — Иларіонъ, Кириллъ и Серапіонъ; тамъ услышитъ онъ правдивыя сказанія нашего честнаго Нестора о первыхъ временахъ нашего государства и чульную повѣсть о подвижникахъ печерскихъ, основателяхъ народнаго благочестія; тамъ разкажетъ ему игуменъ Даниилъ о своемъ благочестивомъ посѣщеніи Св. Мѣстъ, столь вождѣнныхъ для сердца христіанина; тамъ прочтетъ ему благовѣрный Мономахъ свое Поученіе, повергающее мысль въ прахъ передъ величіемъ древняго русскаго христіанина, и митрополитъ Никифоръ своимъ посланцемъ укажетъ на любовныя отношенія церкви русской къ верховной власти, чуждыя даже тѣни совмѣстничества или соперничества; тамъ прозвучитъ передъ нимъ скорбная пѣснь о плѣненіи Игоря и радостная повѣсть о Куликовской битвѣ, предтечѣ освобожденія нашего отечества; тамъ услышитъ онъ стихи нашей нищей братіи, въ которыхъ выразилось глубокое сочувствіе русскаго чело-вѣка къ богоугодному житію праведниковъ, и пѣснь нашего народа, каковой нѣтъ другой въ мірѣ (ибо по народу и пѣснь), откликающуюся

и на важныя событія нашей исторіи, и на красоты вѣшной природы, и на живыя ощущенія внутренняго міра души; тамъ услышитъ онъ священный призывъ духовнаго пастыря, спасающаго отчаяну' во дни безначалія, и отвѣтныи гласъ истинныхъ сыновъ и спасителей отечества; тамъ, наконецъ, онъ возблагодаритъ передъ ревностью свв. отцовъ нашихъ, Іосифа Волоцкаго, Геннадія, Максима Грека, Дмитрія Ростовскаго и иныхъ, которые сохранили святую православную церковь нашу отъ всѣхъ опасностей, грозившихъ ей со стороны строгольниковъ, жидовъ, раскольниковъ и другихъ враговъ ея, и которые завѣщали намъ оружіе для ея защиты, какъ бы предчувствуя, что жизни русской предстоятъ новыя и сильнѣйшія искушенія.

При такомъ дѣйствіи на воспитанника нашей древней словесности, можно ожидать, что и въ произведеніяхъ новаго ея періода онъ сумѣетъ отличить существенныя явленія отъ несущественныхъ. Ничто не воспрепятствуетъ въ такомъ случаѣ духу великихъ нашихъ писателей обнять его умъ своимъ благотворнымъ вліяніемъ и уберечь его отъ наслія бѣглыхъ современныхъ мнѣній. Высокая нравственная чистота, лежащая въ основѣ всей ихъ дѣятельности, будетъ постоянною охраною его отъ искушеній, всюду разставленныхъ на скользкомъ пути юности; возвышенность и глубина ихъ помысловъ не дасть ему погрязнуть въ типѣ низкихъ страстей или ограничить свои стремленія въ жизни какими-нибудь мелочными выгодами себялюбія; наконецъ ихъ пламенная любовь къ отечеству, любовь дѣятельная и самоотверженная, научитъ его приносить всѣ свои дарованія и силы въ жертву отечеству, и съ тѣмъ вмѣстѣ вселитъ въ него глубокое и сознательное уваженіе къ нашей народности.

На этихъ двухъ началахъ нашей жизни, то-есть, на православіи и народности, создается третіе его основаніе—самодержавіе, которое отъ православія заимствуетъ свое освященіе, а въ исторіи находитъ блистательное опытное подтвержденіе своей истинѣ.

Эти основныя начала нашей жизни давно уже признаны нашимъ правительствомъ и поставлены имъ въ основаніе русскаго воспитанія. Оживить смыслъ ихъ въ сознаніи учащагося юношества и тѣмъ предохранить его отъ пропикающихъ всюду современныхъ заблужденій—вотъ что составляетъ задачу русскаго воспитателя, желающаго оправдать довѣренность къ нему правительства, которое за всѣ свои благодѣянія, намъ оказываемыя, требуетъ отъ насъ одного: вѣрнаго исполненія своихъ мудрыхъ предначертаній.

Въ заключеніе рѣчи хочу сказать вѣсколько словъ вамъ, юные

друзья мои, въ напутствіе вашего новаго поприща. Въ послѣдній разъ обращаю къ вамъ слово свое съ правомъ, ибо вижу васъ въ стѣнахъ того заведенія, въ которомъ столько лѣтъ вы слушали мои наставленія. Вы вступаете въ ту прекрасную пору жизни, которая обыкновенно почитается лучшею и счастливѣйшею. Я очень хорошо знаю и живо чувствую всѣ привлекательныя свойства юности, тѣмъ болѣе, что самъ едва переступаю за ея черту; но не хочу скрыть отъ васъ и опасностей этого возраста. Чистота побужденій еще не ручательство за чистоту умствованій и дѣйствій; не много такихъ сердецъ, которыя, предваряя опытъ, отвращаются отъ всего того, что содержитъ въ себѣ примѣсь порока; рѣдко встрѣчается такой чистый смыслъ, который при первой встрѣчѣ съ вещью, еще до внимательнаго разбора ея, отдѣлилъ бы въ ней отъ истины ложь. Большая часть людей, можно сказать, всѣ идутъ путемъ опыта и проходятъ, одинъ болѣе, другой менѣе, искушенія ада: и потому необходимо строгое и постоянное вниманіе къ себѣ. Берегитесь самонадѣянности, которая такъ тѣсно связана съ неопытностью и незнапіемъ мѣры своихъ средствъ; не почитайте всего себѣ извѣстнымъ и охотиѣ преклоняйте слухъ свой къ указаніямъ воздерживающей васъ любви, нежели къ обаянію на все соизволяющей лести. Воспитывайте въ себѣ строгое понятіе о своихъ обязанностяхъ къ обществу, которое отнынѣ будетъ смотрѣть на васъ, уже не какъ на безответственныхъ дѣтей, а какъ на юношей, способныхъ давать себѣ разумный отчетъ во всемъ. Болѣе же всего храните чистоту сердца и совѣсти и не уступайте ея никакимъ внушеніямъ и требованіямъ лжеименнаго разума. Кончу словами великаго вселенскаго учителя: „Возвышайся болѣе жизнью, нежели мыслью: ибо жизнь можетъ сдѣлать тебя богоподобнымъ, а мысль довести до великаго паденія“.

Тертій Филипповъ.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Книга упражненій въ латинской грамматикѣ д-ра Фрид. Шульца. Составленная Ю. Ходобасемъ и П. Виноградовымъ. Часть вторая. Синтаксическія упражненія. Изд. VI-е, вновь пересмотрѣнное и дополненное. М. 1889. Стр. 260. Цѣна 1 руб.

Въ предисловіи къ VI-му изданію составители заявляютъ, что трудъ ихъ подвергся коренной переработкѣ. Такъ какъ книга упражненій должна представлять полное соотвѣтствіе учебнику грамматики, учебникъ же Шульца-Ходобая въ послѣднемъ, седьмомъ изданіи, согласно съ требованіями гимназической программы, принялъ значительно иной видъ, то и въ рассматриваемой книгѣ дано иное расположеніе фразамъ для переводовъ. Не только параграфы книги упражненій соотвѣтствуютъ параграфамъ грамматики, но и отдѣлы каждого параграфа идутъ параллельно съ дѣленіемъ на отдѣлы грамматическихъ параграфовъ. Сверхъ фразъ на отдѣльные параграфы, въ концѣ почти каждой главы помѣщены смѣшанные примѣры для упражненій, представляющіе по большей части изложеніе различныхъ мѣстъ классическихъ писателей, имѣющихъ историческое содержаніе и болѣе или менѣе законченныхъ. Отдавая полную справедливость составителямъ книги въ положеніи на ея исправленіе трудъ, нельзя не выразить сожалѣнія, что они не обратили достаточнаго вниманія на самый крупный ея недостатокъ и даже не воспользовались въ этомъ отношеніи сдѣланными имъ при разборѣ предыдущихъ изданій замѣчаніями. Недостатокъ этотъ, какъ было уже не разъ указано и раньше, состоитъ въ томъ, что русскія фразы изложены нерѣдко языкомъ

¹⁾ Помѣщеніями здѣсь рецензіи итѣлесъ въ виду ученіемъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

тяжелымъ и даже неправильнымъ; нѣкоторыя изъ нихъ, взятая внѣ контекста, представляются странными и мало вразумительными. Мы считаемъ необходимымъ особенно настаивать на правильности и даже изяществѣ русскаго изложениа, потому что разсматриваемая книга предназначается для употребленія въ старшихъ классахъ гимназій, гдѣ ученики уже привыкають сознательно относиться къ особенностямъ въ строѣ латинской рѣчи сравнительно съ особенностями роднаго языка. Какъ, съ одной стороны, не только желательно, но и необходимо, чтобы латинскіе переводы были и правильны, и согласны съ духомъ латинскаго языка, такъ съ другой—въ одинаковой мѣрѣ важно, чтобы и русскіе тексты для переводовъ обладали тѣми же качествами. Только при совмѣстномъ дѣйствіи этихъ двухъ условий можно извлечь надлежащую пользу изъ переводовъ съ русскаго языка, а безъ этого они дадутъ, сравнительно, незначительные результаты. Между тѣмъ, и въ VI-мъ изданіи книги гг. Ходобая и Випоградова мы встрѣчаемъ фразы въ родѣ слѣдующихъ: стр. 4: Танакила и Лукумонъ иступили въ городъ, неся съ собою великія надежды и замыслы; стр. 15: Объ одномъ всѣ мы думаемъ, однимъ занимаемся, (именно) отвратить отъ государства попытки злонамѣренныхъ людей; стр. 16: Эвристей заставилъ Геркулеса взять на себя двѣнадцать работъ; стр. 35: Цезарь безпокоился за корабли, которые онъ оставилъ у мягкаго и открытаго берега привязанными къ якоремъ; стр. 36: Налить на ту работу и мысль, которая доставитъ тебѣ достоинство и славу; стр. 38: Племя испанцевъ, безразсудно бунтующее, римляне принудили надѣть ярмо, которое оно съ себя сняло; стр. 65: Никакая язва не стоила роду человѣческому дороже, чѣмъ гнѣвъ; стр. 76: Анкъ Марцій былъ внукъ Нума Помпилія, происшедшій отъ его дочери; стр. 78: Алкивиадъ, изъ страсти къ славѣ и надеждѣ на благопріятность счастья, убѣдилъ афинянь начать войну съ сицилійцами, и т. д. Заимствованіе фразъ внѣ ихъ контекста ведетъ къ примѣрамъ такого рода, какъ на стр. 13: Родителямъ не позволяютъ приходить къ сыновьямъ, не позволяютъ приносить своимъ дѣтямъ пищу и одежду; стр. 38: Самое худшее преступленіе въ жизни совершилъ тотъ, кто первый надѣлъ на пальцы золотыя кольца; стр. 84: Изъ многихъ книгъ Исократъ Геронимъ выбралъ, можетъ быть, тридцать строкъ; что можетъ быть гнуснѣе этого? и т. д. И въ VI-мъ изданіи мы встрѣчаемся съ ошибками, указанными при разборѣ V-го, напримѣръ: Антипе вм. Антиаты, въ Делосѣ вм. на Делосѣ, Такфаринъ вм. Такфаринатъ.

Екстимрвалія съ русскаго языка на лативскій для среднихъ и старшихъ классовъ гимназій составилъ *И. Виноградовъ*. С.-Пб. 1889. Стр. XII+158 въ 8-ку. Цѣна 85 коп.

Книжка г. Виноградова представляетъ собою сборникъ связанныхъ статей, предназначаемыхъ какъ матеріалъ для перевода ех tempore ученикамъ V-го и слѣдующихъ классовъ гимназій. Статьи эти переработаны изъ Цезаря *De bello gallico*, и потому, въ общемъ своемъ содержаніи ученикамъ уже извѣстны, но въ то же время передѣла ихъ до того существенно, что лативскій текстъ Цезаря мало оказываетъ подспорья ученикамъ, если и очутится подъ ихъ руками во время перевода. Но мысли, трудъ г. Виноградова заслуживаетъ полнаго одобренія: дѣйствительно, гораздо лучше и полезнѣе какъ можно ранѣе приучать учащихся къ переводу связанныхъ статей, при которомъ ихъ вниманіе обращается на самыя разнообразныя явленія лативской рѣчи, и въ то же время поддерживается ихъ интересъ, а слѣдовательно и охота къ этого рода упражненіямъ. Для того же, чтобы не сразу дать въ руки учащимся русскій текстъ, по содержанію мало имъ знакомый, г. Виноградовъ заимствовалъ его изъ автора, уже достаточно извѣстнаго учащимся, и изъ чтенія котораго они вынесли значительный запасъ словъ и оборотовъ, что должно оказать имъ существенную пользу при екстимпоралияхъ и облегчать ихъ при первыхъ въ нихъ попыткахъ. Съ цѣлью этого облегченія, въ началѣ каждой статьи, авторъ привелъ указанія главнѣйшихъ грамматическихъ правилъ, примѣненіе которыхъ должно въ ней имѣть мѣсто. Указанія эти сдѣланы рукою опытною и умѣлою и замѣчаній не вызываютъ. За что можно упрекнуть составителя, это за то, что русскій текстъ статей не всегда достаточно свободенъ и гладокъ, такъ что производитъ впечатлѣніе чего-то неестественнаго, составленнаго *ad hoc*. Вотъ нѣсколько примѣровъ: стр. 24: „Меня въ высшей степени удивляетъ“, сказалъ Аріовистъ Цезарю, — „что ты ставишь мнѣ въ вину то, что я удерживаю власть надъ эдуями и секванами. Я вѣдь не пришелъ бы въ Галлію самъ, еслибы сами галлы не пришли и не позвали меня за большія обѣщанія. Я не по своей волѣ покинулъ отечество, чтобы за секвановъ вести войну противъ эдуевъ. Развѣ секваны послѣ побѣды надъ эдуями не уступили мнѣ сами мѣсто для жительства изъ своихъ свободныхъ земель; развѣ не добровольно дали заложниковъ? Что касается до того, что я требую отъ эдуевъ дань, то, мнѣ кажется, побѣдители всегда имѣютъ право налагать на побѣжденныхъ такую подать, какую считаютъ нужнымъ“ и т. д. Или же стр. 121: „Не

можетъ быть-де уже никакого сомнѣнія, что Цезарь имѣеть въ виду лишить Галлію такихъ людей, которые благо и свободу Галліи ставятъ выше всего, для того, чтобы потомъ легче можно было ему держать въ повиновеніи остальныхъ галловъ.... Настало-де, кажется, время, когда они могутъ возвратитъ себѣ ту прежнюю военную славу и свободу, которую они получали отъ своихъ предковъ, такъ какъ Цезарь отправился въ Италію и ему не возможно будетъ скоро оставить Италію вслѣдствіе волненій въ Римѣ* и т. д. Въ концѣ книжки приложены указанія словъ и оборотовъ, которые почему-либо могли бы затруднить учениковъ при переводѣ. Издана она очень опротно и по цѣнѣ доступна.

Упражненія для перевода съ грюскаго языка на греческій для среднихъ классовъ гимназій. Учебное пособие для изученія главнѣйшихъ правилъ греческаго синтаксиса. По нѣмецкимъ руководствамъ составилъ К. Я. Бѣлицкій. Выпускъ второй. Харьковь. 1889. Въ 8-ку стр. 1—164. Цѣна 60 коп.

Составитель не счелъ нужнымъ снабдить свою книгу обычнымъ предисловіемъ, почему и не извѣстно, относительно какого предшествовавшего труда нынѣ предлагаемый значится вторымъ выпускомъ; можетъ быть, счетъ ведется отъ появившагося въ 1885 году четвертымъ изданіемъ учебнаго пособия, составленнаго тѣмъ же авторомъ подъ заглавіемъ: „Упражненія для перевода съ греческаго языка на русскій и съ русскаго языка на греческій для III и IV классовъ гимназій“, хотя это пособие называется не первымъ выпускомъ, но первую часть. Какъ бы то ни было, книга г. Бѣлицкаго содержитъ въ себѣ упражненія на всѣ правила элементарнаго греческаго синтаксиса, по отдѣламъ котораго распределенъ подобранный матеріалъ, а именно: I гл. §§ 1—8. О членѣ; II гл. §§ 9—15. О согласованіи; III гл. §§ 16—34. употреблеііе падежей; IV гл. §§ 35—39. Предлоги; V гл. §§ 40—50. Мѣстоименія; VI гл. §§ 51—76. Глаголь, (валогі глагола, употребленіе наклоненій въ главныхъ и придаточныхъ предложеніяхъ, неопредѣленное наклоненіе и причастіе). Упражненія состоятъ изъ отдѣльныхъ фразъ, которыя однакожь иногда принимаютъ форму цѣлыхъ періодовъ, представляющихъ возможность примѣнять и союзы. Самое содержаніе фразъ не можетъ не возбуждать интереса въ учащемся, а подборъ ихъ обнаруживаетъ въ составителѣ книги знаніе дѣла и умѣнье пользоваться данными источниками. Къ достоинствамъ книги можно отнести и помѣщеніе параграфовъ, въ которыхъ особенно трактуется спо-

собѣ перевода на греческій языкъ своеобразныхъ оборотовъ русской рѣчи, какъ наиримѣрь: § 13. Русское „именно“, „на подобіе“, „какъ“ передъ приложеніемъ; § 15. Способъ перевода русскихъ нарѣчій, выражающихъ настроеніе духа и обстоятельства времени и мѣста; § 41. Нерѣдко личное мѣстоименіе въ русскомъ ставится тамъ, гдѣ въ греческомъ оно пропускается; § 45. Перестановка въ греческомъ языкѣ существительнаго, къ которому въ русскомъ языкѣ относится мѣстоименіе относительное; § 76. Русское „и не“ и т. д. Къ книгѣ приложены: 1) Сборникъ примѣчаній къ отдѣльнымъ параграфамъ (стр. 87—97) и 2) Алфавитный русско-греческій словарь. Оба приложенія вполне удовлетворяютъ своему назначенію.

На основаніи сказаннаго надобно надѣяться, что составленная г. Бѣлицкимъ книга непремѣнно принесетъ пользу учащимся подъ руководствомъ дѣльнаго преподавателя, которому, впрочемъ, придется кое-гдѣ исправить неловкіе обороты, вкравшіеся въ русской текстъ, какъ, наиримѣрь, §§ 1 и 9: „пришли относительно перемирія“; §§ 3 и 8. „Сократъ пользовался искусствомъ“ вмѣсто: обладалъ; § 6. 9: „Вслѣдствіе двухъ сраженій морскихъ и сухопутныхъ“ (спрашивается: двухъ или четырехъ?); § 6. 13: „Изъ войны произойдетъ“ вмѣсто: отъ войны; § 8. 27: „Въ каждой лодкѣ было три человѣка, изъ которыхъ два вышел, одинъ оставался“, вмѣсто: по три, по два, по одному; § 9. 8: „Корабли уже быстро убѣжали“; § 13. 7: „Актеры натираютъ себѣ лицо“ (тутъ нѣтъ разлчія между русскимъ и греческимъ языками); § 34. 31: „Аркадскій законодатель Беркидъ приказалъ... пѣсню Илиады зарыть съ нимъ“ вмѣсто: съ собою; § 45. 8: „Подкупленъ посредствомъ денегъ“ (плеоназмъ); § 51. 3: „И вонзень“; § 52. 9: „Сократъ, не перемѣнивъ цвѣта, ни выраженія лица“, вмѣсто: не измѣнившись ни въ цвѣтѣ, ни въ выраженіи лица, и т. д.

Десять посланій Квинта Горація Флакка, избранныя и снабженныя примѣчаніями *Георгиемъ Ланге*, преподавателемъ Лазаревского института восточныхъ языковъ и Московской 3-й гимназіи. М. 1888. Въ 8-ку стр. 72. Цѣна 50 коп.

До появленія разсматриваемой книжки у насъ не было комментированнаго изданія Гораціевыхъ посланій. Одною изъ причинъ такого явленія служить, между прочимъ, то обстоятельство, что чтеніе посланій не рекомендовано учебными планами министерства, указывающими лишь на оды и сатиры Горація. Но отсутствіе указанія на посланія не свидѣтельствуетъ еще о томъ, чтобы учебные

планы воспрещали ихъ чтеніе въ гимназіяхъ; какъ справедливо замѣчаетъ г. Ланге, упоминаніе сатиръ содержитъ въ себѣ *implicite* и упоминаніе посланій, которыя по формѣ и слогу такъ приближаются къ первымъ, что самъ Гораций соединилъ тѣ и другія подъ общимъ названіемъ *sermones*. Съ эстетической точки зрѣнія посланія едва ли не выше сатиръ, потому что въ нихъ талантъ Горация является въ полномъ блескѣ; самъ поэтъ рисуется человѣкомъ вполне зрѣлымъ, съ установленными убѣжденіями и взглядами, которые, при своей широкой гуманности, дѣлаютъ изъ него міроваго писателя, интереснаго для всѣхъ временъ и національностей. Поэтому нельзя не привѣтствовать мысли г. Ланге, рѣшившагося облегчить русскому учащемуся иностранству ознакомленіе съ такимъ выдающимся литературнымъ явленіемъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи слѣдуетъ признать, что осуществленіе этой мысли въ общемъ можетъ быть названо удачнымъ, хотя, въ частности, относительно многого можно поспорить съ издателемъ. Выборъ посланій не вызываетъ особыхъ замѣчаній; предисловія каждому изъ нихъ введены, въ которыхъ содержится краткое изложеніе хода мыслей, имѣютъ цѣлью дать ученику возможность сразу ознакомиться съ темою посланія и общимъ ея развитіемъ, и достигаютъ этой цѣли; приложенный къ тексту комментарий даетъ указанія и разъясненія, вызываемыя отдѣльными частностями. Переходя къ недочетамъ, слѣдуетъ замѣтить прежде всего отсутствіе въ введеніяхъ указаній на время, къ которому относится составленіе того или другаго посланія: хотя съ точностью оно, въ большинствѣ случаевъ, опредѣлено быть не можетъ, тѣмъ не менѣе возможно его приблизительное указаніе, иногда бывающее важнымъ для уясненія деталей содержанія. Что касается текста посланій, то въ немъ издатель является не въ мѣру консервативнымъ и удерживаетъ безъ всякаго указанія такіа чтенія, которыя носятъ на себѣ очевидные признаки невѣрности. Вообще, напрасно г. Ланге совершенно отказался отъ внесенія въ свой комментарий замѣчаній характера критическаго: какъ не умѣстны они въ книгѣ, предлагаемой для низшихъ и среднихъ классовъ, такъ, на оборотъ, далеко не излишни для учениковъ VIII класса, мысль которыхъ уже привыкаетъ требовать отчета въ извѣстныхъ случаяхъ и не успокаивается простымъ: *ipse dixit*. Посему напрасно оставилъ г. Ланге безъ всякихъ разъясненій такіа мѣста, какъ, напримеръ, 1,56, стихъ очевидно интерполированный; напрасно не отмѣтилъ сомнѣній, возбуждаемыхъ чтеніями, въ родѣ 2,4 *placius*, 2,10 *quid Paris?* 5,11

aestivam и т. д. Что касается объяснительныхъ примѣчаній, то они кратки и содержатъ въ себѣ все существенно необходимое для объясненія текста. На стр. 39 объясненіе 1, 6: ne populum extrema totiens exoret haena не совсѣмъ вразумительно; г. Ланге говоритъ: „кажется, что развѣ отпущенный гладіаторъ, давъ себя убѣдить снова поступить на арену, опять долженъ былъ просить народъ о своемъ освобожденіи отъ тѣхъ обязательствъ, которыя онъ взялъ на себя предъ содержателемъ „труппы“; стр. 44, 1, 79 глаголъ excipere ближе передается черезъ „поддѣвать“, чѣмъ черезъ „ловить“; стр. 48, 2, 31 ad strepitum citharae cessatum ducere curam объясняется довольно неудачно: „подъ звуки китары вводятъ печаль въ хороводъ, чтобы заставить ее утихнуть“; стр. 50, 3, 10: Pindarici fontis qui non expulluit haustum— „черпать изъ того же источника, какъ и Пиндаръ“. Здѣсь скорѣе рѣчь идетъ не о томъ, что у Титія и Пиндара былъ одинъ общій источникъ, а о томъ, что Титій подражалъ Пиндару, имѣя его своимъ источникомъ.

Греческія и римскія писатели, читаемые въ гимназіяхъ иprogymnasiis.
I. Цицеронъ. Составилъ *Адріановъ*. Кіевъ. 1889. Стр. 99.

При скудости нашей учебной литературы въ комментированныхъ изданіяхъ древнихъ авторовъ, изданіяхъ, которымъ предшествовало бы введеніе съ изложеніемъ біографіи автора, перечнемъ и оцѣнкой его литературныхъ произведеній, преподавателю гимназіи, приступающему къ чтенію какого-нибудь писателя въ классѣ, приходится пользоваться иностранными пособіями или университетскими лекціями, мало или совсѣмъ не доступными учащимся. Вслѣдствіе того дѣлаемые преподавателемъ введенія не приносятъ той пользы, которую они должны приносить, служа для учащихся сагогикой въ чтеніи и облегчая первые шаги въ немъ. Устраненію этого недостатка рѣшилось помочь Кіевское отдѣленіе Общества классической филологіи и предприняло серію біографій древнихъ классиковъ, читаемыхъ въ гимназіяхъ, біографій, предназначаемыхъ въ пособіе учащимся. Серія эта открывается біографіей Цицерона, составленною г. Адріановымъ. Сообразно съ задачей изданія, это не есть ученый самостоятельный трудъ, вносящій въ науку новые взгляды, но основанное на хорошихъ пособіяхъ изложеніе, и притомъ довольно краткое, обстоятельство жизни и литературной дѣятельности знаменитаго оратора. Существеннаго въ этомъ изложеніи почти ничего не пропущено, за исключеніемъ развѣ того, что составитель со-

всѣмъ не коснулся тѣхъ заслугъ, которыя оказалъ Цицеронъ развитію латинской прозаической рѣчи, и которыя, болѣе чѣмъ что-либо другое, даютъ ему право на безсмертіе. На оборотъ, составитель внесъ въ свой трудъ нѣкоторыя подробности, которыя могутъ показаться излишними въ книгѣ, предназначаемой для гимназистовъ. Таковы, напримѣръ, исчисленіе рукописей, въ которыхъ дошло до насъ то или другое произведеніе Цицерона, и даже данныя объ ихъ исторіи. Вмѣсто этого было бы желательно, чтобы составитель съ большею подробностью ознакомилъ читателей съ содержаніемъ отдѣльныхъ произведеній Цицерона. Въ біографіи Цицерона существенно важно, какъ относится біографъ къ нравственной личности знаменитаго оратора, къ его государственной дѣятельности, къ его литературнымъ заслугамъ. Всѣ эти стороны вызвали въ литературѣ противорѣчивыя взгляды, колеблющіеся между безусловнымъ восхваленіемъ и крайнимъ порицаніемъ. Г. Адриановъ далекъ отъ того и другаго и, отдавая справедливость Цицерону въ томъ, что составляетъ его неотъемлемныя достоинства, не скрываетъ отъ читателя и его слабостей; онъ смотритъ на Цицерона съ единственно правильной точки зрѣнія — исторической и не беретъ его внѣ той среды, въ которой онъ жилъ и дѣйствовалъ. Поэтому образъ Цицерона, какъ человѣка, государственнаго и литературнаго дѣятеля, начертанный г. Адриановымъ, можно признать вѣрнымъ.

Нѣкоторыя отдѣльныя фразы и мѣста представляются не вполне удачными и точными, напримѣръ, на стр. 1: „Для усвоенія вѣдѣнныхъ пріемовъ Цицеронъ посѣщалъ театръ, гдѣ пальма первенства принадлежала трагикъ Эзопу и комикъ Росцію“; въ этихъ главахъ читатель можетъ сдѣлать невѣрное заключеніе о томъ, что Эзопъ и Росцій были драматическими писателями, тогда какъ они были актерами. Стр. 2: „Пришедши однако къ сознанію, что военная слава создана не для него, Цицеронъ и т. д.“, выраженіе неудачное. Стр. 3: „Минуя слишкомъ безпокойную должность народнаго трибуна, Цицеронъ выступилъ кандидатомъ на должность эдила“; эта фраза можетъ дать невѣрное понятіе о томъ, будто передъ эдилствомъ необходимо было исправлять должность народнаго трибуна, тогда какъ въ римской табелѣ о рангахъ обѣ эти должности стояли на одинаковой степени и, послѣ квестуры, гражданинъ искалъ или трибуната, или эдилства. На стр. 11 упоминается о сестрѣ Клодія, но не говорится ничего объ ея личности и той роли, которую она играла въ римскомъ современномъ обществѣ, такъ что для читателя

это упоминаніе представляется непонятнымъ. На стр. 28, при упоминаніи о *Rhetorica ad Herennium*, слѣдовало бы замѣтить, что нѣкоторыми учеными это сочиненіе не безъ нѣкотораго основанія приписывается Корнѣцію.

Логика. (Для гимназій). Составилъ *Е. Воскресенскій*. Москва. 1868. Ц. 35 коп.

Книга эта не есть просто учебникъ логики, какъ можно было бы подумать по заглавію; въ ней логика излагается съ тою цѣлью, чтобы служить пособіемъ для теоріи прозы и, въ частности, разсужденій. Поэтому, цѣлая треть книги, начиная со страницы 42 прямо посвящена примѣрамъ и вопросамъ, относящимся къ словесности. Очевидно, авторъ имѣлъ въ виду составить пособіе для пятаго класса гимназій.

Разсматривая только ту часть книги, гдѣ излагается очеркъ логики, мы видимъ всѣ наружныя формы легкаго, краткаго и отчетливаго изложенія, какое требуется отъ учебника; но, къ сожалѣнію, содержаніе далеко не отличается точностью и основательностью. Чтобы дать понятіе о грубыхъ промахахъ и общей неудовлетворительности разсматриваемаго очерка, достаточно двухъ-трехъ примѣровъ.

Вотъ изложеніе того, что такое номинальное опредѣленіе:

„Помипальное, опредѣляющее, что слѣдуетъ разумѣть подлѣтъмъ или другимъ именемъ (помен): Пегасъ есть крылатый конь.“ (стр. 15).

Но самое реальное опредѣленіе, какое возможно, указываетъ, вообще говоря, что слѣдуетъ разумѣть подъ извѣстнымъ словомъ, взятымъ какъ понятіе; номинальное же есть только объясненіе имени. Хотя Пегасъ и не реальное существо, но онъ можетъ быть реально описываемъ; слово же Пегасъ вовсе не значитъ крылатый конь.

На стр. 16 сказано, что опредѣленіе бываетъ слишкомъ обширнымъ, „когда указывается не ближайшій родъ: береза есть растеніе (вмѣсто дерево)“.

Совсѣмъ не то называется слишкомъ обширнымъ опредѣленіемъ; „береза есть дерево“—вовсе не опредѣленіе, а для ботаника дерево не есть ни ближайшій, ни дальнѣйшій родъ, къ которому относится береза.

Еще одинъ примѣръ; въ разбираемой книгѣ дано такое объясненіе: „*Petitio principii* — выводъ тезиса изъ сомнительныхъ аргументовъ.“ (стр. 38).

Для такой широкой и неопредѣленной ошибки, какъ „выводъ

тезиса изъ сомнительныхъ аргументовъ", въ логикѣ нѣтъ особаго термина; *restitutio principii* есть весьма опредѣленный софизмъ, и преподаваніе логики было бы бесполезно, еслибъ оно не вело къ отчетливому понятію о такихъ софизмахъ, какъ, и вообще о различныхъ формахъ мышленія.

Элементарный курсъ арифметики доктора теологіи и философіи, профессора высшихъ математическихъ наукъ, аббата *Е. Желена*. Переведъ съ IV изданія преподавателя математики Минской гимназіи *Н. де-Жоржъ*. Минскъ. 1889. Стр. VI+270. Цѣна 1. 25 к.

Сочиненіе это очень напоминаетъ собою арифметики Вертраца и Серре, хотя и уступаетъ послѣднимъ въ строгости опредѣленій, языка, изяществу доказательствъ и сжатости изложенія.

Какъ на примѣры не строгихъ опредѣленій укажемъ на опредѣленія вычитанія (стр. 13), умноженія (стр. 23) и дѣленія (стр. 35). Авторъ говоритъ: „Вычитаніе цѣлыхъ чиселъ есть дѣйствіе, имѣющее цѣлью отнять отъ даннаго цѣлаго числа столько единицъ, сколько ихъ находится въ другомъ данномъ цѣломъ числѣ“. Намъ приходилось уже дѣлать замѣчанія, что подобное опредѣленіе вычитанія не выдерживаетъ критики, ибо оно приводитъ понятіе о вычитаніи къ не менѣе простому понятію объ отниманіи.

Опредѣленіе умноженія дано такое: „Умножить цѣлое число на другое цѣлое значить взять (?) первое изъ этихъ чиселъ столько разъ, сколько единицъ содержится въ другомъ“. Тутъ является вопросъ: что значить „взять“?

Дѣленіе опредѣляется такимъ образомъ: „Раздѣлить цѣлое число на другое цѣлое значить раздѣлить первое число на столько равныхъ частей, сколько въ другомъ числѣ содержится единицъ“. Странное опредѣленіе, ибо оно, въ сущности, говоритъ, что раздѣлить значить раздѣлить.

Какъ на примѣръ недостаточной строгости доказательствъ, укажемъ на рѣшеніе задачъ (стр. 144, 145, 146): „Найти простую дробь, производящую десятичную періодическую простую, не имѣющую цѣлой части. Найти простую дробь, производящую десятичную періодическую простую, имѣющую цѣлую часть. Найти простую дробь, производящую десятичную періодическую смѣшанную“. Задачи эти, въ сущности, рѣшаютъ задачи объ обращеніи обыкновенныхъ дробей въ періодическія, а не періодическихъ въ обыкновенныя.

А. П. Киринскій. Учебникъ арифметики (по сравнительному методу) для гимназій, прогимназій, реальныхъ, городскихъ и уѣздныхъ училищъ. 2-я книга (цѣлыя числа и простѣйшія дроби. Курсъ 1 класса). Цѣна 15 коп. Москва. 1889. Стр. 1—73. 4-я книжка (Дроби, пропорціи, тройныя правила). Курсъ 2-го и 3-го классовъ. Цѣна 15 к. Москва. 1889. Стр. 73—174.

„Общество распространенія полезныхъ книгъ“, какъ сказано въ предисловіи къ рассматриваемой книгѣ,—въ теченіе своей двадцатипятилѣтней дѣятельности большею частью отстранялось отъ изданія учебниковъ, но предлагаемый учебникъ обладаетъ такими особенными качествами, что Общество сочло своимъ долгомъ издать его... Главная идея учебника“, говорится далѣе,—„состоитъ въ сопоставленіи и сравненіи понятій для полнаго уясненія ихъ. Такъ, для полнаго пониманія десятичной системы приведены образцы другихъ системъ; понятію о дѣйствіяхъ вообще противопоставляется понятіе о преобразованіи; сложеніе сравнивается съ умноженіемъ, вычитаніе со сложеніемъ, дѣленіе съ умноженіемъ и вычитаніемъ и т. д.“ Прочитавъ это предисловіе, мы надѣялись встрѣтить въ рассматриваемой книгѣ выдающійся по своей оригинальности и достоинству учебникъ; чтеніе же самой книги разочаровало насъ въ нашихъ ожиданіяхъ.

На стр. 3 авторъ слѣдующимъ оригинальнымъ образомъ вводитъ ученика въ понятіе о величинѣ: „Когда мы говоримъ, что Ивановъ выше Максимова, то на самомъ дѣлѣ мы сравниваемъ высоту роста Иванова съ высотой роста Максимова. Для точнаго сравненія необходимо найдти какую-нибудь мѣру, измѣрить при помощи ея ростъ обоихъ лицъ, и если при измѣреніи окажется, что въ ростѣ Иванова взятая нами мѣра уложилась большее число разъ, чѣмъ въ ростѣ Максимова, то тогда только мы съ увѣренностью можемъ сказать, что Ивановъ выше Максимова“.

На стр. 13 авторъ слѣдующимъ оригинальнымъ образомъ вводитъ ученика въ представленіе о сложеніи: „Три мальчика отправились въ лѣсъ за грибами; первый нашелъ 8 грибовъ, второй 12, а третій только 6. Такъ какъ грибовъ нашли они очень мало, а корзины у нихъ были вѣзны большія, то они и порѣшили ссыпать всѣ грибы въ корзину перваго мальчика. Сколько въ этой корзинѣ будетъ всего грибовъ? Для рѣшенія этой задачи мы должны поступить почти такъ, какъ поступили мальчики о которыхъ говорится въ задачѣ; они ссыпали всѣ свои грибы въ одну корзину, а мы должны соединить данныя намъ числа въ одно число“.

На стр. 24 авторъ, приступая къ опредѣленію вычитанія, обнару-

живаеъ уже непониманіе того, о чемъ говорить. И въ самомъ дѣлѣ, авторъ предлагаетъ задачу: „два карандаша стоятъ 8 коп., одинъ изъ нихъ 3 коп., — что стоитъ другой?“ и говоритъ: въ этомъ примѣрѣ по суммѣ двухъ чиселъ и по одному изъ слагаемыхъ нужно найти другое слагаемое“. Это все совершенно справедливо, но далѣе авторъ прибавляетъ: „понятно, что для рѣшенія примѣра нужно отъ 8 отнять 3“. Вотъ тутъ-то и обнаруживается непониманіе: отнять отъ 8 число 3 и значитъ найти второе слагаемое; отниманіе-то 3 и производится при помощи нахождения второго слагаемаго. Задача о вычитаніи и есть именно потому задача обратная задачѣ сложения, что въ ней ищется то, что въ задачѣ сложения дано, и на оборотъ, а не потому, что при задачѣ о вычитаніи мы считаемъ назадъ, какъ это объясняетъ авторъ на стр. 48.

Мы могли бы привести еще много примѣровъ желанія автора быть оригинальнымъ, но и приведенные показываютъ, что оригинальность автора не представляетъ украшенія разсматриваемой книги.

Вся книга замѣчательна отсутствіемъ строгости рассужденій. Дадимъ нѣсколько примѣровъ.

На стр. 76 авторъ говоритъ: „Можно получить дробь и другимъ образомъ: дѣля меньшее число на большее. Раздѣлимъ 3 на 8; такъ какъ мы еще не встрѣчали дѣленія меньшаго числа на большее, и подобное дѣленіе трудно для насъ (?), то раздѣлимъ сперва единицу на восемь частей и т. д.“.

На стр. 79 авторъ голословно утверждаетъ: „Такъ какъ на общаго наибольшаго дѣлителя должны дѣлиться оба данныя числа, то въ составъ общаго наибольшаго дѣлителя могутъ войти только такія простые числа и т. д.“.

На стр. 80 авторъ говоритъ: „Способы, по которымъ, не дѣливши сложное число на простое, можно узнать, раздѣлится ли оно безъ остатка, называются признаками дѣлимости. Эти способы бываютъ трехъ родовъ: 1) узнаютъ, раздѣлится ли число на данное простое по одной, по двумъ, тремъ и болѣе послѣднимъ цифрамъ сложнаго числа, 2) узнаютъ также по суммѣ цифры сложнаго числа и 3) узнаютъ дѣлимость сложнаго числа на сложныя же числа и по его послѣднимъ цифрамъ и по суммѣ его цифръ“. Интересно однако знать, какимъ способомъ будетъ узнавать авторъ признаки дѣлимости, напримѣръ, на 7. Дѣленіе дробей изложено длинно и запутанно. Обращеніе простыхъ дробей въ десятичныя и обратно изложено совершенно невозможно. Все дается безъ доказательствъ, механически.

Вообще разсматриваемая книга представляет изъ себя сочиненіе, появленіе котораго въ школѣ не желательно.

Методисш оворднете АУГАВЕН FUR DAS KOPF- UND TAFELRECHNEN, von *Richard Kälmä*, Lehrer an der St. Annenschule zu St.-Petersburg. Erstes Heft. Die vier Species im unbegrenzten Zahlenraume mit unbenannten und einfach benannten ganzen Zahlen. St.-Petersbourg. 1889. Preis 80 Kopeken.

Названное сочиненіе представляет собою сборникъ задачъ на первыя четыре дѣйствія надъ цѣлыми отвлеченными числами и простыми именованными числами. Сборникъ этотъ назначается для старшаго отдѣленія приготовительнаго класса гимназій и реальныхъ училищъ и для низшихъ классовъ женскихъ училищъ. Сборникъ этотъ содержитъ въ себѣ кое-какіе недостатки, которые должны быть исправлены. Укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ.

На стр. 3 предлагаются для выговариванія громадные числа, столонція, напримѣръ, изъ 20 цифръ (задача 43).

На стр. 9 выраженіе задачи: Nenne die grösste und die kleinste Ziffer неудачно.

На стр. 25 задача 262-я не возможна.

Задача 277-я требуетъ вычитанія большаго числа изъ меньшаго.

Задача 498-я (стр. 45) выражена неясно.

Задачи 320-я: „Welche operation kann man ausführen, wenn man den Preis von 7 Tischen berechnen will?“ совершенно неопредѣленно выражаетъ требованіе.

ЭЛЕМЕНТАРНАЯ АЛГЕБРА. Руководство для среднихъ учебныхъ заведеній. А. Вебрюсова. Харьковъ. 1889. Стр. 95 въ 8-му. Цѣна 60 к.

Названная книга, небольшая по объему, не богата и содержаніемъ. Она содержитъ въ себѣ минимумъ того, чего можно требовать отъ гимназиста. Страдая бѣдностью содержанія, названная книга страдаетъ отсутствіемъ обобщеній, неточностью опредѣленій и написана не особенно хорошимъ языкомъ.

Какъ на примѣръ отсутствія обобщеній, укажемъ на слѣдующія мѣста книги.

На стр. 19 авторъ, повѣривъ простымъ умноженіемъ равенства:

$$a^3 - b^3 = (a-b)(a^2 + ab + b^2)$$

$$a^4 - b^4 = (a-b)(a^3 + a^2b + ab^2 + b^3)$$

$$a^5 - b^5 = (a-b)(a^4 + a^3b + a^2b^2 + ab^3 + b^4),$$

заключаетъ, что разность одинаковыхъ степеней дѣлится на цѣло на разность тѣхъ же количествъ. Очевидно, что такого обобщеннаго

заключенія сдѣлать не имѣемъ права. Математика, по аналогіи, предвидитъ законъ, который потомъ и доказываетъ.

Подобнымъ же образомъ авторъ даетъ законъ составленія подходящихъ дробей (стр. 89); выводитъ биномъ Ньютона (стр. 93); даетъ выраженія какого ни есть члена арифметической и геометрической прогрессій (стр. 76).

Ученикъ, изучившій алгебру по книгѣ г. Веребрюсова, не будетъ владѣть извѣстнымъ приѣмомъ доказательства законовъ, предвидимыхъ по аналогіи.

Отрицательныя числа вводятся нашимъ авторомъ такимъ образомъ (стр. 5): „разность $5 - 2$ состоитъ изъ положительнаго члена $+5$ и отрицательнаго (-2); эта разность равна -3 , слѣд. $5 - 2 = 3$; если отнимемъ отъ этихъ равныхъ величинъ по 5 , то получимъ $-2 = 3 - 5$, то-есть, отрицательная величина равна разности, въ которой уменьшаемое меньше вычитаемаго“. Очевидно, что выписанное мѣсто не выдерживаетъ критики, ибо оно влечетъ за собою вопросъ: что значитъ вычесть 5 изъ 3 ?

Статьѣ о логарифмахъ не предшествуетъ никакого понятія о несомнѣнномъ показателѣ. Какъ на примѣръ неточныхъ опредѣленій и доказательствъ, укажемъ на слѣдующія мѣста книги.

На стр. 8 сложеніе опредѣляется такимъ образомъ: сложить — значитъ соединить вмѣстѣ всѣ данныя количества.

Вычитаніе не опредѣляется, а прямо безъ всякихъ разсужденій говорится: „чтобы вычесть многочленъ надо вычесть всѣ его члены“.

Правило умноженія многочлена на многочленъ дается опять безъ всякихъ разсужденій.

Пропорціональность величинъ (стр. 29) опредѣляется такимъ образомъ: „двѣ величины x и y называются пропорціональными, если съ увеличеніемъ одной, другая увеличивается во столько же разъ.“

На стр. 60 авторъ, безъ всякихъ доказательствъ, утверждаетъ, что квадратное уравненіе имѣетъ два корня, и потомъ говоритъ, что если даны эти корни, то уравненіе составить не трудно. Возьмемъ, говоритъ авторъ, уравненіе $x(x - \frac{1}{2}) + 3 = 0$, и потомъ отсюда выводитъ извѣстныя соотношенія. Неужели авторъ не понимаетъ, что представленіе лѣвой части квадратнаго уравненія въ видѣ $(x - \alpha)(x - \beta)$ есть слѣдствіе теоремъ о существованіи корня.

Изучившій алгебру по книгѣ г. Веребрюсова, можетъ быть, и научиться вычислять, но не научится строгимъ приѣмамъ доказательства и не разовьетъ способности къ математическимъ обобщеніямъ.

Краткій учебникъ географіи *Н. Раесскаю*. Визвронійскія отрасли. Изданіе 3-е. Съ четырьмя картинами и 47 рисунками. С.-Петербургъ. 1889. Стр. II + 73 въ 8-ку. Цѣна 60 к.

Третье изданіе поименованнаго учебника дополнено, снабжено рисунками и раскрашенными картами частей свѣта. Дополненія въ текстѣ не бесполезны, но мѣстами авторъ превзошелъ мѣру необходимости; такъ, напримѣръ, не слѣдовало бы говорить о нисхожденіи Будды на землю и его воплощенія. Приложенныя къ книгѣ рисунки слѣдовало бы помѣстить въ концѣ книги, куда долженъ быть вынесенъ и объяснительный къ нимъ текстъ, касающійся этнографіи и естественной исторіи. Къ тому же нѣкоторые рисунки заставляютъ ожидать многого лучшаго, особенно по сравненію съ такого же рода рисунками, приложенными къ книгѣ г. Янчина. Болѣе удались рисунки, изображающіе растенія и равныя жилища, но типы людей и ландшафты, какъ-то: негрятосъ (фиг. 3), малаецъ (фиг. 6), австралійскій ландшафтъ (фиг. 2), Сахара (фиг. 11), водопадъ Викторія (фиг. 13), алаповаты. Рисунки, представляющіе разрѣзы материковъ, конечно, должны быть оставлены на своемъ мѣстѣ, но не всѣ изъ нихъ заслуживаютъ похвалы; такъ на рис. 36 Гималаи изображены нехарактерно, Тянь-шань же вовсе опущенъ; еще менѣе цѣлесообразенъ рисунокъ 27, представляющій разрѣзъ Южной Америки. Лучшіе чертежи такого рода, по нашему мнѣнію, находятся въ послѣднихъ изданіяхъ нѣмецкаго учебника Зейдлица, и ими слѣдовало бы составителю воспользоваться.

Внесенныя въ текстъ новыя карты раскрашены 4-мя, а нѣкоторыя 5-ю тонами. За эту новинку нельзя не похвалить автора, тѣмъ болѣе, что книга его выходитъ только въ 3-мъ изданіи. Но карты Австраліи и Азіи, по причинѣ своего малаго масштаба, едва ли могутъ имѣть какое-либо значеніе; на послѣдней картѣ вмѣсто названій государствъ и земель помѣщены римскія цифры; границъ отдѣльныхъ государствъ также нѣтъ. Лучше всѣхъ картъ удалась Африка, но за то она можетъ служить только для физической географіи, а для политическаго отдѣла предназначается другая карта, не раскрашенная. Вообще было бы полезнѣе приложить къ учебнику не общія карты частей свѣта, а какія-либо отдѣльныя государства или отдѣльныя части материковъ, то-есть, то, чего порой нельзя найдти ни на картахъ, ни на атласѣ.

Неточности на картахъ встрѣчаются. Такъ, на картѣ Южной Америки не нанесена р. Ріо-де-Лаплата, хотя мѣста на этой картѣ до-

вольно; правда, въ текстѣ это названіе опущено, но оно встрѣчается на картѣ методической; слѣдовательно, авторъ не считаетъ возможнымъ обойтись безъ него. На картѣ Азии многого недостаетъ. между прочимъ, рѣкъ: Куры, Аракса и Кавказскихъ горъ; на дополнительной не раскрашенной картѣ, изображающей Азиатскую Турцію, Кавказскія горы есть, но Аракса нѣтъ. На дополнительной картѣ къ Африкѣ показаны „галласы“; очевидно, это названіе народа, но такъ какъ карта предназначается для политическаго раздѣленія Африки, то это названіе можетъ быть принято за обозначеніе какого-либо царства и тѣмъ болѣе, что въ текстѣ объ этомъ народѣ ничего не говорится.

Встрѣчается неправильное написаніе названій, и притомъ различное въ текстѣ и на картѣ, напримѣръ, въ текстѣ—Абиссинія, а на картѣ—Абессинія; въ текстѣ Виелеемъ написано правильно, а на дополнительной картѣ ошибочно; впрочемъ, въ текстѣ по поводу Виелеема встрѣчается еще и другая неточность, именно сказано: „Виелеемъ—родина (?). Спасителя“. Кроме того, въ текстѣ находятся названія: Бухарія, Кубо, Ефратъ и т. п.

Географическія чертежи России для классаго черченія, съ указаніемъ приема черченія на память картъ Европейской и Азиатской Россій, Туркестанскаго и Кавказскаго края. Изданіе второе, значительно переработанное и дополненное. Составилъ *И. Н. Михайловъ*, преподаватель географіи въ С.-Петербургскомъ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ. С.-Пб. 1888—1889 учебнаго года. Цѣна 60 коп.

Географическія чертежи г. Михайлова являются вторымъ изданіемъ, которое дополнено 14 новыми чертежами и картами. Такимъ образомъ въ новое изданіе вошли слѣдующія карты и чертежи: карта земнаго шара для выясненія географическаго положенія Россій (№ 1); границы Россійской имперіи (№ 2); приемъ черченія географической сѣти для карты Европейской Россій (№ 3); географическая сѣть Европейской Россій съ частими контура, выбранными для черченія морей (№ 4); черченіе морей, окружающихъ Европейскую Россію (№ 5); черченіе пяти главнѣйшихъ рѣкъ Европейской Россій (№ 6); черченіе рѣкъ бассейновъ морей—Балтійскаго, Вѣлаго и Ледовитаго (№ 7); черченіе рѣкъ Черноморскаго бассейна (№ 8); черченіе рѣкъ бассейна Каспійскаго моря (№ 9); упрощенное черченіе для повторенія (№ 10); болѣе подробное очертаніе рѣкъ Европейской Россій (№ 11); повторительная карта Европейской Россій; подробное очертаніе (№ 12); орографическая карта Европейской

Россіи (№ 13); карта Европейской Россіи для повторенія губерній и городовъ (№ 14); объясненіе названій поселеній, обозначенныхъ на картѣ (№ 15); искусственныя водныя пути сообщенія въ Европейской Россіи (№ 16); желѣзныя дороги въ Европейской Россіи (№ 17); приемъ класснаго черченія карты Кавказа (№ 18); орографическая карта Кавказа (№ 19); карта Кавказа (болѣе подробное очертаніе) (№ 20); географическая сѣть и части контура, выбранныя для черченія русскихъ среднеазиатскихъ владѣній (№ 21); черченіе главнѣйшихъ рѣкъ и возвышенностей въ русскихъ среднеазиатскихъ владѣніяхъ (№ 22); орографическая карта (№ 23); русскія среднеазиатскія владѣнія съ границами областей и главными городами (№ 24); приемъ черченія географической сѣти для Азиатской Россіи (№ 25); географическая сѣть Азиатской Россіи (№ 26^а); основныя части контура Азиатской Россіи для класснаго черченія (№ 26^б); упрощенное очертаніе Азиатской Россіи для класснаго черченія (№ 27); нѣмая карта Азиатской Россіи. Упрощенное очертаніе (№ 28); орографическая карта Азиатской Россіи (№ 29); главные города Азиатской Россіи (№ 30).

Всѣ прибавленія цѣльны, а съ методической точки зрѣнія особенно важны чертежи по бассейнамъ и чертежи, представляющіе главныя рѣки Европейской Россіи, а равно и нѣмыя карты, недостатокъ которыхъ особенно ощутителенъ въ нашихъ атласахъ.

Всѣ новыя карты исполнены болѣе отчетливо и чисто, чѣмъ въ прежнемъ изданіи. Старыя карты, недостаточно ясны и выполнены аляповато, какъ-то: орографическія карты Европейской Россіи и Кавказа, замѣнены вполне новыми, болѣе наглядными и четкими, съ присоединеніемъ новыхъ условныхъ знаковъ, облегчающихъ ученикамъ ознакомленіе съ поверхностью страны; такъ, на примѣръ, на орографической картѣ Россіи отмѣнены возвышенности, направленіе главныхъ возвышенностей и обозначены замѣчательныя вершины.

Въ общемъ, географическіе чертежи Россіи г. Михайлова, во второмъ изданіи, производятъ благоприятное впечатлѣніе, какъ по содержанію, такъ и по техническому выполненію. Отмѣтимъ только слѣдующія неудобства: карта Европейской Россіи (№ 15) прилагается въ пополненіе сосѣдней нѣмой карты и назначеніе ея состоитъ, между прочимъ, въ томъ, чтобъ ученики могли по ней справиться на счетъ названій населенныхъ мѣстностей, помѣченныхъ на нѣмой картѣ только кружками; но на объяснительной картѣ многія изъ такихъ названій обозначены только одною начальною буквою, что

нужно признать нецѣлесообразнымъ; правда, къ концу атласа прибавлено объясненіе сокращеній къ этой картѣ, но чтобы отыскать на этомъ листѣ соответствующее названіе, для учениковъ потребуется не мало времени и терпѣнія.

Далѣе, на картахъ морскихъ бассейновъ Европейской Россіи находится много неважныхъ рѣкъ: такъ, для примѣра, на чертежѣ № 7 помѣщена не только маловажная р. Межа, судоходная на 100 верстъ съ небольшимъ, но даже указавъ и притокъ Межи—Обша, судоходный только на 45 верстъ; или: на картѣ № 9 помѣщена рѣка Нугра (?), которую не всегда можно найти въ доступныхъ картахъ и атласахъ. На орографической картѣ Кавказа (№ 19) въ прежнемъ изданіи было показано только 10 замѣчательныхъ хребтовъ и вершинъ, во второмъ же изданіи—17 названій, между тѣмъ какъ въ учебникахъ не болѣе 7. Правило, что географическая карта тѣмъ нагляднѣе, чѣмъ на ней болѣе бѣлыхъ мѣстъ, имѣетъ значеніе и для методической карты.

Неправильныя написанія названій встрѣчаются и въ настоящемъ изданіи, но, сравнительно съ прежнимъ, въ незначительномъ количествѣ. Такъ: Смигеръ, Боскунчатское озеро, Мертвый Кудутукъ, въ двухъ мѣстахъ—Пикъ Кауфманія, Маршланъ и т. п. Подобно прежнему изданію, удерживается Вильно, водопадъ Вуокса и т. п.

Prof. Dr. *O. Olms*. Учебникъ зоологии для высшихъ учебныхъ заведеній. Переводъ съ послѣдняго, 4-го нѣмецкаго изданія. Въ текстѣ 792 рисунка въ двухъ частяхъ. Переводъ I-й части д-ра *М. А. Шульмина* и *М. В. Желнина*, переводъ II-й части д-ра *М. А. Шульмина*. Одесса. 1888. Цѣна 7 руб.

Приятно видѣть книгу, такъ хорошо изданную, съ такимъ множествомъ рисунковъ, очень хорошо сдѣланныхъ и напечатанныхъ. Цѣна 7 руб., сравнительно очень не высока. Переводчики очень основательно выбрали для изданія на русскомъ языкѣ книгу Клауза, такъ какъ трудно представить себѣ учебникъ зоологии болѣе полный и исправный въ отношеніи къ современному состоянію науки. Рисунки составляютъ истинную драгоцѣнность по выбору, отчетливости и поучительности. Къ сожалѣнію, авторъ не обладаетъ легкостью и простотою рѣчи, такъ что, при неизбежной въ такомъ трудѣ сжатости, изложеніе книги страдаетъ целостностью.

Переводъ подобнаго сочиненія представлялъ значительныя трудности и требовалъ непременно хорошаго знакомства съ дѣломъ. При

сравненіи съ подлинникомъ оказывается, что переводчики съ большою точностью передали текстъ оригинала, а также, что они безчисленные термины перевели сообразно съ наиболѣе установившеюся русскою терминологіей. Но вполнѣ исправный переводъ есть дѣло до такой степени трудное, что не удивительно, если и въ разсматриваемомъ переводѣ встрѣчаются различныя неточности.

На стр. 6 словами молекулярная организація переведено выраженіе *moleculare Anordnung*; лучше бы просто: молекулярное строеніе.

На стр. 7 душа называется виѣстилицемъ способностей; въ нѣмецкомъ *Sitz*, то-есть, сѣдалище; и это не хорошо, но все-таки лучше, чѣмъ виѣстилице.

На стр. 18: „Колонія въ своихъ проявленіяхъ содержится совершенно какъ индивидуумъ“. Словомъ содержится переведено *verhält sich*, относятся, держитъ себя, ведетъ себя. Тотъ же неудачный переводъ встрѣчается вездѣ, гдѣ попадалось отвлеченное выраженіе *Verhältniss, verhalten sich*, напримѣръ, на стр. 102: „Такимъ же образомъ содержатся и личинки *Cesidomyia*“.

Вообще разсматриваемый переводъ едва ли испѣ подлинника, какъ это иногда, хотя рѣдко, бываетъ съ переводами. На стр. 104 (ч. I) мы читаемъ: „новое ядро, неправильно называемое сегментаціоннымъ“. Но не все ли равно, какъ его назвать? И въ чемъ заключается неправильность? Въ подлинникѣ нѣтъ слова неправильно, да и въ переводѣ на слѣдующей страницѣ въ третьей строкѣ говорится очень просто о первомъ сегментаціонномъ ядрѣ, то-есть, употребляется неправильное яко бы названіе.

На стр. 147 ч. I говорится, что теорія Дарвина „далека отъ того, чтобы указать конечныя причины“. Въ подлинникѣ стоятъ *letzten Ursachen*, послѣднія или первоисходныя причины. Подъ выраженіемъ же конечныя причины принято разумѣть *causae finales*, то-есть, цѣли.

На стр. 159 ч. I стоятъ: „незначительный кусокъ громаднаго первобытнаго міра“. Словомъ кусокъ переведено *Bruchtheil*, то-есть, часть, доля.

Написаніе собственныхъ именъ ученыхъ представляетъ колебанія, которыя неволью бросаются въ глаза. Очень хорошо сдѣлано, что каждое такое имя пишется не только по русски, но въ скобкахъ изображается и въ его подлинномъ написаніи. Но не хорошо, если имя въ первый разъ встрѣчающееся прямо пишется только латин-

скими буквами, а потомъ употребляется въ русскомъ написаніи. Такъ поступлено съ именами Ламарка и Кювье на стр. 133 въ ч. I. Еще болѣе неправильно имена, упомянутыя уже множество разъ, опять писать по латини, напримѣръ: Cuvier, Linné (см. ч. II, стр. 1). На этой же страницѣ — mollusca переведено мягкотѣлныя, а потомъ вмѣсто этого перевода употребляется слово моллюски, да и неправильно склоняется въ женскомъ родѣ: моллюсокъ, тогда какъ по русски слово моллюскъ — мужскаго рода.

Все это мелкія несправности, очевидно, не могущія мѣшать употребленію книги. Прибавимъ, что вообще книга очень исправно напечатана и снабжена указателемъ латинскихъ и русскихъ названій.

Зоологическій атласъ Г. Лейтмана, съ текстомъ К. Семъ-Илера. 24 хромолитографированныя таблицы, содержащія 255 изображеній и 94 рисунка въ текстѣ. С.-Пб. 1889. Цѣна 2 р. 50 к.

Какъ видно по числу фигуръ, атласъ этотъ принадлежитъ къ разряду самыхъ малыхъ атласовъ и назначается для низшихъ учебныхъ заведеній, для среднихъ же, напримѣръ, для реальныхъ училищъ, онъ дастъ лишь крайне необходимыя изображенія. Нельзя не обратить вниманія также на то, что очень мало здѣсь рисунковъ низшихъ животныхъ, тогда какъ именно эти животныя, часто никогда не виданныя учениками и представляющія необыкновенныя формы и строенія, всего больше нуждаются въ изображеніяхъ. Въ предисловіи къ атласу говорится: „Недостатокъ этотъ объясняется тѣмъ, что большинство изображеній этого отдѣла должно быть сильно увеличено, и кромѣ наружнаго вида, должны быть даны анатомическіе рисунки, а подобные рисунки не очень удачно воспроизводятся хромолитографіей“. Но почему же непремѣнно прибѣгать къ хромолитографіи? Хорошій черный рисунокъ, даже схематическій, можетъ дать ясное понятіе о томъ, что безъ рисунка понять очень трудно. Довольно странно, что во всѣхъ почти атласахъ принято изображать, на оборотъ, самыя извѣстныя предметы, напримѣръ, лошадь, кошку и т. д. Въ разсматриваемомъ атласѣ также все это есть, но въ добавокъ, именно такіе ежедневные предметы вышли неудачно; напримѣръ, довольно непохоже изображены: кошка (V), свинья (XIII), голуби (XVII), воробей (XVI), комаръ (XXI).

Впрочемъ, большинство рисунковъ очень хороши. Животныя, по нынѣшней модѣ, изображены не въ неподвижной позѣ, а на бѣгу, на лету, или же въ борьбѣ съ добычею. Раскраска имѣетъ также цѣлю

придать рисункамъ полную натуральность и жизненность. Все это задачи, нѣсколько отступающія отъ главныхъ цѣлей зоологической систематики, изучающей собственно внѣшніе анатомическіе признаки животныхъ, а не ихъ живописную фizioномію. Притомъ, это задачи трудныя, особенно при маленькихъ размѣрахъ изображеній; поэтому попадаютъ въ разсматриваемомъ атласѣ неудачныя фигуры, или подробности. Напримѣръ, желтянка (т. XXII) вѣрна по цвѣту, но ея туловище и головка изображаютъ нѣчто вовсе не существующее въ природѣ; гіэны (т. IV) изображены съ какими-то кусками во рту, но любознательный ученикъ напрасно будетъ разгадывать, что должны представлять эти куски, и не найдетъ никакого указанія въ текстѣ; притомъ, пятнистая гіэна слишкомъ красна; да и во всемъ атласѣ красноватый оттѣнокъ слишкомъ часто черезъ жѣру ярокъ, напримѣръ, въ фигурахъ игрунки (т. II), рыси (т. V), хомяка (т. VII), бѣлки (тамъ же) яйца (т. VIII), и пр. Ясный недостатокъ представляетъ также блѣдность раскраски нѣкоторыхъ рисунковъ, напримѣръ, слона (т. VIII), ящера (XIV), краба (т. XXIII), сколопендры (тамъ же) и т. д.

Во всякомъ случаѣ достоинства и удобства разсматриваемаго атласа далеко перевѣшиваютъ указанные недостатки.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ ИМПЕРАТОРСКАГО ОДЕССКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ.

14-го ноября 1889 года состоялось празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея одного изъ старѣйшихъ нашихъ ученыхъ обществъ—Одесскаго Общества исторіи и древностей.

Мысль объ учрежденіи въ Одессѣ общества для изученія древностей Новороссійскаго края принадлежитъ одному изъ мѣстныхъ археологовъ—И. А. Стемпковскому, который самъ не мало потрудился на этомъ поприщѣ; въ 1839 году представители ученой корпораціи въ Одессѣ — попечитель Одесскаго учебнаго округа Д. М. Бняжевичъ, директоръ Ришельевскаго лицея Н. Н. Мурзакевичъ, профессоръ того же лицея Н. И. Надеждинъ, А. С. Струдза и другіе — возбуждали ходатайство объ учрежденіи такого общества въ Одессѣ. Бывшій въ то время Новороссійскимъ генераль-губернаторомъ, графъ М. С. Воронцовъ представилъ ходатайство ихъ императору Николаю Павловичу, и государь, повелѣніями отъ 31-го октября и 14-го ноября 1839 года, соизволилъ утвердить уставъ Общества и повелѣть производить изъ государственнаго казначейства ежегодно по 5,000 руб. для содѣйствія его цѣлямъ, а кромѣ того, даровалъ Обществу покровителя въ лицѣ наследника цесаревича Александра Николаевича.

Первое торжественное засѣданіе Общества происходило 4-го февраля 1840 года. Въ засѣданіи этомъ намѣчены были задачи будущей содѣйствіи, отд. 4.

душей дѣятельности Общества. Избранны президентомъ Д. М. Княжевничъ въ рѣчи своей при открытіи засѣданія справедливо сказалъ: „Край, избранный нами для историческихъ разысканій, богатъ памятниками безгласными, нѣмыми. Памятники эти имѣютъ то неоспоримое значеніе, что они суть древнѣйшіе и достовѣрнѣйшіе. Памятники эти — курганы или могилы, разсыпанные по всему краю южной Россіи. Слово человеческое, конечно, вразумительнѣе и краснорѣчивѣе, но оно и является позже, и притомъ способнѣе ко лжи, удобнѣе для намѣренныхъ и бевнамѣренныхъ искаженій. Между тѣмъ нѣмые памятники-могилы восходятъ къ доисторическимъ временамъ“.

Дѣйствительно, сѣверные берега Чернаго моря представляютъ собою одно изъ древнѣйшихъ поприщъ исторической дѣятельности въ Европѣ. Первое движеніе греческой колонизаціи къ этимъ берегамъ началось еще за 1230 лѣтъ до Рождества Христова, когда, по свидѣтельству Стефана Византійскаго, основана была ими Пантикапея (Керчь). Въ 600 году основана была Феодосія, въ 500—знаменитый Херсонесъ. Въ пятomъ вѣкѣ до Р. Х. нынѣшнюю Новоросію посѣтилъ отецъ исторіи Геродотъ, который нашелъ здѣсь множество могилъ Скиескихъ царей, могилы же по Дакстру называлъ киммерійскими. Позже мѣстность, нынѣ занимаемая Новоросіей, служила широкимъ путемъ для народовъ, передвигавшихся съ востока на западъ: готы, гунны, половцы, печенѣги, монголы и татары усѣяли путь этотъ своими костями, о чемъ свидѣлствуютъ тысячи таинственныхъ кургановъ. Такимъ образомъ, Новоросійскій край совмѣщаетъ въ себѣ драгоцѣпныя воспоминанія того цикла вѣковъ, который называется періодомъ классической греко-римской древности, съ ранними преданіями того періода европейской жизни, которому усвоено названіе средневѣковья. Вмѣстѣ съ тѣмъ тамъ почіютъ и сияющія воспоминанія христіанской древности. На южномъ берегу Крыма пролита кровь св. Климента, одного изъ первыхъ апостольскихъ преемниковъ, одного изъ первыхъ іерарховъ умиравшаго Рима. Херсонесская церковь была одною изъ старѣйшихъ дочерей матери церкви—церкви Іерусалимской. Впослѣдствіе сѣверо-восточная часть Чернаго моря удостоилась быть мѣстомъ страданія за истину величайшаго изъ мужей христіанства св. Іоанна Златоуста, сверженнаго вслѣдствіе интригъ съ первосвященничества въ Царьградѣ и сосланаго въ Петіунтъ, нынѣшнюю Пицунду, на Кавказѣ. Св. Мартинъ, папа Римскій, положилъ за православіе жизнь свою на берегахъ Херсонеса. Таврида прославилась христіанскою.

доблестью св. Стефана Сурожскаго; наконецъ, чрезъ Херсонесъ приняло ученіе св. вѣры и въ предѣлы восточнаго славянства. Сюда, по преданію, прибылъ изъ Сипопа св. апостолъ Андрей, водружившій крестъ на горахъ Кіевскихъ, а въ IX вѣкѣ Херсонесъ посѣщенъ былъ первоучителями святыми Кирилломъ и Меѳодіемъ.

Освященная столь великими историческими воспоминаніями, мѣстность Новороссійскаго края представляла, такимъ образомъ, обширныя и равнообразныя задачи для изслѣдованія. При самомъ основаніи своемъ Общество поставило себѣ въ обязанность собирать, описывать и хранить всѣ остатки древностей, открывающіеся въ южной Россіи или имѣющіе къ ней отношеніе, заниматься отыскиваніемъ, разборомъ и объясненіемъ документовъ и актовъ, относящихся до исторіи означеннаго края, подвергать критическому изслѣдованію показанія древнихъ писателей о его мѣстностяхъ и достопримѣчательностяхъ и отыскивать ихъ слѣды въ настоящемъ времени, готовить запасы для будущей исторіи края собираемъ вѣрныхъ свѣдѣній о настоящемъ его состояніи въ отношеніи географіи и статистики, разбирать выходящія на русскомъ и иностранныхъ языкахъ сочиненія, имѣющія тотъ же предметъ, опредѣлять степень ихъ достоверности и издавать результаты своихъ работъ.

Въ теченіе пятидесяти лѣтъ своего существованія Общество въ значительной степени успѣло выполнить эти свои задачи. Оно издало 15 томовъ своихъ Записокъ, въ которыхъ содержится множество изслѣдованій по всѣмъ отраслямъ и предметамъ его занятій. Не перечисляя здѣсь всѣхъ этихъ трудовъ, нельзя однако не сказать, что ими существенно повинно изученіе прошлыхъ судебъ Новороссійскаго края, и вмѣстѣ съ тѣмъ, внесенъ большой вкладъ въ общую сокровищницу русской исторіи. Общество образовало въ своей средѣ не мало мѣстныхъ ученыхъ, имена которыхъ съ почетомъ сохранились въ исторіи нашего просвѣщенія. Предоставленное Обществу право производить археологическія разысканія по всей южной Россіи, на казенныхъ земляхъ съ разрѣшенія начальства, а на частныхъ—съ согласія владѣльцевъ, дало важныя результаты и обогатило науку драгоценными памятниками древняго искусства и быта. Съ 1873 года это важное право было распространено и на восточный берегъ Кавказа. Императоръ Александръ II пребывалъ Покровителемъ Общества до своей кончины. Въ 1872 году имъ было предоставлено Обществу названіе Императорскаго, въ воздаяніе заслугъ, оказанныхъ отечественной наукѣ въ продолженіе болѣе 30-лѣтняго существованія. Въ

1881 году соизволилъ принять Общество подъ свое высокое покровительство нынѣ благополучно царствующіи Государь Императоръ.

Въ первый годъ существованія Общества въ немъ считалось, кромѣ учредителей и почетнаго президента, дѣйствительныхъ членовъ 49, почетныхъ 6, соревнователей 1, корреспондентовъ въ Россіи 20, за границей 3. Въ 1889 году въ Обществѣ состояло членовъ: почетныхъ 16, дѣйствительныхъ 101, сотрудниковъ и корреспондентовъ 35. Сверхъ того, Общество удостоилось чести имѣть своими почетными членами Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Константина Николаевича, Николая Николаевича и Михаила Николаевича и бывшаго Императора Бразильскаго Донъ-Педро.

Вслѣдъ за основаніемъ Общества при немъ положено было начало музею. Это собраніе древностей постоянно обогащалось и нынѣ помѣщается, вмѣстѣ съ городской публичною бібліотекою, въ одномъ зданіи, построенномъ на средства нынѣшняго одесскаго городского головы Г. Г. Марави. Въ настоящее время въ музей этомъ числятся: камней съ надписями, статуй болѣе или менѣе поврежденныхъ, колоннъ, капителей, разнородныхъ архитектурныхъ орнаментовъ, росписныхъ вазъ, терракотъ, мѣдныхъ статуэтокъ, золотыхъ, серебряныхъ, бронзовыхъ, костяныхъ, стеклянныхъ и каменныхъ предметовъ домашняго быта, ручекъ съ надписями, разнообразныхъ стрѣлокъ, оружія, нѣкоторыхъ орудій каменнаго и бронзоваго вѣка и прочее, въ общей сложности 2,541; въ милицъ-кабинетѣ: 18,284 монеты, въ томъ числѣ золотыхъ 180, серебряныхъ 2,705 и мѣдныхъ 10,449.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

УНИВЕРСИТЕТЪ СВ. ВЛАДИМИРА ВЪ 1888 ГОДУ.

Къ 1-му января 1889 г. въ университетѣ было штатныхъ преподавателей: на историко-филологическомъ факультетѣ — профессоровъ ординарныхъ 6, экстраординарныхъ 5, лекторовъ 3; на физико-математическомъ: профессоровъ ординарныхъ 10, экстраординарныхъ 4, астрономъ-наблюдатель 1; на юридическомъ: ординарныхъ профессоровъ 6, экстраординарный 1; на медицинскомъ: ординарныхъ профессоровъ 18, экстраординарныхъ 6, прозекторовъ 5. Вообще въ университетѣ состояло штатныхъ преподавателей: профессоровъ ординарныхъ 35, экстраординарныхъ 16, лекторовъ иностранныхъ языковъ 3, одинъ астрономъ-наблюдатель, прозекторовъ 5. Число сверхштатныхъ было 12 лицъ, именно по слѣдующимъ каедрамъ: богословія, оперативной хирургіи, энциклопедіи права и исторіи философіи права, чистой математики (2), гражданского права, государственнаго права, финансоваго права, теоріи и исторіи искусствъ, физики, судебной медицины, механики. Привать-доцентовъ состояло 29, а именно: а) на историко-филологическомъ факультетѣ — по классической филологіи 5, и по одному по философіи, русской словесности, русской исторіи, теоріи и исторіи искусствъ, церковной исторіи; б) на физико-математическомъ—по одному по чистой математикѣ, по агрономіи, по сравнительной анатоміи животныхъ, физиологіи животныхъ и челоуѣка; в) на юридическомъ — по одному по церковному праву, по уголовному праву, по политической экономіи и статистикѣ, г) на медицинскомъ—по одному по накожнымъ болѣзнямъ, по хирургической патологіи, по оперативной хирургіи съ топографической

анатоміей, по общей хирургической анатоміи, терапіи и оперативной хирургіи, по теоретической хирургіи, по частной патологіи и терапіи, по частной патологіи, по акушерству и женскимъ болѣзнямъ, по дѣтскимъ болѣзнямъ, по медицинской химіи, по судебной химіи, по патологической анатоміи. Въ 1888 году сравнительно съ 1887 годомъ преподавателей было болѣе 8, именно ординарныхъ профессоровъ 4, экстраординарныхъ—2, приватъ-доцентовъ—2. Изъ числа положенныхъ по уставу кафедръ къ 1-му января 1889 года оставались не замѣщенными слѣдующія: а) на историко-филологическомъ факультетѣ—философіи и исторіи церкви, б) на физико-математическомъ—географіи и этнографіи, агрономіи, в) на юридическомъ—церковнаго права, торговаго права, энциклопедіи права, государственнаго права и финансоваго права, г) на медицинскомъ—хирургической патологіи съ десмургіей и ученіемъ о вывихахъ и переломахъ, исторіи и энциклопедіи медицины, медицинской химіи и судебной медицины. Изъ числа 13 поименованныхъ кафедръ 10 поручены были преподавателямъ другихъ кафедръ; независимо отъ сего факультеты заботились подготовленіемъ на будущее время преподавателей, съ каковою цѣлью молодые люди были оставляемы при университетѣ и посылаемы за границу.

Факультеты имѣли въ 1888 году засѣданій: историко-филологическій 16, физико-математическій 12, юридическій 19, медицинскій 28. Въ 1888 году, какъ и въ предшествовавшіе годы, контроль надъ научными занятіями, согласно съ правилами о зачетѣ полугодій, заключался: а) въ бесѣдахъ преподавателей по заключеннымъ отдѣламъ читаемыхъ ими курсовъ, б) въ просмотрѣ и провѣркѣ составленныхъ студентами записей лекцій, при чемъ такой просмотръ сопровождается необходимыми распросами, объясненіями и указаніями въ совѣщательные часы, в) въ практическихъ упражненіяхъ студентовъ по основнымъ предметамъ, при чемъ на физико-математическомъ и медицинскихъ факультетахъ особенное вниманіе обращено было на занятія въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ университета, г) въ обязательныхъ домашнихъ чтеніяхъ по указаніямъ преподавателей, д) на юридическомъ факультетѣ въ репетиціяхъ по выслушаннымъ предметамъ, е) на юридическомъ и филологическомъ факультетахъ—въ обязательномъ представленіи каждымъ студентомъ письменной работы по избранному предмету. Независимо отъ сего, въ концѣ cadaго семестра производились повѣрочныя испытанія по

предметамъ, прослушаннымъ въ теченіе семестра, и составительныя испытанія для освобожденія отъ платы за ученіе; студенты же, ищущіе стипендій и пособій, находились подъ особымъ наблюденіемъ факультетовъ, согласно новымъ правиламъ, утвержденнымъ г. министромъ народнаго просвѣщенія. О серьезность научныхъ занятій студентовъ и любви ихъ къ этимъ занятіямъ свидѣлствуютъ значительное число и выдающіяся достоинства сочиненій, представленныхъ на предложенныя факультетами темы.

Изъ числа экстраординарныхъ профессоровъ не имѣютъ соотвѣтственной степени слѣдующіе: по кафедрѣ западно-европейскихъ литературъ Дышкевичъ, по кафедрѣ минералогіи и геологіи Армашевскій, по кафедрѣ римскаго права Казанцевъ и по кафедрѣ механики Сусловъ. Публичныя лекціи читаны были профессоромъ Алексѣевымъ по химіи, бесплатно, для лицъ всѣхъ состояній.—Командированы были—съ ученою цѣлью за границу профессоръ Кладеръ, приватъ-доценты Гиляровъ и Сошни—для занятій въ бібліотекахъ и архивахъ; профессоръ Гейбель для посѣщенія нѣкоторыхъ фармакологическихъ и фивіологическихъ институтовъ и фабрикъ физиологическихъ приборовъ, профессоръ Шиллеръ—для осмотра физическихъ лабораторій, профессоръ Коротневъ—для занятій по зоологической станціи въ Видла-Франко, профессора Теофилактовъ и Армашевскій—для принятія участія въ занятіяхъ IV сессіи междунаго геологическаго конгресса въ Лондонѣ, приватъ-доцентъ Троицкій—для осмотра дѣтскихъ больницъ въ Германіи, Австріи и Франціи, Роговичъ — для посѣщенія клиникъ профессоровъ Вильрота, Бергмана, Фолькмана, и для занятій въ клиникѣ профессора Бруна, съ цѣлью спеціальнаго изученія горловыхъ болѣзней; б) въ Россіи: профессоръ Минхъ—въ Астраханскую губернію для дополненія нѣкоторыхъ свѣдѣній по этиологіи проказы, приватъ-доцентъ Фокковъ — для занятія греческими рукописями въ бібліотекахъ и архивахъ Петербурга, Москвы и другихъ городовъ Россіи.

Для соисканія наградъ медалями факультетами предложены были слѣдующія темы: отъ историко-филологическаго факультета—*„De brevi loquentia Tacitae“*, *„Quibus rebus vera Anacreontis poetas carmina a falsis, quae Anacreontea appellantur, discerni possint“*, „Отношеніе русскихъ ж и з къ соотвѣтствующимъ звукамъ родственныхъ языковъ“, „О языкѣ Новгородской лѣтописи по синодальному списку“, „Казиміръ Бродзинскій и его литературная дѣятельность“, „Сочиненіе

нія Курбскаго какъ историческій матеріалъ", „Франческо Ферруччи и его время"; отъ физико-математическаго факультета—„О задачѣ Пфаффа", „Микроскопическія изслѣдованія породъ силурійской и мѣловой системъ Подольской губерніи", „Вліяніе свѣта на процессъ дыханія у растений"; отъ юридическаго факультета—„Налогъ на освобождаемыхъ отъ воинской повинности въ теоріи и въ практическомъ примѣненіи", „Объ имущественныхъ отношеніяхъ между супругами по римскомъ праву"; отъ медицинскаго факультета—„Крупозная пневмація", „О трепанациі черепа", „О перевязкѣ подклеточной артеріи". За представленныя на сія темы сочиненія удостоены золотыми медалями—2 студента историко-филологическаго факультета, 3—физико-математическаго, 2—юридическаго и 1—медицинскаго; серебрянными: 2—историко-филологическаго факультета, 1—физико-математическаго, 1 медицинскаго; почетнаго отзыва удостоены 1 студентъ историко-филологическаго факультета. Для соисканія награды въ 1889 году предложены факультетами слѣдующія задачи: историко-филологическимъ факультетомъ—„De Aristofanis Acharnensibus retractata", „Исторія Киевскаго княженія отъ смерти Ярослава I до конца XIV столѣтія", „Отношеніе Батюшкова къ Пушкину", „Русь въ Германской сагѣ"; физико-математическимъ—„Изслѣдовать явленіе самоопыленія у растений, приспособленія цвѣтковь, обуславливающія собственно цвѣтенію, зависимость самоопыленія отъ вѣтшнихъ условій и сравненіе послѣдствій самоопыленія съ результатами перекрестнаго опыленія", „Приближенное вычисленіе опредѣленныхъ интеграловъ"; юридическимъ—„Ученіе Locatio conductio operis сравнительно съ соотвѣтствующими постановленіями французскаго гражданскаго кодекса и нашего Свода Законовъ", „Приобрѣтеніе наслѣдства и его послѣдствія по русскому праву"; медицинскимъ факультетомъ—„Экспериментальное изученіе надъ пересадками слизистыхъ оболочекъ", „Анатомическія измѣненія тканей у животныхъ подъ вліяніемъ не убивающихъ животнаго высокихъ температуръ", „Экспериментально-патологическое и бактериологическое изслѣдованіе остраго насморка". Одинъ изъ получившихъ золотую медаль, студентъ 8-го семестра историко-филологическаго факультета Аржавинъ получилъ премію имени Н. И. Широкова въ 100 рублей за свое сочиненіе на предложенную факультетомъ тему: „Казиміръ Бродзвинскій и его литературная дѣятельность".

На основаніи существующихъ узаконеній совѣтомъ университета

утверждены въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: а) въ степени доктора: Маркевичъ—русской исторіи, Пихово и Федоровичъ—политической экономіи, Тальбергъ—уголовнаго права, Судакевичъ и Галинъ—медицины; б) въ степени магистра Богдановъ—агрономіи; в) кандидата—81 (историко-филологическаго факультета—18, физико-математическаго—21, юридическаго—42); г) дѣйствительнаго студента—192 (историко-филологическаго факультета—33, физико-математическаго—30, юридическаго—129). По медицинскому факультету удостоены: лѣкаря—108, инспектора врачебной управы—1, уѣзднаго врача—2, провизора—15, аптекарскаго помощника—126, дантиста—6, повивальной бабки—4.

Для усовершенствованія въ наукахъ командированы за границу одинъ магистръ, одинъ магистрантъ и три кандидата университета; для приготовленія къ профессорскому званію состояли семь стипендіатовъ по слѣдующимъ предметамъ: русскому языку и словесности, всеобщей исторіи, русской исторіи, астрономіи, химіи, частной патологіи, гигиены.

Студентовъ въ университетѣ св. Владиміра къ 1-му января 1888 года состояло 2,024, въ 1888 году поступило 477 (изъ гимназій съ соотвѣствующими свидѣтельствами зрѣлости 379, изъ заграничныхъ гимназій 1, бывшихъ студентовъ сего университета 21, бывшихъ студентовъ другихъ университетовъ 45, бывшихъ студентовъ военно-медицинской академіи 1), въ теченіе 1888 года вышло 383 (до окончанія курса 99, по окончаніи курса 284); затѣмъ къ 1-му января 1889 года оставалось на лицѣ 2,088. Постороннихъ слушателей было въ первой половинѣ 1888 года 47, во второй половинѣ—50. Оставшіеся къ 1889 году 2,088 студентовъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: а) по факультетамъ—въ историко-филологическомъ факультетѣ 96, въ физико-математическомъ—325 (по разряду естественныхъ наукъ 85, по разряду математическихъ наукъ 240), въ юридическомъ—762, въ медицинскомъ—905; б) по семестрамъ: въ 1-мъ семестрѣ 24, во 2-мъ 412, въ 3-мъ 55, въ 4-мъ 459, въ 5-мъ 108, въ 6-мъ 225, въ 7-мъ 123, въ 8-мъ 461, въ 9-мъ 66, въ 10-мъ 155; в) по исповѣданіямъ: православныхъ 1,360, римско-католиковъ 385, протестантовъ (лютеранъ) 37, магомтанъ 3, евреевъ 296, армяно-григоріанъ 4, караномовъ 3; г) по сословіямъ: дворянъ и дѣтей чиновниковъ 1,027, почетныхъ гражданъ и купцовъ 1-й гильдіи 61, духовнаго званія 270, мѣщанъ, гражданъ, купцовъ 2-й гильдіи и

ремесленниковъ 567, крестьянъ 37, казачьяго сословія 28, иностранцевъ 38; д) по предварительному образованію—гимназистовъ 1003, семинаристовъ 4, изъ другихъ учебныхъ заведеній 81; е) по учебнымъ округамъ, въ предѣлахъ которыхъ находятся мѣста предварительнаго образованія: С.-Петербургскаго учебнаго округа 15, Московскаго 22, Казанскаго 41, Оренбургскаго 2, Восточной и Западной Сибири 6, Харьковскаго 60, Одесскаго 228, Киевскаго 1498, Виленскаго 137, Варшавскаго 33, Дерптскаго 9, Кавкасскаго 36, изъ заграничныхъ заведеній 1. Стипендіатовъ обязательныхъ (казенныхъ) было 58 (15 историко-филологическаго и 43 медицинскаго); стипендіатовъ необязательныхъ (частныхъ) было 114 (историко-филологическаго факультета 9, физико-математическаго 16, юридическаго 82, медицинскаго 57); на стипендіи израсходовано: 13,179 руб. 66 коп.—изъ штатной суммы, ассигнованной по смѣтѣ, и 5,855 руб. 86 коп. изъ специальныхъ средствъ университета: размѣръ стипендій—отъ 50 до 420 руб. включительно. Получили денежные пособія 111 студентовъ (историко-филологическаго факультета 7, физико-математическаго 17, юридическаго 48, медицинскаго 39); единовременныхъ пособій выдано 7,994 руб. 12 коп. (7,820 руб. 52 коп. изъ штатной суммы и 173 руб. 60 коп. на счетъ специальныхъ средствъ университета); размѣръ пособій отъ 20 до 100 руб. включительно. Освобождено отъ платы за ученіе (полной и части) 363 (историко-филологическаго факультета 46, физико-математическаго 48, юридическаго 144, медицинскаго 363). Такимъ образомъ всѣми родами пособій воспользовались 646, что составляетъ 30,9% общаго числа студентовъ. По отзыву начальства университета, благопріятіе студентовъ и исполненіе ими установленныхъ правилъ университета утверждается все болѣе, при чемъ очевидно желаніе студентовъ заниматься изученіемъ преподаваемыхъ предметовъ; съ особенною охотою и сознаніемъ своей пользы многіе студенты обращаются къ практическимъ занятіямъ и упражненіямъ въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ физико-математическаго факультета, но недостатокъ помѣщеній и приспособленій служить значительнымъ тому препятствіемъ.

Финансовыя средства университета св. Владимира находились въ слѣдующемъ положеніи: I. Суммы, ассигнованныя по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія въ 1888 году: а) на содержаніе личнаго состава университета отпущено 265,028 руб., изъ нихъ израсходовано 264,791 руб. 65 к., въ остаткѣ къ 1889 году было 236 руб.

87 коп., б) на учебныя пособія, хозяйственныя и другіе расходы: остатки отъ 1887 года 1,501 руб. 98 коп., въ 1888 году поступило на приходъ 140,295 руб. 15 коп., израсходовано 140,958 р. 61 к., и ватѣмъ осталось 843 руб. 52 коп.; в) на стипендіи и пособія студентамъ ассигновано по смѣтѣ 21,020 руб., изъ нихъ израсходовано 21,000 руб., осталось къ 1889 году 19 руб. 82 коп. II. Спеціальныхъ средствъ университета: капиталовъ и процентовъ отъ нихъ на общія надобности университета и на стипендіи и пособія служащимъ (наличными, %/о бумагами, закладными сдѣлками и другими актами): отъ 1887 года осталось 613,375 руб. 69¹/₂ к., поступило въ 1888 году 241,358 руб. 51 к., израсходовано въ тотъ же срокъ 108,559 руб. 6 к., ватѣмъ къ 1889 году оставалось 752,675 руб. 14¹/₂ коп. Изъ спеціальныхъ средствъ произведены были слѣдующіе главнѣйшіе расходы: на хозяйственныя строительныя и другіе 26,229 руб., на добавочное жалованье, пенсіи и плату разнымъ лицамъ 7,000 руб., на наданіе Университетскихъ Извѣстій 6,600 руб., на стипендіи и пособія студентамъ 6,029 руб., на вознагражденіе и пособіе служащимъ и вдовамъ ихъ 5,605 руб., на путешествія, командировки и подѣльныя профессорамъ 4,859 руб., на наданіе профессорскихъ сочиненій 2,319 руб., на разныя расходы 1,060 руб.

При университетѣ св. Владимира состоятъ 7 клиникъ, состояніе которыхъ и движеніе въ нихъ представляются въ слѣдующемъ видѣ: а) факультетскія клиники — терапевтическая (25 кроватей), больныхъ отъ 1887 года оставалось 2, въ теченіе 1888 года вновь поступило 133, въ теченіе года выздоровѣло 115, умерло 15, осталось на лѣченіи къ 1889 году 5, больныхъ приходящихъ въ клинику въ 1888 году за совѣтами врачей было 1,471; хирургическая (25 кроватей), къ 1-му января 1888 года оставался 1, въ 1888 году прибыло 146, въ тотъ же срокъ выздоровѣло 118, умерло 4, осталось въ клиникѣ къ концу 1888 года 25, приходящихъ за совѣтами врачей 1,024; главная (16 кроватей), отъ 1887 года оставалось 8, въ теченіе 1888 года вновь поступило 141, въ теченіе года выздоровѣло 135, умершихъ не было, осталось на лѣченіи въ клиникѣ въ 1889 году 14, больныхъ приходящихъ въ клинику въ 1888 году за совѣтами врачей было 1,355; акушерская (25 кроватей), къ 1-му января 1888 года оставалось 19, въ 1888 году вновь прибыло 141, въ тотъ же срокъ выздоровѣло 19, умерло 9, оставалось въ клиникѣ

къ концу 1888 года 82, приходившихъ за совѣтами 1,366; б) го-спитальныя клиники — терапевтическая (56 кроватей), отъ 1887 года оставалось 48, въ теченіе 1888 года вновь поступило 580, къ теченіе года выздоровѣло 553, умерло 33, осталось на лѣченіи въ клиникѣ въ 1889 году 42, больныхъ приходящихъ въ клинику въ 1888 г. за совѣтами врачей было 665; хирургическая (25 кроватей), отъ 1887 года оставалось 67, въ теченіе 1888 года вновь поступило 687, въ теченіе года выздоровѣло 177, умерло 4, оставалось въ клиникѣ къ концу 1888 года 87, приходившихъ за совѣтами было 696; дерматологическая (64 кровати), къ 1-му января 1888 года оставалось 40, въ 1888 году вновь прибыло 188, въ тотъ же срокъ выздоровѣло 177, умерло 4, оставалось въ клиникѣ къ концу 1888 года 47, приходившихъ за совѣтами было 600.

О ЧЕРНОГОРСКОМЪ ГРАЖДАНСКОМЪ УЛОЖЕНІИ, ЕГО НАПРАВЛЕНІИ И МЕТОДЪ ЕГО СОСТАВЛЕНІЯ.

Сводъ черногорскихъ гражданскихъ законовъ, какъ извѣстно, былъ торжественно обнародованъ 26-го апрѣля (8-го мая) 1888 года, въ третій день Пасхи.

Какъ извѣстно, сводъ этотъ есть плодъ трудовъ профессора В. В. Богишича. Лица, знакомыя съ предшествовавшей научною дѣятельностью этого ученаго, справедливо полагали, что въ виду особенностей, которыми отличается Черногорія, кодификаторъ въ своемъ трудѣ не ограничится рутиннымъ примѣненіемъ выработанныхъ вчужь законовъ къ Черногоріи, но пожелаетъ самостоятельно принскать руководящія правила, которыя вытекали бы непосредственно изъ историческихъ условий жизни и развитія народа. Такое направленіе заслуживаетъ особаго вниманія и вызываетъ интересъ къ дѣлу среди лицъ, даже впѣ границъ небольшого княжества, для котораго уложеніе было составлено. Такъ, извѣстный французскій юристъ Виолле (Viollet), разбирая сочиненіе г. Богишича „О несложной формѣ сельской семьи у сербовъ и хорватовъ“, коснулся, мимоходомъ, составляемаго въ то время кодекса, и притомъ замѣтилъ: „Еслибы кто-нибудь взялся за трудъ— не скажу содванія, но даже лишь кодификаціи законовъ въ странѣ, имѣющей свои особенности и, притомъ, на основаніи метода, который охотно называлъ бы я положительнымъ, изслѣдованіе проф. Богишича „О несложной семьѣ у сербовъ“ могло бы быть ему предложено, какъ законченный образецъ подготовительной законодательной работы. Черногорія, быть можетъ, удивитъ насъ въ этомъ отношеніи, потому что именно г. Богишичу поручено составить гражданское уложеніе для названнаго княжества“¹⁾.

¹⁾ *Revue critique* 1885 № 52.

Въ день торжественнаго обнародованія черногорскаго свода законовъ князь Николай, въ рѣчи своей, между прочимъ, сказалъ слѣдующее: „Учености проф. Богишича, его неутомимому трудолюбію и энергіи мы обязаны тѣмъ, что этотъ трудъ, наше гражданское уложеніе, не смотря на почти непреодолимныя затрудненія, съ которыми г. Богишичу приходилось встрѣчаться во время работы, выполненъ на столько блистательно, что является образцомъ глубоко-обдуманнаго, вполне зрѣлаго, капитальнаго законодательнаго труда, могущаго удовлетворить требованіямъ современной законодательной практики наукulturнѣйшихъ народовъ. Благодаря составителю, трудъ этотъ основанъ и доведенъ до конца на принципахъ народнаго права; примѣненный къ отечественнымъ условіямъ нашимъ и требованіямъ, онъ вполне отвѣчаетъ единственно спасительнымъ, высшимъ принципамъ, именно установленію гармоніи между нашимъ народнымъ духомъ, нашею народною жизнью и нашими законами“¹⁾. Въ указѣ князя Николая, по поводу введенія въ дѣйствіе уложенія, напечатанномъ въ началѣ книги, повторяются почти тѣ же мысли.

Съ того времени въ періодической печати появлялись многократныя оцѣнки, отдававшія должную честь кодификатору. Черногорское гражданское уложеніе стало даже предметомъ докладовъ въ ученыхъ корпораціяхъ (напримѣръ, г. Дареста, въ Academie des sciences morales et politiques въ Парижѣ, д-ра Дикеля—въ Берлинскомъ Юридическомъ обществѣ, графа Войповича—въ Загребской Академіи Наукъ. Однако, не смотря на сочувственные отзывы критика, только съ теченіемъ времени можетъ выясниться, на сколько черногорское уложеніе осталось вполне чуждымъ ошибокъ и недосмотровъ которые неизбежны въ трудахъ подобнаго рода: извѣстно, что они были замѣчены и въ наиболѣе прославленныхъ уложеніяхъ. Весьма вѣроятно, что и въ черногорскомъ уложеніи будутъ усмотрѣны впоследствии недостатки и несовершенства, свойственные каждому человѣческому труду. Тѣмъ не менѣе, къ какимъ бы результатамъ ни привела критика частностей уложенія, можно смѣло признать за его составителемъ весьма существенную заслугу и въ общемъ назвать его трудъ очень удачнымъ и оригинальнымъ; послѣдняго качества составитель достигъ, отнюдь не претендуя самъ на оригинальничаніе.

Дѣло въ томъ, что задача кодификатора, при желаніи соблюсти вышеуказанное въ манифестѣ князя Николая главное условіе—соотвѣтствія между народнымъ духомъ, строемъ жизни и писанными за-

¹⁾ Глас Црногорца отъ 1-го мая 1888 № 18.

конами, была далеко не легкимъ дѣломъ. Для исполненія оя г. Богшичъ не могъ руководствоваться лишь готовыми образцами уложеній у другихъ народовъ, а долженъ былъ отыскивать новые принципы, придерживаться новаго метода, имѣя въ виду свои особія цѣли. Дѣйствительно, оны такъ и поступилъ, о чемъ подробно говорить въ своей брошюрѣ „о принципахъ и методѣ составленія гражданского уложенія для Черногоріи“¹⁾.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію основнаго направленія и характера труда профессора Богшича, мы считаемъ необходимымъ указать на тѣ главныя особенности, которыми Черногорія въ пору составленія кодекса гражданского права отличалась отъ другихъ европейскихъ государствъ.

Отличія эти представляются прежде всего во внѣшнихъ географическихъ условіяхъ, ибо слѣдуетъ принять во вниманіе, что почти ни одна страна въ Европѣ не является въ такой степени сплошь гористою, лишенною совершенно равнинъ, какъ княжество Черногорское до послѣдней войны. Къ тому же оно находится въ совершенно исключительныхъ отношеніяхъ къ двумъ большимъ державамъ — Австро-Венгріи и Турціи, какъ бы ущемленное между ними, и представляется чисто транзитною страной между Албаніей и Герцеговиною, съ одной стороны, и между Далматіей и Босніей — съ другой. По отношенію къ экономическому строю едва ли въ Европѣ найдется другая страна, населеніе которой исключительно занималось бы хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, такъ что до послѣдней войны, во всемъ княжествѣ не было ни одного города. Наконецъ, и въ этнографическомъ и религіозномъ отношеніи княжество Черногорское представляется весьма своеобразнымъ: исповѣдая одну вѣру (православную) и состоя цѣликомъ изъ одного племени (сербовъ), населеніе княжества отличается большими единствомъ и солидарностью; къ тому же въ немъ господствуютъ весьма строгіе нравы. Что касается политической организаціи страны, то въ ней еще до владыки Петра I (1778—1830 гг.) господствовала патріархальная анархія, замѣненная отчасти при владыкѣ Петрѣ II (1830—1851 гг.), но главнымъ образомъ при князѣ Данилѣ I (1851—1860 гг.) едва-едва упорядоченнымъ государственнымъ строемъ: лишь съ великимъ трудомъ и благодаря необыкновенной энергіи князя Данила I, въ

¹⁾ Quelques mots sur les principes et la méthode suivis dans la codification du droit civil de Montenegro. Lettre à un ami par V. Bogišić. Paris, 1888.

новомъ княжествѣ была установлена строгая центральная власть. Еще живы въ памяти непрерывныя внутреннія и внѣшнія междоусобицы и „четы“ черногорцевъ при „владыкахъ“, изъ которыхъ послѣдній скончался лишь въ 1851 году.

Таковы въ общихъ чертахъ особенности страны, выдѣляющія ее отъ другихъ европейскихъ державъ. Кодификатору нужно было принять все это во вниманіе; къ тому же слѣдуетъ напомнить, что ему приходилось писать законы совершенно заново, такъ какъ въ его распоряженіи не имѣлось почти никакихъ писанныхъ законовъ. Въ другихъ государствахъ кодификаціонныя работы являются обыкновенно слѣдствіемъ работъ законодательныхъ, которыя продолжаются иногда въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, такъ что кодификаторамъ приходится лишь подводить итоги предварительнымъ работамъ. Составитель черногорскаго уложенія находился не въ столь благоприятныхъ условіяхъ. Далѣе, напомнимъ, что законы въ другихъ европейскихъ государствахъ находятся въ извѣстной взаимной связи, благодаря римскому праву, имѣвшему повсемѣстно огромное вліяніе на законодательства; въ Черногоріи же мы не замѣчаемъ ни малѣйшаго слѣда римскаго права, если не считать весьма незначительнаго вліянія его на юридическую жизнь страны, при посредствѣ уже греко-православной церкви. Наковецъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ Черногорскомъ княжествѣ не было не только городовъ, но и дорогъ, и путей сообщенія, и правильныхъ торговыхъ сношеній съ Европою; черногорскій народъ, въ этомъ отношеніи, находился въ совершенно изолированномъ положеніи до послѣдняго времени, и лишь послѣ Русско-Турецкой войны 1877—1878 гг. вошелъ въ болѣе тѣсныя сношенія съ сосѣдними ему государствами. Мы могли бы еще далѣе продолжить перечень особенностей Черногорскаго княжества; но и сказаннаго достаточно, чтобы напомнить положеніе дѣлъ въ княжествѣ въ недавнемъ прошломъ.

Само собою понятно, что сложныя въ социальномъ и культурномъ отношеніи государства Европы нуждаются въ писанныхъ законахъ, чтобы регулировать внутреннія и международныя отношенія; но Черногорія являлась до такой степени обособленною отъ сосѣдей, и патриархальный бытъ ея казался въ такомъ полномъ соответствіи съ условіями жизни народа, что кодификація законовъ представлялась какъ бы излишнею роскошью. Она могла даже оказаться во вредъ народу, лишая его нѣкотораго поэтическаго ореола, которымъ въ глазахъ у многихъ обличаетъ этотъ романтическій народъ. Думалось,

что простота и сердечность, присущія черногорцамъ, столь рѣдкія и цѣнныя качества, что замѣна ихъ условною добродѣтелью упорядоченнаго буржуазнаго строя жизни не послужитъ въ прокъ независимымъ горцамъ, привыкшимъ къ своей свободѣ и свято хранящимъ традиціи своихъ предковъ.

Однако, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ современной Черногоріи, послѣ Русско-Турецкой войны произошли довольно существенныя измѣненія. Той цѣльности и того единства строя жизни въ ней уже не могло быть послѣ того, какъ къ Черногоріи, по статьямъ Берлинскаго конгресса, были присоединены новыя территориальныя владѣнія: княжеству были отведены и равнины; оно увеличилось также и городскимъ населеніемъ; въ составъ его вошли новыя этнографическія и конфессіональные элементы ¹⁾; центральная власть съ тѣхъ поръ получила значительно болѣе сильную и систематическую опору; въ то же время и администрація края въ большей степени развила свою дѣятельность во многихъ направленіяхъ; появленіе новыхъ средствъ сообщеній, политическія и торговыя сношенія вывели черногорскій народъ изъ его обособленности и вызвали болѣе живое общеніе съ сосѣдями. Въ то же время и производительность страны усилилась; черногорцы стали пускаться въ путешествія, завели торговлю съ сосѣдями; возникли новыя потребности; такъ, напримѣръ, сказалась потребность въ морскихъ судахъ, такъ какъ завелась морская торговля. Словомъ, въ строй жизни вошла масса новыхъ элементовъ, которые неизбежно должны были затронуть во многихъ отношеніяхъ и древнюю патріархальную жизнь, особенно въ нѣкоторыхъ слояхъ народа.

Въ виду подобныхъ фактовъ и неотложныхъ потребностей времени, признано было необходимымъ принять соответствующія мѣры. Чѣмъ же иначе можно было направить, умѣрить и урегулировать эти повшества, какъ не законодательствомъ, соответствующимъ духу времени и условнымъ требованіямъ? Отъ законодательства же мы требуемъ, чтобы оно соответствовало требованіямъ времени и обстоятельствъ, ибо не могли же пройти безслѣдно печальныя примѣры легкомысленнаго введенія чужеземныхъ законовъ въ родственныхъ Черногоріи странахъ—Сербіи, Босніи, Хорватіи и Далматіи.

Просвѣщенный правитель княжества, хотя и получилъ образованіе въ Парижѣ, однако остался вполне вѣренъ своей національности

¹⁾ Съ папою княжество заключило конкордаты.

и сохранилъ характерныя черты истаго черногорца. Но не смотря на свои патріотическія чувства, князь Николай, въ качествѣ государственнаго мужа и организатора своей страны, сознавалъ необходимость новыхъ государственныхъ формъ; именно вслѣдствіе его патріотизма, постоянною и искреннею его заботой и намѣреніемъ было направить по опредѣленному пути эти неизбежныя новшества такъ, чтобы они не растлили народнаго духа и не пересилили его; онъ скорѣе стремился къ тому, чтобы подчинить нововведенія народному духу и, по возможности, привести ихъ въ соотношеніе и равновѣсіе. Никто, можетъ быть, болѣе самого князя Николая не цѣнитъ столь высоко значеніе оригинальныхъ національныхъ учрежденій этотъ драгоценный продуктъ исторической жизни черногорскаго народа. Въ лицѣ профессора Богшича князь нашелъ кодификатора, который лучше, чѣмъ кто другой, могъ понять его требованія.

Обращаясь къ рассмотрѣнію черногорскаго уложенія, мы считаемъ полезнымъ напомнить напередъ основныя черты организаціи семейной общины, этого важѣйшаго и дѣйствительно оригинальнѣйшаго института черногорской правовой жизни.

Въ большинствѣ земель Балканскаго полуострова—въ Черногоріи, Которскомъ заливѣ (*Bosca di Cattaro*), Герцеговинѣ, Далматин, Босніи, Сербіи, Старо-Сербіи, въ славянскихъ округахъ Македоніи и Албаніи, въ Хорватіи, Славоніи и Истріи, въ Сремѣ, Бачкѣ и Вапатѣ и даже въ Болгаріи, гдѣ наиболѣе сильнымъ было вліяніе римско-византійскаго права,—существуютъ и по настоящее время, на ряду одинъ съ другимъ, два вида семейства: семья сельская и семья городская¹⁾. О послѣднемъ видѣ семьи мы говорить не будемъ, такъ какъ городская семья представляется вездѣ въ болѣе или менѣе одинаковыхъ чертахъ. Что касается сельской семьи, то это малозвѣстное черногорское родовое учрежденіе состоитъ изъ ниже-

¹⁾ Еще недавно отвергали существованіе задруга въ Болгаріи, хотя въ „Сборникѣ“ проф. Богшича, напротивъ того, приведенъ дѣяныи, на основаніи которыхъ мы можемъ заключить, что задруга существуетъ и въ болгарскихъ земляхъ. Лишь въ новѣйшее время появилась въ *Періодическомъ списаніи* (№ 2, XXI—XXII) статья болгарскаго ученаго Гешова, перепечатанная и въ *Извѣстіяхъ Славянскаго благотворительнаго общества* (изд. VIII, августъ 1888 г.), которая фактически и документально подтверждаетъ справедливость мнѣнія профессора Богшича. Въ послѣднее время нашлись слѣды и остатки задруги даже у сѣверныхъ славянъ, въ Чехіи, какъ это доказываетъ *Динъ Лейскеръ* въ своемъ сочиненіи: *Zádruba na Prachensku. Studie sociologické-historické*. Praha, 1888.

слѣдующихъ социальныхъ элементовъ: 1) изъ инокоштинъ, то-есть, простой, несложной черногорской крестьянской семьи, состоящей изъ отца, матери и дѣтей ихъ, проживающихъ вмѣстѣ; 2) изъ задруги, то-есть, экономической ассоціаціи нѣсколькихъ крестьянскихъ семействъ, состоящихъ изъ родныхъ и двоюродныхъ братьевъ и ихъ ближайшихъ родственниковъ, съ женами и съ дѣтьми; от-дѣльныя степени родства въ подобной сложной семьѣ суть: братья, братучеди, братаничи (кузены), и далѣе, братствен-ники — родство, строго соблюдаемое до шестаго колѣна; всѣ эти лица считаютъ себя принадлежащими къ одной семьѣ, и ни въ какомъ случаѣ не допускаютъ кровосмѣшенія; преступающій этотъ старинный законъ и вступающій въ бракъ съ лицомъ, состоящимъ съ нимъ въ одной изъ упомянутыхъ степеней родства, считается въ Черногоріи безбожникомъ; равнымъ образомъ, черногорцы, до шестой степени родства носятъ одно и то же имя; они живутъ въ братскомъ единодушіи и взаимной солидарности между собою, исполняютъ другъ за друга работы, даже умираютъ другъ-за-друга, что въ тяжелую го-дину считается у нихъ священной обязанностью каждаго. Далѣе, 3) нѣсколько такихъ инокоштинъ и задругъ образуютъ изъ себя братство, при чемъ изъ соединенія нѣсколькихъ подобныхъ братствъ составляется 4) племя (племя); каждое изъ племенъ имѣетъ обык-новенно обособленное самими природными условіями мѣстопре-бываніе, что часто встрѣчается въ гористыхъ странахъ. Если племя велико и многочисленно, оно имѣетъ во главѣ своей воеводу; во главѣ менѣе значительныхъ племенъ, въ былыя вре-мена, стояли сердари (военные вожди) и даже капитаны,—что вполне соответствовало воинственному строю черногорской страны. Въ настоящее время Черногорское княжество подраздѣляется на нѣ-сколько округовъ, изъ которыхъ каждый состоитъ изъ известнаго числа племенъ и находится подъ управленіемъ окружнаго на-чальника.

Такимъ образомъ, южно-славянская сельская семья представ-ляется намъ въ формахъ (инокоштина и задруга), которыхъ прин-ципы и тожественность еще недавно были наложены въ брошюрѣ профессора Богнича ¹⁾; еще во времена сербскаго законодателя царя Душана Сильнаго (законникъ царя Душана 1349 г., съ до-

¹⁾ D'une forme particulière de la famille rurale chez les Serbes et les Croa-tes. Paris. 1884. Ср. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1887 г.

бавленіями 1354 года), носили онѣ тотъ же самый характеръ, который сохранили и по настоящіе дни въ большей части южно-славянскихъ странъ. Со времени упомянутой первой южно-славянской кодификаціи, имѣвшей мѣсто болѣе пяти вѣковъ тому назадъ, и въ теченіе послѣдующаго ватѣмъ четырехъ-сотъ-лѣтняго турецкаго ига, между южными славянами повсюду дѣйствовало одно и то же обычное право. Лишь въ началѣ XIX вѣка мы встрѣчаемъ единичный законодательный актъ, органическій законъ о Военной Границѣ 1807 года, включающій въ себя цѣлую главу о семьѣ, остававшуюся въ силѣ до 1850 года, когда онъ вновь былъ пересмотрѣнъ и преобразованъ, но, къ сожалѣнію, сохранилъ всѣ свои старыя ошибки вплоть до послѣдняго Хорватскаго сейма.

Въ сербскомъ законодательствѣ, въ XV главѣ обнародованнаго въ 1841 году гражданскаго кодекса (гражданскій законъ), говорится о сельской семьѣ, но введена та же старая ошибка, а именно: проводится будто бы существующее рѣзкое отличіе между простою сербскою семьей (инокоштина) и семьей сложною (задруга), при чемъ сельская семья отождествляется съ городской. Та же погрѣшность находится и въ законахъ, изданныхъ въ 1870 — 1874 годахъ Хорватскимъ сеймомъ для Военной Границы. Въ 1880 году появился новый законъ для нея, и вмѣстѣ съ тѣмъ снова появились и новыя погрѣшности. Австрійскій кодификаторъ все еще полагаетъ, что сельская семья, инокоштина, тождественна съ городской, не только по вѣншему своему характеру, но и по своему принципу.

Разсмотримъ теперь самобитное, оригинальное устройство черногорскаго племени. По правовымъ понятіямъ черногорцевъ, племя является дѣйствительнымъ ховяиномъ всего своего общаго, нераздѣльнаго имущества, именно: лѣсовъ, пастбищъ, водъ, на сколько таковое еще до сего времени раздѣлу не подвергалось. Кромѣ того, племя является ховяиномъ всѣхъ общественныхъ учрежденій, основанныхъ и содержимыхъ имъ для пользы, удобствъ и нуждъ своихъ (дороги, школы и т. п.). Эти имущества, принадлежащія извѣстному племени, управляются или общимъ собраніемъ членовъ племени, или же единолично—лицомъ, уполномоченнымъ на то скаваннымъ общимъ собраніемъ, и управляются притомъ на основаніи стародавнихъ законовъ, обычаевъ и правилъ, одобренныхъ всѣмъ составомъ племени. Ни одинъ изъ сочленовъ племени не имѣетъ права отчуждать что-либо изъ этого общаго племеннаго имущества или уступать права свои на это имущество другому лицу, или продать таковыя: предметъ, въ осо-

бенности тщательно рассматриваемый кодификаторомъ въ V части составленнаго имъ уложенія (статьи 709—715).

Въ томъ случаѣ, если, по обычному черногорскому праву, члены племени, съ общаго соглашенія, пожелаютъ отдать или подвергнуть раздѣлу часть общественнаго имущества племени на отдѣльныя братства, села или сомбы, солидарно участвовавшія въ той продажѣ или въ томъ раздѣлѣ и принимавшія участіе въ сдѣлкѣ, — переходятъ и всѣ права и обязанности по послѣдней.

Правила и принципы эти примѣнены также и къ болѣе или менѣе значительнымъ братствамъ и сельскимъ общинамъ. Эти принципы семейнаго и племеннаго строя суть не что иное, какъ остатки древнихъ, языческихъ еще обычаевъ, установившихся не только у славянскихъ, но и вообще у всѣхъ горныхъ народовъ, и которые по настоящее еще время сохраняются строжайшимъ образомъ и въ первоначальной своей чистотѣ не въ одномъ лишь Черногорскомъ княжествѣ, но даже и въ Азін, папримѣръ, у афганцевъ, бахтіарцевъ, луровъ и курдовъ (въ Персіи).

По существующему въ Черногоріи обычному правовому порядку, отецъ семейства, со взрослыми своими сыновьями, проживающими въ одномъ домохозяйствѣ, составляетъ семью; но онъ не имѣетъ права распоряжаться самовластно общимъ имуществомъ семьи, если на то не было получено имъ согласія сыновей. До того, пока не совершился раздѣлъ между сыновьями, отецъ не имѣетъ права распоряжаться общимъ семейнымъ имуществомъ, и даже въ случаѣ смерти отца подобный раздѣлъ можетъ состояться лишь съ согласія всѣхъ сыновей. Отецъ, правда, является главою семьи, и онъ управляетъ ею, но во всѣхъ выдающихся случаяхъ для принятія извѣстнаго рѣшенія ему необходимо одобреніе его сыновей. Впрочемъ, отецъ семейства, въ качествѣ главы семьи, можетъ быть замѣщенъ однимъ изъ своихъ сыновей въ томъ случаѣ, если по какой-либо причинѣ онъ окажется неспособнымъ или неудовлетворяющимъ требованіямъ для успѣшнаго выполненія своей задачи. Подобное замѣщеніе однако происходитъ не юридическимъ образомъ, а только въ силу моральнаго принципа. Вообще же званіе отца семейства въ Черногоріи скорѣе является бременемъ, нежели почетнымъ званіемъ, такъ что многіе имъ тяготятся.

Сыновья, придя въ возрастъ, въ томъ случаѣ, если они женаты, могутъ требовать раздѣла общаго имущества, иногда даже еще при жизни отца, на что, впрочемъ, никогда не смотрятъ благосклонно. Если же подобный раздѣлъ и предпринимается, то отецъ получаетъ

ровную часть изъ семейнаго имущества съ каждымъ изъ своихъ сыновей; иногда же отцу дается къ его долѣ прибавка, которая называется старешина; она же дается верѣдно и старшему брату.

Основное, главное положеніе существующей по нынѣ черногорской семьи, какъ мы видимъ, сходно съ основаніемъ семьи у всѣхъ древнихъ народовъ, жизнь которыхъ зиждилась на племенномъ устройствѣ. Все, что прибрѣтается заботами и трудами члена семьи, является не личною его собственностью, а собственностью семьи, къ которой онъ принадлежитъ; съ другой стороны, вся та же семья отвѣтствуетъ и за обязательства члена семьи предъ остальными, такъ-сказать, міромъ. Въ этомъ отношеніи мы находимъ адѣсь параллель съ правомъ римскимъ до введенія *пекулій* ¹⁾, но съ тѣмъ существеннымъ различіемъ, что въ Римѣ членъ семьи, находящійся подъ властью отца (*in patria potestate*), работалъ на отца, тогда какъ въ Черногоріи членъ семьи работаетъ и трудится для благосостоянія всей семьи.

Положеніе это, въ принципѣ, сохранено также въ черногорскомъ уложеніи. Нововведенія въ этомъ отношеніи, какъ мы увидимъ ниже, касаются лишь, главнымъ образомъ, отвѣтственности членовъ семьи предъ остальными, внѣ-семейнымъ міромъ.

Въ этомъ основномъ положеніи, касающемся прибрѣтенія имущества, встрѣчаются впрочемъ исключенія, въ высшей степени интересныя, которыя мы сейчасъ и приведемъ. Они имѣютъ двойкій характеръ: 1) одни изъ нихъ обусловлены происхожденіемъ прибрѣтенія, сдѣланнаго членомъ семьи; 2) другія находятся въ зависимости отъ того, къ какому полу принадлежитъ прибрѣтающій.

Что касается до происхожденія прибрѣтеннаго имущества, то все то, что получено членомъ семьи путемъ дара или наслѣдства, составляетъ его исключительную личную собственность (*особакъ, особина*, — личная собственность, — *rescillum*), которою онъ имѣетъ право неограниченно и совершенно свободно распорядиться. Напротивъ того, каждый членъ семьи всею своею работою и всѣмъ своимъ прибрѣтеніемъ отъ работы обязанъ семьѣ своей. Но даже относительно имущества, прибрѣтеннаго не личнымъ трудомъ, обнаруживается весьма тонкая разница, такъ какъ остается въ силѣ старинное положеніе, по которому все, что достается члену семьи по счастливому обстоятельству (нахожденіе клада), принадлежитъ не

¹⁾ Частная, личная собственность.

единолично ему, а должно быть также отдано и семьѣ, на томъ основаніи, что семья его является отвѣтственной въ томъ случаѣ, если сочленъ ея подвергнется неожиданному несчастію (ст. Улож. 968).

Исключеніе, касающееся различія половъ, указываетъ, до какой степени ошибочно мнѣніе, будто черногорская женщина является лишенною всякихъ правъ, согласно отрицательному взгляду на правоспособность женщинъ, обычному на востокѣ. Напротивъ того, по старому черногорскому обычному праву, исключительно личною собственностью дѣвушки считается то, что она приобрѣла специально женскимъ трудомъ (предметы, входящіе въ составъ приданого) право, которымъ, какъ выяснено было выше, членъ семьи мужескаго пола—не пользуется *ipso jure*. Все, что женщина при бракѣ вноситъ въ домъ своего мужа (будь это приданое, драгоценныя вещи, деньги и т. п.), составляетъ также исключительную ея собственность, которую она имѣетъ право распоряжаться по своему усмотрѣнію.

Что касается упомянутого преимущества, предоставленнаго женскому полу, то черногорское уложеніе вполне сохраняетъ таковое. Лишь въ статьѣ 690 мы находимъ небольшое ограниченіе, касающееся личной собственности замужней женщины во время брачной жизни: ея право распоряжаться этимъ личнымъ имуществомъ обусловлено согласіемъ супруга. Это ограниченіе является уступкою общей жизни супруговъ, уступкою, сдѣланною, по видимому, подъ вліяніемъ иностранныхъ законодательствъ. Кодификаторъ черногорскаго уложенія все-таки во многомъ стѣснилъ это право супруга, а именно тѣмъ, что 1) супруга можетъ свободно распоряжаться незначительнымъ имуществомъ; 2) что въ извѣстныхъ случаяхъ, когда супругъ злоупотребляетъ правомъ своимъ давать женѣ согласіе на распоряженіе ея имуществомъ, согласіе супруга замѣняется рѣшеніемъ судебной власти, и наконецъ, 3) что въ самомъ брачномъ договорѣ можетъ быть исключенъ вопросъ о правѣ супруга на изъявленіе согласія на отчужденіе ея имущества.

Такимъ образомъ, законъ объ ограниченіи права жены свободнаго распоряженія ея имуществомъ является въ значительно смягченной формѣ и въ виду вышеуказанныхъ оговорокъ не можетъ быть названъ „запретительнымъ“ въ строгомъ смыслѣ слова.

Кромѣ того, въ замѣнъ нѣкотораго ограниченія въ только-что упомянутомъ правѣ женщины, ей предоставляется другое право: въ случаѣ долговременнаго отсутствія супруга и отсутствія другаго домохозяина она можетъ входить въ долговныя обязательства, но лишь

по отношенію къ движимому имуществу, не выходя изъ границъ текущихъ нуждъ по хозяйству.

Не легко было ввести своевременныя реформы въ имущественныя отношенія мужчинъ; и это совершенно понятно. Отношенія женщины къ внѣ-домашнему міру въ высшей степени просты, тогда какъ положеніе мужчины, по самой природѣ вещей находящагося въ постоянномъ соприкосновеніи съ внѣшнимъ міромъ, являетъ цѣлую серію разновидностей и случайностей, вытекающихъ изъ упомянутыхъ соприкосновеній. Различіе это еще усугубилось съ того времени, какъ Черногорія вступила въ болѣе близкія сношенія съ другими странами. Въ этомъ обстоятельствѣ именно и заключалось главное затрудненіе; необходимо было прежде всего сгруппировать органически всѣ разновидности этихъ отношеній и найти для нихъ соотвѣтственныя опредѣленія. Но это могло привести къ ниспроверженію всей существовавшей до сего времени семейной системы; необходимо, слѣдовательно, было приложить величайшую заботливость и осторожность, къ тому, чтобы не только ввести соотвѣтствующія требованіямъ времени реформы, но и не потрясти основъ семейныхъ учреждений, а, напротивъ того, укрѣпить таковыя.

Въ статьѣ 688 за основное положеніе принимается, что результаты труда членовъ семьи составляютъ общее достояніе всей семьи; но въ той же статьѣ допускается возможность для отдѣльнаго члена семьи, собственнымъ трудомъ своимъ прибрѣтать себѣ личное имущество, на что, впрочемъ, неизбѣжно нужно получить согласіе семьи; при этомъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ устанавливаются и ближайшія условія, на основаніи коихъ единичнымъ членамъ семьи предоставляется право на прибрѣтеніе подобной личной собственности.

Это властное и условное право членовъ семьи мужескаго пола было необходимо по той причинѣ, что оно являлось соотносительнымъ къ ответственности за ихъ поступки, которая, какъ мы увидимъ ниже, возлагалась на нихъ въ извѣстныхъ случаяхъ. Кодификаторъ при этомъ не нашелъ однако пужнымъ слѣдовать основному закону Военной Границы 1807 и 1850 годовъ, а также позднѣйшимъ хорватскимъ законамъ, касающимся задруги, которыя, *irko jugs*, признаютъ за каждымъ членомъ семьи право на личную собственность. Такъ какъ до сего времени не существовало этого важнаго права, то кодификаторъ полагалъ, что удовлетворить требованіямъ юридической логики, если въ принципѣ признаетъ это право, не предрѣшая его дальнѣйшаго расширенія, а предоставивъ та-

ковое естественному развитію семейной жизни. Къ подобному дѣйствію побуждало кодификатора и его обстоятельное знакомство съ направленіемъ, въ этомъ отношеніи, мыслей черногорцевъ, которые весьма неохотно предоставляютъ отдѣльнымъ членамъ семьи право на личную собственность, ибо они признаютъ, что подобный членъ семьи, впоследствии, будетъ болѣе заботиться о собственныхъ своихъ интересахъ, нежели объ интересахъ общихъ, семейно-хозяйственныхъ.

Перейдемъ теперь къ ряду нововведеній въ отношеніи ответственности, по имущественному праву, членовъ семьи къ вѣшнему экономическому міру. По установленіи общаго строя права приобрѣтенія, слѣдуетъ рядъ нововведеній, которыя на-ново регулируютъ ответственность по долгамъ различныхъ членовъ семьи. Въ замѣну стараго положенія, гласившаго: „За долги всѣхъ членовъ семьи отвѣтствуетъ домъ (куча)“, статью 696 вводится противоположный принципъ, а именно: „За всѣ долги отдѣльныхъ членовъ семьи, сдѣланные безъ согласія семьи или домашина ея, отвѣтствуетъ то лицо, которымъ долгъ сдѣланъ; за подобныя долги домъ ни въ какомъ случаѣ не отвѣчаетъ, за тѣмъ лишь исключеніемъ, если, въ нѣкоторой степени, домъ получалъ отсюда пользу“.

Послѣ этого общаго положенія послѣдовали опредѣленія, относящіяся къ отдѣльнымъ родамъ долговъ. Статья 697 устанавливаетъ: „Если членъ семьи сдѣлаетъ долгъ по необходимости, напримѣръ: на лѣкарства при заболѣваніи, для содержанія во время нужды и т. д., и не уплачиваетъ такового долга, то послѣдній погашается всѣмъ домою, если должникъ, во время совершенія долга, работалъ на семью; въ противномъ же случаѣ этотъ долгъ покрывается изъ его отдѣльнаго личнаго имущества, то-есть, изъ приходящейся на его долю части“. Статья 698 относится къ долгамъ и обязательствамъ, которые заключены членомъ семьи, змнимающимся торговлею. Въ ней предусмотрѣны различные случаи, и для каждого изъ таковыхъ установлено соответствующее опредѣленіе. Статья гласитъ: „Если членъ семьи ведетъ торговлю, а глава семьи о томъ знаетъ и не возбраняетъ ему этого, то признается, что до тѣхъ поръ, пока членъ семьи не выдѣленъ изъ дома,—это происходитъ съ согласія семьи; въ сомнительныхъ же случаяхъ утверждающій наличность званія „домачина“ (=большака) обязанъ такую доказать. Поэтому, въ случаѣ наличности такого согласія, и если отдѣльнаго имущества, личнаго, или дѣйствительной части въ имуществѣ такого члена недостаточно,—домъ отвѣчаетъ всѣмъ своимъ состояніемъ за то, что задол-

жалъ бы членъ семьи другому лицу, дѣйствовавшему добросовѣстно.

Такому кредитору домъ отвѣчаетъ непосредственно, то-есть, безъ всякаго соотношенія къ отдѣльной собственности и части въ общемъ имуществѣ, приходящейся на долю задолжавшаго сочлена, если послѣдній велъ торговлю на имя и за счетъ дома“.

Въ статьѣ 699 кодификаторъ обусловливаетъ мѣропріятія къ тому, чтобы не состоялось соглашенія между домою и ведущимъ торговлю сочленомъ семьи въ ущербъ третьему лицу.

Статья 700 говоритъ о тѣхъ долгахъ, которые возникли изъ не дозволенныхъ дѣйствій члена семьи. Статья эта вполнѣ оригинальна и гласитъ: „За вредъ, причиненный членомъ семьи кому-либо вслѣдствіе не дозволеннаго дѣйствія, виновный отвѣтствуетъ своимъ имуществомъ, если дѣйствіе, изъ коего проистекъ вредъ, было содѣяно съ умысломъ; такъ, напримѣръ, поджогъ, нанесеніе смертельной раны, съ тѣмъ чтобы прослыть храбрымъ (значеніе), прелюбодѣяніе и т. п. Если же дѣяніе, причинившее ущербъ, находится въ отношеніи къ какому-либо домашнему дѣлу, обусловлено защитой семейнаго имущества или семейной чести, въ такомъ случаѣ ущербъ поноляется семьею изъ общаго семейнаго имущества, но все-таки лишь тогда, когда провинившійся членъ семьи не преступилъ безъ нужды границъ благоумія“.

Какъ мы видимъ, предъ нами дѣлятся урегулированными лишь нѣкоторые главные виды упомянутыхъ случаевъ задолженности, и такъ какъ нельзя исчерпать всѣхъ возможныхъ отдѣльныхъ случаевъ, то представлялось бы пожалуй, слишкомъ казуистичнымъ приводить дальнѣйшіе примѣры; а въ виду того, что все это является нововведеніями, кодификаторъ не считъ целесообразнымъ еще дагѣе увеличить число отдѣльныхъ случаевъ. Съ другой стороны однако, онъ долженъ былъ дать судѣ нѣкоторыя основныя положенія, для руководства, въ болѣе сложныхъ случаяхъ, сопровождаемыхъ особенными условіями, и которые, поэтому, не допускаютъ точнаго, во всемъ своемъ объемѣ, примѣненія къ нимъ твердо установленныхъ опредѣленій.

Первая изъ двухъ послѣдующихъ статей (701) приводитъ условія, при которыхъ вновь совершенно особеннымъ образомъ выдвигается отвѣтственность семьи. Въ виду того, что предыдущая статья должна была быть составлена въ довольно общемъ смыслѣ и, по своей природѣ и новости содержанія, не могла быть болѣе подробно, то въ статьѣ 701 приводятся тѣ условія, при коихъ выступаетъ

упомянутая отвѣтственность семьи. Статья гласить: „Безъ всякаго изъ приведенныхъ въ предыдущей статьѣ различія и безъ исключенія восполняется изъ общаго семейнаго имущества: ущербъ, нанесенный кому-либо не дозволеннымъ дѣяніемъ члена семьи, въ слѣдующихъ случаяхъ: а) если семья могла предотвратить не дозволенное дѣяніе, причинившее ущербъ, и этого не сдѣлала; б) если семья находилась въ какомъ-либо, хотя бы самомъ отдаленномъ соотношеніи къ не дозволенному дѣянію; с) если подлежащій возмѣщенію ущербъ причиненъ не умысломъ; и d) если ущербъ, причиненный не дозволеннымъ дѣяніемъ, не превышаетъ суммы ста франковъ.

Статья 702 упоминаетъ о тѣхъ случаяхъ, гдѣ считается справедливымъ, чтобы семья, при несостоятельности задолжавшаго члена, явилась со своимъ общимъ имуществомъ ему на помощь субсидіарно.

Статья 703 влagaетъ порядокъ, по коему подобные долги уплачиваются изъ личнаго имущества, или изъ приходящейся на долю должника части общаго имущества, при чемъ очевидно стремленіе указать на то, что чужія лица злоупотребляютъ легкомысліемъ молодыхъ людей и косвеннымъ образомъ, посредствомъ раздѣла въ лучшихъ семьяхъ, ведутъ къ разоренію. Достоинно замѣчанія то обстоятельство, что кодификаторъ счелъ нужнымъ примѣнить основныя положенія отвѣтственности отвѣтственнаго члена семьи и къ домашнему, по аналогіи, на сколько послѣдній дѣйствуетъ именно въ качествѣ простаго члена семейства.

Мы смѣло можемъ пройти молчаніемъ формальныя постановленія, вытекающія изъ логической необходимости подобной семейной организаціи, и которыя изложены въ главѣ о семейной общинѣ,—какъ, напримѣръ, что старшій членъ семьи является представителемъ таковой предъ судомъ, предъ остальнымъ, внѣ-семейнымъ міромъ; что онъ имѣетъ право, заключаемыми имъ договорами, ставить семью въ положеніе должника или кредитора и т. п. Но въ заключеніе, приведемъ нѣсколько постановленій, которыя обуславливаютъ тѣ случаи, когда могутъ возникнуть сомнѣнія и пререканія относительно вопроса объ отвѣтственности въ имущественныхъ дѣлахъ семьи или члена семейной общины предъ внѣ-семейнымъ міромъ. Такъ, статья 705 постановляетъ: „Если семейная община вновь принимаетъ въ нѣдра свои разъ уже вышедшаго изъ нея члена своего, имущественная часть котораго всецѣло или отчасти была ему выдана,—то она обязана, для того, чтобы выставить въ пра-

вильномъ свѣтѣ кредито-способность того лица, огласить въ установленномъ порядкѣ, при какихъ имущественныхъ условіяхъ происходитъ овначенное принятіе вновь въ семью выбывшаго разъ лица; въ противномъ случаѣ семья отвѣтствуетъ предъ внѣшнимъ міромъ за долги того сочлена всѣмъ своимъ достояніемъ, какъ бы она обязана была дѣлать до его выхода изъ состава семьи“.

Статья 706 гласитъ: „Если на домѣ лежать долги или иныя обязательства къ внѣшнему міру, то семья обязана, въ случаѣ раздѣла и ранѣ послѣдняго, по соглашенію съ кредиторомъ, установить, въ чемъ именно и въ какой мѣрѣ каждый изъ участниковъ беретъ на себя отвѣтственность въ существующемъ общемъ долгѣ семьи. Если же произойдетъ раздѣлъ дома, и приведенное выше условіе не было выполнено, то всѣ участники являются солидарно-отвѣтственными во всѣхъ долгахъ, лежащихъ на домѣ до раздѣла такового“.

Приведемъ еще статью 707, являющуюся въ нѣкоторомъ отношеніи небезынтересною. Въ первой части ея мы встрѣчаемъ нѣвѣстное положеніе римскаго права, по которому, если изъ состава корпораціи остается въ наличности лишь одинъ только членъ ея, то корпорація, со всѣми ей принадлежащими правилами, считается все еще существующею: „хотя бы въ домѣ оставался одинъ лишь сочленъ, будь то мужскаго или женскаго пола, существованіе дома, какъ лица юридическаго, считается продолжающимся“. Выраженіе: „будь то мужскаго или женскаго пола“ — въ данномъ случаѣ указываетъ намъ на полную равноправность между обими полами. „Послѣ того“, говорится во второй части статьи,— „остающійся членъ имѣетъ полное право распоряжаться всѣмъ домашнимъ имуществомъ до тѣхъ поръ, пока число членовъ не увеличится, и тѣмъ самымъ, но войдутъ вновь въ силу заключающіяся въ настоящемъ отдѣлѣ условія, ограничивающія право распоряженія семейнымъ имуществомъ“.

Впрочемъ, если остающаяся, въ концѣ концовъ, одна въ домѣ женщина вступила въ семью посредствомъ брака и сама къ той семьѣ по рожденію не принадлежитъ,—то ея право распоряженія семейнымъ имуществомъ ограничивается простымъ пользованіемъ доходовъ съ того имущества; въ противномъ же случаѣ она пользуется всѣми правами, наравнѣ съ лицами мужскаго пола. Женщина, вступившая въ домъ посредствомъ брака изъ чужой семьи, можетъ правда, въ случаѣ нужды, распорядиться и существенною частью

семейнаго имущества, но не иначе, какъ съ согласія на то опекунскаго управленія.

Подобное ограниченіе правъ женщины, происходящей изъ чужой семьи, является логическою необходимостью, въ виду преимущественныхъ правъ ея передъ женщиною, родившеюся въ самой семьѣ,—такъ какъ женщина, взятая изъ чужой семьи, сохраняетъ за собою право, по прекращеніи брака ея, снова возвратиться въ свой родной домъ и воспользоваться прежними своими правами сочлена семьи; естественно поэтому, что ей нельзя было предоставить права передавать родной семьѣ имущества того дома, въ который она вступила чрезъ бракъ.

Въ этомъ различіи между правами женщины, вошедшей въ семью посредствомъ брака и той, которая родилась въ самой семьѣ, снова ясно усматриваются принципы племеннаго родоваго устройства.

Изъ сказаннаго до сихъ поръ явствуетъ, что въ черногорскомъ уложеніи приняты основныя положенія имущественно-правовой организациі южно-славянской семьи, что подтверждается и 769 статьею самаго уложенія, которая гласитъ:

„Не смотря на то, что имущественныя условія и отношенія семьи и ея сочленовъ имѣютъ совершенно своеобразный характеръ, настоящее уложеніе должно было коснуться такихъ, на сколько отношенія тѣ входятъ въ сопряженіе съ остальнымъ міромъ, а равно коснуться и остальныхъ субъектовъ права съ той же самой точки зрѣнія. Внутреннія имущественныя отношенія, напротивъ того, подчиняются особенному закону. То же относится къ раздѣлу семейной общины и къ наследственному праву“.

Невольно при этомъ возникаетъ вопросъ: почему новымъ уложеніемъ не регулированы всѣ семейныя учрежденія, по крайней мѣрѣ касательно имущественныхъ отношеній? Подобный вопросъ представляется тѣмъ естественнѣе, что самъ составитель уложенія тому навадъ болѣе 20 лѣтъ положилъ основаніе изученію этого общаго права, и въ особенности права семейнаго у южныхъ славянъ. Еще 15 лѣтъ тому навадъ имъ изданъ былъ въ Загребѣ объемистый „Сборникъ обычнаго права“, въ которомъ нѣсколько сотъ страницъ (стр. 1—395) въ особенности посвящено этому вопросу. Развѣ онъ не далъ намъ въ своей появившейся въ Парижѣ брошюрѣ ¹⁾ правильнаго понятія о національной южно-славянской

¹⁾ D'une forme particulière de la famille rurale chez les Serbes et les Croates. 1884.

семьѣ, въ обѣихъ ея формахъ? Развѣ не указала оны на существеннѣйшія ошибки законодательства Хорватіи, Сербіи и Далмаціи и не исчерпала этотъ вопросъ почти окончательно?

Очевидно, что указаннѣй нами пробѣлъ въ уложеніи былъ вызванъ какими-нибудь весьма серьезными мотивами, и дѣйствительно, мы находимъ разъясненіе ему въ упомянутой выше брошюрѣ профессора Богшича: „*Quelques mots sur les principes et la méthode etc.*“, дающей намъ полное понятіе о всемъ принципиальномъ направленіи, котораго оны держался при выполненіи своей кодификаціонной работы. Составитель, прежде всего, исключаетъ изъ своей кодификаціи черногорскаго гражданскаго права семейное и наследственное право, какъ предметъ не однородный съ остальнымъ содержаніемъ.

Но въ такомъ случаѣ возникаетъ новый вопросъ: зачѣмъ же составитель уложенія включилъ въ него эту часть? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ томъ мѣстѣ, которое отведено въ уложеніи семьѣ, то-есть, почему она, вообще, помѣщена въ 5-й части его, гдѣ говорится вообще обо всѣхъ субъектахъ права; но такъ какъ на семью въирается, какъ на корпорацію, слѣдовательно, какъ на субъекта права, то настоящее ея мѣсто именно и было въ 5-й части уложенія.

Заканчивая разсмотрѣніе собственно-имущественныхъ правъ семьи и обязательствъ ея, мы оставимъ въ сторонѣ правовыя учрежденія, имѣющія болѣе космополитическій характеръ; тѣмъ не менѣе считаемъ себя обязанными, хоть вкратцѣ упомянуть о тѣхъ своеобразныхъ правовыхъ институтахъ, которые отличаются извѣстною оригинальностью.

Въ вещномъ правѣ мы находимъ цѣлую главу о законномъ предпочтительномъ правѣ на покупку недвижимыхъ имуществъ между родственниками мужскаго пола. Интересно, что въ Черногоріи, по старинному обычаю, правомъ предпочтительной покупки прежде всего пользуются члены шести семейныхъ поколѣній (пасови), состоящихъ въ ближайшемъ между собою родствѣ, соотвѣтственно степени своего родства; затѣмъ правомъ этимъ пользуются сосѣди идущаго въ продажу недвижимаго имущества, потомъ остальные сельскіе жители, и наконецъ, уже по очереди правомъ тѣмъ пользуются остальные члены племени. Сохраненіе этого стариннаго права, которое въ Чехіи, въ XIV—XV вѣкахъ, играло столь важную роль, которое еще сохранялось въ Польшѣ до XVII вѣка, какъ *pravo blizkosci* (*jus retractus*), и которое въ Рос-

сін еще имѣеть обязательную силу, котораго слѣды мы находимъ въ Code-Napoléon, и которое, наконецъ, въ Черногоріи удержалось въ полномъ объемѣ,—кодифицировано составителемъ весьма удачно (ст. 47—64) и сохранено вполнѣ. Далѣе, въ отдѣлѣ о сосѣдственныхъ правахъ (помеѣшная угодба), принимаемыхъ многими юристами совершенно неправильно за логальные сервитуты, мы находимъ главу объ ирригаціи или орошеніи полей (ст. 117—132) и объ антихрестическомъ договорѣ (подлог) (ст. 183—192), о которомъ даже въ австрійскомъ уложеніи ничего не упомянуто.

Извѣстно, что обязательства у каждаго народа имѣють въ высшей степени космополитическій характеръ, до того, что почти во всѣхъ уложеніяхъ, въ этомъ отдѣлѣ, встрѣчаются заимствованія изъ чужихъ уложеній, и притомъ, на доктринѣ, основывающейся на римскомъ правѣ. Замѣтимъ, что даже составители Code-Napoléon главную часть объ обязательствахъ основали на сочиненіи ученаго П. Потье, что уже прямо повторялось въ дюжнѣ послѣдующихъ кодификаціяхъ.

Въ черногорскомъ уложеніи, правда, мы на ряду съ контрактами и другими правовыми институтами, носящими въ себѣ общій характеръ, находимъ также и такіе, которые являются спеціально черногорскими, иначе южно-славянскими. Къ этой категоріи относится договоръ (супона) (ст. 442—445), общій выгонъ скота, принадлежащаго нѣсколькимъ владѣльцамъ, для добычи общаго удобренія спирага (ст. 446—456), запряжка воловъ различныхъ владѣльцевъ для совмѣстной обработки поля, безвозмездная или платная помощь (люба—помочь) (ст. 341—347), затѣмъ постановка скота на кормъ (наполица) (ст. 313—328) и многіе подобныя, которые кодификаторомъ сохранены въ первоначальномъ ихъ видѣ.

III.

Представивъ въ краткихъ чертахъ главнѣйшія особенности черногорскаго уложенія, мы скажемъ напоследокъ нѣсколько словъ о затрудненіяхъ, съ которыми приходилось бороться его составителю, чтобы достигнуть намѣченной имъ цѣли.

Прежде всего возникаетъ вопросъ: были ли у профессора Богшича передъ главами, въ научной и законодательной практикѣ другихъ странъ, готовые примѣры, которымъ онъ могъ бы слѣдовать? Мы уже отвѣтили на этотъ вопросъ отрицательно, указавъ на совершенно свое-

образныя условія строя жизни черногорцевъ, вслѣдствіе чего кодификаторъ не могъ пользоваться готовыми образцами законодательства. О направленіи, которому г. Богишичъ долженъ былъ слѣдовать при выполненіи своей задачи, высказаны были равныя сужденія еще въ ту пору, когда онъ только-что принимается за дѣло. Объ этомъ намъ разказываетъ самъ составитель въ упомянутой брошюрѣ „Нѣсколько словъ о принципахъ и методѣ составленія гражданскаго уложенія для Черногоріи“. Нѣкоторые предполагали, что г. Богишичъ ограничится тѣмъ, что просто запишетъ и проредактируетъ важнѣйшія и наиболѣе необходимыя положенія обычнаго права черногорцевъ; въ крайнемъ случаѣ онъ-де введетъ нѣкоторыя измѣненія, сообразно требованіямъ настоящаго времени. Другіе, болѣе горячіе приверженцы традицій римскаго права, считали излишнимъ придавать особое значеніе положеніямъ обычнаго права и полагали, что кодификатору пужно не столько сообразоваться съ ними, какъ слѣдуетъ отвлеченной теоріи и руководствоваться примѣрами тѣхъ кодексовъ права, которые наиболѣе соответствуютъ главнымъ требованіямъ абстрактныхъ теорій.

Но очевидно, г. Богишичъ не могъ примкнуть ни къ тому, ни къ другому изъ указанныхъ мнѣній, такъ какъ въ силу своей прежней научной дѣятельности и основныхъ воззрѣній, онъ не являлся поборникомъ ни того, ни другаго слишкомъ крайняго направленія. Подобно знаменитому основателю историко-правовой школы — Савиньи, г. Богишичъ думаетъ, что народное право, какъ и языкъ народа, должно быть разсматриваемо, какъ своего рода организмъ, являющійся естественнымъ результатомъ сумми условій, изъ которыхъ вытекаетъ матеріальная, моральная и интеллектуальная жизнь народа. Какъ составитель грамматики не заимствуетъ правила рѣчи изъ чужого языка, а старается понять характерныя свойства и особенности того языка, изученіемъ котораго онъ занятъ — такъ и составитель уложенія не можетъ исключительно руководствоваться системами права чужихъ народовъ, какой бы степени совершенства онъ ни достигалъ, а долженъ выискнуть въ сущность народнаго характера и его правовыхъ порядковъ, сложившихся долгимъ путемъ историческаго развитія. Г. Богишичъ неоднократно высказывалъ эту мысль въ своихъ прежнихъ трудахъ. Сама по себѣ эта идея органической природы права не представляется новою, но впервые въ черногорскомъ уложеніи мы видимъ ея приложеніе къ практикѣ, тогда какъ въ кодификаціонныхъ работахъ другихъ европейскихъ странъ

по гражданскому праву замѣчается преобладаніе иного принципа— подражанія системѣ и содержанію готовыхъ уже уложеній, пользующихся въ некоторую авторитетностью. Такъ были составлены гражданскія уложенія въ Ваденъ-Баденѣ, въ Румыніи и т. д., при чемъ за образецъ принятъ кодексъ Наполеона. Существуетъ еще третій возможный методъ составленія уложенія, который былъ названъ нѣмцами юристомъ Далцомъ— „кодификаціей въ собственномъ смыслѣ слова“¹⁾. Онъ заключается въ томъ, чтобы слѣдовать исключительно отвлеченнымъ соображеніямъ идеальной организаціи, оставляя совершенно въ сторонѣ мѣстныхъ правовыя отношенія. Такой приѣмъ страдаетъ крайнею искусственностью и можетъ привести лишь къ весьма сомнительнымъ результатамъ. Истинне настаивать на томъ, насколько онъ не соответствуетъ взглядамъ и научнымъ теоріямъ профессора Вогнишча, который, очевидно, не могъ признать его цѣлесообразность.

Упомянемъ на послѣдокъ, что и уложеніе князя Данила 1855 г. не могло быть большою помощію г. Вогнишчу, такъ какъ оно было составлено слишкомъ поспѣшно и удовлетворяло лишь насущнымъ потребностямъ дня. При его составленіи никакимъ особымъ методомъ не руководились, и теперь это уложеніе потеряло почти всякую цѣнность; весьма немногіе изъ параграфовъ его остались въ силѣ, да и явное доказательство непригодности этого уложенія можно вывести уже изъ того обстоятельства, что нигдѣ въ черногорскихъ судахъ не имѣется на лицо ни одного экземпляра его.

Такимъ образомъ, профессору Вогнишчу при желаніи остаться върнымъ своимъ основнымъ возрѣніямъ, оставался только одинъ исходъ— сохранить свою независимость отъ напращеній, къ которымъ онъ не желалъ примкнуть, и какъ можно самостоятельнѣе отнестись къ предпринимавшимъ кодификаціоннымъ работамъ, съ которыми онъ все-таки, по видимому, весьма обстоятельно знакомъ. Авторъ самъ признаетъ (въ введеніи къ изданной имъ выдержкѣ „Exposé“ и т. д.), что работа его только въ томъ случаѣ можетъ принести нѣкоторую пользу, если онъ будетъ слѣдовать по совершенно независимому пути. Оно казалось тѣмъ необходимѣе, что и въ спеціально-научныхъ ра-

¹⁾ *Dank.* Die Wirkung der Codificationsformen auf das materielle Recht. Lpz. 1861 (стр. 6 и 9).

ботахъ по изученію гражданскаго права профессоръ Богшичъ не встрѣтилъ готовыхъ руководящихъ правилъ для составленія уложенія, не встрѣтилъ даже правилъ для опредѣленія техническихъ терминовъ въ кодификаціи ¹⁾.

Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ, въ какомъ затруднительномъ положеніи находился кодификаторъ при выполненіи своей задачи, какъ по отношенію къ основнымъ принципамъ, такъ и въ примѣненіи ихъ къ практикѣ; затрудненія эти еще увеличиваются вслѣдствіе того порелома въ общественномъ строѣ жизни черногорцевъ, который обусловленъ вышесказанными территоріальными пріобрѣтеніями. Нужно отдать полную справедливость проф. Богшичу, что онъ весьма искусно преодолевалъ трудности и съ честью выполнилъ возложенное на него порученіе. Не ограничиваясь простымъ редактированіемъ положеній обычнаго права (что оказалось бы неумѣстнымъ уже по той причинѣ, что условія организаціи общественнаго строя въ современной Черногоріи не соответствовали болѣе прежнимъ порядкамъ), г. Богшичъ регулировалъ правовыя отношенія на основаніи болѣе общихъ принциповъ государственной жизни и выказалъ особую осторожность въ умѣннн разграничить то, что подлежало кодификаціи, отъ обычаевъ, которымъ онъ считалъ неумѣстнымъ придать законодательный характеръ. Дѣйствительно, правовыя отношенія подлежатъ измѣненіямъ и развитію, и понимая необходимость предоставить возможность свободнаго развитія обычнаго права, кодификаторъ весьма заботливо постарался установить гармонію между писанными законами и правовою жизнью народа, дабы не возникло между ними разлада и не было заторможено свободное, естественное развитіе правовыхъ отношеній. Въ неоднократно упомянутой нами брошюрѣ своей г. Богшичъ говоритъ, что кодификаторъ долженъ всегда имѣть въ виду тѣ положенія обычнаго права, которыя хотя бы и не вошли въ уложеніе, но служатъ выраженіемъ народнаго правоваго совнанія, понятій народа о правѣ и справедливости. Эти положенія должны составить какъ бы интегральную часть уложенія, хотя и не должны быть включены въ особныя статьи его. Мы вполне признаемъ справедливость мнѣнія, не разъ уже высказаннаго знатоками дѣла, что одна изъ труднѣйшихъ задачъ кодификатора заключается въ томъ,

¹⁾ См. его брошюру: Технические термины законодательства. Бъаградъ. 1887, стр. 6—7.

чтобъ умѣть выдѣлать то, чего не слѣдуетъ кодифицировать; между тѣмъ это существенно важно для того, чтобы впоследствии уложеніе не тормозило естественнаго хода развитія правовыхъ порядковъ, и чтобы не возникло противорѣчій между ними и писанными законами.

Какъ ни простъ самъ по себѣ принципъ установленія гармоніи между уложеніемъ и остальными источниками права, примѣненіе его на практикѣ весьма затруднительно. Упомянутый нами выше нѣмецкій юристъ Данцъ, обстоятельно разъясняя самый принципъ, не указываетъ на средства, при помощи которыхъ онъ можетъ быть выполненъ, и даже выражаетъ весьма неутѣшительную мысль, что подобная кодификація, не нарушающая взаимной связи и соответствія между уложеніемъ и уже существующимъ въ жизни правомъ, врядъ ли выполнима, по крайней мѣрѣ для Германіи. Проф. Богишичъ все-таки попытался выдержать принципъ при составленіи черногорскаго уложенія, отнюдь не скрывая отъ себя всѣхъ трудностей примѣненія его на практикѣ. Не мало силы и бодрости почерпнулъ онъ въ сознаниіи той высокой задачи, которая была ему поручена. Что же касается средствъ для проведенія указаннаго принципа въ черногорское уложеніе, то понятно, профессору Богишичу приходилось прискивать ихъ самому, такъ какъ онъ не имѣлъ предшественниковъ въ этомъ дѣлѣ. Мы сошлемся еще разъ на брошюру его, гдѣ подробно наложены правила, руководившія кодификаторомъ при составленіи уложенія, и гдѣ формулированы цѣли, которыя онъ имѣлъ въ виду. Цѣли эти неизбежно должны были быть многоразличными, такъ какъ уложеніе затрагиваетъ множество сторонъ гражданской жизни народа. Но кодификаторъ попытался координировать ихъ между собою и все-таки главною между ними признаетъ соблюденіе указанной гармоніи между уложеніемъ и правовыми обычаями народа, которымъ онъ предоставилъ павозможно полную свободу къ дальнѣйшему развитію. Въ результатѣ оказывается, что, по сравненіи гражданскаго уложенія, составленнаго г. Богишичемъ, съ другими существующими законодательствами, между ними замѣчается капитальная разниаца: кодификаторъ ввелъ въ свое уложеніе нѣкоторыя отдѣлы, совершенно отсутствующіе въ другихъ кодексахъ, и, на оборотъ, исключилъ изъ него нѣкоторыя части, казавшіяся ему излишними; онъ принялъ особое систематическое распредѣленіе статей уложенія, позаботился о ясной и разумной формули-

ровкѣ закоповъ, привесть въ соотвѣтствіе отдѣльные правовые институты, которые постарался согласовать съ разными потребностями социальной жизни. Все это придаетъ особую цѣнность труду г. Богшича, который такимъ образомъ является едва ли не первою въ своемъ родѣ попыткой примѣнить выводы современной науки къ жизненной практикѣ. Оригинально задуманная и съ большимъ умѣніемъ и знаніями выполненная программа труда да послужитъ залогомъ дѣльнейшаго успешнаго вліянія уложенія на гражданскую жизнь черногорскаго народа, котораго свособразныя и симпатичныя черты характера г. Богшичъ такъ заботливо старался охранить, выработывая для него писанные законы.

И. В.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Декабрь 1889 года.

I.

Съ 1890 года входить въ силу новый законъ, подчиняющій воинской повинности всѣхъ французскихъ гражданъ безъ исключенія. Еслибъ этотъ законъ примѣнялся буквально, еслибы всѣ молодые люди 20—23-лѣтняго возраста должны были служить три года подъ знаменами, то очевидно, такъ-называемыя либеральныя профессіи оказались бы въ весьма невыгодномъ положеніи, и уровень умственнаго развитія понизился бы въ нашемъ государствѣ. А потому законъ этотъ умѣряется распоряженіемъ: отъ 23-го января 1889 года, обуславливающимъ нѣкоторыя смягченія для молодыхъ людей, предназначенныхъ себя къ означеннымъ профессіямъ. Въ мирное время, послѣ годового пребыванія въ арміи, увольняются въ отпускъ по прошенію: 1) молодые люди, обязавшіеся прослужить десять лѣтъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія; 2) преподаватели, обязавшіеся прослужить десять лѣтъ въ колоніяхъ; 3) молодые люди, занимающіеся наукой съ цѣлю получить степень магистра гуманитарныхъ или физико-математическихъ наукъ, доктора правъ или медицины, фармацевта, ветеринара или служащаго при госпиталѣ; 4) молодые люди, работающіе для полученія дипломовъ, выдаваемыхъ *École des chartes*, школою восточныхъ языковъ, правительственными школами—морскою, путей сообщенія, горною, морскихъ инженеровъ, техническими школами и училищами агрономическими; 5) молодые люди, готовящіеся къ духовному званію; 6) ученики школъ изящныхъ искусствъ, получившіе какую-либо награду. Благодаря такому увольненію по всѣмъ отраслямъ занятій, всѣ мо-

лодые люди, готовящіеся къ исчисленнымъ профессіямъ, прослужать подъ знаменами не болѣе одного года: въ случаѣ войны студенты-медики и студенты духовныхъ коллегій несутъ службу при лазаретахъ. Никто впрочемъ не имѣетъ права вполне уклониться отъ священной обязанности участвовать въ народной оборонѣ. Патриотическое чувство весьма сильно во Франціи, и всѣ охотно приняли введеніе всеобщей воинской повинности.

Я уже писалъ вамъ, что министръ народнаго просвѣщенія организовалъ комиссію по улучшенію средняго преподаванія. Результаты занятій ея становятся извѣстными; она занималась преимущественно физическимъ воспитаніемъ учащихся; въ ней принимали участіе извѣстные врачи. Особенно настаивали на необходимости предоставить учащимся болѣе свободнаго времени для физическихъ упражненій, для отдыха и для сна. Въ настоящее время младшему возрасту отведено 10 часовъ для ученія, 9½ для сна, и дано 4 часа свободнаго времени. Комиссія предлагаетъ сократить часы занятій до 7, отдавая сну 10 часовъ и отдыху 5. Она требуетъ кромѣ того, чтобы два раза въ недѣлю послѣ полудня дѣти дѣлали большія прогулки; теперь же они дѣлаютъ только одну прогулку въ недѣлю. Предлагаютъ не только увеличить число часовъ рекреаций, но и организовать ихъ такъ, чтобы онѣ служили на пользу физическаго воспитанія. Будутъ особые преподаватели игръ. Всѣ ученики, какъ приходящіе, такъ и интерны, будутъ участвовать въ этихъ играхъ. Отмѣняются всякія наказанія, состояція въ томъ, чтобы лишить ученика участія въ играхъ и въ физическихъ упражненіяхъ; но мѣръ возможности будутъ обучать дѣтей плаванію, греблѣ, верховой ѣздѣ; гимнастикой же будутъ заниматься ежедневно по 3 часа младшій возрастъ, и по 2½ часа—старшій. Комиссія предлагаетъ, чтобы обѣдъ длился полчаса, и чтобы ученики могли разговаривать въ это время. Мясная пища должна составлять 2/3 всего питанія (200 граммъ въ день для старшаго, 160—для средняго, 120—для младшаго возраста). Комиссія, не осуждая существованія интернатовъ въ лицеехъ, предпочитаетъ имъ устройство помѣщеній для учащихся по тьюторной системѣ, столь распространенной въ Англіи. По отношенію къ дисциплинѣ комиссія желала бы уничтоженія нынѣ существующей системы наказаній и предлагаетъ замѣнить ихъ однимъ нравственнымъ вліяніемъ учителя и семьи.

Относительно преподаванія комиссія находитъ, что основаніемъ его должно быть по прежнему изученіе языковъ, признанное луч-

шимъ средствомъ для развитія ума. Важно не умѣнье писать по латини, а бѣглое чтеніе латинскихъ текстовъ для извлеченія изъ нихъ уроковъ исторіи и нравственныхъ началъ. Писаніе рѣчей и стиховъ на латинскомъ языкѣ отиѣняется. Сравнительная грамматика, фонетика и метрика, преподаваемые въ высшихъ классахъ, также исключаются изъ курса; прежде всего требуется толковое и обильное чтеніе. Дѣло не въ литературномъ образованіи учащихся, а въ гуманномъ, почерпаемомъ въ нравственномъ ученіи великихъ писателей классическаго міра. Чтеніе текстовъ будетъ главнымъ предметомъ преподаванія; изученіе латинскаго языка должно идти неспѣшно и примѣнительно къ склонностямъ дѣтей. Изучаемые тексты должны быть по возможности литографируемы, а не писаны подъ диктовку. Текстъ „de viris illustribus urbis Romae“, читавшійся прежде въ 7-мъ классѣ, теперь будетъ читаться въ 5-мъ. Корнелій Непотъ и Овидій, читаемые теперь въ 5-мъ классѣ, будутъ читаться въ 4-мъ (во французской классной системѣ девятый классъ считается младшимъ). Въ преподаваніи французскаго языка должно быть менѣе педантства, менѣе грамматки, менѣе лингвистики; слѣдуетъ болѣе изучать литературу XVI вѣка; ученики должны имѣть нѣсколько уроковъ по французскому стихосложенію. Теоретическое изученіе риторики уничтожается; исторію литературы должно проходить безъ подробностей, въ главныхъ чертахъ ея.

Нынѣ существующее преподаваніе новыхъ языковъ сильно критикуется въ отчетѣ комиссіи. Учителя новыхъ языковъ не держатся одинаковаго метода преподаванія: одни интересуются преимущественно практическимъ изученіемъ языка, а другіе—теоретическимъ. Многіе учителя преподають нѣмецкій или англійскій языкъ, какъ латинскій. Прежде всего ученикъ долженъ усвоить себѣ произношеніе; сначала должно приучить его къ пониманію словъ, а затѣмъ уже заставлять его читать ихъ. Главное упражненіе должно состоять въ громкомъ чтеніи; комиссія выражаетъ желаніе, чтобъ ученики упражнялись въ пѣніи на иностранныхъ языкахъ. Въ изученіи образцовъ не должно отдавать предпочтенія великимъ классическимъ авторамъ, но брать образцы и изъ современныхъ писателей, языкъ которыхъ ближе подходитъ къ нынѣшней разговорной рѣчи. Исторія должна преподаваться толково и въ живописныхъ разказахъ, безъ перечня трактатовъ и битвъ; то же правило примѣняется и къ преподаванію географіи.

Таково сжатое извлеченіе изъ доклада комиссіей, на которую

возложено преобразование средняго преподаванія. Заключенія комиссіи несомнѣнно вызовутъ возраженія въ высшемъ совѣтѣ народнаго просвѣщенія; если они подадутъ поводъ къ измѣненіямъ въ нынѣ существующей программѣ, я не замедлю сообщить вамъ о томъ.

Я писалъ вамъ объ учрежденіи, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, общества, подъ названіемъ l'Alliance française, для распространенія французскаго языка; оно имѣетъ во Франціи то же значеніе, что шульферейны въ Германіи и въ Австріи. Это общество напечатало по случаю всемірной выставки отчетъ, въ которомъ перечисляетъ все имъ сдѣланное (томъ въ 8-ку, въ національной типографіи). Составитель отчета Фонсенъ состоитъ секретаремъ Alliance française и главнымъ инспекторомъ народнаго просвѣщенія; кромѣ того, онъ замѣчательный географъ. Общество помѣщается теперь въ улицѣ Saint-Guillaume, въ школѣ политическихъ наукъ; годовой членскій взносъ 6 франковъ, а годовой бюджетъ общества почти 80,000 франковъ. Съ начала своего существованія оно истратило 100,000 франковъ на пособія, медали, награды и учебныя книги и школьный матеріалъ, розданные, какъ во французскихъ школахъ, такъ и въ иностранныхъ, во всѣхъ частяхъ свѣта. Книга Фонсена любопытна не по одному свидѣтельству объ успѣхахъ общества, но также и главнымъ образомъ потому, что знакомитъ съ распространеніемъ французскаго языка по всему свѣту. Особенно любопытно видѣть успѣхи, сдѣланные французскимъ языкомъ въ колоніяхъ, въ Египтѣ, Сенегалѣ, на крайнемъ востокѣ и въ Океаніи. Въ настоящее время, кромѣ Германіи, нѣтъ страны, гдѣ не было бы заведеній Alliance française. Жюри всемірной выставки присудило автору этого любопытнаго сочиненія высшую и вполне имъ заслуженную награду. По поводу выставки отдѣлъ Alliance française, учрежденный въ Прагѣ, выпустилъ въ свѣтъ каталогъ всѣхъ французскихъ сочиненій, переведенныхъ на чешскій языкъ. Къ каталогу приложено введеніе объ историческихъ отношеніяхъ Франціи и Чехіи.

II.

Россіей продолжаютъ интересоваться у насъ по прежнему. Болѣе всего переводятъ романы и театральныя пьесы, но рѣдко появляются въ свѣтъ оригинальныя сочиненія касательно вашего отечества. Къ новому году появилась однако книга графа П. Василія, заслуживающая вниманія; она называется „Святая Русь“ (La Sainte Russe).

Имя этого автора (псевдонимъ), конечно, вамъ извѣстно; ему принадлежатъ статьи, описывающія общество европейскихъ столицъ — Вѣны, Берлина, Мадрита и помѣщенные въ *Nouvelle Revue*, редакторомъ котораго состоитъ г-жа Адавъ; люди свѣдущіе увѣряютъ, что графа Василія вовсе не существуетъ, а приписываемыя ему статьи и книги сочиняются цѣлымъ обществомъ литераторовъ, подъ руководствомъ г-жи Адавъ. Издательница *Nouvelle Revue*—большая сторонница русскихъ; послѣднее сочиненіе „графа Василія“ было ею редактировано; слѣдовательно, оно весьма благопріятно для Россіи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ авглійскій писатель Диксонъ желалъ также назвать свою книгу „*Holy Russia*“, но, по совѣту одной русской дамы, проживавшей въ Лондонѣ, замѣнилъ это названіе „*Free Russia*“. „Графъ Василій“ счелъ нужнымъ возобновить откинутое Диксономъ названіе и сознаться въ предисловіи, что имѣлъ много сотрудниковъ; это и видно: его сотрудники обнаруживаютъ знаніе французскаго языка не въ одинаковой степени, а самъ графъ не твердъ въ русскомъ языкѣ. Русскія слова, встрѣчающіяся въ книгѣ, большею частію искажены, и это ея слабая сторона; исторія Россіи изложена поверхностно, всего въ одной главѣ; затѣмъ повѣствуется о русскомъ дворѣ, объ арміи и флотѣ, о главныхъ государственныхъ учрежденіяхъ, о дворянствѣ, духовенствѣ, среднемъ классѣ и простомъ народѣ. Четыре главы посвящены описанію Петербурга, Москвы, Кавказа и путей сообщенія; авторъ или, лучше сказать, авторы прошли молчаніемъ состояніе наукъ, искусствъ и литературы, и это, разумѣется, большой пробѣлъ. Но и въ настоящемъ своемъ видѣ книга эта въ цѣломъ даетъ много свѣдѣній французскому читателю. Множество превосходныхъ и точныхъ рисунковъ взято большею частію изъ лучшихъ источниковъ. Это сочиненіе издано фирмою Фирмена Дидо.

Я уже сообщалъ вамъ о трудѣ Бонвало: „*Du Caucase aux Indes à travers le Pamir*“. Ему сопутствовалъ натуралистъ Капю, собственно для научныхъ цѣлей экспедиціи. Капю также напечаталъ свои путевыя впечатлѣнія, книгу, по объему своему меньше путевыхъ записокъ Бонвало, подъ заглавіемъ: „*Le toit du Monde — Pamir*“ (un vol. in 12, Librairie Hachette). Онъ повѣствуетъ о судьбахъ Памира съ древнихъ временъ до нашихъ дней, вспоминаетъ путешествія христіанскихъ и буддійскихъ странниковъ, особенно Марко Поло, и подтверждаетъ точность его наблюденій. Затѣмъ идетъ разказъ объ изслѣдованіяхъ Памира, сдѣланныхъ русскими и англичанами, и наконецъ краткій отчетъ объ экспедиціи Бонвало, заставив-

шей много говорить о себѣ въ Европѣ. Книга написана просто, преимущественно для юныхъ читателей, но и болѣе взрослые люди прочтутъ ее съ удовольствіемъ и пользою.

Я уже не разъ писалъ вамъ о сочиненіяхъ отца Пирлинга по вопросу о сношеніяхъ Россіи съ папами. Отецъ Пирлингъ, по происхожденію русскій, бѣгло читающій на славянскихъ нарѣчіяхъ, занимался преимущественно исторіей борьбы между Стефаномъ Баторіемъ и Иваномъ Грознымъ и посредничества между ними италіанскаго іезуита Поссевина. Онъ написалъ по этому поводу нѣсколько монографій, о которыхъ съ похвалою было говорено въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Теперь Пирлингъ собралъ въ одну книгу и дополнилъ по новымъ документамъ свои различныя сочиненія, озаглавивъ эти этюды: „Папы и цари“ (Papen et Tsars. 1647—1697. Un vol. in 8°. Paris. Librairie Retaux Bray). Пирлингъ дѣлалъ для своихъ работъ изысканія въ архивахъ, гдѣ и открылъ не мало любопытныхъ документовъ. Онъ лично или чрезъ помощниковъ черпалъ извѣстія изъ архивовъ Копенгагена, Флоренціи, Милана, Парижа, Рагузы, Вильны; но болѣе всего сдѣлаю имъ открытій въ Венеціи и въ Римѣ. Книга его, написанная умѣло и умѣренно, составитъ важный вкладъ въ исторію дипломатическихъ сношеній Россіи и Польши. Можно съ увѣренностью сказать, что книга эта будетъ также хорошо принята въ Россіи, какъ и на западѣ.

Въ послѣднемъ моемъ письмѣ я упомянулъ о прискорбной кончинѣ профессора Фюстеля-де-Куланжа. Нѣсколько недѣль послѣ смерти его появился въ свѣтъ новый томъ его замѣчательной „Исторіи политическихъ учрежденій старой Франціи“. Въ ней говорится о поземельной собственности въ эпоху Меровинговъ (*l'Alleu et le domaine rural pendant l'époque mérovingienne. Un vol. in 8°, librairie Hachette*). Въ предыдущихъ томахъ авторъ изучалъ политическія учрежденія Галліи во время Римской имперіи и правленія Франкскихъ королей. Приступая къ періоду феодальной системы, онъ предполагалъ въ появившемся теперь томѣ рассмотреть состояніе поземельной собственности. До XV столѣтія она была едва ли не единственнымъ или по крайней мѣрѣ самымъ важнымъ органомъ общественной жизни. Все давалось землей, а потому и вся жизнь имѣла къ ней отношеніе. Земля составляла силу и богатство общества. Фюстель разбираетъ состояніе поземельной собственности въ первыя столѣтія средневѣковой эпохи, какъ и по какому праву владѣли тогда землею, какой видъ имѣла различная земельная собственность. Онъ изучаетъ послѣ-

довательно галло-римскія помѣстья, извѣстныя подъ названіемъ *villa*, право собственности послѣ вторженія непріятели, поземельное право при Меровингахъ, распредѣленіе земель по деревнямъ и владѣніямъ, положеніе рабовъ, отпущенниковъ, колопистовъ. Авторъ приходитъ къ заключенію, что поземельная собственность отъ IV до IX вѣка оставалась безъ измѣненія въ своемъ устройствѣ со стороны королевской власти. Кромѣ этой книги, скоро выйдутъ въ свѣтъ еще два посмертныя сочиненія Фистеля-де-Буланжа: „Римская Галлія и германское вторженіе“ (*La Gaule Romaine et l'invasion germanique*) и „Церковные доходы и приходы въ періодъ Меровинговъ“ (*Les Bénéfices à l'époque mérovingienne*).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я являлся вѣсть объ организаціи отдѣленія религіозныхъ наукъ въ школѣ высшихъ знаній подъ руководствомъ Альбера Ревилля. Отдѣленіе это напечатало первый томъ своихъ трудовъ, подъ заглавіемъ: „Критическіе и историческіе этюды“ (*Études de critique et d'histoire*. Un. vol. in 8°. Paris. Leroux). Въ книгѣ приложено написанное Альберомъ Ревиллемъ введеніе о курсахъ, преподаваемыхъ въ отдѣленіи. Затѣмъ идутъ статьи его профессоровъ: „Классификація сочиненій Филона“ — Массбю, „Новый царь Савскій“ — Деранбурга, „Древнее и первоначальное населеніе Палестины“ — Мориса Верна, „Обращеніе св. Павла“ — Авэ, „Одинъ изъ вопросовъ каноническаго права“ — Эсмена, „Значеніе слова *sacramentum* у Тертуліана“ — Жозефа Ревилля, „Положеніе вдовъ въ первоначальныхъ христіанскихъ общинахъ“ — Жана Ревилля, „Происхожденіе схоластической философіи во Франціи и въ Германіи“ — Пикаве, статьи по Индіи, Китаю и Египту — Сильвена Леви, Леона Рони и Амеліно. Эта книга хорошо принята ученою публикой и даетъ серьезное понятіе о преподаваніи поваго отдѣленія школы высшихъ знаній.

У того же издателя Леру профессоръ словеснаго факультета въ Безансонѣ Эдуардъ Сейу (*Sauoux*) напечаталъ книгу этюдовъ по римской религіи и по средневѣковой эпохѣ въ восточной Европѣ. Сейу былъ профессоромъ богословія протестантскаго факультета въ Монтбанѣ и словесныхъ факультетовъ въ Тулузѣ и въ Безансонѣ. Лучшее его сочиненіе — „Исторія Венгріи“, удостоенная преміи Французской академіи и переведенная на мадьярскій языкъ. Сейу занимался также исторіей религіи; книга его заключаетъ въ себѣ очеркъ религіи римлянъ во время Пуническихъ войнъ, затѣмъ этюды о жертвоприношеніи тельца, о взглядахъ мусульманъ на христіанство, о принятіи христіанства славянами и финскими племенами Европы,

о болгарахъ и французскихъ крестоносцахъ, наконецъ описаніе осады Пешта турками (въ концѣ XVII вѣка). Нѣкоторые изъ этихъ очерковъ были прочитаны въ Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ. Всѣ они въ равномъ отношеніи любопытны и поучительны. Но жаль, что Сеймъ не сосредоточился исключительно на изученіи Венгріи.

Почти ежедневно находятъ и издають въ свѣтъ документы, относящіеся къ военной исторіи революціи и первой имперіи. Фирма Далагравъ только что издала въ свѣтъ очень любопытныя письма молодого офицера Фаро къ его матери за время съ 1808 по 1814 годъ. Вступивъ въ 1803 году въ военную школу въ Фонтенебло, Фаро участвовалъ въ дѣлѣ подъ Эльмингенгомъ, былъ посланъ въ Тиролю, присутствовалъ при битвѣ подъ Іеной, стоялъ военнымъ постоемъ въ Познани, участвовалъ затѣмъ въ Ваграмскомъ сраженіи и въ 1812 году былъ въ походѣ въ Россію; къ сожалѣнію, письма, адресованныя имъ къ матери во время этой послѣдней компаніи, утрачены; сохранились только относящіеся къ 1813 году и ко времени битвъ подъ Дрезденомъ, Лейпцигомъ и Ганау; наконецъ, онъ сопутствовалъ Наполеону во время компаніи 1814 г. и былъ при Ватерло. Фаро былъ человѣкъ развитой и отпажннй; онъ хорошо наблюдаетъ событія и вѣрно судить о людяхъ; писалъ онъ живымъ и изящнымъ слогомъ. Издатель снабдилъ письма Фаро множествомъ точныхъ историческихъ примѣчаній, увеличивающихъ интересъ этого любопытнаго сборника.

Почти въ то же время Эрцестъ Бертенъ издалъ въ свѣтъ занимательную и любопытную книгу: „Общество времени консульства и имперіи“. Бертенъ занимается изученіемъ исторіи французскаго общества; ему мы обязаны интереснымъ сочиненіемъ о бракахъ въ старой Франціи. Въ книгѣ вышедшей изъ его пера избранъ предметомъ своихъ изслѣдованій общество времени Наполеона, по документамъ, напечатаннымъ за послѣднее десятилѣтіе; въ особенности онъ изучаетъ перемѣну, совершившуюся въ характерѣ женщины—кокетливой и прачудливой въ прежнее время, а затѣмъ ставшей задумчивою и мечтательною; нѣсколько отдѣльныхъ статей, составляющихъ этотъ томъ, посвящено Луціану Бонапарту, запискамъ и перепискѣ г-жи де-Ремюза, запискамъ Меттерниха, сочиненіямъ о маршалѣ Даву и о г-жѣ де-Кюстинъ. Книга изобилуетъ любопытными анекдотами и остроумными воззрѣніями. Бертенъ пишетъ слогомъ простымъ, естественнымъ, гибкимъ и изящнымъ.

Французская Швейцарія отличается сильнымъ литературнымъ движеніемъ; это страна, гдѣ несомнѣнно много читають; но книги,

издаваемыхъ тамъ, послать на себя большую часть отпечатокъ чисто мѣстныхъ, провинціальныхъ. Въ Парижѣ ихъ почти не знаютъ. Но вотъ книга, которую прочтуть и не въ одной Женевѣ или Лозаннѣ; это— „Исторія литературы во французской Швейцаріи“, Филиппа Года (*Histoire littéraire de la Suisse française*). Года—талантливый поэтъ и въ то же время профессоръ въ Невшателѣ; онъ сотрудникъ *Bibliothèque Universelle de Genève* и корреспондентъ *Journal des Débats*; литературныя чтенія его въ Парижѣ имѣли успѣхъ. „Исторія литературы во французской Швейцаріи“ соприкасается во многомъ съ общею исторіею французской литературы. До реформаціи въ Швейцаріи было нѣсколько замѣчательныхъ лѣтописцевъ; во время реформаціи Женева, съ Кальвиномъ во главѣ, и Невшатель, съ Фарелемъ, сдѣлались важными центрами религіознаго движенія; послѣ уничтоженія Навтскаго эдикта огромное число выходцевъ удалилось изъ Франціи въ Швейцарію. Въ XVII вѣкѣ Лозаннская академія стала тамъ третьимъ литературнымъ центромъ; невшателскій пасторъ Остерпальдъ сдѣлалъ въ XVII вѣкѣ французскій переводъ Вибліи, наиболѣе распространенный въ то время. Въ XVII вѣкѣ Женева дала французской литературѣ Руссо и пріютила Вольтера. Ей же принадлежатъ ученые Бонне и де-Соссюръ, люди всемірной извѣстности. Въ Лозаннѣ вокругъ Гиббона образовалось цѣлое литературное общество; позже г-жа де-Шарриеръ пріинекла въ Невшатель Бенжамена Констана; всѣмъ извѣстна роль Неккера и г-жи де-Сталь во время революціи и имперіи. Въ XIX вѣкѣ Швейцарія дала Сисмонди и г-жу де-Соссюръ, Родольфа Топфера, критика Вине, нѣсколькихъ даровитыхъ поэтовъ и романистовъ. Въ Лозаннѣ выходитъ теперь старѣйшій изъ существующихъ нынѣ французскихъ журналовъ—*Bibliothèque Universelle*, который вскорѣ вступитъ въ сотую годовщину своего существованія. Книга Года заключаетъ въ себя много любопытныхъ указаній и вполне заслуживаетъ чтенія.

Собраніе монографій, посвященныхъ французскимъ писателямъ, издаваемое Гашеттомъ, недавно обогатилось новою книгой—о Даламберѣ. Авторъ ея—Вертранъ, профессоръ Французской коллегіи, членъ академіи наукъ и Французской академіи. Подобно Даламберу, онъ—прекрасный писатель и извѣстный математикъ; знаменитый энциклопедистъ XVIII вѣка нашелъ въ лицѣ Вертрана достойнаго себя биографа:

Въ составъ того же собранія долженъ былъ войдти этюдъ о Ламартинѣ, написанный Шарлемъ де-Помаромъ. Авторъ ея—поэтъ

философъ, впрочемъ мало писавшій; ему мы обязаны этюдами по философіи и книгою „Rêves et pensées“, удостоенною въ 1881 году преміи Французской академіи. Опъ давно уже углубился въ изученіе Ламартина, и книга его оказалась такимъ объемистымъ сочиненіемъ, что не могла быть включена въ составъ изданія Гамитта, выпускъ котораго разиѣромъ не болѣе 200 страницъ и стоимостью въ 2 франка. Итакъ, книга вышла особымъ изданіемъ. Имя Ламартина, столь извѣстное пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, теперь какъ будто позабыто; его затмила все возрастающая слава Виктора Гюго, успѣхъ научнаго матеріализма и школа такъ-называемыхъ поэтовъ-парнасцевъ (les rhapsodiers), равнодушная къ идеѣ въ поэтическомъ произведеніи и проповѣдующая прежде всего непогрѣшимость формы; наконецъ, затмилъ Ламартина успѣхъ школы натуралистовъ. Но теперь Гюго не существуетъ; парнасцы надобѣи, влишества школы натуралистовъ вызываютъ неизбежную реакцію. Самъ Ламартинъ до того самобытенъ, лиризмъ его такъ субъективенъ, что онъ не оставилъ послѣ себя школы. Теперь возвращаются къ изученію и оцѣнкѣ его произведеній. Книга Померола несомнѣнно будетъ содѣйствовать этой реакціи. Это не біографія, а скорѣе этюдъ о творчествѣ поэта. Авторъ посвятилъ многія главы его различнымъ произведеніямъ Ламартина въ знакомствѣ съ ними читателя, дѣлая частыя изъ нихъ выписки; для него слава Ламартина состоитъ въ томъ, что онъ, всегда и всюду оставался представителемъ спиритуализма; критикъ заключаетъ свою книгу словами: „Къ нему возвратятся, чтобы вкусить наслажденіе нравственной красоты, которая выражается и въ прелести его художественнаго стиля“.

Вамъ извѣстны успѣхи, которыхъ достигло во Франціи изученіе старо-французскаго языка, благодаря трудамъ Гастона Париса, Поля Мейера, Браше и др. Изученіемъ старо-французскаго языка прежде занимались одни ученые и ученики *École des chartes*; теперь кругъ людей, имъ занимающихся, все болѣе и болѣе расширяется. Профессоръ словеснаго факультета въ Лионѣ Кледъ только что издалъ въ свѣтъ начальную грамматику старо-французскаго языка и грамматику историческую (*Librairie Garnier*). Новаго въ ней то, что авторъ отъ современнаго состоянія языка восходитъ къ древнему. Особенно замѣчательна глава о глаголѣ. Начальная грамматика старо-французскаго языка, составленная Кледа, уже была увѣнчана Французскою академіей. Опъ издалъ также избранныя мѣста изъ сочиненій французскихъ писателей средневѣковой эпохи, небольшой словарь старо-французскаго языка и пѣснь о Роландѣ.

Одинъ изъ хранителей Парижской Национальной библиотеки Омонъ предпринялъ составить описаніе всѣхъ греческихъ рукописей, хранящихся во Франціи и даже въ сосѣднихъ съ нею государствахъ; онъ напечаталъ уже каталогъ греческихъ рукописей, находящихся въ библиотекахъ Парижа, Вельгій, Швейцаріи и нѣкоторыхъ французскихъ департаментовъ. Теперь онъ издалъ (у Пикара) великолѣпный каталогъ греческихъ рукописей библиотеки Фонтенебло, составленной при Францискѣ I и Генрихѣ II. До начала XVI вѣка греческія рукописи были рѣдки во Франціи. Между тѣмъ какъ въ Италіи существовали уже превосходныя собранія ихъ, въ библиотекѣ Французскаго короля въ замкѣ Влуа было не болѣе сорока греческихъ манускриптовъ. Въ основаніе этой библиотеки положены были рукописи, вывезенныя изъ Италіи королемъ Карломъ VIII. Францискъ I началъ систематическое собраніе греческихъ рукописей въ своемъ замкѣ Фонтенебло. Онъ покупалъ или приказывалъ переписывать ихъ по всей Европѣ; по смерти его въ библиотекѣ Фонтенебло было уже около 550 греческихъ рукописей. Францискъ желалъ, чтобы тексты эти были опубликованы, и велѣлъ отлить съ этою цѣлью знаменитый шрифтъ, извѣстный подъ названіемъ греческаго королевскаго. Этимъ же шрифтомъ, хранящимся въ національной типографіи, и Омонъ напечаталъ греческіе тексты своего изданія. Въ царствованіе Генриха II было составлено нѣсколько каталоговъ греческими выходцами, и эти-то каталоги и издали теперь Омонъ. Онъ приложилъ къ нимъ критическія примѣчанія и азбучный указатель. Это любопытное изданіе имѣетъ огромное значеніе для еллинистовъ и библиофиловъ. Въ типографскомъ отношеніи оно превосходно.

Вышелъ (у Ганнетта) четвертый и послѣдній томъ замѣчательнаго труда Альфреда Фулье о философіи Платона, подъ заглавіемъ: „Очерки Платоновой философіи“ (Essais de Philosophie platonicienne). Въ нихъ говорится о законахъ познанія, бытіи и любви, о логикѣ и психологіи Платона, о религіозномъ его ученіи и о будущности платонизма. Замѣчательное сочиненіе Фулье увѣнчано академіей нравственныхъ и политическихъ наукъ и Французскою академіей.

У того же издателя Шенье (Chaignet) напечаталъ свою „Исторію греческой психологіи“ (2 тома въ 8-ку), заслуживающую вниманія. Бывшій профессоръ факультета въ Пуатье, а теперь попечитель тамошняго учебнаго округа, Шенье — одинъ изъ трудолюбивѣйшихъ французскихъ провинціальныхъ ученыхъ. Въ 1863 году его опытъ о

психологін Платона былъ увѣнчанъ Французскою академіей, а въ 1871 году его этюдъ о жизни и твореніяхъ Платона былъ удостоенъ преміи академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ; той же чести удостоился и его опытъ о психологін Аристотеля. „Исторія греческой психологін“ составитъ три тома: первый (вышедшій въ 1887 году) трактуетъ о греческой психологін до Аристотеля и за его время; теперь вышедшій — о психологін стоиковъ, Эпикура и скептиковъ. Шенле избранъ членомъ-корреспондентомъ академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ.

Выпуски „Вольной Энциклопедіи“ продолжаютъ появляться съ большою правильностію. Послѣдній 8-й томъ, только что вышедшій, заключаетъ въ себѣ слова отъ Вгі до Canada. Въ немъ есть нѣсколько статей, которыя могутъ быть названы цѣлыми монографіями: Bronze (Жирана), Bruxelles (Гюбера, профессора Льежскаго университета), Bucarest (Монпель), Budapest (Сефю), Budget (Сувирона), Bulgarie (Лежера), Bulle (Биолле), Byzantin—искусство и государство (Ваффе), Cable (Еноба), Café (Жирана), Caisse (Сувирона), Calendrier (нѣсколькихъ сотрудниковъ), Calorimètre (Бертело), Cambodge (Апри Кордые), Canada (Салона), Canal (Лешаллѣ). „Вольная Энциклопедія“ посвящаетъ обширныя статьи предметамъ важнымъ, но въ то же время не пренебрегаетъ никакими исlochами и даетъ множество статей, не встрѣчающихся въ другихъ энциклопедіяхъ.

Недавно мы явились извѣстнаго ориенталиста Павэ-де-Куртеля, бывшаго членомъ академіи надписей и профессоромъ турецкаго языка и литературы во Французской коллегіи. Онъ родился въ 1821 году. Въ числѣ его трудовъ особенно замѣчательны: изданіе съ переводомъ исторія похода Кемаль-Паши въ Могачъ (1859), „Золотныхъ луговъ“ Масуди и записокъ султана Вабера. Кромѣ того, имъ изданы „Словарь восточно-турецкаго языка“ (1870) и книга подъ заглавіемъ: „Современное состояніе Оттоманской имперіи“ (État présent de l'empire Ottoman). Онъ много изучалъ народную словесность обитающихъ въ Россіи тюркскихъ племенъ и намѣревался перевести собраніе ея произведеній, изданное академикомъ Радловымъ. Павэ-де-Куртель былъ членомъ-корреспондентомъ нашей Академіи Наукъ; его сочиненія весьма цѣнились турецкими учеными.

Л. Л—ръ.

DE ACCII FABVLIS.

De Pacuvii fabulis cum nuper sit expositum a nobis, restat ut agatur de Accians praeter togatas, de quibus in eodem dictum libello.

Accii cum plures aliquanto versus sint servati quam Pacuvii, tamen de argumento et compositione tragoediarum eius quaerere etiam difficilius, partim quod numero multum vincunt Pacuvianas ideoque singularum, ut plurimum, pauciores extant reliquae, partim quod de auctoribus graecis, quos secutus est, plerumque res perincerta. — Hoc tamen utriusque commune poetae, quod non tam Aeschylum, Sophoclem, Euripidem quam insecutos hunc tempore et qui vestigia huius premerent videntur imitati.

Et magna quidem pars carminum Accii, plane ut Ennii et Pacuvii, in bello Troiano, quaeque ei nexa sunt rebus et ordine, versatur. In quibus reconcinnandis cum aliquid iuvetur celebritate argumenti a poetis usque decantati, altae ab eodem poeta tractatae fabulae, de quibus aliunde vel parum constet vel nihil.

His expositis ad singula descendemus. In quibus persequendis, sicut nuper in Pacuvio factum, ne in nimium exerescat moles, quantumcumque licet studebimus brevitati; ea vero curiosius ceteris enarrabuntur, quae recentissima Nonii editione, cuius numeris utimur, aliquid traxere lucis.

Ceterum cum de plerarumque tragoediarum non satis constet argumento multoque minus possit iudicari, quo rerum ordine iunctae quoque temporis intervallo sint compositae illae, quae in eiusdem domus, sive populi, ut puta Pelopidarum vel Troianorum, variis versantur fabulis, nos alphabeti sumus ordinem secuturi in tractandis carmi-

nibus, praeterquam ubi mutandi consilii certa in propatulo est ratio, sicut statim in sequentibus.

I. II. Achilles. Myrmidones.

Achillis et Myrmidonum fabulas cum titulo solo inter se differre coniectet O. Ribbeckius libri de tragoedia latina pg. 349, ut tamen id pro certo affirmari posse neget, diversas fuisse argumento vel ea re videtur effici, quod a Nonio 1. capite II, ubi praeter Gellium uno potissimum, non pluribus, videtur usus fonte, et Achilles citatur et Myrmidones.—Itaque non est improbable Achille Acciana sicut Achille Aristarchi Enniana describi lites inter Achillem et Agamemnonem ortas et quae proxime secuta sunt. Nec fragmenta quae supersunt tria ab hac opinione aliena. Nam quod legitur ap. Non. pg. 503 s. l. fervat:

ne tuum confervat pectus iracundiae,

potest comparari quod dicit Calchas II. I, 76 sqq. vereri se Agamemnonis iram, si vaticinium protulisset. Versus hic (Non. 98; 277 l. delica):

quare alia ex crimine inimicorum effugere possis delica

nescio an fuerit Achillis ad Agamemnonem recusantem reddere Chryseida et quidem indicantis obliquo non posse aliter invidiam populi propter regis impotentiam mulcati (nam id videtur significare „crimen inimicorum“) vitari. Cf. II. I, 101—120. Denique illud (Non. 110 l. flaccet):

an scepra iam flaccet fera?

comparari licet cum eis, quibus Agamemnon iactat II. I, 181 sqq. potentiam suam et maiestatem.

Myrmidones fuisse primam partem trilogiae Aeschyleae, in qua essent deinceps positae Nereides ac Phryges, eosque fuisse exemplo Accii fabulae cognomini cum probabilitate statuere docti. Quae feruntur ex fabula latina, omnia fere ad temptatum frustra reconciliandae cum Agamemnone gratiae causa Achillem videntur spectare. Sed continuatam rem usque ad Patroeli caedem et Achillis querelas ut titulus indicat, ita demonstrant reliquiae carminis Aeschylei.

Initium autem fabulae, ut Achillis alterius Enniani, videtur fuisse consilium regum graecorum post cladem a Troianis illatam de summa rerum consultantium. Cf. II. IX. Atque ibi in altercatione mutua potuerunt locum habere ea, quibus nescio an perstringatur Ulixes, cui saepe simulationis obiectum crimen, reditum sub honesta

specie dissuadens (nam ab hoc et priore tempore Graecos discessum molientes impeditos testatur ll. llb. II):

tua honestitudo Danaos decepit diu.

Elusdem, ad quem data haec, videtur esse versus:

ego me non peccasse plane ostendam aut poenas sufferam.

Nullo quippe pacto his Achillem uti potuisse apparet, cui adscribit Ribbeckius. Plane enim abhorrent a natura illius, quem Horatius, secutus Homerum, cuius et Accium ante oculos habuisse exemplum recte dicit Ribbeckius pg. 350, describit ita:

impiger, iracundus, inexorabilis, acer

tura neget sibi nata, nihl non arroget armis.

Nec satis simile veri, quod ab Achille responsum putat ita etsi, quibus a Chirone compellatum haud obscure indicat Cic. pro Mur. 29, 60:

non multa peccas, sed si peccas...

te regere possum.

Vbi commode poterit suppleri „ocius“ vel „ilico“.

Quae si ex hac tragoedia sint petita, de quo dubites, debuere potius iram alumni excitare. Et accensum quidem eum adversus Chironem demonstrant verba nescio cuius mitigare eum conantis ac reconciliare magistro:

nolo equidem. sed tu huic, quem scis quali in te siet

fideltate, ob fidam naturam viri

ignosce.

Vbi ad „nolo equidem“ supplendum ut puta „probare sermonem istum“. Illud „fidam“ dubito an sit corruptum.

Reliqua satis aperta et in quorum maiore parte mihi conveniat cum Ribbeckio.

Inter legatos ad Achillem missi Phoenicis fuere haec:

iram infrenes, obstes animis, reprimas confidentiam.

Aiaci et ipsi monenti, ut deponat ferocitatem, sic aliis praemissis respondet Achilles:

quodsi, ut decuit, stares mecum aut meu' te mestaret dolor,

iam dtu inflammari tetre navis vidissent suas;

scil. Atridae. Illud autem „ut decuit“ ad cognitionem Achillis et Aiacis avi communione ortam, quam ignorat Homerus, spectare apparet.

In fine autem orationis consilium professus idem abeundi in patriam:

classis trahere in salum ego et vela ventorum animae inmittere.

Praemissum fuit vel subiectum ut puta „paro“. Abest a libris illud „ego“. Trimetris haec disposita in editione Nonii 234, 9; minus quidem bene, nisi fallor. Cet. cf. II. IX, 356 sqq.

Denique locus longior, qui legitur ap. Nonium pg. 433 s. l. pervicacia et pertinacia, aperte ab Achille prolatus post discessum legatorum, cum ab Antilocho, qui post Patroclum ei fuit acceptissimus, denuo moneretur ad iram abdicandam.

III. IV. Clytaemestra. Aegisthus.

Clytaemestram (quam Accius inscripsit Clutemestram) cum diversam ab Aegistho iam recte statuat Ribbeckius pg. 464 sq. (nam Nonius utraque fabula pariter utitur in capite secundo), tamen fallitur omnino, quod concit etiam Aegistho descriptam Agamemnonis caedem adeoque retractatam ab Accio Livii Aegisthum, quae in illo versabatur argumento. Nec vero eum fugit vix tanti esse, quod loci duo communes ex Aegistho citantur, qui possint videri ducti ex Aeschyl Agamemnone (v. 1601; 1605 ed. Hermann):

neque fera (f. fere) hominum pectora
fragescunt, donec vim persensere inperii;
melius quam viri
callent (i. e. sciunt) mulieres.

Nam tales et alibi apud tragicos occurrunt haud raro, velut Non. 257, 59; 64, 7.

At Aegistho Acciana contineri poenam Aegisthi et Clytaemestrae docet versus de Oreste haud dubie in fine fabulae positus:

cui manu' materno sordet sparsa sanguine.

De insidulis autem structis Oresti vel Electrae accipienda haec:

heul
culatis stirpem funditus fligi studet.

Denique illud:

celebri gradu gressum accelerasse nunc decet
potuit esse Electrae exultaatis, cum de poena Aegisthi et Clytaemestrae

audisset. Verbis, quae sunt „melius quam viri callent mulieres“, utrum Clytaemestrae an Electrae significantur molimina et doli incertum.

At Clytaemestra haud dubie Agamemnonis et Cassandrae necem persecutus est Accius. De qua fabula cum probabiliter disputarit Ribbeckius, hoc addo, verba illa (cf. Non. 178, 9):

ut, quae tum fidem, me absente in rebus dubiis, coniugem tetinerit, nunc prodat victorem?

si recte sint emendata a me (nam in codicibus feruntur corrupta), haud dubie esse Agamemnonis in priore parte carminis et quidem ad Cassandram vel alium quem de insidiis monentem. Cf. Agamemnonis Senecae v. 836, ubi regi iactanti „victor timere quid (f. qui, i. e. quo pacto) potest?“ Ita respondet Cassandra: „quod non timet“. Apparet autem Accium eam famam secutum, qua dicebatur Clytaemestra sub adventum demum viri calumniationibus Aegisthi vel Oeacis esse adducta ad fidem coniugii violandam et struendas marito insidias. Cf. Hygin. fab. 117: Ribbeck. pg. 460. Etiam haec eiusdem tragoediae (v. 833) Agamemnonis „ne metue dominam famula“, Cassandrae „libertas adest“ comparari possunt cum Accianis:

scibam hanc mihi supremam lucem et serviti finem dari.

Ceterum haud raro Senecae convenire cum Pacuvio et Accio etiam ab aliis monitum. Quod cum partim ab eorum exemplarium Graecorum imitatione possit repeti, tamen alia sunt, in quibus ei tragicos latinos, quos legerat haud dubie, neglegentius quidem et fastidiosius, observatos esse probabile est.

V. VI. Agamemnonidae. Erigona.

Agamemnonidarum aliam fuisse atque Erigonae fabulam, non, ut quibusdam placuit, eandem rursus probatur ea re quod uterque titulus citatur a Nonio in capite secundo. Mirum esset profecto ac novum, si in uno capite eadem tragoediae tam saepe diversis afferrentur inscriptionibus.

Agamemnonidis Electrae atque Orestis et Iphigeniae casus contineri ipsa res demonstrat. Inimicitias vero continuatas Agamemnonis et Aegisthi domus eis referri docet alterum e duobus, quae restant, fragmentis:

inimicitias Pelopidum

: extinctas iam atque oblitatas memoria
renovare.

Ex quibus verbis etiam efficitur tractatas hoc carmine res multum post Aegisthi mortem actas. Neque improbable est eadem, quae ab Hygino fab. 122 (ex qua plura excerpta in libello de Pacuvio, ubi de Duloreste agitur) referuntur de Electra propter falsum mortis Orestae nuntium profecta Delphos ibique congressa cum Oreste et Iphigenia, deinde cum fratribus agnitis reversa Mycenae, deque punitis Aegisthi liberis persecutum Agamemnonidis Actum. In quo ne diversis ultimis locis res agerentur, potuit referri Delphis de Aleta et Erigona sumptas poenas. Cf. Ribb. pg. 471.

De Erigona quaerere lubricum ideo, quod interdum haec tragoedia confusa cum Epigoniis eiusdem poetae. Nobis quoniam loci vel huic vel illi assignandi viderentur declaratum Indice Nonii. Sed cf. comment. in 398, 20.

De Erigona Aegisthi filia paucissima tradita eaque aliquando turbata confusa hac cum Icaris filia cognomini. Cf. Ribb. pg. 474.— Fuit praeter alios Sophoclis Erigona. Iam si de fragmentis neque multis satis et interdum suspectis iudicari licet, videtur res Mycenae esse acta. Nam quod secuti versum, qui apud Nonium 498, 7 vulgo ferebatur talis:

Locrorum late viridia et frugum ubera,

coniecere initio Parnasum montem ac Delphis proxima loca memorata, recte a Bothio repositum:

locorum late viridia et frugum ubera.

Etentim alteram si praetuleris lectionem, substantivum requiritur, quod abesse vix potest. In codicibus Nonii est „locronum“.

Porro hunc tragoediae fuisse existimarim contextum, ut Iphigenia comitante sub alia persona Oreste (sicut in Pacuvii Duloreste factum videmus) adveniret Mycenae ad regnum patrium repetendum, quo, dum in Tauridem proficiscitur Orestes, potitus esset Aletes. Nam post reversum ex Tauride Orestem actam rem certissime declarant illa (Non. 315, 9):

sed ubi ad finem ventumst, quo illum fors expectabat loco,
adque Orestei gravi' sacerdos ferro cum prompto adstitit.

Iam sive Aletae sive Erigonae ad percontandam Iphigeniam haec:
adsentio. age nunc tuam progeniem ede ordine!

Ad Aleten dubitantem de hospite et incertum, quid sit agendum, videtur spectare versus servatus a Non. 226, 23:

ita inperitus stupiditate erumpit se, inpos consili.

Deinde cum suspicio esset aucta Aletae, ortum consilium eiu. interficiendae. A quo absterretur verbis hisce:

hospitem depositam interimes?

Quae utrum Electrae sint an Erigonae non liquet. Ad clandestinos Erigonae, ut puto, cum Iphigenia sermones pertinent haec, quae tutius Erigonae tribuuntur quam Epigonis (Non. 16, 4; 20, 7):

lóquere própere ac pavórem hunc meum expéctorá!
 eaque hoc causa, ut nequis nostra verba cleperet auribus.

Aletae apparet esse, si sint Erigonae, ac non Epigonorum, illa (Non. 185, 18):

qui (sc. Orestes), nisi gentiorem ulso, nullum meis dat finem miseris.

Contra Erigona non eadem qua cetera Aegisthi domus videtur fuisse impietate. Nam constans fuit fama, cum Aletes frater ab Oreste interficeretur, sicut olim Iphigentiam, illam Dianae opera servatam ablatamque in Atticam ac sacerdotem deae factam.

Atque huius haud dubie instante periculo ad Dianam preces continentur his:

quod utinam me suis arquiteuens telis mactasset dea!
 Vbi nescio an sit reponendum „mactassit“.
 Vnius ex Agamemnonis liberis fuere haec:

cum autem Aegisthus—heu me eodem lecto cubitasset patri;

i. e. eodem cum patre lecto.

Dentque illud:

nam quamquam exsanguet corpus atque annis putret

unius videtur fuisse ex senibus amictis Agamemnonis Iphigeniae vel Oresti auxilium pollicentis.

Cetera obscura. Neque apparet cur Erigonae nomine sit inscripta fabula, nisi dixeris eius opera Iphigentiam cum Oreste servatam ideoque ipsam exitio domus exemptam. Non magis constat, quales partes fuerint Pyladis, ac nuptiae huius et Electrae, quas deinde institutas refert Hyginus, in fine fabulae utrum fuerint memoratae necne.

Non videtur pertinere ad Erigonam vel Epigonos locus nondum expeditus ap. Non. 235, 1. Cf. comm.

VII. Alcestis.

Ex Alcesti unus restat versus, quo demonstratur notissimum Alcestidis pro marito ad moriendum se offerentis, sed propter fidem eximiam ac devotionem remissae a Proserpina vel ab Hercule restitutae amorem fuisse argumentum:

cum striderat retracta rursus inferis.

Hic hunc versum adfert Priscianus (pg. 867; 893 ed. Putsch.) ad probandum perfectum „stridi“.

Pro „striderat“ cdd. pg. 867 male „strideret“. Illud „cum“ demonstrat agi de re notissima, h. e. Eurydices Orphel coniugis umbra reducta ante Alcestim ex regno inferno, sed in ipso limine retracta. Stridendi verbum, ut τριζων, de umbris dici Lucani exemplo probat Bothius.

Porro „inferis“ dativus est sive loci pro „ad inferos“ sive instrumenti pro „ab inferis“; cave existimes ablativum positum pro „ex inferis“.

Euripidem Accio fuisse exemplo, cuius Alcestis dramatis satyrici instar est, a gravitate videtur abhorreere Romana. Sed utrum hunc an Phrynichum an alium quem secutus sit discerni nequit.

VIII. Alcmeo.

Non potui a me impetrare, ut Alcimeonem potius quam Alcmeonem inscriptam existimarem ab Accio fabulam. Sane constat antiquissimos Romanos ut „Alcumenam“ et „Tecumesam“, etiam „Alcumeonem“ extulisse. Atque illud „Alcimeone“ aliquotiens invenitur in codicibus Nonii. Sed epenthesis talis cum praeter vetustissimam latinitatem etiam recentissimae eiusdemque plebeiae ac rusticae haud paucis adseratur exemplis, ego magis observandum duxi, quod constat Accium primum ex tragicis Romanorum graeca a prisca consuetudine largius movisse et ad formas graecas verborum magis revocasse, ut ait Varro de l. lat. X, 70, eiusque amicum et studiorum consortem C. Iulium Caesarem Strabonem primum usum esse eo quod est „Tecmesa“ in tragoedia cognomini (cf. Mar. Victorin. pg. 2456 P.). Igitur illum dixisse existimo Alcmeonem, sicuti eodem tempore Lucilius posuit Alcmenam. Cf. comment. in Ennii Alcumeonem (nam ita Ennius

extulit) pg. 230 sq. ed. nostrae. Praeterea tragici latini, ut attici, nomen efferunt per e breve; o in casu obliquo corripuit Accius.

Fuerat Alcmeo Ennii,* qua videtur Euripidem, ut p'orumque, secutus expressisse Ἀλκμείωνα διὰ Ψωφίδος, hoc est descripsisse insaniam, quae interfecta Eriphyla matre oppressit Alcmeonem, donec Psophida perveniret, ubi Phegel regis, a quo est purgatus, Alphestiboeam (ita ab Accio dictam sequentis fabulae inscriptio facit probabile) vel Arstnoen filiam duxit uxorem. Accianam fabulam non eandem cum eiusdem auctoris Alphestiboea (nam et in primo ac secundo capite et in aliis pariter utramque memorat fabulam Nonius) recte statuit Ribbeckius. Cf. et Pauli Schmidtii de Nonii Marc. auctoribus pg. 59. Neque improbabile est, quod idem ille existimat eam fabulam persecutum Accium, qua res Alcmeonis post conjugium cum Phegel filia intum tradebantur. Nam forebatur ille digressus ab uxore, quod insania renovaretur et infecunditate premeretur Psophis, iussu Apolliniis Acheloum adisse et ab hoc iustratus duxisse Callirhoen filiam ex eaque sustulisse filios. Sed cum Callirhoen cupido invasisset montis et pepi Eriphylae, quae ille priori donaverat coniugi, maritum precibus impugnavit, quo reciperet illa. Itaque ille ad Phegea reversus, dolo ac mendacio positus est eis, quibus diceret sibi opus esse ex oraculi monitu ad pellendam insaniam. Sed patefacta per famulum re iussu Phegel filii Alcmeonem insidulis circumventum interfecerunt. Quos rursus occiderunt Alcmeonis filii ex Callirhoe. Cf. Apollodor, III, 7, 6, 1.

Haec igitur, quae summam persecuti sumus, usque ad mortem Alcmeonis videtur deduxisse Accius.

Phegel vel (si cum Ribbeckio scripseris „depositam“) Alphestiboeae ad Alcmeonem, qui memorasset posse se ad sanitatem restitui et reddi uxori receptis monili et peplo, potuerunt esse haec:

ut me depositum inmerentem nuntio repentino alacrem
reddidisti atque excitasti ex luctu in laetitudinem!

In codicibus est „repositum“.—Ad fraudes Alcmeonis detectas vel ad insidias ei a filiis Phegel structas referas illud:

tantum ut frustrando lactans, vanans protrahas.

Abituri post receptum cum monili pepulum Alcmeonis ad Alphestiboeam fuit versus:

postremo amplexa fructum, quem di dant, cape.

Vbi amplexa non, ut Nonius vult 470, 13, est imperativus, sed participium. In „postremo“ amphibolia inest quaedam, ut cum Al-

phesiboeae accipiendum esset per „denique“, Alcmeon adhiberet pro „ultimum“. Etiam illud „fructum“, cum in malam partem possit dici, ambiguum.

Phegei autem soceri post delatam Alcmeonis fraudem fit mentio ita (Non. 487, 29):

quis dicat, cum te socerum viderit,
generibus tantam esse inpletatem?

ubi tamen pluralis generibus (pro „generis“) satis obscurus. Legitur quidem apud Hyginum fab. 245 a Phegeo praeter Alcmeonem etiam Eurypyllum generum interfectum. Sed huius quae fuerint in fabula Accii partes incertum. Sane plures in ea inductos Phegeo inimicos et infestos demonstrant haec:

quia nec vos nec ille inpune irideret meam
grandaevitatem.

Ad Alcmeonem et comites somno sepultos, quos insidiis invasuri essent fratres Alpheisiboeae, haud male refert Ribbeckius ea quae sunt:

atque eccos segnis somno et tarditudine.

Chaos vel Tartarus, impiorum sedes, significatur versibus a Nonio 487, 24 servatis.

Denique futurae per Callirhoeae filios ultionis haud obscure fit mentio sic (Non. 393, 28):

suos deseruit liberos superstites.

Vbi „superstites“ valet „incolumes“. Pro „suos“ haud male quidam „duos“. Nam duo fuere Alcmeonis ex Callirhoe liberi Amphoterus et Acarnan.

De auctore Accii plane res incerta.

IX. Alpheisiboea.

Alpheisiboea probabile est descriptas poenas, quas infensam propter necem Alcmeonis, quamquam inconstantis viri, tamen dilecti, a fratribus exegisse illam demonstrat Propertius, cum dicit (I, 15, 15 sq.):

Alpheisiboea suos ultast pro coniuge fratres,
sanguinis et cari vincula rupit amor.

De quo etiam suspicatus est leviter Ribbeckius (pg. 505). Narrat Apollodorus III, 7, 5, 6 Phegei filiam Arstinoen (quam ab aliis dictam

Alphesiboeam supra memoravi) a fratribus arca inclusam et ad Agapenora Tegeaten deportatam.

In Accii fabula, si recte constituta sunt a nobis quae leguntur ap. Non. pg. 73 s. l. angustitatem, spelunca videtur iussa claudi:

set speluncam angustitate inclusam ac saxis squalidam.

Abest a codicibus illud „speluncam“. Praecessit ut puta: „tam non incolam humanam domum“.

Ad miseras eiusdem puto pertinere, quae sunt ap. Non. pg. 469; 279 s. l. cunctant; deponere. Deinde interventu Amphilocho, fratris Alcmeonis, videtur ultionem exegisse. Ac primum quidem cum accessisset hic, metuit ne poenas a se repeteret, quod fratres sui causa extitissent exitii Alcmeoni:

at vereor, cum te esse Alcmeonis fratrem factis dedicat.

Vbi suspicere aut Nonii stupore omissa versus sequentis quaedam veluti „res ipsa“, aut scribendum, ut quidam apud Ribbeckium coniecit, „dedicas“. Eundem tangi dixeris hisce:

sed tibi cautimst adeundum ad virum.

Deinde ad excitandum et incendendum pertinere haec:

cum ipsiu' similitudo misertitudo meorum nullast liberum?

Ad filium Alcmeonis, quem Clytium vocat Pausanias VI, 17, 6, nescio an spectarint haec:

si tui veretur te progenitoris, cedo!

quae sic licet accipi: dic, per memoriam avi tui Amphiarai, qui causa extitit casuum, quibus domus conflictatur eius, quae de fratribus Alphesiboeae (quorum metu eum fugisse Psophide refert Pausanias l. m.) tibi innotuere. Alcmeonis fratris videntur esse ea verba. Denique anapaestica illa:

o dirumque hostificumque diem, o
vim torvam aspecti atque horribilem!

ad stragem interfectorum ab Amphilocho fratrum Alphesiboeae posunt referri.

X. XI. Amphitryo. Persidae.

De Amphitryonis fabula, quam eandem conicit esse cum Persidis, ex qua tragoedia locum quandam communem affert Priscianus pg. 1325 P, mihi non magis constat quam Ribbeckio. Nec id mirum, cum

in fragmentis carminis Acciani non reperitur, unde aliquid lucis adfundatur rei. Illud tamen mihi videtur certum, quae ex Apollodori libro (II, 4, 4 sqq.; coll. 4, 8, 4) et scholiis ad Apollon. Argon. I, 747 affert Ribbeckius pg. 554 sq., non posse revocari ad tragoediam hanc; sed describi ea discidia ac lites domus Amphitryonis aliunde prorsus ignotas. Nam ne hoc quidem habet probabilitatem ullam, quod nonnulli crediderunt hac fabula tractari eadem, quae Euripidis vel Senecae Hercule furente. Ceterum de Persei posteris, cuius nepos erat Amphitryo, pauca tradita.

De bello inter patrem et filios orto aperte agitur versibus ap. Non. 224, 14 servatis:

cum patri' parvos parat hostifico
sanguine sanguen miscere suom.

Qui etsi non sine corruptelis sunt traditi, tamen de sententia dubitari nequit. Verum de tali discidio Amphitryonis domus alibi nihil proditum.

Ad aerumnas sive minas vel Amphitryonis vel Alcaei patris angustes senectutem referenda haec:

malan' aetate mavis male mulcari exemplis omnibus?

Vbi illud „exemplis“ intellegendum de exemplis aerumnarum.

Neque alias calamitates ac lamentationes quaeque tragico cothurno digna (unde et Euripides Archelao regi roganti ut de se tragoediam scriberet abnuitt, quod nihil esset tragoedia nisi miseriarum comprehensio) afuere ab hoc carmine. Velut ap. Non. pg. 146 s. l. orbitudinis habes haec:

misoret lacrimarum, luctuom, orbitudinis.

Porro mulier quaedam atrata memoratur sic (Non. 179, 16; 116, 8):

set quacnam haec mulier funestast veste, tonsu lugubri?
tamen et statei (pro „staturae“) gracilitudo propemodum et
luctus facit,

ne dubitem.

Vbi haeret incertus animi quidam, fortasse Amphitryo, detude agnoscere sibi videtur feminam luctus signa praeferentem.

Atque huius verba videntur esse:

pertolerarem vitam cladesque exanclarem inpetibiles.

Potuerere praecedere velut haec:

quodsi spes restaret ulla in melius mutandi mea.

Consolantis eam est responsum:

quin meum senium cum dolore tuo coniungam et comparem.

Vbi „senium“ idem quod „aegritudo“. Potuit praemitti ut puta: „vix mihi tempero“.

Ad idem diverbium agnitione, ut videtur, mutua facta nescio an pertineant ea quae sunt:

hocin rest, quo tam temeriter tu meam benevolentiam
interisse es ratus?

Sed quaenam mulier sit illa plane obscurum. Nam quae in Amphitryonis fabulis memorantur Alcmene, Comaetho, Megara (Ribb. pg. 555), nullo videntur pacto posse intellegi.

Nihil est quod promatur de versu illo:

ut tam obstinato tu animo confisus tuo.

Vbi pro „ut“ fortasse scribendum „at“. Praeterea additum a me illud „tu“, ut hiatus amoveretur haut tolerandus. Frustra Ribbeckius „obstinatod“.

In relicuis, quae servata ex hac fabula, immorari non est tanti.

XII. Andromeda.

Vt graeci tragici, ita latini saepe retractarunt commenta priorum. Veluti ab Accio celeberrima Andromedae fabula post Livium et Ennium denuo adornata. Et Ennius quidem Euripidem secutus iam obiectam beluae marinae proposuit Andromedam; Accius etiam causas et origines eius casuum aperuit. Cf. Ribb. pg. 561.

Itaque hic cursus videtur fuisse fabulae, ut propter Casslepieae, matris Andromedae, malefactum, quae certamine pulchritudinis oblato Nereidas laeserat, immisso monstro certo tempore, fortasse novilunio (cf. Ribb. pg. 561), offerrentur delecti ex Aethiopum iuventute, et ad ultimum ipsa Andromeda, filia regis. Quam deinde ceteris ipsoque Phineo patruo eodemque sponso recusantibus liberavit Perseus, liberatam sibi matrimonio iunxit.

Ad Casslepieae culpam videntur spectare illa, quae in prologo potuerere poni:

multebre ingenium, prolubium, hora, occasio.

Aethiopum de victimis, quas usque praebere monstro adigerentur, querentium esse conicio illud:

nósque ut seorsum dividos leto offeras.

Verba Cephei ad Aethiopas fuisse existimo, promittentis se filiam beluae, cui tributum pendere essent coacti, ad finiendas miseras esse oblaturum:

nam postquam per nos vos oppressit famulitas.

Vbi cdd. „postquam parvos vos“. Atque in his etiam potuit habere locum versus:

cum ninxerint caelestium molimina.

Sic enim haec videntur scribenda. Cdd. Prisc. pg. 882 habent „molem mihi“; „molimne“ scripsit Grotius. „Ninxerint“ idem quod „ingruerint“; „cum“ causale.

De loco ubi exponi solebant corpora dicta haec (Non. 323, 10):

inmani tabe templum obvallatum ossibus;

ubi alii legunt haud male (nam in codicibus est fere „inmanitate habet templum“):

inmano te habet templum obvallatum ossibus.

Haec si magis placuerit lectio, Andromedam compellari apparet. Ad eandem pertinet octonarius iambicus:

miser („misere“ Bothius) obvallata saxo, sanie, pedore alguque
et fame.

Iacebat circa eam cumulus reliquiarum corporum adesorum a belua:

qui neque terraest datu' nec cineris causa unquam evasit vapos.

Imploratur vel Phinei vel Persei auxilium verbis hisce (Macrob. grammat. lat. V, 607):

nisi siquid tua facultas nobis tulat opem.

Vbi cdd. „nisi quod“, item „operam“. Et Bothius talem effinxit trimetrum:

nisi quid facultas tua tulat nobis opem.

Fortasse trochaici numeri servandi:

nisi quid tua facultas nobis tulat opem....

Phineus rogatus, cum deficiat animo, nihil habet nisi docte dicta, quibus firmet matrem, ut opinor, Andromedae, aerumnarum causam:

nec quae te adiutem inueno,
hortari pudet, non prodesse, id piget....

Sic enim haec videntur restituenda, nisi potius scriberetur „nec quae te adiuter, inueno“; sicut Pacuvius active posuit illa „adiutatur“, „adiutamini“. Cf. comm. in Non. 424, 3. 4. „Inueno“ pro „inuenio“.—Et porro:

multi inquo, mulier, animo sibi mala auxere in malis,
quibu' natura prava magi' quam fors aut fortuna obfuit.

Profectis omnibus sola nutrix videtur remansisse apud Andromedam. Ad quam casu delatus Perseus ab illa, quid rei esset, accepit. Deinde se ad auxiliandum certa condicione proposita paratum declaravit. Nam trimetro hoc:

„alui, educavi.“ „id factio (edd. „facite“) ut gratum sit seni“ videtur sermo contineri inter nutricem et Persea. Sequitur dialogus inter hunc et Cephea. In quo virtus illius opponitur segnitiae Phinei. Etenim Persel sunt verba:

namque, ut dicam, segnitare timidum dubitare haut meumst.

Cf. comm. in Non. 174, 25. Illud „ut dicam“ additum, quod gloriosius factata possent videri quae secuntur.

Deinde Perseus pretium liberatae Andromedae ipsam poposcit in coniugium Andromedam. Quo impetrato certus de belua profliganda addidit haec (cf. Ribb. pg. 563):

quod beneficium hau sterili in segete, rex, te obsesse intelleges.

Cf. comm. in Non. 395, 26.

Denique utrum pugnae post ereptam morti Andromedam adversus Phinea initae, quam magnifice describit Ovidius Metamorphoseon quinti libri initio, memoria fuerit apud Accium necne, non constat. Certe tricas Perseo motas ac moras a Cepheo sive Phineo, Andromedam autem spreta Phinei ignavia a Persel, cuius beneficio esset servata, stetisse partibus declaratur hoc versu:

donec tu auxilium, Perseu, tetulisti mihi.

Cf. Ribb. pg. 563 sq.

XIII. XIV. Antenoridae. Deiphobus.

Antenoridas Sophoclis fuisse fabulam constat. Sed quænam in ea filiorum Antenoridis partes fuerint plane incertum. Probabile quidem est admodum hanc tragoediâ spectari, cum narrat Strabo XIII pg. 608 (cf. Liv. lib. I init.) Sophoclem referre capta Troia a Graecis pantheræ pellem suspensam in foribus domus Antenoridis, quo signo servaretur, eumque cum liberis et Henetorum reliquiis (nam dux eorum Pylaemenes erat interfectus; cf. Il. V, 576 sqq. cum commentariis doctorum) in Thracen, post in sinum Adriatici maris confugisse, a quibus deinde Venetos appellatos frequens erat apud veteres fama. Sed ita res non magis expedita. Porro memoria dignum, quod tradit Vergilius Aen. VI, 483 sq. Antenoridas trës bello Troiano interfectos; nec potest negari quæ restant fragmenta fabulae Accianæ paucissima bellorum potius quæ Troiæ ruinam præcessere continere memoriam. Etenim novi socii Troianorum post Hectoris caedem adventantis (incertum utrum Penthesileæ an Memnonis an Coroebi) mentio fit versu hoc:

namque luce venio, ut mea ope opes Troiæ integrem.

Ad hunc advenam haud male rettulit Ribbeckius versus a Nonio 341, 20 servatos; ubi cf. commentarium nostrum. Ad colloquia autem cum Graecis de pace ineunda possint trahi illa:

ad populum intellego
referendum, quoniam horum æquiter sententiæ
fuere.

Ybi de adversantium adstipulantiumque paci firmandæ principum Troianorum disceptationibus agi non improbable.

Et potuit in consilio illo eis, qui obtrecent foederi feriendo, temeritas exprobrari ita:

fortasse an sit, quod vos hic non mertet metus.

Cf. comm. in Non. 138, 30; Ribb. pg. 408.

Iam cum satis constet in tragoedia Sophoclis ipsum Troiæ tractatum exitum, contra apud Accium certum sit extitisse memoriam eorum quæ paullo ante gesta sunt, neque probabile sit unius carminis spatium utrumque potuisse contineri, suspicio oritur non ex Sophoclis fabula repetendam Accianam. Cuius argumentum non improbabiler ita definias, ut dicas ea fuisse tractatum Antenoridis cum filiis studium

reconciliandae inter Troianos et Graecos pacis, sed antequam ad populum referre possent de ea, impeditam rem adlato repente nuntio (cf. Non. 513, 22) de auxilio insperato. Tum ipsum ducem sociorum novorum advenisse. Quo facto recusatam rursus pacem; fortasse et nova proelia conserta et partem Antenoridarum haustam.

In fine autem fabulae potuit praedicti divinitus, fore ut excisa Troia Antenor (cuius quidem in Sophoclis pariter et Accii fabulae exiguae videntur fuisse partes) cum suis, quod optime essent meriti de populo utroque, servarentur et in Illyria (cf. Verg. Aen. I, 242 cum comm. Serv.) novas conderent sedes.

Delphobo etiam ut Antenoridis res Troiae in extremis agentis describi apparet. Nam memoratus ibi equus ligneus; cui inscriptum fuisse tradit Accius hunc versum:

abeuntes Danaï Minervae donum armipotenti dicant.

Porro captam Troiam Helenaeque et die, qui praecesserat, et nocte, quae extrema fuit urbi, dolos et insidias, quibus ipsum cepit Helenum (cf. Aen. VI, 494 sqq.), relata apparet.

Quae leguntur apud Nonium pg. 534 s. l. lembus, cum comoediae magis quam tragoediae apta esse videantur cumque vix credibile sit Sinonem in ulva marina delituisse longe ab eo loco, ubi equus ligneus erat postus, ut casu inventendus esset piscatori, a quo detectum putat Ribbeckius, non est improbabile ex comoedia aliqua petita, Accianae autem Delphobi locum cum nomine comici interceptum. De quo dictum in commentariis. Sinonis capti fit mentio versu quem servavit Priscian. pg. 861; 904 s. v. nexo. A Sinone Vlixis scelera exagitantur loco a Nonio allato 314, 18. Cf. Aen. II, 90 sqq.

XV. Antigona.

Nimio, puto, usus fastidio Ribbeckius pg. 483 Sophoclis Antigona, carmen absolutissimum, barbara interpretatione deformatam ab Accio statuit.

Nec enim in fragmentis quae extant paucissimis (sex sunt numero) invenitur, quod crimini vertendum sit et. Porro ne hoc quidem certum, solum Sophoclem, cuius sane tristitia exitus aequat carmen, exemplo fuisse Accio. Potuere quaedam trahi ab Euripidis fabula cognomni, cui diversum et quidem laetum finem fuisse testantur schol. Antig. Soph. v. 1350; cf. et argumentum eiusdem.

Fallitur item Ribbeckius, quod versum illum (Non. 165, 2):

quid agis? perturbas rem omnem ac resupinas, sorori

ubi „resupinas“ explicatur per „ab incepto revocas vel pervertis“ Ismenae tribuit, cum sit Antigonaë, postquam Ismena negavit ei se sociam fore.

Duo vero tragoediae huius fragmenta servata Macrobbi opera (Saturn. VI, 2, 17; VI, 1, 59), qui saepe negligentior est in citandis poetis antiquioribus, maxime quod ad metricam. Ex quibus altero continentur verba Ismenae ad Antigona:

quanto magis te istius modi esse intellego,

tanto, Antigona, magi' me par est tibi consulere et parcere.

In his prior versus et sensu, nisi fallor, et metro mancus ita videtur esse supplendus:

quanto magi' te isti modi esse captam studio intellego.

Vbi „isti“ pro „istius“ restitutum a Ritschelio. In sequentibus illa „tibi consulere et parcere“ cum suis stent numeris, tamen „parcere“ apparet dici inepte, sive servaveris praecedens „et“ sive delebis. Videtur altior haerere macula. Ac nescio an olim fuerit „tibi consulere, ut porceam“.

Ad Antigonaë facinus item pertinere ea quae sunt:

heús, vigilés, properáte, expérgitel

péctora tárda sopóre, exsúrgitel

ac porro:

áttat, nisi me in óbitu fallit 'sónitus.

Ex quibus apparet coram spectatoribus et sepultum furtim Polynicis corpus et detectam auctorem facinoris, cum de utroque per nuntium referatur apud Sophoclem. Ceterum dactylicis tetrametris iam Ennius usus.

Prorsus autem obscurum illud (Non. 352 s. l. numero—cito):

ne istunc numero amittas subito oblatum.

: Quae potuere locum habere in historia taii, qualem proponit Hyginus fab. 72, ubi refertur Creontis nepotem, quem furtim ex Antigona rure occultata sustulerat Haemon, post multos annos casu agnatum ab avo, sed hunc ne Herculis quidem precibus adductum, ut Haemoni, qui contra iussa Antigonaë pepercerat, et uxori ac stirpi ignosceret. Sed enim haec tractata ab Accio abhorret a fide.

Denique Antigonae ad mortem ductae fuere, quae altero loco citat Macrobius:

iam, iam neque di regunt
neque profecto deum summus rex omnibus curat.

Quae et numeris et sensu perversa. In priore versu videtur restituendum „iam iam neque nos di regunt“; in posteriore vel mutatis loco verbis cum Bothio reponendum „rex summus“ vel, ut in Borbonico codice legitur, scribendum „supremus rex“. Porro nescio an sit ita concinnandus:

neque profecto deum rex summus hominibus curat..

Vbi dativus positus, ut alibi apud vetustissimos, pro accusativo. Iambus ultimus fortasse omissus Macrobii culpa. Et possunt varia suppleri, velut „piis“.

XVI. Armorum iudicium.

Armorum iudicium post Pacuvium servato etiam titulo retractatum ab Accio. Idem Ennii Aiace erat perscriptum. Apud Accium autem pariter atque Pacuvium ipsum certamen iudicio se offerentium Aiadis et Vlixis propositum; deinde res continuatae usque ad sepulturam Aiadis. Et concertatio quidem disceptatioque aemulorum frequentem praebuit materiam rhetorum scholis, atque ob id ipsum spectatoribus Romanis, rhetoricorum praestigiorum amantissimis, fuit aptissima. Hinc apparet non potuisse Sophoclis celeberrimum carmen solum exemplo esse aut Pacuvio aut Accio; quamquam versu illo:

virtuti sis par, dispar fortunis patris,

ubi „virtuti“ est ablativus, respicitur Sophoclis v. 550 sq.

Fragmenta, quae extant numero XV (praeterea bene ad eandem tragoediam relata a doctis, quae leguntur apud auct. ad Herennium II, 26, 42; Cic. de off. III, 26, 98; Charis. pg. 252 P., ubi ipsum illud dactylicum „Hectora“ vetat de Ennio vel Pacuvio cogitari auctore), cum sententia sint fere perspicua, paucissima habeo quae addam. Versum, qui fertur ap. Non. pg. 120 s. l. hiscere pro loqui:

hem, vereor plus quam fas est captivum hiscere,

plerique „captivam“ reponentes cum ad Tecmesam, conjugem Aiadis, rettulerint (cf. Soph. v. 894), poterit servari lectio tradita, si existimaris haec prolata a captivorum quodam Troianorum, qui recusaret

metu iudicium, quod efflagitabant Graeci, de Aiaçe ferre et Vlize. Cf. de Pacuv. fab. pg. 18.

Ad insaniam repente ortam Aiaçis pertinet hoc:

bene facis, sed nunc quid subiti mihi febrim excivit mali?

Non. 237, 24:

cur vetera tam ex alto adpetissis discidi, Agamemno, intia?

Haec a Teucro vel Vlize ad Agamemnonem dicta, qui, cum de Aiaçis sepultura ageretur, antiquas similitates nescio quas sive suas sive maiorum cum Telamonis domo prompserat.

Non. 143, 19:

qui nôxitude oblitteretur Pélolidum

ac per nos sanctescat genus.

Non improbable scribendum cum Hermanno „per vos“, ita quidem ut Vlize sint verba hortantis Agamemnonem, ut Aiaçe sepulto scelera gentis suae expiaret, et gloriam ex eo futuram ostentantis. Cf. Ribb. pg. 373 sq.

Denique versus ab Ottone Muellero Hermae Berolinensis a. 1875 pg. 117 ex Cic. pro Sestio 21, 48 feliciter recuperatos ac tributos Aiaçi:

.. ne videret virus victorem inimicum, manu

eadem sibi vitam exhaustisse, qua mortem saepe hostibus obtulisset,

utrum Pacuviani an Acciani sint Armorum iudicii (nam de Enni Aiaçe vix cogitaris) incertum.

XVII. XVIII. Astyanax. Troades.

Astyanactis, filii Hectoris, exitium frequentissime tractatum a poetis. Ordo et decursus fabulae Accianae satis certi. Comparandae Troades Euripidis, item Senecae ipsiusque Accii.

De Graecorum duce quodam (Neoptolemum fuisse putat Ribbeckius pg. 413) posita haec:

qui nostra per vim patria populavit bona.

„Nostra bona“ dicta ut in Armorum iudicio: „nam non facile sine deum opera humana propria sunt bona“.

Eversa Troia motaque ira Minervae propter scelus Aiaçis minoris obscena sunt denuntiata omnia a Calchante vate. Sed is pessime

acceptus sive a Menelao proficiscendi cupido sive ab Agamemnone propter vetus odium. Cf. Il. I, 106 sqq.:

tu, Calcha, finem religionum fac, desiste exercitum morari ac med ab domitione arcere tuo obsceno omine.

Cf. Non. 357, 8. Indictum tamen ea de re consilium:

nunc in consilio id reges Argivum aucupant,
id quaerunt.

Vbi unus ex ducibus in vates est invectus, qui frequentissime criminibus appetuntur apud poetas latinos antiquissimos. Cf. vit. Enn. pg. 70 sqq.

nil credo auguribus, qui auris verbis divitant
alienas, suas ut auro locupletent domus.

Iam facto decreto, ut Astyanax, quem in montibus propinquis abdidit mater vel avia, ad mortem raperetur, ad excusandum facinus fuit qui virtutem patris Hectoris, viri fortissimi et Graecis, dum viveret, gravissimi, extolleret ita:

Troiaest testis, quaere ex aliis, qui illius misertitudine
nomen clarum in tumuli saxo multis memorant vorsibus.

Vbi fortasse reponendum „quaere ex illis, qui eius misertitudine“. Itaque etiam stirpem eius funditus tollendam:

propter tot tantasque havemus vastitates funerum;

scil. Astyanactis metu carere.

Vbi in codicibus est „habemus“. Quod si cum Bothio scripseris „te propter tot tantasque habemus“, Helenam, excludi Troiae auctorum eandemque Graecis pariter et Troianis invisissimam, compellari manifestum..

Immitem Graecorum animum post Polyxenam etiam Astyanactem efflagitantium ad necem ita describit vel Hecuba vel Andromacha:

quorum crudelitatem numquam ulla explet satias sanguinis.

Ad unum ex ductibus Graecorum vel Astyanactis caedi vel ceteris, quae patrandi reditus sive dividendae praedae causa instituerentur, adversantem, ut Pyrrum vel adeo Menelaum fratrem, pertinebant Agamemnonis, ut puto, dicta haec:

ferum feroci contundendum imperio, saevum saeviter.

Denique Hecubae esse, Polyxena et Astyanacte orbatae, quae de Cassandra dicta Non. 487, 19; Agamemnonis, quae de eadem 485, 23, adsentior Ribbeckio.

Ex verbis Hecubae de Cassandra et ex versu supra adscripto „quorum crudelitatem“ e. q. s. cum satis appareat etiam Polyxenae mortem in hac tragoedia memoratam, Astyanactem et Troades unam fuisse fabulam dubitanter coniecit Ribbeckius. Quae res ideo parum videtur probabilis, quod in eodem cap. V a Nonio utraque memoratur.

Qui ex Troadibus ab eo adfertur locus, plenior legitur apud Servium Daniellis in Aen. I, 179. Et videtur ita scribendus:

ne tu iam saxo fruges frendas (vel „frendes“) torridas.

Manifestum unius ex feminis captivis, fortasse Hecubae, servitutum futuram ita cum minis describi.

Alterum fragmentum, a Prisciano pg. 680 servatum:

sed utrum nunc terrae motus sonitusne inferum
pervasis auris inter tonitra et turbines?

bene comparatur a Ribbeckio cum eis, quae de Achillis umbra subito prodeunte et Polyxenam, ut debitam victimam, poscente narrat Seneca Troad. 179 sqq.

XIX. Athamas.

Aeschylus fuit tragoedia una Athamas, adeoque duplex Sophoclis. Conferenda, quae de eis in fragmentis trag. graec. adnotata sunt a Nauckio.

De Athamante cum duplex ferretur fabula (cf. Apollod. I, 9, 1; ib. 2), quarum altera tradebatur Inus novercae calumniis effectum, ut Phrixus et Helle privigni patrem patriamque relinquere cogerentur, altera deinde in furorem conversum Athamantem grassatum in Ino et quos ex ea sustulerat liberos, quae Ovidii est nobilitata carmine (cf. Metam. IV, 416 sqq.), Ribbeckius eam ab Accio vult tractatam, quam refert Hyginus de astronom. 20 pg. 466 ed. Staveren.

Is enim narrat Demodiceam, Crethae Athamantis fratris uxorem, cum Phrixus amorem eius esset aspernatus, calumniis effecisse, ut iuvenis a patre ad mortem destinaretur. Verum nubis (i. e. Nepheles matris) interventu eum cum Helle sorore ablatum Colchidem, deinde reductum a Mercurio in patriam et reconciliatum patri.

Iam fabulam hanc, aliunde ignotam, cur materiam fuisse voluerit Accio Ribbeckius, equidem nullus intellego. Qui haud facile dixeris quomodo Phrixo, immuni plane sceleris et experti, potuerit tribuere talia:

veritus sum arbitros, atque utinam memet possim obliſcier!
cuius vita indecoris, mortem fugere turpem haut conuenit;

quae apparet plane noxi esse et conscientia scelerum exagitati. Illud enim mitto, fabulam, in qua Phrixo potissimum essent partes, vix Athamantis potuisse nomine inscribi.

Itaque magis probabile est Athamantis res describi hac fabula. Qui memoria anxius eorum, quae prius Inus calumnias inductus in Hellen et Phrixum, dein iniecto a Iunone furore in Ino Learchumque et Melicerten molitus esset, suorumque vel adeo populi totius pressus odio (cf. Non. 470 l. miserarent) videtur frustra monitus, ut in exilium abiret (cf. Non. 324 l. invadere), gravissimisque obiectus periculis, sed eis tandem ereptus. Atque huc pertinere existimo versum (Non. 315, 19):

beneficiis hostimentum peperisti grave,

Et fuit fama Athamantem a Nephelē, quae poenas repeteret Phrixo et Helles ab illo laesorum, ad Iovis aram victimam deductum, sed Herculis interventu servatum. Eundem eiectum ex Boeotia tandem oraculi monitu sedes fixisse novas in terra, quam Athamantiam vocaret, ibique tertium inisse matrimonium narrat Apollodorus I, 9, 2. Reliqua incerta. Fragmenta, ut complurium Accii fabularum, a solo servata Nonio.

XX. Atrous.

Gravissima Atrē ac Thyestae fratrum inter se odia, quae ignorat Homerus, Atticis tragicis inde a Sophocle, cuius fuit Atrous, item duplex Thyestes (et Euripidis citatur Thyestes), frequentissimam praebuere materiam carminum, deinde et Romanis. Quos vel hoc allexit, quod ea largissimum offerebant campum artificis praestigisque rhetoricis, Caesarum tempore etiam occasionem perorandi in tyrannos, non quidem semper impune. Nam Tiberto imperante Atrous tragoedia exiti causa extitit Aemilio Scauro. Cf. Tac. Annal. VI, 29.

Igitur idem argumentum, quod Thyeste Ennius, Atrou persecutus est Accius, quam juvenis admodum scripsit fabulam.

Quae servata sunt fragmenta haud ita pauca; partim Ciceronis beneficio, qui quaedam ex eis illustravit, partim collato Thyeste Senecae, vel quod sententia sunt perspicua, non praebent multum difficultatis; adeoque quo ordine sit disponenda eorum maior pars satis apparet.

Prisc. pg. 698, ubi demonstratur apud vetustissimos inventi illud socrus masculine:

simul et Pisaea praemia arrepta a socru possedit suo.

Ita Ribbeckius numeris nullis; nam „socru“ ab Accio pyrrichiae elatum nego. Reponendum:

simul et praemia

Pisaea arrepta a soceru possedit suo.

Vbi mutata locis ea quae sunt „Pisaea praemia“ debentur Vossio. Praeterea nescio an scribendum sit „simul ut“. Nam scelera et calamitates Tantalidarum hic ut apud Sophoclem Electr. 504 sqq. a dolo, quo Pelops potitus est Hippodamiae, Oenomei filiae, coniugio, et quae eum secuta sunt repeti probable. Cf. Ribbeck. pg. 448.

Etiam versus ter citatus a Cicerone:

maior mihi moles, maius miscendumst malum

concinrior erit et modulatio, si reposueris vel „mihi maior moles“ vel certe „maior mi moles“.

Prisc. pg. 873:

epularum fictor, scelerum fratris delitor.

Haec quid significant perspexit Ribbeckius (cf. pg. 453), excepto quod illud „delitor“ minus recte ab eo redditum existimo per „der ausloescht“. Videtur potius esse idem quod „purgator“. Dicit Accius iam purgatum crimine Thyesten commissorum in fratrem scelerum, cum hic epulis atrocissimis apposis malora prompserit in illum.

Praeterea cum Accius non, ut Seneca, ultro arcessitum ab Atreo Thyestem, sed, ut Varius, sponte reversum, quod novas insidias videretur machinari, fide data deceptum proponat (cf. frgm. III; XV), versus illos (Non. 281, 5):

egone Argivum imperium adtingam aut Pelopta digner domo?
 quoi me ostendam? quod templum adeam? quem ore funesto
 adloquar?

prolatos existimo ab hoc non post epulas, sed ante, cum veniam fidemque imploraret fratris exul, ad suspicionem, qua imperium affectare arguebatur, refellendam.

Denique nihil est cur credamus aliter Accii finitam fabulam ac Thyesten Ennii et Senecae, hoc est execrationibus flagitii, quod aversatus ipse Sol ferebatur retro egisse equos, imprecationibusque per desperationem iactis a Thyeste. Nam Ribbeckius, incertis omnino iudiciis usus, dubitat an post scelus perpetratum Atreus Thyestem, quod novas eius machinas timeret, vinxerit adeoque occiderit, quod fecisse eum tradunt schol. in Eur. Orest. 800.

XXI. Bacchae.

Extant Bacchae Euripidis, quam expressam ab Accio fabulam ostenderunt Scalger aliique. Quae in solo extant carmine latino, ea, ut plerumque, incertum, utrum alio exemplo adhibito an ingenio novata sint a poeta.

Magna autem pars eorum quae restant in Bacchantium habitu et orgiis describendis versatur. Porro in paucis admodum lectio incerta.

Quae cum ita sint, praeter ea, quae in editione Nonii sunt notata, quod addam vix habeo. Verba a Festo loco manco pg. 314 ed. Muell. s. l. stipes servata magis numerosa fieri, si reponatur: „ecquem stipitem aut abiegnum aut alneum?“ iam in editione Ennii pg. 140 est adnotatum.

Bacchi laudes, ut aliis fragmentis, contineri videntur hoc (Non. 116, 17):

quia neque mors neque vetustas neque grandaevitas.

Sequebantur ut puta talia: „obscuritatem inducet eius gloriae“. Cet. cf. comm. in l. m.

Varietatem fortunae humanae respicere existimo eis, quae sunt (Non. 144, 10):

sole splendet saepe, ast idem nimbis interdum nigret.

De aethere dicta recte statuit Bothius, a quo primum suppletum verbum. Porro notandum illud „ast“ pro „at“; quod hoc solo loco invenitur in tragoedia latina ante Senecam.

Denique illa:

quanta in venando affectist laetitudine;

ubi „affecti“ genetivus est, dictus pro „affectus“, verba sunt eminus prospicientis Agauen instantem Pentheo vel cum spoliis eius bacchantem, non nuntii, ut apud Eurip. v. 1144.

XXII. Chrysiippus.

Chrysiippum, Pelopis ex paelice natum, cum praeferreretur a patre filiis legitimis, Hippodamiae novercae opera ab Atreo et Thyeste vel, ut alii ferebant, ab ipsa Hippodamia interfectum, hanc autem poenas pendisse flagitii fama fuit. Cf. Ribb. pg. 444 sq.

Fuit Euripidis Chrysiippus, in quo Laii, amatoris Chrysiippi, partes fuere magnae. Porro servatum ex eo carmine fragmentum luculentissimum, de quo ad Pacuvii Chrysen quaedam dicta a nobis. Quae restant, ut plerumque in mancis Euripidis tragoediis, maiorem partem continent sententias ad vitam regendam utiles, non ea, ex quibus fabulae decursus possit agnosci. Neque ex Accii carmine, cui exemplo fuisse Euripidem satis probabile, multa possunt deduci, quae ad filium velut rerum actarum redintegrandum faciant. Accedit quod fragmentorum quinque, quae extant, pars corrupta gravius. Quae quidem ego sic existimo disponenda et explicanda:

I.

huic quum superescit Spartam atque Amyclas trado ego.

Verba Pelopis de Chrysiippo haud exigua Peloponnesi parte donando. Pro „huic quum“ cd. Festi pg. 302 s. l. superescit habet „quin hinc“ in eodem omissum „ego“; ideoque „tradibo“ Ribbeckius, „tradam“ Lindemannus.

II.

aeternabilem

di utinam pacem partissint!

Verba Pelopis ad concordiam hortantis suos. — pro „di utinam“ cdd. habent „divitiam“; ab isdem abest „pacem“.

III.

mellus pigrasse, quoniam (vel: quando) properasse est nefas.

Verba Atrai et Thyestae metu patris Hippodamiam a calidioribus revocantium consiliis.

IV.

„quid agam? vox illius certe“. — „idem omnes cernimus“.

Verba Pelopis, dum silvestria peragrat cum suis loca, audientis vocem Chrysiippi subitis insidiis oppressi.

V.

neque quisquam a telis vacuus; sed uti quae obviam fuerant, ferrum aliis, aliis saxi raudus est.

Descriptio comitum Pelopis cum patre ad iuvandum Chrysippum tendentium.

Lali autem amatoris Chrysippi, a quo raptum hunc, sed a patre recuperatum tradit Hygin. fab. 85, quemque post abductum, sed reportatum Chrysippum ab Hippodamia falsa suspicione caedis Chrysippi, quam ipsa patrauerat, frustra petitum refert Dositheus (Hist. Graec. fragm. ed. Muellerei IV, 402, 7), numquae partes fuerint apud Accium plane ignoramus.

XXIII. Diomedes.

Diomede tragoedia eandem Oenei a Diomede nepote depulso Agrio restituti fabulam persocutus est Accius, quam Periboea tractaverat Pacuvius. Sed quae extant fragmenta numero XII non multum faciunt ad argumentum illustrandum. Non electum ab Agrio fratre Oeneae, ut apud Pacuvium, sed in carcerem coniectum demonstrant verba illius:

ita fletu et tenebris obstinatus speciem amisi luminis
conspiciendi insolentia.

Vbi „speciem“ dictum pro „actem“. Illud „luminis conspiciendi“ suspensum ab insolentia. Cet. cf. comm. in Non. 322, 26.

Ex filiis Agrii unus ita compellat patrem:

adsum apud te, genitor.

Ad postulata huius iniqua sic respondet Agrius:

numquam perpellar, gnate. pol, ne attenderis
petere a me id quod nefas sit concedi tibi.

Diomedis diffidentis primum viribus suis ideoque Calydona Argos repetere instituentis ante deiectum Agrium videntur fuisse haec:

ergo meo Argos referam (nam hic sum nobilitas),
necui (i. e. ne cui) cognoscar noto.

Quod consilium postea immutavit, cum ex amicis quidam obiectisset haec:

multa amittuntur tarditiae et socordia.

Non improbable Agrium in tempore monitum, ut consilia praecaveret Diomedis. Ad praemium autem nuntio tali rependendum potuerunt pertinere haec:

benigne ei pro beneficio largi atque ampliter.

Vbi „largi“ dictum pro „largire“.

Impotentiam Agrii apud Diomedem Calydonii queruntur ita:

foede exanclavimus

tyranni saevum ingenium atque execrabile.

XXIV. XXV. Epigoni. Eriphyla.

In Epigonon tragoedia Sophoclem observasse videtur Accius; cf. Cic. de optimo gen. orat. 6, 18. Reliquiae duplici laborant difficultate. Primum enim saeptus illa librorum culpa confusa cum Eri-gona, de qua re supra, sub nr. V; VI, memoravi. Quamobrem etiam huius fabulae quaedam erunt retractanda, quorum de origine non satis constat. Praeterea dubitatur an Epigoni eadem sit, sicut nonnullis visum cum Bothio, quae Eriphyla, ex qua unum versum servavit Priscian. pg. 699. — Sed omnino hoc alienum a probabilitate. Mitto quod etiam Sophoclis praeter Epigonos citatur Eriphyla tragoedia neque usquam traditum utramque esse eandem; id quod placuit Welckero. Sed neque Epigonos satis recte potuisse inscribi fabulam, qua non minus quam de illis de interfecta ab Alcmeone matre ageretur, neque Eriphylen, qua de expeditione adversus Thebas instituenda tractaretur tanto impendio, satis apparet. Accedit, quod ita res plane diversae inter se inconcinne omnino copulantur; cuius vitii evitandi neminem fuisse magis studiosum tragicis vetustis constat.

Igitur quod Ribbeckius existimat Epigoni describi Eriphyles eadem, insaniam autem, quam hoc facinore polluto Alcmeoni incidere destinatum erat, deorum beneficio dilatam post bellum, omnino improbandum. Quem praeter diversam veterum traditionem praeterque ea, quae supra dixi, fugit nullo pacto potuisse Epigoni ducem designari expeditionis ab Apolline virum matricidii scelere pollutum.

Quae cum ita sint, contineri Epigoni apparet conatus Epigonorum ad bellum una ineundum excitandi Alcmeonem eiusque tergiversationes (nam primum omnium matrem punire in animum induxerat) calliditate illorum et ipsius Eriphylae, quae iterum, ut ante prius bellum Thebanum, corrupta est muneribus, auctoritate tandem victas. Cf. Apollod. III, 7, 2.

Neque abhorret a probabilitate in ultimo carmine numinis interventu et Alcmeonis fratrisque Amphilochi dubitationes victas et expeditionis secundum exitum caedemque Eriphylae praedicta. Quod si ita fuit, comparari potest finis tragoediae cum Philoctetae perinde Sophocleae.

Fuit autem scena Argis:

apud abundantem antiquam (f. Argivam) amnem et rapidas
undas Inachi.

Prope urbem castra erant posita ducum, unde profecti precibus ambiebant Alcmeonem. Cum quo longo actum diverbio, septenariis trochaicis.

Igitur unus ex eis, Thersandrus haud dubie, Polynctis filius (cf. Ribb. pg. 489), nisi Erigonae potius quam Epigonis adscribenda essent sequentia (cf. comm. in Non. 20, 8), potuit primum aperire, cur colloqui secretum elegisset locum:

eaque hoc (sc. feci) causa, ut nequis nostra verba cleperet
auribus.

Recusantis Alcmeonis animus patrum ulciscendorum demonstrata necessitate temptatur:

quibus oculis quisquam nostrum poterit illorum optui
vultus, quos iam ab armis anni porcent?

Atque hic potuit habere locum versus ap. Non. 230, 27 servatus, si scribatur ita (cf. comm.):

nonne Argivom fremere bellum et velle vi vulgum vides?

Argivom pro Argivorum.

Quod si Epigonon potius quam Erigonae sunt, quod tamen minus probabile (cf. comm. in Non. 185, 18), quae infra ponuntur, obiectum est ab Alcmeone, quod primum ab Apolline iussus esset matrem afficere poena:

qui, nisi genitorem ulso, nullum meis dat finem miseriis.

Matricidii certe committendi mentio continetur hisce:

fateor; sed cur propter haec pigrem aut huius dubitem parcere
capiti?

Quae paulum diversa Amphilocho fratri Alcmeonis tribuit Ribbeckius velut adversanti Eriphyles caedi; cf. pg. 491. Sed neque de tali fratrum dissensu alibi quidquam traditum et „pigrare“ si positum

sit pro „timere“ (Id enim a nobis restitutum; vulgo pro eo ponitur „retinere“), etiam minus apte verba supra adscripta explicantur, ut illi placuit. Sunt potius ipsius Alcmeonis affirmantis Therstloche instanti se nullis terroribus ac furiis posse impelli, ut parcat matri. Ibi dubitandi verbum, ut interdum fit, adnuentis potius quam abnuentis adhibitum sensu; sicut apud Tacitum *Annal.* IV, 57 „nam dubitaverat Augustus Germanicum—rei Romanae imponere“.

Perstante in proposito Alcmeone non videtur minis temperasse Thersandrus, si modo recte a nobis restituta, quae feruntur Non. pg. 342 s. l. mactare:

mei (i. e. mihi) nunc adsis! an te exilio mactem ec terris
Pelopiis?

Certe quae a nobis reddita, quam minimo distant intervallo a memoria codicum. Cf. comm. in h. l.—Igitur exilii poenam minitatur Thersandrus adversanti, nisi concedat.

Ita tracto sermone finis fit agendi ducibus subito appropinquante Amphilocho; quem sequitur expeditioni ineundae minime fuisse aequum, haut dubie ideo, quod primo loco puniendam existimaret matrem:

sed iam Amphilochem huc vadere cerno et
nobis dantur pausa loquendi
tempusque in castra reverti.

De versu medio, in quo vetustissima corruptela pro „nobis dantur“ legitur illud „nobis datur bona“ apud Nonium pariter atque Charisium, cf. comm. in Non. 158, 8.

Ita cum res parum procederet Epigonis, preces videntur vertisse ad Eriphylam, quam muneribus captam, sicut ante factum, cum marito causa fieret eundi ad bellum, ab isdem etiam spe depulsi aut certe dilati in longum tempus periculi probabile est temptatam. Sane de his nil traditum in reliquiis Epigonon Sophoclis vel Accii. Sed utrumque ut statuamus res ipsa cogit, si recte supra a nobis demonstratum est argumentum tragoediae.

Contra servata sunt quaedam ex sermone ab Eriphyla, quae propter filii animum aversum pariter atque consilia incerta ducum tum temporis haud mediocri agitabatur angore, cum Demonassa filia, deinde cum Alcmeone ipso habito:

quid istuc, gnata unica, est, Demonassa, obsecro,
quod me . expetens timidam e tecto excites?

Quae quod dicit Charistus gramm. lat. I, 288 saturnia esse et certo scandi non posse, illud respexit, quod Accius scenicorum more frequentissimo, sed alieno a dactylicis priorem in „istuc“ corripuit, nisi potius scripsit, forma vulgari, sed minime rara usus, „quid stuc“. Illud „Demonassa“ satis certum; quamquam in codice Charisti unico „demara“ vel „demacansq,“ legere sibi visus est Keillus. Versus alter nondum sanatus. Pro „me“ in codice „mecumago“ vel „meamego“ dicitur ferri. Possunt multa excogitari velut „quod me cursu expetens“. Porro huc referenda, si recte constituere docti, quod tamen nobis secus videtur, ea quae Erigonae addita et creticis numeris descripta leguntur Non. 16, 4; ubi conf. comm. Nam ibi alii: Accius Epigonis:

eloquere prope ac meum hunc pavorem expectora.

Et videtur a Demonassa adlatus nuntius ipsum Alcmeonem habitu infesto petere regiam. Secutum est diverbium inter matrem et filium, cui praecessit versus, quem in regiam contendens pronuntiavit Alcmeon (Non. pg. 200 s. l. collus masculino):

quid cesso ire ad eam? em, praestost. camo collum gravem.

Vbi corruptum est necdum restitutum illud „camo“. Cum haud dubie agatur de Eriphyla, in comm. Noniano commendavi lectionem talem:

quid cesso ire ad eam. em, praestost. et catella habet collum gravem.

Sed minus placet octonarius positus, cum in verbis traditis, utcumque emendaris, latere potius videatur trimeter.

Altercatione conserta matri, cui mutuis erat odiis suspectus pariter et invisus, instanti acrius, ut invitus expeditionem intraret novam, cum priorem Amphiarao coniugi exitiosam fuisse sciret, haec ingressisse videtur Alcmoo, suspicatus, ut puto, eam iterum corruptam donis:

viden ut te impietas stimulat nec moderat metus?

Non desistenti adeoque genua eius amplecti conantem tali dicto absterruit:

age, age, amolire, abbitel cave vestem attigas!

Ad abeuntem Alcmeonem eundemque graviter perturbatum et quid faceret incertum, nisi ad Erigonam rectius traherentur, potuere spectare haec (Non. 226, 22):

ita inperitus stupiditate erumpit se, inpos consili.

Iam qua tandem re victa sit Alcmeonis pertinacia, utrum numinis, ut puta Apollinis, interventu an Amphiarai umbra excitata, non liquet. De Amphiarao haud male suspicatur Ribbeckius, secutus fabellam quandam, quam inventre est apud Cic. Tusc. II, 25, 60. Nec est improbable invocata a ducibus vatis dolo intercepti umbra monitum Alcmeonem, ut prius publicam quam privatam patris exequeretur ultionem, hoc est ut matris poenam post captas nova expeditione Thebas differret.

Et hanc quidem partem Eriphyla tragoedia tractaverunt Sophocles Acclusque. Ex Acciano carmine unus extat versiculus hic:

Pallas bicorpor anguium spiras trahit.

Quo describi partem ornamenti monilis, quod Eriphyle accepit premium mariti proditi, bene suspicatus est Ribbeckius pg. 493. Itaque narravit poeta in celeberrimo illo ornatu effectam fuisse pugnam gigantum adversus deos; cui interfuit et Pallas corpore anguino praeditus, cuius victi nomen adsumpsisse ferebatur Minerva.

XXVI. Epinaustmache.

Epinausimachen a graeco ductam exemplari ut ipse indicat titulus, ita praeter Accii nulla invenitur tragoedia ita inscripta.

Dicbatur a grammaticis hoc nomine liber XIII Iliadis, quo compulsi ad naves Graeci Neptuno vires suppeditante adversus Troianos rem sustinent utcumque. Sed Acciani carminis, cuius quidem fragmenta tantum non omnia a solo servata Nonio, multo latius patebat circuitus. Nam a pugna illa navali, cuius vicissitudines describuntur II. XIII—XV, usque ad mortem Hectoris pertinebat. Neque id mirandum nimis, cum Euniata Hectoris lytra continuerint res Troianas inde ab XI libro usque ad finem Iliadis. Et firmatur exemplis talibus poetis latinis, ut popularium, hominum bellicosissimorum, satisfacerent desideriis, relicta modestia Graecorum aliquando fuisse nimios pugnis belisque referendis eisdemque parum curiosos praeepti Aristotelei, quo tragoediae iubentur unius diei aut certe non multo maiore concludi spatio. Sane hoc ne a Graecis quidem semper observatum.

Male autem Ribbeckius, qui neglecto ipso titulo statuit Epinaustmache non tractari nisi res post mortem Patrocli gestas. Sed priores etiam ea contineri fabula docent verba Patrocli, opem ferendam Graecis censentis, ad Phoenicem (Non. 500, 1):

eos mortalis, Phoenix, libero
 misereor saepe studio et adiutos volo;

ad eundem:

quod si procedit, neque te neque quemquam arbitror
 tuae paenitutum laudis; quam ut serves vide.

Vbi illud „quod si procedit“ pertinet ad preces, quas Graecorum causa facere apud Achillem iubetur Phoenix. Servare autem laudem monetur Phoenix, quod iam ante Achillem reconciliare studuerat Graecis. Cf. II. IX.

Ad sermonem inter hunc et Achillem factum videtur pertinere illud:

tamen (scil. post priorem repulsam) haut fatiscar quin tuam
 inplorem fidem.

Porro verbis hisce:

probris probatu' potius quam multis forem

exprobrari existimo a seniore iuniori, quod in expetenda de Agamemnone ultione vulgi magis quam sapientum sequeretur iudicia.

Phoenix cum nihil profecisset, ipse Achillem aggreditur Patroclus ita:

nec perdolescit fligi socios, morte campos contegi?

Cet. cf. comm. in Non. 110, 35.

Tandem magis magisque in artum redactis Graecorum rebus cum iam prima navis arderet, Patroclo permissum, ut auxilium ferret, sed caute. Nam Achillis videntur esse haec:

contra tu quantum obfueris, si victus stes,
 considera et quo revoces summam exerciti.

Quo spreto praecepto Patroclus nimium usus victoria tandemque interfectus est. Tum missa a Iunone Iris monet Achillem, ut Troianos vehementissime instantes Graecis prohibeat potiri Patrocli corpore. Cf. II. XVIII, 165 sqq. Et dubitanti, quod armis careret Patroclo detractis, videtur hoc respondisse (Non. 256, 39):

proinde id cui fiat, non qui facias, compara.

Vbi „qui“ est „quo pacto“; „compara“ „cogita“, „aestima“. Ita incitatus a dea Achilles aegre cohibetur, ne inermis hostibus obviam eat. Nam eius fuit hic versus (Non. 283, 24):

ut nunc sum animatus, si fero, satis armatu' sum.

Tamen permouetur, ut intra fossam, qua castra munitabantur, voce sola usus terreat hostes. Cf. II. XVIII, 196 sqq.

Sequitur reconciliatio Achillis et Agamemnonis; tum nova pugna, quae finitur morte Hectoris. Atque hunc finem tragoediae Accianae fuisse existimari, non corpus Hectoris Priamo redditum. Nam quae olim ad hoc rettulerant velut Acciana (cf. Cic. Tusc. I. 44, 105):

Immo enim vero corpus Priamo reddidi, Hectorem abstuli,

Ennialis Hectoris lytris adsignanda demonstravimus. Cf. ed. Enn. pg. 104. Ibi quod in Ciceronis verbis, ubi Accii nomini nullus omnino locus, repositum „melius et aptius“ pro „melius Accius et“, nescio an potius sit substituendum „melius ac iustus“.

Quae restant fragmenta, cum ut plurimum satis probabiliter explicata sint a Ribbeckio, hic praeteriri possunt. Quem non fugit (cf. pg. 360) verba a Non. 261, 18 sqq. servata non ad argumentum carminis pertinere, sed tacta a Graeco nescio quo ad virtutem priscam Hectoris interfecti extollendam. Contra improbandum quod in verbis a Charisio pg. 101 P. adlatis „Martes armis duo congressos cerneret“ ad explendum trimetrum scripsit „Mavortes“. Nam illud „Mavors“ plane alienum a scenico existimo usu, non magis ut probem, quod in corruptis Licinii comici verbis, quae leguntur ap. Gell. XIII, 28, 16 idem scripsit Ribbeckius:

„cum quidem Mavorti es in conubium data“.

Ubi codices etiam habent „Marti“. Apparet mancum esse versum medium. Ab Licinio haec fere venisse existimo:

quandóquidem Marti tú's in conubium data.

Nam secunda in „conubio“ anceps. Cf. d. r. m. pg. 258 sq. Quae cum ita sint, non magis duco recipiendum, quod Studemundius, vir de Plauto praeclarum in modum meritis, Mil. glor. v. 1414 coniecit reponendum: „iuro per Iovem et Mavortem“.

XXVII. Eurysaces.

Fuit Sophoclis Eurysaces, quam exemplo fuisse Accio probabile est fabulam; nec enim alia eiusdem tituli graeca memoratur. Nec vero mirum Eurysacis res, qui, ut Ajax pater, Atticorum et antiqua veneratione erat cultus et stemmatis insertus illustrium gentium, materiam praebuisse Atheniensi poetae carminis.

Igitur Telamoni electi a civibus, cum post interfectum Aiacem

et Teucro filio et nepote careret Eurysace, tractari casus hoc carmine multa demonstrant. Sed Eurysacis fuisse perinde partes ipse indicat titulus. Nec minores fuere Teucri.

Videtur autem hac potissimum in tragoedia tristitia ac squalore habitus, quae sequi solent fortunam inversam, usus Accius ad movendos spectantium affectus; cum alias talia curiosius Pacuvii fabulis soleant proponi.

Ad miserias Telamonis, exilio, senio, egestate pressi, ut alia pertinebant, ita illa, quae ad Eurysacem bene relata a Ribbeckio (Cic. Tusc. III, 18, 39):

hicne est ille Telamo, modo quem gloria ad caelum extulit,
quem aspectabant, cuius ob os Grai ora obvertebant sua?

Etenim fractis opibus

.. simul animus cum re concidit.

Initio autem fabulae proponitur Telamo extra patriam agens, ut Ribbeckio videtur, Aeginae, quae haud procul erat insula, unde Aecus, pater eius, ortus.

Ac primum quidem narrat sibi ab eo, cuius opera erat expulsus, longinquum a Salamine exilii locum assignatum:

illico, inquam, habitato; nusquam propius!

Vbi „illico“ est „in eo loco“; cf. Non. 325, 6 sqq. Se tamen non diu ibi moratum fugae incerta praetulisse:

nunc per terras vagus, extorris, regno exturbatus, mari.

Quae non bene nonnulli velut anapaestica divisa ita:

nunc per terras, vagus, extorris,
regno exturbatu', mari..

praemisere versibus infra apponendis. Porro principium calamitatum, quibus conflictatus est, ita refert Telamo:

heu me miserum, cum haec recordor, cum illos reminiscor dies.

Accedebat exilii cumulus recordatio Teucri filii cum iniquitate expulsi et orbitatis non immeritae:

ei mihi, ut etiam haec aerumna mihi luctum addit luctibus.

Intercessit persona ignota, quae consolaretur ita:

quid miserans tuam solitatem memoras, formidans tibi?

Denique addit Telamo se ad occultandas miseras in extremas oras
abiturum:

super Oceani stagna alta patris
terrarum anfracta revisam.

Interim ignari Telamontis rerum eodem loci pervenerunt Teucer cum sociorum manu et receptus Eurysaces, quem quidem non, ut Pacuvius fecit in Teucro, tempestate, qua oppressi sunt post Troiam incensam Graeci, abreptum ab avunculo, sed pariter cum hoc, ut ex serva natum, repudiatum finxisse videtur Accius. Cf. comm. in Non. 356, 19. Et confidebat quidem ille posse iam sibi reconciliari parentem, cum certissimis testimoniis liceret probare non sua culpa perisse Atacem:

numquam erit tam inmanis, cum non mea opera extinctum sciet,
quin fragescat.

Eurysacis puto verba haec (Non. 356 l. opinio, suspicio):

opinionem factumst, quanto illi minus
stirpem edocebant, tanto ut reremur magis
eos esse.

Vbi ultima manca Nonii culpa. Supplendum ut puta: „non parentes“. Nam videtur Accius ita rem proposuisse, quasi repudiatum a patre Teucer Eurysacem, aetatis tenerrimae puerum, ne exili, quod initurus erat ille, pateretur casus, tradidisset educandum aliis, qui eum filii loco haberent; sed adulto Eurysaci sensim obortam suspicionem hoc non esse parentes. Ac pluralis primae personae pro singulari positus, etiamsi inde a Cleerone demum communi usu increbuit, tamen iam invenitur apud scenicos antiquissimos. Exemplis vix opus; sed cf. Non. 76, 15 cum comm.

Iam Aeginam vel certe propinquum Salamini locum dum perambulant Teucer et Eurysaces, advertit in se oculos partim miseriarum indignitate, partim habitus dignitate oblatus Telamo:

pro di immortales! speciem humanam invisita,
tam egregiam, indignam scabie et squalitudine.

Sequebantur inter alia haec:

atque, ut vides, non tenui natus de loco.

Causa, cur vel in tantis malis pristinae fortunae indicta non abdicet Telamo, redditur ita:

nam ea demum oblectat spes erumnosum hospitem,
cum illud, quod miser est, clam esse censet alterum.

Iam de origine et castibus suis interpellatur idem:
tu abs te quod quaero enoda et qui sis explica.

Ad miseriarum descriptionem pertinere haec:
persuasit meror, anxitudo, egor, dolor.

Ad eorum, a quibus expulsus erat, adventum, de quo postea dicam, nescio an spectet versus:

disertim id unum incommodis deficit meis.

Et in hoc diverbio potuere esse verba suspicantis de patre vel avo ac suspirantis Teucris sive Eurysacis haec:

te commiserabam magi' quam miserebar mei.

Quamquam incertum admodum, an ex alia Accii tragoedia petita sint. Cf. comm. in Non. 445, 9.

Agnitio autem facta inter Telamonem et prolem his indicatur Teucris, ut puto, verbis (cf. Ribb. pg. 421):

apud ipsum adstas.

Secutae sunt Teucris vel Eurysacis sive comitum eius voces, admirantium indignantiumque propter tam foedam Telamonis, regis quondam potentissimi et misso utroque ad Troiam filio de Graecis omnibus optime meriti, rerum mutationem. Hic igitur locum habuere illa:

hicne est ille Telamo, modo quem gloria ad caelum extulit;
et quae sequuntur. Nec minus hic videntur reponenda, quae, cum rumor de revocando se increbuisset, in scena ad suam causam translata ab Aesopo tragoedo refert Cic. pro Sest. 56 sqq., ex Eurysace Acciana petita testatur scholiasta Bobiensis (apud quem legendum „Accii fabulam, quae inscribitur Eurysaces“). Cf. Ribb. frgm. XIII. Qua in re quin adaptarit quaedam ad praesentem rerum statum Aesopus vel illa testantur, quae non sine consilio a Cicerone manca tradita sic:

re dubia

haut dubitarit vitam offerre nec capiti pepercerit.

Quae quidem magis ad Ciceronem consulatus tempore pro republica periclitatum quam ad Telamonem spectare apparet, nisi forte Herculis expeditionem Troianam, cui Telamo interfuit, respici statueris. Nam ab eodem Aesopo tum et versus interpolatus „summum ami-

cum, summum in bello, summo ingenio praeditum* et canticum ex Andromacha Ennii additum. Contra exclamatio posita a Cicerone media inter Enniana et Acciana, quae mox continuantur, „pro di immortales* Ciceronis potius est quam Accii.

In fine autem huius scenae Teucer se vel precibus vel vi effecturum, ut Telamo secum Salaminem redeat, Eurysaci declarat versibus, qui sunt ap. Non. 259, 23.

Interim Salaminii audito in propinquis locis demorari Telamonem eumque ad regnum repetendum venisse rati appellant classem ad litus, ac deinde de Teucris et Eurysacis adventu edocti consilia exilis praevenire conantur. Nam huc pertinet illud:

quem ad modum inpetum occupemus facere ultro in regem..

Praecessit ut puta „nunc id curare addecat*. Itaque occupato castello quodam bellum minitanti sunt. Quod Teucer re inopinata perterritus videtur primum declinasse. Itaque sic eum instigandum existimavit Eurysaces, ferox adolescens:

tot tropaea transdes, summam gloriam evorti sines
tam desubito?

Deinde cum ad vim descenderetur, his videtur Teucer Telamonem, qui cum praesidio esset relictus, firmasse:

nisi est si autem ad te res tardat, socium in portu est copia,
quae subsistat. modo tute ipse tute offirma et compara.

Vbi „tardat* idem quod „non satis procedit“, „compara* idem quod „appara“. Pro „in portu* perbene Bothius „in promptu*.

Igitur conserta pugna victi Salaminii castellumque eorum expugnatum Duci autem hostium nomen videtur fuisse Iphidamanti vel Amphidamanti. Non. 230, 24:

diffidens posse sese Iphidamantem neci
dare turbat vulgum, evitat, moeros discit.

Subiectum vel Eurysaces vel Teucer. Sane priora quattuor verba ingenio constituta nostro. Nam in codicibus nihil est nisi „diffidamantem* Sed non ita male suppletum a nobis locum mancum videtur demonstrare versus hic:

sed memet calvor. vos istum, ut iussi, oculus
abstrahite.

Quae admodum probabile dicta de Iphidamante capto et ad Teucrum adducto. Illud „calvor* positum pro „moror“ vel „frustror“.

Denique id quod est:

parumper reprime vim citatum quadrupedum

utrum ad poenam eandem, qua a Tullo Mettuo Fufetium affectum tradunt (ea potuit excruciarí Iphidamas) pertineat an his verbis compelletur, Sol, ut currum diutius patiat in caelo versari, dubitat Ribbeckius, Cf. pg. 425,

XXVIII. Hecuba.

Extat Euripidis Ἐκάβη; quam Ennius imitatus est. Ex Acciana unus servatus versiculus, ex quo nihil quidquam potest concludi.

XXIX. Hellenes.

Hellenibus Ribb. pg. 428 — 31 Pelet res ab Apollodoro III, 13, 1—3; 7 relatas tractari existimat.

XXX. XXXI. Io. Prometheus.

Io cum haud raro Romanorum scenis agitatam appareat ex Hor. Epist. II, 3, 124, iure fecisse videtur Ribbeckius, quod eam pg. 548 distinxit tragoediam ab eiusdem Accii Prometheus. Tria vel quattuor servata sunt fragmenta. Ex quibus unum obscurum. Nam traditum sic:

quibusnam te aibant ortum locis.

Ad Io ne trahatur, quod Ribbeckio visum, qui scribit „exortam“, ipsum illud „aibant“, quod firmat Priscianus pg. 906, videtur ob stare. Iam cum plane sit incertum, fabulae saepe a poetis repetitae qualem formam sit secutus Accius, abstinendum erit a coniectando. Ius fabulam epyllio persecutus est Calvus, amicus Catulli. De eadem prolixè Ovidius Metam. I, 583 sqq. Et inter Graecos tragoediam de Io scripserat Chaeremon.

Ceterum conferenda, quae de Minotauro, quae fertur Accii fabula, infra adnotabuntur.

Ad miseras Promethei Caucasio monti affixi spectat unicum fragmentum quod restat ex fabula Accii ap. Non. 207 sq. s. l. gelu; Prisc. 685:

tum profusus flamine hiberno gelus.

Cf. Ribbeck. pg. 543 sq. Contra quod idem huic tribuit alterum ap. Non. 17, 8, Ciceronis petium e loco notissimo (Tusc. II, 10),

ubi ille reddit multa ex Prometheo soluto Aeschylli demonstratum est commentario Noniano.

Non abhorret a probabilitate respectam subinde Accii fabulam a Varrone in satira, quae inscripta est „Prometheus liber“, cum hunc ut alibi, ita etiam in satiris tragicorum latinorum constet fuisse curiosum. Nullus tamen ibi est locus, quem certo possis tribuere carmini Acciano. Neque magis constat, utrum vinctum an solutum persecutus sit Prometheus Accius an adeo, quod Ribbeckius propter Varrois satiram, argumento usus tenuissimo, statuit pg. 547, utrumque.

XXXII. Medea (Argonautae).

Medeam etiam Argonautas inscriptam fuisse fabulam testatur Priscianus pg. 1325, sed haud dubie Ciceronis loco quodam (de nat. deor. II, 35), quo utitur, deceptus (nam et versum unum ex his, quae ab utroque citantur, Medeae adscriptum adfert Non. pg. 90 s. l. conciere). Atque ab ipso alibi, pg. 761, eadem dicta Medea.

Et parte quidem fragmentorum descriptum satis eleganter, quam graviter sint commoti admiratione simul et metu in ora Ponti prope Istri ostia pastores, ex quibus unus facit verba, visa primum navigii maritimi mole, quam pro portento cum habuissent greges deserere coeperunt.

Primo autem loco videntur fuisse, quae finem, nisi fallor, fecere eorum, quibus metus pastorum ingens describeretur:

vagant. pavore pecuda in tumultis deserunt.
quis vos pascet postea?

Vbi si trochaica illa „quis vos pascet postea“? recte habent, haec clausula fuit, sicut alibi orationis exordium ab Accio redditum dimetro iambico „an haec iam obliti sunt Phryges“? Sed nescio an scribendum sit „at quis vos pascet postea“? Iam causa timoris additur his „tanta moles labitur“ e. q. s. Praecessere ut puta:

nec mirum, quod portenti diffugiunt metu
numquam ante visi.

Sed sensim intellegitur pastori ab antimantibus teneri portentum illud:

ut concitati atque alacres rostris perfremunt
delphini, item illa moles Silvani melo
consimilem ad auris cantum et auditum refert.

Vbi illud „et auditum“ mendosum.

Nec vero haec evenere, cum peterent Colchida Argonautae, sed cum redirent in patriam, insequentibus prementibusque Colchis ad Medeam pariter: et vellus aureum recuperandum. Cf. Ribb. pg. 528 sq.

Igitur egressi in litus Graeci ad reficiendas vires quoniam sint do- cent accurrentes Scythas; deinde Argus navis originem demonstrant.

Et videntur extulisse, ut saepius in tragoediis factum, Graecorum culta et aliena a barbaris ingenia, apud quos olim Ceres agri insti- tuisset cultum:

„prima ex imani victu ad mansuetum“ applicans.

Porro ad navigii construendi repertam artem respicitur hisce (cf. Ribb. 532 sq.):

ut tristis turbidum

toleraret hemes, mare cum horreret fluctibus.

Ac primum quidem advecti cum honore excipiuntur a Scythis Nam regis eorum senis ad Medeam haec fuere:

tun, dic, Meda's, cuius aditum expectans pervixi usque adhuc?

Cf. comm. in Non. 238, 1.

Interim unus ex Argonautis in abietem sublatus prospicit appro- pinquantes hostes:

ego me extollo in abietem, alte ex tuto prospectum aucupo.

Advecti Colchi adiere Scytharum regem in partes tracturi. Ac nar- rato scelere Medae ipsum etiam ut fatalem perniciosumque suspec- taverit Iasonem. At Scythae, gens religiosissima, etiam portentis divi- nitus missis videntur concitati esse in hunc; ad quem dicta probabile est illa:

principio extispicum ex prodigiis congruens ars te arguit.

Vbi constructio haec: ars congruens (i. e. consentiens criminibus Colchorum) extispicum ex prodigiis te arguit.—Igitur in partes tractis Scythis ita in artum rerum statum Colchi redigunt Argonautas ut haec fecerit verba Iason:

perissem in stabulis frenos immittens feris!

Vbi feri non sunt, ut Nonius putat, equi, sed tauri. Cf. Ovid. Metam. VII, 115 sqq. Freni hic dicti liberius; ut Ovidius (Metam. X, 125; Trist. III, 8, 3): frenabas ora (cervi) capistris; Medae vel-

lem frenare dracones.—Itaque cum Graeci pactum inissent cum Colchis hoc, ut servato vellere redderent Medeam, si id Scythis accolis placuisset, haec obtestationibus execrationibusque gravissimis aggressa est Iasonem. Nam ad imprecationes eius videntur pertinere haec (cf. Ribb. p. 533):

exul intér hostis, expes, expers, desertus, vagus.

Purgantis se Iasonis et uxoris animos lenientis haec puto fuisse:

qui potis est refelli quisquam, ubi nullust causandi locus?

Denique cum duplex esset fama de fuga Medeae, altera, qua disiectis ac dispersis Apsyrti (sive Axyrti) fratris artibus dicebatur remorata esse instantes Colchos, altera, qua eundem (sive alio fuit nomine) ducem Colchorum Insecutorum insidiis captum opera Iasonis interfecisse, Accius, fortasse Sophoclis secutus Scythas, utramque coniunxit fabulam. Certe Aetiae, qui videtur suos comitatus esse, sed ut senio coactus filio mandaret imperii summam, haec fuere (cf. Ribb. pg. 534):

pernici orbificor liberorum leto et tabificabili.

Quae vix aliter nisi de minore ac maiore fratre Medeae, brevi intervallo interemptis, possunt explicari.

Verba Medeae fratrem maiorem dolo aggressurae fuere haec:

nisi ut astu ingenium lingua ludam et dictis lactem lenibus.

Namque ita inter Iasonem et Medeam convenit, ut haec ducem Colchorum spe recuperandi ipsam cum vellere illaqueatum in locum secretum alliceret. ille obtruncaret incautum, quo Colchi orbatu rectore discederent.

Denique ad Aetiae sortem primum Medea, tum, cum hanc recuperaturus iam videretur, prius minore, dein maiore ex filiis spoliati orbamque inituri senectam videntur pertinuisse anapaestica haec:

fors dominatur
neque vis ulli propria in vitast.

XXXIII Melanippus.

Melanippi (pro quo saepe in codicibus scriptum „Menalippus“) quod fuerit argumentum, non mihi magis expedire licuit quam Ribbeckio.

Et Oehei quidem res tractatas fabula illa demonstrat versus:

Oeneum aliquis cete in conspectum, aut nos ubi ubist ducite
ad eum!

Porro Melanippus in Periboea inter filios Agrii memoratur ut ad opprimendum Diomedem vel maxime necessarius (cf. disput. de Pac. pg. 42). Praeterea alter fuit Melanippus, Oenei filius, quem a Tydeo fratre, sed invito, interfectum in venando tradit Hyginus fab. 69.

Sed quaenam aut cuius Melanippi apud Accium fuerint partes, testimoniorum penuria obscurum.

Quodsi coniectando dabitur locus, fabulam de Oeneo eiusque domo a recentiore quodam tragico ita inversam existimem, ut proponeretur (quae Ribbeckii est opinio) Melanippus filius illius a Tydeo fratre interfectus non casu, sed consilio. Et patris quidem vel domesticorum monitu id dicas factum, quod Oenei vitae falso insidiari diceretur Melanippus. Notum autem, quantae fuerint partes calumniarum suspicionumque falsarum in fabulis.

Sed antequam ad fratris caedem incitarent Tydea, videntur amicum quendam Melanippi ad facinus stimulasse, quod ille deprecatus est ita:

creditt' me amici morte inbuturum manus?

Atque hulus, dum promittit Melanippo socium se fore utcumque periculorum, haec fuere, ut puto:

paratus sum, ubi vis, petere partem periti.

Vbi „periti“ a „perittum“ dictum pro „perniciet“. Cf. comm. in Non. 219, 2.

Sed verbis quae sunt „tete esse hule noxae obnoxium“ utrum Melanippus tangatur, quod regnum affectaret patris, an amicus, quod parcendo hule probare videretur eius consilla, an denique post patratam caedem Tydeus definiri nequit.

Inepta dicta factaque unius ex personis perstringuntur ita (cf. Fest. pg. 274):

neque ratumst quod dicit („dicas“ cd.) neque quae iactas („agitas“ cd.) dicendist loqu;

et porro:

relcis abs te religionem scrupream, impunest tibi.

Hic a Varrone de l. lat. VII, 65 servatus est versus; ubi eodd. habent „imponas“ omissio „tibi“, quod addidit O. Muellerus. Quae praecedunt ita videntur scribenda: „Valerius (scrupipedam dictam pu-

ta) a pede acscrupea. ex eo Acci positum; scrupea (om. cd.), curiosa; itaque est in Melanippa*. Illud autem „reicis“ condicionaliter dictum existimo. „Religio“ hic ut saepe apud Romanos antiquiores in malam positum partem, pro opinione superstitiosa vel praëiudicio inepto. „Scrupea“ idem quod „anxia“.

Melanippi de infesto suorum animo moniti potuere esse haec:

egone auxilio nudus temere ut hosti me animato offeram?

Insidias in silvis structas Melanippo, quem et Hyginus in venando a fratre refert interfectum, declarat versus:

hic Melanippum inter traiectus nemorum, in salti faucibus.

Eodem pertinent haec:

constitit, cognovit, sensit, conlocat sese in locum

celsum; hinc manibus rapere raudus saxum grande et grave.

Tamen de quo haec dicta sint incertum. Nam nullo pacto adducor ut credam Tydea, virum animi maximi et spiritus, astu potius quam vi petisse Melanippum. Ac de utriusque congressu aperte haec dicta:

obviam ensi it; quem adversum aptus alter in promptu occupat.

Denique caede perpetrata patefactam Melanippi innocentiam ideoque Tydea solum patrum vertere coactum probabile facit illud:

regina, oscit tempus, quem hicc torrus, quem amburi vides.

Nam hoc praesagio fatorum Oenea, cum filiis, quos post Althaeae mortem ex Periboea sustulerat, orbatus calamitates domus suae inde a Meleagri morte recordaretur, sub finem fabulae usum vix potest dubitari. In exitu querelarum potuit esse versus:

unde haec? quis mortalis florem liberum invidit meum?

XXXIV. Meleager.

De Meleagro, in qua fabula conscribenda Euripidis potissimum tragoediam cognominem observatam Accio veri admodum est simile, id quod primus intellexit Delrio, quae dicam habeo perpauca. Nam fragmenta minus viginti maximam partem sunt talia, ut facile possint accommodari ad fabulam, qualem Euripidem, puto, potissimum imitatus Ovidius in Metamorphoseon proponit libris.

Vnius ex illis, qui una cum Meleagro aprum deicere erant conati, quod spolia pariter relata et coronam acceptam tribuisset Atalantae indignantis haec fuere verba:

culus exuvias et coronam huic muneravit virgini.

Excusavit apud eosdem ita rem Meleager:

remanet gloria apud me; exuvias dignavi Atalantae dare.

Cf. Ovid. Metam. VIII, 431.—Nihilominus spolia eripiuntur Atalantae ab Althaeae, Meleagri matris, fratribus; qui ideo ab hoc interficiuntur. Tum edocta de scelere filii et prona ad ultionem Althaea quam celerrime iubet apportari torrem, quo combusto pereundum esset Meleagro. Atque huc pertinent haec:

cave lassitudo poplitem tuum cursum levet;

et porro:

laborem ut minuat itiner ingresso viae.

Porro fugit Ribbeckium iungenda inter se haec, quae feruntur ap. Non. 483; 11; 124, 36:

nunc si me matrem mansuem misericordia
captis —¹

quis erit, qui non me spernens, inclians probris,
sermone indecorans turpi fama differet?

Nam accepto torre diu deliberasse matrem fratrumne mortem an filii salutem magis respiceret, ut Ovidius scribit, ita Accium rettulisse omnes habet probabilitatis numeros. Nihil tamen invenitur, quo paenitentia eius sera eademque irrita adseratur. Denique conferendus comm. in Non. 317, 19; 20; 308, 8.

XXXV. Minotaurus.

Minotaurum dubito an ab Accio scriptum esse negem. Nam qui restat versus unicus, ita fere citatur in Prisciani libris pg. 677: „Accius in Ioe“; ubi unus tantum ex noviciis libris et interpolatis habet „in Minoe“. Illud autem „Ioe“ potius accipiendum pro „Io“ vel „Ione“; cum idem error inveniat ap. Prisc. pg. 685; 906; ubi eadem citatur fabula. Porro apud Macrobius Saturn. VI, 5, 14 leguntur haec: „idem in Minotauro: taurigeno“ e. q. s. Vbi cum omisum sit „ex“ in principio versus Acciani, suspicor oritur illud „tauro“ natum ex sequente „taurigeno“, „m“ ex praecedente „in“ scribendumque „idem in Ione“ („idem in Io taura“ vel „in Ione taura“ male Bothius). Quod autem apud Ribbeckium adeo fabula inscripta „Minos sive Minotaurus“, illius tituli plane nulla constat auctoritas. Ceterum fatali quo-

dam accidit ludibrio. ut qui servatus est versus unicus perinde ad Io atque ad Minotaurum possit referri. Nam apud Priscianum legitur ita: „ex taurigeno semine ortam fuisse an humano eam („eam“ om. cd. Regius; „eam an humano“ habet cd. Gruteri); apud Macroblum „taurigeno semine ortum („fuisse“ om. libri meliores) an humano“. Verbum „fuisse“ a Prisciano ex deterioris aetatis usu videtur interpolatum. Ab Accio haec fere puto venisse:

ex taurigeno semine ortam dicam esse ane humano eam?

Et potuit praecedere velut hoc „anmi ego incertus feror“. Haec igitur dicta de Io, quae, cum rursus esset facta homo, cornua tamen retinuerat vaccae. Quodsi magis Minotauri probabitur titulus, ad Minotaurum haec spectare apparet scribendumque „ex t. s. ortum dicam esse ane humano eum?“. Et magnam quidem Macrobl in citandis poetis antiquissimis tam in Ennii editione notavi negligentiam; et apparet facilius per interpolationem potuisse poni „ortum“ quam „ortam“; quamquam ne Priscianum quidem levitatis crimine carere constat. Tamen omnibus perpensis, quae de testimoniis grammatici utriusque et de codicum dittographis supra sunt scripta, non possum quin secutus Bothium nullum umquam Accii fuisse existimem Minotaurum. De cuius (si modo extitit) argumento—similis fuit Theseus Euripidis—copiosissime, ut solet, expositum a Ribbeckio pg. 564 sqq.

XXXVI. Neoptolemus.

Pro eo quod est „Neoptolemus“ aliquando, non tamen nimis saepe, „Neoptolomus“ scriptum in bonis libris. Cf. Fleckeisen Annal. philolog. a. 1867 pg. 751.

Argumentum huius fabulae fuisse post Achillem caesum Scyro insula ad Troiam arcessitum Vlix's opera Neoptolemum (vel Pyrrum) Achillis et Deidamiae filium, sine quo Troia non poterat expugnari, perspexere Welckerus et Ribbeckius. Huius, a quo pleraque probabiliter disputata, libri conferendae pg. 402—406.

Atque ipse Vlixes iam apud Homerum, Od. XI, 506 sqq., a se Neoptolemum adductum memorat ad Graecos. In quo negotio alii Diomedem, alii Phoenicem tradidere fuisse comitem. In fragmentis carminis Acciani Vlixis tantum invenitur memoria.

Ac facile intellegitur tragoediae concinnandae materiam praebuisse aptissimam Lycomedis avi et Deidamiae matris studium Neoptolemum, Achillis unquam stirpem, bellorum arcendi discriminibus eorundemque

accensa in Vlixem, odia, cuius dolo olim ipse Achilles ad bellum, in quo erat periturus, illectus esset. Sed Vlixes, qua erat calliditate, optinuit, tamen, quod petebat, orationis artibus subnixus.

Fragmentorum pars, fere tertia versatur in virtutibus vitisque Neoptolemi, qualis a poetis, latinis describi solet, referendis. Eius propria fuisse dicuntur:

vis, vertus (i. e. virtus) atque acritas.

Adeoque in laudem eius ab Vlixē dicta haec:

quid si ex Graecia
omni illius par nemo reperiri potest?

Contra exprobrant, quod:

haut quisquam potis est tolerare acritudinem;

item:

vim, ferociam animi, atrocitatem, iram, acrimontiam.

Pudore se teneri Graecorum, quod ab armis abesset, Neoptolemus sic declaravit:

dolet pudetque Graecum me et vero piget.

At Vlixem prius Lycomedem et Deidamiam aggressum crediderim, quippe quibus victis facile Neoptoleum, bella ineundi patrisque ulciscendi, cupidissimum, in partes sese trahere posse speraret. Deidamiae igitur orbitatem, recusanti post Achillem, ademptum, et ob id filium dimittere nolenti, alterius, coniugii spes videtur movisse. Quod illa abnuitt his verbis usa:

sed quem mihi iungent? cui, quae cum illo fuerim, dignabor dari?

Vbi non est, cur „dignabor“ cum Ribbeckto statuas active dictum, cum Non. pg. 281 s. l. dignatus contendat passive adhibitum. Quaerit Deidamia, quo coniuge possit esse digna (id est cui conveniens; cf. Ovid. Trist. II: 161 sq.), quae heroi omnium clarissimo fuerit nupta.

Verba sunt Vlixis (cf. Ribb. pg: 405) ad constantem recusantem:

sati iam dictum neque ego errantiae animi prave morigerabor.

De eodem Deidamia finito colloquio haec (Non. 469, 19; 258, 6):

ubi nil contra rationem atque aequom habuit, adsensit silens.
sati astu et fallendo callet?

At Neoptolemus, licet patris exemplo ad bellum ferretur animo, tamen et ipse in Vlixem videtur fuisse infestior suspiciosiorque, quod artes eius et dolos aversaretur. Itaque puto Vlixem ad movendum eum protulisse arma Achillis, quae virtutis causa a Graecis sibi diceret tributa, sed iam concessurum honoris causa Achillis filio. Nam satis recte existimo restituta a nobis, quae corrupta leguntur apud Nonium 341, 37, per diverblum ita:

„tunc, Vlixem?“ — „macte his armis, macte virtutei patris.“

Atque tali dono victum Neoptolemum consensisse ad protectionem concilio matremque et avum permovisse, ne consiliis suis adversarentur. Nihil igitur est, cur oblata demum Achillis patris imagine, quam ei apparuisse refert Ilias minor, adductum existimes ad morem gerendum Graecis.

XXXVII. Nyctegresia.

Νυκτεγροσία vel Δολώνεια a grammaticis inscriptus decimus liber Iliadis, quem olim alienum fuisse a relicuo carmine et postea insertum erat fama.

Romani cum antiquitus et Homericorum carminum et Troianarum rerum studio tenerentur maximo, assimilatum ori latino vocabulum nuctegresiam vel nuctegressiam extulere, quo ad egrediendi verbum posset referri. Isdem fortasse pro u reposita o, ut lagona dicta pro λάγωνα, ut Pseudolus pro Ψευδόλος. Huc pertinet quod memorat Paulus pg. 78 M. nyctegresiam quasi noctisurgium. Et Accii fabula a grammaticis, quibus usus est Nonius, Nyctegresia vel Nyctegressia (nam variant codices) inscripta.

Cuius argumentum idem fere fuit, quod Rhesi tragoediae, quae fertur inter Euripideas. Nyctegresian quis composuerit inter Graecos incertum.

Fragmentorum rationes ut plurimum satis faciles et expeditae.

Igitur accessitos duces adloquitur ita Agamemnon:

cuius vos tumulti causa accierim et quid parem animum advortite.

Nam in summo versari periculo res Graecorum:

iam scandet aura laterum texta Volcani vorax.

Cf. II. X, 42 sqq.—Percunctante Nestore vel Agamemnone, siquis se

ducum esset oblaturus ad consilia exploranda Troianorum, primus studio accensus Diomedes haec dixit secum:

iuben nunc attemptare, iuben nunc, anime, ruspari Phrygas?

Deinde patefacta voluntate Vlixem elegit socium:

an ego Vlixem obliscar (i. e. obliviscar) umquam aut quemquam
praeponi velim?

Cf. II. X, 243.

Pro his ab Agamemnone meritis mactatur laudibus:

id quod facis gratum et gravest.

Igitur profectis e castris Diomedi et Vlixi occurrit Dolon a Troianis speculandi causa missus. Incaute inconsulteque incedenti ut insidiae parentur ita monet Vlixes:

clam, sis, adito! cludito! fervit ferox.

Cf. Non. 503, 2; ubi mirifice corrupta ferebatur lectio ante odittonem nostram.—Captus ille cum sola vitae servandae cura teneretur, quaecumque sciscitarentur hostes, patefacturum se promisit ita:

cuncta expedibo: id modo ius iurandum date.

Progressis deinde ad castra hostium Diomede et Vlixē, cum hic in rem artam incidisset, ille videtur ad auxilium ferendum coortus cum his verbis:

aut ego illum eriplam aut illi poena sufferar.

Sententia haec: aut uterque servabimur auxilio meo aut ego poenam incepti nostri subito loco Vlixis. Nam illud „poena (ablativ.) sufferar“ idem quod „poena supponar“ (i. e. „substituar“) esse docet Nonius. Contra si his verbis usus est Diomedes, cum Vlixem sibi socium elegisset, videntur partem effecisse tetrametri trochaici catalectici.

Deinde caede Threcum facta multa ita Vlixes adlocutus est Diomedem:

tun quod superest socium mittis leto an lucti paentet?

Vbi socii significantur Troianorum, nisi potius scribendum „Threcum“. Sed aut Minerva utrique auctor fuit abstandi a re, ne Troiani certiores fierent de invasione nocturna, aut oriens lux absterruit. Nam non abhorret a probabilitate Väterum recte ad Nyctegresiam rettulisse anapaestica haec, quae citat Varro sub Accii nomine de l. lat. VII, 83 „iamque Auroram rutilare procul cerno“. Igitur reversi sunt in castra, ubi iam Graeci metuebant, ne temeritate nimia essent capti.

Cf. Il. X, 558 sq.—Excusantis eos fortasse Agamemnonis ad Therstien (cf. Ribb. pg. 367) fuere haec:

illos suapte induxit virtus; tu laudem illorum levas?

XXXVIII. Oenomaus.

De Oenomaō cum plurima protulerit Ribbeckius, quae ad graecos potius quam latinos huius fabulae auctores spectent (et Sophoclis et Euripidis Oenomaus fuit tragedia), nobis brevibus admodum licet esse, quippe qui eas solum exemplorum graecorum respiciamus partes, quae latinorum carminum reliquis adhibitis vel illustrari videantur posse vel suppleri.

Igitur argumentum fuit fabulae Accianae saepe repetitus a poetis dolus, quo potitus est Pelops Hippodamiae nuptiis. Cf. Hygin. fab. 84.

Nam Oenomaus rex Pisasum cum oraculo esset monitus a genere mortem instare, Hippodamiam filiam noluit in matrimonium dare nisi ei, qui curruum certamine, cuius nemo erat ipso peritior, se superasset, ita quidem ut victus plecteretur capite. Forma Hippodamiae affecti cum multi frustra proci discrimen subissent, tandem Pelops ex Phrygia advectus perfidia Myrtili, qui auriga erat regis, effecti ut vinceretur Oenomaus. Quam rem secutus est vitae finis eius. Verum haec fabula multum variata.

Quae restant fragmenta carminis Acciani, cum alia quo portineant sit obscurum, relicua ita fere disponenda.

Pulchritudo Hippodamiae, cuius correpti cupidine multi proceres se ad exitium obtulerant, describitur versu trochaico, cuius tamen corruptum initium:

horrida honestitudo Europae principum primo ex loco.

Et videtur in hunc modum supplendus:

plurimos adduxit Pisas, ubi pro contugio sibi
exitium invenere.

Tandem post iter longissimum, quod nec ipsum caruit commentis poetarum, etiam Pelops venit Pisas. Vbi regem quaerenti sic respondet Oenomaus:

praesto, em, iam adsum. expromito.

quid fers? nam te e longo itere cerno vadere.

Non enim per diverbium haec iam existimo efferenda, sicut in editione Nonij 485, 6 factum.

Tum aperuit consilium Pelops:

confugium Pisis petere, ad te itiner tendere.

Etusdem ad leniendas Oenomai suspiciones fuere haec (cf. Ribb. pg. 436):

ego ut essem affinis tibi, non ut te extinguerem,
tuam petii gnatam. numero te expugnat timor.

Vbi „numero“ „cito“ est vel „nimis cito“. Ignorabat scilicet Pelops oraculo metum infectum Oenomao.

In descriptione itineris longissimi et periculosissimi potuere locum habere quae secuntur:

saxum id facit angustitatem et sub eo saxo exuberans
scatebra fluviae radit rupem;

item alio loco (nam trimeter videtur esse iambicus):

quemcumque institeram gramma aut praecisum fugam.

Quae allegorice dicta concit sine probabilitate ulla Ribbeckius.

Verba Oenomai ad Pelopem cum Bothio Ribbeckius putat fuisse ea quae sunt:

atque hanc postremi solis usuram cape.

Non minore iure possis credere haec a Myrtilo de Oenomao dicta post paratam fraudem, qua periturus erat dominus.

Denique quae leguntur ap. Non. 357, 13 (cf. 206, 1) recte ad rem sacram, ante certamen instituendam, a Bothio relata existimo.

XXXIX. Pelopidae.

Pelopidae tragoedia fuit Lycophronis, ex qua tamen nihil servatum praeter unum locum communem. Eadem fere, quae Hygini fabula 88 continentur, ab Accio tractata suspicatur Ribbeckius pg. 458. Et verus qui sunt:

nam me ut credam ex tuo esse conceptum satu
tot argumenta redigunt animum et connovent

ad Thyesten ab Aegistho datos recte videtur statuere Ribbeckius. Cf. et Bothii commentum in h. l.—Idem bene illa:

cesso hinc ire et capere lucti vestem in leto coniugis?

ab Atreo (errore calami factum puto, quod Agamemnonem posuit) de Pelopia dicta concit.

Quodsi rectum vidit Ribbeckius, argumentum implicatum magno opere et intricatum, quod refert Hyginus, ab Euripidis aliquo sectatore tractatum veri est simile admodum.

XL. Philocteta.

Quod Varronis d. l. lat. VII, 11 legitur „apud Accium in Philocteta Lemnio“, cum numquam alibi sic vocetur haec fabula neque de altero Accii constet Philocteta, illud „Lemnio“ ortum existimo ex eo quod mox sequitur „Lemnia praesto litora“.

Philocteta in Lemno insula exilium agens, donec per legatos Graecorum ad Troiam deduceretur, materiam praebuit tribus tragoediae graecae principibus. Quorum carmina comparavit inter se Dio Chrysost. orat. LIII. Id. or. LIX Euripidem secutus paraphrasin praebuit sermonis inter Philoctetam et Vlixem, quem ignoraret ille, primum conserti. Porro extat Philocteta Sophoclis. Et aliis tragicis Graecorum materiam praebuere scribendi Philoctetae casus idem. Cf. Nauck. in Indice trag. graec. frgm. s. l. Φιλοκτήτης. Fuit etiam Φιλοκτήτης ἐν Τροίᾳ Sophoclis; eiusdemque argumenti carmen Achaei. Ceterum non tragici solum graeci, etiam comici usi sunt Philoctetae robis, cuius de egestate et miseria, qua adeo eum ad muliebria patienda adactum erat fama, ridicula commentum sunt.

Porro nec Aeschylum nec Sophoclem secutum videri Accium intellexere docti. At ne de Euripide quidem, quem primus huic fuisse exemplo suspicatus est Ios. Scalliger, satis certo constat. Nam quod Ribbeckius p. 377 statuit Hyginum, quem Euripide usum videmus fab. 102, etiam Accii tragoediam respexisse, nullo potest pacto probari.

Iam etsi quaedam in huius carmine bene possunt referri ad Euripideum, alia tamen discrepare manifestum est; dicendumque vel praeter Euripidem etiam Aeschylo et Sophocle (quorum tamen imitationis signa non comparent) contaminatione facta usum Accium vel potius eundem secutum, ut plerumque, poetam nobis ignotum scholae Euripideae, qui novandi studio ductus variaverit magistri sui carmen notissimum.

Igitur non mirum, quod cum Euripidis fabulae prologum pronuntiarit Vlixes, Accianae in principio laudes Vlixis relatas testatur Apuleius de deo Socratis cap. 24. Versus sunt hi:

inclute, parva prodite patria,
nomine celebri claroque potens,

pectore Achivis gentibu' ductor,
 gravi' Dardaniis gentibus ultor,
 Laertiadel

Vbi illud „pectore“ dictum pro „prudencia“ vel „sollertia“. Male quidam iunxere cum praecedente „claro“.

Iam eos verum vidisse existimo, qui anapaestica a pluribus auctoribus servata, quibus Lemnus insula celebratur, continuata eidem tribuere personae, totumque locum adhibitis priorum commentis ita fere concinnandum et refingendum:

inclute, parva prodite patria,
 nomine celebri claroque potens,
 pectore Achivis classibu' ductor,
 gravi' Dardaniis gentibus ultor,
 Laertiadel Lemnia praesto
 litora curva; et celsa Cabirum
 delubra tuas, mysteria quis
 pristina cistis contacta sacris
 nocturno aditu occulta coluntur
 silvestribu' saepibu' densa;
 Volcania tum templa sub ipsis
 collibus, in quos delatu' locos
 dicitur alto ab limine caeli
 [venisse, patri defectu' suo,
 deu', qui fornacibu' duritiem
 mollit ferri. cuius fabricam et]
 nemus expirante vapore vides;
 unde igni' cluet mortalibu' clam
 divisus; enim doctu' Prometheus
 elepsisse dolo poenasque Iovi
 furti expendisse supremo.

Totum autem hoc anapaesticum Minervae tribuit G. Hermannus, quae oblata Vlixi modo advecto patefecerit insulae, ad quam appulsus erat, naturam. Cui frustra adversatur Ribbeckius. Nec enim in laudibus, quae Vlixi, cuius illam studiosissimam fuisse omnis testatur antiquitas, tribuuntur, quidquam inest, quod aut mortalis non capiat aut dedecet deam. Eoque magis compellationi quantum posset fieri honorificentissimae hic erat locus. quod Vlixes sola Minervae opera, quae in somniis ei visa erat, adductus est ut Philocteten, hominem

sibi infestissimum, cum eum Agamemnonis iussu exposuisset Lemni, temptaret. Quod autem Minerva autumat „dicl“ delatum ad Lemnios Vulcanum, non est cur mirere famae, fortasse falsae, tribui id, quod Iovi patri vel adeo Iunoni matri parum esset decorum; neque illo „cluet“ aliud quidquam significatur nisi communi omnium opinione ferri istam ignis adhibiti inter homines originem. His igitur minime demonstratur, quod putat Ribbeckius, mirifica quaedam in dea rerum divinarum ignorantia.

Nulla autem pacto carmen illud a Lemniis potuit efferri, cum praesertim Vlixes ore habituque mutatus insulam intrasset. Omnium vero minime crediderim, quod Ribbeckius statuit, Vlixis laudes illas a comitibus eius cantatas, tum intercepta, quibus de loco eum perscrutarentur, sequentia ab ipso veluti mystagogo ad edocendos socios prolata. Quae opinio ut per se nihil habet praeabilitatis, ita refellit illis „tencs“ (nos cum Bergkio „tues“), „vides“, pro quibus pluralis ponti debuit. Ceterum cum apud Aeschylum et Euripidem Lemni incolarum, apud Sophoclem Graecorum cum Vlixē et Diomede advectorum fuerit chorus, in Accii fabula nullum omnino chori inventur vestigium.

In verbis cantici ut pauca tangam (iam enim ad finem propero), scripsi „litora curva“, ubi vulgo fertur „litora rara“, quod parum intellego, porro „contecta“ pro „concepta“, ubi Bergkio „conseptā“, quod et ipsum possit placere, quamquam statim subicitur illud „sae-pibus“ Ea quae sunt „nocturno—densa“, quamquam non tribuuntur Philoctetae aut Accio, recte tamen hoc loco reposita a doctis. Porro „templa“ antiquo modo dicta puto pro „ora“ vel „regione“. Versus unctis inclusi a me additi.

Diomedes ab Euripide comes additus ac socius Vlixī. At apud Accium non magis in Philocteta quam in Neoptolemo inventur illius memoria, sive casu id factum, sive ab Accio exclusus est, quod putaret parum loci esse Diomedi, ubi astutia potissimum ac dolo esset agendum.

Deinde a Lemniis edocentur Graeci de Philocteta. In quibus potuere locum habere illa, quibus se Samothracen praeterisse navigando testarentur hi:

mystica ad dextram vada
praetervecti.

Cf. Ribb. pg. 380, qui quidem pessime coniecit verbis istis conti-

neri versum sapphicum. In descriptione Philoctetae miseris offerati fuere haec:

quem neque tueri contra neque affari queas.

Quae metro carent; nam nullo pacto credibile est in „affari“ ab Accio correptam primam. Et afferuntur verba a Macrobio Saturn. VI, 1, 55, cuius quanta sit in scenicis antiquissimis citandis vel negligentia vel ignorantia notum. Scripsere alii „contra neque fari“, alii „neque contra affari queas“. Venit ab Accio nisi fallor „contra aut adfari queas“, priore „neque“ posito pro „ne—quidem“, ut in eiusdem poetae verbis „qui neque culatis esset umquam potuimus multa erogitantes sciscere“

Deinde oblatus Vlix, quem scilicet ignoraret, Philocteta. In verbo primum octonarii iambici (cf. Varro de l. l. VII, 11; Fest. pg. 356 l. tesca; Non. 469, 34), fortasse mixtis septenariis trochaicis (cf. Non. 179, 32), deinde senarii adhibiti. In commemorandis calamitatibus etiam hoc refert, quod Lemnos ut subiecta Thraciae (cf. Stat. Theb. V, 53), quam velut Sibiriam quandam propter gelum nimium saepe execrati sunt Graeci et Romani, frigoris minus patientes, omnino ad inhabitandum parum esset apta, ut:

sub axe posita ad stellas septem, unde horrifer
Aquilonis stridor gelidas molitur nives.

Cf. Ovid. Trist. V, 1, 61 sq.

Et memoria aerumnarum post tot annos tam fuit vivida, ut sub finem, puto, querelarum non dubitaret ultimam casuum suorum causam belli Troiani auctorem incusare:

Pari dyspari,
si impar tibi esses, ego nunc non essem miser.

In exodio miseriarum enarratarum videntur fuisse anapestica illa:

heu, quin salsis fluctibu' mandom
me ex sublimo vertice saxi?
iam iam absumor; conficit animam
vis vulneris, ulceris aestus.

Vbi codices Ciceronis Tuscul. II, 7, 19 (totus conferendus locus) habent fere „heu qui s. fl. mandet“, sequente m littera.

Deinde cum Vlixes de rerum graecarum statu edocuisset Philocteten, partim veris prolatis, partim vanis, audito Achillis arma cessis se Vlixi ita proclamavit Philocteta:

heu (f. heus), Mulciber!

cur tua arma ignavo invicta es fabricatus manu?

Haec, quae apud Macrobiū VI, 5, 2 leguntur versu manco, supplevi addito „cur tua“; ubi „tua“ pertinet ad „manu“, quod verbum vix potest carere epitheto. Pro trimetris autem iambicis etiam potest reponi octonarius.

At apud Euripidem hic fuit ordo, ut primum de se referret Vlixes, dissimulans scilicet quis esset, deinde illectus Philocteta miseras suas panderet. Cf. Ribbeck. 386 sq.

Iam Euripides, qua erat fecunditate venae ad repertienda ea, quae convenirent altercationi rhetorica sophisticaque arte exornandae, praeter Graecorum etiam Troianorum induxerat legatos ad Philocteten, qui amplissimis promissis adeoque regno oblato in partes perducerent eum, sine cuius sagittis Troia expugnari non posset. Atque hoc invento Acciū usum demonstrant verba:

„Phrygiam miti more esse, animo inmani Graeciam.

Supplendum ut puta „disce“ vel „nosce“. Fuere illa oratoris Troiani, qui honores et praemia, quibus populares cumulaturi essent Philocteten, compararet cum Graecorum crudelitate, qui inopem reliquisent Lemni.

Iam cum sit obscurum admodum, in Euripidis carminae quibus vix artibusque eum Vlixes cum Diomede adduxerint ad morem gerendum Graecis, nonnihil adfertur lucis, si recte statuerunt docti (et est res valde probabilis) ex huius Philocteta petitos versus illos:

ὄπερ γε μέντοι παντός Ἑλλήνων στρατοῦ
αἰσχρὸν σιωπᾶν, βαρβάρους δ' εἶν λέγειν.

Nam haec verba facientibus apud Philocteten Troianis ab eo qui adversaretur illis prolata apparet. Qui quidem non potuit esse Philocteta, ut statuit Ribbeckius. Nam quod Cicero (de or. III. 35, 141), ubi notum Aristotelis locum refert, scribit haec: „versumque quendam Philoctetae paulo secus dixit“ sive sic legeris, ut supra scriptum, sive ut aliis placet „de Philocteta“, non hominem significari apparet, sed carmen. Quod etiam confirmatur Quintilliani verbis (III, 1, 14), a quo respicitur Ciceronis locus. Nam eius sunt haec: „Aristoteles—noto quidem illo, ut traditur, versu ex Philocteta frequenter usus“. Igitur aut manca Ciceronis verba et hausta post „Philoctetae“ velut haec: „quo Vlixes (vel „Diomedes“) usus est,“ aut quod minus placet in sequenti-

bus „ille enim turpe sibi ait esse tacere, cum barbaros, hic autem, cum Isocratem pateretur dicere“ pro ille ponendum „Vlixes“.

Itaque verba illa, quod res ipsa suadet, aut Vlixis fuere aut Diomedis. Iam priorem versum consideranti satis videbitur probabile Vlixiem, qui antea figura mutata et ignotus Philoctetae varia molitus esset, ut in partes traheret Philoctetam vel sagittis eius certe poteretur, ideoque et Agamemnonem et se ipsum apud illum probris et calumniis insectatus, Troianis ad totius Graecorum exercitus convicia cohortis non temperasse, quin detecto arcano vera de se consiliisque suis profiteretur. Possis etiam Diomedem tribuere illa, quamquam in hoc minus potuit movere spectatores inopinata orationis libertas et simplicitas.

Finem fecit fabulae Euripideae pariter et Accianae ad Graecos deductus Philocteta, qui dum in navem aufertur verbis usus est hisce:

agite ac, vulnus nei (pro „ni“) succusset gressus, caute ingredi-
dimini.

.Vbi nominativus est gressus.

Qua in re numquam deo ex machina fuerint partes non satis constat. Cf. Ribb. pg. 394.

Denique conferendum initium eorum, quae de incertarum fabularum reliquiis sunt dicta.

XLI. Phinidae.

Fuere incerti auctoris graeci Φινειδαί; de qua tamen omnino non constat fabula. Cf. Ribb. pg. 541.

Iam cum duplex de Phineo Salmydessi in Thracia ad Pontum Euxinum rege vel, ut alii ferebant, Arcadiae (cf. Serv. in Aen. III, 209) fabula ferretur, altera qua eum post Cleopatram, priorem maritam, abdicatam et carcere inclusam, cum Idaeam duxisset, calumniis novercalibus inductum filios ex priore uxore vel excaecasse vel humi defossos usque ad medium corpus verberibus excruciasse, sed ab Argonautis regno delectum restitutus Cleopatra eiusque filius et Idaea obtruncata est traditum, altera qua eundem propter scelera supra dicta excaecatam et ab Harpyiis vexatum, sed ab Argonautis tandem liberatum (plura de his congesta a Ribbeckio pg. 536 sqq.), Acciano carmine priorem tractatam apparet e versu a Nonio 84, 28 servato, qui cum ante editionem nostram vitiosissimus ferretur, ex memoria codicis optimi nulla paene mutatione facta ita est restitutus:

quaeve hanc Graio tibi congenerat gentum aut generum
adfinitas?

Quae apparet ab uno ex Argonautis dicta, fortasse ab Hercule vel, quod proptus abest a fide, a Zete vel Calai, quorum mater erat Orithya, Erechthei, Atticae regis, filia, pater Boreas, ut Cleopatrae, cum merito esset miraculo, quod Phineus, homo Graecus, duxisset Idaeam ex Phrygum sive, ut alii narrant, Scytharum gente ortam. Nam illud „congenerat“ pro „adungit“, „adsociat“ dictum testatur Nonius.

Ex his autem apparet Phinea, vel quod Arcadiae regem fuisse referrent quidam vel quod Cadmi, qui Thebas condidit seu frater esset seu fratris filius (nam Agenoris vel filii huius Phoenicis filium perhibebant), dictum Graecum, vel potius, quod antiquissimi incolae Thraciae, multum diversi illi ab Insecutis, semper pro popularibus habiti sunt a Graecis, qui adeo cultus proprii initia ad Orphea rettulere Thracem.

Deturbata uxore priore videtur in Phinei regno (id quod saepe post scelera patrata factum fabulae narrant) infecunditas orta eaque causa facta Idaeae stimulandi maritum, ut in Cleopatram eiusque liberos saeviret, quod diceret beneficis illius calamitatem ortam, si modo recte restitutus est versus, qui legitur ap. Non 20, 26:

somentim (cdd. „sevenis“) sterilem esse illius opera et medicina autumans.

Parum certe elegans puto, quod Ribbeckius posuit „se venenis sterilem“; quod quidem perinde ad Idaeam referendum censuit.

Versum, qui est:

at (cdd. „ut“) saepe ex humili sede sublima evolat, minime, ut Ribbeckio placuit (pg. 542), de Harpyiis accipiendum existimo, sed dictum de mente Cleopatrae vel filiorum eius, qui magnitudine animi firmati et innocentia sua freti humanos casus, ut infra se positos, spernerent. Similia saepe de mente vel animo (sive anima) reperiuntur in Ciceronis libris de philosophia.

Verbis illis

salsis cruorem guttis lacrimarum lavit
omnino existimo significari luctum Phinei de interfecta Idaea dolentis; quamquam parum id probabile videtur Ribbeckio.

Quod ad relicua fragmenta, eis quae sunt:

obtorque primum ac suppa tortas copulas;
tacite tonsillas litore in lecto edite

Argonautarum adventum describi apparet. Cf. Ribb. pg. 541. Anapaestica, quae leguntur apud Non. 504, 32; 463, 13, ad terrores maris, quos vel experti erant idem vel experturi, rettulerim; et quidem alteram, quod nondum emendatum (cf. comm. in 463, 13 sqq.), ad Symplegadam saxa. Harpyllarum ac notae Phineï poenae apud Accium mentio nulla. Quarum fabula cum una cum superiore non potuerit in eodem carmine tractari, hunc existimo finem fuisse tragoediae, ut punita Idaeae et restitutis filiis eius gravior poena condonaretur Phineo, quia Symplegadam ad pericula vitanda duccem se daturum Graecis promitteret et consilia suppeditaret.

XLII. XLIII. Phoenissae. Thebais.

Pro „Phoenissis“ saepe scriptum „Phoenists“. Extant Phoenissae Euripidis, quas liberius, ut solebat fieri, secutum esse Accium probabile est.

Chorus apud Euripidem virginum fuit Phoenissarum, id est Tyriarum, quae Delphos missae casu devertissent Thebas. Etus etiam apud Accium quasdam fuisse partes declaratur ipso titulo.

Igitur cum Oedipus destinasset (non, ut Euripides dicit, ipsi), ut vicissim regnum Thebarum gererent Eteocles et Polynices filii (cf. Non. pg. 185 s. l. vicissitatem; ubi fortasse non trimeter iambicus, sed pars septenarii trochaei, statim ut continuanda sint quae leguntur apud eundem pg. 101 s. l. dividuae), Polynices, quod a fratre anno exacto fraudaretur imperio simulque se virtute putaret priorem, patriae bellum intulit. Nam eius haud dubie fuere illa, quae in colloquio cum Eteocle videntur fuisse posita (cf. Ribb. 479; Non. 416, 9; 481, 30):

num pariter videor patris vesci praemiis?
natus virtute sceptrum poteretur patris.

Vbi „vesci“ pro praeterito dictum apparet; „poteretur“ videtur esse optantis.

Ad mitigandos filiorum spiritus belli civilis fraternique horrores sic puto descripsisse Iocastam:

ibi fas, ibi cunctam antiquam castitudinem;

scil. videas perire.

De Haemone, maiore ex Creontis filiis, ex quibus alter ad victoriam optinendam vitam suam deberet offerre pro patria, intellegenda perspexit Ribbeckius illa:

ab dracontis genere armato exortus, genere antiquior

Cf. Non. 426, 35 l. antiquior, melior; ubi nescio an legendum sit: „antiquior, maior“.

Creontis post victoriam partam ad Antigonen vel Haemonem (qui quidem non inter personas Euripideas) videntur esse haec:

obi nunc nostra moenia, omnis saucios
convisito, ut curentur diligentius.

Cf. Ribb. pg. 481; comm. in Non. 898, 3.

Quae restant fragmenta, adhibita Euripidis fabula recte explicata a Ribbeckio.—Thebaida quod eandem atque Phoenissas existimavit Welckerus, non possum probare. Nam ut omittam a Nonio eodem capite, quo unica huius fabulae mentio continetur, identidem citari Phoenissas, certa duplicis tragoediarum Accii tituli non extant exempla nisi duo „Stasiastae vel tropaeum Liberi“, „Aeneadae vel Decius“. In quibus alterius inscriptionis vel ab Accio vel a grammaticis adiectae hanc apparet fuisse causam, quod prior esset talis, ex qua argumentum nullo pacto posset nosci. Igitur propria ac singularis earum ratio.

Versus servati sunt hi (Non. 144, 14):

qui ubi ad Dircaeum fontem adventunt, mundule
nitidantur vulgum quadripodantum sonipedum.

Quae de eis, qui arma illaturi essent Thebanis, dicta apparet. Sed utrum prior τῶν ἐπτά ἐκὶ Θήβας an Epigonorum significetur expeditio non comparet.—Ceterum conferenda, quae de Epigonis a nobis dicta cap. XXIV. XXV.

XLIV. Stasiastae vel tropaeum Liberi.

Tradunt grammatici, illud στασιαστῆς recentioris esse usus, cum ab Atticis dicatur στασιώτης. Cf. Ribb. pg. 576. Sed utrum Alexandri temporis aliquem auctorem secutus sit Accius, quae Ribbeckii est opinio, an mutaverit inscriptionem ex more aetatis suae discerni nequit. — Ad insidias a Lycurgo Thraciae rege Baccho structas refert Ribbeckius (fuit etiam Naevii Lycurgus). Sed illae quomodo potuerint tractari fabula, cui Stasiastarum fuerit nomen, non intellegitur. — Igitur propius a fide existimo partem Indicae Bacchi expeditionis, quae post Alexandri Magni tempus potissimum celebrata est fabulis poetarum, tumultuantiumque fide laesa vel Indorum vel ipsius comitum res descriptas hac tragoedia; qua quidem res bellicas tractatas demonstrant quae prostant fragmenta quattuor numero.

XLV. Telephus.

Fuit Euripidis notissima de Telepho tragoedia; quam secutus est Ennius. — At alium auctorem observatum ab Accio probatur ea re, quod apud hunc Telephus inducitur pauper et mendicus non per distimulationem, ut insidias vitaret Graecorum, quorum castra adire destinaret oraculo coactus, sed expulsus a suis et ex rege factus exul. Cf. Ribb. pg. 344 sq.—Ceterum et Aeschylus et alii de Telepho composuere tragoediam.

Sed dolendum, quod eis, quae servata sunt ex carmine Acciano, parum iuvamur ad pernoscendum fabulae decursum neque comparet, quibus rebus ei cum tragoedia Euripidea vel Enniana convenerit, quibus non, excepto quod etiam in eo miserandum Telephi habitum cultumque, animo tamen non fracto; cum cura descriptum versibus probatur nonnullis.

In prologo haud dubie fuere illa:

quantam Tyndareo gnata ec Menelai domu
nolem excitarit belli pastorque Ilius.

Vbi male vulgo „et Menelai domus.“—Illud „domu“ pro „domo.“—Praecessit ut puta „notumst nimis“.

Graecos ex Mysia rursus revector in patriam Argisque desidentes, donec iterum expeditio instituatur Troiana, notant anapaestica haec, quibus querelae contineri videntur Achillis:

iam iam stupido Thessala somno
pectora languentque sonentque.

Comparari potest, quod Catullus posuit de phaselo:

nunc recondita

senet quiete.

Ad eundem continendum dicta illa, quae Vlix tribuit Ribbeckius pg. 346:

studiumque iteris reprime.

Telephi regno detecti fuere verba, quae imitatus est Vergilius Aen. II, 79 sq.:

nam si a me regnum Fortuna atque opes
eripere quifit, at eadem virtutem nequit.

Sic enim inferiora videntur scribenda. Codd. haec fere: „eripere quifit, at virtutem nequit“.

Diutius iam delituisse Telephum mendici habitu inter Graecos demonstrant illa:

qui neque cuiatis esset umquam potuimus
multa erogitantes sciscere.

¹ Quibus proxima fuere ea quae sunt:
profecto hauquaquam mediocrist ortus satu.

Suspiciatus quidam ex Graecis hanc ipsam fuisse causam, cur mendici specie lateret ille:

nam is demum miser est, cuius nobilitas miserias,
nobilitat.

Tum originem suam et rerum statum patefecit Telephus. Qui vulnere ab Achille illato se impeditum, quominus Graecos victos ad interneclionem caederet, significare videtur versu hoc:

fluctus cruoris volverentur tum (om. cdd.) mihi.

Quid autem secuti sint consilii, de quibus loco ter a Nonio citato dicta haec:

remisque nixi properiter navem in fugam
transdunt subter saxa ad laevam, qua mons molliat mare.

equidem me ignorare fateor. Certe vanus est Ribbeckius, qui de fuga unius ex Graecis a Telepho in naves compulsis accipienda putat pg 347 sq.; quem quidem latuit a Nonio 807, 31 asseri, illud „fugam“ pro navigatione poni. In quo etiamsi eum potuit fallere sententia, tamen auctor, quo usus est, non facile hunc errorem fuit commissurus, si antecessisset apud Accium hostium fugatorum mentio. — Potius quendam ex Graecis circa Argos stationem agentibus significari existimo. Sed quanam fuerit huic causa deducendi navem obscurum.

Reliqua fragmenta maximam partem satis aperta et probabiliter explicata a Ribbeckio.

Finem fabulae fecit haud dubie liberatus vulnere et a Graecis, quorum comitaturus esset expeditionem, in regnum restituendus Telephus.

XLVI. Tereus.

1097.

Fuit Sophoclis Tereus; quem quin secutum existimes Accium nulla est causa. Etiam Philoclis apud Graecos, Livii apud Romanos fuit Tereus.

Fabulae talem fere fuisse decursum, qualem videmus in Ovidii

narratione luculentissima (Metam. VI, 421 sqq.), a qua differt pluribus Hyginus fab. 46, probabiliter statuit Welckerus.

Tamen dubites iure, an nulla apud Sophoclem truncatae a Tereo linguae sororis Procnes extiterit mentio. Nec enim persuadere mihi possum Philomelae in carminibus Sophoclis et Accii non fuisse partes nisi κωφῶ πρόσωπον. — Et potuit facile acquiescere his poeta, ut diceret illam post vim illatam a Tereo, ne patefieret facinus, in Thracia latebris clausam et saepe denuo stupratam. Cf. Ov. 519—562.

Itaque nihil obstat, quin illa:

atque id ego semper sic mecum agito et conparo,
quo pacto magnam molem minuum miseriae (om. cdd.)

a Philomela initio fabulae prolata existimes, quo consilia a se iniri demonstraret certiozem faciendi de rebus suis sororem.

Ad scelus Terei spectant, quae leguntur ap. Non. pg. 279 s. l. „deponere est desperare“. Quibus Procnen edoceri per nuntium de Philomela satis apparet.

Bacchi sacris usam Procnen ad revisendam sororem, quod Ovidius adserit, demonstrat versus ad illam dubitantem, quo modo perliceret coepta, datus:

deum Cadmigena natum Semela adfare et famulanter pete.

Quibus iubetur Bacchum rogare auxilium; cf. Non. 463, 24.

Ibi etiam in laudem dei matrisque eius posita videntur haec:

feminam nobilitas late ex stirpe praeclara evagat;

i. e. „feminae sortem multum excedit“; cf. comm. in Non. 467, 36.

Ad receptam post tantos casus Philomelam pertinere puto haec:

o suavem linguae sonitum! dulcitas

conspirat animae;

ubi „conspirat“ idem quod „congruit“.

Iam antequam ultionem perpetraret, diverbium instituisse „cum coniuge Procnen, sicut apud Pacuvium fecit Iliona post filium Polymestoris scelere obtruncatum, declarant illa:

video ego te, mulier, more multarum utier,

ut vim contendas tuam ad maiestatem viri;

nisi haec ab amico Terei dicta existimaris ad deterrendam eam; cf. Ribb. pg. 580 sq.

Immanitatem Thracum perstringi a Procne eaque proprium facinus excusari apparet hoc versu (cf. Ribb. pg. 582):

alia hic sanctitudos, aliud nomen ac numen Iovis.

Itym ab Accio ut a Livio (cf. Non. 153, 27) describi, etiamtum infantem, aliter atque fecit Ovidius, demonstrat id quod est:

sed nisi clamaris regem, auferre puerum ab regina occupo.

Nam sunt verba frustra temptantis servare vitam eius. Atque huius, quisquis fuit, satis constat adventum subitum indicari octonario aequo iambico tali:

novos advena animo audaci in medium proripit sese ferox.

Cf. comm. in Non. 425, 25.

Finem fabulae fecere mutati in aves Tereus cum Procne et Philomela. Sed ex hac parte nihil servatum.

XLVII. Incertarum fabularum reliquiae.

Restant pauca, quae de incertae sedis fragmentis sint dicenda.

I.

Ex quibus quaedam ad Heraclidas Accii vel similis argumenti traegodiam a Ribbeckio relata rationibus non satis certis. Nam quae ap. Cic. de nat. deor. III. 16, 41 feruntur „in monte Oetaeo illatae lampades“ et „in domum aeternam (melius erit „aetheriam“) patris“, cum haud dubio sint Acciana, potuere locum habere in Philocteta, qui Herculis exequiis adfuerat. — Qui apud Prisc. pg. 752 est versus initio mancus „quorum genitor fertur esse ops gentibus,“ quamquam ad Herculis filios spectat, tamen non est tanti, ut rem conficiat. Gravius illud, quod testatur Festus pg. 258 Accium Athenas vocasse „quadrurbem“, sicuti Euripides Heracl. 80 dixit de isdem τετράπολιν ζώνικον — λαόν. Ex quo certe apparet Accium et ipsum studiosissimum fuisse Euripidis, de qua re etiam aliunde constat, et inelegantia componendi verba interdum non cessasse Pacuvio.

II.

Serv. Daniel. in Aen. I, 42: nam de Iunonis fulmine Accius ait „praefervido fulgore ardor iniectus Iunonis dextra ingenti incidit“.

In his ultima bene restituta a Buechelero sic:

ardor iniectus Iunonis dextera ingenti incidit.

In prioribus Servium, ut saepius factum, memoria labi existimo; nec enim adduci possum ut credam Accii esse adiectivum „praefervi-

ИЗДАНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ, ВЫШЕДШІЯ ВЪ СВѢТЪ ВЪ НОВѢЙШЕЕ ВРЕМЯ.

Записки Императорской Академіи Наукъ. Томъ пятьдесятъ
шестой, книжка 1. 1887.

(Содержаніе: О преміяхъ почетнаго члена Императорской Академіи Наукъ, генерала-отъ-инфантеріи Федора Федоровича Шуберта.—Правила присужденіи преміи П. И. Костомарова за лучший малорусскій словарь.—Собраніе портретовъ въ Императорской Академіи Наукъ.—О новыхъ открытіяхъ въ области низшихъ кэмбрійскихъ образованій въ Эстляндіи. Докладъ Академика О. Б. Шмидта Физико-Математическому Отдѣленію Императорской Академіи Наукъ, читанный въ засѣданіи 13-го октября 1887 года.—*Приложеніе*: № 1. Критическій обзоръ млекопитающихъ и птицъ Кольскаго полуострова. О. Д. Плеске, ученаго хранителя Зоологическаго Музея Императорской Академіи Наукъ).

Цѣна книжки: 2 руб. 20 коп.

Цѣна приложенія отдѣльно: 2 " 10 "

— Томъ пятьдесятъ шестой, книжка 2-ая. 1888.

(Содержаніе: О предстоящихъ въ нынѣшнемъ году соисканіяхъ наградъ за ученныя сочиненія, присуждаемыхъ Академією Наукъ по Физико-Математическому и Историко-Филологическому Отдѣленіямъ.—Отъ Второго Отдѣленія Академіи Наукъ (объ изданіи полнаго собранія сочиненій Ломоносова и о предстоящихъ въ 1888 году

конкурсахъ). — Извлеченіе пѣтъ протоколовъ засѣданій Академіи за апрѣль и май 1887 года. — *Приложенія*: № 2. Отчетъ по Главной Физической Обсерваторіи за 1885 и 1886 годы, представленный Физико-Математическому Отдѣленію Академіи Наукъ 25 августа 1887 г. Директоромъ Г. Вильдомъ. — № 3. Торжественное собраніе Отдѣленія русскаго языка и словесности 22-го ноября 1887 года, посвященное чествованію К. Н. Батюшкова. — № 4. О фигурѣ земли. І. И. Стебницкаго. — № 5. Объ этнографической поѣздкѣ по Литвѣ и Жмуди лѣтомъ 1887 года. Привать-доцента Э. А. Вольтера).

Цѣна книжки: 2 руб. 10 коп.
 Цѣна приложеній отдѣльно: № 2... — » 80 »
 № 3... — » 20 »
 № 4... — » 10 »
 № 5... — » 80 »

Записки.... Томъ пятьдесятъ седьмой. 1888.

(*Содержаніе*: Отчетъ Императорской Академіи Наукъ по Физико-Математическому и Историко-Филологическому Отдѣленіямъ за 1887 годъ, читанный Испрежѣннымъ Секретаремъ, Академикомъ К. С. Веселовскимъ, въ торжественномъ засѣданіи Академіи 29-го декабря 1887 года. — Отчетъ Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1887 г., составленный предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи, Ординарнымъ Академикомъ Я. К. Гротомъ, и читанный имъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1887 года. — Личный составъ Императорской Академіи Наукъ. — Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Академіи за августъ, сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь 1887 года. — *Приложенія*: № 1. Орнитологическая фауна Оренбургскаго края. Н. А. Заруднаго, подъ редакціею Э. Д. Плеске. — № 2. Графъ Федоръ Петровичъ Литке. В. П. Безобразова, Дѣйствительнаго члена Императорской Академіи Наукъ. Съ 3 портретами).

Цѣна тома: 4 руб. 40 коп.
 Цѣна приложеній отдѣльно: № 1... 1 » 30 »
 № 2... 2 » 40 »

— Томъ пятьдесятъ восьмой. 1888.

(*Содержаніе*: Дополненіе теоріи и одно приложеніе общаго способа нахождения рациональныхъ дробныхъ рѣшеній линейныхъ дифференціальныхъ уравненій съ рациональными коэффициентами. В. Г. Имшенецкаго. — О моментахъ, маскирующихъ явленія утомленія мышцы. С. Чернова. — Объ пзмѣненіяхъ эффектовъ тетанизаціи мышцы отъ прохожденія волны возбужденія. Н. Введенскаго. По опытамъ Э. Тура

и Л. Корганова. — Обь отрицательномъ и положительномъ колебаніяхъ нервнаго тока при раздраженіи. Студента Б. Козачка. — О нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ мускарина и атропина на обыкновенный нервномышечный препаратъ. Предварительное сообщеніе Я. Гинзбурга. — Задача о природѣ рыбнаго яда и о средствахъ противъ него. — Извлечение изъ протоколовъ засѣданій Академіи за январь, февраль, мартъ и апрѣль 1888 года. — *Приложенія*: № 1. Исторія Россійской Академіи. М. И. Сухомлинова. Выпускъ восьмой и послѣдній. Указатель ко всѣмъ восьми выпускамъ Исторіи Россійской Академіи. — № 2. Отчетъ о второмъ присужденіи преміи Макарія, митрополита московскаго. — № 3. О перемѣнѣ координатъ въ днѣ-черепнальныхъ уравненіяхъ динамики. Д. К. Вобилева).

Цѣна тома 5 руб. 10 коп.

Цѣна приложеній отдѣльно: № 1... 3 » 50 »

№ 2... — » 70 »

№ 3... — » 20 »

Записки..... Томъ пятьдесятъ девятый, книжка 1-ая. 1889.

(*Содержаніе*: Краткія данныя по ихтиофаунѣ Азіатской Россіи. П. Варнахоискаго. (Съ 1 таблицей). — Записка объ ученыхъ трудахъ Леониды Николаевича Майкова, составленная А. И. Веселовскимъ. — Правила о преміяхъ профессора Котлярскаго. — О преміи имени генералъ-адъютанта С. А. Грейга. — Извлечение изъ протоколовъ засѣданій Академіи за май 1888 г. — *Приложеніе*: № 1. Отчетъ о двадцать-девяти присужденіи наградъ графа Уварова).

Цѣна книжки: 3 руб. — коп.

Цѣна приложенія № 1 отдѣльно: 2 » 50 »

— Томъ пятьдесятъ девятый, книжка 2-ая. 1889.

(*Содержаніе*: Извлечение изъ протоколовъ засѣданій Академіи за августъ и сентябрь 1888 г. — Забѣтки по буддизму. Академика В. П. Васильева. — Донесеніе Академикомъ Л. П. Шренка и К. И. Максимовича о представленномъ ими Академіи сочиненіи г. Дитмара о Камчаткѣ. — *Приложенія*: № 2. Геологическое изслѣдованіе Сибирскаго почитаемаго тракта, отъ озера Байкала до восточнаго склона хребта Уральскаго, а также путей, ведущихъ къ Падунскому порогу на р. Ангарѣ и въ городъ Минусинскъ. И. Д. Черскаго. (Съ геологическою картою и профилемъ). — № 3. Четвертое присужденіе Пушкинскихъ премій. — № 4. Грозы въ Россіи за 1885 годъ. Обработка А. Шенрокъ. (Съ таблицей). — № 5. Къ вопросу о предсказаніи наименьшей температуры. Б. Керсновскаго. — № 6. Дополненія къ изслѣдованіямъ лимфатическихъ сердецъ и сосудовъ у нѣкоторыхъ представителей амфибій. Вл. Великаго. (Съ двумя рисунка-

ми). — № 7. Разнiтiе двигателныхъ нервныхъ окончанiй въ поперечно-полосатыхъ мышцахъ амфибiй. Павла Митрофанова. (Съ одной таблицей).

	Цѣна книжки: 4 руб. — коп.
Цѣна приложенiй отдѣльно: № 2.. 1 »	60 »
	№ 3...— » 60 »
	№ 4...— » 45 »
	№ 5...— » 20 »
	№ 6...— » 35 »
	№ 7...— » 40 »

Записки... Томъ шестидесятый. 1889.

(Содержанiе: Отчетъ Императорской Академiи Наукъ по Физико-Математическому и Историко-Филологическому Отдѣленiямъ за 1888 годъ, составленный и читанный Непремѣннымъ Секретаремъ Академiи, Ординарнымъ Академикомъ К. С. Веселовскимъ въ публичномъ засѣданiи Академiи 29-го декабря 1888 года — Отчетъ о дѣятельности Отдѣленiя русскаго языка и словесности въ 1888 году, составленный Ординарнымъ Академикомъ М. И. Сухомятиновымъ и читанный имъ въ торжественномъ собранiи Императорской Академiи Наукъ 29-го декабря 1888 года. — Третье присужденiе премiи имени графа Д. А. Толстаго. Отчетъ, читанный въ торжественномъ собранiи Императорской Академiи Наукъ 29-го декабря 1888 года предѣлательствующимъ въ Отдѣленiи русскаго языка и словесности Я. К. Гротомъ. — Отчетъ о присужденiи въ 1888 году Бэрнскихъ наградъ, читанный въ публичномъ засѣданiи Императорской Академiи Наукъ 29-го декабря 1888 года Ординарнымъ Академикомъ Л. И. Шренкомъ. — Обзоръ работъ представленныхъ профессоромъ В. В. Подвысоцкимъ (младшимъ) для соисканiя премiи К. М. Бэра. Составленъ по порученiю Императорской Академiи Наукъ профессоромъ В. В. Пашутиннымъ. — Торжественное публичное засѣданiе Императорской Академiи Наукъ 12 февраля 1889 года. — Каталогъ картъ, плановъ и съмокъ, выставленныхъ въ конференцъ-залѣ Императорской Академiи Наукъ 12 февраля 1889 года. — Личный составъ Императорской Академiи Наукъ 1 марта 1889 года. — Извлеченiе изъ протоколовъ засѣданiй Академiи за октябрь, ноябрь и декабрь 1888 года. — Приложенiя къ протоколамъ Отдѣленiя русскаго языка и словесности: I. Записка объ ученыхъ трудахъ Леониды Николаевича Майкова, составленная А. Н. Веселовскимъ. — II. Образцы бѣлорусскаго нарѣчiя разныхъ мѣстностей, доставленные Н. П. Авенариусомъ. — *Приложенiя*: № 1. О простѣйшей суставчатой системѣ, доставляющей движенiя симметрическiя около осп. П. Чебышева.

(Съ одной таблицей). — № 2. Матеріалы къ вопросу о послѣдовательности и порядкѣ закрытія черепныхъ швовъ у инородцевъ Россіи. Д-ра мед. А. М. Фортунатова. (Съ 10-ю графическими таблицами). — № 3. О зимнихъ изотермахъ и о минимумѣ повышеіи температуры съ высотой въ Восточной Сибири. Г. Вильда. — № 4. Результаты метеорологическихъ наблюденій, произведенныхъ въ Россіи во время солнечнаго затмѣнія 19-го августа 1887 года. Обработалъ А. Шенрокъ. (Съ одною таблицею). — № 5. Островъ Сахалинъ и его фауна позвоночныхъ животныхъ. А. М. Никольскаго. — № 6. Наставленіе къ производству магнитныхъ наблюдений во время путешествія. Составилъ Г. Вильдъ. — № 7. Къ познанію фауны моллюсковъ Россіи. Л. Круликовскаго).

	Цѣна тома	6 руб. — коп.
Цѣна приложеній отдѣльно:	№ 1...	» 45 »
	№ 2...	» 90 »
	№ 3...	» 80 »
	№ 4...	» 25 »
	№ 5.	» 30 »
	№ 6...	» 30 »
	№ 7	» 30 »

Записки.... Томъ шестьдесятъ первый, книжка 1-ая. 1889.

(Содержаніе: Разборъ надписей надгробныхъ камней, найденныхъ въ 1886 году внутри текія Шахъ Али Хана въ Касимовѣ. В. В. Радлова. (Съ 2 таблицами). — О новой ископаемой морской губкѣ *Solidinodus Poëtae*. Чен. Загалки. (Съ таблицею рисунковъ). — Периодика сокращенія мышцы при раздраженіи прижогъ. П. Введенскаго. — О дѣйствіи свѣта и тенлоты на рефлексы спиннаго мозга. Евгенія Головина. — Двойное дѣйствіе высыхающаго нерва на мышцу. К. К. Сентъ-Илера. — Объяснительная записка о новомъ изданіи академическаго словаря. — Правила о наградахъ тайнаго совѣтника Вэра. — Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Академіи за январь, февраль, мартъ, апрѣль, май и июль 1889 года. — *Приложенія*: № 1. О приближенныхъ выраженіяхъ квадратнаго корня переменной черезъ простыя дроби. П. Чебышева. — № 2. Дальнѣйшія наблюденія надъ окончаніями нервовъ на основаніи способа ихъ прижизненной окраски. М. Лавдовскаго. (Съ одной таблицей). — № 3. Зоологическій Музей Императорской Академіи Наукъ. Пятидесятилѣтіе его существованія. Обзоръ основанія, постепеннаго расширенія и современнаго состоянія Музея. Составилъ директоръ Музея Академикъ А. Штраухъ. (Съ 2 табл. политип.). — № 4. Объ измѣненіяхъ дыхательнаго ритма при раз-

драженіи блуждающаго нерва электрическими токами различной частоты. II. Введенскаго.

	Цѣна книжки	8 руб. 60 коп.
Цѣны приложений отдѣльно:	№ 1...	» 20 »
	№ 2...	» 40 »
	№ 3... 2	» 50 »
	№ 4...	» 15 »

Метеорологическій Сборникъ, издаваемый Императорскою Академіею Наукъ подъ редакціею д-ра Г. И. Вильда. Томъ XI. Съ 6 таблицами, 9 картами и однимъ рисункомъ въ текстѣ. 1888.

(Содержаніе: № 1. Б. Срезневскій. Среднее распредѣленіе атмосфернаго давленія въ Европейской Россіи съ 1881 до 1885 г. Съ тремя картами. — № 2. М. Рыкачевъ. Распредѣленіе вѣтровъ и атмосфернаго давленія на Каспійскомъ морѣ. Съ 6 картами. — № 3. А. Шенрокъ. Грозы въ Россіи за 1885 г. Съ таблицю. — № 4. Г. Абельсъ. Прсобразованіе и труды магнитно-метеорологической Обсерваторіи въ г. Еваторибургѣ въ теченіе 1885 и 1886 гг. — № 5. В. Фридрихсъ. Изслѣдованія относительно дѣйствія термографа Ришара. Съ 2 таблицами кривыхъ. — № 6. Б. Кереновскій. Къ вопросу о предсказаніяхъ наименьшихъ температуръ. — № 7. В. Дубянкскій. Сравнительная повѣрка двухъ анемометровъ въ Гамбургѣ (Deutsche Seewarte) и въ С.-Петербургѣ (Главная Физическая Обсерваторія). — № 8. А. Шенрокъ. О способѣ вычисленія и надежности среднихъ атмосфернаго давленія, выведенныхъ изъ наблюденій по анероидамъ. — № 9. П. Броуповъ. Сравненіе нормальныхъ барометровъ нѣкоторыхъ самыхъ важныхъ метеорологическихъ институтовъ въ Европѣ. Съ таблицю. — № 10. В. Фридрихсъ. Изслѣдованія относительно дѣйствія барографа Ришара. Съ таблицю. — № 11. Р. Розенталь. О вѣтрахъ въ С.-Петербургѣ. — № 12. Шенрокъ. Къ вопросу объ изслѣдованіи грозъ въ Россіи. Съ таблицю. — № 13. Э. Бергъ. О значеніи абсолютной влажности при образованіи и наступательномъ движеніи грозъ. Съ таблицю. — № 14. Г. Вильдъ. О зимнихъ изотермахъ и о минимумѣ увеличенія температуры съ высотой въ западной Сибири. — *Мелкія сообщенія*: I. М. Марксъ. Климатъ Енисейска по 12-лѣтнимъ наблюденіямъ, съ 1871 по 1883 г. — II. А. Шенрокъ. Къ вопросу о повѣркѣ карты анероидовъ подъ воздушнымъ насосомъ. — III. А. Шенрокъ. Къ вопросу объ опредѣленіи изморози и гололедицы. — IV. Г. Абельсъ. О высотѣ барометровъ надъ уровнемъ моря на нѣкоторыхъ станціяхъ Западной Сибири. — V. Р. Бергманъ. Путевой журналъ Фердинанда фонъ Врангеля съ зимы 1823 по 1824 г.).

6 руб. 20 коп.

Метеорологическій Сборникъ... Томъ XII. Съ 8 таблицами и 18 картами. 1889.

(Содержаніе: № 1. Э. Штеллингъ. О скорости теченія, колебанійхъ уровня и количествѣ воды въ р. Ангарѣ у Иркутска.— № 2. А. Шенрокъ. Результаты метеорологическихъ наблюденій, произведенныхъ въ Россіи во время солнечнаго затменія 19 августа 1887 г. (Съ одною таблицею).— № 3. I. Керсновскій. О суточномъ и годовомъ ходѣ силы вѣтра и географическомъ ея распредѣленіи въ Россійской имперіи. (Съ 3 картами).— № 4. А. Вознесенскій. О землетрясеніи въ г. Вѣрнонъ и его окрестностяхъ въ 1887 г. и о соотношеніи его къ метеорологическимъ явленіямъ. (Съ одною таблицею).— № 5. П. Мильбергъ. Магнитныя наблюденія на Арменскомъ плоскогоріи въ 1887 г.— № 6. М. Рыкачевъ. Результаты наблюденій по анемографу въ Кропштадтѣ за 1883—1885 годы и сравненіе ихъ съ результатами наблюденій по анемографу въ С.-Петербургѣ. (Съ двумя таблицами).— № 7. Б. Срезневскій. О буряхъ въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ. (Съ тремя картами).— № 8. П. А. Мюллеръ. Объ измѣненіяхъ земнаго магнетизма въ С.-Петербургѣ и Павловскѣ за 1873—1885 годы. (Съ тремя таблицами).— № 9. А. Каминскій. О сравнимости наблюденій надъ атмосферными осадками въ европейской Россіи.— № 10. В. Керсновскій. Пути циклоновъ въ Россіи за 1884—1886 годы. (Съ 12 картами).— № 11. Г. Вильдъ. О новомъ способѣ Асмана для опредѣленія истинной температуры воздуха.— № 12. П. А. Мюллеръ. Наблюденія надъ наклоненіемъ въ Екатеринбургской Обсерваторіи съ 1837 по 1885 годъ.— № 13. Э. Бергъ. Изслѣдованіе грозы, развившейся зимою. (Съ таблицею).— № 14. Г. Вильдъ. Отчетъ по Главной Физической Обсерваторіи за 1887 и 1888 годы.— *Мелкія сообщенія*: I. В. Срезневскій. О граничномъ опредѣленіи годоваго хода температуры по мѣсячнымъ среднимъ.— II. Г. Абельсъ. Наблюденія надъ наклоненіемъ въ Сургутѣ, Обдорскѣ и Кондинскомъ).

12 руб. 85 коп.

Бергъ, Э. О значеніи абсолютной влажности при образованіи и движеніи грозъ. Съ одною таблицею. 1889. 40 коп.

Бобылевъ, Д. О началѣ Гамильтона или Остроградскаго и о началѣ наименьшаго дѣйствія Лагранжа. 1889. 70 коп.

Вильдъ, Г. Объ осадкахъ въ Россійской Имперіи. 1888. Съ атласомъ. 6 руб.

Дубровинъ, И. Присоединеніе Крыма къ Россіи. Рескрипты письма, реляціи и донесенія. Томъ первый. (1775—1777 гг.) 1885. 3 руб. 50 коп.

- Дубровинъ, П. Томъ второй. (1778 г.) 1885. 3 руб. 60 коп.
- Томъ третій. (1779 — 1780 гг.) 1887. 3 руб.
- Томъ четвертый. (1781 — 1782) гг. 1889. 6 руб. 50 коп.
- Доклады и приговоры, состоявшіеся въ правительствующемъ сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго. Томъ III, годъ 1713-й, книга 2 (іюль — декабрь). 1887. 2 руб.
- Томъ IV, годъ 1714-й, книга 1 (январь — іюль). 1888. 4 р.
- Жуковскій, В. А. Матеріалы для изученія персидскихъ нарѣчій. Часть первая. Діалекты полосы города Кашана: воипунтъ, кохрудъ, кешэ, зэфрэ. 1888. 2 руб.
- Катаповъ, П. О. Алфавитный указатель собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ первомъ томѣ Образцовъ народной литературы тюркскихъ племенъ, собранныхъ В. В. Радловымъ. 1888. 20 коп.
- Алфавитный указатель собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ второмъ томѣ Образцовъ народной литературы тюркскихъ племенъ, собранныхъ В. В. Радловымъ. 1888. 60 коп.
- Отчетъ отрядомъ присужденія наградъ графа Уварова. 1889. 1 руб.
- (Пржевальскій). Научные результаты путешествій Н. М. Пржевальскаго по Центральной Азіи.—Отдѣлъ зоологической. Томъ I. Млекопитающія. Обработалъ Евг. Билнеръ. Выпускъ 1. 1888. 5 руб.
- ——— Выпускъ 2. 1888. 5 руб.
- ——— Выпускъ 3. 1889. 5 руб.
- Томъ III, часть 2. Рыбы. Обработалъ С. Герценштейнъ. Выпускъ 1. 1888. 4 руб. 50 коп.
- ——— Выпускъ 2. 1889. 3 руб.
- Радловъ, В. В. Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій. Выпускъ первый.—Versuch eines Wörterbuchs der Türk-Dialecte. Erste Lieferung. 1888. 1 руб. 20 коп.
- Выпускъ второй. 1889. 1 руб.
- Ровпскій, Д. А. Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. Томъ I. А — О. Томъ II. П — Ф. Приложенія, заключеніе и алфавитные указатели. 1889. Цѣна за оба тома 10 руб.

Шварокъ, А. Къ вопросу объ изслѣдованіи грозъ въ Россіи. Съ одною картою. 1889.

40 коп.

Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St. Pétersbourg, VIIe Série, tome XXXVI.

— № 1. **H. Wild.** Neuer magnetischer Unifilar-Theodolith. Mit 2 Tafeln. 1888.

70 коп.

— № 2. **F. Schmidt.** Über eine neuentdeckte untercamb risch Fauna in Estland. Mit 2 Tafeln. 1888.

1 руб.

— № 3. **Theodor Pleske.** Revision der turkestanischen Ornith. Nach Sammlungen des verstorbenen Conservators Valerian Russow verfasst. 1888.

1 руб.

— № 4. **A. E. Feoktistow.** Eine vorläufige Mittheilung über die Wirkung des Schlangengiftes auf den thierischen Organismus. 1888.

35 коп.

— № 5. **Dr. Edmund Mojsisovics von Mojsvár.** Über einige arktische Trias-Ammoniten des nördlichen Sibiriens. Mit 3 lith. Tafeln. 1888.

1 руб.

— № 6. **M. Woronin.** Über die Sclerotienkrankheit der Vaccinien-Beeren. Entwicklungsgeschichte der diese Krankheit verursachenden Sclerotinien. Mit 10 Tafeln. 1888.

3 руб.

— № 7. **O. Backlund.** Über die Herleitung der im achten Bande der «Observations de Poulkova» enthaltenen Stern-Cataloge, nebst einigen Untersuchungen über den Pulkowaer Meridiankreis. 1888.

1 руб. 40 коп.

— № 8. **Dr. C. V. L. Charlier.** Über eine mit dem Problem der drei Körper verwandte Aufgabe. 1888.

40 коп.

— № 9. **Ph. Owsjannikow.** Über das dritte Auge bei Petromyzon fluviatilis nebst einigen Bemerkungen über dasselbe Organ bei anderen Thieren. Mit 1 Tafel. 1888.

80 коп.

Mémoires.... Tome XXXVI, № 10. N. v. Kokscharow. Beiträge zur Kenntniss der Krystallisation des Klinochlors und über das Krystallsystem und die Winkel des Kotschubeits. 1888.

1 руб.

— № 11. **O. v. Lemm.** Koptische Fragmente zur Patriarchengeschichte Alexandriens. 1888.

80 коп.

—— № 12. Paul Knüpffer. Beitrag zur Anatomie des Ausführungsganges der weiblichen Geschlechtsproducte einiger Acanthocephalen. Mit 2 Tafeln. 1888.

60 коп.

—— № 13. J. V. Rohon. Über fossile Fische vom oberen Jensei. Mit 2 Tafeln. 1889.

60 коп.

—— № 14. — Die Dendrodonten des devohischen Systems in Russland. Palaeontologische und vergleichend-anatomische Studie. Mit 2 Tafeln. 1889.

1 руб. 20 коп.

—— № 15. Fried. Brauer, Jos. Redtenbacher und Ludw. Ganglbauer. Fossile Insekten aus der Juraformation Ost-Sibiens. Mit 2 Tafeln. 1889.

75 коп.

—— № 16. A. Famintzin. Beitrag zur Symbiose von Algen und Thieren. Mit 2 Tafeln. 1889.

80 коп.

—— № 17 et dernier. B. Hasselberg. Untersuchungen über das Absorptionsspectrum des Jodgases. Mit 5 Tafeln. 1889. 2 руб. 60 коп. Tome XXXVII, № 1. B. Imchenetsky. Mémoire sur l'intégration des équations différentielles symétriques. 1889.

60 коп.

—— № 2. A. Karpinsky. Über die Ammoncen der Artinsk-Stufe und einige mit denselben verwandte carbonische Formen. Mit 5 lithogr. Tafeln. 1889.

3 руб. 20 коп.

№ 3. Baron Ed. v. Toll. Wissenschaftliche Resultate der von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zur Erforschung des Janalandes und der Neusibirischen Inseln in den Jahren 1885 und 1886 ausgesandten Expedition: *Abtheilung I*. Die paläozoischen Versteinerungen der Neusibirischen Insel Kotelny. Mit 5 Tafeln. 1889.

2 руб. 30 коп.

Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St-Petersbourg. Tome XXXII. Novembre 1887 — août 1888. (Contenant les articles de MM.: O. Backlund, N. Békétoff, A. Bonsdorff, C. V. L. Charlier, M. Chrapowitzki, A. Gernet, Gorboff, B. Hasselberg, A. Karpinsky, N. Katanoff, Kessler, O. Lemm, C. J. Maximowicz, A. Nauck, M. Nyrén, W. Radloff, M. Rykatschow, C. Salemann, Carl Schmidt, B. Séraphimoff, N. Warpachowsky, H. Wild).

8 руб.

—— **Mélanges mathématiques et astronomiques** tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg. Tome VI, livraison 4. 1886.

(*Contenu*: J. S. et M. N. Vančěčk. Nouvelle génération d'un faisceau de coniques.—A. Bonsdorff. Ableitung neuer Formeln zur Auflösung sphäroidischer Dreiecke.—M. Nyrén. Polhöhenbestimmungen mit dem Ertel-Repsold'schen Verticalkreise.—O. Backlund. Comet Encke. I-

Bearbeitung der Erscheinung 1885 und die Verbindung derselben mit den vier vorhergehenden Erscheinungen.—O. Struve. Die Photographie im Dienste der Astronomie. (Aus einem Vortrage des Akademikers O. Struve, gehalten in der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften am 4 Februar 1886).—O. Backlund. Dr. Harzer's Untersuchungen über einen speciellen Fall des Problems der drei Körper. Bericht an die Akademie der Wissenschaften. 1886). 35 коп.

— **Mélanges mathématiques et astronomiques**.... Tome VI, livraison 5 et dernière. 1888.

(*Contenu*: B. Imchenetsky. Sur la transformation d'une équation différentielle de l'ordre pair à la forme d'une équation isopérimétrique.— Sur un nouveau nombre premier, annoncé par le père Perouchine. Extrait d'un rapport, fait à l'Académie par M. M. Imchenetzki et Bouniakowsky.—O. Struve. Der Nebelfleck um C Orionis. (Mit einer Tafel).—O. Backlund. Studien über den Stern-catalog: «Positions moyennes de 3542 étoiles, déterminées à l'aide du cercle méridien de Poulkova dans les années 1840 — 1869 et réduites à l'époque 1855,0. St. Pétersbourg, 1886.—O. Backlund. Zusatz zu «Studien über den Stern-catalog: Positions moyennes de 3542 étoiles, déterminées à l'aide du cercle méridien de Poulkova dans les années 1840 — 1869 et réduites à l'époque 1855,0. St. Pétersbourg, 1886.»—O. Backlund und B. Seraphimoff. Ange-näherte Elemente und Ephemeride des Encke'schen Cometen für das Jahr 1888.—A. Bonsdorff. Zur Bestimmung der Constanten des Erdellipsoids aus Gradmessungen.—Dr. C. V. L. Charlier. Über die Bildung von Meteorströmen durch Auflösung der Kometen.—Magnus Nyrén. Zur Aberration der Fixsterne.—Dr. B. Hasselberg. Über eine Methode die Brennweite eines Linsensystems für verschiedene Strahlen mit grosser Genauigkeit zu bestimmen.—O. Backlund. Bemerkung über das Auftreten von hyper-elementären Gliedern in der Störungstheorie. Erste Mittheilung.—O. Backlund. Bemerkung über das Auftreten von hyper-elementären Gliedern in der Störungstheorie. Zweite Mittheilung). 1 руб. 50 коп.

Mélanges physiques et chimiques tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. Tome XII, livraison 5. 1887.

(*Contenu*: O. Chwolson. Photometrische Untersuchungen über die innere Diffusion des Lichtes.—Prof. Dr. Carl Schmidt. Hydrologische Untersuchungen, XI, V—XLVIII.—N. v. Kokscharow. Mursinskit, ein neues Mineral.—C. Zahálka. Beitrag zur Kenntniss der Phymatellen der böhmischen Kreideformation. (Mit einer Tafel).—A. Karpinsky. Zur Geologie des Gouvernements Pskow. (Mit einer Tafel).—A. Karpinsky.

Über einige graphit- und granatführende metamorphische Gesteine des Urals. (Mit einer Tafel). 46 кон.

Mélanges physiques et chimiques.... Tome XII, livraison 6 et dernière. 1887.

(*Contenu:* Benvenuto Rizza et A. Boutlerow. Sur l'asarone. (2me partie).— Prof. Dr. Carl Schmidt. Hydrologische Untersuchungen, XLIX.— H. Wild. Note sur l'effet du tremblement de terre du 23 février 1887 à l'Observatoire magnétique de Pawlowek. - - Prof. Dr. Carl Schmidt. Hydrologische Untersuchungen, L.— M. Rykatschew. Das vorrüttägige Temperaturmaximum zur See in den Tropen, nach den auf der Korvette «Witjas» unter dem Commando des Flügeladjutanten Capitain I. Ranges S. O. Makarow angestellten Beobachtungen.— A. Karpinsky. Bemerkungen über die Regelmässigkeit in der Gestalt und dem Bau der Continente.— N. Békétoff. Recherches sur l'énergie de combinaison. Les oxydes de potassium et de lithium.— H. Wild. Polarisations-Photometer für technische Zwecke und Untersuchung von Wenhau-Gaslampen mit denselben). 35 кон.

Mélanges biologiques tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. Tome XII, livraison 4. 1886.

(*Contenu:* C. J. Maximowicz. Diagnoses plantarum novarum asiaticarum. VI. Insunt stirpes quaedam nuper in Japonia detectae. — A. Famintzin. Ueber Knospenbildung bei Phanerogamen). 45 кон.

Tome XII, livraison 5. 1886.

(*Contenu:* N. Warpachowsky. Eine neue Form von Opalina.— V. Bianchi. Ueber einen neuen Würger aus der Untergattung *Otomela* (*Otomela Bogdanowi*).— A. Famintzin. Über Knospenbildung bei Phanerogamen. (Mit einer Tafel).— V. Bianchi. Zur Ornis der westlichen Ausläufer des Pamir und des Alai). 30 кон.

— Tome XII, livraison 6 et dernière. 1888.

(*Contenu:* N. Warpachowski. Notiz über die in Russland vorkommenden Arten der Gattung *Phoxinus*.— N. Warpachowski. Über die Gattung *Hemiculter Bleek*. und über eine neue Gattung *Hemiculterella*.— Chrapowitzki. Über die Synthese der Eiweissstoffe in chlorophyllhaltigen Pflanzen. *Vorläufige Mittheilung*.— C. J. Maximowicz. Diagnoses plantarum novarum asiaticarum. VII. (Mit 4 Tafeln). 70 кон.

Mélanges russes tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. Tome V, livraison 1. 1886.

(*Contenu:* Dr. W. von Gutzeit. Über die Lebensgeschichte des heil. Georgios von Amastra und die Zeit ihrer Abfassung.— E. Kunik. Ergänzende Bemerkungen zu den Untersuchungen über die Zeit der Abfassung

des Lebens des h. Georg von Amastris. Ein Beitrag zur Aufklärung der russisch-byzantinischen Chronologie des 9ten Jahrhunderts. — F. G. Wiedemann. Zusätze und Berichtigungen zu dem syrjisch-deutschen und wotjakisch-deutschen Wörterbuch. 1880.

30 коп.

Mélanges asiatiques tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. Tome IX, livraison 3. 1887.

(*Contenu:* C. Salemann. Mittelpersische Studien. Erstes Stück. — C. Salemann. Bericht über des Mag. V. Žukovski Materialien zur persischen Dialektologie. — W. Radloff. Vorläufiger Bericht über eine wissenschaftliche Reise in die Krym im Jahre 1886. — N. Katanoff. Die aus dem Russischen entlehnten Fremdwörter des Sagai-Dialektes. — N. Katanoff. Verzeichniss der sagaischen Namen der Flüsse, Dörfer, Städte und Stämme, welche die Unterthanen des Steppengerichts der vereinigten Stämme (an der Mündung des Askys) bilden. — C. Salemann. Neue Erwerbungen des Asiatischen Museums).

50 коп.

— Tome IX, livraison 4 et dernière. 1888.

(*Contenu:* W. Radloff. Bericht über eine Reise zu den Karaimen der westlichen Gouvernements. — C. Salemann. Bericht über die Ausgabe des *Mitjar i Jamâlf.* — W. Radloff. Der Bericht des Hrn. Professor Chwolson über die in dem Gebiete von Semiretschie aufgefundenen syrischen Grabinschriften. — Dr. O. v. Lemm. Die Geschichte von der Prinzessin Bentreš und die Geschichte von Kaiser Zeno und seinen zwei Töchtern).

1 руб. 50 коп.

Mélanges gréco-romains tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. Tome V, livraison 1. 1884.

(*Contenu:* A. Nauck. De Marci Antonini commentariis. — M. Schmidt, in Jena. Zweiter textkritischer Beitrag zu den Trachinierinnen).

30 коп.

— Tome V, livraison 2. 1885.

(*Contenu:* A. Nauck. Kritische Bemerkungen. IX).

40 коп.

— Tome V, livraison 3 et dernière. 1888.

(*Contenu:* A. Nauck. Zu Claudii Galeni Pergameni scripta minora vol. I (Lipsiae 1884). — A. Nauck. Nachlese zu den Fabeln des Phaedrus).

50 коп.

Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angrenzenden Länder Asiens. Dritte Folge. Auf Kosten der Kaiserlichen

der Akademie Wissenschaften herausgegeben von L. v. Schrenck und C. J. Maximowicz.

— Band I. 1886. Graf D. A. Tolstoi. Das akademische Gymnasium und die akademische Universität im XVIII. Jahrhundert. Nach handschriftlichen Documenten des Archivs der Akademie der Wissenschaften. Aus dem Russischen von P. von Kugelgen.

90 коп.

— Band II. Gemischten Inhalts. 1887. 1) Eug. Büchner. Die Vögel des St. Petersburger Gouvernements. 2) Graf D. A. Tolstoi. Die Stadtschulen während der Regierung der Kaiserin Katharina II. Aus dem Russischen übersetzt von P. v. Kugelgen.

1 руб. 30 коп.

— Band III. 1887. Expedition nach den Neusibirischen Inseln und dem Jana-Lande. Mit 6 Karten.

2 руб. 10 коп.

— Band IV. Gemischten Inhalts. 1888. 1) W. Petersen. Die Lepidopteren-Fauna des arktischen Gebietes von Europa und die Eiszeit. 2) A. Karpiński. Uebersicht der physiko-geographischen Verhältnisse des Europäischen Russlands während der verflossenen geologischen Perioden. Mit einer Karte. 3) V. Bianchi. Biologische Notizen über die im Sommer 1884 bei Uschaki (Gouvernement Nowgorod) beobachteten Vögel.

2 руб. 30 коп.

— Band V. 1888. Fr. Th. Köppen. Geographische Verbreitung der Holzgewächse des Europäischen Russlands und des Kaukasus. Erster Theil.

4 руб. 40 коп.

— Band VI. 1889. Fr. Th. Koeppen. Geographische Verbreitung der Holzgewächse des Europäischen Russlands und des Kaukasus. Zweiter Theil. Mit 5 Karten.

4 руб. 50 коп.

Auwers, Arthur. Neue Reduction der Bradley'schen Beobachtungen aus den Jahren 1750 bis 1762. Dritter Band, den Sterncatalog für 1755 und seine Vergleichung mit neuen Bestimmungen enthaltend. 1888.

4 руб. 60 коп.

Böhtlingk, Otto. Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung.

— Siebenter Theil, erste Lieferung. (स — सुरङ्कयज्ञ). 1887.

1 руб. 30 коп.

— zweite Lieferung. (सर्ङ्किका — क्वाल). General-Index zu den sechs Nachträgen und letzte Nachträge. 1889.

3 руб.

—— *Bṛhadāraṅjakopaniṣad in der Mādhjamaṁdina-Recension.* 1889.
2 руб.

Markoff, André. Table des valeurs de l'intégrale $\int_x^\infty b^{-t^2} dt.$ 1888.
1 руб.

Ornithographia Rossica. — Орнитологическая фауна Российской Империи. Томъ II, выпускъ 1. Славки (*Sylvia*). Съ одной таблицей. **Ө. Д. Плеске.** — *Die Vogelfauna des Russischen Reichs.* Band II, Lieferung 1. Grasmücken (*Sylvia*). Mit einer Tafel. Th. Pleske. 1889.
2 руб. 50 коп.

—— Томъ II, выпускъ 2. Иеночки (*Phylloscopus*). Съ одною таблицей. **Ө. Д. Плеске.** — *Band II, Lieferung 2. Laubsänger (Phylloscopus).* Mit einer Tafel. Th. Pleske. 1889.
3 руб.

Strauch, A. Das Zoologische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg in seinem fünfzigjährigen Bestehen. Bericht über die Entstehung, Vergrößerung und den gegenwärtigen Zustand desselben. (Mit 3 xylographischen Plänen). 1889.
2 руб. 40 коп.

Изданія Академіи продаются у комисіонеровъ оной: И. Глазунова в Эггерса в К°, въ С. Петербургѣ, Н. Кнймеля, въ Ригѣ, и въ Комитетѣ Правленія Императорской Академіи Наукъ (В. О., набережная Большой Невы, близъ Дворцоваго моста, д. № 5). Покупателямъ, обращающимся за книгамъ въ Комитетъ, дѣляется уступка 25% съ объявленной цѣны.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, декабрь 1889 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., № 12).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогич и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтлонисъ учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ прибрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за года 1869, 1870, 1871, 1875 (съ мартовской книжки) и всѣ слѣдующіе, платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльными книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

60. 1

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССLXVII.

1890.

ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашова, Екатерининскій каналъ, № 80.

1890.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ	25
А. Н. Красновъ. Географія какъ новая университетская наука .	233
И. А. Тихомировъ. Первая Пожовская летопись послѣ паденія Пожова	245
И. И. Филевичъ. Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наслѣдіе (<i>продолженіе</i>).	253
А. Н. Маркевичъ. Разрядная книга въ Парижской національной библіотекѣ	303

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

И. А. Сырку. Glasnik zemaljskog muzeja u Bosni i Hercegovini. Urednik K. Hörmann. Sarajevo, 1889 (<i>продолженіе</i>).	310
А. О. К. С. А. Венеровъ. Критико-биографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). Томъ I. С.-Ив. 1886—1889 .	348
Б. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Великіе и удѣльные князья сѣверной Россіи въ татарскій періодъ съ 1238 по 1506 годъ. <i>А. В. Экземплярскаго</i> . Т. I. С.-Ив. 1889	353
А. Н. Веселовскій. Dvě povědky v české literatuře xv století. Podává Dr. J. Polínka. V. Praze. 1889	356
И. М. М. Цѣй. Июляевъ и Орсибургскій край въ прежнее его состояніи до 1758 года. <i>В. И. Виттескаго</i> . Вып. 1—2. Казань. 1889—1890	361
Н. И. Веселовскій. Сношенія Россіи съ Кавказомъ. <i>С. Вьлюкурова</i> . Вып. I. М. 1889	385
— Книжныя новости.	385
Графъ А. А. Мусинъ-Пушкинъ. Народное образованіе въ Италіи.	33
Ю. А. Куликонскій. По поводу предполагаемаго русскаго учебнаго изданія классическихъ авторовъ	100

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Императорская Академія Наукъ въ 1889 году.	49
--	----

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

L. Mueller. De Accii fabulis	65
В. В. Латышевъ. Къ исторіи города Ольвіи	68
Ф. О. Лунякъ. Къ вопросу объ отношеніяхъ Демосоена къ Исократу.	72
В. В. Розановъ. } Метафизика Аристотеля	82
И. И. Сервовъ. }	

Редакторъ Л. Маймовъ.

(Вышла 2-го февраля).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛXVII.

1890.

ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Блашкова. Наб. Екатерининскаго кан., № 80.

1890.

Императорский изд., № 80.
2013.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

8. (27-го ноября 1889 г.). О порядкѣ опредѣленія техническихъ должностей, при занятіи коихъ лица, окончившія курсъ въ высшихъ техническихъ заведеніяхъ, приобрѣтаютъ право на производство въ чины, соотвѣтствующіе ихъ ученымъ званіямъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о порядкѣ опредѣленія техническихъ должностей, при занятіи коихъ лица, окончившія курсъ въ высшихъ техническихъ заведеніяхъ, приобрѣтаютъ право на производство въ чины, соотвѣтствующіе ихъ ученымъ званіямъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о дополненіи ст. 103 тома III, устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства, над. 1876 г., мнѣніемъ положилъ:

Статью 103 устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства (свод. зак. т. III, изд. 1876 г.) дополнить слѣдующимъ постановленіемъ:

„Министру народнаго просвѣщенія предоставляется, по соглашенію съ вѣдомствами, въ которыхъ существуетъ техническая часть,—

въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ по принадлежности, а также съ министромъ финансовъ—во всѣхъ случаяхъ, опредѣлять тѣ относящіяся къ технической части должности, занятіе которыхъ даетъ лицамъ, окончившимъ съ учеными званіями курсъ въ практическихъ технологическихъ институтахъ С.-Петербургскомъ и Харьковскомъ и въ Императорскомъ Московскомъ техническомъ училищѣ, право на производство въ чины, соответственно приобретеннымъ ими лицами ученымъ званіямъ. Составленные симъ порядкомъ списки техническихъ должностей представляются министромъ народнаго просвѣщенія правительствующему сенату, для опубликованія*.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

9. (27-го ноября 1889 г.). Объ учрежденіи въ Харьковскомъ и Казанскомъ ветеринарныхъ институтахъ должности помощника инспектора.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ Харьковскомъ и Казанскомъ ветеринарныхъ институтахъ должности помощника инспектора, Высочайше утвердить соизволяя и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ Харьковскомъ и Казанскомъ ветеринарныхъ институтахъ должности помощника инспектора, мнѣніемъ положилъ:

I. Учредить въ Харьковскомъ и Казанскомъ ветеринарныхъ институтахъ должность помощника инспектора, съ присвоеніемъ ей годоваго содержанія въ шестьсотъ руб. (въ томъ числѣ 400 руб. жалованья и 200 руб. столовыхъ), при квартирѣ въ натурѣ, IX класса по чинопроизводству, IX разряда по шитью на мундиръ и пенсію по учебной службѣ.

II. Расходъ потребный на производство содержанія упомянутымъ въ отд. I помощникамъ инспектора, отнести на средства ассигнуемыя Харьковскому и Казанскому ветеринарнымъ институтамъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

10. (27-го ноября 1889 г.). Объ учрежденіи третьей должности инспектора народныхъ училищъ въ Туркестанскомъ краѣ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи третьей должности инспектора народныхъ училищъ въ Туркестанскомъ краѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи третьей должности инспектора народныхъ училищъ въ Туркестанскомъ краѣ, мнѣніемъ положилъ:

I. Учредить третью должность инспектора народныхъ училищъ въ Туркестанскомъ краѣ на основаніяхъ, установленныхъ Высочайше утвержденнымъ 1-го марта 1877 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта, съ присвоеніемъ сей должности содержанія по три тысячи двѣсти пятидесяти руб. въ годъ (въ томъ числѣ: 1.500 руб. жалованья и 750 руб. столовыхъ изъ казны и 1.000 руб. на разъѣзды, наемъ квартиры и канцелярскіе расходы изъ мѣстныхъ средствъ).

II. Учрежденную по Высочайшему повелѣнію 28-го октября 1871 г. должность инспектора татарскихъ, киргизскихъ и башкирскихъ школъ Казанскаго учебнаго округа упразднить.

III. Расходъ на производство жалованья и столовыхъ денегъ третьему инспектору народныхъ училищъ Туркестанскаго дая, въ размѣрѣ двухъ тысячъ двухсотъ пятидесяти рублей, вносить ежегодно въ подлежащее подраздѣленіе расходной сѣты министерства народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

11. (16-го декабря 1889 года). Объ описаніи форменной одежды для учениковъ Красноуфимскаго промышленнаго училища.

Министръ народнаго просвѣщенія представилъ въ правительствующій сенатъ Высочайше утвержденное, въ 16-й день декабря 1889 года,

описание форменной одежды для учениковъ Красноуфимскаго промышленнаго училища.

На подлинномъ написано: „Высочайше утверждено“.

16-го декабря 1889 года.

Подписалъ: министр народнаго просвѣщенія графъ Деляновъ.

Описание форменной одежды для учениковъ Красноуфимскаго промышленнаго училища.

1) Рабочая одежда: блуза и шаровары (въ сапоги) сѣраго сукна по установленному для реальныхъ училищъ образцу; на воротѣ блузы 3 и на рукавахъ 4 мѣдныхъ пуговицы малаго формата съ изображеніемъ герба Пермской губерніи; шаровары оторочены голубымъ кантомъ; кожаный поясъ съ мѣдною пряжкой съ буквами „К. П. У.“.

2) Классная одежда: а) двубортная темно-зеленаго сукна куртка, на 4 вершка не доходящая до колѣнъ; воротникъ отгладной съ черными бархатными петлицами, по бортамъ, обшлагамъ, воротнику и петлицамъ—голубой кантъ, на плечахъ мѣдныя штампованные знаки: на черномъ бархатѣ, отороченномъ голубымъ кантомъ, мѣдный штампованный вѣнокъ, внутри котораго буквы „К. П. У.“; по бортамъ куртки 12 и на петлицахъ 2, всего 14 мѣдныхъ пуговицъ большого формата съ изображеніемъ герба Пермской губерніи; на обшлагахъ 4 такихъ же пуговицы малаго формата; б) шаровары (поверхъ сапогъ) сѣраго сукна съ голубымъ кантомъ.

3) Верхняя одежда: А) плащъ темно-зеленаго сукна по установленному для реальныхъ училищъ образцу съ тѣмъ лишь отличіемъ, что а) воротникъ и обшлага оторочены голубымъ кантомъ, б) на воротникѣ плаща такія же петлицы, а на плечахъ такіе же знаки, какъ на воротникѣ и на плечахъ куртки, в) пуговицы съ изображеніемъ герба Пермской губерніи. Б) фуражка по установленному для реальныхъ училищъ образцу съ слѣдующими отличіями: околышъ чернаго бархата, отороченный голубымъ кантомъ, проходящимъ также и по тульѣ; на тульѣ мѣдный штампованный значекъ съ изображеніемъ зубчатаго колеса, внутри котораго помѣщаются двѣ звѣзды, вьющіяся около посоха, увѣнчаннаго крыльями орла.

12. (16-го декабря 1889 года). О сокращеніи числа стипендій, учрежденныхъ при Тамбовской гимназіи.

На основаніи Высочайшихъ повелѣній 26-го мая и 19-го ноября 1876 года учреждены были при Тамбовской гимназіи 14 стипендій

имени бывшаго Тамбовскаго губернатора, тайнаго совѣтника Гартинга. 4 стипендіи на проценты съ капитала въ 1,600 р., собраннаго чиновниками учрежденій министерства внутреннихъ дѣлъ въ Тамбовской губерніи, и 10 стипендій на проценты съ капитала въ 4,000 р., пожертвованнаго Тамбовскою городскою думою.

Въ виду недостаточности поименованныхъ стипендій даже на покрытие взносовъ платы за право ученія стипендіатовъ въ гимназіи, Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 16-й день декабря 1889 г., Высочайше соизволилъ на образованіе изъ каждаго двухъ изъ сихъ стипендій одной, но съ тѣмъ, чтобы сокращеніе стипендій съ капитала, собраннаго лицами учрежденій министерства внутреннихъ дѣлъ въ Тамбовской губерніи, было сдѣлано не ранѣе освобожденія сихъ стипендій, дабы не лишить вспомошествованія тѣхъ учениковъ, которые сими стипендіями въ настоящее время пользуются, а сокращеніе стипендій съ капитала, пожертвованнаго Тамбовскою городскою думою, должно быть произведено съ оставленіемъ за сею думою права войти съ ходатайствомъ о восстановленіи прежняго числа стипендій въ случаѣ уменьшенія въ гимназіи размѣра платы за ученіе.

13. (18-го декабря 1889 года). О срокахъ для взноса пособій на содержаніе учебныхъ заведеній.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о срокахъ для взноса пособій на содержаніе учебныхъ заведеній, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія, о срокахъ для взноса пособій на содержаніе учебныхъ заведеній, мнѣніемъ положилъ:

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ уваженій постановить:

I. Денежныя суммы, причитающіяся казнѣ съ земства и городовъ въ пособіе на содержаніе учебныхъ заведеній, вносятся земскими и городскими общественными учрежденіями въ надлежащія казначейства въ два срока, къ 1-му января и 1-му іюля, за полугодіе впередъ.

II. На суммы, не внесенныя въ казначейства къ установленнымъ

срокамъ (ст. I), начисляется цена въ пользу государственнаго казначейства, въ размѣрѣ одного процента въ мѣсяцъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

12. (14-го декабря 1889 года). Объ утвержденіи правилъ для выдачи свидѣтельствъ на льготы при отбываніи воинской повинности ученикамъ евангелическо-лютеранскихъ сельскихъ училищъ въ губерніяхъ Лифляндской, Курляндской и Эстляндской.

Министръ народнаго просвѣщенія представилъ въ правительствующій сенатъ, для распубликованія во всеобщее свѣдѣніе, утвержденныя имъ, министромъ, 14-го декабря 1889 года, на основаніи Высочайше утвержденнаго 4-го мая 1889 года мнѣнія государственнаго совѣта, по соглашенію съ министерствами военнымъ и внутреннимъ дѣлъ, правила для выдачи свидѣтельствъ на льготу при отбываніи воинской повинности ученикамъ евангелическо-лютеранскихъ сельскихъ училищъ въ губерніяхъ Лифляндской, Курляндской и Эстляндской.

На подлинныхъ написано: „На основаніи Высочайше утвержденнаго 4-го мая 1889 г. мнѣнія государственнаго совѣта, утверждаю“.

Подписалъ: министръ народнаго просвѣщенія, статсъ-секретарь графъ Деляновъ.

Правила для выдачи свидѣтельствъ на льготы при отбываніи воинской повинности ученикамъ евангелическо-лютеранскихъ сельскихъ училищъ въ губерніяхъ Лифляндской, Курляндской и Эстляндской.

§ 1. Ученики евангелическо-лютеранскихъ сельскихъ училищъ въ губерніяхъ Лифляндской, Курляндской и Эстляндской, желающіе воспользоваться правомъ на выслугу сокращенныхъ сроковъ службы, установленныхъ п. 3 ст. 56 уст. о воинской повинности, должны имѣть отъ педагогическаго совѣта подлежащаго правительственнаго учебнаго заведенія свидѣтельства о званіи курса означенныхъ училищъ.

Примѣчаніе. Впредь до времени, когда послѣдуетъ распоряженіе о причисленіи евангелическо-лютеранскихъ сельскихъ

школъ въ Эзельскомъ уѣздѣ Лифляндской губерніи, къ подлежащему разряду учебныхъ заведеній въ отношеніи отбыванія воинской повинности и когда школы сіи будутъ предоставлять обучающимся въ нихъ соотвѣтственными льготы по отбыванію означенной повинности, дѣйствіе настоящихъ правилъ не простирается на упомянутыя школы Эзельскаго уѣзда.

§ 2. Выдача сихъ свидѣтельствъ возлагается въ каждомъ уѣздѣ губерніи на педагогическій совѣтъ существующаго въ ономъ правительственнаго учебнаго заведенія вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. По уѣздамъ, гдѣ таковыхъ заведеній имѣется два или болѣе, попечителю Дерптскаго учебнаго округа предоставляется или для исполненія обязанностей по выдачѣ упомянутыхъ свидѣтельствъ избирать педагогическій совѣтъ одного изъ означенныхъ заведеній, или распределять исполненіе этихъ обязанностей между педагогическими совѣтами всѣхъ или лишь нѣкоторыхъ изъ сихъ заведеній. По уѣздамъ же, гдѣ не имѣется таковыхъ учебныхъ заведеній, попечителю учебнаго округа предоставляется исполненіе обязанностей по выдачѣ упомянутыхъ свидѣтельствъ возлагать на педагогическіе совѣты названнаго рода учебныхъ заведеній, существующихъ въ ближайшемъ изъ сосѣднихъ уѣздовъ.

§ 3. Въ засѣданіяхъ педагогическихъ совѣтовъ означенныхъ въ предыдущемъ параграфѣ учебныхъ заведеній по дѣламъ о выдачѣ упомянутыхъ свидѣтельствъ и производствѣ установленныхъ для сего испытаній участвуетъ одинъ изъ инспекторовъ народныхъ училищъ, по назначенію попечителя учебнаго округа. По симъ дѣламъ въ засѣданіяхъ совѣтовъ тѣхъ учебныхъ заведеній, кои подчинены инспекторамъ народныхъ училищъ, право предсѣдательства принадлежитъ инспектору сихъ училищъ; по прочимъ же учебнымъ заведеніямъ предсѣдательство принадлежитъ начальнику даннаго заведенія или инспектору народныхъ училищъ, по усмотрѣнію попечителя учебнаго округа, коимъ разрѣшаются всѣ случаи могущихъ возникнуть при устройствѣ порядка испытаній недоразумѣній.

§ 4. Педагогическіе совѣты означенныхъ выше учебныхъ заведеній выдаютъ желающимъ свидѣтельства о знаніи курса, указаннаго въ § 1 сихъ правилъ, по подлежащему удостовѣренію въ знаніи ими такого курса на основаніи настоящихъ правилъ.

§ 5. Въ степени знанія желающихъ получить таковыя свидѣтельства педагогическіе совѣты удостовѣряются посредствомъ особыхъ испытаній, для производства коихъ открываются комиссіи или при

самыхъ совѣтахъ, или въ другихъ пунктахъ, избираемыхъ попечителемъ учебнаго округа, по соображенію съ мѣстными удобствами и по соглашенію съ губернаторами. Для сего попечитель округа сообщаетъ губернаторамъ списки тѣхъ мѣстъ и пунктовъ, гдѣ имѣютъ быть открыты означенныя комиссіи, съ указаніемъ, отъ какого совѣта будетъ образована въ данномъ пунктѣ комиссія и изъ какихъ училищъ ученики должны явиться для испытаній въ ту или другую изъ комиссій.

§ 6. Когда на основаніи такого соглашенія будетъ опредѣлено, въ какихъ мѣстахъ, отъ какого педагогическаго совѣта и для учениковъ какихъ училищъ имѣютъ быть образованы испытательныя комиссіи, попечитель учебнаго округа составляетъ о томъ въ извѣстность педагогическіе совѣты подлежащихъ учебныхъ заведеній, а также директора и инспекторовъ народныхъ училищъ. Губернаторы же даютъ о семъ знать волостнымъ управленіямъ.

§ 7. Означенныя въ предыдущемъ § комиссіи составляются каждая: а) изъ члена педагогическаго совѣта подлежащаго учебнаго заведенія, подъ предсѣдательствомъ сего члена; б) изъ мѣстнаго пастора, по приглашенію инспектора народныхъ училищъ, и в) изъ трехъ учителей мѣстныхъ народныхъ училищъ, по назначенію инспектора, при чемъ паблюдается, чтобы въ числѣ требуемыхъ для сего трехъ учителей непремѣнно былъ одинъ изъ таковыхъ, кои, сверхъ другихъ предметовъ, преподаютъ въ школахъ и законъ Божій лютеранскаго исповѣданія. Этотъ послѣдній учитель, въ случаѣ непрібытія пастора къ комиссію къ производству испытаній, заступаетъ мѣсто пастора.

Примѣчаніе. Если въ числѣ испытываемыхъ имѣютъ быть ученики другихъ христіанскихъ исповѣданій, кромѣ лютеранскаго, то въ составъ комиссій приглашаются инспекторомъ духовныя лица соотвѣтствующихъ исповѣданій.

§ 8. Испытанія производятся въ сроки, соотвѣтствующіе времени прекращенія учебныхъ занятій въ училищахъ данной мѣстности. Сообразуясь съ сими, педагогическій совѣтъ подлежащаго учебнаго заведенія, которому мѣстный инспекторъ народныхъ училищъ обязанъ, по крайней мѣрѣ за два мѣсяца до превращенія учебныхъ занятій въ училищахъ, доставить свѣдѣнія о времени прекращенія занятій въ училищахъ и списокъ самыхъ училищъ, назначаетъ сроки для производства испытаній въ томъ или въ другомъ пунктѣ, о чемъ заблаговременно извѣщаетъ какъ учителей, завѣдывающихъ учили-

щами, такъ и мѣстныя волостныя правленія, съ указаніемъ, что ученіе въ данномъ училищѣ должно быть прекращено не ранѣе такого-то числа и что всѣ ученики даннаго училища, желающіе подвергнуться испытанію, должны такого-то числа, въ сопровожденіи своихъ учителей, явиться въ такой-то пунктъ. Упоминаемые въ семъ § сроки должны быть назначаемы въ предѣлахъ одного мѣсяца до прекращенія обычныхъ занятій въ училищахъ. Распоряженія о своевременной явкѣ въ назначенные пункты духовныхъ лицъ и учителей, имѣющихъ войти въ составъ комиссій, возлагаются на мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ.

§ 9. Къ сроку, опредѣленному для производства испытаній въ данномъ пунктѣ, совѣтъ командируетъ въ сін пункты одного изъ своихъ членовъ, по избранію совѣта, а инспектору народныхъ училищъ приглашаетъ туда подлежащихъ духовныхъ лицъ и назначаетъ учителей училищъ, согласно § 7.

§ 10. Расходы по командировкѣ членовъ педагогическихъ совѣтовъ правительственныхъ учебныхъ заведеній въ комиссіи, образуемая впѣ мѣстѣ находящія сихъ заведеній, производятся изъ специальныхъ средствъ оныхъ. Ученикамъ, имѣющимъ подвергнуться испытанію, и учителямъ, сопровождающимъ учениковъ, равно какъ учителямъ, назначаемымъ въ составъ комиссій, и духовнымъ лицамъ, приглашаемымъ въ комиссіи, для слѣдованія въ пункты, гдѣ образуются комиссіи, и обратнаго отправления къ своимъ мѣстамъ, доставляются бесплатно подводы сельскимъ начальствомъ тѣхъ волостей, въ предѣлахъ коихъ находятся училища, изъ коихъ отправляются ученики и учителя, и жительствоуютъ означенныя духовныя лица.

§ 11. Инспекторы народныхъ училищъ и духовныя лица, назначаемыя для наблюденія за преподаваніемъ закона Божія въ училищахъ, обязаны, по возможности, присутствовать на испытаніяхъ. При испытаніяхъ могутъ также присутствовать учителя тѣхъ училищъ, ученики коихъ испытуются, хотя бы эти учителя не входили въ составъ комиссій, родители испытуемыхъ и лица, заступающія мѣсто родителей, а равно почетнѣйшіе изъ мѣстныхъ жителей. Но въ самомъ производствѣ испытаній участвуютъ лишь предсѣдатель и члены комиссій, назначаемые по § 7.

§ 12. Учитель, завѣдывающій училищемъ, коюго ученики имѣютъ явиться на испытаніе, заблаговременно приготавливаетъ (по образцу № 1) списокъ таковымъ ученикамъ и представляетъ оный въ ком-

миссію. Ученики, не достигшіе четырнадцатилѣтнаго возраста, не допускаются къ испытанію и потому не вносятся въ списоки. Требующіеся для внесенія въ списоки свѣдѣнія о возрастѣ учениковъ, если таковыхъ нѣтъ въ училищѣ, обязательно доставляются учителю приходскимъ священникомъ или мѣстнымъ пасторомъ. Обѣ ученикахъ, не принадлежащихъ къ приходу, свѣдѣнія доставляются родителями учащихся или лицами, заступающими родителей. На основаніи списковъ, доставленныхъ учителями, завѣдывающими училищами, въ комиссіи составляется общій экзаменный списокъ (по образцу № 2).

§ 13. Испытаніе раздѣляется на письменное и устное. Къ устному испытанію допускаются только ученики, выдержавшіе удовлетворительно испытаніе письменное. Какъ письменныя, такъ и устные испытанія производятся на русскомъ языкѣ по всѣмъ предметамъ, кромѣ закона Божія.

§ 14. Письменное испытаніе производится по русскому языку и ариметикѣ и состоитъ въ слѣдующемъ: а) по русскому языку: По выбору комиссіи предсѣдателемъ оной или, по его порученію, однимъ изъ членовъ комиссіи диктуется небольшой отрывокъ или статья изъ какой-нибудь русской книги для чтенія. Экзаменующіеся должны умѣть написать диктуемый отрывокъ или статью (которые предварительно должны быть ими выслушаны). При этомъ незначительныя ошибки въ разстановкѣ знаковъ препинанія и противъ правилъ орфографіи не препятствуютъ признанію письменныхъ работъ удовлетворительными, — и б) по ариметикѣ: Предлагается экзаменующимся рѣшить двѣ арифметическія задачи, по назначенію комиссіи, съ цѣлію опредѣлить знакомство ихъ съ изученными арифметическими дѣйствіями для приложенія этихъ дѣйствій къ рѣшенію практическихъ задачъ. На представленныхъ письменныхъ работахъ члены комиссіи выставляютъ ошибки, если таковыя окажутся, и затѣмъ комиссія, оцѣнивъ достоинство работъ, выставляетъ въ экзаменномъ спискѣ отиѣтки словами и цифрами по 5-балльной системѣ.

§ 15. Предметы устнаго испытанія слѣдующіе: 1) законъ Божій соотвѣтственнаго исповѣданія; 2) русскій языкъ и 3) арифметика. Мѣра требованій устнаго испытанія по каждому изъ сихъ предметовъ опредѣляется объемомъ программы преподаванія въ училищахъ, въ коихъ обучались испытуемые, каковыя программы должны быть въ виду комиссій.

§ 16. На устномъ испытаніи вопросы экзаменующимся предлагаются по выбору предсѣдателя и членовъ комиссіи, изъ коихъ каждый оцѣниваетъ въ своемъ списокѣ соотвѣтственнымъ балломъ званіи экзаменующихся по каждому предмету. По окончаніи отвѣтовъ испытываемаго по извѣстному предмету, предсѣдатель тотчасъ дѣлаетъ изъ общей сложности балловъ средній выводъ и полученный средній баллъ вноситъ цифрами и словами въ общій экзаменныи списокъ; если образуются при этомъ дроби, то половина и болѣе принимаются за единицу, а менѣ половины отсѣкается.

Примѣчаніе. Въ случаѣ значительной разницы между баллами предсѣдателя и членовъ комиссіи, объ этомъ заносится въ протоколъ.

§ 17. Считается выдержавшимъ устное испытаніе тотъ, кто по всѣмъ предметамъ сего испытанія вполне удовлетворитъ требованіямъ программы преподаванія въ томъ училищѣ, гдѣ обучался испытываемый Лица, не выдержавшія удовлетворительно экзамена въ первый разъ, могутъ быть допускаемы къ новому испытанію, но не иначе, какъ черезъ годъ.

§ 18. По окончаніи экзамена, комиссіею составляется протоколъ, который вмѣстѣ съ экзаменными списками и письменными работами экзаменовавшихся представляется въ педагогическій совѣтъ подлежащаго учебнаго заведенія.

§ 19. Совѣтъ сей, рассмотрѣвъ въ присутствіи мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ экзаменныи списокъ, письменныя работы экзаменовавшихся и заключеніе комиссіи, приготовляетъ (по образцу № 3) свидѣтельства для тѣхъ учениковъ, кои будутъ признаны достойными оныхъ, и, записавъ таковыя свидѣтельства въ особую книгу, заведенную въ совѣтѣ (по образцу № 4), высылаетъ оныя не позже 1-го сентября въ тѣ училища, ученики коихъ удостоены свидѣтельствъ.

§ 20. По полученіи свидѣтельствъ въ подлежащихъ училищахъ, заведывающіе оными учителя записываютъ сіи свидѣтельства въ книгу (по образцу № 5) и затѣмъ выдаютъ свидѣтельства по принадлежности подъ росписки получателей въ означенной книгѣ.

§ 21. Печатные бланки свидѣтельствъ, выдаваемыхъ ученикамъ евангелическо-лютеранскихъ волостныхъ и приходскихъ училищъ, изготовляются на спеціальныя средства тѣхъ учебныхъ заведеній, совѣты коихъ выдаютъ таковыя свидѣтельства.

Образецъ № 1.

къ § 13.

С П И С О К ъ

ученикамъ N волостнаго (или приходскаго) евангелическо-лютеранскаго сельскаго училища, въ N уѣздѣ, N губерніи, окончивающимъ курсъ и имѣющимъ подвергнуться испытанію въ текущемъ году.

№ по порядку.	1) Прозваніе (или фамилія) нима и отчество ученика. 2) Сословіе или званіе ¹⁾ .	Вѣроисповѣданіе.	Годъ, мѣсяцъ и день рожденія.	

Подпись учителя, заведывающаго училищемъ.

¹⁾ При обозначеніи сословія объявлять: о лицахъ купческаго и мѣщанскаго сословія, къ какому городу они приписаны; о крестьянахъ—какого уѣзда, какой волости и къ какому сельскому обществу они принадлежать; о лицахъ прочихъ сословія и званій—мѣсто рожденія.

Образец № 2.

къ § 13.

СПИСОКЪ

лицамъ, подвергнутымъ испытанію въ знаніи училищнаго курса экзаменационною комиссією, образованною въ N мѣстѣ, въ такомъ-то мѣсяцѣ, такого-то года.

№ по порядку.	1) Прозвище (или фамилія), имя и отчество ученика; 2) его сословіе или знаніе, съ объясненіемъ о лицахъ кунечскаго или мѣщанскаго сословія, къ какому городу приписаны, о крестьянахъ—какого уѣзда, къ какой волости и къ какому сельскому обществу принадлежать, а о лицахъ прочихъ сословій и званій—мѣста рожденій.	Вѣроисповѣданіе.	Годъ, мѣсяцъ и день рожд.	По русск. языку.	По армянетикѣ.	По чистописанію.	Заключеніе комиссіи о допущеніи или недопущеніи къ устному испытанію.	По закону Божію.	По русск. языку.	По латышск. или естовскому языку.	По армянетикѣ.	По географіи.	По исторіи.	Оцѣнка устныхъ отвѣтовъ.	Считаетъ ли комиссія достоянствъ получить свидѣтельство.

Подписи: предсѣдателя и членовъ комиссіи, съ обозначеніемъ званія каждаго изъ нихъ.

Образец № 3.

къ § 20.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Педагогическій совѣтъ такого-то учебнаго заведенія сими удостоверяетъ, что такой-то (обозначить: имя, отчество и прозваніе или фамилію, вѣроисповѣданіе, сословіе или званіе, общество, въ коемъ числится, если принадлежитъ къ сословіямъ, вносимымъ въ ревизскія сказки, а въ противномъ случаѣ,—мѣсто рожденія, годъ, мѣсяцъ и день рожденія) успѣшно окончилъ курсъ ученія въ N волостномъ (или приходскомъ) училищѣ, а потому имѣетъ право на льготу, установленную пунктомъ 3 статьи 56 устава о воинской повинности. Выдано такого-то числа, мѣсяца и года.

Подписи предсѣдателя и членовъ совѣта.

Печать учебнаго заведенія, совѣтъ коего выдаетъ свидѣтельство.

Образецъ № 4.

къ § 20.

КНИГА

для записки свидѣтельствъ на льготу по отбыванію воинской повинности,
выданныхъ отъ педагогическаго совѣта N учебнаго заведенія ученикамъ
сельскихъ училищъ.

№ по порядку.	Кому выдано свидѣтельство (обозначить свидѣнія о немъ, прописанныя въ свидѣтельствѣ).	Годъ, мѣсяцъ и день, когда свидѣтельство подписано и за какимъ №.	Куда и когда выслано.

Образецъ № 5.

къ § 21.

КНИГА

для записки свидѣтельствъ на льготу по отбыванію воинской повинности,
выданныхъ ученикамъ N волостнаго (или приходскаго) училища.

№ по порядку.	Отъ какого учебнаго заведенія и когда прислано свидѣтельство.	Для какого ученика (обозначить: имя, отчество и фамилію).	Росиска получившаго свидѣтельство съ указаніемъ времени полученія.

13. (21-го декабря 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени мѣщанки Юліи Ильинишны Александровой при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ семь тысячъ рублей учреждаются при Московскомъ университетѣ двѣ стипендіи, съ присвоеніемъ имъ наименованія завѣщательницы онаго, умершей „московской мѣщанки Юліи Ильинишны Александровой“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ заключается въ 5% билетахъ государственнаго банка и хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя собственность Московскаго университета.

§ 3. Размѣръ каждой стипендіи, за вычетомъ изъ процентовъ съ капитала пятипроцентнаго государственнаго налога, сто шестьдесятъ шесть руб. двадцать пять коп. въ годъ.

§ 4. Стипендіи назначаются, на основаніи существующихъ на сей предметъ правилъ, студентамъ юридическаго факультета, согласно волѣ завѣщательницы.

§ 5. Если по какому-либо случаю образуются свободные остатки отъ процентовъ съ капитала, то таковые присоединяются къ оному съ цѣлью увеличенія впоследствии размѣра стипендій.

14. (9-го января 1890 года). Положеніе о стипендіи имени вдовы коллежскаго совѣтника Маріи Карловны Сухановой при Симферопольской женской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года учреждается при Симферопольской женской гимназій одна стипендія имени вдовы коллежскаго совѣтника Маріи Карловны Сухановой на счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу двѣсти руб., пожертвованнаго ею съ этою цѣлью.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ трехъ 5% облигаціяхъ третьяго восточнаго займа, одна въ 1000 руб. и двѣ по 100 р., оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ Таврическомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ названной гимназій.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ части, подлежащей, по закону 20-го мая 1885 года, поступленію въ казну, употребляются на взносъ установленной платы за избранную стипендіатку.

§ 4. Право выбора стипендіатки изъ состоящихъ воспитанницами гимназій дочерей бѣдныхъ дворянъ православнаго исповѣданія принадлежитъ попечительному совѣту Симферопольской женской гимназій.

§ 5. Разъ избранная стипендіатка имѣетъ право пользоваться стипендіей, при отличномъ поведеніи и усилѣхъ, во все время пребыванія въ гимназій и теряетъ это право: а) въ случаѣ оставленія по какимъ-либо причинамъ гимназій и б) увольненія изъ нея.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

15. (11-го января 1890 года). Положеніе о стипендіи имени торговаго дома Кунстъ и Альберсъ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ пожертвованнаго торговымъ домомъ „Кунстъ и Альберсъ“ капитала въ шесть тысячъ руб. въ ознаменованіе двадцатипятилѣтія существованія этой фирмы въ городѣ Владивостокѣ, учреждается при Владивостокской прогимназій одна стипендія имени „Торговаго дома Кунстъ и Альберсъ“.

§ 2. Стипендіатъ назначается Примурскимъ генералъ-губернаторомъ изъ учениковъ, окончивающихъ курсъ во Владивостокской прогимназій, для дальнѣйшаго образованія въ гимназій, а вѣтъ въ какомъ-либо высшемъ учебномъ заведеніи.

§ 3. Размѣръ стипендіи, за удержаніемъ государственнаго налога, по закону 20-го мая 1885 года, опредѣляется въ двѣсти восемьдесятъ пять руб.

§ 4. По окончаніи стипендіатомъ курса наукъ въ гимназій, директоръ гимназій сообщаетъ Примурскому генералъ-губернатору, какое высшее учебное заведеніе избрано стипендіатомъ для дальнѣйшаго окончанія образованія. По окончаніи же сего учебнаго заведенія или же по выѣтн его изъ заведенія до окончанія полнаго курса, начальство сего заведенія увѣдомляетъ генералъ-губернатора для замѣщенія вакансіи новымъ стипендіатомъ.

§ 5. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ или гарантированныхъ правительствомъ процентныхъ бумагахъ, хранится во Владивостокскомъ уѣдномъ казначействѣ, составляя неотъемлемую собственность Владивостокской прогимназій и остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 6. Могушіе образоваться по чему-либо остатки отъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала причисляются къ основному капиталу.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обявательства.

16. (12-го января 1890 года). Положеніе о стипендіи имени Ивана-Людвига Викентьевича Манцевича при Минскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ завѣщаннаго титулярнымъ совѣтникомъ Иваномъ-Людвигомъ Викентьевичемъ Манцевичемъ капитала въ четыре тысячи семьсотъ руб. учреждается при Минскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% билетахъ государственнаго банка и въ билетѣ втораго внутренняго съ выигрышами займа № 20 серии № 07,835, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Минскаго реальнаго училища.

§ 3. Въ случаѣ закрытія Минскаго реальнаго училища, стипендіальный капиталъ передается съ тѣмъ же назначеніемъ въ другое подобное учебное заведеніе Виленскаго учебнаго округа, по усмотрѣнію попечителя округа.

§ 4. Изъ процентовъ со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 года, въ стипендію выдается только три четверти означенныхъ денегъ, а одна четверть остается въ казначействѣ для увеличенія стипендіи.

§ 6. Если стипендіатъ окончитъ Минское реальное училище и поступитъ въ высшее учебное заведеніе, то въ такомъ случаѣ выдается ему для дальнѣйшаго образованія собранная въ казначействѣ, согласно 4 пункта настоящаго положенія, сумма отъ одной четвертой части процентныхъ денегъ, а если не окончитъ курса въ училищѣ или по окончаніи оваго, не поступитъ въ высшее учебное заведеніе, то эта сумма остается въ казначействѣ для образованія капитала въ 3000 руб., на проценты съ коего можно было бы учредить новую стипендію; равно могущіе оказаться и по другимъ причинамъ остатки отъ процентныхъ денегъ обращаются на образованіе капитала.

§ 6. Одно и то же лицо можетъ пользоваться стипендіей не болѣе 8 лѣтъ.

§ 7. Первымъ кандидатомъ на стипендію имѣетъ право быть род-

ственникъ завѣщателя какъ по мужской, такъ и по женской линіи; вторымъ—всякій ученикъ, посылая фамилію Манцевича; третьимъ—круглой сирота, и четвертымъ ученикъ, хотя и имѣющій родителей, но бѣднаго состоянія.

§ 8. Стипендіей пользуются ученики римско-католическаго исповѣданія.

§ 9. Стипендіатъ выбирается и назначается изъ числа лицъ, поименованныхъ въ пунктахъ 7 и 8, педагогическимъ совѣтомъ училища.

§ 10. Стипендія выдается воспитаннику на руки, а въ случаѣ надобности, его родителямъ или опекунамъ въ два срока, въ концѣ каждаго полугодія.

§ 11. Стипендіатъ неодобрительнаго поведенія лишается стипендіи.

§ 12. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 13. Если на означенный въ пунктѣ 3 билетъ 2-го внутренняго займа падеть выигрышъ въ пять тысячъ рублей или болѣе, то таковой присоединяется къ капиталу, для образованія новыхъ стипендій на вышеизложенныхъ основаніяхъ; выигрышъ же меньше пяти тысячъ рублей выдается, согласно духовному завѣщанію Ивана-Людвига Манцевича, его родственникамъ.

17. (18-го января 1890 года). Положеніе о стипендіи при Рижской женской Ломоносовской гимназій имени Евдокіи Кузьминичны Кузьминой.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, на счетъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго женою генералъ-майора Анною Федоровною Симановскою и состоящаго въ 4% билетахъ внутренняго займа въ 1000 р. и трехъ облигаціяхъ восточнаго займа, изъ которыхъ 2 по 100 р. и одна въ 50 р., а всего 1250 р., учреждается при Рижской женской Ломоносовской гимназій стипендіи имени „Евдокіи Кузьминичны Кузьминой“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, составляя неприкосновенную собственность Рижской женской Ломоносовской гимназій, хранится въ числѣ специальныхъ средствъ этой гимназій въ Рижскомъ губернскомъ казначействѣ.

§ 3. Часть процентовъ со стипендіальнаго капитала, а именно 50 р., ежегодно употребляется на плату за ученіе одной изъ ученицъ

Ломоносовской гимназій русскаго происхожденія, православной или старообрядки, отличающейся успѣхами въ наукахъ и хорошимъ поведеніемъ. Оставшіеся же за тѣмъ отъ стипендіи 2 р. 63 к., а за вычетомъ 5% налога, по закону 20-го мая 1885 года, 1 р. 87 к. выдаются стипендіаткѣ на приобрѣтеніе учебныхъ принадлежностей.

§ 4. Право назначенія стипендіи принадлежитъ попечительному совѣту Рижской женской Ломоносовской гимназій.

§ 5. Въ случаѣ временнаго незамѣненія стипендіи, проценты съ капитала, оставшіеся не выданными, обращаются въ пособіе стипендіаткѣ при окончаніи ею курса гимназій.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

18. (18-го января 1890 года). Положеніе о стипендіяхъ при Александровской Старобѣльской гимназій имени умершей вдовы дѣйствительнаго статскаго совѣтника Домны Андреевны Деменко.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ пожертвованнаго умершею вдовой дѣйствительнаго статскаго совѣтника Домной Андреевны Деменко капитала въ пятьдесятъ девять тысячъ четыреста рублей, за удержаніемъ государственнаго налога, по закону 20-го мая 1885 года, учреждаются при Александровской Старобѣльской гимназій четырнадцать стипендій ея имени.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ гимназій, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендіями пользуются бѣднѣйшіе и способнѣйшіе ученики Александровской Старобѣльской гимназій, христіанскаго вѣроисповѣданія, при безукоризненной нравственности.

§ 4. Изъ общаго числа стипендій пять предпочтительно принадлежатъ дѣтямъ воиновъ.

§ 5. Въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или оставленія по лѣности и нерадѣнію въ томъ же классѣ на второй годъ, стипендіаты лишаются права пользоваться стипендіями.

§ 6. Право избранія стипендіатовъ предоставляется педагогическому совѣту Александровской Старобѣльской гимназій, при чемъ, въ

случаѣ большаго количества достойныхъ кандидатовъ на стипендіи, вопросъ рѣшается жребіемъ.

§ 7. Размѣръ каждой стипендіи назначается въ двѣсти рублей въ годъ.

§ 8. Могущіе получить остатки отъ стипендіальной суммы должны быть отдаваемы въ сберегательную кассу при мѣстномъ казначействѣ до накопленія достаточной суммы для приобрѣтенія новыхъ % бумагъ и образованія новой стипендіи въ 200 рублей имени Д. Х. Деменко.

§ 9. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

III. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНОГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Народная проповѣдь Іисуса Христа, въ бесѣдахъ священника А. В. Смирнова. Выпускъ I. 1888. Стр. 125. Цѣна съ пересылкою 60 коп.“—допустить въ бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Брошюру: „Къ спряженію глаголовъ. С. Кратча. Москва. 1889. Въ 8-ку стр. 32“—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ (средняго и старшаго возрастовъ) бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ институтовъ.

— Книги: 1) Русская хрестоматія. Часть I—для двухъ первыхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Левъ Поливановъ. Изданіе 13-е, дополненное, съ образцами для славянскаго чтенія. Москва. 1889. Стр. 370+XII. Цѣна 70 коп.—2) Русская хрестоматія. Часть II—для III и IV классовъ средне-учебныхъ заведеній. Составилъ Левъ Поливановъ. Изданіе 8-е. М. 1887. Стр. 121+XXI. Ц. 1 р. 20 коп.—3) Русская хрестоматія. Часть III (въ двухъ книгахъ)—для V, VI, VII и VIII классовъ средне-учебныхъ заведеній. Изданіе 4-е, исправленное и дополненное. Составилъ Левъ Поливановъ. М. 1889. Стр. въ 1-й книгѣ XXIX+542, во 2-й книгѣ XXXI+408. Ц. 1-й книги 1 р. 50 коп., 2-й—1 р. 4) Краткій учебникъ русской грамматики (синтаксисъ и этимологія)—для учениковъ первыхъ трехъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ

Левъ Поливановъ. Изданіе 9-е. М. 1889. Стр. 121. Цѣна 50 к.—первую часть (для I и II классовъ) рекомендовать для употребленія въ гимназіяхъ, мужскихъ и женскихъ; вторую (для III и IV классовъ) одобрить какъ пособіе при обученіи русскому языку въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, то-есть, для гимназій, мужскихъ и женскихъ, и реальныхъ училищъ, для ученическихъ семинарій и учительскихъ институтовъ; третію (для V, VI, VII и VIII классовъ) одобрить, какъ пособіе при практическомъ изученіи теоріи словесности и при упражненіи въ сочиненіяхъ учениковъ; четвертую—одобрить какъ руководство для первыхъ трехъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгъ: „Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школъ. Томъ I. Книга для занятій по отечественному языку въ I, II и III (въ первомъ полугодіи) классахъ среднеучебныхъ заведеній и въ городскихъ училищахъ. В. Мартыновскаго. Изданіе 3-е, печатанное съ изданія 1888 года, съ дополненіями. Тифлисъ 1886. Стр. 432+VIII+XVII. Цѣна 1 р. 25 коп.—Томъ II. Книга для занятій по отечественному языку въ III, IV и V классахъ среднеучебныхъ заведеній и въ старшихъ классахъ городскихъ училищъ. В. Мартыновскаго. Тифлисъ. 1889. Стр. IV+476. Цѣна 1 р. 25 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія: первый томъ для I, II и III (въ первое полугодіе) классовъ средне-учебныхъ заведеній и для городскихъ училищъ; второй томъ для III (во второе полугодіе), IV и V классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для старшихъ классовъ народныхъ училищъ.

— Изданіе: „Сочиненія М. Н. Загоскина. Семь томовъ, въ 8-ку. Цѣна 16 руб.“—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, равно для учительскихъ институтовъ и учительскихъ семинарій.

— Книжку: „Энеида Вергилія. I—VI. С.-Пб. 1890. *Scriptores Latini cura Volodimeri Grausi in usum scholarum editi Publici Vergilii Maronis Aeneis in usum scholarum recognita. Pars prior. Libri I—V. Petropoli. MDCCCXC. Pag. 121. Цѣна 25 коп.*“—допустить въ качествѣ учебнаго пособія въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Упражненія въ переводѣ съ русскаго на латинскій и обратно. Для трехъ низшихъ классовъ гимназій“, составленная прикѣнительно къ грамматикѣ Эллента-Зейфферта В. Зубковымъ, профессоромъ Московскаго университета. Москва. 1860. Стр. 184+74.

Цѣна 1 руб.—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Краткая латинская фразеологія для среднихъ старшихъ классовъ гимназій. Составилъ Ив. Семеновичъ, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 1-й гимназіи. М. 1889. Стр. 80. Цѣна 50 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для среднихъ и старшихъ классовъ гимназій.

— Книгу: „Сборникъ статей для перевода съ русскаго языка на латинскій, съ приложеніемъ примѣчаній и синонимическаго и фразеологическаго словаря. Для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ С. И. Гинтовичъ, преподаватель С.-Петербургской 9-й гимназіи. С.-Пб. 1889. Стр. 66+56. Цѣна 75 коп.“—допустить въ качествѣ учебнаго пособия для гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Избранныя стихотворенія Ц. Овидія Назона. Латинскій текстъ съ введеніемъ и указателемъ собственныхъ именъ, составленными Андреемъ Адольфомъ. М. 1889. Стр. 259“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для гимназій и шестиклассныхъ прогимназій.

— Книгу: „Систематическій курсъ ариметики. Составилъ А. Киселевъ. Третье, улучшенное изданіе. М. 1890. Стр. VII+240. Цѣна 75 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Брошюру: „Образцы письменныхъ работъ по ариметикѣ. Курсъ III класса среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ инспектирующій преподаватель Нижегородскаго реальнаго училища М. Корякинъ. Нижній Новгородъ. 1889. Стр. 70+II. Цѣна 40 коп.“—допустить въ ученическія бібліотеки.

— Книгу: „Methodisch geordnete Aufgaben für das Kopf- und Tafelrechner von Richard Kalnin, Lehrer an den St. Aunen-Schule zu St.-Petersburg. I, II und III Heft. St.-Petersburg. 1889. Стр. 85+116+84. Цѣна 25+50+45 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия при преподаваніи ариметики въ первыхъ классахъ тѣхъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподаваніе ведется на нѣмецкомъ языкѣ.

— Книгу: „Перилъ. Историко-критическій этюдъ В. Вузескула, приватъ-доцента Императорскаго Харьковскаго университета. Харьковъ. 1889. Стр. VIII+418. Цѣна 3 руб.“—рекомендовать для фун-

даментальных и ученических библиотек средних учебных заведений.

— Книжку: „Первая учебная книжка нѣмецкаго письма и чтенія по звуковому методу, со статьями для разказа и перевода. Составилъ Г. М. Цирклеръ. Лодзь. 1888. Стр. II+75“—допустить къ употребленію въ начальныхъ училищахъ Варшавскаго учебнаго округа, въ коихъ преподается нѣмецкій языкъ.

— Книгу: „Учебникъ нѣмецкаго языка для двухъ младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Иванъ Аллендорфъ, преподаватель Бинниевскаго реальнаго училища. 3-е, пердѣланное изданіе. Одесса. 1889. Стр. XVI+141. Цѣна 80 коп.“—допустить къ употребленію въ качествѣ руководства для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи авторъ позаботился объ исправленіи замѣченныхъ въ его трудѣ недостатковъ.

— Книгу: „Нѣмецкій языкъ Методическій учебникъ, основанный на практическихъ упражненіяхъ. Составилъ С. Чекала, инспекторъ Александровскаго коммерческаго училища. I. Начальный курсъ. М. 1889. Стр. XXX+122. Цѣна 50 коп.“—рекомендовать для употребленія въ высшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ, въ качествѣ руководства при преподаваніи нѣмецкаго языка.

— Книжку: „Народныя сказки. Пособіе для чтенія въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Составилъ и снабдилъ словарями С. Чекала, инспекторъ Александровскаго коммерческаго училища. М. 1878. Стр. 71. Цѣна 60 коп.“—допустить къ употребленію въ высшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, въ качествѣ учебнаго пособія.

— Книжку: „Kurzgefasste Schulgrammatik der deutschen Sprache von S. Czekała, Inspector der St. Petri-Pauli-Knabenschule in Moskau. Изданіе 2-е. М. 1885. Въ 16-мъ д. л. стр. 60. Цѣна 50 коп.“—одобрить въ качествѣ руководства для высшихъ классовъ тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподаваніе предмета ведется на нѣмецкомъ языкѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ рекомендовать, какъ весьма полезное пособіе для старшихъ классовъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книжку: „Kurzgefasste Schulgrammatik der deutschen Sprache von S. Czekała, Inspector der Alexander-Kommerzschule. II. Theil:

Satzlehre. Изданіе 2-е. М. Въ 16-ю д. л. стр. 106. Цѣна 60 коп.—одобрить для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, въ качествѣ руководства при преподаваніи нѣмецкаго языка.

— Книгу: „Grundzüge der deutschen Grammatik für höhere Lehranstalten und zum Selbstunterricht nebst Regeln und Wörterverzeichnis für die deutsche Rechtschreibung. Основы нѣмецкой грамматики съ правилами нѣмецкаго правописанія и орфографическимъ указателемъ для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообученія. Составилъ К. М. Миквицъ. С.-Пб. 1887. Стр. 475+41“—одобрить для употребленія въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній въ качествѣ руководства, а вмѣстѣ съ тѣмъ рекомендовать ее къ приобретенію для фундаментальныхъ библиотекъ тѣхъ же заведеній, такъ какъ она содержитъ въ себѣ много поучительнаго и интереснаго и для преподавателей.

— Книгу: „Русско-нѣмецкій и нѣмецко-русскій словарь. Составилъ Н. Декстремъ. II. Нѣмецко-русскій словарь. Зондерсгаузенъ. Изданіе Фр. Августа Эйцеля (Оттона Кирдгоффа). Въ 8-ку стр. 953“—одобрить къ употребленію въ качествѣ учебнаго пособія при преподаваніи нѣмецкаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ, вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Школьная дѣтотика. Сводъ практическихъ свѣдѣній и правилъ, относящихся къ охраненію здоровья учащихся дѣтей. Изложилъ по доктору Герману Кленке Вл. Фармаковскій. Изданіе 7-е, значительно дополненное и совершенно переработанное на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій въ области школьной гигиены. Одесса. 1889. Въ 8-ку стр. 202. Цѣна 1 р. 50 коп.“—рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ и женскихъ, а равно родителямъ и воспитателямъ.

— Журналъ: „Zeitschrift von Volkskunde herausgegeben von Dr. Edmund Veckenstedt. Jährlich 12 Hefte von 30 Bogen gr. 8°. Preis für den Halbjahrgang. M. 8. Verlag von Alfred Doffel in Leipzig. 1889“—особеннаго одобренія не заслуживаетъ, но къ приобретенію его въ фундаментальныя библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній препятствій не встрѣчается.

— Книгу: „Простые разказы о садоводствѣ, огородничествѣ и полеводствѣ. Съ двѣнадцатю рисунками. Составилъ А. Ф. Комаровъ. Изданіе 2. Воронежъ. 1889. Въ 8-ку 96 стр. Цѣна 30 коп.“—допустить

къ употребленію какъ въ учительскихъ библіотекахъ начальныхъ училищъ, такъ и въ ученическихъ библіотекахъ учительскихъ семинарій.

— Книгу: „Полезныя свѣдѣніа о разведеніи картофеля на огородахъ и о сохраненіи его отъ загниванія. Составилъ В. А. Соловьевъ. Екатеринбургъ. 1890. Въ м. 8-ку 22 стр.“—допустить для народныхъ библіотекъ и для учительскихъ библіотекъ начальныхъ училищъ.

— Книгу: „Методика ручнаго труда по системѣ Саломона, директора Невской учительской семинаріи. Изложилъ В. Фармаковскій. Одесса. 1889. 93 стр. и 6 табл. чертежей. Цѣна 75 коп.“—одобрить для учительскихъ библіотекъ всѣхъ низшихъ училищъ, городскихъ и сельскихъ; и для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ семинарій и институтовъ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книги: „1) А. Лѣве. Первоначальныя упражненія въ ариметикѣ. Изд. 3-е, совершенно передѣланное. Сборникъ арифметическихъ задачъ для учащихся. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку 228 стр. Цѣна 30 коп. и 2) Его же. Первоначальныя упражненія въ ариметикѣ. Изд. 3-е, совершенно передѣланное. Руководство для учащихся. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку 105 стр. Цѣна 50 коп.“—одобрить первую, какъ учебное пособіе для учащихся въ городскихъ и сельскихъ училищахъ, вторую—въ учительскія библіотеки этихъ училищъ.

— Книгу: „Русская дѣтская хрестоматія для упражненій въ чтеніи рукописей различныхъ почерковъ въ народныхъ, городскихъ и уѣздныхъ училищахъ. Составилъ Ѳ. Г. Подоба. М. 1889. Въ 8-ку 111 стр. Цѣна 50 коп.“—допустить къ употребленію въ народныхъ училищахъ.

— Брошюру: „Императоръ Николай Павловичъ подъ Черниговымъ. И. Ф. Федорова. Одесса. 1889. Въ 12 д. л. 15 стр. Цѣна не обозначена“—допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „А. Славидкій. Дядька Квасовъ. (Воспоминанія кадета). Съ рисунками. М. 1889. Въ 16 д. л. 63 стр. Цѣна 30 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюру: „Стрѣлочникъ. Г. Данилевскаго. С.-Пб. 1887. Въ 16 д. л. 24 стр. Цѣна не обозначена“—допустить въ ученическія бібліотеки народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были сдѣланы въ ней указанныя ученымъ комитетомъ поправки.

— Книгу: „Сборникъ духовныхъ стихотвореній для дѣтей. Составилъ И. Н. Малиновскій. Гродно. 1889. Въ 8-ку 53 стр. Цѣна 30 коп.“—допустить въ бібліотеки народныхъ училищъ, городскихъ и сельскихъ.

— Книгу: „Разказы о Петрѣ Великомъ. Вл. Сорокина. Изд. 2-е, исправленное. С.-Пб. 1889. Въ 12-ю д. л. 156 стр. Цѣна 45 коп.“—допустить въ ученическія бібліотеки народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ ея изданіи были приняты авторомъ во вниманіе сдѣланныя ученымъ комитетомъ указанія.

— Книгу: „Книга для чтенія въ николѣ я дома. Выпускъ 1-й. Начальная лѣтопись и житія преподобныхъ Антонія и Феодосія Печерскихъ съ поученіями. Съ обозначеніемъ удареній на словахъ. Составила Е. Де-Витте. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку 147 стр. Цѣна 30 коп.“—допустить въ ученическія бібліотеки народныхъ училищъ.

ГЕОГРАФІЯ КАКЪ НОВАЯ УНИВЕРСИТЕТСКАЯ НАУКА ¹⁾.

Сегодня впервые я имѣю честь выступить передъ вами, на каедрѣ Харьковскаго университета, въ качествѣ преподавателя науки, доселѣ здѣсь не читавшейся, науки новой для нашихъ русскихъ высшихъ учебныхъ заведеній. И естественно, что всѣ здѣсь собравшіеся въ правѣ задать мнѣ вопросъ: что же это за новая наука, вдругъ откуда-то взявшаяся? почему только теперь она является среди прочихъ предметовъ, здѣсь налагающихся? почему ранѣе о ней ничего, какъ объ университетской наукѣ, не было слышно? Въ правѣ ли она называться наукою? не есть ли это лишь наглая самозванка, безъ всякихъ правъ вторгшаяся въ семью университетскихъ наукъ?

Выступая здѣсь въ качествѣ профессора географіи, считаю своимъ долгомъ, прежде чѣмъ начать курсъ, отвѣтить на этотъ вопросъ, высказать свой взглядъ на него, свое profession de foi, дабы не вводить въ заблужденіе моихъ слушателей. Я считаю это тѣмъ болѣе необходимымъ, что не только у насъ въ Россіи, но и на западѣ, взглядъ на географію не установился: всякій понимаетъ и толкуетъ этотъ предметъ по-своему, давая поводъ публикѣ составлять себѣ о немъ самыя превратныя представленія.

На сколько я могъ замѣтить господствующимъ въ массѣ представленіемъ о географіи является то, которое вынесено со школьной скамьи и опредѣлено приблизительно тѣмъ, что излагается въ учебникахъ Смирнова, Вѣлки, Пуликовскаго, Лебедева и т. п. И эта часть обра-

¹⁾ Вступительная лекція, читанная 16-го сентября 1889 года въ Харьковскомъ университетѣ.

вованной пубрики справедливо не удомѣваетъ: какую же роль подобная наука можетъ играть въ стѣнахъ университета? Вѣдь названные учебники содержатъ въ себѣ лишь собраніе разнородныхъ свѣдѣній о разныхъ частяхъ свѣта и ихъ государствахъ, да кое-что изъ физической географіи, свѣдѣнія правда—необходимыя для всякаго образованнаго человѣка, но сборъ которыхъ нельзя назвать наукою. Дѣйствительно, свѣдѣнія эти въ томъ видѣ, какъ они преподаются въ гимназіяхъ, неполны, но говоря по правдѣ, пополнить ихъ можно до безкопечности. Въ многотомномъ произведеніи Реклю „Géographie Universelle“ мы видимъ одно изъ наиболѣе талантливыхъ исполненій подобнаго рода задачи. Прекраснымъ, картиннымъ языкомъ изложены здѣсь разнообразнѣйшія свѣдѣнія о всѣхъ пяти частяхъ свѣта, свѣдѣнія о ихъ живой и мертвой природѣ, о населеніи, промышленности и торговлѣ. Но стоитъ любому изъ мѣстныхъ обывателей развернуть хотя бы главу о Малороссіи, чтобы онъ увидѣлъ, что въ ней такое множество пробѣловъ, что пользоваться сочиненіемъ этимъ для специальныхъ справокъ не возможно. Точно такое же впечатлѣніе производятъ описаніе его родины на любого изъ жителей другихъ странъ, описанныхъ Реклю, не смотря на полную добросовѣстность автора.

Очевидно, что исполненіе подобнаго рода задачи даже и не идетъ силу одному человѣку. Да и къ чему бы привело оно? Оно привело бы къ составленію полнаго компендія, запомнить который не въ состояніи была бы ни одна свѣтлая голова. Эти разнородныя свѣдѣнія, доведенныя до точности справочной книги и путеводителя, имѣютъ лишь частный интересъ, и имѣ кажется, г-жа Простакова не была бы неправа, утверждая, что этого рода географія болѣе пригодна для изиоциковъ, нежели для студентовъ. Эта была бы во всякомъ случаѣ наука не университетская, ибо истинная университетская наука должна стремиться къ наложенію и открытію научныхъ истинъ.

Не всякая наука имѣетъ въ виду эту послѣднюю цѣль. Есть рядъ наукъ прикладныхъ, представляющихъ лишь сводъ отдѣльныхъ фактовъ, „отдѣльныхъ“ правдъ, какъ ихъ называетъ мой уважаемый учитель проф. Менделѣевъ. Знаніе правды бываетъ важно для практической жизни; оно дается наблюденіемъ, опытомъ, практикою. Оно иногда на первый взглядъ приложимо къ жизни, ближе къ ней, доступно массѣ. Напротивъ, знаніе истины дается лишь путемъ чныхъ изслѣдованій, путемъ трудной умственной работы, путемъ

сопоставленія выводовъ, получить которые можно было лишь путемъ научныхъ, особыхъ методовъ изслѣдованія.

Что солнце наше поднимается ежедневно на востокѣ и, описавъ полукругъ, склоняется на западѣ—это фактъ, это правда, на знаніи и утилизаціи которой зиждется весь строй нашей жизни. Но истина движенія земли вокругъ оси, объясняющая смыслъ явленія, какъ извѣстно, далась людямъ не такъ скоро, и слѣдствія этой истины до сихъ поръ еще не исчерпаны человѣчествомъ.

Науки, не имѣющія цѣлю утилизацію сброда отдѣльныхъ „правдъ“, а дѣйствительно стремящіяся къ открытію истинъ, или трактующія объ этихъ скрытыхъ для простака истинахъ, имѣютъ по преимуществу право на мѣсто въ университетѣ и должны здѣсь излагаться. Географія или чтобы точнѣе, лучше обозначить нашъ предметъ—научное землевѣдѣніе, принадлежитъ именно къ этой послѣдней категоріи наукъ, хотя, по правдѣ сказать, изъ нихъ она самая молодая и не выработанная. Взглядъ на географію, какъ на сбродъ отдѣльныхъ фактовъ, былъ взглядъ не безъ основанія; онъ выработался исторически. Еще недавно географія была именно такою. Отрывочные факты, собранные различными путешественниками, суммировались въ одно цѣлое. Получался сборъ разнороднѣйшихъ свѣдѣній, касающихся климата, животныхъ, растений и быта людей различныхъ странъ, сбродъ, изъ котораго составлялось уже описаніе, куда могло входить все, начиная отъ направленія вѣтровъ и кончая тѣмъ, какими вилками ѣдятъ жаркое ея обитатели. Таковъ былъ характеръ землеописанія со временъ Страбона и Плинія и до Гумбольдта и Риттера включительно. Правда, еще со временъ глубокой древности, какъ это прекрасно показалъ В. де-Сентъ-Мартенъ въ своей *Histoire de la Géographie*, дѣлались попытки широкихъ обобщеній, нахожденія связи между живою и мертвою природою каждой страны, однако все это ограничивалось лишь смѣлыми, по большей части ни на чемъ не основанными, гипотезами.

И такое состояніе географіи нельзя было ставить ей въ вину. Почти каждая университетская наука во времена болѣе или менѣе отдаленныя находилась въ этой стадіи сброда мало систематизированныхъ, поверхностныхъ, доступныхъ простому глазу наблюденій, не координированныхъ фактовъ, словомъ—представляла свѣдѣнія объ узкихъ „правдахъ“, но была далека отъ провозглашенія истинъ. Вспомните: ботаника зародилась изъ травниковъ и полезнахъ свѣдѣній о съѣдобныхъ и лѣкарственныхъ травахъ; минералогія еще

недавно занималась лишь перечисленіемъ признаковъ нахождения рудъ и драгоценныхъ камней; химія возникла изъ алхиміи, представлявшей рецепты для получения золота и философскаго камня; даже древнѣйшая и совершеннѣйшая изъ наукъ, астрономія, и та представляла нѣкогда сводъ фактовъ о движеніи свѣтлѣ по небесной тверди и ихъ загадочныхъ вліаній на судьбы людей. Географія только запоздала, идучи по тому же самому пути развитія. И это запаздываніе вполне понятно и естественно.

Географія всегда имѣла предметомъ своимъ земной шаръ, описаніе его материковъ и морей и уясненіе явленій, на немъ происходящихъ и обуславливающихъ обстановку и судьбы живущаго на немъ человѣчества. Древніе географы, компилируя имѣющіеся подъ ихъ руками свѣдѣнія, были поэтому совершенно правы, принимая въ разчетъ всѣ данныя о природѣ и жизни описываемыхъ ими странъ. Но по мѣрѣ развитія нашихъ знавій, географъ оказался подавленнымъ ихъ массою, и ему не оставалось ничего иного, какъ раздѣлить свой трудъ. Древняя наука должна была раздѣлиться между метеорологами, геофизиками, ботаниками, геологами, зоологами, этнографами, политико-экономами, статистиками. Ея самостоятельное существованіе сдѣлалось фактически невозможнымъ. Но эти науки, на которыя она распалась, каждая въ свою очередь, представили столько матеріала, столько своего спеціальнаго интереса, что служители наукъ этихъ, углубившись въ нихъ, по большей части забыли объ исходномъ ихъ пунктѣ и задались цѣлями довольно далекими отъ той, къ которой стремилось научное землевѣдѣніе. Ботаники стали интересоваться вопросами о процессахъ питанія и роста растений, о генетической связи между отдѣльными родами и видами; самая исторія развитія низшихъ организмовъ потребовала столь старательнаго изученія, что лица, увлекшіеся этими вопросами, по большей части совершенно оставляли втугѣ ту ботанику, которая, какъ вѣтъ географія, была генетически съ нею связана, то-есть, изученіе флоръ различныхъ странъ и присущихъ имъ особенностей. Если подобнаго рода изученіе и дѣлалось, то обыкновенно спеціализація автора накладывала на него рѣзкій отпечатокъ. Оно носило на себѣ характеръ односторонности. Перечни растений, издаваемые ботаниками старой школы, были сухимъ, неудобоваримымъ, никому, кромѣ однихъ спеціалистовъ, неинтереснымъ матеріаломъ. Люди менѣе односторонніе, въ родѣ Гризбаха, Рупрехта, пытавшіеся пролить свѣтъ на собраніе ими факты, освѣщали его всегда крайне односторонне, ища связи между, напри-

мѣръ, климатомъ и флорою или геологическимъ строеніемъ мѣстности и растительностью и оставляя въ сторонѣ совокупность другихъ факторовъ не менѣе важныхъ. То, что сказано о ботаникѣ, вполне применимо и къ другимъ наукамъ и повторятъ аналогичныя примѣры значило бы лишь надобѣдать слушателямъ.

И такое положеніе дѣлъ было вполне естественно. Вѣдь еще недавно отношеніе человѣка къ земному шару отличалось весьма немного отъ отношенія муравья къ тому мѣсту, по которому онъ ползаетъ. Правда, трудами путешественниковъ и топографовъ намъ удалось теперь составить довольно ясное представленіе объ очертаніяхъ и распредѣленіи суши и моря, о направленіи рѣкъ и горъ; но вѣдь этотъ трудъ былъ лишь координаціей отдѣльныхъ факторовъ— не болѣе. Земной шаръ, однако, какъ извѣстно, подобенъ живому организму. Его внутренность и кора, воды и воздушная оболочка ежечасно перетерпѣваютъ многообразныя измѣненія. Ходъ измѣненій этихъ движеній влзаетъ на органическую жизнь нашего шара, которая до извѣстной степени является какъ бы отраженіемъ этихъ явленій. И естественно, что пока человѣкъ самъ находился въ сферѣ дѣйствія всѣхъ этихъ силъ и явленій, будучи самъ въ значительной степени ихъ объектомъ, онъ не могъ имѣть полной картины жизни земнаго шара.

Чтобъ имѣть эту картину, онъ долженъ былъ сумѣть мысленно отдѣлаться отъ его поверхности и составить картину явленій, на ней происходящихъ; онъ долженъ былъ наблюдать теченіе вѣтровъ, распредѣленіе осадковъ, процессовъ вывѣтриванія породъ и т. д., такъ же, какъ медикъ наблюдаетъ кровообращеніе, пищевареніе, выдѣленіе железъ и т. п. на вѣренномъ ему человѣческомъ организмѣ.

Очевидно, для того, чтобы перестать играть роль муравья и превратиться въ стоящаго влѣ земли наблюдателя, надо было владѣть особыми методами. Методы эти суть достояніе естественныхъ наукъ и притомъ наукъ въ самой новѣйшей стадіи ихъ развитія. Только благодаря методамъ синоптической метеорологіи, благодаря телеграфамъ, соединяющимъ другъ съ другомъ всѣ обсерваторіи пяти частей свѣта, мы можемъ составить карты состоянія атмосферы на каждый день, имѣть картину ея годичной жизни, такъ же, какъ мы могли бы наблюдать ее, рассматривая землю нашу съ какого-нибудь другаго свѣтила. Только суммируя тысячи фенологическихъ наблюденій, только сопоставляя тысячи голыхъ систематическихъ списковъ,

данныхъ въ разное время ботаниками, мало по малу оказываемся мы въ состояніи слабою, ветвердою рукою начертать границы растительныхъ и животныхъ царствъ; только теперь можемъ мы дѣлать попытки объяснить особенности царствъ этихъ, явленія ихъ жизни и отмиранія, тѣ явленія атмосферной, почвенной жизни, о распредѣленіи и причинахъ которыхъ наши предшественники могли строить только смѣлыя гипотезы.

Научное землевѣдѣніе является поэтому наукою, возникшею въ нашъ вѣкъ пара и электричества, можно сказать, исключительно имъ обязанною своимъ существованіемъ: ибо, благодаря только этимъ факторамъ нашей цивилизаціи, мы можемъ сопоставлять между собою различныя явленія, одновременно или почти одновременно происходящія на нашемъ шарѣ, рассматривать ихъ съ точки зрѣнія наблюдателя, стоящаго внѣ земнаго шара, отыскивать между ними причинную и генетическую связи. Въмѣсто голой суммировки отдѣльныхъ свѣдѣній, современная, возникающая наука стремится сгруппировать и расклассифицировать разнородные типы явленій органической и неорганической жизни земнаго шара, рассматривая ихъ такими, какими они представляются живущему на немъ человѣчеству, и охарактеризовать ихъ, ищеть между ними генетической связи и законности, управляющей ихъ возникновеніемъ и взаимодействіемъ.

Я сейчасъ постараюсь пояснить примѣромъ сказанное; но прежде я долженъ указать еще на одно обстоятельство, мѣшавшее доселѣ развитію научнаго землевѣдѣнія. Причина эта—младенческое состояніе геологіи.

Хотя истинная задача геолога—исторія земной коры, а не описаніе современнаго ея состоянія, однако, какъ бытописатель, знакомый съ исторіею своей страны, легче пойметъ особенности ея жителей, такъ и знаніе прошлаго необходимо для географа. Геологъ характеризуетъ жизнь в географію земнаго шара въ отдаленномъ его прошломъ. Это прошлое часто мало интересно для географа. Но чѣмъ ближе къ современному періоду, тѣмъ большее вліяніе на особенности природы материковъ и морей нашей планеты оказываетъ это недавнее прошлое, ихъ до-историческое распредѣленіе и жизнь. Это прошлое наложило на современность неизгладимую печать, которую не можетъ стереть современная жизнь шара, а потому для разумнаго пониманія обстановки человѣка на земномъ шарѣ и его судьбы, равно какъ для разумнѣя истиннаго смысла явленій и распре-

дѣленія ихъ на земномъ шарѣ, словомъ—для научнаго землевѣдѣнія, необходимо знаніе исторіи развитія современной обстановки человѣка. Но мы знаемъ, что геологія вообще, и геологія новѣйшихъ образованій въ особенности, можно сказать, только въ самыя послѣднія недѣли своего развитія достигла возможности слабою, вѣсною рукою начертать измѣненія нашихъ материковъ и морей въ предшествующую эпоху, начертать исторію ихъ развитія и въ туманѣ показать намъ грандіознѣйшую картину возникновенія нашего современнаго земнаго міра, какъ слѣдствія сжатія, складыванія и сдвиговъ по трещинамъ охлаждающейся коры земнаго шара.

Естественно, что, лишенная еще недавно столь важныхъ условій для своего развитія, географія, какъ наука, существовать не могла. Какъ физиологія является дочерью физики и химіи, какъ геологія дочь астрономіи и физики, такъ географія является дѣтищемъ естественныхъ наукъ, нѣкогда изъ нея возникшихъ. Развитіе ея методовъ и результатовъ вполне зависѣло отъ успѣховъ этихъ послѣднихъ. Вотъ почему, мм. гг., географія является послѣднею въ семьѣ естественныхъ наукъ.

Чтобы выяснитъ лучше разницу между научнымъ землевѣдѣніемъ и тѣмъ, которое принималось за таковое ранѣе, я позволю себѣ иллюстрировать мое изложеніе примѣромъ.

Поставимъ себѣ задачей сдѣлать научное географическое описаніе Великобританіи, страны наилучше изслѣдованной въ естественно-историческомъ отношеніи. Географъ старой школы началъ бы съ изложенія объ очертаніяхъ острововъ, ихъ величины, далъ бы картину устройства поверхности, перечислилъ бы горы, ихъ высоту, рѣки съ ихъ особенностями; указалъ бы далѣе на климатъ, господствующіе вѣтры, распредѣленіе осадковъ; назвалъ бы главнѣйшіе виды растеній и животныхъ; затѣмъ перешелъ бы къ народонаселенію, его плотности, этнографическому составу, быту, промышленности, торговлѣ, государственному устройству, бюджету и т. д., и т. д. Эту намѣченную программу въ зависимости отъ времени, способности и силъ онъ могъ бы расширить или сузить по произволу, такъ какъ объектовъ для описанія у него былъ бы всегда неисчерпаемый источникъ. Но все это былъ бы одинъ систематизированный, сырой матеріалъ — очень важный для справокъ, но не имѣющій и тѣни научности. Типъ такого рода описанія, какъ сказано, мы видимъ у Рейля, у Кирхгоффа и другихъ извѣстныхъ географовъ.

Не такъ долженъ отнестись къ своей задачѣ опытный землевѣдъ.

Для него эта группа островковъ есть не что иное, какъ кусочекъ материка Евразіи, отдѣленный отъ него только въ силу трансгрессіи Атлантическаго океана. Обращаясь къ даннымъ геологій, онъ находитъ, что явленіе указанной трансгрессіи не есть случайное въ исторіи Великобританіи. Если теперь ея подводныя пучины и фіорды суть остатки озерныхъ днищъ, вырытыхъ ледниками, а рифы и мели—вершины затопленныхъ горъ, кое-гдѣ даже сохранившихъ подъ водою свои лѣса, то явленіе это въ предшествовавшіе періоды повторялось не разъ, и Великобританію можно раздѣлить на двѣ области: область горъ, возникшихъ во времена глубокой древности и со временъ этой древности не затоплявшихся; область горъ и холмовъ болѣе молодыхъ, затоплявшихся лишь въ древнее время, и наконецъ, равнины, бывшія попеременно до послѣднихъ дней то долиною моря, то сушею. Указавъ далѣе мѣсто Англіи на пути современныхъ воздушныхъ теченій, обуславливающихъ ея современный климатъ, онъ долженъ указать на исторію этого климата, на періодъ большаго пониженія температуры, обусловившаго смѣну постоянныхъ дождей сѣвера Шотландіи такими же снѣгопадами, которые вызвали развитіе ледниковъ, покрывшихъ почти всю страну за исключеніемъ ея южной оконечности. Періодъ соединенія ледниковъ Шотландскаго и Скандинавскаго, факты всегда со временъ глубокой древности большей влажности западныхъ склоновъ, сравнительно съ восточными, должны быть отмѣчены съ особенною силою. Тогда яснѣе всего выступаютъ всѣ особенности рельефа современнаго королевства. Слушатель пойметъ тогда, почему горы Великобританіи на цѣлыя геологическія эпохи болѣе древни, чѣмъ, напримѣръ, Альпы, Карпаты или Гималаи, и что онѣ представляютъ одніи развалины; почему ея рѣчныя долины превратились въ горныя проходы, прорѣзавъ давно поперекъ горныя хребты, почему такъ широки устья рѣчекъ, въ родѣ Темзы, доступны кораблямъ и представляющія въ сущности залитыя прѣсною водою эстуаріи. Панорамы Шотландіи, носящія отпечатокъ ледянаго періода, и ихъ рѣзкое отличіе отъ панорамъ Корнуоллса, разницы перипетій пиковъ базальтовыхъ и гранитныхъ скалъ Ирландіи не будутъ мертвыми фактами, но полными глубокаго содержанія...

То же и съ растительностью. Вмѣсто мертваго перечисленія характерныхъ формъ географъ долженъ указать на особенности ихъ распространенія. Онъ долженъ указать на факты господства сосны и скандинавскаго типа флоры въ Шотландіи и въ носящихъ слѣды оледенѣнія частяхъ Британіи, на присутствіе совершенно особенныхъ

американско-испанскихъ видовъ на его западныхъ оконечностяхъ и германскихъ на крайнемъ востокѣ. Онъ долженъ выяснить, почему однѣхъ климатическихъ особенностей, присущихъ различнымъ уголкамъ Соединеннаго королевства, недостаточно для объясненія такого ихъ распространенія и сродства съ названными странами. Онъ покажетъ, что испанскія формы суть отголоски отдаленной третичной флоры, уцѣлѣвшей въ пунктахъ, пощаженныхъ ледниками, и растущей тамъ доселѣ благодаря ихъ влажности. Скандинавскій типъ окажется ледниковымъ, уступающимъ германскому современному, по мѣрѣ таянія ледниковъ, и пестрый цвѣтистый коверъ современной флоры явится перукотвориою лѣтописью пережитыхъ странною событій, краснорѣчию и поэтичною. И ясно тогда станетъ, почему эти тысячи видовъ — представителей южной Европы, Америки, Японіи и Австраліи, введенные рукою опытнаго акклиматизатора, — нашли на островѣ второе отечество, и почему благовонный листъ классическаго лавра или зеленъ ливанскаго кедра переплетаются здѣсь съ хвоею сосны, а на коврѣ изъ травъ суроваго сѣвера высятся итальянскія пинніи и витоспорумы. Бѣдность фауны острововъ, лишеной почти эндемичныхъ видовъ, почти тождественной съ европейскою континентальною, но менѣе богатой, получить особый интересъ. Это прогрессивное убываніе рептилій съ болѣе крупныхъ острововъ на болѣе мелкіе западные будетъ свидѣтельствовать о когда-то бывшей, но слишкомъ рано порванной связи съ материкомъ. Это присутствіе полярныхъ видовъ въ пучинахъ будетъ говорить о слѣдахъ ледниковаго періода, а оригинальность формъ Ирландскаго моря — о его изоляціи.

Наконецъ, вмѣсто перечисленія племенъ и религій, современный географъ долженъ показать своимъ слушателямъ сперва географическое распредѣленіе типовъ, установленныхъ антропологами; показать связь современныхъ типовъ съ типами историческими и доисторическими, установленными по курганамъ и могиламъ, изъ чего съ ясностью выступитъ, что во всей западной части королевства еще господствуетъ тотъ же типъ, который имѣли люди каменнаго вѣка, но рѣзко отличный отъ свидѣтелей обледенѣнія Шотландіи — палеолитическихъ, эскимосоподобныхъ народовъ. На географѣ лежитъ обязанность выяснить причины, почему именно здѣсь, не смотря на все смѣшеніе, удержался этотъ типъ, почему кельты, строители дольменовъ, внесшіе употребленіе бронзы, не изгнали его, а растворились вмѣстѣ съ римлянами въ его массѣ, и какія географическія

причины позволили позднѣйшимъ пришлецамъ, саксамъ и норманнамъ, не только утвердить свое владычество, но и обусловить громадное преобладаніе въ восточной части королевства той высокой рыжеволосой расы, которая всегда рисуется въ умѣ при представленіи о туриствѣ-англичанинѣ. Наконецъ, вопросъ о томъ, какую печать отложила вся эта совокупность факторовъ на культурѣ страны, принадлежитъ также къ числу вопросовъ землевѣдѣнія.

Вы видите, мм. гг., что программа такого рода землевѣдѣніемъ рѣзко отличается отъ такъ-называемой физической или динамической геологіи, которая занимается исключительно изученіемъ отдѣльныхъ силъ, дѣйствующихъ на земной поверхности, измѣняющихъ ее, и изучаетъ ихъ исключительно въ примѣненіи къ геологіи, то-есть, для объясненія событій давно прошедшихъ. Это также и не физическая географія, то-есть, ученіе о распредѣленіи этихъ силъ по земной поверхности. Это, напротивъ, философская наука, пытающаяся на основаніи выводовъ естественныхъ наукъ объяснить и указать особенности той обстановки, въ которой принуждено жить современное человѣчество, подобно тому, какъ наука о человѣкѣ стремится узнать особенности организаціи человеческого организма и законы, управляющіе его жизнью. Съ другой стороны, приведеннаго примѣра программы землевѣдѣнія Великобританіи совершенно достаточно, чтобы показать, что при преподаваніи географіи сама необходимость заставляетъ начинать съ общаго и переходить къ частному.

Намъ приходилось намекать на то, что горы Англіи суть части древнихъ горъ залитой оконечности Евразіи, что онѣ были подъ леднымъ покровомъ, одѣвавшимъ сѣверъ Европы, что ее попеременно заселяли флоры то скандинавскаго, то иберійскаго типа, что ея аборигены были астурийской расы; словомъ, для разумнаго пониманія явленій, происходящихъ на этомъ маленькомъ архипелагѣ, намъ пришлось бы постоянно дѣлать экскурсіи изъ него въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя, приурочивая ихъ то къ тому, то къ другому типу широко распространенныхъ по земному шару явленій. Вотъ почему разумнѣе, на мой взглядъ, дать сперва общую картину развитія и распредѣленія различныхъ гео-физическихъ, гео-ботаническихъ и другихъ явленій, происходящихъ на земномъ шарѣ. Тогда задача частнаго землевѣдѣнія будетъ несравненно проще. Она будетъ сводиться къ нахожденію роли того или другаго явленія данной страны въ общей жизни земнаго шара, подобно тому какъ для частной

съемки, частнаго плана: надо прежде узнать его мѣсто на большой общей картѣ.

Та общая широкая программа землевѣдѣнія, которая мною начертана, роль частнаго землевѣдѣнія, сейчасъ намѣченная, мнѣ кажется, принадлежитъ къ числу интереснѣйшихъ отдѣловъ натур-философіи. И конечно, между различными отдѣлами частнаго землевѣдѣнія отдѣлъ познанія нашего отечества—землевѣдѣніе Россіи—кажется мнѣ, долженъ занимать первое мѣсто. Мы, владѣя столь обширнымъ кускомъ вселенной, къ стыду своему должны сознаться, что до сихъ поръ не знаемъ ни своего отечества, ни роли его природы на материкѣ Евразіи. И отъ кого же, какъ не отъ университетски образованнаго человѣка, можно требовать этого знанія? Вы, здѣсь сидящіе, вы, будущіе администраторы, земледѣльцы, воспитатели внѣшества, сколько политическихъ ошибокъ, сколько превратныхъ распоряженій сдѣлаете вы, не зная своей страны! Не отъ неполнаго ли ея знанія происходитъ это наше самопрезрѣніе и самопоруганіе? Не отъ недостаточной ли выясненности нашей роли на материкѣ стараго свѣта мы вотъ уже второй вѣкъ, на перекоръ стихіямъ, попираемъ и презираемъ свое, стремимся копировать съ Европы возможное на ряду съ невозможнымъ! Мнѣ кажется, лучшее знаніе своей страны искоренило бы въ обществѣ нашемъ многія ненормальности.

Общее землевѣдѣніе, въ объемѣ, нами начертанномъ, въ развитіи своемъ всецѣло зависить отъ развитія естественныхъ наукъ. Послѣднія далеко еще не сказали своего послѣдняго слова. Понятно, что его не могла сказать и географія. Многіе вопросы ея могутъ пока быть еще только намѣчены. На мѣсто желательныхъ истинъ приходится во многомъ ограничиваться еще смѣлыми гипотезами. Но такова судьба всякой молодой, зарождающейся науки. Мы можемъ утѣшать себя только тѣмъ, что мы видимъ громадный сырой матеріалъ, подготовленный натуралистами. Кирпичи готовы, они ждутъ строителя—и, говоря словами Христа, я могу сказать вамъ: возарите на нивы, какъ онѣ побѣлѣли; не настало ли время для жатвы?

Въ заключеніе этого вступительнаго слова своего я укажу еще на одну сторону нашей новой науки. Всѣ естественныя науки, здѣсь читающіяся, зародились и создались на западѣ. Мы являемся приемниками и учениками западно-европейскихъ ученыхъ. Слова нѣтъ, русская наука на своемъ молодомъ и славномъ поприщѣ сдѣлала весьма многое и обратила на себя всеобщее вниманіе въ европей-

скомъ ученомъ мірѣ, гдѣ она заняла почетное мѣсто. Но право первородства принадлежитъ не ей. Научное землелѣдѣніе первое возникаетъ у насъ одновременно съ западомъ. Наука эта, широкая по своему плану, требующая какъ широкихъ обобщеній, такъ и умѣнія всею душою понять чуждую природу, чуждый характеръ и привычки, по духу своему, болѣе чѣмъ какая бы то ни было, соответствуетъ намъ, русскимъ, которые, какъ показала наша исторія, наша цивилизація, наша беллетристика, болѣе чѣмъ какой другой народъ, обладаютъ указанными свойствами. А потому будемъ надѣяться, что, развѣившись у насъ, она станетъ дѣйствительно наукою русскою по преимуществу.

А. Красновъ.

ПЕРВАЯ ПСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ ПОСЛѢ ПАДЕНІЯ ПСКОВА ¹⁾.

Съ паденіемъ самостоятельности Пскова лѣтописная дѣятельность въ немъ не прекратилась; лѣтописи продолжаютъ по прежнему и не въ одномъ мѣстѣ, доказательствомъ чему служатъ какъ вставки въ такъ-называемомъ Архивскомъ спискѣ, такъ и существованіе списковъ, извѣстныхъ подъ названіями Карамзинскаго и Академическаго, которые продолжаютъ до 1547 года, и Снѣгиревскаго, продолжающагося съ перерывами до 1609 года. Всѣ эти списки, повѣствуя иногда объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ, разнятся отъ другихъ списковъ (напримѣръ, отъ Арх. IV) во взглядахъ на описываемыя лица и отличаются большею подробностію. При этомъ въ нихъ замѣтно и больше вставокъ; таковы, напримѣръ, разказъ о началѣ Печерскаго монастыря ²⁾, составлявшій, безъ сомнѣнія, прежде отдѣльную запись, сдѣланную какимъ-либо приверженцемъ дьяка Мисюря Мунехина, который, „какъ отецъ господинъ добрый съ своимъ подъячимъ Ортошемъ“, былъ главнымъ виновникомъ возникновенія этого монастыря. Разказъ этотъ мы считаемъ вставнымъ на томъ основаніи, что въ немъ не повѣствуется о какомъ-либо отдѣльномъ эпизодѣ, а вѣдь и очерченъ довольно значительный періодъ изъ монастырской жизни. Въ разказѣ объ архіепископѣ Мыхаріи ³⁾ заключаются извѣстія изъ двухъ источниковъ: одинъ—лѣтописный о прибытіи архі-

¹⁾ Въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* за октябрь 1883 года была помещена статья того же автора „О первой Псковской лѣтописи“.

²⁾ П. С. Р. Л., IV, 293.

³⁾ *Иб.*, 296. 297.

епископа въ Новгородъ и о приказаніи его молиться на эктеніяхъ о томъ, чтобы Богъ далъ князю съ молодою княгиней „плодъ чрева“. Дальнѣйшія извѣстія, вѣроятно, не изъ лѣтописнаго источника: въ нихъ сообщаются нѣкоторыя біографическія данныя о Макаріи, объ отношеніи къ нему великаго князя, митрополита Даніила, о встрѣчѣ его въ Новгородѣ и произведенномъ имъ впечатлѣніи. Выраженія: „и бысть хлѣбъ дешевъ, и монастыремъ легче въ податехъ, и людемъ заступленіе велие, и сиротамъ кормитель бысть. И по нѣколицѣхъ лѣтѣхъ спятительства своего въ Великомъ Новѣгородѣ замысли архіепископъ Макарей мельницу поставити“... говорятъ въ пользу того предположенія, что обо всемъ этомъ вошло въ лѣтописный сводъ изъ посторонняго источника.

Есть вставки и въ такъ-называемомъ Арх. IV спискѣ; тамъ событія, описанныя подъ 1605 г. ¹⁾, составляли прежде отдѣльную записку, потому что къ этому году приурочены событія, начиная съ появленія на Сѣверской украинѣ перваго самозванца до занятія Москвы поляками подъ начальствомъ гетмана Жолкевскаго. Подъ 1606 г. ²⁾ изъ другаго источника помѣщено извѣстіе о смерти Лжедмитрія I, воцареніи Шуйскаго и его низверженіи. Подъ 7097 г. ³⁾ помѣщенъ списокъ Псковскихъ архіереевъ, конечно, тоже первоначально не принадлежавшій лѣтописи. Кромѣ этихъ болѣе крупныхъ вставокъ, есть достаточное количество вставокъ мелкихъ, говорящихъ о событіяхъ, уже описанныхъ; такъ въ спискахъ Арх. IV и Эрмитажномъ, составляющемъ точную копию перваго, два раза упоминается о слѣдующихъ событіяхъ: о взятіи Смоленска, о битвѣ при Оршѣ, о нападеніи поляковъ на Опочку и Себежъ, о пожарѣ во Псковѣ и взятіи Полоцка ⁴⁾. Всѣ эти извѣстія, очевидно, попали въ сводъ изъ другихъ источниковъ, такъ какъ они не похожи на свѣдѣнія о тѣхъ же самихъ событіяхъ, помѣщенныя въ другихъ мѣстахъ.

Не смотря, впрочемъ, на эти вставки, Псковская лѣтопись отличается большею цѣльностью сравнительно съ другими сводами, напри-

¹⁾ Иб., 321. 322. Это же нужно сказать и относительно извѣстій подъ 7076 годовъ (стр. 318), гдѣ излагается походъ Грознаго на Новгородъ, война съ Ливоніей и желаніе царя убѣжать въ Англію и жениться тамъ. „Сидова бысть держава Грознаго царя Ивана Васильевича“, восклицаетъ авторъ.

²⁾ Тамъ же, стр. 322.

³⁾ Иб., 337.

⁴⁾ См. стр. 289, прим. м.; стр. 290, прим. ѓ; стр. 291, 301, 314, прим. а и б. О походѣ на Новгородъ сообщается тоже дважды, стр. 318.

и́брь, Лаврентіевскимъ, Никоновскимъ и другими позднѣйшими. И по всей вѣроятности, лѣтопись велась извѣстными нарочно опредѣленными къ тому лицами. Трудно сказать, сколько было авторовъ лѣтописи отъ паденія Пскова до прекращенія ея, то-есть, до 1645 г. Но судя по большей или меньшей подробности въ описаніи событій, по симпатіямъ и выбору извѣстій, можно предположить, что лѣтописецъ было шесть. Первый, по всей вѣроятности, довелъ извѣстія до 7056 (1548) года; 1549 г. не описанъ, можетъ быть, именно потому, что продолжатель лѣтописца еще не былъ найденъ. Лѣтописецъ два раза упоминаетъ о себѣ въ первомъ лицѣ: подъ 1535 г. („мию всѣхъ 150,000 силъ“) и подъ 1541 г. („не судя его писахъ“) ¹⁾.

Второй лѣтописецъ описывалъ событія съ 7058 по 7077 г. Главнымъ содержаніемъ лѣтописи за это время было описаніе войны русскихъ съ Ливоніей, что авторъ изображаетъ съ подробностію, но по слухамъ; это доказываютъ выраженія: „сказываютъ“, „сказывали“. Авторъ говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ подъ 1552 годомъ при описаніи мора: „а по буямъ не вѣмъ колко числомъ“.

Съ 7077 до 7114 года занись велась третьимъ лицомъ. Отличительная черта этихъ извѣстій — краткость; есть много извѣстій, не относящихся къ Пскову, хотя въ немъ записанныхъ.

Съ 7114 до 7119 года запись велась четвертымъ лицомъ; въ описаніи событій за эти годы говорится главнымъ образомъ о внутреннихъ неурядицахъ псковичей, о враждѣ черныхъ людей съ

¹⁾ Ib., 299., 304. Извѣстія въ Кар., Анад. и Сызгир. спискахъ за это время, то-есть, до превращенія первыхъ двухъ, тоже, вѣроятно, описывались однимъ лицомъ (кромя упомянутыхъ выше уставовъ), который упоминаетъ о себѣ въ первомъ лицѣ подъ 1541 г., а „иные радъ бы повѣсти змѣ писати, но грубъ разумомъ и смысломъ“ (стр. 304). Въ пользу записыванія этихъ событій однимъ лицомъ говорятъ сходныя выраженія, иногда повторяющіеся: „не мы ихъ побили, но Богъ ихъ побилъ“ или „не мы ихъ прогнахомъ, но Божіа сила“, стр. 301, 306. Писатель былъ не духовное лицо; говори объ отдѣленіи сельскихъ поповъ отъ городскихъ и о распрѣ между ними по этому поводу, авторъ замѣчаетъ: „и бысть у нихъ смятеніе велие“, стр. 306. Въ Сызгир. списокѣ послѣ записано объ Іоаниѣ Грономѣ, подъ 1547 г. говорится:... „смерть отъ него пріять, аже напреді о всенъ урши писана же въ кратцѣ“ (стр. 343). Следовательно, эти слова сказаны послѣ смерти Гронома. Составитель этой лѣтописи благоволяетъ къ Борису Годунову, между тѣмъ какъ лѣтописецъ, произведеніе котораго сохранилось въ такъ-называемомъ Архивскомъ спискѣ, враждебенъ ему; Борису нарочитъ Ругодиву, и потому русскіе не могутъ взять его (стр. 320); Ворисовымъ повелѣніемъ убитъ былъ царевичъ Дмитрій, „за его же кровь обліяся Русскія земли“ (стр. 321).

лучшими, при чемъ лѣтописецъ является сторонникомъ первыхъ. Большіе люди, по его изображенію, представляются извинниками: они вмѣстѣ съ новгородцами хотять передать Псковъ нѣмцамъ, меньшіе люди противятся этому и многихъ бояръ казнятъ; ватѣмъ бояре берутъ перевѣсъ и казнятъ многихъ черныхъ людей. Вообще за все это время лѣтописецъ живо рисуетъ то шатаніе умовъ; ту рознь, которая существовала тогда во Псковѣ (да и не въ одномъ Псковѣ, а по всей Руси): лучшіе люди возстаютъ на черныхъ, черные на лучшихъ; одержить перевѣсъ одна партія, казнить противниковъ; вѣче собиралось не разъ.

За этотъ періодъ лѣтописецъ почти совсѣмъ не говоритъ о вѣнскихъ дѣлахъ, которыя начинаютъ привлекать къ себѣ больше вниманія съ 7119 (1611) года, и потому мы думаемъ, что съ этого года лѣтопись переходитъ въ руки къ пятому автору, у котораго и остается до 1618 года, какъ это можно предполагать по характеру сообщаемыхъ извѣстій; перерывъ въ три года можетъ также свидѣтельствовать въ пользу нашего предположенія.

Дальнѣйшія извѣстія до конца лѣтописи, то-есть, до 1646 года, принадлежать шестому и послѣднему лѣтописцу, который едва ли не былъ духовное лицо: по крайней мѣрѣ за послѣдніе четыре года большинство извѣстій духовнаго содержанія; замѣтка объ антихристахъ въ монастырской церкви св. Николая могла принадлежать только лицу духовному.

Кто были лѣтописатели, съ достовѣрностію указать не возможно. Можно только съ увѣренностію сказать, что они были люди начитанные, хотя одинъ изъ нихъ и заявляетъ смиренно, что, онъ „грубъ разумомъ и смысломъ“¹⁾; неоднократно дѣлаются ссылки на Священное Писаніе, какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта, одинъ разъ на сочиненія Іоанна Богослова²⁾; одинъ изъ лѣтописцевъ знаетъ объ Аенней преславной, „въ ней же со всѣхъ странъ приходяще учухся мудрости, о ней же многія книги пишутъ“³⁾, а другой хорошо знакомъ съ нѣкоторыми произведеніями древней русской литературы и въ подражаніе Задонщинѣ слѣдующимъ образомъ описываетъ битву при Оршѣ въ 1614 г.: „бысть побойще веліе Москвичемъ съ Литвою подъ городомъ подъ Оршею, и воскричаша и возоиша жены Оршавки

¹⁾ Стр. 304.

²⁾ Стр. 292, 307, 322.

³⁾ Стр. 333.

на трубы Московскія, и слышати было стуку и грому великому между Москвичи и Литвою; и удариша Москвичи на Литву, Рускія князи и бояре съ дивными удалцы Рускими сыновами на сильную рать Литовскую, и треснули копья Московскія и гремятъ мечи булатные о шеломах Литовскія на поли Оршинскомъ¹⁾.

Нигдѣ, можетъ быть, не выражаются такъ рельефно различные взгляды, мировоззрѣніе, суевѣрія и предрасудки русскихъ людей, какъ въ Псковской лѣтописи; всѣ симпатіи и антипатіи лѣтописцевъ, а слѣдовательно, и народа, находятъ въ нихъ выраженіе; поэтому Псковская лѣтопись важна и съ этой стороны.

Посмотримъ теперь, какъ относятся псковскіе лѣтописцы къ московскому правительству и вводимымъ имъ порядкамъ, къ московскимъ намѣстникамъ; каковъ взглядъ лѣтописца на физическія бѣдствія и политическія невзгоды.

Очень естественно, что псковичи не скоро могли помириться съ потерей своей самостоятельности и новыми московскими порядками. Тонъ псковскихъ лѣтописей поэтому иногда переходитъ въ минорный. „И быша“, сказано въ одномъ мѣстѣ,— „по Мисюри дьяки частые, милосердый Богъ милостивъ до своего созданія, и быша дьяки мудры, а земля пуста“²⁾. Впрочемъ всѣ бѣды лѣтописцы сваливаютъ на московскихъ намѣстниковъ, а князей Московскихъ считаютъ добрыми; такимъ добрякомъ представляется даже самъ виновникъ уничтоженія псковской независимости Василій Іоанновичъ; такъ, по случаю мора во Псковѣ въ Москвѣ былъ отслуженъ молебенъ при гробахъ чудотворцевъ Петра и Алексѣя, „а самъ государь слезы пролія на молебнѣ, аки вѣкій водный источникъ“³⁾; по поводу его смерти не злобный псковскій лѣтописецъ высказываетъ такое пожеланіе: „буди ему доброму государю милосердому, и боголюбцу, и ницелюбцу, и защитителю отовсюдѣ Руской земли вѣчная память“⁴⁾. Не таковы отзывы лѣтописцевъ о московскихъ намѣстникахъ: лѣтописцы ихъ не любятъ и описываютъ самыми черными красками; такъ, князя Андрея Михайловича Шуйскаго лѣтописецъ называетъ злодѣемъ: онъ бралъ взятки съ подсудимыхъ, заставлялъ мастеровыхъ все дѣлать на себя даромъ⁵⁾, добрые люди должны были бѣжать отъ погледовъ злыхъ.

¹⁾ Стр. 290. Выраженіе: „гремятъ мечи булатные о шеломах хивовоніе“ неоднократно встрѣчается въ Задонщинѣ.

²⁾ Стр. 297.

³⁾ Стр. 295.

⁴⁾ Стр. 298, 299.

⁵⁾ Стр. 304. Въ этомъ же обвиняется и Петръ Шереметевъ, стр. 323.

Поэтому лѣтописецъ съ сочувствіемъ относится къ понятію Іоанна Васильевича дать псковичамъ право самимъ судить и казнить разбойниковъ и лихихъ людей; „и бысть Псковичамъ въ радость, а злии люди разбѣгошася, и бысть тишина, но не намного“, замѣчаетъ онъ съ горестію;— „и паки намѣстники премогаша“¹⁾. Дурно отзывается лѣтописецъ и о Петрѣ Шереметевѣ, бывшемъ намѣстникомъ во Псковѣ въ смутную эпоху самозванцевъ: онъ притѣснялъ меньшихъ людей въ угоду большимъ; онъ былъ мздоимецъ; вмѣстѣ съ Иваномъ Грамотнымъ онъ захватилъ себѣ лучшія дворцовыя села въ кормленіе; онъ обвиняется даже въ намѣреніи сдать Псковъ нѣмцамъ, что, впрочемъ, ему не удалось²⁾. Въ другомъ мѣстѣ лѣтописецъ замѣчаетъ: „Вожію милостію вновемцы не совладѣли ни единымъ городомъ Псковскимъ, а совладѣли какъ воеводъ во Псковѣ умножило, и Псковщину пуну сотвориша и города поимаша“³⁾. Вотъ взглядъ лѣтописца на намѣстниковъ! Другіе намѣстники обвиняются въ жестокости: такъ, когда въ 1632 году многіе русскіе выходцы изъ Литовской земли появились во Псковѣ, намѣстники отдавали ихъ насильно боярскимъ дѣтямъ въ крестьянство, многіхъ сковывали, другихъ въ тѣрѣмахъ держали, чтобы заставить ихъ идти въ кабалу къ боярамъ⁴⁾. Однимъ словомъ, можно сказать, нѣтъ ни одного преступленія, въ которомъ не обвиняли бы намѣстниковъ. И понятно, всѣ эти преступленія не могли быть совершены безнаказанно: преступники еще на землѣ получаютъ должное возмездіе; такъ, о князѣ Троекуровѣ, который будучи псковскимъ намѣстникомъ, взялъ четвертый снопъ со всякаго хлѣба съ монастырей и церквей на государя для военныхъ людей, а села государевы, въ которыхъ прежде кормились ратники, роздалъ боярамъ, сказано въ лѣтописи: „но той, иже церкви Вожіа оскорби и весь міръ погубилъ, вскорѣ злѣ живота исчезе, на Москвѣ исиорченъ зелиемъ въ цити отъ своихъ же, кровію изводе и умре, якоже и самъ о собѣ повѣда, каяся, иже толику бѣду сотворилъ всей Псковской землѣ“⁵⁾. Не смотря на всѣ

¹⁾ Стр. 304. Въ другомъ спискѣ сказано, что у намѣстниковъ сильная „не-люба“ была на христіанъ, „что у нихъ какъ зеркало государева грамота“, стр. 305.

²⁾ П. С. Р. Л., IV, 324.

³⁾ Ibid., 329.

⁴⁾ Ibid., 332.

⁵⁾ Тамъ же. Не къ однимъ намѣстникамъ враждебно относится псковскій лѣтописецъ, но и вообще московскимъ боярамъ приписываетъ дурныя каѣре-

эти отрицательныя качества намѣстниковъ, псковичи отличались постоянными вѣрнопоподанническими чувствами; какъ при потерѣ своей независимости они не захотѣли поднимать оружія противъ своего прирожденнаго князя, такъ и впоследствии въ 1609 году они пытали и казнили многихъ бояръ и священниковъ и въ смутное время, не смотря ни на какіе соблазны, остались вѣрны московскому правительству и не присягали Владиславу ¹⁾).

Если не хороши были московскіе намѣстники, то не хороши были и новыя порядки, введенныя московскимъ правительствомъ, и ко всякому новому распоряженію псковскіе лѣтописцы относились критически; такъ, лѣтописецъ радуется вмѣстѣ съ псковичами, когда свели на Москву дѣяка Колтырю Ракова, который „многіе пошланы во Псковъ оставилъ“ ²⁾); недоволенъ лѣтописецъ и введеніемъ новыхъ денегъ, что сопровождалось большими убытками ³⁾); съ неудовольствіемъ онъ говоритъ о введеніи водочной монополіи и откупа ⁴⁾); но особенно сильно поразило псковичей уничтоженіе свободной торговли льномъ: „и много шкоты монастыремъ и всякимъ людемъ сотвориси, и насилству и грабежу, достойно, лепги корѣлки худые, и цѣпа пегольная, и купле не любовная, и во всемъ скорбь великая и вражда несказанная и всей земли связъ, на купити, ни продати не смѣтъ никомуже помяно“ ⁵⁾; тяжело приходилось псковичамъ и отъ исполненія воинской повинности ⁶⁾).

Какъ и другіе лѣтописцы, такъ и псковскіе смотрѣли на физическія бѣдствія и политическія неурядицы, какъ на Божіе наказаніе за грѣхи людей; „все то за умноженіе грѣхъ ради нашихъ наводитъ Господь Богъ Вседержитель, ово гладь, ово пожаръ, и Тотаръ и Литву и Нѣмецъ поганыхъ“, говоритъ лѣтописецъ въ одномъ мѣстѣ ⁶⁾); разныя космическія явленія на небѣ предвозвѣщаютъ физическія или военныя бѣдствія. „Сія бо знаменія являются не на добро, но

ніа относительно Пскова; такъ, по словамъ лѣтописи, при нападении Густава Адольфа на зѣли пришли къ Москвѣ и были челомъ государю, чтобы ихъ послалъ подо Псковъ „на Свѣйскаго короля; и бояре умыслили и вымалили лучшихъ въ Москву, а на досталныхъ вылазкой вышли и многихъ побилъ“. Ів.

¹⁾ О самозванцѣ, появившемся во Псковѣ, упоминается кратко; кличка „воръ“ не свидѣтельствуетъ о симпатіяхъ къ нему лѣтописца. Ibid., 330.

²⁾ Ів., 299.

³⁾ Ів., 302.

⁴⁾ Ів., 333.

⁵⁾ Ів., 335.

⁶⁾ Ів., 802; см. также стр. 306, 308, 317.

на зло, или на моръ, или на развратіе, или на гладь¹⁾, замѣчаетъ лѣтописецъ по поводу появленія кометы¹⁾). Появленіе звѣзды „копейнымъ образомъ“ предвозвѣщало „турскихъ приходъ на Литовскую землю, а на другой годъ Крымской на нихъ прииде“²⁾). И не одни только физическія бѣдствія, но и просто всякіе выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ случаи наводятъ на псковичей страхъ, предвозвѣщаютъ что-либо дурное; такъ, въ смутную эпоху раздѣленіе Руси предвозвѣщалось во Псковѣ появленіемъ на свѣтъ Божій разныхъ уродовъ: „родила корова тела о дву главахъ, о дву туловахъ, и двои ноги; родила жена отроча, тѣло едино, глава одна, хребты вмѣсто, руки двои и ноги двои; прояви въ Руси, что раздѣлится царство Руское на двое“³⁾). Такимъ образомъ изъ этого видно, что лѣтописцы, не смотря на свою начятанность, по своимъ понятіямъ—дѣти своего вѣка и наравнѣ съ другими современниками раздѣляли различныя суевѣрія и вѣрили въ предрасудки.

Что касается до нравственныхъ понятій псковскихъ лѣтописцевъ, то, къ сожалѣнію, мы мало имѣемъ указаній на нихъ въ лѣтописи; можно, впрочемъ, сказать, что они сочувствуютъ всему доброму, строго осуждаютъ измѣнниковъ крестному цѣлованію и данному слову⁴⁾).

Ив. Тихомировъ.

¹⁾ Ib. 294, 313, 322.

²⁾ Ib. 332.

³⁾ Ib. 822.

⁴⁾ Ib. 316.

ВОРЪВА ПОЛЬШИ И ЛИТВЫ-РУСИ ЗА ГАЛИЦКО-ВЛАДИМІРСКОЕ НАСЛѢДІЕ ¹⁾.

III.

Дѣла церковныя.

Рече же Володиміръ Нѣмецъ: „идѣте опять, яко отді наши сего не прилиа суть“.

Лавр., 83.

„Die Russen scheinen zwar in den constitutionellen und gesellschaftlichen Verhältnissen der Stadt (Львова) eine inferiore Stellung eingenommen zu haben, dagegen ragte ihre Kirche des heiligen Georg über alle Bauten der Stadt empor“ Caro, G. P., III, 59.

Давно подготовлявшееся раздѣленіе христіанскаго міра совершилось наконецъ въ 1054 г. Единный христіанскій міръ раздвоился, сталъ на половину меньше! Почти два вѣка прошло въ колебаніяхъ и неопредѣленности: такъ трудно было христіанскому чувству помириться съ мыслью о раздѣленіи, но когда вскорѣ послѣ него западъ, такъ сказать, лично встрѣтился съ востокомъ, даже великая задача освобожденія Святой земли не могла выровнять образовавшейся между ними пропасти, не могла потушить „слѣпой ненависти къ схиматикамъ грекамъ“ ²⁾. Вражда сицилійскихъ норманновъ къ Византіи находила естественное сочувствіе въ представителяхъ католическаго запада, а честолюбивые и смѣлые планы Рожера II осуществились

¹⁾ *Продолженіе*. См. январскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1890 г.

²⁾ В. Г. Васильевскій, Изъ исторіи Византіи въ XII в., Славянскій сборникъ, II, С. 116., 1877.

наконецъ въ 1204 г. Центръ восточнаго православія, главнѣйшій противникъ Рима палъ передъ крестоносцами; на мѣсто греческой возникла латинская имперія. Казалось, православіе должно покорно склониться передъ папствомъ. Такъ думалъ Иннокентій III. „Мы радуемся“, писалъ онъ Балдуину, — „о Господѣ, который ниспровергаетъ гордыхъ и оказываетъ свою милость смиреннымъ, что онъ соизволилъ совершиться черезъ тебя чуду для славы твоего имени, для чести и преусибія апостолическаго престола, для пользы христіанства. Принимаемъ тебя, твои земли и твоихъ подданныхъ подъ особенное покровительство св. Петра и приказываемъ защищать твою имперію всѣмъ прелатамъ, князьямъ и всѣмъ христіанству. Всему крестовому ополченію повелѣваемъ охранять и поддерживать Константинопольскую имперію, общая за это отпущеніе грѣховъ. Съ того времени, какъ царство грековъ отпало отъ послушанія апостолическому престолу, оно падало все глубже, пока наконецъ справедливымъ судомъ Божиимъ не было приведено отъ гордыни къ смиренію, отъ неповиновенія къ послушанію, отъ схизмы къ католицизму. По сему увѣщаемъ тебя держать греческую церковь и Константинопольскую имперію въ подчиненіи апостолическому престолу, такъ какъ Богъ подчинилъ ихъ ему своими велѣніями. Такимъ образомъ и самъ ты вѣрнѣе удержишь въ своихъ рукахъ государство“¹⁾. Ничего, какъ показываютъ послѣднія слова, не упускалъ изъ виду величайшій изъ папъ. Звѣзда папства достигла зенита. Удивительно ли, что свѣтъ ея отразился и на вѣрной дочери Царьграда — церкви русской! По лѣтописнымъ извѣстіямъ въ томъ же 1204 г. явился къ Роману папскій посолъ „намовляти въ латинскую вѣру свою, обѣщая ему грады и королевѣ въ Руси учинити. Романъ же преприрашеся отъ нисья, а они не срамляся палежаху ему ласковыми словесы“²⁾. Въ 1208 г. 7-го октября Иннокентій обращается ко всему русскому духовенству и народу, въ виду своей власти надъ Греціей,

¹⁾ *A. Pichler, Geschichte der kirchlichen Trennung zwischen dem Orient und Occident. München. 1864 г., I, стр. 309. Ср. тамъ же, стр. 306—307, сообщенія грековъ и латинцевъ о ваніяхъ крестоносцами Царьграда, доказывающія совершенную невозможность взаимнаго пониманія.*

²⁾ *Россійская Библиотечка. С.-Пб., 1767, стр. 300. Статья извѣстна, по справедливому замѣчанію Дамаскина, Перваго уніа, 38, пр. 2, отличается новизною. Въ другихъ описаніяхъ его нѣтъ. Можно ли, однако, въ виду пропуска имененія Романа въ Ипатскомъ спискѣ, отнимать значеніе у показанія, не заключающаго въ себѣ никакой внутренней недостоверности; ср. Таммиоза, Исторія, III, стр. 344.*

находить несообразнымъ, чтобы часть греческой церкви упорствовала въ раздѣленіи, извѣщаетъ о попыскѣ легата и предлагаетъ оказать ему во всемъ послушаніе ¹⁾).

Посланіе папы осталось безъ всякихъ послѣдствій, и долго послѣ этого съ посланіями подобнаго общаго характера не встрѣчаемся. Само по себѣ оно представляетъ доказательство отдѣльности русскаго православія отъ Рима ²⁾, а возобновившіяся время отъ времени попытки подчинить его власти папы достаточно ясно доказываютъ, что отдѣльность никогда не прерывалась. Это, однако, не мѣшаетъ униатскимъ и католическимъ писателямъ поднимать почти при каждомъ митрополитѣ, какъ предшествоващаго, такъ и послѣдующаго времени, вопросъ объ его католической ортодоксін. У болѣе серьезныхъ писателей эти вопросы такъ и остаются нерѣшенными, а въ самомъ разсмотрѣніи ихъ, общій ходъ духовной жизни русскаго народа совершенно игнорируется и основаніемъ аргументаціи являются лишь совершенно случайные, не характерные факты ³⁾. Это обстоятельство даетъ намъ основаніе совсѣмъ не останавливаться на этой сторонѣ и перейти къ непосредственно интересующему насъ предмету—католической пропагандѣ и утвержденію католическихъ епископскихъ кафедръ въ Галицко-Владимирской землѣ.

Отъ смерти Романа до окончательнаго утвержденія власти Да-

¹⁾ Турчинецъ, Н. R. M. I, № 3.

²⁾ Ibid. Licet hactenus elongati fueritis ab uberibus matris vestrae tamquam filii alieni.

³⁾ Ср. Пелешъ, Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom. Wien. 1878, I, стр. 310: указавъ несостоятельность нѣкоторыхъ заключеній Кульминскаго о католическомъ митрополитѣ Матея (умеръ въ 1220 г.), Пелешъ не находитъ однако возможнымъ считать его сторонникомъ „схизмы“ на слѣдующихъ основаніяхъ: не протестовалъ противъ папскаго посланія русскимъ епископамъ, не только не противодействовалъ коронаціи Коломана, но даже назначилъ въ Перемишль епископа Антонія; поставилъ въ Новгородѣ епископомъ константинопольскаго монаха (II). Невольно вспоминается замѣчаніе Лихтера, II, 16: „es wird doch nachgerade komisch, mit welchen Beweismitteln man darthun will, dass die Russische Kirche, ganz verschieden von der Byzantinischen die längste Zeit hinaus im freundschaftlichen Verhältnisse zu Rom geblieben sei“. Дѣйствительно, стоитъ только вспомнить, что указываемый Пелешемъ константинопольскій монахъ былъ Добрыня Ядрѣйковичъ, о которомъ Новгородская 1-я лѣтопись подъ 1211 г. говоритъ слѣдующее: „быше пришелъ Добрыня Ядрѣйковичъ изъ Царяграда, и привезе съ собою гробъ Господень, а самъ постригшеа на Хутинѣ у святого Савва, и волею божию възлюбилъ и живилъ Мстиславъ и вси Новгородци, и поселаша и на Русь стаятися“.

ниша (1205—1245 г.) въ Галицкой землѣ много разъ встрѣчаемся съ уграми. Вообще господство ихъ въ Галичѣ было слишкомъ кратковременно для того, чтобы они могли думать о католической пропагандѣ, но въ болѣе продолжительное правленіе Коломана (1214—1218 гг.) они несомнѣнно о ней думали. Русскіе источники говорятъ о насильственныхъ дѣйствіяхъ угровъ ¹⁾, иностранцы ²⁾ тоже сообщаютъ извѣстія о пропагандистскихъ замыслахъ Андрея — короля извѣстнаго крестовымъ походомъ. Попытки такимъ образомъ были ³⁾, но также несомнѣнно не привели ни къ чему. Окончившаяся въ непродолжительномъ времени борьба за Галичъ не могла уже обѣщать мира галицкой церкви. Вновь учрежденные монашескіе ордена — францисканцевъ и доминиканцевъ, съ необыкновенною ревностью ухватившіе дѣло пропаганды въ свои руки, въ скоромъ времени появились въ Польшѣ, ставшей съ этихъ поръ очагомъ католическаго миссіонерства въ предѣлахъ Руси.

Въ 1218 году прибыли доминиканцы въ Польшу, а черезъ десять лѣтъ, по орденскимъ преданіямъ, Яцекъ Одровонжъ основалъ монастырь въ Кіевѣ ⁴⁾. Можно думать, что доминиканцы приложили не мало стараній къ распространенію въ Польшѣ духа пропаганды, если уже съ 1257 года поляки стали домогаться канонизаціи доминиканскаго миссіонера. Время для пропаганды было тогда дѣйствительно благоприятное: въ XIII в. среди членовъ Пястовскаго дома видимъ цѣлый рядъ святыхъ; но несомнѣнно, широкіе успѣхи проповѣди, доминиканцевъ на Руси представляютъ не только легенду, но даже вымыселъ. По доминиканскимъ сообщеніямъ, еще до прибытія въ Польшу

¹⁾ Воскресенская лѣтопись, Полное собраніе, VIII, 119: „въ лѣто 6722 король Угорскій посади сына своего въ Галичѣ, а епископа и помы нагна изъ церкви, а свои помы прииде латынскіи на службу“. О претвореніи церкви въ латинскую службу говоритъ и Никоновская лѣтопись, II. С., X, 68. О притѣсненіяхъ угровъ и противодѣйствіи галичанъ у *Тампицеа*, III, 377.

²⁾ *Ragnald*, *Annales*, 1214, VIII, humiliter a nobis postularunt, misit Андрей namq, ut filium nostrum in regem ipsi praeficeremus, in unitate et obedientia Romanae ecclesiae perseveraturi in posterum, salvo tamen eo quod fas illis sit, a ritu proprio non recedere.

³⁾ *Пелешъ*, *Geschichte der Union*, I, 307, считаетъ насильственными мѣры невозможными, но приводимы изъ доказательства — лишь логическія разсужденія: не возможно (?), говоритъ Пелешъ, чтобы столь осмотрительный король, какъ Андрей, прибѣгалъ къ насильственнымъ мѣрамъ.

⁴⁾ О Яцкѣ: *И. И. Малышевскій*, *Доминиканецъ Яцекъ Одровонжъ*, мисіонный апостолъ земли Русской, *Труды Кіевской духовной академіи* 1867 г., 4, 6, 8.

францисканцевъ, доминиканскіе проповѣдники достигли нѣкоторыхъ успѣховъ въ Галичинѣ: одновременно утвердились они въ Перемишлѣ и Львовѣ, гдѣ уже въ 1234 г. имъ принадлежала древнѣйшая католическая часовня св. Іоанна; въ 1238 году основали монастырь въ Галичѣ, а въ 1270 г. отъ Констанціи, дочери Бела IV, жены Льва Даниловича, они получили во Львовѣ ихъ нынѣшній монастырь ¹⁾. Свѣдѣнія эти основываются, впрочемъ, на позднѣйшихъ извѣстіяхъ, въ значительной мѣрѣ склонныхъ къ преувеличеніямъ. Во всякомъ случаѣ очень вѣроятно, что доминиканцы прилагали не мало стараній къ распространенію на Руси католицизма, а Римъ внимательно слѣдилъ за ихъ дѣятельностью и старался по возможности облегчать ихъ миссію. 15-го марта 1233 года Григорій IX посылаетъ два письма „братьямъ проповѣдническаго ордена на Русь“; въ одномъ поручая сдерживать своеволие и безчинства „нѣкоторыхъ лишь по имени вѣрныхъ“, позволяеть дѣйствовать авторитетомъ папы ²⁾, въ другомъ даетъ имъ, до прибытія папскаго легата, особенныя преимущества на счетъ разрѣшенія отъ нѣкоторыхъ важныхъ грѣховъ ³⁾. Какъ будто въ помощь доминиканцамъ являются въ Польшу въ 1237 г. францисканцы. И они немедленно устремляются на Русь и, подобно доминиканцамъ, также преувеличиваютъ въ своихъ преданіяхъ размѣры своей первоначальной дѣятельности. Въ замѣткахъ орденакаго перемишльскаго архива сохранилось упоминаніе, что до 1255 года лишь они одни были въ Перемишлѣ ⁴⁾. Одновременно съ этимъ встрѣчаемъ извѣстіе о намѣреніи папы поставить епископа для Руси. По крайней мѣрѣ 12-го мая 1232 года Григорій IX поручилъ доминиканскому провинціалу и братьямъ Якову и Домаславу разслѣдовать состояніе церкви на Руси и сообщить, долженъ ли быть туда назначенъ епископъ ⁵⁾. Такимъ образомъ не только „вѣроятно“ ⁶⁾, но совершенно несомнѣнно, что до 1282 г. на Руси никакого католическаго епископа не было,

¹⁾ *Reifenkugel*, Gründung, 414.

²⁾ *Theiner*, M. P. I. № 47.

³⁾ *Ibid.*, № 48.

⁴⁾ *Reifenkugel*, Gründung, 415, пр. 1.

⁵⁾ А. Гр. и З., VII, № 1. *Reifenkugel* заимствуетъ свѣдѣнія объ этомъ у Бзовскаго, *Annales*; но у него дата (28-го апрѣля) и адресъ (провинціалу Якову Креаценцію и брату Домаславу) не вѣрны. Нѣкоторые пропуски этой буллы могутъ быть, кажется, дополнены содержаніемъ приведеннаго выше письма Григорія IX, см. выше пр. 2.

⁶⁾ *Н. П. Дашкевичъ*, Первая унія, 7.

и, какъ мы видѣли, еще въ 1233 году папа лишь собирался отправить туда своего легата, а въ буллѣ 12-го мая 1234 года видимъ опять жалобы папы на немногочисленность дѣятелей католической пропаганды, вынуждающую его снова предоставить доминиканцамъ особенныя полномочія ¹⁾. Можно, пожалуй, не отвергать доминиканскихъ предавій объ епископахъ въ средѣ самихъ же миссіонеровъ, безъ опредѣленныхъ резиденцій и юрисдикцій: назначенія заранѣе иногда практиковались, но если и были таковыя, то они не имѣли никакой власти и вліянія.

Лишь послѣ 12-го мая 1234 г. Опатовскій аббатъ Герардъ возведенъ былъ въ санъ русскаго епископа, но перенесеніе его резиденціи въ Любушъ ²⁾ в полное отсутствіе какихъ-нибудь свѣдѣній о другіхъ латинскихъ епископахъ для Руси ³⁾ даетъ основаніе думать, что католическая пропаганда не сдѣлала никакихъ особенныхъ успѣховъ. Еще въ 1264 г. Герардъ оставался въ живыхъ ⁴⁾, но въ русскихъ дѣлахъ не принималъ никакого участія. Между тѣмъ именно какъ разъ тогда татарскій разгромъ заставилъ Даніила обратить вниманіе на предложенія пословъ, отправленныхъ папой къ татарамъ въ 1246 г. ⁵⁾. Переговоры эти начались, какъ извѣстно, случайно, и Любушскій епископъ не принималъ въ нихъ никакого участія. Очевидно, слѣдовательно, „первый русскій епископъ“ не имѣлъ ни-

¹⁾ А. Гр. и З., VII, № 2.

²⁾ Богуевалъ сообщаетъ объ этомъ такими словами: *iste namque Henricus (то-естъ, Генрихъ I Силезскій) monasterium Opatoviense, cuius monasterii abbas Gerhardus Ruthenorum episcopus pro catholicis ibi degentibus de novo fuerat creatus, ad ecclesiam Lubuscensem transtulit*, М. Р. Н. II, 566. Объясненіе словъ: „pro catholicis ibi degentibus“ существованіемъ около Опатова „католической Руси“, *Зубрицкій, Повѣсть*, 54, пр. 35и; *Петрушевичъ, Холмская Епархія*, 5, пр. 7, на нѣкъ взглядъ представляеть простое недоразумѣніе. Выраженіе „de novo“ имѣеть, конечно, такое же значеніе, какъ и въ папскихъ буллахъ, см. ниже.

³⁾ *Reifenkugel, Gründung*, 417, пр. 2. Указываемая здѣсь несомнѣтельно доминиканскихъ предавій о двухъ галлицкихъ латинскихъ архіепископахъ, надо сказать, въ значительной степени ослабляетъ вѣроятность существованія епископовъ даже въ средѣ миссіонеровъ. Папскія буллы о нихъ не упоминають вовсе, и можно только удивляться, что *К. Отадницкій*, даже послѣ *Рейзенкугеля*, все-таки настаиваетъ на ихъ существованіи, *О рождѣткахъ arcybiskupstwa i biskupstw katolickich na Rusi*. Львовъ. 1882.

⁴⁾ М. Р. Н. II, 573: при открытіи костей св. Станислава приустроивалъ *Gerhardus primus Russiae ordinis Cisterciensis quondam abbas de Opatow (episcopus)*. Въ ряду епископовъ онъ поставленъ послѣднимъ.

⁵⁾ *Н. И. Дашкевичъ, Перв. унія*, 20 сл.

какого отношенія къ церковнымъ дѣламъ на Руси, и не ему, а Генриху, архіепископу Пруссіи, Ливоніи, Эстоніи, апостолическому легату поручаетъ папа въ 1246 г. устройство іерархіи на Руси ¹⁾, очевидно, до сихъ поръ остававшейся безъ латинской іерархіи. Въ концѣ 1254 г. переговоры съ папой прекратились, а въ 1257 г. были прерваны окончательно ²⁾. Но они не остались безъ послѣдствій. Ко времени ихъ прекращенія относится весьма характерный документъ папской канцеляріи, 11-го февраля 1257 г. Александръ IV утвердилъ права духовной юрисдикціи Любушскаго епископа въ предѣлахъ Руси. По документу оказывается, что предшественники Любушскаго епископа „съ незапамятныхъ временъ“ (?) вѣдали духовныя дѣла католиковъ на Руси. Исполненію пастырскихъ обязанностей мѣшали однако „вѣроломство князей и злоба жителей“. Любушскій епископъ, обращаясь къ папѣ съ просьбой, не имѣетъ надежды на измѣненіе положенія дѣлъ. Онъ хлопочетъ лишь въ виду того, чтобы права его кафедръ не потеряли ущерба ³⁾, а папа охотно исполняетъ его просьбу, явно выражая досаду на неудачу переговоровъ съ Даниломъ („вѣроломство князей“) и — что еще важнѣе — обнаруживалъ совершенную беззаботность на счетъ исторической дѣйствительности, ибо какихъ же „предшественниковъ“ Любушскаго епископа могъ имѣть въ виду Александръ IV, о какихъ „незапамятныхъ“ временахъ можетъ быть рѣчь? Вѣдь „первый русскій епископъ“ былъ поставленъ, какъ мы видѣли, не ранѣе 1234 г. Все это представляетъ лишь завязку той необыкновенной путаницы, съ какою намъ придется встрѣчаться на протяжении всей настоящей главы, гдѣ рѣчь идетъ о положеніи католицизма въ предѣлахъ Руси. Болѣе или менѣе она разъяснится только въ концѣ. Теперь ограничимся замѣчаніемъ, что указанное порученіе архіепископу Генриху въ 1246, какъ равно возникшая тоже одновременно съ прекращеніемъ переговоровъ съ Даниломъ мысль объ основаніи епископства въ Луковѣ ⁴⁾ могла послужить достаточною побудительною причиною къ указаннымъ дѣйствіямъ Любушскаго епископа, который могъ считать себя преемникомъ скончавшагося недавно „перваго русскаго епископа“. Права любушскихъ епископовъ были такимъ образомъ законно утверждены, но замѣчательно; вспомнили они объ этомъ лишь тогда, когда для ка-

¹⁾ Турпенковъ, Н. Р. М. I, № 61.

²⁾ Длужковичъ, Перв. Ун. 39—40, пр. 1. Raynaldъ подъ 1257, 26—28.

³⁾ Thönius, M. P., I, № 144.

⁴⁾ Ib., № 143.

толической пропаганды настало опять время болѣе благоприятное. Такимъ временемъ были 20-е годы XIV вѣка.

15-го декабря 1320 г. Іоаннъ XXII назначилъ доминиканскаго лектора въ Норвалле, Генриха Киевскимъ епископомъ. Назначеніе это послѣдовало первоначально отъ епископа Любушскаго, но, усумнившись въ его компетенціи, Генрихъ обратился къ папѣ, который, признавъ его сомнѣнія правильными ¹⁾, утвердилъ его въ санѣ, найдя его достойнымъ, а въ слѣдующемъ году поручилъ ему отправиться въ свою епархію ²⁾. Такимъ образомъ въ первой четверти XIV вѣка католическая пропаганда проникаетъ, по видимому, далеко на востокъ, и мать городовъ русскихъ получаетъ латинскаго епископа. Если примемъ во вниманіе, что въ 1234 г. небольшой католической колоніи въ Кіевѣ, съ какимъ-то Ульрихомъ во главѣ, во всякомъ случаѣ не епископомъ, приходилось очень плохо ³⁾, что тогда же папа обращался къ сандомирскому духовенству, предлагая ему защищать киевскихъ еднновѣрцевъ ⁴⁾, при чемъ сандомирскій католическій клиръ являлся, очевидно, крайнимъ на востокъ, а потому ближайшимъ къ Кіеву, что въ упомянутой буллѣ Генриху папа говоритъ, что минуло уже 100 съ лишнимъ лѣтъ, какъ въ Кіевѣ по причинѣ схизмы, не только не было католическаго епископа и клира, но даже не было католиковъ ⁵⁾, то послѣдовавшее въ 1320 г. назначеніе туда католическаго епископа представить фактъ, заслуживающій полнаго вниманія. Разсмотрѣніе его поможетъ намъ уяснить характеръ католической пропаганды на Руси, а отношенія Любушскаго епископа, обна-

¹⁾ Tu vero de privilegio ipso merito hesitans, то-есть, правъ Любушскаго епископа поставлать епископовъ. Ibid., № 252.

²⁾ Ib., № 255.

³⁾ Ib., № 55.

⁴⁾ Ib., № 56.

⁵⁾ Ecclesia Kijoviensis elapsis centum annis et amplius propter scisma, quod instigante maligno spiritu in illis partibus inolevit, infelicitur caruit pastore proprio, clero et populo christianis. Показаніе папы совпадаетъ съ свидѣтельствомъ Дугоса объ изгнаніи изъ Кіева католическихъ миссіонеровъ Владиміромъ Рюриковичемъ въ 1233 г. (VI, 240) и доминиканскими преданіями о дѣятельности Ясна, Дамаскина, Первая унія, 5, стр. 4, и Голубинскій, Исторія Русской церкви, 1, 700. Врядъ ли папа писалъ въ виду эти факты, ибо въ такомъ случаѣ онъ заявилъ бы о нихъ прямо; всего вѣроятнѣе, онъ руководился общими взглядами куріи на „схизматическій“ востокъ. „Centum annis et amplius“—крайне неопредѣленно, но въ такомъ случаѣ можно еще болѣе усумниться въ успѣхъ католической пропаганды на Руси въ XIII в.

ружившіяся по поводу назначенія поминутаго Генриха, связаны ближайшимъ образомъ съ учрежденіемъ католической іерархіи въ Галицкой Руси.

Замѣтимъ прежде всего, что новому Кіевскому епископу не пришлось даже увидѣть своей столицы. Не смотря на предписаніе папы, онъ до самой смерти оставался епископомъ *in partibus*, подобно Герарду: въ 1322 г. онъ былъ въ Бамбергѣ; вѣроятно, на обратномъ пути изъ Авиньона, затѣмъ онъ поселился въ Альтмаргъ и оставался здѣсь, по видимому, до смерти ¹⁾. О состояніи Кіева въ то время мы имѣемъ весьма смутныя свѣдѣнія. Несомнѣнно, однако, назначеніе туда католическаго епископа не могло быть слѣдствіемъ включенія его въ составъ литовскихъ владѣній, ибо таковое произошло во всякомъ случаѣ не раньше 1332 г. ²⁾, не могло быть и слѣдствіемъ того, что Кіевъ былъ городъ безъ всякой власти, какъ думаетъ Рейфенкугель ³⁾, ибо еслибы и такъ было, то это не причина; не могло быть наконецъ—что самое главное—слѣдствіемъ дѣйствительной потребности въ епископѣ, ибо въ такомъ случаѣ Генрихъ хотя на короткое время посѣтилъ бы паству для удовлетворенія ея духовныхъ нуждъ. Этого, какъ мы видѣли, онъ не сдѣлалъ. Какая-нибудь причина назначенія должна была, однако, быть, и ее, всего вѣроятнѣе, слѣдуетъ усматривать въ тогдашнихъ дѣлахъ литовскихъ. Разумѣемъ начавшіеся въ 20-хъ годахъ переговоры Гедимина съ папой. Они завязались въ самомъ началѣ 1323 г., и если, подобно переговорамъ Данила, вытекали исключительно изъ политическихъ расчетовъ и, подобно имъ, разрѣшились ничѣмъ, то, во всякомъ случаѣ, связанные съ ними факты могутъ наводить на нѣкоторые соображенія, относящіеся прямо къ интересующему насъ вопросу. Изъ папскихъ буллъ 1324 г. (1-го іюня) ⁴⁾, передающихъ содержаніе писемъ Гедимина къ папѣ, узнаемъ, что литовскій государь держалъ при своемъ дворѣ доминиканцевъ и миноритовъ, пользовавшихся полною свободой миссіонерской дѣятельности, а въ грамотѣ Гедимина отъ 25-го января 1323 г. ⁵⁾, обращенной ко всѣмъ почи-

¹⁾ *Reifenkugel*. Gründung, 421, пр. 2 и 4.

²⁾ *Дашкевичъ*, Замѣтки, 64.

³⁾ Gründung, 420.

⁴⁾ *Theiner*, M. P. 1, № 290 и 293.

⁵⁾ Русско-ливонскіе акты, № 67. Соображенія о подлинности грамоты см. В. Г. Васильевскій, Обращеніе Гедимина въ католичество, *Журн. М. Нар. Пр.* 1873, 2, стр. 155, пр. 2.

тателямъ Христа, разсѣяннмъ въ мірѣ и особенно къ жителямъ важнѣйшихъ торговыхъ городовъ: Штральзунда, Магдебурга, Бремена, Любека и Кельна, Гедиминъ говоритъ слѣдующее: „Мы будемъ стараться соблюдать все то, что писемно обѣщали святѣйшему отцу: будемъ строить церкви, какъ уже дѣлали это и до сихъ поръ. Ибо знайте, что за два года передъ симъ мы построили вновь двѣ церкви въ городѣ нашемъ Вильвѣ: одну для ордена доминиканцевъ, другую для миноритовъ, и сверхъ того, въ нынѣшнемъ году мы приказали возобновить для послѣдняго ордена, на волюзу нашу и на спасительное врачеваніе синовой и женъ нашихъ, прежде нами основанную церковь въ Новгородѣ, которую недавно сожгли огнемъ крестоносцы прусскіе. Мы съ охотою готовы принимать у себя епископовъ, священниковъ, монаховъ какого бы то ни было ордена, только бы жизнь ихъ не была порочна, какъ жизнь тѣхъ, которые строятъ монастыри и потомъ насильно берутъ милостиню у добрыхъ людей и продаютъ ее“. Такимъ образомъ около 1320 г. монахи миссіонеры, въ виду благосклоннаго отношенія къ нимъ Гедимина, могли предаваться самымъ розовымъ надеждамъ на счетъ дальнѣйшихъ успѣховъ своей дѣятельности. Такъ какъ монахи эти были несомнѣнно изъ Польши—такъ слѣдуетъ думать въ виду враждебныхъ отношеній Гедимина къ рыцарямъ—то надежды эти очень скоро могли сообщаться и польскому духовенству. Любушскій епископъ немедленно-же фактически занимаетъ свои права: но, быть можетъ, соблазненный легкостью, съ какою удалось ему добиться желаемаго въ 1257 г., онъ на этотъ разъ далеко вышелъ за предѣлы призванной тогда за нимъ компетенціи¹⁾. Притязанія были въ дѣйствительности дерзки, и если „незапамятной давности“, приведенной въ 1257 г. какъ основаніе для полученія права юрисдикціи, некому было оспаривать или даже подвергать сомнѣнію, то на этотъ разъ въ правахъ Любушскаго епископа усумнился самъ избранный имъ кандидатъ и осно-

¹⁾ Stephanus episcopus Lubucensis asserens sibi fore per speciale privilegium apostolice sedis indultum, ut possit ecclesiis dictarum partium, que de scismate redierunt ad S-te Matris ecclesie unitatem de pontificibus providere, *Theiner*, M. P. 1, № 252. Районъ, на который претендовала Любушскій епископъ, названъ здѣсь Galatha: въ буллѣ о юрисдикціи 1257 г. говорится о Russia. Терминъ—Galatha объясняетъ булла Гизлаенскому архіепископу 1327: quod sedes episcopalis Lubucensis in partibus minoris Galathe, que Russia nuncupatur, ib., № 376. Выходитъ одно и то же, но вѣроятно Любушскій епископъ предпочиталъ неопределенный терминъ Galatha.

вательность сомнѣній подтверждалъ папа. Дѣйствительно, приглашенный, надо думать, именно по этому поводу въ 1327 г. въ Авиньонъ Любушскій епископъ Стефанъ, сообщалъ куріи объясненія, которыя должны были привести ее въ немалое недоумѣніе. По его словамъ, любушская епископская кафедра существовала на Руси издавна во Фляндеиріи (Владиміръ?), гдѣ до сихъ поръ, то-есть, въ 1327 г., видны гробницы епископовъ, да и самъ Стефанъ, до прибытія въ Римъ, бывалъ тамъ даже по долгу, исполняя пастырскія обязанности. Завзятость (rabies) схизматиковъ заставляла его, однако, нерѣдко покидать городъ, чѣмъ пользовались сосѣдніе епископы, присваивая себѣ принадлежащую ему духовную власть. Обо всемъ этомъ папѣ ничего не было извѣстно, а потому онъ и обращается къ Гнѣзненскому архіепископу, предлагая ему узнать дѣло, не производя, однако, официальнаго разслѣдованія ¹⁾. Что отвѣтилъ папѣ архіепископъ, не знаемъ. Въ данномъ случаѣ слѣдуетъ обратить вниманіе прежде всего на то, что именно около этого времени Любушскіе епископы переживали весьма тяжелые моменты, испытывая жестокія преслѣдованія со стороны подлежащихъ ихъ власти жителей, которые не только завладѣли церковными имѣніями, но даже „до основанія разрушили“ самую церковь. Столь враждебныя отношенія между епископомъ и паствою были, какъ оказывается, „весьма давними“. Положеніе было ва столько острое, что пришлось не только обращаться къ королю съ просьбой о защитѣ епископа, но и думать о перенесеніи его резиденціи въ другое болѣе удобное и безопасное мѣсто ²⁾. Дѣйствительно, въ XIV вѣкѣ Любушскіе епископы резидировали попеременно то въ Фирстенвалде (на рѣкѣ Шпре), то во Франкфуртѣ, то въ с. Горницѣ, то наконецъ снова въ Любушѣ, гдѣ въ 1374 г. гостилъ у епископа Петра Янъ Чарнковскій.

Далѣе: притязанія Любушскихъ епископовъ вызвали сомнѣніе не только со стороны куріи, которая объ ихъ отношеніяхъ къ Руси, какъ сказано, ничего не знала, но у самого Генриха—доминиканца, по мѣстопробыванію болѣе близкаго къ спорнымъ районамъ, а по принадлежности къ ордену, который лучше другихъ могъ знать та-

¹⁾ Ibid., № 376. *К. Стадницкій*, О росзяткахъ, 14, не сомнѣвается въ справедливости показаній Любушскаго епископа и полагаетъ, что нарушали его права титулярные епископы монашескихъ конгрегацій. Что же мѣшало Любушскому епископу заявить объ этомъ прямо, а не столь неопредѣленно: „aliqui vicini episcopi“; почему, далѣе, курія ничего не знала объ епископахъ титулярныхъ?

²⁾ Ibid., № 377, 378.

мошнія дѣла, едва ли не навболѣе компетентнаго въ вызвавшемъ сомнѣніи вопросѣ. Исторія Любушскаго епископства представляетъ до сихъ поръ не мало загадокъ ¹⁾. Ан. Малецкій ²⁾ называетъ его „польской духовной маркой“, но такой характеръ оно могло имѣть лишь въ планахъ его основателя. Уже съ 1250 г. Любушь политически, а послѣ 1378 г. и въ церковномъ отношеніи навсегда отпалъ отъ Польши, войдя въ составъ маркграфства Бранденбургскаго и Магдебургской епископіи и, подобно другимъ бранденбургскимъ приобретеніямъ на славянской почвѣ, вскорѣ былъ совершенно отмеченъ. Вообще судьба этого епископства нѣсколько исключительна: переставъ быть польскимъ, оно какъ будто не стало и нѣмецкимъ, по крайней мѣрѣ, въ началѣ XIII вѣка оно подвергалось сильнымъ гоненіямъ какъ со стороны маркграфовъ, такъ и Магдебургскихъ архіепископовъ; его отношенія къ Руси неясны и какъ будто загадочны, по интересности они заслуживаютъ полнаго вниманія, но едва ли слѣдуетъ усматривать въ нихъ особенную важность, ибо едва ли самое предположеніе объ этихъ отношеніяхъ не вытекаетъ лишь изъ повиднѣйшихъ притязаній, характеръ которыхъ достаточно ясно сказался въ извѣстномъ намъ заявленіи епископа Стефана. По крайней мѣрѣ уже Репель ³⁾ считалъ возможнымъ отвергнуть мнѣніе Вольбрюка о первоначальномъ назначеніи епископства для Червонной Руси и будто бы оттуда перевесенномъ въ Любушь—мнѣніе, основанное исключительно на ложномъ представленіи исторической жизни Галицкой Руси. Въ 1033 г. епископство Любушское уже существовало, но не могло быть основано раньше 1018 г. (послѣ Будишинскаго мира). Его сравнительно бѣдная дотация и первоначальное положеніе какъ бы *in partibus* могло подогрѣвать миссіонерскую ревность его представителя, но до половины XIII вѣка обстоятельства не давали ей ни малѣйшей возможности въ чемъ бы ни было обнаружиться. Какъ и почему обнаружилась она съ этого времени—мы видѣли. Эти отношенія къ Руси увлекаютъ Любушскихъ епископовъ въ занимающее насъ время въ прямое столкновеніе съ куріей, тянувшееся долго, благодаря, кажется, главнымъ образомъ, понятной сдержанности куріи, и

¹⁾ Специально обследовалъ ее *Wolbrück, Geschichte des ehemaligen Bisthums Lebus und des Landes dieses Namens*, но достаточно сказать, что трудъ этотъ вышелъ въ 1829 г. (Берлинъ).

²⁾ *Kościelne stowunki, Przewoźn list. i nauk*, 1875 г.

³⁾ Исторія Польши, прилож. IV.

кончившееся въ 1375 г. полнымъ отрѣшеніемъ ихъ отъ всякой власти и вліянія на Русь, когда здѣсь дѣло католической пропаганды можно уже было считать упроченнымъ. Традиція, однако, упорно держалась: еще въ 1394 г. Любушскіе епископы спорили съ Перемышльскими о имѣніяхъ, а въ 1400 г. епископъ Іоаннъ Боршпиць въ составленномъ имъ регистрѣ помѣстилъ характерный отголосокъ старыхъ притязаній¹⁾. Наконецъ, въ XVI вѣкѣ епископство это совершенно исчезаетъ. Въ 1518 г. Олатовъ и его окрестности переходятъ въ частныя руки—къ Шидловецкимъ, а въ 1556 г., вслѣдствіе реформациі, оно было совсѣмъ упразднено. Для насъ впрочемъ, въ данномъ случаѣ, достаточно отмѣтить, что Римская курія объ отношеніяхъ Любушскаго епископа къ Руси ничего не знала; что католическіе миссіонеры на Руси утверждались за ново, ибо, какъ доминиканцы, такъ и францисканцы, по своимъ орденскимъ преданіямъ явились здѣсь первыми проповѣдниками католицизма; наконецъ, взглядъ куріи на давнишнее существованіе католическихъ епископствъ на Руси, высказываемый напами въ буллахъ, касающихся учрежденія латинскихъ епископскихъ кафедръ въ Галичинѣ, не могъ быть заимствованъ напами у Любушскихъ епископовъ, какъ думаетъ Рейфенкугель²⁾, ибо такой взглядъ встрѣчаемъ, напримѣръ, въ буллѣ Іоанна XXII къ легатамъ, отправленнымъ къ Гедимиону въ 1324 году³⁾, то-есть, когда столкновеніе Любушскихъ епископовъ съ куріей только-что началось и еще не получило полной опредѣленности. Основаніемъ такого взгляда служило тщательно поддерживаемое папствомъ представленіе о право-

¹⁾ Item scias, quod *tota Russia* pertinuit ad episcopum Lubucensem tum Dyocesana quam iurisdictionis legibus, et in eadem Russia et per consequens de diocesi Lubucensi sunt per dominum Gregorium Papam XI creati primo Archiepiscopus Aludienais. Item Episcopus Ladimiriensis. Item Episcopus Chelmensis. Item Episcopus Premislaviensis. Et scias, quod hec creatio fuit facta per D. Gregorium ad instantiam Ducis Russie et Opoliensis et fuit facta tempore dni. Wenczoslau tunc Episcopi Lubucensis nunc autem Wratislaviensis. Item scias, quod Episcopus Premislaviensis est bonus et valet bene quibus annis CCCC. sexagenis, ut nichimet retulit idem Episcopus Premislaviensis, alii autem parum valent. *Reifenkugel*, Gründung, 473, nr. 1 (изъ *Вольбрюка*).

²⁾ Gründung, 428.

³⁾ *Theiner*, M. P. 1, № 290: Vobis eciam resumendi sedes in eisdem partibus, de quibus haberi potest memoria et sciam certitudo, quod *hactenus Metropoles fuerint vel ecclesie cathedrales* et eas in statum pristinum reponendi, eis antiquis provinciis et diocesibus restitutis, servata tamen limitacione seu terminacione, quam vetustis temporibus habuerunt, libera sit facultas; vel si forte nullo hactenus fuerint ibidem Metropoles... erigendi de novo alius metropoles.

славномъ востокѣ, какъ о мірѣ схизматическомъ, то-есть, отдѣлившемся, а слѣдовательно—логически—бывшемъ нѣкогда въ единеніи или, что по римскому взгляду одно и то же, подчиненіи у Рима¹⁾. Риму въ данномъ случаѣ нечего было усваивать взглядъ Любушскихъ епископовъ, ибо, какъ сказано, онъ заключался въ самой сущности католическаго представленія о православномъ востокѣ, а повдѣйшее намѣненіе взглядовъ Любушскихъ епископовъ, не усумнившихся доказывать, что на Руси не было епископскихъ кафедръ, а были лишь церкви приходскія, также какъ и расслѣдованія, производимыя куріей специально по этому поводу, при чемъ ей самой приходилось сознаваться, что объ этомъ у нея „свѣдѣній нѣтъ никакихъ“²⁾, доказываютъ лишь нѣру основательности подобнаго представленія, поддерживаемаго однако ревнителями католицизма и поннѣ.

Вотъ тѣ предварительныя замѣчанія, которыя мы считали необходимымъ предислать обзору утвержденія католической церкви въ предѣлахъ ближайшей къ западу Галицкой Руси. Ничего, кромѣ попытокъ въ этомъ направленіи, мы не можемъ указать. Попытки эти предпринимались Римомъ при каждомъ удобномъ случаѣ: оттуда, а не отъ Любушскихъ епископовъ исходила инициатива, то въ видѣ непосредственныхъ обращеній къ князьямъ и народу, то въ видѣ миссіонерской дѣятельности монашескихъ орденовъ, зависимыхъ и руководимыхъ куріей.

Любушскій епископъ, тѣспимый у себя дома, не могъ имѣть средствъ вліянія на Русь, былъ, очевидно, не прочь приобрѣсти такое, но его попытки, закончившіяся полною неудачей, показываютъ лишь, до какой степени дѣло католицизма на русской почвѣ было ново, совершенно не установлено, и имѣютъ лишь эпизодическій характеръ. Католическіе (польскіе) поселенцы подвергались на Руси вліянію православія, не избѣгали съ нимъ общенія; въ глазахъ папскихъ миссіонеровъ они являлись „лишь по имени вѣрными“³⁾ и

¹⁾ Это, какъ мы видѣли, высказано прямо въ буллѣ Генриху: *clarae sententiae annis et amplius propter scisma*. Такой же взглядъ, какъ увидимъ ниже, высказываетъ и первый латинскій Чернышевскій епископъ Эрхъ.

²⁾ *Theiner*, M. P. 1, № 908: *Intelleximus*, пишетъ Григорій XI въ 1372 г. архіепископу Гнѣзненскому, епископамъ Краковскому и Плоцкому, — *per relationes quorundam, quod Halicziensis, Primiensiensis, Landimiriensis et Chelmensis ecclesie cathedrales fore noscuntur, nonnullis aliis pretenditibus, ecclesias ipsas non cathedrales sed dumtaxat parochiales ecclesias existere. Nos de premissis certam noticiam non habentes, поручаемъ узнать и не медля довести.*

³⁾ *Ibid.*, № 47.

даже отказывались подчиняться папѣ¹⁾, однимъ словомъ, совершенно пропадали въ православномъ русскомъ морѣ. Происходило на окраинѣ русскаго міра въ XIII—XIV вѣкахъ то же, что происходило потомъ въ предѣлахъ болѣе отдаленныхъ отъ польскаго вліянія— въ Киевщинѣ и южныхъ степяхъ. Правда, доминиканскія и францисканскія преданія представляютъ успѣхи пропаганды весьма значительными, но ихъ взаимныя противорѣчія доказываютъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ матеріаломъ весьма подозрительнымъ, рѣшительно не позволяющимъ основывать на немъ прочные выводы. „Судя по описаніямъ подвиговъ и успѣховъ пропаганды, какъ они излагаются въ орденскихъ источникахъ, невольно спрашивается“, замѣчаетъ И. Малышевскій²⁾,— „какимъ образомъ доселѣ весь міръ не покоренъ папству? Это, кажется, должно было бы быть, если бы не оказывалось, что огромная часть разказовъ о подвигахъ и успѣхахъ римско-католической пропаганды—не болѣе какъ легенды, даже намѣренно сложенные, и пущенные въ ходъ вымыслы“. Можно поэтому думать, что почти до половины XIV вѣка православная церковь въ Галицкой землѣ наслаждалась миромъ и спокойствіемъ, а по крайней мѣрѣ не испытывала никакихъ грозныхъ потрясеній и опасностей, оставаясь все тѣмъ же отдѣльнымъ отъ католицизма, „какъ бы другимъ міромъ“, по выраженію Краковскаго епископа Матвѣя³⁾.

Миръ и спокойствіе православной церкви впервые были нарушены со вступленіемъ на русскую почву ляха въ качествѣ владѣтельнаго лица, но и въ этомъ случаѣ дѣло кончилось лишь не вполне ясными попытками, имѣвшими однако для начинателя весьма трагическія послѣдствія.

16-го іюня 1327 г. Іоаннъ XXII пишетъ ликующее письмо Галицкому князю, по поводу желанія послѣдняго приступить къ единенію съ Римскою церковью. По видимому, папа могъ надѣяться осуществить теперь планы Иннокентія III и Александра IV, но намѣренія князя скоро сдѣлались извѣстны митрополиту Феогносту, и овъ поспѣшнѣе къ мѣсту опасности. Съ 1329 по 1331 г. Феогностъ былъ въ Киевѣ, потомъ на Волыни. Здѣсь во Владимірѣ въ 1331 г. оны рукоположилъ въ Новгородскіе епископы Василія, вызваннаго

¹⁾ А. Гр. и З., VII, № 1.

²⁾ Доминиканецъ Яцекъ, *Труды Киевск. духовн. акад.* 1867, 4, стр. 33.

³⁾ Письмо Матвѣя къ Вернардѣ Елервальскому, М. Р. Н., II, 15.

снова туда же въ 1334 г. по возвращеніи Θεогноста изъ Греціи. Въ рукоположеніи принимали участіе епископы: Григорій Полоцкій, Аѳанасій Владимірскій, Θεодоръ Галицкій, Маркъ Черемныльскій и Іоаннъ Холмскій ¹⁾. Цѣль этого полнаго собора западно-русскихъ іерарховъ объясняется характеромъ и дѣятельностью Юрія-Болеслава, открыто перешедшаго въ католицизмъ и долженствовавшего поэтому съ ревностью ренегата содѣйствовать цѣлямъ католической пропаганды, ставшей, какъ мы видѣли, именно къ этому времени особенно напряженной. Видно, митрополитъ придавалъ серьезное значеніе церковнымъ дѣламъ православной окранны и желалъ укрѣпить духъ пастырей для мужественнаго отпора угрожавшей опасности. Трудно сказать съ полною опредѣленностью, каковы были замыслы Юрія Болеслава; они, какъ и все, касающееся галицкой исторіи занимающаго насъ періода, темны, и изслѣдователямъ поневолѣ приходится прибѣгать къ предположеніямъ и догадкамъ. Юрію-Болеславу приписываютъ желаніе учредить отдѣльную митрополію въ Галичѣ и такимъ образомъ подготовить введеніе уніи или католицизма, такъ какъ новый митрополитъ долженъ былъ быть лишь послушнымъ орудіемъ въ рукахъ князя. Такимъ образомъ мы прямо подходимъ къ вопросу о Галицкой митрополіи, то-есть, духовному разобщенію русскаго міра, факту, осуществляющемуся, какъ извѣстно, въ позднѣйшее время и дѣйствительно подрывавшему одинъ изъ коренныхъ устоевъ духовнаго русскаго благосостоянія. Вотъ почему указанный вопросъ мы считаемъ необходимымъ рассмотреть по возможности обстоятельно, такъ какъ онъ прямо затрагиваетъ самую сущность, какъ внутреннаго состоянія православной церкви въ Галичѣ, такъ и ея отношенія къ остальному православному міру. Предположеніе Ржежабка, приписывающаго Юрію-Болеславу планы духовнаго разобщенія русскаго міра, съ особенною яркостью можетъ иллюстрировать какъ способъ возникновенія, такъ и характеръ научной постановки вопросовъ, касающихся нерѣдко существенныхъ сторонъ галицко-русской жизни, а потому рассмотрѣніе вопроса объ отдѣльности Галицкой митрополіи мы и начнемъ съ разбора указаннаго предположенія Ржежабка, столь блистательно обнаружившаго и научную основательность, и научное остроуміе.

На чемъ основываетъ Ржежабекъ свое мнѣніе? На предполагаемыхъ, но совершенно не извѣстныхъ намъ въ точности, переговорахъ

¹⁾ Новгород. 1-я лѣт., 75, 77.

Юрія Волеслава съ Θεогностомъ ¹⁾, на упоминаніи имени Θεодора въ числѣ Галицкихъ митрополитовъ въ грамотѣ Казимира Константинопольскому патріарху и, наконецъ, на подписяхъ въ грамотѣ Юрія II отъ 1335 г. Недостаточность перваго основанія видна сразу, и конечно, самъ Ржежабекъ не придаетъ ему особеннаго значенія. Документальнымъ основаніемъ правдоподобности предположенія Ржежабекъ считаетъ упомянутую грамоту Казимира, сообщеніе которой онъ, конечно, не подвергаетъ никакому сомнѣнію. Но дѣло въ томъ, что, какъ увидимъ ниже, точное согласованіе ея показаній съ вѣдѣстными намъ несомнѣнными фактами изъ исторіи Русской церкви не возможно, а это обстоятельство въ значительной степени должно подорвать вѣру въ точность приводимаго Казиміромъ перечня Галицкихъ митрополитовъ, изъ которыхъ послѣдній (въ грамотѣ названъ: Нифонтъ, Петръ, Гавриилъ и Θεодоръ), Θεодоръ, обыкновенно отождествляется съ бывшимъ при Юріи-Волеславѣ Галицкимъ епископомъ Θεодоромъ.

Хронологическая возможность такого отождествленія должна была въ глазахъ Ржежабка поддержать вѣру въ точность перечня, котораго онъ не имѣлъ надобности подвергать подробному разсмотрѣнію, такъ какъ вопроса о Галицкихъ митрополитахъ онъ касается лишь мимоходомъ, а вѣдѣтъ та же самая вѣра могла дать Ржежабку основаніе для смѣлаго предположенія, которое онъ высказалъ по поводу подписей въ упомянутой грамотѣ Юрія II отъ 1335 г. Θεодора, упоминаемаго въ этой грамотѣ безъ всякаго титула, Ржежабекъ считаетъ однимъ и тѣмъ же лицомъ съ Θεодоромъ епископомъ Галицкимъ, упоминаемымъ въ грамотѣ того же князя отъ 1334 г. Титулъ при имени Θεодора пропущенъ, по мнѣнію Ржежабка, именно потому, что какъ разъ около этого времени шла рѣчь о назначеніи его въ митрополиты ²⁾

Съ этимъ предположеніемъ мы рѣшительно не можемъ согласиться. Епископъ Галицкій Θεодоръ занимаетъ въ грамотѣ 1334 г. первое мѣсто, что совершенно естественно по его сану: даже въ грамотахъ

¹⁾ „Пребываніе Θεогноста во Владимірѣ было сначала не противно планамъ Юрія Волеслава. Кто знаетъ, не пыталъ ли онъ тайной надеждою склонить Θεогноста остаться навсегда въ его землѣ и такимъ образомъ положить основаніе самостоятельной Галицко-Волынской митрополіи. Двадцать лѣтъ владѣть подобную попытку сдѣлалъ Юрій I; для его внука не могло быть тайной, какія выгоды могло бы принести осуществленіе этой мысли“. *Ржежабекъ—Часов.*, 214.

²⁾ *Часов.*, 215.

Владислава Опольскаго православные архієпископы, если имъ приходилось присутствовать при совершеніи актовъ, помѣщались на первомъ мѣстѣ ¹⁾. Въ грамотѣ 1335 г. мы встрѣчаемъ Феодора безъ всякаго титула послѣ Дмитрія Дѣтка, „воеводы“ белзскаго, придворнаго судьи, „воевода“ перемишльскаго и львовскаго, то-есть, на шестомъ мѣстѣ, при восьми присутствующихъ лицахъ; между тѣмъ, еслибы дѣйствительно Феодора прочли въ митрополиты, это было бы лишь новымъ основаніемъ выдвинуть его на первое мѣсто, какую бы силу и вліаніе ни получили къ тому времени „боляре и воеводы“. Если ко времени составленія грамоты онъ не получилъ каноническаго утвержденія, то это врядъ ли могло мѣшать назвать его „назаченнымъ“ и во всякомъ случаѣ не могло служить основаніемъ отнимать у него его епископскій титулъ и, такъ сказать, понижать его въ подписяхъ. Всѣ подписавшіеся называютъ себя по именамъ и фамиліямъ (прозвищамъ) или по отчеству ²⁾; исключеніе представлялъ бы только „воевода“ лудцкій, названный въ грамотѣ, при чтеніи Ржежабка, просто—*Otek*. Гораздо естественнѣе считать воеводой лудцкимъ Феодора *Otekъ* и не ставить запятой между словами: *Chodoge* и *Otek*. Въ такомъ случаѣ подпись лудскаго воеводы не будетъ представлять ничего страшнаго, не будетъ и непонятнаго пониженія представителя церкви, котораго, напротивъ, слѣдовало возвышать, если дѣйствительно на него возлагались извѣстныя надежды. Отсутствіе подписи епископа Феодора въ грамотѣ 1335 г. объясняется, на нашъ взглядъ, совершенно естественно. Вопервыхъ, грамота дана во Владимірѣ, и если Феодору не трудно было въ 1334 г. доѣхать изъ Галича до Львова, то странно было бы ѣхать во Владиміръ за тѣмъ только, чтобы положить свою подпись на документъ, не имѣющимъ къ церкви никакого отношенія. Епископъ могъ быть призванъ въ княжескую раду, но непремѣннымъ ея членомъ, какъ извѣстно, не былъ. Вторыхъ, предположеніе, что епископъ Феодоръ былъ орудіемъ Болеслава есть только предположеніе, основаній для него никакихъ не имѣется, на оборотъ всѣ вѣроятности говорятъ противъ такого предположенія. Мы видѣли, что епископъ Феодоръ не избѣгалъ общенія съ митрополитомъ Феогностомъ. Къ 1334—1335 г. противъ Юрія Болеслава составилаь сильная оппозиція. Нечего говорить о духовенствѣ,—сами бояре выступили на защиту

¹⁾ А. Гр. в З., II, 6, 8.

²⁾ *Chotcode filio Ieromiri*.

угрожаемаго со стороны князя православія. Это призывает и Ржежабекъ. Въ виду всего этого представителю Галицкой церкви, о которомъ вообще нѣтъ никакихъ точныхъ свѣдѣній, пришлось бы приписать невѣроятное ослѣпление, еслибъ онъ дѣйствительно рѣшился содѣйствовать планамъ, не имѣвшимъ подъ собою никакой почвы. Ѳеодоръ долженъ былъ избѣгать князя, быть можетъ, стоялъ во главѣ оппозиціи противъ него, и во всякомъ случаѣ она должна была находить въ немъ сочувствіе и поддержку, и слѣдовательно, предположеніе Ржежабека не имѣетъ въ сущности никакихъ другихъ основаній, кромѣ вѣры въ точность Казимірова перечня. Перейдемъ поэтому къ разсмотрѣнію данныхъ Казиміровой грамоты къ Константинопольскому патріарху ¹⁾, на которой основывается мнѣніе объ отдѣльности Галицкой митрополіи, и не мимоетной, а довольно продолжительной. Въ подтвержденіе своей просьбы назначить въ Галичѣ особаго митрополита, Казиміръ перечисляетъ Галицкихъ митрополитовъ, прежде бывшихъ. Таковыми называются въ грамотѣ Нифонтъ, Петръ, Гавріилъ и Ѳеодоръ. Мы уже замѣтили, что свидѣтельство это, при несомнѣнной подлинности, не устраняетъ недоумѣній, такъ какъ сообщаемыя имъ показанія не могутъ быть примирены съ извѣстными намъ въ точности другими фактами русской церковной жизни. Въ виду этого митрополитъ Макарій прямо считаетъ показанія Казиміра „ложными или не точными“, „очевидно преувеличенными“; патріарху не трудно было бы обличить это, но онъ не могъ этого сдѣлать въ виду прямой угрозы Казиміра крестить русскихъ въ латинскую вѣру ²⁾.

Совершенно иначе относятся къ документу другіе, напримѣръ, одинъ изъ теперешнихъ представителей Галицкой греко-уніатской церкви Ю. Пелешъ ³⁾. Постараемся вкратцѣ суммировать его разсужденія. Первый изъ называемыхъ Казиміромъ Галицкихъ митрополитовъ Нифонтъ представляетъ личность, по словамъ Пелеша, вообще совершенно неизвѣстную; Петръ былъ, конечно, митрополитомъ Галицкимъ, но лишь по столыку, по сколыку былъ митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси. Отдѣльнаго митрополита Галицкаго въ періодъ времени 1305—1326 годовъ несомнѣнно не было. Гавріилъ,

¹⁾ Acta patriarchatus, I, 577, Русск. историч. библ., VI, прилож. № 23; М. Р. С., II, 626.

²⁾ Макарій, IV, 56 и пр. 68.

³⁾ Geschichte der Union, I, стр. 380—390.

также какъ и Нифонтъ, „совершенно не извѣстенъ“. Что касается Θεодора, то онъ, по мнѣнію Пелеша, предназначался въ митрополиты (къмъ?), но патриархаго утвержденія не получалъ. Таковы фактическія свѣдѣнія о перечисляемыхъ Казиміромъ Галицкихъ митрополитахъ. „Сопоставляя данныя о нихъ съ исторіей тогдашней Кіевской митрополіи“¹⁾, Пелешъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: „Нифонтъ дѣйствительно можетъ быть принимаемъ за перваго Галицкаго митрополита (1299—1305 гг.)“, ибо какъ разъ тогда митрополитъ Максимъ оставилъ Кіевъ и переселился во Владиміръ, что должно было побудить Льва Даниловича къ установленію собственной митрополіи. Во всякомъ случаѣ митрополіа эта „канонически установлена не была“, такъ какъ потомъ напрасно, какъ оказалось, хлопоталъ объ этомъ Юрій Львовичъ, пославъ Петра къ патриарху. Съ 1305—1326 годовъ, какъ сказано, не было отдѣльнаго Галицкаго митрополита; то же слѣдуетъ сказать о времени 1329—1331 годовъ, когда на Волини дѣйствовалъ Θεогностъ. Вотъ почему относительно послѣднихъ двухъ митрополитовъ, упоминаемыхъ Казиміромъ, возникаетъ предположеніе, что они были лишь викарными Кіевскаго митрополита, и что въ перечнѣ митрополитій титулъ приписанъ имъ не вѣрно²⁾. Очевидно, такимъ образомъ, что перечень Казиміра никакъ не можетъ быть примиренъ съ несомнѣнными историческими фактами, а между тѣмъ онъ представляетъ единственное основаніе для утвержденія о существованіи Галицкой митрополіи въ теченіе болѣе продолжительнаго времени, а не мимолетномъ, какъ оно было въ дѣйствительности³⁾.

Относительно Гавріила и Θεодора Пелешъ, хотя и ссылаясь на

¹⁾ Мы этого не понимаемъ. Какія же „данныя“, когда о трехъ митрополитахъ ничего не извѣстно, когда, напротивъ, о Гавріилѣ Пелешѣ говорятъ такъ: „wenn also Gabriel wirklich eine historische Person ist?“

²⁾ Впрочемъ, А. Петрушевичъ, о Галицко-Русскихъ митрополитахъ, Гал. Истор. Сб., ч. III, стр. 16, говоритъ: „вероятно, одинъ только Нифонтъ былъ настоящимъ Галицкимъ митрополитомъ, прочіи же пользовались, можетъ быть, только титуломъ“.

³⁾ О митрополитахъ Крымскихъ, то-есть, тѣхъ же Галицкихъ (Крымскъ—село недалеко отъ Галича, принадлежит и теперь Львовскимъ греко-уніатскимъ митрополитамъ) Юсифъ и Григорій нечего говорить, ибо такъ-называемыя „Львовы грамоты“ (см. у Зубрицкаго, Повѣсть, прилож.: В, В, Г, Д, Е, Ж,) несомнѣнно подложны. Мнѣніе Гарасевича, Annales ecclesiae Ruthenae, Leopoli, 1862, стр. 12, относящаго отдѣльность Галицкой митрополіи даже къ 1240 году, отвергаетъ и Пелешъ.

другихъ, считаетъ возможнымъ допустить ошибку въ Казиміровомъ документѣ. Отчего же не допустить ошибки и относительно Нифонта? „Такъ какъ“, говоритъ Пелешъ, — „Нифонтъ названъ первымъ, то время его правленія должно отнести къ 1299—1305 гг.“ Въ дѣйствительности нельзя считать Нифонта митрополитомъ на томъ же основаніи, какъ и Гавріила и Θεодора, ибо во время путешествія митрополита Максима въ Царьградъ, гдѣ онъ въ 1301 г. присутствовалъ на соборѣ, „онъ обовѣривалъ Волинскую землю и здѣсь, въ числѣ прочихъ, ему представлялся игумень Ратскаго монастыря Петръ“¹⁾. Если въ перемышльской рукописи, о которой упоминаетъ Пелешъ²⁾, названъ Нифонтъ, то попервыхъ, онъ названъ здѣсь епископомъ, а не митрополитомъ, воторыхъ, рукопись эта очень поздняя³⁾ и, наконецъ, въ ней послѣ Нифонта поставленъ Игнатій. Такимъ образомъ считать Нифонта отдѣльнымъ Галицкимъ митрополитомъ нѣтъ никакихъ основаній, но въ такомъ случаѣ точность Казимірова перечня окажется совершенно недостоверною. Между тѣмъ Пелешъ не только не отсутствуетъ передъ очевидною фактической несостоятельностью перечня, но считаетъ его даже хронологически послѣдовательнымъ и соотвѣтственно этому назначаетъ годы митрополитства названныхъ лицъ.

Искусственность и натянутость разсужденій Пелеша рѣзко бросаются въ глаза. Всѣ эти разсужденія въ основѣ своей имѣютъ мысль, что Галичъ постоянно, стремился къ отдѣльности и осуществлялъ ее при всякой возможности. Но, спрашивается: отчего же такъ легко она уничтожалась? Стоитъ только явиться дѣйствительному митрополиту, и нѣтъ ей, этой предполагаемой отдѣльности! Ясно, слѣдовательно, далѣе что въ данномъ случаѣ просто пользуются отсутствіемъ опредѣленныхъ указаній на отношенія Галицкой епархіи къ митрополю. Такимъ образомъ, напримѣръ, для митрополитства Гавріила назначаются 1326—1329 гг. Но вотъ въ „запискахъ о поставленіи русскихъ епископовъ“⁴⁾, при Θεодорѣ Галицкомъ стоитъ годъ 1328. Митрополитство Гавріила становится такимъ обра-

¹⁾ Макарій, Исторія, IV, 14. О рѣчкѣ Ратъ и существующемъ донынѣ названіи—Петрова долина, *Петрушевичъ*, о Галицкихъ митрополитахъ, пр. 6.

²⁾ Geschichte der Ul., 380, пр. 82.

³⁾ Петрушевичъ приписываетъ ее греко-униатскому митрополиту Льву Кишиль (1711—1728 г.).

⁴⁾ В. Г. Васильевскій—*Журналъ Мин. Нар. Просв.*, 1888, II.

зомъ еще менѣе вѣроятнымъ ¹⁾. „Отъ вѣка вѣковъ“, говоритъ Казиміръ, — „Галичъ слылъ митрополіей во всѣхъ странахъ и былъ престоломъ митрополіи отъ вѣковъ“. Что же это за особенная извѣстность, отъ которой не осталось никакихъ слѣдовъ? 13-го декабря 1539 года православные галичане и подоляне обращаются къ митрополиту Макарію съ просьбой о посвященіи для нихъ епископа, и вотъ что говорятъ они митрополиту: „тому есть 200 лѣтъ и одинъ рокъ минуло (опредѣленность, неволью обращающая на себя вниманіе), якъ владыка на Галичѣ былъ“ ²⁾.

„Духовенство и миряне“, справедливо замѣчаетъ по этому поводу М. Смирновъ ³⁾, — „запомнили, когда былъ послѣдній еписковъ въ Галичѣ, а о двухъ митрополитахъ (то-есть, 1347 и 1371 гг.), тамъ жившихъ и правившихъ, совершенно забыли“. Вотъ каково было стремленіе православныхъ галичанъ къ духовной отдѣльности; даже памяти о пей не осталось въ народѣ! Политическая махинація прошла надъ нимъ безъ всякаго слѣда, не смотря на то, что была продѣлана даже неоднократно. Что теперешніе духовные представители галичанъ смотрятъ на дѣло иначе, — понятно. Но странно и по истинѣ грустно вотъ что: предположимъ, что стремленія къ духовной отдѣльности, приписываемыя Пелешемъ галичанамъ, осуществлялись въ лицѣ митрополитовъ Гавріила и Ѳедора. Во всякомъ случаѣ они могли быть осуществлены не канонически. Въ глазахъ духовныхъ лицъ — а таковы почти всѣ, сколько-нибудь подробно касавшіеся вопроса о Галицкой митрополіи и утверждающіе ея отдѣльность въ указанный періодъ времени — это обстоятельство должно бы имѣть извѣстное значеніе, но какія-то другія соображенія оказываются сильнѣе.

Какъ же быть однако съ несомнѣнно подлинною грамотой Казиміра? Почему, и на какомъ основаніи, спросимъ мы, должно приписывать его словамъ несомнѣнную историческую точность? „Ради Бога, ради насъ и святыхъ церквей“, взываетъ Казиміръ къ патріарху, — „да будетъ ваше благословеніе и надъ сими челоувѣкомъ (Антоніемъ), чтобы престолъ этой митрополіи не оставался пустымъ, рукополо-

¹⁾ Для Нисеонта назначаются 1299—1305 гг. Фактъ посвященія Волиши митрополитомъ Максимомъ около 1801 г. извѣстенъ Пелешу, Geschichte der Un., 328; но въ данномъ случаѣ почему-то игнорируется.

²⁾ А. З. Р., II, 381; о датѣ документа см. тамъ же примѣчаніе.

³⁾ Судьбы Галицкой Руси, 141.

жите Антонія въ митрополита, дабы не исчезъ, не разорился законъ русскій⁴. Что же, слѣдуетъ считать Казимира стоятелемъ и оберегателемъ русскаго закона? Такое предположеніе, въ виду фактовъ, вызываетъ лишь улыбку, но вѣдь столь же несомѣннымъ факты, опровергающіе точность Казимирова перечня. Очевидно, довѣріе къ документу основывается вовсе не на его дѣйствительномъ характерѣ и значеніи, а поддерживается по совершенно другимъ соображеніямъ, которыя не могутъ имѣть ничего общаго съ научной истиной. Во имя чего и на какомъ основаніи, спрашивается,—если не допускать прямой злонамѣренности—вносятся въ науку принципы: *credo, quia absurdum?* Въ наукѣ вѣтъ для него мѣста! Если примемъ во вниманіе, что грамота Казимира послужила главнымъ основаніемъ для указаннаго выше предположенія Ржежабка о замыслахъ Юрія Волеслава касательно Галицкой церкви, что та же грамота побудила его считать Теодора (Отека), скрѣпившаго грамоту Юрія II въ 1335 г., епископомъ Теодоромъ, мы будемъ въ состояніи представить себѣ, какимъ образомъ возникаетъ рядъ аргументовъ со всѣми признаками научной основательности. Связанные вмѣстѣ, эти аргументы составляютъ цѣпь, скользящую нислѣдователя, и сколько труда, сколько усилій приходится употребить, чтобы хоть немного освободиться отъ ея давленія!

Отдѣленіе Галицкой митрополіи дѣйствительно произошло около половины XIV вѣка, и конечно, какъ фактъ, касающійся коренныхъ основъ жизни, было подготовлено предшествовавшимъ ей ходомъ, выработавшимъ въ русской жизни тѣсное взаимодействіе верховной власти духовной и свѣтской. Съ того времени, какъ Кіевъ потерялъ свое первенствующее значеніе, митрополиты въ немъ, такъ-сказать, осиротѣли; но все же Кіевъ, какъ первый русскій городъ, былъ наиболѣе подходящимъ для пребыванія представителя духовнаго единства Русской земли. До самаго татарскаго разгрома продолжалась эта традиція, все болѣе и болѣе теряя реальныя основы. Большое Гнѣздо еще считался съ нею и подготовлялъ господство сѣвера благоразумною политикой, вовсе не слѣдуя въ этомъ случаѣ примѣру своего старшаго брата¹⁾. Послѣ смерти Всеволода наступаютъ замѣшательства, а затѣмъ татарскій разгромъ совершенно нарушаетъ естественный ходъ развитія. Въ 1240 году въ Кіевѣ сидѣлъ намѣстникъ

¹⁾ О неудачной попыткѣ Андрея учредить во Владимірѣ отдѣльную митрополию, см. *Макаріѣ*, *Исторія*, III, 16.

Данила. Казалось, верховенство на Руси стало рѣшительно склоняться на сторону юга, и когда во время разгрома безвѣстно погибъ митрополитъ Іосифъ, встрѣчаемъ въ лѣтописи извѣстіе объ Угровскомъ епископѣ Асафѣ „иже скочи на столъ митрополичъ“¹⁾). Очевидно, ни чѣмъ другимъ не могъ руководиться Асафъ, какъ лишь виднымъ перевѣсомъ Данила надъ всѣми тогдашними русскими князьями, но стараясь предвосхитить мысль южно-русскаго князя, онъ, быть можетъ, именно поэтому, а можетъ быть, и потому, что дѣйствовалъ безъ его воли и согласія, и поспѣшилъ: „сверженъ бысть стола своего“, какъ говоритъ лѣтопись. Угровскій епископскій столъ былъ перенесенъ въ Холмъ, а въ митрополиты былъ поставленъ кандидатъ Данила Кириллъ²⁾). Преемникъ его Максимъ былъ избранъ и рукоположенъ въ Царьградѣ, но немедленно послѣ его смерти (1305 г.) встрѣчаемся съ фактомъ чрезвычайно характернымъ: „одинъ изъ игуменовъ (судя по мѣсту дѣйствія владимірскій), именемъ Геронтій, взявъ святительскую ризницу, утварь, самую икону, подаренную нѣкогда Максиму игуменомъ Петромъ, а также церковныхъ сановниковъ и отправился въ Константинополь искать себѣ поставленія на Русскую митрополию. Это, конечно, онъ сдѣлалъ не безъ согласія свѣтскихъ властей города Владимира, а также нѣкоторыхъ изъ духовенства. Поступокъ Геронтія, когда огласился въ Россіи, не понравился очень многимъ, особенно же Волынскому князю Георгію Львовичу. Не желая видѣть первосвятителя въ лицѣ властолюбиваго Геронтія и, можетъ быть, недовольный переселеніемъ Кіевскихъ митрополитовъ на сѣверъ Россіи, Георгій „восхотѣ Галицкую епископію въ митрополию претворити“³⁾) и убѣдилъ ратскаго игумена Петра ѣхать къ Царьградскому патріарху съ письмомъ отъ князя и съ его посломъ“⁴⁾). Сѣверъ и югъ одновременно выставляютъ своихъ кандидатовъ, и всего только нѣсколькими днями Петръ предупреждаетъ Геронтія въ Царьградѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, и Петръ, и Геронтій были кандидатами мирянь⁵⁾), но Петръ оказался счастливѣе. Получивъ отъ патріарха привезенныя Геронтіемъ знаки святительскаго сана, онъ былъ отцу-

¹⁾ Ив. л. 494. *Петрушевичъ*, Краткое извѣстіе о Холмской епархіи, 22.

²⁾ *Макарій*, Исторія, IV, 7—8 и прилож. 1.

³⁾ Справедливо замѣчаетъ по этому поводу *Макарій*: „прежде, значить, эта епископія не была митрополіей“. Ив. прилож. II.

⁴⁾ *Макарій*, Исторія, IV, 15.

⁵⁾ Отвергнувъ Геронтія, патріархъ оказывалъ ему: „не достоинъ миряномъ званія святительскія творити“.

щевъ въ 1308 году какъ дѣйствительный первосвятитель Кіевскій и всея Россіи. „Мысль Волинскаго князя“, замѣчаетъ по этому поводу пр. Макарій, — „осуществилась только въ половину“. Именно нѣтъ: мысль Юрія о избраніи Петра осуществилась вполне, по его планамъ былъ нанесенъ смертельный ударъ и не патріарху, а самимъ Петромъ, и въ нашихъ глазахъ фактъ этотъ является тѣмъ болѣе замѣчательнымъ, что Петръ былъ кандидатъ Юрія и природный южанинъ. Переселеніе его на сѣверъ, его отношенія къ Московскимъ князьямъ какъ пельза болѣе ярко показываютъ, что лучшіе русскіе люди того времени уже не колебались въ выборѣ между сѣверомъ и югомъ. Для нихъ было очевидно, что югъ представлялъ лишь традицію. Попытка Юрія получаетъ такимъ образомъ смыслъ послѣдней попытки юга удержать въ своихъ рукахъ традиціонное верховенство. Во всѣхъ отношеніяхъ побѣда оказалась на сторонѣ новаго русскаго центра, который на зарѣ своей исторіи получаетъ въ лицѣ святителя и чудотворца драгоцѣнный залогъ сознательной и добровольной, а слѣдовательно, неразрывной связи съ югомъ. Обстоятельство, что переселеніе Петра на сѣверъ нисколько не нарушило духовнаго единства Русской земли ¹⁾ открываетъ истинный смыслъ словъ Степенной книги о „претвореніи Галицкой епископіи въ митрополию“. Не о претвореніи въ буквальномъ смыслѣ, а лишь о сохраненіи вліянія на выборъ русскаго первосвятителя могла быть рѣчь по смерти митрополита Максима. Что югъ прилагалъ старанія о сохраненіи этого вліянія показываютъ какъ общепринятые факты, такъ и перечень подчиненныхъ Константинопольскому патріарху епископскихъ кафедръ, въ которомъ сохранилось упоминаніе, что Галицкая епископія удостоилась повышенія въ митрополию при императорѣ Андроникѣ Палеологѣ и святѣйшемъ патріархѣ Авапасіи въ 6811, то-есть, въ 1303 году ²⁾. Неточности перечня позволяютъ усумниться въ вѣрности даты, и показанія его свидѣлствуютъ лишь о безсиліи Царьграда по отношенію къ подчиненнымъ его духовной власти церквамъ. Въ Царьградѣ естественно могли придать именно такое толкованіе назначенію

¹⁾ И митрополитъ Кириллъ II, ставленникъ южно-русскаго князя и самъ южанинъ, не находилъ возможности оставаться на югѣ; но переселеніе его на сѣверъ могло быть естественно объяснено крайне тяжелымъ, послѣ разгрома, состояніемъ обширныхъ сѣверныхъ епархій, а также и тѣмъ, что Владимірская кафедра какъ разъ въ это время оставалась вакантною. Макарій, IV, 10.

²⁾ Списокъ перечня относится въ XIV вѣву. Русск. нот. библ., VI, прилож., стр. 15, прим.

Петра, переѣздъ котораго на сѣверъ вовсе не былъ слѣдствіемъ греческаго вліянія, а лишь результатомъ выработаннаго русскою жизнью тѣснѣйшаго взаимодѣйствія представителей власти духовной и свѣтской. Если, такимъ образомъ, потерпѣвъ чувствительный ударъ, югъ склонился передъ фактомъ, то это можетъ свидѣтельствовать лишь о силѣ общерусскаго единенія, и надо было появиться на сценѣ другимъ факторамъ для того, чтобы порѣшенный вопросъ опять всплылъ. Такимъ новымъ факторомъ оказалась Литва. Въ борьбѣ съ нею пали преемники Юрія, обнаруживъ на дѣлѣ явное для Петра безсиліе юга, а Литва вскорѣ послѣ этого стала Литвой уже только по имени. Кіевъ перешелъ подъ ея власть, а городъ этотъ сохранялъ свое обаяніе даже тогда, когда уже давно резиденція митрополита была перенесена изъ Владиміра въ Москву ¹⁾. Мы видѣли, какъ въ лицѣ Любарта сливалась Литва съ Русью, а изъ словъ Ольгерда, что вся Русь должна перейти подъ власть Литвы ясно открываются политическіе замыслы Гедиминовичей. Но поперекъ этихъ замысловъ стояла Москва, а вмѣстѣ съ нею и представитель единства Руси — митрополитъ, все еще официально носившій титулъ Кіевскаго. „По твоему благословенію“, говоритъ Ольгердъ, — „патріарху Филоою въ 1371 году митрополитъ и доншій благословляетъ ихъ (москвитянъ) на пролітіе крови, и при отцахъ нашихъ не бывало такія митрополитовъ каковъ сей митрополитъ! Благословляетъ москвитянъ на пролітіе крови и ни къ намъ не приходитъ, ни въ Кіевъ не наѣзжаетъ. И кто поцѣлуетъ крестъ ко мнѣ и убѣжитъ къ нимъ, митрополитъ снимаетъ съ него крестное цѣлованіе. Бываетъ ли такое дѣло на свѣтѣ, чтобы снимать крестное цѣлованіе? Митрополиту слѣдовало благословить москвитянъ, чтобы помогали намъ, потому что мы за пяхъ водемъ съ нѣмцами. Мы зовемъ митрополита къ себѣ, но онъ не идетъ къ намъ: дай намъ другаго митрополита на Кіевъ, Смоленскъ, Тверь, Малуя Русь, Новосиль, Нижній Новгородъ“ ²⁾. Это отношенія уже вполне соврѣвшія, ясно обрисовавшіяся. Гавъ

¹⁾ Еще въ соборномъ патріаршемъ постановленіи касательно Пимена въ 1380 году говорится: „пусть возглашается онъ (Пименъ) и Кіевскимъ, ибо не возможно ему быть первосвятителемъ великой Россіи, если онъ не будетъ именоваться прежде Кіевскимъ, такъ какъ въ Кіевѣ соборная церковь всей Россіи и главная митрополія“, Макарій, IV, 70; а въ 1415 году Витовтъ такъ, между прочимъ, объясняетъ поставленіе Цамблака: „заповѣ бошимъ изволеніемъ имъ вѣсто то обладаемъ Кіевъ“, А. З. Р. I, 36.

²⁾ Русск. истор. библ., VI, прилож. № 24.

и злоба водять перомъ Ольгерда. И какъ могъ Ольгердъ въ самомъ дѣлѣ не дать имъ воли?

Онъ въ собственномъ сознаниі—русскій государь, щить и охрана Руси отъ нѣмцевъ, грозную силу которыхъ онъ въ такой степени чувствовалъ на себѣ, встрѣчаетъ въ лицѣ представителя русскаго единства, въ лицѣ митрополита, главнѣйшее препятствіе на своемъ пути къ созданію всерусскаго государства! Ольгердъ душою, а быть можетъ, и по вѣрѣ русскій, благодаря опасности со стороны нѣмцевъ, вынужденъ оставаться язычникомъ, слѣдовательно, въ глазахъ русскихъ „зловѣрнымъ безбожнымъ, печестивымъ“, въ глазахъ патріарха „врагомъ креста, не вѣрующимъ въ Господа нашего Іисуса Христа, но скверно и безбожно поклоняющимся огню“ ¹⁾, долженъ испытывать постоянную внутреннюю борьбу и, быть можетъ, въ концѣ концовъ проститься съ своими политическими планами! Вѣдъ соединившіеся съ нимъ русскіе князья отлучены отъ церкви и патріархомъ, который приглашаетъ ихъ „прийти и припасть къ митрополиту“, иначе говоря, соединиться съ Москвою противъ Литвы ²⁾. Какъ тутъ не быть гнѣву и злобѣ! Какъ не запросить себѣ отдѣльнаго митрополита!

Въ то время, когда впервые возникаетъ отдѣльная митрополія на Руси, отношенія обѣихъ русскихъ державъ еще не дошли до такой степени напряженія, они только впервые обозначились. Оттого-то первое столкновение Москвы и Литвы отличается сдержанностью, нерѣшительностью. Изъ хрисовула императора Іоанна Кантакузина о присоединеніи Галицкой митрополіи къ Киевской и его же грамоты къ Дмитрію Любарту, а также синодальнаго постановленія патріарха Исидора ³⁾ узнаемъ, что не задолго до 1347 г., во время происшедшихъ въ Царьградѣ церковныхъ смуть, въ Галичѣ была открыта отдѣльная митрополія, съ подчиненіемъ ей всѣхъ епархій малой Россіи. Учредительной грамоты не сохранилось, но обращеніе императора къ Любарту достаточно ясно указываетъ, что именно его слѣдуетъ считать виновникомъ такого утвержденія. Въ свое время мы говорили о значеніи этого факта для объясненія отношеній Любарта къ Галицкой землѣ. Теперь вспомнимъ сказанное о солидарности

¹⁾ Ibid., стр. 118.

²⁾ См. отлучительную грамоту патріарха Филоея Смоленскому князю Святославу, Ib. № 21.

³⁾ Ibid., №№: 3, 6, 7.

дѣйствій Гедиминовичей, и тогда характеръ и значеніе попытки представляется намъ въ своемъ настоящемъ видѣ. Великій князь Литовскій, непосредственно руководившій отношеніями Литвы къ Москвѣ, оставался какъ будто совершенно въ сторонѣ отъ затѣи своего брата, нарушавшаго самыя существенныя интересы Москвы. Въ то же время Любартъ, наследникъ южно-русскихъ князей, бывшихъ въ сношеніяхъ съ патріархомъ, посылавшихъ туда для поставленія своихъ кандидатовъ, имѣлъ гораздо болшую возможность вести переговоры и въ данномъ случаѣ. Что они такъ легко увѣнчались успѣхомъ, объясняется какъ смутами въ Царьградѣ, такъ и слабостью вліянія патріарха на подчиненныя ему церкви.

Еще съ 1234 г. Болгарія составляла отдѣльный патріархатъ; въ концѣ 1345 г. или въ 1346 г. былъ учрежденъ Стефаномъ Душаномъ патріархатъ Сербскій ¹⁾. Патріархъ рѣшительно не имѣлъ возможности остановить это стремленіе подчиненныхъ ему церквей къ независимости, ему оставалось только соглашаться во избѣжаніе большихъ смутъ и непріятностей.

Во всѣхъ указанныхъ нами грамотахъ, относящихся ко времени возникновенія Галицкой митрополіи, учрежденіе ея, съ не допускающей никакихъ сомнѣній категоричностью, называется „новизною“, нарушеніемъ издревле установившихся обычаевъ, и если указываются какія-то возникавшія прежде пошутки, то тутъ же заявляется, что онѣ „тотчасъ же разрушались и отвергались, едва возникали“, очевидно, разрушаясь именно въ силу собственной несостоятельности.

Конечно, отиѣна недавняго учрежденія совершилась не безъ вліянія Феогноста и Семена Ивановича ²⁾, но рѣшительность тона императора въ его обращеніи къ Любарту, могла опираться главнѣйше именно на новизнѣ и необычности явленія, не имѣвшаго подъ собою никакихъ внутреннихъ основъ. Какова была судьба мимолетнаго Галицкаго митрополита и кто былъ этотъ мимолетный митрополитъ— не извѣстно. Былъ ли это Феодоръ—Пелешъ ³⁾ утверждаетъ это, Ма-

¹⁾ *Е. Глаубинскій*, Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей. Москва. 1871 г., стр. 80 и 472.

²⁾ Грамоты къ нимъ Іоанна Кантагузина, Русск. и. библ., VI, Прилож. №№ 4, и 5. Въ Никоновской лѣтописи подъ 6855 г. сказано: „того же лѣта преосвященный Феогностъ митрополитъ Кіевскій и всея Руси посовѣтова нѣчто кудови съ смывомъ своимъ великимъ княземъ Семеномъ Ивановичемъ и тако послава въ Царьградъ къ патріарху о благословеніи“, Полн. собр. р. з., X, 218.

³⁾ *Gesch. d. U.*, I, 385.

карій) ¹⁾ считаетъ вѣроятнымъ,—вѣльня однако, не замѣтить, что прямо по имени онъ не названъ ни въ одной изъ относящихся сюда грамотъ, данныхъ въ Царьградѣ ²⁾; а на основаніи приведеннаго выше обращенія галичанъ и подолитъ къ митрополиту Макарію слѣдуетъ думать, что извѣстный намъ епископъ Галицкій Теодоръ умеръ около 1338 года ³⁾.

Возможно поэтому думать, что Галицкій митрополитъ былъ не Теодоръ, или по крайней мѣрѣ, если ужъ придавать каку-нибудь вѣру перечню Кавиіра, не тотъ Теодоръ, подчиненіе котораго Теогносту составляетъ фактъ несомнѣнный. Такъ по всѣмъ даннымъ представляется намъ дѣло о Галицкой митрополіи, или точнѣе, о первомъ духовномъ раздѣленіи Руси. Оно возникло около 1345 г., какъ небывалая новизна, какъ произвольное нарушеніе извѣчнаго порядка. Нужна была эта новизна лишь Гедиминовичамъ, но и они отступили передъ крѣпостью и силой старины, соединявшею всю Русь отъ крайнихъ сѣверо-восточныхъ предѣловъ распространенія русскаго племени до подножія Карпатъ въ единое неразрывное, по крайней мѣрѣ духовно-цѣлое.

Вскорѣ во церковномъ воссоединеніи митрополитъ Теогностъ постигъ Волинь, устранивъ, конечно, при этомъ всѣ возникшія во время замѣпательствъ недоразумѣнія ⁴⁾. Какъ должны были отнестись къ этому посѣщенію Гедиминовичи, и особенно Ольгердъ, можемъ только догадываться. Во всякомъ случаѣ они не посмѣли поступить съ Теогностомъ такъ, какъ потомъ рѣшился поступить Ольгердъ съ Алексіемъ, когда тотъ посѣтилъ южныя епархіи. Положеніе было, однако, таково, что для честолюбивцевъ, не брезгавшихъ средствами, являлась возможность попытаться счастье. Такимъ честолюбцемъ считаемъ мы какого-то Теодорита, прибывшаго въ 1352 г. въ

¹⁾ Исторія, IV, 26.

²⁾ Въ грамотѣ патріарха Исидора, вызывающей Галицкаго митрополита къ суду, онъ называется: „пресвященный митрополитъ Галицій и пречестный, возлюбленный по Господу братъ и сослужитель нашей жарности“, Р. н. б., VI, Прилож., № 8.

³⁾ Въ „запискахъ о поставленіи“ послѣдній годъ при имени Теодора—1336. И Петрушевичъ, О Галицкихъ митрополитахъ, пр. 16, и Шараневичъ, Kościelne wraży na Rusi za rządów Kazimierza W, Bibl. Ossol., II, 1863, принимаютъ 1338 г. за годъ смерти Теодора.

⁴⁾ Николовская лѣтоп. подъ 1349 г.: того же лѣта приде пребсвещенный Теогностъ митрополитъ Киевскій и всея Руси изъ Волини, II. с. р. л., X, 221.

Царьградъ, съ цѣлью искать митрополіи. Потерпѣвъ здѣсь неудачу, онъ обратился къ Болгарскому патріарху въ Терновъ и былъ здѣсь рукоположенъ. Вернувшись въ Россію, онъ, какъ подобало самозванцу, „разбойнически и тирански присваивалъ себѣ Кіевъ“¹⁾; но удержаться не могъ. „Нельзя сомнѣваться“, говоритъ Макарій, — „что нязложенный и отлученный патріаршею властью, онъ всѣми былъ отвергнутъ въ Россіи“²⁾. Дѣйствительно, о дальнѣйшей его судьбѣ ничего не извѣстно.

Попытку Феодорита нельзя не сопоставить съ попыткой Угровскаго Асафа: подобно ему, Феодоритъ задумалъ „сочить“ на столъ митрополита и если немедленно же не поплатился за свой дерзостный замыселъ, то причина этого заключалась въ отношеніяхъ Ольгерда къ Москвѣ, заставлявшихъ Литовскаго князя смотрѣть сквозь пальцы на самозванца, не сумѣвшего, однако, надлежащимъ образомъ расположить обстоятельства въ свою пользу. При такихъ условіяхъ нѣтъ никакихъ основаній считать Феодорита „первымъ Литовскимъ митрополитомъ“³⁾. Не факты, даже не слова, а лишь „коварный умыселъ“, говоря словами патріарха Нила⁴⁾, можетъ давать основаніе для подобнаго утвержденія, но разумѣется, ничего нельзя построить на подобномъ основаніи.

Въ 1364 г. наконецъ Ольгердъ рѣшился запросить себѣ отдѣльнаго митрополита и на этотъ разъ добился желаемаго. Въ Литовскіе митрополиты поставленъ былъ Романъ; столъ Литовскаго митрополита назначенъ былъ въ Новгородѣ, и подчинены ему были епархіи Литовскія — Полоцкая и Туровская, а также Малорусскія⁵⁾. Не смотря на то, что Литовская митрополія просуществовала цѣлыхъ 12 лѣтъ, она не могла установиться прочно. Вскорѣ по смерти Романа (1362 г.) патріархъ Филофей постановляетъ „чтобы Литовская земля ни подъ какимъ видомъ не отлагалась и не отдѣлялась отъ власти и духовнаго управленія митрополита Кіевскаго, ибо это, бывъ разъ допущено, приввело много замѣшательства и безпорядковъ, хотя,

¹⁾ Макарій, Исторія, IV, Прилож. VIII.

²⁾ Ibid., стр. 42.

³⁾ Деламъ, Gesch. d. Un., I, 887.

⁴⁾ Р. И. В. VI, Прилож., стр. 170.

⁵⁾ Ibid., стр. 86. Патріаршія грамоты, относящіяся къ утвержденію Литовской митрополіи, ib., №: 13, 14, 15, 80 и 33. О личности Романа, вѣроятно родственника Ольгердова по второй женѣ, твердой княжнѣ Ульянѣ, ib., стр. 71, пр.

но видимоу, допущено было по требованію многихъ настоятельныхъ нуждъ¹⁾. Было ли это постановленіе опубликовано или нѣтъ²⁾—въ точности не извѣстно; но важенъ въ данномъ случаѣ взглядъ такого представителя церкви, какимъ былъ Филофей, хотя бы даже бессильнаго устранить ея нестроенія.

Въ 1376 г. всего за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, Ольгердъ наконецъ добился своихъ цѣлей. Въ митрополиты Кіевскіе и Литовскіе поставленъ былъ Кипріанъ, съ правомъ и на всю Россію послѣ Алексія³⁾. Въ виду старости и заслугъ московскаго святителя уважены были его права, но дѣйствія патриархата, несомнѣнно сообразовавшагося съ положеніемъ вещей, заслуживаютъ полнаго вниманія: очевидно, въ лицѣ Ольгерда патриархъ видѣлъ „новую звѣзду на русскомъ горизонтѣ“⁴⁾. Звѣзда эта чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ померкла, а въ какіе-нибудь два-три года положеніе дѣлъ измѣнилось совершенно. Московскій князь Дмитрій стоялъ твердо за свои права и даже въ 1379 г., когда церковныя дѣла складывались, по видимоу, въ особенно благопріятномъ для Литвы смыслѣ⁵⁾, имѣлъ много сторонниковъ среди русскихъ, даже при Виленскомъ дворѣ, а когда союзъ съ Мамаемъ покрылъ близорукаго Ольгердовича несмыслаемымъ позоромъ, а Куликовская побѣда разнесла славу имени Дмитрія по всей Русской землѣ, русское дѣло Литвы было проиграно окончательно и навсегда. Дмитрій могъ вступить въ сношенія съ Кипріаномъ, могъ не бояться его естественнаго, казалось бы, тяготѣнія къ Литвѣ: онъ былъ тогда одинъ истинный князь „всѣя Руси“. Литва въ смыслѣ русской державы погибла недалеко отъ Куликова

¹⁾ Пб., стр. 96.

²⁾ Въ рукописи грамота перечеркнута.

³⁾ Грамоты о поставленіи Кипріана нѣтъ, ибо въ „Актахъ Патриархата“ нѣтъ грамоты, относящихся къ 1374—79 г.г. Положеніе дѣлъ объясняется позднѣйшими грамотами 1380 и 1389. Р. И. В., VI, прилож. №№ 30 и 33.

⁴⁾ Смолька, *Kiejstat i Jagiełło*. Краковъ, 1888, стр. 39.

⁵⁾ Ср. *ib.*, 44, пр. 4 и 5, гдѣ указывается на подпись Кипріана въ соборномъ постановленіи въ Царьградѣ 1379 г.: „смиранный митрополитъ всѣи Россіи Кипріанъ“, *Acta patr.* II, 6; и отвѣтъ императора посламъ Дмитрія: „что сице пишетъ князь великій Рускій о Пиминѣ, а поставленъ есть готовъ митрополитъ на Руси Кипріанъ, даице поставленъ есть свѣтѣйшій патриархомъ Филофеемъ, того и отпустили есмь на рускую землю митрополитомъ, а кроми того иного не требуемъ поставити“. Воскрес. л., Полн. собр. р. л., VIII, 32. Представленіе дѣлъ въ грамотѣ патриарха Нила 1380 г. Смолька считаетъ „крайне тенденціознымъ“.

поля, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ остановился ведшій русскіе полки на братоубійственную войну, по истинѣ „нечестивый“ Ягайло, и не московская рать гнала его назадъ оттуда: „не видѣша бо тогда князя великаго, ни рати его, ни оружія его, токмо имени его болхуса и трепетаху“¹⁾. Еще разъ возвысилась Литва при Витовтѣ. Граница ея, простираясь до Угры, отстояла весьма недалеко отъ столицы Московскаго княжества. Московскій государь, зять Витовта, передъ смертью поручилъ сына опека великаго князя Литовскаго, съ которымъ соединились князья Тверской и Рязанскій, Псковъ и Новгородъ. При Витовтѣ снова осуществляется духовное разьединеніе русскаго міра, но оно было столь же мимолетно (продолжалось всего четыре года), какъ мимолетно было видимое могущество Витовта. Однимъ словомъ, попытки къ духовному раьединенію были, но обстоятельство, что онѣ, говоря словами хрисовула Іоанна Кантакузина, скоро „падали и разрушались“, что для осуществленія ихъ требовалась вся сила и вліяніе такихъ государей, какъ Ольгердъ или такой складъ обстоятельствъ, какимъ воспользовался Казиміръ, доказываютъ несомнѣнно, съ какимъ трудомъ могло быть нарушено духовное единство русскаго міра, и слѣдовательно, до какой степени оно было прочно. Возникавшія раздѣленія совершенно не вытекали изъ условій русской жизни, вовсе не отвѣчали стремленіямъ и понятіямъ народа²⁾, а были лишь слѣдствіемъ политическихъ обстоятельствъ, нѣрѣже—политическихъ несчастій, столь обильныхъ на Руси и, надо думать, необходимыхъ для того, чтобы выковать ея политическое могущество. Гдѣ, какъ напримѣръ, въ Галичѣ, раздѣленіе продолжалось болѣе значительное время, тамъ эта отдѣльность сказывалась самымъ печальнымъ образомъ именно какъ разъ на томъ, что составляло ея вѣншній признакъ, то-есть, на ея представителяхъ.

Объ Автоніи, несомнѣнно поставленномъ въ Галиціи митро-

¹⁾ Воскрес. л., Полн. собр. р. л., VIII, 40.

²⁾ Имяе всего это доказывается отношеніемъ новгородцевъ къ Кипріяну, 1376 г. поставленъ бысть въ Царьградѣ Кипріянь митрополитъ; и пришедъ въ Литву, посла въ Новгородъ Великій послы свои къ владыцѣ и патриарши грамоты, а глагола тако: „благословилъ мя вседенскій патриархъ Филофей митрополитомъ на Кіевъ и на всю Рускую землю“. Слышавъ же се владыка и Новгородци и сяче отвѣтъ послана къ нему: „иди къ великому князю на Москву: и аще ты примешъ митрополитомъ на Русь, то и имъ еси митрополитъ“. Слышавъ же митрополитъ отвѣтъ Новгородци и не посла къ великому князю на Москву. Ibid., стр. 25.

политы по требованію Казимира, рѣшительно ничего не извѣстно. Въ 1391 году патріархъ поручилъ Симеону, монаху одного изъ молдавскихъ монастырей, завѣдываніе Галицкою церковью. Какъ разъ около этого времени явился въ Галичѣ какой-то Тагарисъ. Онъ выдавалъ себя за уполномоченнаго отъ патріарха и посвятилъ Симеона во епископы, но тотъ, узнавъ обманъ, сложилъ съ себя санъ. Надо думать поэтому, что около 1391 г. скончался Антоній¹⁾. Въ 1393 г. искателемъ Галицкой митрополіи является въ Царьградѣ Луцкій епископъ Іоаннъ, личность, мало стѣснявшаяся въ выборѣ средствъ для достиженія цѣли²⁾. Пользуясь заступничествомъ короля, онъ управлялъ дѣлами до 1397 г. Въ этомъ году патріархъ отправилъ въ Галичъ Внолеемскаго епископа, а въ грамотѣ къ королю предлагалъ Іоанну обратиться къ „своему митрополиту“, выпросить у него прощеніе, и только въ такомъ случаѣ разрѣшалось ему прибыть въ Царьградъ. Врядъ ли однако Іоаннъ исполнилъ приказъ патріарха. По крайней мѣрѣ подъ 1414 г. Никоновская лѣтопись упоминаетъ о Галицкомъ епископѣ Іоаннѣ; но всей вѣроятности, это тотъ самый Іоаннъ, бывшій епископъ Луцкій, который поведеніемъ въ Царьградѣ совершенно опредѣленно заявилъ свое отношеніе къ духовной власти³⁾. Затѣмъ до 1529 г. о Галицкихъ епископахъ ничего не слышимъ, а и указанные два — одинъ митрополитъ, другой нареченный въ митрополиты⁴⁾ — не были, какъ сказано, призываемы галичанами

¹⁾ *Петрушевичъ*, О Гал. митр., стр. 18, полагаетъ, что около 1380 г.

²⁾ Содѣяствіе короля онъ купилъ за 200 гривенъ и 30 коней. А. З. Р., I, № 12.

³⁾ 1398 г. патріархъ писалъ Кипріану: „Епископъ Луцкій пришелъ сюда и привезъ грамоты отъ короля, просящаго его въ митрополита Галиціи. Когда открылся соборъ, были прочитаны грамоты, присланныя священствомъ твоимъ еще прежде прибытія его сюда, и признаю за лучшее, что такъ какъ идетъ сюда и епископъ Владимірскій, то задержать здѣсь и его (епископа Луцкаго) и потомъ провзвѣста между ними судъ и найдти права каждаго изъ нихъ. Но сей бѣжалъ и, нашедши корабль готовый къ отплытію, вошелъ въ оный, . . . приглашенный придти сюда и оставить корабль, сказалъ: „Галицію мнѣ далъ король, который есть самодержавный властитель страны, и если мнѣ недоставао благословенія отъ патріарха, то пришедши, я уже получалъ оное, а больше мнѣ ничего не нужно; чего мнѣ на соборъ? пойду въ Галицію, въ мою церковь“, — называя благословеніемъ то, которое онъ, пришедши сюда, просто какъ христіанинъ, униженно испросилъ у меня и получилъ, какъ и всѣ сопутствовавшіе ему подчиненные ему благословились“. *Махарій*, Исторія, IV, прил. XXX. Ср. *Пеллисъ*, *Gesch. d. Un.*, I, 395—396.

⁴⁾ Впрочемъ Іоанна, собственно говоря, трудно считать даже нареченнымъ въ митрополиты, можно думать, онъ самъ довольствовался титуломъ епископа.

за духовныхъ пастырей, — не только имена, но даже самое ихъ существованіе народъ предалъ забвенію, тѣмъ болѣе краснорѣчивому; что, не смотря на всѣ бѣдствія, которымъ съ 1340 г. подвергалась Галичина, православіе въ ней не поникло, стояло твердо, а „свѣтой Юрь величаво и гордо высился надъ всѣми зданіями Львова“. Эту твердость и неизбежность православія въ отдаленной русской окраинѣ нагляднѣе всего подтверждаетъ исторія утвержденія въ ней епископскихъ католическихъ кафедръ. Къ этой исторіи мы теперь и перейдемъ.

Епархіальнаго католическаго епископа въ предѣлахъ Галичины встрѣчаемъ впервые въ Перемышлѣ, что совершенно естественно по близости этого города къ польской границѣ. Исторія утвержденія епископской католической кафедры въ Перемышлѣ представляется намъ особенно важною и характерною, бросая не мало свѣта какъ на общія отношенія Рима къ Польшѣ и Руси, такъ въ частности на время окончательнаго утвержденія польскаго господства въ Галичинѣ. Съ другой стороны, всѣ относящіяся сюда главнѣйшіе факты могутъ быть обоснованы на не подлежащихъ никакому сомнѣнію документальныхъ свидѣтельствахъ, что въ данномъ случаѣ, при общей неопредѣленности и запутанности занимающихъ насъ вопросовъ, имѣеть весьма существенное значеніе. Мы видѣли, что до окончательнаго устраненія отъ всякаго участія въ дѣлахъ католической церкви на Руси, Любушскій епископъ старался обращать въ свою пользу событія уже совершившіяся, или по крайней мѣрѣ обѣщающія болѣе или менѣе вѣрный успѣхъ. Борьба Казимира съ Литвой-Русью, безъ сомнѣнія, вызвала въ Любушскихъ епископахъ тревогу и надежду, и они не замедлили попыткой обратить ее въ свою пользу. По крайней мѣрѣ въ маѣ 1352 г. Климентъ VI, извѣстившись о смерти Перемышльскаго епископа Ивана „поспѣшилъ“ назначить на его мѣсто доминиканскаго сандомірскаго пріора Николая, чтобы такимъ образомъ „пресѣчь чье-либо постороннее вмѣшательство“ ¹⁾. Очевидно, такимъ образомъ, первый католическій епископъ, котораго встрѣчаемъ въ Перемышлѣ, Иванъ не былъ назначенъ куріей, съ другой стороны, назначеніе Климентомъ VI Николая въ самый разгаръ борьбы за Галичину, когда Казимиръ хлопоталъ лишь о денежной поддержкѣ, и рѣшительно, какъ увидимъ, некому было — развѣ только проповѣдничествующимъ монахамъ — торопить курію такимъ на-

¹⁾ Theiner, M. P., 1, № 720.

значеніемъ, не могло быть вызвано никакими другими причинами, кромѣ указаннаго въ самой буллѣ желанія куріи пресѣчь постороннее вмѣшательство, которое, конечно, могло исходить лишь отъ Любушскаго епископа. Иванъ для Перемишля былъ такимъ образомъ тѣмъ же, чѣмъ былъ для Кіева въ 1320 г. Генрихъ изъ Порвелле. Вѣроятно, послѣдовавшая вскорѣ смерть помѣшала Ивану обратиться въ курію за утвержденіемъ, какъ это сдѣлалъ Генрихъ ¹⁾.

Неканоничностью поставленія Ивана объясняется отсутствіе его имени въ спискахъ Перемишльскихъ епископовъ ²⁾, а еще болѣе эта неканоничность подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что папская канцелярія въ назначеніи Николая торопилась лишь заявленіемъ своихъ правъ на Перемишльскую кафедру ³⁾, а вовсе не удовлетвореніемъ дѣйствительной потребности въ епископѣ. Указанная папская булла дана 18-го января 1353 г., но лишь 24-го августа 1354 г. Николай былъ поставленъ въ епископы и получил приказаніе отправиться въ свою епархію ⁴⁾. Дальнѣйшія свѣдѣнія объ этомъ первомъ, назначенномъ папой, католическомъ Перемишльскомъ епископѣ крайне скудны. Изъ буллы Григорія XI отъ 13-го апрѣля 1377 г., по которой въ Перемишльскіи епископы назначаются минориты Эрихъ Виняень, мы узнаемъ, что предшественникъ его Николай умеръ внѣ предѣловъ, подвѣдомыхъ непосредственному вѣдѣнію куріи, слѣдовательно, не въ Перемишльской епархіи, что затѣмъ, послѣ его смерти епископская кафедра оставалась вѣкоторое время вакантною ⁵⁾; что, слѣдовательно, не только не ощущалось никакой особенной надобности въ католическомъ епископѣ для Перемишля, но что, собственно, даже не было возможности утвердить въ этомъ городѣ епископскую

¹⁾ Окончался Иванъ, надо думать, или въ концѣ 1351, или въ началѣ 1352 г., гдѣ именно—не извѣстно; въ указанной буллѣ неопредѣленно: *in partibus illis*. Время назначенія его въ епископы также не извѣстно, во всякомъ случаѣ архідіа раньше 1349 г.

²⁾ *Reifenkugel*, Gründung, 429, пр. 1. Надо впрочемъ замѣтить, что списки *Gamsa*, *Series episcoporum ecclesiae catholicae. quotquot innotuerunt a beato Petro. Ratisbonae. 1878*, не могутъ имѣть въ данномъ случаѣ особеннаго значенія, какъ составленные по *Ржевницкому*, *Vitae praecipuum Poloniae, Romaniae, 1781—1783 г.*, в тт., *Reifenkugel*, ib., 404 пр.

³⁾ Она была подъявлена непосредственно куріи, о чемъ многократно замѣчается въ папской буллѣ, и что всегда приключивалось при учрежденіи новыхъ епископствъ, и продолжалось до окончательнаго ихъ устройства.

⁴⁾ *Theiner*, M. P., 1, № 787.

⁵⁾ *Ib.*, № 1006.

резиденцію. Николай, безъ всякаго сомнѣнія, никогда и не былъ въ Перемишлѣ, а ближайшія по времени свидѣтельства даже не считали его Перемишльскимъ епископомъ: по прямому показанію Эриха, въ Перемишлѣ не жилъ до него, (то-есть, до 1379 г.) ни одинъ католическій епископъ ¹⁾, а епископъ Краковскій Петръ, разграничивавшій въ 1398 г. по порученію Бонифація IX Перемишльскую епархію отъ Галицкаго архіепископства, называетъ преемника Эриха, епископа Матвѣя „вторымъ“ Перемишльскимъ епископомъ ²⁾. О состояніи католицизма въ ближайшемъ къ Польшѣ Перемишлѣ мы имѣемъ свидѣтельство тѣмъ болѣе драгоцѣнное, что оно не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Это свидѣтельство упомянутаго Эриха. Въ своемъ уставѣ перемишльской капитулѣ онъ говоритъ слѣдующее: „Послѣ труднаго и долгаго пути, приѣхавъ къ нашей невѣстѣ—церкви Перемишльской, мы нашли ее, къ нашему огорченію, обезображенною и разоренною, точно вдову лишенную всякой красоты и чести кафедральнаго храма, ибо до сихъ поръ еще ни одинъ женихъ, то-есть, католическій епископъ съ нею не пребывалъ ³⁾, и хотя, безъ сомнѣнія, по свидѣтельству разныхъ папскихъ грамотъ, она всегда была кафедральною, а благодаря щедрости Людовика и грамотамъ Григорія XI, была восстановлена снова, тѣмъ не менѣе какъ ее самое, такъ и ея имущество мы нашли въ рукахъ схизматиковъ“ ⁴⁾. Такимъ образомъ, въ ближайшемъ къ Польшѣ Перемишлѣ, спустя четверть съ лишнимъ вѣка по завоеваніи Галичины, мы не видимъ никакихъ слѣдовъ католицизма: въ рукахъ православныхъ находилась даже основанная въ 1230 годахъ, по доминиканскимъ преданіямъ, часовня св. Іоанна. Приходилось „восстанавливать ее снова“, то-есть, прежде всего отнять у „схизматиковъ“. Это какъ будто невѣроятно, а между тѣмъ объ этомъ прямо говорятъ тотъ же Эрихъ ⁵⁾. Можно ли отвергать это показаніе ближайшаго свидѣтеля? Его уставъ основанной имъ

¹⁾ А. Гр. II 3., VIII, 80.

²⁾ Ib. VII, 89. Dominus Mathias episcopus premisiensis secundus.

³⁾ Ib. VIII, № 20. quod cum ipsa nullus umquam ante nos personaliter catholicus sponsus scilicet pontifex habitavit.

⁴⁾ Ib. Nos tamen eandem ecclesiam cum multis suis possessionibus a schismaticis reperimus occupatam.

⁵⁾ Ib., et in civitate Premisiensi sedem „et cathedram episcopalem“ collocavimus et inibi ecclesiam cathedralem dudum... instauratam rursus „ad honorem omnipotentis Dei... restauravimus, refecimus et reedificavimus et primitivos in eadem nostra ecclesia cathedrali prelatos, canonicos et capitulum... de novo creavimus...“

капитулъ, откуда мы заимствовали приведенныя свѣдѣнія, данъ имъ 1-го января 1390 года незадолго до смерти ¹⁾ и представляетъ какъ бы духовное завѣщаніе капитулъ и преемникамъ по епископству. Все это сообщаетъ показаніямъ документа характеръ несомнѣнной точности. И для чего было Эриху прибѣгать къ вымысламъ? Для славы? Какъ увидимъ сейчасъ, онъ слишкомъ много сдѣлалъ для своей „невѣсты“, чтобы нуждаться въ искаженіи истины, да и вообще личный его характеръ, ярко сказавшійся въ заведенныхъ имъ порядкахъ, исключаетъ возможность подобнаго предположенія. Повторяемъ, свидѣтельство Эриха представляетъ документъ, доказывающій самымъ несомнѣннымъ образомъ, что въ Галицкой Руси, не смотря на всѣ обрушившіяся на нее несчастія, православіе стояло неизменно твердо. Нужны были такіе столпы, каковымъ былъ Эрихъ, нужно было всецѣльное покровительство власти ²⁾ и могущество Рима для того, чтобы сколько-нибудь прочно утвердить среди православнаго міра епископскую католическую кафедру. Эриха мы не даромъ назвали столпомъ. Этотъ саксонецъ „въ знаменитаго, по его словамъ, княжества Лüneбургскаго“ соединялъ въ себѣ настойчивость и упорство нѣмца съ фанатизмомъ и суровою строгостію монаха. Ему обязана католическая Перемышльская кафедра своимъ устройствомъ и упроченіемъ. Не мало хлопоталъ онъ о ней у Людовика, и замѣчательно, этотъ любимецъ куріи оказался не въ силахъ сколько-нибудь упрочить положеніе епископства. Только преемница Людовика, Марія, пожаловавъ 3-го апрѣля 1384 года Перемышльской кафедрѣ пять селъ въ Перемышльскомъ и Саноцкомъ округахъ, привела въ исполненіе то, о чемъ думалъ и даже рѣшилъ, но, чего по словамъ грамоты, „не успѣлъ, (!) за смертью“, сдѣлать Людовикъ ³⁾. Непосредственно вслѣдъ за тѣмъ Эрихъ постарался обезпечить созданную имъ капитулу и выхлопоталъ для нея десятину съ г. Данцута и 10 селъ въ Данцутскомъ, Переворскомъ и Тычинскомъ округахъ ⁴⁾. Онъ могъ умереть спокойно. Его „невѣста“ была обезпечена; но строго монашескій характеръ порядковъ, введенныхъ Эрихомъ, не могъ долго удержаться. Преемникъ его Матвій

¹⁾ Онъ умеръ, вѣроятно, въ 1391 году.

²⁾ Яркій примѣръ его мы увидимъ при окончательномъ устройствѣ Перемышльской латинской кафедры въ 1412 году.

³⁾ А. Гр. н З. VII, № 15.

⁴⁾ Ib., VIII, № 14.

отмѣнилъ въ 1398 году постановленіе относительно общаго стола и квартиру канониковъ ¹⁾; общность имущества удержалась однако до 1421 года и лишь тогда была отмѣнена преемникомъ Матвія Янушемъ ²⁾. Всѣ указаннныя дѣйствія Эриха были, очевидно, самыми начальными, вызывались насущною необходимостью; въ то же время они ясно обличаютъ все еще миссіонерское, такъ сказать, боевое положеніе католической іерархіи, даже въ Перемишлѣ. Но далеко не все было имъ устроено. Такъ, напримѣръ, опредѣленіе границъ епархіи было предпринято лишь въ 1397 году, по порученію Бенедикта IX ³⁾, и окончено въ слѣдующемъ году Петромъ епископомъ Браковскимъ ⁴⁾. Только съ этого времени можно считать Перемишльскую католическую епархію устроенною. Епископскую кафедру и капитулу щедро одарилъ Ягайло земельными и другими пожалованіями, а въ 1412 году передалъ католическому епископу кафедральный православный храмъ. Сообщимъ этотъ фактъ словами Длугоша: „Въ Перемишль прибылъ Дгабло (изъ Медики) въ сопровожденіи Стригонскаго архіепископа и Михаила Кохмейстера, и чтобъ очистить себя отъ несправедливаго упрека нѣмцевъ, будто онъ преимущественно благоволяетъ и покровительствуетъ схизматикамъ, велѣлъ посвятить въ католическій храмъ, прекраснѣйшую православную кафедральную церковь, построенную изъ квадратнаго камня, расположенную посреди города и подлежащую до тѣхъ поръ вѣдѣнію русскаго епископа, при этомъ гробы православныхъ были выброшены и вырыты. Русскій князь и народъ сочли это тяжелымъ оскорбленіемъ и горько при этомъ плакали, рыдали и вопли“ ⁵⁾. Комментаріи излишни.

Мы видѣли изъ свидѣтельства Эриха, каково было состояніе католицизма въ Перемишлѣ. Оно не было исключительнымъ или временнымъ, считать его результатомъ военныхъ событій 1376 года не приходится. Такимъ же было оно въ 1372 году, какъ сообщалъ курія францисканскій викарій Бартоломей изъ Альверны: „Не было на Руси“, говоритъ онъ въ своемъ донесеніи, — „ни кафедральныхъ, ни приходскихъ церквей, не было ихъ предстоятелей, которые могли бы заботиться о спасеніи душъ, и лишь немного вѣрныхъ можно было

¹⁾ Ib., № 27.

²⁾ Ib., № 46.

³⁾ Ib., VII, № 20.

⁴⁾ Ib., № 21.

⁵⁾ Длугошъ подъ 1412, XI, 149.

замѣтить среди громаднаго множества невѣрныхъ и (?) схизматиковъ" ¹⁾). Въ 1353 году (16-го ноября) Иннокентій VI поручаетъ Николою изъ Кросна, представителю миноритовъ на Руси, набрать во что бы то ни стало 30 человекъ новыхъ миссіонеровъ, въ виду уменьшенія ихъ числа и грозившей вслѣдствіе этого католицизму опасности ²⁾). Немногомъ раньше, при занятіи Казиміромъ Львова, въ городѣ не оказалось ни одного католическаго храма, гдѣ бы можно было совершить благодарственное служеніе ³⁾). Доминиканская часовня св. Іоанна, устроенная въ 1234 году, и новый конвентъ, который они получили въ 1270 году, не остались такимъ образомъ въ ихъ рукахъ, и Рейфенкугель считаетъ возможнымъ, что они принуждены были временно оставить страну въ тяжелый періодъ антикатолической реакціи послѣ гибели Юрія Болеслава ⁴⁾). Въ виду приведенныхъ выше свидѣтельствъ, приходится предполагать это не только относительно доминиканцевъ, но и всѣхъ другихъ дѣятелей католической пропаганды, а переходъ владѣній, пожалованныхъ Владиславомъ Опольскимъ Галицкой архіепископской кафедрѣ, изъ руки православныхъ, о чемъ упоминается въ буллѣ Бонифація IX ⁵⁾), доказываетъ, что подобная реакція на галицкой почвѣ могла произойти даже значительно позже при малѣйшихъ благопріятныхъ для нея обстоятельствахъ. Судя по той страстно-напряженной дѣятельности, какую обнаруживали Казиміръ и Людовикъ съ Владиславомъ Опольскимъ, Римская курія и ея безчисленные агенты, можно бы подумать, что православіе исчезнетъ въ Галицкой Руси безслѣдно, что залыютъ его до самаго края тѣ волны, которыя со всѣхъ сторонъ на него нахлынули, и что же? Грозно бушуютъ онѣ, далеко, до самаго Рима раздается ихъ оглушительный гулъ, съ восторгомъ внемлетъ ему представитель католическаго міра, всѣми зависящими отъ него средствами старается поддержать ихъ ярость, и все это не въ состояніи даже сколько-нибудь поколебать корней вѣковаго древа! Какова же должна быть ихъ крѣпость!..

¹⁾ Non erant ecclesiae cathedrales et parochiales in Russia nec Rectores earum, quibus cura immineret animarum, et tanta multitudo infidelium et schismaticorum, ut paucae personae reputarentur fideles, respectu multitudinis errantium. *Reifenkugel*, Gründung, 444, пр. 1, изъ францисканскаго архива во Львовѣ у Скробинскаго, Vitae, гл. VI.

²⁾ *Theiner*, M. P., I, № 726.

³⁾ *Reifenkugel*, Gründung, 424, пр. 3.

⁴⁾ *Ib.*, 423.

⁵⁾ А. Гр. и З., III, № 51.

Перейдемъ теперь къ исторіи утвержденія второй по времени основанія епископской католической кафедрѣ — Владимірской. Мы встрѣтимся здѣсь съ обстоятельствами по существу не новыми, но весьма характерными. О нихъ сообщаетъ папская булла 1358 г. мая 2-го, которою въ епископы Владимірскіе назначается доминиканецъ Петръ ¹⁾. Содержаніе ея слѣдующее: Владимірская епархія съ незапамятныхъ временъ оставалась безъ пастыря, и вслѣдствіе того, по соборнымъ постановленіямъ, попеченіе о ней принадлежитъ апостольческому престолу; ²⁾ но такъ какъ (?) о послѣднемъ Владимірскомъ епископѣ не сохранилось никакой памяти, то Селиврскій епископъ Августинъ, съ согласія Константинопольскаго патріарха Вильгельма, повѣрившаго ему, что помянутая епархія находится въ его завѣдываніи ³⁾, назначилъ Петра въ епископы Владимірскіе. Епископъ Мишинскій, по порученію помянутаго патріарха, рукоположилъ его, но здѣсь Петръ узналъ, что его епархія находится въ непосредственномъ завѣдываніи куріи. Онъ отправляется туда лично, и, по уничтоженіи папой прежнихъ назначеній (то-есть, со стороны епископа Селиврскаго и патріарха Константинопольскаго), былъ утвержденъ папой.

Вотъ документъ, съ чрезвычайною яркостью рисующій отношенія къ занимающей насъ территоріи со стороны католическаго духовенства и куріи — не говоримъ уже о логическомъ ходѣ мыслей, ибо онъ одинаковъ во всѣхъ относящихся къ нашему предмету документахъ папской канцеляріи! О Константинопольскомъ патріархѣ мы знаемъ, что ему, въ качествѣ апостольскаго легата, поручены были какъ разъ около этого времени — 1359 г. декабря 2-го — дѣла сосѣднихъ съ Польшею церквей ⁴⁾. Впрочемъ, вопросъ о его личности ⁵⁾ не имѣетъ

¹⁾ *Theiner*, M. P., I, № 786.

²⁾ *Dudum siquidem ecclesia Ladimiriensi tanto et tam longo tempore pastoris solatio destituta, quod eius dispositio et provisio esset, prout est (?)*, ad sedem apostolicam secundum generalis statuta concilii legitime devoluta.

³⁾ *Sed cum ultimi etiam Ladimiriensis Epi, qui eidem ecclesie prefuit, noticia seu memoria non habeatur, Venerabilis frater noster Augustinus Episcopus Salubriensis cui Venerabilis frater noster Guillelmus Patriarcha Constantinopolitanus credens, ut dicitur, provisionem ipsius Ladimiriensis ecclesie ad eum ea vice pertinere, providendi eidem ecclesie de pastore idoneo dederat potestatem, ignorans, prout asseritur, provisionem ipsius ecclesie ad sedem predictam fore, ut premititur, devolutam.*

⁴⁾ *Ib.*, № 798.

⁵⁾ См. *Reifenkugel*, Gründung, 491, пр. 1. *Karo*, G. P., II, 610, полагъ въ странное недоуміе, счтя его патріархомъ православнымъ.

никакого существеннаго значенія. Важно лишь то, что состояніе католицизма въ Галицко-Владимірской землѣ, ея церковно-іерархическія отношенія были ему совершенно не извѣстны. Не отъ него впрочемъ вышла инициатива назначенія. Она принадлежала епископу Селиврскому Августину. Ближайшихъ свѣдѣній объ этой личности мы не имѣемъ, но въ качествѣ Селиврскаго епископа Августинъ не могъ не знать того, что происходило въ это время въ Царьградѣ, гдѣ Ольгердъ употреблялъ всѣ средства для полученія отдѣльнаго митрополита. Быть можетъ, Августинъ замѣчалъ отсутствовавшаго Вильгельма, во всякомъ случаѣ, какъ епископъ *in partibus*, онъ долженъ былъ особенно заботиться, чтобы церковь, говоря словами Иннокентія VI „*commodis et successibus prosperis augetur*“. На такія заботы не могъ не отозваться монахъ проповѣдническаго ордена, и вотъ въ результатъ—новая католическая кафедра.

Назначеніе Петра задумано и осуществлено было далеко отъ Владиміра, безъ всякаго участія мѣстной предрержащей власти и населенія. Случайная мысль, освѣтившая католическаго епископа, по своему положенію *in partibus* думавшаго лишь о приумноженіи римскаго стада, а въ нестроеніяхъ православной Русской церкви видѣвшаго благопріятный для этой цѣли моментъ, была причиною возникновенія епископской кафедры, конечно, номинальной. О Петрѣ мы больше ничего не знаемъ; въ его исторіи повторяется, слѣдовательно, буквально то же, что мы видѣли въ исторіи Генриха Кіевскаго, Николая Перемышльскаго. Изъ папской буллы мая 5-го 1371 г., по которой во Владимірскіе епископы назначенъ августинскій монахъ Гинко, узнаемъ, что Петръ, подобно Перемышльскому Николаю, умеръ вѣкъ предѣловъ, подлежащихъ непосредственному вѣдѣнію куріи, слѣдовательно, не въ своей епархіи, когда именно — не извѣстно¹⁾. 20-го мая 1859 г. Иннокентій VI назначаетъ мисiorита Оому епископомъ Холмскимъ. Содержаніе данной по этому поводу буллы ничѣмъ не отличается отъ другихъ подобныхъ документовъ папской канцеляріи; точно также ния послѣдняго Холмскаго епископа не было извѣстно куріи, и точно также новое епископство подчиняется непосредственному ея вѣдѣнію²⁾. Нельзя не указать на то, что оба назначенія касаются территоріи, бывшей въ литовскихъ рукахъ, слѣдовательно,

¹⁾ *Theiner*, M. P., 1, № 890.

²⁾ *Reifenbugel*, Gründung, 439, стр. 1. Содержаніе буллы приводится здѣсь по *Wadding*, *Annales minorum*, t. VIII, Romae, 1798, p. 483.

обѣ епархіи могли имѣть смыслъ миссіонерскихъ постовъ, хотя въ успѣхѣ миссіи можно очень сомнѣваться. Мы видѣли, что Петръ не оставилъ никакихъ слѣдовъ своей дѣятельности. То же можно сказать и о Томѣ. Мы имѣемъ о послѣднемъ одно случайное свидѣніе, относящееся къ 1365 г., когда 26-го декабря онъ освятилъ часовню св. Доротенъ въ Краковѣ; здѣсь онъ называется викарнымъ Краковскаго епископа ¹⁾; по всей вѣроятности, онъ и жилъ въ Краковѣ.

Мы рассмотрѣли исторію возникновенія трехъ епископскихъ католическихъ кафедръ въ предѣлахъ Галицко-Владимірской территоріи. Исторія эта въ сущности одна и та же. Кафедръ учреждаются не вслѣдствіе дѣйствительной въ нихъ потребности, а по совершенно постороннимъ причинамъ, важнымъ для куріи, которая не могла терпѣть чьего бы ни было посторонняго вмѣшательства—Любушскихъ ли епископовъ, или патріарха Константинопольскаго—но не имѣющихъ рѣшительно никакого отношенія къ мѣстности, для которой онѣ устанавливаются. Назначеніе Холмскаго епископа, правда, исходитъ непосредственно отъ папы, но въ этомъ случаѣ Иннокентій VI, очевидно, лишь возревновалъ примѣру Селиврскаго епископа; на это указываетъ хронологія и то обстоятельство, что Тома былъ лицо столь же не нужное для Холма, какъ Петръ для Владиміра. Вотъ почему о дѣятельности всѣхъ названныхъ „первыхъ“ епископовъ мы рѣшительно ничего не знаемъ. Всѣ они никакихъ слѣдовъ по себѣ не оставили. Совпаденіе знаменательное! Когда 13-го февраля 1375 г. Григорій XI издалъ буллу, окончательно опредѣлившую устройство католической іерархіи въ предѣлахъ занимающей насъ территоріи, оказалось, что всѣ епархіи оставались безъ пастырей, и папа счелъ необходимымъ пригласить архіепископа Гнѣзненскаго, епископовъ Краковскаго и Плоцкаго къ содѣйствію въ выборѣ лицъ, годныхъ для замѣщенія епископскихъ кафедръ, при чемъ Владиславу Опольскому папа счелъ излишнимъ предложить побуждать епископовъ къ возможному ускоренію дѣла ²⁾. Незадолго передъ этимъ, 19-го ноября 1371 г., появленіе во Львовѣ какого-то священника Ивана, быть можетъ, подосланнаго Любушскимъ епископомъ съ цѣлю вызвать церковныя смуты ³⁾, грозило полнымъ уничтоженіемъ результатовъ мис-

¹⁾ *Ib.*, 493, стр. 2.

²⁾ *Theiner*, M. P., 1, № 968.

³⁾ *Reifenkugel*, Gründung, 452.

سیونерской дѣятельности Николая изъ Кросна и его мнѣяритовъ ¹⁾).

Въ слѣдующемъ 1372 году Любушскій епископъ прибѣгнулъ къ другому средству: онъ заявилъ—нужды нѣтъ, что это прямо противорѣчило прежнимъ его утвержденіямъ,—что церкви Галицкая, Перемышльская, Владимірская и Холмская не епархіальныя, а только приходскія. Папѣ пришлось забирать справки, при чемъ онъ прямо заявляетъ, что никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній объ этомъ у него нѣтъ ²⁾).

Дошедшія въ этомъ году до Рима опредѣленные свѣдѣнія были совершенно другаго характера: „Не безъ великаго смущенія“, пишетъ Григорій XI Гизненскому архіепископу (іюль, 1372 года),—„узнали мы, что на Руси находится очень много схизматическихъ епископовъ“. Таковыхъ папа поручаетъ лишать епархіи и всѣми мѣрами удалять ³⁾), очевидно, не подозревая, что всѣмъ подобнаго рода предписаніямъ заранѣе суждено было оставаться мертвою буквою. Все это, кажется, съ достаточною опредѣленностью рисуетъ намъ положеніе католицизма въ Галичинѣ, но конечно, совмѣстныя паниженія усилія курій, духовенства и правительства не могли не приводить къ извѣстнымъ результатамъ. Если не на дѣлѣ, то по крайней мѣрѣ официально положеніе католицизма, въ виду упроченія польскаго господства, должно было измѣниться. Признаки такой перемѣны обнаруживаются еще въ 60-хъ годахъ, когда Казиміръ обратился къ папѣ съ просьбой назначить епископа въ любимый имъ Львовъ. Давно уже сообщалъ онъ куріямъ, что въ его приобрѣтеніяхъ могло быть основано семь обширныхъ епархіи, но только въ 60-хъ годахъ нашелъ возможнымъ подумать объ учрежденіи одной. Львовъ, выдержавшій первый натискъ Литвы, былъ особенно дорогъ Казиміру, а крѣпкія стѣны и сравнительная многочисленность католиковъ-жителей давали Казиміру основаніе настаивать именно на этомъ городѣ. Въ 1363 году апрѣля 6-го Урбанъ V обратился къ Гизненскому архіепископу съ вопросомъ на счетъ предполагаемой Казиміромъ епископской резиден-

¹⁾ Въ буллѣ Гизненскому архіепископу Григорій XI говоритъ по этому поводу: *multi ex eisdem convergunt et absolutis ad infidelitatis et scismatis vomitum sunt reversi, et alii a conversione salutifera retrahuntur*, *Theiner*, M. P., 1, № 900.

²⁾ *Nos de premissis certam noticiam non habentes*, *Ib.*, № 908.

³⁾ *Ib.*, № 910. „Схизматическими“ епископами *К. Стадницкій*, *О послѣдкахъ*, 26, считаетъ епископовъ любушскаго поставленія, но достаточно сравнить настоящую буллу съ буллою „*Debitum pastoralis officii*“, чтобъ убѣдиться въ натуристости такого толкованія; ср. также *Петрушевичъ*, *О Галицкихъ митр.*, пр. 34.

денціи: „указанный городъ“, спрашиваетъ папа, — „значителенъ ли, есть ли тамъ духовенство и паства, отвѣчаетъ ли принадлежащая къ нему территория размѣрамъ епархіи; каково, наконецъ, можетъ быть матеріальное обезпеченіе?“¹⁾ Вотъ какіе вопросы задавались куріей, когда дѣло имѣло не отвлеченный, а дѣйствительно практической характеръ. Ни разу не возникали они въ случаяхъ, о которыхъ мы говорили выше. Налагая на нищенствующихъ или проповѣдничествующихъ монаховъ „бремя епископства“, курія просто поручала ихъ „десницѣ Божіей“²⁾, быть можетъ, надѣялась на успѣхъ, но во всякомъ случаѣ понимала, что дѣло это есть, въ лучшемъ случаѣ, дѣло неизвѣстнаго будущаго. Что оно не увѣнчивалось желательными для куріи успѣхами, видно изъ того, что она не имѣла никакихъ рѣшительно о немъ свѣдѣній. При извѣстной ревности католическихъ миссіонеровъ, это можно объяснять лишь тѣмъ, что Русь была совершенно недоступна ихъ воздѣйствію, что успѣхи католицизма среди русскихъ могли обуславливаться единственно лишь силой, скажемъ прямо — насиліемъ³⁾, что, слѣдовательно, на такіе успѣхи католицизмъ могъ рассчитывать лишь съ упороченіемъ на Русской землѣ польскаго господства. Поддержка, во что бы ни стало, католической пропаганды должна была со стороны польскихъ государей послужить наградой куріи за ея содѣйствіе въ завоеваніи, и непонятно, почему въ 1363 г. Урбанъ долженъ былъ иначе отнестись къ утвержденію епископской резиденціи, чѣмъ его предшественники, въ рассмотрѣнныхъ нами случаяхъ.

1363 годъ можно такимъ образомъ поставить, какъ грань въ отношеніяхъ Рима къ Галицкой Руси, иначе говоря, только съ 60-хъ годовъ можно считать прочное утвержденіе польскаго господства въ Галичинѣ; но прошло еще много времени, пока дѣйствительно были устроены на ея территоріи дѣла католической церкви. По крайней мѣрѣ все время правленія Казимира она оставалась въ миссіонерскомъ, такъ сказать, положеніи, не имѣя опредѣленной организаціи и матеріальнаго обезпеченія. Организациа католической церкви въ Галичинѣ была установлена лишь 13-го февраля 1375 года буллой Григорія XI „*Debitum pastoralis officii*“. Содержаніе этой знаменитой

¹⁾ Ib., № 826.

²⁾ *Dextera domini tibi assistente propicia*, говорятъ Иннокентій VI Николаю Перемышльскому.

³⁾ Вспомнимъ 1412 годъ въ Перемышлѣ.

буллы, вкратцѣ передающей весь ходъ дѣла, таково: „До свѣдѣнія нашего (папы) дошло: блаженной памяти король Казиміръ, благодаря своему мужеству и содѣйствию вѣрныхъ, подчинялъ себѣ и своему государству, какъ католическому, сосѣднюю Русь, въ которой обитали не только схизматики, но и различные еретики. Многіе изъ нихъ, по милости Божіей, и благодаря содѣйствию вѣрныхъ, оставили свои заблужденія. Далѣе церкви — Галицкая, Перемышльская, Владимірская и Холмская были кафедральныя, какими состоятъ и понынѣ. Назначаемые туда нашими предшественниками католическіе предстоятели встрѣчали затрудненія со стороны Любушскаго епископа.

Дѣло это обсуждалось въ куріи; теперь, по просьбѣ князя Опольскаго и другихъ, мы призваны постановить, соотвѣтственно нашему долгу, окончательное рѣшеніе. Мы обращались къ архіепископу Гѣвненскому, епископамъ Краковскому и Плоцкому съ запросомъ, епархіальны ли указанныя выше церкви, или только приходскія, достаточное ли количество народа находится въ нихъ вѣдѣніи и по всѣмъ этимъ пунктамъ мы получили утвердительные отвѣты. Теперь король Людовикъ и помянутый выше князь сообщили намъ, что каждая изъ нихъ въ отдѣльности имѣетъ много христіанскаго народа, нуждающагося въ пастырскомъ руководствѣ, что онѣ далеко отстоятъ отъ епархіи Любушской, и что Любушскій епископъ во всякомъ случаѣ (то-есть, епархіальны ли эти церкви, или только приходскія) не можетъ съ должнымъ усѣхомъ исполнять тамъ пастырскія обязанности. Чтобы повтому положить конецъ недоразумѣніямъ и принимая во вниманіе, что чѣмъ болѣе будетъ тамъ католическихъ пастырей, тѣмъ это будетъ полезнѣе и благотворнѣе для руководства душъ, для защиты и распространенія религіознаго культа, апостолическимъ авторитетомъ постановляемъ: церкви Галицкая, Перемышльская, Владимірская, Холмская были и суть епархіальныя; мѣста, въ которыхъ они утверждены, были и суть города; для большей вѣрности мы постановляемъ это снова и желаемъ, чтобы такъ оставалось навсѣгда; всякое участіе въ нихъ дѣлахъ со стороны Любушскаго епископа устрояемъ, постановляя вмѣстѣ съ симъ, что православные предстоятели, еслибы таковые оказались, должны быть отъ нихъ удалены какъ безчестные и недостойные. Постановляемъ, чтобы Галицкая церковь была архіепископальной, а Перемышльская, Владимірская и Холмская — епископальными и подчиненными Галицкой въ качествѣ суффраганныхъ. Желаемъ также, чтобы во главѣ всѣхъ указанныхъ церквей, остающихся теперь безъ пастырей, были поставлены

предстоятели, которые умѣли бы и были въ состояніи искоренить тамошнія заблужденія и служить примѣромъ для подвѣдомаго имъ словеснаго стада. Заранѣе уничтожаемъ все, что сознательно или по невѣдѣнію было бы учинено противъ этого нашего распоряженія¹⁾. Какую силу вѣры въ свое могущество надо было имѣть, чтобы говорить такимъ образомъ! Но и это не помогло. Немедленное осуществленіе папскихъ приказаній было бы чудомъ,—но чудеса не бывають въ исторіи. Только 13-го апрѣля 1377 года назначенъ былъ епископъ въ ближайшій къ Польшѣ Перемышль. Въ какомъ положеніи засталъ Эрнхъ свою церковь, мы видѣли. Относительно епископовъ Владимірскаго и Холмскаго нѣтъ опредѣленныхъ свѣдѣній. Какова была судьба назначеннаго во Владимірскіе епископы въ 1371 году Гинка—не извѣстно. По голословному показанію Накельскаго, послѣ буллы „*Debitum*“ туда былъ назначенъ вѣкто Исидоръ, умершій въ 1380 году. Ему наследовалъ Ругіанъ. О дотаціи епископства тоже нѣтъ извѣстій. Знаемъ только, что преемникъ Ругіана, Андрей Плавка, перенесъ въ 1428 году свою резиденцію въ Луцкъ, и что епископы этого города по постановленію Флорентійскаго собора получили титулъ: *episcopi Luceogiensis*, въ отличіе отъ епископовъ Лукки²⁾. Холмскимъ епископомъ около 1308 года былъ доминиканецъ Стефанъ³⁾. Дотировано было Холмское епископство Ягайлой въ 1417 году, въ воспоминаніе Грюнвальдской побѣды⁴⁾. Въ 1473 году резиденція епископа была перенесена въ Грубешовъ, а въ 1490 году—въ Красновставъ.

Такимъ образомъ рѣшеніе папы не было приведено въ исполненіе. Назначенные имъ для резиденціи епископовъ города оказались для этой цѣли негодными. Только въ Перемышлѣ удержалась латинская кафедра, благодаря какимъ средствамъ — мы видѣли. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ совмѣстное пребываніе съ православными представителями церкви оказалось для католиковъ невозможнымъ, и они сочли необходимымъ нарушить папское предписаніе и избрать для себя другія болѣе подходящія мѣста.

Въ какой степени оказались пустыми грозныя слова папы отно-

¹⁾ *Theiner*, M. P. 1, № 964.

²⁾ *Reifenkugel*, Gründung, 467. Дотацію епископства *Х. Стадницкій* приписываетъ Витовту, *О росхдѣтсах*, 32.

³⁾ *Ib.*, 468, пр. 2 и 3.

⁴⁾ *Ib.*, пр. 4.

относительно православныхъ архіереевъ, доказываетъ уже то обстоятельство, что въ томъ же 1375 г. на двухъ документахъ, данныхъ 31-го августа Владиславомъ Опольскимъ, находимъ подпись Антонія Галицкаго митрополита ¹⁾. Иерархическое неустройство католической церкви въ Галичѣ обнаруживалось и въ томъ, что она не имѣла своего представителя.

Уже въ 1367 г. встрѣчаемъ упоминаніе о Галицкомъ архіепископѣ Христинѣ ²⁾, а Львовскіе капитульные анналы сообщаютъ о немъ слѣдующія подробности: „Христинъ архіепископъ Галиціи соорудилъ въ Галичѣ храмъ св. Маріи Магдалины и по мѣрѣ возможности дотировалъ его; установилъ прелатовъ и канониковъ, но такъ какъ они носили лишь пустые титулы, то кормилъ ихъ отъ своего стола. Поддерживалъ нищихъ и питомцевъ, и скончался славный наукой и полный добрыхъ дѣлъ“ ³⁾.

Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ однимъ изъ тѣхъ титулярныхъ епископовъ, которые были среди миссіонерскихъ конгрегацій и которые не имѣли никакой дѣйствительной силы и значенія ⁴⁾, будучи назначаемы заранѣе, на случай успѣха пропаганды. Нечего, слѣдовательно, искать учредительной буллы, приписывать ее Любушскому епископу или стараніямъ Казимира ⁵⁾.

Архіепископъ Галиціи—тотъ ли самый Христинъ, или другой какой-нибудь нищенствующій монахъ, не знаемъ — упоминается и въ 1371 г. въ буллѣ о поставленіи Гнизна епископомъ Владимірскимъ, но обстоятельство, что онъ поставленъ въ адресъ на послѣднемъ мѣстѣ, а равно, что въ томъ же 1371 г. поставленіе латянскаго епископа Андрея въ Сереть обоглось безъ всякаго участія Галицкаго архіепископа ⁶⁾, хотя онъ былъ ближайшимъ и хотя потомъ въ 1412 г. Серетская епархія была подчинена ему въ качествѣ суффраганной, доказываетъ, что еще и въ это время положеніе его было такое же миссіонерское, неопредѣленное.

Только 26-го января 1376 г. Григорій XI назначилъ каноника

¹⁾ А. Гр. и С., II, 6, 8.

²⁾ *Reifenkugel*, Grundung, 487: illustrissimus dominus Christianus' archiepiscopus Haliciensis 1367; у Сиробишевскаго изъ французскаго архива во Львовѣ.

³⁾ *Ib.*, 440.

⁴⁾ Христинъ былъ, по всей вѣроятности, францисканецъ, по крайней мѣрѣ, записка о немъ сохранилась во францисканскомъ архивѣ.

⁵⁾ *Reifenkugel*, 487.

⁶⁾ *Theiner*, M. P. 1, № 891 и 894.

изъ Ягра ¹⁾, Матвія въ архіепископы Галиціе ²⁾. Въ документахъ этотъ первый глава католической іерархіи въ Галичѣ носятъ титулъ: *Electus Archiepiscopus Lemburgensis* ³⁾, въ виду, надо думать, увѣренности, что хлопоты Владислава Опольскаго о перенесеніи архіепископской резиденціи изъ Галича во Львовъ, точнѣе, о назначеніи таковой во Львовъ, а не въ Галичъ, увѣчаются успѣхомъ. О ходатайствѣ Владислава сообщаетъ Григорій XI въ письмѣ къ архіепископу Гѣвненскому, епископамъ Краковскому и Плоцкому ⁴⁾. Оно дано 3-го марта 1375 г. — двѣ недѣли спустя послѣ буллы „*Debitum*“, и все еще о положеніи дѣлъ пана не имѣлъ никакихъ даныхъ, все еще Владиславъ считалъ возможнымъ выставить крѣпкія стѣны Львова, какъ наиболѣе убѣдительный аргументъ для утвержденія въ немъ резиденціи главы церкви. Безъ всякаго сомнѣнія, Григорій XI, еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ Урбанъ V, долженъ былъ интересоваться вопросомъ о матеріальномъ обезпеченіи кафедр. Мы не знаемъ въ точности, когда именно оно послѣдовало, несомнѣнно только, что при Владиславѣ Опольскомъ. Вотъ, что разказываетъ объ этомъ Бонифацій IX въ 1390 г. „такъ какъ церковь Галицкая въ предѣлахъ русскаго княжества, которое блаженной памяти Венгерскимъ королемъ Людовикомъ вновь возвращено было изъ рукъ невѣрныхъ и схизматиковъ католической вѣрѣ и повиновенію святой Римской церкви, находилась тогда въ рукахъ невѣрныхъ и схизматиковъ и была лишена католическаго предстоителя въ теченіе столь долгаго времени, что даже положеніе и размѣръ ея владѣній не могли быть легко опредѣлены, то любезный сынъ нашъ Владиславъ Опольскій, тогдашній князь Руси, воспылавъ ревностнымъ усердіемъ по вѣрѣ, пожаловалъ ей въ вѣчное и не отъемлемое владѣніе Рогатинъ и замки Олеско и Тустанъ въ предѣлахъ Галицкой епархіи, съ округами, селами и со всѣмъ, что сюда относится, а также одинъ домъ въ верхней части города Львова со всѣми правами и принадлежностями, а равно десятину таможенныхъ доходовъ въ томъ же городѣ и десятину соляныхъ доходовъ въ Дрогобычѣ и Жидачовѣ; такъ какъ, далѣе, предѣлы указанной Галицкой епархіи не могли быть обозначены въ виду того, что до указаннаго присоединенія ея

¹⁾ *Agria*—Орлау.

²⁾ *Theiner*, М. Р. 1, № 988.

³⁾ Такъ называется онъ въ А. Гр. и З., 1376 г.—VIII, 16; 1378 г.—III, 62; 1380 г.—III, 63. Другія указанія см. у *Рейфенкулла*, 469, пр. 4.

⁴⁾ *Theiner*, М. Р. 1, № 967.

(Людовикомъ) ею слишкомъ долго владѣли и держали въ своихъ рукахъ невѣрные и схизматики, вслѣдствіе чего какъ въ самой Галицкой епархіи, такъ и въ другихъ ей подвѣдомыхъ божественныя службы совершались не въ должной мѣрѣ и формѣ, а Галицкіе суффраганы (викарные епископы) не пребывали въ своихъ кафедральныхъ церквахъ,—помилуйтъ нами предшественникъ (Урбанъ VI) поручилъ кардиналу Дмитрію не гласно разузнать дѣла и учинить по нимъ надлежащія распоряженія" ¹⁾). Вотъ каково было состояніе католицизма въ Галичинѣ еще въ 80-хъ годахъ ²⁾). Людовика называютъ документами утвердителемъ католической іерархіи въ Галичинѣ, но фактически и онъ, какъ мы видѣли, въ исторіи перемишльской кафедрѣ, не былъ въ состояніи сдѣлать что-нибудь существенное въ пользу католицизма, и честь, приписываемую ему въ грамотахъ Маріи, едва ли не вѣрнѣе относить на счетъ ея дочерней скромности и общаго расположенія куріи къ Анжуйцамъ. Что же касается Казимира, то кромѣ хвастливаго упоминанія о семи епископствахъ и не приведшаго ни къ чему обращенія къ папѣ съ просьбой основать епископскую кафедру во Львовѣ, мы не встрѣчаемъ съ его стороны рѣшительно никакого другаго участія въ дѣлѣ утвержденія католицизма на Руси. Миѣніе Каро, что „не другой кто, а именно Казимиръ устроилъ Галицкое архіепископство между 1366 — 1370 гг.“, является совершенно неосновательнымъ, хотя высказано имъ съ чрезвычайною рѣшительностью ³⁾).

Казимиру рѣшительно нельзя было думать объ устройствѣ католической іерархіи въ Галичинѣ; его отношенія къ Руси представляютъ лишь безконечную борьбу въ самомъ, такъ сказать, грубомъ смыслѣ слова. Свои надежды онъ возлагалъ единственно на крѣпкія стѣны, войско и нѣмецкихъ поселенцевъ; на учрежденіи епископства во Львовѣ вовсе не настаивалъ. Ему ли, на опытѣ извѣдавшему русскую стойкость и „завязтость“, было мечтать объ окатоличеніи Руси! Только далекій и мало знавшій ее Анжуйецъ могъ задаваться подобными мечтами, не говоримъ о Владиславѣ Опольскомъ, ибо онъ былъ лишь орудіемъ Людовика. Но и Людовикъ, собственно говоря, больше мечталъ, чѣмъ дѣлалъ, быть можетъ, онъ вѣрилъ во всемогу-

¹⁾ А. Гр. и З., III, № 51.

²⁾ Архіепископа Стригоскаго Дмитрія встрѣчаемъ въ Галичинѣ въ 1384 г.: А. Гр. и З., VII, № 15; VIII, № 14.

³⁾ Каро, II, 612.

шество папскихъ предписаній. На дѣлѣ даже самыя грозныя изъ нихъ совершенно теряли свою силу на русской почвѣ Галичины. Во всемъ разсмотрѣнномъ нами дѣлѣ Казиміру нельзя приписать даже той отвлеченной доли участія, какую признаетъ за нимъ Рейфенкугель, считая совершившееся отголоскомъ идей и плановъ Казиміра ¹⁾. Все, о чемъ мечталъ Казиміръ, заключалось въ стремленіи духовно разобщить Галицкую Русь отъ остального православно-русскаго міра. Но даже къ этому Казиміръ рѣшился приступить лишь въ послѣдній годъ жизни.

Упомянутое выше утвержденіе Галицкой архіепископской резиденціи во Львовѣ было принято окончательно буллою 28-го августа 1412 г. Только въ этомъ году такимъ образомъ іерархическое устройство Галичины было закончено ²⁾. Львовскому архіепископу подчинены были епархіи: Перемышльская, Владимірская, Холмская, а также вновь основанныя—Кіевская, Каменецкая ³⁾ и Серетская ⁴⁾.

И. Флоревичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Gründung, 457.

²⁾ Хотя, напримѣръ, Холмское епископство было, какъ мы видали, дотировано лишь въ 1417 г.

³⁾ То-есть, Каменецъ-Подольская. Объя не раньше 1375 г. О послѣдней см. М. Савицквичъ, Римское католичество и его іерархія въ Подолии. Кам.-Под. 1872 г., стр. 18—26.

⁴⁾ Theiner, M. P. II, № 8.

РАЗРЯДНАЯ КНИГА ВЪ ПАРИЖСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ВИБЛОТЕКѢ.

Въ „Описаніи памятниковъ славяно-русской литературы, хранящихся въ публичныхъ бібліотекахъ Германіи и Франціи“ М. С. Строева (Москва. 1841), на стр. 97 находится слѣдующее указаніе: „№ 43. Книга разрядная, хранится въ Королевской Парижской бібліотекѣ, in fol., на бумагѣ, писана мелкою скорописью XVII вѣка, на 272 листахъ“. Далѣе Строевъ дѣлаетъ объ этой разрядной слѣдующее, очень краткое замѣчаніе: „Въ этой книгѣ замѣчаются разряды царя и великаго князя Іоанна Васильевича съ 7051(1643) по 7087(1679) годъ. Конца недостаетъ“. Сообщивъ затѣмъ, что съ этою рукописью соединена другая, заключающая въ себѣ сказаніе объ Александрѣ Македонскомъ, авторъ оканчиваетъ описаніе данной рукописи слѣдующими словами: „Разрядная книга (одна) принадлежала извѣстному Спарвенфельду, какъ видно изъ приписки на первой страницѣ: „Relié à Moscou, le 15 de janvier 1687 J. G. Sparvenfeld“.

Рѣдкость систематическихъ разрядныхъ книгъ, спеціально относящихся къ половинѣ XVI вѣка, дѣлала указаніе Строева для меня, при занятіяхъ исторіей мѣстничества, чрезвычайно интереснымъ, и я воспользовался временемъ своего пребыванія въ Парижѣ въ іюніѣ 1889 года, чтобы познакомиться въ Парижской національной бібліотекѣ съ означенною у Строева рукописью.

Славянскія рукописи Парижской національной бібліотеки еще описаны въ каталогѣ: *Les manuscrits slaves de la Bibliothèque impériale de Paris par la p. Martinof. P. 1858*, гдѣ на стр. 28 я отыскалъ столь же краткое, какъ у Строева, описаніе означенной разрядной

книги, при чемъ Мартыновъ тоже указываетъ, что она заключаетъ въ себѣ разряды 7051—7087 годовъ.

Оказалось, однако, что указанія Строева и Мартынова не вѣрны, и разрядная книга обнимаетъ гораздо болѣе значительный промежутокъ времени: отъ 7001 до 7087 г., то-есть, отъ 1492 или 1493 г. по 1579 годъ; словомъ, она относится къ такимъ разряднымъ книгамъ, которыя довольно обычны въ нашихъ книгохранилищахъ.

Ошибка описывателей разрядной книги (не всѣхъ однако — см. ниже) основывается, впрочемъ, на ошибкѣ ея переписчика, дату котораго въ заглавіи разрядовъ ни Строевъ, ни Мартыновъ не дали себѣ труда проверить по разрядамъ. Въ рукописи, съ которой списана эта разрядная книга, несомнѣнно было написано: Книга разрядная з̄ и (соювъ) а̄, то-есть: 7000 и 1-го=7001 года; переписчикъ прочелъ: в̄на, то-есть, 7051 года, почему и озаглавилъ рукопись: Кнѣга разрядная в̄на году, и подѣ влияніемъ уже этой ошибки написалъ далѣе Рорядъ црѣа і великаго кнѣза Іоанна Васильевича всеа Русні.

За этимъ заглавіемъ слѣдуютъ разряды 7001 года:

Повелѣ великій князь (царскаго титула, конечно, нѣтъ) Іоаннъ Васильевичъ всеа Россіи поставити городъ противъ нѣмецкаго рубежа Ругодыва и нарече ния ему во свое имя Иванъ городъ и т. д. Что этотъ разрядъ относится къ 7001 г., видно изъ указанія при одномъ изъ послѣдующихъ разрядовъ (на листкѣ 4-мъ разрядной книги): того же лѣта 7001 году и пр.

О разрядахъ, находящихся въ нихъ, мы сейчасъ будемъ говорить обстоятельно, а пока скажемъ нѣсколько словъ о самой рукописи.

Она въ обычномъ кожаномъ переплетѣ, и на первомъ за переплетомъ листкѣ есть такая надпись: *Journal du Kzar Iean fils de Basile, commençant à l'année de la creation 7001 avec une continuation jusq'au Kzar Alexandre*. Почеркъ надписи позднѣйшій (можетъ быть, уже начала XIX вѣка). Итакъ, кто-то разобрался въ этой разрядной и узналъ, что она начинается 7001 годомъ, но не могъ отдѣлаться отъ сказанія объ Александрѣ Македонскомъ, котораго онъ считалъ за Русскаго царя! Мартыновъ, конечно, выдѣлилъ послѣднее сказаніе (см. Описание его на стр. 28—36).

Листокъ съ только что приведенною надписью помѣченъ на верху на полѣ цифрою 1; за нимъ слѣдуетъ листокъ тоже съ приведеннымъ уже указаніемъ на Спарвенфельда, помѣченный цифрою 2. Но это помѣты болѣе новыя, а старыя начинаются со втораго листа

(съ надписью о Спарвенфельдѣ), внизу котораго стоитъ: а̄; очевидно, первый листокъ не относится къ рукописи разрядной книги, а вставленъ, когда она переплеталась.

Далѣе идутъ помѣты по листкамъ 3, 4 . 9; но здѣсь мѣтившій листки увидѣлъ, что на 10-мъ листкѣ (то-есть, на 9-мъ въ дѣйствительности) внизу стоитъ буква Ъ. Зная, что въ славянской азбукѣ за буквою а слѣдуетъ б, онъ подумалъ, что цѣлый листъ утерянъ; и въ этой мысли подкрѣпленъ тѣмъ, что не нашелъ разрядовъ 7006 и 7007 годовъ, взъ которыхъ перваго и дѣйствительно нѣтъ. Сообразивъ все сказанное, мѣтившій означилъ слѣдующій за 9-мъ (8-мъ) листокъ цифрою 20. Почему онъ счелъ потерянными именно 10 листовъ, сказать не умѣемъ.

Съ 20-го листа помѣты слѣдуютъ безъ всякихъ приключеній, оканчиваясь цифрою 285; въ дѣйствительности же въ разрядной 275 листовъ, а если не считать перваго, относящагося къ переплету, то 274 листка, или 548 страницъ.

Строевъ указываетъ всего 272 листка, но ошибся онъ потому, что сосчиталъ по помѣтамъ внизу 34 листа (отъ а̄ до Ѫд; переплетнаго листка онъ, очевидно, не считалъ), умноживъ которые на 8, онъ и получилъ 272 листка; но онъ не замѣтилъ, что 20-й листъ состоитъ не изъ 8, а изъ 10 листовъ (лл. 164—173), кажется, по особой причинѣ (см. ниже). Однако, удобства ради, я, цитую листы рукописи, всегда имѣю въ виду ея новизна, хотя и неправильныя помѣты.

Почеркъ рукописи очень четкій, особенно въ началѣ.

За разрядами 7001 г. слѣдуютъ разряды 7002 г., начинающіеся такъ: Представился князь Ондрей Васильевичъ большій, а сидѣлъ два года 37 дней на Кавенномъ дворѣ, а положенъ въ Архангелѣ. Разряды 7002 г. очень кратки, равно какъ и 7003—7005 годовъ; среди послѣднихъ на оборотѣ 9-го листа на полѣ приписано, гѣта 7056; очевидно, кто-то, полагая разряды идущими отъ 7051 года, искалъ и, какъ ему казалось, нашелъ начало разряда 7056 г., но это не вѣрно: продолжаютъ разряды 7005 г., а разрядовъ 7006 г. нѣтъ.

Остальные, встрѣчающіяся изрѣдка на поляхъ помѣты, при раннихъ разрядахъ указываютъ годы ихъ соотвѣтственно тексту.

Разрядъ 7007 г. тоже въ текстѣ не обозначенъ, а за 7005 г. слѣдуютъ 7008 г., но въ дѣйствительности разряды 7007 г. есть, только помѣченъ 7008 г., и на листѣ 21-мъ въ текстѣ, среди разрядовъ 7008 г., даже написано: того же гѣта 7007 года.

Разобраться болѣе точно, какъ въ этихъ, такъ и въ послѣдующихъ

назрядахъ, я не могъ, ибо не имѣлъ съ собою изданныхъ разрядныхъ книгъ; а разряды конца XV вѣка и начала XVI вѣка даже и не напечатаны; но мнѣ кажется, что разрядная книга Парижской національной бібліотеки имѣетъ сходство съ находящеюся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ подъ № 99, 131, цитованною не разъ Валуевымъ въ его изслѣдованіи о мѣстничествѣ.

За разрядами 7007 г. слѣдуютъ разряды, помѣченные тоже 7008 г., а среди нихъ извѣстный отказъ Юрія Захарьевича отъ невѣстнаго назначенія, который постоянно встрѣчается въ разрядныхъ книгахъ этого времени и въ описываемой книгѣ никакихъ особенностей не представляетъ. Потомъ записаны разряды 7009—7027 годовъ, безъ перерыва; иные короткіе, другіе болѣе длинныя.

Подъ 7026 г. (на оборотѣ л. 52) помѣщены мѣстничества, случившіяся будто бы въ этомъ году въ походъ великаго князя на Коломну противъ Крымскаго царя, или, вѣрнѣе, отвѣты на возникшія мѣстническія челобитья: боярину князю Михаилу Васильевичу Горбатову (2-й воевода большаго полка) служба невѣстна для боярина Ивана Никитича Бутурлина (1-й воевода лѣвой руки), околицичему Андрею Никитичу Бутурлину (2-й воевода лѣвой руки) для боярина князя Михаила Ѳеодоровича Курбскаго (2-й воевода правой руки) и боярину князю Михаилу Ѳеодоровичу Курбскому для боярина Ивана Николаевича Бутурлина. Всѣ эти мѣстническія столкновенія извѣстны, только здѣсь они, по всей вѣроятности, не на мѣстѣ, такъ какъ совершенно такія же московскія столкновенія произошли 12 годами позже (см. мое сочиненіе: *Исторія мѣстничества въ Московскомъ государствѣ*, стр. 253—254).

Съ 7028 г. годы въ разрядахъ писаны не въ началѣ строки, какъ раньше, а среди странницъ, при чемъ въ началѣ строки перестаетъ писаться и первая буква; напримѣръ, вмѣсто: послалъ, писалъ, наисано: ослалъ, исалъ и т. п. Предполагалось, конечно, изобразить пропущенныя буквы каллиграфически.

Около 7028 г. переписчикъ сбился въ хронологію; еще при разрядахъ 7027 года сверху подписано: лѣа (31, то-есть, 7031 годъ), но начало разряда 7028 г. оставлено безъ помѣты, а среди разряда этого же года (на л. 57) снова подписано: лѣв. Разобраться болѣе точно въ разрядахъ 7029—7031 гг. я въ Парижѣ не могъ.

Разряды 7032 и 7033 гг. не отмѣчены ничѣмъ, а въ разрядахъ 7034 г. снова записаны (л. 58) случаи мѣстничества воеводъ, происшедшіе будто бы въ этомъ году при посылкѣ войскъ на судахъ

подъ Казань: бояринъ князь М. В. Горбатый замѣстничался съ княземъ Ѡ. Лопатю Оболенскимъ да съ бояриномъ И. Н. Бутурлиннымъ, бояринъ князь М. Ѡ. Курбскій тоже съ княземъ Ѡ. Лопатю Оболенскимъ да съ бояриномъ И. Н. Бутурлиннымъ и окольникій А. Н. Бутурлинъ съ бояриномъ княземъ Курбскимъ. Легко замѣтитъ, что это почти тѣ же случаи, которые указаны выше, подъ 7026 г.; но они, по всей вѣроятности, и подъ 7034 г. не на мѣстѣ (см. въ концѣ сочиненія I. с.).

Пропускаемъ безъ замѣчаній разряды 7035 — 7037 годовъ. Подъ 7038 г., въ разрядѣ похода войскъ судами подъ Казань, указаны (л. 63) такія мѣстничества: боярина князя М. В. Горбатаго Кислаго (2-й воевода большаго полка) съ княземъ Ѡ. Лопатю Оболенскимъ (1-й воевода передоваго полка) и съ бояриномъ И. Н. Бутурлиннымъ (1-й воевода лѣвой руки); боярина князя М. Ѡ. Курбскаго (2-й воевода правой руки) тоже съ княземъ Ѡ. Лопатю Оболенскимъ и съ бояриномъ И. Н. Бутурлиннымъ и окольникіаго А. Н. Бутурлина (2-й воевода лѣвой руки) съ княземъ Ѡ. Лопатю Оболенскимъ, бояриномъ княземъ М. Ѡ. Курбскимъ и княземъ С. Ѡ. Сицкимъ (2-й воевода передняго полка). Всѣмъ мѣстничавшимся отвѣчено: быть безъ мѣстъ, пока служба минется.

Опять повторены, значитъ, почти тѣ же мѣстничества, что и подъ 7026 и 7034 гг.; но они дѣйствительно происходили въ 7038 г. и встрѣчаются въ иныхъ разрядныхъ, за исключеніемъ мѣстничествъ окольникіаго А. Н. Бутурлина съ княземъ Ѡ. Лопатю Оболенскимъ и княземъ С. Ѡ. Сицкимъ, указаній на которыя мнѣ раньше не встрѣчалось. Затѣмъ князя Курбскаго звали не Михаиломъ Ѡеодоровичемъ, а Ѡеодоромъ Михайловичемъ (см. все это I. с.).

За разрядами 7039 г. слѣдуютъ разряды съ не помѣченными годами, для которыхъ однако оставлено мѣсто; такихъ мѣстъ пять; вѣроятно, разряды 7040 — 7044 годовъ. Разряды 7045 г. и слѣдующихъ снова помѣчены годами, и тѣмъ эти разряды позднѣе, тѣмъ они обстоятельнѣе.

Среди разрядовъ попадаются и еще случаи мѣстничества, но на сколько я могъ припомнить, уже извѣстныя. Неизвѣстныя мнѣ подробности я нашелъ лишь въ слѣдующемъ случаѣ, помѣченномъ среди одного изъ помѣченныхъ годовъ разрядовъ (л. 95): Назначенный во Владимірскомъ разрядѣ 1-мъ воеводою большаго полка князь И. А. Шуйскій почему-то не явился на службу, и грамоты писались боярину князю П. И. Рѣпинну, 2-му воеводѣ большаго полка (къ

нему слѣдовательно должны были прѣвзжать для софщаній остальныхъ воеводы разряда). Тогда 1-й воевода сторожеваго полка князь С. Алабышевъ ударилъ челомъ на князя Рѣпина—на томъ основаніи, что князь Феодоръ Алабышъ, отецъ челобитчика, сидѣлъ на Галичѣ, а съ нимъ князь Дмитрій Щепя, а князь Иванъ Рѣпинъ (отецъ князя П. И. Рѣпина) подъ княземъ Дмитріемъ третій братъ. Великій князь велѣлъ имъ съѣзжаться во Владимірѣ у церкви. Случай этотъ, по многимъ разряднымъ происходившій въ 7050 г. (см. оп. сіт. стр. 263), но безъ нѣкоторыхъ подробностей.

Пропускаемъ безъ замѣчаній разряды 7046—7065 годовъ, при чемъ не всё они аккуратно отмѣчены въ началѣ годами; но при небольшомъ вниманіи всегда легко замѣтитъ, гдѣ начинается особый разрядный годъ.

Подъ 7088 г. помѣщенъ (л. 123) извѣстный соборный приговоръ о мѣстничествахъ.

При перепискѣ разрядовъ 7066—7069 годовъ переписчикъ сбился: онъ раньше внесъ разряды конца 7068 г. и 7069 г. (съ оборота л. 167 по л. 173), чѣмъ разряды конца 7066 г., 7067 г. и начала 7068 г. (л. 173 въ самомъ концѣ по л. 187); можетъ быть, замѣтивъ это и желая поправить беспорядокъ, переписчикъ вставилъ два листка, ибо, какъ было выше сказано, приходящійся именно на это мѣсто 2-й листъ книги имѣетъ по 8, а 10 листовъ; но путаница въ разрядахъ все же осталась.

Съ оборота 188-го листка почеркъ рукописи становится крупнѣе прежняго, и съ 190 л. онъ дѣлается менѣе четкимъ и аккуратнымъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ онъ хуже. Подъ конецъ рукописи разряды пишутся сплошную, и полки не раздѣлены по строчкамъ. Но все же письмо рукописи разборчивое.

На оборотѣ 188 л. написаны, кажется, уже разряды 7070 г.; на оборотѣ же 189 л. они написаны навѣрное, а затѣмъ слѣдовательно, безъ перерывовъ идутъ разряды 7071—7087 годовъ и опять-таки, чѣмъ они позднеѣе, тѣмъ обширнѣе. На концѣ листка 282 внезапно оканчивается разрядная книга.

Съ оборота листка 282 начинается изложеніе мѣстническаго дѣла, происходившаго въ томъ же 7087 г., на которомъ прекращаются разряды. Оно состоитъ изъ челобитья государю Юмъ Аванасьевича Бутурлина на князя В. Тюфякина въ безчестіи за брата своего Романа Дмитріевича Бутурлина и разбора этого дѣла государемъ,

выдавшимъ Тифлякина Бутурлину головою. Это мѣстничество извѣстно.

Оканчивается изложеніе его на л. 285, гдѣ тотчасъ же начинается изложеніе другаго московскаго дѣла того же года, содержащее въ себѣ краткое челобитіе государю Роману Дмитріевичу Бутурлину на князя Ивана Самсова Туренина и рѣшеніе: Бутурлинъ получилъ повѣстную грамоту. Случай тоже извѣстный.

Изложеніе этого втораго мѣстническаго дѣла прекращается на оборотѣ 285 л., и сейчасъ же слѣдуетъ изложеніе новаго дѣла, тоже происходившаго въ 7087 г., заключающее въ себѣ челобитіе государю въ отечествіи о счетѣ Ром. Дим. Бутурлина на князя Дим. Ив. Хворостинина, при чемъ (младшій къ чужому роду, чѣмъ Ром. Дим. Бутурлинъ) Гома Ав. Бутурлинъ билъ челомъ на князя Ивана Ив. Хворостинина, отца князя Дим. Ив. Хворостинина. Оканчивается страница (оборотъ 285 л.) слѣдующими словами: Государь царь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ всеа Россіи, выслушавъ Гоминой челобитный, да приказалъ судити своимъ государевымъ боярамъ: князю Ивану Феод. Мстиславскому, да князю Сем. Дим. Пронскому, да Никитѣ Ром. Юрьеву, дьяку Андр. Клобукову; и судъ Гоми со княземъ Иваномъ былъ, а за князя Ивана отвѣчалъ и искалъ князь Феодоръ...

Конечно, далѣе слѣдовало: Ивановичъ Хворостининъ (и этотъ случай извѣстенъ); но слѣдующаго листка уже нѣтъ, а вмѣсто него идетъ скананіе объ Александрѣ Македонскомъ, которое, суди по надписи на книгѣ: *Relié à Moscou etc.* (см. выше), по всей вѣроятности, вопреки мнѣнію Строева, переплетено вмѣстѣ съ разрядною книгою въ 1687 году въ Москвѣ для Спарвенфельда.

А. Шарлемань.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

GLASNIK ZEMALJSKOG MUZEJA U BOSNI I HERCEGOVINI. Urednik *Kosta Hrbtman*, vladin savjetnik. Knjiga I—III. Sarajevo. 1889¹⁾.

Въ Босні существуютъ преданія и пѣсни о построеніи разныхъ старинныхъ мостовъ; но до сихъ поръ обнаружены, на сколько мнѣ извѣстно, только преданія о старомъ мостѣ у Мостара. Къ сожалѣнію, и эти сообщенія довольно отрывочны; тѣмъ не менѣе они даютъ намъ понятіе о характерѣ подобныхъ сказаній.

По народному преданію, старый Мостарскій мостъ построенъ во времена герцога Штепана Косорича, послѣдняго сербскаго владѣтеля Герцеговины, и тогда же построены мосты—одинъ на р. Бунѣ, въ 2 ч. къ югу отъ Мостара, а другой у города Ковьницы, на р. Неретвѣ. Мостарскій мостъ строилъ водчій Раде, который по окончаніи моста побоялся снять помость вѣз-подъ сводовъ и удалился на гору Поримъ, на 3 ч. къ сѣверу отъ Мостара, а передъ отправленіемъ поручилъ своему батраку (шегрт) снять ихъ. Прошло не мало времени, пока батракъ исполнилъ порученіе своего господина; на Раде напала тоска и сомнѣніе частью вслѣдствіе долгаго времени, частью вслѣдствіе томительнаго ожиданія и пребыванія въ неизвѣстности, и онъ сталъ отдѣлывать камень, а пока явился батракъ, онъ совершенно было отдѣлалъ камень. Увидѣвъ батрака, Раде разъяренный отъ гнѣва, выхватилъ ножъ, размахнулся и зарѣзалъ его, не узнавъ такимъ образомъ отъ него радостной вѣсти. Съ того времени и теперь остались у Порима отдѣланный камень и могила батрака²⁾.

¹⁾ *Продолженіе.* См. линаарскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій год.

²⁾ Значеніе слова *шегрт* см. у *В. Караджича*, Сръпски рјечник. У Вечу. 1862, стр. 835.

По другому преданію, Раде по окончаніи моста желалъ узнать его крѣпость во время похода Неретвы и потому не снялъ моста. Когда передъ началомъ весны стали таять снѣга, то Неретва съ страшною силою устремилась и спесла камни и гѣса моста; тогда она нанесла и огромную ель, и вслѣдствіе того главное теченіе и водовороты рѣки стали напирать на мостъ. Огромныя волны стали заливать мостъ, который сталъ качаться. Раде, видя опасность, долженъ былъ принять рѣшительныя мѣры; онъ подвѣсилъ своего батрака веревками, далъ ему пилу и спустилъ его надъ елью. Батракъ выпилилъ ель и такимъ образомъ отклонилъ опасность для моста. Раде уже послѣ, когда спала вода, снялъ мостъ изъ-подъ моста ¹⁾).

Мустафа Хилим-Мухибичъ передаетъ этотъ разказъ въ нѣсколько искаженномъ видѣ; онъ сообщаетъ, что на старомъ мостарскомъ шоссе, ведущемъ въ Коньциду, у дороги, не далеко отъ с. Поднорима, находится потреснувшее каменное корыто, а между тѣмъ здѣсь нѣтъ никакого слѣда отъ фонтана и вообще воды. Преданіе народное говоритъ, что водчій, построившій мостъ, бился о закладъ, что онъ устроитъ такой мостъ, и если это будетъ ему не по дѣлу, то онъ готовъ положить свою голову. Поднявши сводъ, онъ ушелъ въ с. Подноримъ ждать вѣстія, обрушится ли мостъ, когда снятъ будетъ мостъ, на которомъ онъ былъ построенъ. Въ ожиданіи онъ отчаялся и ударилъ ножомъ въ стѣну и разсѣкъ ее въ видѣ корыта. Народъ и до нынѣшняго времени употребляетъ воду, собирающуюся отъ дождей въ этомъ корытѣ, какъ лѣкарство (Glasnik, III, стр. 13).

Несомнѣнно, что преданіе, по всей вѣроятности, образовавшееся изъ пѣсни, передаетъ дѣйствительный фактъ, но пѣсня не развилась до сюжета о задѣлываніи людей въ основаніи моста. За то она прекрасно объясняетъ vitku omogiki въ пѣсни: Zidanje सर्гіје и Visegradu, гдѣ эта omogika, являясь, правда, при другой обстановкѣ, ничѣмъ, однако, не мотивируется. Былъ ли такой образъ въ преданіяхъ или пѣсняхъ о Мостарскомъ мостѣ, по наличности теперешнихъ данныхъ трудно сказать; но во всякомъ случаѣ видно, что пѣсни о немъ потерпѣли рядъ измѣненій и имѣли нѣсколько формаций, по крайней мѣрѣ, три. Первая—это та версія разказа, гдѣ Раде испытываетъ крѣпость моста. Это, несомнѣнно, остовъ бы-

¹⁾ *Босанска Вила*, № 8, стр. 126.

лины, сложившейся подъ впечатліемъ дѣйствительнаго событія. Вторая формація — разказъ, гдѣ водчій убиваетъ своего батрака; здѣсь прямо является новый образъ безъ связи мотива съ первой формаціей; здѣсь, можетъ быть, недостаетъ версія съ одушевленною елью, въ родѣ *omogika* (сосна), которая, послѣ того, какъ ее вырубилъ, издаетъ голосъ. Но зато эта формація убійствомъ батрака приближается къ третьей, служить ей прямымъ звеномъ. Убійство здѣсь, своего рода жертва, мотивъ которой довольно своеобразенъ. Несомнѣнно, этотъ образъ вылился на почвѣ пѣсень или сказаній о задѣлываніи человека въ аданіе для вѣчной крѣпости послѣдняго. Реальное выраженіе этого образа въ пѣснѣ возникаетъ или является съ того времени, какъ въ народной памяти сталъ затмѣваться дѣйствительный фактъ. Сохранилась ли эта версія въ пѣснѣ, или только въ разказѣ, образовавшемся на ея развалинахъ, въ настоящее время сказать не могу. Но когда наступило полное забвеніе подробностей факта, тогда появилась третья формація или версія, по которой постройка не удавалась до тѣхъ поръ, пока въ немъ не были задѣланы братъ и сестра съ однородными именами—Стояній и Стоя, или же только одна женщина ¹⁾.

Сообщавшій эти данныя передаетъ, что о построеніи Мостарскаго моста существуютъ пѣсни; но, къ сожалѣнію, онъ не сообщилъ еще ни одной, хотя уже давно обѣщаль сообщить ²⁾; изъ его словъ однако нельзя понять, къ какой редакція или версія относятся эти пѣсни.

Этотъ пѣсенный мотивъ есть и у болгаръ. Здѣсь народное преданіе связано съ построеніемъ Кадина моста на р. Струмъ; между городомъ Кюстендиломъ и Дуиницей, въ западной Болгаріи. Названіе это объясняютъ двояко. Одни производятъ его отъ турецкаго слова кадія (судья) ³⁾, а другіе—отъ турецкаго кадина или кадина (посѣста, жена). Первое производство, несомнѣнно, вѣрно. Что же касается втораго, то оно положительно не возможно; иначе должно было быть кадининъ; да и слова кадинъ въ болгарскомъ языкѣ нѣтъ. Навѣрное можно сказать, что второе производство принадлежитъ не народу. Построеніе Кадина моста относятъ къ незапамятнымъ временамъ. Въ него задѣланы камни съ латинскими надписями, что показываетъ, что эти матеріалы для постройки взяты съ римскихъ развалинъ, которыхъ въ его

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ *Периодическо Списание*, кн. VII, стр. 129.

окрестностях довольно много, а именно города Невталін. Судя однако по турецкой надписи на немъ, несомнѣнно, что онъ построенъ въ турецкое время, именно—Ишакомъ-пашой въ 874 г. геджры (14-го февраля 1469—29-го июня 1470 гг.); объ этомъ мостѣ упоминаютъ и нѣкоторые путешественники XVI в. ¹⁾ По правую сторону моста находится село Невѣстико, которое около ста лѣтъ тому назадъ было на лѣвомъ берегу рѣки, тамъ, гдѣ теперь находится старая церковь Свети Спасъ (Спасителя), при которой собирается сборъ (сходка на храмовой праздникъ и ярмарка) въ Спасовъ день (Вознесения). Прежнее село было велико, но оно сожжено кырджалиями, и оставшіеся жители его возобновили его на правомъ берегу рѣки ²⁾. По народному предаію, желѣзо, которое само раскапывало камни для моста въ лѣсахъ надъ Кюстендиломъ, само забивалось въ скалы, и доннѣ оно тамъ забито, какъ утверждаютъ окрестные поселане, изъ которыхъ многіе его будто бы видѣли. Камни сами шли къ тому мѣсту, гдѣ дѣлался мостъ, а когда мостъ былъ готовъ, то остановились по дорогѣ, такъ что и теперь указываютъ на камни, расцѣпные у села Вагранца, по пути изъ Кюстендила къ Кадиву мосту ³⁾.

О самомъ построеніи моста разказываются слѣдующее. Три брата строили Кадивъ мостъ, строили его долгое время, но не могли достроить, такъ какъ не могли закрѣпить средній сводъ. Наконецъ они поняли, что мостъ хочетъ жертвы. Тогда всѣ три мастера рѣшили: которая изъ женъ трѣхъ братьевъ придетъ раньше всѣхъ къ мастерамъ принести имъ обѣдъ, та будетъ задрлана подъ средній сводъ моста. Всѣ три брата вечеромъ отправились домой. Младшій не сказалъ своей женѣ того, о чемъ условнились братья; но другіе два предупредили своихъ женъ, чтобъ онѣ на другой день не приходили къ постройкѣ. На другой день раньше всѣхъ пришла къ мастерамъ младшая невѣстка. Какъ только ее увидѣли мастера, деверья и ея мужъ, тотчасъ схватили ее и задрлали подъ средній сводъ. Когда ее застранвали, она плакала и просила, чтобъ

¹⁾ Предполагаютъ, что въ Болгаріи дѣйствительно существовала Кадивъ (отъ кадія) мостъ на одномъ изъ малыхъ правыхъ притоковъ Струмы, несколько ниже настоящаго моста, но пути въ село Бобошаво чрезъ село Друмохоръ. *Периодическо Списание*, кн. VII, стр. 129. Ср. *Jireček, Cesty po Bolharsku*. V Прага. 1888, стр. 444.

²⁾ *Jireček, Cesty po Bolharsku*, стр. 443 — 444; *Периодич. Списание*, VII стр. 129.

³⁾ *Jireček, Cesty*, стр. 444; *Пер. Спис.*, VII, стр. 129.

оставили ей груди и глаза открытыми, чтобъ она могла выкормить свое дитя и видѣть его, такъ какъ оно было груднымъ. Мастера исполнили ея желаніе. Она долгое время кормила грудью свое дитя и плакала; и до этого времени она воетъ по ночамъ Матери, у которыхъ мало молока, до настоящаго времени ходятъ изъ сосѣднихъ селъ и Кюстендала и отрываютъ куски отъ средняго камня моста, варятъ эти куски въ водѣ и пьютъ эту воду, чтобъ у нихъ было достаточно молока для дѣтей ¹⁾. Этотъ разказъ почти вполне сходенъ съ содержаніемъ болгарской пѣсни съ Родопскихъ горъ, съ долины Арды и Гюмюрджинской приморской равнины, о построеніи Мусины-калеси (Мессинополь), около Гюмюрджини; особенное сходство видно въ концѣ разказа ²⁾. Но въ общемъ сюжетъ здѣсь развитъ, какъ въ пѣсняхъ о построеніи моста на Дринѣ у Вишеграда, такъ и въ пѣсняхъ о построеніи Скадра у сербовъ ³⁾ и Куртя д'Арджешъ у румыновъ.

Другое болгарское преданіе менѣе оригинально, за то болѣе близко къ сербско-боснійской балладѣ; можно даже сказать, что оно есть отраженіе послѣдней въ болгарской народной поэзіи; это преданіе о Павлѣ—строителѣ моста на Марицѣ (Павле Ыопрюсю на Марица), послужившее сюжетомъ баллады болгарскаго поэта П. Иванова ⁴⁾. Преданіе это слѣдующее: Рѣшено (къмъ?) построить мостъ на Марицѣ, и для того собралось множество мастеровъ. Стали мастера работать, стараясь, какъ можно скорѣе окончить постройку. Главнымъ распорядителемъ при работахъ былъ Павле (Шавель). Долго они работали и думали, что вотъ-вотъ мостъ будетъ оконченъ. Но въ одно утро они видятъ, что весь трудъ ихъ напрасенъ: мостъ былъ разрушенъ до основанія. Опечалились мастера; больше всѣхъ скорбѣлъ Павле. Долго они думали, судили и редили, но ничего не могли придумать. Наконецъ, одинокъ изъ мастеровъ, Ради (сербск. Раде), далъ Павлу совѣтъ — призвать на помощь домового. Въ то же время они сговорились предупредить каждый свою жену, чтобы ни та, ни другая не приходила на постройку, иначе пришедшая погибнетъ. Вече-

¹⁾ *Jireček*, op. et l. c.; *Пер. Спис.*, VII, стр. 131.

²⁾ *Jireček*, op. c., стр. 444. *Периодич. Спис.*, VII, стр. 180.

³⁾ *Трудъ*, болгарск. журн., изд. въ Тырновь, Годъ II, кн. VI, стр. 727--728.

⁴⁾ Стихотворенія отъ П. Иванова (Старо-Зогора), I. Цариградъ. 1875, стр. 101—108; Баллада или Павле Ыопрюсю на Марица, споредъ народното вѣрованіе.

ромъ всѣ мастера отправились по домамъ; всѣ они были очень печальны; но печальнѣе всѣхъ былъ Павле, какъ будто предчувствуя, что надъ нимъ стрясется бѣда. Онъ легъ отдохнуть въ надеждѣ, что нѣсколько уснокоится. На другой день, вставъ рано по утру, онъ поспѣшно отправился на постройку, забывъ предостеречь свою жену. Между тѣмъ его жена приготовила обѣдъ, накормила грудью свое дитя, уложила его спать и затѣмъ отправилась къ мужу свести ему обѣдъ. Скоро и весело шла она; но не радовался мастеръ Павле. Увидѣвъ свою жену, онъ не зналъ, что дѣлать, отъ жалости и гнѣва, что не могъ предотвратить своего несчастія. Далѣе эпизодъ съ кольцомъ. При ея привѣтствіи онъ опускаетъ голову, поклонившись, чтобы найти свое кольцо, которое незамѣтно для него ушло въ основаніе моста. Безъ дальнихъ разговоровъ спустилась туда его жена, чтобы достать кольцо. Но она не успѣла нагнуться, какъ полетѣли на ея голову камни. Сразу она догадалась, что съ нею будетъ, и стала звать мужа, чтобы ее избавить, иначе останется дитя въ люлькѣ сиротой. Преданіе говоритъ, что мастера мостъ окончили безъ приключеній; но Павле плакалъ безуспѣшно. Впослѣдствіи суевѣріе къ этому прибавило, что многіе въ полуночное время и теперь слышать, какъ замурованная жена воветъ своего мужа Павла, чтобы ее избавить, а подъ сводами моста указываютъ на отвердѣвшія капли молока, сочившіяся изъ груди несчастной.

Отсюда ясно, что мы имѣемъ только одинъ остовъ пѣсеннаго сюжета; многіе эпизоды мотивируются совершенно прозаично: сознаніе необходимости замурованія живаго человѣка въ основаніи постройки, предостереженіе жень, забитіе Павла, приготовленіе и приношеніе обѣда. Однако видно и нѣкоторое отраженіе сербской пѣсни въ этомъ преданіи; даже имя Роде какъ-то незамѣтно еще сохранилось. По интересно здѣсь то, что сюжетъ взятъ изъ боснійской пѣсни: „Zidanje bircije и Višegradu“, а мотивъ—изъ другой пѣсни: „Zidaње Скадра“; иначе говоря, основа—изъ одной редакціи, а обликъ—изъ другой. Это, по-моему, доказываетъ, что пѣсенъ о мостахъ съ человѣческими жертвами было не меньше, чѣмъ пѣсенъ о вданіяхъ съ такими жертвами. Съ другой стороны, весьма возможно, что существовала, а можетъ быть, и существуетъ такая редакція пѣсенъ о Вишеградскомъ мостѣ.

Этотъ сюжетъ довольно распространенъ въ греческой народной поэзии и отчасти, можно сказать, локализованъ; главнымъ образомъ онъ приурочивается къ построенію моста на Артѣ, какъ и у

куцовлаховъ или македонскихъ румыновъ. Пельва, однако, сказать чтобъ у грековъ онъ былъ развитъ. Въ греческой народной поэзи мнѣ известны пять пѣсень, которыя можно выдѣлать въ двѣ верси.

Въ первой разказывается, что сорокъ-пять мастеровъ и шесть-десять подмастерьевъ три года строили мостъ на р. Артѣ; но что они строили за дѣлмый день, то за ночь рушилось. Плачутъ мастера и стонутъ подмастерья. Тогда геній (τς στοιχείο) изъ-подъ средняго свода говоритъ имъ:

Ἄν δὲ στοιχειώσεται ἄνθρωπο, τειχος δὲ θεμελιώνων:
Καὶ μὴ στοιχειώσεται ὄρφανό, μὴ ξένο, μὴν διαβάτη,
Παρά τοῦ πρωτομάστορα τῆ ὄρια τὴν γυναῖκα,
Πῶρχατ' ἀργὰ τ' ἀποταχυά, πῶρχατ' ἀργὰ στο γιῶμα ¹⁾.

Страшно опечалило это известіе перваго мастера. Пишетъ онъ письмо своей женѣ и посылаетъ его черезъ птицу-ласточку, наказывая ей сказать:

Ἄργα ντιοθῆ, ἀργ' ἀλλαχτῆ, ἀργὰ να πάη στο γιῶμα
Ἄργα νὰ πάη καὶ νὰ διαβῆ τῆς Ἄρτας τὸ γιοφῶρι ²⁾.

Но птица иначе передала:

Γοργὰ ντύσου, γοργ' ἀλλαξε, γοργὰ νὰ πᾶς τὸ γιῶμα,
Γοργὰ νὰ πᾶς καὶ νὰ διαβῆς τῆς Ἄρτας τὸ γιοφῶρι ³⁾.

Поспѣшно она вышла и отправилась къ мосту; но когда увидѣлъ ее первый мастеръ, то сердце разрывалось у него отъ жалости. Она весело привѣтствуетъ ихъ:

Γιὰ σας, χαρά σας μάστορες καὶ οἷς οἱ μαθητάδες,
Μὰ τ' ἔχει ὁ πρωτομάστορας χ' εἶν' ἔτσι χολιασμένος; ⁴⁾

¹⁾ *Rassau*, *Popularis carmina*. Lips. 1860, стр. 389: „Если вы не принесете въ жертву человека, то не удержатся своды; и не принесите въ жертву ни сироту, ни чужестранца, ни путника, но красавицу жену перваго мастера; она поедно приходитъ каждое утро, поедно приходитъ къ обѣду“. Не совсѣмъ точный нѣмецкій переводъ см. у *Кинда*, *Anthologie neugriechischer Volkslieder*. Leipzig. 1861, стр. 91 и 93.

²⁾ „Поедно встань, поедно одѣвайся, поедно обѣдъ приготовляй, поедно приготовляй и (тогда только) приходи къ мосту на Артѣ“.

³⁾ „Рано ты встань, поспѣшно одѣвайся, поспѣшно обѣдъ приготовляй, поспѣшно ты отправляйся и (поспѣшно) приходи къ мосту Артокому“.

⁴⁾ „Здравствуйте, привѣтъ вамъ, мастера, и вамъ, подмастерья! Что же сдѣлалось одному главному мастеру, что онъ такъ опечаленъ?“

Тогда ей сказали, что

Τὸ δαχτυλίδι τῶκαεε στὴν πρώτη τῆ καμάρα,
Καὶ ποιὸς νὰ μπῆ καὶ ποιὸς νὰ βγῆ τὸ δαχτυλίδι νάβρω; ¹⁾

Ничего не подождав, жена мастера охотно вывралась, что она сама туда спустится, говоря:

Μάστορα μὴ πικραίνεσαι, κ' ἐγὼ νὰ πᾶ' σ' τὸ φέρω
Ἐγὼ νὰ μπῶ κ' ἐγὼ νὰ βγῶ τὸ δαχτυλίδι νάβρω ²⁾.

Ее свазали пѣнию и стали спускать подъ сводъ. Но видно, потому она догадалась, что съ нею можетъ приключиться что-нибудь недоброе, потому что не успѣла дойти и до середины, какъ стала просить:

Τράβα καλέ μ' τὴν ἄλσοο, τράβα τὴν ἄλσοίδα,
Τ' ἔλον τὸν κόσμ' ἀνάγορα καὶ τίποτες δὲν ἤδρα ³⁾.

Но вмѣсто того, чтобъ поднять ее вверхъ,

Ἐνας πηχάζει μὲ τὸ μυστρί κι' ἄλλος μὲ τὸν ἀσβέστη,
Πέρνει κι' ὁ πρωτομάστορας καὶ ρίχνει μέγα λίθο ⁴⁾.

Только теперь она увидѣла, что ее постигло, и въ отчаяніи застонала, приговаривая:

Ἀλλοίμονο στὴ μοῖρά μου, κοίμαεε στὸ ροῦκικό μου,
Τρεῖς ἀδερφάδες ἤμασταν κ' ἡ τρεῖς κακογραμμέναις.
Ἡ μιὰ χτίσε τὸ Δούναβι κ' ἡ ἄλλη τὸν Αὐλῶνα
Κ' ἐγὼ ἡ κλιὸ στερνότερη τῆς Ἄρτις τὸ γιοφῦρι ⁵⁾.

Затѣмъ она закликаетъ мостъ, говоря:

Καθὼς τρέμ' ἡ κορδοῦλά μου, νὰ τρέμη τὸ γιοφῦρι.
Κι' ὡς κέφτουν τὰ μαλάχια μου, νὰ κέφτουν οἰδιαβάταις ⁶⁾.

¹⁾ „Кольцо упало подъ первый сводъ, и кто туда пойдетъ, кто спустится, чтобъ найдетъ кольцо?“

²⁾ „Не печалься, мастеръ, я достану тебя; и пойду, я сойду, я найду кольцо“.

³⁾ „Тани, мамми, цѣнь, тани цѣнотку; я вездѣ искала и ничего не нашла“.

⁴⁾ „Одинъ приноситъ камень, другой извѣсть; сюда же подходить и первый мастеръ и навладываетъ большой камень“. Вариантъ:

Ἐνας τὴν κρούβει μὲ κηλὸν, κ' ἄλλος μὲ τὸν ἀσβέστη,
Πιάνει κι' ὁ πρωτομάστορας πέντ' ἔξη ματσουκάκια.

⁵⁾ „Ахъ, какая наша судьба, какой злой нашъ рокъ! Трое сестеръ настъ было и все три злосчастны: одна была задѣлана въ Дунай, другая въ Авдону, и я, самая младшая, въ мостъ на Артѣ“.

⁶⁾ „Какъ дрожитъ мое сердечко, пусть такъ дрожитъ мостъ, и какъ падаютъ мои волосы, такъ пусть падаютъ прохожіе!“ Вариантъ:

Ἵς τρέμει τὸ καρδοφύλλα μου, νὰ τρέμη τὸ γιοφῦρι.
Κι' ὡς κέφτουν τὰ δενδρόφυλλα, νὰ κέφτουν οἱ ἀνθρώποι.

Видно, духъ моста — пѣсня не говорить — совѣтуетъ ей не проивносить такого заклинанія, потому что она подвергаетъ несчастію своего дорогаго брата; онъ говоритъ:

Κόρη τὸν λόγον ἄλλαξε, κ' ἄλλη κατὰ δόσε,
Πῆχαις μονάκριβ' ἀδερφῶ, μὴ λάχῃ καὶ περᾶσῃ ¹⁾.

Тогда она перемѣнила заклинаніе такимъ образомъ:

Σίδερον ἢ καρδοῦλά μου, σίδερο τὸ γιοφῶρι,
Σίδερο τὰ μαλλάκια μου, σίδερο κ' οἱ διαβάταις.
Τι' ἔχω 'δερφῶ στὴν ξενιτειά, μὴ λάχῃ καὶ περᾶσῃ ²⁾.

Сюда можно отнести и трапезундскую пѣсню ³⁾, являющуюся какъ бы вариантомъ предыдущей. Содержаніе ея таково: Тысяча мастеровъ строили волосяной мостъ (τῆ Τρίχας τὸ γαφῶρι) ⁴⁾, что за день они строили, то вечеромъ разрушалось. Наконецъ, таинственный голосъ говорить главному мастеру.

Ντὸ δεῖς με, πρωτομάστορα καὶ σταῖνω τὸ γαφῶρι? ⁵⁾

Но кто это говорить, пѣсня не указываетъ, какъ почти совсѣмъ не указываетъ далѣе дѣйствія, а только приводитъ одни разговоры собственно дѣйствующихъ лицъ. Главный мастеръ отвѣчаетъ:

Ἄν διῶσ σε τὴν κόρη μου, ἄλλο κόρην πάλ' κ' ἔχω.
Κι' ἴαν διῶσ σὲ τὴν μάνα μου, ἄλλ' μάναν πάλ' κ' ἔχω,
Κι' ἴαν διῶσ σὲ τ' ἀδελφία μου, ἄλλ' ἀδελφία πάλ' κ' ἔχω,
Κι' ἴαν διῶσ σὲ τὴν κάλη μου, καλῆτερον εὐρίσκω ⁶⁾.

¹⁾ „Дочь моя, перемѣни свое слово и проивноси другое заклинаніе, ибо у тебя единственный и дорогой братъ; не постигла бы его та же судьба, если она пройдетъ (по мосту). Вариантъ:

Κόρη μου μετενόησε νὰ σώσης τὴν ψυχὴ σου.

²⁾ „Какъ желѣзо пусть будетъ мое сердечко, какъ желѣзо пусть будутъ чувства мои, какъ желѣзо пусть будутъ и прохоніе. Врата же моего, который на чужой сторонѣ, пусть не постигнетъ его такая судьба, если она пройдетъ“ (по мосту).

³⁾ *Ioanninos*. Нѣсколько словъ о варъчин трапезундскихъ грековъ, съ образами ихъ пѣсней въ Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. VI. Тбились. 1886, отд. II, стр. 19—21. На эту пѣсню обратилъ мое вниманіе Г. О. Дестунисъ.

⁴⁾ Несомнѣнно θρίξ есть осмысленіе собственнаго имени; можетъ быть, на это осмысленіе имѣло вліяніе армянское преданіе. Ср. также болг. тирюза.

⁵⁾ Что ты ищъ дочь, первый мастеръ, и а тебя поставлю мостъ?

⁶⁾ „Если я отдамъ тебя свою дочь, другой дочери у меня не будетъ; если

Послѣ этого онъ носмлагетъ къ своей женѣ пташечку соловья ἀηδὼν τὸ πουλόπον), чтобѣ объявить его волю; онъ ей приказываетъ:

Τὴν σάββαν ἄς κάγη σὸ λουτρόν, τὴν καρῆν σὸν γάμον
Καὶ τὴν δευτέραν τὴν καρ' ἐκαὶ ἄδᾳ ἄς εὐρισχάται ¹⁾).

Что произошло дальше, въ пѣснѣ не сказано; вѣсь въ ней большой пропускъ. Но, очевидно, жена была замурована, ибо она пронеситъ свое заклинаніе:

Σαυαὶ τρομάζ'ιν τὰ γόνата μ', νὰ τρομάζ' τὸ γεφύριον,
Σαυαὶ ροῦζνε τὰ δάχρυα μου, νὰ ροῦζνε οἱ διαβάτρο' ²⁾).

Видно, тотъ же гонимъ—таинственный голосъ говорить ей:

Εὐχέθ', κόρη, εὐχέθ', κόρη, μη καταράσαι
'Εχ'ς ἀδελφὸν σ'ὴν ξανητεία, θα ἤερται καὶ διαβαίνει ³⁾).

Тогда она переимѣнила свое проклятіе:

Σαν' ἐστάθαν τὰ γόνата μ', νὰ στέχη τὸ γεφύριον,
Σαυαὶ τρέχουν τὰ δάχρυα μου, νὰ τρέχνε κι' οἱ διαβάτρο' ⁴⁾).

я отдамъ тебѣ свою мать, то у меня другой матери не будетъ; если я тебѣ отдамъ брата, у меня другого брата не будетъ; но если я отдамъ тебѣ свою жену, то я лучше найду".

¹⁾ „Ты должна въ субботу пойдти въ баню, въ воскресенье — на свадьбу; но съ поведальника ты должна выходить здѣсь“, то-есть, у моста.

²⁾ „Какъ дрожать мои колѣна, такъ пусть дрожитъ мостъ; какъ льются мои слезы, такъ пусть падаютъ прохоніе“ (то-есть, съ моста).

³⁾ „Удержись, дѣвица, удержиись, дѣвица, удержиись, не проклинай; у тебя братъ на чужбинѣ; онъ вернется и пройдетъ“ (то-есть, по мосту, упадетъ и утонетъ).

⁴⁾ „Какъ (хрѣпко) стоятъ мои ноги, такъ (хрѣпко) пусть стоитъ мостъ; какъ прошли мои слезы, такъ пусть пройдутъ и прохоніе“ (то-есть, по мосту).

У Томича (Томасов) пѣсня описывается такъ:

Ἄν τρέμουν τ' ἄγρια βουά, νὰ τρέμη τὸ γεφύρι,
Κι' ἂν πέφτουν τ' ἄγρια κουλιά, νὰ πέφτουν οἱ ἀνῆρωκοι.

Несомнѣнно, что № DXXIII у Пассова (и у Fawciet, II, 80): τὸ στοιχειὸν τοῦ ποταμοῦ есть отрывокъ пѣсни этого цикла:

Κοράσιον ἐτραγοῦσεν ἐπάνω σὲ γεφύρι
Καὶ τὸ γεφύρι ράγισε καὶ τὸ ποτάμι στάθη,
Καὶ τὸ στοιχειὸν τοῦ ποταμοῦ κι' αὐτὸ στήν ἀκρ' ἐβγήκε.
„Κόρη μου κάψε τὸν ἄχον κ' εἰπέ κι' ἄλλο τραγοῦδι“.
„Ἄχ πῶς νὰ κάψω τὸν ἄχον, κι' ἄλλο νὰ πῶ τραγοῦδι;
'Εχῶ τὸν ἄντρα μ' ἄρρωστον κι' ἄρρωστικὸν γερεῖω.

Νὰ κάψω στρουγγαν τοῦ λαγοῦ, τὸ γάλα του ν' ἀρεῖω“.

Popul. sagm., p. 391.

Только эта пѣсня является еще болѣе разрушенной, чѣмъ прежняя. По неразработанности сюжета и по складу пѣсни видно, что она дошла до насъ не въ первоначальной своей цѣлости, а въ нѣсколько разбитомъ видѣ.

Другая пѣсня представляетъ сюжетъ слѣдующимъ образомъ: Сорокъ мастеровъ и шестьдесятъ наемныхъ работниковъ строили башню на мосту на Артѣ. Но что они строили за день, то разрушалось за ночь. Плачутъ мастера и сокрушаются, радуются работники, потому что дни у нихъ свободны. Въ одно свѣтлое воскресенье, въ одинъ правдивикъ, легъ первый мастеръ поспать и увидѣлъ во снѣ сонъ, что они убили человѣка и башня держится. Но они должны пожертвовать ни богатымъ и знатымъ, ни бѣднякомъ, ни страдующимъ по свѣту, но женой перваго мастера. Тогда онъ призвалъ къ себѣ одного изъ рабочихъ и послалъ его къ своей женѣ, чтобъ ей сообщить волю мужа:

Εὖρε νὰ πῆ; κυριόλα; σου, τὴν χαραβοκυρά σου,
 Σὰ νάντωθῆ, νὰ στολιστῆ, νὰ βάλῃ τὰ χρυσά της,
 Νὰ βάλῃ τ' ἀσημένια της καὶ τὰ μεταξωτά της.
 Γ' ὄργα νὰ πᾶς, γοργὰ νάρθῃς. γοργὰ νὰν τὴ τ' ὀρίστῃς ¹⁾.

Пришелъ рабочий въ домъ перваго мастера. Жена послѣдняго шла и пѣла. Онъ передалъ ей волю своего господина. Сдѣлавъ все, какъ ей было сказано, она отправилась къ своему мужу; она нашла мастеровъ за столомъ. Мужъ обращается къ ней съ привѣтствіемъ и объясняетъ ей, зачѣмъ онъ ее посылалъ; онъ говоритъ ей:

Καλῶς τὴν τὴν κυριόλα μου, τὴν χαραβοκυρά μου.
 Μῶπως' ἢ ἀρραβῶνά μου, τὸ πρῶτο δαχτυλίδι.
 Γιὰ τοῦτο σοῦ ἐμήνυσα νάρθῃς νὰ μοῦ τὸ σῶστῃς ²⁾.

Пока она пришла на средину моста, одинъ приготовляетъ цементъ, другой явствуетъ, а самъ первый мастеръ приготовилъ молотъ. Пѣсня не говорить, что происходило съ женой мастера, но приводитъ ей слова:

¹⁾ *Rassow*, *Popul. song.*, p. 390: „Пойди къ твоей госпожѣ, къ своей повелительницѣ, чтобъ она одѣлась и принарядилась, чтобъ она украсилась золотыми, чтобъ она украсилась серебряными и шелковыми украшениями. Скоро отправляйся, скоро возвратись и скоро передай порученіе“.

²⁾ „Здравствуй, моя госпожа, моя повелительница! Упало мое вѣнчалное кольцо, первое кольцо; я для того послалъ призвать, чтобы ты меня спасла“.

Τρεῖς ἀδερφάδες εἶμαςτε κ' ἢ τρεῖς ἐσκοτώθησαν,
 Ἡ μὴ σκοτώθη σ' ἐκκλησιὰ κ' ἢ ἄλλ' σὲ μοναστήρι
 Κ' ἢ τρίτη ἢ καλῆτερη τοῦς Ἄρτας στὸ διοφύρι.
 Ὡς τρέμουν τὰ χεράκια μου, νὰ τρέμουν ἢ κολόνας
 Κι' ὡς τρέμει ν' ἢ καρδοῦλά μου, νὰ τρέμη τὸ διοφύρι ¹⁾).

Очевидно, пѣсня не все досказала; пѣвецъ предполагаетъ, что не досказанное само собою разумѣется. Но это же самое обстоятельство показываетъ, что пѣсня забывается, что многое изъ нея выпало и даже измѣнено, какъ видно, напримѣръ, изъ того, что сама жена навываетъ себя ἢ καλῆτερη, что не могло быть въ первоначальной редакциі слова; эта аттестація, несомнѣнно, тамъ принадлежала пѣвцу. Также здѣсь видимъ намекъ на какую-то опасность вслѣдствіе паденія кольца. Цѣльная народная пѣсня не любитъ неясностей, неопредѣленностей, недомолвокъ; въ ней все сказано, все объяснено. Послѣ того не будетъ преувеличеніемъ, если я скажу, что эта форма пѣсни представляетъ или не доразвившійся мотивъ, такъ какъ почва ея была не греческая народная поэзія, или только жалкій, но все-таки странный обломокъ цѣльной пѣсни.

Еще болѣе жалкій видъ представляетъ вышняя форма пѣсни: „Принесенная въ жертву женщина двумя своими братьями“ (Ἡ στοχευμένη γυνὴ μετὰ τῶν δύο αὐτῆς ἀδελφῶν) ²⁾. Содержаніе ея слѣдующее: тысяча-четыреста мастеровъ и шестьдесятъ подмастерьевъ строили сводъ или мостъ на р. Эладѣ (Спархей). Чтò они за день строили, то за ночь разрушалось. Птичка одна пришла и сѣла на верху свода; она не чиркала, какъ птица, не пѣла какъ соловей, но выглядывала и говорила человѣческимъ голосомъ:

Ἄν δὲν στοχεύαστ' ἀνδρῶκο, χαμάρα δὲν στερώνωνα.

„Но не приносите мнѣ ни сироту, ни чужанина, ни путника; но только жепу первого мастера“. Услышавъ это, послѣдній посылаетъ двухъ подмастерьевъ къ своей жевѣ: „Встань, госпожа мастерица; тебя желаютъ видѣть мастера“, — говорятъ они ей. Но она спрашиваетъ

¹⁾ „Мы были три сестры и всѣ три убиты: одна была убита для церкви, другая для монастыря, а третья, самая красивая, — въ мостъ на Артѣ. Какъ дрожать мои рученьки, чтобы такъ дрожала етолбы; какъ дрожить мое сердечко, чтобы такъ дрожала мостъ“.

²⁾ Ἰατρίδης, Συλλογὴ δημοτικῶν ἀσμάτων. Ἐν Ἀθῆν. 1852, стр. 28. Къ сожалѣнію, у меня подъ руками этого нащанія не было, и содержаніе пѣсни привожу по не советнѣ точному переводу г. Шеняиу: *Legenda mesterului Manole la gresii moderni* въ *Concearbirii Literare* (изд. XXII) 1888, № 8, стр. 675—676.

ихъ: „Скажите мнѣ, если воветь меня для какого-нибудь хорошаго дѣла, то приваряжусь и приду; а если онъ воветь меня на какое-либо нехорошее дѣло, то я приду такъ, въ чемъ я теперь“. „Ни на добро, ни на зло; только приходи такъ, какъ ты теперь“, отвѣчаютъ ей. Что произошло далѣе, пѣсня уже не знаетъ; пѣвецъ послѣ этого прямо влагааетъ женѣ мастера въ уста слѣдующія слова: „Охъ, знаю, несчастная, охъ, знаю я, злополучная! Настъ было три сестры и всѣхъ насъ трехъ принесли въ жертву (ταῖς τρεῖς στοιχῆ μᾶς βάλαν): одну въ Терновѣ, другую у Маноли, и меня несчастную подъ круглую арку. Какъ дрожить у меня сердечко, такъ чтобы дрожала мостъ; какъ у меня льются слезы, такъ чтобы падали (въ воду) прохожіе“.

Вторую версію греческой баллады составляетъ пѣсня: „Жена перваго мастера“ (Ἡ γυναῖκα τοῦ πρωτομάστορα)¹⁾. Содержаніе ея заключается въ слѣдующемъ: Внизу, на черной рѣкѣ, строили мостъ (καμάρα, арка) для облегченія путникамъ. Птичка одна поетъ, кричитъ, не умолкаетъ:

Ἐπὶ καμάρα μὴ σταθῆ, καμάρα μὴ στερῶσθ,
 Ὅξω νὰ χτίσοον ἀνθρώπο ἔς τὸν πόδα τῆς καμάρας.
 Μῆτα στραβό, μῆτα χουτοό, μῆτα καὶ δρομολάτη
 Παρὰ τοῦ πρωτομάστορα τὴν ὁμορφὴ γυναῖκα²⁾.

Тогда обратили вниманіе перваго мастера на это:

Ἄκουσε πρωτομάστορα τί τὸ πουλί σοῦ λέει³⁾.

Первый мастеръ послалъ своего слугу въ свой домъ къ женѣ, чтобы повзвать ее къ себѣ. Спрашиваетъ его жена мастера: придти ли ей приваряженной или нѣтъ. Приходитъ жена и спрашиваетъ мужа:

Ἦτα ἔχεις πρωτομάστορα καὶ κάθεσαι καὶ κλαίεις⁴⁾.

¹⁾ *Jeannetakis*. "Ἀισιὰτα κρητικά μετὰ διστίχων καὶ κариότων. Leipzig. 1876, стр. 209—210.

²⁾ „Здѣсь арка не устоитъ, арка не удержится; развѣ если задѣлать человека въ основаніи арки: ни криваго, ни хромаго, ни путника, а только красивую жену перваго мастера“.

³⁾ „Слушай, первый мастеръ, что птичка говоритъ!“

⁴⁾ „Что ты, первый мастеръ, такъишь печальными сидишь и плачешь?“

На это мужъ отвѣчаетъ ей:

Τὸ δαχτυλίδι μου 'πεσε 'ς τὸν πόδα τῆς καμάρας.
Σώπασέ πρωτομάστορα, μὰ γὰρ θὰ σοῦ τὸ βγάλω ¹⁾.

Сперва она принарядилась съ вечера до утра и съ утра до вечера, до другаго полудня ²⁾; нарядъ ея пѣсня описываетъ необыкновенными красками, совершенно въ духѣ народной поэзіи:

Βάνει τὸν ἥλιο κοῦτελο καὶ τὸ φαγγάρ' ἀστῆθι
Καὶ τοῦ κοράκου τὸ φτερό βάνει καμαροφρόδι,
Τὴν ἄμμο τὴν ἀμέτρητη βάνει μαργαριτάρια,
Τὰ χοχλαδάκια τοῦ γιαιοῦ ταικίνα 'ς τὸ λαμόν τῆς ³⁾.

Снарядили ее ея прислужницы (ἢ βάργαια τῆς). Наконецъ она дошла до арки.

Καλῶς τὰ κάνετ' ἀρχοντές κ' ἐσεῖς οὐλ' οἱ μαστόροι,
говори́тъ она.

Καλῶς τηνα τῆ ρήγισσα, τὴν πεντακλουμισμένη ⁴⁾,—
отвѣчаютъ ей. Она высоко васучиваетъ рукава и входитъ въ арку. Тогда всѣ поспѣшно стали готовить, что нужно было для того, чтобъ ее задѣлать:

'Ο γεῖς τῆς χτύπα μὲ πηλὸ κ' ἄλλος μὲ τὸ χαλίκι
Κι' ὁ σκύλος πρωτομάστορας μὲ τὸ βαρὸ μωστρίν του ⁵⁾.

Что дальше произошло пѣсня не говоритъ, но только приводитъ до конца слова жены мастера:

— Ἀφῆτοτέ μὲ νὰ εἶς πῶ δυὸ λόγια, ἢ κηῦμένη·
Τρεῖς ἀυραφάδες ἤμεστα κ' ἢ τρεῖς καχογραμμένας.
Ἡ μιά ἐπῆγε ἀπὸ σπαθὶ κί ἢ γι ἄλλ' ἀπὸ πηγάδι

¹⁾ — „Кольцо мое упало въ самое основаніе арки“.

— „Молчи, первый мастеръ, а тебѣ его достану!“

²⁾ Тамъ же, стр. 209:

Βάνει ἀρχὴ στολίζεται ἀπ' τὸ ταχὺ ὡς τὸ βράδυ
Κι' ἀπὸ τὸ βράδ' ὡς τὸ ταχὺ, ὡς τ' ἄλλο μεσημέρι.

³⁾ „Накладываетъ на чело солище, на грудь мѣсяцъ; перо ворона накладываетъ дугою очерченныя брови; безчисленныя крупныя песку накладываетъ жемчугомъ; прорычье камушки накладываетъ ценинами (золотыми монетами) на ее шею“.

⁴⁾ — „Здравствуйте, распорядители, и вы будьте здоровы, мастера!“

— „Здравствуйте, государыня, здравствуйте, богато наряженная!“

„Однѣ накладываетъ на нее цементъ, другой щебень а собака—первый мастеръ бьетъ своею тшалою киркой“.

Κ' ἐγὼ τὸ καχορίζικο ἔς τὸν πόδα τῆς καμάρας.
 Πάρε σὺ κέρδικα πλοομί κ' εὐὸ ἀηδόνι ἰδῶμα
 Κ' εὐὸ τὸ ξενικόσταρο πάρε τα τὰ μαλλιά μου,
 Μὰ μὴν τὰ πάρη θηλοχὸ κ' ἔχῃ τὰ βῆσανά μου ¹⁾).

Разработка сюжета здѣсь еще менѣе развита, чѣмъ въ предыдущихъ пѣсняхъ; здѣсь нѣтъ ни вступленія, ни даже названія мѣста, гдѣ происходитъ дѣйствіе, не мотивировано ни появленіе птицы, ни ея требованіе. За то эта баллада сохранила не разрушеннымъ то мѣсто, гдѣ описывается нарядъ жены перваго мастера такими чертами, какъ бы предуготовляя ее къ замурованію. Кромѣ того, эта баллада представляеть еще особенность, которой въ предыдущихъ нѣтъ, а именно сочувствіе пѣвца къ личности жертвы, которая представлена здѣсь необыкновенною съ нѣкоторыми оттѣнками благородства и нѣжности, а ея мужъ названъ прямо σκόλος. Выраженіе такого сочувствія показывается, по моему разумѣнію, на позднѣйшія добавленія въ балладѣ, когда чутье народа къ необходимости жертвы для того, чтобы постройка была крѣпка, было уже заглушено, — иначе онъ или пѣвецъ долженъ былъ мириться съ этою необходимостью, какъ мы и видимъ въ предыдущихъ балладахъ. Такъ или иначе, но по тѣмъ довольно жалкимъ остаткамъ, которые представляютъ какъ эта баллада, такъ и предыдущія, можно заключить, что мы имѣемъ дѣло съ обломками большой баллады, въ родѣ тѣхъ, какія представляютъ южно-славянская и румынская народная повѣя.

Греческія баллады представляютъ еще и ту особенность, что въ нихъ перечисляется рядъ мѣстъ, гдѣ были сдѣланы постройки съ человѣческими жертвами. Хотя не говорится, какія это были постройки, но нужно полагать, что это были большею частью мосты. Такъ въ первой балладѣ жена перваго мастера говоритъ, что двѣ ея сестры были задѣланы въ основанія построекъ: одна на Дунай, а другая въ Авлонѣ; во второй жена тоже говоритъ о церкви и монастырѣ, не приводя названія мѣстъ; наконецъ, въ послѣдней она говоритъ, что сестры ея сдѣлались жертвами: одна въ Терновѣ, не-

¹⁾ „Дайте мнѣ, несчастной, сказать два слова: Намъ было трое сестеръ, и всѣ три злополучны. Одна погибла отъ меча, другая утонула въ колодезѣ, а я, несчастная, въ основаніи этой арки. Ты приняла цѣло курочатки, и ты видишь соловья; а ты, кукуруза, приняла шокъ волосъ, чтобы не выла нигъ какал-нибудь женщина и не раздѣляла моей судьбы“. Этотъ отрывокъ переведенъ при помощи Г. С. Дестуниса.

сомнѣнно, въ какомъ-нибудь изъ западно-балканскихъ городовъ этого названія, но какомъ именно, трудно сказать въ настоящее время ¹⁾, а другая у Маноли.

Несомнѣнно, было и есть гораздо больше мѣстъ на Балканскомъ полуостровѣ, связанныхъ съ преданіемъ о человѣческой жертвѣ, судя по существующимъ нынѣ повѣрьямъ. Въ Болгаріи существуетъ повѣрье, что въ основаніе каждаго фонтана, моста и вообще всякаго зданія закладывается вымѣренная тѣнь человѣка, который черезъ мѣсяць долженъ умереть ²⁾. То же повѣрье существуетъ и у румыновъ, съ тою только разницею, что человѣкъ, котораго тѣнь вымѣривается, умираетъ черезъ годъ. Это повѣрье въ различныхъ вариантахъ известно всѣмъ народамъ.

Существуютъ ли какія-либо пѣсни или разказы и преданія объ указанныхъ мѣстностяхъ греческихъ балладъ, кромѣ Арты, не могу сказать въ настоящее время. Думаю, что только упомянутый здѣсь Маноли извѣстенъ у грековъ и по фактическимъ даннымъ, и въ народной поэзіи. Это имя и до настоящаго времени носитъ мость на Аграндѣ (въ Акарніи) ³⁾ съ слѣдующею надписью ⁴⁾:

ΕΚΤΙΣΘΗ ΤΟ 1659
ΟΙ ΚΤΙΤΟΡΕΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΣ
ΚΑΙ ΜΑΝΟΛΗΣ...

Я склоненъ думать, что этотъ Маноли (Θμανουλъ) стоитъ въ связи съ героемъ греческой народной пѣсни изъ Лариссы: „Маноли и янычаръ“ (ὁ Μανώλης καὶ ἰανίτζαρης) ⁵⁾, гдѣ онъ убиваетъ свою невѣрную жену. Янычаръ спрашиваетъ Маноли:

Μὴρὲ Μανώλη, μὴρὲ λαβέντη, μὴρὲ καλὸ παιδί,
Τ' εὐμωρφη γυναιχὰ ἔχεις καὶ δὲν χαίρεις.

¹⁾ О различныхъ городахъ этого названія въ западной части Балканскаго полуострова см. *Pouqueville, Voyage dans la Grèce. A Paris. 1820, t. I, p. 181; t. II, p. 383, 430; III, p. 48.* Весьма возможно, что здѣсь рѣчь идетъ о Термонѣ (Τορμόνας) въ Θεσσαλίᾳ. Γεωργιάδης, Θεσσαλία. Ἐν Ἀθῆν. 1880, стр. 251—255.

²⁾ Сообщение г. Цухлева. *Извест.* Сборникъ отъ народаи умотворени, объяванъ и др. I отд., кн. I. Соени. 1889, стр. 367.

³⁾ Объ Аграндѣ у *Pouqueville*, III, стр. 146—159.

⁴⁾ *Skínesani, Legenda mesterullu Manole*, стр. 676, который, вѣроятно, приводитъ эту надпись изъ сборника Ятридиса.

⁵⁾ *Rassow*, стр. 341—432 (№ 360); русская передѣлка въ *Одесскомъ Альмазахѣ* 1840 г., стр. 281—282.

Но Маноли его спрашиваетъ:

Ποῦ τὴν εἶδες; ποῦ τὴν ξεῶρες, μπρὲ Γιανίτσαρη.

Но ямычарь прямо ему отвѣчаетъ, несколько не скрываясь:

Ὡ τὴν εἶδα καὶ τὴν ξεῶρω καὶ τὴν ἀγαπῶ.

Маноли все-таки недобѣрчиво относится къ словамъ ямычара и спрашиваетъ его опять:

Σάν τὴν εἶδες καὶ τὴν ξεῶρες καὶ τὴν ἀγαπᾷς,

Τί λογῆς φοριὰ φοροῦσε καὶ τί βιάταζε.

Ямычарь на этотъ разъ даетъ объясненію, учтивою и всякое сомнѣніе Маноли:

Ἄσπρον φουστάνι φοροῦσε, κόκκινον χουκλί.

Взбѣшенный этимъ, Маноли пошелъ домой и перерѣзалъ своею жёнѣ горло; потомъ, пришедши въ себя, сталъ плакать по ней, приговаривая:

Σήκου δόμνα καὶ καλή μου, σήκου κι'ἀλλάξε
Σήκου, νύου καὶ στολίσου κ' ἔβγα στὸν χορὸν,
Νὰ σὲ διοῦν τὰ παλληκάρια, νὰ μαραίνωνται,
Νὰ σὲ διῶ κ' ἐγὼ καύμενος καὶ νὰ χαίρωμαι ¹⁾.

¹⁾ Для уразумѣнія пѣсни предлагаю здѣсь русскую перефразу, помѣщенную въ *Одесскомъ Альманахѣ* 1840 г., стр. 281—282:

— Нѣтъ жены твоей прекраснѣй:

Что случашь, другъ Маноли?

Что случашь, мой красавецъ?

— „Гдѣ жену мою ты видѣлъ?

Какъ жену мою ты знаешь?„—

— „Мужу знать того не надо,

Гдѣ жену его я видѣлъ,

Какъ жену его я зваю?„—

— „Какъ, скажи, она одѣта?

Цвѣтъ, скажи, ея повязка?„

— „Въ бѣломъ платьѣ она ходить.

Носить красную повязку!„

Въ полночь ямычарь подарошъ

Получилъ въ иѣшиѣ кровавомъ,

Развязалъ—и въ немъ находить

Голову жены Маноли.

Последніе четыре стиха совсѣмъ не переданы въ перефразѣ. Предлагаю здѣсь переводъ ихъ Г. С. Дестуниса:

„Госпожа моя и любя, встань, переѣнись,

Встань, умойся, нарядися, войди въ хоровадъ,

Чтобъ взглянули паликары и захихнули,

Чтобъ и я взглянувъ, бѣднѣго, сталъ бы радостенъ!„

Манюли этой пѣсни, выражающей мотивъ о невѣрности жены, столь распространенный въ народной повѣи грековъ, можно приблизить къ „грчиѣ Манюло“ сербскихъ балладъ: „Кумоваѣ Грчиѣ Манюло“ ¹⁾ и „Ђирѣк и Грчиѣ Манюло“ ²⁾, гдѣ пашь герой оканчиастъ свою жизнь весьма трагически изъ-за женской любви. Содержаніе второй баллады таково: Князь Милутиѣнъ женить своего сына. Кумомъ онъ выбралъ Владислава, старымъ сватомъ молодаго Велисава и дружкой (деверѣ) невѣсты своего сына Кирьяка или Киру. Отправляя его къ Дрекаловичамъ за невѣстой, князь Владиславъ напутствовалъ его совѣтами, какъ онъ долженъ вести себя въ домѣ родителей невѣсты. Взявъ невѣсту, Кира на богатырскомъ конѣ отправился съ сватями назадъ. На его несчастье всѣ поѣзжане были пьяны, кромѣ Киры и невѣсты, отъ которыхъ сватья остались далеко позади. Когда поѣздъ въѣхалъ въ глубокой горный проходъ (у клисуру тврду), тогда раздался выстрѣлъ, направленный на Киру; но послѣдній не былъ раненъ; съ его головы была сброшена только богато украшенная шапка, которую Кира тотчасъ поднялъ, слѣзши съ своего богатырскаго коня. Обращаясь затѣмъ къ невѣстѣ, говорить ей:

Држе, снашо, кова брацнвога,
Да погледамъ, ко то пушке баца.

Въ это время подоспѣли поѣзжане и замѣтили, что стрѣляетъ грекъ Манюло; онъ изъ одного ружья выстрѣлилъ и послѣднѣю варяжалъ другое, но сломалъ шомполъ въ стволѣ и такимъ образомъ не могъ вложить жетонъ, чтобъ удержать пулю, и деверья Киры могли ударить Манюла золотымъ шестоперомъ, отъ чего бѣдный греченокъ упалъ на черную землю. Тогда Кира, связавъ ему руки, повелъ его къ невѣстѣ, которую онъ сталъ ласкать, говоря:

Благо брацу, кад си тако верна,
Кад си брацу кова додржала!

Послѣ онъ сѣлъ на своего богатырскаго коня и, ударивъ его острыми шпорами, догнавъ своихъ богато украшенныхъ деверей, которымъ онъ сказалъ:

Фала куме, фала стари снате!
Оставнсте м' у клисури сама.
Ѓа сирома нагубити главу,
У мало ми грче не взде.

¹⁾ Караѣиѣ, Ср. и. п., II, стр. 19—21.

²⁾ Караѣиѣ, Ср. и. п., кн. III, у Бечу. 1846, стр. 506—511.

Тогда стали кумъ и старій свать его упрашивать:

Не мој, њиро, ваше чедо драго!
 Не чин' крви брацу на веселу,
 Него се ви Богом побратате,
 А лепо је и бити я рећи,
 Два девера код једне девојке.

Послушалъ Кира сватовъ и развязалъ руки греку. Когда они прїѣхали къ Комненовой башнѣ, тогда сватья остановились на ночлежь. Оба дружки съ невѣстой расположились въ башнѣ, а сватья должны были быть на стражѣ, но, замѣчаютъ пѣсня:

Гди је стража од пијани људи?
 Гди ко стао, онде и легао,
 Гди легао, онде и заспао.

Въ это время встаетъ „грче невијерно“ и, укравъ у Киры ножъ, ударилъ послѣдняго въ юнацкое сѣрдце, въ которое онъ попалъ, сильно задѣвъ руку невѣсти; затѣмъ онъ опять убѣжалъ въ горы. Сильно она заплакала и говорила:

Јао њиро, роѣени девере!
 Ја љу моју преболети руку,
 Ал' ти твоју рану никад не њеш.

Всталъ однако Кира на ноги и, выстрѣливъ изъ своего ружья, сталъ звать своихъ сватовъ отправиться въ путь-дорогу; но сватья говорятъ, что не пора еще ѣхать. Подошла къ нему разжалобленная невѣста, растегнула у него доламу и стала черпать рукой черную кровь отъ груди, повторяя приведенныя выше слова. Очень тяжело стало юнаку; онъ не могъ ни сѣсть, ни лежать. Опять онъ далъ выстрѣлъ, чтобы соввать своихъ сватовъ отправиться въ путь. Встали поѣзжане; каждый изъ нихъ снаряжаетъ своего коня. Кира снаряжаетъ и своего, и невѣстина коня. Наконецъ отправились въ путь; проѣхали гору Чучавицу, проѣхали и Ступчаницу и остановились у воды Цетиньи: кто напьется воды, кто умоется, кто коня своего повѣт на Цетиньѣ. Тяжело было Кирѣ; онъ поручаетъ невѣсту куму и старому свату, а самъ спѣшитъ скорѣе домой, къ отцу, въ Никшичъ, гдѣ за городомъ шелъ хороводъ; тамъ была и сестра Киры, которая своимъ ростомъ выдавалась между всѣми. Издали она замѣтила брата и спѣшитъ къ отцу сказать ему, что Кира ѣдетъ одинъ, а сватовъ нѣтъ. Едва онъ могъ добраться до отцовскаго дома; тутъ онъ объясняетъ отцу причину своей послѣдности:

Красни бабо, Милутине!
 Ни сам ли ти беседио, бабо,

Да не просиш промаше девојко?
Привати ме са коња витеза,
Спусти мене на зелену траву,
Пақ ти седи поред мене, бабо,
Да ти метнем на криоде главу,
Ти ми метви на срдашце руку.

Снялъ съ коня князь Милутинъ Киру, положилъ его на зеленую траву, а голову его опустилъ на колѣно и приложилъ руку къ его сердцу. Но Кира былъ уже очень слабъ и едва могъ сказать, отчего съ нимъ приключилась такая бѣда:

Чујеш ли ме, мој рођени бабо!
Девојка је испрошеда била,
Испросио гриву Манојло,
А ти си је пратросио, бабо!

Съ этими словами Кира испустилъ послѣдній вздохъ. Поставилъ его тѣло князь Милутинъ въ скрытомъ мѣстѣ. Пришелъ и свадебный поѣздъ, и опять заплакала неvěста, узнавъ, что Кира умеръ, повторяя опять прежнія слова. Но князь Милутинъ все умиралъ. Сыграли свадьбу въ продолженіе трехъ дней. На четвертый день похоронили Киру. При этомъ пѣсня влагаеть въ уста Милутину такіа характерныя слова:

Једте, пијте, моја брадо драга!
Безе Милутин чини два весеља:
Једвог жени, другог саравује.

Не долго спустиа послѣ этого, князь образовалъ чету или отрядъ отправилъ его въ горы, чтобы схватить грека Манојло. Послѣдній былъ схваченъ и расчлененъ на четыре части, которыя выставлены были на четырехъ дорогахъ для острастки другимъ хайдукамъ. Пѣсня въ заключеніе объясняетъ, что князь Милутинъ

Те освети својега ѡпрјака
Освети га, ал' га не поврати.

Если допустить нѣкоторое вліяніе фантазіи въ сближеніи этихъ пѣсенъ, то общность двухъ фактовъ въ нихъ несомнѣйна, а именно: 1) одно и то же имя героя, и притомъ въ обоихъ случаяхъ грека по происхожденію, и 2) описываемыя въ пѣсняхъ дѣйствія происходятъ въ турецкое время. Можно было бы прибавить еще одно обстоятельство,—что главною причиною дѣйствія является женщина, еслибы развязка въ греческой и сербской пѣсняхъ не была различною.

Гораздо больше отношенія къ балладамъ о построеніи мостовъ и часть сохрани, отд. 2.

о постройкахъ вообще съ человѣческими жертвами имѣеть другая сербская баллада „Кумовање Грчића Манојла“. Содержаніе ея заключается въ слѣдующемъ: Двѣ кумы—стройная гречанка и блонкурая валашка—пришли съ ребятами къ греку Манојлу, первая съ дѣвочкой, а вторая съ мальчикомъ, чтобъ онъ былъ имъ крестнымъ отцомъ. Манојло ихъ крестилъ. Но гречанкѣ не особенно пріятно было, что у нея дѣвочка, и проситъ Манојло подмѣнить во время крещенія ея ребенка на ребенка валашки:

Мно куме, Грчићу Манојло!
 Проміјени ову ћеду луду:
 Дај ти мене ћедо Влахињино,
 А Влахињи да дамо ћевојку,
 И дајем ти Божу вјеру тврду,
 Дваш љу ти га звијерит' са влатом.

Пѣсня замѣчаетъ, что Манојло

Преварисе, Бог да га убије!

Отправились домой отъ него обѣ кумы. Когда валашка по дорогѣ домой была уже въ горахъ, дитя у нея почему-то зашипало; она его распеленала на дорогѣ и вдругъ она видитъ, что у нея дѣвочка, а не мальчикъ, сразу ударила его о камень. Зашипалъ ребенокъ, какъ лютая змѣя. Возвращается валашка назадъ къ Манојлу и говоритъ ему:

А за Бога, мој куме Манојле!
 Што продаде кума за цекне?
 Платно га светоме Јовану!

Но Манојло сталъ божиться по напрасну; между тѣмъ своего мальчика держитъ на колѣнѣ:

А вијесам моја мила кумо,
 Та не вјо од овога иссо!

Валашка волей-неволей должна идти домой безъ ребенка,—съ своею пустою колыбелью. Манојло же сѣлъ на коня и поѣхалъ къ гречанкѣ и получилъ отъ нея обѣщанныя деньги за мальчика. По дорогѣ домой, въ горахъ, онъ увидѣлъ чернаго барашка, котораго тутъ же и застрѣлилъ; затѣмъ его изжарилъ и, наѣвшись хорошенько, цѣлую оставшуюся лопатку положилъ въ сумку, изъ которой давалъ кормъ лошади. Приѣзжаетъ домой; его встрѣчаютъ вѣрная милая вся въ слезахъ и въ крови. Манојло спрашиваетъ ее:

Што је тебе, моја вјерна љубо?

Она разказиваеъ ему, все случившееся дома въ его отсутствіе:

Исходи ми из руку дѣете,
Проруже се приемъ жагетом,
И утече мене уз плашину.

Тогда Маноило догадался, что онъ сдѣлалъ, и сообщаетъ ей, что

Ја сам, љубо, јагме дочекао,
Убио га, на га испекао,
И од мѣга, љубо, обједова',
И плеће сам меса оставио;
Врѣх руку у зобѣницу вранцу!

Береть она сумку, но вынимаетъ изъ нея не лопатку, но руку ребенка; тогда она ему сказала:

А Манојле, траг ти погинуо!
Ти не био продавати нума.

Пѣвецъ, несомнѣнно, на сторонѣ валашки и заканчиваетъ балладу такъ: †

Вору фла, јор ј' овако било, —

показывая этимъ, что несправедливость наказана. Такъ или иначе, но несомнѣнно и то, что эта баллада одна изъ самыхъ старыхъ †). Послѣ этихъ двухъ жертвъ до жертвъ строящемуся мосту или вообще заданію всего одинъ шагъ.

За то сближеніе или связь между Маноило болгарско румынскихъ балладъ и разказовъ и мастеромъ Маноило сербской баллады „Мастор Манојло“ ‡) несомнѣнно. Послѣдняя основана на мотивѣ о женскомъ лукавствѣ, извѣстномъ и въ болгарской народной поэзіи, но только съ другимъ именемъ героя §). Съ этою балладой находится въ нѣкоторой связи и вышеприведенная „Кумовање Грчиѣа Манојла“. Но мастеръ Маноило не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ этой редакціи балладъ о построеніи мостовъ съ человѣческими жертвами, какъ къ первой редакціи о постройкахъ вообще съ человѣческими жертвами, при разсмотрѣніи которыхъ будетъ принята во вн-

†) *Дорѣевић*, „Братки прегледъ ериксихъ народныхъ песама“ въ сборникѣ, издаваемомъ обществомъ св. Савы въ Вѣлградѣ, „Браство“ III. У Воюграду. 1889, стр. 206—207; ср. стр. 216—217.

‡) *Караишић*, Ср. в. пјесме, III, стр. 322—327.

§) *Чолаковъ*, Вѣлгарски народенъ сборникъ. I. Вѣлградъ. 1872, стр. 300—302 (№ 42); *Коравелловъ*, Сѣчменска. I. Руссе. 1885, стр. 216—216 (№ 58).

маніе и баллада „Майстор Манојло“. За то болгарская пѣсня о Майсторчѣ Манѣ, построившемъ въ Солунѣ высокую башню ¹⁾, имѣетъ тѣсную связь съ румынской балладой: *Mestaru! Manoli!*; эта болгарская пѣсня даетъ прекрасную аналогію съ эпизодомъ о смерти Маноли въ послѣдней.

По своей концепціи и по даннымъ, какія представляетъ румынская куцовлашская баллада о построеніи моста на Артѣ (*Cânticleu a puntelei de Narta*) ²⁾, послѣдняя относится къ одному же разряду съ греческими; но она совершенно отличается отъ нихъ по своей полнотѣ и по обстоятельному изложенію подробностей. Здѣсь является даже вступленіе, несомнѣнно, позднѣйшаго времени, имѣющее почти то же значеніе, какое имѣетъ вступленіе въ сказкахъ; оно не даетъ понятія о содержаніи пѣсни, но какъ бы предрасполагаетъ окружающее общество къ слушанію:

Fetele a Arzmașiloru,
 Giobilă a tătășiloru!
 Ia învesceși-vă cu giupele,
 Giupele cu nasturii
 Să vă arăsească maisturii ³⁾,
 Maisturii cu tehne arăuă,
 'Sî luară Scodra și cu Morăuă ⁴⁾.

Послѣ этого баллада начипается чисто, какъ сказка:

'Sî eră trei maisturî alăvdatî,
 Si amênțrele 'sî erău fratî
 Pe masturii multă' nvetatî;
 Sî amênțrelli 'sî erău' nsurati.
 De multă maisturii țe eră,
 La totî numa-lă s'avdia;
 Câte lucre grălle eră,
 Ellî putea de le adărră ⁴⁾.

За этимъ разказывается, что однажды „пришелъ одинъ человекъ и вовелъ всѣхъ трехъ братьевъ къ царю“, но къ какому,— не сказано.

¹⁾ *Миладиновци*, Български народни пѣсни, стр. 428—529 (№ 424).

²⁾ *Petrescu*, *Moștre de dialectul macedo-românii*. II. Bucur. 1882, стр. 84—94.

³⁾ Тамъ же, стр. 84: „Румынскія дѣвушки, молодицы отцовъ! Надѣньте мастамъ, мастамъ съ пуговицами, чтобы понравились мастерамъ: мастерамъ съ хорошими ремесломъ; они отправлялись въ Скутари и Морю“.

⁴⁾ „Были себѣ три славныхъ мастера и къ тому они еще были братья, въ мастерствѣ очень наученные; при томъ они были женаты. Они были такіе мастера, что всѣмъ были лавѣтны ихъ жена; сколько бы трудныхъ дѣлъ ни было, они всѣ могли исполнить“.

Они всё отправились вместе; шли они всю ночь въ лунное время. Пришли къ царю и, поклонившись, спрашиваютъ его съ большими любезностями:

Çe urăesci tu de la noi?
Noi himă omenı, sclavhı a teı !).

Царь имъ говорить:

Eă am avdită ti voi,
Că hiti maisturı multă arăi.
De la mine çe căftatı,
Puntea de Narta s'nă adăratı.
Ma sē nu putetı s'nă adăratı.
Sē scitı că vhiı nu ascăpatı !¹⁾.

Мастера просятъ три дня на размышленіе, послѣ котораго они даютъ царю отвѣтъ:

Puntea aistă s'nă adărăm,
Septe ańi chero căftăm.
Icı sē hibă si sē lipsescă
Amirălia sē hărginescă.
Noi, sclavhı a teı sē himă,
S'nū ne alası tea să ne jilim.
Tu xenea aistă çe himă.
Fumeille vrem se nē le adducem,
Pe ningă noi sē nē le avem....²⁾.

На это имъ царь говорить:

Tute aiste çe căftat,
Eă ve le daă cu giurat.
Punte sănătósă voiă,
Că vē talliă treilli ca oı!....³⁾.

¹⁾ „Что ты желаешь отъ насъ? Мы люди—твоя раба“.

²⁾ „Я узналъ объ васъ, что вы ужасные мастера. Что же вы отъ меня хотите, чтобы построить мостъ на Арта? Но если вы не сможете его построить, то знайте, что вы живыми не оставитесь“.

³⁾ „Уже семь лѣтъ какъ мы нарочно хотѣли, какъ бы построить этотъ мостъ. Что будетъ нужно и необходимо, государство чтобы приняло на свой счетъ. Мы будемъ твоими рабами; но ты чтобы насъ не оставилъ на что-либо жаловаться въ этой чужбинѣ, въ которой мы находимся. Мы желаемъ привести своихъ женъ, чтобы онѣ были при насъ“.

⁴⁾ „Все то, чего вы желаете, я вамъ съ клятвою даю. Только я хочу, чтобы былъ хорошій мостъ, иначе я васъ поѣду, какъ овецъ“.

Послѣ этого они всѣ трое отправились за своими женами, которыя находились въ Нантѣ, въ горахъ; оттуда перевезли ихъ въ Арту. Затѣмъ они взялись за работу. Прежде всего они приготовили мѣсто для моста, выкопали основанія и укладывали камни. Но что они дѣлали за цѣлый день, то за ночь вода уносила. Такимъ образомъ проходилъ уже шестой годъ, но мостъ еще не выстроивался. Стали они и думать, и слезами обливались, такъ какъ приближался уже срокъ. Но однажды по утру, рано, старшій мастеръ, когда умывалъ себѣ лицо, во дворѣ, гдѣ онъ ходилъ, замѣтилъ, что летаетъ птица, которая прилетѣла туда и сѣла на вѣтку дерева; она все на мастера смотрѣла, жалобно чиркала и такъ ему говорила:

Maŭmare, eé nu te jilescŭ,
Ma 'eé vreŭ lucră eé bitiescŭ,
A miclul frate n'vestă se luatŭ,
Tu themellie s'ul băgatŭ.
Invhie, invhie s'ul anvelitŭ
Jele si milă eé nu munitŭ !)

Когда старшій мастеръ услышалъ то, что сказала птица, у него сердце раздиралось, и сталъ онъ плакать, такъ какъ очень любилъ младшую невѣстку. У нея было маленькое дитя, которое еще на ноги не становилось и съ нею не разлучалось; его звали Константиномъ. Сокрушался старшій мастеръ и не зналъ, что дѣлать. Наконецъ онъ рѣшилъ, что такъ Богомъ опредѣлено:

Puntea aistă tea s'ul adarŭ,
Lipsă nor ma mică eé moră... !)

Послѣ этого онъ распорядился дома, чтобы младшая невѣстка приготовила хорошій обѣдъ и принесла его мастерамъ сама. Приказано—сдѣлано. Она встала рано, разбудила свое дитя, накормила его хорошо грудью и затѣмъ опять уложила спать. Потомъ она убралась и одѣлась и отправилась къ мосту. Она была очень весела, когда несла обѣдъ. Пришедши къ мастерамъ, она обратилась къ нимъ съ такими словами:

Voŭ, maŭstare, ah, voŭ maratŭ!
Cu mbăretă ce lucrătŭ!

1) „Набольшій, не печалься. Если ты хочешь покончить дѣло, то возьми жену младшаго брата, поставьте ее въ основаніи; тогда, тогда ее заройте ч не показывайте ни жалости, ни милости“.

2) „Чтобы построить этотъ мостъ, должна умереть самая младшая невѣстка“.

Iu e puntea ce adărat,
Săse aŃY întregY ce lucrat?...¹⁾

Мастера ей отвѣчаютъ:

Dămnă si noi ne ciudissime;
Puntea dănda nă ahurhimă,
Dia si năpte totY lucrămmă,
Si nu putem tea s'ua 'mprustăm.
MăYmarlu nă dimăndă,
Cu giurat nă spregiură:
AstădY prăndu cae s'adducă,
Să nu 'l'alkăm tea să 's'i fugă;
Tu hemăllie s'lu băgăm,
Puntea să putem s'ua adăram²⁾...

Но она, бѣдная, не догадалась, о чемъ ей говорятъ мастера; она посмотрѣла на своего мужа, который—видѣла она—все плачетъ, и жалобно его спрашиваетъ:

Vrutlu a meŃ gione si bărbat,
Voit s'mi spuŃY 'ndrept si curat,
Ti ce plângY si lăcărmedY?
Spune 'mY 'ndrept, asi 'mY bănedil...³⁾

Мужъ ей отвѣчаетъ:

Vrută, suschirarea a mea,
Nu este altu ceva;
Imi cădit 'nelu vruta a mea,
Tu area grăpă, si treci de 'l lăel..⁴⁾

Она вошла туда, какъ ей приказалъ мужъ; ходила и искала кольца, не зная, что съ нею можетъ приключиться. Но въ это время мастера живо взялись за работу; они безъ милосердія задѣлали ее

¹⁾ „Вы, мастера, ахъ, вы бѣдные! желаю вамъ успѣха въ вашей работѣ! Гдѣ же, однако, мостъ, который вы строите уже шесть лѣтъ?“

²⁾ „Оудармия, я ны удивляемся; съ какого времени ны начали строить мостъ, день и ночь, все мы работаемъ и все не можемъ его поднять. Наибольшій нашъ приказываетъ и заставляеть насъ покаяться: „Кто принесеть сегодня обѣдъ, чтобы мы того не оставили, чтобы онъ ушелъ, но поставить его въ основаніи, чтобы мы могли поднять мостъ.“

³⁾ „Любвиный мой молодецъ и мужъ, я желаю, чтобы ты мнѣ сказалъ прямо и вѣрно, отчего ты плачешь и проливаешь слезы; скажи мнѣ правду. Заключишь тебя (чтобы ты столько жилъ)!“

⁴⁾ „Любвиная, стоимъ мои не отъ чего-либо другаго, какъ отъ того, что ушло мое кольцо, моя любвиная, въ эту яму, и ты спустишь и достать мнѣ его.“

каплями въ основаніи. Она, бѣдная, кричала и просила ихъ жалостно, но ничего не помогло. Тогда въ отчаяніи она:

Căruile 'si le dipiră,
Perli din cap 'si ațurea ¹⁾.

Никто не хотѣлъ ея слушать. Видя, что все напрасно, она что есть мочи закричала имъ и говорила:

VoI, maisturī, ah, voI mărătI!
Pe un graiū s' m' ascultati,
Va sē vē dicū ningă 'nă ōră,
Titīa sē mī albeatī 'nafarā,
Natlu de fōme s'nu 'mī mōrā.
Ia pitriceti sē 'mā 'l adducă,
Tea sē 'l bagū pe titīa sē sugă.
Că e mīcū si ne-crescut,
Ne 'mprustat, mult minut.
Cum trēmbur mine mărata,
Sē trēmbură si puntea de Narta!
Casi călătorī va si 'si trecă.
Cama multī sē 'si se 'necă;
Căti per'ū cap mine 'mī am,
Ahătī ōmenī se s'necă tr'anī ²⁾

100

Какъ видно изъ этого наложенія содержанія пѣсни, румынская версія въ отношеніи подробностей не представляетъ почти ничего такого, чего не было бы въ греческой версiи. Но въ то же время она представляетъ нѣсколько сходныхъ чертъ съ сербскою балладой о построеніи Сквадра (Скутари) на Боянѣ и отчасти съ болгарскою о построеніи Тирузы града въ Пазарджикѣ, съ румынскою о построеніи Куртя д'Арджешъ и съ савскою о построеніи города Дева въ Трансильваніи. Эти сходныя черты являются только во второй половинѣ баллады.

Въ болгарской балладѣ Манулъ или Маноль, не предупреждая своей жены Тутурки объ опасности, между тѣмъ какъ его товарищи

¹⁾ „Сдирала съ себя части тѣла (меса), волосы съ головы рвала“.

²⁾ „Вы, мастера, ахъ, вы бѣдние, только одно слово мое послушайте. Я вамъ скажу еще одинъ разъ: грудь мою оставьте открытою, чтобы ребенокъ мой не умеръ отъ голода; пошлите-ка принести мнѣ его, чтобы я дала ему грудь поесть, такъ какъ онъ малъ и не выросъ, на ноги не поставленъ, еще крошка. Какъ я, несчастная, дрожу, такъ чтобы дрожалъ и мостъ на Арта. Изъ тѣхъ путниковъ, которые будутъ проходить по нему, чтобы большая часть утонула, сколько у меня волосъ на головѣ, столько людей чтобы утонуло въ годъ“.

предупредили своихъ женъ, приказываетъ ей, какъ набольшій самой младшей невѣсткѣ въ куповлашской балладѣ, приготовить обѣдъ и принести его на постройку; онъ говоритъ:

Тудорки, люби, Тудорки!
 Да станешь рану въ пундѣльникъ,
 Вѣче си ризи улири,
 Увирри, люби, замажи,
 И сарай дори пумяти,
 И се дѣтиту укъни;
 Убѣда тугисъ наугтви,
 На кале хлѣбъ да дунесешъ ¹⁾.

Далѣе болгарская баллада представляетъ нѣкоторое сходство съ куповлашскою и въ изображеніи проворности Тудорки при приготовленіи всего того, что нужно было сдѣлать въ домѣ, чтобы поскорѣе или, вѣрнѣе, во-время отправиться съ обѣдомъ на постройку.—

„И Тудорка гу послуша.
 Станала рану въ пундѣльникъ.
 Упрала и замазала,
 И сарай дори пумела,
 И си дѣтиту укъна;
 Чи си наотви убѣда
 На кале ша си завеси ²⁾“.

¹⁾ *Вончезъ*, Сборникъ отъ български народни пѣсни. Варна. 1884, стр. 32; ср. въ румынск. балладѣ, гдѣ Маноли пишетъ много своей женѣ Калга, какъ и первый мастеръ въ первой греческой балладѣ, посылаетъ его чрезъ своего слугу:

„Drăgută Carlea,	Ia să mi-te-arpueŃ,
Sociora mea,	La taistă să'Ń ducŃ
AŃ ună bom bălană	Si din carnea lui
Oe'Ń pierdut d'unu anu.	Bucate să 'mŃ facŃ
Ia se'mi-te seolŃ	La zidu să 'mŃ aducŃ
CrangurŃ să'mŃ reaseolŃ.	Pe noru si pe cétă
De l'ŃŃ nemeri,	JoŃ de diminétă.
Si de l'ŃŃ găsi,	

Teodorescu, *PoesiŃ populare române*. Bucur. 1885, стр. 464. Что представляетъ въ данномъ случаѣ сажека веревка, шнуръ, въ сожальникъ, не известно, такъ какъ я не вижу баллады подъ руками. Но, по всей вѣроятности, и здѣсь мужъ даетъ женѣ порученіе, суда по тому, что онъ рассказываетъ своей солнѣ и предупреждаетъ ее внимъ объ опасности. *MilanaŃ*, *Az árgesi zárda mondájá és annak egy hunyadmegyei variációja* въ *A dévai m. kir. állami fõreálkola tozannegyedik évi értesítõje* аз 1880—1885 *tanévtõl*. Déván. 1885, стр. 3.

²⁾ „И Тудорка его послушала. И стала рано въ понедѣльникъ; вытирава

Еще рельефнѣе выражено это стараніе въ румынской балладѣ:

Mândra de Caplea
 Ea mi-se scula
 JoÏ de diminétiã
 Pe noru si pe cétia,
 Cu roua 'n spinare,
 Cu bruma 'n picioare.
 Boulu cânta,
 Boulu cã gâsã,

Boulu cã 'mÏ taia,
 Bucate 'mÏ gătia
 Si la zidu plesa,
 La zidu in departe
 Sã ducã bucate.
 Sóre cându lucia,
 Caplea cã 'mÏ zorã
 Si s'apropia ¹⁾).

Такое же стараніе и поспѣшность я предполагаю и въ сакской балладѣ ²⁾.

Наконецъ, болгарская баллада представляетъ единственный примѣръ мотива кольца, которое является во всѣхъ греческихъ балладахъ и куцовлашской и, по всей вѣроятности, было и въ албанской версїи, какъ увидимъ ниже; при этомъ она въ деталяхъ представляетъ больше сходства съ греческими балладами и до нѣкоторой степени съ сербскою,—только въ послѣдней Гойко отворачивается отъ своей жены послѣ привѣтствія. Болгарская баллада разказываетъ:

„Какъ ми е видялъ Мануль,
 Наклюнилъ калпакъ ду вѣжди,
 Уронилъ сълзи два рѣда.
 Къль гу-й видяла Тудорка,
 Тудорка дума Манолу:
 „Маноло, люби, Маноло!
 Що ти-й зулумъ, та плачешъ?“
 Манолъ Тудорки думаша:
 „Тудорки, люби Тудорки!
 Прѣстовъ ми вадна въ калету,
 Прѣстена згуденишеша;
 Флявашъ ли да гу-язвадишъ?“

бѣлье и вымыла домъ и даже дворъ помела, и выкунала дѣти; потомъ она приготовила обѣдъ, который она отнесетъ на крѣпость³⁾. *Божество*, стр. 32—33.

¹⁾ *Theodorassi*, стр. 464: „Красивая Капли,—она встала въ четвергъ чуть свѣтъ, еще во время тумана и въ сумеркахъ, когда падала еще роса (съ росой на снѣгъ) и не снялся-было иней (съ инеемъ въ ногахъ); вола она искала и вола нашла, вола зарѣзала, кушанье приготовила и къ постройкѣ отправилась, къ постройкѣ далеко, чтобы нести кушанье. Когда солнце засіяло, Капли едва халъ зари принялась и приближалась. Ср. отвѣтъ Гойковицы въ сербской балладѣ о построении Садра. Караѿић, Српске народne pjesme, кн. II. У Бечу. 1875, стр. 121; Караѿић, Дѣла. Кн. I. Београд. 1887, стр. 126.

²⁾ Ср. *Maitland*, op. c. et l. c.

Тудорка дума Маногу:
 „Мълчи, Маноле, не плачи
 Авъ флявамъ да гу извади“.
 Чи си Тудорка свѣраахъ,
 Оъ тѣни нови сижиня,
 Чи я въ калету спуснахъ.
 Пуснахъ, заградихъ я.
 Тугась са кале задѣржа ¹⁾.

Сербская баллада, представляя тотъ же мотивъ, въ подробно-
 стяхъ выводитъ дѣло иначе, и между прочимъ виѣсто кольца яв-
 ляется золотое яблоко. Вотъ какую картину она рисуетъ:

Кад је била на воду Бојану,
 Угледа је Мраавчевић Гојко,
 Јунаку се срце ражало,
 Жао му је љубе вијернице,
 Жао му је чеда у кол'јевик
 Ђе остаде од мјесеца дана,
 Па од лица сузе просинаше;
 Угледа га танана невјеста,
 Кротко ходи, док до њега приђе,
 Кротко ходи, тихо бесједаше:
 „Што је тебе, добри господару!
 Те ти равни сузе од образа?
 Ал' говори Мраавчевић Гојко:
 „Жло је, моја вијернице љубо!
 Имао сам од алата јабуку,
 Па ми данас паде у Бојану,
 Те је жалим, прегорет' не могу,
 Не сјећа се танана невјеста,
 Но бесједи своје господару:
 „Моли Бога ти за своје здравље,
 А спиднеш и бољу јабуку.
 Тад' јунаку грђе жоо било,
 Па на страну отвратно главу,
 Не шће више ни гладати љубу ²⁾).

¹⁾ „Какъ только увидѣлъ ее Мануилъ, навелъ свою шапку до бровей, обви-
 вался слезами въ два ряда. Какъ только увидѣла его Тудорка, — Тудорка гово-
 ритъ Маногу: Маноле, мълчи, Маноле, какал тебе постигла бѣда и плачемъ. Ма-
 нолъ говоритъ Тудоркѣ: „Тудорка, мълчай, Тудорка, кольцо мое упало въ осно-
 ваніе крѣпости, кольцо обручальное; войдешь ли ты, чтобы его достать?“ Ту-
 дорка говоритъ Маногу: „Мълчи, Маноле, не плачь; я войду и достану его“. Потомъ
 Тудорку свлазали новыми тонкими бичевками, и спустили въ основаніе крѣпо-
 сти, спустили и задымали. Тогда крѣпость удержалась“.

²⁾ *Корачић*, Ср. и. к. II, стр. 121—122; *Дјела*, I, стр. 127. „Когда она была у

Наконецъ, еще одна черта кудовлашской баллады является сходною съ румынской, болгарскою, сербскою и сакскою, а именно во всѣхъ балладахъ является дитя или ребенокъ, котораго нѣтъ ни въ одной греческой, ни въ боснійской. Кромѣ сакской баллады, во всѣхъ остальныхъ ребенокъ играетъ пассивную роль; въ румынскомъ вариантѣ у Александры дитя какъ будто еще не родилось; по крайней мѣрѣ, такъ можно заключить изъ слѣдующихъ словъ баллады.

Manole, Manole,
Mestere Manol!
Zidul reu mē stringe,
Titisóra-mi plānge,
Caplăsu—mī frānge! ¹⁾

Между тѣмъ въ сакской балладѣ дитя играетъ довольно активную роль. Когда возвращается домой Келеменъ Кемивешъ, дитя спрашиваетъ ее, гдѣ его мать. Его отецъ даетъ ему сперва уклончивый отвѣтъ, а потомъ говоритъ ему всю правду; въ разговорѣ между отцомъ и сыномъ проявляется жалость о погнбелн матери и жены ²⁾. Кромѣ того, въ трансильванскомъ вариантѣ румынской баллады и въ сербской, какъ и въ кудовлашской, отмѣчено имя дитяти: въ послѣдней оно названо Константиномъ, можетъ быть, даже не случайно, а по

самой Вонны, увидѣлъ ее Гойно Мерлячевичъ; у молодца сердце разжалосось, — жаль ему вѣрной няной, жаль ему ребенка въ колыбели, не больше мяска и у него подлились слезы изъ глазъ. Увидѣла его стройная молодая жена; не гордо она идетъ, пока къ нему приближается, не гордо идетъ и кротко говоритъ: „Что съ тобою стало, добрый господинъ, что у тебя льются слезы по лицу?“ Говоритъ ей Гойно Мерлячевичъ: „Не хорошо, моя вѣрная любя! Было у меня золотое яблоко, и оно сегодня упало въ Вонну, и не могу его забыть, и потому я такъ печаленъ“. Недогадывается стройная жена; она говоритъ своему мужу: „Моли Бога ты за свое здоровье! Ты себя найдешь другое лучшее яблоко!“ Тогда юнгу еще болѣе стало жалко; онъ отвернулъ въ сторону свою голову, не хотѣлъ больше смотреть на свою любя“.

¹⁾ Poesiŭ populare ale Românilor. Buc. 1866, стр. 190: „Manol, Manol, mestere Manol! Stîna tareasa mea dăvîta, gîndul u meu plînge, bebelușul meu dușina“. Ср. *Teodorovsk*, Poes. popul., стр. 466:

Manole, Manole,
Mestere Manole,
Zidulŭ reu mē stringe,
Titisóra'mi. surge,
Caplăsu'mi plānge“.

²⁾ *Maïland*, Az árçesi zárda mondája . . . , стр. 4.

какому-либо народному припоминанію, а въ первыхъ—Іоанномъ. Въ румынско-трансильванской балладѣ такъ проситъ жена мужа:

Manole, Manole!
Nu mă omorî!
Că săracul Ionel
Plânge a-casă na legînat,
Nici nu l'am lăptat;
Nici nu l'am scîldat ¹⁾.

Что отвѣтилъ на это мужъ, мнѣ не извѣстно, такъ какъ этотъ вариантъ еще не напечатанъ; но въ балладѣ у Теодореску онъ отвѣчаетъ ей:

Corilasula tătă,
Pruncisorulă mău,
Vadă'lă dumneieă.
Tu cum Pa'i lăsată
In pat desfăsată,
Dinele c'oră trece,
La elă s'oră întrece,
Si l'oră arleca,
Titiă că l-oră da;
Ninsore d'o ninge,
Pe elă mi l'o unge;
Ploi cîndă oră ploa,
Pe elă lóră scîlda;
Vântă cîndă a sufla,
Mi-l'o legăna,
Dulce legănare,
Pên' s'o face mare! ²⁾

Впрочемъ едва ли этотъ общепѣсенный мотивъ былъ и въ вариантѣ. Совершенно сходны кудовлашская баллада съ сербскою въ просьбѣ жертвѣ оставить ей груди открытыми; въ послѣдней Гойковица такъ говорить водчому Раду:

Богом брате, Раде немарей
Остави ми прозор на дойкама,

¹⁾ Тамъ же: „Манолы, Манолы! Не убивай меня! Потому что Іонель (Вашъ) плачетъ дома не убаюанный; а его и не накормила грудью, и не выкупала“.

²⁾ *Teodorescu*, *Роса. popul.*, стр. 467: „Дитятво твое, ребеночка моего пусть Богъ призраетъ. Какъ ты его оставила на постели не всплеснутымъ, пройдути никем (русалии) и къ нему поспѣшать: его приглубить, грудь ему дадутъ. Если снѣгъ пойдетъ, его помажетъ; когда дожди пойдуть, его выкупаютъ; когда вѣтеръ поветъ, его валюютъ въ владномъ холмканіи, хона онъ не сдѣлается большимъ“.

Истурн ми моје б'јеле дојке,
 Каде дође мој нејакн Јово,
 Каде дође, да подоја дојке ¹⁾).

Въ куцовлашской балладѣ слѣдуетъ за этимъ заклинаніе и ничего не говорится о томъ, какъ была исполнена просьба жертвы; но сербская баллада разказываетъ все до конца, что водчій Раде исполнилъ ея просьбу для того, чтобы „нејакн Јован“ могъ сосать грудь, и что случилось потомъ съ жертвой.

Албанская версія въ разказѣ „о лисьемъ костѣ въ Дибрѣ“ (на границѣ сѣверо-западной Македоніи и Албаніи) ²⁾ принадлежитъ къ одному разряду съ греческими и куцовлашскою. Содержаніе разказа слѣдующее: Жили-были три брата, женатые, по ремеслу котельщики. Валялись они строить мостъ; строили они его три года, но никакъ не могли достроить: всѣ мѣри, принимаемыя ими, не приводили къ желаемой цѣли. Разъ приходитъ къ нимъ старикъ. „Добраго уснѣха, мастера“, привѣтствуетъ онъ ихъ. „Добраго счастья и тебѣ, добро пожаловать. Вотъ уже три года, какъ мы работаемъ надъ этимъ мостомъ; но трудъ напрасный: мы его не можемъ достроить“. „Дѣти мои, я вамъ дамъ совѣтъ. Вы поклянитесь другъ другу, что вы не скажете своимъ женамъ: вы обречите на жертву живую женщину,—одну изъ вашихъ женъ, которую задѣлаете въ основаніе, и тогда мостъ удержится; иначе сколько бы вы ни старались, трудъ вашъ будетъ напрасенъ: мостъ цикогда не устоитъ...“ Въ концѣ концовъ первые два брата разказали своимъ женамъ для того, чтобы тѣ были осторожны. Только меньшей братъ сохранилъ тайну и не сказалъ женѣ. Пришло наконецъ время обѣда. Старшая изъ невѣстокъ обращается къ средней и проситъ ее, чтобы она отнесла обѣдъ мужьямъ; но послѣдняя отвѣчаетъ, что она имѣетъ стирать бѣлье. Тогда она обращается къ младшей невѣсткѣ; но эта говоритъ, что у нея дитя плачетъ. „Пожалуйста, пожалуйста“, стала усовѣщивать невѣстка,—„я сама буду присматривать за ребенкомъ“. Не могла младшая невѣстка больше ничего выдумать и отправилась къ мосту. Ея мужъ, какъ только завидѣлъ ее издали, залился слезами,

¹⁾ *Керацић*, Ср. и. н., II, стр. 123; *Джеле*, I, стр. 129: „Ради Бога, братъ Раде водчій! Оставь мнѣ у груди отверстие, выведи мои бѣлые груди; когда придетъ мой нѣжный Јово, когда придетъ, чтобы онъ могъ сосать грудь“.

²⁾ *Dogon, Contes albanais, recueillis et traduits. Paris. Leroux. 1881, стр. 255—257.*

и тѣмъ она ближе подходила, онъ все болѣе отдалялся. По приходѣ туда, она поздоровалась съ своими деверьями; они ей сказали: „Слу-стись сюда въ основаніе; здѣсь ты будешь задѣлана наглухо“ (коетоу е разое-ка тееное)¹⁾. Бѣдная женщина просила ихъ оставить отвер-стіе въ стѣнѣ для того, чтобъ она могла кормить грудью свое дитя. Они оставили дыру, чрезъ которое текло или шло для дитяти молоко, которое какъ до смерти молодой жены, такъ и потомъ являлось въ изобиліи. Впослѣдствіи вмѣсто молока стала течь вода, которая обра-зовала постоянный источникъ. Такимъ образомъ мостъ удержался²⁾.

Несомнѣнно, что этотъ разказъ возникъ изъ разрушенной пѣсни, отъ которой осталось уже очень немного, и которая одна ли могла явиться на почвѣ албанской народной пѣснѣ; я склоненъ думать, что къ албанцамъ она перешла отъ сербовъ и уже въ довольно позднее время, судя по концу, который есть буквальный переводъ съ сербскаго языка:

По нещельи и изгубила гласа;
Ал' ђетету онђе иде рана,
Дојмише га за годину дана.
Како таде, тако и остаде,
Да и да нас онђе иде рана
Зарад' чуда, и зарад' лијека,
Која жена не има миљека³⁾.

Само собою разумѣется, что эти стихи въ сербской балладѣ при-бавлены впослѣдствіи. Это всего лучше видно изъ болгарской пере-дѣлки сербской баллады; болгарская передѣлка оканчивается объясне-ніемъ Гойковича жонѣ причины его скорби:

Имао самъ одъ азато ябылко,
Те ми снаде дапесъ у Воину,—
Те го жалимъ, преболье не могу⁴⁾.

¹⁾ Довольно переводить эту оразу такъ: „Сар c'est loi que tu l'as lit“, замѣ-чая при этомъ, что это „phrase obscure“. Ср. с., р. 257.

²⁾ Ср. албанскую версию построения Скутара у *Кид'а*, *Anthologie*, стр. 260.

³⁾ *Караѣић*, Ср. в. и. II, стр. 124: „Чрезъ нещелью она потеряла голость; но дитяти тогда шель корми; его кормила молокомъ матери цѣлымъ годъ. Какъ тогда, такъ и выиъ осталось, такъ что и теперь идетъ корми (молоко) для чуда и для лѣкарства, если кака-либо женщины не имѣеть молока“.

⁴⁾ *Лачковскій*. Пмятаники народа. болгарскаго творчества. В. I. С.-Пб. 1882, стр. 254: „Я имѣлъ золотое ябылко, которое теперь ушло въ Воину, и мнѣ шаль его; я его не могу забыть“.

Что албанскій разказъ образовался изъ пѣсни—видно изъ того, что одинъ его пассажъ еще сохранился въ стихахъ, а именно совѣтъ старика ¹⁾. Этотъ старикъ составляетъ особенность албанской версии; онъ замѣняетъ видъ сербской и болгарской балладъ или вѣщунью-птицу греческихъ и сакской, или таинственный голосъ румынскихъ балладъ. Слѣдовательно, старикъ есть выразитель понятія вѣщаго; внахара, образъ, извѣстный народной поэзіи вообще. Въ данномъ случаѣ этотъ старикъ вводитъ соотвѣтствуетъ путникамъ или странникамъ баллады изъ восточной Болгаріи:

Пѣтници въ пѣтя врѣвяха,
 Чи на Маноли думаха:
 „Ой ми та теби Маноли! и проч.
 Маноля нмъ утгуварени:
 „Пѣтници кале-друмници,
 Чи на питати да кажа:
 Заградихъ града гулама,
 Гулама града широка,
 Дѣлоба града Тирюза“ и пр.
 Пѣтница тихомъ говоритъ:
 „Ой ми та теби Маноле!
 Кале си курбанъ ищеша“ ²⁾.

Итакъ, балладу о построеніи моста съ человѣческой жертвою по извѣстнымъ въ настоящее время даннымъ мы находимъ почти только на Балканскомъ полуостровѣ, почти у всѣхъ живущихъ тамъ народностей. Изъ этихъ народностей всего болѣе распространенъ у грековъ и у сербовъ, но развитъ или разработанъ этотъ сюжетъ только у сербовъ и куцовлаховъ. Въ какомъ отношеніи находятся греческія баллады къ другимъ, я уже показалъ выше, и на основаніи этого сравненія я склоненъ думать, что онѣ едва ли могли возникнуть на почвѣ греческой народной поэзіи, а скорѣе могли перейти извнѣ. Прямыхъ доказательствъ, конечно, въ настоящее время трудно найти; но можно указать аналогичное явленіе въ южно-славянской народной поэзіи. Въ данномъ случаѣ я имѣю въ виду бол-

¹⁾ *Долов*, оп. с., стр. 256, прил. 1.

²⁾ *Болчовъ*, Сборникъ, стр. 31—32: „Путники шли по дорогѣ; и Манолю они говорили: „Ужъ ты гои еси Маноле! и проч. Маноля нмъ отвѣчалъ: „Путники, добрыя путешественники (кале друмници—χαλοδρομῆται), когда меня спрашиваютъ, я вамъ скажу: „Заломилъ я крѣпость (градъ) великую, крѣпость великую и широкую, высокоствѣнную (дѣлоба) крѣпость Тирзу... Путники кротко говорятъ: „Ужъ ты гои еси Маноле! крѣпость жертвы хотѣла“ (чит.: хочеть).

гарскій пересказъ сербской баллады о построении Скадра на Боянѣ ¹⁾, пересказъ, который по своему исполнению или, вѣрнѣе, по характеру выполненія, во многомъ походитъ на греческія баллады. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить сербскую балладу съ сербскимъ пересказомъ и греческія со стороны выполненія. Какъ въ болгарской, такъ и въ греческихъ, мы видимъ недомолвки, недосказанность мысли, неполноты образа или картины и т. п.

Что же касается сербо-боснійской баллады, то, какъ я замѣтилъ выше, она относится къ разряду сербской баллады „Знаѣе Скадра“: сюжеты здѣсь одинаковы, только мотивы отчасти варіированы, особенно въ первой части. За то есть у нихъ и сходныя черты: вилла, водчій (вонмар), хотя съ разными именами; въ разказѣ о мастерѣ моста Раде, какъ и въ сербской, а главное — два одноименныхъ лица братъ и сестра, Стоя и Остоя, въ разказѣ о Мостарскомъ мостѣ: Стоянъ и Стоя, какъ въ сербской балладѣ:

Иди, сине, преко б'јела св'јета
Те ти тражи два слична имена,
Тражи, сине, Стоју и Стојана,
А обоје брата и сестрицу ²⁾.

То же почти находимъ въ несомнѣнно искаженной Миловичемъ балладѣ о построении Охрида (Граѣеъ Орида); тамъ между прочимъ вилла говоритъ:

Чу ли море вонмар Манойло!
Нећеш море савизати града.
Ни извести твоје русе главе,
Док не нађеш Стојну и Стојана,
Док не нађеш два слична имена,
Два имена брата и сестрицу,
Два имена слична и обична.
Ако не нађеш Стојну и Стојана,
А ти мораш Милу и Милена! ³⁾.

¹⁾ *Кичаноскиѣ*, оп. с., № 120, стр. 248—251; № 121, стр. 251—254; *Миланоскиѣ*, Вѣлгарски нар. пѣсни, стр. 253—254 (№ 162); *Илисаѣ*, Сборникъ отъ народаи умотворениа, обичаи и др., I отд., кн. I. Соопна. 1869, № 304, стр. 366—367.

²⁾ *Лараѣиѣ*, Ср. и п., II, стр. 116; *Дјеза*, I, стр. 122.

³⁾ *Миланоскиѣ*, Песни и обичаи укупног народа србског. I кн. У Београду. 1869, стр. 216: „Слмшалъ ли ты, водчій Манойло! Не сможешъ выстроить города, не иынести тебя своей русской головой, пока ты не найдешь два похожихъ имени, два имени, брата и сестрицу, два имени похожихъ и любимыхъ. Если ты не найдешь Стојни и Стояна, то долженъ найти Милу и Милена“.

Въ то же время сербско-боснійская баллада, а также и разказы, представляютъ и особенности, которыхъ нѣтъ въ другихъ изъ приведенныхъ выше, а именно нахождение брата и сестры съ одинаковыми именами и задѣлываніе ихъ въ стѣну: тогда какъ по сербской балладѣ такія двѣ личности не отыскиваются. Такимъ образомъ, этотъ мотивъ въ послѣднемъ случаѣ представляется въ нѣсколько другой обстановкѣ или видѣ. Несомнѣнно вообще балладу о построеніи мостовъ съ человѣческой жертвою при обсужденіи вопроса о мѣстѣ ея возникновенія слѣдуетъ разсматривать въ связи съ балладами о постройкахъ вообще съ человѣческой жертвою. Но даже и при такой постановкѣ вопроса въ настоящее время едва ли можно рѣшить вопросъ: гдѣ возникла первоначально эта баллада, у сербовъ или румыновъ?

И. Сырму.

(Окончаніе слѣдуетъ).

С. А. Венгеровъ. Кратко-биографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). Томъ I-й. С.-Пб. 1886—1889.

Въ концѣ минуваго года вышелъ въ свѣтъ 21-й выпускъ новаго словаря русскихъ писателей и ученыхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ закончился первый томъ этого обширнаго труда, предпринятаго г. Венгеровымъ. Въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ задуманъ словарь, онъ затмѣваетъ собою всѣ бывшія у насъ до сихъ поръ изданія въ этомъ родѣ и обѣщаетъ дать все, что можетъ пожелать любознательный читатель, интересующійся судьбами русской образованности. Являются только невольныя сомнѣнія въ томъ, будетъ ли это предпріятіе когда-либо доведено до конца. Опасенія эти не покажутся неосновательными, если принять во вниманіе, что на одну только букву *а*, занимающую въ словаряхъ еще не такъ много мѣста, какъ нѣкоторымъ другимъ буквы, потребовалось цѣлѣе три года. Положимъ, что начало всего труднѣе, и что на помощь г. Венгерову явилось немало специалистовъ по разнымъ отраслямъ знаній,—тѣмъ не менѣе, сомнѣнія наши не уничтожатся, въ особенности, когда познакомимся съ цѣлями и намѣреніями издателя, открытыми намъ въ предисловіи къ первому выпуску.

Указавъ въ этомъ предисловіи съ одной стороны, на необычно-

венное обиліе сыраго историческаго матеріала, навпечатаннаго у насъ за послѣднее время, и вообще на значительно усилившуюся въ нашъ вѣкъ литературную производительность, а съ другой стороны, на недостатокъ и неудовлетворительность „сводныхъ“ работъ историко-литературнаго характера, объединяющихъ и освѣщающихъ этотъ богатый матеріалъ, г. Венгеровъ приходитъ къ заключенію, что „въ современной русской историографіи нѣтъ такого свода фактовъ исторіи русской литературы, нѣтъ такой книги, запасшись которою, наслѣдователь или обыкновенный читатель былъ бы увѣренъ, что найдетъ въ ней свѣдѣнія о писателяхъ всѣхъ періодовъ русской образованности, нанихъ дней не исключая“. Новый критико-біографическій словарь и долженъ восполнить столь важный пробѣлъ въ нашей литературѣ.

Въ выборѣ лицъ, вошедшихъ въ словарь, составитель его желалъ быть по возможности менѣе строгимъ, на томъ основаніи, что „въ такомъ объемистомъ сочиненіи, каковымъ является настоящій словарь, литературный аристократизмъ былъ бы неумѣстенъ“. Въ словарь вносятся „всякій, кто хоть немного поработалъ на пользу роднаго просвѣщенія“. Да и эта столь снисходительная разборчивость касается только самаго послѣдняго времени, „когда литературная продуктивность возросла на столько, что отмѣчать всякаго, предавашаго что-либо тисненію, превратило бы“, по выраженію г. Венгерова, „сводъ литературы въ сводъ макулатуры“ (стр. 13). Что же касается до періодовъ предшествующихъ, то тутъ не дѣлается вовсе выбора, вслѣдствіе чего въ словарь писателей попадаютъ не только люди малограмотные, но и такіе, относительно нормальности умственныхъ способностей которыхъ самъ составитель выражаетъ справедливое сомнѣніе (см. Анаевскій). Впрочемъ, полнота свѣдѣній, даже и излишняя, не есть еще недостатокъ въ словаряхъ и справочныхъ книгахъ, и г. Венгеровъ справедливо замѣчаетъ, что „о большомъ литературномъ человѣкѣ всюду и легко можно справиться, а для того; чтобы узнать что-нибудь о маленькомъ человѣкѣ, часто нужны самыя кропотливыя усилія“ (стр. 13).

Источники, которыми пользовался г. Венгеровъ для своего труда, онъ дѣлитъ на три категоріи: 1) печатные, 2) архивные и 3) автобіографическіе. Послѣдняго рода свѣдѣнія получаютъ составителемъ словаря отъ современныхъ писателей и ученыхъ, къ которымъ онъ обращался съ просьбою сообщить свѣдѣнія о ихъ личности. Наконецъ, для того чтобы свѣдѣнія словаря не терли своей свѣ-

жести, издатель его обѣщаетъ давать въ концѣ каждаго тома дополненія, относящіяся и ко всѣмъ вышедшимъ уже томамъ. Въ эти дополненія войдутъ исправленія неточностей и упущеній и новыя данныя, накопившіяся за время, отдѣляющее выходъ одного тома отъ появленія въ свѣтъ слѣдующаго.

Какъ видно изъ вышесказаннаго, планъ, начертанный г. Венгеровымъ для своего словаря, можно назвать всеобъемлющимъ. Въ этомъ заключается и достоинство этого труда, и его слабая сторона. Этотъ слишкомъ обширный планъ отличается неопредѣленностью: получается не то справочный словарь, не то исторія литературы. Трудъ г. Венгерова состоитъ изъ двухъ родовъ—, краткихъ замѣтовъ о писателяхъ, отмѣчаемыхъ лишь ради полноты, или, если они наши современники, недостаточно еще опредѣлившихся, и изъ болѣе или менѣе пространныхъ этюдовъ и монографій о писателяхъ, имѣющихъ литературное значеніе^а. Статьи перваго рода обыкновенно и составляютъ содержаніе простаго справочнаго словаря, и если они даютъ матеріалъ полный, очищенный, въ порядкѣ, то цѣль справочной книги вполне достигается. Исторія же литературы представляетъ во всякомъ случаѣ извѣстное мировоззрѣніе, претендуетъ на руководство, направляетъ читателя въ извѣстную сторону. Такого рода тенденція и замѣчается въ статьяхъ втораго рода, обширныхъ и освѣщенныхъ критикою г. Венгерова. Послѣдняя же характеризуется преклоненіемъ предъ современностью и нѣсколько высокомернымъ отношеніемъ къ старому. Для г. Венгерова „настоящая“ литература начинается только съ Пушкина, а весь предшествующій періодъ, только „скучная прелюдія“, въ которой преобладаютъ „явленія некультурныя“. Не любитъ г. Венгоровъ и такъ-называемыхъ „руссоетовъ“, строго порицаетъ Шяшкова и осуждаетъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ поэтовъ (стр. 442) за ихъ патріотическія стихотворенія, писанныя въ разгаръ Восточной войны. Надо, впрочемъ, замѣтить, что такъ какъ не всѣ статьи принадлежатъ перу г. Венгерова, то и это направленіе не вездѣ выдерживается. Такъ, напримѣръ, статья объ Александрѣ діаконѣ, написанная г. А. Бороздинымъ, отличается другимъ характеромъ, чѣмъ статья самого г. Венгерова о личностяхъ, подобныхъ Александру.

Въ такомъ большомъ трудѣ, какъ словарь г. Венгерова, конечно, найдутся промахи и недостатки, которые мы указываемъ не въ укоръ составителю, а во исполненіе просьбы его дѣлать „всякаго рода указанія на вронуски и неточности“. Быть можетъ, что нижепо-

именованныя лица не попали въ словарь послѣ зрѣлаго обсуждения и на основаніи выбора, но, судя потому, что въ словарь вошло много подобныхъ лицъ, можно думать, что это простой пропускъ, который слѣдуетъ восполнить. Въ словарь не вошли слѣдующія лица;

Абдорскій Іоаннъ, священникъ, авторъ сочиненія: „О достопамятностяхъ города Шув“ (Отеч. Записки, ч. II).

Агарева Александра Сергѣевна. — Сказаніе о чудесахъ Вожіей Матери и пр. М. 1864 (кн. Н. Н. Голицынъ. Библиографическій словарь русскихъ писательницъ. С.-Пб. 1889).

Акимова Софья Павловна, переводчица драмы: „Мать и сынъ“ (ibid., стр. 8).

Акимовъ А., переводчикъ съ французскаго языка комедій-водевилля: „Женнхъ безъ страха или Вотъ каковы друзья!“ (Рец. Пантеонъ и репертуаръ русской сцены 1850 г., апрѣль). — „Какъ занимать“. Кулеты изъ новаго водевиля: „Пробужденіе льва“ (ibid., январь).

Аксеновскій Д. — Стихотвореніи. С.-Пб. 1846. (Рец. Финскій Вѣстникъ 1846 г., т. 10).

Алабова. Перевела съ нѣмецкаго: „Михоль, исторія нѣмца нашего времени“. Іоанна Шѣрра. М. 1873 (кн. Голицынъ. Библиографическій словарь русскихъ писательницъ).

Александровскій, студентъ педагогическаго института. — „Чертоги и хижина“, басня (Сѣверный Вѣстникъ, 1804 г., ч. IV). — Разборъ поэмы „Таврида“ (тамъ же, 1805 г., ч. V.).

Александровъ Ипполитъ. „Воля за гробомъ“, драма въ 2 д. С.-Пб. 1845. (Рец. Финскій Вѣстникъ, 1846 г., т. 8).

Алмимовъ А. „Товарищъ Калифорнскихъ переселенцевъ“. (Пантеонъ и репертуаръ русской сцены 1851 г., июль и августъ, Смѣсь). — „Картина изгнанника“ (случай изъ жизни художника) (тамъ же, ноябрь).

Алчаринская. — Словарь кн. Н. Н. Голицына.

Аматорка — псевдонимъ. (Тамъ же).

Андреева А. С. (ум. въ 1889 г.) — „Горе отъ ближнихъ“, повѣсть, напечатанная въ Русскомъ Словѣ 1859 г., августъ. — Рецензія на книгу: „Судьба женщины“ (La femme affranchie, par M. Jéppu d'Héricourt.) въ Отеч. Запискахъ, 1861, т. 137 (Словарь кн. Н. Н. Голицына).

Андреевскій Д. А. — сотрудникъ журнала: Пантеонъ и репертуаръ русской сцены, въ которомъ помѣщены слѣдующія его про-

введенія: „Какъ надо жить“, стихотвореніе (1850, мартъ); „Сварливая жена“, куплеты изъ водевиля (1850, апрѣль); „Обыгранный шуллеръ“, стихотвореніе (1850, май); „Майское гулянье“ (нѣчто въ родѣ поэмы), стихотвореніе (1850, май).

Андреевъ Степанъ. „Левсиль, русскій богатырь“. Росс. сочиненіе въ стихахъ. Подражаніе Ильѣ Муромцу. С.-Пб. 1807. (Студинскій каталогъ, № 6805).

Аничкова Идалія Мечиславовна, современная писательница.— „Наташа Озерова“, романъ изъ современныхъ русскихъ нравовъ. С.-Пб. 1887. (Рец. Новое Время 1888 г., № 4294). Она же ядала въ Парижѣ подъ псевдонимомъ Fehli-Ahda книжку: „Feuilles de journal“. S. Paris. Sixième édition.

Анненскій Г. „Злоключенія нѣжнаго сердца“. Отрывокъ изъ признаній бѣднаго челоуѣка (Сѣверное Обзорѣніе, 1849, т. I, Смѣсь).

Анольская Вѣра.— „Два дара“, стих. (Смѣзь Отечества 1842 г., т. 8). — „Волна“, стих. (ibid.). — „Въ память юности-поэта“, стих. (Маякъ 1842 г., т. 2) (Словарь кн. Н. Н. Голицына).

Антонелли Эмилія.— „Воспитаны ли мы?“ (Сѣверная Пчела 1863 г., № 194). (Словарь кн. Н. Н. Голицына).

Антонова Татьяна.— „Ирландскія пѣсни“—пер. съ франц. (Дамскій журналъ 1823 г., ч. 3, № 18).

Ануктинъ А.— „Русскія пѣсни“, стих. (Вибл. для чтенія 1862 г., январь).

Ансель Н.— „Приключеніе въ Полуостровѣ“. Оригинальная шутка-водевилъ въ 1 д. (Рец. въ Репертуарѣ и Пантеонѣ 1847 г., т. V).

Анцъ Илья.— „Правосудіе Божіе“. (Современникъ 1841 г., т. 23).— „Богатая старушка и родственники ея“. Ком. въ 2 д. (Рец. Репертуаръ и Пантеонъ, 1850, январь). „Спасенное знамя“. Русская быль въ 2-хъ картинахъ. (Рец. тамъ же, 1850, февраль).

Алека, псевдонимъ А. П. Кузьминой (Словарь кн. Н. Н. Голицына).

Аптекарьскій М.— „Маша, повѣсть“ (Вибл. для чтенія 1864 г., августъ).

Ардашевъ Василій.— Обзорѣніе Вологодскихъ губернскихъ Вѣдомостей съ основанія ихъ въ 1838 г. (Вибл. для чтенія 1854 г., июль, смѣсь).

Арнольдъ, Елизавета.— „Ночь“, стих. (Дамскій журналъ 1829 г., ч. 25, № 1).

Аскольдовъ.—„Валеро“. Драматическая фантазія въ 7 сценахъ (стихами), 1844 г. (Сѣверное Обзорѣніе 1849 г., т. 2).

Ахлебишина Марія Николаевна, сотрудница „Моднаго Магазина“, изд. С. Г. Мей (Словарь кн. Голицына).

Здѣсь кстати сдѣлаемъ поправку и дополненіе, относящееся къ одному изъ будущихъ томовъ разбираемаго Словаря. Привода цитату изъ Исторіи всеобщей литературы I. Шерра о русскихъ народныхъ поэтахъ Алипановѣ и Ульяновѣ, г. Венгеровъ откровенно сознается, что счелъ это „однимъ изъ курьезовъ, столь обильно уснащающихъ все, что пишется иностранцами о Россіи. Какіе-то Алипановъ и Ульяновъ, имена которыхъ мы слышимъ въ первый разъ, выше Веневитинова и Хомякова! Какъ тутъ было не подумать, что даже самыя имена-то этихъ мнимыхъ сверстниковъ Кольцова сочинены. На половину наши сомнѣнія и оправдались: поэтъ Ульянова никогда не существовало, а удалось намъ только разыскать въ нотныхъ каталогахъ фамилію композитора Ульянова, сочинявшаго романсы. Но „народный“ поэтъ Алипановъ дѣйствительно былъ когда-то“ (стр. 422). Хотя большой потери для Словаря не произошло бы, еслибы выбросить изъ него не только Ульянова и Алипанова, но и другихъ, подобныхъ имъ писателей, но нельзя отрицать столь категорически самого существованія Ульянова: такой поэтъ, авторъ нелѣпѣйшихъ стихотвореній, басенъ и повѣстей, жилъ на свѣтѣ, и сочиненія его были изданы въ Петербургѣ въ 1856 г., въ двухъ частяхъ. Тѣмъ болѣе не слѣдуетъ долго останавливаться на подобныхъ писателяхъ, произведенія которыхъ самъ составитель Словаря считаетъ „совершенно невозможнымъ литературнымъ соромъ“ (стр. 422). Между тѣмъ г. Венгеровъ отводитъ Алипанову цѣлыхъ шесть страницъ своего труда и приводитъ много выписокъ совершенно нелѣпныхъ стихотвореній. Еще болѣе кажется страннымъ поспѣвать нѣсколько страницъ (518—521) нѣкому Анаевскому, котораго г. Венгеровъ называетъ и совершенно вѣрно „полоумнымъ мальчикомъ“. Вообще Словарь много выигралъ бы, еслибы въ немъ сократить кое-что: излишнія разглагольствія самого составителя и нѣкоторые черезъ-чуръ обильныя выдержки изъ произведеній разныхъ авторовъ: напримѣръ, въ статьѣ объ Алмазовѣ слишкомъ много стиховъ, страницъ пять мелкаго шрифта въ два столбца. Нерѣдко перепечатаются цѣликомъ литературныя произведенія; напримѣръ, Описаніе путешествія дьяка Александра въ Царьградъ (стр. 367—368), грамота патриарха Адріана о бородѣ (стр. 131—134).

Словарь г. Венгерова „критико-біографическій“, то-есть, дающій не только голые факты о писателяхъ, но и критическую оцѣнку ихъ дѣятельности. Конечно, литературная критика имѣетъ очень мало основныхъ началъ, съ которыми всѣ были бы согласны. И съ оцѣнкою г. Венгерова, можно, пожалуй, соглашаться, но можно и не соглашаться; однако худо то, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ имъ нарушаются основныя правила всякой критики. Для примѣра укажемъ на статью объ Е. В. Аладинѣ. Достоверныхъ свѣдѣній объ этомъ литераторѣ, какъ заявляетъ самъ же г. Венгеровъ, почти никакихъ нѣтъ. Извѣстно только, что онъ умеръ въ Петербургѣ 14-го августа 1860 года. Тѣмъ не менѣе г. Венгеровъ рисуетъ такой портретъ: „самъ по себѣ будучи мало симпатичнымъ и совсѣмъ незамѣчательнымъ человѣкомъ, умѣлъ, однако, подлаживаться къ современнымъ литераторамъ и славился искусствомъ выпрашивать у нихъ статьи, повѣсти и стихотворенія для своего сборника... ловкій издатель „Невскаго Альманаха“ нашелъ пути и къ расположенію великаго поэта“ (стр. 346—347). Быть можетъ, эта характеристика Аладина и вѣрна, но спрашивается: на чемъ она основана? Оказывается, на воспоминаніяхъ Бурнашева, неоднократно уличеннаго во лжи. Намъ кажется, слѣдовало бы быть осторожнѣе въ этихъ случаяхъ или, по крайней мѣрѣ, оговориться, что отзывъ заимствованъ изъ весьма сомнительнаго источника.

Говоря о Словарѣ, какъ справочной книгѣ, мы не можемъ обойти вопроса объ удобствѣ пользованія имъ. Въ этомъ отношеніи трудъ г. Венгерова оставляетъ желать многого. Свѣдѣнія объ одномъ лицѣ находятся въ разныхъ мѣстахъ, и самъ издатель совѣтуетъ обращаться при справкахъ не только къ вышедшему тому и къ дополненіямъ его, но и къ тѣмъ дополненіямъ, которыя будутъ прилагаться къ дальнѣйшимъ томамъ. При большомъ числѣ выпусковъ это, пожалуй, и затруднительно.

Нѣкоторыя несовершенства Словари, на которыя мы выше указали, не могутъ однако вредить его достоинствамъ. Во всякомъ случаѣ, трудъ, предпринятый г. Венгеровымъ, заслуживаетъ уваженія: въ вышедшемъ томѣ онъ далъ столько матеріала, отчасти совсѣмъ новаго, интереснаго и важнаго, что уже однимъ этимъ приобрѣлъ право на вниманіе. Надо только желать, чтобы этотъ обширный и полезный трудъ былъ доведенъ до конца.

А. К.

Великих и удельных князей Северной России в татарский периодъ отъ 1238 по 1505 г. Биографическіе очерки по первоисточникамъ и главнѣйшимъ пособиямъ. А. В. Экземплярскаго. Т. I. Великіе князья Владимірскіе и Владиміро-Московскіе. Изданіе гр. Н. Н. Толстого. С.-Пб. 1889.

Недостаточное число справочныхъ книгъ и даже полное отсутствіе нѣкоторыхъ, въ особенности необходимыхъ въ научныхъ завѣтѣхъ исторіи, давно уже чувствуется и нерѣдко служило предметомъ сѣтованій, но тѣмъ не менѣе число такихъ книгъ увеличивается чрезвычайно медленно. Можно было бы написать цѣлый рядъ desiderata въ родѣ известной книги П. А. Муханова: „Что пужно для русской исторіи“ и столь же известной статьи проф. Врикнера, послужившей предметомъ обсуждения на третьемъ археологическомъ съѣздѣ; но въ настоящемъ случаѣ ограничимся замечаніемъ, что одинъ изъ такихъ пробѣловъ пополняется книгою, по случаю которой высказано все вышесказанное. Полный словарь князей существуетъ у насъ только въ томѣ VI-мъ „Исслѣдованій, лекцій и замѣчаній“ Погодина и доведенъ до татарскаго нашествія; изъ предпринятаго покойнымъ М. Д. Хмыровымъ „Алфавитно-справочнаго перечня“ вышла только одна часть: „Перечень государей и замѣчательныхъ особъ ихъ кровн“, а изъ второй части, долженствовавшей заключать въ себѣ удѣльныхъ князей, вышла только первая половинна. Къ тому же трудъ М. Д. Хмырова рѣдко указываетъ источники и далеко не всегда критиченъ (такъ какъ ссылается на „Зерцало“ Мальгина). Вотъ почему желателенъ былъ новый трудъ въ этомъ родѣ. Его предпринялъ А. В. Экземплярскій, уже зарекомендовавшій себя брошюрами объ Углицкихъ и Ярославскихъ князьяхъ. Вышедшій первый томъ заключаетъ въ себѣ біографіи великихъ князей Владимірскихъ и Владиміро-Московскихъ, по терминологіи автора (то-есть, потомковъ Ивана Калиты до Іоанна III). Въ видѣ приложенія авторъ прибавилъ свѣдѣнія о тѣхъ сыновьяхъ великихъ князей, которые не нѣсли удѣловъ, и хронологическій перечень событій исторіи Новгорода и Пскова. Книга снабжена полнымъ указателемъ и генеалогическою таблицей. Полнота свѣдѣній и критическая провѣрка данныхъ— въ книгахъ такого рода первое достоинство. Въ этомъ отношеніи трудъ А. В. Экземплярскаго проявляетъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе: авторъ основательно изучилъ лѣтописи, познакомился съ наиболѣе распространенными пособиями и вездѣ видны слѣды критической провѣрки; такъ что на книгу его можно безопасно положиться,

или по крайней мѣрѣ въ случаяхъ сомнѣнія всегда возможна повѣрда. Обиліе примѣчаній—въ такомъ трудѣ большое достоинство. Изъ пособій авторъ не пользовался „Исторіей Россіи“ Иловайскаго и, по моему мнѣнію, слишкомъ много пользовался „Повѣствованіемъ о Россіи“ Арцыбашева. Нельзя не пожалѣть также, что въ виду справочности онъ не счелъ нужнымъ приводить интересныя новыя изслѣдованія; напримѣръ, изслѣдованіе А. И. Никитскаго о Новгородской церкви заставляетъ задуматься при принятіи извѣстій Іакина о прежнемъ Новгородѣ, и Татищева о событіяхъ въ Новгородѣ 1480 года. Слѣдовало бы также не забывать изслѣдованій О. И. Успенскимъ о бракѣ Софіи Фоминишны или Г. В. Форстена: „Борьба изъва господства на Балтійскомъ морѣ“, гдѣ найдутся подробности о сношеніяхъ съ Давіею. Изъ первоисточниковъ не встрѣчаемъ указаній на изданныя Русскимъ Историческимъ Обществомъ дѣла крымскія и польскія, на „Памятники дипломатическихъ сношеній“. Лѣтописями авторъ пользуется по „Полному собранію русскихъ лѣтописей“, когда мы уже имѣемъ четыре тома новаго изданія; иногда авторъ затрудняетъ читателя, называя одинъ и тотъ же источникъ разными именами; такъ въ пр. 602 онъ говоритъ о лѣтописи попа Іоанна, да вѣдь это Новгородская лѣтопись, которую онъ всегда и цитуетъ, подъ этимъ заглавіемъ. Также въ пр. 356 (единственная ссылка на Арцыбашева) приводится лѣтопись, содержащая Россійскую исторію отъ (6714—1206 до 7042—1536); а въ другихъ случаяхъ та же лѣтопись называется Типографскою (продолженіе Несторовой лѣтописи). За то Мальгина онъ могъ бы совсѣмъ оставить въ покоѣ: кто нынѣ станетъ справляться съ Мальгинимъ? Впрочемъ это сдѣлано было, вѣроятно, въ виду М. Д. Хмырова, который имъ пользовался, и едва ли не онъ ввелъ въ заблужденіе и пишущаго эти строки, сообщившаго въ „Энциклопедическомъ Словорѣ“ невѣрное извѣстіе о женѣ Андрея Ярославича (см. въ разбираемой книгѣ, пр. 70). Признавая ошибку, указанную почтеннымъ авторомъ, не могу согласиться съ нимъ въ опроверженіи моего мнѣнія о томъ, что Ярославъ не платилъ дань Кіеву по желанію новгородцевъ. Авторъ находитъ (пр. 574), что въ такомъ случаѣ Ярославу нечего было обращаться къ варягамъ; но онъ искалъ въ нихъ помощи, какъ искалъ Володиміръ противъ Ярополка, и самъ Ярославъ впоследствии противъ Мстислава Тмутараканскаго. Не понимаю также, почему авторъ къ моему замѣчанію, что Иванъ Калита назвался великимъ княземъ всея Руси въ подражаніе митрополиту, счелъ нужнымъ прибавить: „но можетъ быть, это было и сознательнымъ стремленіемъ“

емъ", какъ будто одно противорѣчатъ другому: титулъ заимствованъ по сознательному стремленію; лучше было бы прибавить, что впервые такой титулъ принялъ Михаилъ Ярославичъ (см. статью М. А. Дьяконова въ Библиографѣ 1888 г.) Кстати, почему авторъ издѣленіе Москвы (то-есть, доходомъ) на трети считаетъ особенностью московской политики объединенія (стр. 81)? Трети, сколько помню, были и въ Твери, и въ Рязани.

Недосмотровъ встрѣчается довольно мало, и нѣкоторые изъ нихъ оговорены; но остались и не оговоренные: на стр. 105 вмѣсто Константина надо читать Дмитрій; совершенно бесполезно при объясненіи названія Вельядъ Феллиномъ (стр. 238) стоять вопросительный знакъ. Давно уже признано тожество этихъ двухъ названій; на стр. 355 подъ 1341 г. читаемъ: „зимою Михаилъ Ярославичъ пріѣхалъ изъ Твери въ Новгородъ и привезъ сына учиться грамотѣ“. Молодой князь, который учился грамотѣ у архіепископа, былъ знаменитый Михаилъ Александровичъ, а Михаилъ Ярославичъ, какъ авторъ и показываетъ, убитъ еще въ 1318 г. (стр. 58). Прибавляюще, что было бы желательно въ биографіи великаго князя Василія Васильевича видѣть указаніе на дѣло Исидора, а въ хронологіи новгородской исторіи весьма не лишнее было бы вставить хотя договоры съ князьями. Кстати о Новгородѣ легендарное предисловіе слишкомъ длинное; можно было бы (если это нужно) указать на эти легенды въ примѣчаніи, но не слѣдовало бы забывать явѣстія, что Святославъ княжилъ въ Новгородѣ. Прибавлю еще, что авторъ относитъ къ слишкомъ ранней эпохѣ значеніе посадниковъ, которые до Всеволода Мстиславича были княжескими наместниками, какъ Борисъ, присланный Мономахомъ изъ Кіева. Не думаю, чтобы Довмонтова стѣна была первымъ укрѣпленіемъ Пскова (стр. 390), хотя авторъ показываетъ согласно съ мнѣніемъ мѣстныхъ археологовъ. Вездѣ соборъ каедральный въ дѣтницѣ, а св. Троицы за Довмонтовою стѣной. Едва ли то, что мы видимъ теперь, остатокъ, а не полное укрѣпленіе.

Вообще желаю скорѣе видѣть продолженіе полезнаго и тщательнаго труда А. В. Экземпларскаго, во второмъ томѣ котораго должны появиться биографіи удѣльныхъ князей сѣверной Руси и великихъ князей Тверскихъ, Рязанскихъ и Суздальско-Новгородскихъ; тамъ, вѣроятно, узнаемъ почему авторъ, отвергая мнѣніе Соловьева и заявленія царя Василія Ивановича Шуйскаго, производитъ послѣднихъ отъ Андрея Ярославича.

Н. Вестушевъ-Рюминъ.

Dvě povědky v české literatuře XV století. Podává D-r Jiří Poláček. V Praze. 1889.

Г. Поливка издалъ, съ прекраснымъ историко-сравнительнымъ предисловіемъ, два старочешскіе разказа: одинъ о Гривельдѣ по рукописи Пражскаго музея, другой—о невѣрной женѣ по рукописи Крыжовницкаго монастыря, въ которой она слѣдуетъ за новеллой о Гривельдѣ. Та же послѣдовательность наблюдается въ латинскомъ сборникѣ императорской Вѣнской библіотеки, написанномъ въ 1459—1460 годахъ: и здѣсь „*Historia infidelis mulieris*“, тождественная по содержанію съ упомянутою чешскою, слѣдуетъ за текстомъ Гривельды въ извѣстной обработкѣ Петрарки. Исторія о невѣрной женѣ напечатана г. Поливкой въ латинской и чешской редакціяхъ.

Чешская повѣсть о Гривельдѣ, являющаяся переводомъ Петраркова переложенія, не вызвала особыхъ комментаріевъ. Автору извѣстна вся новѣйшая литература этого сюжета, но нѣкоторые вызываемые имъ вопросы остаются по прежнему открытыми. Въ какихъ отношеніяхъ находится новелла о Гривельдѣ и ея литературныя отраженія къ народнымъ сказкамъ того же содержанія, извѣстными въ Тироль, Давіи, Исландіи и на Русь? Новелла ли перешла въ сказку, или сходство объясняется тѣмъ, что первая коренится въ сказочномъ сюжетѣ? (сл. стр. 16). Относительно Боккаччіо авторъ выражаетъ (стр. 10) мнѣніе, что сюжетъ его Гривельды заимствованъ имъ изъ устной италіанской традиціи; несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что не изъ *Lai de le freisne*. Кстати: Боккаччіо не учился въ Парижѣ (стр. 10), а предположеніе, что почтенный клерикъ, отъ котораго Чосеръ слышалъ въ Падуѣ новеллу о Гривельдѣ, былъ самъ Петрарка, принадлежитъ пока къ догадкамъ (стр. 11).

Вопросъ, поставленный для новеллы Боккаччіо, повторяется и для русской сказки того же содержанія. Нѣсколько новеллъ Декамерона было переведено на русскій языкъ въ XVIII вѣкѣ, Гривельда лишь въ началѣ нашего столѣтія, говоритъ авторъ (стр. 16) съ ссылкой на г. Ровинскаго и съ сомнѣніемъ, чтобы въ короткое время, протекшее со времени перевода новеллы о Гривельдѣ, она могла настолько распространиться и усвоиться въ народѣ, что стала сказкой. Сомнѣнія эти раздѣляемъ и мы, хотя въ сущности ничто не заставляетъ насъ привязывать сказку къ извѣстному намъ переводу, и ничто не мѣшаетъ предположить существованіе болѣе древняго.

Я останавливаюсь дольше на *Historia infidelis mulieris* и на соотвѣт-

ствующей ей чешской повѣсти: O Brizeldě teč zlá o zlé. Сюжетъ принадлежитъ къ извѣстнымъ по былинѣмъ объ Иванѣ Годиновичѣ, по второй части польскаго сказанія о Валгержѣ Удадомѣ и ихъ восточными и южно-славянскими параллелями; въ болѣе широкомъ смыслѣ, но и въ нѣкоторыхъ частностяхъ, онъ соприкасается съ мотивами повѣсти объ увозѣ Соломоновой жены. Къ тому и другому сюжету я позволю себѣ указать на мои замѣтки въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, ч. ССІ, отд. 2, стр. 299—300, и ч. ССLXIII, отд. 2, стр. 35—38.

Сообщаемъ содержаніе чешско-латинской повѣсти по пересказу издателя (стр. 26—27).

Въ франкскихъ областяхъ жилъ рыцарь по имени Рудольфъ de Schlüsselberg, ze Služeverku. Жена родила ему сына и дочь; когда впоследствии ее постигла проказа, пріатели мужа пристаютъ къ нему, чтобъ онъ разстался съ своею женою, но онъ отвергаетъ ихъ просьбы и, продавъ свое имущество, отправляется съ женою и дѣтьми на чужбину. Въ то время вспыхнула война между королемъ Португальскимъ и двумя языческими королями; по долгому колебаніи военнаго счастья первый палъ, и язычники осадили главный городъ Португаліи, Декаполисъ, въ которомъ осталась овдовѣвшая королева. Оказывается, что и Рудольфъ съ семьей очутился, не извѣстно какимъ путемъ, въ томъ же городѣ. При его помощи и его храбростію непріятель стѣсненъ, въ назначенномъ поединкѣ Рудольфъ убиваетъ противника; непріатели принуждены очистить страну, и настаетъ миръ и покой. Отъ своего хозяина, у котораго Рудольфъ остановился съ семьей, онъ узнаетъ, что въ сосѣднемъ лѣсу есть источникъ, обладающій чудесною, цѣлительною силой, но непрístupный, ибо его сторожитъ несмѣтное число гадюкъ и змѣй. Не смотря на отговоры друзей, Рудольфъ идетъ къ нему съ женою и дѣтьми, убиваетъ гадюкъ и змѣй, вступавшихъ ему путь, и счастливо добравшись до источника; испукавшись въ немъ, жена исцѣлилась отъ своего недуга, и къ ней вернулась ея прежняя краса.

Здѣсь начинается, собственно, повѣсть о невѣрной женѣ. Хозяинъ Рудольфа соблазняетъ ее разказомъ о королѣ-язычникѣ, рѣшившемся жениться лишь на женщинѣ равной ему по красотѣ; она была бы ему супругой и всегда жила бы въ богатствѣ и довольствѣ. Жена Рудольфа поддастся на эти уговоры и тайно отъ мужа бѣжитъ за море къ тому королю, захвативъ съ собою и дѣтей. Авторъ негодуетъ на ея неблагодарность: Sed o deceptiva consortis dissolute fal-

facial dic impia muller et lungevis hominum sub perpetui labe vituperij obtrectanda! quid amplius tibi facere debuit aut potuit fidelissimus canthoralis, qui dum te lepre squalore fedatam a suo sequestrare potuit consortio, non solum a te separari noluit, verum etiam nobiles parentes suos adversum ipsum ob tui adhesionum iustissime insultantes tanquam extraneos renuit et contempsit... castra, possessiones et boves precio vendidit et ad exterarum se tecum contulit naciones, prepones natalis solij dulcedini provincias alirnas. Nonne tui ob emundationem (se) infinitis se submisit periculis, dum adversus tot bestias venenosas congressu tam valido decertaret? (стр. 82).

Обманутый мужъ идетъ искать жену, одѣтый кунцомъ; добрался до мѣста, гдѣ она жила, и раскладываетъ свой драгоценный товаръ передъ храмомъ, куда обыкновенно ходилъ король съ его женой и дѣтьми. Дѣти признали его, а жена выдаетъ его королю, какъ убійцу его брата, и такъ какъ ей предоставлено назначить мужу наказаніе, велитъ привязать его надъ горячими угольями къ столбу въ опочивальнѣ, гдѣ она сама покоится съ королемъ и своими дѣтьми. Когда король и жена уснули, мальчикъ, сжалившійся надъ отцомъ, шпатель подъ подушкой ножа, чтобы разрубить его узы; сестра пытается помѣшать ему; когда и она заснула, мальчикъ освобождаетъ отца. Рудольфъ однимъ ударомъ меча сноситъ голову королю, женѣ и дочери и бѣжитъ съ сыномъ, незамѣченный стражей; черезъ нѣкоторое время его хватились, послали за нимъ ногою, но онъ храбро отбился отъ нея и вмѣстѣ съ сыномъ переправился на корабль въ Португалію.

Г. Поливка обстоятельно разобралъ (стр. 29 слѣд.) известныя ему параллели по отношенію, какъ въ цѣлому составу разказа, такъ и къ частнымъ его мотивамъ. Мы совершенно согласны съ его опредѣленіемъ, что наша повѣсть—неудачная комбинація (стр. 44), *mixtum compositum* (стр. 28); мы не согласны только съ нимъ въ опредѣленіи ея составныхъ частей. Авторъ видитъ въ нихъ „различныя повѣсти“; я попытаюсь выставить предположеніе, что мы имѣемъ дѣло съ сводомъ двухъ версій одного и того же разказа. Точкой отправленія для меня послужитъ странная постановка эпизода о „хозяйнѣ“ Рудольфа. У него останавливается рыцарь, побѣдоносно отражающій враговъ, осадившихъ городъ; онъ же указываетъ Рудольфу на чудотворный источникъ, а затѣмъ склоняетъ къ неврности его красавицу-жену въ интересахъ короля азычника. Во семъ этомъ есть внутреннее противорѣчіе, которое можно объяснить

недосказанностью, недостаточной мотивировкою положенія, либо приемами компилятора. Мы попяли бы дѣло, еслибы самъ хозяинъ увлекся женой своего гостя, явившеюся передъ нимъ въ обповленной красѣ; при такомъ планѣ борьба съ невѣрными и роль короля измычника были бы лишними. Онѣ понятны въ той формулѣ „невѣрной жены“, какая представляется нѣмецкою поэмою о Соломонѣ и Моральфѣ: король Фаро идетъ на Иерусалимъ, побѣжденъ въ битвѣ подъ его стѣнами и ввѣтъ въ плѣнъ; Соломонъ держитъ его въ оковахъ, поручивъ попеченіе о немъ женѣ; между тѣмъ плѣнникъ успѣлъ внушить ей любовь къ себѣ, она выпускаетъ его на свободу, а черезъ нѣкоторое время *spilman*, подосланный королемъ, хитростью похищаетъ царицу. Въ польскомъ преданіи о Валгержѣ Удаломѣ нѣтъ войны и плѣнъ будущаго похитителя мотивированъ иначе, но положеніе въ сущности то же: Вислимиръ, опекунъ Валгержа, посаженъ имъ въ башню за его вымогательства; въ отсутствіе Валгержа, его жена скучаетъ и по уговору служанки рѣшается: выпускать на ночь красиваго узника—на шутки, а днемъ снова сажать его въ тюрьму, чтобы никто того не замѣтилъ. Влюбившись въ Вислимира, она бѣжитъ съ нимъ.

Компиляторъ могъ имѣть въ виду разказъ того же содержанія: война съ непріятельскимъ королемъ, попадающимъ въ плѣнъ и увозящимъ жену своего противника.

Но существуетъ въ народныхъ сказаніяхъ и другая формула невѣрной жены, гдѣ къ мотиву невѣрности присоединялось еще и обличеніе въ неблагодарности. Въ быліяхъ о Потокѣ и въ соотвѣтствующихъ народныхъ сказкахъ (сициліанской, абруцкихъ, каталонской, бретонской, лорренской, нѣмецкой и аннамской) мужъ оживляетъ умершую жену; а она измѣняетъ ему для другаго. Легко представить себѣ существованіе варианта, въ которомъ вмѣсто момента оживленія являлось исцѣленіе, достигнутое путемъ борьбы и опасности: рыцарь покидалъ свою родину, увозя прокаженную жену и ради нея, узнавалъ гдѣ-нибудь на стоянкѣ о чудесномъ источникѣ, добирался до него самого, а исцѣвленная жена отдавалась гостиннику. Компиляторъ могъ знать такую или подобную легенду о „неблагодарной женѣ“ (напомнимъ его нападки именно на ея неблагодарность) и внѣшнимъ образомъ связалъ ее съ аналогическою повѣстью тина Морольфа: съ формулой „плѣнника“. Черта соединенія осталась въ неловкой мотивировкѣ эпизода о „хозяинѣ“.

. Перейду отъ моей гипотезы къ нѣкоторымъ гипотезамъ г. Поливки-

Латинскій сборникъ вѣнскаго библиотеки, содержащій въ себѣ Гривельду и *Historia infidelis mulieris*, принадлежалъ прежде, судя по записи, одному монастырю близъ Верна въ Моравіи (*iste liber domus sancte trinitatis prope Brunnam ordinis Carthusiensis in Kunigsfel*. Сл. стр. 25); съ другой стороны—компиляторъ повѣсти о невѣрной женѣ имѣлъ подъ руками разказъ въродѣ польскаго преданія о Валгержѣ Удаломѣ, невѣрнаго на западѣ (стр. 39), если не брать въ разчетъ легенды нѣмецкихъ *Gesta Romanorum* о цесарѣ Гордіанѣ, представляющей, впрочемъ, нѣкоторыя отличія (стр. 46). Если компилятору стала извѣстна польская повѣсть, то вѣроятно, потому, что онъ жилъ въ сосѣдствѣ съ Польшей; какое это сосѣдство—на это указываетъ запись вѣнскаго сборника: *Historia infidelis mulieris* составлена была на чешско-моравской почвѣ (стр. 39, 26), въ pendantъ къ Гривельдѣ, какъ бы въ противовѣсъ ей: Гривельда—вѣрная жена, ея мужъ ея недостойнъ; на оборотъ, мужъ *Historia*'и блещетъ нравственными качествами въ сравненіи съ своею невѣрною женою (стр. 28); чешскій переводчикъ усилилъ этотъ параллелизмъ, назвавъ ее *Bryzelidys*, именемъ, созвучнымъ съ Гривельдой; изслѣдователь замѣчаетъ (стр. 27) по этому поводу, что въ изданіяхъ (а можетъ быть, и въ рукописяхъ) Петрарки и въ новѣйшихъ нѣмецкихъ переводахъ повѣсти о Гривельдѣ ея имя читается *Briselididis*.

Я не вхожу въ разборъ этихъ положеній, вѣроятность которыхъ усилилась бы, на мой взглядъ, еслибы исторіи чешской латини, средне-вѣковой и начинающагося возрожденія подтвердила разборомъ стили „исторіи“, ея принадлежность именно чешской области. Ограничусь однимъ замѣчаніемъ: авторъ предполагаетъ вѣнскій списокъ *Historia*'и оригиналомъ чешскаго переводчика; на самомъ дѣлѣ сходство оказывается далеко не дословнымъ: начиная съ 4-й главы чешскій текстъ излагаетъ кратче, нное опускаетъ, 10-я глава въ немъ лишняя противъ латинскаго подлинника и т. д. (стр. 27—28). Изслѣдователь объясняетъ эти разногласія тѣмъ, что крыжовницкій текстъ не прямо переводъ съ латинскаго, то-есть, вѣнскаго, а списокъ съ какого-нибудь утраченнаго, либо еще невѣрнаго намъ перевода, при чемъ, очевидно, предполагается, что и этотъ предполагаемый переводъ сдѣланъ былъ съ вѣнскаго оригинала. Но въ такому предположенію ничто не обязываетъ, потому что столь же легко представить себѣ существованіе другаго латинскаго сборника, съ Гривельдой и „исторіей“, въ которой уже предюскащены были отличія чешскаго пересказа и стояло имя *Bryzelidys*, невѣстное вѣнскому списку. Очевъ

можетъ быть, что это лишь случайное или сознательное искаженіе Гривельды; я подозреваю въ немъ Бризенду извѣстнаго романа о троянскихъ дѣліяхъ *Venoit de Saint Moge*: типъ женской вѣтренности и измѣнчивости, созданный французскимъ труверомъ и ставшій традиціоннымъ въ средневѣковой литературѣ. Она любитъ Троила и быстро, незамѣтно для себя, переходитъ въ объятія Діомеда. Боккаччіо, въ своемъ *Филостратѣ*, измѣнилъ ей имя въ Гривельду; латинскій пересказъ романа *Венуа*, сдѣланный въ XIII вѣкѣ Гвидономъ де Колумна, былъ переведенъ въ 1411 году на чешскій языкъ; это первая печатная чешская книга (въ Пильзенѣ 1468 г.). Если наша *Vruzolidus* взята оттуда—а имя идетъ къ типу вѣтренной, невѣрной жены,—то объ авторѣ исторіи трудно будетъ повторить, за исследователемъ (стр. 45), что онъ и жилъ гдѣ-нибудь въ захолусты, вдали отъ литературнаго движенія; тѣмъ труднѣе, что авторъ, какъ предполагается, имѣлъ въ виду, копируя свою повѣсть, и новеллу Боккаччіо, и имя ея героини.

Александръ Веселомей.

И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ призывѣ его составѣ до 1768 г. Историческая монографія В. Н. Витескаго. Выпуски 1-й и 2-й. Казань. 1889—1890.

Биографія русскаго государственнаго дѣятеля, о которомъ нашъ великій преобразователь выразился: „въ этомъ маломъ путь будетъ“, безъ сомнѣнія, представляетъ достойный предметъ для историческаго изслѣдованія, и потому мы не удивляемся, что авторъ разбираемаго сочиненія, еще въ 1873—1875 годахъ составившій небольшой историческій очеркъ подъ заглавіемъ „Неплюевъ и Оренбургъ“, помѣщенный въ Уральскихъ войсковыхъ вѣдомостяхъ, продолжаетъ по настоящее время изучать все относящееся до извѣстнаго основателя города Оренбурга, и что онъ подарилъ публикѣ очень интересную книгу, въ которой сгруппировалъ множество свѣдѣній, относящихся до И. И. Неплюева, а также до обширнаго Оренбургскаго края. Должно однако сказать, что такая двойственность предмета изслѣдованія естественно привела къ тому, что одна часть книги пріобрѣла видный перевѣсъ надъ другою. Случилось то, что неизбежно должно было случиться: многосторонняя дѣятельность Неплюева, какъ администратора, поглотила совсѣмъ Неплюева, какъ человѣка; администраторъ же въ свою очередь былъ поглощенъ тѣмъ обшир-
часть солхуі, отд. 2.

нымъ краемъ, которымъ онъ управлялъ. Всякій, прочтя любопытную книгу г. Витевскаго, признаетъ вмѣстѣ съ нами, что о самомъ Неплюевѣ, какъ человѣкѣ, говорится въ ней весьма немного, такъ что при извѣстномъ переименованіи главъ можно было бы эту книгу озаглавить болѣе правильно: „Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 года“. Авторъ могъ бы, пожалуй, сказать намъ, что онъ не обладалъ необходимыми матеріалами для изображенія И. И. Неплюева какъ человѣка. Но съ этимъ можно согласиться только до нѣкоторой степени, между прочимъ и потому, что существуетъ хотя не очень подробная, но все-таки весьма интересная автобіографія этого замѣчательнаго дѣятеля. Г. Витевскій, разумѣется, пользовался ею, но, во-первыхъ, недостаточно критически, а во-вторыхъ, мало обратилъ вниманія на выражающіяся въ ней воззрѣнія Неплюева. Правда, онъ старается изображать Неплюева вообще очень симпатичными чертами; но это не устраняетъ вопроса о нравственной оцѣнкѣ нѣкоторыхъ его поступковъ, о которыхъ можно судить иногда нѣсколько иначе, чѣмъ судить о нихъ г. Витевскій.

Мы не будемъ пересказывать вслѣдъ за авторомъ жизнь Неплюева, на сколько она описана въ двухъ вышедшихъ выпускахъ равноряднаго сочиненія; но остановимся на нѣкоторыхъ обстоятельствахъ этой жизни, и между прочимъ на такихъ, на которыя г. Витевскій смотритъ едва ли правильно.

Первыя три главы сочиненія г. Витевскаго повѣствуютъ о происхожденіи рода Неплюевыхъ, о дѣтствѣ и юности Ивана Ивановича, объ его заграничномъ ученіи и его дипломатической дѣятельности въ Турціи и на Немировскомъ конгрессѣ 1737 года. Съ IV-й главы начинается разказъ о тѣхъ событіяхъ, въ которыхъ принималъ участіе Неплюевъ по возвращеніи изъ заграничной службы.

Къ послѣднимъ годамъ царствованія императрицы Анны относятся тѣ кровавыя драмы, нравственными виновниками которыхъ были выслужившіеся иноплеменцы, а исполнителями явились русскіе родовитые люди, и въ числѣ ихъ Неплюевъ. Сперва, въ 1737 году, состоялся судъ надъ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Голицынымъ, авторомъ кондицій верховниковъ 1730 г., судъ, въ составъ котораго назначенъ былъ и Неплюевъ. Роль Неплюева въ этомъ судѣ не извѣстна г. Витевскому, но онъ почему-то думаетъ, что его участіе было пассивное. По нашему мнѣнію, и такое участіе слишкомъ неестно, чтобы даже предполагать его. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ дѣлѣ Волынскаго участіе Неплюева было иное. Онъ, какъ выражается г. Витевскій на

стр. 82, „вѣроятно, не ожидалъ, что его заставить принять на себя роль сыщика и слѣдователя по этому дѣлу... Неплюеву“, говоритъ авторъ далѣе, — въ этомъ дѣлѣ принадлежала болѣе полицейская и исполнительная роль, чѣмъ какое-либо рѣшающее значеніе въ судьбѣ Волинскаго, да и въ этомъ случаѣ Неплюевъ былъ какъ бы только помощникомъ такого лукаваго сыщика и ловкаго заплечнаго мастера, каковымъ былъ главный начальникъ тайной канцеляріи розыскныхъ дѣлъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ“ (стр. 92). Все это однако очень мало свидѣтельствуетъ въ пользу безупречнаго поведенія Неплюева въ этомъ дѣлѣ и, къ сожалѣнію, доказываетъ лишь то нравственное безразличіе, до котораго способенъ былъ пасть этотъ несомнѣнно умный человѣкъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ. По видимому, Неплюевъ и самъ сознавалъ свою нечистую роль на этомъ судѣ, ибо онъ совершенно умалчиваетъ о немъ въ своихъ позже составленныхъ запискахъ; а это обстоятельство очень важно. Г. Витевскій опровергаетъ высказанное г. Карповичемъ мнѣніе, что казнь Волинскаго послужила основаніемъ богатству Неплюева, и что онъ появился изъ мнѣній Волинскаго (стр. 89). Но, по нашему мнѣнію, эта награда, зависѣвшая, очевидно, не отъ самого Неплюева, является только слѣдствіемъ его усердія, проявить которое онъ могъ, даже и при тогдашнихъ условіяхъ, въ большей или меньшей мѣрѣ. Мы думаемъ, что біографу Неплюева прежде всего слѣдовало опредѣлить съ точностію, въ чемъ состоятъ тотъ или другой образъ дѣйствій Неплюева въ этомъ прискорбномъ дѣлѣ, и чѣмъ онъ обуславливался. Это обрисовало бы личность человѣка; но этого-то и не сдѣлалъ г. Витевскій. Что въ дѣлѣ Волинскаго Неплюевъ велъ себя какъ человѣкъ партіи, „искавшій“, по старинному выраженію, „своего счастья“ и не стѣснявшійся ни нравственными принципами, ни національными симпатіями, всего лучше видно изъ того, въ какомъ положеніи оказался онъ по паденіи Остермана: какъ его приверженецъ, онъ былъ отрѣшенъ отъ всѣхъ должностей, лишень ордена св. Александра Невскаго и малороссійскихъ деревень, прежде ему пожалованныхъ, и содержался подъ арестомъ до окончанія слѣдствія надъ Остерманомъ. Однако, благодаря содѣйствію родственниковъ, ему удалось вскорѣ оправдаться, и онъ былъ назначенъ командиромъ Оренбургской экспедиціи. Упомянувъ объ этихъ обстоятельствахъ въ своей автобіографіи, Неплюевъ говоритъ, что онъ отправился въ Оренбургъ „съ покойнымъ, по невинности, „духомъ“. Замѣчаніе едва ли вполне искреннее; весьма вѣроятно, что, убажая въ эту почетную ссылку, Неплюевъ вспоминалъ

слова, сказанна ему Волынскимъ на одномъ изъ допросовъ: „Изъ паденія моего можно тебѣ разсуждать!“ И разсужденія эти должны были шевельнуть его совѣсть. Въ характерѣ Неплюева была немалая доля черствости честолюбца. Онъ принялъ назначеніе въ Оренбургъ, какъ счастливый выходъ изъ опаснаго положенія, въ какое былъ поставленъ при воцареніи Елисаветы своими прежними близкими отношеніями къ Остерману. Онъ не понималъ отчаянія своей молодой жены и въ своей автобіографіи довольно равнодушно говорить объ ея „уныніи“, изъ котораго онъ старался извлечь своимъ „совѣтами“.

Въ новой должности дѣлецъ Неплюевъ оказался на своемъ мѣстѣ: онъ долженъ былъ привести въ надлежащее устройство Башкирскій край, обезопасить границы, простиравшіяся болѣе чѣмъ на 1000 верстъ, обуздать грабительство степныхъ хищниковъ и распространить нашу торговлю съ Азією. И дѣйствительно, заслуги Неплюева по управленію Оренбургскимъ краемъ были весьма значительны: онъ оказался дѣятельнымъ и разумнымъ администраторомъ. Тѣмъ не менѣе, мѣстѣ г. Витевскаго, будто бы „Неплюевъ былъ Петромъ Великимъ для Оренбургскаго края“ (стр. VIII), кажется намъ нѣсколько преувеличеннымъ; по крайней мѣрѣ въ вышедшихъ выпускахъ его сочиненія мы не находимъ полного подтвержденія такому уподобленію. Припомнимъ слова самого Неплюева, оплакивающаго смерть Петра Великаго: „На что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣеть и что бы впредѣ ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ“, и спросимъ: можно ли эти слова приписать къ самому Неплюеву въ отношеніи къ Оренбургскому краю? Конечно, нѣтъ. Дѣятельность Неплюева въ этомъ край была очень почтенная; но она является только естественнымъ продолженіемъ дѣятельности его предшественниковъ — Кирилова и Татищева, и это вполнѣ очевидно изъ сдѣланнаго самимъ г. Витевскимъ интереснаго очерка Оренбургскаго края до Кирилова, при немъ, а также при Татищевѣ и князѣ Урусовѣ.

Русская колонизація давно уже проникла въ обширныя пространства, заселенныя башкирами, и еще въ 1564 году среди ихъ построены были русскими городъ Бирскъ, затѣмъ Оса, Мензелинскъ и Уфа, а въ 1732 году положено было основаніе Закамской линіи. Захватъ земель русскими поселенцами вызывалъ ропотъ и неудовольствіе башкиръ; злоупотребленія мѣстной администраціи края раздували эту вражду до огромныхъ и отчаянныхъ возстаній башкиръ. Пер-

вое въ нихъ случилось еще въ 1584 году; особенно же извѣстно возстаніе Саятовское, въ 1664 году, продолжавшееся пять лѣтъ. Русское правительство убѣдилось, что для удержанія въ покорности башкиръ и для спокойствія русскихъ поселенцевъ необходимо содержать постоянную военную силу, не только на границѣ, но и внутри Оренбургскаго края. Первый обратилъ вниманіе на это Петръ Великій; но смерть помѣшала ему осуществить задуманный планъ. Кириловъ, развивая планъ Петра Великаго, доказывалъ необходимость устроить городъ на рѣкѣ Ори, чтобы, овладѣвъ бухарскими землями, проложить дорогу для русскихъ товаровъ въ Вухару, Бадакшанъ, Балхъ и Индію. Кирилову даны были средства къ исполненію его плана. Но возстанія башкиръ, а затѣмъ болѣзнь Кирилова, много препятствовали осуществленію его замысловъ; тѣмъ не менѣе еще въ 1737 году въ Оренбургскомъ крайѣ существовали, кромѣ города Самары и основаннаго Кириловымъ въ 1735 году Оренбурга, около 20 укрѣпленій, которыя должны были образовать новую Самарскую и Яицкую линію. Въ 1737 году Кириловъ умеръ, и мѣсто его занялъ извѣстный историкъ и начальникъ Екатеринбургскихъ заводовъ, Василій Пикитичъ Татищевъ. Онъ продолжалъ дѣло Кирилова; усмиралъ постоянныя возстанія башкиръ, боролся съ злоупотребленіями администраціи, завелъ въ Самарѣ школу для калмыковъ и татаръ, перенесъ Оренбургъ на другое болѣе удобное мѣсто при Красной горѣ, а прежній Оренбургъ переименовалъ въ Орскую крѣпость; усилилъ новыми укрѣпленіями Яицкую линію (по Уралу). Преемникъ его князь Урусовъ получилъ приказаніе продолжать строить укрѣпленія отъ новаго Оренбурга по Яику вверхъ до Верхнеяицкой крѣпости и отъ нея по рѣкамъ Ю и Тоболу. Онъ же долженъ былъ принять въ подданство Россіи Среднюю Киргизскую орду, выразившую на то свое желаніе еще при Татищевѣ. Но башкиры бунтовали по прежнему; особенно сильно было возстаніе подъ начальствомъ Салтанъ-Гиря, по прозванію Каракасала. Эта отчаянная кровавая борьба обошлась дорого башкирамъ.

По свидѣтельству извѣстнаго Рычкова, въ періодъ времени съ 1736 по 1740 годъ сожжено 300 башкирскихъ деревень, казнено 7455 человекъ, отдано помѣщикамъ 2,882 чел. башкирскихъ женъ и дѣтей и т. д. Урусовъ предполагалъ построить нѣсколько крѣпостей по рѣкѣ Самарѣ, но не успѣлъ; онъ умеръ въ 1741 году; это досталось уже на долю его преемника—Неплюева, прибывшаго въ Самару въ 1742 году. Онъ также усмирять возстанія башкиръ, преслѣдуетъ

злоупотребленія администраціи (особенно любопытно дѣло съ бывшимъ уфимскимъ вице-губернаторомъ Аксаковымъ), переносятъ городъ Оренбургъ еще разъ на другое (нынешнее) мѣсто, на 252 версты отъ Орска, на самый Уралъ, и также возводитъ цѣлыя линіи укрѣпленій, но только въ другихъ направленіяхъ, сообразно новымъ требованіямъ жизни. Необходимо замѣтить, что Неплюевъ вѣдалъ не только башкирами, киргизами и всюю линіей вѣшнихъ и внутреннихъ крѣпостей въ край, а также провинціями Исетскою и Уфимскою, но скоро въ его же вѣдомство поступили ставропольскіе крещеные калмыки и Яицкое казачье войско.

Г. Витевскій говоритъ очень подробно въ нѣсколькихъ главахъ о Яицкомъ казачьемъ войскѣ, о его происхожденіи и внутреннемъ устройствѣ. Военная коллегія рано стремится преобразовать внутренний строй Яицкаго войска, а также внутреннее казацкое самоуправленіе. Отсюда постоянныя неудовольствія казаковъ, дорожившихъ своею независимостью, и жалобы ихъ на притѣсненія. Съ другой стороны, и здѣсь сосѣдніе кочевники (киргизы, калмыки и каракалпакы) переходили Яикъ, производили грабежи и угоняли скотъ у казаковъ, которые просили позволенія чинить военный промыселъ надъ воровскими калмыками. Еще Татищевъ для охраны казаковъ полагалъ поселять по рѣкѣ Яику драгунскій полкъ. Неплюевъ предпочелъ возложить оборону края на самихъ же яицкихъ казаковъ, строго запретивъ обижать киргизъ съ калмыками. Кромѣ того, Неплюевъ построилъ нѣсколько линій военныхъ поселеній, крѣпостей и редутовъ; эти линіи, принявъ Оренбургъ за центры, шли: на сѣверъ—Самарская и Орская, на востокъ—Красногорская и Уйская, соединявшаяся съ Сибирскою линіею, на западъ—Самарская, и на югъ—Нижне-Яицкая, до самаго Каспійскаго моря. Для заселенія этихъ линій назначены были лаптянцкіе полки, оберегавшіе прежде Закамскую линію; но ихъ было мало. Это указывало на необходимость создать такую военную силу, которая могла бы быть водворена на постоянное жительство въ пограничныхъ крѣпостяхъ Оренбургскаго края. Такою силой явилось основанное въ 1755 году, по представленію Неплюева, Оренбургское казачье войско. Г. Витевскій сообщаетъ подробныя свѣдѣнія о происхожденіи сего войска, при чемъ вдается иногда даже въ излишнія подробности, не относящіяся непосредственно ни къ Неплюеву, ни къ Оренбургскому краю, какъ наиримѣръ, объ ограниченіяхъ при Петрѣ Великомъ крѣпостнаго права, о жестокостяхъ помѣщицы Салтыковой и княгини Козловской и т. д. Находя не-

обходимымъ соединить Оренбургскую линію крѣпостей съ Сибирью, Неплюевъ вошелъ въ переговоры о томъ съ сибирскимъ губернаторомъ Сухаревымъ; результатомъ ихъ явилась Звѣриноголовская крѣпость.

Но Неплюевъ очень хорошо сознавалъ, что для спокойствія края недостаточно однихъ укрѣпленій, что необходимо дать обитателямъ прочное административное устройство, улучшить пути сообщенія, развить торговлю и промышленность въ край, чтобы такимъ образомъ привести къ покорности средне-азиатскіе народы и проложить путь торговому и политическому вліянію Россіи на среднюю Азію.

Обо всемъ этомъ предстоитъ сообщить г. Витевскому въ слѣдующихъ выпускахъ его интереснаго труда. Книга его, конечно, съ избыткомъ будетъ прочтена всякимъ интересующимся исторіей нашего отечества.

Въ заключеніе позволимъ себѣ замѣтить, что если приложеніе къ первымъ двумъ выпускамъ портретъ Неплюева и виды соборовъ въ Оренбургѣ составляютъ нѣкоторое украшеніе книги, то приложеніе подробной географической карты всего Оренбургскаго края, съ современнымъ Неплюеву его раздѣленіемъ, является не только желательнымъ, но и крайне необходимымъ.

И. И.

Сношенія Россіи съ Кавказомъ. Матеріалы, извлеченныя изъ Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ *Сергея А. Евлукуровича*. Выпускъ I, 1578—1613 гг. М. 1889 ¹⁾.

Нѣтъ надобности говорить о важности памятниконъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ иностранными государствами. Эти документы представляютъ во всей полнотѣ дѣятельность нашихъ великихъ князей и царей, направленную къ увеличенію могущества государства, показываютъ, какими способами члены нашего правительства въ этомъ направленіи приводились въ исполненіе, выискиваютъ, какъ создавались традиціи нашей дипломатіи, даютъ понятіе о кипучей дѣятельности посольскаго приказа. Ни одинъ историкъ не можетъ обойтись безъ документовъ, хранящихся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Карамзинъ и Соловьевъ широко пользовались сокровищами архива. Сдѣлать ихъ,

¹⁾ Отд. изд. изъ *Ученій въ Московскомъ Имп. обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ* за 1889 г.

путемъ изданія, доступными для всѣхъ—задача въ высшей степени важная, трудъ вполне благодарный. Надо имѣть въ виду еще то обстоятельство, что многіе документы могутъ утратиться въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, вслѣдствіе порчи въ давнее время, когда способъ храненія ихъ былъ самый примитивный.

Но если ужъ издавать, то все, цѣлкомъ, безъ пропусковъ, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ повтореній, теперь, пожалуй, лишніхъ, но въ свое время необходимыхъ, вызывавшихся канцелярскими приемами нашихъ дѣлковъ и подъячнхъ. Такое изданіе, по своей растанутости и массѣ подробностей, иногда мало относящихся къ дѣлу, будетъ скучно, въ чтеніи утомительно; но только въ подобномъ изданіи и будетъ дѣйствительный толкъ. По нашему убѣжденію, это единственно правильный путь, и на такой путь сталъ С. А. Бѣлокуровъ, приступившій къ изданію памятниковъ сношеній Россіи съ Кавказомъ, съ древнѣйшихъ временъ.

Главную часть книги г. Бѣлокурова составляютъ, какъ по объему, такъ и по содержательности, сношенія съ Грузіей. Покойный академикъ Броссе изучалъ эти документы и на основаніи ихъ напечаталъ: *Echamen critique des annales géorgiennes* (1845) ¹⁾. Но такія работы, основанныя на не изданныхъ документахъ, всегда возбуждаютъ сомнѣніе: всѣмъ ли матеріаломъ воспользовался авторъ, не ограничился ли онъ тѣмъ только, что имѣло ближайшее отношеніе къ его прямой задачѣ, не упустилъ ли онъ какихъ свѣдѣній, быть можетъ, важныхъ, но ему ненужныхъ? такъ ли, наконецъ, полагъ онъ свой источникъ? Вотъ почему изданіе матеріаловъ должно предшествовать раисужденіямъ, на нихъ основаннымъ.

По завоеваніи независимости отъ татаръ, Россіи приходилось завоевывать себѣ международное положеніе, на что обращено было особенное вниманіе великихъ князей Московскихъ, и что давалось нелегко. Чтобы занять видное положеніе среди прочихъ государствъ Европы и Азии, заставить ихъ съ уваженіемъ относиться къ возрождавшейся Россіи, государямъ нашимъ нужно было выказать свою силу и могущество; а видимымъ признакомъ силы являлась въ то время

¹⁾ Статья эта въ русскомъ переводѣ г. Тяжлова, „Критическій обзоръ грузинскихъ лѣтописей позднѣйшихъ временъ по русскимъ документамъ“, напечатана въ *Журн. Мин. Народн. Пр.* за 1846 г., т. 51, отд. II, стр. 1—35, 71—131.

обширность владѣній,— „Царство ширится“. Поэтому расширение предѣловъ государства считалось главной задачей правительства, и воеводы на нашихъ окраинахъ никогда не упускали изъ виду подводить „ногу высокую царскую руку“ новыхъ подданныхъ. Пріумноженіе земли происходило главнымъ образомъ на востокъ, то-есть, тамъ, гдѣ мы встрѣчали элементъ слабый: сибирскіе инородцы рѣдко рѣшались идти противъ огнестрѣльнаго оружія и смиренно несли ясаки въ русскую казну. Но если встрѣчалось серьезное сопротивленіе, какое, напримѣръ, встрѣтили казаки наши со стороны буряты, тамъ наступательное движеніе задерживалось, иногда надолго. На югъ и на западъ, куда собственно и были устремлены главныя силы наши, мы имѣли весьма незначительный успѣхъ почти до Петра Великаго.

Такъ какъ мы не могли высылать на востокъ значительныхъ отрядовъ, то приходилось выработать такую стратегическую систему, которая гарантировала бы безопасность отряда и въ то же время удерживала бы вновь пріобрѣтенную страну въ повиновеніи. Система была выработана очень скоро, она состояла въ возведеніи крѣпостей (городовъ), которыя постепенно выдвигались впередъ, а вѣсть съ тѣмъ отодвигалась и Украина наша, пока не доходила до естественной границы. Мы двигались крѣпостями. Василій Іоанновичъ, чтобы вліять на Казанское царство, построилъ на устьѣ рѣки Суры городъ Васильсурскъ; Іоаннъ Грозный, добираясь до этого царства, основалъ Свияжскъ—и участь Казани была рѣшена. По украинѣ возникли города, при чемъ нѣкоторыя крѣпости выдвигались изъ линіи далеко въ степь, какъ, напримѣръ, при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ Вѣлгородъ. Михаилъ Ѳеодоровичъ выстроилъ Тамбовъ, Козловъ и другіе. Послѣдствіямъ такой системы обнаружались въ самомъ непродолжительномъ времени. Занятая земля закрѣплялась за Россіей, безпкойные сосѣди дѣлались смирнѣе, открытый прежде имъ путь для грабежа сталъ обнаруживать препятствія, вслѣдствіе чего центральныя области меньше страдали отъ хищническихъ набѣговъ и, пользуясь спокойствіемъ, увеличивали свое благосостояніе.

Но этимъ дѣло еще не ограничивалось. Мелкіе владѣльцы, наши сосѣди, во время столкновеній между собою должны были обращать вниманіе и на Россію, особенно ближайшей къ намъ, который могъ попасть между двухъ огней. Чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, онъ рѣшался обратиться къ русскому царю за покровительствомъ и защитой. Получить покровительство было легко: стоило

только принять русское подданство. Христіанскіе владѣльцы принимали присягу на подданство и дѣловали крестъ, инновѣрцы давали шерть ¹⁾ по своей вѣрѣ.

Съ этого момента начинался между нашимъ правительствомъ и новымъ подданнымъ дѣльмй рядъ недоразумѣній и неудовольствій съ обѣихъ сторонъ. Онъ принималъ подданство для своихъ личныхъ выгодъ и смотрѣлъ на подданство, какъ на простую формальность; мы преслѣдовали свои дѣлы и требовали, какъ съ подданнаго, дѣйствительныхъ услугъ, что вовсе не входило въ его планы. Этотъ подданный не только не исполнялъ своихъ обязанностей такъ, какъ мы понимали дѣло, но при случаѣ не прочь былъ поживиться на нашъ счетъ, то-есть, переставалъ „врямить“, начиналъ „воровать“, требовалось непослушника „посмирить“, иногда не одинъ даже разъ. Тогда онъ, „узнавъ свои вины, билъ челомъ“, но дѣло кончалось обыкновенно тѣмъ, что правительство наше, наскучивъ продолжительною борьбой, лишало вассала его владѣній, которыя поступали подъ непосредственную русскую власть; туда назначался воевода, а для упроченія этой власти воздвигались новыя укрѣпленія, которыя начинали играть роль прежнихъ, обратившихся въ пункты стратегическихъ въ административные или торговые.

Замѣчательно, что эта система удержалась до нашихъ дней. Такимъ образомъ покоряли мы Сибирь, двигались на Кавказъ, въ Крымъ. Но нигдѣ укрѣпленныя линіи не получили такого широкаго развитія, какъ въ Туркестанскомъ краѣ. Недруги наши отлично понимали значеніе такой мѣры: сколько, напримѣръ, велось у насъ переговоровъ съ Крымскимъ ханомъ и Турецкимъ султаномъ по поводу одного только города Терка, построеннаго Іоанномъ Грознымъ! Ханъ и султанъ требовали срятія города, и русскому правительству пришлось на время уступить: городъ былъ снятъ; но терскіе казаки остались на своемъ мѣстѣ.

Можно ли говорить, послѣ этого, что мы двигались на востокъ и на югъ безъ всякой системы, безъ плана, строго обдуманнаго, а какъ-то случайно? Быть можетъ, предки наши иногда упускали удобные моменты для своихъ дѣйствій, но вѣдь это удобство обнаруживалось

¹⁾ Арабское слово *шертъ*, „словіе“, „договоръ“ занесено къ намъ татарами въ значеніи „клятвы“, „присяги“. Отсюда глаголъ *шертовать*, часто употребившійся въ старину въ дѣлѣ сношеній съ азіатцами.

лишь впоследствии и ясно теперь для насъ, но современникамъ дѣло могло представляться иначе. Правительство наше всегда дѣйствовало осторожно, но настойчиво. Это, вѣдь, тоже система.

Отношенія Россіи къ Грузіи, самыя дружественныя въ теченіи болѣе чѣмъ двухъ столѣтій, разрѣшились въ 1801 году принятіемъ грузинъ въ русское подданство ¹⁾. Этотъ актъ устраняетъ всякіе счеты между нами и ими; но существуетъ мнѣніе, идущее изъ грузинскаго лагеря, высказываемое публично, что Россія не принесла никакой пользы Грузіи, что воспользовавшись со стороны грузинъ существенною помощію въ борьбѣ съ турками и персїанамъ, она выдавала грузинскій народъ его врагамъ, которые жестоко мстили ему. Тяжкій упрекъ! Чтобы убѣдиться, справедливъ ли онъ, мы должны обратиться къ историческимъ памятникамъ, которые одни только могутъ представить дѣло въ истинномъ видѣ. Документы, изданные г. Вѣдокуровымъ, ограничиваются пока вступленіемъ на Россійскій престолъ Дома Романовыхъ, по въ нихъ излагается начало сношеній, чтѣ для насъ особенно важно, такъ какъ отношенія обонихъ правительствъ другъ къ другу уже опредѣлились, тутъ обнаруживается, на какой путь стало то и другое, какіе были у нихъ планы, къ чему они стремились.

Когда пало Астраханское царство, значеніе Россіи для Кавказа сразу опредѣлилось, а выдвинутый впередъ Грознымъ городъ Терки (или Терекъ) давалъ Россіи возможность принимать участіе въ событіяхъ, совершающихся на Кавказѣ. Уже тогда Грузинскій царь сталъ проситься въ подданство къ Московскому. При Федорѣ Іоанновичѣ переговоры о подданствѣ велись очень оживленно; начались они со стороны Грузинскаго царя Александра. Положеніе Грузіи въ то время было самое печальное: ей угрожалъ Турецкій султанъ съ одной стороны, Персидскій шахъ—съ другой. Царю Александру приходилось откупаться отъ обонихъ, а, кромѣ того, шамхаль тарковский (въ дѣлахъ нашихъ называется шевкаль) постоянными набѣгами разорялъ

¹⁾ Императоръ Александръ I, прежде чѣмъ присоединить Грузію къ Россіи, хотѣлъ убѣдиться, действительно ли народъ грузинскій желаетъ этого присоединенія и действительно ли для него другаго исхода нѣтъ. Въ инструкціи данной по этому поводу посланному въ Грузію Киоррингу, императоръ говорилъ, что „не для Россіи присоединяется народъ сей къ имперіи, но собственно для него, что не нашихъ пользъ мы въ семъ ищемъ, но единственно его покою и безопасности“.

Грузію. Откупиться подарками и отъ шамхала Александръ, вѣроятно, находилъ неудобнымъ, а бороться съ нимъ собственными средствами не могъ. Ему оставалось прибѣгнуть къ покровительству сильной державы, хотя бы на условіяхъ нѣсколько и унижательныхъ, но унижаться Александръ уже привыкъ; а въ этомъ случаѣ тягость униженія облегчалась тѣмъ, что приходилось имѣть дѣло съ христіанскимъ государемъ, съ царемъ Московскимъ, къ которому онъ обратился съ предложеніемъ своего подданства. Трудно было положеніе Александра и до этого шага, теперь же оно усложнялось новыми обязательствами, и царю Грузинскому предстояло хитрить больше прежняго.

Личность царя Александра представляется намъ въ видѣ далеко не привлекательномъ. Скверно онъ началъ, скверно и кончилъ. Какъ смотрѣли на него персіяне, видно изъ статейнаго списка нашего посла въ Персію князя Андрея Звенигородскаго. Когда посолъ просилъ шаха отпустить въ Россію находящагося въ Персіи „въ закладѣ“ сына Александрова Константина, то получилъ такой отзывъ о Грузинскомъ царѣ отъ „ближняго шахова человѣка“ Фергата хава: „Олександрю царю никому вѣры нати нельзя, какъ государю вашему манить, такъ и государю нашему. А ко государю вашему пишетъ и бьетъ челомъ, а называецца хрестьяниномъ, а ко государю нашему пишетъ, а называецца нашии вѣры, а къ турецкому ежегодно посылаетъ по 30 вьюковъ шолку“. Самъ шахъ Аббасъ заявилъ князю Андрею: „говорилъ еси о грузинскомъ царевичѣ, чтобъ миѣ его къ брату своему ко государю вашему послати, и я не только за грузинскаго царевича, хотя, для любви, и за сына своего Сейфи мирзу не стою, только Олександрю царь человекъ неправедной и ни въ чемъ ему бевъ закладу вѣры нати нельзя“. Положимъ, это говорили персіяне въ своихъ интересахъ, но въ томъ же родѣ отзывался объ Александрѣ и сынъ его Константинъ въ отвѣтъ на вопросъ шаха, не хочетъ ли онъ, Константинъ, переѣхать къ Московскому государю: „Я ни въ здѣ обусурманенъ и ожененъ и учинился въ холопствѣ у тебѣ шахова величества, а будетъ захотѣлося отцу моему видѣти у государя, и онъ чего для не пошлетъ ко государю сына своего, брата моего котораго ни буди? Только отецъ мой всѣмъ государемъ манить, какъ турецкому, такъ государю московскому, такъ и тебѣ шахову величеству, и вѣрять ему никому ни въ чемъ нельзя“¹⁾. Пусть это отвѣтъ

¹⁾ Дѣла Персидскія, книга № 3. Статейный списокъ князя Андрея Звенигородскаго.

тонкаго дипломата, вынужденнаго вывертываться изъ затруднительнаго положенія, пусть это отвѣтъ интригана, быть можетъ, уже тогда замышлявшаго свергнуть отца съ престола, но по отношенію къ Россіи онъ вполнѣ оправдался. „Манить“, чтобы заручиться поддержкой Московскаго царя противъ шамкала, безъ всякихъ затратъ съ своей стороны, удалось Александру какъ нельзя лучше. Отдѣляясь одними обѣщаніями и требуя отъ насъ постоянно помощи, Александръ имѣлъ столько нахальства, что еще обвинялъ русское правительство въ недостаткѣ энергіи, что наше содѣйствіе, не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ бы ему хотѣлось, только ухудшаетъ его положеніе. Сущность переговоровъ въ этомъ и заключалась.

Въ 1866 году прибыли въ Россію отъ Грузинскаго царя священникъ Іоакимъ, старецъ Кирилла и Хуршитъ съ грамотою, въ которой царь Александръ просилъ Ѳедора Іоанновича принять Грузію подъ свою царскую руку, такъ какъ „земля наша хрестыянская, а отъ невѣрныхъ турокъ въ велицей бѣдѣ я утесненье“ (стр. 12). Ѳеодоръ Іоанновичъ принялъ дара Александра подъ свою руку тѣмъ болѣе охотно, что дѣло шло о защитѣ хрестіанства и вибѣстѣ съ тѣмъ надѣялся приобрѣсти союзника противъ турокъ. Прежде всего требовалось возстановить на устьѣ Суужи городъ Терекъ и договориться съ Грузинскимъ царемъ на счетъ условій подданства, которое надо было закрѣпить присягой. Съ этою цѣлію въ Грузію былъ отправленъ Родіонъ Виркинъ съ товарищи. Уже по началу переговоровъ стало ясно, что дѣло не состоится на принципѣ взаимныхъ услугъ. Съ нашей стороны отъ поваго подданнаго требовали ежегодныхъ поминковъ: „по 10 аргумаковъ добрыхъ, по 10 коневъ добрыхъ, которые бы государю пригодились, по 5 вноходцевъ, по 50 камокъ золотныхъ кизылбацскихъ съ золотомъ и съ серебромъ лутшихъ, по 10 ковровъ съ золотомъ и съ серебромъ и съ шелки“ (стр. 24). Да одновременно для терскаго гарнизона царь Александръ долженъ былъ доставить провіантъ. Цѣловальную записку онъ далъ; но поминки давать въ томъ количествѣ, какъ было ему заявлено, отказался. Конечно, расходъ у Александра былъ великъ: онъ платилъ дань султану турецкому, задобривалъ шаха, гдѣ ужъ тутъ посылать дары въ Москву! У насъ, впрочемъ, за данью и не гнались. Въ казакахъ слѣдующимъ посланцъ предписывалось на поминкахъ не настаивать: „государь нашъ его царское величество пожаловалъ Александра царя, подъ свою царскую руку взялъ не для даня, ни для чего, для своего царственнаго обычая и для хрестыянства; а у го-

сударя нашего въ казнь чего нѣтъ?" (стр. 247 и 278). А о томъ, что Александръ будетъ продовольствовать русскій отрядъ въ Тервѣ, нечего было и думать.

Въ отвѣтъ на посольство Биркина явился къ намъ въ 1588 г. князь Капланъ, и прежніе старецъ Кирилл и Хуршитъ съ просьбою защитить Грузію отъ Шевкала. Просьба была уважена, рать на Шевкала обѣщана. Къ Александру отправленъ въ слѣдующемъ году князь Семенъ Звенигородскій, съ которыми посланы наши точно сформулированныя требованія къ Грузинскому царю (стр. 88—89). Александръ на словахъ казался самымъ преданнымъ подданнымъ Московскаго государя, но только на словахъ. „Все Божье да великаго государя моего царя и великаго князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи“, говорилъ онъ нашему послу, — „язъ холопъ и жена моя и дѣти мои и все государство мое передъ Богомъ да передъ нимъ государемъ (стр. 160)... и мнѣ отъ государя своего не отступить, хоти случитца за то и смерть принять“ (стр. 163). Показавъ посламъ войско свое, Александръ заявлялъ: „а то люди не мои, то все люди Божьи да государевы“ (стр. 172). За послами Александръ ухаживалъ въ высшей степени. „Бже да пейте“, говорилъ онъ имъ, — „бутте сыти и веселы. Все — государя великаго. Только бѣ языку вашему умѣлъ, и язь бы вѣдалъ, какъ васъ великаго государя пословъ чтити“ (стр. 189). На одномъ обѣдѣ, на которомъ присутствовали послы, „Олександро царь, выходя изъ за стола, самъ съ азнауры ядоровалъ посломъ князю Семену да дяку Торку питья и шестья. А говорилъ: видите сами, какъ язь и съ своимъ азнауры для великаго государя царя и великаго князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи васъ, его пословъ, чту; самъ, выходя изъ-за стола, и съ азнауры своимъ бѣ челомъ. Весь мой домъ Божей да вашъ“ (стр. 200). При всемъ этомъ сокровенною мыслью царя Александра было смирить Шевкала на чужой счетъ. Русскій отрядъ уже ходилъ на Шевкала, отнялъ у него рѣку Койсу, на которой рѣшено было построить городъ. Но Грузинскій царь этимъ не удовольствовался. Въ 1590 году снаряжалъ онъ посольство, возложенное на князя Сулеймана и Хуршита, съ спеціальною цѣлью просить помощи противъ Шевкала. Въ грамотѣ своей Ѳедору Ивановичу Александръ писалъ: „пачѣ чинитца теснота отъ горскихъ людей: приходятъ они въ нашу землю украдомъ, иножды въ день, иножды ночью, и нашихъ людей побиваютъ и въ полонъ емѣютъ, и доколе до насъ вѣсть доидеть, а они украдомъ вскоре повоювавъ бѣгаютъ“ (стр. 225). Изложивъ, какъ отъ недруговъ пребывалъ

въ скорби, Александръ просилъ рати на Шевкала ¹⁾. Посламъ заявили, что просьба будетъ уважена, но сдѣлали имъ запросъ: сколько самъ Александръ пошлетъ войска противъ Шевкала? Послы отъ-чали уклончиво: войска у царя 40,000, а сколько пошлетъ, то вѣдаетъ Богъ да государь" (стр. 227). Выяснить этотъ вопросъ былъ отправленъ въ Грузію Василій Плещеевъ. А между тѣмъ русская рать произвела нападеніе на Шевкала, сожгла у него городъ Андреевской. Царь Александръ съ своей стороны никакого участія въ дѣлѣ не принималъ, онъ прислалъ къ Московскому царю князя Арама и архимандрита Кирилла бить челомъ за эту оборону. На аудіенціи у Бориса Годунова князь Арамъ говорилъ, что Александръ ему наказалъ „бити челомъ и велѣлъ припасти къ твоимъ ногамъ, чтобы ты его царскому величеству наше челобитіе доносишь и объ насъ билъ челомъ и молишь и просишь, чтобы великій государь пожаловалъ меня, Александра царя, держалъ во оборонѣ и въ защищеніе и послалъ бы на Шевкалскаго большую рать свою съ вогненными боемъ, чтобы государева рать къ зиме на Шевкалскаго пошла къ Таркамъ и Тарки, взявъ, укрепили и сидѣли бы въ Таркахъ государевы люди" (стр. 253). И опять просьба уважена, противъ Шевкала посланъ внизъ Хворостиничъ „съ вогненными боемъ", а въ Грузію отправленъ Иванъ Всеволодскій (въ 1593 г.), чтобы побудить Александра напасть на Шевкала съ противоположной стороны. Не имѣлъ успѣха и Всеволодскій: грузинское войско не помогло намъ. Прибывшее въ 1595 г. грузинское посольство (Хуршитъ и Арамъ) привезло грамоту царя Александра, въ которой онъ оправдывался тѣмъ, что русскіе воеводы не очистили еще дорогу черезъ Кумидкую землю.

У насъ, конечно, поняли политику Александра; но переговоры съ нимъ не прерывались, потому что они все-таки соответствовали нашимъ цѣлямъ, „смирить" Шевкала было тоже въ нашихъ интересахъ, хотя Грузинскому царю наши походы противъ Шевкала выставлялись, какъ жертва, приносимая нами Грузин. Но преслѣдуя свои

¹⁾ Еще въ Грузіи Сулиманъ отъ имени Александра говорилъ князю Семелу Звенигородскому: „а которые были государства бусурманскіи, Шевкалъ и нине,— и тѣ учали господати Турекому жъ, что вѣра ихъ одна бусурманская. А только одно мое государство хрестыанское осталось, и то хотять бусурманъ поглотити. Да что они у меня селъ и деревень повоюють, погнутъ или людей побють или лоравать, и то не столъ мнѣ досадать, тѣмъ побитымъ Богъ судилъ; а то всего худци, что возмутъ хрестыанина жива и поругаютца хрестыанской вѣре, многими муками бусурманитъ въ свою вѣру" (стр. 214).

личныя цѣли, правительство имѣло въ виду и Грузинскаго царя, который получалъ изъ нашихъ походовъ противъ Шевкала значительныя выгоды, а потому и поведеніе Александра представлялось намъ не соответствующимъ тѣмъ обязательствамъ, которыя онъ добровольно принялъ на себя. Надо было дать это понять Александру, и вотъ Федоръ Ивановичъ въ грамотѣ къ нему писалъ: „и наши воеводы, Шевкалову землю воевавъ и стоявъ въ Таркахъ долгое время, да Тархи разворили, а сами на Терку воротилися. И мы тому подивилися: для чего такъ учинилося, что ты къ нашему царскому величеству прислалъ пословъ своихъ съ слезниимъ прошеніемъ, жалуючися на Шевкала, чтобъ намъ велик. госуд. ц. и вел. кн. Федору Ивановичю всеа Русіи самодержцу на него послати рать свою и его велѣли воевати, а какъ мы на него рать свою послали, и ты съ нашими воеводами на него не сталъ и сына своего и свата къ нашимъ воеводамъ съ ратью не прислалъ? И за тѣмъ большое дѣло не совершилося, а нашему царскому величеству въ той рати въ подѣме великіе убытки починилися“ (стр. 266—267).

Грамоту повесть Совинъ въ 1596 г., при чемъ въ наказѣ ему, на случай отговорокъ царевыхъ людей въ невозможности для грузинъ выступить противъ Шевкала, сдѣлано наставленіе, какъ отвѣчать: „какъ ни того и говорить не стыдитесь, что Александръ царь съ своимъ синомъ рати на Шевкала не послалъ за дорогою? Коли такая милость была къ Александру царю, что многая государева рать, пришедъ, Шевкалову землю воевали, а Шевкалъ противъ государевыхъ воеводъ не сталъ, побегалъ,—и въ то было время Александру царю надъ Шевкаломъ и промыслать и рать своя къ государевымъ воеводамъ послать“, и проч. (стр. 274).

Пріѣхалъ Совинъ въ Грузію, и опять Александръ сталъ выказывать свою преданность Россіи на словахъ: „ухватился я“, говорилъ онъ Совину,—„у великаго государя царя и вел. кн. Федора Ивановича всеа Русіи самодержца за его царскую полу и по свою смерть отъ его царскаго величества отступенъ не буду“ (стр. 287). Но когда начались переговоры, то посламъ нашимъ ближніе царя Александра люди дали замѣтить, что Московскій царь не вполне исполнилъ свое обѣщаніе: „Александръ царь по ся мѣста ни въ чемъ великаго государя вашего не послушался. А сына своего царевича Юрья съ ратью Александръ царь ко государю вашему воеводамъ на сходъ хотѣлъ послати, да пройти было въ горахъ не мочно, дороги черезъ горы большіе конные на Кумицкую землю вѣтъ. А государевы воеводы

ходили и воевали Шевкаловы мѣста, которые у моря блиско, а въ Казы-Кумыхъ государевы воеводы не были и Шевкаловыхъ лутчихъ мѣсть не воевали; а которой городъ поставили государевы воеводы въ Шевкалове землѣ, и отъ того города Шевкалу некоторые тесноты нѣтъ. И ныне Шенкаль, сложась со многими зъ горскими князми, болши прежнего государя нашего цареву Александрову землю водесть и церкви Вожьи разоряють" (стр. 301). Стало быть, изъ земли Шамхала въ Грузію пройти было можно, а изъ Грузіи къ нему нельзя. Мало того: тѣ же ближніе люди заявили посламъ, что „Александръ царь ныне къ Шевкалу платье посылаетъ для того, чтобъ Шевкаль людямъ своимъ на Иверскую землю ходити войною не велѣлъ" (стр. 302). Въ отвѣтъ послы привели слова наказа: „какъ вы того и говорити не стыдитесь" и прочее; но слова эти не произвели на грузинъ желаннаго дѣйствія. „Государь нашъ.... поминки посылаетъ по неволе, что съ нимъ управитца не мочно", возражали они (стр. 303). Что же касается до дани, то ея послы и не требовали, да Александръ и намѣренія не имѣлъ посылать приличную дань, каковую предоставилъ на его волю. Посламъ нашимъ онъ замѣтилъ: „пришла де на меня и на мое государство скудость великая, многую свою казну разослалъ въ давъ басурманскимъ государемъ, отъ которыхъ моей землѣ теснота бываетъ; да выдалъ де дочь свою замужъ за Дадьянсково (Мингрельскаго) князя и многую свою казну въ приданое далъ. И мнѣ де къ великому государю дани послати нѣчево" (стр. 309—310). Отпуская русскихъ пословъ, Александръ по прежнему просилъ выслать русскую рать противъ Шевкала. На этомъ долженъ былъ настаивать и посланный имъ въ Москву кн. Сулейманъ.

Въ грамотѣ, которую привезъ кн. Сулейманъ Федору Иоанновичу въ 1599 году, Александръ писалъ: „намъ надежа была на великого государя; а государева рать намъ ничего не пособила, ни которую корысть намъ не учинили, ни намъ, ни землѣ нашей, ни ясыровъ нашихъ, ни монастыремъ, ни церквамъ, ни всему роду крестьянскому" (стр. 320). Въ грамотѣ къ Борису Годунову упрекъ высказывается еще сильнѣе: „прежъ сего было слово твое къ намъ, и мы твоему слову вѣрили; а слово твое и указъ твой до конца не совершилось... Прежъ сего слухъ былъ по всѣхъ царствахъ, что Александръ царь Иверскій съ великимъ государемъ Московскимъ въ любви живетъ, а великій государь Московскій ему посылаетъ кречеты и дары многіе; а ныне сего лѣта ни кречеты не прислали намъ, ни дары, чтобъ челоуѣку пригоже было". И все-таки при этомъ прибавлялъ: „а челоуѣкъ сохвн, отд. 2.

битье мое все изъ начала до конца про Шевкалское, чтобъ рать свою прислалъ великую на моего недруга, а на государева кнѣжника и непослушника, на Шевкалского и на всю Кумицкую землю; мы oprычь сего не ставемъ государю докучати" (стр. 321).

Иностранная политика при Федорѣ Ивановичѣ находилась, можно сказать, въ вѣдѣніи Бориса Годунова, потому и царствованіе Бориса не представляетъ въ этомъ отношеніи ничего новаго. Посланые въ Грузію въ 1601 году Иванъ Нащокинъ и дѣльчъ Иванъ Леонтьевъ должны были наставлять, чтобъ Александръ, уговорясь съ астраханскими и терскими воеводами, послалъ противъ Шевкала свою рать одновременно съ русскою, чтобы надъ Шевкаломъ „промышляти заодно" и дорогу между двумя государствами очищать сообща (стр. 332—333), не такъ, какъ прежде: „князь Овдрѣй Хворостининъ съ товарищи царского величества Кумицкую землю воевали и ждали многое время Александровыхъ царевыхъ воинскихъ людей, и Александръ царь рати своей не послалъ, а была одна государева рать, да и то ходила не во время, и потому тогда и не совершилось. И то Александру царю стало отъ себя. А только бѣ была рать Александра царева и пошли бѣ на Шевкала во время, ино бѣ тогда Александрово царево дѣло, Шевкалского походъ совершился" (стр. 335).

Посольство это было не изъ удачныхъ, оно чуть было не разорвало Россію съ Грузіей. После въ статейномъ спискѣ жалуются на дурное обращеніе съ ними Грузинскаго царя, который будто бы говорилъ „непригожія слова" про царя Бориса. Но прибывшій къ намъ въ 1603 году старецъ Кирилло не только отрицалъ показаніе русскихъ пословъ, но обвинялъ еще ихъ самихъ въ вредосудительномъ поведеніи. Обвиненію повѣрили, и такъ какъ Нащокинъ умеръ, то заплатился одинъ только Леонтьевъ: его велѣно казнить торговою казнью и кинуть на смерть въ тюрьму (стр. 428), а предварительно провели мимо посольскаго двора, гдѣ стояли грузинскіе послы, и били кнутомъ (стр. 403). Кроме того, изъ животовъ Нащокина и Леонтьева выдано Кириллу 500 рублей „за то, что онѣ, будучи въ Грузинской землѣ, воровали, многихъ людей безчестили и грабили и до смерти побивали" (стр. 406). Такимъ образомъ, все, что было возможно, мы дѣлали для Грузин, не извлекая никакой для себя пользы съ ея стороны. „Не вида ихъ (грузинъ) въ себѣ никакіе службы", Борисъ Федоровичъ „многую свою милость показалъ, рати многіе на недруга ихъ, на Шевкала посылалъ и города въ Черкасской и Кумицкой землѣ, для ихъ челобитья поставити велѣлъ" (стр. 478). Отношеніе же Але-

Александра къ Россіи представляется тѣмъ болѣе ненормальнымъ, что отговариваясь невозможностью дѣйствовать за одно съ русскими противъ шамхала для пользы Грузинъ, Александръ, по требованію шаха Аббаса, явился съ своимъ отрядомъ въ Персію и проливалъ грузинскую кровь, сражаясь съ бухарцами въ рядахъ персидскаго войска, то-есть, принималъ участіе въ дѣлѣ для него совершенно чуждомъ.

Новый русскій посолъ Татищевъ (1604 г.) не засталъ въ Грузинъ царя Александра, но управлявшій тогда государствомъ царевичъ Георгій утѣшалъ насъ по старой программѣ и „говорилъ, что онъ во всей государеве воле и кромѣ Бога да его великаго государя надежи ни на кого не имѣетъ“ (стр. 478). Какую злою иронією звучали въ то время эти слова!

Вернувшійся изъ похода Александръ не успѣлъ переговорить съ русскими послами: передъ самой аудіенціей онъ былъ убитъ сыномъ своимъ Константиномъ при помощи персіанъ, при немъ находившихся. Та же участь постигла и Георгія. Константинъ же заявилъ Татищеву, что „будетъ великій государь вашъ учтетъ меня жаловать также, какъ и шахъ, и лезъ въ его государеве жалованье рать быть и учту ему, государю, служить лутчи отца своего и братьи и поминки посылать аргамаки и всякіе узорочья“ (стр. 490). Съ тѣмъ посольство ваше и отправилось домой.

Въ смутное время намъ было не до Грузинъ, и сношенія съ нею прервались до воцаренія Михаила Ѳеодоровича. Будемъ ожидать появленія въ печати дальнѣйшихъ документовъ, когда представится полная возможность оцѣнить отношенія Грузинъ къ Россіи. Теперь же мы видимъ, что начало сношеній не оправдало ожиданій нашего правительства, что дѣло было основано на довѣрїи одной стороны и на обманѣ другой. Но вопросъ о подданствѣ былъ возбужденъ, цари наши стали стремиться къ осуществленію его, шли къ этой цѣли упорно и достигли ея.

Въ отпискѣ пословъ Совина и Полуханова находится шифрованная замѣтка, которую г. Бѣлокуровъ помѣстилъ на страницѣ 312 своей книги. Слова написаны связано, мы предлагаемъ раздѣлить ихъ слѣдующимъ образомъ: Онъ аведъражню ачетъ в ацѣр ашоттси отьлок ешъвакъл огоспадиур одьбет ечолъмъ ийъзъ Гурейз аечът осполтъ енопшюлът (предполагаемъ: енопшюлът) омговарът (должно быть: оговарът, м, попало отъ другаго слова) антон отьлок едъ гурязьноскви евъмѣл і ечолног (должно быть: ечоломног, то-есть, сюда надо

отнести м., появившее въ огювлрѣт) оыат (предполагаемъ: ибѣят) ко огоснадрѣр шотѣб ешѣвакал оеавагъ а окил ешѣвакал оеавагъ оеа-туягъ юн ойпсолѣв ѣвечог омысалт.

Раскрывается шифръ такимъ образомъ: каждый слогъ пишется по-слѣдовательно въ обратномъ порядкѣ буквъ. Выходитъ слѣдующее: По задержанью чаеть (то-есть, чаять) въ царѣ шатости: только шевакал господарю добѣеть челомъ, и изъ грузей, чаеть, пословъ не пошлютъ; говорить тайно: только де Грузинской землѣ и челомного битя ко господарю, штобъ шевакала воевалъ, а коли шевакала воевать не ста-нутъ, ино и пословъ нѣчего посылать.

Сообщеніе чрезвычайно важное, оно характеризовало отношенія къ намъ царя Александра, раскрывало нашему правительству всю политику этого подданнаго. Такое донесеніе посолъ нашъ въ Грузіи не рѣшился послать обыкновеннымъ письмомъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ пришлось бы прибѣгнуть къ услугамъ грузинъ, а было извѣстно, что царь Александръ не отличался особеннымъ благородствомъ: онъ вскрывалъ грамоты Московскаго царя къ русскимъ посла-мъ, находившимся въ Грузіи. Такъ поступилъ онъ съ княземъ Семеномъ Звенигородскимъ ¹⁾.

Мы въ первый разъ встрѣчаемся употребленіе шифра въ такое раннее время, въ XVI столѣтіи. Секретныя бумаги, какъ, напримѣръ, наказъ послу писались въ то время обыкновеннымъ способомъ, а по-тому посланникамъ предписывалось такой документъ выучить на-изусть, на тотъ случай, еслибы попадобилось наказъ уничтожить, чтобъ онъ не попалъ въ руки иностранцевъ, такъ какъ въ наказѣ вѣлагались планы и намѣренія правительства по отношенію къ ино-страннымъ государствамъ ²⁾.

¹⁾ Въ дн. Звенигородскому, во время пребыванія его въ Грузіи, присланы были изъ Астрахани двѣ грамоты, которыя оказались розпечатанными. Поэтому случаю послы наши замѣтили старцу Кириллу: „того нигдѣ не ведетца, что гра-моты чужіе розпечатывате; а намъ то стало безчестно, чтобъ Олександръ царь вельдъ того смекати, кто тѣ грамоты розпечаталъ. А будетъ Олександро царь тѣ наши грамоты и самъ розпечаталъ, и въ томъ онъ воленъ; а и тому было быти не пригоже“. И старецъ Кирило говорилъ: „тѣ грамоты розпечаталъ самъ Олександро царь; и выслушавъ тѣхъ грамотъ, послалъ къ вамъ и со мною при-казалъ, что ихъ розпечаталъ онъ самъ“, стр. 182.

²⁾ Въ наказѣ князю Василью Васильевичу Тюенину и дьяку Семену Емельянову, посланнымъ въ 1597 г. въ Персію, для заключенія съ шахомъ Аббасомъ оборонительнаго и наступательнаго союза, главнымъ образомъ противъ Турецкаго султана, сказано: „Начто принесеть ихъ, но грехомъ, подѣ турского го-

Въ настоящемъ случаѣ мы не знаемъ, кто придумалъ такой шифръ: дьяки ли посольскаго приказа, или самъ Совинъ? Въ виду единичности случая и вслѣдствіе малаго размѣра сообщенія мы готовы предположить, что починъ принадлежалъ Совину, который могъ понадеяться на проницательность дьяковъ посольскаго приказа ¹⁾.

Пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы возбудить вопросъ о способѣ печатанія старинныхъ документовъ. Такихъ документовъ, дипломатическихъ, административныхъ, хозяйственныхъ и вслѣхъ иныхъ, не говоримъ уже о лѣтописяхъ, грамотахъ, трактатахъ, издано очень много, но никакой системы для передачи текста до сихъ поръ не выработано. Всякій издаетъ по своему личному усмотрѣнію и произволу. Ученныя общества и учрежденія не пришли по поводу изданій ни къ какому соглашенію ²⁾. Выработать правила, конечно, трудно, но необходимо и давно пора обратить на этотъ вопросъ серьезное вниманіе, хотя бы для того, чтобы будущія поколѣнія не передѣлывали нашихъ работъ. Думаемъ, что авторитетъ Археографической комиссіи долженъ помочь дѣлу.

Идеальное требованіе отъ изданія заключается въ томъ, чтобы мы, въ случаѣ утраты подлинника, могли, по печатному тексту, воз-

родъ вождь Дербень, или на море ихъ возьмутъ турецкого люди, и князю Василью Васильевичу и дьяку Семейке наказъ в рѣчь, и грамоты государевы, и грамоты Бориса Федоровича и росписъ поминкамъ, изготови съ каменемъ тайно, обещавъ крѣпко во что, да вынуть въ воду, чтобы никому неприятно было, или приготова оговя, змечь, или издрать, чтобы одиначио устроить, — лише оставити у себя грамоты о торговомъ дѣле..... а сей наказную память, изуча крѣпко наизусть, издрати ихъ". Дѣло о посольствѣ кн. Тюменкина (въ Моск. главн. архивѣ кнн. иностр. дѣлъ, лл. 98—103).

¹⁾ Древнѣйшею цѣпирною азбукою для шифрованной переписки считается азбука цѣпирная, данная отъ патріарха Филарета Никитича думному дьяку Ивану Гравеву, писанная его рукою⁴ 1633 г. августа 8-го дня. Она хранится въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и описана Пономыремъ подъ заглавіемъ: „Прибавленіе къ статьѣ о дипломатической тайности въ древней Руси" (*Записки Имп. Археологическаго общества*, т. V).

²⁾ Дворцовые разряды въ изданіи II Отдѣленія собств. Его Императорскаго Величества канцеляріи напечатаны съ нѣмнѣшнемъ ореграфіемъ, равно какъ и у И. Е. Забѣлина (въ *Чтен. Моск. общ. ист. и древн.*); а въ Симбирскомъ сборникѣ Валуева согласно съ подлинникомъ. Сношенія Россіи съ Римскою имперіей изданы II Отдѣленіемъ собств. Его Императорскаго Величества канцеляріи съ незначительными поправками; Г. Ѳ. Карповъ допустилъ поправки въ Крымскихъ дѣлахъ (въ *Сборникѣ Императорскаго Историческаго общества*). В. А. Улаицкій въ тѣхъ же дѣлахъ строго держался текста. Такой же системѣ слѣдовалъ и Г. Влокуровъ.

становить этотъ подлинникъ въ первоначальномъ видѣ. Осуществленіе этого требованія на практикѣ встрѣчаетъ, однако, много затрудненій. Одно изъ существенныхъ состоитъ иногда въ невозможности одновременно съ передачею текста передать и то, что хотѣлъ сказать писецъ, но не имѣлъ въ своемъ распоряженіи къ тому средствъ, за отсутствіемъ въ то время тѣхъ или другихъ знаковъ (примѣры будутъ представлены ниже).

Какъ издавать памятники: держаться ли строго орфографіи подлинника, или можно допускать въ немъ измѣненія согласно новѣйшимъ требованіямъ грамматикъ?

Одни заявляютъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ нѣтъ никакой надобности сохранять прежнюю орфографію во всей ея неприкосновенности и соблюдаютъ правописаніе текста по возможности. Въ предисловіи къ изданію Дворцовыхъ Разрядовъ (С.-Пб. 1850, т. I, стр. XXXVI) сказано: „Издаваемые нами рукописи, ни по древности, ни по значенію филологическому, не принадлежать къ числу такихъ, въ которыхъ слѣдовало бы непремѣнно соблюдать всё, и малѣйшіе отбѣнки древней орфографіи, не раздѣляя даже словъ и не вводя новыхъ знаковъ пренннанія, каковы суть Остромирово или Реймское Евангеліа. Онѣ важны по своему содержанію, но писаны большею частью людьми полуграмотными, и не было бы ни пользы, ни возможности сохранить въ печати всё орфографическія ошибки писцовъ“. Сорокъ лѣтъ спустя, И. Е. Забѣлинъ, приступая къ подобному же изданію, высказалъ то же самое: „Длѣяче правописаніе XVII столѣтія, какъ извѣстно, не составляетъ основнаго сокровища для исторіи языка и напротивъ того отличается изобиліемъ весьма обычныхъ въ малограмотномъ письмѣ ошибокъ. По своему характеру, оно, какъ и теперешнее не совсѣмъ грамотное письмо, всегда обнаруживаетъ явные слѣды борьбы грамматикъ съ выговоромъ или произношеніемъ“ (Дополненія къ Дворцовымъ Разрядамъ, стр. XII—XIII. Читенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей русскіихъ при Московскомъ университетѣ 1882, I). Иные держатся текста „по возможности“, не допуская никакихъ измѣненій только въ собственныхъ именахъ.

Въ самомъ дѣлѣ: если подъячій написалъ велелъ, а строкой ниже велмъ, то неужели необходимо сохранять то и другое? Неужели надо оставить: тверской, иверской? Но тамъ, гдѣ была строгая система, измѣнять нельзя ни въ какомъ случаѣ. Глаголы оканчивались всегда вмѣсто *ся*, *ся*—на *ца*: видетца, кажетца. Когда пра-

вописаніе выражаетъ общій или мѣстный выговоръ, измѣненія не должны допускаться: да (до) Москвы, тогда, соо и т. д. И десятиричное употреблялось какъ разъ на оборотъ противъ нашихъ правилъ настоящаго времени. Раскольники никакъ не соглашались писать: Исусъ. Когда допускаютъ измѣненія въ орфографіи, тогда мы уже знаемъ, какъ относиться къ такому изданію, подновленному въ наше время и въ обманъ не дадимся.

Но такая система имѣетъ свои неудобства. Какія измѣненія возможны, и гдѣ предѣлъ личному произволу? Странно читать документы XV, XVI, XVII столѣтій, исправленные по грамматическимъ требованіямъ XIX.

По другому взгляду на дѣло, никакія измѣненія въ передачѣ текста не допускаются, онъ выдается буква въ букву. Мы вполне сочувствуемъ такой системѣ и были бы готовы стать на ея сторону, еслибы она достигла намѣченной цѣли; но при всей, математической точности передачи, изданія подобнаго рода не имѣютъ никакого филологическаго значенія, а между тѣмъ пользованіе текстомъ и чтеніе его затрудняются¹⁾. Обойтись теперь безъ знаковъ препинанія, въ старину не употреблявшихся, не возможно. Они придаютъ изложенію смыслъ, который въ нѣкоторыхъ случаяхъ постигается нелегко даже самимъ изучающимъ памятникъ, требуются сравненія, иногда изслѣдованія, иногда приходится пользоваться наружными признаками рукописи, а потому надатель обязанъ помочь читателю²⁾. Вотъ уже происходитъ нарушеніе текста. Не будемъ говорить о прописныхъ буквахъ, встрѣчающихся иногда совершенно нестати (напримѣръ, въ серединѣ слова); но какъ быть съ тѣми буквами, которыя вышли изъ употребленія? Иногда „къ тебѣ“ писалось посредствомъ ксн. „И“ съ краткой ничѣмъ не отличалось отъ простаго „и“, а въ произношеніи существовала: твои указъ, Михайло нельзя писать. Буква эта, какъ видно, затрудняла писцовъ, они ее, случалось, выносили на верхъ: во все^н воле, в че^н дворъ. Они писали: въ

¹⁾ Образцомъ изданій такого рода является: Жизнь князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Литвѣ и на Волынѣ. Акты, изданные временною комиссіею, Высочайше утвержденною при Кіевскомъ военномъ Подольскомъ и Волыньскомъ генералъ-губернаторѣ. Кіевъ. 1849.

²⁾ Сохраненіе орфографіи лица извѣстнаго, напримѣръ, дѣла, управлявшаго гѣмъ или другимъ приказомъ, имѣть основаніе; но какое значеніе представляетъ орфографія неизвѣстныхъ писцовъ, работавшихся, главнымъ образомъ, о прасотѣ почерка?

23-е число, 23-го числа, въ 23-мъ числѣ; но очень рѣдко въ 23-й день. Титла нельзя раскрывать такъ, какъ ихъ раскрываютъ теперь: возстановленные буквы должны отличаться какъ-нибудь, хотя бы курсивомъ. Надо имѣть въ виду манеру писца выводить ту или другую букву. Нѣкоторые ъ писали, какъ з (встрѣчается и въ настоящее время), у ш дѣлали росчеркъ, какъ у ш. Буква з представляетъ много затрудненій. Старинные писцы, чтобы не писать ее, когда она была необходима, предыдущую согласную выносили наверхъ: ^аязъ (дьякъ), стрѣ^ацы, Ю^аи (Юрьи=Юриѣ), ра^а (ратъ), да^а (дань); тоже и вмѣсто з: по^аемъ; (подъемъ). Съ этимъ справиться было бы легко, еслибы буквы не выносились наверхъ безъ всякой надобности ради экономіи въ бумагахъ: под^аан^аый ¹). Пренія сокращенія должны ли быть сохранены: то^а (того), велико^а (великого) государя, государь^а (государь же)? День и деньги сокращалось одинаково въ *de*. Встрѣчается лигатура, когда предлогъ оканчивается тою же буквой, какою начинается слѣдующее существительное: по^аомъ (подъ домъ), по^авой товары (подъ твоя товары), по^аебя (подъ тебя), въ послѣднемъ случаѣ копирующіе буква въ букву напишутъ: по тебя.

Всѣ подобныя недоразумѣнія встрѣчаются и въ книгѣ г. Бѣлокурова. Отмѣтимъ нѣкоторыя слова:

Буква ѡ. Въ Росѣйскомъ царствѣ (стр. 177), перенешего (стр. 234), воиню, поина (стр. 52, 98, 99), танные (стр. 56), проити (стр. 101, 123), Михаило (стр. 71), Каихосръ (стр. 387); за то Юрьѣ—ужъ не возможно (стр. 199, 200).

Буква ѡ и з. Два (стр. 33), о дву кон (стр. 67), рат (ратъ—по всей книгѣ). корол (стр. 71), кров пролетца (стр. 215); но жалованьемъ (стр. 68), хотя тамъ ѡ и нѣтъ. Юрьи (стр. 169). Вьсей (всей) Иверской землѣ (стр. 265), грамотьку (стр. 454).

Буква ѡ: все (всѣ) кабардинские князи (стр. 75).

Буква ш: Шулды (вси Шулды, вслѣдствіе лишняго росчерка, (стр. 313).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ г. Бѣлокуровъ титла не раскрываетъ: Иса (стр. 91), Ису (стр. 93)—Исуса, Исусу. Это тѣмъ болѣе неудобно, что *Иса* будетъ по мусульмански.

Мы не имѣли въ виду исчерпать вопросъ, а только возбудить его, а потому ограничились только этими немногими примѣрами.

¹) Въ точной передачѣ рукою не измѣняются перѣдко евангеліи г. Коробинъ (Коробини) обращается въ Коробина, Изъданиовъ (Изданиовъ) въ Изданиова, и т. д.

Замѣтимъ еще слѣдующее: на стр. 405 *Бузликъ* должно быть вмѣнено въ *Тузликъ* (какъ на стр. 477)—происходитъ отъ слова: *тузъ*—соль. На стр. 157 напечатано: „не во священнѣхъ ризахъ“, а должно быть: не въ освещеннѣхъ ризахъ. На стр. 183 у *Сенибѣка*—должно быть *Усейнъ бека*.

Отрывокъ наказа на страницѣ 437 долженъ быть перенесенъ на 499-ю, слова: „словъ отпустил, а дѣла с нимі никакого не учинил“ слѣдуютъ послѣ: „и царское величество Крымскаго Казы—Гирея царя“.

Мы сочли долгомъ обратить вниманіе на трудъ г. Вѣлокурова и увѣрены, что наши историки и оріенталисты скажутъ ему большое спасибо за изданіе Кавказскихъ документовъ изъ Московскаго архива. Обширное предисловіе г. Вѣлокурова разъясняетъ читателямъ наше знакомство съ Кавказомъ въ древнѣйшія, относительно, конечно, времена и даетъ свѣдѣнія о литературѣ по этому вопросу.

И. Весселовскій.

Книжныя новости.

Освобожденіе крестьянъ въ царствованіи Императора Александра II. Хроника дѣятельности комиссій по крестьянскому дѣлу. *Н. П. Семенова*. Т. II. Второй періодъ занятій. Съ портретомъ перваго предѣдателя комиссій *И. И. Ростовцова* и изображеніемъ 8 членовъ фискальной комиссіи. Изданіе Меркурія Елизаветровича Комарова. С.-Пб.—Второй томъ труда *Н. П. Семенова* заключаетъ въ себѣ такія же любопытныя свѣдѣнія о дѣятельности редакціонныхъ комиссій, какъ и первый. Особеннаго вниманія заслуживаютъ пренія по докладамъ хозяйственнаго отдѣленія. Докладъ объ основаніи и размѣрѣ надѣла обсуждался въ общей комиссіи подъ предѣдательствомъ *Н. А. Милютина* вмѣсто *Л. И. Ростовцова*, при чемъ *Милютинъ* вмѣстѣ съ *кн. Черкасскимъ* энергически отстаивалъ противъ *Галагана* принципъ сохраненія существовавшихъ надѣловъ и допущеніе отрывковъ отъ него только въ исключительныхъ случаяхъ. Разногласіе было предоставлено на усмотрѣніе *Ростовцова*, который согласился съ мнѣніемъ *Милютина*, главнымъ образомъ, изъ опасенія, какъ бы отрывъ не вызвалъ крестьянскихъ волненій. Докладъ хозяйственнаго отдѣленія объ основаніи оцѣнки и выкупа усадебъ, какъ не затрогивавшій близко интересовъ помѣщиковъ, прошелъ безъ особыхъ споровъ, точно также, какъ и дополнительный докладъ объ основаніяхъ и способѣ опредѣленія повинностей. Напротивъ того, докладъ объ отводѣ и обрѣтѣ земель вызвалъ жаркія пренія, при чемъ *Самаринъ* и *Черкасскій* стояли за регламентацію этого отвода въ видахъ огражденія интересовъ крестьянъ, тогда какъ авторъ книги находилъ возможнымъ предоставить разграниченіе земель помѣщиковъ и крестьянъ ихъ добровольному соглашенію. Кромѣ преній по этимъ вопросамъ, во второмъ томѣ помѣщены разсужденія по докладамъ с перене-

сеніи усадебъ, о видахъ и распредѣленіи натуральныхъ повинностей, о порядкѣ ихъ исполненія, объ общихъ свойствахъ повинностей и способѣ ихъ разверстанія, о различныхъ родахъ повинностей, взаимномъ ихъ отношеніи и условіяхъ перехода съ одной на другую, о правѣ пользованія усадьбами до выкупа и правѣ собственности на выкупленные усадьбы, объ угодьяхъ, отводимыхъ въ надѣлы, о правѣ пользованія крестьянъ отводимымъ имъ надѣломъ, о высшихъ и низшихъ размѣрахъ надѣла, о нормальномъ размѣрѣ повинностей, о надѣлахъ и повинностяхъ крестьянъ малороссійскихъ, литовскихъ, жмужныхъ и юго-западныхъ губерній и объ устройствѣ дворовыхъ людей. Изъ преній по докладамъ другихъ отдѣленій во второмъ томѣ помѣщены сужденія по докладамъ административнаго отдѣленія—объ устройствѣ сельскаго общества, о порядкѣ распредѣленія крестьянъ между сельскими обществами, объ отношеніи помѣщиковъ къ сельскимъ обществамъ и о волостномъ судѣ; по докладамъ юридическаго отдѣленія— о прекращеніи крѣпостнаго права, о правѣ собственности помѣщиковъ на земли, о хозяйственномъ устройствѣ имѣній и отдачѣ ихъ въ арендное содержаніе, о предоставленіи крестьянамъ правъ личныхъ (по состоянію) и семейственныхъ, о правахъ по договорамъ и обязательствамъ, объ отчужденіи и отдачѣ въ залогъ помѣщичьихъ имѣній и порядкѣ наследованія въ этихъ имѣніяхъ, о переходѣ срочно-обязательныхъ крестьянъ въ другія сословія. Всѣ эти доклады служили дополненіемъ къ прежде выслушаннымъ комиссіями; пренія по нимъ особенно интересны потому, что по большей части окончательныя рѣшенія приняты были именно во второмъ періодѣ занятій комиссіей, описываемомъ въ излагаемомъ томѣ. Большая часть докладовъ, пренія о которыхъ приведены во второмъ томѣ, была обсуждена комиссіями въ отсутствіи Ростовцова, заболѣвшаго въ самомъ началѣ занятій втораго періода. Авторъ подробно говоритъ о развитіи недуга Ростовцова, окончившагося смертью, и о той тревогѣ, которую возбуждала эта болѣзнь въ людяхъ, преданныхъ дѣлу освобожденія. Съ назначеніемъ послѣ Ростовцова графа Панина, характеристикѣ котораго авторъ посвящаетъ особый очеркъ, въ способѣ обсужденія вопросовъ въ комиссіяхъ наступила переѣна: бесѣды не отличаются тою непринужденностью, какою господствовала при Ростовцовѣ, объ остротахъ, отдѣльныхъ разговорахъ нѣтъ болѣе и помину. Самъ Панинъ то и дѣло выѣшивается въ пренія, въ большинствѣ случаевъ съ цѣлю предупредить нарушеніе интересовъ помѣщиковъ, которыя казались ему недостаточно огражденными прежними рѣшеніями комиссій. Кромѣ перечисленныхъ матеріаловъ, во второмъ томѣ находятъ свѣдѣнія о совѣщаніяхъ редакціонныхъ комиссій съ депутатами 2-го пригласенія. Изъ приложеній во второму тому обращаетъ на себя вниманіе письмо Ростовцова, заключающее въ себѣ обзоръ имѣній, ходившихъ въ то время въ обществѣ о способахъ освобожденія крестьянъ, всенароднѣйшіе адреса депутатовъ перваго призыва, записка М. А. Безобразова о значеніи русскаго дворянства и положенія, какое оно должно занимать на поприщѣ государственной дѣятельности, съ въ высшей степени любопытными замѣчаніями государя Александра Николаевича, и послѣднія записка Ростовцова о крестьянскомъ дѣлѣ, послѣ его смерти принятая государемъ. Уже одинъ этотъ богатый обзоръ содержанія II-го тома указываетъ на важное значеніе помѣщеныхъ въ немъ матеріаловъ. Вообще трудъ г. Семенова представляетъ послѣ Трудовъ редакціонныхъ комиссій важнѣйшій источникъ для выясненія, какъ хода самой ре-

формы, такъ и роли различныхъ дѣателей, потрудившихся для ея осуществленія. Значеніе его для біографа, быть можетъ, еще болѣе важно, чѣмъ для историка и юриста. Благодаря подробнымъ записямъ автора предъ нами живо встаютъ, со всеми ихъ особенностями, герои той замѣчательной эпохи, какими Черкасскій, этогъ авторъ важнейшихъ статей положенія и вообще главный дѣатель редакціонныхъ комиссій, Н. Милютинъ, Самаринъ, Ростовцовъ, Соловьевъ, самъ авторъ и другіе. Рѣчи и письменныя замѣчанія государя, изъ которыхъ ними опубликовываются здѣсь впервые, представляютъ немаловажное дополненіе къ многочисленнымъ свидѣтельствамъ объ активномъ и всегда сочувственномъ дѣлу освобожденія участія, какое принималъ онъ въ реформы. Нельзя не назвать счастливою мысль Ростовцова вести записи преній комиссій, и трудно было выполнить это нелегкое дѣло лучше, чѣмъ сдѣлалъ то г. Семеновъ. Безъ сомнѣнія, при обиліи и разнообразіи матеріала, при напряженности работы кое-что могло и ускользнуть отъ его вниманія, но въ общемъ записи г. Семенова носятъ на себѣ характеръ полноты и достовѣрности. Не можетъ не замѣтить впрочемъ, что утвержденіе автора, выдуманное имъ во введеніи (т. I, стр. 10), будто дарственный надѣлъ былъ внесенъ въ проектъ положенія главнымъ комитетомъ противорѣчитъ всѣмъ другимъ свидѣтельствамъ, по которымъ это отступленіе отъ основныхъ началъ реформы было сдѣлано въ государственномъ совѣтѣ. Въ заключеніе обратимъ вниманіе читателя на безусловную правильность изданія въ орфографическомъ отношеніи. Ограничимся этими замѣчаніями, такъ какъ полная оцінка труда г. Семенова можетъ быть сдѣлана только по его окончаніи.

Григорій Зенгеръ. Еврейскій вопросъ въ древнемъ Римѣ. Варшава. 1889.— Трудъ г. Зенгера представляетъ переработку его рѣчи, произнесенной имъ на торжественномъ актѣ Варшавскаго университета, и заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны всякаго, кто интересуется одною изъ наиболѣе любимыхъ страницъ въ римской исторіи, привлекавшей вниманіе многихъ ученыхъ, какъ гебраистовъ, такъ и филологовъ-классиковъ. Положеніе евреевъ въ античномъ мірѣ, съ той поры, когда въ немъ начинаютъ первенствовать римляне, полно высокаго интереса по своей своеобразности, а трагическій исходъ римско-еврейской драмы представляетъ очевидный примѣръ того, что сила римская встрѣтилась въ своемъ наступательномъ движеніи съ другою силой, правда, много характера и свойства, и не нашла средствъ ассимилировать ее себя, вслѣдствіе чего должна была прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ, характеризующимъ силу грубую, а не цивилизаторскую мощность. Авторъ съ большою живостью и знаніемъ дѣла рисуетъ намъ подробности этого столкновенія Рима съ Иудеями, подробности которыхъ, благодаря обилію и обстоятельности источниковъ, представляются весьма характерными для уразумѣнія исторической роли, которую играли та и другая сторона. Нельзя сказать, чтобъ у г. Зенгера не проявлялось мѣстами увлеченіе, и именно — въ сторону евреевъ, но оно, съ одной стороны, вполнѣ понятно въ виду той печальной участи, которой подверглись они съ разрушеніемъ Иерусалима, съ другой — не имъ столько сильно, чтобы выстѣпять въ неправильномъ свѣтѣ роль, которую играли борзовавшая партія въ общемъ ходѣ развитія древней исторіи. Повторяемъ, живо и увлекательно изписанная книжка заслуживаетъ самаго широкаго распространенія среди образованной публики.

SENSONINI DE DIE NATALI LIBER. Ad codicum demum collatorum fidem recensuit *Johannes Chlodniak*. Petropoli, 1889.—Подъ довольно оригинальнымъ и вычурнымъ заглавіемъ: о „два рожденія“ грамматикъ III в. по Р. Хр. Цензоринъ оставилъ потомству небольшой трактатъ антикварнаго содержанія, не имѣющій внутренняго единства, но содержащій въ себѣ не мало интересныхъ данныхъ для исторіи римскаго календаря и лѣтосчисленія, нѣкоторыхъ обычаевъ и вѣрованій, данныхъ, которыя почерпнуты имъ изъ хорошихъ источниковъ: есть основаніе предполагать, что онъ пользовался трудами знаменитаго Варрона, если не непосредственно, то при помощи Светонія, автора, заслуживающаго полнаго довѣрія и уваженія по своей доктринѣ. Трактату этому посчастливилось въ XIX вѣкѣ: кавѣстимый археологъ О. Янъ издалъ его въ 1845 г., въ 1867 появилось новое изданіе подъ редакціей Гульча, а въ прошломъ году ему посвятилъ свои досуги нашъ соотечественникъ г. Холоднякъ. Въ ряду этихъ изданій трудъ г. Холодняка должно признать трудомъ выдающимся по той рѣдкой отчетливости, которая характеризуетъ всѣ работы этого молодого ученаго. Воспользовавшись своимъ пребываніемъ за границей, онъ сличилъ четыре рукописи Цензорина; изъ нихъ двѣ—*Coloniensis* 166 и *Vaticanus* 4929 — имѣютъ первенствующее значеніе при установкѣ текста. Сличеніе это, исполненное съ рѣдкой тщательностью (особенно много новаго въ него внесъ г. Холоднякъ черезъ внимательное отличеніе почерковъ—перваго и втораго, и черезъ отысканіе выскобленныхъ и исправленныхъ мѣстъ и ихъ объема), показало, что не только изданіе О. Яна, но и изданіе Гульча не приводятъ рукописнаго преданія съ надлежащею полнотой и безукорыненностью, и потому въ нѣкоторыхъ, притомъ не малочисленныхъ, мѣстахъ ихъ рецензіи подлежатъ исправленію. Установленіе этого факта представляетъ значительный прогрессъ въ критикѣ Цензоринаго текста, и честь этого принадлежитъ нашему ученому. Будемъ надѣяться, что онъ подаритъ намъ и эзегетическимъ комментариемъ къ этому писателю, который заслуживаетъ полнаго и всесторонняго объясненія.

Наблюденія надъ языкомъ Теренціевыхъ комедій. Очеркъ изъ области исторической грамматикъ латинскаго языка. *П. Черняева*. Казань.—Цѣль очерка г. Черняева состоитъ въ показаніи особенностей въ употребленіи существительныхъ, прилагательныхъ, нарѣчій и глаголовъ у Теренція и въ выясненіи, на основаніи языка его комедій, вопроса о прогрессѣ латинской рѣчи, въ смыслѣ отступленія отъ употребленія древнихъ словъ и введенія новыхъ. При такой постановкѣ вопроса матеріалъ, почерпнуемый изъ комедій Теренція, представляется богатымъ и основательная разработка его—благодарною. Авторъ брошюры съ должнымъ вниманіемъ проштудировалъ комедіи Теренція и воспользовался лучшими комментаріями его изданіями, изъ которыхъ и почерпнулъ не мало указаній; результатомъ этихъ студій было собраніе данныхъ относительно употребленія у Теренція, сравнительно съ употребленіемъ у Плавта, abstracta pro concretis, существительныхъ на —tor, греческихъ словъ, какъ *ἀπρῆρα*, adiectiva verbalia на —bilis, и т. д. Многія изъ этихъ и имъ подобныхъ грамматическихъ явленій уже составляли предметъ спеціальной разработки со стороны преимущественно нѣмецкихъ ученыхъ, и нѣкоторыми изъ ихъ монографій воспользовался авторъ, хотя другія, довольно важныя (напримѣръ, капитальный трудъ Weise о греческихъ словахъ въ латинскомъ языкѣ), какъ кажется, остались ему неизвѣст-

ими. Вообще, не претендуя на всестороннюю разработку вопроса об особенностях речи Теренция и влиянии их на последующих писателей, брошюра г. Черяева представляется не безвольный очерк части этих особенностей.

Грамматические наблюдения и критико-эстетические заметки. С. Жданова. Киевъ 1889.—Трудъ проф. Жданова есть результатъ продолжительныхъ и самостоятельныхъ замѣтій въ областяхъ греческой грамматики и критики текстовъ. къ первой относится его исследование о грамматическомъ родѣ въ греческомъ языкѣ, особенно языкѣ древнѣйшей поэзи. Не касаясь вопроса о происхожденіи и исторіи грамматическаго рода въ индо-европейскомъ правыкѣ, авторъ ограничиваетъ свои наблюденія языкомъ греческимъ и, въ противоположность многимъ лингвистамъ, особенно новѣйшей школы, колегающимъ, что важнѣйшіе и труднѣйшіе вопросы касательно рода, но какимъ причинамъ извѣстныя понятія подведены подъ извѣстный родъ, относятся не къ грамматикѣ отдѣльнаго языка, а къ индо-европейской, думаетъ, что дѣло слѣдуетъ поставить на оборотъ: правильный методъ исследованийъ о родѣ долженъ, по мнѣнію автора, состоять въ исследованіи сначала явленій отдѣльныхъ языковъ, которое можетъ затѣмъ бросить нѣкоторый свѣтъ и на явленіе правыка, а не на оборотъ. Сообразно такому взгляду авторъ подводитъ массу явленій грамматическаго рода подъ отдѣльныя рубрики, изъ которыхъ, путемъ различныхъ видоизмѣненій въ воэвръннѣихъ, ищетъ возможности объяснить другія, болѣе отдаленныя по смыслу и значенію явленія. Само собою разумѣется, что тутъ не обходится безъ субъективности, ведущей иногда къ натяжкамъ, что первоначальнымъ представленіямъ придается современный характеръ, что проявляется насильственная схематизація; но все это неизбежно въ работѣ, подобной той, которая предпринята авторомъ. За нимъ остается остроуміе, послѣдовательность, итѣриость сопоставленій, опирающихся на непосредственно и обстоятельно собранный матеріалъ, что дѣлаетъ трудъ его весьма почтеннымъ. Другую половину книги занимаютъ отдѣльныя замѣтки, относящіяся къ исправленію текста различныхъ греческихъ писателей, преимущественно поэтовъ. Замѣтки эти, въ большинствѣ случаевъ очень краткія, представляютъ результатъ серьезныхъ занятій древними текстами и относящихся къ нимъ новою литературою и, по самому своему свойству, не могутъ претендовать на окончательное исправленіе даннаго мѣста: какъ догадки, они заслуживаютъ вниманія, но далеко не всѣ будутъ приняты при послѣдующихъ рецензіяхъ. Весьма жаль, что къ книгѣ не приложено указателя.

Беседа на Рождество Христово, принимавшая Василию Великому (по сербской рукописи XV вѣка). Казань. 1889. — Лиоцимный издатель этого любопытнаго памятника древне-славянскаго письменности оказалъ услугу его обнародованіемъ: хотя большинствомъ издателей греческаго текста св. Василія Великаго беседа на Рождество Христово и считается подложною, тѣмъ не менѣе славянскій переводъ ея встрѣчается во множествѣ списковъ и предлагается воюду въ копіяхъ, болѣе или менѣе толковыхъ, съ древнѣйшаго перевода, прототипомъ котораго слѣдуетъ признать издаваемый текстъ, сохранившійся въ сербской рукописи XV вѣка. Въ первоначальномъ видѣ переводъ появился въ Сербіи, а быть можетъ, и въ Волгаріи, и затѣмъ получилъ обширное распространеніе въ древне-русской литературѣ. Онъ, между прочимъ, интересенъ потому, что обилуетъ древними выраженіями, рѣдко встрѣчаемыми, или вовсе нова не встрѣчавши-

мися въ славянской письменности. Издавъ переводъ съ рѣдкою тщательностью и сопровождается подстрочными примѣчаніями, въ которыхъ приводится, въ необходимыхъ случаяхъ, сопоставленія съ греческими подлинникомъ и важнѣйшія варианты изъ рукописей Соловецкой библіотеки.

Ярославскіе пожары въ 1767 и 1768 гг. *А. А. Титова*. Ярославль. 1889.— Неутраченный собиратель и изслѣдователь Ростовской и Ярославской старики А. А. Титовъ сообщаетъ въ этой брошюрѣ свѣдѣнія о двухъ пожарахъ въ XVIII вѣкѣ, опустошившихъ Ярославль и давшихъ поводъ къ составленію новаго для него плана, конфирмованнаго императрицею Екатериною II въ 1769 году. Свѣдѣнія эти заимствованы изъ хранящагося въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи дѣла о пожарахъ въ разныхъ городахъ Россіи въ 1767—1768 гг. и не лишены многихъ интересныхъ подробностей, характеризующихъ бытъ и состояніе провинціальнымъ городовъ того времени.

Указатель хранилища древностей при Новгородскомъ губернскомъ статистическомъ комитетѣ. Новгородъ. 1889.— Хранилище древностей при Новгородскомъ статистическомъ комитетѣ объявлено своимъ происхожденіемъ личной предпримчивости бывшаго секретаря комитета, священника Н. Г. Богословскаго, который, будучи командированъ въ 1863 г. для обозрѣнія губерніи въ статистическомъ отношеніи, собиралъ попутно и разные предметы, особенно памятники христіанской древности. Они-то и послужили основаніемъ музея. По недостатку средствъ на его первое обезпеченіе, комитетъ обращался за помощью къ мѣстному городскому обществу и къ Новгородскому губернскому земству. Последнее въ 1867 г. взяло на себя содержаніе музея, съ ежегодною выдачей на него по 500 р. сер. Подъ покровительствомъ земства, музей сдѣлался однимъ изъ богатѣйшихъ, по обширности и содержанію коллекцій, провинціальнымъ учрежденій этого рода. Но въ 1878 г. то же земство отказалось отъ дальнѣйшаго содержанія музея, постановивъ предметы, принадлежащіе статистическому комитету, возвратитъ ему, а предметы, принадлежащіе церквамъ и монастырямъ Новгородской епархіи, передать по принадлежности. Комитетъ, не имѣя ни средствъ, ни помѣщенія, не могъ принять музея и вошелъ въ переговоры по этому предмету съ Новгородскою городской управой; а между тѣмъ древности, хранившіяся въ музеѣ, по распоряженію губернской земской управы, были свалены въ сарай при домѣ, гдѣ онъ помѣщался. Отсюда, по распоряженію митрополита Исидора, въ 1879 г. выто въ церкони-археологической музей при С.-Петербургской духовной академіи 2026 предметовъ, а остальные оставлены на мѣстѣ. Узнавъ о печальной судьбѣ музея, Ихъ Императорскія Высочества Сергій и Павелъ Александровичи, Константинъ и Дмитрій Константиновичи пожертвовали на возобновленіе его 1000 руб.; вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждено было сочувствіе къ музею въ частныхъ лицахъ, такъ что собранная на его возобновленіе сумма составила свыше 6000 рублей. Въ настоящее время музей помѣщается въ одной изъ башенъ Новгородскаго кремля и включаетъ въ себя 2142 предмета. Число посѣтителей музея въ 1887 г. было 486, а въ 1888 г. уже 1507.

— Въ теченіе января мѣсяца въ редакцію Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія поступили еще слѣдующія книги:

Святон Евангеліи Господа нашего Ісуса Христа. Древне-славянскій текстъ. Казань. 1889.

Слово о полку Игореве какъ художественный памятникъ Киевской дружинной Руси. Исследование *Е. В. Барсова*. Томъ III. Лексикология „Слова“. А.—М. Москва.

В. А. Билъбасовъ. Исторія Екатерины Второй. Т. I. С.—Пб.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управления Кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ IX. Тифлисъ.—Содержаніе: Отдѣлъ I: Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ. Перевелъ *К. Гиль*. Ч. II. Византійскіе писатели. А. Лазия и Иберія.—Отдѣлъ II: 1) О татарскихъ школахъ—*Миръ-Гамилъ-бекъ-Визирова*. 2) Народное обученіе у закавказскихъ татаръ—*А. Захарова*. 3) Анекдоты мулам Пасаръ-Эдина—*А. Захарова*. 4) Татарскія сказки, записанныя въ Геокчайскомъ уѣздѣ Валинской губерніи—*Н. Казбека*. 5) Нѣсколько свѣдѣній о татарскихъ повѣряхъ—*Миръ-Гамилъ-бекъ-Визирова*. 6) Татарское преданіе о томъ, почему въ русскомъ государствѣ гербъ изображается двуглавымъ орломъ—*Суркова*. 7) Бабушкины разказы—*А. Коласова*. 8) Преданіе о разбойникѣ Керъ-огли—*Миръ-Вали-Заде*. 9) Изъ этнографическаго дневника—*А. Иоанникова*. 10) Азбулхскія легенды—*В. Темцова*. 11) Нѣсколько свѣдѣній о селеніи Култаннѣ, Елисаветпольской губерніи, и о народной медицинѣ въ Нухинскомъ уѣздѣ—*Рашидъ-бекъ-Эфендіевъ*. 12) Изъ народной словесности у шавсуговъ—*А. Кайтмазова*. 13) Изъ народной словесности у нмеретинъ—*В. Доминадзе*. 14) Сказка о змѣй-царѣ—*Н. Саманова*. 15) Укази, собранныя въ селеніи Баянъ, Елисаветпольскаго уѣзда—*П. Тоніева*; сверхъ того, предисловіе и алфавитный указатель инородческихъ словъ.

Переписка Грузинскихъ царей и владѣтельныхъ князей съ государями Россійскими въ XVIII столѣтіи. *А. А. Цагарели*. С.—Пб.

Къ биографіи *М. К. Бобровскаго* (славянскаго филолога и ориенталиста). *П. Бобровскаго*. С.—Пб.

Н. Любомиръ. Начало католической реакціи и упадокъ реформации въ Польшѣ. По не изданнымъ источникамъ. Варшава.

Труды VI археологическаго съезда въ Одессѣ (1884 г.). Томъ IV. Съ присодиненіемъ плана, таблицъ и общихъ указателей. Одесса. 1889.

Н. П. Лизачевъ. Отвѣтъ оубовому критику. Возраженіе на рецензію *Д. А. Корсакова* о книгѣ „Разрядные дѣянія XVI вѣка“. М.

Отъ отношеній между святою и электричествомъ. Чтеніе *Г. Герма*. Переводъ *Н. Дрепелмана*. С.—Пб.

Святочныя разказы. *Н. И. Познякова*. I—IV. С.—Пб.

Ученіи въ овицѣ географіи, съ таблицами. Курсъ II-го класса. Африка, Австралія, Азія и Америка. Составлялъ *Г. С. Лыткинъ*. С.—Пб.

П О П Р А В К И.

Въ январской книгѣ Журн. Минист. Народн. Просв.¹¹ въ статьѣ Н. М. Благовѣщенскаго „Десятая сатира Ювенала“, должны быть сдѣланы слѣдующія исправленія:

1) На стр. 47, въ 17-й строкѣ, вмѣсто Вулкану, слѣдуетъ читать: „Марсу“.

2) На стр. 70, въ строкѣ 15-й, послѣ „геріа“ слѣдуетъ поставить точку, а слѣдующія затѣмъ слова „также въ значеніи причастія“ должны быть вычеркнуты.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЪ ИТАЛІИ ¹⁾.

Въ мартѣ 1889 года я командированъ былъ въ Италію, съ цѣлью изученія современнаго состоянія въ ней народнаго образованія. Въ настоящей статьѣ излагаю результаты моихъ наблюденій надъ тамошнею школьною жизнью. Руководствовался я при печатаніи этихъ наблюденій тѣмъ соображеніемъ, что у насъ очень мало имѣется вообще свѣдѣній о постановкѣ учебнаго дѣла въ Италіи, что по существу, сколько мнѣ извѣстно, въ русской педагогической литературѣ ни одной статьи, рассматривающей состояніе въ ней народнаго образованія, какъ низшаго, такъ средняго и высшаго. Въ виду этого, я нашелъ не лишнимъ собрать имѣющійся объ этомъ вопросѣ officialный матеріалъ и постарался представить по возможности полный обзоръ современнаго состоянія народнаго образованія въ Италіи, хотя, конечно, размѣры статьи не позволяли мнѣ входить въ большія подробности.

Вездѣ въ Италіи я находилъ, какъ въ лицѣ начальства учебныхъ заведеній и чиновъ центральнаго и провинціального управленія министерства, такъ и среди отдѣльныхъ профессоровъ и преподавателей, самый радушный пріемъ и предупредительные отвѣты на всѣ мои вопросы; вездѣ я имѣлъ возможность подробно осматривать учебныя заведенія и присутствовать на лекціяхъ и урокахъ. Въ Римѣ въ министерствѣ отъ статъ-секретаря Mariotti, товарища министра народнаго просвѣщенія, получилъ я всѣ officialные документы, учебныя программы и планы, на которые я ссылаюсь въ предстоящей статьѣ. Въ особенности же обяванъ я рѣдкой любезности консерватора Туринскаго промышленнаго музея (Museo R. Industriale) cav. Jervis, который сопутствовалъ мнѣ повсюду въ Туринѣ при посѣщеніи мною учебныхъ заведеній и снабдилъ меня рекомендаціями въ различныя учебныя заведенія.

часть ССЛХVI, отд. 3.

дательными письмами ко многимъ лицамъ, стоящимъ во главѣ заведеній въ Италіи.

Если мы будемъ слѣдить за различными фазисами, черезъ которые проходило народное образованіе въ Италіи въ теченіе нынѣшняго столѣтія, то увидимъ, что господствовавшія въ разные эпохи направленія образованія были весьма различными; одно только влияние на школу оставалось въ Италіи непоколебимымъ съ начала столѣтія, то-есть, съ Вѣнскаго конгресса 1815 года и до самаго 1870 года, это всепоглощавшее и всюду проникавшее въ школу влияние католическаго духовенства. Съ восстановленіемъ мелкихъ королевствъ и герцогствъ въ Италіи, послѣ 1814 года, восстановлена была и прежде господствовавшая въ нихъ школьная система, въ замѣнъ императорскихъ collèges, заимствованныхъ изъ сосѣдней Франціи при Наполеонѣ I. Эта школьная система, какъ извѣстно, волею и во всемъ подчиняла школу влиянію католическаго духовенства, обратившаго ее въ слѣпое орудіе своей политики, а впоследствии, и своей борьбы противъ италіанскаго правительства. Но примѣръ Франціи, гдѣ въ то же самое время происходила борьба между духовными школьными конгрегаціями и другимъ, чисто свѣтскимъ направленіемъ, впервые выдвинувшимъ принципъ совмѣстнаго обученія въ начальной школѣ, не остался безъ влияния и на Италію, въ особенности ближайшую къ Франціи сѣверную. Къ этому времени, то-есть, къ 1816 году, относится первое появленіе въ Піемонтѣ элементарной школы новаго типа, допускающей совмѣстное обученіе дѣтей обоего пола,—типа, вызвавшего въ свое время столько же почитателей, сколько и порицателей. Типъ этотъ съ тѣхъ поръ и укоренился въ Піемонтѣ. Въ то же самое время въ Ломбардіи и Венеціанской области австрійское правительство распространяло своимъ школьнымъ положеніемъ 1818 года начальное образованіе подъ влияніемъ педагогическихъ воззрѣній, перешедшихъ изъ Германіи, гдѣ въ то время важную роль играла система Песталоцци. Пока въ сѣверной Италіи народное образованіе прокладывало себѣ такимъ образомъ вѣрный путь, населеніе южной Италіи продолжало оставаться въ полномъ невѣжествѣ, въ которомъ желали держать намышленно его мѣстныя правительства. Тамъ школа была всецѣло въ рукахъ католическаго духовенства и іезуитскаго ордена, и это положеніе вещей продолжалось до самаго послѣдняго времени. На ряду съ сѣверной Италіей мы видимъ стремленія къ реорганизаціи школы, къ освобожденію ея изъ-подъ опеки католическаго духовенства и въ нѣко-

торыхъ областяхъ средней Италіи, напримѣръ, въ Тосканѣ, изъ городовъ которой Флоренція всегда стояла во главѣ остальныхъ, благодаря своимъ образцовымъ учебнымъ заведеніямъ; но и въ Тосканѣ, по декрету отъ 30-го іюня 1852 г., школы, какъ начальныя, такъ и среднеобразовательныя, перешли въ вѣдѣніе епископовъ.

Въ Ломбардіи и Венеціанской области австрійское правитель-ство, опасаясь революціонныхъ стремленій, снова подчинило школу католическому духовенству, на основаніи австрійскаго конкордата 1855 года, обративъ начальныя училища и возникшія уже было Realschulen въ духовныя семинаріи, подчиненныя епископамъ, и закрывъ почти всѣ жонскія учебныя заведенія. Большинство же зда-ній, служившихъ прежде для школъ, обращены были въ монастыри.

Въ герцогствѣ Пармскомъ школа въ это время была въ рукахъ іезуитовъ, въ Моденскомъ—конгрегаціи св. Филиппа Нерскаго (St. Philippe de Néri). Вотъ нѣкоторыя цифры, заимствованныя изъ офиціальныхъ документовъ за время министерства Matteucci и другихъ (1864—1865), всего лучше свидѣтельствующія о томъ положеніи, въ какомъ находилось народное образованіе въ столь недавнее прошлое въ Италіи. Matteucci считаетъ на 1000 человекъ 350 неграмотныхъ въ Пиемонтѣ и Ломбардіи, 470 въ Эмилии и Тосканѣ и болѣе 800 въ Неаполитанскомъ королевствѣ и Сициліи. Число неграмотныхъ жонщивъ въ этихъ провинціяхъ было, конечно, еще значительнѣе, а именно: въ Пиемонтѣ и Ломбардіи ихъ насчитывалось 450 на 1000, 593 въ Эмилии и Тосканѣ и до 938 на 1000 въ Неаполѣ и Сициліи. При 7.106,211 жителей въ Пиемонтѣ и Ломбардіи въ 1864 году имѣлось одно начальное училище на 521 жителя; при 5.338,149 жителей въ Эмилии и Тосканѣ—1 училище на 1409 жителей, и одно только училище на 2484 жителя въ Неаполитанскомъ королевствѣ и Сициліи. Министръ Natoli въ 1865 году удостовѣрился въ томъ, что въ южныхъ провинціяхъ Италіи на 1000 человекъ до 912 насчитывалось безграмотныхъ. На основаніи отчета министра Bonghi отъ февраля 1879 года оказывается, что существовало въ Италіи до 277 католическихъ семинарій съ 17,478 учениковъ; министръ Natoli въ своемъ отчетѣ за 1865 годъ указываетъ на существованіе 286 семинарій въ Италіи (за исключеніемъ Венеціанской области, Неаполя и Рима) съ 13,174 учениками. Католическія семинаріи, замѣнявшія среднеобразовательныя заведенія, по отзывамъ тогдашней инспекціи, посылаемой министерствомъ для ревизіи, были крайне слабы какъ по преподаваемымъ въ нихъ предметамъ и упо-

требляемымъ въ нихъ методамъ, такъ и по педагогическимъ качествамъ учительскаго персонала¹. При томъ католическое духовенство весьма неохотно допускало свѣтскую власть въ стѣны своихъ учебныхъ заведеній.

Съ 1864—1865 годовъ мы замѣчаемъ въ итальянскомъ правительствѣ твердую рѣшимость реорганизовать школу на новыя началахъ. Такъ, министръ Natoli не стѣсняется закрывать тѣ семинаріи, куда не пускаютъ его инспекцію, и открывать на ихъ мѣсто правительственныя школы. Это направленіе министерства продолжалось до 1870 года, когда оно наконецъ увѣнчалось совершеннымъ отдѣленіемъ церкви отъ государства; но еще въ іюлѣ 1867 года въ парламентѣ разсматривалось предложеніе объ ограниченіи дѣятельности семинаріи—подготовленіемъ исключительно духовныхъ, отнявъ у нея такимъ образомъ среднеобразовательный ея характеръ. Какими печальными послѣдствіями этого отдѣленія церкви отъ государства, мы видимъ въ современной итальянской школѣ, утратившей всякую религіозную основу. На это печальное явленіе я буду еще имѣть случай указать.

Размѣры настоящей статьи не позволяютъ мнѣ входить въ болѣе подробное разсмотрѣніе прошлаго итальянской школы; я принужденъ ограничиться изученіемъ современнаго ея положенія.

I.

Частное образованіе въ Италіи.

Начальное образованіе обязательно и бесплатно въ Италіи на основаніи закона 15-го іюля 1877 года¹). Законъ этотъ (§ 1) обявляетъ родителей или заступающихъ ихъ мѣсто посылать дѣтей обою пола, начиная съ шестилѣтняго возраста, либо въ частную школу, либо въ элементарную коммунальную (*Scuola elementare del Comune*). Этотъ элементарный курсъ продолжается три-четыре года—до девятилѣтняго-десятилѣтняго возраста учениковъ; по окончаніи его, ученики подвергаются экзамену въ присутствіи члена провинціального училищнаго совѣта и родителей учениковъ (§ 2). За неисполненіе

¹ Сборникъ королевскихъ декретовъ, министерскихъ циркуляровъ и распоряженій съ 1859—1887 г. (ошл. изданіе), составленный докт. Bruto Amante, Art. 315, § 22 pag. 495 и слѣд. (*Raccolta completa de' testi di leggi, decreti, regolamenti e circolari*. Seconda edizione. Roma 1887).

этого закона родители подвергаются штрафу, могущему въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ простираться до 10 ливръ (§ 4).

О курсѣ начальныхъ училищъ я буду говорить подробно въ другомъ мѣстѣ настоящей статьи, рассматривая положеніе низшаго образованія въ Италіи; здѣсь я укажу только на то обстоятельство, что именно эта обязательность начального образованія ¹⁾ породила возникновеніе въ Италіи безчисленныхъ частныхъ учебныхъ заведеній, преимущественно среднихъ, которыхъ я посѣтилъ особенно много въ двухъ городахъ Италіи, представляющихъ выдающіеся центры по народному образованію, Туринѣ и Миланѣ; поэтому я позволю себѣ остановиться на нихъ вѣскольکو подробнѣе.

Естественно, что болѣе обеспеченные родители предпочитаютъ, хотя и за довольно значительную, сравнительно, плату, отдавать дѣтей своихъ въ частныя среднія учебныя заведенія, въ которыхъ число воспитанниковъ значительно меньше, чѣмъ въ казенныхъ, а потому и педагогическое наблюденіе и физическій уходъ за ними по-сравненію лучше, нежели въ правительственныхъ гимназіяхъ и лицейхъ, которые въ большихъ городахъ всегда переполнены воспитанниками.

Открытіе частными лицами учебнаго заведенія допускается въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и не стѣснено никакими особыми затрудненіями, такъ какъ общаго устава для частныхъ учебныхъ заведеній не существуетъ. На основаніи законоположеній, которыми руководствуется италіанское министерство народнаго просвѣщенія (art. 246, pag. 322 Пл. Сборн.), каждому италіанскому подданному не моложе 25-ти лѣтъ предоставляется право открыть частное среднеучебное или высшее учебное заведеніе съ интернатомъ или безъ онаго. Требуется лишь соблюденіе слѣдующихъ трехъ обязательныхъ условій:

1) Лицо, желающее открыть частное учебное заведеніе, должно обладать дипломомъ, соответствующимъ разряду открываемаго имъ заведенія, то-есть, для открытія среднеучебнаго заведенія требуется дипломъ объ окончаніи средней школы и т. д.

2) Преподаваніе учебныхъ предметовъ должно строго придерживаться вѣрнѣе опубликованной заведеніемъ программы, и отдѣльному

¹⁾ Вызванная переполненность какъ министерскихъ, такъ и коммунальныхъ училищъ, въ которыхъ плата за ученіе въ среднихъ—весьма незначительна, а въ начальныхъ—не существуетъ.

преподавателю не должно быть поручено болѣе двухъ учебныхъ предметовъ.

3) Открытіе частнаго учебнаго заведенія должно состояться при представителѣ отъ министерства. По art. 247, pag. 323 Сборн., лицо, желающее открыть частное учебное заведеніе, должно увѣдомить объ этомъ письменно провинціального попечителя округа (*Provveditore agli studii della rispettiva provincia*). При этомъ должно указать на мѣстность, гдѣ предполагается открыть учебное заведеніе, на помещеніе для школы и приложить предполагаемую учебную программу и фамильный списокъ преподавателей.

Provveditore долженъ вмѣстѣ съ членомъ мѣстнаго муниципалитета удостовѣриться въ хорошихъ гигиеническихъ условіяхъ помещенія для вновь открываемаго учебнаго заведенія и навести справки о нравственныхъ качествахъ лица, желающаго открыть заведеніе. Если въ теченіе двухъ мѣсяцевъ послѣ отправки прошенія на имя *provveditore* не поступило отъ него никакого протеста, частное учебное заведеніе считается открытымъ и при условіяхъ соблюденія вышеупомянутаго § 246, не можетъ быть закрыто иначе, какъ по доказанному обвиненію директора заведенія въ преступленіи противъ нравственности или государственнаго и общественнаго порядка.

По art. 248, pag. 324 Сборн., закрытіе частнаго учебнаго заведенія можетъ состояться только по министерскому декрету, на основаніи постановленія высшаго совѣта министерства (*Consiglio Superiore*). Впрочемъ, по art. 249, *provveditore* предоставлено право въ исключительныхъ случаяхъ временно закрыть частное учебное заведеніе, до разсмотрѣнія дѣла въ совѣтѣ министерства.

Контроль министерства надъ частными учебными заведеніями сводится только къ присутствованію при открытіи заведенія и къ наблюденію за удовлетворительными его гигиеническими условіями. Наблюденіе же за ходомъ преподаванія и присутствованіе на экзаменахъ въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ не входятъ въ кругъ обязанности окружной инспекціи, хотя иногда и посылается на экзамены депутатъ отъ министерства, но его присутствіе не обязательно. Такимъ образомъ директоръ частнаго учебнаго заведенія является совершенно самостоятельнымъ и не обязанъ руководствоваться никакими министерскими циркулярами.

Относительно учебниковъ и пособій педагогическій совѣтъ частныхъ учебныхъ заведеній, также впрочемъ, какъ и казенныхъ, совершенно не стѣсненъ въ своемъ выборѣ. Въ Италіи вообще не суще-

ствуешь въ этомъ отношеніи никакого контроля, и каждый преподаватель выбираетъ для своего предмета какой ему угодно учебникъ. При министерствѣ или при провинціальныхъ учебныхъ округахъ не существуетъ особой комиссіи, подобной нашему ученому комитету, на обязанности которой лежало бы, между прочимъ, и разсмотрѣніе учебниковъ и учебныхъ пособій для преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ министерства. Нѣчто подобное существуетъ только при провинціальныхъ муниципалитетахъ, вѣдающихъ также и школьнымъ дѣломъ, подъ предсѣдательствомъ синдика. Объ этомъ крайне пагубномъ двоевластіи въ управленіи школою въ провинціяхъ Италіи, я буду говорить ниже, при обзорѣни организациі центральнаго управленія министерства и управленія провинціальныхъ округовъ.

Очевидно, что въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ это отсутствіе всякой регламентациі въ выборѣ учебниковъ даетъ себя еще болѣе чувствовать, нежели въ казенныхъ, и должно особенно тяжело отзываться на ученикахъ, при переходѣ изъ одного заведенія въ другое. Эта система страдаетъ, конечно, еще и другими, весьма существенными педагогическими недостатками, изъ которыхъ первое мѣсто занимаетъ отсутствіе всякаго единства въ преподаваемыхъ учебныхъ дисциплинахъ въ учебныхъ заведеніяхъ одинаковаго типа и преслѣдующихъ одинаковыя цѣли.

Для лучшаго ознакомленія съ внутреннею организациею частныхъ учебныхъ заведеній, я посѣтилъ нѣсколько изъ нихъ въ Туринѣ и Миланѣ. Выбралъ я для осмотра большіе центры сѣверной Италіи потому, что она въ отношеніи образованія значительно опередила остальные части королевства и въ особенности южную, гдѣ народное образованіе до самаго послѣдняго времени далеко не процвѣтало. Напротивъ того, Пиемонтъ и Ломбардія всегда были и являются до сихъ поръ самыми просвѣщенными и цвѣтущими областями Италіи; въ этихъ провинціяхъ въ особенности много находится частныхъ учебныхъ заведеній весьма разнообразныхъ типовъ, въ которыхъ школьное дѣло достигло сравнительно хорошихъ результатовъ¹⁾. При осмотрѣ учебныхъ заведеній я старался выбирать такія, которыя представляли бы извѣстный типъ заведенія и выдавались бы

¹⁾ Объ этомъ свидѣтельствуютъ карты распространенія образованія въ различныхъ областяхъ Италіи. Эти карты — оофициальное изданіе статистическаго бюро при министерствѣ земледѣлія и торговли въ Римѣ. Они любезно были предоставлены въ мое распоряженіе директоромъ статистическаго бюро, командоромъ Водіо.

чѣмъ-либо изъ общаго уровня. Я посѣщаль каждое изъ нихъ по нѣскольку разъ, присутствуя на урокахъ въ различныхъ классахъ и бесѣдуя съ директоромъ и отдѣльными преподавателями. Тамъ, гдѣ при введеніи находился интернатъ, я имѣлъ всегда возможность, благодаря любезности начальствующихъ лицъ, основательно его осматривать, входя во всѣ подробности внутренней жизни заведенія. Здѣсь я буду налагать результаты моихъ наблюденій только надъ выдающимися изъ нихъ.

Къ числу послѣднихъ я отношу въ Туринѣ 2 частныя учебныя заведенія — одно высшее, другое — среднее. Первое изъ нихъ называется „Scuola elementare internazionale“, второе — „Istituto Internazionale Italiano“.

„Scuola elementare internazionale“ названа такъ потому, что является въ нѣкоторомъ родѣ дѣйствительно международнымъ училищемъ; такъ какъ въ числѣ воспитанниковъ есть дѣти самыхъ разнообразныхъ національностей и даже нѣсколько поляковъ. Она основана въ 1870 году съ цѣлью давать элементарное образованіе дѣтямъ обоюго пола зажиточныхъ родителей, принадлежащихъ мѣстной и иностранной буржуазіи. Национальность учениковъ не играетъ никакой роли при приѣмѣ; напротивъ, въ училищѣ находится болѣе иностранцевъ, нежели итальянцевъ.

Училищемъ завѣдуютъ директоръ и училищный совѣтъ, состоящій изъ извѣстныхъ въ Туринѣ педагоговъ. Большинство преподавателей женскаго пола. Курсъ въ училищѣ 5-тилѣтній; 3 первые класса составляютъ младшее отдѣленіе, а два послѣдніе — старшее. Такимъ образомъ, въ этомъ училищѣ проходитъ полный элементарный курсъ, подготовляющій дѣтей къ гимназіи или реальному училищу.

Дѣти постунаютъ туда 6 лѣтъ и остаются — мальчики до 10 лѣтъ, а дѣвочки до 12. Обученіе во всѣхъ классахъ совмѣстное. Учениковъ въ школѣ обоюго пола въ настоящее время 110, въ каждомъ классѣ обязательно не болѣе 20; какъ только ихъ больше, открывается параллельное отдѣленіе.

Цѣль преподаванія — приготовить какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ къ среднеобразовательной школѣ.

Учебный планъ слѣдующій: 1) итальянскій языкъ, 2) французскій языкъ, 3) нѣмецкій языкъ, 4) англійская и нѣмецкая каллиграфія, 5) ариметика, 6) рисованіе, 7) географія, 8) римская исторія, 9) начала естествознанія, 10) пѣніе, 11) гимнастика, 12) женскія ручныя работы. Законъ Божій католическаго вѣроисповѣданія препода-

дается только разъ въ недѣлю. Это преподаваніе необязательно и происходитъ только по формальной просьбѣ родителей.

Здѣсь мы сталкиваемся съ самымъ большимъ мѣстомъ современной италіанской школы: отсутствіе всякой религіозной основы въ ней непрямо поражаетъ всякаго наблюдателя. Инстинктивная боязнь всякаго вліянія церкви въ дѣлѣ народнаго образованія объясняется историческими причинами: она вытекаетъ изъ продолжительной борьбы церкви съ правительствомъ въ Италіи, изъ совершеннаго отчужденія школы отъ всякаго вмѣшательства церкви, въ особенности съ 1870 года; она, наконецъ, есть естественное послѣдствіе извѣстной, излюбленной италіанскими патриотами новѣйшаго времени формулы министра Кавура: „l'église libre dans l'état libre“; но несомнѣнно одно, что отсутствіе всякаго религіознаго образованія, всякой религіозной основы въ народной школѣ повлечетъ за собою весьма печальныя послѣдствія для подрастающаго поколѣнія, для котораго ученіе „о правахъ и обязанностяхъ гражданина“ никогда не замѣнитъ отсутствія религіи и нравственнаго вліянія, получасмаго учениками съ малолѣтства при урокахъ закона Божія. Директоръ заведенія Chelini, съ которымъ я говорилъ объ этомъ вопросѣ, передалъ мнѣ, что онъ самъ сознаетъ тотъ великій пробѣлъ, который несомнѣнно существуетъ въ его учебномъ планѣ отъ отсутствія въ немъ преподаванія закона Божія, но онъ убѣжденъ, что еслибъ онъ сдѣлалъ законъ Божій обязательнымъ предметомъ, большинство родителей взяло бы своихъ дѣтей изъ его школы. Это лучше всего рисуетъ современное положеніе вещей по отношенію къ этому вопросу въ Италіи!

Дабы ученики не были обременены домашними занятіями, они, по окончаніи уроковъ, остаются еще на 1 часъ или болѣе въ училищѣ, чтобы готовить уроки на слѣдующій день.

Особенности этой школы сравнительно съ другими въ Туринѣ одинаковаго типа слѣдующія: 1) При училищѣ находится такъ-называемое „giardino d'infanzia“, вѣчто въ родѣ нѣмецкихъ Kindergarten по Фребелевской системѣ, существующее при этомъ училищѣ съ 1878 года, куда дѣти поступаютъ съ 4-хъ лѣтъ. 2) Совмѣстность преподаванія для мальчиковъ съ дѣвочками, что весьма удобно для родителей; это совмѣстное обученіе, по мнѣнію педагогическаго совѣта училища, нисколько не оправдало ожидаемыхъ отъ него неудобствъ; напротивъ, практика показала, что оно достигаетъ вполне хорошихъ результатовъ. 3) Преподаютъ три новые языка—французъ.

скій, вѣнецкій и англійскій, что большая рѣдкость въ Италіи, гдѣ даже въ старшихъ гимназическихъ классахъ до самаго послѣдняго времени не былъ обязательенъ ни одинъ изъ новыхъ языковъ; это преподаваніе поручено природнымъ французкамъ, нѣмкамъ и англчанкамъ, отчего много выигрываетъ чистота произношенія иностраннаго языка. 4) Послѣ cadaго урока—10-ти минутный промежутокъ, въ продолженіе котораго дѣти играютъ на дворѣ весьма обширномъ и снабженномъ всевозможными приспособленіями для гимнастики. 5) За плату полуанціонера родители могутъ оставлять своихъ дѣтей въ училищѣ отъ 8½ ч. утра до 5½ ч. дня.

Учебный годъ начинается въ началѣ октября и продолжается до конца іюня; по четвергамъ уроковъ не бываетъ. Плата за ученіе въ первыхъ трехъ классахъ 189 фр., въ двухъ старшихъ—234 фр., за посѣщеніе Фребелевскаго сада платится 12 фр. за мѣсяць.

Въ Giardino d'infanzia въ 1888—1889 учебномъ году состояло 27 дѣтей — 16 мальчиковъ и 11 дѣвочекъ въ возрастѣ отъ 4 — 6 лѣтъ. Эта элементарная школа, какъ и вообще Kindergarten, имѣетъ цѣлью гармоническое развитіе физическихъ и умственныхъ силъ дѣтей обоого пола, имѣющихъ не менѣе 4-хъ и не болѣе 6-ти лѣтъ. Дѣтей занимаютъ всевозможными, доступными для нихъ ручными работами и бесѣдами объ окружающихъ ихъ предметахъ (leçons de choses). Эти занятія прерываются гимнастическими упражненіями и пѣніемъ. Отдѣльный урокъ въ этомъ элементарномъ пріютѣ не долженъ продолжаться болѣе получаса, и при хорошей погодѣ всѣ занятія происходятъ подъ открытымъ небомъ, на обширномъ дворѣ училища.

Не распространяюсь больше о типѣ этихъ заведеній, такъ какъ онъ общезвѣстенъ. Я вынесъ изъ посѣщенія какъ этого элементарнаго пріюта, такъ и многихъ другихъ въ Туринѣ и Миланѣ, самое отрадное впечатлѣніе. Лица дѣтей сіяли радостью и довольствомъ; игралъ, безъ всякаго умственнаго напряженія, они пріобрѣтали необходимыя элементарныя свѣдѣнія и съ дѣтскимъ любопытствомъ слѣдили за каждымъ словомъ и движеніемъ любимой, опытной наставницы. Руководятъ этими пріютами учительницы, кончившія курсъ въ нормальныхъ училищахъ, о которыхъ я буду говорить ниже.

Перехожу къ слѣдующему, осматрѣнному мною, частному учебному заведенію R. Istituto Internazionale Italiano есть частное учебное заведеніе, находящееся подъ особымъ покровительствомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, и основано въ 1867 году королевскимъ де-

кретомъ. Оно включаетъ въ себѣ 2 приготовительные класса—въ младшій изъ нихъ поступаютъ 7 лѣтъ,—и первые 5 гимназическихкихъ классовъ, составляющіе въ Италіи гимназическій курсъ (Ginnasio); старшіе три класса носятъ названіе лицей (liceo) (этихъ старшихъ классовъ въ настоящее время въ училищѣ нѣтъ, но ихъ предполагаютъ открыть съ будущаго учебнаго года). Кроме того, имѣется въ заведеніи коммерческое отдѣленіе, подчиненное министерству земледѣлія и торговли, заключающее въ себѣ 6 классовъ, куда поступаютъ воспитанники 12 лѣтъ и откуда выходятъ 18 лѣтъ. Этотъ курсъ преслѣдуетъ чисто практическія цѣли: подготавливаетъ будущихъ коммерсантовъ, бухгалтеровъ, служащихъ въ банкахъ и проч.

При училищѣ находится весьма обширный интернатъ. Число интерновъ, когда я его посѣтилъ, было 80. Помѣщеніе для нихъ очень хорошее, можно даже сказать роскошное: каждый имѣетъ свою комнату, со всѣмъ необходимымъ. Рекреационныя и рабочія комнаты свѣтлыя и просторныя, ѣда очень даже хороша. На каждыхъ 10 воспитанниковъ полагается дежурный воспитатель, ночующій въ интернатѣ. Воспитанники принадлежатъ къ самымъ разнороднымъ націямъ; есть между ними даже одинъ русскій и нѣсколько негровъ и японцевъ. Всѣхъ учениковъ до 100 человекъ, изъ нихъ 20 полупансионеровъ. Средства заведенія, помѣщающагося въ собственномъ зданіи, при которомъ находится большой садъ, составляютъ: плата, поступающая съ воспитанниковъ ¹⁾, и различныя субсидіи; такъ, напримеръ, министерство иностранныхъ дѣлъ вноситъ ежегодно 3,000 лиръ на двѣ стипендіи, министерство земледѣлія и торговли—по 8,000 лиръ, городъ Туринъ даетъ 4,000 лиръ и торговая палата—3,000 лиръ ²⁾. Но входятъ въ плату за пансионеровъ расходы на платье (форменное), покупку книгъ и на канцелярскія принадлежности. При помѣщеніи двухъ сыновей въ интернатъ, родители пользуются уступкою 5%, трезъ и болѣе—10%. Воспрещается интернамъ имѣть при себѣ деньги и вообще цѣнныя вещи, а также постороннія учебнымъ предметамъ книги, журналы, фотографія.

¹⁾ Съ интерна молоде 10 лѣтъ взимается 800 лиръ въ годъ,
 " " 10—12 " " 1000 " " "
 " " старше 12 " " 1100 " " "

²⁾ Заведеніемъ управляетъ директоръ De-Grosi и совѣтъ учебно-воспитательный и административный, котораго онъ состоитъ непремѣннымъ членомъ. Совѣтъ этотъ состоитъ изъ представителей министерства народнаго просвѣщенія, городской думы и chambre de commerce.

Коммерческое отдѣленіе, существовавшее при училищѣ съ 1867 г., преобразовано королевскимъ декретомъ отъ 23-го октября 1884 года въ правительственное коммерческое училище, подчиненное министерству земледѣлія и торговли. Подобныхъ коммерческихъ училищъ въ Италіи еще 4, въ Венеціи, Генуѣ, Бари и Брешии. Курсъ въ нихъ шестилѣтній, раздѣленный на два отдѣленія по три года въ каждомъ. Первое отдѣленіе приготовляетъ воспитанниковъ къ занятію различныхъ мелкихъ должностей въ банковыхъ учрежденіяхъ и конторахъ и къ коммерческой практикѣ. Учебные предметы, преподаваемые въ низшихъ трехъ классахъ, — италіанскій языкъ, французскій языкъ, арифметика, бухгалтерія, географія, исторія, торговля и биржевыя свѣдѣнія, курсъ морали. Въ старшихъ трехъ классахъ преподаются: новые языки (въ томъ числѣ и испанскій), упражненія въ торговой перепискѣ, коммерческое и банковое счетоводство, коммерческая географія и исторія, элементы экономіи и статистики, изученіе таможенныхъ законовъ и тарифовъ желѣзнодорожныхъ и морскихъ, практическія упражненія въ образцовомъ банкѣ, курсъ морали.

Преподаваніемъ коммерческихъ знаній въ вышеупомянутыхъ учебныхъ заведеніяхъ этого типа правительство надѣется избѣгнуть необходимости посылать для этого молодыхъ людей за границу. Потребность въ укрѣпленіи международныхъ сношеній съ италіанцами, живущими въ американскихъ колоніяхъ и на востокѣ, особенно высказалась со времени объединенія Италіи; этимъ объясняется открытіе подобныхъ интернаціональныхъ среднеучебныхъ заведеній, поддерживающихъ нравственную связь между Италіей и аатлантическими ея выселенцами.

На одномъ изъ посѣщенныхъ мною уроковъ исторіи въ этомъ коммерческомъ училищѣ (это происходило въ V классѣ — воспитанники 16 — 17 лѣтъ) меня неприятно поразило, что воспитанникъ, вызванный повторить содержаніе предыдущаго урока, сѣлъ на кафедру и оттуда читалъ весьма напыщеннымъ тономъ родъ лекціи. На вопросъ мой преподавателю (онъ же и инспекторъ заведенія), почему разрѣшается ученикамъ садиться на кафедру, онъ отвѣтилъ мнѣ, что это дѣлается, чтобы пріучать ихъ къ краснорѣчію. Сомнѣваюсь, чтобъ это качество особенно нужно было будущему коммерсанту, не говоря уже о томъ, что подобныя лекціи, читаемыя учениками съ высоты кафедры, врядъ ли развиваютъ въ нихъ скромность.

Изъ осматрѣнныхъ мною частныхъ учебныхъ заведеній въ Миланѣ

позволю себѣ остановиться на женскомъ училищѣ, посвященъ названію „Sante Pelli“, какъ одномъ изъ лучшихъ. Оно помѣщается въ старинномъ дворцѣ Durini; поэтому помѣщеніе весьма обширное, комнаты высокія и свѣтлыя, при домѣ находится большой, тѣнистый садъ, въ полномъ распоряженіи училища, что большая рѣдкость для Милана. Въ училищѣ находится: giardino d'infanzia (куда дѣти поступаютъ даже съ 3-хъ лѣтъ и остаются въ немъ три года), элементарный курсъ, раздѣленный на 8 классовъ (6 лѣтъ — 14 лѣтъ) и высшій курсъ 2-лѣтній. Такимъ образомъ дѣвочка, поступившая 3-хъ лѣтъ въ училище, пройдя полный въ немъ курсъ, выходитъ изъ него 16-ти, 17-ти лѣтъ. Учебные предметы слѣдующіе: законъ Божій (въ этомъ училищѣ обязательный предметъ), италіанскій языкъ, ариѳметика и основанія геометріи, географія и исторія, свѣдѣнія по физикѣ и гигиенѣ, новыя языки (французскій, нѣмецкій и англійскій), каллиграфія и женскія рукодѣлія. Крімъ того, преподаются: рисованіе, хоровое пѣніе, танцы и гимнастика. Курсъ начинается 15-го октября и кончается въ половинѣ іюля. Уроки продолжаются съ 9¹/₂ ч. утра—4 ч., кромѣ четверга. Плата за воспитанницъ, которыя всѣ приходящія, слѣдующая: въ asyle infantile — 100 лиръ, на элементарномъ курсѣ отъ 150 — 250 лиръ, смотря по классамъ, на высшемъ курсѣ — 350 лиръ. Я присутствовалъ на урокъ римской исторіи въ среднихъ классахъ (преподавала директриса училища Pegaschi), на урокахъ нѣмецкаго языка, италіанскаго языка и ариѳметики въ старшихъ и младшихъ классахъ, и пріятно былъ пораженъ прекраснымъ преподаваніемъ и бойкими, отчетливыми и дѣльными отвѣтами ученицъ. На высшемъ курсѣ проходитъ весьма подробно и обстоятельно исторія отечественная и всеобщая; она доводится до объединенія Италіи. Особенное вниманіе обращается на отечественный языкъ. По завѣщанію преподавателя италіанской литературы въ старшихъ классахъ, воспитанницы пишутъ сочиненія на заданныя темы весьма удовлетворительно. Курсъ италіанской литературы проходитъ весьма подробно; особенное вниманіе обращается на упражненія въ стилѣ. На урокахъ новыхъ языковъ я не встрѣчалъ того плохаго произвошенія иностранныхъ словъ, замѣченнаго мною въ большинствѣ учебныхъ заведеній въ Италіи. Вообще же я вынесъ изъ осмотра этого частнаго учебнаго заведенія самое лучшее впечатлѣніе.

II.

Изученіе организаціи стипендій для недостаточныхъ студентовъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Италіи является однимъ изъ самыхъ неясныхъ вопросовъ для изучающаго состояніе высшаго образованія въ этой странѣ, такъ какъ, собственно говоря, стипендій, правильно организованныхъ, вовсе не существуютъ въ Италіи ни въ высшихъ, ни въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а есть только нѣсколько отдѣльныхъ капиталовъ, какъ королевскихъ, такъ и частныхъ или отдѣльныхъ провинцій, проценты съ которыхъ могутъ быть употребляемы въ видѣ вспомоствованія студентамъ учебныхъ заведеній, обозначенныхъ въ завѣщаніяхъ. Эти суммы для нѣкоторыхъ провинцій Италіи достигаютъ иногда довольно крупныхъ размѣровъ; такъ, напримѣръ, для Ломбардіи, Эмиліи, Умбріи, Тосканы и Неаполя капиталъ, пожертвованный съ этой цѣлью, достигалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ почтенной цифры въ 241,117 лиръ, изъ $\%$ съ котораго образовались 553 стипендіи, распределенныя совершенно неравномѣрно по разнымъ учебнымъ заведеніямъ. Такимъ образомъ случается часто, что въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ имѣется масса стипендій, въ другомъ на оборотъ ихъ вовсе нѣтъ. При этомъ положеніи о стипендіяхъ чуть ли не въ каждомъ заведеніи свои, различныя отъ прочихъ, что весьма затрудняетъ исследователя, желающаго выяснитъ себѣ общія положенія, которыми руководились жертвователи. Вообще этотъ вопросъ еще вовсе не разработавъ правильно въ Италіи. Что же касается до частныхъ обществъ вспомоствованія студентамъ, то ихъ вовсе не существуетъ, и ректора университетовъ, съ которыми приходилось мнѣ говорить о существованіи у насъ подобныхъ обществъ вспомоствованія при всѣхъ русскихъ университетахъ, выражали крайнее удивленіе, хотя и находили существованіе подобныхъ обществъ весьма желательнымъ и у нихъ.

Прежде чѣмъ говорить объ этихъ стипендіяхъ, необходимо представить здѣсь таблицу платежей, обязательныхъ для студентовъ италіанскихъ университетовъ на различныхъ факультетахъ и условія, при которыхъ они могутъ быть освобождены отъ взноса платы за слушаніе лекцій. Плата за слушаніе лекцій распределяется слѣдующимъ образомъ по факультетамъ. Она бываетъ 4-хъ разрядовъ: 1) за имматрикуляцію на факультетъ, 2) годовичная плата за право

слушанія лекцій, 3) добавочная такса за производство курсоваго испытанія (переходнаго экзамена) и 4) за выдачу студенту диплома объ окончаніи имъ полнаго курса на соответствующемъ факультетѣ. Это ясно видно изъ прилагаемой таблицы, заимствованной мною изъ официального изданія „Правилъ для студентовъ Неаполитанскаго университета“. Правила эти озаглавлены: *Principali Disposizioni del Decreto e Regolamenti Universitari per norma degli studenti. Napoli. 1888.* Приложение № 1. Плата, поступающая отъ студентовъ по этимъ четыремъ разрядамъ, во всѣхъ университетахъ Италіи одинакова.

Годичная плата за слушаніе лекцій можетъ быть разсрочена на два срока пополугодно—въ началѣ учебнаго года—въ ноябрѣ мѣсяцѣ и въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Плата за производство годичныхъ испытаній (переходныхъ экзаменовъ) должна быть произведена за 10 дней до начала экзаменовъ. Плата за дипломъ объ окончаніи курса вносится по окончаніи выпускныхъ экзаменовъ. Не внесшіе платы за слушаніе лекцій и за производство экзаменовъ не могутъ быть ни допускаемы къ опыту, ни пороведены на слѣдующій курсъ. Имматрикулованный въ одинъ изъ королевскихъ университетовъ ¹⁾ и внесшій за это плату, при переходѣ въ другой королевскій университетъ, освобождается отъ вторичной уплаты за имматрикуляцію.

Вышеназложеннымъ правиламъ должны подчиняться всѣ студенты италіанскихъ университетовъ, вносящіе плату за слушаніе лекцій. Но существуетъ во всѣхъ университетахъ не мало студентовъ, освобожденныхъ отъ платы. Освобожденіе это происходитъ на основаніи министерскаго циркуляра отъ 1-го октября 1870 года, при слѣдующихъ непремѣнныхъ условіяхъ: студентъ, желающій быть освобожденнымъ отъ платы, долженъ представить свидѣтельство мѣстной коммуны, откуда они родомъ и въ которой находится постоянное мѣстожительство ихъ родителей, съ обозначеніемъ рода занятій послѣднихъ, семейнаго ихъ положенія, ежегодно получаемаго ими дохода (приблизительнаго), а также свѣдѣнія объ ежегодныхъ податяхъ и налогахъ, взимаемыхъ съ нихъ. Эти свѣдѣнія должны относиться къ текущему платежному году и отноудъ не ко времени болѣе

¹⁾ Кромѣ „королевскихъ университетовъ“, въ Италіи есть еще и частные (libere). О нихъ я буду говорить ниже, рассматривая состояніе высшаго образованія въ Италіи.

отдаленному (§ 61 правилъ, редактированный на основаніи министерскаго циркуляра отъ 1-го октября 1876 года).

Освобождаются отъ платы за слушаніе лекцій на I курсѣ только тѣ студенты, которые на выпускномъ экзаменѣ изъ лицеевъ (экзаменъ на аттестатъ зрѣлости (esame di licenza liceale) получили не менѣе $\frac{9}{10}$ на кругъ всѣхъ удовлетворительныхъ балловъ (§ 63 правилъ на основаніи королевскаго декрета отъ 5-го августа 1877 года). Экзамены, какъ выпускные изъ лицеевъ, такъ и переходные въ университетахъ (курсовые) производятся въ комиссіяхъ, состоящихъ изъ 3-хъ экзаменаторовъ, при чемъ каждый экзаменаторъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи 10 балловъ, итого всѣхъ балловъ 30. Доволяющійся освобожденію отъ платы за лекціи на первомъ курсѣ студентъ долженъ получить на выпускномъ экзаменѣ не менѣе 27 балловъ. Къ такому прошенію объ освобожденіи отъ платы должно быть приложено свидѣтельство начальства лицея, гдѣ обучался студентъ о прилежаніи его и хорошемъ поведеніи. О всѣхъ подобныхъ случаяхъ освобожденія отъ платы за слушаніе лекцій должно быть сдѣлано представленіе министру въ концѣ академическаго года. Желающіе быть освобожденными отъ взноса платы за слушаніе лекцій на послѣдующихъ курсахъ, должны выдержать спеціальныя экзамены изъ назначенныхъ факультетомъ предметовъ и получить на оныхъ отъ $\frac{8}{10}$ до $\frac{9}{10}$ на кругъ всѣхъ удовлетворительныхъ балловъ.

Таковы главнѣйшіе параграфы правилъ для студентовъ, трагующіе объ условіяхъ обязательныхъ для освобожденія отъ платы за слушаніе лекцій въ университетахъ.

Но нельзя сказать, чтобы весьма многіе студенты пользовались этою привилегіей, что ясно видно изъ ниже слѣдующихъ таблицъ (см. приложение № 2 и 3). Одна изъ нихъ представляетъ суммы, не внесенныя студентами Неаполитанскаго университета за 1886—1887 академическій годъ (уплаченныя университетомъ за нихъ), а другая представляетъ суммы, выданныя въ качествѣ субсидій для уплаты за слушаніе лекцій студентами того же университета за тотъ же академическій годъ на всѣхъ факультетахъ.

Общее число студентовъ въ Неаполитанскомъ университетѣ въ 1886—1887 академическомъ году на всѣхъ факультетахъ означено въ таблицѣ № 4. Въ другихъ университетахъ число студентовъ, освобожденныхъ отъ взноса платы за слушаніе лекцій въ 1886—1887 году, было нѣсколько больше, напримѣръ, въ Туринскомъ

университетѣ; цифры уплаченныхъ ими и не уплаченныхъ суммъ конечно колеблются по годамъ, но въ общемъ приведенныя мною таблицы представляютъ довольно ясно положеніе этого вопроса. Освобожденіе отъ платы за слушаніе лекцій не связано для студентовъ ни съ какими особыми экзаменами.

Переходя теперь къ правительственнымъ и частнымъ стипендіямъ, я принужденъ ограничиться только нѣкоторыми высшими учебными заведениями, мною осматрѣнными, въ которыхъ таковыя имѣются; какъ я уже сказалъ выше, таковыхъ очень не много, они весьма разбросаны по разнымъ провинціямъ Италіи и въ бюджетѣ заведенія составляютъ весьма незначительный фондъ. Во всякомъ случаѣ происхожденіе этихъ стипендій въ Италіи чисто случайное и потому не представляютъ ничего существенно важнаго. Въ бюджетѣ Неаполитанскаго университета, напримѣръ, имѣется цифра въ 10,000 лиръ, ежегодно поступающая изъ министерства, но это скорѣе правительственная субсидія университету, чѣмъ сумма на стипендіи. Кроме того, сосѣднія съ Неаполемъ муниципалитеты южныхъ провинцій Италіи, какъ-то Gallipoli, Caserta, Bari, Benevento и др. вносятъ на содержаніе Неаполитанскаго университета ежегодно отъ 600—700 лиръ. Эти суммы идутъ на уплату не внесенныхъ студентами срочныхъ платежей за право слушанія лекцій, но эти суммы поступаютъ далеко не аккуратно и не являются вовсе обязательными для вышеупомянутыхъ муниципалитетовъ, такъ что опять-таки нельзя ихъ назвать стипендіями.

Въ Туринскомъ университетѣ это дѣло поставлено нѣсколько правильнѣе; именно: за нѣсколько мѣсяцевъ до начала академическаго года ректоръ университета публикуетъ о существующихъ вакансіяхъ на слѣдующія, учрежденныя при Туринскомъ университетѣ, стипендіи: 100 стипендій королевскихъ по 70 лиръ ежемѣсячно въ теченіе 9 учебныхъ мѣсяцевъ, то-есть, каждая стипендія въ 630 лиръ. Имѣются еще такого же размѣра 22 стипендіи провинцій Турина, нѣсколько частныхъ стипендій и наконецъ 6 стипендій, также по 630 лиръ каждая, такъ-называемой „Fondazione Ghisleri“. Послѣднія стипендіи были учреждены еще папою Піемъ V при Павійскомъ университетѣ, исключительно для студентовъ, уроженцевъ Ломбардской провинціи, окончившихъ курсъ въ основанномъ имъ Collegio Ghisleri (6 изъ этихъ стипендій принадлежатъ теперь Туринскому университету). Королевскія же стипендіи предназначены исключительно „для уроженцевъ прежняго королевства Сардинія“.

ніи. Число свободныхъ стипендій различныхъ наименованій, конечно, колеблется ежегодно; одинъ годъ ихъ больше, другой годъ меньше; такъ, напримѣръ, въ 1887 году согласно публикаціи ректора ихъ было всего 39. Получающіе эти стипендіи студенты Туринскаго университета составляютъ какъ бы особое отдѣленіе студентовъ университета, носящее названіе: „Collegio delle Province“, учрежденное королевскимъ декретомъ отъ 1-го іюля 1869 года. Прежде существовавшее подъ этимъ названіемъ училище не существуетъ съ 1869 года, а остается его названіе. Зданіе его перешло сначала въ вѣдѣніе военнаго министерства, а нынѣ составляетъ собственность Regio Museo Industriale Italiano въ Туринѣ.

Студенты, родители коихъ живутъ въ Туринѣ, не могутъ претендовать ни на одну изъ этихъ стипендій. Исключенія допускаются только при представленіи студентомъ доказательства крайней его бѣдности, препятствующей ему поступить въ какое бы то ни было высшее учебное заведеніе.

Между вышеупомянутыми городскими стипендіями есть нѣкоторыя, выдаваемыя исключительно студентамъ медицинскаго факультета, обязаннымъ за это въ теченіе академическаго года посѣщать клиники городской больницы св. Іоанна Крестителя (ospedale Maggiore di S. Giovanni Battista di Torino). Студенты-медики, не могущіе представить свидѣтельства объ аккуратномъ посѣщеніи ими этого госпиталя, лишаются стипендій.

Кромѣ того, всѣ студенты, желающіе получить стипендію, должны подвергнуться повѣрочному испытанію на основаніи королевскаго декрета отъ 2-го апрѣля 1885 года. Испытаніе это состоитъ изъ шести письменныхъ работъ: 1) латинскаго сочиненія; 2) италіанскаго сочиненія (большою частью историческаго содержанія); 3) сочиненія на философскую тему; 4) перевода съ греческаго на италіанскій языкъ; 5) рѣшенія задачъ изъ ариметики, алгебры и геометріи. Эти письменныя работы производятся въ теченіе трехъ дней и дается для выполненія каждой изъ нихъ четыре часа. Условія исполненія этихъ письменныхъ работъ тѣ же, какія соблюдаются у насъ на выпускныхъ экзаменахъ изъ гимназій (на аттестатъ зрѣлости). Впрочемъ у нихъ употребленіе словарей латинскаго и греческаго не воспрещается.

Кромѣ того, конкурирующіе на стипендію студенты подвергаются еще двумъ устнымъ экзаменамъ изъ предметовъ лицейскаго курса. Для полученія стипендій требуется на повѣрочномъ испытаніи на

кругъ не менѣе $\frac{2}{10}$, всѣхъ удовлетворительныхъ балловъ по каждому предмету ¹⁾).

При Миланской академіи „Scientifico-Litteraria“ ²⁾ существуетъ десять правительственныхъ стипендій, по 700 лиръ каждая, выдаваемыхъ ежегодно по конкурсному экзамену изъ итальянскаго языка, латинскаго, одного изъ новыхъ языковъ и исторіи, шесть стипендій города Милана и четыре разныхъ провинцій. Условія полученія стипендій одинаковы съ университетскими.

Кромѣ того, существуютъ еще двѣ преміи, учрежденныя профессоромъ Elio Lattes, въ 125 и 860 лиръ, выдаваемыя за лучшія сочиненія по филологіи или исторіи, писанныя студентами на послѣднемъ курсѣ. Премія эта ежегодно возобновляется. Положеніе объ этихъ преміяхъ утверждено королевскимъ приказомъ по министерству народнаго просвѣщенія отъ 9-го сентября 1885 года. Изъ вышеизложеннаго ясно, что стипендіи эти носятъ чисто случайный характеръ. И дѣйствительно, при разсмотрѣніи бюджета министерства народнаго просвѣщенія въ Италиі, выясняется, что существующія стипендіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ играютъ самую ничтожную роль.

III.

Центральное управленіе народнаго просвѣщенія въ Италиі и участіе муниципалитетовъ въ дѣлѣ народнаго образованія въ провинціяхъ.

Въ основаніи всего итальянскаго законодательства, касающагося министерства народнаго просвѣщенія, поставленъ органическій законъ, обнародованный въ министерство Casati 13-го ноября 1859 года и названный потому „Legge organica (Casati) sulla pubblica istruzione“. Законъ этотъ обнимаетъ всѣ отрасли и регулируетъ всѣ функціи вѣдомства народнаго просвѣщенія, какъ по отношенію къ центральнымъ его органамъ, такъ и провинціальнымъ. На основаніи этого закона (art. 1—29) центральное управленіе министерства на-

¹⁾ Правила эти заимствованы мною изъ официальной публикаціи ректора Туринскаго университета Anselmi отъ 17-го іюня 1887 года и изъ введенія „Regolamento per il R. Collegio degli Studenti delle Provincie“.

²⁾ О ней я буду говорить подробно въ своемъ мѣстѣ при отчетѣ о посѣщеніяхъ мною высшихъ учебныхъ заведеній.

роднаго просвѣщенія въ Италіи подраздѣляется на три отдѣла (разряда), изъ которыхъ первый вѣдаетъ личнымъ составомъ центрального управленія, Высшимъ совѣтомъ (Consiglio Superiore), составленіемъ бюджетомъ и контролемъ денежныхъ отчетовъ всѣхъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ министерству; второй отдѣлъ вѣдаетъ академіями художествъ, археологическими институтами и раскопками, консерваторіями и музыкальными училищами, бібліотеками, архивами и различными спеціальными академіями; третій отдѣлъ вѣдаетъ всѣми учебными заведеніями, въ томъ числѣ и университетами, практическими школами для инженеровъ, ветеринарными училищами и астрономическими обсерваторіями.

Среднеучебныя заведенія и начальныя (элементарныя) находятся въ вѣдѣніи двухъ спеціальныхъ отдѣловъ центрального управленія министерства, изъ которыхъ первый отдѣлъ управляетъ всѣми казенными гимназіями, лицеемъ и техническими школами, казенными интернатами и всѣмъ личнымъ составомъ управленія и преподавателей среднеобразовательной школы, тогда какъ второй отдѣлъ заведуетъ всѣми „нормальными училищами“ (родъ нашихъ учительскихъ институтовъ, о которыхъ я буду говорить въ своемъ мѣстѣ), всѣми начальными училищами, всѣми женскими учебными заведеніями, училищами для глухо-нѣмыхъ и личнымъ составомъ инспекціи народныхъ училищъ.

При министерствѣ находится совѣтъ (Consiglio Superiore di Pubblica Istruzione), состоящій изъ 14 постоянныхъ членовъ и 7 временныхъ, назначаемыхъ королевскимъ декретомъ на семь лѣтъ, большею частью изъ профессоровъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Этотъ совѣтъ подраздѣляется обыкновенно на три отдѣла, на обязанности которыхъ лежитъ разсмотрѣніе въ качествѣ совѣщательнаго органа всѣхъ вопросовъ, какъ административнаго, такъ и педагогическаго свойства, относящихся ко всѣмъ тремъ разрядамъ образованія. Отчасти въ кругъ занятій этого совѣта министра входитъ и разсмотрѣніе учебныхъ руководствъ и пособій для среднеобразовательной и начальной школы, но выборъ учебныхъ руководствъ и пособій совершенно зависитъ отъ педагогическаго совѣта учебныхъ заведеній, который вовсе не обязанъ руководствоваться въ этомъ отношеніи опредѣленіями высшаго совѣта. Особый отдѣлъ совѣта министра составляетъ „художественный комитетъ“, состоящій изъ 5 членовъ совѣта министра и 6 извѣстныхъ своими произведеніями художниковъ. На обязанности этого комитета лежатъ предла-

гать на усмотрѣніе министра необходимыя измѣненія въ уставахъ академій художествъ, указывать на полезныя покупки, которыя могло бы правительство произвести для пополненія художественныхъ коллекцій, составлять программы художественныхъ конкурсовъ и назначать за успѣшное ихъ выполненіе премій, составлять отчеты для представленія министру о состояніи художественныхъ музеевъ и галлерей.

Совѣтъ министра собирается три раза въ мѣсяцъ, а иногда и чаще, смотря по надобности. Въ составъ центральнаго управленія министерства, кромѣ вышепоименованныхъ лицъ и учрежденій, входятъ еще такъ-называемые „*Ispettori centrali*“, должность коихъ учреждена королевскимъ декретомъ отъ 12-го мая 1881 года. Такихъ центральныхъ инспекторовъ при министерствѣ трое: инспекторъ высшихъ учебныхъ заведеній, инспекторъ классическихъ среднеобразовательныхъ училищъ и инспекторъ техническихъ школъ, онъ же инспектурируетъ начальныя училища и учительскіе институты. Они назначаются королевскимъ декретомъ и приравнены въ служебномъ отношеніи къ членамъ совѣта министра. На обязанности ихъ лежатъ объѣзжать всѣ подвѣдомственныя министру учебныя заведенія, производить подробную ихъ ревизію въ административномъ и учебномъ отношеніяхъ и ежегодно представлять объ этихъ ревизіяхъ подробные отчеты министру.

Если организація центральнаго управленія министерства народнаго просвѣщенія въ Италіи не представляетъ никакихъ характерныхъ особенностей сравнительно съ подобною же организаціей этого управленія въ другихъ странахъ Европы, то нельзя того же сказать относительно ея провинціальнаго школьнаго управленія („*Amministrazione scolastica provinciale*“). Въ самой основѣ законодательства, касающагося этой администраціи, поставлено какое-то непонятное и, безъ сомнѣнія, по меньшей мѣрѣ весьма неудобное двоевластіе. Дѣло въ томъ, что въ 69 провинціяхъ, входящихъ въ настоящее время въ составъ объединеннаго Италіанскаго королевства, находятся 69 училищныхъ совѣтовъ, обсуждающихъ подъ предсѣдательствомъ не представителя отъ учебнаго вѣдомства, а мѣстнаго синдика (городскаго головы) всѣ вопросы, касающіеся народнаго образованія въ данной провинціи. *Provveditore agli studii* (исправляющій въ своей провинціи отчасти обязанности нашего попечителя округа) состоитъ только совѣщательнымъ членомъ этого совѣта; такимъ образомъ онъ поставленъ въ невозможность руководить рѣшеніями въ засѣданіяхъ совѣта и на-

правлять ихъ согласно цѣлямъ, преслѣдуемымъ министерствомъ. Отсюда является въ управленіи школою въ провинціяхъ весьма нежелательное двоєвластіе: съ одной стороны, распоряжается городская дума въ лицѣ своего городского головы (не въ городскихъ училищахъ, а въ правительственныхъ гимназіяхъ, лицейхъ и низшихъ училищахъ); съ другой стороны, отстаиваетъ виды и интересы министерства „provveditore“.

Результатъ всего этого, конечно, отсутствіе всякой централизаціи въ такомъ важномъ дѣлѣ, могущее весьма легко перейти въ полную дисгармонію въ томъ случаѣ, когда, что весьма возможно, взгляды и интересы министерства и городской думы бываютъ различны. Provveditore только въ отсутствіи синдика предсѣдательствуетъ въ училищномъ совѣтѣ. Подобная смѣна предсѣдателей, могущихъ быть весьма часто представителями двухъ самыхъ противоположныхъ направленій, также, конечно, является весьма нежелательною. Въ составъ этого училищнаго совѣта входятъ, кромѣ предсѣдателя-синдика и provveditore, еще 6 членовъ, изъ которыхъ два члена назначаются министромъ народнаго просвѣщенія (выбираемые изъ директоровъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній), два члена назначаются провинціальною депутаціей большинствомъ голосовъ и два члена отъ провинціального муниципалитета. Всѣ эти члены назначаются на три года и могутъ быть вновь избираемы.

Отсюда ясно, какъ разнороденъ можетъ быть составъ подобнаго совѣта, отъ котораго зависитъ постановка всего учебнаго дѣла въ провинціи, и какъ трудно бываетъ часто добиться единства въ постановляемыхъ имъ рѣшеніяхъ.

Между тѣмъ обязанности и права провинціального совѣта весьма обширны. Провинціальный училищный совѣтъ собирается въ главномъ городѣ провинціи. Онъ долженъ слѣдить за исполненіемъ учебными заведеніями провинціи, какъ казенными, такъ и частными, всѣхъ обязательныхъ для нихъ постановленій. Въ отношеніи къ частнымъ учебнымъ заведеніямъ его ревизія ограничивается наблюденіемъ за соблюденіемъ предписанныхъ гигиеническихъ мѣръ.

Онъ завѣдуетъ всѣми капиталами, пожертвованными въ пользу общественныхъ училищъ, наблюдаетъ за точнымъ исполненіемъ воли завѣщателей и существующихъ по этому предмету законоположеній. Онъ открываетъ новые элементарные приюты для дѣтей (Giardino d'infanzia), вечерніе и воскресные классы для рабочихъ, народныя бібліотеки, составляетъ статистическія таблицы по начальному

и среднему образованію, выбираетъ членовъ-делегатовъ, которые должны присутствовать на экзаменахъ, рассматриваетъ и составляетъ всѣ бюджеты учебныхъ заведеній, не подчиненныхъ непосредственно министерству, выбираетъ и назначаетъ весь учительскій персоналъ въ подвѣдомственныхъ ему училищахъ всѣхъ разрядовъ; онъ можетъ даже временно закрыть училище, если находитъ это нужнымъ, до представленія всего дѣла на усмотрѣніе министра и проч.

Изъ этого краткаго перечня занятій провинціальныхъ училищныхъ совѣтовъ видно, какъ равнообразна и важна его дѣятельность, на сколько необходимо было бы, чтобы при обсужденіи всѣхъ этихъ вопросовъ соблюдалось строгое единство въ направленіи — единственное условіе успѣшнаго хода учебнаго дѣла. Между тѣмъ я уже указывалъ на то обстоятельство, что при существующемъ двоевластіи въ училищномъ совѣтѣ и при равнообразіи его членовъ, представителей различныхъ учреждений, представителю министерства, *provveditore*, не возможно руководить учебнымъ дѣломъ во вѣренную его попеченію провинціи, исключительно согласно желаніямъ и видамъ министерства, такъ какъ ему приходится часто сообразоваться съ волею и желаніемъ муниципалитета, такого же, если еще не большаго, чѣмъ министерство, распорядителя судьбами народнаго образованія въ провинціяхъ.

На пагубныя послѣдствія подобнаго двоевластія для успѣшнаго хода учебнаго дѣла неоднократно указывалъ мнѣ *Provveditore* Миланской провинціи, *сав. Ronchetti*, благодаря любезности и рѣдкой предупредительности котораго я имѣлъ возможность подробно осмотрѣть нѣсколько учебныхъ заведеній въ Миланѣ.

Привлеченіе провинціальныхъ муниципалитетовъ къ дѣлу народнаго образованія весьма понятно со стороны италіанскаго правительства; въ 1859 году, когда вышелъ законъ *Casati*, оно не обладало значительными средствами для бюджета народнаго просвѣщенія, и надѣялось такимъ путемъ 1) вызвать пожертвованія на дѣло народнаго образованія со стороны провинціальныхъ муниципалитетовъ, могущихъ пополнить недостатокъ правительственныхъ субсидій и 2) заинтересовать ихъ въ успѣхѣ народной школы въ провинціи, что отчасти и было достигнуто. Этою мѣрою и объясняется громадное число учебныхъ заведеній, въ особенности низшихъ, возникшихъ за послѣднія двадцать лѣтъ въ Италіи, но для самаго хода учебнаго дѣла это мѣропріятіе оказалось весьма пагубнымъ. Министерство въ настоящее время сознаетъ это вполнѣ, такъ какъ оно является далеко не един-

ственнымъ козынномъ въ своемъ вѣдомствѣ, но помочь этому горю теперь весьма трудно. Врядъ ли однако муниципалитеты, облеченные такою широкою властью въ провинціальныхъ училищахъ и привыкшіе пользоваться этою властью такъ долго, согласятся добровольно отказаться отъ своихъ привилегій.

IV.

Состояніе низшаго образованія въ Италіи.

Вопросъ о низшемъ (элементарномъ) образованіи еще въ самое послѣднее время подвергался пересмотру со стороны италіанскаго правительства.

Общія положенія, касающіяся низшаго образованія, обнародованы были еще въ 1859 году (*Legge organica Casati (titolo V)*); засимъ 15-го іюля 1877 года вышелъ законъ объ обязательности элементарнаго образованія въ Италіи, а въ послѣдующіе годы—различныя законоположенія, касающіяся постановки учебнаго дѣла въ начальныхъ училищахъ, городскихъ и сельскихъ и различныхъ учительскихъ семинаріяхъ и институтахъ, носящихъ въ Италіи названіе „*Scuole Normali*“ (положеніе о нихъ обнародовано 1-го ноября 1883 года). Всѣ эти положенія и инструкции были по инициативѣ нынѣшняго министра *Boselli* вновь рассмотрѣны, значительно дополнены и отчасти видоизмѣнены и наконецъ 16-го февраля 1888 года утверждены королевскимъ декретомъ такъ-называемый „*Regolamento unico per l'istruzione elementare*“, представляющій сводъ всѣхъ вышедшихъ до сихъ поръ постановленій, касающихся начальнаго образованія въ Италіи.

Надо отдать полную справедливость италіанскому правительству: воплівъ понимая всю важность начальнаго образованія, оно всегда имъ интересовалось и не щадило средствъ, для его распространенія и удовлетворительной его постановки. Изъ всѣхъ разрядовъ образованія низшее, пожалуй, поставлено въ Италіи сравнительно лучше прочихъ; въ особенности же правительство обратило серьезное вниманіе на подготовку учителей для начальныхъ училищъ. Нормальныя школы дѣйствительно удовлетворяютъ своей цѣли, какъ я буду имѣть случай изложить это ниже.

Главные пункты этого *Regolamento per l'istruzione elementare* ¹⁾

¹⁾ Привожу переводъ съ оециальной брошюры озаглавленной „*Regolamento*

слѣдующіе: элементарное образованіе бываетъ двухъ разрядовъ — низшее и высшее. Предметы, входящіе въ составъ низшаго разряда — религіозное обученіе (необязательное, какъ и вездѣ, въ настоящее время въ Италіи)¹⁾, чтеніе, письмо, начальная арифметика, отечественный языкъ и элементарныя свѣдѣнія о метрической системѣ.

Въ составъ предметовъ обученія въ начальныхъ училищахъ высшаго разряда входятъ, кромѣ болѣе обстоятельнаго изученія вышеупомянутыхъ предметовъ, еще сочиненія на заданную тему, каллиграфія, веденіе счетоводства, элементарная географія, изученіе выдающихся событій изъ отечественной исторіи, свѣдѣнія изъ фивики и естественныхъ наукъ, примѣнительно къ повседневному обиходу. Кромѣ того, въ послѣднее время преподаются еще въ мужскихъ начальныхъ училищахъ высшаго разряда первые элементы геометріи и линейнаго черченія, а въ женскихъ — рукодѣліе. Къ этимъ предметамъ, по циркулярному предложенію министра отъ 15-го іюля 1877 г., прибавлено преподаваніе „первыхъ свѣдѣній объ обязанностяхъ человѣка и гражданина“, а съ 1878 года — обязательное преподаваніе гимнастики. Преподаваніе всѣхъ предметовъ должно производиться согласно утвержденнымъ министерствомъ программамъ. Элементарное образованіе бесплатно во всѣхъ коммунахъ Италіи. Возрастъ дѣтей, посѣщающихъ начальныя училища — отъ 6—12 лѣтъ. Въ деревенскихъ общинахъ, если позволяеть мѣсто, допускаются въ школу дѣти и старше 12-ти, но не старше 15-ти лѣтъ. Въ каждой коммунѣ должны обязательно находиться два начальныя училища низшаго разряда, одно для мальчиковъ, другое для дѣвочекъ. Подобное училище обязательно въ каждомъ мѣстечкѣ, населеніе котораго превышаетъ 800 жителей, когда оно отдалено отъ центра коммуны далѣе, чѣмъ на 2 километра. Въ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе менѣе 500 жителей, открывається начальное училище на 6 мѣсяцевъ. Всѣ дѣти отъ 6-ти до 9-ти лѣтъ обязательно посѣщаютъ начальное училище низшаго разряда, раздѣленное на три класса. Ни въ одномъ начальномъ училищѣ число учениковъ при одномъ учителѣ не должно превышать 70, при большемъ числѣ учениковъ обязательно открываются параллельные

unico per l'istruzione elementare approvato con R. Decreto 16 febbraio 1888 preceduto dalla Relazione del Ministro.“

¹⁾ Министерскій циркуляръ отъ 29-го сентября 1870 года предписываетъ обязательное преподаваніе закона Вошіа въ начальныхъ училищахъ только для дѣтей родителей, заявившихъ желаніе, чтобъ ихъ дѣти обучались закону Вошіа.

классы. Начальныя училища высшаго разряда состоятъ изъ 2-хъ классовъ, по одному году въ каждомъ и должны быть открываемы во-первыхъ, въ коммунахъ, въ которыхъ находятся среднеучебныя заведенія (классическія или реальныя (tecniche) или „нормальныя училища“ (учительскіе семинаріи и институты), и во вторыхъ, въ коммунахъ, въ которыхъ население превышаетъ 4000 жителей.

Непосредственное завѣдываніе начальными училищами принадлежитъ мѣстному муниципальному управленію, которое руководствуется издаваемыми постановленіями министерства народнаго просвѣщенія, подъ наблюденіемъ провинціальной министерской инспекціи. Вѣдаетъ школьнымъ дѣломъ учебный муниципальный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ синдика провинціи; въ этомъ совѣтѣ состоитъ членомъ *Provveditore agli studi*, о которомъ я упоминалъ, говоря о частномъ образованіи. Онъ отчасти исправляетъ должность нашего попечителя округа, но съ гораздо меньшими правами. Учебный годъ начинается съ 15-го октября и кончается 15-мъ августа. О томъ, что родители, не посылающіе дѣтей своихъ въ начальныя училища, подвергаются денежному штрафу, я уже упоминалъ выше, говоря объ организаціи частнаго образованія въ Италіи.

Выпускные экзамены изъ начальнаго училища высшаго разряда—двоякаго рода — устные и письменные. Правила для этихъ экзаменовъ утверждены королевскимъ декретомъ отъ 24-го іюня 1883 года.

Экзамены эти служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ повѣрочнымъ испытаніемъ для учениковъ, поступающихъ въ I классъ гимназій или реальнаго училища (*Scuola tecnica*). Требуется письменное сочиненіе на италіанскомъ языкѣ; устные экзамены производятся изъ всѣхъ пройденныхъ предметовъ; испытаніе каждаго отдѣльнаго ученика не должно продолжаться свыше 20 минутъ. Получившіе менѣе $\frac{2}{10}$ всѣхъ 10 балловъ, находящихся въ распоряженіи экзаменаторовъ, не допускаются къ устному испытанію.

Въ своемъ докладѣ королю отъ 16-го февраля 1888 года министр народнаго просвѣщенія Roselli указываетъ на наступившую неотложную необходимость кодифицировать многочисленныя и весьма разнообразныя постановленія, касающіяся начальнаго образованія и придать имъ большое единство; съ этою цѣлью составленъ этотъ сводъ, посланій названіе „*Regolamento unico per l'istruzione elementare*“ и подносится къ утвержденію короля.

Взглядъ министерства на преподаваніе закона Божія въ началь-

ной школѣ мы находимъ въ другомъ докладѣ ¹⁾ министра Boselli отъ 25-го сентября 1888 года. Привожу точный переводъ даннаго мѣста: „Министръ убѣжденъ, что преподаваніе закона Божія, поставленное въ должныхъ границахъ, составляетъ могучее воспитательное средство. Поэтому онъ не рѣшился совершенно исключить его изъ программы, но сдѣлалъ его факультативнымъ предметомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ министерство не считаетъ себя компетентнымъ въ составленіи программы, по которой долженъ преподаваться законъ Божій въ начальныхъ училищахъ, поэтому оно ограничивается лишь тѣмъ, что сохраняетъ это преподаваніе, какъ факультативное, предоставляя составленіе программы и учебныхъ плановъ по этому предмету духовному начальству“. При этомъ министръ указываетъ на примѣръ Англіи, поступающей въ этомъ отношеніи такимъ же образомъ. Итакъ, преподаваніе закона Божія во всѣхъ начальныхъ и среднеучебныхъ заведеніяхъ въ Италіи обязательно только для дѣтей родителей, заявившихъ о томъ желаніе. Но теперь возникаетъ другой вопросъ: кому поручить это преподаваніе—свѣтскимъ лицамъ или духовнымъ?

Для обсужденія этого вопроса еще 19-го ноября 1883 года соби-рался между прочими и коммунальный совѣтъ города Рима, и вотъ къ какимъ выводамъ пришелъ этотъ совѣтъ ²⁾. По мнѣнію совѣта, не желательно поручать преподаваніе закона Божія въ начальныхъ училищахъ духовенству, въ виду враждебныхъ отношеній, въ которыхъ оно находится къ государству; но съ другой стороны, представляется весьма труднымъ выборъ подходящихъ для этого лицъ и среди свѣтскихъ учителей, такъ какъ господствующее настроеніе въ релігіозныхъ вопросахъ въ современной Италіи—индифферентизмъ: въ этомъ открыто привнается совѣтъ. На этомъ основаніи онъ предлагаетъ слѣдующія мѣры: въ маленькихъ общинахъ, съ общаго согласія большинства мѣстныхъ гражданъ, это преподаваніе можетъ легко быть поручено свѣтскому учителю начального училища; но въ большихъ центрахъ является необходимость въ под-

¹⁾ Istruzione e Programmi Didattici per le Scuole Elementare del Regno colla Relazione del Ministro per l'Istruzione Pubblica a S. M. e relativo R. Decreto in data 25 Settembre 1888. Torino. 1888.

²⁾ Сообщеніе это я беру изъ опис. сборн., распор. и постановл. по мин. народн. просвѣщенія. Tit. V.—Istr. Elem. Norm. — Insegnamento religioso, стр. 530 и слѣд.

готовленіи особыхъ учителей ad hoc, которыми исключительно поручено было бы преподаваніе закона Божія. Но и эти учителя должны быть непременно свѣтскія лица и проходить спеціальный подготовительный курсъ, такъ какъ обязательное преподаваніе закона Божія въ „нормальныхъ училищахъ“ (учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ) также перестало быть таковымъ съ 1877 года.

Въ общихъ положеніяхъ, предшествующихъ учебнымъ планамъ по каждому отдѣльному предмету преподаванія въ начальныхъ училищахъ, министръ указываетъ на крайнюю необходимость обращать вниманіе и на физическое развитіе дѣтей и съ этою цѣлью предпринимаетъ гимнастическія упражненія и обязательно продолжительные промежутки между уроками (не менѣе четверти часа). Самые уроки въ младшихъ классахъ не должны продолжаться свыше полчаса времени, а въ старшихъ—трехъ четвертей часа, при чемъ только и можно добиться желательнаго вниманія къ проходимому въ классѣ со стороны всего класса. Весьма важно, по мнѣнію министра, съ раннихъ лѣтъ приучать дѣтей къ наблюденію окружающихъ ихъ явленій и предметовъ; съ этою цѣлью еще въ самыхъ элементарныхъ классахъ (*giardino d'infanzia*) проходятся особые уроки, носящіе у французовъ названіе—*leçons de choses*. Далѣе министръ, между прочимъ, останавливается на недавно введенномъ въ учебный планъ начальныхъ училищъ курсѣ „о правахъ и обязанностяхъ гражданина“. Онъ указываетъ прежде всего на то, какъ слѣдуетъ понимать этотъ терминъ. Цѣль этого курса—не преподавать ученикамъ права и обязанности, о которыхъ они не могутъ имѣть никакого понятія; напротивъ, онъ долженъ ихъ приучать къ мысли о необходимости выполненія лежащихъ на нихъ обязанностей. Въ подтвержденіе этого онъ приводитъ ту мысль, что если часто случается, что люди не исполняютъ своего долга, то это происходитъ не отъ невѣрія ими, что этотъ долгъ существуетъ, а отъ отсутствія воли. Этотъ курсъ, по его мнѣнію, и долженъ клониться главнымъ образомъ къ правильному развитію воли въ ученикѣ и дисциплины, въ надеждѣ, что эти уроки останутся ему памятли на всю жизнь, когда обязанности ученика замѣнятся обязанностями гражданина. Въ старшихъ классахъ слѣдуетъ давать ученикамъ нѣкоторыя общія понятія о государственномъ строѣ Италіи, о ея внутреннемъ устройствѣ и ви́шнемъ положеніи и стараться внушить имъ патриотическія чувства. Преподаваніе этого курса съ 1877 года сдѣлалось обязательнымъ во всей Италіи, вытѣснивъ собою преподаваніе закона Божія. Очевидно, что подобный, чисто фор-

мальный курсъ никоимъ образомъ не можетъ замѣнить благотѣльнаго религіознаго и нравственнаго вліянія на молодую душу ученика уроковъ закона Божія въ рукахъ опытнаго, умѣющаго дѣйствовать на его душу законоучителя.

Перехода къ учебнымъ планамъ по каждому отдѣльному предмету въ начальныхъ школахъ, министръ опредѣляетъ въ учебномъ планѣ по отечественному языку цѣль его преподаванія — правильно и бѣгло читать и писать на немъ, избѣгая при этомъ неправильностей и особенностей столь многочисленныхъ въ Италіи иѣстныхъ говоровъ; самая грамматика должна преподаваться по возможности практически; такъ-называемый „логическій анализъ“, столь много практикуемый во французскихъ школахъ, совершенно исключается изъ программы. Весьма важно добиться отъ ученика, чтобъ онъ ясно и толково передавалъ прочитанное; собѣтуется почаще занимать учениковъ диктовкой, какъ пробѣрой орфографіи и изученіемъ легкихъ, доступныхъ ихъ возрасту стихотвореній наизусть. Между прочимъ, министръ высказываетъ весьма вѣрную мысль: онъ предписываетъ задавать сочиненія только на темы, вполне доступныя и извѣстныя ученикамъ, такъ какъ весьма вредно въ педагогическомъ отношеніи заставлять учениковъ писать о предметахъ, имъ совершенно неизвѣстныхъ или мало извѣстныхъ (запримѣръ, не видавшихъ никогда моря заставлять описывать происходящую на немъ бурю, или обитателей равнины—снѣжныя вершины и т. д.). Это развиваетъ въ ученикѣ только привычку къ пустой болтовнѣ, къ фразерству и поверхностному отношенію къ описываемому предмету. Желательно, чтобъ ученики дополняли преподаваемое въ классѣ соответствующимъ чтеніемъ, сдѣланнымъ по выбору учителя въ строгомъ систематическомъ порядкѣ. Но это желаніе остается однимъ *plum desiderium*, такъ какъ выборъ книгъ, могущихъ служить для ученическаго чтенія, весьма ограниченъ въ Италіи; вопросъ о школьныхъ и ученическихъ бібліотекахъ, можно сказать, тамъ еще и не возникалъ.

Курсъ исторіи въ начальныхъ училищахъ, конечно, долженъ быть исключительно эпизодическій и по возможности сопровождаться объясненіями на раскрашенныхъ картинахъ, представляющихъ выдающіяся событія изъ отечественной исторіи. Для наглядности привожу въ главныхъ чертахъ программы по каждому предмету курса начальныхъ училищъ.

I классъ (нижшій разрядъ).

По отечественному языку—упражнения въ чтеніи и письмѣ, предметные уроки (leçons de choses), изученіе стихотвореній наизусть; по исторіи—эпизоды изъ еврейской, греческой и римской исторіи; изъ ариметики—письменные дѣйствія сложенія и вычитанія надъ числами до 100, а въ умѣ—до 10.

II классъ.

По отечественному языку—чтеніе и объясненіе прочитаннаго, письмо подѣ диктовку, стихотворенія, продолженіе „предметныхъ уроковъ“, при чемъ область наблюденія все расширяется, каллиграфія; изъ исторіи—эпизодическій курсъ древней и отечественной исторіи; изъ ариметики—четыре дѣйствія надъ цѣлыми числами. Понятіе о дробяхъ.

III классъ.

По отечественному языку—толковое чтеніе и передача прочитаннаго, диктовка и знаки препинанія, упражненія для памяти, практическій курсъ грамматики, продолженіе предметныхъ уроковъ; по географіи—общія понятія о географіи, изученіе рѣкъ, озеръ и городовъ Италіи; по исторіи—курсъ отечественной исторіи (эпизодическій); по ариметикѣ—понятіе о десятичныхъ дробяхъ, понятіе о метрической системѣ.

IV классъ (вышшій разрядъ).

По отечественному языку—къ проходимому въ младшихъ классахъ присоединяются сочиненія на заданную тему; изученіе (практическое) синтаксиса; по географіи—болѣе подробное развитіе предыдущаго курса; по исторіи—біографія выдающихся историческихъ личностей изъ греческой и римской исторіи; по физикѣ—извѣстнѣйшіе растенія и минералы въ данной мѣстности, ихъ употребленіе въ обыденной жизни, дѣйствіе теплоты на тѣла; изъ геометріи—начальные понятія, рисованіе геометрическихъ фигуръ, повтореніе пройденнаго курса ариметики.

V классъ.

По отечественному языку—подготовленіе къ выпускному экзамену, на которомъ ученикъ долженъ быть въ состояніи правильно

и вполне отчетливо написать сочиненіе на заданную тему; окончаніе практическаго курса грамматики; по географіи—явленія изъ математической географіи въ доступной формѣ (движенія земли и солнца и прочихъ небесныхъ свѣтилъ, времена года, понятіе о меридианѣ, объ экваторѣ, о широтѣ и долготѣ), изученію Европы и остальныхъ частей свѣта; изъ исторіи—новая исторія Италіи, исторія Савойскаго дома, послѣднія событія отечественной исторіи до объединенія Италіи; по физикѣ—понятія о свѣтѣ, теплотѣ, гидростатикѣ и динамикѣ; по арифметикѣ—дѣйствія надъ простыми и десятичными дробями, тройное правило, правило товарищества, геометрическія фигуры, понятіе о плоскости, перпендикулярѣ и объемѣ.

Не безинтересно для выясненія современнаго положенія начальнаго образованія въ Италіи познакомиться съ нѣкоторыми выводами, къ которымъ пришла коммиссія для пересмотра учебныхъ плановъ и инструкцій, касающихся высшаго образованія. Отчетъ этой коммиссіи издавъ въ Римѣ въ январѣ 1888 года ¹⁾.

Коммиссія эта, какъ говорится въ началѣ отчета, поставила себѣ двѣ цѣли въ своихъ занятіяхъ: 1) свести въ одинъ сводъ всѣ законоположенія, касающіяся начальнаго образованія и 2) выразить нѣкоторыя *ria desideria* относительно реорганизаціи существующей постановки учебнаго дѣла въ низшей школѣ.

Коммиссія вполне сознаетъ, что у начальной школы въ Италіи не хватаетъ традиціи, такъ какъ она еще очень молода, и ей приходится съ трудомъ пробивать себѣ путь; но она до тѣхъ поръ не утвердится прочно, пока у правительства не будетъ въ распоряженіи достаточнаго контингента хорошихъ, опытныхъ учителей для начальныхъ училищъ, такъ какъ главный, необходимый факторъ для успѣшнаго хода школьнаго дѣла—все-таки учитель, и при хорошемъ учителѣ школа не можетъ быть плоха. Это въ особенности вѣрно по отношенію къ начальному училищу, такъ какъ учитель въ ней большею частью одинъ, и вліяніе его поэтому на чуткую молодежь огромное. А подобнаго удовлетворительнаго контингента народныхъ учителей нельзя добиться однимъ только утвержденіемъ стипендій въ учительскихъ институтахъ; для этого, кромѣ хорошо составленнаго учебнаго плана этихъ институтовъ, необходимы еще личныя качества кандидатовъ на учительскія мѣста.

¹⁾ *Relazione della commissione nominata con decreto del 28 marzo 1887 dal Ministero della Pubblica istruzione.*

Желательно было бы, конечно, по возможности, увеличить и сами размѣры учительскихъ стипендій (размѣры этихъ стипендій для воспитанниковъ и воспитанницъ Scuole Normali колеблются между провинціями отъ 200 до 500 лиръ въ годъ), дабы тѣмъ отвлекъ отъ другихъ профессій лицъ, сильно нуждающихся, а между тѣмъ удовлетворяющихъ всѣмъ требованіямъ, предъявляемымъ къ учительскому персоналу; но это, конечно, финансовая сторона дѣла, въ которую коммиссія не можетъ вмѣшиваться; да и самое время теперь весьма не подходящее для увеличенія государственнаго бюджета Италіи, который — прибавлю уже отъ себя — далеко не въ цвѣтущемъ состояніи.

Далѣе коммиссія указываетъ опять-таки на примѣръ Германіи, гдѣ профессія народнаго учителя считается весьма почетною, но за то требуетъ весьма продолжительнаго подготовленія; молодые люди не раньше 20-ти лѣтъ получаютъ учительскія мѣста послѣ цѣлыхъ 14 лѣтъ ученія — 8 лѣтъ начальнаго училища (съ 6—14) и 6 лѣтъ нормальнаго училища. Тамъ подготовка народныхъ учителей весьма серьезная; поэтому коммиссія желала бы, чтобы нѣмецкіе учительскіе институты были приняты за образецъ.

Не входя въ разсмотрѣніе дальнѣйшихъ, менѣе важныхъ, пожеланій коммиссіи, упомяну только о слѣдующемъ: главный недостатокъ современной начальной италіанской школы она видитъ въ томъ, что она не даетъ ничего законченнаго своимъ ученикамъ; это представляетъ большой ущербъ для тѣхъ изъ нихъ, которые заканчиваютъ ею свое образованіе и не переходятъ въ среднеучебныя заведенія, а такихъ очень много. Поэтому коммиссія желала бы увеличить курсъ начальнаго училища еще на три года, сдѣлавъ его восьмилѣтнимъ, по примѣру Германіи.

Положеніе о нормальныхъ училищахъ для народныхъ учителей утверждено королевскимъ декретомъ отъ 21-го іюня 1883 года. Общія положенія о нихъ я заимствую изъ официальнаго изданія ¹⁾.

Нормальныя училища бываютъ двухъ разрядовъ — высшаго и низшаго; первый съ трехлѣтнимъ курсомъ, дающимъ право преподаванія въ начальнахъ училищахъ обоихъ разрядовъ, второй — съ двухлѣтнимъ курсомъ, выдающія аттестатъ на право преподаванія только въ начальной школѣ низшаго разряда. Помѣщеніе для Scuole

¹ Regolamento per le Scuole Normali approvato con R. Decreto del 21 giugno 1883. Roma, 1883.

Normale дается коммунальнымъ управленіемъ. Предметы преподаванія въ нихъ тѣ же, что и въ начальныхъ училищахъ, для которыхъ они готовятъ преподавателей, съ прибавленіемъ педагогика. Для каждаго предмета имѣется особый преподаватель; педагогика преподается директоромъ заведенія. При каждой Scuole Normale должно находиться начальное училище для практическихъ упражненій воспитанниковъ. При каждой Scuole Normale должны находиться фундаментальная и ученическая бібліотека, физическій кабинетъ, небольшой педагогическій музей и гимнастическій залъ.

По окончаніи учебнаго года, каждый преподаватель долженъ представить въ совѣтъ учительскаго института отчетъ о своей преподавательской дѣятельности за текущій годъ и объ успѣхахъ учениковъ. Два раза въ годъ министру представляются отчеты о дѣятельности института. На вступительномъ экзаменѣ требуются: сочиненіе на италіанскомъ языкѣ повѣствовательнаго рода, образцы каллиграфіи и нѣсколько рисунковъ (по классу рисованія); устный экзаменъ простирается на предметы, входящіе въ программу пригготовительнаго курса, о которомъ я сейчасъ буду говорить, и продолжается не менѣе часа для каждаго экзаменующагося. Въ каждомъ классѣ не должно быть больше 50 воспитанниковъ. Получившіе менѣе $\frac{6}{10}$ за письменное сочиненіе не допускаются къ устному испытанію. Экзаменационная коммиссія состоитъ изъ преподавателей института, подъ предсѣдательствомъ директора.

При каждомъ нормальномъ училищѣ мужскомъ или женскомъ имѣется пригготовительный курсъ, раздѣленный на два года. Поступающіе туда не могутъ быть — воспитанники моложе 14, а воспитанницы моложе 13 лѣтъ. Для поступленія на „пригготовительный курсъ“ требуется знаніе курса первыхъ 4 классовъ начальнаго училища.

Письменные экзамены на полученіе диплома на званіе учителя начальнаго училища 1-й степени, могущаго преподавать во всѣхъ классахъ, состоятъ изъ: 1) сочиненія на отечественномъ языкѣ, 2) развитія педагогической темы, 3) образца каллиграфіи, 4) рисунка по классу рисованія. Письменные экзамены на полученіе диплома 2-й степени, дающаго право преподаванія только въ младшихъ классахъ, состоятъ изъ 1) сочиненія на отечественномъ языкѣ, 2) образца каллиграфіи, 3) рисунка геометрическаго и по орнаменту. Крімъ того, требуются устные испытанія изъ всего пройденнаго курса. На каждое письменное сочиненіе дается по 4 часа. Получив-

часть сслхvii, отд. 3.

шіе не больше $\frac{6}{10}$ балловъ за письменныя работы по отечественному языку и по педагогикѣ не допускаются къ устному испытанію. Желающіе подвергнуться испытанію на полученіе диплома вносятъ—мужчины по 12 лиръ, женщины по 13 лиръ въ пользу экзаменаціонной комиссіи. Настоящее положеніе для нормальныхъ училищъ вошло въ дѣйствіе съ 1883—1884 учебнаго года.

Привожу нѣкоторые штаты:

Директоръ получаетъ въ годъ	2,000 лиръ
Преподаватели штатные получаютъ отъ.	1,640—1,800 лиръ
Сверхштатные	1,500—1,300 .

На стипендіи для учениковъ и ученицъ учительскихъ институтовъ всѣ провинціи Италіи вносятъ вмѣстѣ до 236,000 лиръ въ годъ, при чемъ взносы весьма различны: Римская провинція и Флоренція даютъ по 7,000 лиръ, Неаполь—12,500, Генуя — 6,500, Миланъ—9,000, Туринъ — 9,250, но есть и провинціи, дающія только по нѣсколько сотъ лиръ. Начальное образованіе, сдѣлавшись обязательнымъ въ Италіи съ 1877 года, легло почти всюю своею тяжестью на бюджетъ отдѣльныхъ городовъ и коммунъ, при нѣкоторомъ только содѣйствіи со стороны министерства.

Не входя въ разсмотрѣніе учебнаго плана по каждому предмету въ нормальныхъ училищахъ, скажу только нѣсколько словъ о посѣщенной мною нормальной женской школѣ въ Туринѣ, считающейся образцовою. Основатель ея и до сихъ поръ состоящій ея понечителемъ — бывшій министръ народнаго просвѣщенія Bertè, который съ рѣдкою любовностью самъ показывалъ мнѣ свое учебное заведеніе и водилъ по классамъ. Замѣчательна эта нормальная школа тѣмъ, что она была первая, открытая въ Италіи для дѣвицъ, и по ея образцу стали открываться всѣ прочія.

Эта нормальная школа для учительницъ существуетъ въ занимаемомъ имъ въ настоящее время зданіи съ 1874 года, но мысль объ ея возникновеніи зародилась еще въ пятидесятыхъ годахъ, и сначала нѣчто въ родѣ частныхъ педагогическихъ курсовъ было открыто на квартирѣ самого Bertè, бывшаго тогда профессоромъ философіи въ Туринскомъ университетѣ. Его стараніями тогда же учреждено было общество вспомошествованія, состоявшее изъ мѣстныхъ туринскихъ дамъ, которое брало на себя всѣ издержки по поддержанію этихъ курсовъ (Società Femminile per l'istruzione gratuita

delle maestre). Bertl добился дароваго помѣщенія для школы отъ муниципалитета.

Въ настоящее время въ этомъ учительскомъ институтѣ находится до 320 воспитанницъ, но со времени ея основанія и до сихъ поръ перебывало въ немъ 6871 воспитанница, изъ которыхъ не менѣе 2000 лицъ получило дипломъ на право преподаванія въ начальныхъ училищахъ. Я присутствовалъ на нѣсколькихъ урокахъ италіанской литературы, исторіи и физики и вынесъ изъ посѣщенія этого училища самое отрадное впечатлѣніе. Отвѣты ученицъ были толковы; преподавательницы, большею частью изъ окончившихъ полный курсъ въ той же нормальной школѣ, умѣли занимать вниманіе всего класса своимъ преподаваніемъ; у всѣхъ этихъ дѣвицъ довольныя, веселыя лица; видно, однимъ словомъ, что дѣло правильно поставлено и что результаты на лицо.

Особенное вниманіе обращено на педагогическія упражненія воспитанницъ старшихъ классовъ въ начальномъ училищѣ, находящемся при нормальной школѣ. Это одно изъ весьма рѣдкихъ учебныхъ заведеній въ Италіи, гдѣ преподается обязательно полный курсъ закона Божія духовнымъ лицомъ. Городъ даетъ подѣ училище даровое помѣщеніе. Министерство приплачиваетъ по 12,000 лиръ ежегодно. Каждая ученица платитъ по 40 лиръ въ годъ. Для поступления въ школу существуетъ конкурсный экзаменъ.

Но есть и существенный недостатокъ въ этомъ заведеніи — это плохое помѣщеніе. Классы до невозможности переполнены, въ нѣкоторыхъ 64 ученицы, духота въ нихъ страшная; я осматривалъ ихъ въ самую жаркую пору, въ іюлѣ мѣсяцѣ; кромѣ того, всѣ классы выходятъ на дворъ, а дворы въ Италіи не отличаются благовоіемъ; при училищѣ нѣтъ сада. Впрочемъ, неудовлетворительность помѣщенія вполнѣ сознаютъ и начальство заведенія. Оно находится въ настоящее время въ переговорахъ съ муниципалитетомъ о переводѣ училища въ другое, болѣе соответствующее ему помѣщеніе.

Всего больше распространенію низшаго образованія въ Италіи содѣйствовали училищныя совѣты при городскихъ муниципіяхъ, учреждая начальныя городскія училища одинаковаго почти типа съ осмотрѣнными мною министерскими, открывая вечернія школы для рабочихъ съ 14-ти-лѣтняго возраста (Scuole serali) и воскресныя (festive), открытыя съ 1-го октября по 15-е марта по 2 часа вечеромъ, кромѣ субботы и воскресенія. Но ихъ я не осматривалъ, такъ какъ они принадлежатъ совершенно другому вѣдомству, находясь въ

исключительномъ вѣдѣніи городского самоуправления и его училищнаго совѣта. Вообще, на распространеніе народнаго образованія городскіе муниципалитеты не жалѣютъ средствъ, и школьный бюджетъ ихъ громадный. Городъ Миланъ тратитъ до пяти милліоновъ лиръ ежегодно на городскія училища.

V.

Обоарвіе средняго образованія (классическаго) въ Италіи.

Изъ всѣхъ разрядовъ образованія среднее образование, и преимущественно классическое, подвергалось въ Италіи въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій самымъ равнообразнымъ реформамъ и служило предметомъ самыхъ горячихъ преній въ парламентѣ и въ педагогической литературѣ; можно сказать, что до сихъ поръ типъ классической среднеобразовательной школы далеко еще не установился въ Италіи и потому далеко не играетъ тамъ той основной, выдающейся роли въ общемъ образованіи юношества, какая давно уже установилась за нимъ въ Германіи. Италія заимствовала свою школьную классическую систему у нѣмцевъ, но не сумѣла проникнуться истиннымъ духомъ классицизма, ограничиваясь только внѣшнимъ заимствованіемъ, чтобы не отстать отъ прочихъ культурныхъ государствъ. Результатъ этого явленія мы замѣчаемъ въ настоящее время: нигдѣ плоды классическаго образованія не были такъ скудны, какъ въ Италіи, этой классической странѣ по преимуществу, гдѣ, казалось бы, классическая система образованія должна была бы естественно вытекать изъ историческаго прошлаго страны, гдѣ она является для обучающагося юношества своею, родною и потому, казалось бы, гораздо болѣе доступною. Между тѣмъ самая постановка преподаванія древнихъ языковъ въ италіанской среднеобразовательной школѣ находится въ настоящее время на весьма незавидной высотѣ, катедры же древней классической филологіи въ италіанскихъ университетахъ либо пусты, либо заняты посредственностями; нѣтъ въ настоящее время ни одного выдающагося профессора классической филологіи ни въ одномъ изъ 17 италіанскихъ университетовъ; однимъ словомъ, классическая филологія въ современной Италіи положительно провябаетъ, начывая съ средней школы и кончая университетами; тамъ процвѣтаютъ физико-математическіе и отчасти медицинскіе факультеты, но отнюдь не историко-филологическіе.

Классическая система среднеобразовательной школы существуетъ въ Италіи уже 30 лѣтъ; она введена была такъ-называемымъ „legge Casati“ 13-го ноября 1859 года. Этотъ законъ имѣлъ въ виду три разряда средней школы—гимназій, лицей и такъ-называемые національные конвикты, „Convitti nazionali“; въ 1883—1884 учебномъ году насчитывалось въ Италіи до 887 училищъ различныхъ наименованій съ 48943 воспитанниками ¹⁾ (между ними были впрочемъ и духовныя училища, находящіяся въ вѣдѣніи мѣстныхъ епископовъ). Однако выработанный тогда уставъ для среднеобразовательной школы является далеко не общимъ для всей Италіи; существуютъ особые уставы гимназій и лицеевъ для Неаполитанской провинціи, Сициліи, Тосканы и т. д., Надо, впрочемъ, отдать справедливость италіанскому правительству, весьма много сдѣлавшему съ 1859 года для поднятія общаго уровня средняго образованія. Въ эпоху объединенія оно находилось еще въ самомъ плачевномъ положеніи: латинскій языкъ преподавался въ самыхъ микроскопическихъ размѣрахъ; о греческомъ языкѣ не было и помину; въ старшихъ классахъ проходились весьма поверхностно элементарная математика и начатки физики. По отзывамъ тогдашнихъ университетскихъ профессоровъ, пріемныя испытанія воспитанниковъ лицеевъ и гимназій, кончившихъ полный въ нихъ курсъ, въ университеты были чисто формальнаго свойства. Притомъ не было никакого единства въ законоположеніяхъ, которыми управлялась среднеобразовательная школа въ различныхъ провинціяхъ Италіи. Содержаніе учебныхъ заведеній лежало только отчасти на попеченіи правительства; въ большей же части провинцій тогдашней Италіи они всецѣло содержались коммунальнымъ управленіемъ, которое, давая матеріальныя средства, хотѣло вмѣстѣ съ тѣмъ играть и выдающуюся роль въ школѣ въ учебномъ и административномъ отношеніи,—отсюда частія пререканія съ министер-

¹⁾ Это—среднеучебныя заведенія съ интернатами; вотъ ихъ подробная статистика:

національныхъ училищъ.	28 съ	2691	воспитанниками.
правительственныхъ	25 „	1220	„
провинціальныхъ .	20 „	1170	„
коммунальныхъ .	86 „	5359	„
di Fondazione	169 „	11102	„
епископальныхъ	283 „	15380	„
частныхъ	276 „	12121	„

887 съ 48943 воспитанниками.

ствомъ, отъ которыхъ, конечно, терпѣла главнымъ образомъ сама школа. Съ теченіемъ времени министерство взяло верхъ въ этой борьбѣ и понемногу стало вносить въ свой бюджетъ содержаніе большинства гимназій и лицеевъ королевства, а вмѣстѣ съ тѣмъ стало долящимся въ своемъ дѣлѣ, но и до сихъ поръ значительная часть среднеучебныхъ заведеній находится въ исключительномъ вѣдѣніи провинціальныхъ муниципій, управляющихъ ими при весьма слабомъ контролѣ мѣстной учебной власти. Но чего никогда не было въ учебномъ вѣдомствѣ въ Италіи и чего въ немъ нѣтъ, слѣдовательно, и до сихъ поръ—это серьезной школьной традиціи, составляющей главную силу школы въ Германіи. Въ Италіи направленіе министерства народнаго просвѣщенія всегда, къ несчастію, зависѣло отъ чисто случайныхъ обстоятельствъ, отъ того, наконецъ, какая политическая партія возьметъ временно перевѣсъ въ парламентѣ; однимъ словомъ, школа въ Италіи никогда не могла вполне отрѣшиться отъ вліянія на нее внутренней политики страны, и это вліяніе, конечно, могло быть только весьма пагубнымъ. Отсюда причина этихъ постоянныхъ колебаній не только въ вопросѣ о классическомъ образованіи въ гимназіяхъ и лицеехъ, и въ самомъ направленіи среднеобразовательной школы, въ постоянной борьбѣ правительства съ церковью въ—за религіозной основы образованія, накопившейся, какъ я уже указалъ выше, прекращеніемъ всякаго обязательнаго преподаванія закона Божія въ низшей и средней школѣ и закрытіемъ съ 1870 года богословскихъ факультетовъ въ италіанскихъ университетахъ. Размѣры настоящей статьи не даютъ мнѣ возможности вдаваться въ болѣе подробное изложеніе состоянія въ Италіи классическаго образованія за прошлое время; ограничусь только изложениемъ современнаго положенія этого вопроса и тѣхъ необходимыхъ реформъ въ этой области, о которыхъ высказываются открыто, какъ въ преніяхъ въ парламентѣ, такъ и въ многочисленныхъ педагогическихъ статьяхъ и брошюрахъ, посвященныхъ этому вопросу и вышедшихъ за послѣднее время въ Италіи. Буду говорить только о постановкѣ учебнаго дѣла въ среднеобразовательной италіанской школѣ, не касаясь различныхъ вопросовъ административнаго свойства, подвергавшихся тоже равнообразнымъ реформамъ за послѣднее время.

Среднеобразовательная классическая школа въ Италіи подраздѣляется на пятиклассную гимназію, отчасти соответствующую нашему прогимназическому курсу, и на трехклассный лицей, подготов-

ляющій непосредственно къ поступленію въ университетъ. 26-го іюня 1886 года вышелъ циркуляръ министра народнаго просвѣщенія, утвержденный королевскимъ декретомъ, въ силу котораго въ каждой провинціи Италіи долженъ находиться лицей. Второй лицей въ той же провинціи открывается только въ такомъ случаѣ, если населеніе провинціи достигаетъ 600,000 жителей, или если населеніе провинціи хотя и менѣе 450,000 жителей, но въ городѣ, въ которомъ находится лицей, не менѣе 80,000 жителей. Уставы для лицеевъ и гимназій въ Италіи мѣнялись неоднократно съ 1859 года. Нынѣ дѣйствующій уставъ вышелъ 23-го октября 1884 года; одновременно съ нимъ на даны и примѣрныя классныя программы и инструкціи для преподавателей каждаго учебнаго предмета. Предметы, входящіе въ программу среднеобразовательной классической школы,—тѣ же, что и у насъ. Единственное отличіе отъ нашего гимназическаго учебнаго плана—преподаваніе естествовѣдѣнія,—за то въ Италіи не преподается ни одинъ изъ новыхъ языковъ. Но преподаются они, въ особенности древніе языки, въ гораздо меньшемъ объемѣ. Существуетъ, впрочемъ, въ настоящее время предположеніе, сдѣлать обязательнымъ французскій языкъ въ нижнихъ классахъ, и нѣмецкій—въ старшихъ.

Таблица распредѣленія учебныхъ предметовъ по классамъ всего лучше представить учебный планъ современной италіанской классической школы. Эта таблица введена въ дѣйствіе въ самое послѣднее время, но далеко еще не повсемѣстно. Утверждена она королевскимъ декретомъ отъ 24-го октября 1888 года по докладу вышеупомянутого министра *Voselli* (см. приложение № VI). Изъ этой таблицы ясно видно, какое сравнительно ограниченное число часовъ удѣляется на преподаваніе обонхъ древнихъ языковъ, въ особенности въ лицейскихъ классахъ, непосредственно готовящихъ къ университету. Спрашивается: какую серьезную программу можно выполнить при 3 часахъ въ недѣлю, удѣленныхъ на латинскій и греческій языки въ послѣднихъ двухъ классахъ лицея? Между тѣмъ читаемые въ нихъ авторы почти тѣ же, что и у насъ; такъ, изъ римскихъ авторовъ читаются въ I лицейскомъ классѣ, соответствующемъ нашему 6-му классу—Титъ Ливій (Исторія), Энеида или „Георгики“ *Виргилія* и оды *Горація*, въ II лицейскомъ классѣ (нашъ 7-й)—Тацитъ (*Vita Agricola*), „*Institutiones*“ *Квинтилиана*, оды „epistolae“ и сатиры *Горація*, а въ III лицейскомъ классѣ (нашъ 8-й) — „*De oratore*“ *Цицерона*, „*Тускуланскія бесѣды*“ и даже одна комедія *Плавта*.

Изъ греческихъ авторовъ (греческій языкъ преподается всего 5 лѣтъ, начиная съ IV гимназическаго класса) читаются въ I лицейскомъ классѣ (нашъ 6-й) „Иліада“ Гомера и „Анабазисъ“ Ксенофонта, во II лицейскомъ (нашъ 7-й)—„Одиссея“, Геродотъ, отрывки изъ Исократы и изъ рѣчей Лисія, въ III же лицейскомъ (нашъ 8-й) діалоги Платона, „Критонъ“, „Протагоръ“, „Федонъ“, его „аполлогія“, „Филиппики“ Демосоеена и рѣчь его „о вѣнѣ“.

Кромѣ того, начиная съ II лицейскаго класса (нашъ 7-й) проходитъ даже систематическій курсъ исторіи римской литературы, а съ I лицейскаго (нашъ 6-й)—курсъ исторіи греческой литературы. Очевидно, что при столь незначительномъ числѣ часовъ, посвященныхъ древнимъ языкамъ выполнять подобную программу не мыслимо. Надо, впрочемъ, имѣть въ виду, что гораздо меньше времени, чѣмъ у насъ, употребляется на письменныя упражненія. На выпускномъ экзаменѣ изъ лисей требуется только письменный переводъ съ латинскаго на итальянскій, а не съ отечественнаго на латинскій, и вовсе не требуется письменнаго перевода по греческому языку; отсюда ясно, что центръ тяжести при изученіи древнихъ языковъ лежитъ не въ грамматическомъ ихъ изученіи, а въ чтеніи авторовъ.

Въ инструкціи, данной министерствомъ для преподавателей древнихъ языковъ ¹⁾, высказывается весьма дѣльное желаніе, чтобы преподаваніе латинскаго языка и отечественнаго, преимущественно въ низшихъ гимназическихъ классахъ, соединялось по возможности въ лицѣ одного преподавателя, для болѣе легкаго сравнительнаго ихъ изученія. Обращается вниманіе преподавателей на то, чтобы они не увлекались лингвистическими тонкостями и сравнительнымъ методомъ, и ясно опредѣляется цѣль изученія латинскаго языка: именно въ гимназіяхъ оно должно клониться къ знанію грамматики (этимологіи и синтаксиса), а въ лицейяхъ—къ чтенію и интерпретаціи авторовъ, (комментаріи къ тексту историческіе и мифологическіе, съ сообщеніемъ необходимыхъ свѣдѣній по римскихъ древностямъ). Тѣ же требованія предъявляются и къ преподаванію греческаго языка; предписывается обязательное повсемѣстное употребленіе „Еразмовскаго“ чтенія.

Систематическое изученіе латинскаго синтаксиса начинается съ

¹⁾ Programmi e Istruzioni per l'insegnamento nei ginnasi e nei licei in esecuzione del R. Decreto 23 Ottobre 1884.

У гимназическаго класса, при 5 урокахъ по латинскому языку въ недѣлю. Изъ авторовъ читаются: во II классѣ — отрывки изъ Корнелія Непота, въ III — Цезарь и отдѣльныя мѣста изъ „Метаморфозъ“ Овидія, въ IV — Цицеронъ („De Amicitia“ или „De Senectute“), Саллюстій, „Энеида“ Виргилія, въ V классѣ — избранныя мѣста изъ Тита Ливія и Энеида. Греческій языкъ начинается только въ IV классѣ; въ V классѣ — послѣднемъ гимназическомъ, заканчивается этимологія, начиная съ изученія глаголовъ на *μ*, и начинается „Анабазисъ Ксенофонта“.

Изъ разговоровъ съ директорами лицеевъ и гимназій я вынесъ впечатлѣніе, что они считаютъ нынѣ дѣйствующій учебный планъ весьма обременительнымъ и трудно выполняемымъ; между тѣмъ онъ значительно уменьшенъ противъ учебнаго плана 1884 года (см. Приложение № VII).

Изъ остальныхъ предметовъ преподаванія въ среднеобразовательной италіанской школѣ всего лучше поставлено преподаваніе отечественнаго языка со словесностію и математики, въ особенности первое. Курсъ италіанской литературы читается весьма подробно и обстоятельно, требованія по этому предмету на переходныхъ и выпускныхъ экзаменахъ весьма серьезныя; особенное вниманіе обращается на выработку правильнаго, изящнаго стиля и на обстоятельное историко-литературное изученіе каждаго отдѣльнаго періода италіанской литературы, какъ древней, такъ и новой. Курсъ математики гораздо меньше нашего.

Въ своемъ докладѣ въ депутатской камерѣ въ засѣданіи 13-го декабря прошлаго 1888 года бывшій министръ народнаго просвѣщенія, Соррینо, говоря о современномъ положеніи классической школы въ Италіи, жалуется главнымъ образомъ на чрезмѣрное разнообразіе ея учебной программы, на то, что ученики не могутъ достаточно сосредоточиться на тѣхъ дисциплинахъ, которыя должны были бы лечь въ основаніе программы, а принуждены разбрасываться по безчисленнымъ второстепеннымъ предметамъ. Его *pium desiderium* выражается въ латинскомъ правилѣ: „non multa, sed multum“. Объясняетъ онъ отсутствіе концентричности въ учебныхъ планахъ тѣмъ, что они составляются въ высшемъ совѣтѣ министерства (*Consiglio Superiore di Pubblica Istruzione*), въ которомъ засѣдаютъ специалисты по каждому отдѣльному предмету, не могущіе отрѣшиться отъ желанія увеличить размѣры преподаванія своей спеціальности въ ущербъ другимъ. По этому поводу онъ приводитъ очень вѣрное и остроумное за-

ключеніе Bersot, одного изъ членовъ Conseil Supérieur французскаго министерства народнаго просвѣщенія, высказанное имъ въ 1884 году¹⁾. Переходя къ учебнымъ планамъ отдѣльныхъ предметовъ, онъ признаетъ вѣрнымъ, хотя и нѣсколько преувеличеннымъ, мнѣніе, высказанное членомъ испытательной комиссіи Carducci²⁾ о малоуспѣшности кончающихъ курсъ лиценстовъ по отечественному языку, высказываемой въ ихъ письменныхъ сочиненіяхъ. Привожу это крайне pessimistическое мнѣніе въ переводѣ: „Незнаніе учениками общенвѣстныхъ фактовъ отечественной исторіи, не только литературныхъ, но и изъ чисто гражданской исторіи, отсутствіе всякой классической культуры, скудость и разбросанность мыслей, легковѣрность и поспѣшность выводовъ, почеркаемыхъ изъ чтенія ежедневныхъ газетъ, напыщенность выраженій, полное незнаніе серьезной традиціи италіанской литературной школы“. Причину этого влз Carducci видитъ въ современной италіанской семьѣ, не воспитанной въ серьезной классической школѣ, въ общей культурѣ, далеко отставшей отъ вѣдровой классической традиціи, направленной исключительно почти только къ чисто матеріальнымъ интересамъ.

Corripo въ своемъ докладѣ нарицаетъ стремленіе преподавателей исторіи входить въ слишкомъ большія подробности, изъ-за которыхъ они часто забываютъ болѣе существенныя части курса и обременяютъ непроизводительно память учениковъ излишними именами и хронологическими датами; высказываетъ желаніе значительно уменьшить курсъ математики, физики и химіи, ограничивъ первый изъ нихъ по алгебрѣ рѣшеніемъ уравненій 2-й степени и исключая тригонометрію совсѣмъ изъ курса, а второй—исключительно прохожде-

¹⁾ „Les programmes, au lieu d'être l'oeuvre d'un homme ou d'un petit nombre d'hommes, ont été élaborés dans une grande assemblée, où toutes les études, toutes les spécialités, toutes les directions de l'esprit étaient représentées; de sorte que chacun, se croyant responsable envers ses électeurs ou envers lui-même, de ne pas laisser en souffrance les connaissances qui lui étaient chères, demandait à en introduire quelque partie dans le plan d'études. De là ce savoir encyclopédique, ces matières scientifiques si variées qui figurent dans l'enseignement de nos classes; de là aussi les réclamations en sens divers qui n'ont pas tardé à se faire entendre, car du moment, qu' on veut satisfaire tout le monde, on peut s'attendre bientôt à avoir tout le monde contre soi“. Association pour l'étude des questions d'enseignement secondaire. Allocution du président E. Bersot (12 avril 1884).

²⁾ Отчетъ экзаменационной комиссіи для выпускныхъ экзаменовъ въ лицеевъ въ 1886—1887 учебномъ году — *Bulletino Ufficiale dell' Istruzione*, июль 1888, стр. 279.

нѣмъ экспериментальной физики и химіи. Мотивомъ къ такому значительному сокращенію программы Соррѣно приводитъ то соображеніе, что среднеобразовательная школа есть школа общаго развитія, а не подготовительная школа къ той или другой спеціальности, между прочимъ и математической. Но это соображеніе имѣло бы мѣсто при иной постановкѣ гуманитарныхъ предметовъ, а не при той, которая существуетъ въ итальянскихъ лицеехъ. Соррѣно высказывается прямо противъ преподаванія философіи въ лицеехъ, на основаніи общезвѣстныхъ доводовъ; онъ высказываетъ желаніе, чтобы въ лицеехъ ограничивались краткимъ курсомъ логики въ послѣднемъ классѣ. По поводу преподаванія латинскаго языка, преимущественно въ высшихъ классахъ, онъ высказываетъ сожалѣніе, что въ Итали такъ мало обращаютъ вниманія на письменныя классныя упражненія (*extemporalia*), которыя, кромѣ существенной пользы для точнаго усвоенія грамматическихъ правилъ, имѣютъ еще то не замѣнимое значеніе, что требуютъ полнаго вниманія учениковъ въ классѣ. Онъ приводитъ примѣры пѣмецкихъ гимназій, гдѣ всѣ старанія педагоговъ направлены на то, чтобы центръ тяжести при изученіи предмета сосредоточивался на занятіяхъ въ классѣ, а не на домашнихъ упражненіяхъ, чѣмъ, кромѣ дидактическихъ цѣлей, достигаются и столь важныя—гигіеническія, такъ какъ уроки не требуютъ отъ учениковъ почти никакихъ домашнихъ приготовленій, а потому все почти внѣклассное время могутъ они посвящать отдыху. Относительно преподаванія греческаго языка бывшій министръ откровенно заявляетъ, что при данномъ числѣ уроковъ (всего 15 въ недѣлю во всѣхъ классахъ) нѣтъ никакой возможности достигнуть какихъ-нибудь существенныхъ результатовъ. Еще въ 1887 году была получена въ министерствѣ петиція, подписанная ректоромъ и профессорами Пармскаго университета, о томъ, чтобы греческій языкъ сдѣлалъ былъ факультативнымъ предметомъ классической школы. Мотивирована была эта петиція тѣмъ соображеніемъ, что нѣтъ достаточно времени для изученія всѣхъ предметовъ, поэтому одно изъ двухъ—либо меньше математики, либо греческій языкъ, какъ факультативный предметъ, либо наконецъ, предоставленіе права каждому выбирать *ad libitum* греческій языкъ или полный лицейскій курсъ математики¹⁾). Въ виду высказанной всѣми педагогическими совѣтами возможности увеличить число часовъ по греческому языку, Соррѣно

¹⁾ Въ журналѣ *Le Scuole Secondarie*. Anno V, № 23.

прямо высказывается за то, чтобы греческій языкъ сдѣланъ былъ факультативнымъ предметомъ, и выражаетъ увѣренность, что изученіе его отъ этого нисколько не пострадаетъ.

Въ заключеніе Соррипо находитъ необходимымъ сдѣлать по крайней мѣрѣ одинъ изъ новыхъ языковъ обязательнымъ, и предпочтеніе даетъ нѣмецкому языку. Реформы, предложенныя имъ, до сихъ поръ не введены въ исполненіе, но они встрѣтили сочувствіе въ высшемъ министерѣ. За то вышеизложенный докладъ Соррипо былъ встрѣченъ весьма недружелюбно многими представителями отдѣльныхъ кафедръ италіанскихъ университетовъ. Изъ многочисленныхъ брошюръ, появившихся за послѣднее время въ Италіи, касающихся постановки классическаго образованія, упомяну здѣсь только объ одной брошюрѣ профессора Болонскаго университета Angelo Valdarini¹⁾. Онъ восстаетъ главнымъ образомъ противъ обращенія греческаго языка въ факультативный предметъ и противъ уменьшенія программъ по философіи, хотя доводы его по послѣднему вопросу весьма мало убѣдительны.

Для дальнѣйшей характеристики классической школы въ Италіи не могу не остановиться на нѣкоторыхъ весьма дѣльныхъ взглядахъ, высказанныхъ въ книгѣ извѣстнаго педагога, профессора Villari: „Scritti pedagogici“, давно появившейся во Флоренціи еще въ 1868 году, но до сихъ поръ не утратившей значенія для характеристики главныхъ недостатковъ италіанской школьной системы. О ея необычайной косности, объ отсутствіи всякаго движенія впередъ въ италіанской педагогикѣ всего лучше свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что, посѣщая въ нынѣшнемъ году нѣкоторыя средне-учебныя заведенія въ Миланѣ, Туринѣ и другихъ городахъ Италіи, я наталкивался на тѣ же самые недостатки въ постановкѣ учебнаго дѣла, на которые указывалъ еще Villari слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ.

Главный, капитальный недостатокъ органическаго закона, лежащаго въ основаніе всей постановки школьнаго дѣла въ Италіи закона Casati, заимствованнаго изъ Германіи, Villari видитъ въ томъ, что существующая въ Германіи постановка учебнаго дѣла вытекла изъ самыхъ мѣстныхъ условій страны, изъ характера ея населенія и потому пустила тамъ глубокіе корни; въ Италіи же

¹⁾ Di Alcuni Riforme necessarie nella Istruzione Secondaria e Superiore per Angelo Valdarini, — Bologna 1889.

она является какъ нѣчто заимствованное, не отвѣчающее національнымъ идеаламъ и симпатіямъ, какъ это ни странно, вовсе не склоннымъ къ классицизму; поэтому она всегда оставалась для итальянскаго юношества чуждою системою образованія. Если же разсматривать тѣ формы, въ которыя вылилась эта система, тѣ мѣропріятія, посредствомъ которыхъ она приведена была въ исполненіе, то легко убѣдиться въ томъ, что они только еще болѣе затруднили ея примѣненіе на практикѣ.

Villari весьма справедливо указываетъ на главный недостатокъ итальянской школьной системы, состоящій въ предпочтеніи, отдаваемомъ въ средней школѣ академическому чтенію передъ непосредственными занятіями преподавателя съ вѣраннымъ ему классомъ. Особенно практикуется это при урокахъ отечественной литературы. Тутъ преподаваніе обращается совершенно въ лекцію по словесности; результатомъ же подобной системы — тотъ безотрадный фактъ, что даже кончающіе курсъ лицеисты съ трудомъ въ состояніи правильно написать любое сочиненіе на заданную тему или даже простое письмо. Это стремленіе обращать урокъ въ лекцію я, съ своей стороны, замѣчалъ даже въ среднихъ классахъ итальянскаго реального училища. Въ противоположность этой пагубной системѣ Villari указываетъ на гораздо болѣе рациональную методу, употребляемую въ нѣмецкихъ гимназіяхъ, гдѣ вниманіе всего класса все время урока неустанно должно слѣдить за предлагаемымъ преподавателемъ вопросамъ, и гдѣ каждый шагъ впередъ въ преподаваніи подлежащаго предмета достигается общими усиліями преподавателя и всего наличнаго состава класса.

Въ преподаваніи исторіи замѣчается та же склонность къ громкимъ заглавіямъ проходимыхъ отдѣловъ курса, при чемъ преподаватель изощряется въ краснорѣчій и высказываетъ свою начитанность, а ученики при этомъ могутъ относиться къ проходимому въ классѣ совершенно безучастно, такъ какъ къ слѣдующему уроку отъ нихъ требуется только знаніе извѣстнаго отдѣла учебника. Что же касается послѣднихъ, то и въ этомъ отношеніи, какъ я уже замѣтилъ выше, дѣло поставлено далеко неудовлетворительно, въ виду отсутствія всякаго единства и всякихъ обязательныхъ для преподавателей нормальныхъ учебниковъ.

Другой существенный недостатокъ въ постановкѣ учебнаго дѣла въ итальянской средней школѣ Villari совершенно справедливо видитъ въ постоянныхъ передвиженіяхъ учительскаго персонала,

практикуемыхъ министерствомъ, вслѣдствіе чего не можетъ установиться никакая серьезная школьная традиція въ отдѣльныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ Германіи, напротивъ, извѣстный директоръ или заслуженный преподаватель извѣстнаго предмета становится какъ бы неразлучнымъ съ заведеніемъ, составляетъ его гордость и славу; черезъ его руки проходятъ безчисленные выпуски учениковъ; такому педагогу легко создать свой извѣстный методъ преподаванія; общими усиліями подобныхъ опытныхъ, выдающихся преподавателей создаются школьныя традиціи. Въ Италіи ни одно учебное заведеніе не имѣетъ, такъ сказать, постоянного состава преподавателей; нѣтъ у нихъ и постоянного состава учениковъ, за которыми они могли бы слѣдить съ младшихъ классовъ и доводить ихъ до выпускнаго экзамена, какъ это практикуется во многихъ гимназіяхъ въ Германіи. Въ Италіи преподаватели отдѣльныхъ предметовъ постоянно мѣняются въ классѣ. Изъ младшихъ классовъ въ томъ же семестрѣ часто переходятъ въ старшую и на оборотъ; они не успѣваютъ познакомиться со своими учениками, и тѣ къ нимъ не успѣваютъ привыкнуть. На послѣднее обстоятельство директоръ одной гимназіи въ окрестностяхъ Турина (въ Moncalieri) указывалъ мнѣ какъ на выгодную сторону этой системы, такъ какъ, говорилъ онъ, — имѣя дѣло постоянно съ однимъ и тѣмъ же преподавателемъ, ученики скоро узнаютъ его слабыя стороны и ими, конечно, злоупотребляютъ. Но, благодаря этой системѣ, заведеніе, отличавшееся выдающимся составомъ преподавательскихъ силъ, можетъ весьма скоро оказаться въ совершенно новыхъ условіяхъ. Кромѣ того, большинство преподавателей получаетъ весьма недостаточное вознагражденіе по дороговизнѣ жизни, такъ что не можетъ существовать безъ частныхъ уроковъ, которые, отнимая у нихъ время и силы, конечно, вліяютъ и на ходъ преподаванія казенныхъ уроковъ. Само собою разумѣется, что всѣ эти постоянныя передвиженія учительскаго персонала, производимыя министерствомъ въ Римѣ, не могутъ обходиться безъ частныхъ несправедливостей; протекція тутъ, конечно, играетъ большую роль, а министерству нѣтъ никакой возможности слѣдить за всѣми неизбежными при этомъ мѣстными интригами въ провинціяхъ. Учебныя же заведенія при этой системѣ передвиженій лишаются постоянного, столь важнаго педагогическаго вліянія въ одномъ направленіи, а преподаватель, не можетъ серьезно интересоваться своими учениками, не можетъ отдавать себя всего своему учительскому дѣлу. Кромѣ того,

въ Италиі вовсе не практикуется весьма полезная мѣра для успѣшнаго хода класснаго преподаванія—пробные уроки. Въ самое послѣднее время только, именно 30-го декабря 1888 года, утверждень по докладу выпѣшняго министра Boselli, уставъ такъ-называемыхъ: „Scuole di Magistero“, должствующихъ играть отчасти роль существующихъ при факультетахъ семинарій въ германскихъ университетахъ; но эти „scuoli“ пока еще не открыты. Студенты прямо съ университетской скамьи попадаютъ въ преподаватели гимназій или лицей, не обладая никакими педагогическими приемами, не имѣя понятія о томъ, какъ вести классъ, какъ добиться въ немъ даже тишины и порядка. Очевидно, что проходитъ весьма много времени, пока молодой студентъ освоится съ своею новою задачею, съ своею аудиторіей, а тутъ-то его часто уже переводятъ на другое мѣсто. Въ концѣ своей книги Villari совершенно вѣрно замѣчаетъ, что весьма ошибочно думать, чтобы какой бы то ни было уставъ, какъ бы онъ ни былъ хорошо сочиненъ, могъ существенно измѣнить къ лучшему ходъ учебнаго дѣла. Подобная перемѣна достигается годами и зависитъ всецѣло отъ учительскаго персонала и отъ степени культуры современнаго общества, которое само должно проникнуться важностью учебной реформы.

Въ заключеніе этой части моей статьи позволю себѣ кратко остановиться на нѣкоторыхъ осматрѣнныхъ мною гимназіяхъ и лицейхъ въ Туринѣ. Изъ числа ихъ одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ Real Collegio Carlo Alberto въ Moncalieri (существующее съ 1838 года въ окрестностяхъ Турина), въ которомъ должность инспектора занимаетъ извѣстный метеорологъ Francesco Denza, директоръ знаменитой Монкалерской обсерваторіи, помѣщающейся въ самомъ зданіи училища, и президентъ всѣхъ метеорологическихъ обществъ въ Италиі. Онъ любезно предложилъ мнѣ свои услуги, чтобъ осматрѣть все заведеніе, и лично все мнѣ показывать. Въ этомъ Collegio съ курсомъ правительственныхъ гимназій и лицейвъ помѣщаются до 100 интерновъ. Помѣщеніе интерната, можно сказать, роскошное: у каждаго воспитанника своя комната со всѣмъ необходимымъ; рекреационныя и рабочія комнаты весьма просторныя и свѣтлыя; при зданіи находится большой садъ со всѣми гимнастическими приборами: кабинеты физическій и естественной исторіи не уступаютъ любымъ университетскимъ; богатыя коллекціи по зоологіи присылаются бывшими учениками изъ разныхъ частей свѣта; многіе изъ нихъ моряки.

Составъ учениковъ весьма разнороденъ, но всѣ принадлежатъ къ

достаточнымъ семьямъ (плата ежегодная съ пансионера 1200 лиръ). Серьезное отличіе этого среднеучебнаго заведенія отъ прочихъ то, что въ немъ въ основѣ образованія поставленъ законъ Божій; большинство преподавателей духовныя лица. Самъ Децца носитъ одежду католическаго ксендва. Неблагоприятная сторона жизни въ этомъ интернатѣ та, что воспитанники совершенно отдалены отъ вліянія родной семьи: они возвращаются въ семью только на одинъ день каждые два мѣсяца.

Кромѣ 1200 лиръ за ученіе, вносится поступающимъ воспитанникомъ одновременно 70 лиръ. Сравнительно высокая плата дѣлаетъ это заведеніе доступнымъ только для дѣтей достаточныхъ родителей. Лѣтомъ воспитанники переѣзжаютъ на казенную дачу въ горы и на морскія купанья.

Кромѣ этого заведенія, осмотрѣны мною два лица въ Туринѣ— Liceo Savoia и Liceo Giobetti; въ первомъ изъ нихъ до 300 учениковъ, во второмъ около 250. Это правительственныя среднеучебныя заведенія съ полнымъ гимназическо-лицейскимъ курсомъ. Въ нихъ я присутствовалъ на нѣсколькихъ урокахъ древнихъ языковъ, итальянскаго языка и исторіи въ старшихъ и среднихъ классахъ.

Авторовъ латинскихъ ученики читаютъ довольно бѣгло; видно, что все вниманіе обращено на бѣглость чтенія; переводъ на отечественный языкъ требуется болѣе или менѣе литературный; на точность не обращаютъ большаго вниманія. Переводъ этотъ не сопровождается никакими почти грамматическими комментаріями; грамматику вообще мало изучаютъ и плохо знаютъ, въ чемъ я убѣдился въ вышнихъ классахъ; переводовъ письменныхъ почти не дѣлаютъ, въ особенности съ отечественнаго языка на латинскій. Неприятно поражаетъ произношеніе латинскихъ словъ на итальянскій манеръ, особенно при чтеніи гекзаметра. Въ греческомъ языкѣ успѣхи гораздо еще ниже. Я убѣдился въ томъ, что во II лицейскомъ классѣ (нашъ 7-й классъ) ученики съ трудомъ переводятъ Геродота, а синтаксиса совершенно не знаютъ; письменные же переводы съ итальянскаго на греческій, которые мнѣ показывали, свидѣлствуютъ о плохомъ знаніи неправильныхъ глаголовъ. На удареніе не обращаютъ никакого вниманія, что очень неприятно поражаетъ при чтеніи и, конечно, весьма облегчаетъ письменныя упражненія на греческомъ языкѣ. Относительно преподаванія отечественнаго языка и исторіи могу только подтвердить замѣчанія, которыя уже дѣлалъ выше.

VI.

Обозрѣніе высшаго образованія въ Италіи.

Всякаго изучающаго современное положеніе высшаго университетскаго образованія въ Италіи прежде всего поражаетъ громадное число университетовъ—21 университетъ (17 правительственныхъ и 4 частныхъ, *Università libere*)¹⁾. Здѣсь я, конечно, не могу входить въ подробное разсмотрѣніе италіанской университетской системы, ея особенностей, ея прошлаго и настоящаго; все это не входить въ мою задачу. Я ограничусь здѣсь только общимъ краткимъ очеркомъ состоянія университетскаго образованія въ современной Италіи и отчетомъ о посѣщеніи мною нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеній, какъ университетовъ, такъ и нѣкоторыхъ специальныхъ заведеній и постараюсь присоединить къ этому очерку нѣкоторыя статистическія данныя, касающіяся высшихъ учебныхъ заведеній, любезно предоставленныя мнѣ въ распоряженіе директоромъ главнаго статистическаго бюро при министерствѣ земледѣлія и торговли въ Римѣ, командоромъ Водіо.

Среди 17 правительственныхъ университетовъ, конечно, есть и такіе, которые, по нѣвѣющемуся у меня статистическому сборнику по высшему образованію за 1885—1886 академическій годъ, имѣли не болѣе 109 студентовъ (университетъ въ Масегата съ однимъ юридическимъ факультетомъ), или 124 человека (университетъ въ Sassari и т. д.). Самыми многочисленными по числу студентовъ всегда были университеты Неаполитанскій, Туринскій, Болонскій и Падуанскій; они же самые древніе.

Это обиліе университетовъ въ такомъ сравнительно небольшомъ государствѣ, какъ Италія, объясняется конечно тѣмъ, что университетское образованіе установилось тамъ уже очень давно, такъ какъ, напримѣръ, Болонскій университетъ одинъ изъ древнѣйшихъ въ Европѣ, Неаполитанскій университетъ ведетъ свое начало съ 1224 г.

¹⁾ 17 правительственныхъ университетовъ находятся въ слѣдующихъ городахъ: Bologna, Cagliari, Catania, Genova, Macerata, Messina, Modena, Napoli, Padova, Palermo, Parma, Pavia, Pisa, Roma, Sassari, Siena, Torino; 4 частныхъ—въ Camerino, Foggia, Perugia, Urbino. Они содержатся некалчительно на средства провинціи и коммуны или на пожертвованные капиталы.

и т. д. Главная же причина, конечно, къ открытію въ послѣдніе годы многихъ университетовъ, совершенно незначительныхъ по количеству студентовъ и по качеству профессорскаго персонала, объясняется стремленіемъ, весьма распространеннымъ въ массѣ въ Италіи, къ высшему образованію въ ущербъ болѣе практическимъ и хлѣбнымъ профессіямъ. Однимъ словомъ, въ этомъ отношеніи Италія нѣсколько напоминаетъ Россію, и это положеніе вещей далеко не отрадно по своимъ послѣдствіямъ, весьма печальнымъ для большинства молодыхъ людей, прошедшихъ университеты и не имѣющихъ по окончаніи его ни занятій, ни даже часто куска хлѣба.

Кромѣ вышепоименованныхъ университетовъ, существуютъ въ Италіи еще слѣдующія спеціальныя высшія учебныя заведенія: академія „Scientifica-litteraria“ въ Миланѣ, 2 высшихъ агрономическихкихъ училища въ Миланѣ и въ Portici близъ Неаполя, высшій техническій институтъ въ Миланѣ, 3 высшихъ коммерческихъ училища въ Венеціи, Генуѣ и Бари, инженерныя училища („Scuole d'applicazione per gli ingegneri“) въ Римѣ, Неаполѣ, Туринѣ, Болонѣ, Палермо, высшее нормальное училище въ Пизѣ („Scuole Normale Superiore di Pisa“) для учителей начальныхъ училищъ, высшіе ветеринарные институты („Scuole Superiore di medicina veterinaria“) въ Туринѣ, Неаполѣ и Миланѣ, и наконецъ, высшіе женскіе учительскіе институты („Istituti Superiori femminili di Magistéro“) въ Римѣ и во Флоренціи для учительницъ, начальныхъ училищъ и женскихъ учебныхъ заведеній вообще. Изъ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній я осматривалъ только миланскую академію „Scientifica-litteraria“, во у меня имѣются уставы и учебныя планы всѣхъ прочихъ ¹⁾).

Общаго университетскаго устава въ Италіи нѣтъ, а существуютъ напротивъ 4 отдѣльныхъ устава, которыми управляются всѣ 17 университетовъ, а именно: 1) законъ Casati 13-го ноября 1859 года для университетовъ Туринскаго, Генуэскаго, Павійскаго и Каліарскаго 2) законъ 16-го февраля 1861 года—для Неаполитанскаго; 3) законъ 17-го октября 1860 года—для сицилійскихъ университетовъ, и наконецъ, 4) законъ 31-го іюля 1859 года—для тосканскихъ университетовъ, не говоря уже о многочисленныхъ измѣненіяхъ и преобразо-

¹⁾ Raccolta completa de 'testi di leggi, decreti, regolamenti e circolari. Офіціальное изданіе министерства народнаго просвѣщенія. Roma. 1887. Tit. II. Istruzione Superiore, стр. 124 слѣд.

ваніяхъ, послѣдовавшихъ съ тѣхъ поръ и объ особомъ положеніи, которымъ управляются „*Università libere*“. Всѣ эти уставы отличаются довольно существеннымъ образомъ другъ отъ друга, не столько по отношенію къ учебнымъ планамъ на различныхъ факультетахъ, сколько по представляемымъ ими особымъ правамъ и привилегіямъ ректору, совѣту, факультетскимъ засѣданіямъ и преч., такъ что права эти далеко не одинаковы во всѣхъ университетахъ. Слѣдовательно, и здѣсь, какъ при разсмотрѣніи среднего образованія въ Италіи, мы встрѣчаемся съ массою временныхъ мѣръ, съ отсутствіемъ всякаго единства въ проведеніи той или иной школьной системы, что, конечно, не можетъ отозваться благотворно на общемъ ходѣ образованія страны.

Содержаніе университетовъ правительственныхъ лежитъ всецѣло на бюджетѣ министерства народнаго просвѣщенія.

Въ полныхъ университетахъ имѣются слѣдующіе факультеты: историко-филологическій факультетъ (*facoltà di filosofia e lettere*), юридическій (*facoltà di giurisprudenza*), математическій (*facoltà di scienze matematiche*), естественныхъ наукъ (*facoltà di scienze naturali*), и наконецъ, медицинскій (*facoltà di medicina*). Богословскіе факультеты окончательно закрыты повсемѣстно съ 1872 года; сохранены только на философскомъ факультетѣ катедры исторіи церкви и каноническаго права.

Въ 1859 году, когда утверждались первые болѣе или менѣе общіе университетскіе уставы въ Италіи, богословіе еще обязательно читалось во всѣхъ университетахъ различныхъ италіанскихъ государствъ. Въ 1862 году, при пересмотрѣ штатовъ для ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ, о катедрахъ богословія ничего не было упомянуто. Въ 1872 году, когда разсматривалось въ камерѣ депутатовъ предложеніе министра Correnti о закрытіи богословскихъ кафедръ во всѣхъ университетахъ, было всего 4 слушателя курса богословія (такъ какъ онъ пересталъ быть обязательнымъ). Профессоровъ же богословія было 27; содержаніе ихъ обходилось правительству въ 80,887 лиръ. Такимъ образомъ, каждый слушатель богословскаго курса обходился правительству слишкомъ 20,000 лиръ. Естественно, что подобное положеніе вещей не могло продолжаться и повело къ окончательному закрытію этой кафедры ¹⁾). Весьма инте-

¹⁾ L'instruction publique en Italie par Hippelau. Paris. 1885, стр. 297.

ресны пренія, вызванныя въ камерѣ депутатовъ по случаю этого предложенія министра. Они собраны въ отдѣльную брошюру ¹⁾.

По бюджету на 1888 — 1889 академическій годъ содержаніе 17 правительственныхъ италіанскихъ университетовъ опредѣлено въ 8.715,584 лиръ, которыя распределяются слѣдующимъ образомъ:

на содержаніе учебнаго персонала.	6.317,674 лиръ
на содержаніе учебныхъ пособій	1.646,163 .
на экстраординарные расходы	751,747 .
Итого	8.715,584 лиръ ²⁾ .

При 17 университетахъ приходится нѣсколько болѣе 500,000 лиръ (512,681 лиръ) на университетъ, въ три раза меньше суммы, отпущаемой на каждый университетъ въ Пруссіи. Между тѣмъ въ Пруссіи, населеніе которой не многимъ меньше населенія Италіи, существуетъ 11 университетовъ ³⁾, обходящихся правительству (которое платитъ ³/₄ общихъ расходовъ на содержаніе ихъ) въ 16.182,842 итал. лиръ (по бюджету на 1888 — 1889 академическій годъ), что составляетъ на каждый университетъ 1.471,167 итал. лиръ; то-есть, въ Италіи на 958,486 лиръ меньше сравнительно съ Германіею тратится на каждый университетъ. Отсюда уже ясно, на сколько учебныя средства и вся общая постановка италіанскихъ университетовъ иная, чѣмъ въ Германіи. Италія не въ состояніи при существующемъ бюджетѣ министерства народнаго просвѣщенія поддерживать это громадное количество имѣющихся у нея университетовъ на должной высотѣ, да это количество вовсе и не вызывается дѣйствительною потребностью населенія.

Изъ италіанскихъ университетовъ подробно осмотрѣны мною Неаполитанскій, Туринскій и Генуэзскій. Позволю себѣ остановиться главнымъ образомъ на первомъ изъ нихъ.

Неаполитанскій университетъ основанъ въ 1224 году при Фридрихѣ II Гогенштауфенѣ. Въ числѣ знаменитыхъ его профессоровъ

¹⁾ Discorsi pronunciati all'a camera dei Deputati nella discussione del progetto di Legge per l'abolizione delle Facoltà teologiche nelle tornate di aprile 1872. Roma.

²⁾ Эти цѣловые данныя я получилъ въ Статистическомъ бюро въ Римѣ отъ командора Bodio.

³⁾ Эти 11 университетовъ слѣдующе: Берлинскій, Кенигсбергскій, Грейфсвальдскій (Greifswald), Бреславекій, Галлскій (Halle), Кильскій (Kiel), Геттингенскій, Марбургскій, Вонисскій, Мюнстерскій и Браунсбергскій (въ послѣднихъ двухъ имѣются только по два факультета — богословскій и историко-эпидемиологическій).

числился, какъ извѣстно, въ средніе вѣка и Тома Аквинать. На каждомъ университетѣ въ Италіи, конечно, отражалась въ сильной степени исторія того италіанскаго государства, въ которомъ онъ находился; поэтому весьма немпогіе изъ нихъ избѣгли тревожной эпохи междоусобной борьбы, охватившей Италію въ средніе вѣка и продолжавшейся всю эпоху возрожденія и реформаци. Этими отчасти объясняется, что и впоследствии, уже въ нынѣшнемъ столѣтїи, каждый италіанскій университетъ сохранялъ свои мѣстныя особенности, вытекавшія изъ его историческаго прошлаго и трудно поддающіяся общей регламентаціи; отсюда—существованіе этихъ многочисленныхъ уставовъ, которыми управляются италіанскіе университеты, и отсутствіе въ Италіи одного общаго университетскаго устава.

Число студентовъ въ Неаполитанскомъ университетѣ по свѣдѣніямъ, доставленнымъ мнѣ ректоромъ университета, профессоромъ Trinchese, въ 1888—1889 академическомъ году было 4,108 человекъ. Собственно по факультетамъ студенты распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

на юридическомъ факультетѣ	1,619 человекъ
на медицинскомъ	1,597
на математическомъ	43
на естественномъ	38
на историко-филологическомъ факультетѣ	113
	<hr/>
	3,410 человекъ

Но къ этому числу присоединяются еще: 1) студенты инженернаго училища (l'Ingegneria), куда поступаютъ студенты—математики, прослушавшіе первые два курса (это спеціальное высшее учебное заведеніе, причисленное только къ университету, но находящееся въ особомъ зданіи), и 2) студенты состоящей при университетѣ фармацевтической школы (Scuole di farmacia). Такимъ образомъ, если къ цифрѣ 3,410 прибавить 261 студентомъ инженернаго училища и 437 студентовъ фармацевтовъ, то и получимъ вышеозначенную цифру 4,108 человекъ.

Въ медицинскіихъ клиникахъ университета работали, когда я въ посѣщалъ, до 60 женщинъ, готовящихся къ докторскому диплому. Эта мѣра временная; по заявленію ректора, на будущее время министерство не допуститъ совмѣстнаго занятія студентокъ со студентами въ клиникахъ, находя это по многимъ причинамъ неудобнымъ.

Продолжительность курсовъ на факультетахъ слѣдующая: на медицинскомъ 6 лѣтъ, на всѣхъ остальныхъ 4 года, на фармацевтическомъ отдѣленіи 5 лѣтъ, въ институтѣ инженеровъ 3 года и 2 года въ университетѣ.

О размѣрѣ платы, взимаемой со студентовъ за право слушанія лекцій, я уже говорилъ выше, рассматривая организацію университетскихъ стипендій. Она бываетъ 4-хъ родовъ: 1) плата за имматрикуляцію на факультетъ, 2) годичная плата за лекціи, 3) добавочная такса за производство экзаменовъ, и 4) плата за дипломъ объ окончаніи курса.

О студенческихъ стипендіяхъ я уже говорилъ; здѣсь упомяну только о существованіи при италіанскихъ университетахъ правительственныхъ стипендіатовъ по двумъ разрядамъ наукъ — по факультету „*filosofia e lettere*“ и по факультету „*di scienze fisiche e naturali*“. Эти стипендіаты посылаются — одни во внутреннія провинціи Италіи, другіе — за границу, для усовершенствованія въ наукахъ. Первые получаютъ по 1,200 лиръ ежегодно, вторые — до 3,000 лиръ. Изъ нихъ преимущественно набирается контингентъ учителей въ среднеучебныя заведенія. Число ихъ ограничено. Для полученія правительственной стипендіи требуется выдержаніе ежегоднаго конкурснаго экзамена по заранѣе утвержденной факультетомъ программѣ. Факультетъ опредѣляетъ максимумъ числа обязательныхъ лекцій на каждомъ курсѣ.

Выпускные экзамены — „*esamea laurea*“ — производятся въ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ, состоящихъ изъ ординарнаго профессора даннаго предмета и 4 приватъ-доцентовъ, постороннихъ университету, не изъ числа профессорскаго персонала. Эти комиссіи засѣдаютъ подъ предсѣдательствомъ декана факультета.

Правленіе университета — нашъ совѣтъ — состоитъ изъ декановъ факультетовъ, подъ предсѣдательствомъ ректора. Ректоръ университета выбирается на два года профессорами на эту должность и утверждается министромъ. По отношенію къ выбору ректора уставы университетовъ въ особенности различаются между собою. Неаполитанскій университетъ пользуется особымъ совершенно положеніемъ среди остальныхъ по отношенію къ выбору ректора. На основаніи такъ-называемаго закона Имбриани (*legge Imbriani*) отъ 16-го февраля 1861 г., въ Неаполитанскомъ университетѣ ректора выбираетъ весь профессорскій составъ изъ числа трехъ ординарныхъ профессоровъ, предложенныхъ извѣстнымъ факультетомъ. Эти три кандидата принад-

лежать къ одному факультету; черезъ каждыя два года факультетъ, изъ котораго выбирается ректоръ, мѣняется. Ректоръ выбирается на два года. Выбранный такимъ путемъ кандидатъ утверждается въ своей должности министромъ. Въ другихъ университетахъ, гдѣ этотъ законъ не дѣйствуетъ, министръ самъ назначаетъ кандидата на эту должность изъ числа трехъ лицъ, предложенныхъ отъ всѣхъ факультетовъ, а не отъ одного, какъ въ Неаполитанскомъ. Кромѣ того, тамъ ректоръ назначается только на одинъ годъ. Очевидно, что въ Неаполитанскомъ университетѣ профессорская коллегія пользуется большою автономіей. Для поступленія на всѣ факультеты италіанскихъ университетовъ требуется выдержаніе выпускнаго экзамена изъ лицей (*esame di licenza liceale*); впрочемъ допускается поступленіе на естественный факультетъ изъ реальныхъ училищъ (*scuole tecniche*) съ повѣрочнымъ экзаменомъ изъ латинскаго, греческаго и отечественной литературы.

По свѣдѣніямъ, доставленнымъ мнѣ ректоромъ Неаполитанскаго университета, содержаніе профессорской коллегіи и вообще плата учебному персоналу университета обходится въ 586,654 лиры ежегодно; содержаніе же учебныхъ пособій, лабораторій, клиникъ и кабинетовъ — въ 168,700 лиръ ежегодно. Эти суммы весьма велики для италіанскаго университета; обыкновенный же бюджетъ университета, какъ я уже упомянулъ выше, не превышаетъ 500,000 лиръ.

Неаполитанскій университетъ всегда былъ самымъ многочисленнымъ по числу слушателей и всегда славился своимъ медицинскимъ факультетомъ.

По инициативѣ нинѣшняго ректора, профессора Trinchese, существуетъ проектъ перенесенія университета на другое мѣсто (вблизи ботаническаго сада). Зданіе университета весьма ветхое (оно существуетъ съ 1806 года) и совершенно не соотвѣтствуетъ нинѣшнимъ требованіямъ относительно просторныхъ лабораторій и кабинетовъ. По приблизительной смѣтѣ, постройка новаго зданія для университета обойдется въ 16 милліоновъ лиръ. Министерство ассигнуетъ два милліона, отъ сломки стараго зданія рассчитываютъ получить до 10 милліоновъ; остальные 4 милліона ожидаются поступленіемъ отъ различныхъ провинцій Италіи.

Не лишенымъ интереса представляется организація особыхъ учительскихъ семинарій при факультетахъ, съ цѣлью подготовленія учителей для среднеучебныхъ заведеній. Эти учительскія семинаріи носятъ названіе „*Scuole di magistéro*“ и учреждаются

при историко-филологическихъ и физико-математическихъ факультетахъ въ силу королевскаго декрета отъ 30-го декабря 1888 года. И очень интересовался присутствовать на занятіяхъ хотя бы въ одной изъ этихъ семинарій, но оказывается, что пока еще ни при одномъ изъ университетовъ занятія въ нихъ правильно не начались, и предполагается открытіе ихъ лишь съ будущаго академическаго года. Тѣмъ не менѣе останавливаюсь на самомъ уставѣ этихъ семинарій, представляющемъ, мнѣ кажется, нѣкоторый интересъ и для насъ. Изъ доклада министра народнаго просвѣщенія Boselli, приложеннаго къ уставу этихъ семинарій¹⁾, мы узнаемъ, что эти „Scuole di magistéro“ основаны были еще въ концѣ 1876 г. королевскимъ декретомъ отъ 8-го октября 1876 года, но что, преслѣдуя въ то время двѣ совершенно различныя задачи—дальнѣйшія научныя изслѣдованія студентовъ въ избранной ими спеціальности и изученіе методовъ преподаванія предметовъ гимназическаго и лицейскаго курса, онѣ, конечно, не достигли ни одной изъ нихъ по недостатку времени, удѣляемаго для достиженія каждой изъ этихъ цѣлей, имѣющихъ между собою такъ мало общаго. Scuole di magistéro были закрыты въ 1887 году вслѣдствіе всѣми сознаанной неудовлетворительности первоначальнаго учебнаго плана, существовавшаго съ 1884 года; привязано необходимымъ значительно измѣнить ихъ программу, сосредоточивъ все вниманіе студентовъ исключительно на изученіи методовъ преподаванія въ средней школѣ и выработкѣ педагогическихъ приемовъ. Министерству надѣется, что съ измѣненіемъ учебныхъ плановъ въ упомянутомъ направленіи, эти scuole di magistéro станутъ настоящими разсадниками преподавателей для гимназій и лицеевъ, не конкурируя уже больше съ факультетами въ преслѣдованіи научныхъ цѣлей.

Сообразно съ этою новою цѣлью, положенною въ основаніе учебныхъ плановъ этихъ учительскихъ семинарій, въ нихъ обязательно будутъ преподаваться всѣ тѣ дисциплины, которыя входятъ въ программу среднеучебныхъ заведеній въ Италіи. Курсъ на обоихъ отдѣленіяхъ—историко-филологическомъ и физико-математическомъ—установленъ четырехлѣтній. Такъ какъ этотъ курсъ находится въ тѣсной связи съ университетскимъ, то онъ и подраздѣляется на два отдѣленія: старшее и младшее, сообразно съ требованіями, предъявляемыми студентамъ, при переходѣ на 3-й курсъ (esame della licenza

¹⁾ Regole per le scuole di magistéro annesso alle facoltà di filosofia e lettere e di scienze matematiche, fisiche e naturali. Roma. 1889.

di facoltà) и на выпускномъ (esame per laurea). Занятія въ младшемъ отдѣленіи семинарій (двухгодичный курсъ) должны готовить преподавателей для младшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній (для итальянскихъ гимназій—нашъ прогимназическій курсъ), для техническихъ школъ различныхъ типовъ (реальная училища) и для высшихъ нормальныхъ училищъ (учительскихъ институтовъ). Въ старшемъ отдѣленіи (тоже двухгодичный курсъ) готовятъ учителей для лицеевъ, при чемъ въ программу входятъ всѣ предметы итальянскаго лицейскаго курса.

Желательно было бы, по мнѣнію министра, открытіе еще 5-го курса въ Scuole di magistéro, не обязательнаго, но куда могли бы поступать окончившіе полный курсъ въ семинаріи, желающіе усовершенствоваться въ избранной специальности, подъ руководствомъ опытныхъ преподавателей семинаріи. Этотъ послѣдній проектъ еще не представленъ въ королевскому утвержденію.

Считаю не лишнимъ привести важнѣйшіе параграфы устава этихъ семинарій.

Начнемъ съ физико-математической семинаріи:

При каждомъ физико-математическомъ факультетѣ учреждается „Scuole di magistéro“, раздѣленная на 4 секціи (отдѣленія) — математики, физики, химіи и естественныхъ наукъ. Отъ министра зависитъ открыть всѣ 4 секціи сразу или только нѣкоторыя изъ нихъ.

Занятія въ семинаріи начинаются съ перваго курса для чистыхъ математиковъ, а для прочихъ специальностей факультета — съ 3-го курса и продолжаются—для математиковъ—4 года, для прочихъ—2 года.

Занятія эти ведутся параллельно съ университетскими лекціями.

На математическомъ отдѣленіи 4 профессора

„ физическомъ	3	(физики, химіи и физической математики)
„ химическомъ	3	(„ „ и естеств. наукъ)
„ естественномъ	3	(ботаники, зоологіи, минералогіи и геологіи).

Они назначаются министромъ на 2 года, по представленію высшего совѣта министерства (Consiglio Superiore).

Каждый студентъ можетъ записаться одновременно только на одно отдѣленіе семинаріи. По выдержаніи экзамена на факультетѣ изъ другаго предмета, входящаго въ составъ какого-либо другаго отдѣленія (секціи), онъ можетъ записаться на этотъ предметъ въ соответствующее отдѣленіе. Лекціи по итальянской литературѣ обязательны въ теченіе одного года для студентовъ всѣхъ отдѣленій секціи.

Директоръ „Scuole di magistéro“ назначается министромъ на 3 года. Совѣтъ состоитъ изъ всѣхъ профессоровъ; онъ устанавливаетъ порядокъ экзаменовъ и утверждаетъ программы. Занятія по каждой учебной дисциплинѣ бывають не болѣе одного раза въ недѣлю. По окончаніи учебнаго года профессора представляютъ отчеты директору о своихъ занятіяхъ со студентами по вѣренному имъ предмету и объ успѣхахъ студентовъ. Отчеты эти ежегодно съ приложеніемъ заключенія директора должны представляться министру. Кончившіе съ успѣхомъ курсы въ „Scuole di magistéro“ получаютъ преимущественное право на занятіе мѣстъ преподавателей въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Не успѣвающіе студенты лишаются стипендій, если таковую получали, но обсужденіи въ „Consiglio Superiore“ и съ утвержденія министра ¹⁾.

Занятія въ „Scuole di magistéro“, открываемыя при каждомъ историко-филологическомъ факультетѣ, продолжаются также 4 года и начинаются съ 1-го же курса. Первые два года они состоятъ изъ упражненій по отечественному языку и литературѣ, по древнимъ языкамъ и по древней исторіи. Они обязательны для всѣхъ записавшихся на отдѣленіе семинаріи. Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ занятія распределяются по слѣдующимъ 7 отдѣленіямъ (секціямъ): 1) италіанской филологіи, 2) латинской (римской) филологіи, 3) греческой филологіи, 4) исторіи, 5) географіи, 6) философіи, 7) педагогикѣ. Отъ министра зависитъ открыть всѣ секціи или только нѣкоторыя.

Въ отдѣленіи италіанской филологіи преподаются: италіанскій языкъ и словесность, латинскій языкъ, сравнительное изученіе новолатинскихъ языковъ (романскихъ нарѣчій).

Въ отдѣленіи латинской филологіи преподаются: латинскій языкъ и словесность, сравнительное изученіе древнихъ языковъ, римская археологія, примѣнительно къ мнѣологіи, какъ пособие при чтеніи классиковъ въ гимназіяхъ и лицѣяхъ. Студенты этой секціи подвергаются экзамену по этимъ предметамъ на факультетѣ.

Въ отдѣленіи греческой филологіи преподаются: греческій языкъ и литература, сравнительное изученіе древнихъ языковъ и греческая археологія, примѣнительно къ гимназическому и лицейскому курсу.

¹⁾ Въ 1886—1887 академическомъ году такихъ стипендій выдано было всего 2100 ларъ на естественно-историческомъ отдѣленіи—4 студентамъ и 3900 ларъ на филологическомъ отдѣленіи — 15 студентамъ. Эти свѣдѣнія касаются существовавшей до 1887 года Scuole di magistéro при Неаполитанскомъ университетѣ.

Въ отдѣленіи исторіи—древняя исторія, новая исторія, географія, примѣнительно къ историческому курсу средней школы. Студенты этой секціи посѣщаютъ лекціи по археологій на факультетѣ.

Въ отдѣленіи географіи—географія, исторія примѣнительно къ курсу географіи, упражненія въ картографіи. Студенты посѣщаютъ въ теченіе одного года курсъ геологій и статистики на соответствующихъ факультетахъ университета и держатъ по этимъ предметамъ экзамены.

Въ отдѣленіи философіи преподаются: философія теоретическая и нравственная, исторія философіи, педагогика.

Въ отдѣленіи педагогикки—педагогика, нравственная философія. Студенты этой секціи посѣщаютъ одинъ годъ курсъ физиологій и гигиены на соответствующихъ факультетахъ и держатъ экзамены изъ этихъ предметовъ.

Всѣ студенты „Scuole di magistéro“ обязательно посѣщаютъ лекціи въ университетѣ по одному новому языку и подвергаются экзамену изъ этого языка. Нѣтъ сомнѣнія, что когда эти „Scuole di magistéro“ будутъ открыты, онѣ принесутъ пользу серьезною подготовкой будущихъ преподавателей.

Мнѣ представляется лишнимъ, останавливаться на другихъ, осматрѣнныхъ мною университетахъ—Туринскомъ и Генуезскомъ, такъ какъ они существенной разницы не представляютъ въ сравненіи съ Неаполитанскимъ; въ нихъ только число студентовъ значительно меньше, въ особенности въ Генуѣ. Но позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о посѣщенной мною „Academia scientifica-litteraria“ въ Миланѣ. Она основана была въ 1859 году. Курсъ ея соответствуетъ историко-филологическимъ факультетамъ. Во всей Ломбардіи существуетъ только одинъ университетъ—Павійскій, и въ немъ до 1876 года не было историко-филологическаго факультета, поэтому съ 1859 по 1876 годъ Academia scientifica-litteraria была единственнымъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ въ Ломбардской провинціи, гдѣ эти науки преподавались. Курсъ ея—четырёхлѣтній. Есть специальный курсъ (трехлѣтній) новыхъ языковъ (французскаго и нѣмецкаго), посѣщаемый также и дѣвцами. Интерната при Academia вѣтъ, всѣ студенты приходящіе. При академіи учреждены 10 стипендій для недостаточныхъ студентовъ, по 700 лиръ на студента ежегодно. Для полученія ея подвергаются конкурсу экзамену изъ отечественнаго языка, латинскаго языка и новой исторіи. Кромѣ того, существуютъ еще 4 стипендіи Миланской провинціи и 6 правительственныхъ.

Ежегодно тратится на учебный персоналъ 75,000 лиръ; въ фундаментальной библиотекѣ имѣется до 80,000 томовъ. Благодаря любезности директора Academia профессора Ипата, я могъ осмотрѣть все учебное заведеніе и присутствовать на нѣкоторыхъ лекціяхъ, между прочимъ у знаменитаго лингвиста профессора Ascoli, занимающаго катедру сравнительнаго языковеденія. Преподаваніе всѣхъ академическое, такъ какъ Academia scientifica-litteraria имѣетъ въ виду чисто научныя цѣли, а не педагогическія, и не подготавливаетъ учителей для среднѣучебныхъ заведеній. Въ 1888 — 1889 академическомъ году было на всѣхъ 4 курсахъ 37 студентовъ, записалось на курсы новыхъ языковъ 29, изъ нихъ 20 дѣвицъ.

Командоръ Bodio сообщилъ мнѣ, между прочимъ, еще нѣсколько цифровыхъ данныхъ, касающихся специальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Италіи, а именно слѣдующія:

На содержаніе учебнаго персонала во всѣхъ специальныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Италіи (кроме университетскихъ) тратится ежегодно 6.956,838 лиръ,

На содержаніе зданій, лабораторій, кабинетовъ, освѣщеніе, канцелярію и проч. 2.279,376

На пособия, пенсія, преміи и проч. 205,486 „

Итого. 9.441,700 „

Экстраординарныхъ расходовъ до 1.148,299 „

Итого. 10.589,999 лиръ.

На пополненіе библиотекъ специальныхъ высшихъ заведеній ежегодно тратится 1.367,328 лиръ

Такимъ образомъ правительство тратитъ ежегодно на высшія спеціальныя учебныя заведенія около 12 милліоновъ.

На пополненіе этой суммы получается ежегодно пособій отъ различныхъ провинцій и коммунъ, въ конхъ находятся эти заведенія, до 800,000 лиръ и отъ взноса платы за слушаніе лекцій до 400,000 „

Итого 1.200,000 лиръ;

Вся остальная сумма (10.800,000 лиръ) всецѣло лежитъ на бюджетѣ министерства, изъ чего видно, что онъ очень великъ по разряду специальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Графъ А. Муомъ-Мушицкѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Неаполитанскій университетъ.
I. Tabella delle tasse universitarie.

	Anni		T A S S E.		Sopratas-	
	di	studio.	Immatricolazione.	Iscrizione annuale.	Diploma.	so annua di esame.
Filosofia e Lettere. .	4	"	L. 40	L. 75	L. 60	L. 12 50
Giurisprudenza.	4	"	40	165	60	25 —
Medicina e Chirurgia.	6	"	40	110	60	16.67
Scienze fisiche, naturali e matematiche per gli aspiranti alle lauree.	4	"	40	75	60	12.50
Fisico-matematica per gli aspiranti al diploma d'Ingegnera	2	"	40	182	—	20 —
Chimica e Farmacia.	5	"	40	60	60	10 —
Corso per Notai e Procuratori ¹⁾ .	2	"	30	50	20	25 —
Farmacisti ²⁾	4	"	30	25	20	12.50
" Levatrici ³⁾ .	2	"	15	20	10	12 —
" Flebotomi ³⁾ .	1	"	15	20	10	12 —

¹⁾ Farmacisti — фармацевты.

²⁾ Levatrici — акушерки и повивальныя бабы, готовящіяся къ диплому при университетѣ.

³⁾ Flebotomi — пускающіе кровь.

по окончаніи курса враческихъ наукъ, получаютъ дипломъ, дающій имъ право брать нотариальную контору.

II. Riassunto delle somme concesse a titolo di dispensa dalle Tasse agli studenti nell' anno scolastico 1886—87.

	C O R S I.										Totale.
	Immatricolazione.		Lezione.		Esame.		Diploma.		Numero dei dispensati.		
	Num.	Somme pagate.	Num.	Somme pagate.	Num.	Somme pagate.	Num.	Somme pagate.	Num.	Somme pagate.	
Lettere	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Filosofia.	—	—	1	75.00	1	12.50	1	60.00	1	147.50	
Giurisprudenza.	3	110.00	32	5165.00	32	800.00	8	480.00	32	6555.00	
Scienze Naturali	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Matematica.	—	—	8	225.00	8	37.50	2	120.00	8	382.50	
Chimica.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Fisica	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Applicazione per	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
gr' ingegneri	2	80.00	6	792.00	6	120.00	—	—	6	992.00	
Medicina e Chirurgia.	2	80.00	63	6990.00	63	1080.21	1	60.00	63	8120.21	
Farmacia	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Ostetricia	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Totale.	7	270.00	105	18187	105	2020.21	12	720.00	105	L. 16.197.21	

III. Riassunto delle somme concesse a titoli di sussidio agli Studenti nell'anno scolastico 1886—87.

C O R R I.		Numero degli Studenti sussidiati.	Sussidii concessi.
Giurisprudenza		46	2860
Medicina e chirurgia.		71	3835
Lettere e filosofia		7	370
Lettere, filosofiche e naturali.	Matematica	—	—
	Ingegneria.	18	1098
	Fisica	—	—
	Chimica	—	—
	Scienze naturali	—	—
Notai e procuratori.		—	—
Chimica e farmacia.		—	—
Farmacia		—	—
Ostetricia per levatrice		9	288
Totali №		151	L. 7896

V. Orario delle Scuole normali Superiori.

Предметы преподаванія.	Число часовъ въ недѣлю въ классахъ.				
	I.	II.	III.	Итого.	
Педагогика.	2	3	2	7	Въ женскихъ нормальныхъ школахъ въ каждомъ классѣ два раза въ недѣлю преподаются уроки рукодѣлія.
Отечественный языкъ .	6	5	5	16	
Арифметика и геометрія.	2	2	2	6	
Естественная исторія	3	3	4	10	
Отечественная исторія .	2	2	2	6	
Географія политическая.	1	1	1	3	
Курсъ „права и обязанностей“	1	1	1	3	
Рисованіе	3	2	2	7	
Каллиграфія	2	2	1	5	
Гимнастика.	2	2	2	6	
Пѣніе	1	1	1	3	
Упраженія въ начальномъ училищѣ.	3	4	5	12	
Итого.	28	28	28	84	

Orario delle Scuole normali inferiori.

Предметы преподаванія.	Число часовъ въ недѣлю въ классахъ		
	I.	II.	
Педагогика.	2	3	Въ женскихъ нормальныхъ школахъ въ каждомъ классѣ два раза въ недѣлю преподаются уроки рукодѣлія.
Отечественный языкъ .	6	5	
Арифметика и геометрія	2	2	
Естественная исторія	3	3	
Отечественная исторія .	2	2	
Географія политическая.	1	1	
Курсъ о „правахъ и обязанностяхъ“.	1	1	
Рисованіе	3	2	
Каллиграфія	2	2	
Гимнастика	2	2	
Пѣніе	1	1	
Упраженія въ начальномъ училищѣ;	3	4	
Итого.	28	28	

Orario per le Classi del Corso preparatorie.

Предметы преподаванія.	Число часовъ въ недѣлю въ I и II классахъ.
Итальянскій языкъ	9
Арифметика	8
Естественная исторія .	2
Отечественная исторія .	2
Географія	2
Рисованіе	2
Каллиграфія	2
Гимнастика	2
Пѣніе	1
Итого.	25

VI. Учебный планъ для гимназій 1888 года.

Предметы преподаванія.	Недѣльные часы.				
	классы:				
	I.	II.	III.	IV.	V.
Итальянскій языкъ	7	7	7	5	6
Латинскій языкъ.	7	7	7	6	5
Греческій языкъ . .	—	—	—	3	3
Отечественная исторія .	2	2	2	—	—
Древняя исторія .	—	—	—	3	3
Новая географія .	2	2	2	—	—
Древняя географія . .	—	—	—	1	1
Элементы естествовѣднія .	—	—	—	2	2
Арифметика и геометрія	2	2	2	2	2
Итого.	20	20	20	22	22

Учебный планъ для лицеевъ 1888 года.

Предметы преподаванія.	Недѣльные часы.		
	классы:		
	I.	II.	III.
Итальянскій языкъ	5	4	4
Латинскій языкъ .	5	3	3
Греческій языкъ . .	3	3	3
Средневѣковая и новая исторія	3	3	3
Историческая географія.	1	1	1
Философія .	2	2	2
Математика.	3	3	3
Физика и элементы химіи .	—	3	4
Естественная исторія и физическая географія	2	2	1
Итого.	24	24	24

VII. Прешній учебный планъ 1884 года, измѣненный въ 1888 году, былъ слѣдующій:

Для гимназій.

Предметы преподаванія.	Недѣльные часы.				
	классы:				
	I.	II.	III.	IV.	V.
Италянскій языкъ	8	8	7	6	6
Латинскій языкъ .	9	8	8	5	5
Греческій языкъ .	—	—	—	5	5
Географія	3	4	1	—	—
Исторія	—	—	4	4	4
Элементы естественной исторіи .	—	—	—	2	2
Арифметика и геометрія.	2	2	2	3	3
Итого.	22	22	22	25	25

Для лицеевъ.

Предметы преподаванія.	Недѣльные часы.		
	классы:		
	I.	II.	III.
Италянскій языкъ	5	4	3
Латинскій языкъ .	4	4	4
Греческій языкъ .	4	3	3
Исторія.	6	4 ¹ / ₂	4 ¹ / ₂
Математика .	1	3	4
Физика и химія	—	4	4
Естественная исторія и физическая географія.	2	2	2
Философія .	2	3	3
Итого	27	27¹/₂	27¹/₂

ПО ПОВОДУ ПРЕДПОЛАГАЕМАГО РУССКАГО УЧЕБНАГО ИЗДАНІЯ КЛАССИЧЕСКИХЪ АВТОРОВЪ.

Amicus Plato, sed magis amica veritas.

Въ октябрѣ прошлаго года появилось объявленіе, озаглавленное такъ: „Объ изданіи иллюстрированнаго собранія греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями, подъ редакціей Льва Георгіевскаго и Сергѣя Манштейна“.

Всякій, кому дороги интересы классицизма въ Россіи, съ сочувствіемъ встрѣтитъ мысль объ изданіи цѣлой серіи классическихъ писателей съ русскими комментаріями. У насъ находится, правда, въ обращеніи довольно изрядное число комментированныхъ изданій древнихъ авторовъ, но огромное большинство пособій этого рода представляетъ изъ себя неискusstvenныя передѣлки нѣмецкихъ изданій, составленныя притомъ иногда крайне оплошно и неряшливо. Достаточно вспомнить изданія г. Нагуевскаго, въ которыхъ не только комментаріи, но и изложеніе содержанія даннаго произведенія, представляютъ грубый переводъ на языкъ, которымъ плохо владѣетъ переводчикъ, не умѣющимъ къ тому же вдуматься и понять надлежащимъ образомъ ни свой латинскій, ни нѣмецкій оригиналъ. Плохимъ качествомъ подобныхъ изданій содѣйствуетъ также не мало и отсутствіе единства, хотя бы и внѣшняго, въ самомъ предпріятіи. Гг. Л. Георгіевскій и С. Манштейнъ берутся устранить это неудобство, обѣщая цѣлую серію изданій, которая будетъ выходить подъ ихъ отвѣтственною редакціей.

Еслибы редакторы будущей коллекціи ограничились простымъ извѣщеніемъ объ имѣющихъ выйдти въ свѣтъ выпускахъ ихъ изданія, то намъ оставалось бы ждать появленія первыхъ образцовъ ихъ сборника, чтобы на опытъ имѣть возможность провѣрить качества и количество собственнаго труда редакторовъ и участниковъ этого предпріятія. Но гг. редакторы объявленіемъ не ограничились. Они предпослали перечисленію готовящихся къ изданію книгъ древнихъ авторовъ и именъ лицъ, которыя приняли на себя это дѣло, пространное объявленіе, притомъ способное вызвать у всякаго, кто прочтетъ его со вниманіемъ, грустныя мысли о состояніи преподаванія древнихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ и, главное, о преподавателяхъ этихъ предметовъ.

Обращеніе гг. редакторовъ къ публикѣ начинается съ указанія на всеобщее признаніе полезности комментированныхъ изданій древнихъ классиковъ, при чемъ сдѣланы ссылки на „лучшихъ педагоговъ“ и на наше министерство народнаго просвѣщенія. Вслѣдъ затѣмъ перечислены извѣстныя коллекціи комментированныхъ изданій, существующія въ западно-европейской филологической литературѣ (Longmans and Simpkin, Гамбтъ, Teubner, Weidmann, Bibliotheca Gothana), и дана общая характеристика существующихъ у насъ комментированныхъ изданій. Но предоставимъ слово самимъ гг. редакторамъ, общающимъ обогатить насъ подобною хорошо и надежно исполненною коллекціей. Вотъ чтó говорятъ они:

„Наша русская классическая школа находится, къ сожалѣнію въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, далеко не въ столь благоприятныхъ условіяхъ, какъ западно-европейская. Въ нашей педагогической литературѣ существуетъ, правда, вѣсколько весьма почтенныхъ изданій классиковъ съ объяснительными примѣчаніями, но почти всѣ они страдаютъ хотя и внѣшнимъ, но все же весьма существеннымъ въ педагогическомъ отношеніи недостаткомъ, а именно, комментарий помѣщенъ въ нихъ непосредственно подъ текстомъ произведенія, чтó, какъ извѣстно изъ школьной практики, даетъ менѣе добросовѣстнымъ ученикамъ поводъ и возможность уклоняться при домашнемъ приготовленіи отъ ознакомленія съ содержаніемъ комментарія, въ томъ разчетѣ, что они всегда успѣютъ сдѣлать это на урокѣ при переводѣ заданнаго отрывка ¹⁾“. Кроме того, нѣ-

¹⁾ И однако въ Германіи и Франціи таинимъ остается и доселѣ видъ ком-

которыя изъ русскихъ комментированныхъ изданій, являясь чересчуръ точнымъ сколкомъ съ нѣмецкихъ, оказываются не вполне согласованными съ дѣйствительными потребностями русской школы, а нѣкоторыя изъ нихъ много теряютъ и вслѣдствіе недостаточной привлекательности своей внѣшности, которая играетъ въ школьномъ дѣлѣ немаловажную роль*.

Послѣ этихъ довольно безсодержательныхъ соображеній гг. редакторы продолжаютъ такъ:

„Какъ бы то ни было, нельзя не признать великой заслуги за всѣми педагогами, которые изданіемъ древнихъ авторовъ съ примѣчаніями старались вдохнуть въ преподаваніе древнихъ языковъ новую жизнь и новый смыслъ, и нельзя не пожалѣть всюю душою о томъ, что ихъ труды не всегда находили себѣ достаточно широкое распространеніе. Вина въ этомъ падаетъ, безъ всякаго сомнѣнія, на тѣхъ изъ начальниковъ и преподавателей нашихъ гимназій и прогимназій, которые, по непониманію истинныхъ задачъ классическаго образованія или вслѣдствіе ошибочнаго толкованія извѣстнаго министерскаго циркуляра отъ 12-го августа 1873 года, требовали, чтобъ ученики пріобрѣтали себѣ непременно одинъ лишь текстъ древнихъ авторовъ въ заграничномъ изданіи Тейбнера, и черезъ это лишали нашу школу такого необходимаго пособія при чтеніи греческихъ и римскихъ классиковъ, какъ комментированныя изданія. Между тѣмъ означеннымъ циркуляромъ министерство имѣло въ виду лишь облегчить учебнымъ заведеніямъ пріобрѣтеніе исправныхъ (курсивъ въ подлинникѣ) текстовъ классическихъ писателей и отнюдь не исключало пользованія комментаріями, что лучше всего доказывается тѣмъ, что нѣкоторыя изданія съ комментаріями были имъ даже рекомендованы“.

Удивительное дѣло, какъ это могли сотоварищи гг. редакторовъ по школьному дѣлу такъ заблуждаться на счетъ смысла министерскаго циркуляра отъ 12-го августа 1874 года, если отъ нихъ не было тайной то, что сообщено въ концѣ приведенной тирады? Гг. редакторы обвиняютъ ихъ въ усердіи не по разуму и скорбятъ при этомъ о маломъ спросѣ на изданія, подобное коимъ намѣрены они

ментированныхъ изданій, и нѣкто, значить, еще не пришелъ тамъ къ тому наблюденію, которое сдѣлано гг. Д. Георгіевскимъ и С. Манштейномъ.

теперь выпустить въ свѣтъ сами. Не знаемъ, въ какой степени гг. редакторы правы касательно перваго и искренни на счетъ втораго, но не будемъ спорить и повѣримъ, что дѣло было дѣйствительно такъ, какъ они о томъ сѣтууютъ. Послѣдствія неразумной ревности директоровъ и преподавателей были, по ихъ словамъ, ужасны. Мы опять должны предоставить слово гг. редакторамъ:

„Легко можно себя представить, какъ печальны должны были быть послѣдствія упомянутого недоразумѣнія! Ученики, читая авторовъ незначительными отрывками и утомляясь безконечною, непосильною подчасъ для ученика борьбою какъ съ формальными, такъ и реальными трудностями текста, выносили нерѣдко изъ чтенія образцовыхъ писателей классической древности не высокое эстетическое наслажденіе, какъ бы слѣдовало ожидать, а напротивъ горькое отвращеніе какъ къ древнимъ классикамъ, такъ и къ древнимъ явкамъ, и, наконецъ (?) стали прибѣгать къ разнымъ неопозволительнымъ пособіямъ, которыя извѣстны подъ именемъ подстрочныхъ переводовъ, и количество которыхъ достигло въ наше время по истинѣ ужасающихъ размѣровъ“.

Итакъ, представители учебнаго вѣдомства, какими съ полнымъ правомъ можемъ мы назвать гг. редакторовъ ¹⁾, констатируютъ несостоятельность нашей гимназіи въ ея трудахъ по насажденію классицизма. Мы не можемъ съ ними вполне согласиться и думаемъ, что гг. педагоги слишкомъ уже сгустили краски. Но они нашли папацею болѣзнь, въ которой пребываетъ нашъ гимназическій классицизмъ, и вотъ какъ они о томъ возвѣщаютъ:

„Желая создать противовѣсъ этому страшному бичу нашей (1?) серьезной школы, а главное—оживить чтеніе греческихъ и римскихъ классическихъ писателей, сдѣлавъ его болѣе доступнымъ и интереснымъ для учениковъ, а черезъ это и болѣе обильнымъ и плодотворнымъ, мы рѣшились предпринять изданіе полнаго иллюстрированнаго собранія греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями (разставка въ подлинникѣ) по выработанному нами общему единообразному плану“.

„Къ величайшей нашей радости, начинаніе наше встрѣтило жи-

¹⁾ Г. Левъ Георгіевскій—директоръ Царскосельской гимназіи, а г. С. Минштейнъ состоитъ въ ней преподавателемъ.

вое сочувствіе какъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, такъ и во многихъ русскихъ филологахъ, которые съ полною готовностію отоввались на наше приглашеніе украсить своими трудами предпринимаемое нами изданіе. Считаемо пріятнымъ долгомъ поименовать въ алфавитномъ порядкѣ, съ чувствомъ сердечной благодарности, тѣхъ изъ нихъ, труды которыхъ имѣютъ войти въ составъ первой серіи нашего изданія". Далѣе слѣдуетъ списокъ 16 именъ, изъ которыхъ пять принадлежатъ профессорамъ нашихъ университетовъ (гг. Зѣлинскій, Латышевъ, Нетушилъ, Сонни, Шеборъ).

Отъ души радуемся, что панацея найдена, и что предполагаемая серія изданій будетъ „украшена“ не только трудами господъ преподавателей разныхъ гимназій, но также и людей съ прочно установленною ученою репутаціей. Конечно, профессора университетовъ бывають часто некомпетентны въ сужденіи о томъ, что собственно нужно для средней школы, но врядъ ли однако наши почтенные товарищи, которыхъ труды (если только они появятся) могутъ дѣйствительно украсить любую подобную серію, а не только будущую Bibliotheca Petropolitana, нуждаются въ рекомендаціи своихъ произведеній со стороны гг. Льва Георгіевскаго и С. Манштейна, и врядъ ли они будутъ благодарны имъ за то, что ихъ уважаемые имена фигурируютъ въ такой по истинѣ рекламѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ искренно негодуютъ гг. редакторы противъ зла подстрочниковъ, этого „бича нашей серьезной школы“, какъ они выражаются не безъ претензій, быть можетъ, на слогъ древняго оратора! Но вѣдь, однако, кто же не знаетъ, что въ западной Европѣ существуетъ гораздо болѣе обильная литература подобныхъ изданій? Произведенія этого рода обращаются въ изобиліи и у насъ, каковы нѣмецкая Schulfreund's-Bibliothek и издаваемая Гашеттомъ коллекція: Les auteurs latins и Les auteurs grecs, avec des sommaires et des notes par une société de professeurs". По типу этихъ изданій сочиняются и наши подстрочники, а чаще, вѣроятно, непосредственно съ нихъ переводятся. Но какой однако педагогъ на западѣ будетъ такъ близорукъ, чтобы видѣть въ существованіи этой литературы „страшный бичъ школы"? Конечно, всякій признаетъ, что въ дѣлѣ школьнаго ученія подобныя изданія неудобны и вредны. Они слишкомъ облегчаютъ „приготовленіе урока“, а потому пользованіе ими, освобождая учащагося отъ всякаго собственнаго усилія повяты фразу древняго писателя, лишаетъ его тѣмъ самымъ возможности приобрѣсти навыкъ въ сво-

бодномъ пониманіи древняго текста. Но развѣ на западѣ, гдѣ подстрочники и числомъ гораздо обильнѣе, и по дѣлѣ доступнѣе, тѣмъ у насъ, какой-либо представитель педагогическаго міра станетъ такъ забавно вопить противъ подстрочниковъ? Или вся разница въ томъ, что на западѣ нѣтъ недостатка въ комментированныхъ изданіяхъ, а у насъ ихъ не много, и что ихъ изгоняли изъ гимназій? Конечно, нѣтъ! А разница въ томъ, что на западѣ учителя знаютъ свое дѣло и учатъ, а въ Россіи школьные порядки ставятъ вопросъ объ ученіи, къ сожалѣнію, совершенно иначе.

У насъ учитель древнихъ языковъ, который по праву носитъ имя учителя, есть довольно рѣдкое исключеніе. Огромному большинству лицъ, исполняющихъ эти обязанности, имя учитель усвоивается лишь по традиціи, и было бы большимъ недоразумѣніемъ предполагать о нихъ, что ихъ роль въ классѣ соответствуетъ термину „учитель“. Если судить по преобладающему общему типу, то въ настоящее время русское слово учитель слѣдовало бы передавать на латинскій языкъ никакъ не черезъ *praesceptor*, а пожалуй *inquisitor*, отъ *inquirere*, что значитъ: выпрашивать, развѣдывать. Учитель у насъ есть вѣчный экзаменаторъ. Его обязанность—задать урокъ и поставить отмѣтку. Чѣмъ больше отмѣтокъ заноситъ онъ въ классный журналъ, тѣмъ онъ, значитъ, рачительнѣе ведетъ свое дѣло. Такъ какъ учитель не учитъ учениковъ, а только обязанъ стараться заставить ихъ учиться, то вполне естественно, что свою дѣятельность въ классѣ онъ обращаетъ въ уловленіе ученическаго незнанія, которое немедленно протоколируется выставленіемъ балла въ журналъ въ графѣ, соответствующей данной фамиліи. Улаживаніемъ незнанія исчерпывается у большинства учителей ихъ отношеніе къ дѣлу ученія. Вотъ гдѣ причина того, что у насъ на Руси такъ всеобще распространено репетиторство. Заботливые родители приглашаютъ репетиторовъ къ своимъ дѣтямъ, не только пока тѣ состоятъ въ младшихъ классахъ и еще не освоились со школьною дисциплиною или нуждаются въ помощи по какимъ-нибудь особымъ обстоятельствамъ; репетиторство не прекращается и тогда, когда ученики состоятъ въ старшихъ классахъ и нерѣдко до седьмаго и даже восьмаго — увы, это всѣмъ извѣстные факты!—класса. Если дѣло учителя сведено къ задаванію урока и затѣмъ уловленію незнанія, то иначе и быть не можетъ. Если нѣтъ репетитора, то въ замѣнъ появляются на помощь подстрочники. Въ борьбѣ съ

этимъ „бичемъ нашей серьезной школы“ бессильны не только все нынѣ существующія комментированныя изданія древнихъ авторовъ, но бессильною окажется и та будущая коллекція изданій этого рода, которую предпринимають гг. Георгіевскій и Манштейнъ. Какъ хороши ни оказались бы ихъ изданія, подстрочники останутся жать въ школѣ. И если количество этихъ послѣднихъ, какъ увѣряютъ гг. Георгіевскій и Манштейнъ, „достигло въ наше время по истинѣ ужасающихъ размѣровъ“, то на будущее время съ полною увѣренностью можно предсказать дальнѣйшее увеличеніе этого „ужасающаго“ количества.

Дѣло классицизма въ гимназіи будетъ стоять все на томъ же низкомъ уровнѣ, какъ нынѣ, пока для русскаго слова учитель латинскій переводъ будетъ *inquisitor*. Въ социальнѣ, на этомъ уровнѣ пониманія своихъ обязанностей стоять и гг. редакторы будущей коллекціи древнихъ авторовъ. Въ этой серіи изданій они хлопочутъ о томъ, чтобъ отнять у ученика „вѣроятность уклоняться при домашнемъ приготовленіи отъ ознакомленія съ содержаніемъ комментарія“, съ каковою цѣлью они вознамѣрились помѣстить его на внизу подъ текстомъ, какъ то общепринято, а послѣ текста, въ другой половинѣ книги. Важность ихъ тона, когда они говорятъ объ этомъ ничтожномъ внѣшнемъ измѣненіи вида изданія, вызываетъ по истинѣ удивленіе относительно гг. редакторовъ, какъ педагоговъ. Они хлопочутъ прежде всего о томъ, какъ ученикъ готовить дома свой урокъ. Безмѣрно важнѣе другой вопросъ: какъ проходитъ этотъ урокъ, какъ даютъ его въ классѣ гг. педагоги. Пока учитель не совлечетъ съ себя привычнаго и удобнаго халата *inquisitor*'а, до тѣхъ поръ никакое изданіе, какъ бы хороши ни были въ немъ комментаріи и даже иллюстраціи, не выдержитъ конкуренціи съ подстрочниками, ибо послѣдній скажетъ все-таки больше и проще, чѣмъ самое лучшее изданіе съ комментаріемъ. Конечно, быть учителемъ гораздо труднѣе, нежели оставаться въ роли инквизитора. Заставлять дѣтей и юношей учиться въ классѣ—дѣло, требующее великаго напряженія, постояннаго вниманія, приспособленія и опытности, тогда какъ халатъ инквизитора освобождаетъ педагога отъ всякой работы, позволяетъ ему часто при полномъ незнаніи разыгрывать роль авторитета и нещадно ставить плохіе баллы за не выученный урокъ, провѣряя отвѣтъ ученика хотя бы даже по открытой книгѣ.

Такого рода порядки въ нашей школѣ содѣйствовали образованію типа „инквизитора“, который замѣщаетъ живую душу класса, лицо

учителя. Самый типъ, конечно, имѣетъ исконную древность въ школахъ, ибо въ средѣ педагоговъ всегда была и будетъ тенденція замѣнять трудное дѣло ученія простымъ спрашиваніемъ заданнаго урока ¹⁾. Но желательно, чтобъ общія распоряженія администраціи имѣли преграды возможности такого простаго взгляда на высокія учительскія обязанности. Улучшеніе нашей современной школы—дѣло сложное, и претензія предлагать напередъ со стороны гг. Георгіевскаго и Манштейна, не выходящихъ въ своихъ представленіяхъ объ обязанностяхъ учителя дальше заботы, какъ ученики готовятъ дома свои уроки, и не уразумѣвшихъ, гдѣ причина распространенія „ужасящихъ“ ихъ подстрочниковъ, этого, по ихъ словамъ, „страшнаго бича школы“, — претензія эта заслуживаетъ только сожалѣнія. Господамъ педагогамъ надлежитъ побольше думать о томъ, что ученикъ дѣлаетъ въ классѣ. Тогда и начнетъ у насъ поправляться дѣло, котораго не исправятъ никакія хорошія комментированныя изданія

¹⁾ Хотя это утвержденіе и не нуждается въ доказательствахъ, но позволимъ себѣ однако привести одну историческую справку. Знаменитый митрополитъ Литовскій Юзефъ Смишко, разсказывая въ своей автобіографіи о годахъ ученія въ „Немеровскихъ гимназіальныхъ училищахъ“, говоритъ между прочимъ слѣдующее о тогдашнихъ учителяхъ:

„Теперь едва ли поймутъ, какіе въ прежніе времена были учителя. Одинъ изъ нихъ, добрый старичекъ, не знаю, бывалъ ли въ классѣ и четверть урокаго времени. Я у него былъ первымъ почти цѣлый годъ, въ званіи *auditor auditorum*, то-есть, наблюдалъ и отмѣчалъ знаніе уроковъ аудиторами, исполнявшими подобную обязанность въ отношеніи прочихъ учениковъ. Помню, какъ онъ, бывало, въ самомъ началѣ урока скажетъ мнѣ: *слушай, Олмашко*, а самъ отправляется въ училищныя сѣни, гдѣ часто весь урокъ проводитъ съ другими учителями въ шумныхъ разговорахъ. Тогда ученики начинаютъ трепать поочередно урокъ, громко, навзгустъ или по книгѣ, какъ полагало. Разумѣется, двадцатилѣтній мальчишъ, я не могъ соблюсти порядка между семидесятью иными соучениками, изъ которыхъ половина могла носить меня на рукахъ. Часто поднимается шумъ и гвалтъ. Тогда отворяются изъ сѣней двери, показывается голова учителя съ громкимъ словомъ: *молчать!*—и все по прежнему: учителя расхваливаютъ, а мы треплемъ урокъ. Въ концѣ является въ классъ мой учитель: если есть еще время, просмотрѣваетъ замѣтки о знаніи уроковъ, наказываетъ не знавшихъ, и наконецъ, беретъ учебникъ и назначаетъ цогтемъ слѣдующій урокъ, говоря: *съ этою мѣстою по это*. Подобнымъ образомъ обращался онъ не только съ уроками, обыкновенно заучиваемыми навзгустъ, но даже съ ариметикою и географіею“. Записки Юзефа митрополита Литовскаго. Томъ I. С. 106. 1883, стр. 8.

древнихъ авторовъ... Бѣда не въ книгахъ и не въ томъ, какъ ученики готовятъ уроки дома, а въ людяхъ и въ томъ, что дѣлается въ классѣ ¹⁾...

Юліанъ Шулаиновичъ.

¹ Отчеты отдѣльныхъ гимназій могутъ дать, въ сжатіи, наглядное доказательство справедливости нашихъ сѣтованій. Позволимъ себѣ привести нѣкоторые данныя хотя бы изъ недавно опубликованнаго „Отчета о состояніи Императорской Николаевской гимназіи въ Царскомъ Селѣ“ за 1887—1888 годъ. Изъ таблицы, помещенной на стр. 12, оказывается, что изъ общаго числа учениковъ гимназіи, 206 человекъ, въ 1887 году перешло въ высшіе классы 116 и осталось на второй годъ въ тѣхъ же классахъ 93 человека. Въ май мѣсяцъ 1888 года удостоено перевода изъ общаго числа, 191 человекъ, только 97 человекъ, какъ значится на стр. 38 „Отчета“, или 50,12% всего учащихся въ гимназіи. Такая поразительная малочисленность тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что число учениковъ въ отдѣльныхъ классахъ крайне незначительно. Къ началу переводимыхъ и окончательныхъ испытаній состоялось въ 1888 году, какъ значится на стр. 12 „Отчета“, по 10 человекъ въ VI и VIII классахъ, 11—въ VII, 12—въ V, 23—въ приготовительномъ, 24—въ IV, 28—въ III, 33—во II, 40—въ I-мъ. И при такой малочисленности классовъ дѣло обученія шло однако слабо, такъ что, напримеръ, въ V классѣ оставлено на второй годъ являе человекъ и переведено 7, въ III классѣ оставлено на второй годъ *десять* и переведено 17. Мы намеренно указываемъ на тѣ классы, гдѣ нѣтъ экзаменовъ, и отбитки, полученныя въ теченіе учебнаго года, служатъ основаніемъ для перевода въ высшій классъ. На страницахъ 36, 37 и 38 очень обстоятельно сообщено о числѣ неудовлетворительныхъ отбитковъ, полученныхъ учениками всѣхъ классовъ въ четвертныхъ вѣдомостяхъ объ ихъ успѣхахъ по отдѣльнымъ предметамъ....

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ.

I.

Отчетъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ за 1889 годъ ¹⁾.

Во всей длинной лѣтописи Академіи, можетъ быть, не найдется года, который былъ бы, какъ нынѣшній, отмѣченъ такими тяжкими для нея и многими утратами. Одинъ за другимъ сошли въ могилу: президентъ графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, вице-президентъ Викторъ Яковлевичъ Буняковский и академикъ Владиміръ Павловичъ Безобразовъ. Горестны для насъ были эти утраты, чувствительны онѣ были для всего строя академической жизни. Утѣшеніемъ намъ могло лишь служить сознаніе, что отошедшіе отъ насъ дѣатели оставили намъ послѣ себя въ наслѣдіе славныя имена, которыя останутся навсегда памятны въ лѣтописяхъ нашихъ.

Графъ Толстой былъ призванъ волею Монаршею занять постъ главнаго руководителя Академіи въ то время, когда предмѣстникъ его, графъ Ѡ. П. Лятке, взвысканный отъ Всевышняго тяжкимъ уже для него долголѣтіемъ и пораженный старческими недугами, лишившимъ его возможности быть полезнымъ Академіи, просилъ и получилъ увольненіе отъ званія президента. Поступая на его мѣсто, графъ Толстой былъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ,

¹⁾ Составленъ и читанъ непремѣннымъ секретаремъ академикомъ К. О. Веселовскимъ въ публичномъ засѣданіи Академіи 29-го декабря 1888 г.

приготовленъ къ плодотворной, но и трудной, предстоявшей ему дѣятельности по управленію высшимъ ученымъ учрежденіемъ въ имперіи. Съ значеніемъ, нуждами и слабыми сторонами Академіи онъ близко ознакомился передъ тѣмъ, еще въ бытность въ теченіи 14 лѣтъ (1866—1880) министромъ народнаго просвѣщенія. Но это знакомство получило для себя еще болѣе широкую, такъ сказать, документальную основу, послѣ оставленія имъ этого министерства. И здѣсь да позволено мнѣ будетъ сохранить для нашей исторіи и для будущаго біографа графа Толстаго характерную черту, свидѣтельствующую о томъ, какъ онъ любилъ ученые занятія и какъ основательно дѣлалъ всякое дѣло. Располагая, послѣ увольненія отъ министерскихъ обязанностей, болѣшимъ досугомъ, онъ посвятилъ его историческимъ трудамъ, избравъ предметомъ ихъ царствованіе императрицы Екатерины II, и въ особенности—заботы Великой монархини объ учебной части въ нашемъ отечествѣ. Изучивъ въ подробности архивъ бывшаго своего министерства, онъ, занявшись исторіею нашего просвѣщенія въ XVIII вѣкѣ, естественно остановился на неразрывно связанной съ нею исторіи нашей Академіи. По его желанію, ему были постепенно доставляемы изъ нашего архива всѣ переплетенные томы бумагъ бывшей академической канцеляріи, вѣдавшей административныя дѣла Академіи въ XVIII столѣтіи. Такъ перебралъ онъ въ короткое время весь этотъ архивъ; но послышавшися ему для просмотра архивные фолианты возвращались отъ него, для замѣны ихъ другими, такъ скоро, что невольно—кажись въ томъ—рождалось предположеніе, что просмотръ съ его стороны былъ лишь бѣглый, приблизительный, работа барыча-диллетанта, удовлетворяющагося верхушками. Но какъ же былъ я впослѣдствіи удивленъ, пораженъ, внутренне пристыженъ, когда онъ, будучи уже президентомъ и получивъ повелѣніе занять трудный и отвѣтственный постъ министра внутреннихъ дѣлъ, раскрылъ передо мною, въ своемъ кабинетѣ, особый шкафъ, съ толстыми переплетенными томами, въ которыхъ въ величайшемъ порядкѣ была размѣщена масса собственноручно сдѣланныхъ графомъ подробныхъ выписокъ, копій и извлеченій изъ документовъ, найденныхъ имъ въ нашемъ архивѣ и полезныхъ для задуманнаго имъ историческаго труда. Взглянувъ на нихъ съ сожалѣніемъ и какъ бы прощаясь съ ними до времени, онъ замѣтилъ, что теперь это только матеріалы для работъ ему въ старости, когда онъ уже не будетъ годенъ для службы Царю: теперь же нужно не писать исторію, а дѣлать ее.

Вступая въ Академію въ качествѣ президента, гр. Толстой приносилъ съ собою большую опытность въ дѣлахъ и давнишнее знаніе людей. Твердость характера счастливо сочеталась въ немъ съ доброжелательствомъ и обходительностью высоко образованнаго свѣтскаго человѣка. При такихъ качествахъ ему не трудно было, съ первыхъ же шаговъ, самымъ мирнымъ образомъ, положить конецъ тѣмъ печальнымъ „недоразумѣніямъ“, которыми, къ прискорбію, были омрачены послѣдніе годы президентства гр. Литке, и направить всю дѣятельность Академіи на развитіе тѣхъ трудовъ, которые составляютъ ея цѣль и назначеніе.

При всей краткости времени, что онъ былъ нашимъ президентомъ, всего семь лѣтъ ¹⁾, графъ Толстой успѣлъ много сдѣлать для Академіи. Главною его заслугою было оживленіе въ ней трудовъ по русской исторіи. Человѣкъ высокаго ума, онъ равно цѣнилъ всѣ науки; но какъ у стараго русскаго, сердце у него, съ полнымъ правомъ, ближе лежало къ наукѣ, хранительницѣ самыхъ дорогихъ для насъ родныхъ воспоминаній и преданій, наукѣ, въ которой отражается и на которой опирается наше народное самосознаніе. Многое изъ того, что онъ замыслилъ сдѣлать по этой части, онъ не успѣлъ исполнить за своею кончиною; но и то, что имъ сдѣлано, оставитъ глубокий слѣдъ въ развитіи у насъ трудовъ по отечественной исторіи.

Крупною, личною заслугою его было привлеченіе въ ряды академическихъ дѣателей сенатора Н. В. Калачова, незабвеннаго радѣтеля объ архивномъ дѣлѣ въ Россіи, устроителя богатаго историческими сокровищами Московскаго архива министерства юстиціи, создателя археологическаго института, этого разсадинка ученыхъ русскіхъ архивистовъ. По мысли Калачова и при поддержкѣ графа Толстаго, начала Академія издавать, въ двухъ обширныхъ, многотомныхъ сборникахъ важнѣйшіе, дотолѣ неизвѣстные документы, разъясняющіе государственный строй и внутренній бытъ Россіи, какъ временъ Петра Великаго, такъ и въ предшествовавшую его реформамъ эпоху Московскихъ царей. Обработка и печатаніе „Актовъ Московскаго государства“ обезпечены особою, исходатайствованною гр. Толстымъ спеціальною суммою, назначенною на розысканіе въ архивахъ и на

¹⁾ Любопытна случайность, по которой важнѣйшія событія въ жизни графа Д. А. Толстаго приходились на апрѣль: 14-го апрѣля 1866 г. былъ онъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія, и 14-го апрѣля 1880 г. уволенъ отъ этой должности; 25-го апрѣля 1883 г. назначенъ президентомъ Академіи, и 25-го апрѣля 1889 г. скончался.

обнародованіе важнѣйшихъ для русской исторіи документовъ XVI и XVII столѣтій.

Ходатайству его же мы обязаны пожалованіемъ другой спеціальной суммы на изданіе матеріаловъ, хранящихся въ нашемъ архивѣ для исторіи самой Академіи и интересныхъ вообще для изображенія русскаго просвѣщенія въ прошедшемъ столѣтіи. Графъ Толстой и самъ внесъ послѣднюю лепту для разработка этой исторіи четырьмя обширными записками, напечатанными въ нашихъ изданіяхъ, — объ учебной части въ Россіи въ XVIII столѣтіи, о городскихъ училищахъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II и объ университетѣ и гимназіи, существовавшихъ при Академіи Наукъ въ прошломъ столѣтіи.

Учрежденныя съ 1884 года, по стараніямъ Калачова и по проекту гр. Толстаго, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ ученія архивныя коммисіи и историческіе архивы стали дѣятельными центрами сохраненія и обработки для науки письменныхъ памятниковъ старины, разбланныхъ въ разныхъ частяхъ Россіи.

Наконецъ, нельзя пройти молчаніемъ, что лишь подъ покровительствомъ гр. Толстаго могли быть Академіею изданы теперь же, въ полномъ ихъ видѣ, завѣщанія ей, написанныя лишь для потомства, „Записки“ приснопамятнаго Іосифа, митрополита Литовскаго, столь важныя для исторіи одного изъ самыхъ славныхъ дѣлъ царствованія императора Николая I, воссоединенія миллионныхъ униатовъ съ православною церковью.

Но, любя отечественную исторію, какъ долженъ ее любить всякій русскій, гр. Толстой съ равною готовностію подавалъ руку помощи академическимъ предпріятіямъ и по другимъ отраслямъ наукъ. Его предстательству предъ Престоломъ обязана Академія значительными средствами, позволившими осуществлять давнишнюю, завѣтную ея мечту объ ученюмъ изслѣдованіи, путемъ снаряженія особой экспедиціи, самыхъ полярныхъ окраинъ сибирскаго материка и Ново-Сибирскихъ острововъ. Имъ же исходатайствованы, отъ щедротъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, необходимыя средства для достойнаго изданія въ свѣтъ обрабатываемыхъ Академіею научныхъ результатовъ путешествій Пржевальскаго по Центральной Азіи. Много стараній приложилъ онъ для доставленія нашей главной физической обсерваторіи способовъ къ расширенію и усовершенствованію нашей системы метеорологическихъ наблюденій, въ видахъ точнѣвшаго изученія климата разныхъ частей Россіи и

примѣненія результатовъ такого изученія къ удовлетворенію житейскихъ потребностей страны.

Возведенное, во время его президентства, красивое новое зданіе, примыкающее къ библиотекѣ, позволило дать этому столь существенно важному для ученыхъ занятій учрежденію нашему необходимое расширеніе помѣщенія его, вмѣстѣ съ тѣмъ доставило возможность изъ накопившихся у насъ, въ теченіе полутора вѣка существованія Академіи, драгоценныхъ этнографическихъ коллекцій образовать цѣлый этнографическій музей, по своему составу и устройству вполнѣ достойный этого названія.

Наконецъ, желая доставить Академіи болѣе значительныя средства поощрять ученые труды въ Россіи по наукамъ, входящимъ въ кругъ нашихъ занятій, графъ Толстой и его супруга, графиня Софія Дмитріевна, пожертвовали въ 1883 г. болѣе 19,500 руб. въ капиталъ премій, носящихъ имя графа, съ тѣмъ, чтобы эти преміи могли быть присуждаемы не черезъ каждые три года, какъ было дотогѣ, а ежегодно.

Вотъ, мн. гг., факты, говорящіе сами за себя; вотъ какія услуги графомъ Толстымъ, какъ президентомъ, оказаны наукѣ въ средѣ академіи. О нихъ благодарная исторія сохранитъ память и до тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда уже не останется въ живыхъ никого изъ его современниковъ, могущихъ свидѣтельствовать о томъ, какое глубокое уваженіе питали всѣ мы къ его свѣтлой и благородной личности.

Другою чувствительною потерей для насъ была кончина всѣми высокочтимого, старѣйшаго изъ членовъ Академіи, Нестора русскихъ математиковъ, Виктора Яковлевича Бушаровскаго. Спокойна и тиха была его кончина, какъ спокойна и тиха была его долгая жизнь. Годы подкрадывались къ нему незамѣтно, почти не давая себя знать на его душевныхъ способностяхъ, такъ что всѣ мы, видя его передъ нами въ теченіи длиннаго ряда лѣтъ всегда одинаково бодрымъ и умственно здоровымъ, могли подъ часъ забывать, что человѣкъ смертенъ.

Викторъ Яковлевичъ родился въ 1804 г. 3-го декабря, въ Подольской губерніи, въ историческомъ мѣстечкѣ Варѣ, гдѣ отецъ его, родомъ изъ Малороссіи, состоялъ въ то время на службѣ, подполковникомъ конно-польскаго уланскаго полка. Ранняя смерть отца (онъ умеръ 37 лѣтъ, въ 1809 г., въ Тавастгусѣ, въ Финляндіи, гдѣ находился со своимъ полкомъ) имѣла рѣшающее вліяніе на всю

судьбу будущаго математика. Его мать, по недостатку средствъ, не могла заняться его воспитаніемъ, но эту заботу принялъ на себя ротный сослуживецъ и другъ его отца, А. П. Тормасовъ, бывший съ 1819 года московскимъ генераль-губернаторомъ. Въ домѣ его, въ Москвѣ, молодой Буняковскій получилъ домашнее воспитаніе, вмѣстѣ съ сыномъ Тормасова, и вмѣстѣ съ нимъ же былъ отправленъ въ 1820 г., при гувернерѣ, за границу для довершенія своего образованія. Эта счастливая для него случайность привела бѣднаго, но даровитаго и жаднаго къ ученію молодаго человѣка, черезъ Кобургъ, въ которомъ онъ пользовался частными уроками, и черезъ Лозанну, гдѣ онъ слушалъ лекціи въ тамошней академіи, наконецъ, въ Парижѣ въ то время, когда французская школа математики была тамъ въ полномъ блескѣ, когда тамъ жили и учили Лапласъ, Фурье, Пуассонъ, Коши, Лешандръ, Лакруа, Амперъ, Араго и др. Здѣсь-то, слушая этихъ знаменитыхъ ученыхъ, то на лекціяхъ въ Сорбоннѣ, то въ Collège de France, усвоилъ себѣ Буняковскій тѣ отличительныя качества французской математической школы—простоту и ясность, то, что называютъ изяществомъ изложенія, которыя онъ потомъ, возвратясь въ отчество, перенесъ къ намъ и долгимъ своимъ преподаваніемъ водворилъ въ Россіи.

Быстро, въ теченіе одного года (1824), получилъ онъ степень бакалавра (кандидата) и лиценціата (магистра), а въ слѣдующемъ уже году, по публичномъ защищеніи двухъ напечатанныхъ имъ диссертацій—одной по механикѣ, а другой по математической теоріи теплоты, удостоенъ отъ факультета наукъ парижской академіи степени доктора математики. Съ докторскимъ дипломомъ въ карманѣ прибылъ Буняковскій въ 1826 г. въ Петербургъ, въ весьма благопріятную для него пору.

Если счастьемъ можетъ считаться попадать кстати и впадать куда нужно, то такое счастье вышло вполне на долю Буняковского. Въ то время, какъ онъ, окончивъ ученье, долженъ былъ помышлять о томъ, что изъ себя сдѣлать, и мечталъ уже о военной службѣ, по слѣдамъ своего отца, извѣстнаго своею храбростію глана, — обстоятельства повернули его совсѣмъ въ другую сторону. Во время дню состояніе математики какъ въ высшемъ ученomъ, такъ и въ педагогическихъ сферахъ столицы представляло такіе недочеты, что появленіе на петербургскомъ горизонтѣ 22-лѣтняго юноши, успѣвшаго наслушаться парижскихъ профессоровъ, составило собою уже замѣтное событіе. Не далѣе какъ черезъ два года по пріѣздѣ его въ сто-

лду, передъ нимъ гостепрѣмно распахнулись двери Академіи Наукъ, и затѣмъ начались, постепенно разростаясь, многочисленныя занятія по преподаванію математики въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы.

Съ этой поры и до самыхъ послѣднихъ дней его жизни тянется для него длинная вереница годовъ — „обѣдовъ длинный рядъ“, —однообразно протекавшихъ въ ученыхъ трудахъ. Если вообще жизнь ученыхъ, проводящихъ все время въ кабинетной тиши, рѣдко представляетъ какіе нибудь интересные эпизоды, могущіе сообщить ихъ біографіямъ занимательность для постороннихъ, то это еще въ большей мѣрѣ принимается къ біографіи Буняковского, у котораго одною изъ выдающихся сторонъ его характера было необыкновенное постоянство привычекъ. Онъ столь же крѣпко держался разъ принятаго порядка своего домашняго быта, какъ другіе любятъ перемѣны въ жизни.

Одною изъ такихъ привычекъ была для него умственная работа; онъ жилъ, когда работалъ, и жилъ только, чтобы работать, и его біографіи почти вся укладывается въ рамки его библиографіи. Велико число болѣе или менѣе обширныхъ трудовъ, напечатанныхъ имъ въ теченіи свыше 60-лѣтней его ученой дѣятельности, въ разныхъ русскихъ и отчасти иностранныхъ изданіяхъ, но въ особенности въ изданіяхъ нашей Академіи. Они обогатили разные отрасли математики: исчисленіе конечныхъ разностей, дифференціальное и интегральное исчисленіе, механику, геометрію, теорію вѣроятностей и преимущественно теорію чиселъ, любимый предметъ занятій Буняковского. Всѣ они отличаются наипаче изложеніемъ и остаются навсегда драгоценнымъ достояніемъ и украшеніемъ русской математической литературы.

Какъ человекъ, Викторъ Яковлевичъ представлялъ собою образецъ высоко-нравственной личности: всегда строгій къ самому себѣ, благодушный и снисходительный ко всѣмъ, онъ, не смотря на свою казавшуюся мягкость, былъ стоекъ въ своихъ убѣжденіяхъ и никогда ими не поступался ни для кого и ни для чего, подчиняясь во всѣхъ житейскихъ обстоятельствахъ глубокому чувству долга. Въ теченіи своей долгой жизни онъ многихъ имѣлъ друзей и пріятелей и никогда не имѣлъ враговъ и противниковъ; многимъ дѣлалъ добро и никому не сдѣлалъ зла, по крайней мѣрѣ сознательно. Высканный отъ Бога счастливымъ долголѣтіемъ, онъ пользовался во всю свою жизнь, и до послѣдняго выдыханія утѣхамъ тихаго, безмятежнаго семейнаго счастья.

Смерть не пощадила и немногочисленного историко-филологическаго отдѣленія нашего. Жертвою ея палъ одинъ изъ младшихъ по годамъ членъ его, академикъ Владиміръ Павловичъ Безобразовъ, умершій 29-го августа, въ гор. Дмитровѣ, Московской губерніи, на 61-мъ году жизни. Кончина его была потерей не для одной науки и Академіи. Всѣ присутствующіе здѣсь конечно еще помнятъ тѣ дружныя проявленія соболѣзнованія, какими встрѣчена была вѣсть о его смерти въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ, и которыя указали какое мѣсто онъ занималъ въ современномъ обществѣ.

В. П. Безобразовъ родился въ 1829 году, 3-го января, въ городѣ Владиміръ. Образование получилъ въ Александровскомъ лицей, въ томъ XV-мъ курсѣ, котораго первые два года протекли еще въ Пушкинскомъ лицей, въ Царскомъ Селѣ, и воспитанникъ котораго, съ третьяго года, уже въ Петербургѣ, дочитывали профессорскія записки и учебники вплоть до своего выпуска въ 1847 году. Это перемѣщеніе лица изъ мирныхъ царскосельскихъ садовъ въ столичную среду совпало, по времени, съ тою памятною эпохою, когда новыя политическія системы и экономическія ученія стали доноситься до насъ съ запада и находили для себя особенно восприимчивую почву въ нашей тогдашней молодежи. Любопытный и впечатлительный, Безобразовъ сталъ тогда уже съ увлеченіемъ изучать теоріи новѣйшихъ въ то время экономистовъ, а разъ ознакомившись съ ними, онъ весь отдался разработкѣ тѣхъ разнообразныхъ вопросовъ, отъ разрѣшенія которыхъ, по доктринамъ экономистовъ, обѣщалось необыкновенное поднятіе народнаго благосостоянія. То, что было сначала дѣломъ увлеченія молодыхъ лѣтъ, стало потомъ задачею всей жизни.

Кто посвящаетъ себя изученію законовъ, управляющихъ экономической жизнью народовъ; рѣдко можетъ удержаться въ сторонѣ отъ сферы практической дѣятельности, отъ непосредственнаго примѣненія выводовъ, добытыхъ спекулятивнымъ путемъ, къ вопросамъ дѣи. По живости своего темперамента, Безобразовъ не избѣгъ такого направленія; его всегда занимала не столько разработка отвлеченныхъ теорій политической экономіи, сколько возможность приложенія истинъ науки къ задачамъ, выдвигаемымъ на очередь ходомъ современной народнои жизни.

Нельзя не поставить Безобразову въ заслугу, что, не смотря на все равнообразіе положеній, въ которыя ставила его служебная его карьера, не смотря даже на то, что по живости и подвижности

своей натуре онъ не замыкался исключительно въ тиши кабинета и не ограничивался одною своею спеціальностью, онъ остался навсегда вѣренъ однажды избранной имъ себѣ наукѣ. А служебное его поприще было замѣчательно разнообразно и представляло вѣроятно не разъ искушеніе измѣнить ей.

Непосредственно по выпускѣ изъ лицей, служба его началась въ государственной канцеляріи (1847). Вслѣдъ за тѣмъ видимъ мы его, въ теченіи пяти лѣтъ, въ департаментѣ разныхъ податей и сборовъ, въ различныхъ должностяхъ служебной лѣстницы, затѣмъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, то начальникомъ отдѣленія въ канцеляріи его, то редакторомъ Журнала Министерства. Затѣмъ появляется онъ въ комиссіи при министерствѣ финансовъ о земскихъ банкахъ и объ улучшеніи системы податей и пошлинъ, чтобы вскорѣ затѣмъ перейти въ провіантское вѣдомство военнаго министерства, гдѣ онъ одно время несетъ обязанности помощника оберъ-провіантмейстера С.-Петербургской и Псковской губерній, и наконецъ назначается членомъ совѣта министра финансовъ (1864), членомъ Академіи Наукъ (1865) и сенаторомъ (1885).

Рядомъ съ исполненіемъ разнообразныхъ обязанностей этой разнообразной службы идутъ почти ежегодно, начиная съ 1860 года, въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ, путешествія его, командировки съ ученою цѣлью, то за границу—для изученія иностранныхъ поземельныхъ банковъ или для обзорннхъ заграничныхъ университетовъ, то въ разныхъ губерніи Россіи—разъ для собранія свѣдѣній о видахъ и намѣреніяхъ землевладѣльцевъ относительно учрежденія земскихъ банковъ и о состояніи оборотовъ приказовъ общественнаго призрѣнія, — въ другой разъ—для изученія вопроса объ учрежденіи на новыхъ основаніяхъ должности губернскихъ механиковъ,—или для собранія свѣдѣній на нижегородской и другихъ армаркахъ о промышленности и торговлѣ на нихъ. Въ ныне года, мы видимъ его въ разныхъ губерніяхъ—изучающимъ положеніе льняной промышленности Россіи или на Уралѣ обзорѣвающимъ тамошніе казенные горные промыслы. Но любимую цѣлью его лѣтнихъ командировокъ въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ были Московская и окружающія ея губерніи для изученія тамъ заводской и фабричной производительности.

Эти мѣстные изслѣдованія и занятія въ разныхъ правительственныхъ комиссіяхъ доставили содержаніе для множества трудовъ, напечатанныхъ имъ—однихъ по обязанности службы,—другихъ въ видѣ самостоятельныхъ ученыхъ работъ. Какъ ни значительно было

число такихъ трудовъ, они не исчерпывали всей его дѣятельности. Скорби о томъ, что ученые труды недостаточно читаются, онъ охотно прибѣгалъ и къ другимъ средствамъ пропаганды экономическихъ ученій. Съ особенною любовью занимался онъ передачею этихъ ученій молодымъ поколѣніямъ, профессорствуя въ теченіе десяти лѣтъ (1869—1879) въ томъ самомъ лицѣѣ, въ которомъ онъ и самъ впервые увидалъ свѣтъ науки. Но еще постоянно, долѣе и съ большимъ воодушевленіемъ, держалъ онъ въ рукахъ перо публициста, сотрудничая, почти во всѣ періоды своей жизни, въ разныхъ періодическихкихъ изданіяхъ самыхъ противоположныхъ направленій, отъ большихъ ежедневныхъ политическихъ вѣдомостей обѣихъ столицъ, до толстыхъ ежемѣсячныхъ журналовъ, съ иллюстраціями и безъ нихъ, издавая одно время даже и самъ газету Вѣкъ, не отличившюся впрочемъ долговѣчіемъ.

И нельзя не удивляться подвижности его мысли, легкости у него работы, разнообразію и обширности познаній, когда видишь на какихъ разнообразныхъ поприщахъ онъ успѣвалъ дѣйствовать, съ какою легкостью переходилъ онъ изъ залы совѣщаній высшихъ административныхъ учреждений къ кафедрѣ профессора, отъ кочеваній туриста по всѣмъ угламъ обширнаго нашего отечества къ сидячей жизни кабинетнаго труженика и къ лихорадочной работѣ задорнаго журналиста, поддерживая въ то же время самыя живыя связи съ обширнымъ кругомъ образованныхъ людей своего времени. Находя, что и письмо есть еще не довольно быстрое средство передачи мыслей, онъ особенно любилъ живыя бесѣды въ пріятельскихъ кружкахъ, передъ которыми, „давъ волю словъ теченію“, въ живыхъ импровизаціяхъ пропагандировалъ свои любимыя политико-экономическія убѣжденія.

Изображеніе такой разнохарактерной и разнородной дѣятельности, далеко заходящей за края академической рамки, конечно не укладывается въ скромные размѣры нашихъ отчетовъ. Для полной оцѣнки жизни и трудовъ Безобразова нуженъ былъ бы просторъ отдѣльной монографіи, и можно надѣяться, что изъ обширнаго круга его читателей и пріятелей найдется кто нибудь, кто соблазнится принять на себя исполненіе такой нелегкой задачи.

Истекающій годъ не обошелся безъ прискорбныхъ утратъ и изъ числа нашихъ высшихъ членовъ. Со списка почетныхъ членовъ исчезло громкое имя инженеръ-генералъ-лейтенанта Германа Егоровича Паукера, извѣстнаго своею ученостью по инженерному искусству

(† 29-го марта). Изъ нашихъ членовъ-корреспондентовъ скончались: Варенъ-Деларю, въ Лондонѣ, славный своими трудами по усовершенствованію небесной фотографіи; всемірно извѣстный химикъ Шеврель († 28-го марта, въ Парижѣ); тайный совѣтникъ Рудольфъ Эрнестовичъ Траутфеттеръ, въ Петербургѣ († 12-го января), одинъ изъ лучшихъ знатоковъ флоры Россіи; Амари, ученый римскій профессоръ и историкъ († 16-го іюля, въ Флоренціи); баронъ де-Витъ, членъ института въ Парижѣ, извѣстный своими заслугами въ области классической археологіи († 29-го іюля); наконецъ, ученые представители восточной словесности: тайный совѣтникъ Керопе Петровичъ Паткановъ († 2-го апрѣля, въ С.-Петербургѣ), Уильямъ Райтъ, въ Кембриджѣ, и Паве-де-Куртейль, членъ института въ Парижѣ († 14-го декабря).

Исполняя обязанность, возлагаемую на непремѣннаго секретаря уставомъ Академіи, имѣю честь представить съисходительному вниманію вашему, мм. гг., обзоръ ученыхъ трудовъ, бывшихъ въ теченіе года предметомъ чтеній въ засѣданіяхъ физико-математическаго и историко-филологическаго отдѣленій и затѣмъ напечатанныхъ или приготовляемыхъ къ печати въ нашихъ издаваніяхъ.

По математикѣ академикъ П. Л. Чебышевъ, въ опубликованной имъ запискѣ о приближенныхъ выраженіяхъ квадратнаго корня переменнаго черезъ простыя дроби, показалъ applicatію общей, данной имъ прежде, теоремы относительно приближенныхъ выраженій, къ случаю, который особенно часто представляется въ практикѣ.

Работу, читанную другимъ нашимъ математикомъ, академикомъ В. Г. Имшенецкимъ объ интегрированіи симметрическихъ дифференціальныхъ уравненій, къ небольшому числу изслѣдованныхъ доселѣ типичныхъ формъ системъ дифференціальныхъ уравненій, характеризующихъ ихъ особыми свойствами, присоединена еще одна новая форма, но лишняя интереса уже потому, что она, можетъ быть, представляетъ собою лишь первый видъ въ классѣ дифференціальныхъ уравненій болѣе сложной симметріи, каковы, наприимѣръ, дифференціальныя уравненія динамики.

А. А. Марковъ сообщилъ Академіи рѣшеніе одного вопроса, частный случай котораго встрѣтился профессору Д. И. Менделѣеву при изслѣдованіи имъ водныхъ растворовъ по удѣльному вѣсу. По методамъ, applicatіоннымъ къ рѣшенію этого вопроса, статья г. Маркова приимается къ трудамъ П. Л. Чебышева и покойнаго Е. И. Золотарова о функціяхъ наиболѣе и наименѣе отклоняющихся отъ

вуля. Кромѣ того онъ напечаталъ первую часть своихъ изслѣдованій объ исчисленіи конечныхъ разностей и сообщилъ, что ему удалось, при помощи двукратныхъ суммъ, преобразовать многіе, медленно сходящіеся ряды въ быстро сходящіеся. Свои изслѣдованія по этому предмету онъ надѣется опубликовать въ будущемъ году.

Изъ трудовъ постороннихъ ученыхъ, весьма цѣннымъ вкладомъ въ науку явились въ нашихъ изданіяхъ новыя изслѣдованія профессора Д. К. Бобылева о началѣ Гамильтона или Остроградскаго и о началѣ наименьшаго дѣйствія (главы III и IV), служащія продолженіемъ разсужденія о томъ же предметѣ, появившагося прежде въ Запискахъ Академіи, и представляющія рѣшеніе нѣкоторыхъ труднѣйшихъ вопросовъ механики.

По астрономіи предметомъ чтенія академика О. А. Баклунда были поправка рефракціи отъ температуры изъ наблюденій, произведенныхъ г. Виеке съ 1861 по 1864 г. Пулковскимъ меридіаннымъ кругомъ. Г. Баклундъ показалъ, что изъ этихъ наблюденій поправка, зависящая отъ температуры, конечно, можетъ быть выведена довольно точно; но для строгаго опредѣленія рефракціи трудность представляется въ томъ, что ее не легко отдѣлить отъ вліянія температуры на астрономическое гнутіе, а между тѣмъ дѣло идетъ о весьма малыхъ величинахъ. Къ рѣшенію этого вопроса могутъ быть приложены выводы прежнихъ изслѣдованій г. Баклунда. Но другаго рода трудностью, имѣющею вліяніе на точность результата, является разность рефракціи къ югу или къ сѣверу, измѣняющаяся со дня на день и необъяснимая показаніями метеорологическихъ инструментовъ.

По астрономіи же и геодезіи укажемъ кромѣ того на предложенную генераломъ А. Р. Бонсдорфомъ формулу для вычисленія дугъ параллели земнаго ялпсойда, и на предварительные выводы, сдѣланные адъютантъ-астрономомъ Пулковской обсерваторіи Г. О. Струве изъ наблюденій надъ двумя спутниками Сатурна.

По физикѣ, ученый лаборантъ нашего физическаго кабинета О. Д. Хвольсонъ, сообщившій прежде въ Вюллетенѣ результаты произведенныхъ имъ опытныхъ изслѣдованій о внутреннемъ свѣторасплъненіи въ молочныхъ стеклахъ, дополнилъ теперь эту работу опытомъ математической теоріи такого свѣторасплъненія, и если, можетъ быть, онъ не успѣлъ при этомъ побѣдить всѣхъ трудностей, какія представляла самая сложность задачи, то во всякомъ случаѣ его попытка можетъ дать поводъ къ дальнѣйшимъ полезнымъ работамъ по тому же предмету.

Исслѣдованія земного магнетизма и законовъ атмосферныхъ явленій на всемъ пространствѣ Россіи составили предметъ цѣлаго ряда трудовъ, читанныхъ въ нынѣшнемъ году въ нашихъ засѣданіяхъ. Предложенный академикомъ Г. И. Вильдомъ въ 1884 г. способъ къ тому, чтобы въ варіаціяхъ земного магнетизма отдѣлать періодическую ихъ часть, или такъ-называемый нормальный ходъ ихъ, отъ неперіодической части, или такъ-называемыхъ возмущеній, былъ признанъ помощникомъ директора Екатеринбургской обсерваторіи П. К. Мюллеромъ къ исслѣдованію измѣненій магнетизма въ Петербургѣ и Павловскѣ на основаніи наблюденій 1873—1885 годовъ. При помощи полученныхъ при этомъ результатовъ и изъ обработки прежде сдѣланныхъ въ С.-Петербургѣ наблюденій академикъ Вильдъ доказалъ, что выведенный по его способу нормальный суточный ходъ склоненія не только весьма просто даетъ и возмущенія его, но и доставляетъ объясненія бывшихъ доселѣ непонятными вѣсковыхъ измѣненій обыкновеннаго суточного хода склоненія. Точно также и въ возмущеніяхъ обнаруживается, какъ и въ нормальномъ ходѣ, простая суточная періодичность, при которой наибольшія и наименьшія величины лишь иначе располагаются и для обѣихъ эти періоды отъ одного года до другаго различаются только своими амплитудами, причемъ величина сихъ послѣднихъ соотвѣтствуетъ періодамъ, замѣченнымъ въ отношеніи солнечныхъ пятенъ. Изъ совмѣстнаго расположенія этихъ двухъ простыхъ періодовъ съ ихъ измѣняющимися въ теченіе года амплитудами, возникаютъ тѣ сложныя измѣненія формъ, которыя изъ года въ годъ наблюдались непосредственно въ суточномъ ходѣ склоненія. Послѣ этого сама собою бросается въ глаза вся важность представляемаго для теоріи земного магнетизма такимъ раскрытіемъ явленія, надъ разъясненіемъ котораго тщетно трудились доселѣ физики болѣе 40 лѣтъ.

Для того, чтобы въ изученіи измѣненій элементовъ земнаго магнетизма достигнуть еще большей точности, академикъ Вильдъ уже много лѣтъ трудился надъ усовершенствованіемъ инструментовъ, употребляемыхъ для этихъ наблюденій, и въ нынѣшнемъ году обнародовалъ въ нашихъ Мемуарахъ описаніе новаго устройства магнитныхъ варіаціонныхъ инструментовъ, которые по испытаніи ихъ въ Павловской обсерваторіи оказались наиболѣе соотвѣтствующими цѣли. Тутъ же присоединено и описаніе придуманнаго имъ же фотографическаго регистрирующаго аппарата для отмѣтки магнитныхъ измѣненій, представляющаго, въ отношеніи конструкціи и удобства упо-

требленія, очевидныя преимущества предъ извѣстными англійскими аппаратами этого рода. Въ этомъ мемуарѣ изложена, кромѣ того, полная теорія относительно опредѣленія постоянныхъ величинъ и употребленія магнитныхъ варіаціонныхъ аппаратовъ, открывающая новыя точки зрѣнія для оцѣнки точности получаемыхъ этимъ аппаратомъ данныхъ.

Рядомъ съ усовершенствованіемъ теорій шла и обработка наблюдений, для точнѣйшаго познанія распредѣленія земнаго магнетизма въ разныхъ частяхъ Россіи: директоръ Екатеринбургской обсерваторіи Г. О. Абельсъ представилъ выводы изъ точныхъ наблюдений, произведенныхъ имъ въ 1887 году надъ наклоненіемъ въ трехъ пунктахъ сѣверо-западной Сибири—Сургутъ, Обдорскій и Кондинскій; помощникъ директора той же обсерваторіи П. К. Мюллеръ напечаталъ старательно обработанный имъ сводъ наблюдений той обсерваторіи надъ магнитнымъ наклоненіемъ за 49 лѣтъ, съ 1837 по 1885 годъ, а помощникъ директора Тифлисской обсерваторіи Р. Э. Ассафрей своими наблюденіями въ Эриванской губерніи дополнилъ наши свѣдѣнія о земномъ магнетизмѣ въ Кавказскомъ краѣ. Наконецъ директоръ Иркутской обсерваторіи Э. В. Шталлингъ сдѣлалъ въ 1888 году, во время поѣздки своей для осмотра метеорологическихъ станцій по берегамъ Лены отъ Иркутска до Якутска, весьма точныя наблюденія всѣхъ трехъ элементовъ земнаго магнетизма въ 5 пунктахъ—Якутскѣ, Олекминскѣ, Вигимскѣ, Благовѣщенскомъ приискѣ и Баницковѣ, и въ сравненіи результатовъ ихъ съ наблюденіями въ тѣхъ же странахъ Ганстеена, Дуэ и Эрмана, относящимися къ 1829 году, и съ произведенными Ферд. Миллеромъ и др. Фритше въ 1870 и слѣдующихъ годахъ, сообщилъ намъ любопытныя выводы о вѣковыхъ измѣненіяхъ элементовъ земнаго магнетизма въ восточной Сибири, дающіе возможность внести значительныя поправки въ магнитныя карты, составленныя генералъ-майоромъ А. А. Тилло и германскою морскою обсерваторіей (Deutsche Seewarte).

Работы по метеорологіи имѣли точно также цѣлью какъ улучшеніе самыхъ способовъ наблюденій, такъ и обогащеніе науки новыми фактами для разъясненія разныхъ сторонъ климатологіи Россіи. Академикъ Вильдъ, продолжая свои изысканія о средствахъ для опредѣленія истинной температуры воздуха, показалъ между прочимъ, что недавно предложенный для этого Асманомъ способъ не соотвѣтствуетъ цѣли, давая слишкомъ высокія температуры. Завѣдующій обсерваторіей въ Павловскѣ Э. Е. Лейстъ изслѣдовалъ вліяніе вре-

мени отсчета показаній максимальнаго и минимальнаго термометровъ на величину средней суточной, выведенной изъ крайнихъ температуръ, а г. Шенрокъ—сравненіемъ дѣйствительно нормальныхъ барометровъ нашей главной физической и Павловской обсерваторій съ называющимися нормальными барометрами большей части центральныхъ обсерваторій Европы, доказалъ, что эти послѣдніе не только представляютъ разности, доходящія до $\pm 0,3$ мм, но что для нѣкоторыхъ изъ нихъ поправки въ теченіе послѣднихъ 6 лѣтъ измѣнились до $0,2$ мм. Эти факты должны обратить вниманіе ученаго свѣта на необходимость какъ точнѣйшаго изслѣдованія причины подобныхъ измѣненій, такъ и устройства въ главныхъ европейскихъ обсерваторіяхъ столь же абсолютно нормальныхъ барометровъ, какими могутъ назваться только наши два.

Обработка разныхъ рядовъ метеорологическихъ наблюденій доставила собою содержаніе нѣсколькимъ статьямъ въ нашихъ изданіяхъ: академикъ А. В. Гадолинъ, приложеніемъ извѣстныхъ формулъ теоріи вѣроятностей къ наблюденіямъ падъ вѣтровъ, пытался дать математическое рѣшеніе для задачи объ измѣяемости вѣтра; г. Шенрокъ сдѣлалъ интересныя выводы изъ разсмотрѣнія нѣкоторыхъ замѣчательныхъ грозъ въ Россіи; г. Бергъ подробно изслѣдовалъ явленіе одной необыкновенной грозы, разразившейся въ декабрѣ 1887 года на значительномъ пространствѣ сѣверо-западной Россіи; г. Каминскій занялся вопросомъ о сравнимости наблюденій надъ осадками въ Россіи и изъ тщательнаго изученія трехлѣтнихъ данныхъ, доставленныхъ нашею сѣтью дождевѣрныхъ наблюденій, извелъ выводы полезныя для контролированія и обработки этого рода наблюденій; наконецъ г. Керсиовскій дополнилъ свои прежнія изысканія о путяхъ циклоновъ въ Россіи разборомъ ихъ за 1884—1886 года.

Въ нынѣшнемъ году главной физической обсерваторіи были дарованы правительствомъ необходимыя средства не только для окончательнаго устройства начатой первоначально на частныя средства системы штормовыхъ предостереженій для Чернаго и Азовскаго морей, но и для изданія ежедневнаго метеорологическаго бюллетеня съ синоптическими картами и метеорологическими данными, на основаніи телеграммъ, получаемыхъ обсерваторіею ежедневно утромъ изъ 139 станцій (85 русскихъ и 54 заграничныхъ) и вечеромъ изъ 53 станцій. Въ этомъ видѣ нашъ метеорологическій бюллетень, по составу своему, богаче всѣхъ подобныхъ изданій другихъ странъ Европы. Кромя штормовыхъ предостереженій для русскихъ портовъ на Бал-

тійскомъ и Черномъ моряхъ, бюллетень содержитъ предсказанія погоды для слѣдующаго дня, причѣмъ въ отличіе отъ западно-европейскихъ бюллетеней, эти предсказанія дѣлаются не неизмѣнно на каждый день, а лишь всякій разъ, когда по ходу погоды подобное предсказаніе можно сдѣлать съ большею вѣроятностію. А именно, такъ какъ метеорологія ни въ отношеніи наблюденій, ни въ отношеніи теорій, не достигла еще такого развитія, чтобы можно было во всякомъ случаѣ предугадать съ достаточною достовѣрностію погоду слѣдующаго дня, то означеннымъ ограниченіемъ главная физическая обсерваторія нѣмца въ виду избѣжать того дескредитированія науки, которое, вслѣдствіе несоблюденія сказанной предосторожности, проявилось въ нѣкоторыхъ государствахъ западной Европы. Но болѣе прочная и болѣе общепользная организація будетъ дава предсказаніямъ погоды лишь въ будущемъ году, по устраненіи нѣкоторыхъ формальныхъ затрудненій въ этомъ дѣлѣ. Можетъ быть, тогда откроется возможность увеличить практическую пользу такихъ предостереженій, распространеніемъ по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ предвареній объ ожидаемыхъ снѣжныхъ метеляхъ. Въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя особенное вниманіе читанное въ одномъ изъ послѣднихъ нашихъ засѣданій изслѣдованіе В. И. Срезневскаго о снѣжныхъ метеляхъ на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Метели и снѣжные заносы представляютъ для движенія по желѣзнымъ дорогамъ, особенно на югъ и юго-востокъ Россіи, такія затрудненія, что всякія мѣры, могущія способствовать въ скорѣйшему устраненію этихъ затрудненій, заслуживаютъ, конечно, ближайшаго изученія. Однимъ изъ такихъ средствъ, и притомъ не маловажнымъ, была бы возможность знать впередъ, какии частями дороги угрожаетъ наступленіе метели, дабы можно было заблаговременно направить туда рабочія руки для расчистки пути. Дѣйствительно, нѣкоторые изъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ завели, на своихъ линіяхъ, наблюденія вѣтра и даже барометра, въ надеждѣ найти въ нихъ указанія о приближеніи бурь и метелей. Но при нынѣшнемъ положеніи науки совершенно несбыточно, чтобы возможно было предугадывать предстоящія перемѣны погоды помощью такихъ неполныхъ и ограниченныхъ наблюденій. Для этого нужно имѣть по телеграфу извѣстія о состояніи погоды на огромномъ пространствѣ земнаго шара и знать законы, по которымъ происходятъ измѣненія погоды, а для предсказаній въ частности для линій желѣзныхъ дорогъ, нужно еще предварительно изслѣдовать связь между метелями и метеорологическими явленіями. Такому-то изслѣдованію и посвящена записка

В. И. Срезневскаго. Изъ разбора собранныхъ въ департаментѣ желѣзныхъ дорогъ свѣдѣній о снѣжныхъ метеляхъ за 10 лѣтъ и изъ сличенія ихъ съ синоптическими картами главной физической обсерваторіи, онъ опредѣлилъ, для разныхъ частей Европейской Россіи, силу и направленіе вѣтра, при которыхъ могутъ случаться опасныя для желѣзныхъ дорогъ метели и дѣйствительно случаются, если въ то же время идетъ снѣгъ, или имѣются вблизи дороги большія количества сыпучаго снѣга. Оказывается, что тѣ же сила и направленіе вѣтра, которыя опасны для судовъ въ портахъ, равно могутъ угрожать метелями и на желѣзныхъ дорогахъ. Помощью изобаръ своихъ синоптическихъ картъ главная физическая обсерваторія нинѣ въ состояніи съ большою вѣроятностію предсказать за день силу и направленіе вѣтра въ любомъ пунктѣ Европейской Россіи, то-есть, опредѣлить одно изъ условій образованія метелей. Олѣдовательно, для положительности предсказаній остается только знать въ то же время состояніе слоевъ снѣга вблизи линій желѣзныхъ путей. Такимъ образомъ, наука сдѣлала свое дѣло и отъ правленій этихъ дорогъ зависитъ подать ей руку помощи, для приложенія выработанныхъ наукою данныхъ къ уменьшенію вреда метелей для движенія по этимъ дорогамъ.

Въ отдѣлѣ трудовъ по химіи укажемъ на сообщенное академикомъ Н. Н. Бекетовымъ продолженіе его изслѣдованій объ энергій окисленія рубидія, на записку академика Ф. Ф. Вейльштейна и Гросета объ анализѣ сѣрнокислаго глинозема, и на изслѣдованія того же академика и О. Блезе о количественномъ опредѣленіи сурьмы и объ опредѣленіи натра въ присутствіи кали. Кромѣ того, въ изданіяхъ нашихъ нашли себѣ мѣсто произведенныя въ академической лабораторіи М. Рыбалкинымъ работы надъ дѣйствіемъ хлороводорода на серебро и на мѣдь и водорода—на полухлористую мѣдь, и записка г. Русанова о продуктахъ уплотненія альдегидовъ съ фенолами.

Труды по геологій и палеонтологій въ нынѣшнемъ году естественно группируются вокругъ матеріаловъ, собранныхъ Академическою экспедиціею на крайній сѣверъ Сибири и на Ново-Сибирскіе острова. Вышедшій въ печати трудъ барона Е. Толя составляетъ первую часть монографической обработки этихъ матеріаловъ. Здѣсь дано описаніе девонскихъ и силурійскихъ отложеній на о. Котельномъ, интересное по тѣмъ выводамъ, къ которымъ привело изученіе ихъ фауны. Встрѣченныя на западномъ берегу острова девонскіи отложенія относятся къ среднему отдѣлу девонской системы, имѣютъ часть ослунп, отд. 4.

связь съ верхними горизонтами средняго девона Урала и представляютъ большое фаунистическое сходство съ соответствующими отложениями въ Сѣверной Америкѣ. Такимъ образомъ получается интересный выводъ, что островъ Котельный составляетъ собою одинъ изъ этапныхъ пунктовъ на пути соединенія двухъ обширныхъ морскихъ бассейновъ Урала и Сѣверной Америки въ эпоху средне-девонской трансгрессіи. Не менѣе любопытны результаты изслѣдованія силура острова Котельнаго. Уже самый фактъ открытія отложений этого возраста на рѣкѣ Средвей, впадающей въ Драгоцѣвную, былъ вполнѣ неожиданностью, такъ какъ въ этой области предполагалось, на основаніи данныхъ Геденштрома и Анжу, находженіе осадковъ мезозойскаго возраста. Въ числѣ органическихъ остатковъ изъ силурійскихъ отложений барону Толю посчастливилось открыть фораминиферы, находженіе которыхъ въ отложенияхъ такого древняго возраста представляетъ до сихъ поръ весьма рѣдкое явленіе. Подробное разсмотрѣніе силурійскихъ отложений острова Котельнаго дастъ автору право отнести ихъ къ нижней части верхняго силура, указать на ихъ отношеніе къ описаннымъ уже академикомъ Э. Б. Шмидтомъ силурійскимъ осадкамъ Оленека и Вилуя, а также на общее распредѣленіе верхне-силурійскаго моря въ области теперешней Азии и связь его съ силурійскимъ бассейномъ сѣверо-западной Россіи.

Вторую часть нынѣ обработанныхъ матеріаловъ вашей Ново-Сибирской экспедиціи составляютъ коллекція третичныхъ растений, собранныя на островѣ, называемомъ Новою Сибирью, въ тамошнихъ „деревянныхъ горахъ“. Эти „горы“ давно извѣстны по разказамъ промышленниковъ и изъ донесеній Геденштрома и Анжу, были принимаемы доселѣ за береговые валы съ огромными накопленіями стариннаго наноснаго гѣса—„новшны“. Теперь оказывается, что эти такъ-называемыя „деревянные горы“ образуютъ обширную третичную профилю, состоящую изъ глинистыхъ и песчаныхъ пластовъ, съ прииѣсью буряго угля и множества обугленныхъ деревьевъ. Собранные тамъ листья и плоды третичныхъ растений обработаны извѣстнымъ знатокомъ ископаемыхъ растений, кіевскимъ профессоромъ И. Ф. Шмальгаузеномъ. Произведенными нынѣ старательными изслѣдованіями счастливо восполняется бывшій доселѣ пробѣлъ въ нашихъ познаніяхъ о циркуполярной третичной флорѣ и устанавливается тотъ чрезвычайно важный фактъ, что вокругъ сѣвернаго полюса въ третичный періодъ произрастала флора, похожая на флору нынѣшнихъ умеренныхъ климатовъ. Этотъ выводъ находитъ себѣ подкрѣп-

леніе и въ работѣ, произведенной И. Д. Черскимъ надъ собранными тою же экспедиціей костями ископаемыхъ млекопитающихъ и которая составитъ собою третью часть трудовъ экспедиціи.

Въ заключеніе работъ по палеонтологін укажемъ на двѣ записки д-ра Рогона, изъ которыхъ одна сообщаетъ нѣсколько новыхъ фактовъ объ изслѣдованныхъ имъ нижнесилурійскихъ рыбахъ нашего музея, а другая имѣетъ своимъ предметомъ девонскія рыбы съ верхняго Енисея и служитъ дополненіемъ прежнихъ работъ того же ученаго, явившихся въ нашихъ изданіяхъ. Наконецъ, чешскій ученый г. Загалка, избравъ наши записки для обнародованія своихъ палеонтологическихъ изслѣдованій, напечаталъ у насъ интересную статью о новой, найденной имъ, ископаемой морской губкѣ (*Solidinodus Poëtae*).

Къ области же геологін можно отнести сообщенныя нашимъ членомъ-корреспондентомъ, дерптскимъ профессоромъ К. Г. Шмидтомъ гидрологическія изслѣдованія Салибскихъ минеральныхъ источниковъ, находящихся у подножья Генальдонскаго ледника, на сѣверо-западномъ склонѣ Казбека.

По ботаникѣ, академикъ К. И. Максимовичъ, двумя приготовленными имъ выпусками „Научныхъ результатовъ путешествій Н. М. Пржевальскаго по Центральной Азій“, положилъ начало къ основательному познанію флоры Монголіи и восточнаго Тибета, придвигая насъ къ Индіи, Персіи и Туркестану и имѣетъ съ тѣмъ пополюя послѣдніе оставшіяся пробѣлы во флорѣ сѣверной и средней Азій, такъ что вся флора отъ Японіи до Малой Азіи становится теперь извѣстною изъ цѣлаго ряда трудовъ, изъ которыхъ значительна и даже большая часть принадлежитъ перу русскихъ ученыхъ.

Другою работою г. Максимовича, посвященною обработкѣ растеній, собранныхъ Н. Г. Потанинымъ, дополняются для сѣверной части имѣвшіяся доселѣ свѣдѣнія о западномъ, пограничномъ съ Тибетомъ, Китаѣ, котораго несмѣтными ботаническія сокровища открыли намъ настоящій эльдорадо и неочятый и неожиданный кладъ интереснѣйшихъ находокъ. Благодаря имъ, несовершенна извѣстная доселѣ флора Китая общается, своимъ богатствомъ и своеобразіемъ, съ дѣлается соперницею флоры Гималая и Индіи.

Академикъ А. С. Фаминицынъ представилъ выводы изъ сдѣланнаго имъ изслѣдованія двухъ случаевъ симбіоза, или сожительства, водорослей съ животными, а именно рѣсничной инфузоріи *Tintinnus inquilinus* съ морскою водорослью *Chaetoceras*, и водоросли

Zoosanthella съ различными *Radiolaria* и *Actinia*. Въ одномъ изъ этихъ случаевъ онъ съ удивленіемъ указываетъ на усмотрѣнные имъ признаки психической жизни въ простѣйшихъ представителяхъ живыхъ существъ, а въ другомъ имѣлъ возможность изслѣдовать, въ связи съ симбіозомъ, исторію развитія *Radiolaria* и способъ ихъ питанія.

Кромѣ того, готовится къ выходу въ свѣтъ обширная работа гг. Ивановскаго и Половцова о болѣзни табака, называемой рибухю: работа столь же интересная по своимъ, устанавливаемымъ ею фактамъ для фзіологіи растений, сколько полезная и для практическихъ изъ нея выводовъ для нашего табаководства.

Труды нашихъ зоологовъ преимущественно сосредоточивались на двухъ большихъ предпріятіяхъ Академіи: на обработкѣ коллекцій, вывезенныхъ Н. М. Пржевальскимъ изъ центральной Азіи, и на изданіи полной орнитографіи Россійской имперіи. Въ двухъ выпускахъ „Научныхъ результатовъ“ путешествій незабвеннаго Пржевальскаго, обработанныхъ и напечатанныхъ въ нынѣшнемъ году ученымъ хранителемъ зоологическаго музея Е. А. Бихверомъ, описано 26 видовъ грызуновъ, изъ которыхъ 10 оказались новыми; ученый хранитель музея Ф. Д. Плеске издалъ первый выпускъ орнитологической части этихъ „Результатовъ“, представивъ въ немъ обработку 46 пѣвчихъ птицъ изъ семейства дроздовыхъ (*Turdinae*); въ числѣ ихъ нашлась одна неизвѣстная до сихъ поръ разновидность, которой и названіе дано въ честь безвременно погибшаго путешественника. Наконецъ, хранитель того же музея С. М. Герценштейнъ, обработавшій въ прошломъ году, въ первомъ выпускѣ „Рыбъ“ Пржевальскаго, родъ Гольцовъ (*Nemastilus*), напечаталъ нынѣ второй выпускъ, почти весь посвященный описанію видовъ маривокъ (*Schizothorax*), именно 7 уже ранѣе извѣстныхъ и 7 новыхъ. Кромѣ экземпляровъ, доставленныхъ коллекціями Пржевальскаго, авторъ, для достиженія большей полноты, изслѣдовалъ въ своемъ трудѣ и весь нынѣшній въ нашемъ Музеѣ матеріалъ по названному роду.

„Русская орнитографія“, надъ составленіемъ которой неутомимо трудился Ф. Д. Плеске, подвигается впередъ съ замѣчательнымъ усѣхомъ; въ февралѣ нынѣшняго года готовъ былъ первый выпускъ этого сочиненія, содержащій описаніе 13 видовъ слявокъ (*Sylvia*), водящихся въ предѣлахъ Россіи; въ октябрѣ конченъ печатаніемъ 2-й выпускъ, посвященный описанію 17 видовъ русскихъ пѣночекъ (*Phylloscopus*), а въ засѣданіи Академіи 5-го декабря уже былъ пред-

ставленъ 3-й выпускъ, заключающій въ себѣ описаніе 15 видовъ принадлежащихъ къ двумъ родамъ *Parolais* и *Luscinola*. Въ общемъ, слѣдовательно, окончены монографіи 45 видовъ русскихъ птицъ, изъ числа которыхъ пѣночки и представители родовъ *Parolais* и *Luscinola* составляютъ труднѣйшія группы птицъ и поэтому подробная разработка ихъ, безъ сомнѣнія, будетъ весьма полезна для всѣхъ занимающихся орнитологіею, въ особенности въ предѣлахъ Россіи, гдѣ для правильнаго изученія этихъ птицъ не имѣлось доселѣ никакихъ пособій.

Изъ прочихъ трудовъ по зоологіи укажемъ на обширную монографію, представленную намъ ученымъ хранителемъ зоологическаго музея Варшавскаго университета В. К. Тачановскимъ, однимъ изъ старѣйшихъ и извѣстѣйшихъ нынѣшнихъ орнитологовъ, о птицахъ Восточной Сибири, плодъ основательнаго изученія принадлежащихъ тому музею богатѣйшихъ орнитологическихъ коллекцій, собранныхъ гг. Дыбовскимъ, Годлевскимъ, Янковскимъ и Калиновскимъ въ Забайкальи, въ Уссурийскомъ краѣ и въ Камчаткѣ. Здѣсь подробно описано болѣе 400 видовъ, съ изображеніемъ географическаго распространенія каждаго вида въ предѣлахъ Сибири. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ многолѣтній трудъ будетъ капитальнымъ вкладомъ въ нашу отечественную орнитологическую литературу и получитъ такую же громкую извѣстность, какою уже пользуется монографія того же ученаго о перуанскихъ птицахъ, удостоенная Академіей премии имени Врандта.

Литература по ихтиологіи получила полезное приращеніе въ статьѣ, напечатанной въ нашихъ Запискахъ Н. А. Варнаховскимъ о рыбахъ Нижегородской губерніи, причемъ всѣ матеріалы, на которыхъ основана эта прекрасная работа, переданы авторомъ въ нашъ музей.

Для полноты обзора трудовъ по зоологіи слѣдуетъ упомянуть объ описаніи двухъ новыхъ видовъ короѣдовъ изъ рода *Scolytus* и перечнѣ всѣхъ русскихъ видовъ этого рода, имѣющихся въ академическомъ музеѣ, Иа. Шовирева, и о сообщенной въ Юллетенѣ замѣткѣ Е. А. Вихера по вопросу о распространеніи обыкновенной бѣлки на Кавказѣ. Критическое разсмотрѣніе имѣющихся объ этомъ извѣстій приводитъ автора къ интересному заключенію, что всѣ литературныя указанія о нахожденіи этого грызуна на Кавказѣ лишены всякаго основанія, и что бѣлки вообще нѣтъ въ кавказскихъ лѣсахъ. Выѣстъ съ тѣмъ авторъ останавливается на извѣстномъ фактѣ отсутствіи бѣлки въ Крыму и на разборѣ гипотезъ, предложенныхъ для объясненія этого факта Палласомъ, Нордманомъ и Кеппеномъ,

при чемъ причиною отсутствія бѣлки въ Крыму оказывается единственно лишь отсутствіе ея на Кавказѣ.

По анатоміи и физиологіи въ нашихъ засѣданіяхъ былъ читанъ рядъ статей, интересныхъ по новостеи и важности сообщенныхъ въ нихъ результатовъ опытовъ. Таковы: двѣ записки г. Введенскаго—одна о періодичѣ сокращенія мышцы при раздраженіи прямою, другая объ измѣненіяхъ дыхательнаго ритма при раздраженіи блуждающаго нерва электрическими токами различной частоты; статья Н. Келлера о плавіи отягощенія и переотягощенія на высоту сокращенія мышцы; работа К. К. Севтъ-Илера о двоякомъ дѣйствіи высыхающаго нерва на мышцу; наблюденія г. Лавдовскаго надъ окончаніями нервовъ на основаніи способа ихъ прижизненной окраски; изслѣдованія Е. Головина о дѣйствіи свѣта и теплоты на рефлексы спинного мозга; и наконецъ, записка доктора А. Е. Теохтистова о ненормальномъ дѣйствіи въ некоторыхъ сортахъ кураре.

Перехожу къ занятіямъ историко-филологическаго отдѣленія и прежде всего къ трудамъ по русской исторіи.

Въ нашихъ прежнихъ отчетахъ было упоминаемо объ обширномъ предпріятіи, задуманномъ въ Академіи по мысли покойнаго академика Н. В. Калачова, и выполненіе котораго принялъ на себя, преемникъ его по завѣдыванію Московскимъ архивомъ министерства юстиціи, нашъ многозаслуженный членъ-корреспондентъ Н. А. Поповъ: я говорю о сборникѣ „Актовъ Московскаго государства“, предназначенномъ къ разъясненію, помощью архивныхъ документовъ, древняго управительственнаго строя Россіи въ до-Петровскую эпоху. По плану Калачова, должно было начать этотъ сборникъ докладами и приговорами, состоявшимися въ двухъ приказахъ, а именно разрядномъ, вѣдавшемъ всѣ распорядки по государственной службѣ, и въ помѣстномъ, верставшемъ служилыхъ людей помѣстьями. Г. Поповъ, отчасти руководствуясь планомъ Калачова, но распространивъ его и на такіе документы несомнѣнно историческаго значенія, которые могли бы представить весь объемъ, порядокъ и характеръ многосторонней дѣятельности названныхъ приказовъ, предлагалъ начать наданіе съ важнѣйшихъ документовъ разряднаго приказа, имѣвшаго до 1711 года вліяніе почти на всѣ отрасли государственнаго управленія, и укзывавалъ на два пріема при выполненіи такого заданія: или систематическое распредѣленіе документовъ по разнымъ видамъ управленія во всѣхъ столахъ разряда, или же печатаніе ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, начавъ съ дѣлъ московскаго стола. И въ

томъ и другомъ случаѣ изданіе должно было заключать въ себѣ документы по исторіи Русской церкви, военнаго управленія, законодательства, международныхъ сношеній, придворной жизни, внутренняго управленія и финансовъ, но имѣть въ виду преимущественно такія дѣла, по которымъ послѣдовало какое-либо рѣшеніе государя, боярской думы, самаго приказа или же подчиненныхъ ему воеводъ и областныхъ учрежденій. Систематическое распредѣленіе по этимъ рубрикамъ документовъ всего разряда, заключающихся въ Московскомъ архивѣ въ 7153 столбцахъ и въ 1016 книгахъ (1549—1707 гг.), потребовало бы продолжительныхъ подготовительныхъ работъ и, кромѣ того, встрѣтилось бы со многими трудностями, неразлучными со всякой работой систематизаціи; хронологическій-же порядокъ представлялъ значительное облегченіе, хотя въ столбцахъ Разряднаго Приказа далеко не всѣ дѣла и входящія въ нихъ бумаги расположены въ порядкѣ времени своего написанія, такъ что и въ этомъ случаѣ предварительное знакомство съ цѣлымъ составомъ каждаго столбца или даже нѣсколькихъ, являлось необходимымъ до выборки изъ нихъ документовъ. Академія Наукъ приплала порядокъ изданія хронологическій и признала за лучшее начать его съ дѣлъ московскаго стола разряднаго приказа, давъ всему изданію общее заглавіе: „Акты Московскаго государства“. Проявившись за осуществленіе этой задачи со свойственною ему преданностью наукъ и съ глубокимъ пониманіемъ отечественной исторіи, г. Поповъ, при усердномъ сотрудничествѣ своихъ сослуживцевъ по архиву, большею частью Калачовской школы, и учениковъ археологическаго института, повелъ дѣло столь успѣшно, что въ теченіе года приготовленъ къ выпуску въ свѣтъ первый томъ „Актовъ Московскаго государства“, содержащій въ себѣ цѣлый рядъ весьма важныхъ и любопытныхъ документовъ, извлеченныхъ изъ дѣлъ московскаго стола разряда, и относящихся къ періоду времени съ 1571 по 1684 годъ.

Другое столь же важное изданіе, начатое Академіей по мысли Калачова, „Доклады и протоколы сената временъ Петра Великаго“, служащее въ нѣкоторомъ смыслѣ какъ бы продолженіемъ „Актовъ Московскаго государства“, печатается безостановочно подъ редакціею нашего сочлена Н. Θ. Дубровина, который въ теченіе этого года трудился надъ 2-ю книгой IV-го тома, заключающей въ себѣ документы этого рода за 1714 годъ.

Рядомъ съ этимъ г. Дубровинъ занимался изданіемъ новыхъ документовъ, важныхъ для исторіи присоединенія Крыма къ Россіи и

издалъ этого сборника IV-й томъ, обнимающій собою время съ 1781 по 1782 годъ, когда татары въ Крыму и на Кубани, недовольные порядками и преобразованиями, затѣянными Шагнавъ-Гирей-Ханомъ, возстали противъ его власти. Это возмущеніе татаръ вызвало собою внимательство Россіи и повело къ подготовкѣ почвы для окончательнаго включенія Крыма и Кубани въ предѣлы имперіи. При энергическихъ дѣйствіяхъ князя Потемкина въ Крыму и посланника нашего Я. Булгакова въ Константинополѣ, совершилось въ слѣдующемъ году одно изъ самыхъ блестящихъ дѣлъ Екатерины Великой, мирное присоединеніе къ Россіи Тавриды и Ногаевъ, жившихъ на Кубани. Славная дѣятельность этихъ двухъ государственныхъ людей въ 1783 г. и переговоры наши съ Портою, добровольно согласившеюся на уступку намъ части своихъ владѣній, составятъ предметъ V-го и послѣдняго тома, матеріалы для котораго г. Дубровинъ уже собраны и въ будущемъ году будетъ приступлено къ ихъ изданію.

Наконецъ, продолжая уже давно производимыя имъ въ разныхъ архивахъ розысканія еще неизданныхъ документовъ для исторіи царствованія императора Александра I, г. Дубровинъ, изъ найденныхъ имъ въ архивѣ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи историческихъ бумагъ, издалъ особый сборникъ, въ которомъ отечественная война 1812 г. и внутренній бытъ Россіи съ 1807 по 1818 годъ освѣщаются многими новыми любопытными фактами.

Въ связи съ русскою исторіею находится еще одно новое, принимаемое Академіею изданіе. Въ 1885—1887 г. В. Э. Регель былъ командированъ министерствомъ народнаго просвѣщенія за границу для занятій по византійской исторіи. Во время путешествій, совершенныхъ имъ съ этою цѣлью по востоку, въ Турціи и Греціи и при занятіяхъ въ разныхъ бібліотекахъ въ Италіи, Испаніи, Франціи, Англии, Германіи и Австріи, онъ успѣлъ собрать большое число новыхъ неизданныхъ доселѣ матеріаловъ, разъясняющихъ разные вопросы византійской исторіи и въ особенности отношенія Византіи къ Россіи, Болгаріи и другимъ славянскимъ землямъ. Собраніе этихъ драгоценныхъ документовъ г. Регель предложилъ Академіи съ тѣмъ, чтобы она приняла на себя ихъ изданіе. Академія съ повѣреннымъ удовольствіемъ и готовностью приняла это предложеніе и съ началомъ будущаго года приступлено будетъ къ печатанію особаго сборника, подъ заглавіемъ „*Fontes rerum Byzantinorum*“. Подлинники,

на греческомъ языкѣ, будутъ сопровождаться примѣчаніями и объясненіями на латинскомъ. Для большаго удобства, каждый томъ будетъ состоять изъ 2 или 3 выпусковъ, по 10 и до 12 листовъ въ каждомъ. Имѣющимися уже и теперь въ готовѣ важными историческими документами обезпечено изданіе сборника по крайней мѣрѣ на 4 тома.

Предметомъ занятій эллинистовъ Академіи были въ нынѣшнемъ году Софоклъ и Плутархъ. Старѣйшая и лучшая изъ дошедшихъ до насъ рукописей Софокла, принадлежащая Лавренціанской бібліотекѣ во Флоренціи и писанная въ X или XI вѣкѣ, содержитъ въ себѣ множество примѣчаній, такъ-называемыхъ схолій, важныхъ не только для восстановленія правильнаго чтенія Софокла, но и тѣмъ, что въ нихъ сохранились для насъ отрывки утраченныхъ сочиненій поэтовъ и прозаиковъ древности. Хотя новѣйшій комментаторъ этихъ схолій П. Папагеоргіосъ, въ сдѣланномъ имъ въ 1888 году изданіи, во многомъ исправилъ чтеніе ихъ, однако и онъ не избѣжалъ нѣкоторыхъ ошибокъ и неувѣрительныхъ толкованій. Исправленію этихъ ошибокъ посвящена читанная академикомъ А. К. Наукомъ записка, въ которой, кромѣ исправленія текста схолій, показано, что многія схоліи основывались на иныхъ и лучшихъ чтеніяхъ, чѣмъ какія встрѣчаются въ нашихъ рукописяхъ и изданіяхъ Софокла.

Записка, читанная намъ адъюнктомъ П. В. Никитинымъ „Ad Plutarchi quae feruntur *Moralia*“, имѣетъ своимъ предметомъ отчасти объясненіе, а главнымъ образомъ исправленіе нѣсколькихъ мѣстъ текста одного изъ плодovitѣйшихъ и важнѣйшихъ греческихъ писателей временъ имперіи. Извѣстно, что для того обширнаго отдѣла сочиненій Плутарха, которому присвоено названіе *Moralia*, до сихъ не существуетъ сколько-нибудь удовлетворительнаго критическаго изданія. Новѣйшее изданіе, предпринятое Бернхарданисомъ и начавшее выходить въ 1888 году, дало поводъ г. Никитину сообщить о текстѣ Плутарха нѣсколько замѣчаній, подтвержденныхъ наблюденіями надъ слоуоупотребленіемъ писателя; онъ обсуждаетъ такимъ образомъ около 50 мѣстъ, большинство которыхъ принадлежатъ „*Moraliamъ*“, а нѣкоторыя и Плутарховымъ жизнеописаніямъ. Кромѣ того, академикъ А. К. Наука, напечатавъ въ нынѣшнемъ году въ Лейпцигѣ, у книгопродавца Тейбнера, второе изданіе своего сборника отрывковъ утраченныхъ произведеній греческихъ трагиковъ, трудится, вмѣстѣ съ П. В. Никитинымъ, надъ изданіемъ полнаго указателя словъ, встрѣчающихся въ этихъ отрывкахъ. Первый выпускъ такого

указателя, составленный изъ словъ на букву альфа, былъ уже представленъ Академіи и поступилъ въ печать.

Въ работахъ нашихъ ориенталистовъ продолжалось и въ нынѣшнемъ году прѣжнее оживленіе. Несторъ всѣхъ европейскихъ санскритистовъ, академикъ О. Н. Ветлингъ, не смотря на свой старческій возрастъ и слабѣющее зрѣніе, еще, можно сказать, съ юношескимъ жаромъ работаетъ надъ разъясненіемъ труднѣйшихъ памятниковъ ученой литературы древней Индіи. Едва окончилъ онъ свой многолѣтній, но истиннѣ монументальный трудъ по санскритской лексикографіи, какъ уже явился съ новымъ изданіемъ: текстомъ и переводомъ двухъ упанишадъ. Какъ „Гандогіонавишадъ“, такъ и „Брадараніяконанишадъ“ принадлежать къ числу древнѣйшихъ упанишадъ, то-есть, къ разряду тѣхъ философскихъ твореній, въ которыхъ представлена попытка возвести весь міръ явленій къ одному первичному началу. Обѣ упанишады были уже и прежде изданы, вторая даже очень хорошо, за исключеніемъ акцентовки, а первая такъ неудовлетворительно, что г. Ветлингъ былъ вынужденъ, для того, чтобы сдѣлать текстъ сколько-нибудь понятнымъ, прибѣгать къ разнымъ конъектурамъ. Переводы обѣихъ были доселѣ болѣе или менѣе недостаточны, такъ какъ при ихъ исполненіи слишкомъ много вѣса было придано толкованіямъ одного стариннаго комментатора, насильственно втиснувшаго въ нихъ свои собственные философскіе взгляды. Переводы, напечатанные теперь нашимъ санскритистомъ, суть строго филологическіе и поэтому, какъ нужно думать, вѣрнѣе передаютъ приемы мышленія древнихъ брамановъ.

Другой нашъ ориенталистъ, многозаслуженный синологъ В. П. Васильевъ, независимо отъ печатанія своего большаго сочиненія о буддизмѣ, сообщилъ въ нашихъ изданіяхъ еще одно продолженіе своихъ замѣтокъ по буддизму, содержащее въ себѣ буддійскій пересказъ о женской хитрости, и приготовилъ къ изданію сдѣланный имъ русскій переводъ тибетскаго сочиненія Миньяжуръ-Хутухты (Географія Тибета).

Академикъ В. В. Радловъ окончилъ печатаніемъ 3-й выпускъ своего „Опыта словаря тюркскихъ нарѣчій“, и представилъ, въ двухъ читанныхъ имъ запискахъ — о сельджукскихъ стихахъ въ Робобъ-наме и объ одномъ древне-тюркскомъ стихотвореніи — свои изслѣдованія о древне-тюркскихъ діалектахъ. Кроме того, онъ составилъ разборъ нѣсколькихъ любопытныхъ надписей надгробныхъ камней, найденныхъ въ 1886 г. внутри текін Шахъ-Алихаана въ Касимовѣ.

Изъ прочихъ трудовъ по изученію востока укажемъ на представ-

ленные намъ, собранные профессоромъ Московскаго университета В. О. Миллеромъ, матеріалы по языку горскихъ кавказскихъ евреевъ, состоящіе изъ текстовъ, словаря, опыта грамматики и этнографическаго очерка, и на двѣ статьи ученаго хранителя нашего Азіатскаго музея, О. Э. Лемма, о разобранныхъ имъ сагитскихъ отрывкахъ Библии.

Наконецъ, важнымъ вкладомъ въ нашу лингвистическую литературу будетъ печатаемое нынѣ Академіей второе изданіе эстскаго словаря покойнаго академика Ф. И. Видемана на основаніи имъ самимъ приготовленнаго богатаго матеріала для этого изданія, и замѣчательное изслѣдованіе учителя Минской гимназій Н. Андерсона о фонетикѣ остякскаго языка.

Не малую долю своей дѣятельности Академія должна удѣлять ежегодно на разсмотрѣніе большаго числа ученыхъ сочиненій, представляемыхъ ей для соисканія разнообразныхъ, учрежденныхъ при ней, премій разнаго рода. Число этихъ премій, изъ которыхъ однѣ раздаются ежегодно, другія черезъ болѣе или менѣе продолжительныя промежутки, а раздача иныхъ предстоитъ лишь въ будущемъ, постепенно возросло съ теченіемъ времени до того, что капиталъ, обезпечивающій ихъ существованіе, достигъ нынѣ почтеннаго итога почти въ полмилліона рублей.

На нынѣшній годъ приходился рядъ конкурсовъ на нѣкоторыя изъ раздаваемыхъ Академіей наградъ и премій. О присужденіи наградъ митрополита Макарія, графа Уварова и генералъ-отъ-инфантерій О. О. Шуберта Академіей были представлены отчеты въ особыхъ публичныхъ ея засѣданіяхъ.

Учрежденная сибирскимъ дворянствомъ премія имени императора Александра II въ 1,500 р. присуждена сенатору тайному совѣтнику Н. П. Семенову за сочиненіе, изданное имъ подъ заглавіемъ: Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Хроника дѣятельности комиссій по крестьянскому дѣлу. Томъ I. Первый періодъ занятій.

Изъ всѣхъ реформъ, сдѣлавшихъ имя Царя-Освободителя безсмертнымъ, отмена крѣпостной зависимости крестьянъ глубже другихъ охватила собою весь строй экономической жизни народа, а экономическіе интересы имѣютъ свойство всего живаго затрогивать сердце человѣческое, а слѣдовательно возбуждать страсти, порождать трудно примирима между собою противорѣчія во взглядахъ, и увлеченія въ ту или другую сторону при оцѣнкѣ людей и событій. Поэтому понятно, что для справедливой и безпристрастной исторіи освобожденія у насъ крестьянъ еще не настало время. Такая исторія еще

невозможна, и не только по близости къ намъ этого великаго событія, но и потому, что явившихся доселѣ документовъ еще слишкомъ недостаточно, чтобы по нимъ можно было составить себѣ ясное и полное понятіе о характерѣ и долѣ участія главныхъ двигателей реформы, о побужденіяхъ ими руководившихъ, о средствахъ употребленныхъ въ борьбѣ противоположныхъ взглядовъ, а главное о послѣдствіяхъ, какими реформа отразилась въ экономическомъ и общественномъ бытѣ нашего отечества. Чѣмъ недостаточнѣе имѣющееся въ наличности количество такихъ документовъ, тѣмъ обязательнѣе, тѣмъ священнѣе нравственный долгъ каждаго, кто можетъ принести свою лепту для собранія матеріаловъ, на основаніи которыхъ будетъ со временемъ написана достойная исторія одного изъ самыхъ славныхъ дѣлъ императора Александра II. Сочиненіе сенатора Н. П. Семенова не есть такая исторія, но это есть матеріалъ первостепенной важности для нея. Будучи назначенъ въ составъ редакціонныхъ комиссій по крестьянскому дѣлу, авторъ получилъ порученіе записывать, во время засѣданій ихъ, все, что въ нихъ говорилось. Веденный на этомъ основаніи дневникъ преній и составляетъ содержаніе книги, изданной подъ приведеннымъ выше заглавіемъ. Воспроизводя здѣсь, приблизительно дословно, всѣ разсужденія, происходившія въ комиссіяхъ, авторъ ставитъ читателя въ возможность быть самому, такъ сказать, свидѣтелемъ всѣхъ этихъ преній исторической важности. Въ книгѣ г. Семенова содержится неисчерпаемый запасъ показаній, драгоценныхъ какъ матеріалъ для изученія исторіи не только освобожденія крестьянъ, но и началъ, послужившихъ основаніемъ для административныхъ и юридическихъ преобразованій въ Россіи, вызванныхъ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса. Въ заслугу автору слѣдуетъ поставить и то, что онъ напечаталъ свой дневникъ именно теперь, когда живы еще многіе изъ участниковъ крестьянской реформы, имѣющіе поэтому возможность оцѣнить его, проверить или исправить тѣ неточности, которыя, помимо желанія автора, могли проскользнуть подъ его перомъ. Считаю для себя не только долгомъ, но и особеннымъ удовольствіемъ назначить сенатору Н. П. Семенову премію имени императора Александра II, Академія полагаетъ, что это награжденіе вполне соответствуетъ патріотической мысли симбирскаго дворянина, учредившаго премію, и можетъ только желать, чтобы это отличіе послужило для почтеннаго автора поводомъ, нравственнымъ побужденіемъ докончить великій, предпринятый имъ трудъ изданія дневника, котораго имъ напечатано только первый томъ.

Приходившееся на нынѣшній годъ соисканіе премій имени графа

Д. А. Толстаго было открыто для сочиненій по наукамъ, которыми занимается наше историко-филологическое отдѣленіе. На конкурсъ явилось лишь одно сочиненіе, именно: Историческій обзоръ правительственныхъ мѣропріятій къ развитію сельскаго хозяйства въ Россіи, отъ начала государства до настоящаго времени. Соч. г. Пономарева (С.-Пб. 1888).

При оцѣнкѣ этого труда Академія воспользовалась любезнымъ содѣйствіемъ доцента лѣснаго института, коллежскаго совѣтника П. А. Костычева, составившаго, по приглашенію Академіи, подробный разборъ его. Сочиненіе г. Пономарева есть только очень тщательно составленный, довольно полный хронологическій перечень правительственныхъ распоряженій на пользу сельскаго хозяйства въ Россіи, основанный преимущественно и почти даже исключительно на официальныхъ свѣдѣніяхъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Конечно, трудъ много бы выигралъ въ отношеніи поучительности его для насъ, еслибы не замыкался въ такія тѣсныя рамки, онъ, путемъ разбора достаточнаго числа фактовъ, разъяснилъ какими явленіями въ состояніи русскаго сельскаго хозяйства были вызваны тѣ или другія мѣры правительства, и какими онѣ отразились послѣдствіями. Но такая собственно исторія нашего сельскаго хозяйства, по весьма справедливому замѣчанію г. Костычева, пока еще и не можетъ быть написана въ настоящее время, по неизбѣжнѣ еще предварительныхъ специальныхъ изслѣдованій по отдѣльнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства въ отдѣльныя эпохи нашей исторіи. Поэтому не требуя отъ автора того, чего онъ и не могъ дать по нынѣшнему состоянію литературныхъ для него пособій, будемъ благодарны ему за то, что въ своемъ сочиненіи онъ далъ надежную, во всякомъ случаѣ, справочную книгу, составленіе которой стоило не малаго труда. Въ признаніе этой полезности труда г. Пономарева Академія признала справедливымъ назначить ему вторую золотую медаль имени графа Д. А. Толстаго, въ 250 рублей.

Наконецъ, Академія имѣла въ нынѣшнемъ году въ своемъ распоряженіи премію потомственнаго почетнаго гражданина А. М. Сибирякова для награды за историческія сочиненія о Сибири. Въ числѣ трудовъ, явившихся для ея соисканія, Академія не могла не остановить своего вниманія на трехъ недавно изданныхъ В. К. Андриевичемъ сочиненіяхъ, въ общемъ обънимающихъ собою почти всю исторію Сибири по 1819 годъ: а) Историческій очеркъ Сибири отъ начала ея покоренія до 1769 года; 5 частей. б) Сибирь въ XIX столѣтіи (періодъ отъ смерти Императрицы Екатерины II до 1819 г.).

2 части, и наконецъ в) Исторія Сибири, ч. I (Періодъ отъ древнѣйшихъ временъ до установленія главенства города Тобольска и основанія Иркутскаго острога. Объ исторіи Сибири писано не мало, начиная съ Миллера; надъ разработкою ея трудились многіе выдающіеся дѣятели, какъ Іоаннъ Фишеръ и другіе. Въ ближайшее къ намъ время явилось нѣсколько монографій и много статей въ періодическихъ журналахъ, но всѣ онѣ, касаясь отдѣльныхъ эпизодовъ, не представляли общаго очерка исторіи Сибири. Такой пробѣлъ пополнилъ г. Андріевичъ. Исслѣдованія его основаны преимущественно на печатныхъ источникахъ. Рукописнаго матеріала или указаній на архивные источники встрѣчается очень мало. Авторъ самъ сознаетъ этотъ недостатокъ своего сочиненія и объясняетъ его трудностью историческихъ работъ въ Сибири. Въ Сибири, говоритъ онъ,—почти нѣтъ матеріаловъ для исторіи страны: въ 1879 году горѣлъ Иркутскъ, а въ 1881 году—Красноярскъ; этими пожарами истреблена масса матеріаловъ для изученія прошлаго. Въ архивѣ главнаго управленія Восточной Сибири сохранялись дѣла только съ 1841 года, а секретныя съ 1821 года; остальные сгорѣли. Независимо отъ пожаровъ, многія городскія управы продавали свои дѣла на вѣсь бумаги, безъ всякой предварительной ихъ разборки. Все это, конечно, служитъ причиною, что писать исторію Сибири на мѣстѣ не возможно; она можетъ быть написана только при помощи столичныхъ центральныхъ архивовъ и библиотекъ. Одинъ сенатскій архивъ, которымъ могъ пользоваться авторъ, во время кратковременнаго пребыванія въ Петербургѣ, далъ ему много цѣнныхъ матеріаловъ и дѣйствительно томы III и IV его историческаго очерка Сибири являются болѣе полными и лучше обработанными. Ближайшее знакомство со всѣми тремя изслѣдованіями г. Андріевича привело къ заключенію, что авторъ трудился много и сдѣлалъ все, что можно было при той невыгодной обстановкѣ, въ которую былъ поставленъ мѣстомъ своего жительства; изслѣдованія его, хотя и не носятъ много новаго въ исторію Сибири, представляютъ однакоже первую попытку свести въ одно цѣлое всѣ касающіяся Сибири распоряженія правительства до 1819 года. Въ виду пользы, какую названнаго сочиненія могутъ оказать всѣмъ занимающимся сибирскою исторіей, Академія присудила г. Андріевичу Сибиряковскую премію, въ 1500 рублей, въ вознагражденіе его за понесенный трудъ и для поощренія его на дальнѣйшія, болѣе солидныя изслѣдованія о Сибири.

II.

Отчетъ по отдѣленію русскаго языка и словесности за 1889 годъ ¹⁾.

Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ, предназначенное для изслѣдованій въ области славяно-русской филологіи, продолжало въ 1889 году свою дѣятельность въ томъ же направленіи, какое было намѣчено его трудами прежнихъ лѣтъ. Согласно Высочайше утвержденному Положенію объ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, въ кругъ его занятій входятъ грамматическія и словарныя работы. Въ виду того Отдѣленіе, за нѣсколько лѣтъ предъ сямъ, занималось установленіемъ правилъ русскаго правописанія, а затѣмъ обратило свои труды на рядъ работъ лексическихъ.

Въ двухъ послѣднихъ отчетахъ по Отдѣленію уже было упомянуто о предпринятомъ имъ новомъ изданіи такъ-называемаго академическаго словаря. Прешній академическій словарь—послѣднее изданіе его вышло въ 1847 году—обнималъ собою русскій языкъ, древній и новый, вмѣстѣ съ церковно-славянскимъ. Нынѣ предпринятое изданіе словаря имѣетъ предметомъ собственно общепотребительный въ Россіи литературный языкъ въ томъ видѣ, какъ онъ образовался со времени Ломоносова; изъ церковно-славянскаго же и древне-русскаго, а также изъ областныхъ говоровъ, новый словарь сохранитъ только тѣ слова, которыя либо слились съ общепотребительною рѣчью въ религіи, исторіи и литературѣ, либо представляютъ особенный интересъ по связи съ современнымъ литературнымъ языкомъ. Тѣмъ не менѣе, надобно ожидать, что новый словарь будетъ почти вдвое объемистѣе, чѣмъ прешній.

Послѣ приготовительныхъ работъ, на которыя потребовалось болѣе двухъ лѣтъ, въ 1889 году оказалось возможнымъ приступить къ печатанію I-го выпуска новаго академическаго словаря. Какъ приготовительными къ нему работами, такъ и редакціей этого новаго изданія, завѣдывалъ ординарный академикъ Я. К. Гротъ, посвящавшій этимъ занятіямъ все время, оставшееся у него свободнымъ за исполненіемъ обязанностей предсѣдательствующаго во Второмъ Отдѣленіи,

¹⁾ Составленъ издѣльникомъ Л. Н. Майковимъ и читанъ имъ въ торжественномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1889 года.

а в послѣдствіи и возложенной на него должности вице-президента Академіи. Прежде всего Я. К. Гротъ въ одномъ изъ засѣданій Общаго Собранія заявилъ, что Отдѣленіе русскаго языка и словесности, намѣреваясь приступить къ печатанію I-го выпуска словаря, проситъ академикомъ двухъ другихъ отдѣленій не отказать въ своей помощи при его окончательной редакціи. Члены Общаго Собранія отнеслись къ этой просьбѣ съ полнымъ сочувствіемъ и выразили готовность просматривать корректурные листы словаря для доставленія замѣчаній по каждой спеціальности. Вслѣдъ затѣмъ начато было печатаніе словъ на букву А. Понятно, что подобный трудъ, при участіи многихъ лицъ, не можетъ подвигаться быстро и особенно въ началѣ долженъ идти медленно, пока не опредѣлятся съ полною точностью всѣ мелочныя подробности, которыя необходимо разъ навсегда установить для всего обширнаго изданія. Кромѣ членомъ Академіи, къ участію въ просмотрѣ корректурныхъ листовъ словаря приглашены нѣкоторые посторонніе ученые, имена которыхъ будутъ въ свое время опубликованы. Само собою разумѣется, что предварительно каждый листъ подвергается внимательному разсмотрѣнію въ самомъ Отдѣленіи. При разсылкѣ первыхъ корректурныхъ листовъ, къ нимъ приложена была объяснительная записка о правилахъ, принятыхъ въ основаніе при редакціи новаго изданія словаря. Такимъ образомъ, въ теченіе весеннихъ и лѣтнихъ мѣсяцевъ производился наборъ текста на букву А, составившаго около двухъ листовъ весьма убористой печати. Съ осени начался наборъ и разылка словъ на букву Б. Между тѣмъ обработка дальнѣйшихъ буквъ вчернѣ, равно какъ и выписка примѣровъ изъ писателей, продолжаютъ постоянно.

Одновременно съ подготовленіемъ новаго изданія словаря общепотребительной русской рѣчи, Отдѣленіе признало полезнымъ привести въ порядокъ находящіяся въ его распоряженіи лексическіе матеріалы по мѣстнымъ народнымъ великорусскимъ говорамъ. Въ составъ этого свода войдутъ слова, находящіяся въ „Опытѣ областного великорусскаго словаря“, который былъ изданъ Отдѣленіемъ въ 1852 году, въ „Дополненіи“ къ нему, изданномъ въ 1858 году, въ „Словарѣ архангельскаго нарѣчія“, напечатанномъ въ 1885 году, и въ другихъ болѣе мелкихъ сборникахъ. Кромѣ того, сводъ этотъ долженъ быть пополненъ изъ матеріаловъ рукописныхъ, а также и изъ печатныхъ трудовъ разныхъ собирателей. Одинъ изъ этихъ почтенныхъ мѣстныхъ дѣятелей, Н. А. Иванцкій, доставилъ въ Отдѣленіе рукопись тщательно обработаннаго имъ словаря вологодскаго

мѣстнаго говора. Собираніе матеріаловъ для областного словаря и приведеніе ихъ въ порядокъ поручено г. Симони.

Покойнымъ академикомъ И. И. Срезневскимъ въ теченіе многихъ лѣтъ были собираемы матеріалы для словаря древне-русскаго языка. Нынѣ онъ готовится къ печати дочерью покойнаго О. И. Срезневскою и печатается подъ редакціей ординарнаго академика А. Θ. Вычкова. Въ настоящее время приводится къ концу печатаніе 1-го выпуска этого словаря; выпускъ этотъ составитъ около 25 печатныхъ листовъ и будетъ заключать въ себѣ слова на а б и в.

Кромѣ того, академикъ А. Θ. Вычковъ окончилъ печатаніемъ изданный подъ его редакціей II-й томъ „Писемъ и бумагъ Петра Великаго“. Этотъ обширный томъ обнимаетъ собою всего лишь два года царствованія Преобразователя Россіи, 1702 и 1703 годы. Изъ документовъ, вошедшихъ въ настоящій томъ, многіе являются въ свѣтъ впервые; особенно интересны и поучительны свѣдѣнія о переговорахъ по заключенію Россіей союза съ Польскимъ королемъ, Польшею и Литвою противъ Карла XII и объ отношеніяхъ западно-европейскихъ государствъ къ Россіи.

Ординарный академикъ М. И. Сухомлиновъ въ теченіе 1889 года окончилъ печатаніемъ VI-й томъ выходящихъ подъ его редакціей „Матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ“. Въ этомъ томѣ помещенъ очеркъ исторіи Академіи, составленный въ прошломъ вѣкѣ академикомъ Миллеромъ и оставшійся доселѣ не изданнымъ. Трудъ Миллера имѣетъ большое значеніе для исторіи академической дѣятельности и академической жизни и справедливо почитается превосходнѣйшимъ пособіемъ, отчасти даже источникомъ для исторіи Академіи. Неустомимый собиратель историческихъ матеріаловъ, Миллеръ собиралъ произведенія, составлявшія библиографическую рѣдкость; снималъ копии съ официальныхъ актовъ, записывалъ слышанное отъ современниковъ и очевидцевъ и т. д. Онъ самъ былъ живымъ свидѣтелемъ многихъ событій, совершавшихся въ Академіи или на его глазахъ, или даже при его непосредственномъ участіи. Пріѣхавши въ Россію при самомъ учрежденіи Академіи Наукъ, въ 1725 году, Миллеръ сжился съ нею, принималъ къ сердцу ея судьбы, и составленный имъ очеркъ навсегда сохранитъ свое несомнѣнное значеніе. Въ трудѣ Миллера сообщается много любопытныхъ и важныхъ извѣстій для исторіи Академіи Наукъ, а сверхъ того, въ немъ разсѣяны черты, рисующія нашу умственную и общественную жизнь былаго времени. Нельзя однако не замѣтить, что, при всемъ бо-

часть ослхvi, отд. 4.

гатствѣ содержанія Миллерова очерка, нѣкоторыя изъ сообщаемыхъ имъ свѣдѣній объ Академіи требуютъ тщательной провѣрки по документамъ академическаго архива, и въ нихъ случаяхъ, именно вслѣдствіе этой провѣрки, освѣщеніе фактовъ у Миллера оказывается не вполне вѣрнымъ. Но эта самая невѣрность любопытна въ томъ отношеніи, что служитъ яркимъ признакомъ настроенія, сложившагося подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ. Кроме того, сдѣланный Миллеромъ очеркъ судебъ Академіи отличается жизненностью: составитель не ограничивается простымъ изложеніемъ свѣдѣній, очерченныхъ имъ изъ официальныхъ источниковъ—изъ архивовъ ученой конференціи и академической канцеляріи; онъ сопровождаетъ ихъ такими подробностями, что читатель невольно переносится въ далекое прошлое и видитъ передъ собою дѣйствующія лица въ тогдашней обстановкѣ, съ ихъ приемами и особенностями. Воспоминанія Миллера знакомятъ со многими лицами, съ которыми сталкивала его судьба въ теченіе его долгой жизни. Историкъ русской литературы обратитъ вниманіе на то, что Миллеръ сообщаетъ о Феофанѣ Прокоповичѣ, Кантемирѣ, Тредіаковскомъ и другихъ нашихъ писателяхъ и ученыхъ. По плану изданія „Матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ“, трудъ Миллера изданъ въ подлинникѣ, то-есть, на нѣмецкомъ языкѣ безъ перевода, такъ какъ въ „Матеріалахъ“ переводы помѣщаются только современные подлинникамъ, какъ памятки тогдашняго литературнаго языка.

Кромѣ наблюденія за печатаніемъ „Матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ“, М. И. Сухомлиновъ занимался подготовительными работами для возложеннаго на него Отдѣленіемъ изданія сочиненій Ломоносова; онъ подвергъ тщательному изученію первоначальнаго изданія произведеній великаго двигателя русскаго просвѣщенія, появившіяся какъ при жизни его, такъ и въ ближайшее время за его смертью. Результатомъ этой работы должно быть установленіе правильнаго текста стихотворныхъ произведеній Ломоносова, которыя войдутъ въ I-й томъ новаго изданія, подведеніе вариантовъ къ этому тексту и, наконецъ, опредѣленіе хронологической послѣдовательности, въ которой стихотворенія Ломоносова были написаны.

Труды ординарнаго академика А. Н. Веселовскаго за 1889 годъ относились къ области изученія народныхъ легендъ, преданій и повѣрій. Кромѣ отдѣльныхъ статей, помѣщенныхъ въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Archiv für Slavische Philologie и другихъ изданіяхъ, имъ напечатанъ въ Сборникѣ

Отдѣленіи обширный V-й выпускъ „Ровискавій въ области русскаго духовнаго стиха“. Выпускъ этотъ заключаетъ семь отдѣльныхъ исследованийъ подъ слѣдующими заглавіями: а) Дуалистическія повѣрья о мірозданіи; б) Безразличные и обоюдные въ житіи Василя Нового и народной всхатологии; в) Судьба-доля въ народныхъ представленіяхъ славянъ; г) Генварскія русалии и готскія игры въ Византіи; д) Валькирим-Вилы; е) Легенды объ Иродѣ и Иродіадѣ и ихъ народныя отраженія; ж) Амфилогъ-Егаласъ въ легендѣ о святомъ Гралѣ. Ставя себѣ задачею выслѣдить генезисъ различныхъ народныхъ сказаній, мифовъ и обрядовъ, академикъ Веселовскій привлекаетъ къ своему исследованію обширный сравнительный матеріалъ изъ литературы не только русской и вообще славянской, но и многихъ другихъ народовъ западныхъ и восточныхъ, и на этомъ широкомъ основаніи утверждаетъ свои соображенія и выводы, а въ то же время попутно касается нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ научной критики въ приложеніи къ произведеніямъ народнаго творчества. „Объясняя сходство мифовъ, сказокъ, эпическихъ сюжетовъ у разныхъ народовъ“, говоритъ академикъ Веселовскій въ заключеніе одной изъ статей въ своихъ вышепоименованныхъ „Ровискавіяхъ“, — „ислѣдователи расходятся обыкновенно по двумъ противоположнымъ направленіямъ: сходство объясняется либо изъ общихъ основъ, къ которымъ предположительно возводятся сходныя сказанія, либо гипотезой, что одно изъ нихъ заимствовало свое содержаніе изъ другаго. Въ сущности, ни одна изъ этихъ теорій въ отдѣльности не приложима, да оцѣ и мыслимы лишь совмѣстно, ибо заимствованіе предполагаетъ въ воспринимавшемъ не пустое мѣсто, а встрѣчныя теченія, сходное направленіе мысленія, аналогическіе образы фантазій. Теорія „заимствованія“ вызыпаетъ такимъ образомъ теорію „основъ“, и обратно; анализъ каждаго факта изъ области folkloge долженъ одинаково обращаться въ ту и другую сторону вопроса въ виду возможности, что взаимное передвиженіе мифа, сказки, пѣсни могло повторяться не однажды и всякій разъ при новыхъ условіяхъ какъ усвоющей среды, такъ и усваиваемаго матеріала“. Такова точка зрѣнія, на которой стоитъ академикъ Веселовскій въ своихъ собственныхъ исследованияхъ; постоянно стремясь сочетать оба вышеуказанные приѣма въ толкованіи народныхъ сказаній, онъ предлагаетъ выводы, отвѣчающіе строгимъ научнымъ требованіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ проливающимъ новый свѣтъ на многія еще темныя стороны славяно-русскаго эпоса и народнаго міросозерцанія.

Ординарный академикъ И. В. Ягичъ хотя и не имѣеть постоянного жительства въ Петербургѣ, тѣмъ не менѣе принималъ въ 1889 году участіе въ занятіяхъ Отдѣленія не только исполненіемъ возложенныхъ на него порученій, но и личнымъ присутствіемъ въ нашихъ засѣданіяхъ въ теченіе сентября мѣсяца. Пріѣздъ его; нынѣшнею осенью, въ Россію былъ вызванъ, кромѣ общихъ научныхъ работъ, продолженіемъ его изслѣдованій въ области исторіи церковно-славянскаго языка, грамматическую обработку котораго онъ намѣренъ освѣтитъ по не изданнымъ до сихъ поръ источникамъ, отъ начала славянской письменности до конца XVI вѣка. Первая часть его труда уже отпечатана; она обнимаетъ собою періодъ съ X по XV столѣтіе—грамматическія разсужденія южныхъ славянъ и отраженія ихъ въ русской литературѣ XVI вѣка. Теперь вниманіе собирателя и изслѣдователя сосредоточено на многочисленныхъ и болѣе или менѣе обширныхъ статьяхъ грамматическаго характера, попадающихся въ различныхъ русскихъ сборникахъ XV—XVII вѣковъ. Желаніе ознакомиться съ этими сборниками, взглянуть въ нихъ содержаніе и воспользоваться ими для своего критическаго изданія—вотъ что побудило нашего уважаемаго сочлена провести и въ отчетномъ году нѣкоторое время въ Петербургѣ и Москвѣ. Отпечатанные до сихъ поръ тексты старинныхъ грамматическихъ разсужденій, съ объясненіями къ нимъ, составляютъ пять первыхъ главъ труда, предпринятаго академикомъ Ягичемъ; теперь на очереди глава V-я, которая будетъ посвящена дѣятельности Максима Грека и его ближайшихъ современниковъ и сотрудниковъ. Въ слѣдующихъ главахъ долженъ быть представленъ, между прочимъ, переводъ Доната, трудъ толмача Дмитрія Герасимова (по рукописи, принадлежащей библиотекѣ Казанскаго университета, копія съ которой доставлена академику Ягичу профессоромъ М. П. Петровскимъ), потомъ, въ связи съ этимъ сочиненіемъ, извлеченное изъ него „простословіе“ Евдокима (по списку въ рукописи Чудова монастыря, уступленному нашему академику Обществомъ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ), и далѣе—рядъ еще другихъ грамматическихъ статей, взятыхъ изъ рукописей, хранящихся въ петербургскихъ и московскихъ общественныхъ и частныхъ библиотеккахъ.

Кромѣ этого главнаго труда, академикъ Ягичъ напечаталъ въ теченіе отчетнаго года „Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка“ и представилъ въ Академію написанный по ея порученію рабборъ сочиненія профессора А. А. Кочубинскаго: „Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія“.

Наконецъ, стараніями академика Ягича подвинуто впередъ изда- ніе нѣсколькихъ сочиненій средневѣковаго чешскаго писателя Хель- чицкаго, предпринятое нѣсколько лѣтъ тому назадъ по копіи, до- ставленной въ Отдѣленіе покойнымъ молодымъ славистомъ Ю. С. Аннен- ковымъ. Главный трудъ Хельчицкаго „Сѣтъ нѣры“ напечатанъ былъ еще подъ редакціей Анненкова. Въ его же бумагахъ была найдена копія и съ другаго сочиненія Хельчицкаго „Реплика противъ би- скуна“; но академикъ Ягичъ, которому Отдѣленіе поручило окончить начатое изданіе, по разсмотрѣніи этой копіи пришелъ въ убѣжденію, что нѣтъ возможности печатать названное сочиненіе, не свѣривъ имѣвшагося у Анненкова списка съ подлинникомъ, хранящимся въ городѣ Оломуцѣ, въ Моравіи. Поѣздка туда нашего сочлена уско- рила дѣло на столько, что теперь уже приступлено къ печатанію втораго сочиненія Хельчицкаго, и въ теченіе будущаго года Отдѣ- леніе надѣется выпустить въ свѣтъ цѣлый томъ произведеній этого писателя, какъ немаловажное обогащеніе средневѣковой чешской литературы.

Адъюнктъ Л. Н. Майковъ принималъ участіе въ занятіяхъ Отдѣ- ленія съ марта отчетнаго года. За это время имъ напечатано исслѣ- дованіе о первыхъ шагахъ И. А. Крылова на литературномъ поприщѣ, составленное на основаніи вновь найденныхъ документовъ, и пред- ставленъ для помѣщенія въ Сборникѣ Отдѣленія другой трудъ— „Весѣда о сватыняхъ и другихъ достопамятностяхъ Цареграда, па- мятникъ старинной русской письменности“, открытый имъ и снабжен- ный его объясненіями. Сверхъ того, адъюнктомъ Майковымъ, по по- рученію комиссіи Уваровскихъ премій, написанъ разборъ труда Н. В. Губерта: „Матеріалы для русской библіографіи“, и внесенъ въ Отдѣленіе планъ критическаго изданія сочиненій Пушкина, пред- принимаемаго Отдѣленіемъ по мысли Его Императорскаго Высочества, Августѣйшаго Президента Академіи. Планъ этотъ одобренъ Отдѣле- ніемъ, и къ приготовительнымъ работамъ по критическому изданію Пушкина уже приступлено.

II.

Въ отчетѣ по Отдѣленію русскаго языка и словесности за 1888 годъ академикъ Сукомяновъ имѣлъ возможность отмѣтить отрадное явле- ніе: въ томъ году Отдѣленіе не лишилось ни одного изъ своихъ чле- новъ. Не столь счастливъ былъ для насъ кончающійся нынѣ годъ:

въ теченіе его смерть отняла у Отдѣленія трехъ членовъ-корреспондентовъ—протоіерея С. К. Смирнова, юго-славянскаго ученаго Ив. Кукулевича-Сакцинскаго и англичанина, любителя и знатока русской литературы В. Рольстона. Наша обязанность — упомянуть ихъ здѣсь добрымъ словомъ.

Сергій Константиновичъ Смирновъ былъ коренной москвичъ; онъ родился 5-го сентября 1818 года, получилъ первоначальное образованіе въ Москвѣ въ духовномъ училищѣ и духовной семинаріи, а въ 1840 году поступилъ для высшаго богословскаго образованія въ Московскую духовную академію. Съ этихъ поръ онъ, можно сказать, сроднился съ нею и посвятилъ ей почти всю свою жизнь. Съ 1844 года онъ былъ наставникомъ въ академіи, а съ 1878 года, по принятіи священства, ея ректоромъ, и покинулъ ее только въ 1886 году, когда здоровье его пришло въ полное расстройство. Кончина его послѣдовала 16-го февраля истекающаго года.

Отецъ Смирновъ принадлежалъ къ той замѣчательной группѣ русскихъ ученыхъ, которые, воспитавшись подъ сѣнью обители св. Сергія, въ сѣбѣ старѣйшей школы въ московскихъ предѣлахъ, умѣли съ горячею преданностью православною вѣрѣ соединить основательность научной критики и строгость научнаго воззрѣнія. Во главѣ этой группы стояли незабвенные по своимъ дарованіямъ и трудамъ ректоръ академіи Филаретъ, впоследствии архіепископъ Черниговскій, и профессоръ А. В. Горскій. С. К. Смирновъ былъ однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ ихъ на поприщѣ академическаго преподаванія и въ разработкѣ исторіи Русской церкви и нашего духовнаго просвѣщенія. Учено-литературная дѣятельность почившаго отца протоіерея была разнообразна: не чуждо ему было и проповѣдное слово, и стихотворство; онъ занимался философіей и филологіей, особенно въ области новозавѣтнаго греческаго языка; но всего болѣе потрудился онъ на историческомъ поприщѣ. Не будемъ перечислять его обильные ученые труды; отмѣтимъ только три важнѣйшіе и наиболѣе извѣстные: „Исторію славяно-греко-латинской академіи“ (М. 1855), „Исторію Троицкой семинаріи“ (М. 1867) и „Исторію Московской духовной академіи до времени ея преобразованія 1814—1870“ (М. 1879). По богатству матеріала и по тщательности его обработкѣ эти сочиненія являются драгоценнымъ вкладомъ въ исторію нашего духовнаго просвѣщенія, и Академія Наукъ давно одѣлила ихъ достоинства, увѣчивая каждый изъ названныхъ трудовъ своими преміями. Отецъ Смирновъ покинулъ жизненное поприще въ преклонномъ

возрастѣ; добрая память объ этомъ трудолюбивомъ изыскателѣ отечественной старины и достойнѣйшемъ наставникѣ и чловѣкѣ надолго сохранится въ русскомъ обществѣ, особенно въ томъ учрежденіи, котораго онъ былъ усерднымъ лѣтописцемъ.

Въ иную среду переносить насъ личность другаго изъ скончавшихся нашихъ членовъ-корреспондентовъ. Кукулевичъ - Сакцинскій былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей національнаго возрожденія среди хорватовъ. Предоставимъ говорить о немъ его соплемяннику, академику И. В. Ягичу, который доставилъ Отдѣленію слѣдующее о немъ воспоминаніе:

Иванъ Кукулевичъ-Сакцинскій, скончавшійся 20-го іюля (н. ст.) въ Хорватіи, въ своемъ родовомъ имѣніи Пухаковцѣ, на 74-мъ году жизни, принадлежитъ къ самымъ виднымъ представителямъ эпохи возрожденія у южныхъ славянъ, которое для хорватовъ прослыло подъ именемъ „иллиризма“. Имя Кукулевича останется навсегда въ благодарной памяти у хорватовъ, какъ передоваго борца за ихъ политическія и національныя права противъ несправедливыхъ притязаній мадьяръ. Кончивъ юридическое образованіе въ Загребѣ (онъ родился въ Вараждинѣ въ 1816 г.), онъ поступилъ въ 1833 году, какъ дворянинъ, въ мадьярскую гвардію; прослуживъ сперва офицеромъ въ Вѣнѣ, онъ въ 1840 году былъ прикомандированъ къ одному мадьярско-словацкому полку въ Италію, но вскорѣ его увлекло пробудившееся тогда на его родинѣ національное движеніе: въ 1842 году онъ вышелъ въ отставку и вернулся въ Хорватію, гдѣ сразу примкнулъ къ кружку молодыхъ „иллировъ“, образовавшемуся около Гаа, и началъ живую рѣчь въ политическихъ собраніяхъ и бойкими статьями въ политическихъ и литературныхъ газетахъ отстаивать права родной страны противъ угрожавшаго ей мадьярскаго централизма. Кукулевичъ еще тогда выдавался между всѣми представителями новыхъ идей особенно даровитостью и замѣчательными историко-юридическими познаніями. Поэтому роковой 1848 годъ выдвинулъ его на первый планъ; его краснорѣчивымъ доводамъ обязанъ бессмертный для хорватовъ Елличичъ блестящимъ избраніемъ въ баны-полководцы; ему, вмѣстѣ съ Гаемъ и Враницаномъ, было поручено представить это единогласное избраніе, какъ желаніе всего народа, въ Вѣнѣ на утвержденіе. Предвиди опасность, угрожавшую Хорватіи, взявшейся съ младенческою задосчивостью за рѣшеніе вопросовъ не по силамъ, Кукулевичъ заблаговременно сталъ приискивать союзниковъ. Въ газетѣ Славянскій югъ онъ развивалъ мысль

о созывѣ всеславянскаго конгресса въ Прагѣ, между тѣмъ, какъ путешествія его въ Карловцы къ австрійскимъ сербамъ и въ Вѣнградъ къ Сербскому князю преслѣдовали разумную цѣль — на всякій случай обезпечить дружное и согласное дѣйствіе сербовъ и хорватовъ противъ общихъ враговъ.

„Не наше дѣло входить здѣсь въ оцѣнку событій 1848 года, въ которыхъ Кукулевичъ принималъ дѣятельное участіе въ качествѣ политическаго, чтобы не сказать — дипломатическаго дѣятеля. Въ этомъ отношеніи доля отвѣтственности за роковыя ошибки, сдѣланныя тогда южными славянами, падаетъ, конечно, и на него: дорого заплатились хорваты и сербы за свое увлеченіе. Никто не чувствовалъ общаго разочарованія горче самого Кукулевича. Но онъ не опустилъ рукъ, не предался тупому бездѣйствію. Онъ понялъ, что, при измѣнявшихся обстоятельствахъ, и хорватамъ надо было переимѣнить оружіе для борьбы. Кукулевичъ весь отдался наукѣ и въ 1850 году основалъ Общество южно-славянскои исторіи, душою котораго и остался до самаго прекращенія его дѣятельности. Испытавъ прежде свои силы какъ поэтъ и романсистъ (его драма „Юракъ и Софія“ имѣла въ свое время громадный успѣхъ; его стихотворенія съ политическимъ отбѣнкомъ „Славянка“ не потеряли значенія до сихъ поръ), онъ сдѣлался теперь историкомъ и археологомъ. Своими богатыми собраніями рукописей и древностей городъ Загребъ обязанъ преимущественно Кукулевичу. Множество его историко-генеалогическихъ монографій появилось на страницахъ „Архива“, органа Историческаго Общества, редакторомъ котораго онъ состоялъ до конца. Исторія искусства, въ особенности живописи, обязана Кукулевичу важнымъ, единственнымъ въ своемъ родѣ „Словаремъ южно-славянскихъ художниковъ“; для исторіи литературы имъ сдѣланъ первый починъ изданіемъ сочиненій древнѣйшихъ далматинско-дубровницкихъ авторовъ. Однимъ словомъ, съ 1850 года Кукулевичъ стоялъ во главѣ литературно-культурнаго движенія, имѣвшаго своимъ центромъ Загребъ. Въ его гостепріимномъ домѣ не только встрѣчались и видѣлись всѣ хорваты, замѣтившіе о себѣ чѣмъ-либо въ области литературы и науки, но и путешествовавшіе по Хорватіи иностранцы, въ особенности же славяне, въ томъ числѣ и русскіе, имѣли возможность въ домѣ Кукулевича изучать людей и исторію его родины. У многихъ изъ нихъ сохранилось несомнѣнно очень пріятное воспоминаніе о тѣхъ часахъ, которые они провели у Кукулевича и въ его обществѣ.

Послѣ 1860 года политическія событія снова оторвали Кукулевича на вѣсколько лѣтъ отъ научно-литературныхъ занятій. Но когда хорваты опять пали жертвою дуализма, новое административное устройство окончательно устранило Кукулевича отъ всякаго участія въ политической жизни. Съ тѣхъ поръ онъ служилъ только наукѣ и культурнымъ стремленіямъ своего народа.

Заслуги Кукулевича оцѣнены въ славянскомъ мѣрѣ избраніемъ его въ почетные члены многихъ ученыхъ и литературныхъ обществъ. Отзвучивая на всѣ успѣхи славянъ Россіи отличала также не разъ Кукулевича: онъ былъ не только членомъ-корреспондентомъ нашей Академіи Наукъ, но также почетнымъ членомъ нѣсколькихъ русскихъ университетовъ и ученыхъ обществъ^а.

Третій изъ нашихъ членовъ-корреспондентовъ, скончавшихся въ истекающемъ году, Вильямъ Рольстонъ (William Ralston Shedden Ralston) принадлежалъ къ числу тѣхъ лицъ на западѣ Европы, которыя, въ послѣднія десятилѣтія, прилагали дѣятельныя старанія къ тому, чтобы знакомить ее съ русскою умственною жизнью.

Вильямъ Рольстонъ родился въ 1828 году и получилъ образованіе въ Кейбриджскомъ университетѣ. Онъ предназначалъ себя сперва къ адвокатурѣ, но очень скоро уклонился отъ этой дѣятельности и поступилъ на службу въ Британскій музей. Здѣсь онъ состоялъ болѣе двадцати лѣтъ (1853—1875), дѣля время между библіотечными работами и литературными занятіями; кромѣ того, онъ дважды выступалъ лекторомъ на Илстерскихъ чтеніяхъ въ Оксфордѣ, и одинъ изъ этихъ курсовъ былъ посвященъ древней русской исторіи. Вообще русскимъ языкомъ и литературой онъ сталъ заниматься еще въ 60-хъ годахъ, и тогда же сталъ печатать въ англійскихъ журналахъ статьи по русской словесности. Въ 1869 году появились сдѣланный имъ переводъ романа Тургенева „Дворянское Гнѣздо“ и книга о Крыловѣ, съ приложеніемъ перевода избранныхъ басенъ. Позже были изданы еще три труда его о Россіи: „Songs of Russian People“ (1872), „Russian Folk-Tales“ (1873) и „Early Russian History“ (1874) и, кромѣ того, нѣсколько мелкихъ статей. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ онъ обнаружилъ довольно хорошее знакомство съ нашимъ языкомъ и неподдѣльное сочувствіе къ нашему отечеству. Онъ сдѣлалъ довольно продолжительное путешествіе по Россіи и такъ полюбилъ русскую жизнь, усвоилъ себѣ столько русскихъ обычаевъ, что въ Англии слылъ болѣе за русскаго, чѣмъ за англичанина. Въ 1879 году онъ писалъ одному изъ своихъ русскихъ друзей, между прочимъ, слѣдующія строки,

которыя могутъ дать понятіе о томъ, на сколько онъ освоился съ нашею рѣчью: „Надѣюсь, если рокъ дастъ мнѣ полное здоровье, пробыть немного времени, въ теченіе настоящаго года, въ Россіи, у одного изъ друзей Тургенева, который пригласилъ меня навѣстить его. Имѣніе его въ Курской губерніи. Если это намѣреніе не исполнится, такъ я сдѣлаю путешествіе, можетъ быть, въ Германію, и тамъ пробуду нѣсколько времени въ Висбаденѣ или въ какомъ-нибудь городѣ, гдѣ можно пайти и цѣлебныя воды, и русскихъ людей. Во всякомъ случаѣ, мнѣ очень хочется еще разъ стараться новымъ и крѣпкимъ усиліемъ схватить и сдержать этого, всегда передо мною убѣгающаго, русскаго языка“. Рольстонъ высоко цѣнилъ проявленія самобытности русскаго духа въ произведеніяхъ нашей словесности; поэтому-то онъ съ особеннымъ увлеченіемъ отдавался изученію произведеній русскаго народнаго творчества; правда, въ этой области онъ не стремился быть строго-научнымъ изслѣдователемъ: но, представляя переводы русскихъ былинъ, пѣсенъ и сказокъ, онъ знакомилъ съ ними западныхъ читателей, и въ этомъ трудѣ, требовавшемъ усердія и любви къ дѣлу, заключается его важнѣйшая заслуга въ сферѣ международныхъ литературныхъ связей. Наша Академія не могла не оцѣнить этой заслуги; избраніе его въ число нашихъ членовъ-корреспондентовъ онъ считалъ для себя великою честью. Смерть Рольстона, послѣдовавшая 6-ю августа (п. ст.), не можетъ не возбудить сожалѣнія какъ въ академической средѣ, такъ вообще среди образованныхъ русскихъ людей, въ кругу которыхъ этотъ полезный литературный дѣятель имѣлъ много друзей.

III.

Въ 1883 году была учреждена при Академіи Наукъ на сумму, пожертвованную вдовою профессора Котляревскаго, премія имени ея мужа за сочиненія по славянской филологіи и археологіи; право выдавать эту премію предоставлено Отдѣленію русскаго языка и словесности, и на сегодняшнее число падаетъ первое ея присужденіе. На соисканіе преміи Котляревскаго были представлены только труды одного чешскаго писателя, именно директора гимназіи въ Бриѣ Франца Бартоша, о моравскомъ нарѣчій и памятникахъ народнаго творчества въ Моравіи.

Изъ числа книгъ, присланныхъ г. Бартошемъ, наиболѣе замѣчательны слѣдующія: 1) изслѣдованіе о говорахъ моравскаго нарѣчія,

ч. I, изд. 1886 г., и два сборника моравскихъ народныхъ пѣсень, изд. 1882 и 1886 гг. По предложенію Отдѣленія, труды эти были рассмотрѣны членомъ-корреспондентомъ Академіи, профессоромъ Варшавскаго университета А. С. Будиловичемъ. Изъ обстоятельнаго отзыва, написаннаго ученымъ славистомъ, видно, что изслѣдованіе г. Бартоша о моравской діалектологіи хотя не вполне закончено, тѣмъ не менѣе составляетъ очень почетное пріобрѣтеніе науки. Въ изданной доселѣ I-й части г. Бартошъ разсматриваетъ четыре изъ моравскихъ говоровъ относительно ихъ строя и состава; рассмотрѣніе это сдѣлано очень подробно и обстоятельно и содержитъ въ себѣ большой запасъ фактическихъ данныхъ, до сихъ поръ не поступавшихъ въ научный оборотъ. Это обстоятельство, замѣчаетъ профессоръ Будиловичъ,—придаетъ труду г. Бартоша важное значеніе не только въ чехо-моравской, но и вообще въ славянской діалектологіи, которая можетъ указать лишь весьма небольшое число трудовъ подобнаго рода и достоинства. Критикъ находитъ однако нѣкоторые недостатки въ трудѣ г. Бартоша, но, признавая, что они относятся не къ самому матеріалу изслѣдованія, а только къ способамъ его объясненія, онъ полагаетъ, что эти промахи нисколько не подрываютъ значенія книги, какъ драгоценнаго сборника весьма надежныхъ и до известной степени уже переработанныхъ матеріалевъ для моравской діалектологіи и этнологіи. На составленные г. Бартошемъ сборники произведеній моравской народной словесности профессоръ Будиловичъ смотритъ какъ на дополненіе къ его главному труду, но также не отрицаетъ ихъ научной цѣнности, а затѣмъ, принимая во вниманіе всю совокупность работъ г. Бартоша, онъ признаетъ ихъ, согласно §§ 5, 6 и 7 правилъ о преміяхъ Котляревскаго, заслуживающими награжденія половинною преміей.

Соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, Отдѣленіе присудило назначить г. Францу Бартошу половинную премію въ размѣрѣ 500 рублей, а профессору А. С. Будиловичу, въ изъявленія своей признательности, положило выдать золотую медаль, установленную для рецензентовъ по преміямъ Котляревскаго.

cus*, quod ut languidum est nimis, ita primum apud Livium omnino-que invenitur rarissime. Igitur tale fere ab eo venisse puto: „fervido cum fulgure“ vel potius „fervidus cum fulgure“; cf. Lucr. V, 204; 1099. Nam fulguris potius quam fulgoris notionem requiri adsentior Ribbeckio.

III.

Schol. Bernens. in Verg. Georg. I, 502: Accius docet „Iuppiter Dardanum genuit. Dardanus Troum, Troum Assaracum et Ilium Ganymedemque; Capis ex Assaraco satus, qui statuit Pergamum; Laomedon Priamum et Anchisem edidit“.

Haec, quae paene eadem loguntur in scholiis Lurdunensibus a Suringario Hist. crit. scholiast. Latin. II, 347 editis, interpolata pariter et truncata, Hageni partim et Ribbeckii, partim nostra opera ita fere in versus cogenda existimo:

Iovi' Dardanum progenuit; Troem Dardanus,
Assaracum Tros et Ilium et Ganymedem creat;
Capis ex Assaraco est; rapuit Ganymedem Iovis;
Ilo Laomedon satu', qui statuit Pergamum;
Laomedon Priamum, Capis Anchisen edidit.

In quibus a Ribbeckio, apud quem locus citatus habet numerum III, hoc maxime dissentio, quod, antiquissimorum Romanorum secutus usum, pro Ganymede Catamitum, pro Laomedonte Alumentum reposuit. At ab Accio, quem primum „Hectōra“ dixisse constat pro „Hectōrem“ aliaque protulisse graecanice, quae priores Romani latine, cascās illas formas omnino arcendas existimo. Quare neque „Anchisen“ accusativum tribuere ei dubitavi neque admittere sustinui illa „Troum“, „Troum“, quippe quae scholiastae magis proprii temporis a barbarie quam Accii ab usu petita existimarem.

Ceterum stemmate apposito fit probabile ad Accium etiam referendos incerti auctoris versus a Quintiliano IX, 3, 57 et qui usus est hoc Diomede pg. 443 P. servatos:

ex Iove prognatus est, ut perhibent, Tantalus,
Pelops ex Tantalō ortus, ex Pelope est satus
Atrous, qui nostrum porro propagat genus.

In quibus „ex Iove prognatus“ („e Iove progn.“ Buechelerus) ita dictum, ut in sequentibus „Pelops ex Tantalō ortus, ex Pelope est satus“. „Iove propagatus“, quod e tertio versu irrepat, legitur fere in

libris Quintiliani, in Diomedis „Iove propugnatus“. — Porro in secundo versu per chiasmi figuram iuncta cum praecedentibus et sequentibus reposui illa:

Pelops ex Tantalò ortus, ex Pelope est satus.

Vbi Quintiliani libri „ex Tantalò ortus Pelops, ex Pelope autem satus“, omittunt „autem“ Diomedis. Nec enim ullo pacto adduci possum ut credam illud „Pelops“ a quoquam vetustissimorum tragicorum atinorum, nedum ab Accio omnium cultissimo, elatum per pyrrichium.

IV.

Fest. pg. 142 Accius: „cum virginali mundo (i. e. ornatu) clam patre“ (tum lacuna).—Cf. de his comm. in Non. 267, 19. — Omnino scribendum existimo „clam patrem“.

V.

Quod sub n. XLI dicit Ribbeckius in excerptis ex anonymo grammatico ap. Ang. Malum auctor. class. V, 151 referri ab Accio pariter atque Pacuvio Naevioque usurpari nominativum Iovis, Pompeius potius nominandus fuit auctor. Nam ex huius libro (gramm. lat. V, 187) haec transcripta, isque ab ipso citatus Ribbeckio in Pacuvii incertarum fabularum fragmentis s. n. LX.

At mihi excusandum, quod illud „Iovis“ in editione scenicarum Naevii carminum reliquiarum est praetermissum (sicut etiam a Ribbeckio). Nam haud dubie ex tragoeditis illud pettum. Item dolendum quod versiculus ibi omissus hic (cf. Macrob. Saturn. VI, 5, 8):

cum tuis sagittis arquiteuens pollens dea.

Ceterum „Iovis“ nominativus ex Accii Epinausimache adfertur a Prisciano pg. 696

VI.

Subtrahendum fragmentis Accii septenarium trochaicum a Cic. Tuscul. I, 44, 106 servatum (XIII ed. Ribb.):

Immo enim vero corpus Priamo reddidi, Hectorem abstuli
tam supra, sub n. XXVI, est monitum. — Neque magis sunt huius, quae citantur apud Varronem de l. lat. VI, 80 (XXXV ed. Ribb.); ubi legendum: „et anticum illud:

ollim violavit (sc. aspectu), quum vidit invidendum“

ed. Lucilii pg. 320 est adnotatum. Ibi „invidere“ positum est pro „non videre“; „invidendum“ pro eo quod nulla vi oculorum debet atrectari. Cf. quae praecedunt apud Varronem. Agitur de mysteriis. Tragici nescio culus puto esse verba.

Haec fuere quae de Accio nunc quidem mihi viderentur dicenda, non quidem ut omnia persequerer, de quibus disputandi materiam post priorum criticorum commenta putarem relictam, sed ut potissima. Quodsi his adiunxeris, quae in libello de Pacuvii fabulis priore anno, item superioribus in editionibus Livii Naeviique et Ennii fabularum sunt proposita, haud inutile supplementum libri, quo argumenta poetarum tragicorum, apud Romanos qui fuere Augusto priores, rimatus est Ribbeckius, poterit videri. Nec tamen ignoro in nostris quoque disputationibus inveniri haud pauca parum certa, ac satis multa in carminibus antiquissimorum tragicorum latinorum partim propter exiguitatem reliquiarum, ut corruptelas frequentissimas ac saepe gravissimas omittam, partim propter exemplarium graecorum defectum etiam nunc manere obscura et quae an numquam possint expediri tunc dubites. Sed ubi veri extricandi facultas nulla, ea maxime sectanda, quae similia veri ac magis probabilia videantur ceteris.

Dab. Petropoli.

L. Mueller.

КЪ ИСТОРИИ ГОРОДА ОЛЬВИИ.

Въ „Исслѣдованіяхъ объ исторіи и государственномъ строѣ города Ольвии“, помѣщенныхъ на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія три года тому назадъ (1887, январь—апрѣль, отдѣлъ класс. филологіи) и затѣмъ вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ, мною былъ подвергнутъ (на стр. 66 сл.), между прочимъ, всестороннему разбору знаменитый декретъ ольвионитовъ въ честь гражданина Протогена, сына Просонтова, яркими красками рисующій намъ политическій и экономическій упадокъ Ольвии и ея безпомощность предъ грозившимъ нашествіемъ галатовъ. Вопросъ о томъ, какіе это были галаты, занималъ многихъ ученыхъ, начиная отъ Мальтъ Брена и Гауль Рошетта и кончая Диттенбергеромъ, и рѣшался ими различно. Разсмотрѣвъ взгляды, „существующіе въ наукѣ по этому вопросу, я присоединился къ мнѣнію Шмидта, что въ документѣ упоминаются галаты Комонторія, основавшаго во Фракіи могущественное царство, существовавшее отъ 280 до 213 г. до Р. Хр., и что, стало быть, документъ относится къ III в. до Р. Хр. При этомъ я (на стр. 83 сл.) обратилъ вниманіе на рядъ ольвійскихъ эпиграфическихъ памятниковъ, по большей части впервые изданныхъ мною въ I томѣ *Inscr. graec. sept. Pont. Euxini* и стоящихъ въ болѣе или менѣе близкой хронологической связи съ документомъ, касающимся Протогена. Указавъ на эту связь и на тѣ основанія, по которымъ можно было отнести эти документы къ III в. до Р. Х., я тѣмъ не менѣе долженъ былъ оговориться, что „къ сожалѣнію, ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ такихъ данныхъ, которыя бы прямо и ясно указывали на время его происхожденія“. Въ настоящее время я съ особеннымъ удовольствіемъ могу указать на одинъ, такъ-сказать, хронологическій гвоздикъ, къ которому можно прицѣпить одинъ изъ этихъ ольвійскихъ документовъ,

4. ΕΔΟΞΕΝΤΙΒΟΥΛΕΙΚΑΙΤΑΙΔΗΜΟΛΙΑΝΤΙΓΟΝΟΣ
 ΧΑΡΙΣΤΙΟΥΕΙΡΕΝΕΡΕΙΔΗΤΡΟΣΙΔΕΟΞΔΙΟΝΥΣΙ
 ΟΥΟΛΒΙΟΥΟΛΙΥΗΣΑΝΗΡΑΓΑΘΟΣΩΝΔΙΑΤΕΛΕΣ
 ΤΕΡΙΤΕΤΟΙΕΡΟΝΚΑΙΤΟΝΔΗΜΟΝΤΟΝΔΗΛΙ
 5. ΩΝΚΑΙΧΡΕΙΑΣΤΑΡΕΧΕΤΑΙΚΑΚΟΙΝΕΙΤΙ
 ΠΟΛΕΙΚΑΙΙΔΙΑΙΤΟΙΣΕΝΤΥΓΧΑΝΟΥΣΙΝΑΥ
 ΤΩΙΤΩΜΠΟΛΙΥΩΝΞΙΣΑΑΝΤΙΣΑΥΤΟΝΤΙΑ
 ΡΑΚΑΛΕΙΔΕΔΟΧΟΑΙΤΕΙΒΟΥΛΕΙΚΑΙΤΩΙΔΗ
 10. ΜΩΙΕΡΑΙΝΕΣΑΙΡΟΣΙΔΕΟΝΔΙΟΝΥΣΙΟΥΟΛΒΙ
 ΟΠΟΛΙΤΗΝΚΑΙΕΙΝΑΙΑΥΤΟΝΤΡΟΞΕΝΟΝΤΟΥ
 ΙΕΡΟΥΚΑΙΔΗΛΙΩΝΚΑΙΑΥΤΟΝΚΑΙΕΚΓΟ
 ΝΟΥΣΚΑΙΕΙΝΑΙΑΥΤΟΙΣΓΗΣΚΑΙΟΙΚΙΑΣΕΓΚΤΗΣΙ
 ΚΑΙΠΡΟΣΟΔΟΥΡΟΣΟΔΟΝΤΡΟΣΤΗΝΒΟΥΛΗΝΚΑΙ
 15. ΤΟΝΔΗΜΟΝΠΡΩΤΟΙΣΜΕΤΑΤΑΙΕΡΑΥΤΑ
 ΧΕΙΝΔΕΑΥΤΟΙΣΚΑΙΤΑΛΛΑΝΑΝΤΑΟΣΑΔΕΔΩ
 ΤΑΙΤΟΙΣΑΛΛΟΙΣΠΡΟΞΕΝΩΝΚΑΙΕΥΕΡΓΕ
 ΤΑΙΣΤΟΥΤΕΙΕΡΟΥΚΑΙΔΗΛΙΩΝΑΝΑΓΡΑΨΑΙΔΕ
 ΤΟΔΕΤΟΥΗΦΙΣΜΑΤΗΜΜΕΜΒΟΥΛΗΝΕΙΣΤΟΒΟΥ
 20. ΛΕΥΤΗΡΙΟΝΤΟΥΣΔΕΙΕΡΟΤΟΙΟΥΣΕΙΣΤΟΙΕΡΟΝ
 ΕΙΣΣΤΗΛΗΝΝΙΚΑΝΩΡΝΙΚΑΝΟΡΟΣΕΠΕΨΗΦΙΣΕΝ

и вмѣстѣ съ нимъ декретъ въ честь Протогена. Этотъ гвоидикъ нашелся не въ Ольвии, а на островѣ Дилосѣ, гдѣ, конечно, трудно было предполагать его существованіе.

Въ числѣ находокъ, сдѣланныхъ на Дилосѣ въ 1886 году при раскопкахъ, произведенныхъ членомъ французской археологической школы въ Аеннахъ, г. Фужеромъ (Gustave Fougères), оказался декретъ о провсеніи, дарованной дилосцами ольвіополиту Посидею Діонисіеву, наданный тѣмъ же ученымъ въ мартовской книжкѣ журнала Bulletin de correspondance Hellénique за 1889 годъ, стр. 236, строчными буквами. Небольшая бѣломраморная плита (выс. 0,56 м., шир. 0,26, толщ. 0,065), на которой вырѣзанъ декретъ, найдена разбитою на три куска, но отъ этого разбитія пострадалъ лишь другой декретъ, вырѣзанный на нижней части плиты, тогда какъ вырѣзанный сверху декретъ въ честь Посидея сохранился цѣлкомъ и безъ всякой порчи. Въ виду интереса этого декрета для исторіи Ольвии, я нахожу нужнымъ перепечатать здѣсь полную его копию по эстампажу, съ величайшею любезностью присланному мнѣ г. Фужеромъ по просьбѣ, обращенной къ нему чрезъ посредство А. Н. Шукарева. Особенности письма декрета отмѣчены г. Фужеромъ въ слѣдующихъ словахъ: „Les lettres sont petites, grasses et un peu ornées; la gravure rappelle celle des comptes des hiéropes. Les E ne portent pas la barre médiane“. Изъ вариантовъ его копій, кромѣ двухъ неважныхъ описокъ или корректурныхъ недосмотровъ, слѣдуетъ отмѣтить, что имъ даны цѣлкомъ послѣднія буквы строкъ 12-й и 14-й и буква Т слова μετὰ въ той же (14-й) строкѣ, совершенно незамѣтныя на эстампажѣ.

- 1 Ἐδοξεν τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ· Ἀντίγονος Χαριστίου εἶπεν· Ἐπειδὴ Ποσίθεος Διονυσίου Ὀλβιολίτης ἀνὴρ ἀγα(θ)ὸς ὢν διατελεῖ περὶ τε τὸ ἱερόν καὶ τὸν δῆμον τὸν Δηλί-
5. ὦν καὶ χρεῖας παρέχεται καὶ κοινεῖ τῇ πόλει καὶ ἰδίαι τοῖς ἐντογγάνουσι αὐτῷ τῶν πολιτῶν εἰς ἃ ἂν τις αὐτὸν παρακαλεῖ, δεδόχ(θ)αι τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ ἐπαινεῖσαι Ποσίθεον Διονυσίου Ὀλβι-
10. ολίτην καὶ εἶναι αὐτὸν πρόξενον τοῦ ἱεροῦ καὶ Δηλίων καὶ αὐτὸν καὶ ἐκγό- νους καὶ εἶναι αὐτοῖς γῆς καὶ οἰκίας ἐχτησ[ν] καὶ πρόσδοον <πρόσοδον> πρὸς τὴν βουλὴν καὶ τὸν δῆμον πρώτοις με[τ]ὰ τὰ ἱερά, ὀπά[ρ]-

15. χαῖν δὲ αὐτοῖς καὶ τὰλλα πάντα ὅσα δέδο-
ται τοῖς ἄλλοις προξένοις καὶ εὐεργέ-
ταις τοῦ τε ἱεροῦ καὶ Δηλίων· ἀναγράφαι δὲ
τόδε τὸ ψήφισμα τῆμ μεμ βουλῆν εἰς τὸ βου-
λευτήριον, τοὺς δὲ ἱεροποιούς εἰς τὸ ἱερὸν
20. εἰς στήλην. Νικάνωρ Νικάνωρος ἐπεψήφισεν.

Итакъ, читатели видятъ предъ собою самый обыкновенный декретъ о проксевиі, ничѣмъ особеннымъ не отличающійся отъ массы другихъ подобныхъ декретовъ, много разъ и на разные лады разбиравшихся учеными ¹⁾. Но для исторіи Ольвии онъ представляетъ значительный интересъ 1) тѣмъ, что свидѣтельствуетъ о мирныхъ сношеніяхъ Ольвии съ Делосомъ и притомъ на столько оживленныхъ, что делосцы сочли нужнымъ имѣть въ Ольвиі своего проксена ²⁾, 2) своими хронологическими указаніями. Дѣло въ томъ, что время этого декрета можетъ быть опредѣлено довольно точно. Какъ уже замѣтилъ г. Фушеръ въ своемъ краткомъ комментарий въ надписи, авторъ предложенія Антигонъ Харистіевъ— навѣрное то самое лицо, которое дважды упоминается въ изданномъ г. Омолемъ ³⁾ огромномъ отчетѣ делосскихъ іеропоевъ года архонта Димара, котораго издатель отчета, на основаніи весьма вѣсныхъ данныхъ, ставитъ около 180 г. до Р. Хр. ⁴⁾. Стало быть, Антигонъ и Посидей ольвиополитъ жили приблизительно въ 1-й четверти II в. до Р. Хр. Съ другой стороны, этотъ Посидей съ неменьшею вѣроятностію можетъ быть

¹⁾ Новѣйшее сочиненіе о проксевиі—*Paul Monceaux, Les proxénies Grecques, Paris. 1886.*

²⁾ О сношеніяхъ ольвиополитовъ съ другими еллинскими городами см. въ нашихъ „Исслѣдованіяхъ“, стр. 221 сл.

³⁾ *Bull. de corr. hell.* VI, стр. 20, строка 155: Καὶ τόδε ἄλλο ἀργύριον εἰσῆσαι τῷ θεῷ ταλῶν... τοῦ [λιμένος πα]τρὸς Ἀντιγόνου τοῦ Χαριστίου ΔΕ. Стр. 28, tranche, строка 20 сл.: Ἐγγράφισεν... καὶ Ἀντίγονον Χαριστίου καὶ τοὺς ἐγγυόους ὡς ἱλαστον ἀπέδωκεν τοῦ τέλους τοῦ λιμένος ΔΕ||||. Весь сомнѣніи, этотъ же Антигонъ поставилъ статую своего отца, на сохранившемся пьедесталѣ которой читается слѣдующая надпись, изданная Омолемъ въ *Bull. de corr. hell.* V, стр. 465, и затѣмъ *Levi, Inscr. Griech. Bildbauer, № 209*: Ἀντίγονος τὸν πατέρα | Χαριστίου τοῖς θεοῖς. | Θέων Θεῶνος ἐπέδωκεν. Письмо этой надписи, судя по факсимиле, данному въ изданіи *Levi*, очень сходно съ письмомъ нашего декрета, которое въ свою очередь, по вышеприведеннымъ словамъ г. Фушера, напоминаетъ письмо отчетовъ іеропоевъ.

⁴⁾ *Bull. de corr. hell.* VI, стр. 56. Ср. *Homolle, Les archives de l'intendance sacrée à Délos.*

отожествленъ съ тѣмъ, который виѣсть съ братомъ Агротомъ поставилъ въ честь отца своего Діонисія статую, пьедесталь которой сохранился до нашего времени съ надписью, изданною впервые въ моемъ сборникѣ подѣ № 106:

Ἀγρότας καὶ Ποσειδεὸς οἱ ἀδελφοὶ
τῶν κατέρη Διονύσιον [Ἀκ]ῶλωνι
Δελφινίῳ ἱερησαμένον.

При изданіи надписи въ сборникѣ я замѣтилъ, что характеръ ея письма указываетъ на время не позднѣе III в. до Р. X.; и дѣйствительно, этотъ памятникъ несомнѣнно древнѣе дилосскаго декрета, такъ какъ онъ поставленъ Агротомъ и Посидеемъ еще въ молодости, при жизни ихъ отца, тогда какъ въ дилосскомъ декретѣ мы видимъ Посидея уже самостоятельнымъ гражданиномъ, неоднократно оказывавшимъ услуги дилосцамъ и обладающимъ потомствомъ, къ которому должно было перейти дарованное ему дилосцами право проксеніи.

Такимъ образомъ наше мнѣніе о времени надписи № 106 вполне подтвердилось дилосскимъ декретомъ. Далѣе, въ каталогѣ ольвійскихъ гражданъ, изданномъ въ нашемъ сборникѣ подѣ № 114, записаны Διονύσιος Ἀγρότου и Ἠροσῶν Πρωτογένους, изъ коихъ первый, можно сказать почти навѣрное, былъ именно тѣмъ лицомъ, въ честь котораго была поставлена сыновьями статуя, а второй, по всей вѣроятности,—отецъ знаменитаго Протогена (ср. Иссл., стр. 84 сл.). Стало быть, Посидей Діонисіевъ и Протогенъ были современниками и жили приблизительно во второй половинѣ III и первой четверти II в. до Р. Xр.; а такъ какъ Галатское царство во Фракіи существовало только до 213 г., то декретъ въ честь Протогена не можетъ быть позднѣе этого термина. Такимъ образомъ дилосскій декретъ въ честь Посидея вполне подтверждаетъ тѣ соображенія, которыя высказаны въ нашихъ „Исслѣдованіяхъ“ относительно времени декрета въ честь Протогена и ряда документовъ, приблизительно одновременныхъ съ нимъ.

В. Латышевъ.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ ДЕМОСФЕНА КЪ ИСОКРАТУ.

Вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ великихъ писателей древнегреческаго міра сталъ интересовать изслѣдователей исторіи греческой литературы еще съ самаго начала ея. Извѣстно, что однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ способовъ конкретно выражать такое отношеніе былъ тотъ, что младшій писатель представлялся ученикомъ или слушателемъ старшаго. Исчислять примѣры этого приема—излишне; они общезвѣстны, такъ какъ еще не такъ давно литературные историки повторяли ихъ какъ историческіе факты. Только въ послѣднее время стали относиться къ такимъ извѣстіямъ скептически, и за неимѣніемъ, въ большинствѣ случаевъ, надежной точки опоры, которая позволяла бы различить истину отъ простой комбинаціи, основанной даже на нѣкоторой долѣ правдоподобности, вопросъ о томъ, былъ ли дѣйствительно данный авторъ ученикомъ другаго, оставленъ въ сторонѣ и уступилъ мѣсто вопросу о слѣдахъ вліянія литературныхъ памятниковъ старшихъ писателей на произведенія ихъ младшихъ соотарищей. Изслѣдованія въ этомъ направленіи, въ особенности же такъ-называемыя Quellenforschungen, характеризуютъ филологическую дѣятельность нашихъ дней.

Предпославъ эту общую вступительную замѣтку, перейдемъ къ частному случаю, составляющему тему нашей статьи. Слѣдуетъ ли считать Демосфена ученикомъ Исократа въ буквальномъ смыслѣ слова, или нѣтъ,—на этотъ счетъ уже у древнихъ биографовъ обонихъ ораторовъ, какъ извѣстно, существовали разногласія. Одни, какъ Цицеронъ ¹⁾ и нѣкоторые источники автора псевдо-Плутарховой біогра-

¹⁾ De Orat. II, 22, 94.

фіи Демосфена ¹⁾, отвѣчали на этотъ вопросъ утвердительно; другіе же ²⁾ наотрѣвъ отрицали это. Авторъ псевдо-Плутарховой біографіи Исократы ³⁾ сохранилъ даже недурной анекдотъ касательно переговоровъ учителя съ новымъ кандидатомъ. Разказывали, что Демосфень, желая учиться у Исократы, но не будучи въ состояніи заплатить требуемый за полный курсъ краснорѣчія гонораръ въ 1000 драхмъ, предлагалъ ритору лишь 200 драхмъ съ просьбой, научить его за эти деньги одной пятой всего курса. Но Исократъ отклонилъ это предложеніе на томъ основаніи, что онъ де въ розницу не торгуетъ. Эти два діаметрально противоположныя мнѣнія старались примирить третьи, которые или указывали на то, что Исей, бесспорно считавшійся древнимъ учителемъ Демосфена ⁴⁾, въ свою очередь былъ ученикомъ Исократы ⁵⁾, или что Демосфень, такъ-сказать, контрабандой, черезъ другихъ слушателей, запасся лекціями Исократы по теоріи краснорѣчія и выучилъ ихъ ⁶⁾.

Уже эти противорѣчія служатъ явнымъ доказательствомъ того, что достовѣрность извѣстія, будто Демосфень учился у великаго ритора, сомнительна. Новѣйшими же литературными историками она совсѣмъ отвергается, больше всего на томъ основаніи, что древнѣйшіе авторитеты, въ особенности перипатетики Гермиппы ⁷⁾, свидѣтельствуютъ противъ нея.

Итакъ, съ этимъ вопросомъ покончено, какъ кажется, навсегда. Не то можно сказать объ отыскиваніи слѣдовъ подражанія Демосфена Исократу. И на этотъ вопросъ обращено вниманіе уже въ глубокой древности. Такъ, риторъ II столѣтія послѣ Р. X. Гермигенъ сопоставилъ начало рѣчи Исократы о „мирѣ“ (VIII, § 1) съ началомъ рѣчи Демосфена „противъ Тимократа“ (XXIV, § 4) ⁸⁾. Сходство

¹⁾ См. *Westermann Vitaram scriptt.*, p. 281.

²⁾ Ср. *Platarchi Vita Demosth.*, с. 5.

³⁾ См. *Westerm.* I. с., p. 249.

⁴⁾ Въ новѣйшее время и это оспаривается; см. диссертацию *Hoffmann: De Demosthene Isaei discipulo* (Berol. 1872).

⁵⁾ Ср. *Westerm.* I. с., pp. 281, 309.

⁶⁾ *Plut.* I. с.

⁷⁾ *Ibid. extr.*, coll. *Schäfer*, *Demosthenes u. s. Zeit*, I², p. 311.

⁸⁾ См. *Spengel*, *Rhett. gr.* II, p. 449. Для наглядности приводимъ то и другое мѣсто:

“Απαντες μὲν εἰσάθασιν οἱ παριόντες ἐνθάδε ταῦτα μέγιστα φάσκειν εἶναι καὶ μάλιστα ἐκουδῆς ἀξία τῆ κόλας, κατὰ ὧν

Εἰσάθαι μὲν οὖν οἱ πολλοὶ τῶν πρᾶττων τι προαιρουμένων τῶν κοινῶν λέγειν ὡς ταῦθ' ὁμῖν σπουδαιότατ' ἐστὶ καὶ μά-

этихъ двухъ мѣсть—поразительное, и словами *τινὶ καὶ ἄλλῳ*. Демосфенъ прямо намекаетъ на Исократа. Точно также знаменитый новоплатоникъ Порфирій замѣтилъ не подлежащее сомнѣнію сходство изложенія о юридическомъ значеніи привацій, вынужденныхъ посредствомъ пытки (*βάσανοι*), не только у Исократа и Демосфена, но, вдобавокъ, и у Исея ¹⁾. Наконецъ, схолиастъ рѣчи Демосфена „противъ Тимократа“ замѣчаетъ о началѣ § 6-го этой рѣчи: *Ἰσοκρατικῆ ἢ ἔννοια καὶ ἀπὸ τοῦ Ἀρχιδάμου (VI, § 1) μετήχται* ²⁾. Однако, наблюденія этого рода являются лишь спорадическими и случайными.

Первая попытка нѣсколько подробнѣе изложить слѣды этого подражанія была сдѣлана только въ 1833 г. Пфундомъ въ его изслѣдованіи ³⁾, гдѣ сопоставлены слѣдующія мѣста: Исократ. VI, § 102 съ Дем. II, § 20; VIII, § 6 съ IV, § 7; VIII, § 124 съ III, § 29 и VIII, § 138 съ IV, § 8 (?). Однако, эта попытка не очень понравилась тогдашнимъ филологамъ, и они, считая ее нѣкотораго рода посягательствомъ на славу творческаго генія Демосфена, употребили противъ нея всѣ приемы, обычные въ такихъ случаяхъ, когда идетъ дѣло о защитѣ непризнаваемой оригинальности во что бы то ни стоило. Выразителемъ этого направленія явился Funkehanel въ статьѣ, помѣщенной въ *Zeitschrift für die Alterthumswissenschaft* Циммермана (1837 г., №№ 59, 60, столб. 485—494), озаглавленной: *Isokrates und Demosthenes* ⁴⁾. Авторъ или не признаетъ сходства въ перечислен-

ἐν αὐτοῖς μέλλωσι συμβουλεύειν οὐ μὴν ἄλλ' εἰ καὶ περὶ ἄλλων τινῶν πραγμάτων ἤρρωσεν τοιαῦτα προσιπεῖν, δοκεῖ μοι πρέπειν καὶ περὶ τῶν νῦν παρόντων ἐνταῦθεν κοιτῆσασθαι τὴν ἀρχήν.

λίαν ἄξιον προσέχειν τοῦτοις, ὑπερ' ὧν ἐν αὐτοῖς τυγχάνωσι ποιούμενοι τοὺς λόγους, ἐγὼ δ', εἴπερ τινὶ τοῦτο καὶ ἄλλῳ προσήκόντως εἴρηται, νομίζω κάμοι νῦν ἀρμόττειν εἰπεῖν.

¹⁾ Ср. его слова у Евсевія Praepar. evang. X, 3, 17 (изд. *Dindorf*. I, p. 537): τὰ περὶ βασάνων εἰρημένα παρ' Ἰσοκράτη ἐν τῇ περὶ τοῦ Κίρηνος κλήρου (VIII, § 12) καὶ παρ' Ἰσοκράτη ἐν τῇ τραπεζιτικῇ καίται (XVII, § 54), καὶ παρὰ Δημοσθένει ἐν τῇ κατ' Ὀνήτορος ἐξουλίᾳ (XXX, § 37) σχεδὸν διὰ τῶν αὐτῶν εἴρηται. См. тоже Диндорфово Оксфордское изданіе Демосфена, vol. VII, p. 1092. У Евсевія I. с. перечисленъ цѣлый рядъ сочиненій и отдѣльных мѣсть равныхъ греческихъ писателей, въ которыхъ древними констатировано заимствование или даже литературная кража. Тамъ же приведены имена авторовъ, заимствовавшихъ изслѣдованіемъ этого вопроса.

²⁾ См. *Dindorf*, vol. IX, p. 736.

³⁾ *Pfund*, De Isocratis vita et scriptis (Barol.), p. 23. Ср. статью *Funkehanel*, о которой ниже.

⁴⁾ Еще раньше возставалъ противъ подобныхъ попытокъ *Meier* (M. H. E.)

ныхъ Пфундомъ мѣстахъ, или допускаетъ, что каждый ораторъ могъ самостоятельно додуматься до этихъ мыслей и, что касается подобныхъ выраженій, то онъ находитъ ихъ естественными на томъ основаніи, что оба оратора — греки (?) ¹⁾. Далее авторъ точно также не находитъ справедливымъ предположеніе Пфунда, что Демосфень, указывая въ своихъ Филиппикахъ на доблесть предковъ и ухудшеніе положенія вещей въ его время, дѣлалъ это по примѣру Исократы, что впрочемъ уже схоласти утверждали ²⁾. По мнѣнію Функгенеля, въ этихъ и еще другихъ имъ указанныхъ случаяхъ нельзя было, при аналогичности историческихъ обстоятельствъ, говорить иначе ³⁾.

Всѣ эти мотивы, на нашъ взглядъ, носятъ отпечатокъ субъективности и вытекаютъ, главнымъ образомъ, изъ пристрастія къ Демосфену и благоговѣнія передъ нимъ. Однако, не смотря на это, они до сихъ поръ повторяются большею частью литературныхъ историковъ нашего оратора. Поэтому мы, предпославъ очеркъ исторіи этого вопроса, считаемъ для рѣшенія его не лишнимъ привести цѣлый рядъ мѣстъ изъ двухъ судебныхъ рѣчей обоихъ ораторовъ, сходство которыхъ, на сколько намъ извѣстно, ускользало отъ вниманія исследователей, а именно, рѣчей Демосфена „противъ Мидія“ (XXI) и

въ статьѣ: *De facti litterarum suspicione in poetas et oratores Atticos collata.* (Halis, 1832 = *Opusc. acad.* II (1863), pp. 307—320). Намъ, къ сожалѣнію, не удалось видѣть это разсужденіе.

¹⁾ Свой общій взглядъ онъ формулируетъ вотъ какъ (стр. 493): „Sollten bios Parallelstellen verglichen, Sachen erklärt werden, so lässt man sich solche Gelehrsamkeit wohl gefallen; allein wenn der Redner aus dem oder jenem Redner oder Dichter seine Worte genommen haben soll, da vermisst man gesunde Kritik“.

²⁾ Ср. skol. къ Исократ. IV, § 186 (*Dindorf, Scholia graeca in Aeschinæ et Isocratem*, p. 120): „Ὁ Δημοσθένης ἐν τοῖς Φιλιππηαῖς καὶ τῇ διαβολῇ καὶ θυξέδῳ τῇ λέξει ἐχρησάτο. Точно также схолиастъ Демосфена (*Dindorf*, l. c. vol. VIII, p. 5 med.) указываетъ на сходство приема у обоихъ ораторовъ: „Что Исократъ говорилъ въ Панегриикѣ по отношенію къ Артаксерксу Мнемону, царю персовъ, то же самое высказывалъ Демосфень по отношенію къ Филиппу Македонскому.“

³⁾ *Rauschenstein* и *Reinhardt* въ 5-мъ изданіи избранныхъ рѣчей Исократы (1882 г.) сравниваютъ слѣдующія мѣста:

Исократ. IV, § 138 съ Дем. II, § 22 и IV, § 4 sq.

„ „ „ 139 „ „ II, § 14.

„ VII, „ 12 „ „ II, „ 9.

По поводу послѣдняго мѣста *Reinhardt* замѣчаетъ (p. 174): „eine Stelle, die überhaupt an die unsere zu erinnert, dass sie wie *Nachahmung aussieht*“. Характерностица здѣсь и у другихъ ученыхъ осторожности, съ какой они констатируютъ подражанія Демосфену.

Исократу „противъ Лохита“ (XX). Фактъ незамѣченія аналогій можно легко объяснить тѣмъ, что на послѣднюю рѣчь, имѣющую характеръ эпиграфа, мало кто обращаетъ особое вниманіе.

Древніе ораторы обыкновенно старались показывать видъ, что они говорятъ экспромптомъ, безъ приготовленія, чтобы противникъ, указавъ на ихъ усердіе, употребленное на составленіе рѣчи, не имѣлъ возможности подорвать довѣріе судей къ правдивости ихъ словъ. Не то мы встрѣчаемъ въ рѣчи Демосфена „противъ Мидія“; здѣсь ораторъ, ожидая подобнаго рода упрекъ со стороны обвиняемаго Мидія, даже торжественно заявляетъ, что онъ основательно наштудировалъ свою рѣчь ¹⁾. Къ этому-то ἐσκήφαи нужно во всякомъ случаѣ отнести изученіе ораторомъ изданныхъ рѣчей его предшественниковъ, которыя имѣли сюжетомъ аналогичные случаи нанесенія оскорбленія дѣйствіемъ, какъ данный процессъ Демосфена ²⁾. Такъ, по свидѣтельству ритора Феона, онъ сдѣлалъ позаимствованія для этой рѣчи изъ подобныхъ рѣчей Лисія, Лякурга и Исен ³⁾. Однако, такъ какъ данной категоріи рѣчи перечисленныхъ ораторовъ не уцѣлѣли, то мы лишены возможности провѣрить замѣтку ритора, и поэтому перейдемъ прямо въ перечень тѣхъ имѣющихъ обвѣихъ рѣчей, гдѣ нами усмотрѣно сходство мыслей и выраженій.

Итакъ, мы находимъ у того и другаго, во первыхъ, одинаковую характеристику преступнаго дѣянія, совершеннаго обвиняемыми. Чтобы увеличить значеніе его (αὐξησις, amplificatio), и вмѣстѣ съ тѣмъ, добиться какъ можно большаго наказанія виновныхъ, оба оратора указываютъ на силу чувства негодованія и оскорбленія, которое испытываетъ благородный человѣкъ, подвергаясь повторному оскорбленію дѣйствіемъ.

¹⁾ § 191: ἐγὼ δ' ἐσκήφαи μέγ, ὡ δ. 'Α., φημί καὶ οὐκ ἂν ἀρνηθεῖην, καὶ μεμελετημένα γ' ὡς ἐνὶν μάλιστα ἐμοί. Ср. наши Риторическіе Этюды въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1881 г. (часть 218, стр. 252 сл.).

²⁾ Намъ же должно удерживать отъ вѣроятности нашего предположенія то обстоятельство, что терминъ, употребленный Демосфеномъ въ данномъ мѣстѣ, имѣеть только значеніе „обдумывать“; ораторъ въ другихъ случаяхъ, заимствуя кое-что у Фукидда, тоже не говоритъ (какъ слѣдовало бы) „ἀνέγνωκα“, а „ἔκρουα“. Ср. *Blas*, *Die attische Beredsamkeit*, III, 1, p. 18, примѣч.

³⁾ Ср. *Sprengel*, l. c., vol. II, p. 36 extr.: Δημοσθένης (μετανήνοχον) εἰς τὸν κατὰ Μειδίου τὰ τε Λυσίου καὶ Λυκούργου ἐκ τῶν τῆς ὕβριτος λόγων, καὶ τὰ Ἰσίου ἐκ τῶν κατὰ Διοκλεῶς ὕβριτος. См. тоже у *Dindorf*, l. c., vol. VI, p. 754.

Исократъ § 6:

ὕπερ τῆς αἰτίας καὶ τῆς ἀτιμίας
ἦκα... δίκην ληψόμενος, ὑπὲρ ὧν
προσῆκει τοῖς ἐλευθέροις μάλιστα
ὀργίζεσθαι καὶ μεγίστης τοῦχάνειν
τιμωρίας.

Демосфень § 72:

οὐ γὰρ ἡ πληγὴ παρέστηκε τὴν
ὀργὴν, ἀλλ' ἡ ἀτιμία: οὐδὲ τὸ τό-
πτεσθαι τοῖς ἐλευθέροις ἐστὶ δει-
νόν, καίπερ ὄν δεινόν, ἀλλὰ τὸ ἐφ'
ὑβρεῖ ¹).

Для той же цѣли служить, дальше, цѣлымъ рядъ мѣстъ, въ кото-
рыхъ оба обвинителя стараются придать своей личной обидѣ ха-
рактеръ преступления противъ всего общества. Въ этомъ значе-
ніи они принимаютъ слова закона сюда относящагося, объясняя
мысль законодателя одинаково ²).

Исократъ § 2:

(κατὰ τοὺς θεέντας τοὺς νόμους)
... περὶ τῆς ὑβρεως ὡς κοινὸς τοῦ
πράγματος ἔξωσι τῷ βουλομένῳ
τῶν πολιτῶν γραφάμενον πρὸς τοὺς
θεσμοθέτας εἰσαλαθεῖν εἰς ὑμᾶς.

Демосфень § 45:

πάνθ' ὅσα τις βιαζόμενος πράττει,
κοινὰ ἀδικήματα καὶ κατὰ τῶν
ἔξω τοῦ πράγματος ὄντων ἡγεῖτο ὁ
νομοθέτης... διόπερ καὶ τῆς ὑβρεως
αὐτῆς τὰς μὲν γραφὰς ἔδωκεν
ἅπαντι τῷ βουλομένῳ... τὴν γὰρ
πόλιν ἡγεῖτο ἀδικεῖν, οὐ τὸν πα-
θόντα μόνον τὸν ὑβρίζειν ἐπιχειροῦντα.

Сами же весьма часто повторяютъ этотъ взглядъ, напимѣръ, въ
концѣ отдѣловъ рѣчи.

Исократъ § 14:

προσῆκει πᾶσι μιθεῖν τοὺς τοιοῦ-
τους καὶ κοινούς ἐχθρούς νομί-
ζειν.

Демосфень § 218:

κοινὴ ἡ κρίσις, καὶ τὰδικήματα
πάντ' ἐφ' οἷς νῦν κρίνεται, κοινὰ.

Въ связи съ этимъ находится и общественное значеніе на-
казанія, которое судьи должны наложить на виновныхъ: обузданіе
ихъ принесть пользу всѣмъ, не исключая самихъ судей, и послу-
жить устрашающимъ примѣромъ для другихъ.

¹) Въ слѣдующихъ словахъ того же § Демосфень *развиваетъ* мысль, вы-
сказанную Исократомъ, и это мѣсто сдѣлалось уже въ древности классическимъ;
ср. Dindorf, l. c., p. 790 sq.

²) Демосфень опять попытался болѣе *распространить* то, что онъ нашель
у своего предшественника.

Исократъ § 15:

ἴταν τοὺς ὑβρίζοντας κολάζῃτε, ὑμῖν
αὐτοῖς βόηθεῖτε

Idem § 21:

ὡς ὑπὲρ αὐτοῦ δικάζων, οὕτως
ἕκαστος ὑμῶν οἴσει τὴν ψῆφον.
ἄκαντας γὰρ ὁμοίως ἀδικοῦσιν..

Idem § 18:

τοὺς ἄλλους πολίτας κοσμιωτέ-
ρους ποιήσατε καὶ τὸν βίον τὸν
ὑμέτερον αὐτῶν ἀσφαλέστερον
καταστήσατε ¹⁾.

Еще болѣе поразительно сходство приема, мысли и выраженія тѣхъ мѣстъ обвѣхъ рѣчей, гдѣ говорящіе прибѣгаютъ къ предварительному опроверженію ожидаемыхъ возраженій со стороны обвиняемыхъ (προκατάληψις, anteoccupatio), которые будутъ стараться умягчить значеніе совершеннаго ими преступленія (μαίωσις). Здѣсь, во-первыхъ, одинаково само ожидаемое возраженіе: тотъ и другой обвиняемый будетъ указывать на то, что побои, нанесенные потерпѣвшему, не имѣли никакихъ серьезныхъ послѣдствій.

Исократъ § 5:

ἐπιχειρήσει μικρὸν ποιεῖν τὸ πρᾶγ-
μα... λέγων, ὡς οὐδὲν ἄχ τῶν
κλήρων χακὸν ἔπαθον, ἀλλὰ μαί-
ζους κοιούμαι τοὺς λόγους ἢ
κατὰ τὴν ἀξίαν τῶν γεγενημένων.

Демосфенъ § 8:

δημοσίᾳ συμπέρεται μηδανὶ, μηδέε
ἀξίαναι τοιοῦτο ποιεῖν. ωκτ

Ibid.:

ὡς ὑπὲρ κοινοῦ τοῦ πράγματος
ὄντος (τις)... ψηφισάσθω.

Idem § 142:

κοινῇ νῦν... παῶσιν, ὑπὲρ ἀκάγ-
των ἐστὶ τιμωρητέος... ὡς κοινὸς
ἐχθρὸς τῇ πολιτείᾳ.

Idem § 227:

νῦν ὀκνήσατε... τοὺς ἄλλους σα-
φρονίσαι, μετὰ πολλῆς ἀσφα-
λείας αὐτοῖ τὸ λοικὸν διαίγειν;

Демосфенъ § 71:

οὐδὲ τοῦτ' ἐστὶν εἰπεῖν, ὡς οὐ γε-
γεννημένου πάποτ' οὐδενὸς ἄχ
τῶν τοιοῦτων δεινοῦ τῷ λόγῳ
τὸ πρᾶγμ' ἐγὼ νῦν αἴρω καὶ φο-
βερὸν ποιῶ.

Это возраженіе опровергается обонми, во-первыхъ, одинаковою ссылкой на опыт, который подтверждаетъ, что часто незначительныя причины вызываютъ роковыя послѣдствія. Но, въ самомъ явло-

¹⁾ Funkhänke, l. c., столб. 488, вѣрно замѣчаетъ, что сопоставить съ этимъ § Дем. XXIV, § 218 или [Андокид.] IV, § 40—слишкомъ рискованно.

женіи встрѣчается у обоихъ ораторовъ разница: между тѣмъ какъ Исократъ приводитъ эту мысль въ видѣ общаго мѣста, Демосоевъ исчисляетъ нѣсколько частныхъ случаевъ, подтверждающихъ ее.

Исократъ § 7 sq.:

πολλάκις ἤδη μικραὶ προφάσεις μεγάλων κακῶν αἴτιαι γέγονασι, καί... διὰ τοὺς τύπτειν τολμῶντας εἰς τοῦτ' ἤδη τινὲς ὀργῆς προήχθησαν, ὥστ' εἰς τραύματα καὶ θανάτους καὶ φυγὰς καὶ τὰς μεγίστας συμφοράς ἐλθεῖν.

Демосоевъ § 71 sqq.:

Примѣры этого общаго мѣста.

Что однако, вопреки, оба данныхъ случая представляютъ исключеніе изъ общаго правила, это не должно послужить въ пользу обвиняемымъ, такъ какъ благодаря не имъ, а только счастливому случаю и умѣренности и вѣрности пострадавшихъ, не случилось ничего ужаснаго.

Исократъ § 8:

διὰ τὴν τύχην καὶ τὸν τρόπον τὸν ἐμὸν οὐδὲν τῶν ἀνηκέστων συμβέβηκεν.

Демосоевъ § 74:

ἐμαυτὸν μὲν γε . . σωφρόνως, μᾶλλον δ' εὐτυχῶς οἶμαι βεβουλεύσθαι, ἀνασχόμενον τότε καὶ οὐδὲν ἀνήκεστον ἐξαχθέντα πρᾶξαι.

Idem. § 76:

ἐμοὶ τῇ τοσαύτῃ κεχρημένῃ προνοίᾳ τοῦ μηδὲν ἀνήκεστον γενέσθαι, ὥστε μηδ' ἀμόνασθαι.

Наконецъ, нельзя обойти молчаніемъ тожество мѣры наказанія, примененія котораго по отношенію къ обвиняемъ оба оратора требуютъ. Они находятъ, что причина ихъ наглости заключается въ томъ, что имъ легко отдѣлаться отъ наказанія за ихъ проступки денежнымъ штрафомъ.

Исократъ § 17:

οἵτινες ἂν εἰς τὰ σώματ' ἐξαρπάζοντες τοῖς χρήμασι τὰς δίκας ὑπέχωνιν . .

Демосоевъ § 124:

. . τὸ εἰς ταῦτα ἀποχρῆσθαι τῇ πλουτεῖν.

Поэтому нужно какъ вообще, такъ и въ данномъ случаѣ, примѣнить къ такимъ людямъ высшую степень наказанія и конфиско-

вать ихъ имущество, чтобъ такимъ образомъ лишить ихъ возможности въпредъ безчинствовать.

Исократъ *ibid.*:

ἀν περιαιρήτα τὰς οὐσίας τῶν
νεανισκουμένων εἰς τοὺς πολίτας..

Демосфенъ § 138:

περιαίρεθαις οὗτος τὰ ὄντα
ἴσως μὲν οὐκ ἀν' ὄβριζοι..

Idem. § 16:

δοσον ἀποτίσας ὁ φεύγων παύ-
σασθαι μέλλει τῆς παρούσης
ἀσελγείας.

Idem. § 152:

δοσον καταθείς οὗτος παύσε-
ται τῆς ὕβρεως. τοῦτο δ' ἐστὶν μά-
λιστα μὲν θάνατος, αἱ δὲ μὴ, πάντα
τὰ ὄντα ἀφελέσθαι.

Хотя мы могли бы еще продолжать наши указанія на одинаковыя мысли въ обѣихъ рѣчахъ, мы остановимся на сказанномъ, чтобъ приводя сомнительныя аналогіи, не подорвать довѣрія къ доказанной вѣроятности нашего предположенія. Дѣйствительно можно, отчасти, допустить, что аналогичность въ некоторыхъ мѣстахъ могла быть естественнымъ послѣдствіемъ одинаковыхъ обстоятельствъ дѣла; напримѣръ, на основаніи того, что оба обвиняемые—богачи, а съ другой стороны, оба обвинителя принадлежатъ къ классу бѣдному, оба оратора стараются подѣйствовать на судей (въ большинствѣ случаевъ тоже бѣдняковъ), указывая на равенство всѣхъ гражданъ демократическаго государства передъ закономъ и требуя отъ нихъ поддержки ¹⁾.

Такимъ образомъ мы убѣдились, что означенная рѣчь Исократа послужила для Демосфена превосходнымъ образцомъ, въ особенности для увеличенія значенія преступленія и противъ попытки противной стороны парализовать это стараніе обвинителя. Что именно для этой цѣли она пригодна въ высшей степени, свидѣтельствуетъ авторитетный голосъ Фолькмана ²⁾. Мы имѣемъ въ данномъ случаѣ наглядный примѣръ метода, слѣдуя которому Демосфенъ сдѣлался великимъ ораторомъ. Не теоретическіе учебники ораторскаго искусства, а скорѣе тщательное изученіе готовыхъ образцовъ краснорѣчія развило

¹⁾ Ср. Исокр. §§ 19—20 съ Дем. §§ 123—124.

²⁾ Ср. *Volkmann, Rhetorik der Griechen u. Römer*, 2-е изд. (1885 г.), p. 270: „Nur aus Amplification besteht Isocr. or. XX gegen Leobites, die ein blosser Epilog ist.. Man kann sie geradezu als Muster eines locus communis gegen ὕβρις oder αἰχία ansehen.“

въ немъ извѣстную *δαμότης*. Въ этомъ смыслѣ говоритъ и Плутархъ, что именно такимъ эмпирическимъ путемъ онъ постоянно готовился къ своему призванію ¹⁾. Да и сами риторы того времени едва ли иначе учили; въ противномъ случаѣ ихъ методъ не возбудилъ бы порицанія Аристотеля ²⁾.

Предпринятыми нами сопоставленіями хотя и доказано, такъ сказать, импульсомъ къ многимъ мыслямъ Демосфенъ обязанъ тщательному изученію рѣчей Исократа, все-таки изъ этого не вытекаетъ, что вслѣдствіе этого факта нужно было бы ограничить ораторскую славу Демосфена. На оборотъ, было бы и неестественно, и непростительно, еслибы молодой ораторъ, отнесшись съ пренебреженіемъ къ своимъ предшественникамъ, не постарался воспитывать свой талантъ на существовавшихъ образцахъ ³⁾. Поэтому если и не всегда въ оригинальности мыслей заключается его превосходство, то во всякомъ случаѣ въ мастерской обработкѣ, которою онъ далеко превзошелъ своего предшественника ⁴⁾. Оттого и случилось, что древніе риторы считали образцомъ обвинительной рѣчи въ процессахъ на оскорбленіе дѣйствиельно не рѣчь Исократа „противъ Лохита“, а рѣчь Демосфена „противъ Мидія“ ⁵⁾. Конечно, рѣчь послѣдняго должна была тоже потому выйти болѣе удачною, что ораторъ, какъ лично потерпѣвшій, лично былъ заинтересованъ въ этомъ прискорбномъ дѣлѣ, между тѣмъ какъ Исократъ сочинялъ свою рѣчь для другаго, по заказу.

III. ЛУШЬЯНЪ.

¹⁾ Vita Dem., c. 8: Ἐτι δὲ τοὺς λόγους, οἷς παρέτυχε λεγόμενοις, ἀναλαμβάνων πρὸς ἑαυτὸν εἰς γνώμας ἀνήγε καὶ περιόδους, ἐπανορθώσεις τε παντοδαπὰς καὶ μεταφράσεις ἔκαινοτόμοι τῶν εἰρημένων ὑφ' ἑτέρου πρὸς ἑαυτὸν ἢ ὑφ' ἑαυτοῦ πάλιν πρὸς ἄλλον. Конечно, то же онъ дѣлалъ и по отношенію къ чинкамъ или рѣчамъ, какъ въ данномъ случаѣ.

²⁾ Soph. el. c. 34, § 7 (ed. ster.): λόγους γὰρ οἱ μὲν ῥητορικοὺς οἱ δὲ ἐρωτηματοῦς ἐδίδουσαν ἐκμανθάνειν, εἰς οὓς κλειστάκις ἐμπίπτειν φήθησαν ἑκάτεροι τοὺς ἀλλήλων λόγους. Διόπερ ταχέια μὲν ἀτεχνος δ' ἦν ἡ διδασκαλία τοῖς μανθάνουσι παρ' αὐτῶν οὐ γὰρ τέχνην ἀλλὰ τὰ ἀπὸ τῆς τέχνης διδόντες κειθεῖν οὐκέλαμβανον (какъ еслибы сапожники—прибавляютъ ошосозъ—вздумалъ, видѣто теоретическаго обученія, предложить ученику разныя сорта готовыхъ башмаковъ). Ср. Zeller, D. Ph. d. Gr. I⁴, 993, Anm. 2.

³⁾ Cp. Schäfer, l. c., pp. 313, 324.

⁴⁾ Оцѣнку той рѣчи Исократа см. у Blass, l. c. II, p. 200.

⁵⁾ См. Quintil. Institut. or. VI, 1, 16—17; 19—20; ibid. 2, 23—24, гдѣ латинскій риторъ постоянно намекаетъ на названную рѣчь Демосфена.

МЕТАФИЗИКА АРИСТОТЕЛЯ.

Предисловіе переводчиковъ.

Предлагая вниманію любителей философіи переводъ „Метафизики“ Аристотеля, мы не будемъ говорить ни о жизни, ни о сочиненіяхъ великаго греческаго мыслителя. То, что могло бы быть сообщено о томъ и другомъ въ краткомъ предисловіи, каждый можетъ узнать, и съ гораздо болѣею обстоятельностью, въ общихъ курсахъ исторіи философіи. Скажемъ здѣсь только о томъ, что побудило насъ приступить къ этому переводу.

Если въ области фактическаго содержанія науки каждая послѣдующая фаза развитія сохраняетъ за предыдущими лишь историческій интересъ, то нельзя тоже сказать о другой сферѣ ея, которая содержитъ объясняющіе принципы для этого фактическаго содержанія. Позднѣйшее и лучше сдѣланное наблюденіе надъ какою-нибудь частью природы упраздняетъ всѣ прежнія, которыя были сдѣланы хуже; и это потому, что орудія наблюденія или остаются тѣми же, или улучшаются въ исторіи. Но объясненіе исторіи наблюдаемаго, которое дѣлается въ послѣдующія времена, не всегда упраздняетъ объясненія, которыя были сдѣланы прежде; и это потому, что самое орудіе объясненія—сила сужденія въ человѣкѣ—ни остается одинаковою въ исторіи, ни необходимо повышается въ ней; напротивъ, она можетъ понижаться. И тѣ глубокія и тонкія понятія, къ которымъ способенъ былъ нѣкогда умъ человѣка, съ помощью которыхъ онъ дѣлалъ для себя понятными трудно объяснимыя стороны въ жизни природы, эти понятія могутъ стать для позднѣйшихъ поколѣній неусвоимыми болѣе, стануть для нихъ словами, смыслъ которыхъ утерянъ. Въ незначительныхъ размѣрахъ это явленіе извѣстно въ повседневной жизни, и оно имѣетъ мѣсто не въ одной только сферѣ умственныхъ понятій: мы нерѣдко наблюдаемъ, какъ понят-

ное и неизмѣримо значительное для одного бываетъ совершенно непонятно и не заключаетъ въ себѣ никакого значенія для другаго. Но мы дѣлаемъ ошибку, если то, что ежеминутно случается съ нами въ жизни, никогда не переносимъ въ исторію. Было бы ошибочно думать, что умственная исторія человѣчества состоитъ только въ совершенствованіи; это такъ, если смотрѣть исключительно на содержаніе ума, на то, что онъ знаетъ. Но если мы обратимъ вниманіе на то, какъ онъ объясняетъ то, что знаетъ, мы безъ труда замѣтимъ, что исторія умственного развитія гораздо сложнѣе, что она не такъ проста и правильна, какъ мы думаемъ о ней. Открытіе фактовъ, расширеніе предметнаго содержанія науки вовсе не связано необходимо съ улучшеніемъ понятій, которыя она могла бы приложить къ объясненію этого содержанія, въ развитіи этихъ двухъ сторонъ науки не только нѣтъ постоянного соответствія, гармоніи: напротивъ, всегда независимы другъ отъ друга, онѣ могутъ иногда получить движеніе взаимно обратное. Случается, что одновременно съ открытіемъ фактовъ, требующихъ для своего усненія извѣстныхъ понятій, происходитъ утрата этихъ понятій, затемненіе смысла ихъ, который прежде былъ ясенъ и отчетливъ. Какъ на примѣръ этого страннаго явленія въ умственной жизни человѣка укажемъ на исследование эмбриологическаго процесса въ связи съ судьбою понятія развитія. Извѣстный въ своихъ грубыхъ чертахъ уже классической древности, онъ былъ изученъ во всѣхъ своихъ стадіяхъ, подробностяхъ и частностяхъ только въ послѣдніи десятилѣтія XIX вѣка: и одновременно съ тѣмъ, какъ подвигалось впередъ это изученіе, вслѣдствіе иныхъ и особенныхъ причинъ происходило затемненіе понятія „развитіе“, которое одно могло какъ-нибудь помочь объясненію вновь открываемыхъ фактовъ. Предметное содержаніе науки возрастало, а объясняющая сила ея падала. Изъ сумрака, окутывавшаго таинственный процессъ органическаго развитія, усовершенствованные методы наблюденія выводили одно за другимъ, ихъ цѣнь становилась уже непрерывною, а наука стояла передъ ними безсильная хотя бы что-нибудь понять въ нихъ. Единственное понятіе, которое оставалось въ ней для объясненія всякаго извѣнненія, для всего, что слагалось въ генозисъ, было понятіе механически дѣйствующей причинности, въ послѣднемъ анализѣ сводящееся къ представленіямъ толчка и движенія. И владѣя имъ только, невольно распространяла его на все, и даже когда пыталась употребить понятіе развитія, уже проносила только звукъ его имени.

Тотъ особенный и глубокий смыслъ, который содержится въ этомъ второмъ понятіи для объясненія всякаго генезиса былъ утерянъ, и, думая примѣнить его, она впадала въ привычные способы механическаго объясненія, она и самое развитіе понимала лишь какъ цѣпь производящихъ причинъ и производимыхъ слѣдствій. А между тѣмъ этотъ смыслъ, ставшій, конечно временно, почти не усвоеннымъ теперь, былъ ясенъ и отчетливъ въ первую половину настоящаго столѣтія.

Вотъ почему въ той части науки, которая по преимуществу занимается обработываніемъ нашихъ понятій, въ философіи, нѣтъ стараго и новаго, а есть только созданное умомъ болѣе могущественнымъ и менѣе сильнымъ; потому что это одно приближаетъ здѣсь къ истинѣ, одно имѣетъ какую-нибудь связь со словами „лучше“ и „хуже“. Какъ въ искусствѣ чувство красоты и съ нимъ превосходство созданія не всегда бываетъ удѣломъ позднѣйшаго, такъ и въ философіи тонкость и глубина понятій не имѣютъ никакого отношенія ко времени. Такъ привычное для насъ сужденіе: „лучше, потому, что послѣ“—мы должны оставить здѣсь, чтобы не впасть въ величайшія заблужденія.

Исходя изъ этихъ мыслей о различныхъ сторонахъ науки и особенной судьбѣ философскихъ понятій, мы всегда и невольно останавливались на Аристотелѣ. То, что имъ изданныя возрѣнія на природу сперва овладѣли умами запада и востока, затѣмъ были осуждены и частью осмѣяны и, наконецъ, теперь окружены равнодушіемъ—все это, казалось намъ, еще не опредѣляетъ ихъ достоинства. Мы всегда думали, что понятія въ исторіи, будутъ ли они умственнаго, религіознаго или политическаго характера, лишь по видимому опровергаются, что они падаютъ вовсе не потому, чтобы были ложны и чтобы эта ложность была достаточно обнаружена. Причина упадка всевозможныхъ понятій гораздо глубже, и то, что они начинаютъ въ данную эпоху опровергаться или защищаться, есть лишь внѣшній симптомъ другаго и скрытаго движенія въ исторіи человѣческаго духа. Можно сказать, что общая причина всякаго упадка въ исторіи лежитъ въ томъ, что тѣ стороны духа человѣческаго, которыми было создано падающее, какъ бы изживаются, утрачиваютъ живленную энергію, какъ утрачиваетъ способность питанія земля, слишкомъ долго приносящая одинъ плодъ. Такимъ образомъ не истинность обуславливаетъ возвышеніе одного и не ложность—паденіе другаго, но простое соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе между создавшимъ нѣкогда и восприняющимъ теперь. Всякій разъ когда духъ человѣческій

слишкомъ долго живеть нѣкоторыми понятіями, стремленіями, въ немъ пробуждается ранѣе или позже неудержимая потребность иного, обыкновенно противоположнаго, и какъ бы прекраснымъ и истиннымъ не оставалось то, чтѣ такъ долго питало его, оно не возбуждаетъ въ немъ ничего, кромѣ отвращенія или равнодушія. И именно эти два чувства, которыя не имѣютъ другаго источника кромѣ усталости, обуславливають всякую борьбу въ исторіи. Въ великомъ кризисѣ духовной жизни, когда наступаетъ онъ, всѣ силы напрягаются въ одномъ направленіи: какъ-нибудь оторваться отъ того, къ чему нѣтъ болѣе способности. Въ этихъ усиленіяхъ каждая сторона души принимаетъ участіе тѣмъ способомъ, какимъ можетъ, который предустановленъ ея природою, ея устройствомъ: мысль начинаетъ оспаривать, чувство изыскиваетъ смѣшное, хотя бы оспаривать приходилось религіозное, или находить смѣшное—въ логическихъ понятіяхъ. Такъ происходило со всѣмъ въ исторіи, такъ было и съ Аристотелемъ, съ его судьбою въ средніе вѣка: послѣ многихъ вѣковъ жизни въ кругу понятій, имъ установленныхъ, авилась неудержимая потребность освободиться отъ этихъ понятій, перестать думать о нихъ, все равно истинны они или ложны. Философія и литература, доктора богословія и сатирики—всѣ одинаково были полны одного чувства, одного стремленія, глубоко историчнаго, но не ямѣвшаго никакого отношенія къ истинному или ложному. Схоластика провозглашалась заблужденіемъ, потому что стала отвратительна; она отвергалась, потому что для воспріятія ея не было болѣе способности; въ ней выискивалось смѣшное, чтобы какъ-нибудь отвязаться и отъ серьезности. И вся эта шумная тревога, продолжавшаяся два столѣтія, была лишь выѣшностью, лишь оболочкою, подъ которою скрывался другой и болѣе глубокій процессъ. То было замиранье въ исторіи однихъ сторонъ духа, уже истощившихся, неспособныхъ надолго къ дѣятельности, и пробужденіе другихъ, которыя еще никогда не жили. Это не было улучшеніемъ или поправкою, не было даже переходомъ къ другому, различному, это былъ переходъ въ противоположное: то, къ чему обратилась человѣческая мысль, опредѣлилось не объективною истинностью своею, но лишь направленіемъ, которое было обратно предыдущему. Искали не иного истиннаго, хотя это и казалось, объ этомъ и говорили: искали того, чтѣ несколько не напоминало бы собою оставленнаго. Вспомнимъ сущность новой философіи: ее начали Декартъ и Вэконъ, и одинъ указалъ на опытъ, какъ противоположеніе умозрѣнію, а другой на механическую причинность, какъ противоположеніе телеологическому объясненію при-

роды. Оба были равно велики, потому, что такъ глубоко почувствовали сущность Аристотеля и схоластики, такъ совершенно были неспособны что-либо повторить въ ней. Самое глубокое творчество и невъяснимая оригинальность въ немъ бывають слѣдствіемъ лишь совершеннаго недостатка, полной и ранней неспособности къ тому, что умалелся уже въ исторіи, меркнетъ и въ всѣхъ остальныхъ людяхъ. Такимъ образомъ новая философія, въ которой мы хотѣли бы видѣть свободное исканіе истиннаго, была уже предопредѣлена въ своемъ содержаніи и направленіи схоластическою философіею, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, какъ опредѣленное утвержденіе уже косвенно указываетъ на опредѣленное же отрицаніе, которое, не впадая въ безсмыслицу, должно быть непремѣнно однимъ, а не всякимъ по произволу. Такъ-то происходитъ въ исторіи, что тамъ, гдѣ мы думаемъ быть наиболѣе творцами, мы являемся лишь исполнителями, и въ чемъ—наиболѣе свободными, бываемъ наиболѣе предопредѣлены.

Поэтому, что касается предметнаго содержанія науки, которое только возрастаетъ во времени, мы, конечно, не можемъ ничего искать у Аристотеля, чему могли бы научиться. Эта сторона его творенія умерла навсегда и имѣетъ только историческій интересъ: неполнота или ошибка есть все, что здѣсь содержится для насъ. Но эта сторона науки не должна заслонять отъ насъ другой, которая содержитъ объясняющіе принципы; и здѣсь, по всѣмъ высказаннымъ ранѣе основаніямъ, мы должны чутко прислушиваться къ тому, что высказывалось могущественными умами всѣхъ временъ и народовъ. Какъ ни велики и ни точны наши знанія съ фактической стороны; мы можемъ иногда менѣе понимать природу на основаніи ихъ, нежели сколько понималъ ее великій умъ прошлаго на основаніи гораздо меньшаго числа фактовъ, но прилагая къ нимъ большую силу и проницательность сужденія. Способность образовать понятія гораздо болѣе тонкія и гибкія, нежели къ какимъ мы имѣемъ силу и которыя однако необходимы для покрытія всего богатства дѣйствительности, есть здѣсь первое условіе превосходства, о которомъ уже говорила мы. Эти понятія можно сравнить съ усовершенствованными орудіями, которыя даютъ нашему зрѣнію возможность видѣть то, что недоступно простому глазу. Какъ телескопъ удлиняетъ видѣніе и микроскопъ утончаетъ его, такъ иное понятіе вскрываетъ передъ нами внутреннюю и глубокую сторону предмета или явленія, на которую лишь косвенно указываетъ его виѣшность, и которой мы никогда не замѣтили бы, не имѣя этого понятія, нужнаго и соотвѣт-

ствующаго. Мы не понимали бы этой внутренней стороны, и потому говорили бы, что ея нѣтъ, какъ говоримъ это теперь обо всемъ, что встречаемъ въ организмѣ поверхъ явленій, доступныхъ физическимъ и химическимъ объясненіямъ. Это относительно самыхъ понятій. Другое условіе превосходства, также не связанное ни съ какимъ временемъ, есть сила вниманія и безошибочность въ оцѣнкѣ того, чего коснулось оно. Трудно представить себѣ, до какой степени много законовъ, силъ, всего самаго сложнаго и интереснаго содержится во всякомъ простомъ обыкновенномъ явленіи. Можно сказать, что вся природа живетъ въ каждомъ отдѣльномъ существѣ своемъ, но только не прямо, а лишь отражался. И видѣть эти отраженія, въ мимолетномъ существѣ, не проронить чертъ вѣчнаго и необходимаго, съ которымъ оно связано, — это зависитъ отъ силы вниманія къ природѣ и отъ способности къ безошибочному сужденію. Кто не видалъ качающейся люстры, но одинъ Галилей открылъ въ ней законы движенія; всякій знаетъ, какъ яблоня растетъ изъ сѣмени упавшаго съ другой яблони, а и всѣхъ силъ нашей науки недостаточно, чтобы дать полное объясненіе этому явленію. Скажемъ болѣе: всякая незначительная вещь существуетъ, измѣняется, и можно обойти всю природу и не найти въ ней ничего, болѣе интереснаго и труднаго для объясненія, нежели эти простые и всеобщіе факты существованія и измѣненія. Человѣкъ есть существо въ одно и то же время и удивительно ограниченное по своей природѣ, какъ она дана, и почти безграничное по тому, какъ онъ способенъ преодолевать эту природу, вѣчно выходяще за ея границы. Онъ походитъ на существо, мигнуто населяющее каплю росы, и пусть завтра ея уже не будетъ, но мгновеннымъ существованіемъ своимъ онъ пользуется, чтобы увидѣть и вѣчное небо, которое въ ней отражается, и мириады звѣздъ, взглянуть на которыя прямо ему никогда не суждено.

По этой силѣ проникающаго вниманія и по способности образовать понятія, которыя могли бы покрыть дѣйствительность, Аристотель едва ли былъ когда-нибудь превзойденъ. И та сторона его твореній, на которой отразились эти черты, есть вѣчная, къ которой никогда не перестанутъ обращаться люди, пока въ нихъ живетъ духъ пытливаго исканія. Всякій разъ, когда мы обращались къ этимъ твореніямъ, мы выносили одно странное впечатлѣніе: что чрезвычайно многого не зная, онъ никогда не ошибался въ сужденіи, въ оцѣнкѣ, и что какъ-то не могъ этого сдѣлать по самому устройству своихъ способностей. И когда внимательно вдумываея въ понятія, имъ созданныя, мы обращались мысленно къ задачамъ, передъ которыми стоитъ наука

въ наши дни, мы находили только подтвержденіе этому невольному впечатлѣнію. Удивительное дѣло: по прошествіи двухъ тысячелѣтій, которыя отдѣляютъ насъ отъ времени его жизни, наука волнуется понятіемъ, какъ недавно прибрѣтеннымъ и конечно болѣе научно обставленнымъ, но которое однако впервые было открыто Аристотелемъ: мы разумѣемъ понятіе о физической энергіи, которое замѣняетъ теперь такъ долго господствовавшее понятіе силы и впервые было установлено Аристотелемъ въ безсмертныхъ терминахъ *δύναμις* и *ἐνέργεια*, возможность и дѣйствительность, напряженіе и дѣйствіе. И мѣстами читая какую-нибудь лекцію, посвященную выясненію этого поваго теперь понятія, кажется, что читаешь комментарий къ той или иной главѣ „Метафизики“. Мы могли бы также указать на органической міръ, на взаимное соотношеніе началъ психическаго и матеріальнаго и на многое другое, чтò такъ глубоко понималъ Аристотель, гораздо грубже и ближе къ дѣйствительности, нежели, напримѣръ, Декартъ, мы рѣшаемся даже сказать: чтѣмъ наука нашего времени (все еще полная идей картезіанства). И когда мы думаемъ обо всемъ этомъ и снова возвращаемся мыслямъ къ далекому прошлому, гдѣ стоитъ образъ этого страннаго человѣка, чей умъ имѣетъ еще силу свѣтять на протяженіи двухъ тысячелѣтій, въ насъ пробуждается чувство глубочайшаго удивленія. Это былъ царственный умъ въ исторіи, и не даромъ склонились передъ нимъ вѣка, народы, враждующія религіи. И когда мы вспоминаемъ всѣ частности его жизни, все то особенное, за что упрекали его послѣ смерти, и то слабое обыкновенно человѣческое, за что смѣялись при жизни, въ насъ это удивленіе не уменьшается, но возрастаетъ. Что можетъ болѣе взволновать наше чувство, какъ не совершаніе самаго поразительнаго въ самомъ обыкновенномъ, соединеніе неизъяснимаго величія въ мысли съ простымъ и вульгарнымъ въ жизни и поведеніи. Это былъ обыкновенный человѣкъ, но съ двумя особенностями: съ наибольшою въ исторіи любознательностью и съ наибольшою способностью удовлетворить ее.

Вотъ мысли, изъ которыхъ мы исходили, приступая къ переводу „Метафизики“, и чувства, побудившія насъ къ этому. Греческій текстъ, которымъ мы пользовались при этомъ, былъ установленъ Веккеромъ и повторенъ А. F. Didot въ его изданіи: „Aristotelis opera omnia graece et latine“ etc. Parisiis. MDCCCLIV.

Метафизика ¹⁾).

КНИГА I.

I. О происхождении знания. О памяти, о способности научиться и об опытности. Различие между опытною и искусством; первая относится къ частному и состоит въ знаніи того, что есть, второе имѣетъ предметомъ общее и состоитъ въ знаніи того, почему что-либо есть. Знанія практическія нужны и знанія теоретическія; вторыя являются позднѣе первыхъ; досугъ, какъ необходимое условіе для ихъ возникновенія. Теоретическое знаніе есть мудрость и состоитъ въ изысканіи первыхъ причинъ и началъ.—II. Точнѣйшее понятіе о мудрости. Она состоитъ въ знаніи всеобщаго, труднѣе всего достижимомъ и точномъ. Ея предметомъ служатъ первыя причины и начала. Она не имѣетъ цѣли внѣ самой себя, и поэтому характеръ ея не служебный, но господствующій и свободный. Стремленіе къ ней возникаетъ изъ чувства удивленія и притомъ тогда, когда уже удовлетворены всѣ жизненныя потребности. Какъ знаніе совершенно свободное отъ вліянія нуждъ, мудрость или философія какъ бы возвышается надъ человѣческою природою, которая во многомъ является рабскою, и носитъ въ себѣ божественныя черты. Будучи мѣше нужна, чѣмъ прочія знанія, она стоитъ однако выше ихъ всѣхъ. Возникая изъ чувства удивленія, она оканчивается уничтоженіемъ этого чувства, обнаруживая естественную необходимость того, что прежде казалось страннымъ и удивительнымъ.—III. Познаніе причинныхъ основъ, какъ необходимое для пониманія всего. Четыре значенія, которыя могутъ быть придаваемы слову „причина“: 1) сущность и форма, 2) матерія и субстратъ, 3) начало движенія, 4) цѣль и благо. Для того, чтобы убѣдиться, что этия четыре значенія исчерпываются смыслъ слова „причина“, необходимо прослѣдить мысли прежнихъ философовъ о первыхъ основахъ сущаго. Большинство ихъ понимало причину въ значеніи субстрата, вѣчно покоящагося при происходящихъ въ природѣ перемѣнахъ; но они расходились въ мнѣніяхъ о томъ, что считать такимъ субстратомъ и есть ли онъ одинъ или ихъ много. Фалесъ за начало всего сущаго принималъ воду; происхожденіе этого ученія. Анаксименъ и Діогенъ признавали за начала сущаго воздухъ, Гиппастъ Металоптійскій и Гераклитъ Эфесскій—огонь, Эмпедоклъ—воду, воздухъ, огонь и землю. Ученіе Анаксагора о томъ, что все происходитъ черезъ соединеніе и разединеніе однородныхъ частицъ. Недостаточность всѣхъ этихъ мнѣній: никакой субстратъ не можетъ быть причиною измѣненій самого себя. Наводимые мысли о необходимости какой-нибудь причины для измѣненій, прежніе философы одно матеріальное начало принимали за движущее, а другое за движимое. Невозможность, чтобы какое-нибудь матеріальное начало было при-

¹⁾ Слова, которыхъ нѣтъ въ греческомъ текстѣ, но безъ которыхъ нельзя было обойтись въ русскомъ, поставлены въ скобкахъ []; имена, поставленныя звѣздычкѣ вѣстоименій греческаго текста, отиъченъ курсивомъ.

чивую благоустройства въ природѣ, и невозможность принисать это благоустройство вліянію случайности или судьбы. — IV. Присутствіе въ природѣ безпорядка и безобразія на ряду съ порядкомъ и красотою. Дружба и раздоръ, какъ причина движеній въ субстратѣ, по ученію древнихъ, я какъ источникъ порядка и безпорядка. Неумѣніе прежнихъ философовъ пользоваться своими началами, когда они даже и удачно выбраны, напимѣръ, Анаксагора — разумомъ, Эмпедокла — дружбою и раздоромъ. Эмпедоклъ, признавъ четыре стихіи природы, пользуется ими какъ двумя, соединяя три въ одну. Левкиппъ и Демокритъ; ученіе ихъ о полномъ и пустомъ; признавая различій въ природѣ обуславливается различіемъ въ формѣ, порядкѣ и положеніи отдѣльныхъ частицъ. — V. Ученіе Пнеагорейцевъ; его сущность и происхожденіе. Четное и нечетное или ограииченное и безграиичное, какъ элементы чиселъ. Еднiное, какъ соединяющее въ себѣ четное и нечетное. Десять соответствующихъ и противоположныхъ началъ. Близость этого ученія съ ученіемъ Алкмея Кротонскаго. Пнеагорейцы придавали своимъ математическимъ элементамъ матеріальное значеніе. Ученіе, что въ основѣ природы лежитъ единое сущее, которое неподвижно; Ксенофанъ, Мелиссъ и Пармениадъ. Общія заключительныя замѣчанія о всѣхъ предыдущихъ философахъ и въ особенности о Пнеагорейцахъ. — VI. Ученіе Платона; связь его съ ученіемъ Гераклита о томъ, что все чувственно постигаемое течетъ и о немъ не можетъ быть истиннаго знанія, и съ пріемомъ Сократа находить истинное знаніе черезъ опредѣленія; идеи какъ опредѣляемое; чувственно, воспринимаемое существуетъ черезъ соучастіе въ идеяхъ; сходство этого ученія съ ученіемъ Пнеагорейцевъ, что чувственно воспринимаемое существуетъ черезъ подражаніе числамъ; математическія понятія, какъ лежанія между чувственно воспринимаемымъ и между видами; ученіе объ единомъ, о видахъ и о большомъ и маломъ. — VII. Общій обзоръ изложенныхъ мнѣніи прежнихъ философовъ о началахъ сущаго. Изъ нихъ никто не переступилъ за предѣлы четырехъ значеній, въ которыхъ можетъ быть понимаемо слово „причина“. Большинство ихъ коснулось только матеріальной причины, нѣкоторые — и причины движенія; причины формальной никто не коснулся, хотя ближе другихъ подошли къ понятію о ней философы, признававшіе виды; причины конечной и блага коснулись философы, признававшіе началомъ взмѣненія дружбу и раздоръ, но коснулись ея двусмысленно. — VIII. Недостаточность ученія физиковъ о матеріальномъ субстратѣ: они говорятъ только о тѣлесномъ, хотя существуетъ и безтѣлесное. Затрудненія физиковъ, принимающихъ одну первоначальную стихію. Разборъ ученія Эмпедокла, принимающаго многія стихіи. Разборъ ученія Анаксагора. Разборъ ученія Пнеагорейцевъ; изъ ихъ началъ нельзя объяснить движенія; другія затрудненія теоріи чиселъ. — IX. Разборъ теоріи идей. Принимая существованіе видовъ, она безъ нужды увеличиваетъ число существъ, что только еще затрудняетъ объясненіе послѣднихъ. Существованіе видовъ нельзя доказать никакимъ возможнымъ способомъ. Виды отрицательнаго и виды атрибутовъ. Изъ теоріи видовъ нельзя объяснить движенія, перемѣнъ и вообще всякаго происхожденія и уничтоженія. Виды не помогаютъ въ познанію вещей, ни ихъ существованію. Вудучи сущностями вещей, они не могутъ быть отдѣляемы отъ того, чего они суть сущность. Для того, чтобы

вещи становились причастны видамъ, нужно принять нѣчто третье и посредствующее между видами и вещами, котораго уже совершенно не изъ чего будетъ объяснить. Желая объяснить сущность видимаго, эта теорія только говоритъ, что существуютъ еще другія сущности. — X. Заключительныя слова о неясности въ мышленіи прежнихъ философовъ и, въ частности, объ Эмпедоклѣ.

I.

1. Всѣ люди по природѣ [своей] стремятся къ знанію; признакомъ [этого] служатъ влеченіе къ чувственнымъ воспріятіямъ. Вѣдь и помимо нужды, воспріятія сами по себѣ служатъ предметомъ влеченія; больше же всѣхъ другихъ [мы любимъ] воспріятія черезъ органъ зрѣнія. И въ самомъ дѣлѣ, мы выбираемъ зрительныя ощущенія, едва ли не предпочтительно передъ всѣми другими, не только тогда, когда намъ предстонтъ [что-либо] дѣлать, но и не имѣя въ виду никакого дѣла. А это потому, что изъ [всѣхъ] чувствъ это именно больше всего доставляетъ намъ свѣдѣній и обнаруживаетъ много различій ¹⁾.

2. Отъ природы живыя существа имѣютъ способность къ чувственнымъ воспріятіямъ ²⁾; но изъ этой способности у однихъ изъ нихъ возникаетъ память, а у другихъ нѣтъ; и поэтому первыя разумнѣе и повѣтливѣе тѣхъ, которыя не обладаютъ памятью. Разумны, но лишены возможности научиться всѣ тѣ [живыя существа], которыя не одарены способностью слышать звуки, какъ пчелы ³⁾, и всякій, какой только есть, другой подобный родъ живыхъ существъ. Но научиться способны тѣ, которыя вмѣстѣ съ памятью имѣютъ и это чувство [слуха].

3. Такимъ образомъ [всѣ] другія [существа] живутъ [чувственными] представленіями и воспоминаніями; опыту же они мало причастны. Но человѣческій родъ [обладаетъ] еще искусствомъ и размышленіемъ (τέχνη καὶ λογισμός) ⁴⁾. 4. А рождается опытность у людей

¹⁾ Въ трактатѣ De sensu et sensibilibus, I, Аристотель подробно говоритъ о значеніи отдѣльныхъ органовъ чувствъ и, въ частности, повторяетъ вышеназванную здѣсь мысль объ ихъ отношеніи къ знанію.

²⁾ Въ трактатѣ De anima, lib. II, cap. II, ст. 3—4, Аристотель способность къ чувственнымъ воспріятіямъ считаетъ отличительнымъ свойствомъ животныхъ сравнительно съ растеніями.

³⁾ Аристотель не всегда такъ положительно высказывался о глухотѣ пчелъ, напримѣръ, въ Historia naturalis, lib. IX, cap. XL, ст. 23.

⁴⁾ Τέχνη не въ смыслѣ искусства.

изъ памяти: именно, многія воспоминанія объ одномъ и томъ же получаютъ значеніе одного опыта. Поэтому опытность кажется [чѣмъ-то] почти подобнымъ наукѣ (ἐπιστήμη) и искусству. Наука и искусство дѣйствительно рождаются у людей путемъ опыта. „Опытность произвела искусство“, какъ справедливо говоритъ Поль ¹⁾, а неопытность [народила] случайность. 5. Искусство ²⁾ появляется всякій разъ, ко-

¹⁾ Поль, ученикъ и послѣдователь извѣстнаго софиста Горгія, написалъ сочиненіе по риторикѣ, отъ котораго до нашего времени ничего не сохранилось. О немъ упоминаетъ Платонъ въ „Федрѣ“.

²⁾ Все нижеслѣдующее разсужденіе Аристотеля о различіи между опытностью (ἐμπειρία) и искусствомъ (τέχνη) замѣчательно по своей чрезвычайной близости къ идее научной индукціи, которая двадцать столѣтій спустя была открыта Бэкономъ Веруламскимъ. Если вдуматься ближе въ его мысли и въ точный смыслъ его словъ, то ясно станетъ, что онъ здѣсь говоритъ не о чемъ иномъ, какъ о различіи между такъ называемомъ *inductio per enumerationem simplicem*, извѣстномъ до Бэкона, и между индукціею этого послѣдняго. Опытность, по его словамъ, есть знаніе, нѣющее силу по отношенію къ нѣсколькимъ или многимъ явленіямъ извѣстнаго порядка; искусство есть знаніе, нѣющее значеніе по отношенію къ цѣлому порядку извѣстныхъ явленій, сколько бы ихъ не заключалось въ немъ. Извѣстно, что наслѣдъ Бэкона и состояла именно въ томъ, что въ замѣнъ индукціи черезъ простое перечисленіе, дающей въ результатъ лишь приближительную истину, справедливую, строго говоря, только въ предѣлахъ сдѣланныхъ наблюденій, онъ поставилъ индукцію научную, которая даетъ въ результатъ истину всеобщаго характера, распространяющуюся на неопредѣленное количество однородныхъ фактовъ, какъ настоящихъ, такъ и будущихъ. Это различіе и выражено Аристотелемъ въ томъ, что искусство отягается отъ простой опытности (= *ind. per enum. simpl.*) тѣмъ, что въ ней содержится знаніе вещей или явленій καθόλου. Это по отношенію къ тому, что *обнимается истинною, полученною путемъ научной индукціи* (всеобщее въ отличіи отъ многого единичнаго). Далѣе, самый способъ полученія этой истинны состоитъ, по Бэкону, не въ умозрѣніи, а въ опытѣ; и Аристотель говоритъ: „искусство получается всякій разъ, когда изъ многихъ опытныхъ впечатлѣній произошло одно общее умозаключеніе о подобныхъ вещахъ“. Ясно, что это умозаключеніе и есть именно тотъ выводъ всеобщаго положенія, которое, по Бэкону, будучи перевесомъ въ дедукцію, можетъ послужить основаніемъ для силлогистическихъ умозаключеній (напримѣръ, положеніе „все люди смертны“ для извѣстнаго силлогизма). Бэконъ думалъ, что наука среднихъ вѣковъ и его времени не доставало именно этихъ основныхъ всеобщихъ положеній, и потому-то всѣ построенія схоластики какъ бы висѣли на воздухѣ, опираясь лишь на нѣмно достоверныя основанія. Умѣніе находить эти основанія, эти большія посылки для дедукціи, онъ считалъ задачею своего новаго метода. Наконецъ *то, на что направляется опытное исследование, есть, по Бэкону, причина*: открывъ ее, мы и получаемъ въ выводѣ всеобщую истину, напримѣръ, открывъ, какая есть причинная связь между организаціею чловѣка и явленіемъ смерти, можемъ уже сказать: „все люди смертны“. И по Ари-

гда изъ многихъ опытныхъ впечатлѣній (*ἐννοημάτων*) произошло одно общее умозаключеніе (*ἀπόληψις*) о подобныхъ [вещяхъ]. Ибо получить умозаключеніе, что [и какому-нибудь] Каллію, страдавшему извѣстною болѣзнью, и Сократу, и многимъ [другимъ] въ частности помогло то-то именно—это относится къ опытности; но знать, что помогаетъ всѣмъ безъ исключенія, страдающимъ извѣстною болѣзнью, если подвести ихъ подъ одинъ видъ, будетъ ли то страданіе отъ воспаления, отъ разлитія желчи или отъ горячки—[это относится] къ искусству. 6. На практикѣ, такимъ образомъ, опытность, по видимому, ничѣмъ не отличается отъ искусства. Мало того, мы видимъ, что опытные лучше достигаютъ цѣли, чѣмъ [люди], имѣющіе [только] теоретическое званіе (*λόγον*), безъ опыта. Это потому, что опытность есть знаніе вещей по одиночкѣ, искусство же—[знаніе ихъ] вообще; а всякое дѣйствіе и всякое происхожденіе относится къ единичному ¹⁾. Такъ врачъ излѣчиваетъ не человѣка [вообще]—не говоримъ о случайномъ совпаденіи ²⁾ [частнаго съ общимъ]—но [именно] Калліа, Сократа и всякаго другаго больного, которому [конечно] приходится

стотелю (см. далее, стихъ 7—9), искусство отличается отъ опытности тѣмъ именно, что тогда какъ послѣдняя знаетъ только, что есть (*ὅτι ἐστίν*), первое знаетъ, почему (*διότι*) есть то, что есть. Такимъ образомъ три основные элемента индукціи Бэкона: 1) опытный путь, 2) направленный на познаніе причинъ и 3) дающій въ результатъ истину всеобщаго характера—указаны въ точности Аристотелемъ въ 1-й главѣ его „Метафизикъ“. Если свести въ одно все, что онъ говоритъ здѣсь о видахъ знанія, то ясно станеть, что онъ опредѣляетъ ихъ всѣ, какіе существуютъ и въ настоящее время: 1) опытность или знаніе вещей по одиночкѣ; она не составляетъ никакой части науки и есть достояніе всѣхъ людей (въ отличіе отъ животныхъ, которыя „опыту мало причастны“—замѣчательна осторожность этого выраженія, въ которомъ кое-что и действительно поправлено новѣйшими наблюденіями, показывающими, что нѣкоторые животныя, напримеръ, лвы, сдѣлавъ что-нибудь неудачно, снова повторяютъ свои дѣйствія уже безъ цѣли достигнуть того, для чего первоначально совершенно было неудавшееся дѣйствіе; 2) научная индукція, открывающая опытнымъ путемъ причины и дающая знаніе всеобщаго характера; 3) умозрѣніе (родъ же человѣческой пользуется еще искусствомъ и размышленіемъ“, см. ст. 3).

¹⁾ То-есть, всякое дѣйствіе можетъ быть направлено только на единичное, и единичное же всегда происходитъ, образуется въ какомъ-либо процессѣ, напримеръ, и глѣтится, и выжоравливаетъ единичный человѣкъ, а не человѣкъ вообще.

²⁾ Въ текстѣ хатѣ *συνεβήχως*. О значеніи этого понятія, играющаго большую роль въ философіи Аристотеля, будетъ подробно говориться далее, *Мет. кн. IV, гл. III*. Здѣсь та мысль, что для процесса излѣченія, который относится къ той единичной болѣзни, является совершенно случайнымъ и побочнымъ обстоятельствомъ то, что излѣчиваемое лицо есть въ то же время и человѣкъ.

быть и человѣкомъ. 7. Такъ что, если кто имѣетъ безъ опыта теоретическое знаніе и понимаетъ, положимъ, общее, а не знаетъ частныхъ, которыя обнимаются этимъ общимъ ¹⁾, тотъ легко ошибется въ дѣвевіи. Ибо явлѣвается-то скорѣе частное.

Тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что знать и понимать свойственнѣе искусству, нежели опытности, и предполагаемъ, что владѣющіе искусствомъ болѣе мудры, чѣмъ тѣ, которые имѣютъ [только] опытность. Ибо по мѣрѣ знанія сопровождается всѣхъ насъ мудрость. А это потому, что первые обладаютъ знаніемъ причины, вторые же нѣтъ; ибо опытные знаютъ, чтѣ есть, а почему оно—не знаютъ, а владѣющіе искусствомъ, понимаютъ почему, то-есть, знаютъ причину. 8. Поэтому и водчаго или какого другаго руководителя ²⁾ въ каждомъ дѣлѣ мы болѣе уважаемъ и считаемъ болѣе свѣдущимъ и мудрымъ, чѣмъ простыхъ рабочихъ, потому что онъ знаетъ причины того, чтѣ дѣлается, а эти, какъ и нѣкоторые изъ неодушевленныхъ [существъ], хоти и выполняютъ [нѣчто], но выполняютъ, не понимая чтѣ, какъ, напримѣръ, огонь, [который] жжетъ. Но безжизненные [существа] выполняютъ то или другое изъ этихъ [дѣйствій] въ силу нѣкоторой природы [своей], а рабочіе въ силу привычки: они ³⁾ болѣе мудры, но не въ практическомъ отношеніи, а сообразно съ [нѣкоторымъ] теоретическимъ знаніемъ и [какъ бы] пониманіемъ причинъ. 9. И вообще признакъ знающаго есть способность научить ⁴⁾, и поэтому-то мы думаемъ, что искусство больше опытности есть наука ⁵⁾. Ибо [владѣющіе искусствомъ] могутъ научить, а владѣющіе только опытностью не могутъ. Сверхъ того, мы полагаемъ, что въ чувственныхъ воспріятіяхъ никакой нѣтъ [еще] мудрости; однако они

¹⁾ Въ текстѣ просто „въ немъ“.

²⁾ Въ текстѣ одно слово *ἀρχιτέκτων*, которое означаетъ не только водчаго, но и вообще руководителя въ различныхъ искусствахъ и ремеслахъ.

³⁾ Греческій текстъ грамматически не ясенъ. Подъ „они“ (*αὐτοῖς*) можно разумѣть рабочихъ или архитекторовъ и вообще руководителей работъ. Въ первомъ случаѣ рабочіе приписываются болѣе мудрости сравнительно съ безжизненными тѣлами, такъ какъ рабочіе, если и не знаютъ общей цѣли работы, то все-таки знаютъ цѣли частныхъ дѣйствій, которыя выполняютъ или, напримѣръ, знаютъ, что камень, который они несутъ, для стѣны. Во второмъ случаѣ повторяется опять мысль, что руководители мудрѣе рабочихъ, такъ какъ знаютъ причины. Въ текстѣ, впрочемъ, предложеніе стоитъ безъ принятыхъ нами ограниченийъ „нѣкоторые“ и „какъ бы“.

⁴⁾ Эта мысль высказана была Платономъ въ *Алкивиадѣ I*-мъ.

⁵⁾ То-есть, въ искусствахъ болѣе включено научнаго знанія, чѣмъ въ опытности.

именно даютъ свѣдѣнія, имѣющія господствующее значеніе въ отношеніи къ единичнымъ [предметамъ]. Но они ни о чемъ не говорятъ, почему это, напримѣръ, почему огонь горячъ, но [говорятъ] только, что онъ горячъ.

10. Поэтому естественно, что тотъ, кто, не слѣдуя чувственнымъ воспріятіямъ всѣхъ, впервые изобрѣтаетъ какое-нибудь искусство, дѣлается предметомъ удивленія для людей не только потому, что есть нѣчто полезное въ его изобрѣтеніи, но и какъ мудрый и отличающійся отъ другихъ. А потомъ, когда изобрѣтается еще больше искусствъ, и притомъ одни изъ нихъ для удовлетворенія нуждъ, другія же для пріятнаго провѣденія жизни, то всегда подобныхъ людей мы считаемъ болѣе мудрыми, чѣмъ людей опыта, потому что знанія ихъ служатъ не для [непосредственной] нужды.

11. И потомъ уже, когда всѣ подобныя искусства установились, были найдены науки, которыя [не служатъ] ни для удовольствія, ни для необходимыхъ потребностей, и прежде всего тамъ, гдѣ [люди] имѣли досугъ. Такъ гдѣ-то въ Египтѣ впервые образовались искусства математическаго характера; ибо тамъ можно было имѣти досугъ кастѣ жрецовъ ¹⁾.

12. Въ „Этикѣ“ ²⁾ уже сказано было, какое различіе между искусствомъ, наукой и прочими однородными [сферами дѣятельности]. А теперь мы ведемъ рѣчь объ этомъ потому, что такъ-называемая мудрость, по общему мнѣнію, вращается въ области первыхъ причинъ и началъ. Такимъ образомъ, согласно со всѣмъ вышесказаннымъ, опытный кажется болѣе мудрымъ, чѣмъ имѣющіе [только] способность къ ощущеніямъ, какова бы ни была она, властвующіе искусствомъ [мудрѣ] обладающихъ опытомъ, зодчій [мудрѣ] рабочаго, а умозрительныя изысканія (θεωρητικά) выше чисто практической дѣятельности. Итакъ, ясно, что мудрость [или философія] есть наука о нѣкоторыхъ причинахъ и началахъ.

¹⁾ Геродотъ (Ист., кн. II, гл. 109) нѣсколько иначе объясняетъ происхожденіе математическихъ знаній въ Египтѣ, именно геометрія. Онъ говоритъ, что Нилъ своими ежегодными разлитіями стлгивалъ границы полей, которыя были опредѣлены первоначально Сезострисомъ; поэтому приходилось постоянно вновь размѣрять землю. Объясненіе Аристотеля общее и, быть можетъ, ближе къ истинѣ даже по отношенію къ Египту.

²⁾ „Этика Никомахова“, кн. VI, гл. 2—5.

II.

1. Если мы ищемъ такую науку, то не лишнимъ было бы разсмотрѣть [вопросъ], знаніе какихъ именно причинъ и какихъ началъ есть мудрость. И вотъ если кто приметъ въ расчетъ тѣ мнѣнія, какія мы имѣемъ о мудромъ, то, быть можетъ, черезъ это [отвѣтъ для него] болѣе выяснится.

2. Мы полагаемъ, прежде всего, что мудрецъ по возможности все знаетъ, хотя бы и не владѣлъ знаніемъ въ отдѣльности каждаго [предмета]; и далѣе, [мы считаемъ] мудрымъ того, кто въ силахъ узнавать трудное и не легко доступное для человѣческаго познанія — ибо имѣть чувствешныя впечатлѣнія свойственно всѣмъ ¹⁾, потому легко и [въ этомъ] нѣтъ ничего мудраго; потомъ, [по нашему мнѣнію], тотъ болѣе мудръ во всякомъ знаніи, кто болѣе точенъ и способенъ научить познанію причинъ. 3. А изъ наукъ та скорѣе есть мудрость, которая избрана ради себя самой и благодаря [самой возможности] знать, чѣмъ та, которая [выбрана] ради своихъ результатовъ. И притомъ основное и господствующее знаніе скорѣе, нежели знаніе служебное, [мы назовемъ] мудростью, ибо мудрому должно не получать предписанія, но предписывать, и надлежитъ не ему слушаться другаго, но его — менѣе мудрому.

4. Вотъ какіихъ мнѣній и вотъ сколькихъ [точекъ зрѣнія] мы держимся [въ вопросѣ] о мудрости и мудрецахъ. А изъ этихъ [признаковъ мудраго] свойство знать все необходимо присуще тому, кто болѣе всего обладаетъ знаніемъ всеобщаго, ибо онъ нѣкоторымъ образомъ знаетъ все, обнимаемое [этимъ всеобщимъ] ²⁾. Съ другой стороны, едва ли и не труднѣе всего знать людямъ это же, то-есть, наиболѣе всеобщее; ибо оно далѣе всего лежитъ отъ чувствешныхъ воспріятія. Самыя же точныя изъ знаній суть тѣ, которыя прямо касаются первыхъ основъ. Ибо науки, [основанныя] на меньшемъ числѣ [элементовъ], точнѣе такъ называемыхъ сложныхъ наукъ ³⁾,

¹⁾ То-есть, не только всѣмъ людямъ, но и животнымъ, какъ было уже сказано въ предыдущей главѣ.

²⁾ Та же мысль выражена во второй Аналитикѣ, кн. I, гл. XXIV, ст. 18.

³⁾ Въ текстѣ: τῶν ἐκ πρῶτων ἀποδείκτων. Здѣсь подъ сложными науками разуміются такія науки, элементы которыхъ неоднородны, напримеръ, элементъ геометріи состоитъ изъ 1) понятій о количествѣ, какъ, напримеръ, „всякое количество равно суммѣ своихъ частей“, и изъ 2) понятій пространственныхъ,

какъ, напримѣръ, арифметика [точнѣе] геометріи. 5. Но и болѣе способнымъ научать [является], конечно, тоже умозрительное [знаніе] причинъ; ибо научаютъ тѣ, которые объясняютъ причины въ каждомъ дѣлѣ. Знать же и понимать ради чисто теоретическаго интереса больше всего присуще наукѣ о наиболѣе познаваемомъ. Ибо тотъ, кто выбираетъ знаніе ради его самого, скорѣе всего выберетъ чисто теоретическое знаніе ¹⁾, а это послѣднее и есть [наука] о наиболѣе познаваемомъ. А болѣе всего познаваемы первыя начала и причины, ибо черезъ нихъ и изъ нихъ познается все прочее, а не они [познаются] черезъ себѣ подчиненное. А самое основное изъ знаній и преобладающее надъ служебнымъ есть то, въ которомъ содержится пониманіе цѣли ²⁾, ради которой ³⁾ все въ отдѣльности должно дѣлаться; это и есть благо во всемъ и въ каждомъ и вообще наилучшее въ цѣлой природѣ.

7. Итакъ, изъ всего сказаннаго [видно, что] рассматриваемое нами понятіе [мудрости] совпадаетъ съ однимъ и тѣмъ же понятіемъ науки; именно, она должна быть теоретическимъ [изысканіемъ] первыхъ началъ и причинъ, а вѣдь благо и то, для чего [что-либо] есть одна изъ причинныхъ основъ ⁴⁾. А что [это знаніе] не практическаго значенія, это ясно изъ [образа мыслей] первыхъ философствовавшихъ [людей]. 8. Ибо вслѣдствіе удивленія люди и теперь, и прежде начинали философствовать ⁵⁾, сперва почувствовавъ удивле-

напримѣръ, что линія имѣетъ одно, плоскость два и объемъ три измѣренія. Сложныя науки суть также болѣе узкія по своему содержанію и имѣющія предметомъ болѣе реальное. Напримѣръ, предметъ геометріи уже, и реальнѣе предмета арифметики, предметъ астрономіи уже и реальнѣе, нежели предметъ геометріи. То, что суживаетъ ихъ предметъ—элементы втораго рода, присоединяемые къ элементамъ простой науки—одновременно и открываетъ новую, совершенно особенную область познанія, отнюдь не содержащуюся, даже и скрытымъ образомъ, въ наукѣ болѣе общей. Такъ что болѣе сложная наука всегда какъ бы и обнимается болѣе простою, и лежитъ внѣ ея.

¹⁾ Τὴν μάιστα ἐπιστήμην, знаніе по преимуществу.

²⁾ Ранѣе говорилось (см. 1 гл.) о различіи между знаніемъ и пониманіемъ и указывалось какъ на отличительную черту втораго на то, что въ немъ содержится знаніе причины (αἰτία). Теперь указывается на знаніе цѣли, какъ на признакъ отличительный для пониманія. Въ мыслѣ Аристотеля здѣсь ятъ двойственность, такъ какъ цѣль для него есть одна изъ видовъ причинъ (см. ниже, глава 3).

³⁾ Въ текстѣ: ... есть понимающее, ради чего все ...

⁴⁾ См. далѣе, гл. III, о различныхъ видахъ причинъ.

⁵⁾ Платонъ въ „Тевтетѣ“ говоритъ: „удивленіе есть философское чувство;

ніе къ тѣмъ нѣзъ вызывающихъ недоумѣніе предметовъ, которые были подъ руками, а потомъ мало по малу нѣдѣ такимъ образомъ далѣе и встрѣтивъ затрудненіе въ болѣе важномъ, что, напримѣръ, касается ущербовъ луны или движеній солнца и звѣздъ или происхожденія вселенной (тоѵ παντός). А кто недоумѣваетъ и удивляется, тотъ думаетъ, что онъ не знаетъ. Поэтому и любитель мнѳовъ есть въ нѣкоторомъ смыслѣ философъ, такъ какъ мнѳъ слагается изъ чудеснаго. Такимъ образомъ если философствовать начали, избѣгая незнанія, то ясно, что стали преслѣдовать знаніе изъ жажды разумнѣія, а не ради какой-нибудь нужды. 9. Объ этомъ свидѣлствуютъ и самые факты, ибо когда все почти было на лицѣ, что необходимо и [служить] для облегченія жизни, тогда только подобнаго рода разумнѣіе стало предметомъ исканія. Ибо ясно, что мы ищемъ его не по какой посторонней нуждѣ; но, подобно тому, какъ мы говоримъ: „это свободный человѣкъ“ про того, кто живетъ ради самого себя, а не ради другаго, такъ и между знаніями это только одно свободно, потому что оно одно существуетъ ради себя самаго ¹⁾. По этому-то и правильно было бы считать пріобрѣтеніе его не человѣческимъ [дѣломъ]: вѣдь природа людей во многихъ отношеніяхъ является рабскою, такъ что, говоря словами Симониды ²⁾, Богъ одинъ могъ бы нѣмѣти этотъ запидный удѣлъ, а человѣкъ не достоинъ искать не того знанія, которое ему прилично (то-есть, высшаго). 10. Если въ самомъ дѣлѣ вѣрнѣе поэтамъ и если [такъ ужъ] устроено, что божество завидуетъ, то естественно, что чаще всего оно завидуетъ по поводу этого именно, и несчастны всѣ тѣ, кто ищетъ чрезвѣрнаго. Но, съ другой стороны, не мыслимо, чтобы божество было завистли-

это истинное начало эндоусіа“. Такимъ образомъ Аристотель не былъ первымъ, высказавшимъ этотъ прекрасный и глубокій взглядъ на происхожденіе эндоусіа. Однако сказанное у Платона нѣсколько у Аристотеля стоитъ во введеніи къ его эндоусіа и передъ историческимъ обзоромъ прѣшихъ эндоусіахъ ученій. Очевидно, онъ болѣе глубокимъ образомъ считаетъ его источникомъ эндоусіа, бытъ можетъ сильнѣе почувствовать его въ себѣ самомъ.

¹⁾ Эта мысль, что мудрецъ изъ всѣхъ людей есть наиболее свободный, постоянно и настойчиво проводилась впоследствии въ стоической школѣ, какъ въ еорнѣ эндоусіахъ ученія, такъ и въ повѣи (напримѣръ, у Персія).

²⁾ Стихъ, о которомъ говоритъ Аристотель, приведенъ у Платона въ „Протагорѣ“, но тамъ выраженная въ немъ мысль относится не къ знанію, а къ добродѣтели: „истинно трудно одѣзаться человѣкомъ добрымъ, совершеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ, человѣкомъ безъ недостатка; это преимущество принадлежитъ одному Богу“.

вымъ, да и „пѣвцы много лгутъ“, какъ говорятъ пословица ¹⁾, съ другой стороны, [никакое] иное [знаніе] не слѣдуетъ считать болѣе почетнымъ, чѣмъ [знаніе] подобнаго рода. Вѣдь самое божественное знаніе—и самое почетное. А божественно оно по всякомъ случаѣ вдвойнѣ, ибо и то изъ знаній, которое скорѣе всего прилично имѣть Богу, божественно, и всякое, какое только трактуетъ о божественномъ. А единственно этому знанію выпало на долю то и другое: съ одной стороны, Богъ всѣмъ кажется одною изъ причинныхъ основъ и нѣкоторымъ началомъ. Съ другой стороны, [это знаніе] таково, что имъ можно обладать или одному только Богу, или Богу больше всего.

11. Однимъ словомъ всѣ [прочія знанія] нужнѣе этого, но ни одно не выше.

Однако результатъ обладанія такимъ знаніемъ долженъ быть для насъ противоположенъ побужденію къ первоначальному изслѣдованію. Вѣдь начинаютъ всѣ, какъ мы сказали, съ удивленія, [задаваясь вопросомъ], такъ ли это, подобно тому какъ автоматы [относятся] къ чудесамъ въ глазахъ тѣхъ, которые еще не открыли причины изъ движенія или когда [дѣло идетъ] о солноротыхъ или несоизмѣримости діаметра съ окружностью. Вѣдь всѣмъ кажется удивительнымъ, если что не измѣряется наименьшею [величиной].

12. А нужно, въ концѣ концовъ, придти къ противоположному и, по послоніцѣ, закончить лучшимъ, какъ это бываетъ и въ приведенныхъ вопросахъ, когда [ихъ] изучать; потому что ни чему такъ не удивился бы геометръ, какъ еслибы діаметръ сталъ соизмѣримъ [съ окружностью].

Итакъ, вотъ какова природа искомаго знанія и вотъ какова цѣль, которой нужно достигнуть настоящему изслѣдованію и всему ходу его.

III.

1. Очевидно, что должно достигать знанія первоначальныхъ причинъ, ибо тогда [только] мы говоримъ, что волюнѣ понимаемъ то или другое, когда думаемъ, что намъ понятна первая причина ²⁾

¹⁾ Аристотель любитъ подтверждать свой взглядъ на вещи пословицами. Въ ватологъ его сочиненій у Діогена Лаэртія ему приписывается, между прочимъ, сборникъ народныхъ пословицъ.

²⁾ Подъ выраженіемъ „первая причина“ у насъ принято разумѣть причину, наиболѣе далеко отодвинутую во времени. Это понятіе возникло изъ ставшихъ слишкомъ привычными въ наше время механическихъ представленій. Тенденція

[его]. А о причинных основах можно говорить в четырех смыслах: попервых, причиною мы называем сущность (*οὐσία*) и основание, в силу которого что-либо есть то, что оно есть и чем было (*τὸ τί ἦν εἶναι*)¹⁾—ибо каждое „почему“ сводится в концѣ концов къ первому основанію, а первое „почему“ есть причина и начало²⁾; во-

все сводить в послѣднемъ анализѣ къ точкѣ и движенію и заставляеть понимать и первую причину въ формѣ толчка, движенія, которое ничѣмъ, кромя положенія во времени (первое), не отличается отъ всѣхъ промежуточныхъ движеній и наконецъ отъ того, которое мы наблюдаемъ. Аристотель былъ чуждъ этого узкаго и грубого представленія. Первая причина у него представляется, *Мет.* XII, не какъ впервые толкнувшее во времени, но какъ отъ начала влекущее къ себѣ все мировое развитіе, какъ то, не отъ чего, а къ чему все движется. Но здѣсь, говоря не объ одной, но о вѣсколькихъ причинныхъ основахъ, и притомъ такихъ, званіе которыхъ даетъ полное пониманіе отдѣльныхъ предметовъ и явленій, онъ разуметь то, что въ отличіе отъ реальныхъ основаній вещи можно было бы назвать ея метафизическими основаніями. Это — послѣдніе элементы, на которые анализъ, глубокой и тонкой, на сколько возможно, разлагаетъ бытіе и понятіе каждой вещи.

¹⁾ Терминъ этотъ впервые введенъ въ философію Аристотелемъ и, подобно вѣкоторымъ другимъ его терминамъ, имѣеть странный, грамматически необычайный складъ. Понятіе, въ немъ выраженное, имѣеть не только важное, но и господствующее значеніе въ его системѣ. Какъ и остальные три смысла термина „причина“: матерія, начало движенія и цѣль, онъ будетъ подробно разобранъ ниже, *Мет.* VI, 2. Изъ этого разбора видно, что подъ сложнымъ выраженіемъ *τὸ τί ἦν εἶναι* скрывается понятіе того, что впослѣдствіи схоластическая философія обозначала терминомъ *causa formalis*, то-есть, форма, но не какъ геометрическое очертаніе только, а какъ влѣкущее начало всякаго предмета или явленія, какъ его понятіе. Выраженіе это состоитъ изъ *τί εἶναι* и *ἦν*. *Imperf.* здѣсь для того, чтобы показать, что форма единичнаго предмета или явленія существуетъ не только въ текущій моментъ ихъ пребыванія, но что она изъ вѣка была и предопредѣляла это пребываніе и, съ другой стороны, что, когда единичная реальная вещь исчезла, она еще продолжаетъ существовать. Мы передали его выраженіемъ: „основаніе, в силу котораго что-либо есть то, что оно есть и чемъ было“, потому что по своей общности оно ближе всего опредѣляетъ сущность каждой вещи или явленія и указываетъ на положеніе, которое занимаетъ сущность по отношенію къ свойствамъ и къ другимъ сторонамъ бытія данной вещи или даннаго явленія.

²⁾ Задавая послѣдовательно вопросы „почему“, мы каждую послѣдующую (не во времени, но логически) причину объясняемъ въ предыдущей и такимъ образомъ въ концѣ концовъ доходимъ до начальной причины, дальше которой не можемъ идти. Всмотрѣвшись въ эту причину, мы не видимъ для нея никакого другаго основанія, кромя ея собственнаго понятія, ея опредѣленія. Одинъ изъ лучшихъ комментаторовъ Аристотеля, Александръ Аверродескій, приводитъ въ привѣръ вопросъ: „почему огонь жметъ?“ Объяснивъ одну причину другою, на

вторыхъ, [причиною мы называемъ] матерію (δλη) ¹⁾ и субстратъ (ὑποκείμενον) ²⁾, вторыхъ, то, откуда начало движенія (ἀρχὴ τῆς γενέσεως), четвертыхъ, противоположное ей, именно то, ради чего что-либо {существуетъ}, и благо (ибо оно есть дѣль всякаго происхожденія и движенія).

Это хотя достаточно разсмотрѣно у насъ въ „Физикѣ“ ³⁾, однако теперь примемъ въ расчетъ и тѣхъ, которые прежде насъ дошли до разсмотрѣнія сущаго и философствовали относительно истины 2. Ибо испо, что в тѣ говорятъ о нѣкоторыхъ началахъ и причинахъ; поэтому предварительно обозрѣть [ихъ мнѣнія] будетъ не бесполезно въ ходѣ настоящаго изслѣдованія; такъ какъ мы или найдемъ какой-нибудь другой родъ причины, или тверже утѣримся въ только что указанныхъ.

Изъ первыхъ философовъ большинство думало, что только въ видѣ матеріи бывають начала всего. Именно, изъ чего состоятъ всѣ существа, откуда первоначально происходитъ они и во что въ концѣ концовъ погибаютъ превращаются, при чемъ сущность хотя остается, но измѣняется въ своихъ проиженіяхъ, это самое они счатаютъ началомъ всего сущаго. 3. И поэтому-то они думаютъ], что ничего не рождается и не погибаетъ, такъ какъ такая природа постоянно сохраняется, подобно тому, какъ мы не говоримъ прямо, что Сократъ появляется, если онъ дѣлается красивымъ или образованнымъ, ни того, что онъ уничтожается, когда утратилъ эти качества, потому что субстратъ, то-есть, самъ Сократъ остается. Также и изъ всего

которую она опирается, имъ въ концѣ концовъ придетъ къ тому только выводу, что огонь жжетъ потому, что онъ жжетъ; это его свойство—жаръ и есть сущность огня.

1) Ὑλη собственно значить „дѣль“. Этотъ терминъ также введенъ впервые Аристотелемъ для обозначенія матеріи какъ неопредѣленнаго вѣщества, изъ котораго возникаютъ опредѣленныя единичныя вещи, подобно тому, какъ дѣль служитъ безразличнымъ матеріаломъ для множества разнообразныхъ вещей, приготовляемыхъ изъ дерева.

2) Ὑποκείμενον собственно значить „подлежащее“. Этимъ терминомъ Аристотель обозначилъ неопредѣленную возможность опредѣленнаго бытія, то, что лежитъ въ основаніи единичныхъ вещей и явленій. Мы переводимъ его словомъ „субстратъ“, уже вошедшимъ въ философскую терминологию. Терминъ „подлежащее“ былъ бы удобнѣе для перевода, еслибы, къ сожалѣнію, онъ не имѣлъ слишкомъ опредѣлявшагося и исключительнаго грамматическаго значенія.

3) Физика, кн. II, гл. III, ст. 2—3. Это мѣсто „Физики“ потому буквально повторяется въ Мет., кн. IV, гл. II, ст. 1—2.

прочаго ничего [вполнѣ не исчезаетъ и не возникаетъ]. Ибо должна быть или одна какаля-нибудь природа ¹⁾, или больше одной, изъ которой рождается все остальное, при чемъ она сохраняется.

4. Однако на счетъ числа и вида подобнаго начала не всѣ согласны. Фалесъ ²⁾, по крайней мѣрѣ, родоначальникъ такого рода философин, утверждаетъ, что это—вода (потому онъ объяснялъ, что и земля находится на водѣ ³⁾, извлекиши свое мнѣніе изъ наблюдений, что пища всего живаго влажна и самое тепло изъ этого происходитъ и этимъ поддерживается ⁴⁾, (собственно „живетъ“), а изъ чего происходитъ (все), то и есть начало всего; такъ вотъ почему онъ привилъ это мнѣніе, а также и потому, что сѣмена всего имѣють влажную природу, а вода есть основа природы влажнаго. 5. А иные полагають, что такого же мнѣнія держались о природѣ и въ самой глубокой древности люди, жившіе (далеко равнѣе теперешнаго поколѣнія и впервые начавшіе размышлять о божествѣ ⁵⁾). Именно,

¹⁾ Фѣсисъ здѣсь очевидно употреблено въ смыслѣ того, что потомъ обозначалось словомъ „субстанція“.

²⁾ По некоторымъ древнимъ свидѣтельствамъ, Фалесъ написалъ сочиненіе *Περὶ τροπῆς καὶ ἰσημερίας*, то-есть, „О созвечномъ поворотѣ и равноденствіи“ (въ стихахъ). То, что Аристотель, начиная обзоръ философин, началъ ее именно съ Фалеса и назвалъ его родоначальникомъ философин природы, послужило главною причиною того, что и всѣ позднѣйшіе историки философин начинаютъ ее съ него же. Но ученіе пнеагорейцевъ, хотя гораздо болѣе глубокое, несли ученіе Фалеса, по всему своему характеру носятъ болѣе архаическія черты и ближе стоятъ къ древнѣйшимъ религіознымъ представленіямъ.

³⁾ Въ трактатахъ *De coelo*, I, II, с. XIII, 7, Аристотель также говоритъ о Фалесѣ и его ученіи: „Другіе говорятъ, что она (земля) лежитъ на водѣ; это именно мнѣніе мы принимаемъ какъ самое древнѣйшее. Его, говорятъ, высказывалъ Фалесъ Милетскій, принимая, что она, какъ плавающее тѣло, остается на поверхности подобно дереву или чему другому въ томъ же родѣ, ибо ничто изъ подобнаго не можетъ держаться на воздухѣ, но только на водѣ,—какъ будто не одно и то же соображеніе приложимо и къ землѣ, и къ водѣ, несущей на себя землю; вѣдь и вода не можетъ висѣть на воздухѣ, но на чемъ-нибудь“.

⁴⁾ Это, при первомъ взглядѣ, чрезвычайно странное мнѣніе, что тепло происходитъ отъ воды, быть можетъ, слѣдуетъ объяснять наблюденіемъ, что отъ присутствія влаги (сырости) многія вещества становятся болѣе теплыми вслѣдствіе происходящихъ при этомъ химическихъ процессовъ гніенія, броженія и пр.

⁵⁾ Въ текстѣ можно бы различать двѣ группы, во первыхъ, древнѣйшіе философы и, вторыхъ, теологи. Но можно соединить эти понятія въ одно, такъ какъ до Фалеса едва ли были философы. Рѣчь здѣсь идетъ о Гомерѣ, Гезіодѣ и Орееѣ.

они Океана ¹⁾ и Тефиду ²⁾ сдѣлали родоначальниками всего происшедшаго и свидѣтелями клятвы боговъ представляли воду — это такъ-называемый самими поэтами Стиксъ ³⁾. Почетнѣе же всего то, что древнѣе всего, а то, чѣмъ кланутся, всего почетнѣе. 6. Но исконнымъ ли и древнимъ оказывается такое мнѣніе о природѣ, это, быть можетъ, не совсѣмъ очевидно. Фалесъ, во всякомъ случаѣ, такъ именно, говорятъ, рассуждалъ о первой причинѣ. Гиппонъ ⁴⁾ же едва ли кто удостоивалъ бы поставить въ этомъ ряду вслѣдствіе ничтожности его размышленій.

7. Далѣе, Анаксименъ ⁵⁾ и Діогенъ ⁶⁾ воздухъ прежде воды и скорѣе всего ставятъ началомъ простыхъ тѣлъ, Гиппась Метропонтійскій ⁷⁾ и Гераклитъ Эфесскій ⁸⁾ [указываютъ] огонь, а Эмпедоклъ

¹⁾ См. Ном. Плат., XIV, 201 и слѣд., гдѣ говорится, что Океанъ есть прародитель всѣхъ боговъ, титановъ и олимпійцевъ. Онъ представляется (Ном. Плат., VII, 424 и слѣд.) въ видѣ рѣки, обтекающей море и землю и изъ которой восходитъ солнце, луна и звѣзды и снова потомъ заходить въ него. Стиксъ представляется какъ рукавъ Океана.

²⁾ По Гезіоду (Theogonia), Тефиды была титанида, дочь Урана и Геи, жена Океана. У Ном. Плат., XIV, 200 и слѣд., она выстѣ съ Океаномъ называется матерью всѣхъ боговъ.

³⁾ Стиксъ—подземная рѣка. Ном. II., XV, 37—38: „и черная вода Стикса съ ея таинственными волнами, величайшая изъ клятвъ, какому когда-либо мѣли боги“. Въ Ном. Od., V, 185, говорится, что клятва Стиксомъ считается самою не нарушимую у боговъ.

⁴⁾ Гиппонъ жилъ во времена Сократа и Перикла. Аристотель трактуетъ его съ таинств. не называя уваженіемъ въ De anima, I, I, ст. II, 18: „изъ болѣе грубыхъ нѣкоторые заявляли, что душа есть вода, какъ, напротивъ, Гиппонъ“.

⁵⁾ Анаксименъ написалъ сочиненіе іонійскою прозою, отъ котораго сохранился небольшой отрывокъ.

⁶⁾ Діогенъ Аполлонійскій, младшій современникъ Анаксагора, написалъ сочиненіе Περὶ φύσεως, отъ котораго у Смплиція сохранились многіе отрывки. Онъ выступилъ съ защитою ученія, что воздухъ есть начало всего, Анаксагора и его ученія о гомемеріяхъ (см. далѣе, ст. 8).

⁷⁾ Гиппась изъ Метропонта извѣстенъ почти только тѣмъ, что раздѣлялъ мнѣніе Гераклита.

⁸⁾ Гераклитъ Эфесскій написалъ сочиненіе, которое, по однимъ, называлось Μοῦσα, по другимъ, Περὶ φύσεως, отъ котораго сохранились многіе отрывки, собранные Шлейермахеромъ. Аристотель причисляетъ его къ эвзикамъ, но это можетъ быть сдѣлаано лишь очень условно, именно на основаніи не внутреннего смысла его ученія, а лишь наружнаго и образнаго его выраженія. Гераклитъ говоритъ объ огнѣ, какъ началѣ всего, но лишь потому, что огонь, какъ преимущественно подвижная стихія, служитъ изрѣдѣннѣмъ изображеніемъ абсолютной. Центральное понятіе въ мышленіи Гераклита было понятіе процесса, ко-

догль ') — четыре [начала], прибавивъ къ указаннымъ землю. Эти именно стихіи постоянно пребываютъ и не иначе рождаются, какъ въ большемъ или въ меньшемъ количествѣ соединяясь въ одно и разъединяясь изъ одного. 8. Анаксагоръ же Клазоменскій ²⁾, который по возрасту старше послѣдняго, а съ сочиненіями выступилъ позже его, говоритъ, что начала безпредѣльны. Именно, почти все, состоящее изъ одинаковыхъ частицъ (*homomerē*), какъ вода или огонь, по словамъ его, рождается и погибаетъ только посредствомъ соединенія и разъединенія, а иначе не рождается и не погибаетъ, но остается вѣчнымъ.

9. Итакъ, слѣдуя этимъ [философамъ], можно признать то только причиною, что мыслится въ видѣ матеріи, а когда они дальше пошли въ этомъ направленіи, то самое дѣло проложило имъ дорогу къ болѣе глубокимъ изысканіямъ. Ибо если всякое разрушеніе и рожденіе вполне идетъ отъ какого-либо элемента, одного или многихъ, то все-таки [является вопросомъ], почему же оно происходитъ и что за причина этого. Вѣдь, конечно, не самый же субстратъ заставляеть самого себя видоизмѣняться. Я приведу примѣръ: не дерево и не

тому все подтвержено (*πάντα ὑφραῖ καὶ οὐδὲν μένει*) и въ которомъ все одновременно и существуетъ, и не существуетъ (*πάντα εἶναι καὶ μὴ εἶναι*). Что касается ученія объ огнѣ, то Клим. Ал. въ Strom. приводитъ изреченіе Гераклита: „Космосъ ни какимъ-нибудь богомъ, ни человѣкомъ сотворенъ, но былъ, есть и будетъ вѣчно живущій огонь, то воспламеняющійся, то потухающій“. У Плутарха сохранилось еще другое изреченіе того же содержания: „Все измѣняется въ огонь и огонь измѣняется во все, подобно тому, какъ золото превращается въ товаръ и товаръ въ золото“, De El. ar. Delph. 9.

¹⁾ Эмпедоклъ изъ Агригента написалъ два сочиненія: *Καθαρμοί* и *Περὶ φύσεως*; последнее заключало въ себѣ около 2,000 стиховъ и раздѣлялось на 3 книги, изъ которыхъ въ одной говорилось о бытіи, въ другой о происхожденіи предметовъ и явленій природы и въ третьей о человѣкѣ и душѣ. Многочисленные и большіе отрывки ихъ были собраны и объяснены Штурцеиъ, Карстеномъ и Муллакомъ.

²⁾ Анаксагоръ написалъ сочиненіе *Περὶ φύσεως*, отъ котораго много отрывковъ сохранялъ Симплиціи; ихъ собралъ Муллакъ, см. Fragm. phil. graec. За образующій принципъ міра онъ признавалъ разумъ, а за образуемое и матеріальное — „гомойомеріи“. Этотъ послѣдній терминъ былъ впервые имъ введенъ по общему снѣдѣтельству всѣхъ древнихъ писателей, хотя въ дошедшихъ до насъ фрагментахъ онъ ни разу не встрѣчается. Аристотель въ трактатѣ *De generatione et corruptione* говоритъ, что этимъ терминомъ Анаксагоръ обозначалъ частицы, совершенно тождественныя по своей сущности цѣлому, такъ что каждая частица несетъ съ этимъ цѣлымъ одно имя, наприимръ, самая глѣбшійшая частица и большая масса крови одинаково называются кровью.

мѣдъ бываютъ причиною перемѣны самихъ себя, не дѣлаеть же вѣдъ дерево кровати и мѣдъ статуи, а другое нѣчто бываетъ причиною перемѣны. И вотъ искать этого и значить искать другаго начала, или, какъ мы бы сказали, искать, откуда начало движенія.

10. Итакъ, тѣ, которые съ самого начала вышли на этотъ путь изслѣдованія и утверждаютъ, что субстратъ одинъ, не создали себѣ никакой трудности. Но, тѣмъ не менѣе, иные изъ признававшихъ одинъ субстратъ, какъ бы побѣжденные [трудностью] этого вопроса, утверждаютъ, что единое это не движимо и цѣлая природа не движима не только въ отношеніи рожденія и разрушенія (ибо это искони и всѣ признавали), но и въ отношеніи всякой другой перемѣны. И въ этомъ ихъ особенность. Итакъ, изъ тѣхъ, которые утверждаютъ, что „все“ есть „единое“, никому не удалось подмѣнить подобнаго рода причины, кромѣ, пожалуй, Парменида, да и тому лишь на столько, на сколько онъ полагалъ не одно основное начало, а какъ бы два. А тѣмъ, которые принимаютъ больше началъ, конечно, есть больше возможности говорить [о движущей причинѣ], напримѣръ, если кто принимаетъ тепло и холодъ или огонь и землю, ибо они пользуются огнемъ какъ двигательною силою, а водою и землею и т. п. на оборотъ.

11. Послѣ нихъ и послѣ [признанія ими] такихъ началъ, мыслители стали искать, побуждаемые, какъ мы сказали, самою истиной, дальнѣйшаго начала. Ибо причиною того, что одни изъ существъ такъ хорошо обстоятъ (εὖχευ), а другіе столь хорошими и прекрасными рождаются, естественно не можетъ быть ни огонь, ни земля, ни что-либо другое подобное: да этого они и не думали. Опять же не въ лучшемъ положеніи было бы дѣло, еслибы приписать столько значенія самопроизвольности и случаю. 12. Поэтому если кто разумъ призналъ бы причиною основой міра и всего міроваго порядка (τάξις), какъ это есть въ живыхъ существахъ, тотъ бы явился какъ бы трезвымъ среди прежнихъ философовъ, говорившихъ на авось (εἰκλή). Отчетливо коснулся этихъ мыслей, какъ мы знаемъ, Анаксагоръ, а раньше говорилъ объ этомъ, какъ есть основаніе полагать, Гермотимъ Клазоменскій¹⁾.

¹⁾ О Гермотимѣ Клазоменскомъ ничего не извѣстно, кромѣ какъ только изъ этого мѣста Аристотеля. Уже гораздо позднѣе Плиній Старшій въ своей Hist. naturalis, l. VII, с. 53, приводитъ фантастическій разказъ о томъ, что душа Гермотима могла на время отрѣшиться отъ своего тѣла и, побывавъ въ разныхъ мѣстахъ, снова возвращалась въ него, и тогда Гермотимъ разказывалъ о

13. Итакъ, державшіеся этого образа мыслей полагали началомъ всего сущаго одновременно и причину благоустройства міра (τοῦ καλῶς), и причину, откуда во всемъ существующемъ происходитъ движеніе.

IV.

1. Можно подозрѣвать, что Гезіодъ первый выразилъ подобное [мнѣніе], даже еслибы кто другой положилъ въ основу всего сущаго любовь или страсть, какъ это сдѣлалъ и Парменидъ. Ибо послѣдній, изображая происхождение вселенной (τοῦ παντός), говоритъ:

Раньше всѣхъ боговъ онъ насадилъ любовь,

а Гезіодъ [говорить]:

Всего раньше Хаосъ родился,

А потомъ земля широкогрудая

И любовь, которая надъ всѣми безсмертными выдается.

значить во всемъ существующемъ должна быть на лицо какад-нибудь причина, которая приводила бы вещи въ движеніе и соединяла бы ихъ. А въ какое отношеніе ихъ слѣдуетъ поставить, то-есть, кто первый это сказалъ, это мы разберемъ послѣ. 2. А такъ какъ и противоположное доброду оказывалось лежащимъ въ природѣ, то-есть, не только порядокъ и прекрасное, но также и безпорядокъ и безобразное, и даже злого болѣе въ ней, чѣмъ добраго, и дурнаго болѣе, чѣмъ прекраснаго, то поэтому пришлось внести взаимное влеченіе (φιλία) и раздоръ ¹⁾, какъ двѣ соответствующія причины двухъ указанныхъ сторонъ существующаго. 3. Ибо если искать рѣшенія

томъ, что она видѣла въ своихъ странствованіяхъ. Разъ враги его, воспользовавшись этою временною отлучкою души, взяли и бросили его тѣло въ огонь и такимъ образомъ умертвили Гермистра.

¹⁾ Мы уклонились отъ перевода „любовь и раздоръ“, какъ это принято обыкновенно и въ переводахъ, и въ изложеніяхъ древней философіи. Стремясь найдти причину движенія, греческіе философы очевидно, этими словами хотѣли выразить лишь то, что въ природѣ нѣкоторыя тѣла сближаются, влчутся другъ къ другу, а другія не только остаются безразличными, но и стремятся удалиться одно отъ другаго. Чтобы выразить это новое понятіе о соотношеніи между тѣлами природы, они естественно употребили слова, которыя уже были въ ихъ языкѣ для обозначенія подобнаго же явленія въ сферѣ человѣческой жизни, во все не перенося на природу тѣхъ особенностей чувства любви, которыя въ немъ существуютъ помимо того, что оно сближаетъ, влечетъ.

вопроса, слѣдуя здравому размышленію, а не останавливаться на томъ, о чемъ завкается ¹⁾ Эмпедоклъ, то всякій найдетъ, что взаимное влеченіе есть причина добраго, а раздоръ—злаго; такъ что, если бы кто утверждалъ, что Эмпедоклъ, и притомъ перныи, говорилъ какими бы то ни было образомъ о злѣ и добрѣ, какъ объ основныхъ началахъ, то онъ, можетъ быть, былъ бы правъ—конечно, если только причинною основою всего благого служить самое благо: (τὸ ἀγαθόν), а злого самое зло.

4. Итакъ, указавши намъ философы коснулись доселѣ двухъ причинныхъ основъ изъ тѣхъ, которыя мы разграничили въ книгѣ „О природѣ“: матеріи (ἕλη) и того, откуда движеніе, конечно, глухо и вовсе не ясно, подобно тому, какъ поступають въ сраженіи не обученные бойцы: вѣдь и они, поворачиваясь кругомъ, наносятъ часто хорошіе удары, но какъ эти дѣйствуютъ не по правиламъ своего искусства, такъ и тѣ, по видимому, не ясно понимаютъ то, о чемъ говорятъ. Ибо они, оказывается, почти нисколько не пользуются своими выводами, равнѣ только самую малость. 5. Такъ Анаксагоръ пользуется Разумомъ какъ θεο ἐκ μηχανῆς ²⁾ для міроздавія, и когда онъ недоумѣваетъ, по какой причинѣ что-либо необходимо существуетъ, то тащитъ его на сцену, а въ другихъ случаяхъ все [что угодно] выставляетъ причинною, совершающагося, только не разумъ ³⁾. И Эмпедоклъ, хотя нѣсколько болѣе, нежели онъ, пользуется своими причинными основами, но все-таки недостаточно и находитъ въ нихъ

¹⁾ Всюду, гдѣ Аристотель говоритъ объ Эмпедоклѣ, у него проглядываетъ некоторая неприязнь къ этому философу. Быть можетъ, это слѣдуетъ объяснить слишкомъ различнымъ складомъ ума того и другаго. Эмпедоклъ въ очень сильной степени былъ натурою созерцательною. Онъ высказывалъ свои мнѣнія, часто вовсе не заботясь ихъ доказывать, просто какъ взглядъ на природу, не рѣдко болѣе поэтической, нежели основанный на доводахъ разума. Платонъ въ „Симпозіѣ“ называетъ мышленіе Эмпедокла „мягкимъ и измѣненнымъ“ (μαλακώτερος). Въ своихъ сочиненіяхъ, употребивъ какое-нибудь удачное выраженіе, онъ любитъ повторять его еще нѣсколько разъ, прибавляя самъ: „что хорошо, то можно сказать и дважды, и трижды“. По словамъ Діогена Лавртіянскаго, Аристотель считалъ Эмпедокла родоначальникомъ риторическаго искусства. Все это слишкомъ противорѣчило строгому складу мышленія Аристотеля. Сюда присоединяется, быть можетъ, и коренная разница во взглядахъ, напримѣръ, на происхожденіе организмовъ (цѣлесообразное—по Аристотелю, случайное—по Эмпедоклу).

²⁾ Μηχανῆ ὑφ᾽ ἧται τῆ φύ.

³⁾ Въ этомъ же самомъ упрекалъ Анаксагора раньше еще Платонъ въ Федонѣ.

не то, что слѣдуетъ. По крайней мѣрѣ во многихъ мѣстахъ у него взаимное влеченіе раздѣляетъ и раздоръ соединяетъ. Именно всякій разъ когда вселенная ¹⁾ (τὸ πᾶν) раздѣлена раздоромъ на стихіи; огонь соединяется въ одно и также каждая изъ прочихъ стихій; а когда опять всѣ стихіи, вслѣдствіе взаимнаго влеченія сходятся въ одно, частицы каждой стихіи по необходимости опять раздѣляются. 6. Итакъ, Эмпедоклъ первый въ ряду прежнихъ философовъ внесъ эту причину, раздѣливъ ее, потому что принялъ не одно начало движенія, но два различныя и притомъ противоположныя. Кромѣ того, хотя онъ первый принялъ четыре стихіи, рассматриваемыя имъ въ видѣ матеріи, [на дѣлѣ] же онъ пользуется не четырьмя, а какъ бы только двумя: огнемъ самимъ по себѣ и противоположными, именно землею, воздухомъ и водою, какъ одною природою ²⁾. Все это можно извлечь изъ его поэмы ³⁾. 7. Такъ вотъ въ какомъ смыслѣ и сколько началъ признавалъ онъ.

Левкиппъ ⁴⁾ же и его другъ Демокритъ ⁵⁾ стихіями признаютъ „полное“ и „пустое“, какъ бы говоря, что одно есть сущее, а другое не сущее. Именно полное и плотное они считаютъ сущимъ, а

¹⁾ По представленію Эмпедокла, въ началѣ всѣ стихіи покоились неподвижно, соединенныя въ одинъ „круглобойій Сферосъ“ (σφαιρος κυκλωτερης). Но раздоръ разрываетъ это первоначальное единство, и тогда „все въ равнообразныхъ видахъ стремится врозь“. Но въ то же время взаимное влеченіе соединяетъ отдѣльныя частицы въ тѣла. Въ этихъ тѣлахъ, соединенныхъ взаимнымъ влеченіемъ, однако приулетываетъ и раздоръ, и именно въ неорганическихъ тѣлахъ въ большей степени, въ органическихъ тѣлахъ въ меньшей. Неодобрительное замѣчаніе Аристотеля, быть можетъ, вызвано именно этою совѣстимостью и влеченія, и раздора въ одномъ и томъ же.

²⁾ Въ трактатѣ *De generatione et corruptione*, lib. II, c. 3, Аристотель повторяетъ это: „нѣкоторые прямо принимаютъ четыре элемента, какъ Эмпедоклъ. Но и этотъ сводитъ ихъ на два, именно огню онъ противопоставляетъ все прочее“. На этихъ двухъ мѣстахъ Аристотеля утверждается повторенное велии историками мнѣніе, что Эмпедоклъ пользовался четырьмя стихіями какъ двумя.

³⁾ Этого мѣста въ его поэмѣ не сохранилось.

⁴⁾ О Левкиппѣ извѣстно то только, что онъ былъ современникомъ Анаксагора, ученикомъ Парменяда и учителемъ Демокрита. Родномъ его одни считаютъ Милетъ, другіе Элею, третьи Абдеру. Невозможность приписать ему что-либо въ отдаленности отъ Демокрита служить причиною того, что Аристотель, приступая къ изложению атомистическаго ученія, какъ и другіе, называетъ его рядомъ съ Демокритомъ.

⁵⁾ Демокритъ былъ родомъ изъ Абдеръ, іонійской колоніи во Фракіи. По Аполлодору, онъ родился въ 460 году до Р. Х. и умеръ на 90 году жизни.

пустое и не полное несущимъ (потому-то они и утверждаютъ, что сущее несколько не болѣе существуетъ, чѣмъ не сущее, такъ какъ и пустота [не менѣе дѣйствительна], чѣмъ тѣло) ¹⁾. Эти ствхін они

¹⁾ Представленіе о полномъ и пустомъ и особенно приравниваніе ихъ къ сущему и къ не сущему исторична философіи ставятъ въ историческую связь съ влэйскимъ ученіемъ, изъ котораго развился атомизмъ. Именно они говорятъ, что Левкиппъ былъ согласенъ со своимъ учителемъ Парменидомъ въ невозможности происхожденія и исчезновенія (въ абсолютномъ смыслѣ) вещей. Но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ и не хотѣлъ признавать лишь кажущимся наблюдаемаго движенія и разнообразія природы. Но Парменидъ основывался въ своихъ мысляхъ о неподвижности и неизмѣнности сущаго на логической невозможности признать реальнымъ небытіе (*οὐκ ἔστι μὴ εἶναι, οὔτε γὰρ ἄν ἦν οὐκ ἔστιν, οὐ γὰρ ἀφικτόν, οὔτε φράσαις*, говоритъ онъ у Смпл.). Поэтому, чтобы объяснить возможность движенія множественности и переменъ, Левкиппъ и Демокритъ признавали небытіе столь же дѣйствительнымъ, какъ и бытіе. Но существующее, по Пармениду, есть наполняющее пространство, не существующее—пустос. Отсюда ученіе атомистовъ о существованіи пустоты. Въ ихъ представленіи пустота пронизываетъ и смѣшивается съ бытіемъ, такъ что не сама не является соединенною въ одно, ни бытіе не позволяеть оставаться въ видѣ смянутой массы, но разбиваетъ его на множество частицъ, являясь среди нихъ въ видѣ промежутковъ. Однако принимая во вниманіе то, что говорится далѣе, ст. 8: „полагая начала плотнаго и рѣднаго началами вѣднѣній“, можно связывать происхожденіе атомизма и болѣе общимъ образомъ со всѣмъ предыдущимъ развитіемъ греческой философіи. И въ самомъ дѣлѣ, преданіе выводитъ Левкиппа не только изъ Элеи, но и изъ Милета, и его ученіе можетъ быть выведено изъ іонійскаго не менѣе основательнаго, нежели изъ влэйскаго. Дѣло въ томъ, что уже іонійская школа философіи, развивая, что можно было бы съ наибольшою вѣрностью признавать за субстратъ всего, принимала единичныя тѣла за продукты или сжатія, или разрѣженія этого субстрата. Такъ, если вода—субстратъ, то земля есть известная степень сгущенія его, а воздухъ—разрѣженія. Поэтому и Аристотель думалъ, что съ іонійской точки зрѣнія всего правильнѣе было бы принять за субстратъ или огонь, и тогда все считать за его сгущеніе, или землю, и тогда все считать за степени ея разрѣженія (см. далѣе текстъ, гл. VIII, ст. 3—6). Но сгущеніе и разрѣженіе есть только ступени, есть только взаимноосоотнесеніе, и то, къ чему ведутъ эти ступени, что содѣлать собою эти отношенія, есть „пустое“ и „плотное“ въ абсолютномъ смыслѣ. Пустота есть предѣлъ, въ которомъ стремится и которымъ заканчивается всякое разрѣженіе, непроницаемо плотное есть предѣлъ, которымъ завершается всякое сгущеніе, и какъ изъ созерцанія прямой, болѣе или менѣе кривыхъ, могло получиться въ отвлеченіи понятіе о линіи, совершенно чуждой кривизны (прикал), такъ изъ постоянного представленія сгущенія и разрѣженія естественно возникло понятіе о плотномъ и пустомъ. Но разрѣженіе и сгущеніе есть то, что равновѣрно пронизываетъ всю массу сгущающагося и разрѣжняющагося. Отсюда—идея безчисленныхъ малыхъ непроницаемо плотныхъ тѣлъ (атомы, какъ предѣлъ въ идеѣ степеней сгущенія) и пустоты (пары, какъ предѣлъ въ идеѣ разрѣженія). Это и есть атомизмъ.

признавали причинами всего существующаго въ смыслѣ матеріи. 8. И подобно тому какъ принимающіе лежащую въ основѣ вещей сущность за единное, все прочее проявляютъ изъ ея способности къ видоизмѣненіямъ (κλίσεις), точно такимъ же образомъ и эти, полагая понятія плотнаго и рѣдкаго началами измѣненій, утверждаютъ, что извѣстнаго рода различія въ нихъ суть причины всего прочаго. А этихъ различій они считаютъ три вида: форма, порядокъ и положеніе. Именно, они говорятъ, что сущее различается только очертаніемъ (ῥοζήσις), соприкосновеніемъ (διατύχη) ¹⁾ и поворотомъ (τροπή); при чемъ очертаніе—это форма, соприкосновеніе—это порядокъ (τάξις) и поворотъ—это положеніе ²⁾. Такъ *A* отличается отъ *N* формой, *AN* отъ *NA* порядкомъ, а *Z* отъ *N* положеніемъ. Вопросъ же о движеніи, откуда или какъ оно происходитъ во всемъ существующемъ, и эти философы, подобно прочимъ, по небрежности опустили изъ виду.

9. Итакъ, относительно двухъ причинъ, какъ мы говоримъ, потъ на сколько подвинуто дѣло впередъ прежними философами.

V.

1. Въ это же [время] и [еще] раньше названнаго философовъ такъ называемые пифагорейцы ³⁾, предавшись математическимъ занятіямъ, первые выдвинули ихъ впередъ и, пропитанные ими, математическія начала стали считать за начало всего существующаго. 2. А такъ какъ числа по [своей] природѣ суть первичныя [элементы]

¹⁾ ῥοζήσις и διατύχη—мѣстныя абдерскія выраженія, употребленныя Демокритомъ, которыя по поводу Аристотель и переводитъ на греческій литературный языкъ.

²⁾ Въ Физикѣ, кн. I, гл. V, ст. 1, Аристотель лучше поясняетъ два изъ этихъ различій: „Демокритъ признаетъ твердое и чистое, изъ которыхъ первое считается, какъ существующее, а второе, какъ не существующее. Кроме того, онъ различаетъ ихъ по положенію, по формѣ и порядку, а это различныя роды противоположнаго: къ положенію относится понятіе вверху и внизу, впереди и сзади, къ формѣ—уголъ, прямая окружность“.

³⁾ Аристотель никогда не говоритъ о самомъ Пифагорѣ, безъ сомнѣнія, вследствие трудности отличить то, что принадлежитъ ему собственно, отъ того, что было развито въ послѣдствіи многочисленными послѣдователями его ученія. Рѣдкѣе всего выраженія: „въ это же время и еще раньше названнаго философовъ“ указываютъ, безъ сомнѣнія, на то, что онъ имѣетъ въ виду и самого Пифагора и позднѣйшихъ пифагорейцевъ.

ихъ, въ числахъ же они, по видимому, усматривали многія сходства съ существующимъ и съ происходящимъ, гораздо болѣе, чѣмъ въ огнѣ, въ землѣ и въ водѣ (потому что такое-то проявленіе (πάθος) чиселъ [они считали] справедливостью, такое-то—душою и разумомъ, такое-то—благоприятнымъ временемъ [для дѣйствія], словомъ сказать и въ остальномъ подобно этому,—и въ числахъ, кромѣ того, видѣли проявленія и соотношенія (λόγος) музыкальныхъ гармоній; далѣе, такъ какъ имъ казалось, что и въ остальномъ вся природа уподобляется числамъ, числа же суть [вѣчто] первоначальное сравнительно со всею природою, то въ виду всего этого они предположили, что элементы (στοιχεῖα) чиселъ суть элементы всѣхъ существъ и что цѣлое небо есть гармонія ¹⁾ и число. И все, что имѣли указать въ числахъ и въ гармоніяхъ соответственнаго съ движеніемъ (κίνησις) и съ частями неба и съ цѣлымъ міроустройствомъ, все это собирая они прилагали къ дѣлу. 3. А если чего гдѣ не доставало, они старались пополнить, чтобы ученіе у нихъ было связнымъ цѣлымъ. Приведу примѣръ: такъ какъ десятокъ кажется [чѣмъ-то] совершеннымъ и охватываетъ всю природу чиселъ, то они утверждаютъ, что и несущихся по небесному своду [тѣлѣ] десять; а такъ какъ видимо только девять, то они дѣлаютъ еще десятое, противолежащее землѣ (ἀντίχθων)²⁾. 4. Точнѣе все это разграничено нами въ другомъ мѣстѣ ³⁾, а здѣсь заговорили мы объ ихъ ученіи только для того, чтобы и

¹⁾ Для объясненія загадочнаго на первый взглядъ ученія пифагорейцевъ о гармоніи приведемъ слѣдующій отрывокъ изъ Филолая: „такъ какъ начала вещей не подобны и не однородны, то порядокъ между ними былъ бы невозможенъ, еслибы какимъ-либо образомъ не соединила ихъ гармонія. Подобное и однородное, правда, не имѣло нужды въ гармоніи, но различное, неоднородное и несоразмѣрное не могло безъ нея обойтись, когда имъ предстояло сложиться въ носкость“ (этотъ отрывокъ сохранился у Стобея).

²⁾ Въ De Coelo, I, II, cap. XIII, 1, Аристотель такъ говоритъ объ этомъ ученіи пифагорейцевъ: „они утверждаютъ, что въ срединѣ находится огонь, а земля—это одно изъ свѣтилъ (ἀστέρων), которое, несясь кругомъ по срединѣ, производитъ день и ночь. Кромѣ того, они создаютъ другую, противоположную ей землю, которую они называютъ именемъ ἀντίχθων, намекая при этомъ основанія и причины не въ явленіяхъ дѣйствительности, а по какимъ-то своимъ собственнымъ соображеніямъ и мнѣніямъ, притягивая къ дѣлу и стараясь разрасать извѣстія“.

³⁾ Предполагаютъ, что это былъ особый трактатъ, теперь утраченный, который разбиралъ космогоническія представленія пифагорейцевъ. О немъ упоминаетъ Александръ Афродисійскій.

отъ нихъ получить [свѣдѣнія], какія именно начала они полагаютъ и какъ налагаютъ на слѣдъ указанныхъ. 5. Оказывается, что и они ¹⁾ считаютъ число началомъ какъ матерію для существующаго и какъ проявленія и состоянія, элементами же числа считаютъ четное и нечетное, одно изъ нихъ принимая ограниченнымъ ²⁾, другое безграничнымъ, а „единое“ состоитъ, [по ихъ мнѣнію], изъ обоихъ ихъ (именно оно и четно, и нечетно), число же [происходитъ] изъ единого и дѣляя небеса ³⁾, какъ сказано, суть число. 6. Другіе же изъ нихъ ⁴⁾ говорятъ, что есть десять началъ, расположенныхъ соответственно другъ другу: конечное и безконечное, нечетное и четное, одно и множество, правое и лѣвое, мужское и женское, покоящееся и движущееся, прямое и кривое, свѣтъ и тьма, доброе и злое, квадратное и продолговато-четвероугольное. Такимъ же именно образомъ, по видимому, думалъ и Алкеей Кротонскій ⁵⁾, и безъ сомнѣнія, или онъ отъ нихъ, или они отъ него заимствовали это ученіе. Вѣдь Алкеей былъ молодымъ во время старости Пиеагора, а высказывался онъ сходно съ ними (пиеагорейцами) ⁶⁾. Именно, онъ утверждаетъ, что большая часть человѣческихъ дѣлъ ⁷⁾ существуетъ двойко, приводя противоположности, разграниченныя не такъ, какъ у этихъ, но какъ попало, напримѣръ, бѣлое и черное, сладкое и горькое, доброе

¹⁾ То-есть, также, какъ и іонійскіе философы.

²⁾ Πεπερασμένον — ограниченное, у Филолая περάεινον — ограничивающее. Выраженіе Аристотеля противорѣчитъ общему смыслу ученія пиеагорейцевъ о числахъ, потому что тогда совокупность всѣхъ чиселъ (исчерпывающаго четными и нечетными) явится тѣмъ-то пассивнымъ, и притомъ частью неопредѣленнымъ (четные числа), частью-же опредѣленнымъ, но не собственною силою, а тѣмъ то имъ извнѣ лежащимъ. Такъ-какъ съ понятіемъ предела, ограниченія во всей древней философіи было связано предѣленіе о реальномъ бытіи, о томъ совершенномъ, во что черезъ присоединеніе предѣла преобразуется первоначальный хаосъ, то ясно, что въ этомъ случаѣ числа явились бы лишь устроеными началомъ, но не устроившимъ.

³⁾ Слово „небеса“, „οὐρανός“ Аристотель часто употребляетъ въ значеніи „вселенной“.

⁴⁾ Аристотель здѣсь намекаетъ на какое-то развитіе пиеагорейскаго ученія.

⁵⁾ Аристотель нѣсколько разъ упоминаетъ объ Алкеѣ Кротонскомъ, но объ немъ ничего не извѣстно, кромѣ того, что онъ былъ современникомъ Пиеагора.

Во многихъ рукописяхъ этого предложенія нѣтъ, поэтому оно считается вставкою невѣстнаго читателя или переписчика.

⁷⁾ Судя по дальнѣйшему, здѣсь нужно понимать то, о чемъ человѣкъ можетъ судить, а не его собственныя дѣла.

СОДЕРЖАНІЕ
ДВѢТИ-ШЕСТЬДЕСЯТЬ-СЕДЬМОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

—
ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

ОТРАВ.

1. (16-го октября 1889 года). Обь учрежденіи стипендіи при С.-Петербургскомъ 2-мъ реальномъ училищѣ.	3
2. (16-го октября 1889 года). Обь учрежденіи стипендіи при ввонь открытомъ Дерптскомъ правительственномъ двухклассномъ училищѣ для двѣчекъ	—
3. (17-го ноября 1889 года). О закрытіи Гольдингенской гимназій.	4
4. (20-го ноября 1889 года). Обь измѣненіи нѣкоторыхъ параграфовъ устава Дерптскаго университета	—
5. (20-го ноября 1889 года). О правахъ по воинской повинности окончившихъ курсъ въ двухклассныхъ русско-киргизскихъ училищахъ Уральской области	7
6. (2-го ноября 1889 года). О правахъ по воинской повинности штатныхъ помощниковъ классныхъ наставниковъ въ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ правительствомъ или имѣющихъ утвержденныя правительствомъ уставы	—
7. (21-го ноября 1889 года). Обь открытіи I и II классовъ при Минскомъ реальномъ училищѣ	8.
8. (27-го ноября 1889 года). О порядкѣ опредѣленія техническихъ должностей, при занятіи конхъ янца, окончившія курсъ въ высшихъ техническихъ заведеніяхъ, приобретаютъ право на производство въ чины, соответствующіе ихъ ученымъ званіямъ	25
9. (27-го ноября 1889 года). Обь учрежденіи въ Харьковскомъ и Казанскомъ ветеринарныхъ институтахъ должности помощника инспектора.	26

10. (27-го ноября 1889 года). Обь учрежденіи третьей должности инспектора народных училищъ въ Туркестанскомъ краѣ .	27
11. (16-го декабря 1889 года). Обь описаніи форменной одежды для учениковъ Красноуфимскаго промышленнаго училища .	—
12. (16-го декабря 1889 года). О сокращеніи числа стипендій, учрежденныхъ при Тамбовской гимназій .	28
13. (18-го декабря 1889 года). О срокахъ для явнота пособій на содержаніе учебныхъ заведеній .	29

ВЫСОЧАЙШИЯ НАГРАДЫ

7 и 82

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (22-го октября 1889 года). Положеніе о стипендіи при Люблинской мужской гимназій въ память чудеснаго избавленія Ихъ Императорскихъ Величествъ и Августѣйшихъ Дѣтей Ихъ отъ опасности 17-го октября 1888 года .	9
2. (22-го сентября 1889 года). Положеніе о стипендіи при С.-Петербургскомъ второмъ реальномъ училищѣ въ память чудеснаго избавленія Августѣйшей Семьи отъ опасности 17-го октября 1888 года .	10
3. (22-го октября 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени вдовы потомственнаго почетнаго гражданина Юлія Ивановича Бавановой при Александровскомъ Тюменскомъ реальномъ училищѣ .	11
4. (26-го октября 1889 года). Положеніе о стипендіи имени дворянина Ивана Владиславовича Роецкаго при Императорскомъ университетѣ св. Владиміра .	13
5. (21-го ноября 1889 года). Положеніе о стипендіи при Илуктскомъ городскомъ училищѣ въ память событія 17-го октября 1888 года .	14
6. (23-го ноября 1889 года). Положеніе о стипендіи при Московской 3-й гимназій имени бывшаго воспитанника оной Александра Герасимовича Коммиссарова .	—
7. (6-го декабря 1889 года). Положеніе о стипендіи имени умершаго кронштадтскаго 2-я гильдіи купца Николая Ивановича Сидорова при Кронштадтской мужской гимназій .	15
8. (12-го декабря 1889 года). Положеніе о стипендіи имени Василя Филипповича Перласова при Рижской женской Ломоносовской гимназій .	16
9. (14-го декабря 1889 года). Положеніе о стипендіи имени горійскаго гражданина Александра Мелхиседеконича Теръ-Авопова при Горь-Анастасіевской женской прогимназій .	17
10. (14-го декабря 1889 года). Положеніе о стипендіи имени крестьянина Черниговской губерніи Ефрема Иванова Козько при Аванскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ .	18
11. (14-го декабря 1889 года). Положеніе о стипендіи имени умершихъ Павла и Андрея Герасимовичей Камарыныхъ при Рижскомъ городскомъ училищѣ императрицы Екатерины II .	—

12. (14-го декабря 1889 года). Объявление правил для выдачи свидетельств на льготу при отбывании воинской повинности ученикамъ евангелическо-лютеранскихъ сельскихъ училищъ въ губерніяхъ Лифляндской, Курляндской и Эстляндской. 30
13. (21-го декабря 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени мѣщанина Юлія Ильиничны Александровой при Императорскомъ Московскомъ университетѣ 39
14. (9-го января 1890 года). Положеніе о стипендіи имени вдовы коллежскаго совѣтника Маріи Карловны Сухановой при Симферопольской женской гимназіи —
15. (11-го января 1890 года). Положеніе о стипендіи имени торговаго дома Кунсть и Альберсъ 40
16. (12-го января 1890 года). Положеніе о стипендіи имени Ивана-Людвигъ Викентьевича Манцевича при Мяскомъ реальномъ училищѣ. 41
17. (18-го января 1890 года). Положеніе о стипендіи при Рижской женской Домовосовской гимназіи имени Евдокіи Кузьминичны Кузьминой 42
18. (18-го января 1890 года). Положеніе о стипендіяхъ при Александровской Старобѣльской гимназіи имени умершей вдовы дѣйствительнаго статскаго совѣтника Домны Андреевны Демченко 43

ОПРЕДЕЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

- О брошюрѣ: „Руководство къ правильному употребленію знаковъ препинанія. Составилъ *И. К. Гамъ*. Изданіе 4-е“ 19
- О книгѣ: „Фаустъ. Трагедія *Гете*. Переводъ *Н. Голованова*“ —
- О книгѣ: „Латвская грамматика. По *Штеммаху*. Составилъ *В. Никифоровъ*“ —
- О книгѣ: „Великіе римскіе писатели. Очеркъ классической литературы римлянъ. *Г. В. Штолль*. Изданіе *О. Н. Бакета*“ —
- Объ изданіи: „Русскія древности въ памятникахъ искусства. Изданіе графа *И. Толстаго* и *Н. Кондакова*. Вып. I и II“ 20
- О книгѣ: „Святый равноапостольный Князь Владимиръ, просвѣтитель Руся. 900-лѣтіе Руся. *И. П. Матченко*“ —
- О книгѣ: „Учебникъ нѣмецкой грамматики. Составилъ *А. А. Аллендорфъ*. Изданіе 4-е“ —
- О книгѣ: „Синтаксисъ нѣмецкаго языка. Составилъ *Анустъ Гольманъ*. Изданіе 2-е“ —
- О книгѣ: „Основныя понятія о нравственности, правѣ и обществѣ. Составлено по порученію главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній“ —
- О книгѣ: „Очеркъ ученія о предсказаніи погоды (Синоптическая метеорологія). Составилъ *М. Поморцевъ*“ 21
- О брошюрѣ: „Надо ли бояться грома и молніи? Составилъ *И. К. Гамъ*“ —

О книгѣ <i>Г. Нидерле</i> . „Грамматика греческаго языка. Часть I. Этимология. Перевелъ <i>И. Мейерс</i> . Изданіе 4-е“	21
О книгѣ <i>В. В. Латвишевъ</i> : „Очеркъ греческихъ древностей. Ч. 2-я“.	—
О книгѣ: „Народная проповѣдь Иисуса Христа. Священника <i>А. С. Смирнова</i> . Выпускъ I“	44
О брошюрѣ: „Бъ сопряженію глаголовъ. <i>С. Крапча</i> “	—
О книгахъ: 1) „Русская хрестоматія. Составилъ <i>Левъ Поливановъ</i> . Части I—III“, и 2) „Краткій учебникъ русской грамматики. Изданіе 8-о“.	—
О книгѣ: „Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школы. Томъ I. <i>В. Мартыновскій</i> . Изданіе 3-о“	45
Объ изданіи: „Сочиненія <i>М. Н. Заюшкина</i> . Семь томовъ“.	—
О книгѣ: „Эпика <i>Вергилия</i> . I—VI“	—
О книгѣ: „Упражненія въ переводѣ съ русскаго на латинскій и обратно. Составлено <i>В. Зубковымъ</i> “	—
О книгѣ: „Краткая латвская фразеологія. Составилъ <i>И. Семеновичъ</i> “	46
О книгѣ: „Сборникъ статей для перевода съ русскаго языка на латинскій. Составилъ <i>С. И. Гинтовичъ</i> “.	—
О книгѣ: „Избранныя стихотворенія П. Овидія Назона. Составлено <i>Андреемъ Адольфомъ</i> “	—
О книгѣ: „Систематическій курсъ ариметики. Составилъ <i>А. Киселевъ</i> “	—
О брошюрѣ: „Образцы письменныхъ работъ по ариметикѣ. Составилъ <i>М. Корякинъ</i> “	—
О книгѣ: „Methodisch geordnete Aufgaben für das Kopf- und Tafelrechner von <i>Richard Kalnin</i> “	—
О книгѣ: „Периклъ. Историко-критическій этюдъ <i>В. Бузескула</i> “	—
О книжкѣ: „Первая учебная книжка нѣмецкаго письма и чтенія по звуковому методу. Составилъ <i>Г. М. Цирклеръ</i> “	47
О книгѣ: „Учебникъ нѣмецкаго языка. Составилъ <i>Иванъ Александровъ</i> “	—
О книгѣ: „Нѣмецкій языкъ. Составилъ <i>С. Чекала</i> “.	—
О книжкѣ: „Народныя сказки. Составилъ <i>С. Чекала</i> “.	—
О книжкѣ: „Kurzgefasste Schulgrammatik der deutschen Sprache. Von <i>S. Csekala</i> “	—
О книжкѣ: „Kurzgefasste Schulgrammatik der deutschen Sprache. Von <i>S. Csekala</i> “	—
О книгѣ: „Grundzüge der deutschen Grammatik für höhere Lehranstalten und zum Selbstunterricht nebst Regeln und Wörterverzeichnis für die deutsche Rechtschreibung. Составилъ <i>Е. М. Микельсъ</i> “	48
О книгѣ: „Русско-нѣмецкій и нѣмецко-русскій словарь. Составилъ <i>Н. Ленстремъ</i> “.	—
О книгѣ: „Школьная діететика. Изложилъ <i>В. Фармаковский</i> . Изданіе 7-е“.	—
О журналѣ: „Zeitschrift von Volkakunde herausgegeben von Dr. <i>Edmund Veckenstedt</i> “.	—
О книгѣ: „Простые разказы о садоводствѣ. Составилъ <i>А. Ф. Комаровъ</i> . Изданіе 2-е“.	—

- О книгѣ: „Полезныя свѣдѣнія о разведеніи картофеля на огородахъ и о сохраненіи его отъ загниванія. Составилъ В. А. Соловьевъ“ . 49
- О книгѣ: „Методика ручнаго труда по системѣ Соломона, директора Нееской учительской семинаріи. Изложилъ В. Фармаковский“ . —

ОПРЕДЕЛЕНІЯ ОСОБОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

- О книгѣ „А. Лесс: „Первоначальныя упражненія въ ариметикѣ. Изданіе 3-е“ . 49
- О книгѣ: „Русская литографированная хрестоматія. Составилъ Ѡ. Г. Подоба“ . —
- О брошюрѣ: „Императоръ Николай Павловичъ подъ Черниговомъ. И. Ф. Федорова“ . —
- О книгѣ: А. Сливинскій, „Дядька Квасонъ“ . —
- О брошюрѣ: „Стрѣлочникъ. Г. Давилевскаго“ . 50
- О книгѣ: „Сборникъ духовныхъ стихотвореній для дѣтей. Составилъ И. Н. Малюковскій“ . —
- О книгѣ: „Разказы о Петрѣ Великомъ. В. Сорокина. Изд. 2-е“ . —
- О книгѣ: „Книга для чтенія въ школахъ и дома. Выпускъ 1-й. Составилъ Е. Де-Витте“ . —
- Официальныя извѣщенія 21

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

- Ѡ. И. Успенскій. Патріархъ Іоаннъ VII Граматикъ и Русь-Дромнты у Симеона Магистра 1
- И. М. Влаговѣщенскій. Десятая сатира Ювенала . 35
- В. М. Шимкевичъ. Задачи современной зоологіи . 72
- И. П. Филевичъ. Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимірское наслѣдіе 95 и 245
- А. Н. Красновъ. Географія какъ новая университетская наука. 238
- И. А. Тихомировъ. Первая Псковская лѣтопись послѣ наденія Пскова . 245
- А. И. Маркевичъ. Разрядная книга въ Парижской національной библіотекѣ 803

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

- П. А. Смирку. Glasnik zemaljskog muzeja u Bosni i Hercegovini. Sarajevo. 1889. 136 и 310
- И. В. Помяловскій. Cours d'épigraphie latine. Par René Sarmat. Paris. 1889. 156
- И. А. Козеко. А. А. Гумоев. Лѣтопись Двинская. Москва. 1889. 167
- А. Д. Барнѣевъ. Новѣйшія изслѣдованія о Филологѣ 172

П. М. М. Дѣятельность земства по устройству осудо-сберегательныхъ товариществъ. П. А. Соколовскаго. С.-Пб. 1890	208
В. И. Модестовъ. Отвергъ на рецензію г. Зѣлинскаго	212
А. О. К. С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). Томъ I. С.-Пб. 1886—1889	346
К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Великіе и удѣльные князья Сѣверной Россіи въ татарскій періодъ съ 1288 по 1505 годъ. А. В. Эскенлярскаго. Т. I. С.-Пб. 1889	353
А. Н. Веселовскій. Dvě povědky v české literatuře XV století. <i>Jirí Polívka</i> . V Praze. 1889	356
П. М. М. И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1768 года. В. Н. Виттескаго. Вып. 1—2. Казань. 1889—1890 .	360
Н. И. Веселовскій. Сношенія Россіи съ Кавказомъ С. Блюкурова. Вып. I. М. 1889	386 и 386
Книжныя новости	230

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

Т. И. Филипповъ. О началахъ русскаго воспитанія	1
Графъ А. Н. Мусинъ-Пушкинъ. Народное образованіе въ Италіи	33
Ю. А. Кулаковскій. По поводу предполагаемаго русскаго учебнаго изданія классическихъ авторовъ	100
Наша учебная литература (разборъ 14 книгъ)	12

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Пятидесятилѣтіе Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей	1
Императорская Академія Наукъ	49
Наша учебная заведенія: Университетъ св. Владиміра въ 1888 году.	5
П. Я. В. О черногорскомъ гражданскомъ уложеніи, его направленіи и методѣ его составленія	13
Л. Л — ръ. Письмо изъ Парижа.	37

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

L. Mueller. De Aesii fabulis	1
В. В. Латышевъ. Къ исторіи города Ольвіи	62
О. О. Дуньякъ. Къ вопросу объ отношеніяхъ Демосоева къ Исократу	72
В. В. Розановъ. {	
И. И. Червовъ. { Метафизика Аристотеля	82

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогичи и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтлонисъ учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородныя также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за года 1869, 1870, 1871, 1875 (съ мартовской книжки) и всѣ слѣдующіе, платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

